UNIVERSITY OF TORONTO
3 1761 00295308 1

Книга должна быть возвращена не позже
указанного здесь срока

Колич. предыд. выдач

Зак. № 9870

ПОЛНОЕ СОБРАНІЕ СОЧИНЕНІЙ

Н. Г. ЧЕРНЫШЕВСКАГО

въ 10 томахъ съ 4 портретами.

7-45

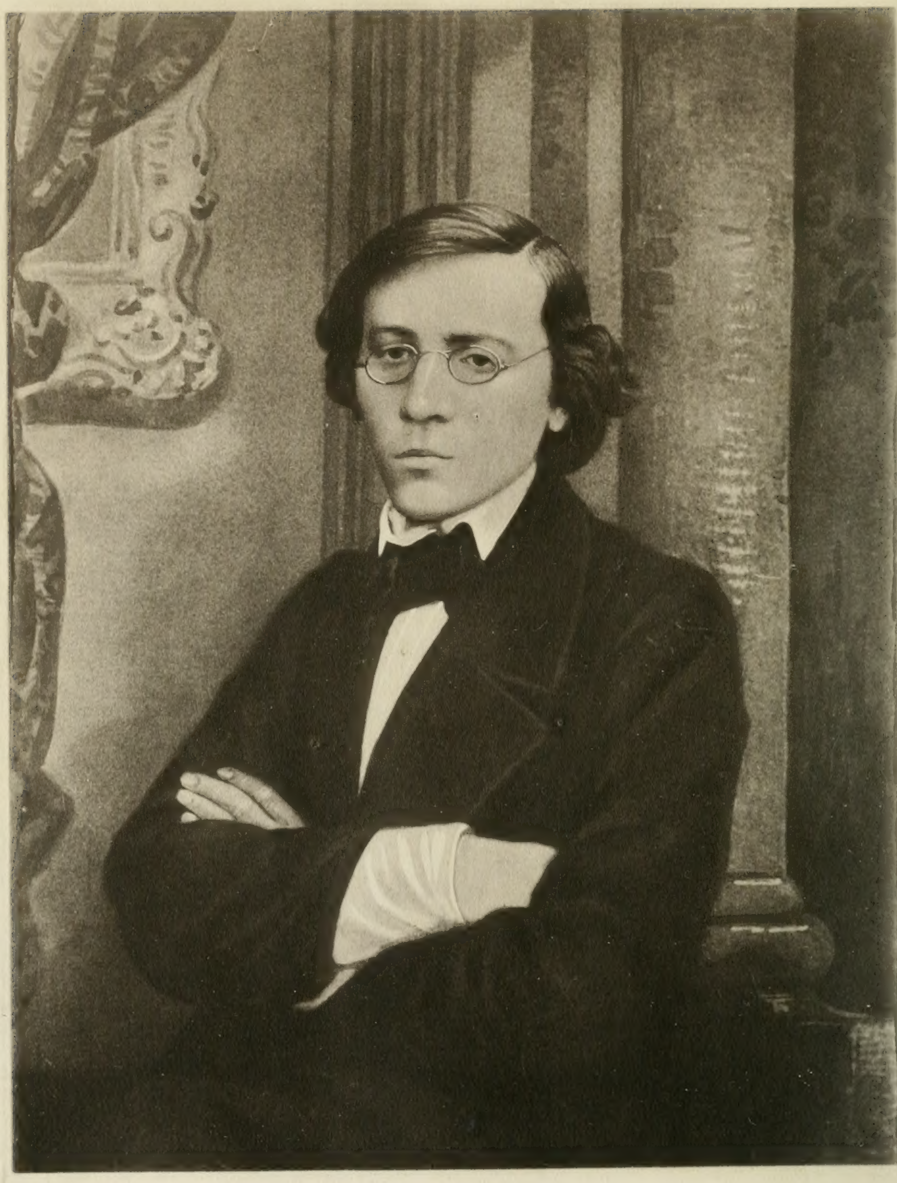
Томъ VIII.

Современникъ 1861.

(Критика и библіографія. Статьи экономическія. Отдѣлъ „Политика“).

Изданіе М. Н. Чернышевскаго.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Типографія Ц. КРАЙЗА. Театральная пл., 4.
1906.



Н. Чернышевскій

ПОЛНОЕ СОБРАНІЕ СОЧИНЕНІЙ

Н. Г. ЧЕРНЫШЕВСКАГО

въ 10 томахъ съ 4 портретами.

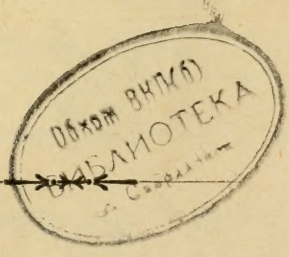
Томъ VIII.

Современникъ 1861.

(Критика и библіографія. Статьи экономическія. Отдѣлъ „Политика“).

Изданіе М. Н. Чернышевскаго.

8407



С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Типографія Ц. КРАЙЗА. Театральная пл., 4.
1906.

PG
3321
C6
1906
t.8

LIBRARY
APR 1 1970

ОГЛАВЛЕНІЕ:

Современникъ 1861 г.

		стран.
№ 1.	**Кредитныя дѣла**	1
	Библіографія: Политико-экономическія письма къ президенту Американскихъ Соединенныхъ Штатовъ, Г. К. Кэре.	26
	— О настоящемъ бытѣ мѣщанъ Саратовской губерніи, записка П. А. Гана.	38
	— Новыя періодическія изданія: Основа, 1861, № 1	48
	Время, № 1	60
	Свѣдѣнія о числѣ подписчиковъ на „Современникъ" 1860 г.	67
	Свистокъ: Отвѣтъ на вопросъ, или освистанный вмѣстѣ съ другими журналами „Современникъ"	76
№ 2.	**Предисловіе къ нынѣшнимъ Австрійскимъ дѣламъ**	79
	Что слѣдуетъ сдѣлать „Русскому Обществу Пароходства и Торговли"?	107
№ 3.	**Библіографія:** Стихотворенія А. Н. Плещеева	118
№ 4.	**Библіографія:** Начала народнаго хозяйства, В. Рошера. Переводъ И. Бабста	129
	— Картины изъ русскаго быта, Владиміра Даля	141
№ 5.	**О рекрутской повинности**	145
	О причинахъ паденія Рима (подражаніе Монтескье)	156
	Библіографія: Краткое изложеніе русской исторіи. Составилъ Н. Тимаевъ	178
	— Краткій учебникъ Всеобщей Исторіи. Составилъ Н. Тимаевъ	180
	— Тетрадь Всеобщей Географіи. Составилъ М. Тимаевъ	181
	— Письма русскихъ государей и другихъ особъ царскаго семейства.	183
№ 6.	**Непочтительность къ авторитетамъ** (Демократія въ Америкѣ, Ал. Токвилля)	189
	Графъ Кавуръ	207
№№ 6 и 7.	**Полемическія красоты:** Коллекція первая. Красоты, собранныя изъ Русскаго Вѣстника	221
	— Коллекція вторая: Красоты, собранныя изъ Отечественныхъ Записокъ	243
№ 7.	**Національная безтактность** (Слово. Рочникъ первый)	279
№ 10.	**Русскій реформаторъ** (Жизнь графа Сперанскаго. Соч барона М. Корфа)	292
	Народная безтолковость (День, №№ 1 и 2)	320
№ 11.	**Не начало ли перемѣны?** (Разсказы Н. В. Успенскаго)	339
	Н. А. Добролюбовъ, некрологъ	360
№ 12.	**Библіографія:** Характеристики изъ сравнительнаго землеописанія и этнографіи, В. Пютца	365

Политика.

(Особый отдѣлъ „Современника“).

СТРАН.

№ 1. Расторженіе сѣверо-американскаго союза.—Европейскія дѣла 367
№ 2. Европейскія дѣла 389
№ 3. Организаціонные законы 26 февраля.—Венгерскія отношенія. Французскіе клерикалы 411
№ 4. Австрійскія дѣла.—Великодушіе Кавура надъ Гарибальди.—Объявленіе войны въ Сѣверной Америкѣ 426
№ 5. Американскія дѣла.—Положеніе дѣлъ въ Италіи и Венгріи 437
№ 6. Французскія дѣла.—Вѣнскій Имперскій Совѣтъ и адресъ Венгерскаго сейма 458
№ 7. Тактика венгерскихъ радикаловъ.—Кроатскій сеймъ.—Нѣмцы и славяне на Вѣнскомъ сеймѣ.—Пренія въ англійской палатѣ общинъ объ уступкѣ острова Сардиніи.—Перемѣщеніе лорда Росселя въ палату пэровъ.—Сѣверо-американскія дѣла 468
№ 8. Американскія дѣла и отношенія къ нимъ Англіи.—Пораженіе союзныхъ войскъ при Манассасѣ, его причины и послѣдствія.—Назначеніе главнокомандующимъ союзной арміи Макъ-Клелланда.—Финансовыя мѣры, принятыя конгрессомъ.—Объявленіе свободными негровъ, которыхъ владѣльцы приняли участіе въ войнѣ противъ союза.—Сраженіе при Спрингфильдѣ.—Венгерскія дѣла: послѣдній адресъ венгровъ и распущеніе пештскаго сейма.—Италія: реакція въ Неаполѣ подъ видомъ разбойничьихъ шаекъ 482
№ 9. Римскій вопросъ.—Слухи объ уступкахъ со стороны Вѣны венграмъ. Сѣверо-американскія дѣла 501
№ 10. Шалонское свиданіе.—Коронованіе короля Прусскаго.—Поѣздка Раттацци въ Парижъ.—Военное положеніе въ Венгріи.—Сѣверо-американскія войска. 510
№ 11. Министерство Фульда.—Шаткость министерства Рикасоли.—Дѣло объ арестѣ Мезона и Слайделля.—Бьюфордскіе негры 519

Предисловіе издателя къ VIII тому.

I.

Къ настоящему тому прилагается портретъ Н. Г. Чернышевскаго 1859 г. Портретъ этотъ, исполненный фототипіей въ Прагѣ, въ ателье извѣстнаго чешскаго графическаго товарищества „Унія“, предполагался для вышедшаго 1 ноября 1905 г. VII тома, но послѣдовавшія желѣзнодорожныя забастовки помѣшали своевременному доставленію этого портрета изъ-за границы.

II.

По поводу выпускаемаго нынѣ впервые полнаго собранія сочиненій Н. Г. Чернышевскаго мною получено нѣсколько замѣчаній:

1) Мнѣ ставятъ въ упрекъ, что, не кончивъ стараго изданія нѣкоторыхъ статей моего отца, я приступилъ къ новому изданію въ такомъ его видѣ, что лишилъ возможности купившихъ прежнее изданіе пополнить недостающія статьи покупкою лишь нѣсколькихъ новыхъ книгъ.

Могу замѣтить, что старое изданіе было начато мною 12 лѣтъ тому назадъ и представляло случайный сводъ лишь нѣкоторыхъ разрѣшенныхъ цензурою статей. Хотя эти статьи и были, по возможности, сгруппированы по своему характеру, но эта группировка была неполная, не говоря уже о сдѣланныхъ въ нѣкоторыхъ статьяхъ (Лессингъ и Замѣтки о журналахъ) цензурныхъ сокращеніяхъ. Поэтому продолжать изданіе въ такомъ же видѣ и теперь я уже не счелъ возмож-

нымъ. Кромѣ того, продолженіе изданія въ старомъ видѣ едва ли было бы выгодно и для покупателей: при старомъ форматѣ все изданіе должно было составить 17 или даже 18 томовъ, причемъ пріобрѣтеніе для старыхъ покупателей однихъ только недостающихъ статей обошлось бы дороже чѣмъ пріобрѣтеніе всего новаго изданія.

2) Выражается опасеніе, что новое изданіе будетъ неполное, такъ какъ въ опубликованной программѣ изданія не указано многихъ статей.

Нѣтъ—изданіе предполагается именно „полное“ и въ него должны войти всѣ статьи моего отца, какъ напечатанныя (въ Россіи и заграницею), такъ и ненапечатанныя, рукописи которыхъ сохранились у меня. Опубликованная программа изданія представляетъ собою лишь схему хронологическаго порядка статей, напечатанныхъ главнымъ образомъ въ Современникѣ: подробный же перечень этихъ статей я не имѣлъ возможности выпускать въ видѣ публикаціи, такъ какъ этотъ перечень занимаетъ нѣсколько печатныхъ страницъ. Прилагаю при настоящемъ томѣ подробное содержаніе всѣхъ 10 томовъ.

3) Указывается на желательность приложенія къ изданію біографіи или матеріаловъ для біографіи, а также библіографическаго указателя статей о Н. Г. Чернышевскомъ.

Постараюсь удовлетворить это желаніе, если и не вполнѣ, то по мѣрѣ возможности. Дѣло въ томъ, что за скудностью опубликованныхъ до настоящаго времени матеріаловъ едва ли еще возможно пока приступить къ составленію полной біографіи моего отца. Различнаго же рода отдѣльныя статьи біографическаго характера, воспоминанія и т. п., которыя не могли быть до сихъ поръ напечатаны по цензурнымъ условіямъ, вѣроятно не замедлятъ появиться въ свѣтъ и помимо моего изданія.

Въ частности, по поводу библіографическаго указателя, долженъ замѣтить, что хотя у меня и имѣется довольно подробный списокъ статей о моемъ отцѣ, но всетаки въ немъ возможны и пропуски. Еще не такъ давно, по цензурнымъ условіямъ, нельзя было писать сочувственныхъ статей о Чернышевскомъ, и бывали случаи, когда въ такой статьѣ не упоминалось его имя. Собираніе свѣдѣній о подобныхъ статьяхъ представляетъ для библіографа большую трудность,

а потому, въ интересахъ самихъ читателей, я очень просилъ бы лицъ, знающихъ о такихъ статьяхъ (да и вообще о какихъ бы то ни было статьяхъ о моемъ отцѣ—для болѣе тщательной провѣрки моего списка—помочь мнѣ своими указаніями, которыя будутъ приняты мною съ великою благодарностью. Всѣ эти свѣдѣнія я просилъ бы присылать на мое имя по слѣдующему адресу: Петербургъ, Большая Зеленина ул., д. № 9, кв. № 6. Михаилу Николаевичу Чернышевскому.

III.

Постоянно прерываемый правильный ходъ дѣла въ петербургскихъ типографіяхъ лишилъ меня возможности соблюсти обѣщанные сроки выпуска второй и третьей книги моего изданія. Но несмотря на всѣ тяжелыя условія настоящаго времени изданіе продолжается и слѣдующіе томы печатаются своимъ порядкомъ.

IV.

Разбирая рукописи моего отца, я нашелъ (уже послѣ составленія общаго плана изданія) довольно много ненапечатанныхъ произведеній, въ особенности Сибирскаго времени, считавшихся уничтоженными. Весьма возможно, поэтому, что, въ виду значительнаго объема этихъ статей, указываемое ниже содержаніе X тома придется раздѣлить на двѣ книги и выпустить еще томъ XI. Цѣна изданія, однако, по подпискѣ, до выхода послѣдняго тома — остается прежняя: 15 руб. безъ пересылки. Съ выходомъ же послѣдняго тома цѣну придется повысить.

Мих. Чернышевскій.

Содержаніе I тома.

Отечественныя Записки 1853 г.

№ 7. Библіографія: О сродствѣ языка славянскаго съ санскритскимъ, состав. А. Гильфердингъ.
— Dichterkanon (собраніе поэтовъ), доктора Нейкирха.

Отечественныя Записки 1854 г.

№ 5. Библіографія: Федонъ, или о безсмертіи души, М. Мендельсона, перев. В. Мызникова.
№ 6. Библіографія: Справочный Энциклопедическій Словарь, изд. подъ ред. А. Старчевскаго, т. 7.
№ 9. Критика: О поэзіи. Сочиненіе Аристотеля, перев. Б. Ордынскій.
№ 11. Библіографія: Справочный Энциклопедическій Словарь, изд. подъ ред. А. Старчевскаго, т. 3.
№ 12. Библіографія: Пѣсни разныхъ народовъ, переводъ Н. Берга.

Отечественныя Записки 1855 г.

№ 1. Критика: Путешествія А. С. Норова.
№ 3. Библіографія: Осада и взятіе Византіи Турками, истор. изслѣдованіе М. Стасюлевича.

Атеней 1858 г.

№ 3. Критика: Русскій человѣкъ на rendez-vous. Размышленія по прочтеніи повѣсти г. Тургенева «Ася».

Современникъ 1854 г.

№ 1. Библіографія: Габріэль, ком. Эмиля Ожье.
№ 2. Критика: Романъ и повѣсти М. Авдѣева.
№ 5. Критика: Три поры жизни, ром. Е. Туръ.
— Бѣдность не порокъ, ком. А. Островскаго.
№ 6. Библіографія: О землѣ, какъ элементѣ богатства, А. Львова.
№ 7. Объ искренности въ критикѣ.
№ 10. Библіографія: Исторіи Россіи съ древнѣйшихъ временъ, соч. С. Соловьева. т. IV.
— Историческое значеніе царствованія Алексѣя Михайловича, соч. П. Медовикова.
— О сродствѣ языка славянскаго съ санскритскимъ, сост. Гильфердингъ.—Объ отношеніи языка славянскаго къ языкамъ родственнымъ, изслѣдованіе А. Гильфердинга.
— Комнатная магія, соч. Г. Ф. Амарантова.
— Первая любовь, пов. А. К-ва.

№ 11. Критика: Пѣсни разныхъ народовъ, перевелъ Н. Бергъ.
№ 12. Критика: Временникъ Императорскаго Московскаго Общества Исторіи и Древностей Россійскихъ, книги 16, 17, 18 и 19.
Библіографія: Учебникъ русской словесности, А. Охотина.

Современникъ 1855 г.

№ 1. Библіографія: Московская самоварница, сочин. Петра Мед....а.
— Магазинъ землевѣдѣнія и путешествій. Геогр. сборникъ, изд. Н. Фроловымъ.
№ 2. Библіографія: Историческая записка, рѣчи, стихи и отчеты Императ. Московскаго Университета, читанные на торжественномъ собраніи 12 янв. 1855 г. по случаю его столѣтняго юбилея.
— Италія. Письма изъ Венеціи, Рима и Неаполя. В. Д. Яковлева.
— Крымъ съ Севастополемъ, Балаклавою и другими его городами.
— Русское посольство въ Польшѣ въ 1673—1677 годахъ, соч. А. Попова.
— Исторія Рима отъ основанія города до Рождества Христова, М. Богоявленскаго.
— Обозрѣніе трактатовъ о морскомъ торговомъ нейтралитетѣ, сост. Л. Д.
— Описаніе замѣчательнѣйшихъ лабораторій Германіи и Бельгіи. Составлено Петромъ Кочубеемъ.
— Осада и взятіе Византіи турками. Сочиненіе М. Стасюлевича.
№№ 2, 3, 7 и 8. Критика: Сочиненія Пушкина, изд. П. В. Анненкова.
№ 3. Библіографія: Россійская родословная книга, издаваемая княземъ Петромъ Долгоруковымъ, части 1 и 2.
— О времени происхожденія славянскихъ письменъ, соч. О. Бодянскаго.
— Русская геральдика, соч. А. Лакіера.
— Новыя повѣсти, разсказы для дѣтей.
№ 4. Библіографія: Біографическій словарь профессоровъ и преподавателей Имп. Московскаго Университета.—Исторія Имп. Московскаго Университета, написанная къ столѣтнему его юбилею проф. С. Шевыревымъ.
— О правахъ иностранцевъ въ Россіи до вступленія Іоанна III Васильевича на престолъ Великаго Княжества Московскаго, соч. И. Андреевскаго.
— Грамматическія замѣтки. В. Классовскаго.
№№ 4 и 5. Критика: Пропилеи. Сборникъ статей по классической древности, издаваемый П. Леонтьевымъ.
№ 5. Библіографія: Отчетъ Императорской Публичной Библіотеки за 1854 г.
— О древне-русскихъ училищахъ. Разсужденіе Н. Лавровскаго.
— О времени происхожденія славянскихъ письменъ, сочиненіе О. Бодянскаго.
— О литературныхъ партіяхъ въ Римѣ въ вѣкъ Августа, соч. Н. Благовѣщенскаго.
— Повѣсть о Цареградѣ, изд. И. Срезневскаго.
— Политическое равновѣсіе и Англія, соч. И. В. Вернадскаго.
— Высшій курсъ русской грамматики, сост. Влад. Стоюнинымъ.
— О договорѣ Новагорода съ нѣмецкими городами и Готландомъ, заключенномъ въ 1820 г., соч. Ивана Андреевскаго.
№ 6. Библіографія: Азовское сидѣніе. Н. Кукольника.
— О жизни и ученыхъ трудахъ Френа, соч. П. Савельева.
— Записки Русскаго Географическаго Общества. Книжка X.
— Отчетъ Императорскаго Русскаго Географическаго Общества за 1855 г.
— Подвигъ матери, сочин. Ореста Миллера.
— Новѣйшій полный русскій пѣсенникъ.
— Крымская экспедиція, перев. съ французскаго.
— Записки о войнѣ 1813 г. въ Германіи. Генералъ-майора Н. Ортенберга.
— Пріятное препровожденіе времени или собраніе употребительнѣйшихъ фантовъ.
№ 8. Библіографія: Восточная война, ея причины и послѣдствія.
— Новыя письма о химіи, Юстуса Либиха. Перев. А. Іохера.
— Полное историческое извѣстіе о древнихъ стригольникахъ, собранное протоіереемъ Андреемъ Іоанновымъ.

— Игра пикетъ, написанная и изданная П. С. Вишневскимъ.
— Изслѣдованіе о лѣтописи Якимовской. Составилъ П. А. Лавровскій.
№ 9. Библіографія: Архивъ историко-юридическихъ событій, относящихся до Россіи, издаваемый Николаемъ Калачовымъ.
— Учебныя руководства для военно-учебныхъ заведеній.—Руководство начальной геометріи.
— Православный Собесѣдникъ, издаваемый при Казанской Духовной Академіи.
— Разсказъ солдата Сидорова при бомбардированіи Севастополя англо-французами.
— Практическое руководство къ производству уголовныхъ слѣдствій, составленное по своду законовъ Ив. Оболенскимъ.
— Палитра, новыя стихотворенія.
— Послѣдній вечеръ новобранца въ родительской семьѣ. — Чувство и любовь къ престолу и отечеству, — Описаніе бомбардированія англичанами Соловецкаго монастыря. — Обхожденіе русскихъ съ врагами. — Доблестные подвиги русскихъ воиновъ.
— Актъ восьмаго выпуска студентовъ Главнаго Педагогическаго Института 20 іюня 1855 г.
— Учрежденіе Юрьевскаго Общества сельскаго хозяйства съ отчетомъ за 1854 г.
— Записки Юрьевскаго Общества сельскаго хозяйства за 1854 — 1855 г.г.
— О званіи генерала, сочиненіе Дюра-Ласаля, перевелъ г. Сведерусъ.
— Венгерская грамматика съ русскимъ текстомъ и въ сравненіи съ чувашскимъ и черемисскимъ языками, составленная титулярнымъ совѣтникомъ Андреемъ Дешко.
№ 10. Библіографія: Въ воспоминаніе 12 января 1855 г. Учено-литературныя статьи профессоровъ и преподавателей Императорскаго Московскаго Университета, изданныя по случаю его столѣтняго юбилея.
— Библіотека для дачъ, пароходовъ и желѣзныхъ дорогъ, изд. А. Смирдина. I. «Аптекарша», повѣсть графа В. А. Соллогуба.
— Полное собраніе сочиненій русскихъ авторовъ. Сочиненія Н. Греча.
— О цѣнахъ на хлѣбъ въ Россіи. А. Н. Егунова.
— Учебныя руководства для Военно-Учебныхъ заведеній. Руководство Статистики Россіи. Составлено А. Соколовскимъ.
— Премудрость и благость Божія въ судьбахъ міра и человѣка.
— Сказаніе о странствіи и путешествіи по Россіи, Молдавіи, Турціи и Святой Землѣ инока Парѳенія.
— Слова и поученія на воскресные и праздничные дни. Протоіерея Іоанна Халколиванова.
№ 11. Библіографія: Сельско-хозяйственная статистика Смоленской губерніи. Составлена Яковомъ Соловьевымъ.
— Полное собраніе сочиненій русскихъ авторовъ. Сочиненія Василія Львовича Пушкина и Д. В. Веневитинова.
— Матеріалы къ ученію объ огнестрѣльныхъ ранахъ, д-ра Г. Шульца, перев. съ нѣмецкаго А. Кашинъ.
— Археологическіе и нумизматическіе отрывки, П. Савельева.
— Права и обязанности домовладѣльцевъ, управляющихъ домами и жильцовъ въ С.-Петербургѣ, Москвѣ и другихъ городахъ.
№ 12. Библіографія: О значеніи практики къ системѣ современнаго юридическаго образованія. Д. Мейера.
— Памятная книжка Императорскаго Александровскаго Лицея на 1855--1856 г.г.
— Цыганенокъ, повѣсть для дѣтей. П. М. Шпилевскаго.
— О бытѣ крестьянъ въ Казанской губерніи.
— О значеніи и постепенномъ учрежденіи сельско-хозяйственныхъ обществъ въ Россіи. С. Пахмана.
— Ложь и дѣйствительность восточной войны. Сочиненіе Виктора Жоли.
— Руководство къ всеобщей исторіи. Сочиненіе Ф. Лоренца.

Содержаніе II тома.

Современникъ 1855—1856 г.г.

1855, № 12 и 1856 №№ 1, 2, 4, 7. 9—12. Очерки Гоголевскаго періода русской литературы.
Глава I.—Общія замѣчанія.—Н. А. Полевой.
Глава II.—Сенковскій (баронъ Брамбеусъ).
Глава III.—Погодинъ.—Кирѣевскій.—Шевыревъ.—Кн. Вяземскій.—Плетневъ.
Глава IV.—Надеждинъ.
Глава V.—Надеждинъ.—Бѣлинскій.
Глава VI.—Бѣлинскій.
Глава VII.—Бѣлинскій.
Глава VIII.—Бѣлинскій.
Глава IX.—Бѣлинскій.
1856, № 1. Библіографія: Основьяненко. Сочиненіе Григорія Данилевскаго.
— Лейтенантъ и Поручикъ, быль временъ Петра Великаго, сочиненіе Константина Масальскаго.
— Мѣсяцесловъ на 1856 г.
— Думы современной Россіи. Александры Ступиной.
— Правила составленія употребительнѣйшихъ въ строительномъ искусствѣ мастикъ и проч., сочиненіе И. Лейхса.
— Гражданскіе законы Псковской Судной грамоты, сочин. И. Энгельмана.
— Указатель для обозрѣнія Московской Патріаршей (нынѣ Синодальной) Ризницы и библіотеки. Составленъ архимандритомъ Саввою.
— О плѣнныхъ по древнему русскому праву. А. Лохвицкаго.
— Историческія свѣдѣнія о примѣчательнѣйшихъ мѣстахъ въ Бѣлоруссіи. Составлены Генералъ-маіоромъ М. О. Безъ-Корниловичемъ.
— Мельница близъ села Ворошилова. Простонародный разсказъ дяди Аѳанасія.
— Православныя и другія христіанскія церкви въ Турціи. И. Березина.
— Описаніе хронологическй машины А. Головацкаго, составленное академикомъ Вишневскимъ.
— Ложь и правда о войнѣ на Востокѣ. Сочиненіе Виктора Жоли. Перев. съ французскаго Е. Серчевскій.
— Правило конюшеннаго хозяйства или обязанности кучера. Сочиненіе магистра О. С. Пашкевича.
— Веселый карандашъ или свѣтъ и тѣни современности въ рисункахъ.
— Очеркъ исторіи православной церкви на Волыни. Сочиненіе Платона Карашевича.
Обзоръ главнѣйшихъ путешествій и географическихъ открытій въ пятилѣтіе съ 1848 по 1853 г., составленъ К. Ѳ. Свенске.
№ 3. Библіографія:—Стихотворенія графини Ростопчиной. Томъ I.
— Вѣстникъ Естественныхъ Наукъ. 1856, № 1.
— Журналъ Садовника. Книжка I.
— Очерки Сибиряка. I. Дѣвичій сонъ на Новый годъ. Быль изъ временъ давнопрошедшихъ.
— Силуэты, сцены въ стихахъ В. Н. Попова.
— Разведеніе свекловицы и добываніе свекловичнаго сахара. Сочиненіе М. Веллера.—Фабрикація стеариновыхъ, маргариновыхъ, прозрачныхъ, солнечныхъ, сальныхъ и вообще всякаго рода свѣчей. Мельпейера.—Практика золоченія и серебренія всѣхъ вообще металловъ. Составлено Шрейберомъ.
— Первое чтеніе и первые уроки для маленькихъ дѣтей, Сочиненіе А. Ишимовой.
— Новороссійскій календарь на 1856 г.
— Записки Кавказскаго Отдѣла Императорскаго Русскаго Географическаго Общества. Книжка III.

— Поѣздка въ Вольную Сванетію полковника Бартоломея въ 1853 г.
— Нѣкоторыя замѣчанія, почерпнутыя преимущественно изъ иностранныхъ источниковъ, о дѣйствительныхъ причинахъ гибели наполеоновыхъ полчищъ въ 1812 г. И. П. Липранди.
— Образцы и формы дѣловыхъ актовъ и бумагъ.
— Карманная почтовая книжка. Изданіе Почтоваго Департамента.
— Послѣдніе слѣды сэра Джона Франклина.
— Элементарный способъ рѣшенія вопросовъ, относительно сопротивленія матеріаловъ и устойчивости сооруженій. Инженеръ-полковника Безпалова.
— Похожденія Чичикова или Мертвыя Души, поэма Н. Гоголя.
— Замѣтки о журналахъ: Письма Гоголя.—Стихотворенія Огарева, К. Аксакова.—«Рудинъ» Тургенева.
№ 4. Библіографія:—Стихотворенія Ивана Никитина. Издалъ графъ Д. Н. Толстой.
— Графиня Полина. Повѣсть Авдотьи Глинки.
— Вспомогательная книга для помѣщиковъ и сельскихъ хозяевъ. Соч. Крейсига. Перевелъ С. М. Усовъ.
— Бесѣды о сельскомъ хозяйствѣ, профессора Ярослава Линовскаго,
— О производительныхъ силахъ Россіи, сочиненіе тайнаго совѣтника, члена Государственнаго Совѣта, Л. В. Тенгоборскаго, Переводъ И. В. Вернадскаго.
— Россійская родословная книга, издаваемая княземъ Петромъ Долгоруковымъ. Часть третья.
— Кабинетъ магика или шестьдесятъ опытовъ натуральной магіи и пр. составила М. Ж.
— Очерки Сибиряка.
— Врачебно-комнатная гимнастика. Соч. доктора Шребера.
— Судоходство по Шельдѣ. Историко-юридическое изслѣдованіе А. Наумова.
— Замѣтки о журналахъ: Обзоръ историческаго развитія сельской общины въ Россіи, Чичерина.
№ 5. Библіографія:—Искусство продлить человѣческую жизнь (Макробіотика). Сочиненіе Х. В. Гуфеланда. Перев. Заблоцкій.
— Жизнь адмирала Ѳ. Ѳ. Ушакова. Р. Скаловскаго.
— Блокада крѣпости Костромы, или Русскіе въ 1608 г. Историческія сцены. Сочиненіе А. П. С-на.
— Значеніе Пушкина въ исторіи русской литературы. Рѣчь, произнесенная профес. Николаемъ Буличемъ 9 Октября 1855 г.
— Статистическое обозрѣніе промышленности Московской губерніи, составленное Ст. Тарасовымъ.
— Записки о жизни Николая Васильевича Гоголя.
— Для легкаго чтенія. Томъ I.
№ 6. Библіографія:—Сочиненія Н. В. Гоголя. Томы V и VI.
— Исторія Балтійскихъ Славянъ. А. Гильфердинга.
Критика: Сочиненія Т. Н. Грановскаго. Томъ первый.
Замѣтки о журналахъ: Русская Бесѣда и ея направленіе.
№ 7. Библіографія:—Понятія Гопкинса о народномъ хозяйствѣ. Съ англійскаго, В. ***.
— Статистическое описаніе Кіевской губерніи, изданное тайнымъ совѣтникомъ, кавалеромъ Иваномъ Фундуклеемъ.
— De l'or et de l'argent etc. par Narcès Tarassenko-Otreschkoff.
— Разсказы и воспоминанія охотника. С. Аксакова.
— Общій курсъ исторіи среднихъ вѣковъ. Сочиненіе М. Стасюлевича.
— Южно-русскія лѣтописи, открытыя и изданныя Н. Бѣлозерскимъ. Т. I.
Заграничныя извѣстія.
Замѣтки о журналахъ: Разборъ статьи Н. Ф. Павлова о комедіи «Чиновникъ».—О воспитаніи, Бема.—Мысли по поводу статьи «о воспитаніи», Даля.—Объ обязанностяхъ старшаго офицера на кораблѣ.

№ 8. Критика: Статистическое описаніе Кіевской губерніи, изданное тайнымъ совѣтникомъ И. Фундуклеемъ.
Библіографія. О нѣкоторыхъ условіяхъ, способствующихъ умноженію народнаго капитала. Рѣчь, произнесенная профес. Иваномъ Бабстомъ 3 Іюня 1856 г.
— Военно-историческіе очерки Крымской экспедиціи, составленные капитаномъ Аничковымъ.
— Для легкаго чтенія. Томъ II.
Заграничныя извѣстія.
Замѣтки о журналахъ: Бѣлинскій.—Продолженіе разбора статьи Н. Ф. Павлова о комедіи «Чиновникъ».—Вопросы жизни, Пирогова.
№ 9. Критика: Стихотворенія Н. Огарева.
Библіографія:—Областныя учрежденія Россіи въ XVII вѣкѣ. Сочиненіе Б. Чичерина.
— Дворяне-благотворители. Сказаніе В. Порошина.
— Сочиненія Ульянова.
— Русская грамматика В. Классовскаго.
— Словарь сельско-хозяйственныхъ растеній. Составленъ И. Палимпсестовымъ.
— Плѣнъ у Шамиля. Правдивая повѣсть Е. Вердеревскаго.
— Труды Восточнаго Отдѣленія Императорскаго Археографическаго Общества. Часть 2-ая.
— Сенсаціи и замѣчанія г-жи Курдюковой за границею, дан л'этранже. 3 части.
— О выборѣ стихотворнаго размѣра.
Замѣтки о журналахъ: Отчетъ Министра Народнаго Просвѣщенія за 1855 г.—Романы и разсказы Григоровича—И. В. Кирѣевскій.
№ 10. Библіографія: Записки Сибирскаго отдѣла Императорскаго Русскаго Географическаго Общества. Книжка 1.
— Римскія женщины. Историческіе разсказы по Тациту. П. Кудрявцева.
— Собраніе стихотвореній В. Бенедиктова.
— Стихотворенія графини Ростопчиной. Томъ второй.
Замѣтки о журналахъ: Семейная хроника, Аксакова.—Губернскіе очерки, Щедрина.—Замѣтки по поводу статьи Бланка «Русскій помѣщичій крестьянинъ», Безобразова.—О горѣ злосчастіи, Буслаева.
№ 11. Библіографія: Стихотворенія Н. Некрасова.
Замѣтки о журналахъ: Библіотека для Чтенія и ея программа.—Полемика съ Отечественными Записками.
№ 12. Библіографія: Дѣтство и отрочество. Соч. графа Л. Н. Толстаго.—Военные разсказы, графа Л. Н. Толстаго.
— Александръ Сергѣевичъ Пушкинъ, его жизнь и сочиненія.
— Для легкаго чтенія. Томъ IV.
— О золотѣ и серебрѣ. Сочиненіе Н. Тарасенко-Отрѣшкова.
Замѣтки о журналахъ: Русскій Вѣстникъ.—Русская Бесѣда.

Содержаніе III тома.

Современникъ 1857 г.

№ 1. Библіографія:—Шиллеръ въ переводѣ русскихъ поэтовъ, изд. подъ редакціею Н. В. Гербеля.
— Оды Квинта Горація Флакка. Переводъ съ латинскаго А. Фета.
— Приключенія, почерпнутыя изъ моря житейскаго. «Чудодѣй», А. Ѳ. Вельтмана.
Замѣтки о журналахъ: — Разсказы гр. Л. Толстого.—Областныя учрежденія въ Россіи въ XVII вѣкѣ, Кавелина. — Послѣдніе дни жизни Николая Васильевича Гоголя, изъ воспоминаній А. Тарасенкова.—Русскій Вѣстникъ и Тургеневъ.

№ 2. Критика:—Письма объ Испаніи. В. П. Боткина.
Библіографія:—Ньюкомы, романъ В. М. Теккерея.
— Записки объ уженьи рыбы. С. Аксакова.—Замѣчанія московскаго охотника на ружейную охоту съ лягавою собакою. Н. Основскаго.
— Биржевыя операціи. Соч. В. Безобразова.
— Труды членовъ Россійской Духовной Миссіи въ Пекинѣ. томъ III.
— Новый опытъ о богатствѣ народномъ. Гавріила Каменскаго.
— Сочиненія Т. Н. Грановскаго. Томъ II.
— Руководство къ познанію дѣйствующихъ русскихъ законовъ, составленное Ѳ. Проскуряковымъ.
Замѣтки о журналахъ: — Отечественныя Записки (Дудышкинъ) о Тургеневѣ.—Богданъ Хмельницкій, Костомарова.—Столичные родственники, Григоровича.
№ 3. Критика: — Собраніе писемъ царя Алексѣя Михаиловича, издалъ Петръ Бартеневъ.
Библіографія:—Стихотворенія Н. Щербины.
— Исторія Сербіи по сербскимъ источникамъ. Сочиненіе Леопольда Ранке. Переводъ съ нѣмецкаго Петра Бартенева.
— Русскій библіографическій указатель за 1855 г.
Замѣтки о журналахъ: — Экономическій Указатель. — Теорія и практика, Бабста. — Опытъ изложенія главнѣйшихъ условій успѣшнаго сельскаго хозяйства, Струкова.—Старая барыня, Писемскаго.
№ 4. Библіографія:—Стихотворенія Н. Арбузова.
— Очерки изъ крестьянскаго быта. А. Ѳ. Писемскаго.
— Записки Императорскаго Русскаго Географическаго Общества, книжка XI.
— Записки Сибирскаго Отдѣла Географическаго Общества, книжка II.
— Столѣтіе Московскихъ Вѣдомостей (1756—1856) Е. Корша.
— Для легкаго чтенія. Томъ V.
Замѣтки о журналахъ:—Русская Бесѣда и славянофильство.—Доходное мѣсто, Островскаго. — Свѣтъ не безъ добрыхъ людей, комедія Львова. — Поярковъ, Печерскаго.
№ 5. Библіографія:—Сочиненія В. Жуковскаго.
— Отчетъ Правленія Одесскаго женскаго благотворительнаго общества за 1856 г.
— Статистическіе труды И. Ѳ. Штукенберга. Статья I.
Замѣтки о журналахъ: — Славянофилы и вопросъ объ общинѣ. — Опытъ изложенія главнѣйшихъ условій успѣшнаго сельскаго хозяйства, Струкова.
№ 6. Критика: — Губернскіе очерки, Щедрина. Собралъ и издалъ М. Е. Салтыковъ.
Библіографія:—Труды Комиссіи при Университетѣ Св. Владиміра для описанія губерній Кіевскаго учебнаго округа.
— Хлопчатобумажная промышленность и важность ея значенія въ Россіи. Сочин. Александра Шипова.
— О свободной международной торговлѣ. (Изъ путевыхъ записокъ А. Сербера-Медельгейма).
— Путешествіе по Восточной Сибири, И. Булычева.
— Статистическіе труды И. Ѳ. Штукенберга. Статья II.
Замѣтки о журналахъ: — О новомъ направленіи въ полемикѣ.—Полемика между Русскимъ Вѣстникомъ и Молвою.
№ 7. Studien, Гакстгаузена.
Замѣтки о журналахъ: — О распространеніи знаній въ Россіи, Ламанскаго. — L'ancien régime, Токвиля и De l'avenir politique de l'Angleterre, Монталамбера.—Физіологія общества, Безобразова.—Объ учрежденіи въ Петербургѣ общества для улучшенія помѣщеній рабочаго населенія.
№ 8. Библіографія:—Сочиненіе и письма Гоголя, изд. П. А. Кулиша.
— Мертвыя души. Окончаніе поэмы Н. В. Гоголя «Похожденія Чичикова». Ващенко-Захарченко.

— Очеркъ русскаго вексельнаго права, чтеніе Д. И. Мейера.
— О погашеніи государственныхъ долговъ, сочиненіе Александра Запасника.
№ 9. Современное обозрѣніе.
№№ 9 и 11. О поземельной собственности.
№ 10. Критика: — О нѣкоторыхъ условіяхъ, способствующихъ умноженію народнаго капитала. Рѣчь И. Бабста. — Разсужденіе о гражданскомъ и уголовномъ законоположеніи, Іереміи Бентама.
Современное обозрѣніе.
№ 11. Современное обозрѣніе.
№ 12. Современное обозрѣніе.

Современникъ 1856—1857 г.

(1856 г. №№ 10—12; г. 1857 №№ 1, 3—6).

Лессингъ, его время, его жизнь и дѣятельность.

Предисловіе:—Историческое значеніе нѣмецкой литературы въ послѣдней половинѣ прошедшаго вѣка.—Мѣсто, которое принадлежитъ Лессингу въ исторіи развитія нѣмецкаго народа.

Глава первая: — Причины, замедлившія соединеніе нѣмецкихъ племенъ въ одну національную державу и содѣйствовавшія распаденію Германіи на множество самостоятельныхъ государствъ. Слѣдствія этого распаденія.—Положеніе нѣмецкаго народа въ половинѣ XVIII вѣка по отношенію къ общимъ національнымъ интересамъ. — Характеристика государственной и частной жизни въ различныхъ нѣмецкихъ владѣніяхъ.

Глава вторая: — Нѣмецкая литература до Лессинга.—Готтшедъ и саксонская школа.—Бодмеръ и швейцарская школа.—Клопштокъ.—Галлеръ.—Гагедорнъ.—Рабенеръ.—Геллертъ. — Университеты и школы.—Публика.—Начало новой жизни.—Томазіусъ.—Мозеръ.

Глава третья:—Семейство Лессинга. — Происхожденіе его рода.—Дѣтство Лессинга. — Мейссенская школа. — Поздравительная рѣчь отцу.—Лейпцигскій университетъ.—Неаккуратность Лессинга въ посѣщеніи лекцій.—Дружба съ Миліусомъ.—Первыя литературныя произведенія.—Страсть къ театру.—Лессингъ пишетъ для сцены.—Неудовольствіе родныхъ.—Возвращеніе въ Каменецъ.—Переселеніе въ Берлинъ.

Глава четвертая:—Столкновеніе съ Вольтеромъ.—Дѣло съ Ланге.—Лессингъ становится выше всякихъ подозрѣній. — Онъ становится страшенъ какъ критикъ. — Николаи.—Мендельсонъ.—Отношенія Лессинга, какъ саксонца, къ пруссакамъ во время семилѣтней войны.—Возвращеніе въ Берлинъ.

Глава пятая:—«Литературныя письма».—Основаніе ихъ сильнаго дѣйствія на нѣмецкую литературу.—Черты, ими внесенныя въ характеръ нѣмецкой мысли.—Лессингъ принимаетъ мѣсто секретаря при Тауэнцинѣ.—Жизнь его въ Бреславлѣ.—Возвращеніе къ литературному міру.—«Миссъ Сара Самсонъ».—«Минна фонъ Барнгельмъ».—«Лаокоонъ».

Глава шестая:—Жизнь Лессинга въ Берлинѣ по возвращеніи изъ Бреславля.—Гамбургскій національный театръ.—«Гамбургская Драматургія».—Типографія.—Клопъ. — «Антикварскія письма».—Жизнь Лессинга въ Гамбургѣ.—Переселеніе въ Вольфенбюттель.—Лессингъ, какъ библіотекарь.—«Эмилія Галотти».—Поэты новаго поколѣнія.—Отношенія Гете къ Лессингу.—Лессингъ покидаетъ беллетристическую дѣятельность.

Глава седьмая:—Жизнь Лессинга въ Вольфенбюттелѣ.—Г-жа Кенигъ.—Препятствія къ браку.—Отношенія Лессинга къ Брауншвейгскому Двору.—Поѣздка въ Вѣну и путешествіе по Италіи.—Отношенія Лессинга къ тогдашнимъ нѣмецкимъ нравамъ.—Бракъ.—Кончина супруги,—Лессингъ изнемогаетъ.—Новый періодъ его литературной дѣятельности.—«Отрывки изъ Вольфенбюттельскаго

Анонима».—Борьба между обѣихъ враждующихъ между собою и съ католиками протестантскихъ партій.—Отрывки изъ полемическихъ статей.—Слѣдствія этой борьбы.—Отношенія Лессинга къ послѣдующей нѣмецкой философіи.—Отношеніе къ нравственно-политическимъ наукамъ.—«Разговоръ между Эрнстомъ и Фалькомъ».—Общій характеръ дѣятельности Лессинга.—Его личный характеръ.

Содержаніе IV тома.

Современникъ 1858 г.

№№ 1 и 3.—Кавеньякъ.
№ 2.—О новыхъ условіяхъ сельскаго быта.
№ 3.—Замѣчаніе г. Провинціала на статью «О поземельной собственности».
—Отвѣтъ на замѣчаніе г. Провинціала.
№ 6.—Устройство быта помѣщичьихъ крестьянъ, № I — Обозрѣніе мѣръ, принятыхъ до сего времени къ устройству быта помѣщичьихъ крестьянъ.
7.—Устройство быта помѣщичьихъ крестьянъ, № II — По поводу статьи г. Тройницкаго «о числѣ крѣпостныхъ людей въ Россіи».—Библіографія журнальныхъ статей.
№№ 8 и 9. — Борьба партій во Франціи при Людовикѣ XVIII и Карлѣ X.
№ 9.—Тюрго, его ученая и административная дѣятельность, соч. С. Муравьева.
№ 10.—Откупная система.
— Устройство быта помѣщичьихъ крестьянъ, № IV—Правительственныя распоряженія.—Библіографія журнальныхъ статей.
№ 11.—Устройство быта помѣщичьихъ крестьянъ, № V — Правительственныя распоряженія.—О необходимости держаться возможно умѣренныхъ цифръ при опредѣленіи величины выкупа усадебъ.
№ 12.—Критика философскихъ предубѣжденій противъ общиннаго владѣнія.

Современникъ 1859 г.

№ 1.—Устройство быта помѣщичьихъ крестьянъ, № VI—Труденъ ли выкупъ земли?
— Свистокъ: Вредная добродѣтель.
№ 2.—Устройство быта помѣщичьихъ крестьянъ, № VII — Библіографія журнальныхъ статей.
— Экономическая дѣятельность и законодательство.
№ 5.—Г. Чичеринъ, какъ публицистъ.
№ 6.—Вульвичскій арсеналъ и пушка Эрмстронга.
№ 7.—Устройство быта помѣщичьихъ крестьянъ, № X—Библіографія журнальныхъ статей.
№ 10.—Устройство быта помѣщичьихъ крестьянъ, № XI —Матеріалы для рѣшенія крестьянскаго вопроса.
— Суевѣріе и правила логики.
— Вопросъ о свободѣ журналистики во Франціи.

Содержаніе V тома.

Современникъ 1859 г.

ОТДѢЛЪ «ПОЛИТИКА».

№ 2. Итальянскій вопросъ.—Чувство, съ которымъ встрѣчены во Франціи слухи о войнѣ.—Брошюра, «Aurons-nous la guerre?» — Колебанія, оставляющія всѣхъ въ недоумѣніи.—Побужденія къ войнѣ у Наполеона III и у Сардиніи.—Соображенія, заставляющія англичанъ идти противъ желаній Сардиніи. Рѣчь сардинскаго короля.—Пренія о займѣ въ Сардинской палатѣ депутатовъ.—Бракосочетаніе принца Наполеона и принцессы Клотильды.—Сардинскій заемъ.—Параллельность миролюбивыхъ и воинственныхъ манифестацій во Франціи.—Рѣчи Наполеона III и Морни 7 и 8 февраля.—Нынѣшнее положеніе итальянскаго вопроса. Парламентская реформа въ Англіи.—Отношенія англійской журналистики къ Брайту.—Бредфордскій митингъ и билль Брайта.—Митингъ лондонскихъ характеровъ.—Проектъ *Times'a*.—Рочдельская рѣчь.—Билль министерства. Событія на Іоническихъ островахъ.—Выборъ Александра Кузы въ Валахіи.—Изгнаніе Сулука.

Приложенія: A.—Письма «Итальянца» изъ *Times'a* объ итальянскомъ вопросѣ и отвѣтъ этой газеты.

B.—Изъ преній объ адресѣ въ палатѣ общинъ (засѣданіе 3 февраля 1859 г.).—Положеніе итальянскаго вопроса.

C.—Билль Брайта, извлеченіе изъ его рѣчи на Бредфордскомъ митингѣ (по отчету *Times'a*).

D.—Статья *Times'a* о намѣреніи министерства отложить билль о реформѣ.

E.—Митингъ въ Лондонской Сити (по отчету газеты *Manchester Guardian*).

№ 3. Миролюбивыя манифестаціи во Франціи.—Выговоръ газетѣ *Presse*.—Оппозиція въ законодательномъ корпусѣ, при дворѣ и въ сенатѣ.—Письмо къ Геду, статья Монитера и отставка принца Наполеона.—Посольство лорда Коули.—Общественное мнѣніе во Франціи и итальянскіе фанатики.—Проекты перемѣнъ въ нынѣшней французской системѣ.—Положеніе итальянскаго вопроса около 3 (15) марта.—Компьенскія увѣренія Пальмерстона.—Парламентская реформа въ Англіи.—Министерскій билль.—Д'Израэли, какъ прогрессистъ.—Россель снова становится главою оппозиціи.—Прибытіе неаполитанскихъ плѣнниковъ въ Англію.—Можно ли назвать ихъ страдавшими не по собственной ихъ винѣ.

Приложенія: A.—Письмо Наполеона къ мистеру Геду; письмо мистера Геда въ редакцію газеты *Times* и отвѣтъ газеты.

B.—Замѣчанія и объяснительная статья изъ Монитера 5 марта съ отвѣтомъ газеты *Times*.

C.—Отрывки изъ рѣчей лорда Джона Росселя и министровъ Робака и Брайта противъ билля о парламентской реформѣ, внесеннаго министромъ д'Израэли въ засѣданіи палаты общинъ 28 февраля (по отчету газеты *Times*).

№ 4. — Размышленія, выводимыя изъ сравненія условій русскаго, австрійскаго и сардинскаго займовъ.—Конгрессъ по итальнскому вопросу.—Распущеніе парламента въ Англіи.—Баварскія дѣла.—Почему не должно обвинять Пфортена.—Почему мы считаемъ Поэріо страдавшимъ по собственной винѣ.

Приложеніе:—Статья газеты *Humbug* о выгодахъ союза съ Франціею.

№ 5. Австрійскій ультиматумъ.—Нелѣпость австрійскихъ дѣйствій въ Сардиніи.—Состоитъ ли цѣль войны въ освобожденіи Италіи?—Положеніе дѣлъ въ Италіи около 13 мая новаго стиля.—Выборы въ Англіи.

Приложенія: A.—Взглядъ англичанъ на войну.

B.—О характерѣ выборовъ въ маленькихъ городахъ (статьи *Times'a* 26 и 27 апрѣля).

№ 6. Причины нашей симпатіи къ австрійцамъ.—Сраженія при Монтебелло и Палестро.—Битва при Маджентѣ.—Дѣйствія Гарибальди.—Тосканскія дѣла.

Приложенія: А.—Отрывки изъ Studien zur gegenwaertigen Lage Europa's von Karl Vogt.

В.—Извлеченіе изъ рѣчи Кошута по поводу итальянскаго вопроса, на митингѣ въ Лондонской Сити, 19 (7) мая (изъ *Times'a*).

№ 7. Похвала миру.—Сраженія при Маджентѣ и Сольферино.—Причины слабости австрійской арміи.—Причина, по которой былъ заключенъ миръ.

Приложенія: А.—Битва при Маджентѣ по разсказу корреспондента *Times*'а, находящагося при австрійской главной квартирѣ.

В.—Письмо о дѣйствіяхъ Гарибальди.

№ 8. Неосновательность упрековъ, дѣлаемыхъ императору французовъ за Виллафранкскій миръ.—Рѣчь императора въ Сенъ-Клу.—Негодованіе во Франціи и Италіи.—Напрасныя надежды итальянскихъ патріотовъ.—Урокъ для либераловъ.

№ 9. Дѣла центральной Италіи.—Реформы въ Австріи.—Движеніе въ пользу единства Германіи.

№ 10. Парижская сцена 5 октября.—Бездѣйствіе Сардиніи.—Возникновеніе нѣкоторой энергіи въ правительствахъ центральной Италіи.—Приближеніе вооруженной реакціи.—Очеркъ положенія дѣлъ во Франціи, Англіи, Германіи, Австріи.—Заговоръ въ Турціи.

№ 11. Европейскія дѣла.—Сѣверо-Американскіе Штаты и Браунъ.

Приложенія: I.—Письмо императора французовъ къ королю Сардинскому (изъ С.-Петербургскихъ Вѣдомостей).

II.—Временная конституція и постановленіе для народа Соединенныхъ Штатовъ (то есть уставъ военнаго общества для освобожденія невольниковъ).

№ 12. Ходъ дѣлъ въ центральной Италіи.—Отставка Гарибальди.—Конгрессъ.—Прочность австрійскаго порядка.—Безопасность венгерскаго движенія, общаго неудовольствія и финансоваго разстройства.—Отношенія Франціи къ Англіи.

Содержаніе VI тома.

Современникъ 1860 г.

№ 1. Капиталъ и трудъ (начала политической экономіи, И. Горлова).

Свѣдѣнія о числѣ подписчиковъ на «Современникъ» 1859 г.

№№ 1, 2 и 5—Іюльская монархія: I.—Характеръ Луи-Филиппа.—Открытый разрывъ съ демократами, потомъ и съ либералами.—Отставка Лафайета и Лафита.—Министерство Казиміра Перье.—Размѣръ улучшеній, произошедшихъ изъ іюльскихъ событій.—Новый элементъ французской исторіи.—Ліонское возстаніе.

II.—Королевскій бюджетъ.—Вандейское возстаніе и плѣнъ герцогини Беррійской.—Похороны Ламарка и возстаніе 5—6 іюня.

III.—Процессъ Менильмонтанскаго семейства.

№ 2. Лѣность грубаго простонародья.

№№ 4 и 5. Антропологическій принципъ въ философіи.

№ 5. Замѣчаніе на «Послѣднее слово г. Погодину» г. Костомарова.

№ 6. Исторія изъ-за г-жи Свѣчиной.
Библіографія: Постепенное развитіе древнихъ философскихъ ученій въ связи съ развитіемъ языческихъ вѣрованій. Соч. О. Новицкаго.
— Собраніе чудесъ, повѣсти, заимствованныя изъ миѳологіи. Соч. Н. Готторна.
— Историческая библіотека. Исторія восемнадцатаго столѣтія, Шлоссера.
№№ 7 и 8. Прадѣдовскіе нравы (записки Державина).
№ 7. Библіографія: Воспоминанія, мысли, труды и замѣтки Александра Смирнова.
— Изъ Украйны. Сказки и повѣсти Г. П. Данилевскаго.
№ 8. Библіографія:—Новѣйшая исторія, соч. Д-ра Лоренца.
№ 9. Библіографія:—Молинари. Курсъ политической экономіи.
— Исторія цивилизаціи въ Европѣ отъ паденія Римской Имперіи до французской революціи, соч. Гизо.
№ 10. Библіографія:—Записки Льва Николаевича Энгельгардта.
№ 12. Предложеніе г. Закревскаго относительно виннаго акциза.
Нынѣшніе англійскіе виги (Маколей, т. I).
Библіографія: — Матеріалы для Географіи и Статистики Россіи, собранные офицерами генеральнаго штаба. Рязанская губернія, составилъ М. Барановичъ.
— Экономическая библіотека. Промышленныя предпріятія, Курсель-Сенёля.
— О судоустройствѣ. Соч. Бентама.

Политика.

(особый отдѣлъ «Современника»).

1860 г. № 1. — Перемѣна въ положеніи итальянскаго вопроса.—Сближеніе Франціи съ Англіею.—Консультація о декретѣ 17 Февраля 1852 г.—Приложенія: I. «Папа и конгрессъ». — II. «Разговоръ француза съ англичаниномъ».
№ 2. — Отношенія французской политики къ дѣлу итальянской независимости.—Французская программа о введеніи свободной торговли.—Неудача торійской попытки низвергнуть министерство Пальмерстона.
№ 3. — Соединеніе центральной Италіи съ сѣверною.— Уступка Савойи.—Отношенія Англіи къ савойскому вопросу.
№ 4. — Присоединеніе Савойи и Ниццы къ Франціи.—Сцена 19 Марта въ Римѣ. — Апрѣльскія сцены въ Палермо и въ Мессинѣ. — Сцена 15 Марта въ Пештѣ.—Кончина Брука.
№ 5. — Сицилійскія дѣла. — Конституція, полученная Австріею. — Либерализмъ французскаго сената.—Парламентская реформа въ Англіи.
№ 6. — Письма изъ Палермо въ газету «Times».
№ 7. — Неаполитанскія и сицилійскія дѣла. — Баденское свиданіе.—Судьба билля объ отмѣнѣ пошлины съ бумаги въ Англіи.—Извлеченіе изъ Палермской корреспонденціи Times'a.
№ 8. — Сицилійскія и неаполитанскія дѣла.
№ 9. — Письма корреспондента Times'a, находящагося при штабѣ Гарибальди.—Общій обзоръ хода событій въ южной и средней Италіи.
№ 10.— Итальянскія дѣла. — Борьба на Вольтурно.—Уничтоженіе папской арміи.—Борьба между Кавуромъ и Гарибальди.—Австрійская конституція.
№ 11.— Реформы въ Австріи.—Реформы во Франціи.—Итальянскія дѣла.—6 Ноября 1860 г. въ Соединенныхъ Штатахъ.
№ 12.— Австрійскія дѣла. — Программа Шмерлинга.—Развитіе венгерскихъ отношеній. — Вопросъ о народностяхъ въ Венгріи.—Италія.—Декретъ 24 Ноября во Франціи.—Вопросъ о сохраненіи или расторженіи союза въ Сѣверо-Американскихъ Штатахъ.

способомъ столь же неблагоразумнымъ, какъ неблагоразуменъ былъ способъ ихъ учрежденія.

Правительство теперь твердо опиралось на армію. Ему уже можно было обойтись безъ союза съ защитниками ненадежными,—надобность, для которой до сихъ поръ содержались Національныя Мастерскія, прекратилась. Рѣшено было закрыть ихъ. Работники ихъ будутъ недовольны? Это не важность: при многочисленной арміи, они не посмѣютъ противиться.

И вотъ, для закрытія Національныхъ Мастерскихъ, приняты были быстрыя мѣры,—мѣры, въ которыхъ самонадѣянное легкомысліе страннымъ образомъ смѣшивалось съ трусливою торопливостью, грубая жестокость—съ изворотливымъ коварствомъ.

Самый недальновидный человѣкъ могъ бы, повидимому, понять, что опасно вдругъ отнимать содержаніе у массы въ 150,000 человѣкъ, организованной подобно войску, не предоставивъ этимъ людямъ никакихъ другихъ средствъ къ существованію; но умѣренные республиканцы успокоивались надеждою на силу собранной ими арміи, и безъ всякихъ церемоній, вдругъ объявили, что Національныя Мастерскія уничтожаются, потому что государство не можетъ содержать на свой счетъ огромную толпу тунеядцевъ.

Прекрасно; но въ какомъ положеніи видѣли теперь себя эти 150,000 людей, которыхъ до сихъ поръ кормило правительство? Фабрики были закрыты; промышленный кризисъ продолжался, и не было даже надежды, что онъ скоро прекратится. Благоразуміе требовало бы отъ правительства, чтобы оно помогло фабрикамъ возобновить работу и распускало людей изъ Національныхъ Мастерскихъ только по мѣрѣ того, какъ они могли бы находить себѣ занятіе въ частной промышленности. Это не было сдѣлано. Занятій не могли они найти себѣ никакихъ. Они оставались безъ всякихъ средствъ къ существованію. Они могли только умирать съ голоду на улицахъ Парижа.

Неужели этого не предвидѣло правительство? Нѣтъ, предвидѣло и потому приняло слѣдующія мѣры: молодымъ и здоровымъ людямъ предложило оно поступать въ солдаты, а тѣхъ, которые неспособны сдѣлаться хорошими солдатами, оно приказало развозить изъ Парижа по провинціальнымъ городамъ.

Легко было предугадать, какой видъ получатъ въ глазахъ работниковъ эти мѣры, которыя начали приводиться въ исполненіе безъ излишняго вниманія къ желанію или нежеланію воспользоваться ими со стороны работниковъ. „Насъ насильно, противузаконно берутъ въ солдаты, насъ насильно развозятъ по разнымъ городамъ, въ которыхъ также закрыты фабрики, въ которыхъ также нѣтъ намъ работы, въ которыхъ также останется намъ только умирать съ голоду, какъ и въ Парижѣ“ —иначе не могли думать несчастные. „Насъ развозятъ затѣмъ, что въ соединеніи мы сильны, раздѣливъ насъ, они легче управятся съ нами, какъ хотятъ“.

Ясно было, что Эмиль Тома, при своемъ гуманномъ характерѣ, при своей заботливости объ участи людей, которыми управлялъ, не согласится быть исполнителемъ такихъ мѣръ. Онъ говорилъ, что нельзя такъ круто повернуть этого дѣла, что надобно приготовить занятіе распускаемымъ работникамъ, сокращать Національныя Мастерскія только по мѣрѣ пробужденія дѣятельности на частныхъ фабрикахъ, и т. п. И вотъ придумали новую мѣру, чтобы избавиться отъ него. Его

призвали къ министру публичныхъ работъ (министромъ былъ тогда Трела; Мари, прежній министръ, былъ членомъ Исполнительной Коммиссіи, руководившей дѣйствіями министровъ),—министръ сказалъ ему, что для закрытія Національныхъ Мастерскихъ нуженъ администраторъ съ характеромъ болѣе твердымъ, что если работники узнаютъ объ его отрѣшеніи, они могутъ воспротивиться, собраться вокругъ прежняго любимаго начальника, надѣлать безпорядковъ. „Потому немедленно отправляйтесь изъ Парижа, такъ чтобы этого никто не зналъ, оставайтесь въ провинціи, куда я посылаю васъ, пока здѣсь все будетъ кончено. Тогда я возвращу васъ въ Парижъ“. Эмиль Тома доказывалъ, что его внезапное удаленіе встревожитъ работниковъ, усилитъ ихъ подозрѣнія,—напрасно. Онъ сказалъ, что по совѣсти не можетъ повиноваться, зная, что его удаленіе изъ Парижа будетъ имѣть гибельныя слѣдствія. Тогда министръ объявилъ, что принужденъ выслать его изъ Парижа насильно,—призвалъ чиновниковъ, которымъ поручилъ взять его подъ стражу и немедленно уѣхать съ нимъ изъ Парижа. Это было исполнено въ ту же минуту, и, для лучшаго сохраненія тайны, даже семейству Эмиля Тома не было сказано, куда онъ исчезъ.

Слѣдствіе было совершенно таково, какъ предсказывалъ онъ.

Любимый начальникъ, которому вѣрили, внезапно исчезъ—онъ пошелъ къ министру и не возвращался болѣе. „Онъ брошенъ въ тюрьму, говорили одни работники,—онъ убитъ министромъ, говорили другіе. Это потому, что онъ не хотѣлъ выдать насъ,—что же хотятъ сдѣлать съ нами?—какъ что, развѣ это не видно? Насъ пошлютъ въ Алжирію, гдѣ мы погибнемъ отъ климата и отъ кабиловъ; кого не пошлютъ въ Алжирію, кого не берутъ въ солдаты, тѣхъ насильно отвозятъ Богъ знаетъ куда, развозятъ по провинціямъ, чтобы легче было поодиночкѣ зажать намъ ротъ, подавить насъ; насъ бросятъ безъ всякихъ средствъ къ жизни, мы не найдемъ работы ни здѣсь, ни въ провинціяхъ—работъ нѣтъ нигдѣ. Мы обречены погибнуть отъ голода. Погибнуть отъ голода! А давно ли даны намъ обѣщанія, что каждый, не находящій работы въ частной промышленности, получитъ работу отъ правительства? Исполняя этотъ декретъ, правительство содержало насъ, пока не имѣло войскъ,—теперь оно имѣетъ войска, и хочетъ поступить съ нами такъ же, какъ поступалъ Гизо. Предатели, они хотятъ, чтобы мы погибали“.

Въ самомъ дѣлѣ, если ни Гизо въ февралѣ, ни Исполнительная Коммиссія и Національное Собраніе въ іюнѣ не хотѣли губить работниковъ для собственнаго удовольствія, то надобно было умѣреннымъ республиканцамъ признаться, что ихъ управленіе сдѣлало для исполненія требованій рабочаго класса ровно столько же, сколько и Гизо. Но Гизо, по крайней мѣрѣ, не давалъ обѣщаній, а теперь дано было формальное обѣщаніе декретомъ Временнаго Правительства, еще за нѣсколько недѣль торжественно подтверждено рѣшеніемъ Національнаго Собранія,—надежды были пробуждены, оффиціально признаны справедливыми,—и вдругъ правительство совершенно отрекается отъ всякихъ обязательствъ, столько разъ данныхъ.

Сто пятьдесятъ тысячъ человѣкъ оставляются безъ всякихъ средствъ съ существованію,—начальникъ, котораго они любили, коварно отнятъ у нихъ — ихъ насильно берутъ и увозятъ изъ Парижа,—имъ измѣнили. А между тѣмъ, они организованы подобно арміи,—неужели они отдадутся на жертву безъ сопротивленія?

Ошибки правительства привели къ неизбѣжной междоусобной войнѣ.

Въ тотъ же день, какъ было объявлено рѣшеніе Національнаго Собранія закрыть Національныя Мастерскія, какъ исчезъ Эмиль Тома и начались наборы работниковъ для поступленія въ солдаты и для разсѣянія по провинціямъ (22 іюня), работники послали депутатовъ протестовать противъ этихъ распоряженій. Членъ Исполнительной Коммиссіи, бывшій министръ публичныхъ работъ, Мари, принялъ депутатовъ очень дурно, и сказалъ, что работникамъ остается только одно— безусловно повиноваться.

На слѣдующее утро (23 іюня) вспыхнуло возстаніе. Цѣлый день оно усиливалось и вечеромъ Національное Собраніе передало исполнительную власть Кавеньяку, который, какъ военный министръ, съ самаго начала руководилъ дѣйствіями арміи.

Мы не будемъ разсказывать подробностей отчаянной борьбы, продолжавшейся три дня; насъ, вѣроятно и читателя также, интересуетъ не стратегическая сторона этого страшнаго междоусобія, а причины, его вызвавшія, характеръ его и слѣдствія, къ которымъ оно привело Французскую націю.

Причины мы исчислили; нѣкоторымъ читателямъ, быть можетъ, покажется, что наше объясненіе неполно, что мы опустили изъ виду вліяніе клубовъ, интриги такъ называемыхъ демагоговъ, честолюбіе предводителей крайнихъ партій: дѣйствительно, всему этому приписывалъ очень большое участіе въ іюньскихъ событіяхъ отчетъ, составленный докладчикомъ слѣдственной коммиссіи, назначенной по этому дѣлу, Кентеномъ Бошаромъ; но этотъ докладъ, внушенный чувствомъ ненависти, давно отвергнутъ общественнымъ мнѣніемъ, и тогда же отвергался людьми безпристрастными и проницательными. Мы укажемъ одинъ случай и приведемъ одно свидѣтельство, чтобы читатель могъ судить о томъ, какъ смотрѣли еще тогда основательные и справедливые судьи на содержаніе этого доклада.

Слѣдственная коммиссія, составленная на половину изъ умѣренныхъ республиканцевъ, на половину изъ орлеанистовъ и легитимистовъ, которые ободрились послѣ іюньскихъ дней, главнымъ виновникомъ смутъ, обуревавшихъ Францію со времени провозглашенія республики до іюньскихъ дней, выставила Луи Блана, на котораго сваливали также учрежденіе Національныхъ Мастерскихъ, устроенныхъ будто бы по его плану. Но Луи Бланъ и Коссидьеръ, обвиняемый вмѣстѣ съ нимъ (хотя они были враги между собою), въ то время были представителями націи (членами Національнаго Собранія), а представители могли быть подвергаемы судебному преслѣдованію не иначе, какъ только съ разрѣшенія Собранія. Правительство потребовало этого разрѣшенія,—Собранію былъ предложенъ вопросъ: находитъ ли оно достаточные поводы подозрѣвать участіе Луи Блана въ майскихъ и іюньскихъ событіяхъ и находитъ ли нужнымъ предать его суду. Огромное большинство отвѣчало: „да“. Но въ числѣ меньшинства, находившаго обвиненіе неосновательнымъ и улики фальшивыми, былъ, между прочимъ, и Бастіа, извѣстный экономистъ, который всѣми силами боролся противъ ученій, имѣвшихъ тогда своимъ представителемъ Луи Блана. Партія, къ которой принадлежалъ Бастіа, была скандализирована тѣмъ, что онъ подалъ голосъ въ оправданіе Луи Блана,—но вотъ что онъ писалъ въ тотъ же вечеръ къ ближайшему изъ своихъ друзей, Кудре:

„Нынѣ на разсвѣтѣ рѣшено великое дѣло о докладѣ Слѣдственной Коммиссіи, такъ тяжело безпокоившее и Собраніе и Францію. Собраніе дало согласіе на судебное

преслѣдованіе Луи Блана и Коссидьера за участіе въ преступленіе 15 мая. У насъ, быть можетъ, удивятся, что въ этомъ дѣлѣ я подалъ голосъ противъ правительства. Я хотѣлъ было постоянно отдавать моимъ избирателямъ отчетъ въ соображеніяхъ, по которымъ подаю такъ или иначе голосъ по каждому дѣлу; только недосугъ и нездоровье помѣшали мнѣ исполнить это: но настоящій случай такъ важенъ, что я долженъ объяснить причины моего мнѣнія. Правительство считало отдачу подъ судъ этихъ двухъ представителей необходимостью; говорили даже, что только этимъ оно можетъ удержать на своей сторонѣ національную гвардію, — но мнѣ казалось, что даже и это соображеніе не даетъ мнѣ права заглушить въ себѣ голоса совѣсти. Ты знаешь, что ученіе Луи Блана не имѣло, быть можетъ, въ цѣлой Франціи противника болѣе рѣшительнаго, нежели я. Я убѣжденъ, что эти системы имѣли гибельное вліяніе на образъ мыслей и черезъ то на поступки работниковъ. Но развѣ мы должны были рѣшать вопросъ о справедливости его системы? Каждый человѣкъ, имѣющій какое нибудь убѣжденіе, по необходимости считаетъ гибельнымъ противное убѣжденіе. Когда католики жгли протестантовъ, они жгли ихъ потому, что считали ихъ образъ мыслей не только ошибочнымъ, но и опаснымъ. По этому принципу, намъ всѣмъ пришлось бы перерѣзать другъ друга.

„Итакъ, надобно было смотрѣть на то, дѣйствительно ли Луи Бланъ виноватъ въ фактахъ заговора и возстанія? Мнѣ казался онъ не виновнымъ, и никто, прочитавъ его защитительную рѣчь, не можетъ не сказать, что онъ невиненъ. А между тѣмъ, я не могу не помнить, въ какихъ мы теперь обстоятельствахъ: у насъ осадное положеніе, правильная судебная власть отстранена, свобода отнята у журналовъ. Могъ ли я выдать двухъ представителей ихъ политическимъ противникамъ въ такое время, когда нѣтъ никакихъ гарантій?—это дѣло, которому я не могу содѣйствовать, это первый шагъ по пути, на который я не могу вступить.

„Я не осуждаю Кавеньяка за то, что онъ на время отмѣнилъ дѣйствіе всѣхъ законныхъ гарантій, я думаю, что эта печальная необходимость столь же прискорбна ему, какъ и намъ; притомъ, она можетъ быть оправдана тѣмъ, чѣмъ оправдывается все,— спасеніемъ общества. Но для спасенія общества требовалось ли, чтобы двое изъ нашихъ товарищей были преданы на жертву? Я не думаю. Напротивъ, мнѣ кажется, что такое дѣло можетъ только поселить между нами раздоръ, ожесточить ненависть, положить бездну между партіями, не только въ Собраніи, но и въ цѣлой Франціи; мнѣ казалось, что при настоящемъ положеніи внѣшнихъ и внутреннихъ дѣлъ, когда нація страдаетъ, когда ей нужны порядокъ, довѣріе, прочныя учрежденія, единодушіе, — при такихъ обстоятельствахъ, не время ввергать въ раздоръ представителей націи. Мнѣ кажется, что лучше бы намъ забыть о нашихъ жалобахъ и непріятностяхъ, чтобы позаботиться о благѣ страны; потому я радовался, что нѣтъ ясныхъ фактовъ въ обвиненіе моихъ товарищей и что я не обязанъ выдавать ихъ.

„Большинство думало иначе. Дай Богъ, чтобы оно не ошиблось! дай Богъ, чтобы рѣшеніе, принятое нынѣ, не сдѣлалось гибельнымъ для республики!

„Если ты найдешь нужнымъ, я уполномочиваю тебя послать отрывокъ изъ этого письма въ газеты“.

Черезъ нѣсколько дней, возвращаясь къ тому же предмету въ другомъ письмѣ къ Кудре, Бастіа продолжаетъ:

„Говорятъ, что я уступилъ страху; страхъ былъ съ другой стороны. Или эти господа (избиратели департамента, представителемъ котораго былъ Бастіа) думаютъ, что для борьбы противъ страстей, овладѣвающихъ обществомъ, нужно въ Парижѣ менѣе мужества, нежели въ департаментахъ? Намъ грозили гнѣвомъ національной гвардіи, если мы отвергнемъ требованіе судебнаго преслѣдованія. Эта угроза выходила отъ людей, располагающихъ военною силою. Стало быть, страхъ могъ заставлять класть черные шары, но не бѣлые шары. Нужна высокая степень нелѣпости и тупости, чтобы вообразить, будто требуется особенное мужество для подачи голоса въ пользу той стороны, на которой стоитъ насиліе, армія, національная гвардія, большинство Національнаго Собранія, вліяніе обстоятельствъ, правительство.

„Читалъ ли ты слѣдственный актъ? читалъ ли ты показаніе бывшаго министра, Трела? Въ показаніи говорится: „Я былъ въ Клиши, я тамъ не видѣлъ Луи Блана, не слышалъ, чтобы онъ былъ тамъ; но въ жестахъ, въ физіономіи, въ самыхъ звукахъ голоса работниковъ я видѣлъ слѣды того, что онъ былъ тамъ". Высказывалась ли когда нибудь политическая ненависть съ болѣе опасными тенденціями? Три четверти слѣдственнаго акта составлены въ такомъ духѣ!

„Словомъ, сказать по совѣсти... я не думаю, чтобы Луи Бланъ принималъ участіе въ майскомъ и іюньскомъ возмущеніяхъ, и этимъ объясняется, почему я подалъ голосъ противъ обвиненія".

Свидѣтельство Бастіа въ этомъ случаѣ не можетъ подлежать подозрѣнію; онъ былъ самый рѣзкій, самый отважный и самый сильный противникъ тѣхъ людей, которыхъ теперь хотѣлъ защитить отъ обвиненій.

Въ самомъ дѣлѣ, невозможно читать обвинительный актъ, не видя, что онъ составленъ подъ вліяніемъ страха и ненависти. Эти чувства и прежде руководили дѣйствіями чистыхъ республиканцевъ относительно партій, раздѣлявшихъ съ ними власть отъ февраля до іюня; подъ вліяніемъ этихъ чувствъ учредились и потомъ были закрыты Національныя Мастерскія, закрытіе которыхъ было ближайшимъ поводомъ междоусобія. Вліяніемъ этихъ чувствъ было и вообще создано то положеніе государственныхъ дѣлъ во Франціи, неизбѣжнымъ результатомъ котораго было междоусобіе. Другія причины, о которыхъ они такъ много говорили, или вовсе не существовали, или оказывали только ничтожное вліяніе. Предводители партій, благопріятствовавшихъ требованіямъ рабочаго класса, старались всѣми средствами удержать работниковъ въ предѣлахъ законности, старались отвратить ихъ отъ всякихъ попытокъ къ дѣйствію вооруженной силой; многіе клубы дѣйствовали въ противномъ смыслѣ, но вліяніе ихъ на массу было незначительно; наконецъ, ничего подобнаго заговору не было въ междоусобіи іюньскихъ дней: получивъ отказъ 22-го іюня ввечеру, работники условились открыто, на площади, что завтра возьмутся за оружіе.

Именно отсутствіемъ вліяній, чаще всего пробуждавшихъ безпокойства во Франціи, іюньское междоусобіе отличается отъ другихъ парижскихъ междоусобій; въ этомъ отсутствіи обыкновенныхъ элементовъ мятежей и заключается тайна громадной силы, обнаруженной инсургентами іюньскихъ дней, и ужаса, произведеннаго этою рѣзнею. Массы шли на битву безъ всякихъ предводителей; ни одного сколько нибудь извѣстнаго человѣка не было между инсургентами. Чего хотѣли они?—это до сихъ поръ остается смутно для того, кто не считаетъ достаточнымъ объясненіемъ ихъ мятежа перспективу голодной смерти, открывшуюся передъ ними. То не были ни коммунисты, ни соціалисты, ни красные республиканцы,—эти партіи не участвовали въ битвахъ іюньскихъ дней; чего хотѣли они?—улучшенія своей участи; но какими средствами могло быть улучшено положеніе рабочаго класса, если бы онъ одержалъ верхъ? Это было темно для самихъ инсургентовъ, и тѣмъ страшнѣе казались ихъ желанія противникамъ; чего же они хотѣли, если не были даже коммунистами? Отчаяніе—вотъ единственное объясненіе іюньскихъ дней, оно составляетъ отличительный характеръ этого возстанія. Инсургенты сражались не для ниспроверженія или установленія какой нибудь политической формы,—они не имѣли ни опредѣленнаго политическаго образа мыслей, ни опредѣлительныхъ требованій отъ правительства или общества, кромѣ одного требованія: они хотѣли имѣть работу и кусокъ хлѣба, доставляемый работою, и думали, что противники

хотятъ истребить ихъ, чтобы не давать ни хлѣба, ни работы, столько разъ торжественно обѣщанной. Оттого-то и дрались они съ такимъ отчаяннымъ мужествомъ. Ихъ было тысячъ сорокъ; далеко не всѣ работники Парижа, далеко не всѣ работники Національныхъ Мастерскихъ взялись за оружіе: надежды на успѣхъ почти не было, инсургенты шли на погибель, почти несомнѣнную, и потому къ нимъ не присоединялся никто изъ работниковъ, сохранившихъ или хладнокровіе въ своей горести, или вѣроятность имѣть работу на фабрикахъ. За то, отважившіеся на битву почти безнадежную дрались съ энергіею, какой не было ни въ іюлѣ 1830, ни въ февралѣ 1848 года. Противъ нихъ выведены были регулярныя войска, гораздо многочисленнѣйшія, выступила національная гвардія Парижа, еще болѣе многочисленная, выведена была „подвижная гвардія", garde mobile, составленная изъ отчаянныхъ юношей парижской бездомной жизни, выдвиоута была страшная артиллерія тяжелаго калибра,—всего было мало, постоянно прибывали по желѣзнымъ дорогамъ новыя войска и новые отряды національной гвардіи изъ всѣхъ городовъ Франціи, и только на четвертый день это громадное превосходство въ силахъ подавило мятежъ,—да и этою медленною побѣдою противники инсургентовъ были обязаны только новой системѣ борьбы, которую Кавеньякъ примѣнилъ къ дѣлу съ рѣдкимъ искусствомъ и еще болѣе рѣдкою непоколебимостью.

Система эта состояла въ томъ, чтобы сосредоточивать огромныя силы на одномъ пунктѣ, избранномъ для наступательнаго движенія, держась на всѣхъ остальныхъ пунктахъ только въ оборонительномъ положеніи. Наступленіе имѣло первою цѣлью разорвать сообщеніе между различными частями города, бывшими въ рукахъ инсургентовъ: потомъ, когда эти отрѣзанныя одна отъ другой части не могли уже подавать помощи другъ другу, брать постепенно одну часть за другою. Знатоки военнаго дѣла говорятъ, что этотъ планъ былъ превосходно и задуманъ и исполненъ Кавеньякомъ, и что при всякой другой системѣ борьбы инсургенты на нѣкоторое время по всей вѣроятности овладѣли бы всѣмъ Парижемъ. Но и этой системѣ, доставившей побѣду, инсургенты долго противились съ такимъ успѣхомъ, что 25-го іюня, Кавеньякъ еще не ручался за побѣду и считалъ опасность столь великою, что вмѣстѣ съ президентомъ Національнаго Собранія принялъ мѣры перенести Собраніе и резиденцію правительства въ Сенъ-Клу или въ Версаль, еслибы инсургенты восторжествовали въ Парижѣ. Картечь, бомбы и ядра трое сутокъ осыпали кварталы, занятые инсургентами, — и только это страшное дѣйствіе артиллеріи доставляло перевѣсъ регулярному войску. Рукопашныя битвы были чрезвычайно упорны. Число убитыхъ, съ той и съ другой стороны, остается неизвѣстнымъ — правительство должно было уменьшить потерю своихъ защитниковъ и враговъ, но и оно показывало ее въ пять тысячъ; другія извѣстія говорятъ о десяти и болѣе тысячахъ,—и быть можетъ даже эта цифра не достигаетъ еще ужасной дѣйствительной потери. Ветераны наполеоновскихъ временъ говорили, что никакой штурмъ непріятельской крѣпости во времена первой имперіи не былъ такъ кровопролитенъ. Есть положительный фактъ, слишкомъ достовѣрно свидѣтельствующій о вѣрности этого впечатлѣнія: изъ четырнадцати генераловъ, командовавшихъ войсками, шестеро были убиты, пять другихъ были ранены, и только трое уцѣлѣли,—да и изъ этихъ послѣднихъ подъ Ламорисьеромъ были убиты двѣ лошади.

Какъ полководецъ, Кавеньякъ въ эти страшные дни дѣйствовалъ превосходно. Всѣ знатоки военнаго дѣла утверждаютъ это. Кромѣ стратегическихъ талантовъ,

онъ выказалъ качество еще болѣе рѣдкое,—непреклонную энергію воли, когда, не смотря ни на какія просьбы, внушаемыя нетерпѣніемъ, твердо слѣдовалъ своему плану, который одинъ могъ вести къ побѣдѣ, и дѣйствуя шагъ за шагомъ, не сдѣлалъ ни одного опрометчиваго движенія. Какъ частный человѣкъ, онъ также велъ себя безукоризненно: напрасно враги его обвиняли, что онъ употребилъ какія нибудь интриги для достиженія диктатуры: это низкая клевета; онъ вѣрно служилъ Исполнительной Коммиссіи, пока она существовала, и когда она была уничтожена Національнымъ Собраніемъ и вся власть передана ему, то было благоразумнымъ рѣшеніемъ самого Собранія, и ни самъ Кавеньякъ, ни его друзья не сдѣлали ни одного шага, чтобы внушить это рѣшеніе. По окончаніи битвы, онъ явился въ Собраніе, возвращая ему власть, которой былъ облеченъ на время битвы, и опять совершенно ничего не искалъ;—когда Собраніе просило его сохранить власть и сдѣлаться главою правительства, онъ, принявъ это высокое порученіе, нимало не утратилъ простоты своихъ правовъ, продолжалъ быть совершенно прежнимъ человѣкомъ и постоянно не только говорилъ, но и дѣйствовалъ совершенно сообразно сущности своихъ обязанностей,—всегда признавая себя только довѣреннымъ лицомъ Собранія, вручившаго ему власть, и ни разу не сдѣлавъ ни одного шага для того, чтобы расширить предѣлы этой власти или отказать въ повиновеніи Собранію, которое совершенно ввѣрилось его честности. Словомъ, какъ частный человѣкъ, онъ выказалъ характеръ, достойный Вашингтона. Но, какъ государственный человѣкъ, Кавеньякъ, къ сожалѣнію, не обнаружилъ ни особенной проницательности, ни особенныхъ дарованій: подобно всей своей партіи, онъ поступалъ вовсе не предусмотрительно и не разсчетливо. Великимъ несчастіемъ для него и всей партіи было уже то, что ея ошибками дѣла были доведены до іюньскаго междоусобія; но въ этомъ не былъ виноватъ Кавеньякъ,—онъ не управлялъ государствомъ, не имѣлъ значительнаго вліянія на ходъ событій до іюня,—онъ ограничивался до той поры почти только своими спеціальными занятіями по должности военнаго министра, и управлялъ этою частью хорошо. Потому теперь, когда управленіе перешло въ руки его, человѣка, непричастнаго прежнимъ ошибкамъ, правительство умѣренныхъ республиканцевъ могло бы явиться передъ націею какъ бы отказавшимся, очищеннымъ отъ прежнихъ гибельныхъ промаховъ и возстановить свою популярность. Для этого, битву слѣдовало бы вести со всевозможною готовностью къ примиренію, и тогда генералъ, принявшій власть среди громовъ междоусобія, представился бы не столько побѣдителемъ одного класса своихъ согражданъ во имя другихъ классовъ, сколько миротворцемъ. Но Кавеньякъ явился не болѣе, какъ только хорошимъ генераломъ, смотрящимъ на гражданскія дѣла глазами своихъ политическихъ друзей; а политическіе друзья его, къ сожалѣнію, во всемъ считая себя правыми относительно прошедшаго, не находили въ самыхъ дѣйствіяхъ своего прежняго управленія объясненій возстанія, и потому считали это возстаніе возникшимъ единственно вслѣдствіе желаній, гибельныхъ для общества; они слишкомъ повѣрили своей фразѣ, которую любили повторять въ апрѣлѣ и маѣ: „варвары у воротъ нашихъ“—les barbares sont à nos portes; они увидѣли въ жалкихъ, голодныхъ работникахъ не несчастныхъ, доведенныхъ до безразсудной дерзости отчаяніемъ, а злодѣевъ, принявшихся за оружіе чисто съ намѣреніемъ грабить и рѣзать. Сообразно такому понятію и повели они борьбу противъ нихъ,—не какъ противъ гражданъ, а будто противъ какихъ нибудь канни-

баловъ, безпощадно, безжалостно. Наконецъ, инсургенты потеряли всякую надежду на успѣхъ. Это было на третій день возстанія, на другой день ожесточенной битвы. 25-го іюня. Въ этотъ моментъ возникали для умѣренныхъ республиканцевъ новыя соображенія, которыми долженъ былъ бы измѣниться характеръ слѣдующаго дня, если бы умѣренные республиканцы были предусмотрительны.

Надежды противниковъ уничтожены. Пусть прежде инсургенты заслуживали истребленія, какъ хищные звѣри: но слѣдуетъ ли теперь доканчивать ихъ истребленіе, когда они убѣдились въ неизбѣжности своего пораженія? Продолженіе борьбы, уже ненужной для отвращенія отъ себя опасности,—опасность уже отвращена,—не введетъ ли умѣренныхъ республиканцевъ въ новую опасность?

Съ точки зрѣнія собственныхъ убѣжденій, они должны были принять въ соображеніе слѣдующіе факты. Они, умѣренные республиканцы, хотѣли утвердить во Франціи республиканскую форму правленія. Какой классъ націи былъ единственнымъ преданнымъ защитникомъ этой формы? Только классъ работниковъ; кромѣ работниковъ, искренними республиканцами были только немногіе отдѣльные люди, по своей малочисленности не могшіе удержаться противъ высшихъ классовъ и поселянъ, желавшихъ низверженія республики. Прежде, положимъ, работники увлекались гибельными химерами,—теперь исчезли ихъ надежды на осуществленіе этихъ другихъ желаній: изъ всѣхъ ихъ чувствъ остается имѣющимъ практическую силу только преданность республиканской формѣ. Причины, ожесточившія умѣренныхъ республиканцевъ противъ нихъ, уже не существуютъ, существуетъ только одно общее обѣимъ сторонамъ стремленіе поддержать республику. Ясно было, что умѣренные республиканцы должны были постараться прекратить борьбу съ ними. И каковъ будетъ результатъ, если борьба продолжится до истребленія противниковъ? Подавленъ будетъ классъ, который одинъ преданъ республиканской формѣ, — она останется беззащитна, она падетъ и съ нею умѣренные республиканцы погибнутъ сами.

Продолженіе борьбы было гибельно для нихъ. Они должны были искать примиренія съ укрощенными нынѣ вчерашними противниками.

Они не только не сдѣлали этого, они отвергли просьбу о примиреніи, или хотя просто о пощадѣ, съ которою пришли къ нимъ инсургенты.

Это было въ ночи съ 25 на 26 іюня. Къ президенту Національнаго Собранія Сенару и къ Кавеньяку явилась депутація инсургентовъ; она говорила, что инсургенты сдадутся, если имъ дана будетъ амнистія. Умѣренные республиканцы отвѣчали устами Сенара и Кавеньяка, что это предложеніе—глупость, что покорность отъ инсургентовъ только тогда можетъ быть принята, когда они сдадутся безусловно, на жизнь и на смерть. „Иначе нечего и хлопотать вамъ являться ко мнѣ“, сказалъ Кавеньякъ депутаціи:—„я отвергаю всякія другія предложенія“.

Инсургенты могли ошибаться въ значеніи словъ „безусловная сдача на волю побѣдителей“: быть можетъ, умѣренные республиканцы послѣ этой сдачи оказались бы милостивѣе, нежели были до сихъ поръ; но инсургентамъ, натурально, могъ представляться въ ихъ требованіи только одинъ смыслъ, слишкомъ ясно показанный въ два предыдущіе дня безпощаднымъ употребленіемъ картечи, разстрѣливаніемъ инсургентовъ, попадавшихся въ плѣнъ, убійствами людей безоружныхъ, стариковъ и женщинъ, неистовствами подвижной гвардіи. Они въ отвѣтѣ

Сенара и Кавеньяка не могли видѣть ничего иного, какъ требованіе идти подъ военный судъ, по законамъ котораго каждый инсургентъ подвергался разстрѣливанію. Умѣренные республиканцы должны были знать, что иначе не можетъ быть понято ихъ требованіе. Отвергая просьбу о прощеніи, они сами говорили инсургентамъ: „теперь вамъ не остается уже ничего, кромѣ какъ биться до послѣдней капли крови, потому что пощады вамъ не будетъ".

То и случилось, къ чему принуждали они этимъ инсургентовъ. На слѣдующее утро (26 іюня) съ прежнею безпощадностью возобновилась битва, и кончилась въ половинѣ второго часа пополудни совершеннымъ подавленіемъ инсургентовъ.

Истребляемые въ Парижѣ, они бѣжали изъ города, разсѣялись по окрестностямъ. Повсюду были посланы команды ловить ихъ. Ихъ находили попрятавшихся въ лѣсахъ, скитающихся по полямъ, и скоро парижскія тюрьмы переполнились плѣнными, переполнились ими казармы парижскихъ фортовъ, всѣ укрѣпленныя зданія въ Парижѣ, такъ что наконецъ пришлось набить ими даже подземный ходъ, который велъ изъ Тюльери къ Сенѣ и который устроилъ себѣ на случай бѣгства Луи-Филиппъ. Число этихъ военноплѣнныхъ простиралось до 14.000 человѣкъ.

Они всѣ было отданы подъ военный судъ, почти всѣ приговорены къ ссылкѣ, но еще до судебнаго приговора было уже сдѣлано распоряженіе о ссылкѣ ихъ: они были переведены на понтоны для отправленія въ ссылку. Можно вообразить себѣ, каковъ былъ военный судъ при такихъ наклонностяхъ умѣренныхъ республиканцевъ, при такомъ громадномъ числѣ подсудимыхъ,—это было то, что называется по-французски судъ на скорую руку, justice sommaire.

Само собою разумѣется, что общественное мнѣніе, возмущенное этою ссылкою цѣлой массы народа, массы уже отправленной на понтоны безъ всякой формы суда, скоро принудило умѣренныхъ республиканцевъ къ уступкамъ. Мало-по-малу, стали выпускать съ понтоновъ одну партію плѣнныхъ за другою, но все еще, по прошествіи цѣлаго года, оставалось на понтонахъ нѣсколько тысячъ человѣкъ.

Ни Орлеанское, ни Бурбонское правительство не доходило до такого произвола. Съ того времени, какъ Наполеонъ въ началѣ своего владычества безъ суда отправилъ въ ссылку людей, ему опасныхъ, не бывало во Франціи подобныхъ примѣровъ. Но и наполеоновская ссылка была ничтожна передъ этою произвольною мѣрою: тогда подвергнуты были произвольному наказанію всего сто, полтораста человѣкъ,—теперь подвергались многія тысячи людей.

Надобно ли говорить, что въ этой ссылкѣ еще болѣе, нежели даже въ самой безпощадности битвы, выразилась неспособность умѣренныхъ республиканцевъ понимать свое положеніе, ихъ непредусмотрительность и безтактность? Государственнымъ человѣкомъ достоинъ называться только тотъ, въ комъ благоразуміе господствуетъ надъ увлеченіями страстей; но если мы даже извинимъ ослѣпленіе страстью во время борьбы, то по крайней мѣрѣ по достиженіи совершенной побѣды разсудокъ долженъ вступать въ свои права. Пусть умѣреннымъ республиканцамъ казалось нужно не только усмирить, но и совершенно обезсилить работниковъ. 26-го іюня это было сдѣлано, и военныя соображенія должны были уступить мѣсто правительственнымъ. Самое основное правило политическаго благоразумія говоритъ, что при внутреннихъ раздорахъ побѣдоносная сторона можетъ

укрѣплять свое господство только снисходительностью къ побѣжденной,—такъ дѣйствовали всѣ истинно государственные люди, отъ Юлія Цезаря до Наполеона. Умѣренные республиканцы не понимали этого. Если бы послѣ своего полнаго торжества они дали амнистію побѣжденнымъ, уже переставшимъ быть для нихъ опасными, они прикрыли бы этою мантіею милосердія многія свои ошибки, привлекли бы къ себѣ многихъ, отчужденныхъ междоусобіемъ. Они этого не сдѣлали, и озлобленіе, вселенное ожесточеніемъ битвы и ужасами побѣды, раздражалось и усиливалось холодною неумѣстностью напраснаго мщенія надъ людьми, которые уже не могли быть вредны побѣдителямъ.

Таково было положеніе дѣлъ, когда умѣренные республиканцы, съ диктатурою Кавеньяка, пріобрѣли безграничную власть во Франціи. Ужасенъ и противенъ всѣмъ понятіямъ,—не говоримъ уже законности, или гуманности, но—всѣмъ понятіямъ обыкновеннаго житейскаго смысла былъ путь, который привелъ ихъ къ этому господству. Все, въ чемъ нѣкогда обвиняли они предшествовавшія правительства, было совершено ими въ громаднѣйшихъ размѣрахъ. Убійства въ Трансноненской улицѣ, апрѣльскія судебныя преслѣдованія, за которыя они такъ осуждали Орлеанское правительство, были ничтожною шуткою сравнительно съ іюньскими убійствами, разстрѣливаніями и ссылкою цѣлыхъ массъ. Если бы кто нибудь сказалъ умѣреннымъ республиканцамъ наканунѣ февральскихъ событій, что они совершатъ такія дѣла для сохраненія власти, которую тогда готовились они пріобрѣсти, они съ негодованіемъ отвергли бы такое предсказаніе, какъ нелѣпый бредъ. А между тѣмъ, все совершившееся въ іюнѣ, было неизбѣжнымъ слѣдствіемъ той системы, которая привела ихъ къ февральскому торжеству. Если бы предусмотрительность ихъ не была помрачена политическою страстью, они въ началѣ 1848 года видѣли бы, что начинаютъ игру слишкомъ двусмысленную и страшную,—игру, которая необходимо приведетъ ихъ, въ случаѣ успѣха, къ звѣрскому истребленію людей, которыхъ они тогда призывали на помощь себѣ.

Сами они были малочисленны и слабы въ началѣ 1848 года. Они одни не могли ничего сдѣлать противъ Орлеанскаго правительства, которое хотѣли низвергнуть. Они вздумали вступить въ союзъ съ работниками, и силою этого класса достигли своей цѣли.

Но чѣмъ они могли возбудить работниковъ? Работники желали не перемѣны политическихъ формъ, а преобразованій, которыми улучшилось бы ихъ общественное положеніе. И вотъ, республиканцы увѣрили ихъ, что эти улучшенія будутъ произведены республикою. Такою цѣною пріобрѣли они союзъ. Но могли ли они въ самомъ дѣлѣ исполнить свои обѣщанія? Нѣтъ, желанія работниковъ признавали они несбыточными, гибельными химерами. При этомъ, благоразуменъ ли былъ союзъ? Онъ основывался на самообольщеніи съ обѣихъ сторонъ. Работники думали получить себѣ удовлетвореніе черезъ людей, которые въ сущности были также враждебны ихъ желаніямъ, какъ Гизо и Дюшатель. Умѣренные республиканцы воображали, что удержать работниковъ имъ будетъ также легко, какъ и возбудить ихъ. Извѣстно, каковы всегда бываютъ результаты союзовъ, основанныхъ на томъ, что одинъ союзникъ надѣется достичь цѣли, которая отвергается другимъ: эти союзы ведутъ къ смертельной враждѣ между союзниками. Такъ было и тутъ. Возбуждая надежды, которыхъ не могли удовлетворить, умѣренные республиканцы должны были знать, что имъ придется отвергать требо-

ванія, которымъ они льстили. Въ этихъ требованіяхъ работники видѣли вопросъ о жизни и смерти для себя—нельзя было не угадать, что для отверженія этихъ требованій нужна будетъ смертельная битва противъ работниковъ.

Но формалисты ничего не предвидятъ. Умѣренные республиканцы легкомысленно повели въ февралѣ противъ Орлеанскаго правительства людей, съ которыми еще гораздо менѣе могли ужиться въ согласіи, нежели съ Орлеанскимъ правительствомъ. Если бы они предвидѣли іюнь, они отказались бы отъ вражды противъ Орлеанскаго правительства въ февралѣ.

Исторія возвышенія партіи умѣренныхъ республиканцевъ представляется поразительнымъ примѣромъ того, какъ неизбѣжно осуществляется исторіею правило, внушаемое здравымъ смысломъ и такъ часто забываемое въ увлеченіи политическихъ страстей: нужно подумать о томъ, каковы существенныя желанія людей, прежде, нежели искать ихъ содѣйствія. Если бы работники и республиканцы понимали другъ друга, они ни въ какомъ случаѣ не начали бы вмѣстѣ дѣйствовать противъ Орлеанскаго правительства, потому что между ними было противорѣчіе, еще болѣе важное, нежели причины ихъ недовольства министерствомъ Гизо.

Союзъ ихъ былъ ненатуралень, онъ привелъ къ нелѣпости,—нелѣпость въ историческихъ дѣйствіяхъ ведетъ къ событіямъ гибельнымъ для страны.

Правда и то, что противоестественный союзъ между партіями, смертельно враждебными по сущности своихъ желаній, былъ произведенъ столь же противными здравому смыслу дѣйствіями Гизо, его покровителей и партизановъ. Только ихъ самообольщеніе породило самообольщеніе въ противныхъ партіяхъ,—это очевидно для всякаго, кто припоминаетъ исторію временъ, предшествовавшихъ во Франціи февральскимъ событіямъ, и первая вина за ужасы, совершенные послѣ того, падаетъ на людей, которые довели дѣла Франціи до нелѣпаго положенія, породившаго февральскія событія. Здѣсь не мѣсто доказывать это,—мы хотѣли только изложить, какимъ рядомъ обмановъ и насилій умѣренные республиканцы должны были выпутываться изъ того фальшиваго положенія, въ которое стали для низверженія Орлеанской системы,—какія нелѣпости и ужасы были необходимымъ условіемъ утвержденія ихъ власти надъ Франціею. Теперь намъ должно разсказать вторую половину ихъ исторіи;— мы знаемъ, какимъ образомъ достигли они власти, теперь посмотримъ, какимъ образомъ потеряли они власть; за возвышеніемъ ихъ быстро послѣдовало паденіе, и мы увидимъ, что паденіе было неизбѣжнымъ слѣдствіемъ тѣхъ фальшивыхъ или жестокихъ средствъ, которыми они достигли власти, и той несоотвѣтственности ихъ убѣжденій съ потребностями французскаго общества, которая съ самаго начала дѣлала для нихъ невозможнымъ прямой и самостоятельный образъ дѣйствій.

II.

Іюньская побѣда передала въ руки умѣренныхъ республиканцевъ всю правительственную власть надъ Франціею. Ужаснымъ путемъ достигли они до этого торжества, и мы видѣли, что неизбѣженъ былъ для нихъ этотъ путь послѣ той основной ошибки, которая сдѣлана въ началѣ 1848 года умѣренными республиканцами и парижскими работниками. Двѣ партіи, стремленія которыхъ были непри-

миримо противоположны, соединились тогда между собою для низверженія противниковъ, которые по своимъ убѣжденіямъ гораздо менѣе разнились отъ умѣренныхъ республиканцевъ, нежели умѣренные республиканцы отъ своихъ союзниковъ. Результатомъ обманчиваго союза на словахъ, при полнѣйшемъ разногласіи въ желаніяхъ, была неизбѣжная необходимость двумъ на время слившимся партіямъ, тотчасъ послѣ одержанной въ союзѣ побѣды, вступить между собою въ борьбу, гораздо болѣе серьёзную, нежели та, въ которой общими силами они низвергли орлеанскую систему. Фальшивыя историческія положенія всегда дорого обходятся государству, но иногда бываютъ выгодны для тѣхъ, которые ставятъ въ нихъ государство,—это тогда, когда одна изъ партій, вступающихъ въ обманчивый союзъ, хитритъ и коварствуетъ. Но тутъ обѣ партіи дѣйствовали не по хитрому разсчету, а по соображеніяхъ, при всей своей ошибочности, прямодушнымъ, и потому обѣ проиграли отъ ошибки, въ которую одна увлечена была другою. Парижскіе работники за союзъ съ умѣренными республиканцами расплатились тѣмъ, что надолго остались безъ куска хлѣба и тысячами погибли въ битвѣ, тысячами были брошены въ темницы. Умѣренные республиканцы поплатились тѣмъ, что пробудили ненависть къ себѣ во всѣхъ тѣхъ классахъ населенія, любовью которыхъ дорожили.

Очень трудно было положеніе умѣренныхъ республиканцевъ послѣ іюньскихъ дней, хотя вся правительственная власть была въ ихъ рукахъ. Сами по себѣ, они были малочисленны и слабы: они могли держаться только опираясь на другія партіи, которыя тогда всѣ сливались въ два большіе лагеря, почти поровну дѣлившіе между собою все народонаселеніе Франціи.

Съ одной стороны, соединились въ одну массу всѣ тѣ, идеалъ которыхъ былъ не въ будущемъ, а въ прошедшемъ. Нѣкогда они распадались на враждебныя партіи легитимистовъ и орлеанистовъ, смертельно ненавидѣвшія другъ друга. Но теперь вражда ихъ умолкла подъ грозою, одинаково страшною для всего, чѣмъ дорожили всѣ они одинаково. Въ прежнее время былъ между ними споръ о томъ, классу землевладѣльцевъ или классу капиталистовъ владычествовать во Франціи, фамильнымъ преданіямъ съ придворными нравами и феодальными стремленіями, или промышленной спекуляціи, съ биржевыми правилами и узкимъ либерализмомъ хитраго эгоизма. Теперь тотъ и другой интересъ подвергался одинаковой опасности, и для своего спасенія оба они слились въ одинъ интересъ—интересъ возвращенія господства надъ законами и администраціею тому, что называется превосходствомъ по имуществу или значительностью въ обществѣ. Люди, которымъ лично выгодно это возвращеніе, немногочисленны во Франціи. Но тогда каждый изъ нихъ имѣлъ за собою болѣе или менѣе значительное число клієнтовъ, привыкшихъ слушаться или поставленныхъ въ необходимость повиноваться ему. Такъ, за капиталистами шли очень многіе изъ людей, зависѣвшихъ отъ нихъ по промышленнымъ дѣламъ, и голосу ихъ слѣдовало большинство въ сословіи торгующихъ людей и рентьеровъ, хотя эти маленькіе люди, если бы ясно сознавали свои выгоды, могли бы замѣтить, что биржа и банкиры вовсе не представляютъ ихъ интересовъ. За большими землевладѣльцами во многихъ провинціяхъ шли поселяне; по воспоминаніямъ феодальныхъ временъ и по ультрамонтанскимъ стремленіямъ заодно съ большими землевладѣльцами было католическое духовенство, пользовавшееся очень значительнымъ вліяніемъ на поселянъ. Такимъ образомъ, лагерь, желавшій возстановленія стараго порядка, располагалъ очень значительными силами.

Съ другой стороны были люди, желавшіе, какъ мы говорили, измѣненія въ матеріальныхъ отношеніяхъ сословій, желавшіе законодательныхъ и административныхъ мѣръ для улучшенія быта низшихъ классовъ. Естественно было бы полагать, что вся масса простолюдиновъ станетъ на этой сторонѣ. Но знаніе о новыхъ мѣрахъ, предполагавшихся въ ихъ пользу, было распространено только между простолюдинами большихъ городовъ. Поселянинъ во Франціи ничего не читалъ, почти не встрѣчалъ образованныхъ людей, которые разсказали бы ему, въ чемъ дѣло. Потому реформаторы имѣли на своей сторонѣ только городскихъ простолюдиновъ; изъ сельскаго населенія, погруженнаго въ совершенное незнаніе, большая половина слѣдовала за своими обычными авторитетами,—землевладѣльцами и духовенствомъ, и только въ немногихъ, ближайшихъ къ большимъ городамъ, округахъ поселяне сочувствовали идеямъ городскихъ простолюдиновъ.

Посрединѣ между этихъ двухъ огромныхъ лагерей стояла немногочисленная армія умѣренныхъ республиканцевъ. Съ тѣмъ и другимъ станомъ были у ней сильныя причины къ несогласію, но съ тѣмъ вмѣстѣ и важныя точки соприкосновенія, подававшія возможность къ сближенію.

Отъ партій, желавшихъ сохраненія общественнаго быта въ прежнемъ его видѣ, умѣренные республиканцы раздѣлялись воспоминаніями жестокой вражды съ конца прошлаго вѣка до низверженія орлеанской системы. Еще важнѣе было разногласіе въ мнѣніяхъ о формѣ правительства. Реакціонеры ужасались слова „республика“,— не потому, чтобы въ самомъ дѣлѣ были искренними монархистами, а просто потому, что представляли республику осуществленіемъ безграничной демократіи.

Отъ реформаторовъ умѣренные республиканцы отдѣлялись также воспоминаніями о борьбѣ, которая была менѣе продолжительна, но еще болѣе жестока, нежели борьба съ реакціонерами; притомъ же и воспоминанія эти были свѣжѣе; послѣдній и самый страшный актъ борьбы только что совершился и продолжались еще его послѣдствія: осадное положеніе, арестъ нѣсколькихъ тысячъ человѣкъ, стѣсненіе газетъ, и т. д. О коренномъ разногласіи въ идеяхъ мы уже говорили: умѣренные республиканцы хотѣли остановиться на измѣненіи политической формы, реформаторы утверждали, что оно ничего не значитъ безъ измѣненія въ сословныхъ отношеніяхъ, которое умѣренные республиканцы вмѣстѣ съ монархистами называли нелѣпою и гибельною химерою.

Причины къ раздору были, какъ видимъ, чрезвычайно важны. Но отношенія между тремя лагерями по матеріальной силѣ были таковы, что ни одинъ самъ по себѣ не могъ управлять Франціею нормальнымъ и прочнымъ образомъ,—получить рѣшительный перевѣсъ въ обществѣ могла каждая изъ трехъ главныхъ партій не иначе, какъ въ союзѣ съ другою. Въ послѣдствіи времени были заключаемы такіе союзы,—значитъ они были возможны, не смотря на всю силу взаимныхъ несогласій. Такъ въ концѣ 1849 года умѣренные республиканцы дѣйствовали дружно съ реформаторами противъ реакціонеровъ, а позднѣе за одно съ монархистами противъ Луи Наполеона. Но тотъ и другой союзъ былъ слишкомъ позденъ. Во-время враждебныя партіи не хотѣли и слышать о прекращеніи борьбы, которая поочередно погубила ихъ. Теперь насъ занимаетъ исторія умѣренныхъ республиканцевъ; потому, оставляя въ сторонѣ ошибки, сдѣланныя другими партіями, мы посмотримъ только, какія ошибки были причиною низверженія этой партіи.

Въ половинѣ 1848 года всѣ люди всѣхъ партій одинаково чувствовали, что первой необходимостью для Франціи было учрежденіе прочнаго правительства. Прочность не зависѣла тутъ отъ имени и формы, а единственно отъ того, чтобы партія, которая управляла бы государствомъ, имѣла на своей сторонѣ рѣшительное и прочное большинство въ націи. Ни одна изъ партій, взятыхъ въ отдѣльности, не имѣла этого большинства, и всего менѣе могли обольщаться въ этомъ случаѣ умѣренные республиканцы, на каждомъ шагу получавшіе доказательства своей малочисленности. Кратчайшимъ путемъ къ полученію поддержки большинства былъ бы для нихъ прямой союзъ съ одною изъ двухъ многочисленныхъ партій. На какихъ условіяхъ былъ возможенъ тогда этотъ союзъ?

Реакціонеры ужасались слова республика вовсе не потому, чтобы были искренними монархистами: они скоро примкнули къ Луи Наполеону, сопернику Бурбоновъ и Орлеанскаго Дома. Истинной привязанности къ монархической формѣ у большей части изъ нихъ было такъ мало, что они съ удовольствіемъ согласились бы на республику, если бы только сохранилось въ этой республикѣ преобладаніе высшихъ классовъ. Отъ республиканской формы умѣренные республиканцы не могли бы отказаться ни въ какомъ случаѣ, но этой уступки пока отъ нихъ и не требовалось бы: возможна ли была уступка, которая дѣйствительно требовалась реакціонерами? Умѣренные республиканцы имѣли чрезвычайное пристрастіе называть себя демократами; вотъ именно эта-то прибавка къ слову республиканецъ и возмущала реакціонеровъ: а между тѣмъ былъ ли въ этой прибавкѣ какой нибудь реальный смыслъ? Было ли практическое значеніе? По правдѣ говоря, вовсе нѣтъ. Гордясь именемъ демократовъ, умѣренные республиканцы гнушались именемъ демагоговъ, а демагогами называли всѣхъ тѣхъ, которые хотѣли дѣйствовать возбужденіемъ массъ для достиженія цѣлей, сообразныхъ съ выгодами массъ. Какой же реальный смыслъ оставался послѣ того за именемъ демократъ? Тотъ, что умѣренные республиканцы не хотѣли допустить такого преобладанія аристократическихъ элементовъ, какое видѣли въ Англіи; имъ больше нравилось устройство Сѣверо-Американскихъ Соединенныхъ Штатовъ. Но во Франціи аристократическіе элементы вовсе не имѣютъ той силы, какъ въ Англіи, и далеко не имѣли въ 1848 году притязанія сдѣлать изъ Франціи Англію: все, чего въ сущности желали они, ограничивалось спокойствіемъ на улицахъ и сохраненіемъ прежнихъ сословныхъ отношеній. Въ сущности того же самаго желали и умѣренные республиканцы. Къ чему же послѣ того было умѣреннымъ республиканцамъ такъ шумно кричать о своемъ демократизмѣ, запугивая этимъ громкимъ словомъ добрыхъ людей, не замѣчавшихъ, что демократъ становится пустѣйшимъ и безсильнѣйшимъ изъ людей, какъ скоро придумываетъ разницу между демократизмомъ и демагогіею? Неразсчетливо было со стороны умѣренныхъ республиканцевъ отталкивать отъ себя реакціонеровъ словомъ безъ реальнаго значенія: неразсчетливо было и со стороны реакціонеровъ изъ-за пустой парадной похвальбы отстраняться отъ людей, у которыхъ за душой не было въ сущности ничего непримиримаго съ тогдашними потребностями реакціонеровъ.

Та и другая партія забывали объ однаковости своихъ настоящихъ желаній изъ-за споровъ объ именахъ и историческихъ воспоминаніяхъ. Онѣ могли бы дѣйствовать дружно, но не хотѣли того. Реакціонеры непремѣнно хотѣли низвергнуть умѣренныхъ республиканцевъ изъ-за ихъ пустой претензіи на демократизмъ. Если умѣренные республиканцы никакъ не рѣшались отказаться отъ пустого слова для

привлеченія на свою сторону реакціонеровъ, то не могли ли они вступить въ союзъ съ реформаторами?

Тутъ недоразумѣніе было еще нелѣпѣе. Умѣренные республиканцы, восхищаясь своимъ демократизмомъ, еще съ большимъ усердіемъ кричали, что хоть они и демократы, но презираютъ и ужасаются демагоговъ. Крикъ о демагогахъ былъ такъ шуменъ и производился съ такимъ серьёзнымъ выраженіемъ лица, какъ будто въ самомъ дѣлѣ, въ 1848 году, Франціи угрожали какіе нибудь Іоганны Лейденскіе и Томасы Мюнцеры, или, по крайней мѣрѣ, Дантоны. А на самомъ дѣлѣ, каковы бы ни были идеи реформаторовъ, но сами реформаторы никакъ не должны были бы внушать ужаса,—справедливы или ошибочны, практичны или неосуществимы были ихъ мнѣнія, но сами по себѣ эти люди ни мало не походили на возмутителей, опасныхъ для спокойствія парижскихъ улицъ. Это были люди не уличныхъ волненій, а ученыхъ разсужденій въ тишинѣ кабинета, заваленнаго головоломными книгами; даже говорить въ многочисленномъ обществѣ очень немногіе изъ нихъ были способны, и почти каждый изъ нихъ былъ силенъ только съ перомъ въ рукѣ, за письменнымъ столомъ. Дѣйствія такимъ людей не могли въ сущности представлять ничего опаснаго для матеріальнаго порядка. Но быть можетъ, ихъ мнѣнія и требованія были неудобоисполнимы или опасны?

О ихъ общихъ теоріяхъ мы не хотимъ здѣсь говорить потому, что не ихъ партія служитъ предметомъ нашей статьи: мы должны показать только ихъ отношенія, въ послѣдней половинѣ 1848 года, къ партіи, главою которой былъ Кавеньякъ. Послѣ іюньскихъ дней, тѣ силы, которыми могли бы осуществляться теоріи реформаторовъ, были сокрушены и надолго уничтожена всякая надежда реформаторовъ имѣть правительственную власть. Дѣла приняли такой оборотъ, что надобно было ждать чрезвычайнаго вліянія реакціонной партіи на ходъ событій. Требованія реформаторовъ не простирались уже до того, чтобъ ихъ теоріи приводились въ исполненіе правительствомъ; они почли бы себя чрезвычайно счастливыми уже и тогда, если бы хотя половина тѣхъ обѣщаній, которыя два-три мѣсяца тому назадъ давались не только умѣренными республиканцами, но и реакціонерами, была исполнена. И тутъ были громкія слова, служившія предметомъ споровъ, напримѣръ „право на трудъ“, но подъ громкими словами скрывались теперь требованія, самыя скромныя: хотя сколько нибудь дѣйствительной заботливости со стороны правительства о помощи стѣсненному положенію низшихъ классовъ, и реформаторы были бы довольны. Не только умѣренные республиканцы, но и всѣ разсудительные люди между реакціонерами были убѣждены въ необходимости позаботиться объ улучшеніи быта низшихъ классовъ. Въ большинствѣ и умѣренныхъ республиканцевъ, и даже реакціонеровъ, это убѣжденіе было не только внушеніемъ разсчета, но и искреннимъ желаніемъ. Кромѣ немногихъ, нравственно-дурныхъ людей, всѣ желали позаботиться о распространеніи образованія между простолюдинами, объ улучшеніи ихъ квартиръ, объ улучшеніи мелкаго кредита, къ которому они прибѣгаютъ, объ избавленіи ихъ отъ ростовщиковъ и т. д. Между умѣренными республиканцами не было ни одного, который не имѣлъ бы этихъ желаній, а серьёзной заботы объ исполненіи этихъ желаній было бы довольно для пріобрѣтенія поддержки со стороны реформаторовъ. Но вмѣсто того, чтобы заботиться о вещахъ, которыя всѣмъ казались и полезны и практичны, умѣренные республиканцы предпочли спорить противъ разныхъ призраковъ и проводили время

въ опроверженіи требованій, которыхъ никто не предлагалъ, но существованіе которыхъ предполагалось умѣренными республиканцами. Самая простая, самая легкая мѣра вызывала противъ себя крики о невозможности и опасности, потому что подъ нею всегда предполагалась какая нибудь громадная теорія. Призракъ матерьяльной демагогіи, за которую не хотѣлъ или не былъ способенъ приниматься ни одинъ изъ реформаторовъ, и призракъ утопическихъ теорій, которыхъ никто не хотѣлъ приводить въ исполненіе въ тогдашнее время,—эти нелѣпые призраки не давали умѣреннымъ республиканцамъ и подумать о союзѣ съ реформаторами, которыхъ имъ угодно было воображать себѣ съумасшедшими людоѣдами.

Такимъ образомъ, по существенному положенію серьезнаго дѣла, умѣреннымъ республиканцамъ былъ бы возможенъ союзъ съ какимъ угодно изъ двухъ враждебныхъ лагерей, раздѣлявшихъ между собою населеніе Франціи. Но отчасти воспоминаніе о прежнихъ причинахъ вражды, отчасти громкія слова, пугавшія воображаемымъ значеніемъ, котораго не имѣли, препятствовали сближенію. Вѣроятно, если бы въ партіи умѣренныхъ республиканцевъ предводители были великими государственными людьми, эти затрудненія были бы устранены своевременно и партія умѣренныхъ республиканцевъ пріобрѣла бы прочную опору себѣ или отъ реакціонеровъ, или отъ реформаторовъ, смотря потому, съ какимъ изъ этихъ лагерей нашла бы она болѣе точекъ одинаковости въ стремленіяхъ. Намъ кажется, что если бы умѣренными республиканцами руководили такіе люди, какъ Ришльё, Штейнъ или Робертъ Пиль, то она предпочла бы сближеніе съ реформаторами. Несмотря на всю жестокость іюньскихъ битвъ и слѣдовавшихъ за ними проскрипцій, реформаторы легче, нежели реакціонеры, согласились бы поддерживать умѣренныхъ республиканцевъ: послѣ іюньскихъ дней, реакціонеры стали такъ самонадѣянны, что внушали уже чрезвычайно серьезныя опасенія реформаторамъ и, такимъ образомъ, самая жестокость пораженія, нанесеннаго реформаторамъ умѣренными республиканцами, заставляла этихъ послѣднихъ быть склонными къ поддержкѣ побѣдителей, за которыми выказывались грозныя полчища людей, одинаково враждебныхъ и побѣжденныхъ, и побѣдителямъ. Но въ партіи умѣренныхъ республиканцевъ не доставало государственнаго благоразумія на вступленіе въ рѣшительный союзъ ни съ тою, ни съ другой изъ партій, имѣвшихъ наиболѣе существеннаго могущества. Они вздумали держаться собственными силами. Ошибка эта была очень важна; она основывалась на странномъ самообольщеніи относительно своихъ силъ. Умѣренные республиканцы какъ будто не знали, что ихъ образъ мыслей, основанный на теоретическихъ соображеніяхъ, а не на матерьяльныхъ сословныхъ выгодахъ и потребностяхъ, по необходимости можетъ имѣть своими послѣдователями только небольшое число тѣхъ людей, которые дѣйствуютъ въ жизни не по требованію житейскихъ интересовъ, а по правиламъ отвлеченной теоріи; они воображали, что умозаключенія, а не интересы руководятъ людьми. Отъ людей, впадавшихъ въ такое отвлеченное заблужденіе, едва ли можно ожидать ловкаго практическаго образа дѣйствій; но если бы они дѣйствовали практично, то могли бы даже безъ союза съ сильнѣйшими партіями сдѣлать очень многое для утвержденія своихъ идей въ государственной жизни французской націи.

Положимъ, что они были совершенно неисправимы въ основномъ своемъ заблужденіи, въ томъ, что считали себя гораздо болѣе многочисленными, нежели

какъ были на самомъ дѣлѣ; но все-таки они очень хорошо знали, что слишкомъ значительная часть народонаселенія Франціи не сочувствуетъ ихъ политическимъ мнѣніямъ. Они должны были употребить всѣ заботы, чтобы увеличить число своихъ приверженцевъ. Пріобрѣтать прозелитовъ своимъ убѣжденіямъ вовсе не такъ легко, какъ находить союзниковъ своимъ интересамъ; но все-таки искусный государственный человѣкъ можетъ довольно быстро распространить свои понятія въ массѣ, если будетъ заботиться объ удовлетвореніи тѣхъ матеріальныхъ потребностей націи, которыя не противны его убѣжденіямъ. Умѣренные республиканцы имѣли въ своихъ рукахъ правительственную власть, и при малѣйшемъ искусствѣ въ парламентской тактикѣ могли вѣрно разсчитывать на поддержку большинства въ Національномъ Собраніи; это было уже очень важное преимущество. Нѣсколько мѣсяцевъ имъ оставалось для того, чтобы укрѣпиться въ занимаемомъ ими положеніи, и если бы они съумѣли воспользоваться этимъ временемъ, они могли бы утвердиться довольно прочно. Люди, которые, управляя дѣлами нѣсколько мѣсяцевъ, не будутъ въ концѣ ихъ гораздо сильнѣе, нежели были въ началѣ, неспособны управлять дѣлами.

Не вступая въ союзъ съ многочисленнѣйшими партіями, умѣренные республиканцы не должны были надѣяться на помощь отъ людей, предводительствовавшихъ этими партіями; но масса никогда не имѣетъ непоколебимыхъ и ясныхъ политическихъ убѣжденій; она слѣдуетъ впечатлѣніямъ, какія производятся отдѣльными событіями и отдѣльными важными мѣрами. Эту массу могли бы привлечь къ себѣ умѣренные республиканцы, если бы позаботились о томъ, чтоты ихъ управленіе производило выгодныя впечатлѣнія на массу и удовлетворяло тѣмъ ея желаніямъ, которыя могли они исполнить не измѣняя своему образу мыслей.

Государственный бюджетъ всегда составляетъ одну изъ самыхъ общихъ и сильныхъ причинъ довольства или недовольства въ массахъ. Франція жаловалась на обременительность податей; особенно силенъ былъ общій ропотъ противъ обременительныхъ налоговъ на соль и на вино и противъ пошлинъ, собираемыхъ въ городахъ съ съѣстныхъ припасовъ (octroi). Съ самаго Наполеона непрерывно шелъ этотъ ропотъ; каждое правительство, заботясь при своемъ началѣ о популярности, обѣщало отмѣнить налоги на соль и вино; ни одно не считало потомъ нужнымъ сдержать это обѣщаніе и при каждомъ переворотѣ одною изъ сильнѣйшихъ причинъ того глухаго неудовольствія, которое предшествовало волненію, былъ ропотъ на эти налоги. Соль и вино участвовали въ паденіи Наполеона, Бурбоновъ и Орлеанской династіи. Уничтожить городскія пошлины съ провизіи было бы не менѣе полезно: пока на нихъ роптали только горожане, но зато отъ горожанъ зависѣла прочность правительства еще больше, нежели отъ поселянъ; при томъ, если существованіе этихъ пошлинъ не безпокоило поселянъ, то уничтоженіе ихъ скоро было бы признано за благодѣяніе и поселянами, потому что увеличилось бы тогда потребленіе мяса, хлѣба и т. д. въ городахъ, стало быть развилась бы торговля сельскими продуктами. Налоги на соль и вино доставляли государству около двухъ сотъ мильоновъ франковъ, и при огромности французскаго бюджета было бы легко произвесть эту экономію: если же не хотѣли сокращать государственныхъ расходовъ, то желанія массы указывали источникъ, изъ котораго было бы легко съ избыткомъ получать эти двѣсти мильоновъ. Какъ обременительны казались налоги на вино и соль, такъ, напротивъ, чрезвычайно попу-

лярно было бы учрежденіе подати съ капитала или съ дохода. Ничѣмъ нельзя было бы въ дѣлахъ финансовыхъ такъ угодить массѣ народа, какъ обращеніемъ косвенныхъ налоговъ въ прямые. Пошлины съ съѣстныхъ припасовъ поступали въ городскіе доходы,—эти пошлины также легко было бы замѣнить прямыми налогами.

Кромѣ постоянныхъ налоговъ, чрезвычайный ропотъ былъ возбужденъ нелѣпымъ временнымъ увеличеніемъ поземельнаго налога на 1848 г. Этотъ временный добавочный налогъ равнялся почти половинѣ основнаго налога и по смѣтѣ долженъ былъ доставить до двухъ сотъ мильоновъ франковъ, но на дѣлѣ доставилъ гораздо менѣе, потому что никто не хотѣлъ его платить. Въ первой статьѣ мы уже упоминали, что онъ былъ одною изъ главныхъ причинъ реакціи, обнаружившейся противъ февральскаго переворота. Надобно было отмѣнить эту неудачную мѣру, черезъ нѣсколько дней послѣ февральской революціи придуманную однимъ изъ умѣренныхъ республиканцевъ, Гарнье-Паже.

Эти облегченія были бы необходимы даже въ томъ случаѣ, если бы умѣренные республиканцы не хотѣли сокращать государственныхъ расходовъ,—въ такомъ случаѣ надобно было бы, какъ мы говорили, замѣнить уничтоженные косвенные налоги прямыми: но народныя желанія требовали значительнаго сокращенія бюджета, который былъ доведенъ до страшныхъ размѣровъ расточительнымъ управленіемъ Луи-Филиппа, при которомъ въ теченіи 18 лѣтъ государственные расходы и вмѣстѣ съ ними подати увеличились вдвое. Изъ 1800 мильоновъ франковъ надобно было бы довести расходы не болѣе какъ до 1200 мильоновъ. Благоразумные политико-экономисты видѣли въ этомъ государственную необходимость. Умѣренные республиканцы признавали справедливость ихъ словъ, но ничего важнаго не сдѣлали для исполненія этой необходимости.

Другимъ общимъ желаніемъ дѣльныхъ людей всѣхъ партій было отмѣненіе тѣхъ излишествъ административной централизаціи, которыя обременяли чиновниковъ и самымъ утомительнымъ образомъ стѣсняли дѣятельность частнаго человѣка, ровно никому не принося пользы и ни для чего не будучи нужны. Чтобы починить какой нибудь дрянный мостъ черезъ ручей въ какомъ нибудь селѣ, надобно было испрашивать разрѣшенія отъ министра. Постройка домовъ, мощеніе улицъ—для всего этого нужны были позволенія и предписанія отъ парижскаго правительства. Умѣренные республиканцы, конечно, понимали неудобства этого порядка, связывавшаго всю Францію, сами реакціонеры говорили объ этомъ благоразумно. Но и тутъ ничего не было сдѣлано.

Стѣснительныя мѣры, казавшіяся необходимостью послѣ іюньскихъ событій, лишали умѣренныхъ республиканцевъ популярности при началѣ управленія Кавеньяка. Ни одна изъ тѣхъ мѣръ, которыя мы сейчасъ перечислили, и которыя могли бы уменьшить эту непопулярность, не была принята правительствомъ умѣренныхъ республиканцевъ въ продолженіи трехъ или четырехъ мѣсяцевъ, слѣдовавшихъ за учрежденіемъ ихъ правительства. Быть можетъ, достаточнымъ извиненіемъ тому могли быть безчисленныя хлопоты и затрудненія, въ которыя впутывалось новое правительство; во всякомъ случаѣ, умѣренные республиканцы надѣялись черезъ нѣсколько времени продолжать свое управленіе лучше, нежели начали его. Они надѣялись раньше или позже пріобрѣсть популярность, которой лишены были лѣтомъ и осенью 1848 года. Такимъ образомъ, по ихъ собствен-

ному мнѣнію, весь вопросъ состоялъ въ томъ, чтобы удержать за собою власть до той поры, когда пріобрѣтется ими популярность. Выиграть время—для нихъ было бы выиграть дѣло.

Было нѣсколько средствъ для нихъ продлить свою власть. Она вручена была Кавеньяку временнымъ образомъ отъ Національнаго Собранія и Національное Собраніе сначала не хотѣло торопить его прекращеніемъ этого положенія. Зная свою непопулярность въ настоящее время, умѣренные ретпубликанцы могли бы прибѣгнуть къ средству, которое надолго упрочило бы ихъ тогдашнее положеніе и даже сдѣлало бы ихъ любимцами народа. Точно также, какъ и всѣ французы, они чувствовали желаніе, чтобы Франція заняла въ Западной Европѣ то первенствующее положеніе, которымъ пользовалась при Людовикѣ XIV и при Наполеонѣ. Они считали униженіемъ для Франціи трактаты 1815 года. Сосѣднія страны представляли много удобныхъ случаевъ для начатія войны на Рейнѣ или въ Италіи. Италія нуждалась въ помощи французовъ противъ австрійцевъ. Прирейнскія области Пруссіи и всѣ государства западной Германіи находились въ такомъ положеніи, что французская армія могла явиться въ Германію союзницею одной изъ партій, готовившихся вооруженною рукою рѣшать споръ о сохраненіи или измѣненіи порядка дѣлъ въ Германіи.

Но, не принимая никакой рѣшительной мѣры, Кавеньякъ и его друзья давали проходить одному мѣсяцу за другимъ, пока уже поздно было вознаграждать потерянное время. Чего же ждали они и на что надѣялись? Они, кажется, воображали, что все устроится по ихъ желанію однимъ магическимъ дѣйствіемъ тѣхъ громкихъ словъ, въ неотразимую очаровательность которыхъ они вѣрили; они, кажется, предполагали, что Франція находитъ ихъ людьми необходимыми, потому что они сохраняютъ порядокъ и съ тѣмъ вмѣстѣ защищаютъ слово республика, какъ будто бы слово республика могло восхищать само собою кого нибудь, кромѣ немногочисленныхъ и безсильныхъ теоретиковъ, и какъ будто реакціонеры не считались гораздо лучшими ревнителями порядка, нежели республиканцы.

Наконецъ, былъ еще одинъ путь для удержанія власти: можно было сохранять свое владычество при помощи фактической силы, отстраняя формальное выраженіе національныхъ желаній. Умѣренные республиканцы могли говорить, что партіи, раздѣляющія между собою Францію, находятся въ такой враждѣ между собою, изъ которой снова легко можетъ возникнуть междоусобная война при первомъ поводѣ къ тому (и это было бы правда); что потому оффиціальныя проявленія народной жизни, слишкомъ волнующія массу, какъ, напримѣръ, государственные выборы и особенно выборъ президента республики, должны быть отложены на нѣкоторое время, пока умы успокоятся. Они не сдѣлали этого, не умѣли во-время предвидѣть результата, къ которому приведетъ выраженіе народныхъ симпатій и антипатій при тогдашней перепутанности понятій.

Умѣренные республиканцы не имѣли столько благоразумія, чтобы отсрочить на годъ или на полтора года выборъ президента республики. Но когда обнаружилось, что ихъ кандидатъ Кавеньякъ не имѣетъ вѣроятности быть избраннымъ, у нихъ оставалось еще средство въ значительной степени уменьшить вредныя для нихъ послѣдствія этой ошибки. Они уже предвидѣли, что исполнительная власть перейдетъ въ руки кандидата противныхъ имъ партій. Но въ Національномъ Собраніи, у котораго законодательная власть могла оставаться еще очень на долго,

большинство принадлежало имъ. Политическій разсчетъ долженъ былъ говорить имъ, что слѣдуетъ какъ можно болѣе увеличить вліяніе законодательной власти и какъ можно болѣе подчинить ей исполнительную. Они не сдѣлали и этого, пожертвовавъ и собственными выгодами, и спокойствіемъ государства отвлеченному соображенію о томъ, что исполнительная власть должна быть сильна и независима.

При самыхъ благопріятныхъ обстоятельствахъ не могла бы удержать за собою власти партія, дѣйствовавшая такъ непредусмотрительно и нерѣшительно. Въ нѣсколько мѣсяцевъ постепенно исчезло то могущество, которое было утверждено за умѣренными республиканцами іюньскою побѣдою. Напрасно было бы винить въ томъ обстоятельства: если много было въ нихъ затруднительнаго и неблагопріятнаго, то еще больше было выгоднаго для умѣренныхъ республиканцевъ; сами по себѣ они были довольно слабы, но у нихъ въ рукахъ было все то могущество, которое дается государственною властью; при томъ же всѣ другія партіи, хотя и болѣе многочисленныя, были въ то время еще слабѣе умѣренныхъ республиканцевъ: однѣ изъ нихъ были поражены въ іюнѣ, другія въ февралѣ, и ни одна не успѣла еще оправиться послѣ пораженія. Ихъ слабость доходила до безнадежности и ни одна не отваживалась даже и предъявлять притязаній на то, чтобы заступить мѣсто умѣренныхъ республиканцевъ въ управленіи государствомъ. И когда пришло время борьбы за власть, единственнымъ опаснымъ соперникомъ умѣренныхъ республиканцевъ явился кандидатъ, тогда еще не имѣвшій никакого самостоятельнаго политическаго значенія и обязанный своимъ успѣхомъ преимущественно тому, что его поддерживали люди, въ сущности столько же враждебные ему, какъ и умѣреннымъ республиканцамъ,—поддерживали оттого, что считали его еще гораздо болѣе слабымъ, нежели были сами. При такомъ безсиліи соперниковъ, легко было бы надолго удержать за собою власть умѣреннымъ республиканцамъ, если бы они были хотя сколько нибудь практическими людьми. Но за блескомъ и шумомъ своихъ отвлеченныхъ формулъ они не видѣли и не слышали ничего, и каждое событіе было для нихъ неожиданностью, которой они беззащитно уступали до тѣхъ поръ, пока наконецъ были совершенно оттѣснены отъ власти, которою не умѣли пользоваться.

Таковъ общій характеръ событій французской исторіи съ конца іюня до конца ноября 1848 года. Краткій обзоръ этихъ событій подтвердитъ старую истину, что непредусмотрительность и нерѣшительность въ государственныхъ дѣлахъ гибельны бываютъ и для государства и для людей, неумѣющихъ пользоваться властью.

По укрощеніи возстанія, Кавеньякъ явился въ Національное Собраніе и объявилъ, что возвращаетъ ему ту диктаторскую власть, которую получилъ отъ него на время битвы. Собраніе рѣшило, что опасность еще продолжается, и потому просило Кавеньяка оставаться главою правительства, предоставивъ ему право по своему усмотрѣнію составить министерство. Выборомъ министровъ и другихъ важнѣйшихъ сановниковъ Кавеньякъ и умѣренные республиканцы, имъ руководившіе, показали, какими ошибочными соображеніями руководились они, когда рѣшили, что диктатура должна быть продолжена. Большинство министровъ было взято изъ умѣренныхъ республиканцевъ, но нѣкоторые важнѣйшіе посты были ввѣрены людямъ изъ старинныхъ партій, управлявшихъ Франціею съ 1815 до 1848 года.

Военнымъ министромъ былъ сдѣланъ Ламорисьеръ, другъ принцевъ Орлеанскаго дома. Этотъ выборъ не былъ впрочемъ опасенъ для республики: человѣкъ честный, Ламорисьеръ не интриговалъ противъ правительства, участникомъ котораго былъ. Гораздо больше опасности представляло назначеніе генерала Шангарнье комендантомъ парижской національной гвардіи: Шангарнье всячески хлопоталъ о возстановленіи системы, разрушенной въ февралѣ, и былъ извѣстенъ неумѣренностію своихъ реакціонныхъ стремленій. Выборъ его на столь важное мѣсто доказывалъ, что умѣренные республиканцы хотятъ опираться на реакціонеровъ, что свою диктатуру они хотятъ направить исключительно противъ реформаторовъ, которыхъ однихъ считаютъ опасными для государственнаго порядка.

Это прямо обнаруживалось рѣчами и дѣйствіями умѣренныхъ республиканцевъ въ Національномъ Собраніи, о которомъ пора намъ сказать нѣсколько словъ, потому что съ іюля до половины ноября отъ его рѣшенія зависѣли всѣ важнѣйшія дѣла.

Изъ девятисотъ „представителей народа“, составлявшихъ Національное Собраніе, до 350 человѣкъ принадлежали разнымъ реакціоннымъ партіямъ. Они сидѣли на правой сторонѣ залы. Около 300 человѣкъ, сидѣвшіе въ центрѣ, нѣсколько ближе къ лѣвой, нежели къ правой сторонѣ, были умѣренные республиканцы. Наконецъ лѣвую сторону занимали крайніе республиканцы и реформаторы, которыхъ находилось въ Собраніи до 250 человѣкъ. При такомъ распредѣленіи, большинство партій составлялось только посредствомъ соединенія двухъ партій изъ числа трехъ. Чтобы проводить свои мѣры, правительство, кромѣ прямыхъ своихъ приверженцевъ, должно было имѣть поддержку или отъ лѣвой стороны, — въ такомъ случаѣ предложенія правительства имѣли бы за себя большинство около 200 голосовъ,—или поддержку отъ правой стороны, и въ такомъ случаѣ большинство доходило бы до 400 голосовъ. Люди, незнакомые съ парламентскою тактикою, могутъ подумать, что при такомъ распредѣленіи голосовъ, для полученія поддержки съ той или другой стороны, центральная партія должна была дѣлать много уступокъ той партіи, голоса которой хочетъ имѣть. Вовсе нѣтъ; ни та, ни другая изъ крайнихъ партій не могла имѣть никакой надежды пріобрѣсть большинство своимъ собственнымъ мѣрамъ, потому что онѣ встрѣчали бы сопротивленіе въ обѣихъ остальныхъ партіяхъ, стало быть могли имѣть большинство только такія мѣры, которыя выходили бы отъ центральной партіи. Она могла по произволу выбрать себѣ поддержку съ той или съ другой стороны, и тутъ должно происходить нѣчто подобное тому, какъ бываетъ при встрѣчѣ двухъ продавцевъ съ однимъ покупщикомъ: тотъ и другой продавецъ наперерывъ другъ передъ другомъ понижаетъ цѣну до послѣдней крайности и радъ довольствоваться самою незначительною выгодою.

Малѣйшее предпочтеніе, оказываемое центральною партіею правой сторонѣ надъ лѣвою, или наоборотъ, уже пріобрѣтаетъ ей голоса этой стороны. Мало того: нужно только, чтобы центральная партія выказывала больше нелюбви, напримѣръ, къ лѣвой сторонѣ, нежели къ правой, и правая сторона будетъ самымъ усерднымъ образомъ поддерживать центръ, хотя бы центръ и съ нею обходился очень сурово. Это преобладаніе центра въ рѣшеніи дѣлъ доходитъ до того, что искусные парламентскіе предводители, съ центральною партіею изъ 50 человѣкъ, могутъ управлять рѣшеніями собранія, состоящаго изъ 500 человѣкъ. И такъ, умѣренные

республиканцы, имѣя цѣлую третью часть голосовъ и занимая средину между двумя крайними партіями, почти равносильными, должны были рѣшительно господствовать въ Національномъ Собраніи. Имъ довольно было рѣшительно отталкивать отъ себя одну изъ этихъ партій, чтобы имѣть горячую поддержку со стороны другой. Какую же изъ двухъ партій будутъ они преслѣдовать? вотъ вопросъ, представлявшійся имъ послѣ іюньскихъ дней. Лѣвая сторона была лишена сильнѣйшихъ своихъ предводителей въ Парламентѣ и потеряла свою армію внѣ Парламента. Она не могла теперь быть опасна, какъ бы громко ни выражала свой гнѣвъ. Всякое снисхожденіе отъ центра она приняла бы безъ всякихъ условій. Но центръ не видѣлъ настоящаго; ему все чудились страшные призраки іюньскихъ дней; онъ воображалъ, что завтра, послѣ завтра могутъ снова стать на баррикаду сорокъ тысячъ пролетаріевъ, забывая, что уже не осталось въ Парижѣ пролетаріевъ, способныхъ драться. Умѣренные республиканцы воображали, что черезъ недѣлю послѣ Іены и Ауэрштета, пруссаки могли разбить Наполеона, что Наполеонъ на другой день послѣ Ватерлоо могъ дать новую генеральную битву. Они твердили, что ужасаются страшныхъ замысловъ лѣвой стороны. Этимъ неразсчетливымъ выраженіемъ пустаго страха они лишили себя всѣхъ выгодъ своего центральнаго положенія, объявивъ, что имъ нѣтъ выбора между правою и лѣвою стороною. Естественно, стала черезъ это въ очень выгодное положеніе правая сторона. Центръ объявлялъ, что она ему необходима и она могла дорого продавать свои голоса. Подъ вліяніемъ пустаго страха, центръ такъ сильно погнулся на правую сторону, что потерялъ всякое равновѣсіе и можно было увлекать его все дальше и дальше направо. А между тѣмъ опасность ему была послѣ іюньскихъ дней справа, а не слѣва. Силами реакціонеровъ была выиграна іюньская побѣда, и побѣдители, конечно, были гораздо требовательнѣе, нежели побѣжденные. Никакія уступки со стороны центра не удовлетворяли правую сторону; съ каждымъ днемъ она дѣлалась все настойчивѣе, интриговала смѣлѣе и вынуждала у центра новыя уступки.

Возвращая диктатуру Кавеньяку, центръ прямо говорилъ, что эта диктатура направлена исключительно противъ лѣвой стороны, и что для поддержанія своей власти онъ будетъ опираться исключительно на правую сторону. Онъ давалъ вѣру всѣмъ слухамъ о заговорахъ и замыслахъ лѣвой стороны и отвергалъ, какъ клевету, всѣ подобные слухи о правой сторонѣ, выставлялъ опасными всѣ мелкіе безпорядки, при которыхъ слышались крики, бывшіе лозунгомъ лѣвой стороны, и оправдывалъ всѣ подобные случаи, выходившіе съ правой стороны. Кавеньякъ запретилъ большую часть газетъ лѣвой стороны, хотя онѣ нападали только на людей и отдѣльныя распоряженія, а не на самую форму правительства тогдашней Франціи, и охранялъ всѣ газеты правой стороны, хотя онѣ открыто стремились къ низверженію той формы правительства, представителемъ и защитникомъ которой былъ онъ,—побѣжденная революція представлялась ему болѣе серьёзнымъ врагомъ, нежели побѣдоносная реакція. Скоро для обузданія лѣвой стороны были предложены центромъ три закона: по первому, каждая политическая газета была обязана внести въ казну 24,000 франковъ (6,000 р. с.), какъ обезпеченіе въ уплатѣ штрафовъ, которые могутъ быть на нее наложены; по второму, назначались тяжелыя наказанія за газетныя статьи, противныя общественному порядку; по третьему, клубы подвергались строгому полицейскому надзору.

Этими законами совершенно разрушалось равновѣсіе между правою и лѣвою

стороною въ средствахъ политической дѣятельности. Уже и прежде правой сторонѣ было дано гораздо больше простора, нежели лѣвой; теперь послѣдняя была чрезвычайно стѣснена, между тѣмъ какъ до правой стороны новые законы вовсе не касались. Правая сторона была гораздо богаче лѣвой. Газеты правой стороны безъ хлопотъ взяли у своихъ патроновъ требуемыя обезпеченія: вмѣсто 24,000, каждая изъ нихъ, не стѣсняясь, нашла бы и 240,000 франковъ. Тѣ проступки, которые совершались газетами правой стороны, оставались безъ преслѣдованія, между тѣмъ какъ газеты противной партіи безпрестанно отдавались подъ судъ и осуждались на штрафы. Клубы для лѣвой стороны были тѣмъ, чѣмъ балы, большіе обѣды и фойе Оперы и Французскаго Театра для правой: преслѣдуя тѣ собранія, въ которыхъ разсуждали о политикѣ приверженцы лѣвой стороны, полиція предоставляла полнѣйшую свободу всѣмъ совѣщаніямъ правой стороны.

Просимъ читателя не забывать точки зрѣнія, съ которой мы излагаемъ событія. Мы говоримъ вовсе не о томъ, хороши или дурны были убѣжденія той или другой партіи. Наша цѣль вовсе не теоретическій разборъ различныхъ политическихъ убѣжденій, существовавшихъ въ Франціи въ 1848 году; до нихъ намъ нѣтъ никакого дѣла; до нихъ мало дѣла даже и французамъ настоящаго времени: въ десять лѣтъ всѣ эти убѣжденія совершенно устарѣли и нѣтъ теперь во Франціи человѣка, который думалъ бы о вещахъ точно такъ, какъ думалъ въ 1848 году. Но если вопросы и обстоятельства въ различныхъ странахъ и въ разное время бываютъ различны, то правила благоразумія во всѣхъ странахъ вѣчно неизмѣнны. Только эта сторона событій, сохраняющая навсегда интересъ для жизни, интересуетъ насъ здѣсь. Каковы были мнѣнія умѣренныхъ республиканцевъ, намъ нѣтъ дѣла; мы хотимъ только знать, благоразумно ли поступали они; каковы были цѣли, которыя имѣли они въ виду,—вопросъ посторонній для насъ; намъ хочется только показать, что они не умѣли выбирать средствъ для достиженія цѣлей, и изъ ихъ ошибокъ вывесть нѣкоторыя правила, въ родѣ знаменитаго латинскаго стиха, примѣняющагося ко всему, что̀ дѣлается на бѣломъ свѣтѣ:

Quidquid agis, prudenter agas, et respice finem,—

„Что̀ бы ты ни дѣлалъ, поступай благоразумно и разсчитывай послѣдствія своихъ поступковъ“. Быть можетъ, образъ мыслей умѣренныхъ республиканцевъ былъ вреденъ для государства; лично мы даже увѣрены въ этомъ. Быть можетъ, для Франціи было счастьемъ, что вмѣсто Кавеньяка правителемъ Франціи сдѣлался Луи Наполеонъ,—многіе говорятъ это. Мы вовсе не сравниваемъ этихъ двухъ людей по образу мыслей; мы разсматриваемъ только, до какой степени надобно приписать Кавеньяку и умѣреннымъ республиканцамъ торжество Луи Наполеона, и находимъ, что они постоянно дѣйствовали въ пользу ему и во вредъ себѣ; а такъ какъ они хотѣли вовсе не того, то мы и находимъ, что они держали себя неразсчетливо: для того, чтобы обнаружить эту неразсчетливость, мы должны показывать, въ чемъ должны были бы состоять для нихъ внушенія благоразумія. Быть можетъ, правая сторона по образу мыслей была совершенно справедлива; но ея усиленіе вело ко вреду центра, потому и неразсчетливо поступалъ центръ, содѣйствуя ея возвышенію. Онъ долженъ былъ или самъ принятьмнѣнія правой стороны, или бороться съ нею,—онъ не сдѣлалъ ни того, ни другаго. Правая сторона усиливалась его помощью.

а между тѣмъ продолжала ненавидѣть его, и съ каждымъ днемъ онъ долженъ былъ уступать, шагъ за шагомъ, власть врагамъ, которымъ самъ помогалъ.

Скоро правая сторона не удовольствовалась тѣмъ, что нѣкоторыя изъ важнѣйшихъ мѣстъ въ правительствѣ отданы ей; она стала требовать, чтобы изъ министерства были удалены люди, ей не нравившіеся. Прежде другихъ былъ удаленъ въ угодность ей министръ народнаго просвѣщенія Карно, котораго реакціонеры не любили отчасти за его имя, отчасти за то, что онъ издавна былъ друженъ съ людьми, которые были подозрительны реакціонерамъ. Не прошло двухъ недѣль послѣ іюньской побѣды, какъ правая сторона уже потребовала его удаленія, и мѣсто его отдано человѣку правой стороны, извѣстному историку Волабеллю. Черезъ три мѣсяца, правая сторона снова потребовала отдачи своимъ предводителямъ еще двухъ мѣстъ въ министерствѣ. Сенаръ, министръ внутреннихъ дѣлъ, бывшій президентомъ Національнаго Собранія въ іюнѣ вмѣстѣ съ Кавеньякомъ, принималъ самыя крутыя мѣры для подавленія инсургентовъ. Тогда реакціонеры превозносили его; но въ началѣ октября уже не хотѣли терпѣть въ министерствѣ человѣка, котораго еще недавно называли однимъ изъ спасителей общества. Сенаръ долженъ былъ уступить мѣсто Дюферу, и его отверженіе правою стороною служило очень яснымъ предсказаніемъ, что скоро будетъ отвергнутъ ею и главный изъ іюньскихъ „спасителей общества“, Кавеньякъ. Дюфоръ, подобно Ламорисьеру, не интриговалъ по крайней мѣрѣ противъ порядка дѣлъ, существовавшаго тогда во Франціи. Но другой членъ правой стороны, вмѣстѣ съ нимъ вступившій въ министерство Кавеньяка, Вивьенъ, явно стремился къ низверженію правительства, въ которомъ сталъ участвовать.

Эту смѣну министровъ правая сторона уже не выпрашивала, какъ прежде: въ октябрѣ она стала такъ смѣла, что уже стала отнимать свои голоса у Кавеньяка, когда хотѣла принудить его къ новой уступкѣ. Она уже открыто говорила, что поддержка ея необходима ему, что она чуть ли не изъ милости держитъ его президентомъ исполнительной власти. При такихъ словахъ было очевидно, откуда грозитъ опасность центру; но онъ оставался непреклоненъ въ своемъ ужасѣ передъ призракомъ новыхъ баррикадъ и дѣлалъ правой сторонѣ одну уступку за другою.

Вмѣстѣ съ преніями объ административныхъ вопросахъ и текущихъ происшествіяхъ, шли въ Національномъ Собраніи пренія о конституціи. Изъ всѣхъ вопросовъ о государственномъ устройствѣ, ближе всего касался судьбы правительства вопросъ объ отношеніи исполнительной власти къ законодательной. Въ теоріи существовало объ этомъ два различныя мнѣнія: одни приписывали частые перевороты, раздиравшіе Францію въ послѣднія 60 лѣтъ, тому, что у правительствъ было будто бы слишкомъ мало силы для сопротивленія инсургентамъ, низвергавшимъ ихъ одно за другимъ. Другіе указывали на то, что постоянно исполнительная власть во Франціи подчиняла себѣ законодательную и, пренебрегая законнымъ контролемъ ея, впадала въ ошибки, которыя и бывали прямою причиною общаго неудовольствія, приводившаго къ насильственнымъ переворотамъ; изъ этого они выводили, что для прочности исполнительной власти и сохраненія государственнаго спокойствія, законодательную власть во Франціи надобно усилить на счетъ исполнительной, такъ, чтобы контроль первой надъ послѣднею былъ дѣйствителенъ. Которое изъ двухъ мнѣній было справедливо въ теоретическомъ отношеніи, мы не станемъ разсматривать. Но очевидно было, къ которому изъ

этихъ двухъ мнѣній должны были присоединиться умѣренные республиканцы. Въ Національномъ Собраніи они господствовали; каковы будутъ стремленія исполнительной власти, когда она сдѣлается независимой отъ законодательной, они не знали навѣрное, но могли предполагать, что она не будетъ чужда тѣмъ преданіямъ, какія остались отъ всѣхъ французскихъ правительствъ со временъ Наполеона. Эти преданія были вовсе не въ пользу умѣренныхъ республиканцевъ. Благоразуміе ясно указывало имъ путь. Пусть ихъ теоретическія убѣжденія были бы въ пользу независимости исполнительной власти отъ законодательной; но они должны были понять, что не время имъ проводить въ дѣло чистую теорію и надобно принять въ соображеніе настоящія привычки, отлагая полное осуществленіе теоріи до той поры, когда измѣнившіяся понятія самой исполнительной власти о своихъ обязанностяхъ будутъ служить достаточнымъ ручательствомъ за то, что она не употребитъ во зло своей независимости. Это было ясно. Но мы должны повторить фактъ, на который уже много разъ приходилось намъ указывать. Умѣренные республиканцы были теоретики, непонимавшіе условій практической жизни. Они во время преній о конституціи постоянно поддерживали всевозможную независимость исполнительной власти отъ законодательной и возвышали ея силы. Кавеньякъ и всѣ министры говорили въ этомъ смыслѣ. Но вотъ дошла очередь до того параграфа, который опредѣлялъ способъ избранія президента республики. Тутъ было два противныя мнѣнія, какъ и обо всемъ въ государственныхъ дѣлахъ, у правой и лѣвой стороны. Правая сторона хотѣла, чтобы президентъ исполнительной власти былъ избираемъ непосредственно націею,—этимъ возвышалось величіе исполнительной власти; лѣвая сторона хотѣла, чтобы онъ былъ избираемъ законодательнымъ собраніемъ, — черезъ это, конечно, онъ становился ниже его. Тутъ Кавеньякъ и министры замѣтили наконецъ, что дѣло идетъ о сохраненіи или низверженіи тогдашняго порядка вещей во Франціи. Они замѣтили, что при общемъ неудовольствіи націи на нихъ, умѣренныхъ республиканцевъ, при разстройствѣ партіи реформаторовъ, легко могутъ восторжествовать при выборахъ президента реакціонеры, если выборъ будетъ предоставленъ націи. Кавеньякъ и министры подали голосъ вмѣстѣ съ лѣвою стороною въ пользу предложенія, чтобы президентъ республики былъ избираемъ Національнымъ Собраніемъ. Но было уже слишкомъ поздно. Умѣренные республиканцы слишкомъ уже пріучены были своими предводителями видѣть на лѣвой сторонѣ смертельныхъ враговъ всякаго общественнаго порядка и вслѣдъ за реакціонерными журналами кричатъ: Les barbares sont à nos portes! Они до того пріучены были повертываться направо, что когда теперь ихъ предводители вздумали сдѣлать маневръ налѣво, то были покинуты всѣмъ своимъ войскомъ. Большинствомъ четырехсотъ голосовъ было рѣшено, что президентъ республики будетъ выбранъ не Законодательнымъ Собраніемъ, а голосами всей націи.

Этимъ почти рѣшена была судьба умѣренныхъ республиканцевъ, подавшихъ голосъ противъ самихъ себя по неумѣнью соображать результаты своихъ дѣйствій. Трудно было имъ надѣяться на успѣхъ своего кандидата при выборѣ президента голосами всей націи, потому что ничего не сдѣлали они для пріобрѣтенія популярности, а между тѣмъ должны были передъ общественнымъ мнѣніемъ нести отвѣтственность за всѣ тѣ матеріальныя невзгоды, которыми сопровождался февральскій переворотъ.

Нельзя отрицать того, что Кавеньякъ и его политическіе друзья искренно желали отвратить всѣ злоупотребленія, облегчить всѣ тяжести, на которыя жаловалась нація. Но еще неоспоримѣе то, что ничего не было сдѣлано ими для исполненія этихъ желаній. Мы уже говорили о тѣхъ преобразованіяхъ, какія надобно было бы сдѣлать въ бюджетѣ, чтобы удовлетворить жалобамъ, которыя сильно содѣйствовали февральскому перевороту, и ожиданіямъ, которыя были возбуждены этимъ переворотомъ. Реформы, нами указанныя, были согласны съ убѣжденіями умѣренныхъ республиканцевъ. Но эта партія была по рукамъ и по ногамъ связана реакціонерами, провозглашавшими непогрѣшительность бюджета прежнихъ лѣтъ и вопіявшими противъ всякой попытки сократить государственные расходы, которыми они пользовались, или замѣнить распредѣленіе налоговъ, благопріятное для нихъ. Воображая себя въ опасности отъ людей убитыхъ, сосланныхъ или изгнанныхъ въ іюнѣ, умѣренные республиканцы не могли энергически приняться и за вопросъ о децентрализаціи, потому что всевозможное натягиваніе административныхъ пружинъ казалось имъ нужно для охраненія общественнаго порядка отъ опасностей слѣва, которыхъ уже не было. Охотно приняли бы они какія нибудь прямыя мѣры для улучшенія положенія низшихъ классовъ, но всѣ эти мѣры уже предлагались реформаторами, каждая мысль которыхъ представлялась умѣреннымъ республиканцамъ чѣмъ-то разрушительнымъ для общества; а если и приходила умѣреннымъ республиканцамъ въ голову какая нибудь маленькая идейка о какомъ нибудь маленькомъ законѣ, который бы нѣсколько полезенъ былъ народу, реакціонеры поднимали вопль, доказывая, что этотъ законъ былъ бы подражаніемъ проэктамъ реформаторовъ,—и дѣйствительно не трудно было доказать это, потому что на самомъ дѣлѣ мысли умѣренныхъ республиканцевъ объ улучшеніи состоянія простолюдиновъ были блѣдными отраженіями понятій, высказанныхъ реформаторами,—и бѣдные умѣренные республиканцы съ испугомъ отступались отъ того изъ своихъ сотоварищей, который былъ обвиняемъ реакціонерами въ потворствѣ реформаторскимъ теоріямъ. Чтобы объяснить нагляднѣе эту нерѣшительность, мы укажемъ на единственную прямую мѣру, принятую Національнымъ Собраніемъ для улучшенія участи работниковъ. Собраніе назначило 3.000.000 франковъ на пособіе учрежденію ассоціацій между фабричными работниками, то есть, для образованія чего-то похожаго на наши промысловыя и ремесленныя артели. Повидимому ничто не могло быть невиннѣе такого назначенія. Но надобно только прочесть доклады и рѣчи, съ которыми даны были эти деньги, чтобы понять, какими чувствами простолюдины должны были встрѣтить этотъ заемъ. Вотъ докладъ, представленный Собранію Корбономъ отъ имени Комитета, разсматривавшаго предложеніе объ этомъ пособіи и рекомендовавшаго Собранію принять его.

„Навѣрное, въ нашемъ Собраніи нѣтъ ни одного члена, который не желалъ бы всѣмъ сердцемъ постепеннаго возвышенія сословій, до сихъ поръ содержавшихся въ низкомъ положеніи. Съ своей стороны, мы искренно убѣждены, что настанетъ время, когда большая часть работниковъ перейдутъ изъ состоянія наемщиковъ въ состояніе сотоварищей, какъ прежде перешли они изъ рабства въ крѣпостное состояніе, изъ крѣпостнаго состоянія въ вольные наемщики. Но эта перемѣна будетъ дѣломъ времени и личныхъ усилій работниковъ. Конечно, государство должно помогать ей; но каково бы ни было его участіе въ медленномъ осуществленіи этого прогресса, участіе государства будетъ въ этомъ дѣлѣ гораздо меньше, нежели участіе, какое въ немъ должны имѣть

сами работники. Работникъ долженъ быть сыномъ своего труда, и если онъ нѣкогда тѣмъ или другимъ способомъ получитъ въ собственное распоряженіе средства для производства своего промысла, этими средствами онъ долженъ быть прежде всего обязанъ собственнымъ усиліямъ.

„Мы знаемъ, что такой приговоръ мало удовлетворитъ ту часть рабочаго класса, которую, напротивъ, увѣрили, что государство сдѣлаетъ все, и что работникамъ надобно лишь пользоваться его содѣйствіемъ. Недостойны помощи тѣ, которые не имѣютъ мужества помочь сами своимъ дѣламъ, не имѣютъ истиннаго понятія ни о свободѣ, ни о равенствѣ, ни о братствѣ, тѣ, которые не хотятъ пытаться поднять себя постоянными и терпѣливыми усиліями, а ждутъ, пока ихъ поднимутъ другіе.

„Мы хотимъ, чтобы государство помогало работникамъ только пропорціонально тѣмъ усиліямъ, которыя будутъ дѣлать они сами для пріобрѣтенія въ свое распоряженіе средствъ къ независимому труду.

„Мы не исполнили бы всей своей обязанности, если бы не прибавили, что ассоціаціи, пользующіяся нашей помощью, должны необходимо подчиняться условіямъ соперничества, безъ котораго нѣтъ самой свободы труда. Мы говоримъ это именно потому, что работниковъ увѣрили, будто всѣ ихъ бѣдствія — результаты соперничества. До извѣстной степени это справедливо; но напрасно отъ злоупотребленій соперничества заключать, что надобно уничтожить самое соперничество.

„Для работниковъ полезно будетъ услышать, что уничтожить соперничество — просто невозможность.

„Въ самомъ дѣлѣ, какъ уничтожить его? Силою власти? Но власть, которая возьмется за это, будетъ немедленно низвергнута. Посредствомъ ассоціаціи, которая послужила бы зерномъ для всеобщей ассоціаціи? Но—(Корбонъ доказываетъ, что это также невозможно).

„Къ счастію настало время, когда эти важные вопросы будутъ обсуждены съ національной трибуны, которая своимъ авторитетомъ предостережетъ работниковъ противъ идей, помрачившихъ, къ сожалѣнію, слишкомъ многіе умы.

„Наши пренія покажутъ, сколько правды въ тѣхъ ученіяхъ, которыя, прикрываясь формами строгой нравственности, прибѣгая къ языку любви и преданности общему благу, въ сущности взываютъ только къ эгоизму и возбуждаютъ противъ общества ненависть тѣмъ болѣе глубокую, что ими раздражаются всѣ желанія у людей, неимѣющихъ и необходимаго“.

Съ перваго взгляда видно, что этотъ докладъ составленъ не столько подъ вліяніемъ мысли провести мѣру полезную для работниковъ, сколько подъ вліяніемъ заботы не показаться союзниками реформаторовъ, и желанія внушить работникамъ, что ихъ надежды на содѣйствіе государства въ измѣненіи ихъ быта напрасны. Безъ всякой надобности, Корбонъ толкуетъ о неизбѣжности соперничества, о невозможности всеобщей ассоціаціи работниковъ, которой нѣтъ и въ поминѣ, твердитъ, что государство ничего особеннаго не можетъ сдѣлать для работниковъ, и т. д. Могъ ли такой докладъ произвесть на работниковъ хорошее впечатлѣніе? Нѣтъ, онъ представлялся для нихъ выраженіемъ антипатіи къ нимъ. И какъ легко приходили имъ мысли, которыми опроверглись разсужденія доклада. Напримѣръ, при словахъ „недостойны помощи тѣ, которые нъ имѣютъ мужества помочь сами своимъ дѣламъ„ (Ceux-lá ne sont pas dignes d'être aidés qui n'ont pas le courage de s'aider),—при этихъ словахъ, составляющихъ основную мысль доклада, кому изъ нуждавшихся въ содѣйствіи государства не приходило въ голову такое возраженіе: „Но зачѣмъ же и существуетъ государство, какъ не для охраненія человѣка отъ бѣдствій, которыхъ не можетъ отвратить его собственное мужество и сила? Если такъ, полиція должна бы защищать отъ воровъ только того, который самъ и безъ полиціи въ силахъ прогнать или убить вора; если же

разбойники нападутъ на труса или больнаго, полиція не должна защищать отъ нихъ этого человѣка, потому что „онъ не имѣетъ мужества помочь себѣ“. Да развѣ помощь нужна сильнымъ и мужественнымъ, а не слабымъ и забитымъ обстоятельствами?“

Но докладъ Корбона былъ еще очень любезенъ, сравнительно съ тѣми рѣчами, какія говорились по этому дѣлу реакціонерами. Корбонъ думалъ, по крайней мѣрѣ, что въ оказываемомъ пособіи есть что-то хоть отчасти справедливое и хотя нѣсколько полезное. Предводитель реакціонеровъ, знаменитый говорунъ Тьеръ, своимъ пискливымъ голосомъ кричалъ, что все это вздоръ, что деньги эти бросаются въ печь, но что онъ съ удовольствіемъ соглашается бросить ихъ въ печь, потому что безуспѣшностію этой нелѣпой попытки помогать учрежденію ассоціацій докажется нелѣпость самой мысли объ ассоціаціяхъ, мысли сумасбродной и безнравственной. „Не три мильона, а двадцать мильоновъ слѣдовало бы вамъ требовать отъ насъ, говорилъ онъ Корбону:—мы дали бы вамъ ихъ. Да, двадцати мильоновъ не пожалѣли бы мы на поразительный опытъ, который долженъ исцѣлить васъ всѣхъ отъ этого колоссальнаго сумасбродства“.

Выдачу этихъ денегъ считали милостынею и прямо говорили, что бросаютъ ихъ совершенно безполезно; изъ этого слѣдовало бы заключать по крайней мѣрѣ, что пособіе оказывается безвозмездно. Вовсе нѣтъ: три мильона назначались вовсе не въ безвозмездное пособіе, а просто въ заемъ ассоціаціямъ, которыя должны были постепенно возвращать въ казну сполна всю полученную ими ссуду. Прилично ли, возможно ли кричать, что даришь деньги, когда даешь ихъ въ займы? Прилично ли тутъ хвастаться своимъ великодушіемъ? прилично ли кричать о пропажѣ денегъ? Заемъ, выдаваемый съ такими рѣчами, оскорбитъ каждаго, въ комъ осталось хоть нѣсколько уваженія къ себѣ.

Наконецъ, не говоря уже обо всемъ этомъ, какое впечатлѣніе должна была производить самая величина ссуды? 700.000 руб. сер. на цѣлое государство, въ пособіе сословію, составляющему гораздо болѣе семи мильоновъ человѣкъ. Скупость доходила тутъ до иронiи. Какое впечатлѣніе должны были производить эти жалкіе 3 мильона франковъ, по сравненію съ десятками мильоновъ, ежегодно выдававшимися отъ казны на покровительство биржевымъ спекуляціямъ? Но банкиры и биржевые спекулянты, какъ будто, отъ природы получили привилегію на поощреніе отъ французскаго правительства. Суммъ, которыя растрачиваются казною для нихъ, не слѣдуетъ сравнивать съ деньгами, назначаемыми въ пособіе черному народу; можно сравнивать по крайней мѣрѣ величину суммъ, назначаемыхъ на разные способы пособія черному народу. Въ то самое время, какъ опредѣлялось три мильона для ассоціацій во Франціи, ассигновалось 50 мильоновъ на переселеніе пролетаріевъ въ Алжирію. Рѣчи и обстоятельства, которыми сопровождался законъ объ этой колонизаціи, дѣлали это переселеніе совершенно подобнымъ ссылкѣ, предпринимаемой для удаленія изъ Франціи опасныхъ людей, изъ которыхъ большинству предстоитъ на новомъ мѣстѣ жительства погибнуть отъ лишеній всякаго рода и кабильскихъ пуль. Въ этомъ смыслѣ и было принято переселеніе простолюдинами; они сочли не результатомъ заботливости о нихъ, а слѣдствіемъ желанія удалить изъ Франціи предпріимчивыхъ, и потому опасныхъ, простолюдиновъ. Какое же впечатлѣніе производилось на работниковъ сравненіемъ трехъ мильоновъ, съ упреками и дурными предсказаніями выдаваемыхъ на исполненіе

задушевнаго убѣжденія простолюдиновъ, и 50-ти мильоновъ, назначаемыхъ на ссылку, прикрытую именемъ колонизаціи?

Ссуда на учрежденіе ассоціацій была единственною сколько нибудь важною мѣрою Кавеньяковскаго правительства для пріобрѣтенія популярности. Очень мало было принято даже и незначительныхъ мѣръ съ этою цѣлью, да и тѣ всѣ были обсуждаемы и исполняемы въ такомъ же духѣ, какъ выдача ссуды ассоціаціямъ. Очень натурально, что чувство, съ которымъ народъ смотрѣлъ на Кавеньяка и его партію послѣ іюньскихъ дней, нимало не улучшилось въ теченіе слѣдовавшихъ за тѣмъ мѣсяцевъ. Умѣренные республиканцы не сдѣлали совершенно ничего для привлеченія къ себѣ народа, и народъ продолжалъ смотрѣть на нихъ, какъ на людей, отъ которыхъ нечего ему ждать.

Политика умѣренныхъ республиканцевъ была очень неудачна въ дѣлахъ внутренняго управленія. Этотъ недостатокъ могъ бы до нѣкоторой степени замѣниться блескомъ и популярностью внѣшней политики. Случаевъ къ тому представлялось много и нѣкоторые изъ нихъ были до того благопріятны, что самый неразсчетливый человѣкъ легко понималъ ихъ драгоцѣнность.

Мы укажемъ только два важнѣйшіе.

Во Франкфуртѣ на Майнѣ собрался Нѣмецкій Парламентъ съ цѣлью дать нѣмецкому народу государственное единство. По правилу, нами принятому, мы вовсе не будемъ разсматривать, хороша или дурна была эта цѣль, точно такъ, какъ мы вовсе не говорили и о томъ, хороши или дурны были стремленія Кавеньяка и его политическихъ друзей. Мы обращаемъ вниманіе только на то отношеніе, какое существовало между потребностями положенія, въ какомъ находилось правительство Кавеньяка, и дѣлами Франкфуртскаго Парламента, и хотимъ показать, что Кавеньякъ и его партія не умѣли дѣйствовать сообразно съ своими выгодами. Франкфуртскій Парламентъ искалъ дружбы Франціи; онъ былъ проникнутъ тѣми же понятіями, какъ и правительство Кавеньяка,—дѣйствовалъ въ духѣ того демократизма, который противъ такъ называемой демагогіи враждуетъ гораздо сильнѣе, нежели противъ реакціи. Подобно правительству умѣренныхъ республиканцевъ во Франціи, Франкфуртскій Парламентъ вышелъ изъ революціоннаго движенія; подобно умѣреннымъ республиканцамъ Франціи, онъ утвердилъ свое значеніе кровопролитнымъ подавленіемъ революціоннаго движенія, изъ котораго возникъ самъ; подобно умѣреннымъ республиканцамъ, онъ былъ уже въ большой опасности отъ усиливавшейся реакціи (отъ которой скоро и погибъ подобно имъ); и подобно имъ, совершенно не понималъ и не замѣчалъ этой дѣйствительной опасности, воображая, что опасность грозитъ ему совсѣмъ не съ той стороны. Словомъ сказать, по своимъ идеямъ Франкфуртскій Парламентъ занималъ среди нѣмецкихъ партій точно такое же положеніе, какъ правительство Кавеньяка среди французскихъ партій. Союзъ между правительствами столь однородными казался бы неизбѣжнымъ. Франкфуртскій Парламентъ, не находившій поддержки ни въ одномъ изъ иностранныхъ правительствъ, чрезвычайно дорожилъ надеждою на дружбу съ Франціею и готовъ былъ чрезвычайно дорого заплатить за эту дружбу. Тайныя инструкціи, данныя на этотъ случай его агенту въ Парижѣ, не обнародованы; но хорошо извѣстны мнѣнія людей, господствовавшихъ во Франкфуртѣ, и не трудно отгадать, на какія важныя уступки согласились бы они. Но вмѣсто того, чтобы

вступить въ выгодный союзъ, французское правительство даже не приняло посланника отъ Франкфуртскаго Парламента.

Еще яснѣе нѣмецкаго вопроса былъ итальянскій, еще очевиднѣе была выгода французскихъ правителей принять въ немъ участіе. Не говоримъ уже о томъ, что итальянцы проникнуты были чрезвычайнымъ сочувствіемъ къ Франціи и выступали съ тѣми же лозунгами, которые находились на знамени тогдашняго парижскаго правительства,—не говоримъ объ этихъ соображеніяхъ, основанныхъ на фактахъ настоящаго: даже дипломатическая рутина требовала, чтобы Кавеньякъ принялъ сторону итальянцевъ противъ австрійцевъ. Австрія была всегда соперницею Франціи, издавна дипломатическія и военныя торжества пріобрѣтались Франціею преимущественно въ борьбѣ противъ этой державы. Но и тутъ правительство Кавеньяка не сдѣлало ровно ничего. Не была подана итальянцамъ матеріальная помощь, когда они нуждались въ ней; а когда послѣ пораженія итальянскихъ армій Франція рѣшилась наконецъ принять посредничество съ цѣлью противодѣйствовать слишкомъ сильному перевѣсу Австріи, дѣло было ведено чрезвычайно слабо и вяло, и кончилось совершенно въ пользу Австріи и въ стыдъ Франціи.

Таковъ общій характеръ управленія Кавеньяка. Внутренніе вопросы настоятельнѣйшимъ образомъ требовали разрѣшенія,—ничего не было сдѣлано для этого, и путь, избранный правительствомъ Кавеньяка во внутренней политикѣ, прямо противоположенъ былъ и смыслу обстоятельствъ, и выгодамъ правительства. Слава внѣшняго могущества, блескъ дипломатическихъ и военныхъ торжествъ могъ бы доставить правительству Кавеньяка ту популярность, которой не могла доставить внутренняя политика,—внѣшняя война отвлекла бы вниманіе отъ внутреннихъ вопросовъ, соединила бы всю націю подъ знаменами правительства, но и этого не поняли, и этимъ не воспользовались умѣренные республиканцы.

Такимъ образомъ, когда настало время выборовъ президента республики, умѣренные республиканцы не могли похвалиться ничѣмъ, кромѣ іюньскаго кровопролитія; ничего не сдѣлали они для смягченія ненависти, возбужденной этими жестокостями въ одномъ изъ двухъ лагерей, и своимъ излишнимъ крикомъ объ ужасныхъ намѣреніяхъ этого лагеря ободрили притязанія предводителей противной партіи. Ничего не сдѣлали они для націи, оттолкнули отъ себя однѣ партіи и сдѣлали надменными другія партіи.

Тѣмъ не менѣе, слабость всѣхъ другихъ партій была такъ велика, что ни одна изъ нихъ не могла выставить своего кандидата съ надеждою на успѣхъ. На это разсчитывали умѣренные республиканцы и ожидали, что всѣ благоразумные люди соединятся около ихъ кандидата за недостаткомъ другаго.

Дѣйствительно, такъ поступали многіе изъ людей, желавшихъ поддержать новыя формы государственнаго устройства. За Ледрю-Роллена подало голосъ только меньшинство изъ тѣхъ, которые принадлежали къ партіямъ, выставившимъ его своимъ кандидатомъ; большинство ихъ политическихъ друзей, видя, что Редрю-Ролленъ ни въ какомъ случаѣ не будетъ избранъ, подали голосъ за Кавеньяка, для общаго интереса пожертвовавъ своими неудовольствіями противъ него и умѣренныхъ республиканцевъ.

Многіе изъ людей, которыхъ преслѣдовало правительство Кавеньяка, поддерживали его изъ преданности интересамъ Франціи. Не такъ поступили партіи, ко-

торымъ оно дѣлало всевозможныя уступки: гордость ихъ возросла до того, что они уже не хотѣли никакихъ сдѣлокъ съ республиканцами; они дали ненависти до того овладѣть собою, что выставили впередъ человѣка, по своимъ стремленіямъ гораздо болѣе враждебнаго имъ, нежели Кавеньякъ, лишь бы только низвергнуть Кавеньяка.

Здѣсь не мѣсто излагать исторію Луи Наполеона Бонапарте до декабря 1848 года. Мы должны только показать его отношенія къ партіямъ, при тѣхъ выборахъ, которыми рѣшалась участь Франціи.

Партія бонапартистовъ никогда не исчезала во Франціи, но всегда была чрезвычайно слаба, такъ что вовсе не могла считаться серьезною политическою партіею; по своему безсилію, она не могла быть никому опасна. Она пользовалась совершеннымъ просторомъ для дѣйствій, благодаря всеобщему невниманію къ ней.

Первое, что придало бонапартизму нѣкоторую важность, были неблагоразумные поступки реакціонеровъ и умѣренныхъ республиканцевъ, по вопросу о главѣ бонапартистовъ, Луи Наполеонѣ. Въ февралѣ онъ просилъ у новаго правительства разрѣшенія возвратиться во Францію, изъ которой былъ изгнанъ постановленіями прежнихъ правительствъ. Онъ уже тогда считалъ себя претендентомъ на французскій престолъ; но его притязанія были тогда еще безсильны; люди проницательные говорили, что не нужно придавать ему важность, показывая видъ, что его опасаются, и предлагали, чтобы ему было позволено возвратиться. Реакціонеры и умѣренные республиканцы отвергли этотъ совѣтъ. Слѣдствіемъ этого было повтореніе просьбъ и жалобъ съ его стороны. Благодаря отказу, ему удалось возбудить къ себѣ вниманіе и сожалѣніе во многихъ. Если съ перваго раза отказали ему, слѣдовало уже твердо держаться этого рѣшенія; но черезъ нѣсколько времени ему позволили возвратиться. Уже успѣвъ надѣлать шума своими просьбами и жалобами, онъ теперь отважился выставить себя кандадатомъ въ президенты.

Реакціонеры не имѣли кандидата, котораго могли бы противопоставить Кавеньяку. Они распадались на нѣсколько партій, изъ которыхъ ни одна не хотѣла уступить другой перевѣса. При томъ же, всѣ предводители этихъ партій были на дурномъ замѣчаніи у народа. Надобно было выбрать нейтральное имя, на которомъ могли бы соединиться ультрамонтанцы, легитимисты и орлеанисты,—духовенство, аристократы и капиталисты; надобно было отыскать такого кандидата, противъ котораго нація еще не имѣла бы предубѣжденія и кандидатство котораго обозначало бы только протестъ противъ партіи, управлявшей Франціею съ февраля, и не означало бы ничего другаго, потому что въ этомъ одномъ были согласны реакціонеры. Этотъ кандидатъ реакціонеровъ, котораго надобно было найти внѣ реакціонныхъ партій, долженъ былъ не представляться для нихъ опаснымъ по своей силѣ, долженъ былъ получить власть изъ ихъ рукъ, держаться только ихъ поддержкою и безъ нихъ не значить ничего. Именно такимъ человѣкомъ представлялся имъ Луи Наполеонъ. Ничтожность его собственной партіи была причиною, что на немъ остановился выборъ реакціонеровъ, которые думали, что какъ теперь безъ нихъ онъ ничего не значитъ, такъ и потомъ ничего не будетъ значить безъ нихъ, и что они будутъ управлять его именемъ.

Такимъ образомъ, всѣ реакціонеры единодушно стали за Луи Наполеона. Этимъ пріобрѣталась ему почти половина голосовъ на выборахъ.

Тогда масса реформативныхъ партій, увидѣвъ, что остается избирать только между Луи Наполеономъ и Кавеньякомъ, увлеклась ненавистью къ умѣреннымъ

республиканцамъ за іюньскія событія и рѣшилась предпочесть Луи Наполеона. Умѣренные республиканцы доказали, что отъ нихъ нельзя народу ждать ничего хорошаго; Луи Наполеонъ будетъ во всякомъ случаѣ не хуже, а быть можетъ окажется и лучше ихъ. Правда, его поддерживаютъ реакціонеры, но онъ самъ не принадлежитъ къ нимъ. Во всякомъ случаѣ, самъ по себѣ онъ не имѣетъ никакой силы, и его выборъ имѣетъ только значеніе переходнаго факта, временнаго перемирія между партіями, изъ которыхъ еще ни одна не довольно сильна, чтобы одной ей побѣдить умѣренныхъ республиканцевъ и всѣ другія партіи. Его власть будетъ только до того времени, какъ мы оправимся отъ іюньскаго пораженія,— пусть же до той поры, когда мы въ состояніи будемъ надѣяться на побѣду, продолжается перемиріе, и пусть будетъ власть въ нейтральныхъ рукахъ человѣка, который не можетъ помѣшать намъ, потому что самъ по себѣ безсиленъ.

Точно также думали и реакціонеры. Правленіе Луи Наполеона каждая изъ ихъ партій принимала только какъ переходную ступень къ собственному торжеству, какъ перемиріе съ другими партіями до того времени, какъ она сама станетъ сильнѣе всѣхъ другихъ.

Для всѣхъ, подававшихъ за него голосъ, онъ казался безопаснымъ орудіемъ для низверженія умѣренныхъ республиканцевъ, казался нейтральнымъ агентомъ, которому поручается временное веденіе дѣлъ до той поры, какъ довѣритель самъ почтетъ удобнымъ взять дѣла изъ его рукъ въ свои.

Такимъ образомъ, при выборахъ президента, партіи стали въ слѣдующее положеніе относительно трехъ кандидатовъ.

За Ледрю-Роллена была только небольшая часть людей лѣвой стороны,— именно только тѣ, которые компрометировали бы свою политическую репутацію, если бы подали голосъ не за оффиціальнаго кандидата своей партіи. Масса этой партіи подала голосъ за Луи Наполеона.

За Кавеньяка были умѣренные республиканцы, и сверхъ того люди, которые никогда не желаютъ никакихъ перемѣнъ,—число послѣднихъ было, въ то время разгара политическихъ страстей, гораздо менѣе обыкновенной пропорціи.

За Луи Наполеона были всѣ реакціонеры и масса приверженцевъ лѣвой партіи, предводители которой по своему положенію передъ общественнымъ мнѣніемъ не могли покинуть Ледрю-Роллена. Всѣ приверженцы реформаторовъ, не имѣвшіе своего кандидата, подали голосъ за Луи Наполеона.

При этомъ расположеніи партій, всѣ болѣе или менѣе предвидѣли результаты выборовъ; всѣ знали, что Кавеньякъ не получитъ большинства, всѣ были увѣрены, что коалиція, избравшая своимъ орудіемъ Луи Наполеона, составитъ большинство голосовъ.

Тутъ умѣренные республиканцы, покидая власть, въ первый разъ приняли образъ дѣйствій, соотвѣтствовавшій обстоятельствамъ. Дѣла дошли до такого состоянія, при которомъ всѣ мѣры воспрепятствовать выбору Луи Наполеона остались бы напрасными, и правительство Кавеньяка не позволило себѣ ни одной интриги, ни одного незаконнаго дѣйствія во вредъ своему противнику. Честность Кавеньяка и его друзей въ этомъ отношеніи заслужила имъ всеобщее уваженіе, и дѣйствительно, она была безпримѣрна въ исторіи Франціи. Съ незапамятныхъ временъ, въ первый разъ французы видѣли правительство, которое законъ ставитъ выше собственныхъ интересовъ и не хочетъ злоупотреблять своею силою для про-

долженія своей власти. Но и тутъ мы не знаемъ, понимали ли умѣренные республиканцы, что всѣ попытки сопротивленія съ ихъ стороны были напрасны; дѣйствовали ли они какъ государственные люди, понимающіе состояніе дѣлъ и сознательно отказывающіеся отъ невозможнаго,—или они еще полагали, что могли бы удержаться, если бы прибѣгли къ интригамъ, стѣснительнымъ мѣрамъ и открытой силѣ. По соображенію всего, что говорили мы о прежней ихъ неспособности понимать обстоятельства, надобно склоняться къ послѣднему предположенію.

Какъ бы то ни было, правительство Кавеньяка оставило полную свободу выборамъ, неблагопріятный исходъ которыхъ предвидѣло, и съ благоговѣніемъ уступило результату выборовъ.

Въ выборахъ приняли участіе 7,324,672 избирателей; изъ нихъ подали голосъ:

За Ледрю-Роллена	407,039.
— Кавеньяка	1,448,107.
— Луи Наполеона	5,434,226.

20-го декабря результатъ выборовъ былъ провѣренъ Національнымъ Собраніемъ. Кавеньякъ взошелъ на трибуну, въ немногихъ, но прекрасныхъ словахъ выразилъ свою покорность волѣ націи и сложилъ съ себя власть.

Съ этого дня, умѣренные республиканцы потеряли всякое вліяніе на ходъ событій, ихъ политическая роль во Франціи окончилась.

Полугодичное ихъ управленіе Франціею даетъ много уроковъ людямъ, думающимъ о ходѣ историческихъ событій. Изъ этихъ уроковъ важнѣйшій тотъ, на который преимущественно и указываютъ факты, нами изложенные.

Нѣтъ ничего гибельнѣе для людей, и въ частной и въ государственной жизни, какъ дѣйствовать нерѣшительно, отталкивая отъ себя друзей и робѣя передъ врагами. Честный человѣкъ, стремящійся сдѣлать что нибудь полезное, долженъ быть увѣренъ въ томъ, что ни отъ кого, кромѣ людей, дѣйствительно сочувствующихъ его намѣреніямъ, не можетъ онъ ждать опоры, что недовѣріе къ нимъ и довѣріе къ людямъ, желающимъ совершенно противнаго, не приведетъ его ни къ чему хорошему. Напрасно сталъ бы онъ думать, что какими бы то ни было потворствами можетъ онъ смягчить партію, которая не одобряетъ его коренныхъ желаній,—вражда этой партіи къ нему останется непримирима, и для того, чтобы, удержать за собою свои мнимыя выгоды, она всегда готова будетъ погубить человѣка, намѣренія котораго ей противны,—конечно, погибнетъ потомъ и сама, какъ погибли и французскіе реакціонеры при Луи Наполеонѣ,—но ослѣпленная ненавистью, она не разбираетъ средствъ и не предвидитъ будущаго.

Государственный человѣкъ не долженъ ввѣрять веденія дѣлъ, не долженъ оставлять вліянія на ходъ событій врагамъ своихъ намѣреній. Только при этомъ условіи дѣла пойдутъ такъ, какъ онъ того хочетъ.

О НОВЫХЪ УСЛОВІЯХЪ СЕЛЬСКАГО БЫТА.

Возлюбилъ еси правду и возненавидѣлъ еси беззаконіе, сего ради помаза тя Богъ твой (Псал. XLV, стих. 8).

Высочайшими рескриптами, данными 20 ноября, 5 и 24 декабря 1857 года, благополучно царствующій Государь Императоръ началъ дѣло, съ которымъ по своему величію и благотворности можетъ быть сравнена только реформа, совершенная Петромъ Великимъ. Царствованія Петра III и Екатерины II, Александра I и Николая I были ознаменованы многими благодѣтельными для государства мѣрами чрезвычайной важности: жалованная грамота дворянству, устройство областнаго управленія, организація центральнаго правительства учрежденіемъ министерствъ и государственнаго совѣта, изданіе Свода Законовъ,—каждый изъ этихъ правительственныхъ актовъ былъ великимъ шагомъ впередъ и принесъ неисчислимыя блага государству. Но всѣ они далеко не имѣютъ такого всемірно-историческаго значенія, какое принадлежитъ дѣлу уничтоженія крѣпостнаго состоянія въ Россіи, начатому рескриптами, названными выше. То были мѣры, безъ сомнѣнія, могущественнымъ образомъ улучшавшія нашу государственную жизнь, но все-таки каждая изъ нихъ касалась только отдѣльной вѣтви ея: корень, изъ котораго возникали почти всѣ наши бѣдствія и недостатки, оставался не тронутымъ. Крѣпостнымъ правомъ парализовались всѣ заботы правительства, всѣ усилія частныхъ людей на благо Россіи. Ни правильный ходъ администраціи, ни вѣрное отправленіе правосудія не были возможны при такомъ порядкѣ вещей, при которомъ положеніе большей части отношеній по имуществу не было сообразно съ принципами разумности и права, при которомъ сословіе, имѣющее своими сочленами почти всѣхъ лицъ, руководящихъ исполненіемъ законовъ, находилось въ условіяхъ быта, рѣшительнѣйшимъ образомъ нарушавшихъ всякую идею справедливости, при которомъ другое сословіе, составляющее почти половину населенія въ Европейской Россіи, стояло (по выраженію, не намъ принадлежащему) внѣ закона. Не могли приносить при такомъ положеніи дѣлъ никакія правительственныя мѣры надлежащихъ плодовъ, не могла даже дѣйствовать сколько-нибудь правильнымъ образомъ государственная организація. Могло ли, напримѣръ, учредиться правосудіе въ такомъ обществѣ, въ которомъ всѣ значительнѣйшіе и вліятельнѣйшіе жители каждой области, съ одной стороны, опредѣляли важнѣйшую часть своего гражданскаго быта, свои доходы и свою власть надъ сотнями и тысячами людей, руководясь единственно произволомъ,—съ другой стороны, сознавали, что строгое исполненіе

закона областною администраціею и вниманіе судебныхъ властей къ жалобамъ на нарушеніе закона было бы и стѣснительно, и убыточно, и даже, по господствовавшему у насъ ложному понятію, обидно почти для каждаго изъ нихъ, вліятельныхъ жителей области. Они должны были на все, что дѣлалось вокругъ нихъ, смотрѣть сквозь пальцы, потому что ихъ собственныя дѣйствія нуждались въ подобной же противозаконной снисходительности. Строгая честность администраціи, неукоснительное правосудіе, во всѣхъ странахъ поддерживается сочувствіемъ и содѣйствіемъ людей, владѣющихъ значительною недвижимою собственностью, потому что они болѣе всѣхъ другихъ заинтересованы строгимъ охраненіемъ порядка. У насъ было напротивъ. Ненормальное положеніе владѣльца относительно людей, населяющихъ его землю, нуждалось въ томъ, чтобы и всѣ другія отрасли областной жизни находились въ такомъ же ненормальномъ, безпорядочномъ состояніи. Возьмемъ одну только отрасль этихъ послѣдствій крѣпостнаго права, — состояніе судебной областной власти и Земской полиціи. Всѣ, въ томъ числѣ и дворяне, жалуются на неправильность хода дѣйствій по этимъ частямъ общественной жизни. Повидимому, совершенно отъ дворянъ зависѣло бы отстранить эти неправильности, потому что большинство членовъ (и въ томъ числѣ предсѣдатели) въ уѣздныхъ и губернскихъ судебныхъ мѣстахъ и исправники, руководящіе уѣздною полиціею, избираются помѣщиками. Но эти чиновники и судьи избираются съ тѣмъ, конечно, молчаливымъ условіемъ, чтобы не вмѣшивались въ сельскій бытъ помѣщиковъ. Такимъ образомъ, по необходимости создается положеніе неразумное: если бы избранный чиновникъ вздумалъ строго исполнять обязанности, возлагаемыя на него закономъ и чувствомъ правды, онъ возстановилъ бы противъ себя людей, отъ которыхъ зависитъ его выборъ и въ зависимости отъ которыхъ находится онъ постоянно, во все отправленіе своей должности; стало быть, идутъ на эти мѣста и удерживаются на нихъ только неисполненіемъ и часто прямымъ нарушеніемъ законныхъ обязанностей. Таково положеніе избраннаго. Избиратели же, сами выводя его на путь, идущій мимо закона и часто въ противность закону, не могутъ подвергать его серьёзному отчету за то, что онъ дѣйствуетъ самопроизвольно: только этою произвольностію, по которой онъ постоянно нарушаетъ законъ, когда то считаетъ удобнымъ для себя, и сохраняется неприкосновенность ихъ собственнаго сельскаго быта. Всѣ неудовольствія съ ихъ стороны на чиновника — мимолетныя слова, лишенныя возможности примѣниться къ дѣлу: правда, каждому горько бываетъ въ ту минуту, какъ чиновникъ, по своему произволу, беретъ съ него взятку или оказываетъ ему противозаконное притѣсненіе: но если отнять у чиновника произволъ, по гораздо многочисленнѣйшимъ и по гораздо важнѣйшимъ дѣламъ помѣщикъ потерпѣлъ бы невыгоду: случайное обстоятельство или временное раздраженіе заставляютъ иногда землевладѣльца скорбѣть о нарушеніи закона, но постоянный интересъ его состоитъ въ томъ, чтобы законъ не былъ исполняемъ. Потворство избранному для того, чтобы самому пользоваться потворствомъ отъ него, — вотъ глубочайшее и инстинктивное стремленіе огромнаго большинства избирателей. Это стремленіе не зависитъ отъ сознательнаго или безсознательнаго желанія: оно влагается въ натуру ненормальностію отношеній, доселѣ существовавшихъ въ сельскомъ бытѣ; оно управляетъ дѣйствіями человѣка независимо отъ словъ, независимо отъ его образа мыслей. Тотъ, чьи домашнія дѣла не могутъ выдерживать контроля, инстинктивно соглашается на всякія уступки, лишь бы избѣжать контроля. Неза-

висимымъ и твердымъ образомъ можетъ дѣйствовать въ гражданскомъ быту одинъ лишь тотъ, кто чувствуетъ себя совершенно чистымъ и по закону, и по совѣсти въ своемъ быту.

При существованіи крѣпостнаго права, помѣщикъ находился въ такомъ отношеніи къ правосудію и администраціи, которое подобно отношенію къ нимъ человѣка, имѣющаго два процесса: одинъ на очень значительную сумму, по которому законъ противъ него, другой на маловажную сумму, по которому законъ за него; какого суда, какой администраціи будетъ желать этотъ человѣкъ? Конечно, и совѣсть, и выгода заставляли бы его желать по поводу маленькаго процесса, чтобы судъ былъ справедливъ, администрація честна и вѣрна; тогда онъ выигралъ бы свой маленькій процессъ, и по приговору суда взысканіе было бы скоро и точно совершено въ его пользу администраціею. Безъ сомнѣнія, это было бы ему пріятно; но каковъ былъ бы результатъ справедливости въ судѣ, вѣрности въ администраціи для его большой тяжбы? Эта тяжба была бы проиграна и взысканіе по ней быстро и неукоснительно было бы произведено съ него. Пускай же будутъ продажные администраторы, — только ихъ продажность дастъ ему средства уклониться отъ платежа, если судъ будетъ справедливъ, или доставить суду подложныя свѣдѣнія, по которымъ дѣло рѣшилось бы въ его пользу; пускай же будутъ подкупные судьи,—только ихъ продажность можетъ рѣшить тяжбу для него важнѣйшую въ его пользу. Разумѣется этотъ человѣкъ можетъ досадовать на продажность и неправду, по которой проиграетъ онъ свое маловажное правое дѣло, но никакъ не захочетъ онъ изгнать изъ суда и администраціи неправду, которая одна полезна ему по его большому процессу.

Мы коснулись только одного изъ безчисленнаго множества послѣдствій, возникавшихъ отъ крѣпостнаго права. Какую бы отрасль общественной жизни ни взяли мы, въ каждой оказываются точно такія же дѣйствія этого кореннаго зла, какъ въ областномъ судопроизводствѣ и управленіи. Напримѣръ, что можетъ быть ближе къ сердцу людей, пользующихся и досугомъ, и избыткомъ, нежели желаніе дать своимъ дѣтямъ образованіе? — но и въ этомъ случаѣ человѣкъ, богатство котораго основано на крѣпостномъ правѣ, не имѣетъ ни надобности, ни охоты поступать такъ, какъ поступалъ бы онъ, если бы не связанъ былъ ненормальными условіями своего быта. Изъ двухъ сторонъ, по которымъ образованіе составляетъ предметъ человѣческихъ желаній, ни та, ни другая не имѣютъ при крѣпостномъ правѣ того интереса, какой дается имъ всякими другими отношеніями: практическая польза образованности наименѣе чувствительна для отца, оставляющаго своимъ дѣтямъ крѣпостное помѣстье, а идеальная привлекательность просвѣщенія далеко уступаетъ въ его мнѣніи опасностямъ и непріятностямъ, возникающимъ для него отъ науки. Справедливость, уваженіе къ достоинству человѣка—это идеи, непримиримыя съ крѣпостнымъ правомъ, а наука внушаетъ ихъ своему воспитаннику. Въ человѣкѣ просвѣщенномъ доходы и власть, проистекающіе изъ крѣпостнаго права, найдутъ порицателя; такой человѣкъ едва ли будетъ способенъ извлекать изъ своихъ крѣпостныхъ подданныхъ такія выгоды, какъ тотъ, кому и въ голову не приходило, что этотъ бытъ дуренъ. Лучше же не приготовлять себѣ въ сынѣ порицателя, быть можетъ, противника; лучше не лишать этого сына способности пользоваться всѣми выгодами наслѣдства. Но говорятъ, будто образованіе необходимо и для хорошаго устройства житейскихъ дѣлъ, будто человѣкъ съ не-

развитою головою не умѣетъ открывать источниковъ для увеличенія своихъ доходовъ? Такъ, если эти доходы зависятъ отъ сообразительности и предпріимчивости; но при крѣпостномъ правѣ вовсе не такъ. Увеличивать господскую запашку или оброкъ—вотъ и весь секретъ къ увеличенію доходовъ; тутъ не нужно никакихъ соображеній, не нужно даже никакихъ разсчетовъ: не хуже перваго мудреца въ мірѣ, круглый невѣжда съумѣетъ сказать своему управляющему или старостѣ: „Я хочу имѣть вмѣсто 10 тысячъ 15; потому приказываю запахивать тяглу на моихъ поляхъ вмѣсто двухъ десятинъ по три, или платить вмѣсто 20 рублей по 30“; этими словами оканчивается все дѣло при крѣпостомъ правѣ: скажите же, къ чему тутъ хлопотать о развитіи головы?

Если таково вліяніе крѣпостнаго права на учрежденія, уже существующія, на потребности, уже пробудившіяся въ обществѣ, то легко заключить, до какой степени затрудняется имъ всякое нововведеніе, къ которому желаетъ приступить правительство для увеличенія государственнаго могущества или благосостоянія. Укажемъ хотя на одинъ частный случай. Постепенное пониженіе нашего тарифа показываетъ, что правительство желаетъ избавить народную жизнь отъ громадныхъ потерь, приносимыхъ крайнимъ развитіемъ протекціонной системы. Скажите же, легко ли объяснить огромность этихъ потерь людямъ, которые основываютъ фабрики и заводы на основаніи обязательнаго труда, чуждаго и противнаго всякому здравому разсчету? Какимъ образомъ, напримѣръ, убѣдить въ невыгодности свеклосахарнаго производства такого заводчика, который или самъ не знаетъ, во сколько обходится трудъ, употребляемый на его заводѣ, или говоритъ: „мнѣ некуда дѣвать рукъ; я построилъ заводъ потому, что иначе не зналъ бы, какъ извлечь изъ нихъ хоть какую-нибудь прибыль“. Это частный случай, маловажный въ сравненіи со многими другими. Вообще, правильное распредѣленіе государственныхъ налоговъ и повинностей невозможно при крѣпостномъ правѣ; оно дѣлаетъ большую часть населенной территоріи государства какой-то привилегированной землей, черезъ это до излишества обременяетъ налогами другую, меньшую, часть и значительно уменьшаетъ государственные доходы. Раціональный бюджетъ невозможенъ при крѣпостномъ правѣ: этимъ однимъ дается уже достаточное понятіе о его вредномъ вліяніи на всѣ безъ исключенія отрасли государственной жизни, потому что разумная финансовая система составляетъ первое условіе всего государственнаго благоустройства.

Духъ сословія, имѣющаго главное участіе въ государственныхъ дѣлахъ, организація войска, администрація, судопроизводство, просвѣщеніе, финансовая система, чувство уваженія къ закону, народное трудолюбіе и бережливость,—все это сильнѣйшимъ образомъ страдаетъ отъ крѣпостнаго права, все искажается имъ въ настоящемъ и сильнѣйшее препятствіе въ немъ встрѣчается каждымъ нововведеніемъ, каждымъ улучшеніемъ для будущаго. Много говорили мы о нашихъ недостаткахъ и множество всевозможныхъ недостатковъ находили въ себѣ, но общій, главнѣйшій источникъ всѣхъ ихъ—крѣпостное право; съ уничтоженіемъ этого основнаго зла нашей жизни, каждое другое зло ея потеряетъ девять десятыхъ своей силы. Потому-то дѣло, начатое рескриптами 20 ноября, 5 и 24 декабря, представляется столь великимъ, что по сравненію съ нимъ маловажны кажутся всѣ реформы и улучшенія, совершенныя со временъ Петра. Съ царствованія Александра II начинается для Россіи новый періодъ, какъ съ царствованія Петра. Исторія Россіи

съ настоящаго года будетъ столь же различна отъ всего предшествовавшаго, какъ различна была ея исторія со временъ Петра отъ прежнихъ временъ. Новая жизнь, для насъ теперь начинающаяся, будетъ на столько же прекраснѣе, благоустроеннѣе, блистательнѣе и счастливѣе прежней, на сколько сто пятьдесятъ послѣднихъ лѣтъ были выше XVII столѣтія въ Россіи.

Блистательные подвиги временъ Петра Великаго и колоссальная личность самого Петра покоряютъ наше воображеніе; неоспоримо громадно и существенное величіе совершеннаго имъ дѣла. Мы не знаемъ, какихъ внѣшнихъ событій свидѣтелями поставитъ насъ будущность. Но уже одно только дѣло уничтоженія крѣпостнаго права благословляетъ времена Александра II славою, высочайшею въ мірѣ.

Благословеніе, обѣщанное миротворцамъ и кроткимъ, увѣнчиваетъ Александра II счастіемъ, какимъ не былъ увѣнчанъ еще никто изъ государей Европы— счастіемъ одному начать и совершить освобожденіе своихъ подданныхъ. Длинный рядъ великихъ монарховъ во Франціи со временъ Людовика Святаго стремился къ дѣлу освобожденія французскихъ поселянъ, и ни у кого изъ нихъ не достало силы совершить это дѣло. Благороднѣйшій человѣкъ своего времени, Іосифъ II Австрійскій также успѣлъ сдѣлать только первый шагъ къ освобожденію своихъ подданныхъ. Счастливѣе французскихъ королей и великаго чистотою своихъ намѣреній Императора Австрійскаго были короли Прусскіе: благосклонная судьба дала монархическому правленію Пруссіи вполнѣ совершить это благодѣяніе; но слава его раздѣляется между двумя монархами: Фридриху II принадлежитъ честь многихъ законодательныхъ мѣръ, вѣнцомъ которыхъ было окончательное уничтоженіе феодальныхъ отношеній при Фридрихѣ Вильгельмѣ III. Въ русской исторіи вся эта слава будетъ сосредоточиваться на одной главѣ Александра II: его рескрипты и полагаютъ теперь начало величайшему изъ внутреннихъ преобразованій, и опредѣляютъ постепенный ходъ этого преобразованія до самаго конца.

Изъ безчисленныхъ благихъ послѣдствій уничтоженія крѣпостнаго состоянія въ Россіи, мы теперь хотимъ разсмотрѣть краткимъ образомъ только одну экономическую сторону дѣла, оставляя до будущихъ статей разсмотрѣніе его въ историческомъ, юридическомъ, административномъ и государственномъ отношеніяхъ. Даже и экономическую сторону его мы не беремся изложить во всей ея полнотѣ: мы коснемся только нѣкоторыхъ изъ вопросовъ, ею возбуждаемыхъ, именно такихъ, которые подвергаются въ обществѣ многоразличнымъ толкамъ и рѣшеніе которыхъ въ пользу освобожденія объявляется сомнительнымъ отъ иныхъ людей, по странному заблужденію воображающихъ, что ихъ выгоды соединены съ сохраненіемъ крѣпостнаго права.

Прежде всего должны мы говорить здѣсь о мнѣніи, будто въ въ настоящей степени развитія русской жизни сохраненіе крѣпостнаго права могло бы быть выгоднымъ для сельскаго хозяйства, будто бы съ уничтоженіемъ обязательнаго труда должно уменьшиться количество пахотныхъ полей. Не удивительно было бы слышать подобныя слова отъ людей, думающихъ, что земной шаръ стоитъ неподвижно, а солнце обращается вокругъ него, или полагающихъ, что мы съ господствующимъ у насъ крѣпостнымъ правомъ богаче всѣхъ другихъ европейцевъ; но изумительно то, что къ стыду науки встрѣчаются люди, которые, повидимому, знакомы съ политическою экономіею, а между тѣмъ имѣютъ рѣшимость говорить о

пользѣ крѣпостнаго права для земледѣлія. Между ними особеннымъ авторитетомъ пользуетсяТенгоборскій. Мы не знаемъ, дѣйствительно ли думалъ онъ о крѣпостномъ правѣ такъ, какъ писалъ; мы знаемъ только, что при изданіи его книги въ русскомъ переводѣ, переводчикъ къ сожалѣнію не разсудилъ, что честь науки требовала выбросить дурныя страницы, написанныя Тенгоборскимъ объ этомъ предметѣ, если нельзя было прибавить къ нимъ примѣчаній, которыми бы возстановилась искаженная авторомъ истина: мы можемъ теперь сдѣлать это.

„Многіе иностранные и отечественные экономисты, говоритъ Тенгоборскій, приписываютъ почти исключительно нашей системѣ крѣпостнаго права нерадивость поселянина въ обработкѣ, какъ той земли, которую пашетъ онъ на помѣщика, такъ и той, которую пашетъ онъ на себя, и эту послѣднюю, говорятъ они, не считаетъ онъ своею собственностію. Прежде всего мы должны замѣтить здѣсь, что вообще ошибочно представляютъ себѣ мысли русскаго мужика о крѣпостномъ состояніи и соединенной съ нимъ зависимости, и что крѣпостный крестьянинъ вовсе не такъ равнодушенъ къ данной ему землѣ, какъ предполагаютъ. Каждый, близко знающій нашихъ крестьянъ, имѣлъ довольно случаевъ убѣдиться, что они считаютъ самихъ себя принадлежащими своимъ господамъ, но что въ то же время каждый изъ нихъ считаетъ ту землю, которую пашетъ на себя, своею собственностію, или скорѣе частью собственности своей общины, частью, выдѣленной ему по его праву на такой участокъ, и что, слѣдовательно, онъ не можетъ быть равнодушенъ къ этой землѣ. Если, не смотря на то, русскій крестьянинъ часто очень нерадиво обработываетъ свое поле, это надобно приписать скорѣе другимъ причинамъ, о которыхъ мы еще будемъ имѣть случай говорить *). Крѣпостное право, безъ всякаго сомнѣнія, можетъ и должно имѣть неблагопріятное вліяніе на земледѣліе, потому что обязательный трудъ всегда менѣе производителенъ, нежели свободный (не съ точки зрѣнія выгодъ владѣльца, потому что есть случаи, въ которыхъ при замѣнѣ обязательнаго труда наемнымъ не вознаградилось бы для собственника происходящее отъ такой замѣны увеличеніе издержекъ производства), но съ общей точки зрѣнія на производительность труда въ созданіи цѣнностей: потому что обязательный трудъ исполняется всегда болѣе или менѣе небрежно, отчего происходитъ потеря времени и производительныхъ силъ, и стало быть, уронъ въ національномъ хозяйствѣ. Неоспоримо также, что крѣпостныя повинности, когда онѣ слишкомъ обременительны, часто отнимаютъ у крѣпостнаго мужика средства хорошо обработывать свою землю; но вліяніе этой причины на состояніе нашего земледѣлія не такъ громадно, какъ вообще думаютъ. Чтобы судить о степени вліянія крѣпостнаго права на наше сельское хозяйство, надобно сначала принять въ соображеніе числительное отношеніе крѣпостныхъ крестьянъ къ свободнымъ сельскимъ сословіямъ“.

Затѣмъ Тенгоборскій начинаетъ вычисленіе, результатомъ котораго оказываются слѣдующія цифры:

	Число душъ муж. пола.
Крѣпостныхъ крестьянъ разныхъ наименованій	11,683,200.
Свободныхъ сельскихъ	11,687,500.

Изъ этой таблицы Тенгоборскій дѣлаетъ такое заключеніе:

*) Эти причины, по мнѣнію Тенгоборскаго, общинное владѣніе и наклонность къ бродячей жизни.—О первомъ можно еще думать такъ и иначе, хотя и тутъ Тенгоборскій, по нашему мнѣнію, сильно ошибся. Но какая наивность въ экономистѣ толковать о наклонности къ бродячей жизни, будто рѣчь идетъ о какихъ-то поэтическихъ бедуинахъ, а не о прозаическомъ русскомъ мужикѣ, у котораго есть поговорка: «отъ добра, добра не ищутъ», есть также поговорка: «на одномъ мѣстѣ и камень мохомъ обрастаетъ», и который потому съ незапамятныхъ временъ сидитъ всѣмъ своимъ родомъ на одномъ мѣстѣ, если можно кормиться, не уходя съ мѣста.

„Сравнивая эти два итога, мы видимъ, что число крестьянъ, подверженныхъ обязательному труду, равно числу крестьянъ, свободно располагающихъ своимъ трудомъ, и если принять въ разсчетъ, что у многихъ помѣщиковъ барщина замѣнена оброкомъ, то можно принять, что болѣе двухъ третей производительной земли воздѣлывается не по системѣ обязательнаго труда. Итакъ, онъ не можетъ имѣть на состояніе нашего земледѣлія такого общаго вліянія, какъ думаютъ.

„Какъ ни велики съ общей агрономической точки зрѣнія невыгоды обязательнаго труда, но въ настоящее время для значительной части Россіи онъ еще составляетъ необходимость нашего земледѣльческаго состоянія, потому что: 1) масса свободныхъ капиталовъ, которые надлежало бы обратить на земледѣліе для заведенія раціональнаго хозяйства съ наемнымъ трудомъ, не соотвѣтствуетъ безмѣрной обширности воздѣлываемыхъ земель; 2) во многихъ областяхъ цѣнность сельско-хозяйственныхъ продуктовъ не дала бы ренты, достаточной для покрытія издержекъ производства; 3) въ провинціяхъ, бѣдныхъ торговою промышленностію, имѣющихъ мало денегъ въ оборотѣ, мужику гораздо удобнѣе отправлять свою повинность трудомъ, нежели платить какую нибудь ренту наличными деньгами. Поэтому иногда поселяне, находящіеся на оброкѣ, менѣе зажиточны, нежели ихъ сосѣди, отправляющіе барщину, и случается даже, что съ оброка они охотно возвращаются къ барщинѣ. Это замѣтилъ и Гакстгаузенъ при проѣздѣ черезъ Симбирскую губернію. Часто также замѣчаютъ, что мужики, переведенные съ барщины на оброкъ, начинаютъ пренебрегать обработкою своихъ полей и удаляются изъ дому, чтобы заработывать хлѣбъ менѣе труднымъ образомъ. Наоборотъ, есть области, въ которыхъ замѣчаются противоположныя слѣдствія замѣны барщины оброкомъ. Вездѣ, гдѣ работники легко находятъ себѣ наемную работу, какъ, напримѣръ, въ большей части губерній по Волгѣ, мужикамъ бываетъ выгодна такая замѣна; это и служитъ доказательствомъ тому, что подобныя перемѣны удаются только тамъ, гдѣ имъ благопріятствуютъ и, такъ сказать, указываютъ на нихъ мѣстныя обстоятельства. Вообще появленіе желанія и потребности къ замѣнѣ барщины оброкомъ можетъ всегда считаться вѣрнымъ признакомъ успѣховъ благосостоянія и національнаго богатства.

Какую бы впрочемъ степень вліянія на дурное состояніе нашего земледѣлія ни долженъ былъ приписать безпристрастный изслѣдователь, съ одной стороны, барщинѣ, съ другой стороны причинамъ, лежащимъ въ самомъ характерѣ нашего сельскаго населенія, тѣмъ не менѣе достовѣрно, что въ большей части областей, имѣющихъ плодородную землю, удобный и правильный сбытъ сельскихъ продуктовъ и развитую до извѣстной высоты торговую и промышленную дѣятельность, —что во всѣхъ этихъ бластяхъ, и у различныхъ классовъ свободныхъ земледѣльцевъ, и у крѣпостныхъ крестьянъ состоящихъ на оброкѣ, и у крѣпостныхъ крестьянъ еще находящихся на барщинѣ, мы находимъ порядочно обработанныя поля, наполненные домашнимъ скотомъ дворы и такую степень благосостоянія, какая не часто встрѣчается во многихъ странахъ центральной Европы. Гакстгаузенъ видѣлъ тому много примѣровъ, которые и приводитъ въ своей книгѣ.

„Этотъ ученый изслѣдователь провелъ часть своей жизни въ изученіи земледѣльческихъ отношеній общинныхъ учрежденій и состоянія земледѣльцевъ въ различныхъ странахъ, и напослѣдокъ особенно подробнымъ образомъ изслѣдовалъ нравы и общественный бытъ славянскихъ племенъ. Чрезвычайно уважая его мнѣнія, мы не можемъ не привести здѣсь его словъ въ подтвержденіе того, что сказали мы выше относительно обязательнаго труда.

„Высчитавъ, во сколько обошлась бы въ Россіи въ Ярославской губерніи обработка помѣстья извѣстной величины наемнымъ трудомъ и какъ велики были бы убытки на процентахъ оборотнаго капитала, который оставался бы празденъ въ продолженіе почти всего долгаго зимняго времени по отсутствію производительнаго занятія для людей, служащихъ на фермѣ, и для скота, употребляемаго на земледѣльческую работу, и сравнивъ эти издержки съ доходомъ отъ такой земли въ Россіи, во Франціи и въ Германіи *), Гакстгаузенъ приходитъ къ слѣдующимъ заключеніямъ:

*) Этотъ разсчетъ приведенъ въ нашей статьѣ о книгѣ Гакстгаузена: „Современникъ“ 1857 г. № 7, Критика.

„Если-бы кому нибудь предлагали въ Ярославлѣ подарить помѣстье подъ тѣмъ условіемъ, чтобы онъ завелъ тамъ хозяйство въ такомъ же видѣ и по тому же порядку, какъ въ Западной Европѣ, то онъ долженъ бы, поблагодаривъ за такое предложеніе, рѣшительно отказаться отъ него: онъ не только не получилъ бы отъ такого хозяйства никакой выгоды, никакого чистаго дохода, но и оставался бы каждый годъ въ значительномъ убыткѣ.

„Изъ этого видно, что въ подобныхъ областяхъ владѣлецъ помѣстья не можетъ обработывать его наемнымъ трудомъ, но съ тѣмъ вмѣстѣ онъ не можетъ и оставить его. Земледѣліе тутъ не коммерческое предпріятіе, разсчитывающее на выгоду, но обязанность, возлагаемая желѣзною необходимостью (eine eiserne Nothwendigkeit).

„При настоящемъ положеніи дѣлъ я долженъ выразить слѣдующее мнѣніе о сельскомъ хозяйствѣ этихъ областей Россіи. Большія хозяйства могутъ здѣсь поддерживаться только двумя способами, именно: или посредствомъ барщины, такъ чтобы земледѣлецъ не обязанъ былъ самъ содержать своихъ работниковъ, содержать скота и другихъ принадлежностей земледѣлія, иначе сказать, чтобы расходы обработки не лежали на немъ; или посредствомъ введенія такой системы хозяйства, связаннаго съ промышленными предпріятіями, которая доставила бы способъ съ выгодою пользоваться производительными силами, остающимися безъ земледѣльческаго занятія во время долгой зимы, пользоваться въ это время рабочими руками людей и силой домашняго скота. Обстоятельства, благопріятныя послѣднему устройству, встрѣчаются рѣдко.

„Существованіе извѣстнаго числа большихъ помѣстій я считаю для этихъ странъ совершенною необходимостію; потому что безъ нихъ нечего и думать объ успѣхахъ земледѣлія, которые для Россіи гораздо нужнѣе, нежели до сихъ поръ думаютъ.

Итакъ, Россія имѣетъ нужду въ помѣщикахъ, которые жили бы въ селахъ, какъ имѣетъ нужду и въ классѣ людей, населяющихъ города; и земледѣліе не могло бы развиваться, если бы дворянство не владѣло помѣстьями и сельскохозяйственными заведеніями, дѣлающими для него выгоднымъ и необходимымъ жить въ деревнѣ. А если существованіе большихъ хозяйствъ необходимо для успѣховъ сельскаго хозяйства и національнаго благосостоянія, то само собою слѣдуетъ, что въ настоящую минуту крѣпостное право не можетъ быть еще отмѣнено; но оно можетъ быть подчинено болѣе точному порядку, введено въ болѣе нормальныя границы, ограждено законными условіями, которыми съ точностію опредѣлялись бы обязанности крестьянъ для удаленія злоупотребленій и произвола, именно такова цѣль указа 2 сентября 1842 года“. (Гакстгаузенъ томъ I, стр. 174 и слѣд.).

„Къ этимъ практическимъ и благоразумнымъ замѣчаніямъ (продолжаетъ Тенгоборскій) мы должны прибавить, что русскій мужикъ не подлежитъ, какъ нѣкогда подлежалъ французскій поселянинъ, безотчетному наложенію произвольныхъ податей и повинностей (taillable et corvéable à volonté), и что если онъ подвергается иногда несправедливымъ повинностямъ, то это можетъ случаться только по злоупотребленію и въ противность существующимъ законамъ. Указъ Императора Павла, данный въ 1797 году, опредѣлилъ тремя днями въ недѣлю высшую степень барщины и послѣдующіе законы постоянно стремились къ правильному опредѣленію всего относящагося до этой повинности.

„Нельзя также не видѣть, что время и нравственный прогрессъ оказываютъ постепенное и неоспоримое вліяніе на смягченіе суровости обязательнаго труда и производятъ все больше и больше добровольныхъ соглашеній, которыми мало-по-малу натуральныя повинности измѣняются въ личную ренту (rente personelle, рента, лежащая не на землѣ, а на самомъ человѣкѣ, иначе сказать оброкъ), которая въ свою очередь можетъ современемъ обратиться въ поземельную ренту; послѣдняя замѣна и начинаетъ уже производиться въ государственныхъ имуществахъ (Тенгоборскій говоритъ о переложеніи податей съ душъ на землю). Но внимательно наблюдая чрезвычайно различныя послѣдствія этихъ отдѣльныхъ случаевъ соглашенія, слѣдствія, измѣняющіяся по различію областей и мѣстностей, легко убѣдиться въ трудностяхъ, препятствующихъ общей мѣрѣ, которая имѣла бы въ виду систематически и по однообразнымъ условіямъ опредѣлить отношенія крѣпостныхъ крестьянъ къ ихъ владѣльцамъ. Мѣра, которая успѣшна была въ той или

другой мѣстности, могла бы имѣть самыя вредныя послѣдствія въ другой, и г. Гакстгаузенъ очень справедливо говоритъ, что освобожденіе крестьянъ въ Россіи непремѣнно должно быть рѣшаемо по мѣстнымъ условіямъ, а не однообразно по всей имперіи *).

„Въ тѣхъ областяхъ, гдѣ земля неплодородна и неудобна для обработки, гдѣ ея произведенія не покрываютъ потребностей земледѣльца, гдѣ онъ долженъ въ другихъ занятіяхъ искать вспомогательныхъ средствъ для своего прокормленія и уплаты повинностей, тамъ обращеніе барщины въ личную ренту столько же требуется выгодою крестьянина, какъ выгодою владѣльца: но эта замѣна можетъ быть выгодна тому и другому только въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ работнику легко найти себѣ занятія. Этими причинами вызываются и размножаются подобныя добровольныя соглашенія въ мѣстностяхъ, гдѣ мало пахотной земли, и гдѣ излишнія руки и излишнее время легко находятъ выгодныя себѣ занятія. Напротивъ, въ тѣхъ мѣстностяхъ, гдѣ пахотныхъ земель много, гдѣ почва плодородна, гдѣ жатва превышаетъ потребности населенія, гдѣ въ то же время есть удобный сбытъ для земледѣльческихъ произведеній, владѣльцу часто бываетъ выгоднѣе обрабатывать свои поля барщиною, но зато въ этихъ мѣстахъ барщина не мѣшаетъ благосостоянію земледѣльцевъ, и когда она замѣняется оброкомъ, такая замѣна скорѣе бываетъ слѣдствіемъ взаимныхъ удобствъ, нежели мѣрою, необходимо требуемою мѣстными обстоятельствами. Потому чрезвычайно трудно закону регламентировать всѣ эти обстоятельства по общимъ принципамъ, заранѣе опредѣленнымъ.

„Независимо отъ мѣръ, принятыхъ правительствомъ для приведенія барщины въ правильныя границы, есть другія мѣры, могущія сдѣлать барщину трудомъ болѣе производительнымъ и въ то же время повинностью менѣе обременительною для крестьянъ, и зависящія всего болѣе отъ самихъ владѣльцевъ. Одна изъ этихъ мѣръ состояла бы въ замѣнѣ поденщины работою по урокамъ, такъ чтобы вспахать поле или выкосить лугъ извѣстной величины считалось за столько-то или столько-то дней барщины. Такимъ образомъ прилежный земледѣлецъ могъ бы скорѣе отправить свою повинность и имѣть больше времени для собственной работы. Это могло бы дѣлаться по полюбовному соглашенію, какъ теперь дѣлается соглашеніе между общиною и владѣльцемъ для замѣны барщины оброкомъ. Отдѣльные примѣры такого положенія уже существуютъ въ нѣкоторыхъ мѣстахъ, и Гакстгаузенъ приводитъ одинъ такой случай, встрѣченный имъ въ помѣстьи г. Бунина въ Тамбовской губерніи. Надобно желать, чтобы эти отдѣльные примѣры находили больше подражателей. Барщина, такимъ образомъ видоизмѣненная и сообразованная съ справедливостію, была бы значительнымъ улучшеніемъ въ сельскомъ хозяйствѣ. Но мы удерживаемся отъ сужденія о томъ, до какой степени повсемѣстна исполнимость такого измѣненія. Каковы бы ни были впрочемъ измѣненія, которымъ можетъ въ будущемъ подвергнуться, и безъ сомнѣнія подвергнется современемъ, система барщины, эти измѣненія будутъ имѣть только второстепенное вліяніе на состояніе нашего земледѣлія, пока не будутъ болѣе или менѣе измѣнены другія условія, въ которыхъ находится наше земледѣліе“ **).

Изъ всѣхъ извѣстныхъ намъ разсужденій въ пользу обязательнаго труда, эти страницы Тенгоборскаго представляютъ самый разсудительный сводъ экономическихъ соображеній. Потому мы и выбираемъ этотъ отрывокъ, чтобы видѣть, до какой степени могутъ быть логичны и сообразны съ фактами подобныя соображенія.

„Многіе экономисты думаютъ, что крѣпостное право вредно для обработки полей“.—*Многіе!*—послѣ этого можно сказать, что *многіе* астрономы думаютъ, что земля обращается вокругъ солнца. Почему-жъ бы не сказать точнѣе: за исключеніемъ меня, автора книги Études etc. и Гакстгаузена,—*всѣ* экономисты.

„Нашъ крестьянинъ считаетъ поле, которое обработываетъ на себя, своею собственностью, или лучше сказать собственностью своей общины“. Правда, и

*) Die Leibeigenschaft und ihre Aufhebung oder Umwandlung müsste in Russland stets eine Local-Frage, keine allgemeine Staats sein. (Гакстгаузенъ, примѣчаніе къ стр. 178, томъ I).

**) Études sur les forces productives de la Russie. 1854 г., I, стр. 325—339.

этотъ фактъ мы должны запомнить какъ можно тверже; но какой выводъ дѣлается изъ него Тенгоборскимъ? „потому нашъ мужикъ не можетъ дурно обрабатывать эту землю“.—Да развѣ мнѣніемъ мужика отстраняются причины, препятствующія ему хорошо обрабатывать эту землю? Во-первыхъ, тутъ надобно исключить всѣхъ поселянъ, состоящихъ на оброкѣ: какъ извѣстно, оброкъ опредѣляется сообразно средствамъ мужиковъ заплатить его. Если деревня не можетъ выплачивать болѣе 20 рублей серебромъ оброку съ тягла, она и будетъ платить 20 руб.; но если является у мужиковъ хотя нѣсколько болѣе денегъ, вы увидите, что оброкъ не замедлитъ возвыситься; исключенія встрѣчаются, какъ извѣстно каждому, но встрѣчаются очень рѣдко. Какъ общее правило, надобно принять, что оброкъ при каждой смѣнѣ владѣльца возвышается, если только есть физическая возможность возвысить его. Каждому извѣстно, что часто возвышеніе оброка происходитъ, иногда по нѣскольку разъ, и при одномъ владѣльцѣ. И вотъ, изъ двухъ способовъ полученія доходовъ при крѣпостномъ правѣ, одинъ способъ, оброкъ, является уже совершенно прямо задерживающимъ старательность поселянина въ обработкѣ своего участка. Обработываетъ онъ его плохо и получаетъ съ него 10 четвертей хлѣба; онъ платитъ, положимъ, 20 руб. серебр. оброку. Начни онъ и другіе крестьяне той же деревни обработывать свои участки лучше, и пусть возвысится сборъ хлѣба до 15 четвертей съ участка,—всѣ крестьяне знаютъ, что вслѣдъ за этимъ оброкъ не замедлитъ возвыситься до 30 и хорошо еще, если только до 30, а не до 40 рублей. Спрашивается теперь, можетъ ли эта перспектива возбуждать ихъ старательность, или скорѣе она повергаетъ ихъ въ апатію, заставляетъ обработывать поле какъ нибудь, лишь бы только прокормиться? Вѣдь имъ извѣстно, что какова бы ни была ихъ старательность, въ результатѣ за уплатою оброка останется имъ на долю одно и то же.

Но если оброкъ и дѣйствуетъ прямѣе, очевиднѣе, то все-таки его дѣйствіе не такъ сильно, какъ вліяніе барщины. Тенгоборскій, заимствовавшій всѣ свои свѣдѣнія о сельскомъ бытѣ нашемъ исключительно изъ книги Гакстгаузена, могъ не знать, какимъ образомъ примѣняется къ дѣлу обычай, утвержденный закономъ, о трехдневной барщинѣ. Есть помѣстья, въ которыхъ исполняется онъ по точному своему смыслу, т. е., напримѣръ, три первые дня недѣли берутся крестьяне на барщину, а послѣдніе три дня оставляются крестьянамъ на свою работу, или своя и барская работа идетъ черезъ день. Но рѣдки случаи, въ которыхъ бы этотъ порядокъ сохранялся неуклонно. Большею частію онъ измѣняется по одному изъ трехъ слѣдующихъ способовъ. Первый способъ: назначеніе того, въ какой день крестьяне отпускаются на свою работу, опредѣляется соображеніями распорядителя господскихъ работъ; напримѣръ, въ понедѣльникъ крестьянамъ слѣдовало бы по очереди дней идти на барскій сѣнокосъ, но помѣщикъ, или управляющій, видитъ, что погода неблагопріятна для сѣнокоса, и потому отпускаетъ крестьянъ въ этотъ день на ихъ работу, а потомъ въ зачетъ этого дня назначитъ барщину въ четвергъ, или въ субботу, когда погода будетъ хороша. То же бываетъ и во время пашни. Въ ночь съ воскресенья на понедѣльникъ выпалъ дождь,—и вотъ назначается въ этотъ день барщина, хотя бы по очереди дней приходилось и не такъ. Очевидно, что такой порядокъ, нарушая правильность работъ на крестьянскихъ поляхъ, отнимая у крестьянъ возможность дѣлать предусмотрительныя распоряженія для своихъ работъ, наконецъ, перенося эти работы на неудобное время, не

можетъ не имѣть вліянія какъ на обработку крестьянскихъ полей, такъ и на самый характеръ работниковъ. Но еще произвольнѣе и неблагопріятнѣе второй способъ, если не ошибаемся, самый употребительный, по которому принимается за правило, что деревня должна сначала окончить господскую работу сплошною барщиною безъ очереди дней, и потомъ ужъ отпускается обработывать свои поля. Соотвѣтственность обычаю, опредѣляющему число дней барщины равнымъ числу дней работы крестьянъ на собственныхъ поляхъ, полагается при такомъ порядкѣ въ томъ, что крестьянскимъ полямъ дается приблизительно такой же размѣръ, какой имѣютъ господскія поля. Очевидно, что невыгоды, чувствительныя въ первомъ способѣ, развиваются здѣсь еще сильнѣе: вообще говоря, и при запашкѣ, и при сѣнокосѣ, и при жатвѣ все наиболѣе благопріятное время занято обработкою господскихъ полей, а для крестьянскихъ остается уже наименѣе выгодное время: на этихъ послѣднихъ при такомъ порядкѣ всѣ работы производятся спустя пору; пашня и посѣвъ дѣлаются поздно, и чаще всего при дурныхъ условіяхъ погоды, когда земля уже слишкомъ много утратила соковъ со времени таянія снѣговъ, а пора весеннихъ дождей обыкновенно уже прошла; уборка хлѣба на крестьянскихъ поляхъ дѣлается очень часто тогда, когда хлѣбъ уже перезрѣлъ и много зерна уже осыпалось изъ колоса на корню; очень часто подоспѣваютъ къ этому осенніе дожди, и хлѣбъ на запоздавшихъ поляхъ поляжетъ отъ нихъ на корню. Къ этимъ неудобствамъ присоединяется неизбѣжно еще та невыгода, что крестьяне приступаютъ къ обработкѣ своихъ полей уже не съ свѣжими силами, а утомленные предъидущею работою, и рабочій скотъ ихъ бываетъ также уже истомленъ. Обѣ эти невыгоды неизбѣжны и постоянны. Но часто присоединяется къ нимъ еще то обстоятельство, что размѣръ господскихъ полей превышаетъ ту норму, которая соотвѣтствовала бы тремъ днямъ барщины. Надобно при томъ сказать, что часто первый способъ соединяется съ вторымъ, т. е. при обработкѣ господскихъ полей раньше крестьянскихъ, дни дурной погоды передаются изъ барщинной въ собственную работу крестьянъ. Нельзя забыть и того, что трехдневная норма, поставленная обычаемъ, не всегда соблюдается: размѣръ господскихъ полей зависитъ отъ разсчетовъ землевладѣльца и достигаетъ иногда такого объема, что требуетъ четырехъ и даже болѣе дней въ недѣлю. Въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ есть третій способъ отправленія барщины: крестьянскія тягла распредѣляются по хозяйствамъ такъ, чтобы въ каждомъ хозяйствѣ было четное число работниковъ, именно: два или четыре. Если въ семьѣ только одинъ работникъ, къ этой семьѣ въ домъ поселяютъ семью батраковъ, имѣющую также одного работника. Тогда изъ двухъ работниковъ одинъ (обыкновенно хозяинъ) все время остается работать на своемъ полѣ, а другой (обыкновенно батракъ, или младшій родственникъ) все рабочее время безсмѣнно отправляетъ барщину. Очевидно, что этотъ способъ имѣетъ новыя стороны невыгоднаго вліянія на характеръ работы: крестьянинъ, постоянно отправляющій барщину, безъ сомнѣнія привыкаетъ къ небрежному, сонному труду: черезъ такую школу проходитъ почти каждый крестьянинъ, прежде, чѣмъ сдѣлается главою семьи, и проходитъ онъ эту школу нерадивости именно въ тѣхъ лѣтахъ молодости, когда формируется характеръ человѣка и пріобрѣтаются привычки на цѣлую жизнь.

Таковы-то способы исполненія барщины, раздѣляющіе между собою почти все количество крѣпостныхъ крестьянъ, состоящихъ на барщинѣ. Кто знаетъ ихъ,

тотъ не можетъ сомнѣваться, подобно Тенгоборскому, въ томъ, велика ли степень невыгоднаго вліянія барщины на обработку даже тѣхъ полей, которыя предоставлены крестьянамъ. Мы не говоримъ уже о томъ, что обязательный трудъ вообще чрезвычайно вредно дѣйствуетъ на трудолюбіе и энергію, на образованіе привычекъ къ бережливости временемъ и средствами. У каждаго экономиста можно найти превосходные, проникнутые благороднымъ жаромъ страницы объ этой общей чертѣ обязательнаго труда; мы хотимъ обратить вниманіе читателя на то, что способами пользованія обязательнымъ трудомъ, у насъ господствующими, еще въ значительной степени увеличиваются тѣ невыгоды, которыя уже лежатъ въ самой его натурѣ.

Внимательный читатель, конечно, чрезвычайно дивится тому странному направленію, какое принято нашимъ разсужденіемъ о невыгодахъ обязательнаго труда въ обработкѣ полей. „Говоря, что такой трудъ не производителенъ, каждый разсудительный человѣкъ думаетъ преимущественно о тѣхъ работахъ, которыя совершаются этимъ трудомъ, то есть, о работахъ на господскомъ полѣ (готовъ намъ замѣтить читатель); по какому же нелѣпому уклоненію отъ здраваго смысла разсуждаете вы о его вліяніи на крестьянскія поля, когда дѣло должно идти о его вліяніи на господскія поля? Вы совершенно сбились съ дороги“.—Да, дѣйствительно мы совершенно сбились съ дороги, пошедши вслѣдъ за нашимъ авторомъ; это онъ разсудилъ придать такой оборотъ вопросу: ловкость изумительная и смѣлость еще болѣе изумительная!—онъ долженъ опровергнуть мнѣніе всѣхъ безъ исключенія экономистовъ, что барщина—работа самая непроизводительная,— и опровергаетъ онъ эту мысль чѣмъ же? тѣмъ, что на своихъ поляхъ крѣпостный крестьянинъ работаетъ усердно. Ему говорятъ: человѣкъ плохо исполняетъ обязательный трудъ, онъ возражаетъ: „обязательный трудъ не такъ плохъ, какъ вы думаете, потому что свободный трудъ на собственныхъ поляхъ исполняется крестьяниномъ не дурно, стало быть ваша мысль, будто онъ трудится плохо, совершенно неосновательна“. Такая отважная софистика невѣроятна, однако же дѣйствительно къ ней отваживается прибѣгать нашъ авторъ. Пусть припомнитъ читатель его слова: въ нихъ мало рѣчи о господскихъ поляхъ, онъ все возраженіе противъ обязательнаго труда сворачиваетъ на крестьянское поле. „Мы должны замѣтить, что ошибаются, думая, что будто крестьянинъ равнодушенъ къ своему участку. Люди, знающіе нашего крестьянина, знаютъ, что онъ очень дорожитъ своимъ участкомъ и любитъ его и старается воздѣлывать какъ можно лучше, а если иногда воздѣлываетъ плохо, такъ не отъ того, о чемъ вы говорите, а развѣ отъ другихъ какихъ причинъ“. Послѣ такого поворота говорите, если хотите, о добросовѣстности, объ учености и тому подобномъ, мы дивимся только отважности, съ какою тутъ предполагается, что читатель—тупоумный простякъ, провести котораго можно самымъ грубымъ обманомъ.

Но для насъ очень пріятенъ тотъ оборотъ, по мнѣнію автора очень искусный, которымъ онъ думалъ увернуться отъ мысли о невыгодности обязательнаго труда. Этотъ оборотъ заставилъ насъ вникнуть въ ту сторону сельскаго быта, которая на первый взглядъ представляется не подверженной вреднымъ дѣйствіямъ обязательнаго труда. Мы разсмотрѣли, имѣетъ ли какое нибудь дѣйствіе даже на ту работу, которую крестьянинъ совершаетъ для себя, то обстоятельство, что онъ подлежитъ также обязательному труду, и мы нашли, что это дѣйствіе очень силь-

но и очень вредно; такимъ образомъ обнаружилось, что даже тотъ уголокъ, въ которомъ вздумалъ укрыться защитникъ обязательнаго труда, не даетъ ему ни малѣйшей защиты, и хитрый оборотъ адвоката неправды послужилъ только къ тому, что вредное дѣйствіе неправды раскрылось въ большемъ объемѣ, нежели какъ представлялось бы съ перваго взгляда; сверхъ того, отъ хитрости, придуманной нашимъ авторомъ, мы получаемъ то преимущество, что она служитъ для насъ признаніемъ съ его стороны невозможности отвергать то вредное вліяніе барщины, которое обыкновенно указывается политическою экономіею. Онъ не отваживается и говорить о томъ, производительна ли обработка господскихъ полей обязательнымъ трудомъ,—значитъ, онъ самъ признаетъ эту невыгоду, и намъ уже не для чего много распространяться объ этомъ; скажемъ только два, три слова.

Помѣстья Замойскихъ, по освобожденіи крестьянъ на нихъ, стали приносить въ три раза болѣе дохода.

Графъ Бернсдорфъ, великій датскій министръ, желая показать датскимъ помѣщикамъ невыгоды обязательнаго труда, приводилъ имъ въ примѣръ свои собственныя помѣстья, въ которыхъ онъ освободилъ крестьянъ; и дѣйствительно, пока его поля обработывались барщиною, средній урожай ржи на нихъ бывалъ самъ 3, а овса самъ $2^2/_3$, а когда онъ сталъ обработывать ихъ по найму, урожай ржи возвысился до самъ $8^1/_3$, а урожай овса до самъ 8.

Датскихъ помѣщиковъ останавливало то, что освобожденіе крестьянъ на первый разъ стоило нѣкоторыхъ пожертвованій, но Бернсдорфъ могъ доказать незначительность этихъ пожертвованій своими приходо-расходными книгами. Освобождая крестьянъ, онъ терялъ сто тысячъ талеровъ капитала; за то доходы съ его помѣстья быстро стали возрастать въ пропорціи еще гораздо большей, нежели какая видна изъ сравненія урожаевъ. Помѣстье съ обязательнымъ трудомъ давало ему три тысячи талеровъ, черезъ 24 года онъ, при свободномъ трудѣ, получалъ съ этого помѣстья двадцать семь тысячъ талеровъ; стало быть, если его земли вмѣстѣ съ крѣпостными работниками могли быть проданными за полтораста тысячъ талеровъ, то теперь, по освобожденіи работниковъ, эти земли стоили въ девять разъ болѣе или 1,350,000 талеровъ,—выигрышъ, кажется, достаточно вознаграждающій за видимую потерю ста тысячъ талеровъ при освобожденіи. Такихъ примѣровъ представляются тысячи всѣми странами, гдѣ совершалось освобожденіе крестьянъ. Повсюду неизмѣнно оно было соединено съ быстрымъ возвышеніемъ доходовъ помѣщика, освободившаго крестьянъ. Да и можетъ ли быть иначе?—нужно только вспомнить, въ какой именно пропорціи наемный трудъ производительнѣе обязательнаго. Негры въ одну послѣобѣденную половину дня успѣваютъ сдѣлать столько же, когда работаютъ на себя, сколько въ цѣлый день на барщинной работѣ. Такова разница между свободнымъ и обязательнымъ трудомъ даже того чемовѣка, энергія котораго подавлена и силы котораго истощены обязательнымъ трудомъ. Но еще значительнѣе становится она, когда человѣкъ успѣетъ отвыкнуть отъ апатіи, свойственной крѣпостному состоянію. Наемный трудъ такого человѣка производитъ въ день слишкомъ въ три раза больше, нежели день барщины крѣпостнаго работника *).

*) Principes d'Economie Politique, par Roscher, traduits par M. Wolowski. Paris. 1857. vol. 1, p. 157—159.

Не можемъ отказать себѣ въ удовольствіи привести также нѣсколько примѣровъ изъ множества фактовъ, представляемыхъ превосходнымъ „Статистическимъ описаніемъ Кіевской губерніи“, которое составлено покойнымъ Журавскимъ и издано г. Фундуклеемъ. Мы употребили слово: „удовольствіе“, и дѣйствительно, трудно иначе называть чувство, производимое длиннымъ рядомъ фактовъ, неразумность которыхъ доходитъ до поразительнаго комизма, фактовъ въ родѣ слѣдующаго. Въ помѣстьи, имѣвшемъ около 250 взрослыхъ работниковъ, отправлявшихъ барщину, все число барщинныхъ дней простиралось до 45 тысячъ въ годъ; изъ нихъ на полевыя работы употреблено менѣе 12 тысячъ дней, т. е. около четвертой части всего труда. На что же были потрачены три четверти рабочихъ дней? Нѣкоторое количество изъ нихъ было употреблено на работы производительныя, а другіе дни разошлись въ родѣ слѣдующихъ: 1900 дней потрачено на господскій садъ и огородъ. Этотъ садъ и огородъ доставляли фруктовъ и овощей столько, что иногда было ихъ достаточно для господскаго стола, а иногда и не достаточно (навѣрное, на фрукты и овощи господскому столу, если бы они производились наемною работою, или покупались, не было бы употреблено и той суммы, какой стоютъ хотя 500 рабочихъ дней; а тутъ при 1900 дняхъ нужно было еще прикупать). На починку печей и бѣленье комнатъ и т. п. въ господскомъ домѣ употреблено 950 рабочихъ дней; на выдѣлку холста, кожъ, сапоговъ для господской экономіи употреблено дворовыми людьми и крестьянами слишкомъ 11 тысячъ рабочихъ дней и все-таки не выдѣлано было столько кожъ и холста, чтобы обуть и одѣть,—нужно было много прикупать. Итакъ, почти столько же, сколько на все хлѣбопашество, потрачено было рабочихъ силъ на производство платья для дворовыхъ людей, да и того оказалось мало. Превосходны также факты такого рода: была при господскомъ хозяйствѣ молотильная машина; работа ею заняла около 5800 дней и обмолочено въ эти дни около 4200 копенъ хлѣба, такъ что результатъ рабочаго дня при этой машинѣ давалъ менѣе, нежели три четверти копны обмолоченнаго хлѣба, а надобно замѣтить, что машина приводилась въ движеніе лошадьми, работу которыхъ мы уже не кладемъ въ счетъ. Но въ томъ же хозяйствѣ, просто цѣпомъ, мужикъ обмолачиваетъ болѣе копны хлѣба, и стало быть выходитъ, что при помощи машины работа производилась гораздо медленнѣе, нежели безъ помощи машины. Не много нужно думать о такихъ цифрахъ, чтобъ прійти къ слѣдующему заключенію: три четверти рабочихъ силъ барщины тратились въ этомъ хозяйствѣ совершенно понапрасну, не принося владѣльцу ровно никакого дохода, а часто обращаясь ему въ прямой убытокъ, который приходилось покрывать ему вычетомъ изъ доходовъ, доставлявшихся ему остальною четвертою частью барщины. Такихъ фактовъ въ „Описаніи Кіевской губерніи“ сотни и тысячи. Но, можетъ быть, въ томъ хозяйствѣ, распредѣленіе барщины котораго мы видѣли, и другихъ подобныхъ ему хозяйствахъ, экономія была плохо устроена?—вовсе нѣтъ, это хозяйство было еще изъ самыхъ лучшихъ. Сводя цифры о всѣхъ помѣщичьихъ имѣньяхъ Кіевской губерніи, Журавскій приходитъ къ слѣдующимъ выводамъ: соображая пространство господскихъ полей съ уроками, которые отработываются въ одинъ день, Журавскій находитъ, что для полной обработки господскихъ полей, вмѣстѣ съ уборкою сѣнокосовъ, требовалось бы въ Кіевской губерніи 17,500,000 рабочихъ дней; между тѣмъ число всѣхъ дней, отбываемыхъ барщиною въ Кіевской губерніи, простирается до

65,000,000; такимъ образомъ три четверти барщины растрачиваются такъ себѣ, то туда то сюда; не считая даже вовсе зимнихъ дней, все-таки выходитъ, что и изъ лѣтнихъ дней половина растрачивается самымъ непроизводительнымъ образомъ *).

Теперь читатель не будетъ удивляться слѣдующему расчисленію, основныя цифры котораго мы также заимствуемъ у Журавскаго. Журавскій опредѣляетъ наемную цѣну, какую имѣетъ въ разныхъ мѣстностяхъ Кіевской губерніи лѣтомъ и зимою день работы пѣшаго мужика, мужика съ лошадью, и женщины; по этимъ вычисленіямъ онъ перелагаетъ на деньги всю цѣнность 65 мильоновъ дней барщины, и оказывается, что вся цѣнность работъ, исправляемыхъ барщиною, доходитъ до 7,232,350 рублей серебр. Каковы же теперь всѣ доходы помѣщиковъ Кіевской губерніи? Каждый производительный трудъ даетъ въ продуктѣ избытокъ противъ того, во сколько обошлось производство. Напримѣръ, фабрикантъ употребляетъ 100,000 рублей на жалованье рабочимъ, на покупку матеріаловъ, на ремонтъ фабрики, на уплату процентовъ съ основнаго капитала, и проч.; а продуктовъ своей фабрики продаетъ онъ на 120,000 тысячъ и болѣе. Если бы обязательный трудъ былъ производителенъ, очевидно, что помѣщики Кіевской губерніи получали бы гораздо болѣе этой суммы, какой стоитъ барщина. Сколько именно получали бы они, трудно сказать, но легко опредѣлить наименьшую величину, ниже которой никакъ не могли бы спускаться ихъ доходы. Барщина замѣняетъ только наемную плату работникамъ. Наемная плата работникамъ въ земледѣліи никакъ не можетъ составлять болѣе половины всего оборотнаго капитала, а по настоящему надобно полагать ее гораздо меньше **). Но если положить этотъ расходъ равняющимся цѣлой половинѣ издержекъ производства, мы все-таки получимъ сумму въ 14,500,000 руб. сер.,—это издержки производства; но производство должно же давать какой нибудь чистый доходъ; положимъ его хотя только въ 10% и мы получимъ 1,450,000 руб. сер. Такимъ образомъ составляется сумма въ 16,000,000 руб. сер., и мы видимъ, что доходы помѣщиковъ Кіевской губерніи должны были бы простираться по крайней мѣрѣ до этой суммы даже тогда, когда бы расходъ на работниковъ можно было считать вполовину издержекъ производства. Если же считать его только въ третью часть издержекъ, что гораздо ближе къ истинѣ, то надобно ожидать дохода въ 24,000,000 руб. сер. Но вспомнимъ, что работники трудятся не по найму, а обязательно, и мы уже можемъ ожидать, что доходы помѣщиковъ далеко не достигаютъ этой цифры 16,000,000 руб. сер., которая при наемномъ трудѣ была бы слишкомъ низка. Какъ же велики они въ дѣйствительности? Быть можетъ, 12, быть можетъ 10 мильоновъ? Нѣтъ, по вычисленію Журавскаго, всѣ доходы помѣщиковъ Кіевской губерніи не простираются выше 7,123,380 руб. сер., — то есть, они даже меньше той суммы, которой стоитъ одна рабочая сила барщины.

*) Статистическое описаніе Кіевской губерніи. Часть II, стр. 220 и слѣд. и 372 и слѣд.

**) При урожаѣ самъ 5, одна цѣнность посѣва составляетъ уже 20 процентовъ оборотнаго капитала. Ренту земли, конечно, слишкомъ низко будетъ оцѣнить въ одну четверть валоваго дохода, который долженъ быть больше издержекъ производства, и потому въ издержкахъ производства рента составляетъ болѣе значительную часть, нежели въ немъ. Но положимъ, что она будетъ составлять только одну четверть издержекъ производства. Вотъ цѣна посѣва и рента составляютъ уже 45% издержекъ производства. Прибавимъ расходъ на управленіе, и мы получимъ уже гораздо болѣе 50%, и на жалованье работникамъ останется менѣе 50%. Совершенно близко къ истинѣ было бы сказать, что это жалованье составляетъ въ земледѣліи отъ одной четвертой до одной третьей части издержекъ производства.

Чтобы понять всю экономическую несообразность такого порядка дѣлъ, представимъ себѣ, напримѣръ, что существовала бы хлопчато-бумажная фабрика, которая на одно жалованье рабочимъ расходовала бы 10,000 руб. сер., а доходовъ отъ продажи своихъ продуктовъ получала бы 9,500 руб. сер.; вспомнимъ, что фабрикантъ долженъ считать проценты съ основнаго капитала, представляемаго зданіемъ фабрики и машинами, долженъ ежегодно покупать болѣе чѣмъ на 10,000 руб. сер. хлопка,—и мы поймемъ, что его фабрика представляетъ изумительно неразумное явленіе, что ея существованіе противно всякому экономическому разсчету, что кромѣ разоренія всѣхъ участвующихъ въ дѣлахъ этой фабрики, ничего нельзя ждать отъ нея. Каждый здравомыслящій человѣкъ изъ любви къ самому фабриканту долженъ посовѣтовать ему измѣнить странный порядокъ дѣлъ, существующій на его фабрикѣ.

Точно таково положеніе помѣщиковъ. Одной рабочей силы употребляется ими, напримѣръ, въ Кіевской губерніи на 7,230,000 р. с., а всего дохода получается только 7,130,000 руб. сер. *).

Но мы еще далеки отъ истины, полагая, что весь доходъ помѣщиковъ Кіевской губерніи происходитъ отъ обязательнаго труда. Если бы вся сумма 7,123,000 р. с. возникала изъ работы, стоющей 7,232,000, это было бы уже чрезвычайно неразумно; что же надобно будетъ сказать, когда сообразимъ, что около половины помѣщичьихъ доходовъ въ Кіевской губерніи должны считаться не плодомъ барщины **), а доходами съ различныхъ капиталовъ, кромѣ поземельнаго капитала? Потому доходъ, доставляемый барщиною, слѣдуетъ считать не болѣе какъ въ 4,000,000 р. с., и въ результатѣ окажется, что всѣ продукты, доставляемые барщиною, едва равняются 6% стоимости самой барщины, и параллель съ фабрикою, представленная нами выше, измѣнится такимъ образомъ:

Есть фабрикантъ, который, кромѣ того, что употребляетъ ежегодно болѣе 10,000 р. на покупку сырыхъ матеріаловъ и ремонтъ, одной рабочей силы расходуетъ на 10,000 р., а всѣхъ продуктовъ своей фабрики продаетъ только на 6,000 р.,—спрашивается, разумно ли идетъ его фабрика?

Но чѣмъ поправить ему свои дѣла?—Очевидно, откуда весь недочетъ: работа на его фабрикѣ плоха и ему должно измѣнить порядокъ этой работы, если онъ не хочетъ съ каждымъ годомъ разоряться все больше и больше. Иначе ему никакъ не избѣжать банкротства.

Этотъ выводъ неоспоримо слѣдуетъ изъ фактовъ, подробно излагаемыхъ Журавскимъ. Люди, незнающіе сельскаго хозяйства въ Кіевской губерніи, могутъ пожалуй подумать, что въ другихъ губерніяхъ дѣла могутъ идти лучше, что по-

*) Описаніе Кіевской губерніи. Часть II, стр. 230 и 378.

**) Пропинація и лѣсная продажа даютъ 1,250,000 р. с., тонкорунное овцеводство, фабричная промышленность и винокуреніе даютъ болѣе 1,300,000 р. с., изъ нихъ по крайней мѣрѣ половину, т. е. 650,000, надобно считать доходомъ основнаго и оборотнаго капитала; изъ дохода, доставляемаго хлѣбопашествомъ и свекловицею (3,800,000) по крайней мѣрѣ одну пятую часть надобно считать слѣдствіемъ работы реманентнаго скота, господскихъ машинъ и т. п.: это даетъ около 750,000; вотъ у насъ уже насчитано 2,650,000 р. с. дохода, возникающаго не отъ барщинной работы. Прибавивъ къ этой цифрѣ различныя мелкія отрасли доходовъ, исчислять которыя было бы здѣсь слишкомъ длинно и которыя легко отыщетъ внимательный читатель въ изслѣдованіяхъ Журавскаго, мы получимъ тотъ выводъ, что изъ 7,123,000 р. с. общаго дохода, по крайней мѣрѣ 3,000,000, а вѣроятно и болѣе, даются помѣщикамъ Кіевской губерніи не обязательнымъ трудомъ.—Въ статьѣ объ описаніи Кіевской губерніи („Соврем." 1856. № 9) этотъ вычетъ даетъ меньшую цифру, но тамъ онъ очень не полонъ.

рядокъ помѣщичьяго хозяйства въ Кіевской губерніи хуже, нежели въ великорусскихъ. Напротивъ, въ ней онъ гораздо лучше. Отчетность по хозяйству ведется съ такою точностію, какая совершенно неизвѣстна великорусскимъ помѣщикамъ: экономіи въ употребленіи рабочихъ силъ несравненно больше, небрежной растраты ихъ гораздо меньше въ Кіевской губерніи, нежели въ Великой Россіи, и выводъ, представляемый изслѣдованіемъ Журавскаго для Кіевской губерніи, еще съ гораздо большею силою прилагается къ Великой Россіи, которую мы имѣемъ преимущественно въ виду въ этой статьѣ.

Раззореніе для самихъ помѣщиковъ, вотъ очевиднѣйшее слѣдствіе обязательнаго труда. Отчеты кредитныхъ учрежденій о количествѣ заложенныхъ имѣній и публикаціи о продажѣ этихъ имѣній за неуплату долга, къ сожалѣнію, слишкомъ громко свидѣтельствуютъ о томъ, какъ подтверждается эта научная истина фактами нашей жизни. Недавно ученый, котораго мы не хотимъ называть по имени, вздумалъ было доказывать, что помѣстья наши не такъ обременены долгами, какъ всѣ мы знаемъ,—единодушная горькая улыбка всѣхъ читателей была отвѣтомъ на такую розовую шутку. Помѣщикъ, имѣніе котораго не заложено, представляется у насъ довольно рѣдкимъ исключеніемъ. Точныя свѣдѣнія о количествѣ всѣхъ долговъ, лежащихъ у насъ на дворянскихъ имѣніяхъ, не собраны, но достовѣрно то, что съ каждымъ годомъ тяжесть этихъ долговъ возрастала и что въ настоящее время изъ всѣхъ имѣній въ Европѣ наиболѣе обременены долгами русскія помѣстья. Тутъ можно говорить о расточительной жизни, о пренебреженіи къ собственнымъ дѣламъ; но во-первыхъ, всѣ эти и т. п. второстепенныя причины недостаточны для накопленія долговъ, столь всеобщихъ и столь громадныхъ; во-вторыхъ, и расточительность и пренебреженіе къ дѣламъ возникаютъ главнымъ образомъ изъ того основнаго зла, которому нынѣ полагается предѣлъ. Можетъ ли экономически вести свои расходы тотъ, доходы котораго получаются способомъ противнымъ экономическому разсчету? Можетъ ли съ усердіемъ заниматься своими дѣлами тотъ, кому представляется, что источникъ его доходовъ, обязательный трудъ, остается неизсякаемъ и безъ всякой заботы съ его стороны?

Потому намъ кажется, что обязательный трудъ раззорителенъ не только для крестьянъ, но и для самихъ помѣщиковъ; потому-то и не можемъ согласиться мы съ словами Тенгоборскаго, что обязательный трудъ, хотя всегда невыгоденъ для государственнаго хозяйства, но бываетъ иногда выгоденъ для помѣщика. Нѣтъ, онъ всегда невыгоденъ и для него. Ниже мы подробно разсмотримъ основаніе, на которомъ опирается мнѣніе Тенгоборскаго, мнѣніе, что издержки землевладѣльца на наемную плату, послѣ уничтоженія крѣпостнаго права, не вознаградятся продажею продуктовъ; теперь замѣтимъ только, что тогда и увеличится количество и возвысится цѣна хлѣба, получаемаго помѣщикомъ съ своихъ полей, и перейдемъ къ слѣдующимъ мыслямъ Тенгоборскаго.

Онъ самъ чувствуетъ, что нельзя сомнѣваться въ невыгодности обязательнаго труда, и потому старается доказать, что масса полей, воздѣлываемыхъ этимъ трудомъ, не такъ велика, чтобы могла имѣть преобладающее вліяніе на дурное состояніе нашего сельскаго хозяйства.

Съ этой цѣлью прежде всего разсчитываетъ онъ, каково отношеніе крѣпостныхъ крестьянъ къ числу всего сельскаго населенія. Противъ этого счета замѣтимъ, что напрасно вноситъ онъ въ число крестьянъ, неподлежащихъ крѣпостной

работѣ, 816,000 крестьянъ разныхъ наименованій, означенныхъ въ таблицѣ Кеннена нумерами 5 и 6. Исправивъ эту ошибку, мы увидимъ, что количество крестьянъ, подлежащихъ обязательному труду, почти на 2,000,000 душъ мужскаго пола больше числа свободныхъ крестьянъ. Но если даже принять и его разсчетъ, по которому та и другая цифры почти равны, все-таки надобно сказать, что работа цѣлой половины крестьянъ, подлежащая крѣпостному праву, представляетъ уже массу труда, съ избыткомъ достаточную для подчиненія всего народнаго хозяйства, какой принадлежитъ обязательному труду.

Въ тѣхъ южныхъ штатахъ Сѣверо-Американскаго Союза, гдѣ существуетъ невольничество, весь характеръ и общественнаго быта и національнаго хозяйства опредѣляется трудомъ негровъ; а между тѣмъ число невольниковъ въ этихъ штатахъ далеко не достигаетъ цифры бѣлаго населенія въ тѣхъ же штатахъ. Мы возьметъ только тѣ штаты, въ которыхъ всего болѣе невольниковъ, именно: Виргинію, Сѣверную и Южную Каролины, Георгію, Флориду, Алабаму, Мисиссипи, Луизіану, Техасъ, Арканзасъ, Теннесси, Кентукки и Миссури. Въ этихъ тринадцати штатахъ число невольниковъ простирается до 3,075,000, а число бѣлаго населенія болѣе, нежели до 5,400,000. Мы видимъ, что даже въ этихъ штатахъ, имѣющихъ исключительно невольническій характеръ въ своемъ производствѣ, число свободныхъ почти вдвое превышаетъ цифру невольниковъ; и однакоже этой одной третьей части населенія, подлежащей принужденному труду, уже достаточно для уничтоженія въ народномъ бытѣ и трудѣ всякаго элемента, имѣющаго характеръ свободнаго труда *). Если примѣсь третьей части обязательнаго труда къ двумъ третямъ свободнаго оказываетъ такое громадное вліяніе, что же сказать о томъ, когда цѣлая половина работниковъ подлежитъ обязательному труду?

Но Тенгоборскій не останавливается на томъ, что неправильнымъ счетомъ уравниваетъ число крѣпостныхъ крестьянъ съ числомъ свободныхъ, хотя ему самому извѣстно, что первое больше. Онъ идетъ далѣе и рѣшается утверждать, что такъ какъ „во многихъ помѣстьяхъ барщина замѣнена оброкомъ, то надобно принять, что двѣ трети воздѣлываемыхъ земель обработываются крестьянами, не отправляющими обязательнаго труда“. Эта смѣлость очень замѣчательна; во-первыхъ, Тенгоборскій не приводитъ точныхъ свѣдѣній о числѣ крестьянъ, состоящихъ на оброкѣ, и, пользуясь этимъ, онъ отважно предлагаетъ число ихъ гораздо больше, нежели каково оно должно быть въ дѣйствительности: онъ считаетъ ихъ, какъ видимъ, до 4,000,000 **); но едва ли можно считать ихъ и 2,000,000; во-вторыхъ, если-бы даже число оброчныхъ и доходило до 4,000,000, изъ этого еще не слѣдовало бы, что двѣ трети земли населены крестьянами, не отправляющими барщины: на оброкъ отпускаются крестьяне преимущественно въ помѣстьяхъ

*) Если бы мы, слѣдуя примѣру всѣхъ статистиковъ, причислили къ этимъ штатамъ Мериландъ, Делаваръ и т. д., то оказалось бы, что въ невольническихъ штатахъ число негровъ едва превышаетъ четвертую часть всего населенія, и мы могли бы сказать совершенно справедливо, что для сообщенія всему быту и производству страны того характера, какой свойственъ обязательному труду, достаточно уже и того, когда хотя четвертая часть работниковъ подлежитъ обязательному труду. Но мы, предупреждая даже излишнія притязанія противниковъ, ввели въ счетъ только тѣ штаты, въ которыхъ цифры наименѣе благопріятны нашимъ выводамъ: даже и эти цифры уже съ избыткомъ подтверждаютъ нашъ выводъ.

**) Эта цифра необходима, чтобы состоящихъ на барщинѣ осталась одна треть изъ всего числа поселянъ.

малоземельныхъ, а у государственныхъ крестьянъ земли вдвое и втрое меньше, нежели у помѣщиковъ по числу душъ; стало быть, если-бы даже только одна треть крестьянъ состояла на барщинѣ, а другія двѣ трети состояли бы изъ свободныхъ и оброчныхъ крестьянъ, то и тогда большая половина воздѣлываемой земли все-таки оставалась бы подъ помѣстьями, отправляющими барщину; въ-третьихъ, оброкъ у насъ довольно мало отличается отъ барщины по своему вліянію на характеръ хозяйства: возвышаясь соразмѣрно возвышенію доходовъ крестьянина, онъ точно такъ же, какъ и барщина, противодѣйствуетъ энергіи труда, потому что стремится постоянно поглощать всѣ избытки, ими производимые. Дѣло иное, если-бы нашъ оброкъ не возвышался произвольно.

Такая цѣпь противорѣчій фактамъ и фальшивыхъ гипотезъ нужна была Тенгоборскому, чтобы придти къ желанному заключенію, будто бы „обязательный трудъ не имѣетъ на наше сельское хозяйство столь преобладающаго вліянія, какое обыкновенно ему приписывается“. Для такого вывода нужно было слишкомъ отважнымъ образомъ исказить смыслъ мнѣнія о невыгодности обязательнаго труда, поворотивъ рѣчь съ работы, отправляемой барщиною, къ которой рѣчь прямымъ образомъ относится, на работу крестьянъ на своихъ поляхъ; нужно было представить невѣрный счетъ числа крѣпостныхъ крестьянъ; нужно было забыть и о характерѣ нашего оброка, и о малоземельности оброчныхъ имѣній. И однако-же при всѣхъ этихъ смѣлыхъ отступленіяхъ отъ истины, онъ могъ дойти только до такого результата, который совершенно ужъ достаточенъ для разрушенія его мнѣнія. Да, если-бы у насъ только третья часть сельскихъ работниковъ отправляла барщину, уже и тогда все наше сельское хозяйство находилось бы подъ исключительнымъ, подъ совершенно преобладающимъ вліяніемъ крѣпостной работы. Примѣръ южныхъ штатовъ Сѣверо-Американскаго Союза уже говоритъ, что свободная работа двухъ третей населенія совершенно искажается вліяніемъ принудительной работы одной трети населенія. Но по словамъ самого Тенгоборскаго, число крѣпостныхъ крестьянъ равняется числу свободныхъ; въ дѣйствительности же превосходитъ ихъ.

Но, продолжаетъ Тенгоборскій, какъ ни вредна система обязательнаго труда, она въ настоящее время, для значительной части Россіи, необходима. Почему же? Причинъ на это приводится три:

1) „Капиталовъ у насъ недостаточно для раціональнаго хозяйства съ наемнымъ трудомъ при безмѣрной обширности воздѣлываемыхъ земель“. Тутъ сколько словъ, столько и ошибокъ. О томъ, до какой степени безмѣрна обширность нашихъ земель, мы будемъ говорить послѣ; пока здѣсь замѣтимъ прежде всего хитрое слово „раціональный“; оно намекаетъ на плодоперемѣнную систему съ искусственнымъ луговодствомъ, дренажемъ и т. п. Для такой системы, конечно, нужны большіе капиталы, но самъ Тенгоборскій говоритъ, что она еще не нужна и неумѣстна для насъ; а еслибъ и была умѣстна, то наемная плата самый незначительный расходъ, въ сравненіи съ расходами на луговодство, скотоводство, машины и прочее, при такой системѣ, и обязательный трудъ можетъ только помѣшать ея распространенію, потому что при немъ невозможна ни строгая экономія въ жизни самого хозяина, ни старательный и искусный трудъ работниковъ. Но Тенгоборскій хитритъ: онъ только сбиваетъ читателя намекомъ на плодоперемѣнную систему въ словѣ „раціональный“, а самъ и не думаетъ о ней, подробно доказавъ передъ тѣмъ, что для насъ еще надолго выгоднѣе всѣхъ другихъ системъ

трехпольное хозяйство. При трехпольномъ хозяйствѣ капиталовъ не очень много нужно. Но если бы у насъ было мало капиталовъ даже и для этой системы, тѣмъ сильнѣе доказывалась бы необходимость отмѣнить обязательный трудъ, потому что онъ составляетъ сильнѣйшее препятствіе образованію и возрастанію капиталовъ. При немъ работа непроизводительна, при немъ нѣтъ ни разсчетливости, ни предпріимчивости. Жалоба на недостатки въ капиталахъ есть требованіе отмѣны обязательнаго труда.

2) „Во многихъ мѣстахъ цѣнность сельско-хозяйственныхъ продуктовъ не давала бы ренты, достаточной для покрытія издержекъ производства". Не мѣшаетъ замѣтить тутъ оригинальное употребленіе слова „рента" вмѣсто доходъ: Тенгоборскій забылъ, что рентою называется только та часть дохода, которая вовсе не служитъ къ покрытію издержекъ производства, а составляетъ наемную плату, получаемую землевладѣльцемъ съ арендатора; его фраза подобна слѣдующей: дивидендъ акціонерной фабрики недостаточенъ на покрытіе издержекъ ея. Такія фразы свидѣтельствуютъ о сбивчивости понятій, которая одна впрочемъ и можетъ давать человѣку рѣшимость выступать защитникомъ обязательнаго труда. Тенгоборскій не умѣлъ сказать того, что хотѣлъ сказать, именно, что цѣнностью продуктовъ не будутъ покрываться издержки производства.

Предположимъ сначала, что это возраженіе совершенно справедливо: въ такомъ случаѣ, что изъ него слѣдуетъ по теоріи, принимаемой всѣми безъ исключенія экономистами? Насъ часто упрекали за то, что мы предпочитаемъ основательныя сужденія новой школы ошибочнымъ мнѣніямъ старой; но изъ нашего противорѣчія ошибкамъ старой школы вовсе не слѣдуетъ, чтобы мы не находили въ сочиненіяхъ Сэ или Росси ни одной страницы справедливой; есть случаи, въ которыхъ всѣ школы согласны; къ нимъ принадлежитъ и тотъ, о которомъ мы должны теперь вести рѣчь. Надѣемся, что самъ Сэ не напелъ бы въ слѣдующихъ строкахъ ни одного слова, съ которымъ бы не согласился вполнѣ.

Если цѣнность продуктовъ не покрываетъ издержекъ производства, это значитъ, что производство убыточно; національный интересъ и собственная выгода хозяина требуютъ, чтобы такое производство было оставлено.

Если продукты моей фабрики не покрываютъ моихъ расходовъ на фабрику, я долженъ или закрыть, или продать ее. Я не имѣю права требовать, чтобы государство раззорялось для моей фабрики, чтобы, напримѣръ, оно поставляло мнѣ задаромъ или матеріалъ, мною обработываемый, или машины, нужныя мнѣ для обработки, или лошадей, приводящихъ въ движеніе эти машины, или работниковъ, управляющихъ этими лошадьми и машинами.

Положимъ, что я занимаюсь выдѣлкою шляпъ. Если продажа не окупаетъ мнѣ моихъ издержекъ, это происходитъ отъ одной изъ двухъ причинъ: 1) или моя фабрика устроена дурно, и въ такомъ случаѣ я долженъ стараться улучшить ее, а если не умѣю улучшить, то нечего мнѣ и тянуться быть шляпнымъ фабрикантомъ, и пусть я раззорюсь, государство тутъ ничего не проиграетъ; напротивъ, оно выиграетъ, когда однимъ дурнымъ фабрикантомъ будетъ меньше; или 2) я работаю шляпы не хуже и не дороже другихъ,—въ такомъ случаѣ, значитъ, всѣ шляпные фабриканты терпятъ убытокъ, подобно мнѣ; отчего-жъ это? оттого, что шляпныхъ фабрикъ развелось слишкомъ много, и шляпы слишкомъ низко упали въ цѣнѣ: запросъ несоразмѣренъ предложенію. Чѣмъ помочь этому?

Всѣ экономисты согласны въ томъ, что изъ этого затруднительнаго положенія нельзя вывесть насъ, шляпныхъ фабрикантовъ, никакими пособіями, нарушающими справедливость. Если бы, напримѣръ, государство стало намъ давать задаромъ матеріалы для выдѣлки шляпъ, мы по прежнему стали бы дѣлать шляпъ больше, нежели требуется; — чтобы сбывать этотъ излишній товаръ, мы стали бы другъ передъ другомъ сбивать цѣну, и сбили-бы опять-таки до того, что продажею шляпъ не покрывались бы наши расходы на ихъ выдѣлку. То же самое было бы, если бы мы получили отъ государства работниковъ, которые дѣлали бы шляпы на нашихъ фабрикахъ по системѣ обязательнаго труда, то есть, или стоили бы намъ дешевле наемныхъ, или вовсе ничего не стоили, — мы продолжали бы выдѣлывать шляпъ больше, нежели требуется, и цѣна ихъ все-таки упала бы до того, что не покрывала бы на нихъ издержекъ.

Такими раззорительными для государства пособіями не прекратилось бы наше затрудненіе. Корень его—излишество выдѣлки шляпъ по сравненію съ требованіемъ на нихъ, и потому лекарство тутъ одно—сократить выдѣлку. Чѣмъ больше будемъ мы раззорять государство пособіями на нашу излишнюю выдѣлку, тѣмъ больше будемъ только сами запутывать свои дѣла; и лучшее для насъ, что можетъ сдѣлать государство—не давать намъ этихъ раззорительныхъ для него и вредныхъ для насъ пособій, или прекратить ихъ выдачу, если ужъ по какой нибудь ошибкѣ они выдавались намъ. Такъ предоставленные собственнымъ силамъ, мы должны будемъ взяться за умъ, и скоро увидимъ, какъ пособить затрудненію.

Пособить ему очень просто: выдѣлка шляпъ невыгодна, — и такъ надобно отказаться отъ нея и заняться чѣмъ нибудь болѣе выгоднымъ.

Между нами, шляпными фабрикантами, найдутся люди дѣльные и предпріимчивые, поймутъ это и, закрывъ свои шляпныя фабрики, займутся, напримѣръ, выдѣлкою мыла или сукна. Тогда дѣла остальныхъ шляпныхъ фабрикантовъ поправятся: шляпъ выдѣлывается меньше прежняго, именно столько, сколько нужно, и цѣна ихъ поднимается на столько, чтобы быть выгодною безъ всякаго обязательнаго труда и другихъ раззорительныхъ для государства привилегій и вспоможеній.

Каждый экономистъ скажетъ, что таково единственно справедливое и единственно возможное рѣшеніе дѣла о шляпныхъ фабрикантахъ.

Точно таково же было бы дѣло землевладѣльцевъ, производящихъ хлѣбъ обязательнымъ трудомъ, если бы вѣрны были слова Тенгоборскаго, что при отмѣнѣ обязательнаго труда не окупались бы издержки ихъ на наемную плату. Это значило бы только, что хлѣба на продажу предлагаютъ они больше, нежели требуется, и что они слишкомъ низко сбили его цѣну.

Ни въ одной изъ тѣхъ отраслей промышленности, которыя предоставлены собственнымъ силамъ, невозможенъ случай, предположенный нами,—именно, что издержки производства при наемной платѣ не покрываются продажею продуктовъ. Если же наше земледѣліе находится въ такомъ ненормальномъ состояніи, то очевидно, что оно введено въ это положеніе обязательнымъ трудомъ, и что единственное средство поднять цѣну хлѣба до нормальной высоты, то-есть до того, чтобы ею окупались издержки производства, состоитъ въ отмѣнѣ обязательнаго труда. Онъ губитъ наше земледѣліе, роняя цѣну на хлѣбъ.

Неоспоримъ, дѣйствительно, тотъ фактъ, всѣми признаваемый, что цѣны на

хлѣбъ у насъ сбиваются обязательнымъ трудомъ, ниже того, каковы были бы безъ этой язвы земледѣлія. Но даже и при этихъ цѣнахъ, воздѣлываніе хлѣба по системѣ наемнаго труда не только возможно, даже выгодно. Это извѣстно каждому, знающему русскій бытъ: есть много купцовъ, разночинцевъ, поселянъ, которые воздѣлываютъ большія пространства земли наемнымъ трудомъ и получаютъ отъ того выгоды. Эти очень многочисленные факты доказываютъ совершенную неосновательность мысли, будто помѣщикамъ не будетъ выгодно обработывать свои поля наемнымъ трудомъ. Даже и теперь это дѣлается, какъ мы сказали, купцами и людьми другихъ званій, неимѣющими въ своемъ распоряженіи крѣпостныхъ работниковъ. Тѣмъ выгоднѣе будетъ при уничтоженіи крѣпостнаго права,—когда цѣна хлѣба должна возвыситься.

Дѣло не въ томъ, что наемный трудъ не окупается,—это неправда: дѣло въ томъ, что хозяйство съ наемнымъ трудомъ есть коммерческое предпріятіе, требующее разумной заботы со стороны хозяина. Вотъ отъ этихъ-то условій отвращаются партизаны крѣпостнаго права, которое даетъ имъ даровой трудъ и доставляетъ возможность вести дѣла небрежно, неразсчетливо.

Если партизаны крѣпостнаго права откровенно скажутъ: при отмѣнѣ обязательнаго труда, не будетъ въ состояніи съ выгодою воздѣлывать своихъ полей тотъ, кто не можетъ вести своего хозяйства экономическимъ, разсчетливымъ образомъ, кто умѣетъ только проживать достающееся ему даромъ, и не можетъ сдѣлаться человѣкомъ дѣльнымъ,—если они откровенно скажутъ это, мы вполнѣ согласимся съ такими словами, въ которыхъ и заключается вся сущность вопроса.

Изъ трехъ доводовъ, представляемыхъ Тенгоборскимъ въ подтвержденіе „необходимости“ крѣпостнаго права для Россіи, мы разсмотрѣли два первые,—и оказалось, что они говорятъ вовсе не въ пользу крѣпостнаго права, а свидѣтельствуютъ о его вредѣ; если у насъ мало капиталовъ, виною тому крѣпостное право, мѣшающее развитію свободнаго труда, который одинъ производителенъ, одинъ увеличиваетъ богатства націи; если цѣны на хлѣбъ слишкомъ низки, виною тому опять-таки обязательный трудъ, разрушающій соразмѣрность производства съ потребленіемъ и уничтожающій къ хозяинѣ разсчетливость. Изъ того и другаго одинаково слѣдуетъ „необходимость“ не поддерживать, а какъ можно скорѣе отмѣнить обязательный трудъ. Остается третій доводъ въ пользу крѣпостнаго права,—доводъ, основанный на странномъ смѣшеніи понятій.

3) „Въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ торговля и промышленность слаба, гдѣ мало денегъ въ оборотѣ, тамъ мужику удобнѣе отправлять повинности натурою, нежели выплачивать за наемъ земли деньгами“, говоритъ Тенгоборскій.

Оборотъ очень смѣлый. Да развѣ вопросъ о крѣпостномъ правѣ и наемномъ трудѣ есть вопросъ о томъ, какъ должны производиться уплаты по обязательствамъ: натурою или деньгами? Вѣдь самъ же Тенгоборскій говоритъ, что въ обязательномъ трудѣ, кромѣ отправленія повинности натурою (барщина), бываетъ и уплата за нихъ деньгами (оброкъ); и при вольнонаемномъ трудѣ, уплата иногда производится деньгами, а иногда натурою,—напримѣръ, при системѣ половничества, при нашемъ обычаѣ нанимать людей на извѣстную земледѣльческую работу изъ третьяго, изъ четвертаго снопа; даже на многихъ фабрикахъ жалованье вольнонаемнымъ рабочимъ выдается натурою, — произведеніями фабрики, а не деньгами. Дѣло должно идти о томъ, нужно ли сохранить обязательный трудъ.

а Тенгоборскій повертываетъ вопросъ на то, во всѣхъ ли мѣстностяхъ можно замѣнить барщину оброкомъ. Оборотъ очень смѣлый, но оскорбительный для читателя, котораго авторъ предполагаетъ слишкомъ тупоумнымъ простякомъ, воображая, что его можно провести такимъ грубымъ обманомъ.

Вы говорите, что въ малоденежныхъ мѣстахъ при обязательномъ трудѣ уплата работника хозяину удобнѣе производится натурою, нежели деньгами,— что-жъ изъ того? – въ этихъ мѣстностяхъ при вольнонаемномъ трудѣ уплата отъ хозяина работнику можетъ также производиться натурою, а не деньгами.

Но тутъ опять мы должны возвратиться къ вопросу: отчего же въ этихъ мѣстностяхъ мало денегъ въ оборотѣ, отчего слаба торговля и промышленность?— Все отъ той же коренной причины нашей бѣдности,—отъ обязательнаго труда, раззорительнаго для націи.

Но всѣхъ прежнихъ доводовъ еще мало Тенгоборскому, онъ все-таки чувствуетъ, что не защитилъ крѣпостнаго права своими разсужденіями, и пробуетъ опереться на факты. Онъ говоритъ, что поселяне въ Россіи живутъ довольно зажиточно, и полагаетъ доказать этимъ, что вредное вліяніе крѣпостнаго права не такъ велико, какъ всѣ думаютъ. О степени благосостоянія крѣпостныхъ крестьянъ мы не считаемъ нужнымъ и говорить, — какова она, знаетъ каждый; а если-бы вздумали мы здѣсь излагать то, что извѣстно каждому, это заняло бы слишкомъ, слишкомъ много мѣста. Если же въ нѣкоторыхъ странахъ Западной Европы поселяне живутъ не лучше, нежели въ Россіи, хотя въ этихъ странахъ и нѣтъ крѣпостнаго права, изъ этого еще ровно ничего не слѣдуетъ въ пользу крѣпостнаго права. Иванъ худъ и слабъ оттого, что изнуренъ золотухою, говорите вы, —нѣтъ, золотуха болѣзнь не изнурительная, возражаю я, и указываю вамъ на больнаго лихорадкою Петра, съ торжествомъ прибавляя: „Вотъ Петръ не страдаетъ золотухою, а не лучше Ивана, стало быть, въ золотухѣ нѣтъ ничего особенно дурнаго и у Ивана здоровье не страдаетъ отъ нея“. У насъ однѣ причины бѣдности, въ Западной Европѣ другія; и намъ нужно заботиться о томъ, чтобы, уничтожая свои недостатки, не попасть въ тѣ ошибки, которыя ведутъ къ другимъ бѣдствіямъ. Въ чемъ источникъ страданій поселянъ Западной Европы, мы будемъ еще имѣть случай говорить, развивая наши мысли о томъ, какъ намъ предохраниться отъ подобныхъ бѣдствій. Въ Западной Европѣ бѣденъ тотъ земледѣлецъ, который не обработываетъ землю на себя; у насъ каждый, даже крѣпостной земледѣлецъ, имѣетъ свой участокъ,— этимъ до нѣкоторой степени вознаграждаются всѣ другіе наши недостатки, и основнымъ принципомъ своихъ желаній по дѣлу освобожденія крѣпостныхъ крестьянъ мы должны принять то, чтобы они не остались безъ земли. Этотъ принципъ, слава Богу, поставленъ теперь внѣ опасности Высочайшими рескриптами, опредѣляющими освобожденіе крестьянъ съ усадьбою и раздѣленіе господскихъ земель отъ крестьянскихъ. Объ этомъ мы еще будемъ говорить впослѣдствіи.

Но, чувствуя, что съ этой стороны, со стороны послѣдствій обязательнаго труда для благосостоянія крестьянъ, крѣпостное право не можетъ быть защищено, Тенгоборскій опять возвращается къ мысли о необходимости его для обработки господскихъ полей; чувствуя, что умозаключенія его на эту тему мало убѣдительны, онъ думаетъ найти лучшую опору въ авторитетѣ, и приводитъ отрывокъ изъ Гакстгаузена. Въ статьѣ о книгѣ Гакстгаузена („Совр.“ 1857 № VII) приве-

дена была часть этого отрывка съ предшествующимъ ему разсчетомъ, на которомъ основывается заключеніе, цитуемое Тенгоборскимъ. Тогда же замѣчено было въ этой статьѣ, что разсчетъ Гакстгаузена о невыгодности наемнаго хозяйства въ Россіи построенъ на фальшивомъ сближеніи и опровергается фактами, приводимыми у самого Гакстгаузена; замѣчено было также, что еслибъ даже принять этотъ фальшивый разсчетъ, изъ него слѣдовало бы вовсе не то заключеніе, какое дѣлаетъ Гакстгаузенъ. Теперь мы можемъ точнѣе развить эти мысли.

Прежде всего повторимъ, что уже было сказано въ настоящей статьѣ: если-бы разсчетъ и выводъ изъ него у Гакстгаузена былъ совершенно справедливъ, если-бы дѣйствительно воздѣлываніе нѣкоторыхъ полей въ Россіи было возможно только при обязательномъ трудѣ, -- что̀ слѣдовало бы изъ того? Слѣдовало бы только, что нѣкоторыя поля не окупаютъ работы, на нихъ употребляемой, и что чѣмъ скорѣе прекратится ихъ обработка, невыгодная для государства, тѣмъ лучше будетъ для государства. Если-бы я, пользуясь какими нибудь привилегіями, данными мнѣ отъ государства, вздумалъ разводить лѣсъ въ Вологодской или Вятской губерніяхъ, въ которыхъ и безъ того слишкомъ много лѣса, безъ сомнѣнія мнѣ удалось бы кое-какъ развести нѣсколько десятинъ лѣса на моихъ плантаціяхъ. Но само собою разумѣется, продажа этого лѣса далеко не покрывала бы моихъ расходовъ, и плантаціи мои поддерживались бы только тѣмъ, что государство каждый годъ жертвовало бы мнѣ пособіе, — что слѣдовало бы изъ такого положенія дѣлъ?—только то, что я раззоряю государство для поддержки моего неразсчетливаго производства, — слѣдовало бы, что здравый смыслъ долженъ говорить государству о необходимости прекратить помощь, которую я растрачиваю неразсчетливымъ образомъ, а мнѣ должна говорить совѣсть, чтобы я прекратилъ свое неразсчетливое производство и обратился къ какому нибудь другому занятію, которое было бы не раззорительно, а выгодно для государства.

Основнымъ принципомъ всѣхъ соображеній о государственномъ и частномъ хозяйствѣ должна быть аксіома, несомнѣнная какъ $2 \times 2 = 4$ для каждаго экономиста: производство, не покрывающее при наемномъ трудѣ своихъ издержекъ продажею продуктовъ, раззорительно для государства, и чѣмъ скорѣе оно прекратится, тѣмъ лучше для государственнаго благоденствія.

Кто не принимаетъ этой аксіомы, тотъ обнаруживаетъ совершенную неприготовленность свою къ разсужденію о какихъ бы то ни было экономическихъ дѣлахъ, государственныхъ ли или частныхъ, своихъ ли собственныхъ или чужихъ.

Таковъ былъ бы отвѣтъ на разсчетъ и выводъ Гакстгаузена о невыгодности обработки нѣкоторыхъ полей въ Россіи наемнымъ трудомъ, таковъ, говоримъ мы, былъ бы отвѣтъ, если-бы разсчетъ былъ вѣренъ и выводъ логиченъ. Но разсчетъ Гакстгаузена фальшивъ и выводъ изъ него ошибоченъ.

Прежде всего, припомнимъ точный смыслъ словъ Гакстгаузена. Онъ говоритъ, что если-бы ему давали даромъ землю въ Ярославской губерніи, съ условіемъ воздѣлывать ее наемнымъ трудомъ въ такомъ же родѣ, какъ воздѣлываются земли въ юго-западной Германіи, такое хозяйство было бы убыточно, и онъ отказался бы отъ подарка.

Справедливо. Но въ чемъ тутъ сущность дѣла? По выводу Гакстгаузена, кажется, будто невыгода произойдетъ отъ условія воздѣлывать землю наемнымъ трудомъ; такъ-ли? не отъ другаго ли какого условія? Гакстгаузенъ говоритъ, что ве-

сти хозяйство онъ думалъ бы такъ, какъ въ юго-западной Германіи; не довольно ли одного этого обстоятельства для объясненія невыгоды?

Въ Николаевскомъ уѣздѣ, Самарской губерніи, земля не удобряется, въ Рязанской удобряется. Если-бы мнѣ даромъ давали землю въ Самарской губерніи съ условіемъ удобрять ее по-рязански, это условіе было бы раззорительно, все равно, обязательнымъ или наемнымъ трудомъ сталъ бы я ее обработывать. Черноземъ не терпитъ рязанскаго удобренія, и урожаи были бы плохи, да и цѣною хлѣба въ Самарѣ не окупаются издержки на удобреніе. Наоборотъ: если-бы я долженъ былъ рязанскую землю воздѣлывать по-самарски, безъ удобренія, я раззорился бы, все равно, и при обязательномъ и при наемномъ трудѣ; урожай безъ удобренія въ Рязани не возвращалъ бы даже сѣмянъ.

Что изъ этого слѣдуетъ? Просто то, что въ каждой области порядокъ хозяйства долженъ быть сообразенъ съ климатомъ, почвою и т. п. Дѣло идетъ о томъ, въ чемъ должны состоять работы, а вовсе не о томъ, обязательнымъ или наемнымъ трудомъ онѣ совершаются.

Въ юго-западной Германіи земледѣлецъ круглый годъ можетъ быть занятъ полевыми работами, сообразно тому онъ и не занимается ничѣмъ другимъ. Если бы у насъ, при нашей длинной зимѣ, земледѣлецъ проводилъ въ бездѣйствіи все то время, когда нѣтъ полевыхъ работъ, это было бы убыточно,—вотъ и все. Потому у насъ поселянинъ зимою и занимается какими-нибудь промыслами, преимущественно извозомъ. Гакстгаузенъ не принимаетъ этого въ разсчетъ: оттого и выходитъ у него недочетъ въ хозяйствѣ. Если-бы онъ считалъ, что наемный работникъ, точно также, какъ крѣпостной крестьянинъ, и точно также, какъ самостоятельный хозяинъ поселянинъ, половину года занятъ промыслами, результатъ былъ бы иной.

Пусть хозяинъ нанимаетъ работника для полевыхъ работъ только на полгода, или, если нанимаетъ его на цѣлый годъ, употребляетъ наемщика зимой на какой-нибудь промыселъ,—вотъ прямое извѣстное у насъ каждому по опыту слѣдствіе продолжительности нашей зимы. Упускать это изъ виду, значитъ искажать сущность вопроса.

Не менѣе дурное искаженіе состоитъ и въ томъ, что, взявъ обстоятельства, существующія въ Ярославской губерніи, которая одна изъ самыхъ невыгодныхъ у насъ для земледѣлія, и въ которой потому почти все населеніе имѣетъ главнымъ источникомъ дохода не земледѣліе, а промыслы, Гакстгаузенъ, а еще болѣе Тенгоборскій, дѣлаютъ по этой губерніи заключеніе обо всей Россіи. Это похоже на то, какъ если бы изъ невыгодности хлѣбопашества на западномъ берегу Ирландіи дѣлать заключеніе о невыгодности его во всей Западной Европѣ. Добросовѣстна ли такая уловка?

Если бы разсчетъ Гакстгаузена и не былъ фальшивъ, онъ примѣнялся бы только къ Ярославской губерніи и очень немногимъ другимъ мѣстностямъ, которыя извѣстны подъ именемъ промышленныхъ. Добросовѣстно ли брать за образецъ Ярославскую губернію, когда дѣло идетъ о выгодахъ земледѣлія въ Россіи? это все равно, что брать за образецъ Бранденбургъ, когда дѣло идетъ о виноградникахъ Западной Европы. И въ Бранденбургѣ есть виноградники, и тамъ выдѣлываютъ вино, но этотъ промыселъ невыгоденъ и бранденбургское вино очень

дурно—слѣдуетъ ли изъ того, что во всѣхъ странахъ Западной Европы виноградники даютъ мало дохода и приносятъ вино дурнаго качества?

Въ Ярославской губерніи земледѣліе менѣе выгодно, нежели въ другихъ русскихъ областяхъ,—итакъ, во всей Россіи земледѣліе можетъ существовать только при обязательномъ трудѣ; русское хозяйство устраивается такъ, что только половину года занято земледѣліемъ, а другую половину года другими промыслами,—итакъ, обязательный трудъ выгоднѣе наемнаго. Какія изумительныя заключенія! „Я плохо играю на скрипкѣ, потому мой братъ хорошо играетъ на гитарѣ“—превосходный силлогизмъ!

Гакстгаузена и Тенгоборскаго занимаетъ вопросъ: возможно ли земледѣліе съ наемнымъ трудомъ въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ земледѣлецъ можетъ заниматься воздѣлываніемъ своихъ полей съ выгодою для себя, — этотъ вопросъ представляется уже совершенно нелѣпостью, если вникнуть въ сущность понятій, которыхъ онъ касается.

Если земледѣлецъ, воздѣлывающій на себя свой участокъ, находитъ выгоду обработывать его, это значитъ, что цѣнность производства съ избыткомъ покрывается цѣнностью продуктовъ.

Наемная плата составляетъ только часть расходовъ производства.

Какимъ же образомъ наемная плата не будетъ покрываться цѣнностью продуктовъ, доставляемыхъ трудомъ наемщика?

Изъ этого видно, что повсюду, гдѣ возможно существованіе земледѣльца, воздѣлывающаго на себя свой участокъ, наемный трудъ, и подавно, будетъ окупаться цѣнностью продуктовъ.

Боже мой! не во снѣ ли привидѣлось намъ, будто ученые агрономы усумнились въ возможности воздѣлывать землю въ Россіи наемнымъ трудомъ? на яву едва ли могла прійти кому-нибудь въ голову такая химера. Развѣ неизвѣстно каждому, не только агроному, но и простому человѣку, что увеличеніе числа работниковъ, въ русской земледѣльческой семьѣ, считается благодатью Божіею, что чѣмъ больше работниковъ въ семьѣ, тѣмъ она зажиточнѣе? Развѣ не значитъ это, что содержаніе работника съ избыткомъ, и большимъ избыткомъ, окупается его работою? Развѣ неизвѣстно, что каждый домохозяинъ, если только имѣетъ достаточное количество земли, считаетъ выгоднымъ для себя принять работника? Что же это значитъ, скажите ради Бога, если не значитъ, что наемный трудъ въ русскомъ земледѣліи выгоденъ?

Укажите мѣстность, въ которой земледѣльческая семья, напримѣръ изъ восьми человѣкъ съ тремя работниками, считалась бы бѣднѣе такой же семьи съ двумя работниками,—только въ такой мѣстности трудъ не окупается, стало быть невозможенъ трудъ, но такой мѣстности въ Россіи вы не найдете.

Боже мой, и люди, называющіе себя агрономами-экономистами, отваживаются, при такихъ очевидныхъ фактахъ, говорить о убыточности наемнаго труда! Неужели они не могутъ сообразить, что наемный трудъ только тогда убыточенъ, когда работа не окупаетъ себя? Неужели же они воображаютъ, что доходы, доставляемые работою мужика земледѣльца, воздѣлывающаго свой участокъ, обращаются въ убытокъ этому мужику? „Наемный трудъ въ русскомъ земледѣліи не окупается“ — вѣдь это значитъ, что Россія не можетъ заниматься земледѣліемъ, что земледѣліе для Россіи—убыточное занятіе.

Можно ли отважиться высказывать такія нелѣпости? Вѣдь это посрамленіе,— не говоримъ уже для науки,—это посрамленіе для смысла человѣческаго.

Не будемъ же разсуждать о томъ, окупаются ли въ Россіи издержки наемнаго земледѣльческаго труда; сомнѣваться въ этомъ, значитъ сомнѣваться въ томъ, выгодное или убыточное дѣло хлѣбопашество въ Россіи, можетъ ли русскій поселянинъ-земледѣлецъ имѣть выгоду запашки отъ своего участка,—если онъ имѣетъ выгоду, то будетъ имѣть выгоду отъ своего поля и тотъ, кто наймetъ работника для его воздѣлыванія.

Тенгоборскій и Гакстгаузенъ въ своей ревности за крѣпостное право зашли слишкомъ далеко, поставили вопросъ такъ, что сомнѣніе въ его положительномъ рѣшеніи представляется очевидною нелѣпостью. Но это они увлеклись излишнею ревностью, — въ сущности имъ слѣдовало говорить не о томъ, возможно ли вести земледѣліе наемнымъ трудомъ,—это не подлежитъ спору, а только о томъ, какимъ образомъ выгоднѣе для помѣщика вести земледѣліе, наемнымъ или обязательнымъ трудомъ. Наемный трудъ не убыточенъ; но быть можетъ, обязательный трудъ въ настоящее время выгоднѣе для помѣщика?

На это положительнымъ образомъ отвѣчаетъ наука. Одно изъ обстоятельствъ, отъ которыхъ зависитъ выгодность или невыгодность наемаго труда для помѣщика, сравнительно съ обязательнымъ, есть густота населенія. Чѣмъ меньше населенія въ странѣ, тѣмъ выгоднѣе для земледѣльца обязательный трудъ; чѣмъ гуще населеніе въ странѣ, тѣмъ выгоднѣе для него наемный трудъ. Токеръ (Tucker) занимался изслѣдованіемъ объ этомъ, и нашелъ, что при населеніи въ шестьдесятъ-шесть человѣкъ на квадратную англійскую милю, наемный трудъ для земледѣльца становится уже выгоднѣе обязательнаго. Эта цифра слишкомъ высока, какъ мы увидимъ ниже; и при населеніи менѣе, нежели шестидесяти-шести душъ на англійскую квадратную милю, наемный трудъ уже выгоднѣе обязательнаго,—это мы докажемъ, но попробуемъ примѣнить къ Россіи даже ту цифру, которую находимъ у Токера.

Чтобы примѣнить эту цифру къ Россіи, надобно принять въ соображеніе два обстоятельства,—число городскаго населенія и количество неудобныхъ земель.

Въ тѣхъ странахъ, которыя имѣлъ въ виду Токеръ (Западная Европа и Сѣверная Америка), городское населеніе составляетъ не менѣе одной трети всего числа жителей. Въ Россіи, оно, считая столицы, едва составляетъ десять процентовъ, а въ большей части губерній не составляетъ и десяти процентовъ.

Въ Западной Европѣ и Сѣверной Америкѣ, количество неудобныхъ для хлѣбопашества земель очень не велико,—пять, шесть процентовъ всего пространства территоріи; въ Европейской Россіи неудобныя земли занимаютъ болѣе одной третьей части всей территоріи.

Эти два обстоятельства надобно ввести въ разсчетъ, если примѣнить къ Россіи цифру, показываемую Токеромъ.

66 человѣкъ на англійскую квадр. милю,—это даетъ 1,400 на квадр. географическую милю. Изъ нихъ, въ Западной Европѣ и Сѣверной Америкѣ, на городское населеніе приходится не менѣе $^1/_3$, стало быть для сельскаго населенія остается 966 человѣкъ. Итакъ, тѣ губерніи Россіи, въ которыхъ число сельскаго населенія превышаетъ эту послѣднюю цифру, удовлетворяютъ условію, представляемому Токеромъ.

Но неудобной земли, которая не занимаетъ рукъ, нечего считать, когда рѣчь идетъ объ отношеніи числа рабочихъ рукъ къ пространству воздѣлываемой земли. Есть въ Россіи губерніи, напримѣръ Воронежская, Тульская, Подольская, Нижегородская, Тамбовская, въ которыхъ пропорція неудобной земли невелика, всего 3%—8%,—это пропорція въ родѣ той, какую имѣлъ въ виду Токеръ. Но въ губерніяхъ Оренбургской и Херсонской цѣлая половина пространства — наудобная земля; въ Екатеринославской, Ставропольской, Таврической губерніяхъ неудобной земли даже больше, нежели удобной. Несправедливо было бы считать населеніе на обширныя пустыни, немогущія имѣть населенія и не могущія занимать работниковъ. Потому 966 душъ сельскаго населенія мы должны считать на удобныя земли, съ прибавкою 5% неудобныхъ земель, какъ считалъ Токеръ, а излишнее затѣмъ пространство неудобныхъ земель выбрасывать изъ счета — онѣ не занимаютъ рабочихъ рукъ.

Производя примѣненіе Токерова вывода къ Россіи съ соблюденіемъ двухъ этихъ условій, требуемыхъ сущностью дѣла, мы увидимъ, что на всемъ почти пространствѣ Россіи, имѣющемъ крѣпостныхъ крестьянъ, населеніе уже достигло той плотности, при которой наемный трудъ становится для земледѣльца выгоднѣе обязательнаго. Изъ областей, имѣющихъ сельскаго населенія менѣе 966 душъ на квадр. геогр. милю удобной земли съ прибавкою 10% неудобной, о всѣхъ почти мы положительно знаемъ, что малочисленность населенія съ избыткомъ вознаграждается въ нихъ другими обстоятельствами, благопріятствующими развитію выгодности наемнаго труда, и о большей части этихъ областей мы имѣемъ положительные факты, свидѣтельствующіе неоспоримымъ образомъ, что наемный земледѣльческій трудъ въ этихъ областяхъ съ успѣхомъ выдерживаетъ соперничество обязательнаго.

Области Русской Имперіи, неимѣющія и въ настоящее время обязательнаго труда, или по самой плотности своего сельскаго населенія достигшія такого положенія, при которомъ наемный трудъ становится для земледѣльца выгоднѣе обязательнаго, или по другимъ мѣстнымъ условіямъ достигшія такого же экономическаго положенія, обнимаютъ почти все пространство Россіи и населеніе ихъ простирается слишкомъ до 63,000,000. Во всѣхъ этихъ областяхъ обязательный трудъ для самого землевладѣльца менѣе выгоденъ, нежели наемный.

Затѣмъ остаются въ двухъ мѣстностяхъ округи, незначительные по своему объему и населенію въ сравненіи съ пространствомъ Россіи. Пространство этихъ областей составляетъ около 6,000 географическихъ миль, менѣе нежели одну пятнадцатую часть Европейской Россіи, а населеніе простирается не болѣе, какъ до 3,500,000 душъ обоего пола, то есть не составляетъ и одной восемнадцатой части населенія Россіи. Объ этихъ мѣстностяхъ нельзя съ достовѣрностью рѣшить по Токерову правилу, выгоднѣе ли въ нихъ наемный трудъ обязательнаго. Мы не имѣемъ свѣдѣній о томъ, существуютъ ли въ нихъ, какъ въ другихъ многоземельныхъ областяхъ Россіи, условія, которыми и при малонаселенности придается наемному труду выгодность сравнительно съ обязательнымъ; потому мы не можемъ сказать съ достовѣрностью, что въ этихъ областяхъ замѣна обязательнаго труда наемнымъ будетъ для землевладѣльцевъ выгодною, но еще менѣе основаній имѣетъ кто-либо сказать, что она была бы невыгодна;—объ этомъ вопросѣ нѣтъ точныхъ свѣдѣній, и нужно еще собрать ихъ; но судя по примѣру сходныхъ съ этими областями мѣстностей, имѣющихъ выгоду въ наемномъ трудѣ, надобно ожидать.

что точнѣйшія свѣдѣнія обнаружатъ выгодность наемнаго труда и для этихъ областей *).

*) Вотъ цифры и факты, на которые ссылаемся мы въ текстѣ. Замѣтимъ, что числа о населенности и о пропорціи неудобныхъ земель взяты нами изъ того же Тенгоборскаго, который говоритъ о невыгодности наемнаго труда, самъ не воображая, что данными изъ его собственной книги опровергается это мнѣніе.

1) Царство Польское, Финляндія, Курляндія, Эстляндія, Лифляндія и Сибирскія губерніи не имѣютъ крѣпостнаго населенія; общее число жителей 10,750,000.

2) Въ губерніяхъ: Архангельской, Вятской, Астраханской, Олонецкой, Таврической, въ Бессарабской области и Закавказскихъ владѣніяхъ, число крѣпостныхъ крестьянъ такъ незначительно, что съ уничтоженіемъ обязательнаго труда не можетъ произойти никакой чувствительной перемѣны въ экономическихъ отношеніяхъ, по которымъ воздѣлывается земля (въ Архангельской губерніи, наименьшая пропорція—крѣпостные люди не составляютъ и одной 15,000-ной части населенія; въ Таврической губерніи, гдѣ пропорція ихъ наиболѣе значительная, они не составляютъ и одной 15-той части населенія). Общее число жителей 6,250,000.

3) Изъ остальныхъ губерній, А) имѣютъ болѣе 1,400 жителей на квадратную милю: Московская, Курская, Подольская, Тульская, Кіевская, Полтавская, Рязанская, Калужская, Орловская Пензенская, Ярославская, Тамбовская (по Тенгоборскому), также Харьковская (по Кеппену, см. Мѣсяцословъ, 1855 г.). Общее число жителей 19,000,000.

В) За вычетомъ количества неудобной земли, превышающаго 5%-ную пропорцію, имѣютъ болѣе 1.400 жителей на квадр. милю губерніи: Гродненская, С.-Петербурская, Екатеринославская. Общее число жителей 2,750,000.

С) За вычетомъ городскаго населенія, имѣютъ болѣе 1,000 сельскаго неселенія на квадратную милю: Черниговская, Воронежская, Владимірская, Нижегородская, Ковенская, Казанская, Тверская, Волынская, Смоленская. Общее число жителей 13,500,000

D) За вычетомъ неудобныхъ земель, сельскаго населенія приходится болѣе 1,000 душъ на милю въ губерніяхъ: Виленской, Могилевской, Витебской, Херсонской. Общее число жителей 3,250,000.

Губерніи и области, нами исчисленныя, или не имѣютъ обязательнаго труда, или уже по самой плотности своего населенія находятся въ такомъ состоянін, при которомъ для землевладѣльца наемный трудъ выгоднѣе обязательнаго. Число жителей всѣхъ этихъ губерній составляетъ цифру 53,500,000.

Затѣмъ, остаются губерніи: Пермская, Оренбургская, Самарская, Саратовская, Симбирская, Костромская, Ставропольская, Минская, Новгородская, Вологодская, Псковская и Земля Донскихъ Казаковъ, съ общимъ населеніемъ въ 13,250,000.

Эти области не имѣютъ столь густого населенія, чтобы одна плотность его уже указывали на то, что наемный трудъ для воздѣлыванія полей выгоденъ въ нихъ землевладѣльцу. Зато въ большей части изъ нихъ существуютъ другія условія быта, приводящія къ тому же результату,—въ однѣхъ областяхъ—черноземъ, уменьшающій издержки найма, въ другихъ—выгодный сбыть въ приморскіе порты или въ столицы, съ избыткомъ замѣняющій малочисленность мѣстныхъ потребителей. „Въ большей части этихъ областей“, а не во „всѣхъ безъ исключенія этихъ областяхъ“ сказали мы только потому, что сельскохозяйственная статистика наша разработана еще очень мало, и о состояніи сельскаго хозяйства въ нѣкоторыхъ областяхъ нѣтъ у насъ точныхъ свѣдѣній; но о всѣхъ тѣхъ областяхъ, о которыхъ есть точныя свѣдѣнія, извѣстно, что воздѣлываніе хлѣба наемнымъ трудомъ выгодно въ нихъ даже нынѣ,—нѣтъ напротивъ того, ни одной области, о которой было бы извѣстно, что онъ въ ней невыгоденъ. Исчислимъ же тѣ изъ многоземельныхъ областей, въ которыхъ и нынѣ, по достовѣрнымъ свѣдѣніямъ, земледѣльцу выгодно воздѣлываніе полей наймомъ.

Ставропольская губернія, подобно другимъ Новороссійскимъ, съ выгодою воздѣлываетъ поля наемнымъ трудомъ.

Саратовская губернія также,—это доказывается хозяйствомъ колонистовъ, имѣющихъ множество наемныхъ земледѣльческихъ работниковъ; доказывается также множествомъ примѣровъ русскихъ купцовъ, разночинцевъ и поселянъ также воздѣлывающихъ поля наемнымъ трудомъ.

Таковъ же, какъ въ Саратовской губерніи, характеръ хозяйства въ Симбирской.

То же самое въ землѣ Донскихъ Казаковъ

То же самое (по свидѣтельству самого Гакстгаузена) въ Вологодской губерніи.

Въ Пермской губерніи наемный трудъ также выгоденъ.

Въ Оренбургской губерніи также, и притомъ число крѣпостныхъ крестьянъ незначительно.

Самарская губернія, составившаяся изъ уѣздовъ Оренбургской, Саратовской, Симбирской, Астраханской губерній, можетъ, съ такою же выгодою, какъ и тѣ, воздѣлывать хлѣбъ наемнымъ трудомъ.

Во всѣхъ этихъ губерніяхъ и областяхъ находится жителей 9,750,000.

Съ прежнимъ итогомъ, эта цифра составляетъ 63,250,000 жителей.

Остаются губерніи: Костромская, Минская, Новгородская, Псковская, о которыхъ мы не знаемъ, воздѣлывается ли въ нихъ съ выгодою хлѣбъ наемнымъ трудомъ,—того, что въ нихъ это не представляло бы выгоды, мы не имѣемъ права сказать. Всѣ эти губерніи, единствен-

Теперь спрашивается: могутъ ли всѣ области Русской Имперіи съ громаднымъ населеніемъ въ 63,000,000 человѣкъ,—могутъ ли эти области, въ которыхъ даже для самихъ помѣщиковъ выгодно отмѣненіе крѣпостнаго права,—могутъ ли онѣ подвергаться всѣмъ безчисленнымъ неудобствамъ, вытекающимъ изъ обязательнаго труда, потому только, что въ двухъ или трехъ небольшихъ округахъ, не имѣющихъ и 3,500,000 населенія, для нѣкоторыхъ земледѣльцевъ наемный трудъ *можетъ быть* (не навѣрное, вовсе нѣтъ, и только можетъ быть, да и то едва ли) будетъ менѣе выгоденъ, нежели обязательный? Припомнимъ еще, что даже для этихъ немногихъ землевладѣльцевъ небольшихъ округовъ наемный трудъ безъ сомнѣнія *будетъ* приносить выгоду, и сомнѣніе только въ томъ, будетъ ли онъ приносить имъ *столько* выгоды, сколько обятательный *).

Таковъ результатъ, къ которому приводитъ примѣненіе къ Россіи той нормы, которая поставлена Токеромъ. Но мы замѣтими, что эта норма, подъ которую уже подходитъ почти вся Европейская Россія, слишкомъ высока. Было бы слишкомъ долго здѣсь излагать, почему должно признать слишкомъ высокимъ число 66 жителей на квадратную англійскую милю, при которомъ по Токеру начинается рѣшительная невыгодность обязательнаго труда для землевладѣльцевъ. Довольно будетъ указать одинъ фактъ: сѣверные штаты Американскаго Союза, въ которыхъ нѣтъ обязательнаго труда, процвѣтаютъ, какъ извѣстно, при свободномъ трудѣ, и всѣ жители ихъ, землевладѣльцы и земледѣльцы, капиталисты и работники, одинаково думаютъ, что для всѣхъ ихъ было бы раззореніемъ, если бы существовалъ у нихъ обязательный трудъ. Между тѣмъ, густота населенія въ этихъ штатахъ гораздо меньше нежели въ Европейской Россіи **).

ныя, въ которыхъ недостовѣрна (хотя и вѣроятна) выгодность наемнаго земледѣльческаго труда, едва имѣютъ жителей 3,500,000.

Въ томъ числѣ крѣпостныхъ крестьянъ менѣе 2,000,000 душъ обоего пола.

Если въ Вологодской и Вятской губерніяхъ, имѣющихъ климатъ болѣе холодный и населеніе не болѣе плотное (Вятка) или даже гораздо менѣе плотное (Вологда), наемный трудъ выгоденъ, то мы имѣемъ всю вѣроятность ожидать, что точныя свѣдѣнія покажутъ его выгодность и для этихъ областей.

*) По Тенгоборскому, число всѣхъ помѣщиковъ въ губерніяхъ: Новгородской, Псковской, Костромской и Минской—12,107; изъ нихъ имѣютъ менѣе 20 душъ, то есть, ни въ какомъ случаѣ не могутъ сколько-нибудь порядочнымъ образомъ жить доходами въ своихъ помѣстьяхъ—6,323. Остается помѣщиковъ, у которыхъ доходы съ помѣстьевъ имѣютъ нѣкоторую важность—5,784. Итакъ, съ одной стороны, благо государства и прямая выгода 63,000,000 человѣкъ (не говоря уже про облегченіе судьбы крѣпостныхъ крестьянъ),—съ другой—*быть можетъ* нѣкоторый убытокъ для 5,784 лицъ,—*быть можетъ*, нѣкоторый убытокъ, а быть можетъ, также и для нихъ самихъ выгода.

**) Вотъ цифры населенія сѣверныхъ (не имѣющихъ обязательнаго труда) штатовъ Американскаго Союза, за 1850 годъ:

1) Штаты Новой Англіи (Мэнъ, Ньюгемпширъ, Верментъ, Массачусетсъ, Родъ-Айлэндъ, Коннектикутъ) 2,727,579 жителей на 63,226 англ. квадр. миляхъ, то-есть 43,07 жителей на квадр. англ. милю или 915 на квадр. геогр. милю. Въ Европейской Россіи гораздо гуще населены губерніи: Московская, Курская, Подольская, Тульская, Кіевская, Полтавская, Рязанская, Калужская, Орловская, Пензенская, Ярославская, Тамбовская, Черниговская, Воронежская, Владимірская, Нижегородская, Гродненская, Ковенская, Казанская, Харьковская, С.-Петербургская, Тверская, Волынская, Виленская, Смоленская, Область Бессарабская, губ. Могилевская, также Царство Польское, Курляндія и Лифляндія. Равную этимъ штатамъ населенность имѣютъ губерніи: Симбирская и Витебская.

2) Сѣверозападные штаты (Индіана, Иллинойсъ, Мичиганъ, Уисконсинъ и Іова) 5,168,000 жителей на 308,210 квадр. англ. миляхъ, то-есть по 16,75 жителей на квадр. англ. милю или 356 жителей на квадр. геогр. милю; въ Европейской Россіи почти всѣ области гораздо болѣе населены; менѣе 356 жителей на квадр. геогр. милю имѣютъ только губерніи: Архангельская, Астраханская, Олонецкая, Великое княжество Финляндское (во всѣхъ этихъ областяхъ нѣтъ обязательнаго труда) и губерніи Вологодская, Пермская, Оренбургская и Земля Донскихъ Ка-

Но зачѣмъ искать за Атлантическимъ океаномъ примѣровъ того, что въ земляхъ, населенныхъ гораздо меньше, нежели русскія области съ крѣпостнымъ правомъ, наемнымъ трудомъ поля воздѣлываются съ выгодою противъ обязательнаго труда? У насъ подъ глазами Финляндія, въ которой населенность гораздо меньше, нежели во всѣхъ нашихъ губерніяхъ съ крѣпостнымъ правомъ, въ которой климатъ суровѣе, почва неблагодарнѣе, нежели въ русскихъ областяхъ нашей Имперіи. Мы видимъ, что наемный трудъ финляндскаго земледѣлія приноситъ владѣльцамъ земли болѣе выгодъ, нежели получаютъ наши землевладѣльцы отъ земледѣлія съ обязательнымъ трудомъ.

Но Финляндія населена инымъ племенемъ, съ другими привычками? Есть у насъ примѣръ и въ одноплеменныхъ намъ странахъ. Сибирь съ своимъ чрезвычайно рѣдкимъ населеніемъ превосходно воздѣлываетъ свои поля безъ обязательнаго труда. Впрочемъ, зачѣмъ ходить въ Азію, когда много такихъ примѣровъ и въ Европейской Россіи? Архангельская и Олонецкая губерніи—самыя малонаселенныя страны Европейской Россіи, и однако же вовсе не нуждаются въ обязательномъ трудѣ тамошніе землевладѣльцы для того, чтобы съ выгодою для себя воздѣлывать каждый удобный для хлѣбопашества кусокъ земли.

Если наемный земледѣльческій трудъ во всѣхъ безъ исключенія странахъ Европейской Россіи, допускающихъ по своему климату земледѣліе, выгоденъ, то мы не знаемъ, зачѣмъ послѣ этого нужно существованіе обязательнаго труда. „Затѣмъ, говоритъ Гакстгаузенъ, чтобы издержки производства не падали на землевладѣльца“—а, это хорошо.

Впрочемъ, едва ли не напрасно оспаривали мы выводъ Гакстгаузена о необходимости обязательнаго труда,—онъ самъ отступается отъ этого вывода, говоря, что есть средство съ выгодою вести хозяйство наемнымъ трудомъ: нужно только, чтобы наемные работники не сидѣли сложа руки,—для этого слѣдуетъ или нанимать ихъ только на время полевыхъ работъ, или во время зимы, когда нѣтъ полевыхъ работъ, давать имъ другое занятіе. Если такимъ легкимъ способомъ, по мнѣнію Гакстгаузена, можно сдѣлать наемный земледѣльческій трудъ выгоднымъ, къ чему же толковалъ онъ, и особенно къ чему еще рѣшительнѣе его толковалъ вслѣдъ за нимъ Тенгоборскій, о надобности въ обязательномъ трудѣ? и къ чему опять послѣ того начинаетъ онъ толковать о необходимости того же обязательнаго труда для сохраненія большихъ помѣщичьихъ хозяйствъ? Вѣдь онъ самъ уже объяснилъ, какимъ образомъ они удобно могутъ поддержаться и безъ обязательнаго труда.

Въ заключеніе всего, надѣлавъ противорѣчій самому себѣ, Гакстгаузенъ говоритъ, что обязательныя повинности должны быть ограничены закономъ, и Тенгоборскій наивно прибавляетъ, что въ дѣйствительности русскій крѣпостной крестьянинъ n'est pas taillable et corvéable à volonté, какъ нѣкогда французскій. Такъ смѣло противорѣчить фактамъ можно только въ книгѣ, писанной на иностранномъ языкѣ, назначенной не для русскихъ читателей, изъ которыхъ каждому слишкомъ хорошо извѣстны слѣдующіе факты:

Замѣнить барщину оброкомъ или ссадить крестьянъ съ баршины на оброкъ

заковъ (во всѣхъ этихъ областяхъ наемный трудъ въ земледѣліи выгоденъ, какъ извѣстно изъ положительныхъ фактовъ). Во всей остальной Европейской Россіи населеніе гуще, нежели въ этихъ штатахъ, и стало быть надобности въ обязательномъ трудѣ еще меньше, нежели въ нихъ.

зависитъ отъ воли помѣщика. Надобно ли объяснять, что такія перемѣны чаще всего производятся въ видахъ увеличенія доходности имѣнія?

При оброчномъ положеніи, величина оброка зависитъ совершенно отъ воли помѣщика.

При барщинѣ, воля помѣщика опредѣляетъ:

1) Пространство господской запашки; отъ него зависитъ число рабочихъ дней.

2) Дополнительные къ барщинѣ сборы натурою (полотно, ягоды, куры, яйца, и т. д.).

3) Отправленіе обозной повинности.

При оброкѣ и барщинѣ, воля помѣщика одинаково опредѣляетъ, до какихъ лѣтъ мужикъ несетъ тягло.

Это главныя и общія черты того вліянія, которыя имѣетъ воля помѣщика на величину повинностей.

Надобно ли прибавлять, что отъ воли того же лица зависитъ, останется ли оно вѣрно обыкновенному порядку, какого держится большинство, или вздумаетъ отличаться отъ большинства какими-нибудь особенностями, то-есть, удовольствуется ли этими и другими обыкновенными способами полученія доходовъ отъ обязательнаго труда, или введетъ другіе способы?

Изъ этихъ способовъ, которыхъ не держится большинство помѣщиковъ, но принять которые можетъ каждый желающій помѣщикъ, назовемъ хотя слѣдующія:

1) Учрежденіе завода или фабрики съ обязательнымъ трудомъ.

2) Соединеніе оброка съ барщиною, двумя путями: А) съ преобладаніемъ барщины, причемъ денежный оброкъ есть уже, такъ сказать, сверхкомплектный окладъ (независимый отъ дополнительныхъ сборовъ, упомянутыхъ выше); В) съ преобладаніемъ оброка, при которомъ барщина есть уже, такъ сказать, сверхкомплектный окладъ. Напримѣръ: А) полная барщина во все время полевыхъ работъ, съ оброкомъ въ 5 или 10 рублей съ тягла за зиму; В) оброкъ въ 20 или 30 рублей съ тягла, съ работою по одной или по полуторы недѣли во время запашки и сѣнокоса.

3) Переводъ пахотныхъ крестьянъ всей деревни на мѣсячину.

4) Поставка рекрутовъ сверхъ комплекта.

Этихъ способовъ можно бы назвать гораздо больше, но полнаго списка ихъ никогда, не только намъ, но и никому въ мірѣ, не удалось бы составить, потому что изобрѣтательность человѣческаго ума неистощима.

При всѣхъ своихъ увѣреніяхъ въ необходимости сохранить въ Россіи обязательный трудъ, Тенгоборскій почему-то, вѣроятно вслѣдствіе внутренняго увлеченія ошибочными мнѣніями, которыя такъ основательно опровергъ, начинаетъ говорить о средствахъ уменьшить объемъ и произволъ обязательнаго труда и даже вовсе уничтожить эту повинность. Онъ чрезвычайно восхищенъ, замѣтивъ, что въ нѣкоторыхъ помѣстьяхъ барщина замѣняется оброкомъ, а въ нѣкоторыхъ помѣстьяхъ вводится урочное положеніе, и воображаетъ, что это великій шагъ впередъ, и что оброкъ чуть ли уже не есть превращеніе обязательнаго труда въ поземельную ренту, т. е. уничтоженіе обязательнаго труда; изъ такой прекрасной мечты онъ выводитъ, что можно правительству и не заботиться объ этомъ дѣлѣ,—оно, дескать, совершается само собою, по волѣ самихъ землевладѣльцевъ, по мѣстнымъ

удобствомъ, безъ участія правительства, и во всякомъ случаѣ составляетъ мѣстный, а не государственный вопросъ.

Мечта эта прелестна, какъ лучшая изъ идиллій Теокрита. Чтобы вѣрить ей, нужно только два очень легкія условія: не понимать или отвергать факты, и спутывать самыя основныя экономическія понятія.

Барщина иногда замѣняется оброкомъ,—есть ли это уменьшеніе произвола въ наложеніи обязательнаго труда? Вовсе нѣтъ, напротивъ, произволъ увеличивается. Обычай и, въ случаѣ нужды, законъ можетъ мѣшать увеличенію барщины выше трехъ дней; размѣръ оброка не зависитъ ни отъ обычая, ни отъ закона, онъ весь въ произволѣ. Когда барщина обыкновенно замѣняется оброкомъ? Тогда, когда онъ выгоднѣе для помѣщика, нежели барщина; потому результатъ его вообще увеличеніе, а не уменьшеніе обязательныхъ повинностей. Барщина касается только сельско-хозяйственнаго, извознаго и фабрично-заводскаго труда, оброкъ обнимаетъ всѣ промыслы и занятія. Торговецъ изъ крѣпостныхъ людей по системѣ барщины долженъ былъ бы только поставить вмѣсто себя работника,—то есть отправлять повинность цѣною въ 20, 30 р. сер. въ годъ; но онъ платитъ оброкъ въ 50, 100 и болѣе рублей. Мы вовсе не отдаемъ преимущества барщинѣ передъ оброкомъ, мы говоримъ только, что оброкъ ни мало не составляетъ шага впередъ къ уменьшенію произвольности въ наложеніи обязательныхъ повинностей.

При томъ, если барщина иногда замѣняется оброкомъ, то развѣ иногда не сводится деревня, обратно, съ оброка на барщину? Кто считалъ, которое изъ этихъ двухъ направленій имѣетъ перевѣсъ въ общей массѣ?

Урочное положеніе также зависитъ отъ воли помѣщика; и стоитъ ли говорить объ этомъ измѣненіи, которое можетъ быть и удобно для сельскихъ работъ, но ни мало не относится до разлшчія между наемнымъ и обязательнымъ трудомъ? Наемный трудъ точно также, какъ и обязательный, бываетъ поденный или урочный; при наемномъ трудѣ урочное положеніе очень часто выгодно для усиленія производства; при обязательномъ трудѣ это бываетъ далеко не всегда, потому что уроки опредѣляются, подобно величинѣ оброка, одностороннимъ образомъ и размѣръ ихъ часто ведетъ только къ расширенію трехдневной работы на четырехдневную и болѣе, черезъ опредѣленіе такихъ поденнымъ уроковъ, которыхъ нельзя исправить въ день, и черезъ пропажу для мужика дней неудобной погоды; при такомъ порядкѣ, энергія труда можетъ ослабѣвать даже болѣе, нежели при поденной работѣ. То же самое часто бываетъ и слѣдствіемъ оброка.

„Оброкъ есть шагъ къ замѣнѣ обязательнаго труда поземельною рентою“ — вовсе нѣтъ. Оброкъ есть средство получать съ помѣстья больше доходовъ, нежели могла бы доставить барщина; ни къ чему другому ни средствомъ, ни шагомъ онъ не служитъ. Чрезвычайно любопытное сближеніе его съ поземельной рентой: оно совершенно похоже на сближеніе обязательнаго труда вообще съ наемнымъ трудомъ. Рента опредѣляется свободною торговою сдѣлкою между отдающимъ и нанимающимъ землю, точно такъ, какъ плата за работу свободнымъ торгомъ между нанимателемъ и нанимающимся. Оброкъ назначается волею землевладѣльца точно также, какъ и вообще размѣръ обязательнаго труда. Ни на одинъ волосъ не ближе оброкъ къ рентѣ, нежели барщина къ найму.

Правительство можетъ не заботиться объ уничтоженіи обязательнаго труда,—

ну да, оброкъ все равно что рента, — ну да, оброкомъ уже уничтожается обязательный трудъ.

„Во всякомъ случаѣ отмѣненіе обязательнаго труда должно быть мѣстнымъ вопросомъ“. Умилителенъ ловкій оборотъ, придаваемый дѣлу словами „мѣстный вопросъ“. Что это значитъ? то-ль, что по различію мѣстностей, формы и размѣры вознагражденія, опредѣляемые землевладѣльцу за отмѣну обязательнаго труда и передачу части земель крестьянамъ, должны быть различны? Но въ этомъ смыслѣ все совершающееся въ государствѣ подойдетъ подъ формулу мѣстнаго вопроса. Государство беретъ поземельную подать съ крестьянъ, живущихъ на государственныхъ земляхъ; — величина этой подати не по всему государству одинакова, напротивъ, сообразна мѣстнымъ условіямъ. Десятина земли въ одной губерніи платитъ больше, нежели въ другой, въ одномъ уѣздѣ больше, нежели въ другомъ. Государство даетъ жалованье учителямъ гимназій и армейскимъ офицерамъ; — форма выдачи различна: офицеры получаютъ жалованье по третямъ, учителя гимназій по мѣсяцамъ; и размѣръ жалованья различенъ по мѣстностямъ: тотъ самый учитель латинскаго языка, который въ Петрозаводскѣ получаетъ 500 р. с., въ Пензѣ получаетъ только 400, потому что въ Петрозаводскѣ содержаніе дороже, нежели въ Пензѣ; вопросъ о жалованьѣ рѣшенъ, какъ видимъ, по мѣстнымъ условіямъ. Если это хотѣлъ сказать Тенгоборскій, каждый согласится съ нимъ. Но попробуйте согласиться на выраженіе „мѣстный вопросъ“, и черезъ пять минутъ вамъ объяснятъ защитники обязательнаго труда, что умыселъ другой тутъ былъ, и какой именно умыселъ—слишкомъ ясно доказывается всѣми предшествовавшими разсужденіями Тенгоборскаго о томъ, что необходимо сохранить крѣпостное право, а если суждено когда нибудь уничтожиться этого выгодному для насъ учрежденію, то подождемъ того времени, когда барщина сама собою замѣнится оброкомъ, а оброкъ самъ собою обратится въ ренту, отъ которой онъ впрочемъ мало чѣмъ и отличается, а правительству, дескать, хлопотать объ этомъ ничего.

„Съ теченіемъ времени обязательный трудъ облегчается смягченіемъ нравовъ и правительству нѣтъ надобности вмѣшиваться въ эти дѣла“. Въ отвѣтъ на это выпишемъ нѣсколько словъ изъ Рошера, котораго никто не назоветъ человѣкомъ мрачнаго взгляда на вещи или любителемъ перемѣнъ, или партизаномъ правительственнаго вмѣшательства въ экономическія отношенія.

„Прогрессъ цивилизаціи отягощаетъ бремя обязательнаго труда. По мѣрѣ того, какъ возрастаютъ требованія роскоши, бездна, отдѣляющая господина отъ слуги или крестьянина, расширяется съ каждымъ днемъ. По мѣрѣ того, какъ развивается промышленность и торговля, господинъ находитъ все больше и больше выгоды требовать чрезмѣрнаго труда. По мѣрѣ того, какъ, съ развитіемъ общества, покровительство законовъ становится все болѣе и болѣе дѣйствительнымъ, опасеніе насилій—эта послѣдняя узда, которая могла бы удерживать жадность,—становится все болѣе и болѣе слабымъ, а между тѣмъ деморализація и господъ и слугъ все увеличивается соразмѣрно возрастанію роскоши. Съ обѣихъ сторонъ страждетъ чистота нравовъ. Leno древней комедіи былъ хозяинъ невольницъ. Въ Англійскихъ Вестъ-Индскихъ колоніяхъ, когда существовало тамъ невольничество, часто случалось, что посѣтитель, пріѣхавшій въ гости къ плантатору, уходя спать, говорилъ провожавшему его негру, чтобы прислать ему дѣвушку, и говорилъ это стѣсняясь или совѣстясь также мало, какъ если-бы въ Англіи просилъ зажечь въ своей комнатѣ на ночь лампу.

„Этимъ объясняется, почему у всѣхъ почти народовъ, при развитіи цивилизаціи, государственная власть старалась о смягченіи обязательнаго труда. Самодержавная мо-

нархія у всѣхъ почти народовъ видѣла себя въ необходимости энергически содѣйствовать уничтоженію обязательнаго труда и вообще улучшенію участи низшихъ классовъ. Въ Италіи Фридрихъ II освободилъ всѣхъ государственныхъ невольниковъ. Въ Англіи, Альфредъ Великій старался, хотя безуспѣшно, объ освобожденіи невольниковъ. Вильгельмъ I имѣлъ болѣе успѣха. Королева Елисавета совершила тоже въ Англіи, что Фридрихъ II въ Италіи. Даже въ Россіи царь Іоаннъ III возвратилъ крестьянамъ свободу перехода, которой лишились они во время Монгольскаго ига; но они снова потеряли это право въ смутныя времена при началѣ XVII вѣка, когда усилось значеніе вельможъ въ правительственныхъ дѣлахъ. Въ Богеміи, когда при Владиславѣ II усилилось дворянство, было возстановлено крѣпостное право, уничтоженное въ прежнія времена. Датская аристократія, когда усилилась въ государствѣ, также подчинила крѣпостной зависимости свободныхъ поселянъ.

„Наконецъ, при высокой степени развитія цивилизаціи, непреодолимая сила общественнаго мнѣнія приводитъ къ уничтоженію всѣхъ остатковъ рабства“ *).

Кому это объясненіе необходимости правительственныхъ мѣръ къ отмѣненію обязательнаго труда покажется недостаточнымъ, тому, конечно, будетъ пріятно прочесть слѣдующія соображенія, которыми, какъ намъ кажется, совершенно отстраняется всякое сомнѣніе по этому вопросу.

Сдѣлаемъ полнѣйшую уступку теоріи, говорящей, что правительство не должно вмѣшиваться въ политико-экономическія отношенія. Положимъ, что правительство никогда, ни въ какой формѣ, ни при какихъ обстоятельствахъ не должно касаться дѣлъ, совершающихся подъ вліяніемъ политико-экономическихъ принциповъ. Мы выразили правило о независимости экономическаго труда отъ административныхъ мѣръ съ такою безусловною энергіею, отъ которой далеки самые ревностные приверженцы этой системы. Прекрасно, что же изъ того слѣдуетъ? — правительство не должно нарушать независимаго дѣйствія политико-экономическихъ отношеній; такъ; какихъ же принциповъ и отношеній не должно касаться правительство? — политико-экономическихъ. Теперь: обязательный трудъ принадлежитъ ли къ политико-экономическимъ принципамъ, отношенія, имъ порождаемыя, подлежатъ ли правиламъ политико-экономической науки? Нѣтъ. По словамъ Шторха, въ его лекціяхъ, читанныхъ покойному государю Николаю I, тогда бывшему Великимъ княземъ,—по словамъ Шторфа „обязательный трудъ не подлежитъ вѣдѣнію политической экономіи; онъ совершенно чуждъ кругу понятій и отношеній, подлежащихъ этой наукѣ и ея правиламъ“. Всѣ ученые, занимавшіеся политическою экономіею, отъ Адама Смита до Рошера, согласны въ этомъ.

Такимъ образомъ, думайте какъ хотите о зависимости или независимости политико-экономическихъ принциповъ и отношеній отъ правительства,—ваши политико-экономическія теоріи ни мало не прилагаются къ вопросу объ обязательномъ трудѣ. Обязательный трудъ—явленіе совершенно чуждое правиламъ политической экономіи, историческое явленіе совершенно иной сферы. Онъ и возникаетъ и держится въ противность всякимъ экономическимъ принципамъ; это явленіе чисто историческое, возникающее изъ отношеній и событій, подлежащихъ вѣдѣнію политики, военнаго быта, административной власти, но никакъ не политической экономіи. Роль его, относительно политико-экономическихъ принциповъ,— роль препятствія ихъ развитію. Правительство имѣетъ не только право, оно, по требованію всѣхъ экономистовъ, имѣетъ прямую обязанность удалять отъ народной

*) Рошеръ. „Основанія политической экономіи“, переводъ Воловскаго, часть I, §§ 72 и 73.

жизни всѣ препятствія дѣйствію экономическихъ принциповъ. Напримѣръ, когда въ государствѣ мало безопасности на дорогахъ—это препятствуетъ развитію экономическихъ принциповъ, и потому государство не только можетъ, но прямымъ образомъ обязано водворить безопасность на дорогахъ. Точно также, по мнѣнію всѣхъ экономистовъ, правительство обязано всѣми своими силами поддерживать правосудіе, наблюдать за исполненіемъ контрактовъ, карать преступленія и т. д. Точно таковы же его обязанности по дѣлу свободнаго труда, который одинъ признается политическою экономіею: прямая обязанность правительства состоитъ въ отстраненіи всѣхъ препятствій къ развитію этого экономическаго принципа.

Какимъ образомъ правительственная власть отстраняетъ препятствія дѣйствію экономическихъ началъ, это дѣло чисто административной науки, дѣло политики, но не политической экономіи. Политическая экономія требуетъ результата; какимъ путемъ политика и администрація достигнутъ этихъ результатовъ,—для политической экономіи все равно.

Этотъ аргументъ совершенно достаточенъ для здраваго смысла. Но, кромѣ здраваго смысла, бываютъ въ людяхъ страсти. Противъ нихъ существуютъ аргументы, еще болѣе точные, и т. д.

Въ этой статьѣ мы говорили вообще о благотворности дѣла, начатаго Высочайшими рескриптами отъ 20 ноября, 5 и 24 декабря 1857 года. Въ слѣдующей должны мы говорить въ частности о каждомъ изъ основаній, на которыхъ должна быть, по этимъ рескриптамъ, совершена великая реформа, ими начинаемая.

ЗАМѢЧАНІЕ НА СТАТЬЮ «О ПОЗЕМЕЛЬНОЙ СОБСТВЕННОСТИ»,

помѣщенную въ ноябрьской книжкѣ „Современника“ за 1857 г.

(Письмо въ редакцію).

Русскіе журналы имѣютъ огромный авторитетъ у насъ, въ провинціи, — это, конечно, извѣстно вамъ, гг. журналисты. Но, можетъ быть, журналисты не знаютъ всей силы того горячаго сочувствія, которое пробудилось въ насъ (читающихъ и мыслящихъ провинціалахъ) къ журналамъ, особенно въ послѣднее время, когда въ нихъ не только затронуты, но такъ основательно поставлены и значительно уже развиты самые жизненные современные вопросы, болѣе или менѣе къ намъ близкіе.

Выразить это сочувствіе къ русской журналистикѣ вообще, и вмѣстѣ съ этимъ найти въ вашемъ журналѣ органъ для нѣкоторыхъ убѣжденій и мнѣній, истекающихъ изъ этихъ же началъ, которыхъ держится вашъ журналъ, и расходящихся только нѣсколько въ подробностяхъ, или въ практическихъ примѣненіяхъ, вотъ мысль, которая побуждаетъ меня писать къ вамъ.

Если вы, м. г., не поскучаете, изрѣдка, письменною бесѣдою съ однимъ изъ вашихъ провинціальныхъ читателей и (безъ всякаго каламбура) искреннихъ почитателей русской журналистики, то я, безъ всякой опредѣленной программы, по поводу каждой интересующей васъ мысли или мнѣнія, будутъ ли они высказаны въ вашемъ или въ другомъ какомъ періодическомъ изданіи, стану передавать вамъ откровенно собственное свое мнѣніе о тѣхъ же предметахъ, предлагать вопросы и недоумѣнія, которыхъ полное разрѣшеніе можетъ показаться необходимымъ.

Еще признаюсь вамъ въ одномъ самолюбивомъ побужденіи, подкрѣпившемъ мою рѣшимость взяться за перо, которое большею частію упражняется въ однѣхъ агрономическихъ замѣткахъ. Не разъ случалось слышать и мнѣ самому и другимъ, такимъ же мирнымъ, какъ я, землевладѣльцамъ, отзывы столичныхъ бюрократовъ, что есть такого рода современные вопросы, въ которыхъ *мы* не должны и „не можемъ“ быть судьями, потому что мы „не можемъ“ судить безпристрастно въ такомъ дѣлѣ, гдѣ замѣшанъ личный нашъ „интересъ“. Я не взялся бы доказывать ни одному чиновнику, господину, который имѣетъ о всѣхъ насъ такія „интересныя“ понятія, что, можетъ быть, многіе изъ насъ гораздо болѣе многихъ

изъ нихъ имѣютъ искренняго сочувствія къ тѣмъ самымъ вопросамъ, на которые намекаютъ бюрократы, чуждые всякихъ поземельныхъ интересовъ; не взялся бы именно потому, что истинное сочувствіе ко всему человѣческому должно выражаться не въ однихъ словахъ, не въ однѣхъ громкихъ фразахъ, которыя ровно ничего не стоятъ рисующемуся резонеру, но на самомъ дѣлѣ, въ дѣйствительныхъ и личныхъ жертвахъ, приносимыхъ общему дѣлу. Одно я легко могъ бы доказать этимъ господамъ, именно то, что мы больше ихъ знакомы съ нѣкоторыми изъ тѣхъ предметовъ, о которыхъ они судятъ слишкомъ высокимъ тономъ, и что мы не совсѣмъ чужды современныхъ убѣжденій. Но пусть лучше нѣкоторыя изъ этихъ убѣжденій выскажутся здѣсь, на болѣе приличномъ и открытомъ поприщѣ, чѣмъ въ праздной рѣчи, между двумя робберами ералаша.

Кстати припомнилось одно обстоятельство, которое можетъ отчасти служить доказательствомъ, что и мы, провинціалы, легко можемъ быть партизанами всего истиннаго и высокаго, независимо отъ мѣстныхъ пристрастій и личныхъ самолюбій. Боже мой! съ какимъ искреннимъ сочувствіемъ, съ какимъ горячимъ энтузіазмомъ, встрѣчали у насъ, въ провинціи, каждую новую строчку Гоголя, въ лучшую эпоху его дѣятельности, и съ какою грустію печалились о томъ несчастномъ переломѣ въ его жизни, который отвлекъ его отъ этой дѣятельности, и погрузилъ въ туманы безплоднаго аскетизма! Мы и тогда уважали въ немъ человѣка, но въ то же время горько сожалѣли о заживо умершемъ великомъ художникѣ, о недоконченныхъ и уже погибшихъ его произведеніяхъ. „Мертвыя Души“ не переставали быть нашею настольною книгою. А между тѣмъ, казалось бы, ближе всего было мелкимъ самолюбіямъ ощетиниться противъ писателя, который заклеймилъ обыденную жизнь неизгладимою печатью пошлости, вынесъ на свѣтъ Божій и на позоръ добрымъ людямъ, изъ нашей же живой среды, типы Ноздрева, Собакевича и прочихъ.

Извините за невольное отступленіе отъ современности. Впрочемъ, и теперь еще дѣятельность Гоголя, какъ первый шагъ къ нашему самосознанію, имѣетъ живую, неразрывную связь со всѣми вновь пробужденными стремленіями къ самоисправленію, къ обновленію. Притомъ, я заранѣе предупредилъ васъ, и еще разъ прошу позволенія: говорить обо всемъ, что вспадаетъ на мысль и на сердце, не подчиняясь никакой предупосланной программѣ, тѣмъ менѣе системѣ, которой не можетъ быть въ моей корреспонденціи, не имѣющей никакихъ претензій, никакихъ притязаній. Но возвратимся къ вашему журналу.

На этотъ разъ я рѣшаюсь сказать нѣсколько словъ къ окончательному разъясненію чрезвычайно важнаго предмета, по поводу напечатанной въ ноябрьской книжкѣ „Современника“ статьи о поземельной собственности.

Прежде всего скажу, что основная идея, ея развитіе и главные выводы совершенно совпадаютъ съ моимъ собственнымъ убѣжденіемъ. Нѣкоторыя противорѣчія, или недоумѣнія, возникаютъ изъ разсмотрѣнія подробностей, кажется не совсѣмъ оправдываемыхъ опытомъ; но я впередъ увѣренъ, что эти недоумѣнія разрѣшатся при дальнѣйшемъ разъясненіи предмета. Иначе и быть не можетъ, при убѣжденіи въ вѣрности основной мысли и при логическомъ ея развитіи. Я нисколько не спорю; я одинаково убѣжденъ въ сущности дѣла и въ истинѣ основныхъ положеній, и только желаю разъясненія нѣкоторыхъ подробностей, которыя,

мнѣ кажется, и въ настоящее время и долго еще будутъ непримѣнимы къ нашей общественной жизни.

Принципъ общиннаго владѣнія непогрѣшителенъ, и мы чрезвычайно счастливы тѣмъ, что онъ не только вполнѣ примѣнимъ къ нашей будущности, но существуетъ уже, какъ фактъ, въ настоящемъ, сроденъ нашему толковому народу и прочно легъ уже въ основаніе нашей общественной жизни. Это такое благо, которому могутъ позавидовать и опередившіе насъ въ развитіи народы: оно въ нашихъ рукахъ, и можетъ въ будущемъ предохранить отъ язвы пролетаріата многіе мильоны русскихъ людей. Это истина, и притомъ истина какъ нельзя болѣе утѣшительная. Дорожить этимъ благомъ, какъ даромъ Провидѣнія, лелѣять его, по возможности развивать болѣе и болѣе,—это наша непремѣнная и отрадная обязанность. Но не надо ласкать себя обманчивой надеждой, что переходъ въ эту будущность изъ настоящаго состоянія возможенъ скоро—и возможенъ безъ переходнаго состоянія. Такихъ скачковъ никогда не дѣлали народы—и мы не можемъ сдѣлать. Развить эту мысль можно бы очень подробно; но здѣсь неумѣстно. Sapienti sat. Я только къ тому веду рѣчь, что и принципъ частнаго владѣнія, хотя бы онъ и вытѣснялся постепенно общиннымъ, будетъ еще долго и долго господствовать и,— какъ переходное состояніе, — неизбѣженъ. Если это такъ, то первый вопросъ, мнѣ кажется, состоитъ только въ томъ, какъ единовременно совмѣстить возможно мирное господство обоихъ способовъ владѣнія, и какъ распоряженіе частною собственностью сдѣлать наивозможно плодотворнымъ и нестѣснительнымъ для соприкасающагося съ нимъ общиннаго владѣнія. За тѣмъ уже можетъ подлежать къ разрѣшенію другой вопросъ: какъ оградить навсегда, благодѣтельное для большинства, общинное владѣніе отъ возможности вторженія въ его область частнаго, и какой лучшій и мирный путь къ постепенному расширенію этой области, съ усовершенствованіемъ самаго распоряженія общественною собственностью. Время сдѣлаетъ остальное.

Если мы согласны съ авторомъ означенной статьи въ томъ, что частные собственники пока неизбѣжны, то почему же нѣтъ спасенія безъ системы фермерства, которую самъ авторъ находитъ слишкомъ неудовлетворительной и даже вредной? Онъ и на первыхъ страницахъ высказываетъ и потомъ, въ приложеніи В, подробно развиваетъ мысль, что собственнику неудобно и почти невозможно самому производить въ имѣніи прочныя улучшенія, при господствѣ системы фермерства. Да, при послѣднемъ условіи, это дѣйствительно справедливо. Но тамъ, гдѣ еще, слава Богу, не развито фермерство, и частные собственники еще не связаны никакими контрактами, почему жь имъ и не заняться самимъ этими улучшеніями? Если соединеніе въ одномъ лицѣ охоты къ труду, знанія дѣла и капитала—очень рѣдко, особенно у насъ, то все-таки возможно. Большее или меньшее знаніе дѣла и *охота по неволѣ* сами собою явятся, вслѣдствіе необходимости обезпеченія и нѣкотораго улучшенія своего состоянія,—не говоря уже о тѣхъ, правда немногихъ, собственникахъ, которые смотрятъ на это дѣло серьезно и имѣютъ къ нему призваніе. Останется одно затрудненіе—въ недостаткѣ капиталовъ. А гдѣ жь у насъ эти фермеры—капиталисты?—и откуда они явятся, если не изъ среды тѣхъ же собственниковъ?—Что же, если силою обстоятельствъ историческихъ, вся наша поземельная собственность распадется на два почти равныхъ отдѣла общинныхъ и частныхъ земель? Вѣдь это, не правда-ли, очень возможно,—

даже желательно,—даже неизбѣжно?... Предположимъ, что это уже совершилось. Съ одной стороны, общинныя земли, непремѣнными постановленіями, навсегда уже обезпеченныя отъ возможности отчужденія въ частную собственность, и начинающія организоваться на свойственныхъ имъ началахъ. Съ другой, частные собственники, предоставленные собственному знанію дѣла и собственнымъ своимъ средствамъ. Фермеровъ еще нѣтъ; а капиталы у частныхъ собственниковъ уже появились, вслѣдствіе самаго перехода значительной части поземельныхъ угодій въ общинное владѣніе,—что не могло произойти безъ денежнаго вознагражденія прежнимъ землевладѣльцамъ. При такомъ положеніи дѣлъ, если не всѣ, то большая часть собственниковъ очень могутъ и должны заняться сами принадлежащимъ имъ дѣломъ, потому что имѣютъ уже къ этому средства и побужденіе въ собственномъ интересѣ. И да избавитъ насъ Богъ, при такихъ, на первый разъ, очень благопріятныхъ данныхъ, отъ развитія фермерства въ томъ видѣ, какъ оно является въ Англіи!—Оно не будетъ уже намъ и опасно, если когда-нибудь приблизительно половина поземельной собственности будетъ уже распредѣляться по принципу общиннаго владѣнія, если область его, въ которую не можетъ уже вторгаться частная собственность, можетъ постепенно раздвигать свои предѣлы: присоединеніемъ (обязательнымъ или добровольнымъ) измельчавшихъ, до извѣстнаго предѣла, чрезъ наслѣдственное дробленіе, участковъ, — къ прилежащей общинѣ: предоставленіемъ права каждому частному собственнику распорядиться, для своего семейства и потомства, землями, на основаніи принципа общиннаго владѣнія, и т. п. Такъ, или иначе, но лишь бы дана была возможность движенія къ расширенію предѣловъ общинной области, вмѣщающей интересы огромнаго большинства, и, съ другой стороны, лишь бы отнята была всякая возможность у частной собственности на незаконное посягательство,—частные собственники, заботясь о своемъ частномъ благѣ, невольно будутъ содѣйствовать общему. — Все это, какъ вы видите, предположительно, — иначе и быть здѣсь не можетъ, — но согласитесь, что все это очень возможно.

Результатъ всего мною сказаннаго тотъ, что я желалъ бы, въ вашей статьѣ, во-первыхъ, не много болѣе уступки въ пользу частной собственности, исторически неизбѣжной, можетъ быть, какъ состоянія переходнаго, и, во-вторыхъ, допущенія возможности разумнаго распоряженія землями частныхъ собственниковъ, независимо отъ системы фермерства, до сихъ поръ намъ совершенно чуждой,—и вмѣстѣ съ тѣмъ, искренно желалъ бы, чтобы угрожающій намъ въ будущемъ призракъ фермерства не парализировалъ, въ настоящемъ, частныхъ нашихъ усилій къ усовершенствованію нашего сельскаго хозяйства,—а со временемъ, и совсѣмъ исчезъ предъ поглощающимъ вліяніемъ общиннаго начала. Таковы, по крайней мѣрѣ, мои pia desideria.

Другое, второстепенное замѣчаніе, или недоумѣніе, относится къ примѣрно принятому авторомъ *57-лѣтнему періоду*, для сравненія выгодности прочныхъ улучшеній для общинника и для фермера. Эта цифра, разумѣется, примѣрная; но чѣмъ она ближе будетъ къ дѣйствительной, тѣмъ убѣдительнѣе, и тѣмъ менѣе можетъ подать повода къ сомнѣнію, для людей противнаго или еще неустановившагося мнѣнія, въ истинѣ принятаго начала. Предполагая, что затрата капитала на улучшеніе состоитъ въ удобреніи земли,—случай самый обыкновенный и наиболѣе общій,—находимъ слѣдующее. По теоріи и на практикѣ признано несо-

мнѣннымъ, что это улучшеніе оказываетъ замѣтное дѣйствіе на періодъ очень кратковременный, и, притомъ, съ каждымъ новымъ оборотомъ зерновыхъ посѣвовъ, несмотря на посредствующіе кормовые и на отдыхъ земли въ пару, дѣйствіе это постепенно и быстро ослабѣваетъ. Такъ что, напримѣръ, при обыкновенномъ трехъ-польномъ сѣвооборотѣ, послѣ шести хлѣбныхъ жатвъ, слѣдовательно *въ 9-тилѣтній періодъ*, отъ самаго сильнаго удобренія незамѣтно уже и слѣдовъ, — хотя, разумѣется, вообще говоря, земля, хоть разъ удобренная, все-таки предпочтительнѣе земли равнокачественной, но никогда неудобрявшейся и одинаково истощенной. Дѣло въ томъ, что *избытокъ дохода*, вслѣдствіе удобренія, далеко не будетъ равномѣренъ при слѣдующихъ смѣнахъ и срокахъ, на которые можетъ подраздѣлиться принимаемый періодъ, если даже онъ будетъ 9-тилѣтній, не говоря уже о 57-ми и 60-ти годахъ, о которыхъ земледѣльцамъ страшно и подумать. Слѣдовательно, затрата капитала на удобреніе должна возобновляться въ каждый 9-тилѣтній, и еще вѣрнѣе—въ 60-тилѣтній періодъ. Изъ этого видно, что результатъ сравнительнаго разсчета выйдетъ совсѣмъ иной, если принять цифры, гораздо болѣе приближающіяся къ дѣйствительности. Не говорю уже о томъ, что здѣсь приняты для сравненія выгоды общинника и фермера, а не собственника, производящаго улучшенія, собственнымъ своимъ капиталомъ, на принадлежащей ему землѣ. Въ послѣднемъ случаѣ, сравнительный разсчетъ уже видоизмѣнился бы не въ пользу общинника: выгоды могутъ быть между ними почти равномѣрны, въ отношеніи, по крайней мѣрѣ, затраты на удобреніе, которое принесетъ всю свою пользу, даже разъ возобновившись, гораздо прежде новаго передѣла общинной земли, полагая срокъ его въ 15 лѣтъ. Но это замѣчаніе, повторяю, второстепенное, нисколько не подрывающее истины основнаго положенія, и предлагаемое только для большаго разъясненія такого важнаго предмета.

Въ заключеніе, въ избѣжаніе всякихъ недоразумѣній, съ опасностью быть обвиненнымъ въ противорѣчіи и въ несостоятельности моей логики, позвольте настоять на увѣреніи, что хотя я и отстаиваю нѣкоторыя права частной собственности, какъ исторической необходимости, однако въ тоже время глубоко убѣжденъ въ превосходствѣ и плодотворности общиннаго начала. Но между признаніемъ непогрѣшительности принципа и признаніемъ возможности полнаго его приложенія, въ данное время, большая разница. Если бы во мнѣ, къ несчастію, могло быть малѣйшее побужденіе оспаривать истину началъ, принятыхъ въ основаніе авторомъ статьи о поземельной собственности, то довольно было бы, чтобы зажать мнѣ ротъ, одной картины, поразительной своей правдою, распредѣленія поземельной собственности по принятому принципу наслѣдственности (Приложеніе Д.). Противъ этой общественной аномаліи, мнѣ кажется сподручнымъ и радикальнымъ одно средство: замѣна наслѣдственности по частному принципу порядкомъ наслѣдованія, примѣненнымъ къ общинному началу, что ни мало не нарушаетъ интересовъ и правъ частныхъ собственниковъ. Напротивъ, я взялся бы доказать осязательно, что этотъ видоизмѣненный порядокъ наслѣдованія, не выходя изъ области частнаго права, удовлетворяетъ въ одно время и требованію справедливости и родовому, кровному чувству заботливости о судьбѣ своего потомства. Живо представляю, въ своемъ воображеніи, эту картину наслѣдственнаго движенія поземельной собственности, на общинномъ основаніи, картину, которая могла

бы служить въ pendant къ начертанной авторомъ, для нагляднаго доказательства той же истины... Но объ этомъ надо говорить или подробно и много, или ограничиться однимъ этимъ указаніемъ. Предпочитаю здѣсь послѣднее.

Вотъ, м. г., на первый разъ все то, что я намѣренъ былъ вамъ высказать, не слишкомъ обременяя ваше вниманіе и не выходя изъ позволительныхъ границъ письменной бесѣды. Если вы пожелаете когда нибудь ея возобновленія, то самымъ яснымъ знакомъ этого желанія будетъ—появленіе моего письма на страницахъ вашего журнала.

Провинціалъ.

ОТВѢТЪ НА ЗАМѢЧАНІЕ Г. ПРОВИНЦІАЛА.

Теперь можно говорить прямѣе, нежели возможно было почтенному автору письма и намъ два или три мѣсяца назадъ, и мы надѣемся, что объясненія, которыя можемъ теперь дать о нашихъ мнѣніяхъ, во многихъ случаяхъ удовлетворятъ почтеннаго корреспондента, показавъ ему, что большая часть сомнѣній, возбужденныхъ въ немъ нашими статьями, произошла не отъ того, чтобы мы въ сущности имѣли образъ мыслей, съ которымъ бы не могъ онъ согласиться, но единственно оттого, что мы или не могли или не умѣли съ достаточною точностью выразить свою мысль о нѣкоторыхъ подробностяхъ предмета.

Почтенный корреспондентъ начинаетъ свои замѣчанія увѣреніемъ, что многіе изъ нашихъ землевладѣльцевъ заботятся о разрѣшеніи крѣпостнаго вопроса съ выгодою для крестьянъ не менѣе, нежели люди, упрекающіе землевладѣльцевъ въ холодности къ этому дѣлу. Мы не знаемъ, насколько авторъ при этомъ увѣреніи обращался лично къ намъ, но, имѣя теперь возможность, мы вообще находимъ полезнымъ точнѣе прежняго выразить наше мнѣніе о классѣ, къ которому принадлежитъ нашъ корреспондентъ. Нѣтъ сословія, которое не имѣло бы своихъ недостатковъ, нѣтъ положенія, при которомъ личныя интересы человѣка не бывали бы часто противоположны справедливымъ выгодамъ многихъ другихъ людей и пользамъ цѣлаго государства. При существованіи крѣпостнаго права это примѣнялось къ положенію помѣщиковъ гораздо болѣе, нежели къ положенію многихъ другихъ сословій,—напримѣръ, не говоря уже о самыхъ поселянахъ, торговцъ, промышленникъ, домовладѣлецъ, даже человѣкъ, живущій процентами съ денежнаго капитала,—даже (въ нѣкоторыхъ отрасляхъ государственной службы) чиновникъ занималъ относительно требованій справедливости и національнаго благосостоянія болѣе нормальное положеніе, нежели помѣщикъ. Но изъ того, что извѣстный классъ занимаетъ положеніе, несогласное съ этими условіями, вовсе еще не слѣдуетъ, чтобы лица этого класса можно было осуждать за невыгоды, приносимыя государству или другимъ сословіямъ тѣми условіями быта, которыя составляютъ привилегію сословія. Можно желать уничтоженія привилегіи, несогласной съ справедливостью, гуманностью и государственною пользою; но чувства наши относительно самыхъ лицъ, пользующихся существующею привилегіею, совершенно зависятъ отъ чувствъ, которыми проникнуты сами они. Во всякой многочисленной корпораціи бываютъ люди очень различнаго образа мыслей и образованности. Одни изъ привилегированныхъ могутъ желать сохраненія своей привилегіи, другія могутъ желать ея измѣненія. О послѣднихъ поговоримъ послѣ; теперь замѣтимъ, что и первые въ своемъ желаніи, конечно противномъ государственной выгодѣ, могутъ

руководиться побужденіями очень различными. Многіе отстаиваютъ свою привилегію только потому, что не понимаютъ другого порядка вещей, просто потому, что вообще боятся покинуть рутину. Это люди мало развитые, и ихъ умственная слабость, какъ всякая слабость, заслуживаетъ сострадательной помощи. Человѣкъ, болѣе развитой, показалъ бы себя недостойнымъ уваженія, если бы вздумалъ враждовать противъ такихъ личностей, вмѣсто того, чтобы просвѣщать ихъ. Есть многіе другіе, для которыхъ прекращеніе привилегіи соединено въ ближайшемъ будущемъ съ такими убытками, которыхъ не могутъ вынести ихъ настоящія средства, хотя въ будущемъ, болѣе отдаленномъ, и для нихъ, какъ для всего государства, прекращеніе привилегіи будетъ выгодно. Относительно такихъ людей мало заботъ о просвѣщеніи ихъ взгляда: имъ нужно матеріальное пособіе, чтобы они могли пережить безъ раззоренія переходный періодъ. Изъ этихъ двухъ разрядовъ можетъ быть состоитъ большинство людей, неблагопріятствующихъ прекращенію привилегіи. И хотя привилегія, продолженія которой они хотѣли бы, несомнѣнно вредна, но столь же несомнѣнно и то, что эти личности не могутъ быть предметомъ вражды со стороны справедливаго поборника улучшеній. Съ одними онъ долженъ доброжелательно бесѣдовать о средствахъ и путяхъ, которыми они могутъ не только не проиграть, а напротивъ выиграть при отмѣнѣ привилегіи; въ пользу другихъ онъ самъ долженъ пріискивать матеріальныя средства, чтобы они въ замѣнъ прежнихъ источниковъ жизни получили новые, если возможно обильнѣйшіе прежнихъ.

Таковы, по нашему мнѣнію, должны быть чувства просвѣщенныхъ противниковъ крѣпостнаго права относительно большинства нашихъ помѣщиковъ. Не помѣщики, намъ современные, присвоили себѣ вредную для государства привилегію пользоваться обязательнымъ трудомъ. Если тѣ, которые не видятъ выгоднаго для себя выхода изъ этого положенія, желали бы сохранить его, тутъ нѣтъ ничего особеннаго. Человѣкъ, защищающій свои выгоды, вовсе не есть человѣкъ дурной; нужно только показать ему, что съ уничтоженіемъ привилегіи, его благосостояніе не уменьшится, а увеличится; и онъ не будетъ имѣть ничего противъ улучшеній.

Въ каждой многочисленной корпораціи есть люди нравственно дурные, люди, которымъ дорога не столько собственная выгода, сколько возможность удовлетворять дурнымъ страстямъ: тщеславію, самовластію, лѣности, низкимъ порокамъ и т. п. Для этихъ испорченныхъ людей злоупотребленіе пріятно само по себѣ; они возстаютъ противъ улучшеній не по ограниченности ума или свѣдѣній, не по ошибочному разсчету, не по робости передъ нововведеніями, а изъ пристрастія къ дурному. Въ каждомъ сословіи есть такіе люди, но они не принадлежатъ собственно ни къ какому сословію, кромѣ сословія людей нравственно испорченныхъ. Какое бы оффиціальное имя ни носили они, все равно, они лично, сами по себѣ, вредны для общества, вредны не положеніемъ своимъ, которое бываетъ очень различно, а качествами своего сердца. Но природа человѣческая такъ благородна по своей сущности, что число такихъ людей незначительно. И каковы бы ни были впечатлѣнія, производимыя на общество нравственно дурными рѣчами или поступками нравственно дурныхъ людей, защищающихъ злоупотребленіе изъ пристрастія къ нему,—какъ бы непріятны ни были эти впечатлѣнія, чувство, ими возбуждаемое, не должно относиться къ цѣлому сословію.

Въ каждомъ сословіи есть люди всякаго рода, въ каждомъ есть, между

прочимъ, и нѣсколько человѣкъ нравственно дурныхъ, за которыхъ не обязано отвѣчать сословіе; но съ другой стороны, въ каждомъ сословіи бываютъ и люди, по своимъ личнымъ качествамъ столько же возвышающіеся надъ большинствомъ, насколько нѣкоторые бываютъ ниже его. Хотя привилегированное положеніе не всегда благопріятствуетъ нормальному развитію человѣка, но съ другой стороны сословіе помѣщиковъ обладаетъ у насъ, по отношенію къ удобствамъ нравственнаго развитія, столькими средствами, недостающими другимъ сословіямъ, что можно предположить въ сословіи помѣщиковъ бо̀льшую пропорцію людей, замѣчательныхъ по особенной развитости ума и чувства, нежели во многихъ другихъ сословіяхъ. Большая половина всего населеннаго пространства Русской имперіи находится во владѣніи этого сословія. Оно вообще пользуется несравненно большимъ благосостояніемъ, нежели всякое другое сословіе, взятое въ массѣ; даже торгующій классъ далеко не имѣетъ такихъ доходовъ, какъ земледѣльцы; классу помѣщиковъ по преимуществу открытъ доступъ во всѣ учебныя заведенія и вообще онъ имѣетъ гораздо больше средствъ, нежели другія сословія, для своего воспитанія. Это вещь извѣстная, но не должно забывать о другомъ обстоятельствѣ, не менѣе важномъ для умственнаго и нравственнаго развитія: всѣ высшія общественныя должности заняты людьми изъ этого сословія; извѣстно, что занятіе важными общественными дѣлами есть наилучшая школа для развитія въ человѣкѣ всѣхъ истинно человѣческихъ достоинствъ; извѣстно, что изъ двухъ людей, одинаково одаренныхъ отъ натуры, тотъ будетъ имѣть болѣе широкій взглядъ на жизнь, кто болѣе привыкъ къ занятіямъ, требующимъ подобнаго взгляда; извѣстно, какъ убійственно дѣйствуетъ и на умъ, и на сердце человѣка такое положеніе, при которомъ всѣ его мысли исключительно прикованы къ мелочнымъ заботамъ о мелочныхъ дѣлахъ; какъ сословіе, одни помѣщики у насъ изъяты отъ этого погруженія исключительно въ мелкіе интересы, они одни заняты широкими заботами о государственныхъ дѣлахъ, нравственно возвышающими человѣка. Надобно думать, что этими благопріятными развитію обстоятельствами вознаграждается невыгодное вліяніе привилегіи на развитіе, и потому должно предполагать, что въ сословіи помѣщиковъ пропорція людей, достигшихъ высокаго нравственнаго и умственнаго развитія, болѣе значительна, нежели во многихъ другихъ сословіяхъ. Такимъ образомъ, при всемъ возможномъ нерасположеніи къ довѣрчивости похваламъ, безпристрастный человѣкъ едва ли станетъ отрицать, что въ дворянскомъ сословіи находилось и находится много людей, самымъ благороднымъ и полезнымъ образомъ содѣйствовавшихъ разрѣшенію вопроса о крѣпостномъ правѣ.

Въ самомъ дѣлѣ, нельзя забывать того, что изъ людей, наиболѣе заботившихся объ уничтоженіи крѣпостнаго права, большая часть принадлежала и принадлежитъ сословію помѣщиковъ. Почти всѣ дѣльные проекты объ уничтоженіи крѣпостной зависимости, предшествовавшіе административнымъ мѣрамъ, были составлены людьми изъ сословія помѣщиковъ. Мы не имѣемъ права называть именъ, которыя стали особенно почтенными по заботливости объ этой реформѣ, но эти имена, вѣроятно, извѣстны нашимъ читателямъ и вѣроятно они знаютъ, что всѣ эти лица сами владѣютъ довольно значительными, а нѣкоторые изъ нихъ огромными помѣстьями. Объ этихъ лицахъ мы должны сказать нѣсколько словъ.

Мы совершенно увѣрены, что благоразумно исполненнымъ отмѣненіемъ крѣпостнаго права чрезвычайно возвысится благосостояніе помѣщиковъ, возвысится

и важность сословія землевладѣльцевъ. Но какъ бы то ни было, это нововведеніе соединено для помѣщиковъ съ отреченіемъ отъ привилегій, которыя справедливо казались имъ очень важными. Возставать противъ привилегіи, которою самъ онъ пользуется, человѣкъ можетъ только тогда, когда слишкомъ живо проникнутъ стремленіями высокой гуманности: для этого недостаточно разсчета, хотя бы самаго вѣрнаго. Привилегія имѣетъ въ себѣ такую обольстительность, что пристрастіе къ ней сопротивляется даже очевидной выгодѣ. Когда человѣкъ отказывается отъ привилегіи, наше заключеніе о его нравственныхъ достоинствахъ ни мало не зависитъ отъ того, до какой степени выгодно будетъ ему это отреченіе,—во всякомъ случаѣ оно составляетъ высокій нравственный подвигъ, если только оно добровольно. Стремленія тѣхъ лицъ, о которыхъ мы говоримъ здѣсь, не только были добровольны, но требовали твердости характера и высокой гражданской отважности. Не только не было имъ никакой нужды, никакого разсчета выступать передъ обществомъ съ отреченіемъ отъ своихъ привилегій, напротивъ, всѣ чувства житейскаго разсчета и дюжиннаго благоразумія совѣтывали имъ молчать. Правда, многое зависитъ и отъ того, въ какое отношеніе къ благороднѣйшимъ своимъ представителямъ захочетъ стать сословіе; захочетъ ли оно признавать ихъ своими представителями? Теперь мы знаемъ только, что между помѣщиками коренныхъ Великорусскихъ губерній, первыми вступили на указанный благородный путь помѣщики Нижегородской губерніи.

Послѣ этого предисловія, очень длиннаго, мы можемъ перейти къ замѣчаніямъ, которыя дѣлаетъ почтенный корреспондентъ на наши статьи о поземельной собственности.

Онъ справедливо говоритъ, что между имъ и авторомъ статьи, на которую пишетъ онъ замѣчанія, нѣтъ спора; замѣчанія почтеннаго корреспондента только поясняютъ нѣкоторыя стороны дѣла, безъ достаточной точности изложенныя въ нашей статьѣ,—поясняютъ ихъ совершенно согласно съ духомъ нашихъ собственныхъ мнѣній, и мы принимаемъ ихъ совершенно.

Прежде всего обратимъ вниманіе читателей на чрезвычайно вѣрное толкованіе, которое мыслями почтеннаго корреспондента придается нашему спору въ защиту общиннаго владѣнія. То, чтобы всѣ наши земледѣльцы имѣли поземельную собственность,—вотъ основное наше желаніе; предпочтеніе общиннаго владѣнія безграничному расширенію частной поземельной собственности основывается для насъ относительно настоящаго и ближайшаго будущаго преимущественно на томъ, что общинное владѣніе представляется намъ единственнымъ средствомъ сохранить каждаго поселянина—хозяина въ званіи поземельнаго собственника. Черезъ тридцать, или двадцать-пять лѣтъ, общинное владѣніе будетъ доставлять нашимъ поселянамъ другую, еще болѣе важную выгоду, открывая имъ чрезвычайно легкую возможность къ составленію земледѣльческихъ товариществъ для обработки земли; не можемъ сказать, чтобы это соображеніе не оказывало сильнаго вліянія на нашу приверженность къ общинному владѣнію; но заботы настоящаго всегда бываютъ сильнѣе соображеній о будущемъ, и конечно мы не защищали бы съ такимъ жаромъ общиннаго владѣнія, если бы не побуждала насъ къ тому важность его для настоящаго времени, совершенно справедливо понимаемая почтеннымъ корреспондентомъ.

Если мы дѣйствительно подали нашимъ читателямъ поводъ думать, что мы

упускаемъ изъ виду неизбѣжность довольно долгаго переходнаго состоянія отъ настоящихъ способовъ обработки отдѣльныхъ участковъ общинной земли частными силами отдѣльнаго хозяина къ общинной обработкѣ цѣлой мірской дачи.— если мы дали поводъ къ такому мнѣнію о нашихъ понятіяхъ, какъ на то повидимому указываетъ одно изъ замѣчаній, дѣлаемыхъ нашимъ корреспондентомъ, мы выразились неудачно или неполно въ томъ мѣстѣ нашихъ статей, которое подало поводъ къ такому заключенію. Въ подобныхъ недостаткахъ изложенія мы охотно признаемся. Но если вкралось гдѣ нибудь такое упущеніе въ нашемъ изложеніи, въ другихъ мѣстахъ нашихъ статей мы выражались объ этомъ предметѣ съ достаточною ясностью: много разъ положительно и подробно говорили мы о томъ, что при быстромъ развитіи механическихъ и другихъ средствъ для обработки и улучшенія земли, при быстромъ развитіи другихъ промышленностей и торговли, при улучшеніи средствъ сообщенія и т. д., нашему земледѣлію предстоитъ вступить въ новую эпоху, когда потребуются отъ него улучшенные способы производства, въ которыхъ оно еще не нуждается теперь или довольно мало нуждается; къ тому времени относили мы осуществленіе многихъ нашихъ понятій, исполненіе которыхъ вовсе не требуется настоящимъ; также положительно говорили мы о томъ, что всѣ эти улучшенія, относимыя нами къ будущему, будутъ происходить постепенно, сообразно развитію потребности въ нихъ. Изъ этого почтенный корреспондентъ конечно увидитъ, что намъ должны казаться совершенно справедливыми его слова, что полнѣйшее развитіе общиннаго принципа должно быть дѣломъ будущаго, а для настоящаго достаточно желать сохраненія въ общинномъ владѣніи той части земли, которая въ немъ находится.

Признавая вмѣстѣ съ почтеннымъ корреспондентомъ необходимость для настоящаго времени въ томъ, чтобы подлѣ общиннаго владѣнія существовала и частная поземельная собственность, мы, конечно, съ полнымъ согласіемъ принимаемъ его мысли о томъ, что общинное владѣніе, огражденное отъ вторженія частной собственности въ свою область, можетъ и должно расширять эту область сообразно тому, какъ будетъ представляться въ томъ надобность, по мѣрѣ возрастанія населенія и развитія другихъ условій, требующихъ этого расширенія области общиннаго владѣнія. Изъ мѣръ, предлагаемыхъ почтеннымъ корреспондентомъ къ тихому достиженію этой цѣли, особенно полезна, въ агрономическомъ отношеніи, кажется намъ его мысль о присоединеніи къ прилежащей общинѣ тѣхъ клочковъ частной земли, которые черезъ наслѣдственное дробленіе измельчали до извѣстнаго предѣла. Очень важна мысль о передачѣ, по завѣщанію отца, наслѣдственной его земли въ общинное владѣніе его роду; но эта мысль требуетъ точнѣйшаго развитія.

Одобряя изложенную нами мысль Сисмонди и другихъ экономистовъ о раззорительности англійскаго способа фермерства для огромнаго большинства земледѣльческаго населенія, почтенный корреспондентъ не думаетъ, чтобы оно грозило распространиться у насъ. Онъ конечно говоритъ о настоящемъ, и въ такомъ случаѣ мы съ нимъ совершенно согласны: фермеровъ—капиталистовъ у насъ еще почти нѣтъ, и не могли бы они ни въ какомъ случаѣ овладѣть нашимъ сельскимъ хозяйствомъ въ ближайшія десять или пятнадцать лѣтъ. Но говоря о необходимости оградить нашихъ поселянъ отъ земледѣльческой эксплуатаціи по фабричному принципу фермерства, мы имѣли въ виду эпоху экономическаго развитія,

при которой становится возможнымъ такое фермерство. Она совпадаетъ съ эпохою, при которой становится выгоднымъ приложеніе къ земледѣлію большихъ оборотныхъ капиталовъ. Эта пора начинается при извѣстной степени развитія торговли сельскими продуктами. У насъ она еще не настала, но каждый вникавшій въ быстроту, съ которой начала развиваться наша экономическая дѣятельность въ послѣдніе годы, хорошо видитъ, что мы развѣ нѣсколькими десятилѣтіями, вѣроятно не болѣе, какъ двадцатью-пятью или двадцатью годами, удалены отъ той эпохи, когда, напримѣръ, англійскому и французскому капиталисту будетъ также выгодно пустить свой капиталъ въ русское земледѣльческое предпріятіе, какъ нынѣ выгодно ему обратить его на наши желѣзныя дороги и облигаціи государственнаго долга; когда и русскіе капиталы найдутъ для себя выгоднѣйшимъ обращаться въ земледѣльческихъ предпріятіяхъ, нежели лежать въ кредитныхъ учрежденіяхъ. Тогда-то, хотѣли мы сказать, въ странѣ, представляющей удобство для обширныхъ сельско-хозяйственныхъ предпріятій на коммерческомъ основаніи, какова Россія,—тогда-то едва ли большинство крупныхъ землевладѣльцевъ удержится отъ искушенія промѣнять на беззаботное полученіе ренты отъ фермера-капиталиста хлопотливую возню съ собственнымъ хозяйствомъ, и хозяйство поселянъ было бы совершенно подавлено соперничествомъ капиталистовъ. Эта будущность отъ насъ не за горами; мы должны предусматривать ее и принимать мѣры къ отстраненію бѣдствій фабричной эксплуатаціи для земледѣльцевъ. Единственнымъ средствомъ противъ этого кажется намъ сохраненіе у поселянъ общиннаго владѣнія. Тогда они, при появленіи нужды въ большомъ оборотномъ капиталѣ для земледѣлія и въ расширеніи размѣровъ хозяйства, найдутъ у самихъ себя, черезъ соединеніе въ товарищества, нужныя денежныя средства и нужный размѣръ полей. Точно также эти товарищества поселянъ будутъ полезны тогда для крупныхъ землевладѣльцевъ. Общины земледѣльцевъ, являясь соперницами капиталистовъ при наймѣ большихъ помѣстій, избавятъ помѣщика отъ зависимости, въ которую поставила бы монополія капиталистовъ, и отъ невыгодныхъ условій контракта, предписываемаго монополіей.

Ясно, что мы говоримъ о будущемъ, и эти соображенія ни мало не отрицаютъ фактовъ настоящаго, на которые указываетъ почтенный корреспондентъ. Правда, теперь еще нѣтъ у насъ фермеровъ-капиталистовъ; правда и то, что съ освобожденіемъ крестьянъ у землевладѣльцевъ явятся значительные капиталы, которые съ перваго раза дадутъ имъ возможность прекрасно повести сельскохозяйственныя предпріятія. Мы говорили только, что такое положеніе дѣлъ непродолжительно; что возникновеніе фермеровъ-капиталистовъ неизбѣжно, какъ скоро страна, неимѣющая общиннаго владѣнія, достигаетъ извѣстной степени экономическаго развитія; съ другой стороны, мы говорили о томъ прирожденномъ человѣческой натурѣ стремленіи, по которому человѣкъ, имѣющій возможность получать, черезъ отдачу своей недвижимой собственности въ наймы, безъ всякихъ хлопотъ ренту, доставляющую ему избытокъ въ жизни, не захочетъ возиться самъ съ скучными хлопотами земледѣльческаго хозяйства; мы говорили также о томъ, что большой собственникъ, говоря вообще, проживаетъ всѣ свои доходы и скорѣе будетъ имѣть долги, нежели значительный наличный капиталъ. Изъ этого мы выводили, что если бы уничтожилось у насъ общинное владѣніе, то система фермерства на фабричномъ основаніи, хотя еще и невозможна у насъ въ настоящемъ

году, скоро сдѣлалась бы господствующею въ нашемъ сельскомъ бытѣ, и большіе собственники, сами ведущіе свое хозяйство, скоро сдѣлались-бы рѣдкимъ исключеніемъ между собственниками.

Кстати о фермерствѣ на фабричномъ основаніи, какое видимъ въ Англіи. Мы очень жарко говорили противъ него. Но бѣдствія, изъ него возникающія для поселянъ, возможны только при условіи его преобладанія въ земледѣльческомъ быту. Положеніе работника было бы несравненно лучше, если бы поселянинъ могъ свободно выбирать между работою на участкѣ своего семейства и работою на фермѣ; именно этого выбора нѣтъ въ Англіи, потому что вся земля занята фермерами. Но свобода выбора сохраняется, если фермы будутъ занимать гораздо меньшее пространство земли, нежели участки поселянъ. Потому, если сохранится общинное владѣніе въ его настоящемъ размѣрѣ, и даже, согласно мнѣнію нашего почтеннаго корреспондента и нашему, будетъ расширяться, по мѣрѣ надобности, то и введеніе фермерства на земляхъ большихъ собственниковъ не будетъ невыгодно для поселянъ, которые будутъ наниматься тогда въ работники къ фермерамъ не иначе, какъ на выгодныхъ для себя условіяхъ. Выше мы указали, что при сохраненіи общиннаго владѣнія будетъ оно наиболѣе выгодно и для большихъ землевладѣльцевъ.

Потому мы совершенно согласны съ почтеннымъ корреспондентомъ, что даже англійское фермерство не будетъ для насъ опасно, если у насъ сохранится общинное владѣніе.

Затѣмъ остается намъ пополнить одну свою недомолвку, подавшую поводъ къ послѣднему изъ замѣчаній почтеннаго корреспондента. Въ сравнительномъ разсчетѣ выгодъ, приносимыхъ долговременными улучшеніями общиннику и фермеру, мы взяли 60-лѣтній періодъ дѣйствія улучшенія. Ошибка наша при этомъ состояла въ томъ, что мы недостаточно указали именно въ этомъ мѣстѣ статьи различіе между сельско-хозяйственными улучшеніями, дѣйствующими долговременно и дѣйствующими кратковременно, и не упомянули, что въ первыхъ заключается вся сущность вопроса, когда дѣло идетъ о выгодности неотъемлемаго владѣнія участкомъ для развитія сельскаго хозяйства. Итакъ, въ томъ мѣстѣ, къ которому относится замѣчаніе почтеннаго корреспондента, рѣчь идетъ о прочныхъ долговременныхъ улучшеніяхъ, каковы, напр., канавы, машины и т. д. для орошенія или осушенія почвы, разведеніе живыхъ изгородей, очищеніе почвы отъ камней, измѣненіе состава почвы примѣсью глины или песку и т. д.,—словомъ, все то, чему мы дивимся въ Шотландскомъ хозяйствѣ,—эти вещи преимущественно имѣютъ въ виду люди, толкующіе противъ общиннаго владѣнія, потому мы должны были обратить главное вниманіе наше на эти долговременно дѣйствующія улучшенія и показать, что даже они при общинномъ владѣніи должны совершаться удобнѣе, нежели при системѣ, по которой собственность на землю и обработка ея не соединяются въ однихъ и тѣхъ же лицахъ, то есть при такомъ положеніи, въ которомъ находится большая часть земли при полномъ господствѣ частной поземельной собственности.

Заключимъ этотъ отвѣтъ выводомъ не для нашего корреспондента, а для другихъ читателей, особенно изъ сословія помѣщиковъ.

Возможно ли каждому честному человѣку и всей націи не чувствовать горячаго уваженія къ людямъ, подобнымъ автору замѣчаній на нашу ноябрьскую

статью,—къ людямъ, которые, будучи помѣщиками, такъ глубоко сочувствуютъ всему, что можетъ улучшить состояніе поселянина, такъ пламенно желаютъ, такъ твердо рѣшаются содѣйствовать этому улучшенію всѣми возможными мѣрами, безъ всякаго колебанія отодвигая на второй планъ свои собственные интересы, будучи совершенно готовы уступать личные свои разсчеты и выгоды во всѣхъ тѣхъ случаяхъ, когда то принесетъ пользу поселянамъ? Къ счастію Россіи и къ чести нашихъ помѣщиковъ, такихъ людей въ сословіи помѣщиковъ много. Дай Богъ, чтобы число ихъ увеличивалось съ каждымъ днемъ.

Уступка личныхъ выгодъ общему благу—вотъ девизъ истинно благороднаго человѣка.

И не проиграетъ, а безмѣрно выиграетъ сословіе помѣщиковъ отъ такой системы дѣйствій при разрѣшеніи вопроса о крѣпостномъ правѣ, потому что всѣ эти уступки въ десять разъ, во сто разъ вознаградятся помѣщикамъ выгодами, которыя приноситъ за собою большимъ землевладѣльцамъ сообразное съ государственнымъ благомъ рѣшеніе этого великаго дѣла.

УСТРОЙСТВО БЫТА ПОМѢЩИЧЬИХЪ КРЕСТЬЯНЪ.

№ I.

Обозрѣніе мѣръ, принятыхъ до сего времени къ устройству быта помѣщичьихъ крестьянъ.

Давно уже правительство наше имѣло въ виду необходимость принять мѣры къ устройству и улучшенію быта помѣщичьихъ крестьянъ. Прежде всего вниманіе правительства было обращено на крестьянъ Остзейскихъ губерній, гдѣ отсутствіе патріархальныхъ отношеній, между чуждыми другъ другу по племени и языку дворянами и крестьянами, дѣлало положеніе послѣднихъ наиболѣе тягостнымъ. Въ 1765 году императрица Екатерина II повелѣла генералъ-губернатору Остзейскаго края графу Брауну представить правила, опредѣляющія права лифляндскихъ крестьянъ. Тогда положено было начало цѣлаго ряда мѣръ, которыми постепенно уничтожено было въ Остзейскомъ краѣ крѣпостное состояніе.

Не вдаваясь здѣсь въ подробный разборъ мѣръ этихъ, укажемъ только вкратцѣ на общую систему ихъ.

Правилами, составленными дворянствомъ, по повелѣнію императрицы Екатерины въ 1765 году, упрочено было за крестьянами право собственности на движимое ихъ имущество и ограниченъ въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ произволъ помѣщиковъ. Въ 1804 году изданы были для Лифляндской и Эстляндской губерній положенія о крестьянахъ, которыми повинности крестьянъ были опредѣлены соразмѣрно съ цѣнностью земли, находившейся въ ихъ пользованіи; учреждено сельское общественное управленіе и особыя присутственныя мѣста, для разбора жалобъ крестьянъ на помѣщиковъ. Такимъ образомъ крестьяне были ограждены отъ произвола и притѣсненій помѣщиковъ. Но тѣсныя рамки, въ которыхъ были поставлены отношенія помѣщиковъ къ крестьянамъ, дѣлались часто стѣснительными для обоихъ сословій. Дворяне наконецъ сами ходатайствовали объ уничтоженіи крѣпостнаго состоянія. Освобожденіе крестьянъ послѣдовало на основаніи особыхъ положеній, изданныхъ для Эстляндской губерніи въ 1816 году, для Курляндской въ 1817 и Лифляндской въ 1819 году.

Всѣ эти положенія составлены были при участіи самихъ дворянъ: дворянству предлагались главныя основанія предположенной мѣры, положеніе составлялось на мѣстѣ самимъ дворянствомъ и разсматривалось въ С.-Петербургѣ, въ особомъ ко-

митетѣ, составленномъ изъ правительственныхъ лицъ и изъ депутатовъ дворянства, которые могли такимъ образомъ защищать предъ правительствомъ свои мнѣнія. Система эта служила ручательствомъ за полноту и удобоприменимость принятыхъ мѣръ и дѣйствительно увѣнчалась успѣхомъ въ томъ отношеніи, что освобожденіе совершилось спокойно и безубыточно для помѣщиковъ; напротивъ того цѣнность имѣній значительно возвысилась послѣ освобожденія крестьянъ. Но съ другой стороны, освобожденіе крестьянъ вовсе безъ земли повлекло за собою лишеніе многихъ крестьянъ участковъ земли, состоявшихъ въ ихъ пользованіи, для присоединенія участковъ этихъ къ господскимъ полямъ, и чрезъ то непомѣрное возвышеніе арендной платы, вслѣдствіе совмѣстничества безмѣстныхъ арендаторовъ. Все это, особенно въ Лифляндіи и Эстляндіи, повело къ обѣдненію крестьянъ, бывшихъ и безъ того уже въ незавидномъ положеніи, и вызвало наконецъ необходимость измѣнить и дополнить законы 1816 и 1819 годовъ, предоставленіемъ крестьянамъ извѣстнаго пространства земли въ постоянное пользованіе, особыми мѣрами къ постепенному уничтоженію барщины, учрежденіемъ въ Лифляндіи банка для содѣйствія крестьянамъ къ выкупу въ собственность арендуемыхъ ими участковъ и наконецъ нѣкоторымъ разширеніемъ общественныхъ правъ крестьянъ. Дополненія и исправленія эти заключаются въ Лифляндскомъ Положеніи 1849 года и въ Эстляндскомъ Положеніи 1856 года. Остается только желать, чтобы новыя положенія успѣли дѣйствительно улучшить бытъ остзейскихъ крестьянъ. А между тѣмъ пусть прежнее ихъ положеніе служитъ для Великороссійскихъ губерній живымъ примѣромъ того, къ чему можетъ привести освобожденіе крестьянъ, безъ всякаго предоставленія имъ права на пользованіе землею.

Послѣ Остзейскихъ губерній, вниманіе правительства было преимущественно обращено ка губерніи Литовскія и Бѣлорусскія и на Кіевское генералъ-губернаторство. Въ западномъ краѣ Россіи отношенія помѣщиковъ къ крестьянамъ давно уже, по обычаю, опредѣлялись во многихъ имѣніяхъ такъ называемыми *„инвентарями“*, въ которыхъ, по каждому имѣнію, означены были: повинности крестьянъ, число тягловыхъ работниковъ и количество предоставленной имъ въ пользованіе земли. Но инвентари эти, большею частью установленные самими помѣщиками, не были вовсе для нихъ обязательны; а въ нѣкоторыхъ имѣніяхъ инвентарей вовсе не существовало. Потому они нисколько не могли служить къ обезпеченію крестьянъ противъ произвола владѣльцевъ.

Для разсмотрѣнія и утвержденія существовавшихъ инвентарей и для введенія ихъ въ тѣхъ имѣніяхъ, гдѣ инвентарей еще не было, открыты были, въ 1844 году, въ западныхъ губерніяхъ инвентарные комитеты, подъ предсѣдательствомъ губернаторовъ, изъ губернскаго предводителя, вице-губернатора, прокурора, одного чиновника отъ генералъ-губернатора, уѣзднаго предводителя губернскаго города и трехъ помѣщиковъ по выбору дворянства.

Въ Виленскомъ гереналъ-губернаторствѣ инвентари введены были въ дѣйствіе въ 1846 году. Въ губерніяхъ же Бѣлорусскихъ и въ генералъ-губернаторствѣ Кіевскомъ, введеніе составленныхъ такимъ порядкомъ инвентарей встрѣтило разныя затрудненія, почему и оказалось необходимымъ указать для введенія инвентарей точныя и подробныя основанія.

Вслѣдствіе этого, 29 декабря 1848 года Высочайше утверждены были, для

губерній Кіевской, Подольской и Волынской, особыя правила „для управленія имѣніями, по утвержденнымъ для оныхъ инвентарямъ“.

Правила эти заключались главнымъ образомъ въ слѣдующемъ:

1) Вся мірская земля, состоящая въ пользованіи крестьянъ и подробно означенная въ инвентарѣ, должна была оставаться въ постоянномъ ихъ пользованіи, безъ всякаго измѣненія, за опредѣленныя закономъ повинности. Но помѣщикъ могъ сверхъ того отдавать крестьянамъ въ аренду участки господской земли, по добровольнымъ съ ними условіямъ.

2) Повинности крестьянъ должны были соотвѣтствовать величинѣ отведенныхъ имъ участковъ и соразмѣряться съ одною третью всего ихъ дохода, но съ тѣмъ, чтобы барщина не превышала трехъ рабочихъ дней съ тяглаго двора.

3) Для соразмѣренія повинностей съ землей, въ каждомъ имѣніи опредѣленъ, по мѣстнымъ удобствамъ, нормальный размѣръ полнаго *тяглаго* участка и дозволено выдѣлять инымъ крестьянамъ меньшіе *полутяглые* участки, которые составляли бы однако не менѣе половины нормальнаго тяглаго участка.

4) За пользованіе тяглымъ участкомъ, каждое семейство обязано было исполнять барщину однимъ работникомъ съ парою рабочаго скота, въ теченіе трехъ дней въ недѣлю, и одною работницею, по одному дню въ недѣлю. За полутяглый же участокъ требовались: съ каждаго семейства одинъ пѣшій работникъ, по два дня въ недѣлю, и одна работница, по одному дню въ недѣлю.

5) Въ случаѣ смерти тяглаго хозяина и отсутствія въ его семействѣ работника, который бы могъ пользоваться тяглымъ участкомъ и исполнять за него повинности, помѣщикъ могъ передать тотъ участокъ другому крестьянину, не лишая однако вдовы и непристроенныхъ дѣтей умершаго усадьбы и огорода. Въ случаѣ же размноженія въ семействѣ способныхъ къ работѣ крестьянъ, помѣщикъ могъ, за недостаткомъ тяглыхъ участковъ мірской земли,—давать имъ въ аренду господскую (фольварковую) землю, по добровольному съ ними условію.

6) Объ измѣненіяхъ, какія могли такимъ образомъ послѣдовать, по утвержденіи инвентарей, въ распредѣленіи тяглыхъ участковъ и крестьянскихъ повинностей, помѣщики должны были сообщить уѣздному предводителю, который обязанъ былъ наблюдать за правильностью такихъ измѣненій, равно какъ и вообще за точнымъ исполненіемъ инвентарныхъ правилъ.

7) Для нѣкоторыхъ барщинныхъ работъ постановлены урочныя правила; напримѣръ: крестьянинъ обязанъ въ день вспахать черноземной или глинистой земли одну четверть десятины; песчаной — одну треть десятины; посѣять хлѣбъ на четырехъ десятинахъ; скосить сѣна на перелогахъ полъ-десятины; на лугахъ и низменныхъ мѣстахъ—одну треть десятины; нарубить одну четверть кубической сажени дровъ и т. п. Работникъ, кончившій урокъ ранѣе вечера, былъ уже на тотъ день свободенъ. При безсрочныхъ же работахъ, положено рабочій день считать отъ восхожденія до захожденія солнца, а съ 15 мая до 15 августа—съ 5 часовъ утра до заката, давая крестьянамъ для отдыха, въ это время, лѣтомъ три, а зимою два часа.

8) Кромѣ барщины, крестьяне обязаны были: а) отработать помѣщику, каждое лѣто, по 12 сгонныхъ дней, съ платою въ день мужчинѣ, съ парою рабочаго скота, за урочную работу—15 к. сер., за безурочную—10 коп. сер.; мужчинѣ пѣшему и женщинѣ—отъ 7 съ половиной до 10 коп., смотря по тому, урочная

работа или нѣтъ; и б) въ свободное отъ полевыхъ работъ время отбывать помѣщику, съ каждаго семейства, восемь строительныхъ дней въ годъ.

9) Огородники, т. е. крестьяне, пользовавшіеся одною усадебною и огородною землею,—были обложены оброкомъ, опредѣлившимся прежнимъ обычаемъ, а бобыли, непользовавшіеся землей, должны были платить отъ 1 р. 50 коп. до 2 руб. 50 коп.; женщины же—половину.

10) Запрещено посылать крестьянъ съ господскими подводами далѣе 300 верстъ и чаще одного раза въ годъ; притомъ опредѣленъ для этихъ случаевъ способъ вознагражденія крестьянъ и зачета имъ, за каждый проведенный въ проѣздѣ и простоѣ день, по два инвентарныхъ дня.

11) Дозволено помѣщикамъ замѣнять барщинныя работы оброкомъ, по добровольному соглашенію съ крестьянами.

12) За дворовыхъ людей подати платились помѣщикомъ; крестьяне же должны были вносить ихъ сами за себя: если же, по неисправности ихъ, уплата податей была бы обращена на помѣщика, то онъ могъ требовать съ крестьянъ вознагражденія работами, сверхъ положенныхъ въ инвантарѣ.

13) Для точной извѣстности лежащихъ на крестьянахъ повинностей, каждому тяглому и полутяглому хозяину должна была выдаваться особая книжка, за подписомъ владѣльца или управляющаго, въ которой означались лежащія на крестьянинѣ повинности.

14) Расправа между крестьянами и дворовыми людьми и право наказанія ихъ за проступки предоставлены были помѣщикамъ или ихъ управляющимъ, но со внесеніемъ каждаго проступка въ особую штрафную книгу.

Составленные на этихъ основаніяхъ инвентари введены были въ Кіевскомъ генералъ-губернаторствѣ въ 1852 году.

Въ томъ же году Высочайше повелѣно начала эти распространить и на Литовскія губерніи *), исправивъ, согласно съ ними инвентари 1846 года. Но приведеніе этого въ исполненіе встрѣтило затрудненіе, по неудобопримѣнимости въ Литовскихъ губерніяхъ всѣхъ мѣръ, принятыхъ въ Кіевскомъ генералъ-губернаторствѣ. Наконецъ въ Виленскомъ генералъ-губернаторствѣ учреждены были изъ дворянъ комитеты, для пересмотра и исправленія инвентарныхъ правилъ и прежнихъ инвентарей. Но комитеты эти, по тщательномъ разсмотрѣніи вопроса, пришли къ убѣжденію, что всего лучше можно было бы устранить всѣ неудобства, проистекающія отъ инвентарныхъ правилъ, уничтоженіемъ крѣпостной зависимости крестьянъ.

Между тѣмъ, въ губерніяхъ Могилевской и Витебской, инвентарная система и до сего времени не могла быть введена въ полное дѣйствіе.

Во все это время, въ отношеніи къ прочимъ губерніямъ Россіи, не было еще принято общихъ мѣръ къ устройству крестьянскаго быта; однако съ начала нынѣшняго столѣтія были правительствомъ изданы нѣкоторые частные законы и отдѣльныя правила, клонившіяся къ улучшенію быта помѣщичьихъ крестьянъ и къ огражденію ихъ, въ извѣстныхъ случаяхъ, отъ произвола владѣльцевъ.

Постараемся указать здѣсь вкратцѣ на главныя изъ вышедшихъ по этому предмету узаконеній.

---

*) Съ нѣкоторымъ только измѣненіемъ въ урочныхъ правилахъ.

Въ царствованіе Императора Павла I, указомъ 16 февраля 1797 года, запрещено продавать крестьянъ безъ земли, за долги ихъ помѣщиковъ. Манифестомъ 5 апрѣля того же года обязательныя барщинныя работы крестьянъ на помѣщиковъ ограничены тремя днями въ недѣлю; при чемъ воспрещено принуждать крестьянъ къ работамъ въ воскресные дни. Затѣмъ, 16 октября 1798 года запрещено продавать Малороссійскихъ крестьянъ безъ земли.

Въ царствованіе Императора Александра I послѣдовалъ, 20 февраля 1803 года, законъ о дозволеніи увольнять помѣщичьихъ крестьянъ въ званіе вольныхъ хлѣбопашцевъ. Законъ этотъ, съ нѣкоторыми послѣдующими дополненіями, служитъ и до сего времени руководствомъ при увольненіи крестьянъ; причемъ послѣдніе получаютъ, съ 1848 года, названіе государственныхъ крестьянъ, водворенныхъ на собственныхъ земляхъ.

При таковомъ увольненіи крестьянъ должны быть соблюдены слѣдующія главныя правила:

1) Между крестьянами и помѣщикомъ долженъ быть заключенъ законнымъ порядкомъ, съ утвержденія правительства, добровольный договоръ, въ которомъ обозначаются предоставляемыя крестьянами выгоды, земли и угодья и принимаемыя ими на себя за то обязанности въ отношеніи къ помѣщику.

2) Крестьяне должны непремѣнно быть надѣлены въ собственность землей, которая должна быть раздѣлена между ними при самомъ увольненіи ихъ, или же въ самомъ договорѣ долженъ быть назначенъ способъ и срокъ раздѣленія выдѣленной крестьянскому обществу земли, для предоставленія каждому семейству, въ полную личную собственность, соотвѣтственнаго поземельнаго участка.

Мѣра эта принесла уже свои плоды, такъ какъ по означеннымъ правиламъ образовалось къ настоящему времени до 150,000 уволенныхъ такимъ порядкомъ крестьянъ-собственниковъ.

18 октября 1804 года, купцамъ, получившимъ восьми-класные чины, дозволено покупать населенныя имѣнія, но не иначе, какъ на основаніи условій, заключаемыхъ при самой покупкѣ имѣнія съ крестьянами, на основаніи указа 20 февраля 1803 года.

14 декабря 1806 года повелѣно: крестьянъ цѣлыми селеніями увольнять не иначе, какъ на основаніи положенія о свободныхъ хлѣбопашцахъ.

30 ноября 1821 года воспрещено, подъ какимъ бы то ни было видомъ, возвращать въ крѣпостное состояніе людей, получившихъ однажды свободу, по отпускнымъ отъ владѣльцевъ или по распоряженію правительства.

6 марта 1823 года постановлены правила для наложенія опеки на помѣщиковъ, за жестокое обращеніе съ крестьянами.

14 ноября 1824 года предоставлено крестьянамъ и дворовымъ людямъ право производить гильдейскую торговлю по торговымъ свидѣтельствамъ.

Въ царствованіе Императора Николая I:

15 февраля 1827 года повелѣно брать въ казенное вѣдомство всѣхъ тѣхъ крестьянъ, у которыхъ, за залогомъ или продажею помѣщиками ихъ земли, будетъ оставаться для прокормленія себя менѣе $4^1/_2$ десятинъ на душу.

14 іюля 1827 года воспрещено помѣщикамъ отдавать, по заключаемымъ отъ своего лица условіямъ, крестьянъ своихъ въ горнозаводскія работы.

10 января 1828 года повелѣно: даровать свободу крестьянамъ, отдаваемымъ помѣщиками къ разночинцамъ въ услуженіе безъ письменныхъ видовъ.

2 апрѣля 1842 года предоставлено помѣщикамъ заключать съ крестьянами договоры на отдачу имъ участковъ земли въ пользованіе, на опредѣленныхъ по обоюдному согласію условіяхъ, съ принятіемъ крестьянами, заключившими договоръ, названія *обязанныхъ крестьянъ*.

Правило это мало имѣло успѣха, тамъ какъ, сколько извѣстно, только три владѣльца перевели своихъ крестьянъ, по договору съ ними, въ сословіе обязанныхъ. Слабый успѣхъ этой мѣры можно объяснить тѣмъ, что съ одной стороны, помѣщики должны были бы, по этимъ правиламъ, добровольно отречься отъ предоставленной имъ надъ крестьянами власти, а съ другой стороны они не видѣли достаточной гарантіи въ исправномъ исполненіи крестьянами условленныхъ повинностей.

29 декабря 1842 года воспрещено помѣщикамъ, которыхъ имѣнія, за жестокое обращеніе съ крестьянами, состоятъ подъ опекою, держать при себѣ въ услуженіи крѣпостныхъ дворовыхъ людей своихъ.

29 ноября 1842 года, воспрещено пріобрѣтеніе крѣпостныхъ людей безъ земли, съ приписко ихъ къ недвижимымъ имѣніямъ, населеннымъ лицами не крѣпостнаго состоянія.

8 ноября 1847 года крестьянамъ имѣній, продающихся съ публичнаго торга за долги, предоставлено право выкупать себя съ землею. Они въ такомъ случаѣ должны были поступать въ званіе государственныхъ крестьянъ, съ правами собственности на землю.

Но постановленіе это было въ 1849 году отмѣнено и замѣнено новыми правилами объ описи и продажѣ недвижимыхъ имѣній.

Такимъ образомъ, хотя до начала минувшаго 1857 года правительство не принимало еще никакихъ общихъ и рѣшительныхъ мѣръ къ устройству на прочныхъ основаніяхъ крестьянскаго быта въ Великороссійскихъ губерніяхъ,—однако, во многихъ отдѣльныхъ постановленіяхъ высказывалось стремленіе къ улучшенію положенія крестьянъ и къ обезпеченію ихъ, по крайней мѣрѣ, въ извѣстныхъ случаяхъ, противъ произвола и злоупотребленій владѣльцевъ. Но всѣ эти разновременныя постановленія были, большею частію, вызваны, каждое особымъ какимъ либо обстоятельствомъ или случаемъ, обратившимъ на себя вниманіе правительства, и не представляли еще въ общей сложности полной и послѣдовательной системы законодательныхъ мѣръ.

3 января 1857 года Государь Императоръ Высочайше соизволилъ учредить въ непосредственномъ Своемъ вѣдѣніи и подъ Своимъ предсѣдательствомъ особый Комитетъ, для разсмотрѣнія постановленій и предположеній о крѣпостномъ состояніи.

Въ составъ этого Комитета Его Императорское Величество изволилъ назначить: предсѣдателя Государственнаго Совѣта генералъ-адъютанта князя Орлова,—съ тѣмъ, чтобы онъ заступалъ мѣсто предсѣдателя тогда, когда Его Императорское Величество не изволитъ предсѣдательствовать въ ономъ,—и членовъ Государственнаго Совѣта: Его Императорское Высочество Государя Великаго Князя Константина Николаевича, дѣйствительнаго тайнаго совѣтника графа Блудова, генералъ-адъютанта графа Адлерберга, дѣйствительныхъ тайныхъ совѣтниковъ: князя Гагарина, Ланскаго, барона Корфа и графа Палена, генералъ-адъютан-

товъ: князя Долгорукова и Чевкина, генерала отъ инфантеріи Муравьева, дѣйствительнаго тайнаго совѣтника Брока и генералъ-адъютанта Ростовцева.

Производство дѣлъ по Комитету Государь Императоръ изволилъ возложить на Государственную Канцелярію, подъ непосредственнымъ вѣдѣніемъ государственнаго секретаря, тайнаго совѣтника Буткова, назначивъ ему въ помощь по сему дѣлу исправляющаго должность статсъ-секретаря Государственнаго Совѣта, дѣйствительнаго статскаго совѣтника Жуковскаго.

Существованіе этого Комитета было обнародовано лишь въ февралѣ настоящаго года, при наименованіи онаго *„Главнымъ Комитетомъ по крестьянскому дѣлу“*.

Спустя нѣсколько мѣсяцевъ послѣ открытія Комитета по крестьянскому дѣлу поступило, со стороны Комитетовъ, учрежденныхъ въ губерніяхъ Ковенской, Виленской и Гродненской, для пересмотра существующихъ тамъ инвентарныхъ правилъ, ходатайство объ уничтоженіи въ тѣхъ губерніяхъ крѣпостнаго состоянія.

Вслѣдствіе такого ходатайства, послѣдовалъ 20 ноября 1857 года именной Высочайшій рескриптъ, на имя Виленскаго военнаго, Гродненскаго и Ковенскаго генералъ-губернатора, слѣдующаго содержанія:

Высочайшій рескриптъ Виленскому военному, Гродненскому и Ковенскому генералъ-губернатору.

Въ губерніяхъ Ковенской, Виленской и Гродненской были учреждены особые Комитеты изъ предводителей дворянства и другихъ помѣщиковъ, для разсмотрѣнія существующихъ тамъ инвентарныхъ правилъ.

Нынѣ Министръ Внутреннихъ Дѣлъ довелъ до Моего свѣдѣнія о благихъ намѣреніяхъ, изъявленныхъ сими Комитетами, относительно помѣщичьихъ крестьянъ означенныхъ 3-хъ губерній.

Одобряя вполнѣ намѣренія сихъ представителей дворянства Ковенской, Виленской и Гродненской губерній, какъ соотвѣтствующія Моимъ видамъ и желаніямъ, Я разрѣшаю дворянскому сословію оныхъ приступить теперь же къ составленію проэктовъ, на основаніи коихъ предположенія Комитетовъ могутъ быть приведены въ дѣйствительное исполненіе, но не иначе, какъ постепенно, дабы не нарушить существующаго нынѣ хозяйственнаго устройства помѣщичьихъ имѣній.

Для сего повелѣваю:

1. Открыть теперь же въ губерніяхъ Ковенской, Виленской и Гродненской по одному въ каждой пріуготовительному Комитету, а потомъ для всѣхъ 3-хъ губерній вмѣстѣ одну общую Коммиссію въ г. Вильнѣ.

2. Каждому Губернскому Комитету состоять подъ предсѣдательствомъ губернскаго предводителя дворянства, изъ слѣдующихъ членовъ: а) по одному отъ каждаго уѣзда губерніи, выбранному изъ среды себя дворянами, владѣющими въ томъ уѣздѣ населенными имѣніями, и б) двухъ опытныхъ помѣщиковъ той же губерніи по непосредственному назначенію начальника оной, и

3. Общей Коммиссіи состоять изъ слѣдующихъ лицъ: а) двухъ членовъ каждаго изъ 3-хъ Губернскихъ Комитетовъ по ихъ выбору: б) одного опытнаго помѣщика изъ каждой губерніи по вашему назначенію; и в) одного члена отъ Министерства Внутреннихъ Дѣлъ. Предсѣдателемъ Коммиссіи предоставляется вамъ назначить одного изъ ея членовъ, принадлежащихъ къ мѣстному дворянству

Губернскіе Комитеты, по открытіи ихъ, должны приступить къ составленію по каждой губерніи, въ соотвѣтственность собственному вызову представителей дворянства, подробнаго проэкта объ устройствѣ и улучшеніи быта помѣщичьихъ крестьянъ оной, имѣя при этомъ въ виду слѣдующія главныя основанія:

1. Помѣщикамъ сохраняется право собственности на всю землю, но крестьянамъ

оставляется ихъ усадебная осѣдлость, которую они въ теченіе опредѣленнаго времени пріобрѣтаютъ въ свою собственность посредствомъ выкупа: сверхъ того предоставляется въ пользованіе крестьянъ надлежащее, по мѣстнымъ удобствамъ, для обезпеченія ихъ быта и для выполненія ихъ обязанностей предъ Правительствомъ и помѣщикомъ, количество земли, за которое они или платятъ оброкъ или отбываютъ работу помѣщику.

2. Крестьяне должны быть распредѣлены на сельскія общества, помѣщикамъ же предоставляется вотчинная полиція, и

3. При устройствѣ будущихъ отношеній помѣщиковъ и крестьянъ, должна быть надлежащимъ образомъ обезпечена исправная уплата государственныхъ и земскихъ податей и денежныхъ сборовъ.

Развитіе сихъ основаній и примѣненіе ихъ къ мѣстнымъ обстоятельствамъ каждой изъ 3-хъ означенныхъ губерній предоставляется Губернскимъ Комитетамъ. Министръ Внутреннихъ Дѣлъ сообщитъ вамъ свои соображенія, могущія служить пособіемъ Комитетамъ при ихъ занятіяхъ.

Комитеты сіи, окончивъ свой трудъ, должны представить оный въ общую Коммиссію. Коммиссія, обсудивъ и разсмотрѣвъ всѣ предположенія Губернскихъ Комитетовъ, а также сообразивъ ихъ съ изложенными выше основаніями, должна постановить окончательное по всему дѣлу заключеніе и составить проэктъ общаго для всѣхъ 3-хъ губерній Положенія съ нужными по каждой изъятіями или особыми правилами.

Поручая вамъ главное наблюденіе и направленіе сего важнаго дѣла вообще во ввѣренныхъ вамъ Ковенской, Виленской и Гродненской губерніяхъ, Я предоставляю вамъ дать какъ Губернскимъ Комитетамъ сихъ 3-хъ губерній, такъ и общей Коммиссіи нужныя наставленія для успѣшнаго производства и окончанія возлагаемыхъ на нихъ занятій. Начальники губерній должны содѣйствовать вамъ въ исполненіи сей обязанности. Составленный общею Коммиссіею проэктъ вы имѣете съ своимъ мнѣніемъ препроводить къ Министру Внутреннихъ Дѣлъ, для представленія на Мое усмотрѣніе.

Открывая такимъ образомъ дворянскому сословію Ковенской, Виленской и Гродненской губерній средства привести благія его намѣренія въ дѣйствіе на указанныхъ Мною началахъ, Я надѣюсь, что дворянство вполнѣ оправдаетъ довѣріе, Мною оказываемое сему сословію призваніемъ его къ участію въ семъ важномъ дѣлѣ, и что при помощи Божіей и при просвѣщенномъ содѣйствіи дворянъ дѣло сіе будетъ кончено съ надлежащимъ успѣхомъ.

Вы и начальники ввѣренныхъ вамъ губерній обязаны строго наблюдать, чтобы крестьяне, оставаясь въ полномъ повиновеніи помѣщикамъ, не внимали никакимъ злонамѣреннымъ внушеніямъ и лживымъ толкамъ.

Пребываю вамъ навсегда благосклонный.

На подлинномъ Собственною Его Императорскаго Величества рукою написано:

Александръ.

Въ Царскомъ Селѣ
20 ноября 1857.

Вслѣдъ за тѣмъ дворянство С.-Петербургской губерніи изъявило желаніе улучшить и упрочить бытъ своихъ крестьянъ, почему 5 декабря 1857 года послѣдовалъ на имя С.-Петербургскаго военнаго генералъ-губернатора слѣдующій Высочайшій рескриптъ:

Высочайшій рескриптъ, данный 5 декабря 1857 г., въ С.-Петербургѣ, на имя С.-Петербургскаго военнаго генералъ-губернатора.

Дворянство С.-Петербургской губерніи изъявило желаніе улучшить и упрочить бытъ своихъ крестьянъ точнымъ опредѣленіемъ ихъ обязанностей и отношеній къ помѣщикамъ.

Принимая съ удовольствіемъ всякое доказательство стремленія дворянства къ улучшенію положенія своихъ крестьянъ, Я предоставляю дворянскому сословію С.-Петербург-

ской губерніи приступить къ составленію проэкта Положенія, на основаніи коего подобныя похвальныя намѣренія могутъ быть приведены въ исполненіе, соотвѣтственно Моимъ видамъ и желаніямъ, впрочемъ не иначе, какъ постепенно, дабы не нарушить существующаго нынѣ хозяйственнаго устройства помѣщичьихъ имѣній.

Для сего повелѣваю открыть теперь же въ С.-Петербургской губерніи особый Комитетъ, подъ предсѣдательствомъ губернскаго предводителя дворянства, изъ слѣдующихъ членовъ: 1) двухъ отъ каждаго уѣзда губерніи, выбранныхъ изъ среды себя дворянами, владѣющими въ томъ уѣздѣ населенными имѣніями, и 2) двухъ опытныхъ помѣщиковъ С.-Петербургской же губерніи, по непосредственному назначенію вашему.

Комитету сему, тотчасъ по открытіи его, приступить къ составленію подробнаго проэкта Положенія объ устройствѣ и улучшеніи быта помѣщичьихъ крестьянъ С.-Петербургской губерніи, имѣя при этомъ въ виду слѣдующія главныя основанія:

1. Помѣщикамъ сохраняется право собственности на всю землю; но крестьянамъ оставляется ихъ усадебная осѣдлость, которую они, въ теченіе опредѣленнаго времени, пріобрѣтаютъ въ свою собственность посредствомъ выкупа: сверхъ того предоставляется въ пользованіе крестьянъ надлежащее, по мѣстнымъ удобствамъ, для обезпеченія ихъ быта и для выполненія ихъ обязанностей предъ Правительствомъ и помѣщикомъ, количество земли, за которое они или платятъ оброкъ, или отбываютъ работу помѣщику.

2. Крестьяне должны быть распредѣлены на сельскія общества; помѣщикамъ же предоставляется вотчинная полиція; и

3. При устройствѣ будущихъ отношеній помѣщиковъ и крестьянъ должна быть надлежащимъ образомъ обезпечена исправная уплата государственныхъ и земскихъ податей и денежныхъ сборовъ.

Развитіе сихъ основаній и примѣненіе ихъ къ разнымъ мѣстностямъ губерніи предоставляется Комитету. Министръ Внутреннихъ Дѣлъ сообщитъ вамъ свои соображенія, могущія служить Комитету пособіемъ при сихъ занятіяхъ.

Поручая вамъ главное наблюденіе и направленіе сего важнаго дѣла по С.-Петербургской губерніи, Я предоставляю вамъ дать Комитету надлежащія наставленія для успѣшнаго выполненія возлагаемыхъ на него обязанностей. Составленный Комитетомъ проэктъ, съ нужными по главнымъ мѣстностямъ уѣздовъ С.-Петербургской губерніи изъятіями, или особыми правилами, вы имѣете, съ своимъ мнѣніемъ, препроводить къ Министру Внутреннихъ Дѣлъ для представленія на Мое усмотрѣніе.

Открывая такимъ образомъ дворянству С.-Петербургской губерніи средства устроить и упрочить бытъ крестьянъ своихъ на указанныхъ Мною твердыхъ началахъ, Я увѣренъ, что дворянство вполнѣ оправдаетъ довѣріе, Мною оказываемое сему сословію призваніемъ его къ участію въ этомъ важномъ дѣлѣ, и что, при помощи Божіей и при просвѣщенномъ содѣйствіи дворянъ, дѣло сіе будетъ кончено съ надлежащимъ успѣхомъ.

Вамъ предоставляется строго наблюдать, чтобы крестьяне, оставаясь въ полномъ повиновеніи помѣщикамъ, не внимали никакимъ злонамѣреннымъ внушеніямъ и лживымъ толкамъ.

Пребываю вамъ навсегда благосклонный
На подлинномъ Собственною Его Императорскаго
Величества рукою написано:

Александръ.

Въ дополненіе къ сему рескрипту, министръ Внутреннихъ Дѣлъ сообщилъ С.-Петербургскому военному генералъ-губернатору, по Высочайшему повелѣнію, нѣкоторыя указанія и свои соображенія, по предмету предстоящаго Дворянскому Комитету труда, изложенныя въ отношеніи его отъ 5 декабря за № 41-мъ, слѣдующаго содержанія:

Я имѣлъ счастіе всеподданнѣйше докладывать Государю Императору сообщенные мнѣ Вашимъ Превосходительствомъ составленные дворянами Ямбургскаго и Петергофскаго уѣздовъ проэкты положеній для помѣщичьихъ крестьянъ и предначертанія по

тому же предмету собранія предводителей и депутатовъ дворянства всей С.-Петербургской губерніи.

Его Величество, узнавъ съ особымъ удовольствіемъ о благородномъ стремленіи сословія С.-Петербургскихъ дворянъ къ улучшенію и прочному устройству быта ихъ крестьянъ, Высочайшимъ рескриптомъ, Вамъ даннымъ, изволилъ Всемилостивѣйше разрѣшить Дворянству, посредствомъ особо учреждаемаго Комитета, приступить къ составленію проэкта надлежащаго по сему предмету Положенія, указавъ въ этомъ рескриптѣ какъ порядокъ занятій Комитета, такъ и главныя основанія самаго положенія.

Въ дополненіе къ правиламъ, изложеннымъ въ рескриптѣ относительно состава и порядка дѣйствій учреждаемаго по настоящему предмету въ С.-Петербургской губерніи Комитета, Государь Императоръ Высочайше соизволилъ повелѣть:

1. При выборѣ членовъ въ этотъ Комитетъ отъ каждаго уѣзда, предоставить дворянамъ, если пожелаютъ, выбрать и уѣзднаго предводителя дворянства.

2. Вмѣнить въ обязанность дворянамъ, при выборѣ сихъ членовъ, избирать для каждаго уѣзда одного кандидата, который могъ бы заступать въ Комитетѣ мѣсто того члена уѣзда, который будетъ въ отсутствіи.

3. Членовъ и кандидатовъ, избираемыхъ дворянствомъ, утверждать Вашему Превосходительству.

4. Дозволить Комитету, приглашать, съ Вашего разрѣшенія, въ свои засѣданія, для необходимыхъ совѣщаній, тѣхъ помѣщиковъ С.-Петербургской губерніи, кои могутъ доставить Комитету полезныя для него свѣдѣнія и объясненія.

5. Предоставить дворянству, если оно признаетъ нужнымъ, производить изъ своихъ суммъ пособіе членамъ, имъ избраннымъ, а также издержки на разныя по Комитету надобности.

6. Комитету о ходѣ своихъ работъ постоянно доводить до свѣдѣнія Вашего Превосходительства; въ случаѣ указаній Вашихъ, Комитетъ можетъ, не стѣсняясь прежними своими положеніями, пересматривать оныя вновь.

7. Комитету кончить порученную ему работу въ 6-ти мѣсячный срокъ со дня его открытія. и—

8. Комитету въ своихъ дѣйствіяхъ и сужденіяхъ ограничиваться тѣми предметами, кои предоставлены его разсмотрѣнію.

Вмѣстѣ съ тѣмъ Его Императорскому Величеству благоугодно было поручить мнѣ сообщить Вашему Превосходительству мои соображенія, могущія служить пособіемъ означенному Комитету при его занятіяхъ.

Въ исполненіе такой Высочайшей воли, сообразивъ подробно всѣ предметы, до настоящаго дѣла относящіеся, я нахожу, что Комитету, учреждаемому въ С.-Петербургской губерніи для составленія проэкта Положенія объ устройствѣ и улучшеніи быта помѣщичьихъ крестьянъ оной, необходимо при этой работѣ имѣть въ виду и разсмотрѣть въ подробности, примѣнивъ къ мѣстнымъ обстоятельствамъ, слѣдующія правила и предположенія.

I. Будущее, на основаніяхъ, въ Высочайшемъ рескриптѣ изложенныхъ, устройство сословія помѣщичьихъ крестьянъ должно быть приведено въ дѣйствіе не вдругъ. а постепенно. Для этого крестьяне должны быть сначала въ состояніи переходномъ. болѣе или менѣе крѣпки землѣ; а потомъ, уже въ окончательномъ, когда Правительство разрѣшитъ имъ выходъ изъ одной мѣстности въ другую съ надлежащими ограниченіями и условіями. Для переходнаго состоянія слѣдуетъ назначить опредѣленный срокъ по усмотрѣнію Комитета, не свыше 12-ти лѣтъ.

II. На основаніи началъ, указанныхъ въ Высочайшемъ рескриптѣ, помѣщикамъ сохраняется право собственности на всю землю; но крестьянамъ, въ видахъ предотвращенія вредной подвижности и бродяжничества въ сельскомъ населеніи, оставляется ихъ усадебная осѣдлость, пріобрѣтаемая ими въ теченіе опредѣленнаго срока въ собственность посредствомъ выкупа; сверхъ того предоставляется въ пользованіе крестьянъ надлежащее по мѣстнымъ удобствамъ, для обезпеченія ихъ быта и для выполненія ихъ обязанностей предъ Правительствомъ и помѣщикомъ, количество земли, за которое они

или платятъ оброкъ или отбываютъ работу помѣщику. При подробномъ развитіи и примѣненіи сихъ основаній необходимо принять къ соображенію слѣдующее:

1. Подъ усадебною осѣдлостью или крестьянскою усадьбою слѣдуетъ разумѣть ихъ жилыя хозяйственныя строенія съ землею подъ оными и огородомъ.

2. Права состоянія крестьянъ по окончательномъ ихъ устройствѣ (кромѣ права выхода въ другія мѣстности, которое въ свое время будетъ опредѣлено особымъ распоряженіемъ Правительства) и право собственности на усадьбу пріобрѣтается или цѣлымъ міромъ, или крестьянскими семействами отдѣльно, не иначе, какъ уплатою, въ томъ и другомъ случаѣ, владѣльцу выкупа въ продолженіе опредѣленнаго срока. При выкупѣ міромъ, усадебные участки остаются въ постоянномъ и исключительномъ пользованіи крестьянскихъ семействъ, къ тому міру принадлежащихъ. При отдѣльномъ же выкупѣ крестьянскими семействами, семейства сіи, съ выкупленною усадьбою, остаются въ составѣ міра и подчиняются условіямъ мірскаго устройства и управленія.

3. Означенная уплата можетъ быть произведена или деньгами, или особыми работами, независимо отъ тѣхъ, которыя крестьяне обязаны отбывать помѣщику за земли, отводимыя имъ, на основаніи п. 4 сей статьи, въ пользованіе, и за иныя, предоставляемыя помѣщикомъ въ пользу крестьянъ, по его усмотрѣнію, угодья или мѣстныя выгоды.

4. Изъ остальной земли, за отдѣленіемъ усадебной, предоставляется надлежащее, по мѣстнымъ обстоятельствамъ и обычаямъ, количество земли въ пользованіе крестьянъ для обезпеченія ихъ быта и выполненія ихъ обязанностей предъ Правительствомъ и помѣщикомъ. За пользованіе сею землею крестьяне обязаны или отбывать для помѣщика натуральныя повинности и работы, или же платить помѣщику оброкъ деньгами или произведеніями.

5. Земля, однажды отведенная въ пользованіе крестьянъ, должна постоянно оставаться въ распоряженіи міра, и обмѣнъ ея или части оной, съ присоединеніемъ къ господскимъ полямъ, не можетъ быть допущенъ иначе, какъ по соглашенію съ міромъ и съ утвержденія тѣхъ особыхъ по уѣздамъ Присутствій, кои будутъ учреждены на основаніи новаго положенія.

6. Размѣръ выкупа по 2 п. сей статьи опредѣляется оцѣнкой не одной усадебной земли и строеній, но и промысловыхъ выгодъ и мѣстныхъ удобствъ.

7. На этомъ же основаніи установляется и размѣръ оброка и повинностей натурою за отводимую, по 4 п. сей же статьи, въ пользованіе крестьянъ землю.

8. Выкупъ можетъ возлагаться платежемъ погодно на все время переходнаго состоянія.

9. Не нарушая существующаго мірскаго устройства, слѣдуетъ сохранить каждому семейству право на надѣлъ въ его пользованіе землею, стараясь не допускать частаго передѣла и дробленія полей.

10. Вмѣстѣ съ тѣмъ необходимо сохранить и опредѣлить: права главы семьи крестьянской, права наслѣдства относительно усадьбъ и условія, при которыхъ допускается раздѣлъ семей.

11. Натуральныя повинности и работы отправляются по особымъ урочнымъ положеніямъ, кои должны быть составлены Комитетомъ на основаніяхъ, сколь возможно простыхъ и несложныхъ.

и 12. Въ случаѣ неисправности во взносѣ оброка, крестьянинъ обращается на работы натурою. Независимо отъ сего должны быть опредѣлены, съ надлежащей подробностію, мѣры, обезпечивающія исправное исполненіе крестьянами какъ денежныхъ, такъ и прочихъ повинностей помѣщику.

III. Вотчинная полиція оставляется помѣщику. Крестьяне должны быть распредѣлены на мірскія общества. Завѣдываніе мірскими дѣлами и мірская расправа предоставляется мірскимъ сходамъ и составленнымъ изъ крестьянъ мірскимъ судамъ, подъ наблюденіемъ и съ утвержденія помѣщиковъ.

IV. Для надзора за введеніемъ и соблюденіемъ новыхъ правилъ и для разбора недоразумѣній, могущихъ возникнуть между помѣщиками и крестьянами, могутъ быть установлены особыя, въ каждомъ уѣздѣ, Присутствія.

V. По утвержденіи новаго положенія и по введеніи онаго въ дѣйствіе:

1. Продажа, дареніе и всякое отчужденіе крестьянъ безъ земли, равно переселеніе крестьянъ, противъ воли ихъ, въ другія имѣнія и обращеніе въ дворовые, должны быть прекращены; а съ другой стороны крестьянамъ, въ продолженіе переходнаго состоянія, не можетъ быть дозволено оставлять имѣніе безъ согласія міра и безъ разрѣшенія помѣщика, на землѣ коего они водворены.

и 2. Предоставляется помѣщикамъ право, во все время переходнаго состоянія, нерадивыхъ и порочныхъ крестьянъ сдавать въ рекруты или отдавать въ распоряженіе Правительства для переселенія въ другія губерніи, но не иначе, какъ съ утвержденія тѣхъ Присутствій, кои будутъ по уѣздамъ образованы на основаніи новаго положенія.

и VI. Въ проэктѣ, который будетъ составленъ Комитетомъ, должны быть опредѣлены и указаны:

1. Правила отправленія крестьянами рекрутской повинности. Поставка рекрутъ должна быть предоставлена мірскимъ обществамъ, съ утвержденія помѣщиковъ.

2. Способы обезпеченія народнаго продовольствія и исправнаго поступленія податей. Для сего было бы полезно лучшее устройство мірскихъ магазиновъ и учрежденіе общественныхъ запашекъ и мірскихъ капиталовъ.

3. Мѣры, необходимыя: для утвержденія между крестьянами правилъ вѣры и нравственности, для распространенія между ними грамотности, полезныхъ ремеслъ, для призрѣнія престарѣлыхъ и увѣчныхъ, для пособія больнымъ.

Сообщая о всемъ этомъ Вашему Превосходительству, я имѣю честь покорнѣйше просить Васъ, Милостивый Государь, всѣ изложенныя выше соображенія мои передать въ свое время учреждаемому въ С.-Петербургской губерніи Комитету. Если Комитетъ, по мѣстнымъ соображеніямъ, признаетъ неудобнымъ принять которыя либо изъ сихъ соображеній, то я просилъ бы Ваше Превосходительство, поручить ему, въ окончательномъ его мнѣніи, объяснить подробно причины, препятствующія принятію оныхъ.

Подписалъ Министръ Внутреннихъ Дѣлъ *С. Ланской*

Скрѣпилъ Товарищъ Министра *С. Левшинъ.*

Такимъ образомъ положено было начало великаго дѣла прекращенія личнаго крѣпостнаго права на помѣщичьихъ крестьянъ.

На основаніи Высочайшихъ рескриптовъ, указаны дворянству главныя непреложныя начала, на которыхъ должны совершиться преобразованія въ настоящемъ устройствѣ крестьянскаго сословія; развитіе же началъ этихъ и примѣненіе ихъ къ различнымъ мѣстнымъ обстоятельствамъ предоставлено Дворянскимъ Комитетамъ, составленнымъ изъ помѣщиковъ, людей вполнѣ знакомыхъ съ потребностями своего края. Эта система обезпечиваетъ: съ одной стороны справедливость и необходимое единство въ составляемыхъ для разныхъ губерній Положеніяхъ, а съ другой—полноту и удобопримѣнимость сихъ положеній.

Нечего говорить о превосходствѣ такого способа составленія проэктовъ положеній, передъ способомъ кабинетнымъ, когда важный трудъ этотъ поручается чиновникамъ, часто не довольно знакомымъ съ мѣстными потребностями; дворянство, конечно, сознаетъ и безъ сомнѣнія оправдаетъ оказанное ему Государемъ Императоромъ высокое довѣріе. Но вмѣстѣ съ тѣмъ, очевидно, необходимо было правительству указать дворянству нѣкоторыя общія для всѣхъ мѣстностей начала. Иначе въ различныхъ направленіяхъ, въ противоположныхъ системахъ, какія могли бы быть приняты разными комитетами, произошла бы пестрота, возникли бы противорѣчія, недопустимыя въ подобномъ дѣлѣ. Наконецъ, въ каждомъ отдѣльномъ комитетѣ явились бы многія, несовмѣстныя другъ съ другомъ, предположенія, и трудно было бы ожидать отъ комитетовъ единогласнаго разрѣшенія вопроса.

Начала, указанныя дворянству, заключаются въ слѣдующихъ выраженіяхъ Высочайшихъ рескриптовъ:

„Помѣщикамъ сохраняется право собственности на всю землю, но крестьянамъ оставляется ихъ усадебная осѣдлость, которую они, въ теченіе опредѣленнаго времени, пріобрѣтаютъ въ свою собственность посредствомъ выкупа; сверхъ того предоставляется въ пользованіе крестьянъ надлежащее, по мѣстнымъ удобствамъ, для обезпеченія ихъ быта и для выполненія ихъ обязанностей предъ Правительствомъ, количество земли, за которое они платятъ оброкъ или отбываютъ работу помѣщику".

Постановленіемъ этимъ,—заключающимъ въ себѣ коренное начало всей системы предстоящихъ мѣръ и законоположеній по предмету устройства крестьянскаго сословія,—помѣщики обезпечены въ настоящее время въ полученіи съ земли своей доходовъ, а крестьяне обезпечены въ средствахъ къ существованію, предоставленными имъ: правомъ пользованія землей за извѣстныя повинности и правомъ выкупа своихъ усадебъ.

Впослѣдствіи сами помѣщики найдутъ, быть можетъ, болѣе удобнымъ предоставить крестьянамъ выкупить въ собственность всю отведенную имъ въ пользованіе землю. Со временемъ и крестьянамъ легче будетъ накопить средства къ такому выкупу, и явится возможность содѣйствовать этому дѣлу устройствомъ кредитныхъ учрежденій, на подобіе лифляндскаго крестьянскаго банка. Дворяне, сохранивъ въ полномъ распоряженіи своемъ свои господскія земли, съ помощью выкупнаго капитала введутъ въ хозяйства свои необходимыя улучшенія и съ выгодою замѣнятъ барщину вольнонаемнымъ трудомъ. Крестьяне, владѣя собственными участками, плоды улучшенія которыхъ будутъ вполнѣ принадлежать имъ и ихъ потомству, станутъ охотно заниматься земледѣліемъ и вводить у себя мало по малу тѣ хозяйственныя усовершенствованія, которыя они увидятъ у сосѣдей-помѣщиковъ. Все это, должно надѣяться, поведетъ къ быстрому развитію народнаго богатства.

Теперь остается только желать, чтобы указанныя правительствомъ начала были правильно развиты и примѣнены дворянствомъ къ мѣстнымъ обстоятельствамъ.

Примѣру губерній западныхъ и С.-Петербургской вскорѣ послѣдовала Нижегородская губернія, дворянство которой представило Государю Императору, составленное 17 декабря 1857 года и подписанное 128 дворянами, постановленіе слѣдующаго содержанія:

1857 года декабря 17 дня, дворянство Нижегородской губерніи въ Губернскомъ Собраніи своемъ, по выслушаніи Высочайшихъ рескриптовъ, данныхъ Виленскому военному, Ковенскому и Гродненскому генералъ-губернатору и С.-Петербургскому военному генералъ-губернатору, по предмету устройства быта помѣщичьихъ крестьянъ въ губерніяхъ Виленской, Ковенской, Гродненской и С.-Петербургской, съ благоговѣніемъ и глубокою признательностію усмотрѣло изъ нихъ то высокое довѣріе, которое Государь Императоръ изволилъ оказать дворянству тѣхъ губерній. Всегда стремясь содѣйствовать высокимъ и благимъ предначертаніямъ возлюбленнаго своего Монарха, дворянство Нижегородской губерніи изъявило единодушное желаніе: принести Его Императорскому Величеству полную готовность исполнить Его священную волю, на основаніяхъ, какія Его Величеству благоугодно будетъ указать.

21 декабря 1857 года послѣдовалъ на имя Нижегородскаго военнаго губернатора Высочайшій рескриптъ слѣдующаго содержанія:

Дворянство Нижегородской губерніи, въ общемъ, бывшемъ по случаю выборовъ, собраніи, изъявило единодушно желаніе, устроить и улучшить бытъ своихъ крестьянъ на основаніяхъ, кои будутъ ему указаны.

Поручаю вамъ объявить сему благородному сословію Мое совершенное удовольствіе за новое доказательство всегдашней готовности Нижегородскаго дворянства содѣйствовать исполненію намѣреній Правительства, устремляемыхъ ко благу общему. Мнѣ въ особенности было пріятно видѣть, что оно первое поспѣшило воспользоваться случаемъ дать примѣръ сей готовности изъявленіемъ усерднаго желанія способствовать зависящими отъ него средствами успѣху предпринимаемаго нынѣ важнаго и, какъ можно при благословеніи Всевышняго надѣяться, равно полезнаго для всѣхъ въ государствѣ состояній дѣла.

Согласно съ желаніемъ дворянства Нижегородской губерніи, Я разрѣшаю ему приступить къ составленію проэкта положенія объ устройствѣ и улучшеніи быта помѣщичьихъ крестьянъ сей губерніи. Предположенія его по сему предмету должны быть приведены въ исполненіе не иначе, какъ постепенно, дабы не нарушить существующаго нынѣ хозяйственнаго устройства имѣній помѣщичьихъ.

Для сего повелѣваю открыть нынѣ же въ Нижнемъ Новгородѣ особый Комитетъ, подъ предсѣдательствомъ губернскаго предводителя дворянства, изъ слѣдующихъ членовъ: 1) двухъ отъ каждаго уѣзда губерніи, выбранныхъ изъ среды своей дворянами, владѣющими въ томъ уѣздѣ населенными имѣніями, и 2) двухъ опытныхъ помѣщиковъ Нижегородской губерніи, по непосредственному назначенію вашему.

Комитету сему, тотчасъ по открытіи его, приступить къ составленію подробнаго проэкта Положенія объ устройствѣ и улучшеніи быта помѣщичьихъ крестьянъ Нижегородской губерніи, имѣя при этомъ въ виду слѣдующія главныя основанія:

1. Помѣщикамъ сохраняется право собственности на всю землю: но крестьянамъ оставляется ихъ усадебная осѣдлость, которую они, въ теченіе опредѣленнаго времени, пріобрѣтаютъ въ свою собственность посредствомъ выкупа; сверхъ того предоставляется въ пользованіе крестьянъ надлежащее, по мѣстнымъ удобствамъ, для обезпеченія ихъ быта и для выполненія ихъ обязанностей предъ Правительствомъ и помѣщикомъ, количество земли, за которое они платятъ оброкъ или отбываютъ работу помѣщику.

2. Крестьяне должны быть распредѣлены на сельскія общества, помѣщикамъ же предоставляется вотчинная полиція; и

3. При устройствѣ будущихъ отношеній помѣщиковъ и крестьянъ должна быть надлежащимъ образомъ обезпечена исправная уплата государственныхъ и земскихъ податей и денежныхъ сборовъ.

Развитіе сихъ основаній и примѣненіе ихъ къ разнымъ мѣстностямъ губерніи предоставляется Комитету. Министръ Внутреннихъ Дѣлъ сообщитъ вамъ свои соображенія, могущія служить Комитету пособіемъ при ихъ занятіяхъ.

Поручая вамъ главное наблюденіе и направленіе сего важнаго дѣла по Нижегородской губерніи, Я предоставляю вамъ дать Комитету надлежащія наставленія для успѣшнаго выполненія возлагаемыхъ на него обязанностей. Составленный Комитетомъ проэктъ, съ нужными по главнымъ мѣстностямъ уѣздовъ Нижегородской губерніи изъятіями или особыми правилами, вы имѣете, съ своимъ мнѣніемъ, препроводить къ Министру Внутреннихъ Дѣлъ для представленія на Мое усмотрѣніе.

Открывая такимъ образомъ дворянству Нижегородской губерніи, согласно собственному его желанію, средства устроить и упрочить бытъ крестьянъ своихъ на указанныхъ Мною общихъ началахъ, Я увѣренъ, что оно вполнѣ оправдаетъ довѣріе, оказываемое Мною сему сословію призваніемъ его къ участію въ столь важномъ дѣлѣ, и что, при помощи Божіей и при просвѣщенномъ содѣйствіи дворянъ, оно будетъ совершено съ желаемымъ всѣми успѣхомъ.

Вы должны строго наблюдать, чтобы крестьяне, оставаясь въ полномъ повиновеніи своимъ помѣщикамъ, не внимали никакимъ злонамѣреннымъ внушеніямъ и лживымъ толкамъ.

Пребываю вамъ благосклонный.
На подлинномъ Собственною Его Императорскаго
Величества рукою написано:

Александръ.

Въ С.-Петербургѣ.
24 декабря 1857 г.

24 декабря послѣдовало на имя Нижегородскаго военнаго губернатора отношеніе министра внутреннихъ дѣлъ, за № 4, слѣдующаго содержанія:

Я имѣлъ счастіе всеподданнѣйше представлять Государю Императору отношеніе Вашего Превосходительства отъ 18 декабря и доставленное при ономъ постановленіе Губернскаго Собранія дворянъ Нижегородской губерніи, въ коемъ дворяне, на бывшихъ нынѣ выборахъ выслушавъ Высочайшіе рескрипты, данные 20 декабря Виленскому военному, Гродненскому и Ковенскому генералъ-губернатору, и 5 декабря С.-Петербургскому военному генералъ-губернатору, объ улучшеніи и устройствѣ быта помѣщичьихъ крестьянъ въ губерніяхъ Виленской, Ковенской, Гродненской и С. Петербургской, и видя въ оныхъ знакъ того высокаго довѣрія, которое Его Величество изволилъ доказать дворянству сихъ 4 губерній, единодушно опредѣлили: принести Его Императорскому Величеству полную готовность исполнить Его священную волю, на основаніяхъ, какія Его Величеству благоугодно было указать.

Государь Императоръ, прочитавъ съ особеннымъ удовольствіемъ сіе постановленіе дворянства Нижегородской губерніи. Высочайшимъ рескриптомъ, на имя Ваше даннымъ, изволилъ Всемилостивѣйше разрѣшить дворянству—приступить, посредствомъ особо учреждаемаго Комитета, къ составленію проэкта надлежащаго по сему важному предмету Положенія, указавъ въ этомъ рескриптѣ какъ порядокъ занятій Комитета, такъ и главныя основанія самаго Положенія.

Въ дополненіе къ правиламъ, изложеннымъ въ семъ рескриптѣ, Государь Императоръ Высочайше соизволилъ повелѣть:

1. Постановленія, заключающіяся въ Высочайшемъ повелѣніи, сообщенномъ въ отношеніи моемъ, отъ 5 декабря, за № 41, С.-Петербургскому Военному Генералъ-Губернатору, относительно выбора въ Комитетъ членовъ и кандидатовъ, приглашенія въ засѣданія онаго опытныхъ помѣщиковъ, производства расходовъ, наблюденія за ходомъ работъ, срока занятій и вообще дѣйствій Комитета, распространить вполнѣ и на учреждаемый въ Нижегородской губерніи Комитетъ, съ тѣмъ, чтобы во всѣхъ случаяхъ, гдѣ по С.-Петербургскому Комитету утвержденіе и разрѣшеніе предоставляется военному генералъ-губернатору, по Нижегородской губерніи оно было предоставлено Вашему Превосходительству; и

2. По различію мѣстныхъ обстоятельствъ и потребностей разныхъ уѣздовъ Нижегородской губерніи, промысловъ и занятій жителей оныхъ предоставить дворянамъ каждаго уѣзда, при выборѣ членовъ въ Губернскій Комитетъ, имѣть предварительныя о сихъ обстоятельствахъ и потребностяхъ совѣщанія.

Вмѣстѣ съ тѣмъ Его Императорскому Величеству благоугодно было поручить мнѣ сообщить Вамъ мои соображенія, могущія служить пособіемъ означенному Комитету при его занятіяхъ. Какъ сіи соображенія уже изложены въ извѣстномъ Вашему Превосходительству отношеніи моемъ къ С.-Петербургскому Военному Генералъ-Губернатору отъ 5 декабря, № 11, то я покорнѣйше прошу Васъ предложить ихъ въ свое время на обсужденіе учреждаемаго въ Нижегородской губерніи Комитета. Если онъ, по мѣстнымъ уваженіямъ, признаетъ неудобнымъ принять которыя-либо изъ сихъ соображеній, то я просилъ бы Ваше Превосходительство поручить ему, въ окончательномъ его мнѣніи объяснить подробно причины, препятствующія принятію оныхъ.

Подписалъ: Министръ Внутреннихъ Дѣлъ С. Ланской.

Скрѣпилъ: Товарищъ Министра А. Левшинъ.

Послѣ того, по ходатайству другихъ 31-й губерній, послѣдовали Высочайшіе рескрипты, разрѣшавшіе открытіе въ этихъ губерніяхъ комитетовъ изъ дворянъ, для составленія проэктовъ Положеній объ устройствѣ и улучшеніи быта помѣщичьихъ крестьянъ, на тѣхъ же основаніяхъ, какія указаны были въ приведенныхъ выше рескриптахъ.

Какъ всѣ рескрипты и сопровождавшіе оные отношенія г. министра внутреннихъ дѣлъ сходны, по содержанію своему, съ приведенными выше, то мы ограничимся перечисленіемъ ихъ, съ указаніемъ времени ихъ подписанія и частныхъ различій въ нѣкоторыхъ подробностяхъ, а также времени, когда состоялось постановленіе дворянства, коимъ исходатайствовано было разрѣшеніе на открытіе комитета, и числа подписавшихъ постановленія эти дворянъ,—по тѣмъ губерніямъ, по коимъ адресы дворянъ и подписи ихъ были публикованы въ газетахъ.

Постановленіе *Московскаго* дворянства состоялось 7 января 1858 года; дворянъ же, изъявившихъ желаніе упрочить бытъ своихъ крестьянъ, было 514. Высочайшій рескриптъ на имя Московскаго военнаго генералъ-губернатора послѣдовалъ 16 января, а дополнительное отношеніе министра внутреннихъ дѣлъ 17 января 1858 года.

Здѣсь, чтобы не нарушить хронологическаго порядка изложенія правительственныхъ дѣйствій, по предмету устройства крестьянскаго быта, необходимо прервать исчисленіе Высочайшихъ рескриптовъ объ открытіи комитетовъ, чтобы помѣстить, въ подлинникѣ, дополнительное къ прежнему отношеніе министра внутреннихъ дѣлъ къ с.-петербургскому генералъ-губернатору отъ 17 февраля за № 104:

Вмѣстѣ съ Высочайшимъ рескриптомъ, даннымъ на имя Вашего Превосходительства, 5 декабря 1857 г., препровождено къ Вамъ и отношеніе мое отъ того же числа, за № 41.

Государь Императоръ, принявъ съ особеннымъ удовольствіемъ желаніе дворянства Санктпетербургской губерніи приступить къ мѣрамъ для улучшенія быта крестьянъ, соизволилъ явить Свое высокое довѣріе къ благородному стремленію сего сословія, предоставивъ самимъ дворянамъ развить и примѣнить къ различнымъ мѣстностямъ губерніи главныя основанія, въ Высочайшемъ рескриптѣ Его Величества указанныя.

Посему и соображенія, сообщенныя Вашему Превосходительству въ означенномъ моемъ къ Вамъ отношеніи, заключаются лишь въ общихъ чертахъ, дабы подробною программою не стѣснить разсужденій и собственныхъ предположеній Губернскаго Комитета.

Нынѣ, нѣкоторые изъ Дворянскихъ Комитетовъ, составленныхъ въ губерніяхъ, изъявившихъ желаніе приступить къ мѣрамъ для улучшенія быта крестьянъ, встрѣчаютъ, какъ мнѣ извѣстно, затрудненія въ своихъ сужденіяхъ, не находя въ отношеніяхъ моихъ къ Вашему Превосходительству и другимъ генералъ-губернаторамъ и начальникамъ губерній подробнаго разрѣшенія всѣхъ представляющихся имъ вопросовъ: и потому я счелъ нужнымъ присовокупить и сообщить Вашему Превосходительству нѣкоторыя къ симъ отношеніямъ изъясненія.

Прежде всего я здѣсь долженъ повторить, что въ отношеніяхъ моихъ, какъ въ прежнихъ, такъ и въ настоящихъ, не надобно искать подробной для сужденій Комитета программы. Мысли и предположенія мои не должны быть почитаемы какъ бы предрѣшеніемъ предлежащихъ вопросовъ: ихъ слѣдуетъ принимать только за указанія на нѣкоторые существенные вопросы, предстоящіе обсужденію Комитетовъ. Развитіе сихъ вопросовъ и примѣненіе ихъ къ мѣстнымъ условіямъ предоставлены Высочайшимъ рескриптомъ самому дворянству, безъ стѣсненія тѣми, такъ сказать, совѣтами, которые изложены въ моихъ отношеніяхъ. О такомъ значеніи моихъ предварительныхъ соображе-

ній, ясно упомянуто мною и въ первомъ моемъ къ Вамъ отношеніи за № 14, въ коемъ я сказалъ, что если Губернскій Комитетъ, по мѣстнымъ обстоятельствамъ, признаетъ которыя-либо изъ сихъ соображеній неудобными, то можетъ не принять ихъ, объяснивъ только причины, препятствующія ихъ принятію.

Предположенія о способѣ рѣшенія всѣхъ частныхъ вопросовъ, относящихся къ устройству быта крестьянъ, будутъ зависѣть отъ собственныхъ соображеній Комитета. Неизмѣнными и неприкосновенными должны остаться лишь главныя начала сего устройства, въ Высочайшемъ рескриптѣ указанныя.

Въ сихъ началахъ, т. е. *въ обезпеченіи помѣщикамъ поземельной ихъ собственности, а крестьянамъ прочной осѣдлости и надежныхъ средствъ къ жизни и къ исполненію ихъ обязанностей*, заключается то незыблемое основаніе, на которомъ должно воздвигнуться и утвердиться предначинаемое великое дѣло

Только въ совокупномъ исполненіи сихъ основныхъ условій Россія будетъ имѣть залогъ и спокойствія и довольства всѣхъ и каждаго, какъ въ настоящемъ, такъ и въ будущемъ.

Указанныя Государемъ Императоромъ начала, неизмѣняемыя въ своей сущности, могутъ и должны подлежать дальнѣйшему развитію въ подробностяхъ и особенно въ примѣненіи ихъ къ различнымъ мѣстностямъ, и сіе именно развитіе основныхъ положеній, по силѣ Высочайшаго рескрипта, на имя Ваше даннаго, поручается Губернскому Комитету.

Имѣя въ виду, что дѣйствія Комитетовъ уже начинаются, я счелъ долгомъ, какъ сказалъ выше, присоединить къ прежнимъ моимъ соображеніямъ еще нѣкоторыя указанія на вопросы, подлежащіе обсужденію Комитета:

1. *Выкупъ усадебъ.* Онъ можетъ быть совершенъ различными способами, сообразно съ мѣстными средствами и потребностями. Если при всѣхъ льготахъ, которыя помѣщики, стремясь къ улучшенію быта своихъ крестьянъ, не преминутъ, конечно, имъ предоставить, выкупъ сей не успѣлъ бы совершиться въ теченіе переходнаго времени, то срокъ выкупа можетъ быть продолженъ, хотя срокъ вообще переходнаго періода и не долженъ ни въ какомъ случаѣ превышать двѣнадцати лѣтъ. Долговыя обязательства могутъ оставаться на крестьянахъ и по полученіи ими всѣхъ личныхъ правъ, съ тѣмъ только, что до окончательнаго за усадьбы платежа крестьяне сіи не будутъ полными ихъ владѣльцами.

2. Относительно владѣнія усадьбами можетъ быть постановлено, что выкупленныя крестьянами усадьбы должны переходить, по наслѣдству ли, или по даренію, или чрезъ продажу, только къ члену того же крестьянскаго мірскаго общества, или къ лицу, въ то общество принимаемому.

3. Перенесеніе крестьянскихъ усадебъ на другія въ томъ же имѣніи мѣста можетъ быть допускаемо, но не иначе, какъ съ обоюднаго согласія помѣщика и крестьянъ и съ утвержденія особаго мѣстнаго присутствія.

4. Въ отношеніи отводимыхъ въ пользованіе крестьянскаго мірскаго общества полей и другихъ условій, замѣнъ оныхъ и всякія въ томъ перемѣны, сообразно потребностямъ обоюднаго хозяйства помѣщика и сельскаго общества, могутъ быть дозволены по взаимному ихъ соглашенію; недоумѣнія, могущія при семъ возникнуть, разрѣшаются также вышеозначеннымъ мѣстнымъ присутствіемъ.

Однимъ словомъ, принявъ за основаніе начала, Высочайшею волею указанныя, дворянству предлежитъ изыскать наиболѣе простые и удобные въ примѣненіи ихъ способы, дабы переходъ крестьянъ къ окончательному устройству ихъ быта совершился въ теченіе опредѣленнаго времени постепенно и правильно, съ соблюденіемъ справедливости и обоюдныхъ пользъ.

Подписалъ: Министръ Внутреннихъ Дѣлъ *С. Ланской.*

(Такія же отношенія написаны отъ Министра Внутреннихъ Дѣлъ къ Московскому военному генералъ-губернатору, къ Виленскому генералъ-губернатору и къ Нижегородскому военному губернатору).

9 марта сего года послѣдовали Высочайшіе рескрипты на имя Кіевскаго военнаго, Подольскаго и Волынскаго генералъ-губернатора (объ открытіи комитетовъ въ *Кіевской*, *Подольской* и *Волынской* губерніяхъ); на имя Оренбургскаго и Самарскаго генералъ-губернатора (объ открытіи комитета въ одной *Самарской* губерніи); и на имя начальниковъ *Симбирской* и *Саратовской* губерній, объ открытіи въ обѣихъ этихъ губерніяхъ комитетовъ.

Въ Высочайшемъ рескриптѣ, данномъ Кіевскому генералъ-губернатору, установленъ, для учрежденія комитетовъ, порядокъ, подобный тому, какой указанъ для западныхъ губерній, т. е. повелѣно учредить сперва въ губерніяхъ Кіевской, Подольской и Волынской по одному приготовительному комитету, а потомъ, для всѣхъ трехъ губерній вмѣстѣ, одну общую коммиссію въ Кіевѣ; составъ же комитетовъ и указанныя имъ начала тѣ же, какъ и въ другихъ губерніяхъ. Но въ отношеніи министра внутреннихъ дѣлъ къ Кіевскому военному генералъ-губернатору соображенія, сообщенныя имъ другимъ губернаторамъ и генералъ-губернаторамъ, дополнены объясненіемъ, что въ Кіевскомъ Генералъ-Губернаторствѣ, при опредѣленіи повинностей крестьянъ, необходимо принять въ основаніе инвентарныя правила, и нѣкоторыми указаніями на порядокъ выкупа крестьянами усадебъ, основанными на приведенномъ выше отношеніи отъ 17-го февраля.

Въ Самарской губерніи учрежденъ одинъ комитетъ, безъ общей коммиссіи для Оренбургской и Самарской губерніи, но съ порученіемъ главнаго наблюденія за дѣйствіями комитета генералъ-губернатору, подобно тому какъ и по С.-Петербургской и Московской губерніямъ. Самыя же постановленія, которыми всѣ поименованныя губерніи ходатайствовали объ учрежденіи комитетовъ, публикованы не были.

16-го марта послѣдовали Высочайшіе рескрипты, разрѣшавшіе открытіе комитетовъ *въ Орловской и Тверской* губерніяхъ. Адресъ, которымъ Орловское дворянство хатайствовало о разрѣшеніи открыть комитетъ, для составленія проэкта Положенія о устройствѣ крестьянскаго быта, составленъ 1-го марта и подписанъ 970-ю дворянами. Постановленія же Тверскаго дворянства публиковано не было.

Послѣ того, по ходатайству дворянства, послѣдовали Высочайшіе рескрипты объ открытіи комитетовъ: 1-го апрѣля въ губерніяхъ *Новгородской*, *Казанской*, *Рязанской*, *Костромской* и *Астраханской;* 5-го апрѣля — въ губерніяхъ *Екатеринославской*, *Тамбовской*, *Полтавской*, *Харьковской и Пензенской;* 20-го апрѣля—въ губерніяхъ *Курской* и *Воронежской;* 3-мая—въ губерніяхъ *Могилевской*, *Тульской*, *Псковской*, *Витебской*, *Ярославской* и *Вологодской;* 10-мая—въ губерніяхъ *Херсонской* и *Таврической;* 18-го мая—въ губерніяхъ *Минской* и *Черниговской*. Ходатайство по сему предмету дворянства подписано: по Новгородской губерніи — 419-ю дворянами; по Рязанской губерніи — 799-ю дворянами; по Костромской губерніи—320-ю дворянами, и по Екатеринославской губерніи—341-мъ дворяниномъ. Въ Астраханской и Вологодской губерніяхъ, по малочисленности въ оныхъ помѣщиковъ, допущено нѣкоторое отступленіе отъ указаннаго прочимъ губерніямъ общаго порядка, въ отношеніи къ составу комитета; а именно: дозволено избрать въ комитеты по два члена, изъ тѣхъ только уѣздовъ, гдѣ болѣе помѣщичьихъ крестьянъ, а губернатору предоставлено назначить въ члены комитета одного лишь помѣщика вмѣсто двухъ.

Такимъ образомъ въ настоящее время открытіе комитетовъ, для составленія проэктовъ Положеній объ устройствѣ быта помѣщичьихъ крестьянъ, разрѣшено уже по тридцати шести губерніямъ.

Въ дополненіе къ изложенному выше, мы заимствуемъ изъ мартовской и апрѣльской книжекъ „Журнала Министерства Внутреннихъ Дѣлъ“ свѣдѣнія объ открытіи и составѣ нѣкоторыхъ губернскихъ комитетовъ.

По сообщеніямъ, полученнымъ Министромъ Внутреннихъ Дѣлъ отъ Начальниковъ Губерній, Дворянскіе Губернскіе Комитеты по устройству крестьянскаго быта открыты въ 5 губерніяхъ: Санктпетербургской 14 января, Виленской и Нижегородской 19 февраля, день восшествія на престолъ Государя Императора, Гродненской — 26 февраля и Ковенской 6 марта.

Комитеты Виленскій, Гродненскій и Ковенскій открыты генералъ-губернаторомъ лично, и тотчасъ по открытіи приступили къ составленію программъ предстоящихъ имъ занятій.

Нижегородскій военный губернаторъ сообщилъ объ открытіи Комитета нѣкотырыя подробности. Въ день открытія, по окончаніи божественной литургіи и молебствія въ Соборѣ, дворянство и чиновники отправились въ дворянскій домъ, гдѣ Преосвященный Антоній, отслуживъ молебенъ, обратился къ членамъ Комитета съ поучительнымъ словомъ. Послѣ сего, члены заняли свои мѣста, начальникъ губерніи открылъ Комитетъ рѣчью, въ которой онъ выставилъ всю важность ввѣреннаго Комитету дѣла и необходимость, искреннимъ стремленіемъ къ общему благу, оправдать довѣріе Государя и ожиданіе Россіи. Губернскій предводитель, капитанъ-лейтенантъ Болтинъ, отвѣчалъ отъ имени дворянства, выразивъ полное сочувствіе Нижегородскихъ дворянъ къ начатому великому дѣлу и искреннее общее стремленіе къ благополучному окончанію его Первое засѣданіе Комитета было на другой день, 20 февраля. Послѣ вступительной рѣчи губернскаго предводителя, Комитетъ занялся распредѣленіемъ занятій и устройствомъ своей канцеляріи, и затѣмъ, въ слѣдующихъ засѣданіяхъ, перешелъ къ исполненію прямыхъ своихъ обязанностей — къ обсужденію предметовъ, относящихся до устройства и улучшенія быта помѣщичьихъ крестьянъ.

Виленскій военный, Гродненскій и Ковенскій генералъ-губернаторъ сообщаетъ отъ 21 февраля текущаго года, что въ члены Комитетовъ по устройству быта помѣщичьихъ крестьянъ и кандидатами ихъ онъ утвердилъ слѣдующихъ лицъ:

По Виленской губерніи.

Отъ Виленскаго уѣзда, членомъ — коллежскаго секретаря Рудольфа Ясенскаго и кандидатомъ — титулярнаго совѣтника Станислава Сидоровича. Отъ Ошмянскаго уѣзда, членомъ — Ошмянскаго уѣзднаго предводителя дворянства Ивана Любанскаго и кандидатомъ — коллежскаго ассесора Іосифа Снядецкаго. Отъ Вилейскаго уѣзда, членомъ — Вилейскаго уѣзднаго предводителя дворянства Мечислава Тукалло и кандидатомъ — коллежскаго секретаря Александра Олендзскаго. Отъ Свенцянскаго уѣзда, членомъ — надворнаго совѣтника Ходзько и кандидатомъ — коллежскаго секретаря Ксаверія Довгялло. Отъ Трокскаго уѣзда, членомъ — губернскаго секретаря Станислава Ромера и кандидатомъ — отставнаго ротмистра Людвига Еленскаго. Отъ Дисненскаго уѣзда, членомъ — Александра Ширина и кандидатомъ — Кипріана Длужневскаго, и отъ Лидскаго уѣзда, членомъ — б. Лидскаго уѣзднаго судью Нарциза Жоравскаго и кандидатомъ — коллежскаго секретаря Ѳому Шалевича, а также избранныхъ непосредственно начальникомъ губерніи, по Высочайше предоставленной ему власти, помѣщиковъ Виленской губерніи: статскаго совѣтника Гелинга и помѣщика Вилейскаго уѣзда Константина Гевлича.

По Гродненской губерніи.

Отъ Гродненскаго уѣзда, членомъ — отставнаго поручика Антона Глязера и кандидатомъ — коллежскаго ассесора Франца Богатко. Отъ Сокольскаго уѣзда, членомъ кол-

лежскаго регистратора Станислава Карвовскаго и кандидатомъ—губернскаго секретаря Владислава Терпиловскаго. Отъ Бѣлостокскаго уѣзда, членомъ—уѣзднаго предводителя дворянства Якова Саковича и кандидатомъ—коллежскаго секретаря Северина Михаловскаго. Отъ Бѣльскаго уѣзда, членомъ губернскаго секретаря Ришарда Дашкевича и кандидатомъ Мартина Заводскаго. Отъ Брестскаго уѣзда, членомъ—уѣзднаго предводителя дворянства Павла Ягмина и кандидатомъ—коллежскаго секретаря Константина Карловича. Отъ Пружанскаго уѣзда, членомъ—коллежскаго регистратора Александра Осуховскаго и кандидатомъ—губернскаго секретаря Северина Морачевскаго. Отъ Слонимскаго уѣзда, членомъ—отставнаго подпоручика Вандалина Пусловскаго и кандидатомъ—Флорентина Микульскаго. Отъ Волковыскаго уѣзда, членомъ—коллежскаго ассесора Ѳаддея Сегеня и кандидатомъ—губернскаго секретаря Игнатія Ширму; отъ Кобринскаго уѣзда, членомъ—коллежскаго секретаря Ивана Жука и кандидатомъ—отставнаго штабъ-ротмистра Болеслава Жука; а также избранныхъ непосредственно начальникомъ губерніи въ члены Комитета помѣщиковъ Гродненской губерніи: коллежскаго совѣтника Порошина и отставнаго полковника Липхарта.

По Ковенской губерніи.

Отъ Ковенскаго уѣзда, членомъ—коллежскаго ассесора Клетія Бурбу и кандидатомъ—коллежскаго регистратора Якова Гейштора. Отъ Вилькомирскаго уѣзда, членомъ—надворнаго совѣтника Юліана Помарнацкаго и кандидатомъ—губернскаго секретаря Медарда Кончу. Отъ Новоалександровскаго уѣзда, членомъ—губернскаго секретаря Эдуарда Ромера и кандидатомъ—отставнаго поручика Франца Ледуховскаго. Отъ Поневѣжскаго уѣзда, членомъ—губернскаго секретаря Карла Гротуза и кандидатомъ—барона Людвига Роппа. Отъ Россіенскаго уѣзда, членомъ—коллежскаго регистратора Гедговда и кандидатомъ—коллежскаго секретаря Ивана Гружевскаго. Отъ Шавельскаго уѣзда, членомъ—титулярнаго совѣтника Янчевскаго и кандидатомъ графа Карла Кейзерлинга. Отъ Тельшевскаго уѣзда, членомъ—титулярнаго совѣтника Клеофаса Дымшу и кандидатомъ—отставнаго штабсъ-ротмистра Тита Гадона; а также избранныхъ начальникомъ губерніи въ члены Комитета помѣщиковъ Ковенской губерніи: дѣйствительнаго статскаго совѣтника камергера князя Ипнея Огинскаго и коллежскаго ассесора Феликса Сесицкаго.

Для составленія проэкта Положенія объ устройствѣ и улучшеніи быта помѣщичьихъ крестьянъ, избраны со стороны С.-Петербургскаго дворянства:

Членами Комитета:

1. *С.-Петербургскаго уѣзда:* дѣйствительный статскій совѣтникъ баронъ Корфъ, флигель-адъютантъ ротмистръ графъ Левашовъ. 2. *Шлиссельбургскаго уѣзда:* уѣздный предводитель дворянства дѣйствительный статскій совѣтникъ Чоглоковъ и дѣйствительный статскій совѣтникъ Безакъ. 3. *Ямбургскаго уѣзда:* уѣздный предводитель дворянства статскій совѣтникъ баронъ Врангель и сенаторъ тайный совѣтникъ Веймарнъ. 4. *Новоладожскаго уѣзда:* дѣйствит. ст. сов. Лихонинъ и дѣйствительный статскій совѣтникъ Савицкій. 5. *Лужскаго уѣзда:* сенаторъ тайный совѣтникъ Фишеръ *) и генералъ-майоръ Христовскій. 6. *Петергофскаго уѣзда:* уѣздный предводитель дворянства ротмистръ Зиновьевъ и коллежскій совѣтникъ баронъ Велio. 7. *Царскосельскаго уѣзда:* уѣздный предводитель дворянства майоръ Платоновъ и сенаторъ тайный совѣтникъ Донауровъ. 8. *Гдовскаго уѣзда:* уѣздный предводитель дворянства полковникъ князь Дундуковъ-Корсаковъ и статскій совѣтникъ фонъ-Рейцъ. *Отъ военнаго генералъ-губернатора:* камеръ-юнкеръ статскій совѣтникъ фонъ-Лоде и флигель-адъютантъ полковникъ Шеншинъ.

*) По случаю отказа сенатора Фишера отъ званія члена, въ концѣ минувшаго февраля утвержденъ на его мѣсто С.-Петербургскимъ Военнымъ генералъ-губернаторомъ состоявшій по выбору кандидатомъ дѣйствительный статскій совѣтникъ Тимофеевъ.

Кандидатами:

1. *С.-Петербургскаго уѣзда:* генералъ-майоръ Ольхинъ. 2. *Шлиссельбургскаго уѣзда:* Л. Гв. Конно-Піонернаго эскадрона капитанъ Борщовъ. 3. *Ямбургскаго уѣзда:* коллежскій совѣтникъ Деппъ. 4. *Новоладожскаго уѣзда:* генералъ-майоръ Теляковскій. 5. *Лужскаго уѣзда:* дѣйствительный статскій совѣтникъ Тимофеевъ. 6. *Петергофскаго уѣзда:* статскій совѣтникъ Пейкеръ. 7. *Царскосельскаго уѣзда:* дѣйствительный статскій совѣтникъ Кандалинцевъ. 8. *Гдовскаго уѣзда:* въ званіи камергера баронъ Фитингофъ.

Списки членовъ и кандидатовъ губернскихъ комитетовъ для составленія проэкта положенія объ устройствѣ и улучшеніи быта помѣщичьихъ крестьянъ.

МОСКОВСКАГО КОМИТЕТА.

I. Отъ Дворянства, по уѣздамъ:

1) *Московскому:* члены—полковникъ Николай Гавриловичъ Головинъ, надворный совѣтникъ Александръ Митрофановичъ Карепинъ; кандидатъ полковникъ Аполлонъ Петровичъ Щербачевъ. 2) *Коломенскому:* члены—подпоручикъ Яковъ Петровичъ Скорняковъ, коллежскій совѣтникъ Александръ Александровичъ Ефремовъ; кандидатъ губернскій секретарь Николай Михайловичъ Осиповъ. 3) *Дмитровскому:* члены—чиновникъ 9 класса Николай Васильевичъ Пальчиковъ, штабсъ-капитанъ Василій Ивановичъ Даниловъ; кандидатъ коллежскій секретарь Иванъ Абрамовичъ Зубковъ. 4) *Волоколамскому:* члены—надворный совѣтникъ князь Борисъ Васильевичъ Мещерскій, статскій совѣтникъ Николай Павловичъ Шиповъ; кандидатъ полковникъ Иванъ Николаевичъ Гончаровъ. 5) *Можайскому:* члены—лейтенантъ Николай Александровичъ Замятинъ, коллежскій секретарь князь Петръ Дмитріевичъ Крапоткинъ; кандидатъ гвардіи капитанъ Николай Александровичъ Усовъ. 6) *Звенигородскому:* члены—статскій совѣтникъ Дмитрій Александровичъ Ровинскій, штабсъ-капитанъ Владиміръ Сергѣевичъ Гвоздевъ; кандидатъ коллежскій совѣтникъ Дмитрій Андреевичъ Нероновъ. 7) *Серпуховскому:* члены—генералъ-адъютантъ графъ Сергій Григорьевичъ Строгоновъ, коллежскій совѣтникъ Егоръ Васильевичъ Чельцовъ; кандидатъ коллежскій регистраторъ князь Левъ Николаевичъ Гагаринъ. 8) *Рузскому:* члены—гвардіи поручикъ Алексѣй Алексѣевичъ Валицкій, титулярный совѣтникъ Андрей Ивановичъ Вейденгаммеръ; кандидатъ поручикъ Иванъ Владиміровичъ фонъ-Менгденъ. 9) *Верейскому:* члены—дѣйствительный статскій совѣтникъ Василій Ивановичъ Булыгинъ, коллежскій секретарь Ѳедоръ Ѳодоровичъ Мосоловъ; кандидатъ коллежскій ассесоръ Александръ Христіановичъ Штейнъ. 10) *Клинскому:* члены—генералъ-адъютантъ князь Александръ Сергѣевичъ Меньшиковъ, дѣйствительный статскій совѣтникъ Сергѣй Павловичъ фонъ-Визинъ; кандидатъ статскій совѣтникъ Сергѣй Сергѣевичъ Волковъ. 11) *Бронницкому:* члены—надворный совѣтникъ Павелъ Дорофеевичъ Максимовъ, статскій совѣтникъ Павелъ Матвѣевичъ Азанчевскій; кандидатъ коллежскій ассесоръ князь Алексѣй Алексѣевичъ Вяземскій. 12) *Подольскому:* члены—статскій совѣтникъ князь Сергѣй Николаевичъ Урусовъ, губернскій секретарь Михаилъ Александровичъ Поливановъ; кандидатъ коллежскій секретарь князь Василій Андреевичъ Оболенскій. 13) *Богородскому:* члены—коллежскій ассесоръ Викторъ Григорьевичъ Высоцкій, штабсъ-ротмистръ Василій Ивановичъ Можаровъ; кандидатъ коллежскій совѣтникъ князь Сергѣй Павловичъ Голицынъ.

II. По назначенію военнаго генералъ-губернатора:

Члены: генералъ-адъютантъ князь Владиміръ Александровичъ Меньшиковъ 2, дѣйствительный статскій совѣтникъ Николай Аполлоновичъ Волковъ.

НИЖЕГОРОДСКАГО КОМИТЕТА.

I. По назначенію начальника губерніи:

Члены: дѣйствительный статскій совѣтникъ Алексѣй Христіановичъ Штевенъ, надворный совѣтникъ Геннадій Николаевичъ Нестеровъ.

II. Отъ дворянства по уѣздамъ:

1) *Нижегородскому.* Члены: штабсъ-капитанъ Алексѣй Павловичъ Козловъ, коллежскій ассесоръ Аполлонъ Николаевичъ Саламыковъ; кандидаты: коллежскій секретарь Алексѣй Рафаиловичъ Остафьевъ, Нижегородскій уѣздный предводитель дворянства, титулярный совѣтникъ Иванъ Александровичъ Анненковъ. 2) *Горбатовскому.* Члены: тайный совѣтникъ Сергѣй Васильевичъ Шереметевъ, коллежскій ассесоръ Петръ Дмитріевичъ Стремоуховъ, Горбатовскій уѣздный предводитель дворянства. Кандидатъ штабсъ-капитанъ Петръ Николаевичъ Вонлярлярскій. 3) *Арзамасскому.* Члены: майоръ Евграфъ Ивановичъ Лагода, Арзамасскій уѣздный судья, инженеръ-капитанъ Геннадій Николаевичъ Виноградовъ. Кандидаты: чиновникъ 14 класса Василій Николаевичъ Левашевъ, титулярный совѣтникъ Василій Ивановичъ Ульянинъ. 4) *Лукояновскому.* Члены: коллежскій совѣтникъ Василій Ивановичъ Яшеровъ, титулярный совѣтникъ Николай Ивановичъ Русиновъ. Кандидатъ поручикъ Дмитрій Сергѣевичъ Сожалѣновъ. 5) *Сергачскому.* Члены: ротмистръ Петръ Алексѣевичъ Кондратьевъ, поручикъ Алексѣй Егоровичъ Крюковъ, Сергачскій уѣздный предводитель дворянства. Кандидатъ прапорщикъ Михаилъ Павловичъ Краснопольскій. 6) *Княгининскому.* Члены: статскій совѣтникъ князь Сергѣй Павловичъ Гагаринъ, Пензенскій вице-губернаторъ (въ отсутствіи), надворный совѣтникъ Александръ Антоновичъ Писарскій, депутатъ дворянства по Княгининскому уѣзду Кандидатъ ротмистръ Ипполитъ Аѳанасьевичъ Зыбинъ. 7) *Васильскому.* Члены: капитанъ-лейтенантъ Михаилъ Николаевичъ Сущовъ, Васильскій уѣздный предводитель дворянства, майоръ Аркадій Васильевичъ Демидовъ. Кандидатъ надворный совѣтникъ князь Андрей Петровичъ Чегодаевъ. 8) *Макарьевскому.* Члены: статскій совѣтникъ Владиміръ Андреевичъ Рудневъ, майоръ графъ Николай Сергѣевичъ Толстой (въ отсутствіи). Кандидатъ поручикъ Валерій Николаевичъ Левашевъ. 9) *Балахнинскому.* Члены: полковникъ Михаилъ Ивановичъ Гриневичъ, Балахнинскій уѣздный предводитель дворянства, надворный совѣтникъ Яковъ Ивановичъ Пятовъ. Кандидатъ статскій совѣтникъ Ѳедоръ Ивановичъ Голубевъ 10) *Семеновскому.* Члены: коллежскій совѣтникъ Василій Евдокимовичъ Купріяновъ, коллежскій ассесоръ Валеріанъ Владиміровичъ Аристатовъ. Кандидатъ гвардіи ротмистръ Александръ Александровичъ Обрѣзковъ, Семеновскій уѣздный предводитель дворянства. 11) *Ардатовскому.* Члены: поручикъ Александръ Николаевичъ Карамзинъ, Ардатовскій уѣздный предводитель дворянства, коллежскій ассесоръ Александръ Ивановичъ Эйсманъ, кандидатъ гвардіи ротмистръ Александръ Сергѣевичъ Ланской.

III. Правитель дѣлъ канцеляріи Комитета, титулярный совѣтникъ Николай Никитичъ Жадовскій.

С.-ПЕТЕРБУРГСКАГО КОМИТЕТА.

Уволенъ по прошенію изъ числа членовъ Комитета сенаторъ тайный совѣтникъ Донауровъ, во вниманіе къ значительности его прямыхъ служебныхъ занятій,—и на мѣсто его утвержденъ членомъ Комитета состоявшій кандидатомъ отъ дворянъ Царскосельскаго уѣзда, дѣйствительный статскій совѣтникъ Кандалинцевъ.

Въ заключеніе, намъ остается указать на нѣкоторыя особыя распоряженія, послѣдовавшія въ послѣдніе два мѣсяца по дѣлу объ устройствѣ крестьянскаго быта.

По Высочайше утвержденному мнѣнію государственнаго совѣта, отъ 4-го марта сего года, состоящій при министерствѣ Внутреннихъ Дѣлъ центральный статистическій комитетъ раздѣленъ на два отдѣла: собственно статистическій и *земскій*, оба подъ предсѣдательствомъ товарища министра. Вѣдѣнію земскаго отдѣла подлежитъ предварительное обсужденіе и обработка всѣхъ дѣлъ по вопросамъ, касающимся земско-хозяйственнаго устройства въ имперіи. Въ отдѣлѣ этомъ состоитъ непремѣнный членъ, завѣдующій всѣмъ ходомъ дѣлъ и перепи-

скою. Остальные члены назначаются министромъ Внутреннихъ Дѣлъ изъ лицъ служащихъ въ министерствѣ; директоры же департаментовъ министерства состоятъ, по званію своему, совѣщательными членами. Сверхъ того, могутъ быть приглашаемы въ земскій отдѣлъ статистическаго комитета, для совѣщаній, находящіеся въ столицѣ губернаторы, предводители дворянства, извѣстные ученые и помѣщики.

Въ напечатанномъ въ „Журналѣ Министерства Внутреннихъ Дѣлъ“ циркулярѣ министра Внутреннихъ Дѣлъ, отъ 15-го апрѣля сего года за № 59, изъяснено Высочайше утвержденное положеніе главнаго Комитета по крестьянскому дѣлу отъ 29-го марта, по коему правила, какія будутъ установлены для устройства крестьянскаго быта, должны быть распространены на майораты и заповѣдныя имѣнія, гдѣ крестьяне, такъ же какъ и въ другихъ имѣніяхъ, должны выкупить въ свою собственность усадебную осѣдлость.

По важности этого документа, перепечатываемъ его въ подлинникѣ:

По Высочайшему Его Императорскаго Величества повелѣнію составлена и въ Главномъ Комитетѣ по крестьянскому дѣлу разсмотрѣна подробная программа занятій Губернскихъ Комитетовъ, учрежденныхъ изъ дворянъ-помѣщиковъ, для улучшенія быта помѣщичьихъ крестьянъ.

Программа сія, по повелѣнію Его Императорскаго Величества, должна быть принята въ руководство Дворянскими Комитетами.

Программа занятій Губернскихъ Дворянскихъ Комитетовъ объ улучшеніи быта помѣщичьихъ крестьянъ.

Первоначально обязанность, возложенная на Губернскіе Комитеты, заключается: 1) *въ изысканіи способовъ къ улучшенію быта помѣщичьихъ крестьянъ*, на основаніяхъ, указанныхъ въ Высочайшихъ рескриптахъ, и 2) *въ начертаніи общаго о семъ Положенія*.

По исполненіи сей обязанности, тѣ же Комитеты будутъ призваны къ приведенію въ дѣйствіе *Высочайше утвержденныхъ Положеній*: затѣмъ имъ же, но въ меньшемъ составѣ, будетъ поручено и *начертаніе проэкта Общаго Сельскаго Устава*, долженствующаго опредѣлить всѣ подробности быта крестьянъ по новому ихъ устройству.

По такому кругу дѣйствій Губернскихъ Комитетовъ, занятія ихъ раздѣляются существенно *на три* періода:

1) Опредѣленіе въ особомъ проэктѣ Положенія главныхъ началъ для улучшенія быта помѣщичьихъ крестьянъ.

2) Дѣйствительное исполненіе *по каждому имѣнію* сего Положенія, когда оно удостоится Высочайшаго утвержденія.

3) Начертаніе Сельскаго Устава, опредѣляющаго всѣ подробности крестьянскаго быта, или предоставленіе необходимыхъ для сего матеріаловъ.

Для всѣхъ сихъ занятій предлагается слѣдующая общая программа:

Первый періодъ занятій: *изысканіе способовъ къ улучшенію быта крестьянъ и начертаніе проэкта Положенія.*

Занятія перваго періода раздѣляются на *предварительныя* и *окончательныя.*

Къ *предварительнымъ* занятіямъ относятся:

1) Собраніе свѣдѣній, и

2) Уѣздныя совѣщанія въ тѣхъ губерніяхъ, гдѣ таковыя предназначены.

По выборѣ членовъ въ Губернскій Комитетъ порядкомъ, для сего предписаннымъ, губернскій предводитель дворянства, какъ предсѣдатель сего Комитета, составляетъ одну общую программу, по которой должны быть собраны свѣдѣнія о всѣхъ дворянскихъ имѣніяхъ. Программы эти, напечатанныя въ потребномъ числѣ экземпляровъ, разсылаются чрезъ уѣздныхъ предводителей во всѣ дворянскія имѣнія; а членамъ и канди-

датамъ Комитета поручается, каждому въ опредѣленномъ для него участкѣ, наблюсти, чтобы свѣдѣнія были составлены со всею вѣрностію и въ самый непродолжительный срокъ.

Мѣстныя обстоятельства каждой губерніи ближе всего укажутъ, какія именно свѣдѣнія будутъ нужны для работъ каждаго Губернскаго Комитета.

Въ общихъ видахъ полезно имѣть возможно близкія данныя по слѣдующимъ предметамъ:

1) Число душъ въ каждомъ имѣніи, по сказкамъ 10 народной переписи.

2) Раздѣленіе крестьянъ, относительно къ отправленію господскихъ повинностей, на тяглы и число тяголъ или работниковъ.

3) Усадебное устройство ихъ, число усадебъ, пространство земли подъ усадьбами.

4) Общее пространство земли въ каждомъ имѣніи: а) особо отмежеванныя земли, б) черезполосныя.

5) Распредѣленіе поземельныхъ угодій между помѣщиками и крестьянами.

6) Отношеніе общаго количества земли десятинами къ массѣ населенія по душамъ.

7) Отношеніе крестьянскаго надѣла десятинами къ массѣ населенія по тяглямъ или работникамъ.

8) Цѣнность усадебъ: строеній и земли.

9) Цѣнность поземельныхъ угодій разныхъ наименованій: а) ходячая цѣна; б) наемная плата съ десятины; в) стоимость обработки; г) средній валовой доходъ съ десятины

10) Промышленность крестьянъ: а) земледѣльческая; б) ремесленная: в) заводская и фабричная; г) извозы и проч.

11) Повинности крестьянъ: а) подати и оброки, ихъ размѣръ и способы взиманія; б) натуральная повинность. Число рабочихъ дней, урочныя работы, приблизительная оцѣнка рабочаго дня: мужскаго пѣшаго, мужскаго коннаго или воловьяго, женскаго; сгонные дни и уплата за нихъ.

12) Дворовые: а) приписные къ домамъ и капиталамъ: б) причисленные къ населеннымъ имѣніямъ; в) раздѣленіе послѣднихъ на домашнюю прислугу и должностныхъ при хозяйствѣ. Число тѣхъ и другихъ по ревизіи и устройство экономическаго ихъ быта.

13) Изъ крестьянскаго населенія: писаря, конторщики, лѣсничіе, музыканты, пѣвчіе, псари, фельдшера, ветеринары, винокуры, садовники, огородники, сахаровары, селитровары, мельники, пастухи и проч.; число ихъ и устройство экономическаго ихъ быта.

14) Число грамотныхъ крестьянъ въ имѣніи и способы распространенія грамотности, нынѣ существующіе.

15) Экономическія и благотворительныя заведенія: мірскіе капиталы, сельскіе банки, запасные магазины, богадѣльни, больницы, дѣтскіе пріюты.

16) Банковые долги и податныя недоимки на имѣніяхъ. Сумма тѣхъ и другихъ къ 1 января 1858 года.

Всѣ сіи свѣдѣнія соединяются въ одинъ общій сводъ по каждому уѣзду и въ этомъ видѣ вносятся въ Губернскій Комитетъ.

Уѣздныя совѣщанія дѣлаются при самомъ выборѣ членовъ и касаются только способовъ исполненія основныхъ началъ, предначертанныхъ въ Высочайшемъ рескриптѣ, и указаній, содержащихся въ циркулярныхъ предписаніяхъ Министра Внутреннихъ Дѣлъ, сообразно съ мѣстными обстоятельствами, потребностями, промыслами и занятіями жителей уѣзда. Мнѣнія, на уѣздныхъ совѣщаніяхъ принятыя, представляются Губернскому Комитету *).

Окончательныя занятія Губернскихъ Комитетовъ въ первомъ періодѣ ихъ существованія заключаются:

---

*) Само собой разумѣется, что предварительныя занятія не могутъ имѣть мѣста въ тѣхъ Комитетахъ, которые уже открыты и приступили къ работамъ. Они могутъ, не прерывая своихъ занятій, собрать недостающія имъ свѣдѣнія и соединить всѣ свѣдѣнія въ одинъ общій сводъ.

1) Въ составленіи общаго свода о настоящемъ положеніи дворянскихъ имѣній въ губерніи. Сводъ этотъ составляется изъ отдѣльныхъ сводовъ, которые будутъ представлены отъ каждаго уѣзда.

2) Въ составленіи общаго свода предметамъ, обратившимъ на себя вниманіе дворянства при уѣздныхъ совѣщаніяхъ.

3) Въ разсмотрѣніи и обсужденіи всѣхъ предметовъ, долженствующихъ войти въ составъ проэкта Положенія объ улучшеніи быта помѣщичьихъ крестьянъ. Предметы сіи разсматриваются послѣдовательно въ томъ порядкѣ, въ какомъ они изложены ниже, и окончательное по каждому постановленіе вносится въ журналъ. Журналы сіи составляются особою редакціонною Коммиссіею, о которой сказано будетъ ниже, и впослѣдствіи, по мѣрѣ дальнѣйшаго развитія занятій Комитета, могутъ быть измѣняемы, но о каждой подобной перемѣнѣ долженъ быть постановленъ журналъ съ подробнымъ объясненіемъ уваженій, вызвавшихъ перемѣну; и наконецъ

4) Въ начертаніи самаго проэкта Положенія. Трудъ этотъ поручается особой редакціонной Коммиссіи, составленной изъ трехъ, и не болѣе четырехъ, членовъ Комитета.

Проэктъ, для удобнѣйшаго разсмотрѣнія и соображенія въ Главномъ Комитетѣ, имѣетъ по всѣмъ губерніямъ одну общую форму, съ раздѣленіемъ на главы, отдѣленія и параграфы.

Параграфы содержатъ точное и ясное изложеніе установленныхъ правилъ, безъ всякихъ разсужденій и объясненій причинъ, побудившихъ принять то или другое положеніе.

Причины сіи и уваженія, содержащіяся въ журналахъ, излагаются впослѣдствіи въ особой запискѣ (подъ заглавіемъ: обзоръ основаній, принятыхъ при составленіи Положенія объ улучшеніи быта помѣщичьихъ крестьянъ) и присоединяются къ проэкту въ видѣ особаго приложенія.

Всѣ работы перваго періода, и предварительныя и окончательныя, продолжаются не болѣе шести мѣсяцевъ.

Самый проэктъ Положенія имѣетъ слѣдующую форму:

ПОЛОЖЕНІЕ.

ОБЪ УЛУЧШЕНІИ БЫТА ПОМѢЩИЧЬИХЪ КРЕСТЬЯНЪ NN ГУБЕРНІИ.

I. Переходъ крестьянъ изъ крѣпостнаго состоянія въ срочно-обязанные.
II. Сущность срочно-обязаннаго положенія.
III. Поземельныя права помѣщиковъ.
IV. Усадебное устройство крестьянъ.
V. Надѣлъ крестьянъ землею.
VI. Повинности крестьянъ.
VII. Устройство дворовыхъ людей.
VIII. Образованіе сельскихъ обществъ.
IX. Права и отношенія помѣщиковъ.
X. Порядокъ и способы исполненія.

ГЛАВА I.

О переходѣ крестьянъ изъ крѣпостнаго состоянія въ срочно-обязанные.

Прекращеніе личнаго крѣпостнаго права на дѣлѣ и во всѣхъ актахъ.

Дарованіе помѣщичьимъ крестьянамъ, лично и по имуществу, всѣхъ правъ, присвоенныхъ другимъ податнымъ сословіямъ въ государствѣ. Исчисленіе сихъ правъ по Своду Законовъ.

Наименованіе помѣщичьихъ крестьянъ *срочно-обязанными*.

ГЛАВА II.

Сущность срочно-обязаннаго положенія.

Оставленіе крестьянъ, временно, крѣпкими къ землѣ.

Воспрещеніе, до времени, перехода цѣлыми обществами или селеніями.

Дозволеніе перехода въ другія сословія отдѣльно лицу или семейству.

Отправленіе всѣхъ установленныхъ повинностей къ помѣщику.

Крайній срокъ, назначенный для срочно-обязаннаго положенія (переходнаго состоянія), независящій отъ выкупа усадебъ.

ГЛАВА III.

Поземельныя права помѣщиковъ.

Неприкосновенность правъ собственности помѣщиковъ на всю землю.

Хозяйственное устройство по усмотрѣнію.

Право залога и продажи.

Право помѣщика на минеральныя богатства, лѣса и воды во всѣхъ вообще земляхъ его имѣнія, кромѣ выкупленныхъ усадебъ.

ГЛАВА IV.

Усадебное устройство крестьянъ.

Въ чемъ заключается усадьба:

1) Усадебныя строенія, и

2) Усадебныя земли.

Оцѣнка усадьбы.

Право крестьянъ на пріобрѣтеніе усадебъ въ собственность чрезъ выкупъ.

Право крестьянъ пользованія ими до выкупа.

Выкупъ усадебъ по утвержденной оцѣнкѣ, *вдругъ* или *постепенно*, деньгами или работою.

Удобнѣйшіе способы для выкупа усадебъ.

Пользованіе потомственно усадьбою, съ платежемъ опредѣленныхъ процентовъ съ оцѣночной суммы и съ сохраненіемъ за крестьянами права выкупа, доколѣ они будутъ оставаться въ составѣ общества.

Право продажи или передачи крестьянами усадьбъ только однимъ членомъ сельскаго общества или помѣщику съ согласія общества.

ГЛАВА V.

Надѣлъ, въ пользованіе, крестьянъ землею пахатною и другими угодьями.

Основаніе надѣла по душамъ, тягламъ или работникамъ.

Наименьшій размѣръ надѣла въ имѣніяхъ малоземельныхъ, среднеземельныхъ и многоземельныхъ.

Какія имѣнія, по мѣстнымъ обстоятельствамъ, признаются малоземельными, какія среднеземельными и какія многоземельными.

Опредѣленіе правъ крестьянскаго общества и членовъ его на пользованіе отведенною имъ землею.

Право возведенія хозяйственныхъ строеній, съ согласія общества и помѣщика.

Случаи перемѣны нарѣзанныхъ крестьянамъ земель и правила, для сего постановляемыя *).

ГЛАВА VI.

Повинности крестьянъ.

Раздѣленіе повинностей на двѣ категоріи: казенныя и помѣщичьи.

ОТДѢЛЕНІЕ I.

КАЗЕННЫЯ ПОВИННОСТИ.

Повинности денежныя.

---

*) Увеличеніе поземельнаго надѣла впослѣдствіи, по мѣрѣ приращеніи населенія, зависитъ отъ обоюдныхъ условій помѣщика съ крестьянами, но необязательно для помѣщика.

Повинности натуральныя.

Способъ раскладки ихъ: по душамъ, тягламъ, работникамъ или поземельнымъ участкамъ.

Порядокъ взиманія.

Обезпеченіе исправнаго выполненія круговою отвѣтственностію сельскаго общества.

ОТДѢЛЕНІЕ II.

повинности къ помѣщику.

Повинность денежная (*оброкъ*).

Повинность натуральная (поденная работа).

Повинность смѣшанная (оброкъ и поденная работа).

Размѣръ ихъ, основанный на цѣнности усадебъ, поземельныхъ угодій и промышленныхъ выгодъ мѣстности.

Порядокъ отправленія повинностей.

Опредѣленіе и введеніе урочныхъ работъ.

Обезпеченіе исправности отправленія повинностей круговою отвѣтственностію сельскаго общества и мѣрами взысканія съ неисправныхъ.

Служба крестьянъ, обученныхъ попеченіемъ помѣщиковъ для разныхъ ремеслъ и хозяйственныхъ должностей.

Степень вознагражденія ихъ за излишніе рабочіе они и срокъ ихъ службы.

ГЛАВА VII.

Устройство дворовыхъ людей.

ОТДѢЛЕНІЕ I.

дворовые люди, приписанные къ домамъ и капиталамъ.

Порядокъ обязательной ихъ службы.

Жалованье и содержаніе ихъ.

Способы и правила перехода въ свободныя сословія.

ОТДѢЛЕНІЕ II.

дворовые люди, приписанные къ населеннымъ имѣніямъ.

Дворовые люди, составляющіе домашнюю прислугу.

Дворовые люди должностные при помѣщичьемъ хозяйствѣ.

Порядокъ обязательной службы тѣхъ и другихъ.

Жалованье и содержаніе ихъ.

Способы и правила перехода въ свободныя сословія.

Причисленіе дворовыхъ, по возможности, къ сельскимъ обществамъ, съ надѣленіемъ въ такомъ случаѣ землею.

Призрѣніе старпковъ, вдовъ и сиротъ изъ дворовыхъ людей вообще.

ГЛАВА VIII.

Образованіе сельскихъ обществъ.

Общества въ селахъ и деревняхъ единственнаго владѣнія.

Общества въ селахъ и деревняхъ разнопомѣстнаго владѣнія.

Соединеніе мелкопомѣстныхъ населеній въ одно общество или причисленіе ихъ къ большимъ населеніямъ.

Наименьшій составъ общества, опредѣляемый числомъ душъ или усадебъ.

Распредѣленіе поземельныхъ угодій между членами общества.

Разверстка казенныхъ и господскихъ повинностей.

Полицейское устройство въ обществахъ.

Общественное управленіе, составъ его и предметы занятій.

ГЛАВА IX.

Права и отношенія помѣщиковъ.

Присвоеніе помѣщику званія начальника общества.

Права и отношенія его къ обществу:

а) по сельскому благоустройству и порядку;

б) по внутреннему управленію.

в) по разбору взаимныхъ жалобъ и споровъ между крестьянами;

г) по отправленію крестьянами повинностей;

д) по надзору за правильнымъ употребленіемъ общественныхъ капиталовъ, денежныхъ и вещественныхъ.

ГЛАВА X.

Порядокъ и способы исполненія новаго Положенія.

Порядокъ исполненія по каждому имѣнію.

Обязанность каждаго помѣщика составить для своего имѣнія письменный актъ, опредѣляющій подробности перехода крестьянъ изъ крѣпостнаго состоянія въ срочно-обязанные, на точномъ основаніи Положенія, для каждой губерніи Высочайше утвержденнаго.

Составленіе для подобныхъ актовъ общей формы.

Подпись сего акта помѣщикомъ.

Повѣрка, *на мѣстѣ*, сдѣланнаго помѣщикомъ акта членомъ Губернскаго Комитета.

Разсмотрѣніе и утвержденіе сего акта Губернскимъ Комитетомъ.

Объявленіе его и приведеніе въ исполненіе *самимъ помѣщикомъ*.

Содѣйствіе, въ необходимыхъ случаяхъ, мѣстной полиціи и уѣздныхъ присутствій.

Крайній срокъ для приведенія въ дѣйствіе всего выше означеннаго по всей губерніи.

Строгое сохраненіе существующаго порядка по каждому имѣнію до перехода его въ срочно-обязанное положеніе.

Составленный Комитетомъ, такимъ образомъ, *проэктъ общаго Положенія объ улучшеніи быта помѣщичьихъ крестьянъ* подписывается всѣми Членами и представляется, установленнымъ порядкомъ, министру Внутреннихъ Дѣлъ. Къ проекту присоединяются, въ видѣ приложеній:

1) Обзоръ основаній, принятыхъ при составленіи Положенія. Основанія сіи излагаются кратко. Тутъ же, гдѣ будетъ нужно, объясняются причины, по которымъ Комитетомъ не приняты тѣ или другія указанія, содержащіяся въ циркулярахъ министра Внутреннихъ Дѣлъ.

2) Сводъ предметовъ, обратившихъ на себя вниманіе дворянства при уѣздныхъ совѣщаніяхъ.

По отправленіи сихъ бумагъ, первая часть занятій Комитета считается конченною; Комитетъ временно закрывается и вся переписка, которая можетъ встрѣтиться до новаго открытія Комитета, производится отъ лица губернскаго предводителя, какъ предсѣдателя Комитета.

Второй періодъ занятій Комитета:

Дѣйствительное исполненіе Положенія, Комитетомъ составленнаго, когда оно удостоится Высочайшаго утвержденія.

Немедленно по полученіи въ каждой губерніи Высочайше утвержденнаго Положенія, губернскій предводитель дворянства открываетъ вновь присутствіе Комитета, который въ первыхъ засѣданіяхъ опредѣляетъ весь порядокъ исполненія. Сюда относится:

Разсылка экземпляровъ Положенія и формы акта въ каждый уѣздъ, по числу дворянскихъ имѣній.

Опредѣленіе порядка повѣрки членами Комитета частныхъ актовъ, помѣщиками составленныхъ.

Разсмотрѣніе сихъ актовъ въ Губернскомъ Комитетѣ.

Утвержденіе ихъ Губернскимъ Комитетомъ.

Обращеніе ихъ черезъ Уѣздныя Присутствія помѣщикамъ для исполненія.

Надзоръ уѣздныхъ предводителей и Уѣздныхъ Присутствій за дѣйствительнымъ исполненіемъ помѣщиками сихъ актовъ.

Разрѣшеніе случаевъ, которые могутъ встрѣтиться при исполненіи.

Подготовленіе матеріаловъ для составленія подробнаго Сельскаго Устава.

Третій періодъ занятій Комитетовъ:

Начертаніе Сельскаго Устава, опредѣляющаго всѣ подробности крестьянскаго быта, или представленіе необходимыхъ для сего матеріаловъ.

Для этой части занятій подробныя программы могутъ быть составлены только передъ самымъ приступомъ къ работѣ, когда потребности новаго устройства ближе и яснѣе обозначутся практическимъ дѣйствіемъ новаго Положенія. Посему Губернскіе Комитеты и обязаны внимательно наблюдать за ходомъ всего дѣла и отмѣчать всѣ тѣ случаи и обстоятельства, на которые нужно будетъ обратить вниманіе при составленіи Сельскаго Устава.

Подписали.

Князь Орловъ.
КОНСТАНТИНЪ.
Графъ В. Адлербергъ.
Князь Павелъ Гагаринъ.
Сергій Ланской.
Графъ В. Панинъ.
Князь В. Долгоруковъ.
Михаилъ Муравьевъ.
Константинъ Чевкинъ.
Іаковъ Ростовцовъ.
Александръ Княжевичъ.

Государственный Секретарь *В. Бутковъ.*

Примѣчаніе. Помѣщикамъ предоставляется лично присутствовать въ Губернскомъ Комитетѣ при разсмотрѣніи частныхъ актовъ, ими составленныхъ.

УСТРОЙСТВО БЫТА ПОМѢЩИЧЬИХЪ КРЕСТЬЯНЪ.

№ II.

ПО ПОВОДУ СТАТЬИ Г. ТРОЙНИЦКАГО „О ЧИСЛѢ КРѢПОСТНЫХЪ ЛЮДЕЙ ВЪ РОССІИ“.

Въ „Современномъ Обозрѣніи“ настоящаго номера было упомянуто объ учрежденіи Центральнаго Статистическаго Комитета, при Министерствѣ Внутреннихъ Дѣлъ. Первымъ самымъ современнымъ плодомъ этого полезнаго учрежденія явилась въ 5 номерѣ Журнала Министерства Внутреннихъ Дѣлъ статья подъ заглавіемъ: „О числѣ крѣпостныхъ людей въ Россіи“. Статья эта принадлежитъ г. Тройницкому, непремѣнному члену Центральнаго Статистическаго Комитета, завѣдывающему его статистическимъ отдѣломъ.

Статья эта, какъ по тому предмету, которому она посвящена, такъ и по способу обработки, должна обратить на себя особенное вниманіе всѣхъ тѣхъ, кто слѣдитъ за развитіемъ и уясненіемъ крестьянскаго вопроса въ нашей литературѣ. Находя, что статья г. Тройницкаго можетъ съ особенною пользою служить для разрѣшенія многихъ какъ общихъ вопросовъ, такъ и мѣстныхъ частностей по крестьянскому дѣлу, мы позволяемъ себѣ воспользоваться прекраснымъ трудомъ г. Тройницкаго для того, чтобы въ краткомъ очеркѣ указать на нѣкоторыя данныя, относящіяся къ крѣпостному сословію въ Россіи.

Статья г. Тройницкаго основана на собранныхъ Центральнымъ Статистическимъ Комитетомъ Министерства Внутреннихъ Дѣлъ, „возможно-точныхъ, новѣйшихъ свѣдѣніяхъ“ о численности крѣпостнаго сословія въ Россіи и о числовомъ отношеніи его какъ къ дворянскому сословію, владѣющему крѣпостными людьми, такъ и къ общему населенію имперіи.

Для полученія всѣхъ этихъ свѣдѣній, по сношенію г. министра внутреннихъ дѣлъ съ министромъ финансовъ, было предписано всѣмъ казеннымъ палатамъ — доставить Центральному Статистическому Комитету свѣдѣнія о числѣ какъ дворянъ и помѣщиковъ, такъ и крѣпостныхъ людей въ каждой губерніи и области, съ подраздѣленіемъ этихъ свѣдѣній на слѣдующіе разряды: а) дворянъ, владѣющихъ крѣпостными людьми *безъ земли;* и б) помѣщиковъ, владѣющихъ землями, населенными крѣпостными людьми: менѣе 21 души, отъ 21 до 100 душъ, отъ 101 до 500, отъ 501 до 1000, и болѣе 1000 душъ.

Свѣдѣнія этого рода, какъ видно изъ статьи г. Тройницкаго, доставлены были отъ казенныхъ палатъ въ Центральный Статистическій Комитетъ въ началѣ нынѣшняго года изъ всѣхъ губерній и областей имперіи, исключая Закавказскихъ. Это обстоятельство имѣетъ, по нашему мнѣнію, ту важность, что статистическія данныя, вошедшія въ статью г. Тройницкаго, имѣютъ два главныя достоинства, именно: одновременность ихъ собранія на пространствѣ всей имперіи и, кромѣ того, такую современность, какую только могутъ представить статистическія данныя, собранныя въ такомъ огромномъ размѣрѣ, какого требовала самая обширность предмета, къ которому онѣ относятся. Понятно, что всѣ эти свѣдѣнія никакъ не могло бы собрать никакое частное лицо, несмотря на всѣ свои усилія; одно только правительственное учрежденіе могло выполнить это.

Но статья г. Тройницкаго богата не одними числовыми данными: она изобилуетъ многими конечными выводами, ясно опредѣляющими тотъ предметъ, которому она посвящена; кромѣ того, въ статьѣ этой мы нашли новую мысль, правда не вполнѣ еще развитую, — прослѣдить образованіе и укорененіе крѣпостнаго права въ Россіи по племенамъ, ее населяющимъ.

Понятно, что ученое сочиненіе, въ основаніе котораго входятъ цифры, требуетъ самой строго-систематической обработки, и притомъ необходимо, для полнаго опредѣленія важности общихъ выводовъ, сдѣланныхъ изъ этихъ цифръ, показать какъ степень достовѣрности, такъ и самое значеніе тѣхъ цифръ, которыми пользуется сочинитель. Въ этомъ отношеніи статья г. Тройницкаго вполнѣ удовлетворяетъ требованіямъ жителей.

Чтобъ поставить читателя на правильную точку зрѣнія, г. Тройницкій дѣлаетъ въ началѣ своей статьи опредѣленія тѣмъ числовымъ даннымъ, которыми онъ воспользовался. Изъ замѣчаній, сдѣланныхъ по поводу этого г. Тройницкимъ, мы узнаемъ: во-первыхъ, что свѣдѣнія, вошедшія въ его статью, относятся только къ мужскому полу, о которомъ одномъ числовыя данныя казенныхъ палатъ и могутъ быть точными, такъ какъ одинъ только мужскій полъ подлежитъ подушному окладу; во-вторыхъ, что въ вѣдомостяхъ казенныхъ палатъ, подъ названіемъ крѣпостныхъ помѣщичьихъ людей, показаны нераздѣльно, какъ собственно крестьяне, барщинные и оброчные, поселенные на землѣ, такъ и дворовые люди; разумѣется однако-жъ, что въ первомъ разрядѣ, дворовыхъ безземельныхъ, состоятъ только дворовые люди, приписанные къ домамъ или къ денежнымъ капиталамъ; въ-третьихъ, что въ вѣдомостяхъ казенныхъ палатъ числа, какъ владѣльцевъ крестьянъ, такъ и крѣпостныхъ людей, показаны на основаніи 9 ревизіи и, какъ видно изъ отношеній нѣкоторыхъ казенныхъ палатъ, также на основаніи окладныхъ списковъ 1857 года, и что поэтому, какъ весьма справедливо замѣчаетъ г. Тройницкій, эти свѣдѣнія представляютъ настоящую юридическую численность крѣпостнаго сословія въ Россіи, до окончанія производимой нынѣ 10-той народной переписи.

Опредѣляя такимъ образомъ значеніе матеріаловъ, служившихъ для статьи „о числѣ крѣпостныхъ людей въ Россіи“, почтенный ея авторъ почелъ нужнымъ замѣтить, что къ числу крѣпостныхъ людей присовокуплены, по Пермской губерніи, показанные отдѣльно, по вѣдомостямъ тамошней казенной палаты, крѣпостные заводскіе; а по Орловской губерніи, также показанные отдѣльно крестьяне,

приписанные къ заводамъ и фабрикамъ, но состоящіе на полномъ правѣ помѣщичьей собственности.

Надобно однако замѣтить, что, кромѣ крестьянъ помѣщичьихъ, есть еще въ Россіи и другаго рода сельскіе обыватели лично не свободнаго состоянія; они представляютъ сословіе крестьянъ или не вполнѣ, или временно находящихся на крѣпостномъ правѣ. Такіе крестьяне находятся преимущественно въ западныхъ губерніяхъ; тамъ, кромѣ крестьянъ ленныхъ, постуитскихъ, поссессіонныхъ, есть еще крестьяне, принадлежащіе городамъ; такихъ крестьянъ донынѣ имѣютъ еще города Ковно и Вильно. О крестьянахъ этого рода сдѣлана г. Тройницкимъ особая замѣтка, въ концѣ одной изъ таблицъ, присоединенныхъ къ статьѣ, но замѣтка эта не совсѣмъ полна; такъ напримѣръ постуитскіе и ленные крестьяне показаны находящимися только въ Минской и Подольской губерніяхъ, между тѣмъ какъ такого же рода крестьяне находятся и въ другихъ губерніяхъ западнаго края, какъ-то: Виленской и Гродненской; сверхъ того въ числѣ крестьянъ, состоящихъ не вполнѣ на крѣпостномъ правѣ, показаны по Симбирской губерніи крестьяне, принадлежащіе Маріинскому институту въ числѣ 423 душъ, тогда какъ Ярославскому Демидовскому лицею и нѣкоторымъ другимъ учрежденіямъ принадлежитъ гораздо большее число душъ, но они въ упомянутой замѣткѣ не означены.

Впрочемъ подобныя пропуски не составляютъ существенныхъ пропусковъ въ статьѣ г. Тройницкаго и, конечно, произошли отъ несогласившагося еще взгляда казенныхъ палатъ на сословное положеніе крестьянъ; надобно полагать, что одни казенныя палаты почитаютъ крѣпостными только тѣхъ крестьянъ, которыя укрѣплены собственно за помѣщиками, другія же считаютъ крѣпостными и тѣхъ, которые укрѣплены за какими либо вѣдомствами или учрежденіями, во имя своего прежняго владѣтеля.

Предваривъ своихъ читателей о свойствѣ статистическихъ данныхъ, г. Тройницкій указываетъ на тѣ главные выводы, которые онъ сдѣлалъ изъ бывшихъ у него свѣдѣній. Такимъ образомъ онъ говоритъ, что, по сведеніи въ общіе итоги по каждой губерніи числовыхъ данныхъ, полученныхъ отъ казенныхъ палатъ, выведена имъ по каждой же губерніи средняя сложность крѣпостныхъ людей, принадлежащихъ одному владѣльцу.

Кромѣ того г. Тройницкій опредѣлилъ по каждой губерніи *крѣпостной процентъ*, т. е. показалъ числовое отношеніе крѣпостнаго сословія къ общему населенію губерніи и области. Въ этомъ случаѣ, какъ и въ предъидущемъ, г. Тройницкій воспользовался сколько возможно болѣе вѣрными свѣдѣніями, принявъ за основаніе для опредѣленія числа настоящаго народонаселенія Россіи свѣдѣнія, заключающіяся во всеподданнѣйшихъ отчетахъ начальниковъ губерній за 1856 годъ, какъ новѣйшія оффиціальныя свѣдѣнія по этому предмету для всей имперіи. Къ этимъ даннымъ г. Тройницкій присоединилъ, съ размѣщеніемъ по соотвѣтственнымъ губерніямъ и областямъ, числа о народонаселеніи въ военныхъ поселеніяхъ и въ казачьихъ войскахъ, доставленныя бывшимъ департаментомъ военныхъ поселеній, и числовыя свѣдѣнія о Кавказскомъ краѣ, полученныя изъ Кавказскаго комитета.

Въ заключеніе всѣхъ этихъ указаній, г. Тройницкій прибавляетъ, что всѣ свѣдѣнія, какъ о крѣпостныхъ людяхъ, такъ и вообще о народонаселеніи, отно-

сятся только къ мужскому полу, и полагаетъ, что удвоивъ всѣ собранныя имъ числа какъ крѣпостныхъ людей, такъ и всѣхъ жителей губерніи, можно получить довольно приблизительныя данныя о числѣ тѣхъ и другихъ по обоимъ поламъ. Съ вѣрностію такого разсчета согласиться не трудно, такъ какъ почти повсемѣстно, кромѣ тѣхъ пунктовъ, гдѣ сосредоточены въ особенности военныя силы, число жителей мужскаго и женскаго пола, почти одинаково.

На основаніи свѣдѣній, доставленныхъ Центральному Статистическому Комитету, г. Тройницкій составилъ главную таблицу крѣпостнаго сословія по одной Европейской Россіи; такъ какъ число крѣпостныхъ людей въ Сибири весьма незначительно, а за Кавказомъ вовсе ничтожно, и г. Тройницкій, при всемъ желаніи, не имѣлъ бы возможности исполнить это, такъ какъ изъ предъидущаго видно, что со времени составленія его статьи не были еще получены изъ Закавказскихъ областей необходимыя по этому предмету свѣдѣнія. Мы смотримъ на таблицу г. Тройницкаго, какъ на весьма важное пособіе при многихъ слишкомъ разностороннихъ вопросахъ касательно крестьянскаго дѣла; мы признаемъ въ ней не только собраніе оффиціальныхъ и въ настоящее время всего болѣе вѣрныхъ свѣдѣній, но и результатъ ученой обработки, вслѣдствіе этого мы видимъ въ ней капитальный отдѣльный трудъ и поэтому не считаемъ себя вправѣ представить на страницахъ „Современника“ составленную имъ „Таблицу крѣпостнаго населенія въ Европейской Россіи за 1858 годъ“. Скажемъ только, что таблица эта должна служить настольнымъ пособіемъ для всѣхъ, занимающихся крестьянскимъ вопросомъ, какъ въ административномъ, такъ и ученомъ отношеніи, и затѣмъ укажемъ на тѣ данныя, которыя можно почерпать изъ этой таблицы.

Упомянутая таблица заключаетъ въ себѣ 51 административный округъ, по раздѣленію Россіи на губерніи, области и земли (Донскаго и Черноморскаго войскъ). Всѣ эти административныя части Европейской Россіи размѣщены по алфавитному порядку, и по каждой изъ сихъ частей можно найти слѣдующія свѣдѣнія:

а) О дворянахъ, владѣющихъ крѣпостными людьми безъ земли, съ подраздѣленіемъ этихъ свѣдѣній на двѣ рубрики: 1) число такихъ дворянъ и 2) число крѣпостныхъ людей, за ними состоящихъ.

б) О помѣщикахъ, владѣющихъ землею, населенною крѣпостными людьми. Свѣдѣнія объ этомъ предметѣ имѣютъ слѣдующія подраздѣленія: 1) число помѣщиковъ, 2) число крѣпостныхъ людей, за ними числящихся; при этомъ указаны слѣдующія подробности: 1) число помѣщиковъ, владѣющихъ менѣе, нежели 21 душою, 2) число отъ 21 до 100 душъ, 3) отъ 101 до 500 душъ, 4) отъ 501 до 1000 и 5) болѣе 1000 душъ. Таблица эта заключается какъ общимъ числомъ владѣльцевъ крѣпостныхъ людей, такъ и общимъ числомъ послѣднихъ, и выводомъ, сколько именно крѣпостныхъ людей, по каждой губерніи, приходится на каждаго владѣльца. Затѣмъ показано общее число жителей по каждой же губерніи, съ вычисленіемъ крѣпостнаго процента.

Изъ этихъ указаній на таблицу, составленную г. Тройницкимъ, видно то изобиліе статистическихъ данныхъ, которыя она въ себѣ заключаетъ и вслѣдствіе которыхъ она, какъ мы замѣтили, должна служить настольнымъ руководствомъ, во многихъ случаяхъ, для тѣхъ, кто занимается крестьянскимъ вопросомъ въ ученомъ или административномъ отношеніи.

Въ числѣ европейскихъ губерній, помѣщенныхъ въ этой таблицѣ, показаны также губерніи, считаемыя обыкновенно принадлежащими не европейской, но азіатской Россіи, именно губерніи Пермская и Оренбургская. Включеніе ихъ въ Европейскую Россію сдѣлано г. Тройницкимъ потому, что встрѣчается крайнее затрудненіе выдѣлить изъ нихъ, при нынѣшнемъ административномъ ихъ устройствѣ, зауральскія ихъ части, которыя собственно принадлежатъ Сибири, оставивъ приуральскія принадлежащими къ Европейской Россіи.

При внимательной обработкѣ данныхъ, бывшихъ у г. Тройницкаго, встрѣтимъ между прочимъ вопросъ на счетъ остзейскихъ губерній и Земли Черноморскаго Войска, при опредѣленіи общаго крѣпостнаго процента относительно всего числа жителей; и г. Тройницкій означилъ по этимъ мѣстамъ, въ которыхъ, какъ извѣстно, не существуетъ крѣпостнаго сословія, одно только мужское населеніе вообще, такъ какъ эти цифры были необходимы для разрѣшенія предположенной г. Тройницкимъ задачи—касательно общаго вывода о крѣпостномъ процентѣ во всей Европейской Россіи.

Изъ составленной, по упомянутой здѣсь системѣ, г. Тройницкимъ таблицы, онъ во второмъ отдѣлѣ своей статьи дѣлаетъ общіе выводы о крѣпостномъ населеніи въ Европейской Россіи, и таблица объ этомъ населеніи подаетъ г. Тройницкому поводъ къ многимъ общимъ соображеніямъ.

Тамъ между прочимъ оказывается, что во всей Европейской Россіи, при общемъ мужскомъ населеніи въ 28,613,380 душъ, считается нынѣ по вѣдомостямъ казенныхъ палатъ 10,844,902 души крѣпостныхъ людей. На основаніи этихъ двухъ чиселъ г. Тройницкій опредѣляетъ *крѣпостной процентъ* всей Европейской Россіи въ 37,90; т. е. что *изъ ста душъ* общаго ея населенія болѣе третьей части или около *тридцати восьми душъ* находятся въ крѣпостномъ положеніи. При этомъ г. Тройницкій дѣлаетъ слѣдующее замѣчаніе: по всеподданнѣйшему отчету г. министра внутреннихъ дѣлъ за 1856 годъ, въ томъ году состояло въ залогѣ въ государственныхъ кредитныхъ установленіяхъ 6,596,620 душъ, т. е. 60,82%, или три пятыхъ части всего числа крѣпостныхъ людей, по долгамъ владѣльцевъ, простиравшимся до 397,879,459 руб. сер.

Все показанное прежде число крѣпостныхъ людей принадлежитъ 114,967 владѣльцамъ, которыхъ число составляетъ не болѣе 0,40% или двѣ пятыхъ одного процента всего мужскаго населенія Европейской Россіи.

Представляя читателямъ эти данныя, г. Тройницкій весьма основательно замѣчаетъ, что выведенное имъ число владѣльцевъ слѣдуетъ считать нѣсколько болѣе дѣйствительнаго; такъ какъ помѣщики, владѣющіе крѣпостными людьми въ нѣсколькихъ губерніяхъ, показаны по вѣдомостямъ казенныхъ палатъ отдѣльно по имѣніямъ ихъ въ каждой губерніи, и потому зачислены каждый нѣсколько разъ, по числу губерній, въ которыхъ находятся ихъ имѣнія. Само собою разумѣется, что опредѣлить съ большею точностію число помѣщиковъ по свѣдѣніямъ, полученнымъ отъ казенныхъ палатъ, нѣтъ никакой возможности; но мы полагаемъ, однако, что болѣе опредѣленныя, по этому важному въ хозяйственномъ отношеніи вопросу, свѣдѣнія можно имѣть отъ уѣздныхъ предводителей дворянства. Свѣдѣнія эти конечно не могутъ войти въ таблицы, составленныя на основаніи свѣдѣній, полученныхъ отъ казенныхъ палатъ, но могутъ представить отдѣльныя

статистическія таблицы, опредѣляющія во многихъ отношеніяхъ современное развитіе крѣпостнаго права въ Россіи.

Весьма любопытные выводы представляетъ г. Тройницкій, говоря о распредѣленіи крѣпостныхъ людей между ихъ владѣльцами.

Такъ изъ статьи г. Тройницкаго видно, что число крѣпостныхъ людей, принадлежащихъ дворянамъ, *не владѣющимъ землею* и имѣющимъ крѣпостныхъ, приписанныхъ къ домамъ или денежнымъ капиталамъ, необязанныхъ исполненіемъ рекрутской повинности въ натурѣ—простирается до 15,390 душъ, что составляетъ всего 0,14 процентовъ всего крѣпостнаго населенія.

Между тѣмъ можно сдѣлать слѣдующее распредѣленіе крѣпостныхъ людей между помѣщиками, владѣющими населенною землей въ одной губерніи:

а) Помѣщикамъ, имѣющимъ менѣе 21 души (равнымъ образомъ не отбывающихъ рекрутской повинности въ натурѣ), принадлежитъ въ общей сложности 371,210 душъ, что составляетъ 3,42 процента всего крѣпостнаго населенія.

б) Помѣщикамъ, имѣющимъ отъ 21 до 100 душъ (обязанныхъ, какъ и слѣдующія категоріи, отбываніемъ рекрутской повинности въ натурѣ), принадлежитъ 1,655,824 души, что составляетъ 15,27 процентовъ всего крѣпостнаго народонаселенія.

Затѣмъ распредѣленіе крѣпостныхъ людей между ихъ владѣльцами можно выразить въ слѣдующемъ перечнѣ:

Помѣщикамъ имѣющимъ:

а) отъ 101 до 500 душъ	принадлежитъ	3,903,502 души.	что составляетъ	$35,_{99}$ процентовъ всего крѣпостнаго населенія
б) отъ 501 до 1000 —	—	1,615,143	—	$14,_{89}$
в) болѣе 1000 —	—	3,283,833	—	$30,_{28}$.

Приводя эти данныя, г. Тройницкій дѣлаетъ слѣдующее замѣчаніе: „по закону не установлено у насъ положительнаго разграниченія между большими, средними и малыми помѣщиками, относительно къ числу состоящихъ въ ихъ владѣніи крѣпостныхъ людей. Если, продолжаетъ г. Тройницкій, назвать *богатыми* помѣщиками владѣльцевъ болѣе 500 душъ крестьянъ, т. е. соединить двѣ послѣднія изъ вышепринятыхъ категорій въ одну; *средними*—владѣльцевъ отъ 100 до 500 душъ, *небогатыми* — владѣльцевъ отъ 21 до 100 и наконецъ *мелкопомѣстными* — помѣщиковъ имѣющихъ менѣе 21 крѣпостной души: то выйдетъ, что изъ всей массы крѣпостнаго населенія Европейской Россіи принадлежатъ *около половины* (4,898,976 душъ или $45,17^0_0$) богатымъ помѣщикамъ, немного *болѣе трети* среднимъ помѣщикамъ, не много *болѣе седьмой части* небогатымъ, не много *болѣе тридцатой части* мелкопомѣстнымъ и наконецъ *менѣе одной семисотой части* дворянамъ безземельнымъ.

Конечно, нельзя вполнѣ согласиться, чтобъ количествомъ душъ можно было опредѣлять вообще богатство помѣщика, такъ какъ и то и другое зависитъ главнымъ образомъ отъ мѣстныхъ условій; но въ тѣхъ, довольно рѣдкихъ разграниченіяхъ, которыя принялъ г. Тройницкій, можно однако допустить, конечно, кромѣ крайнихъ случаевъ разворенія помѣстій, нѣкоторую вѣрность сдѣланнаго имъ исчисленія.

Затѣмъ изъ выводовъ, сдѣланныхъ г. Тройницкимъ, оказывается, что въ

средней сложности приходится на каждаго дворянина, владѣющаго крѣпостными людьми въ Европейской Россіи, по 94 души, точнѣе по 94,33 души.

Послѣ этого вывода г. Тройницкій представляетъ слѣдующую роспись въ средней сложности:

на	5,510	дворянъ, не владѣющихъ землею,	приходится по		2,79 душъ.
—	49,708	помѣщиковъ, имѣющихъ менѣе	21	души	7,48 —
—	36,024	— —	отъ 21	до 100	— 45,96 —
—	19,808	— —	— 101	— 500	— 202,11 —
—	2,468	— —	— 501	— 1000	— 654,43 —
—	1,449	— —	— 1000	—	— 2266,27 —

Затѣмъ г. Тройницкій, для избѣжанія дробей и для большей наглядности, эти числовыя отношенія между владѣльцами и принадлежащими имъ крѣпостными людьми выражаетъ въ круглыхъ числахъ, принимая за сравнительную единицу сперва 10,000 для крестьянъ и потомъ 100 для владѣльцевъ. На основаніи этихъ вычисленій, г. Тройницкій представляетъ двѣ особыя росписи, помѣщать которыя здѣсь было бы излишне, тѣмъ болѣе, что всѣ занимающіеся крестьянскимъ вопросомъ обратятся непосредственно къ прекрасной статьѣ г. Тройницкаго.

Въ третьемъ отдѣлѣ этой статьи мы находимъ выводы о крѣпостномъ сословіи по губерніямъ въ Европейской Россіи.

При этихъ соображеніяхъ г. Тройницкій, изъ полнаго числа 48 губерній одной области и двухъ войсковыхъ земель, исключаетъ три остзейскія губерніи — Курляндскую, Лифляндскую и Эстляндскую и Землю Войска Черноморскаго, потому что, какъ мы имѣли случай еще и прежде замѣтить, въ этихъ мѣстахъ вовсе не существуетъ, по силѣ законовъ, крѣпостнаго состоянія; кромѣ того онъ замѣчаетъ, что въ Архангельской губерніи нѣтъ имѣній, населенныхъ крѣпостными людьми, и что въ ней считается только 9 дворянъ (въ томъ числѣ 6 лицъ женскаго пола), владѣющихъ 14 крѣпостными людьми безъ земли. Затѣмъ сравнительные выводы, касательно распредѣленія крѣпостнаго сословія, г. Тройницкій дѣлаетъ по 46 губерніямъ, одной области и одной войсковой землѣ.

Приступая къ этимъ выводамъ, г. Тройницкій замѣчаетъ, что число лицъ, владѣющихъ крѣпостными людьми въ Европейской Россіи, весьма неравномѣрно распредѣлилось по отдѣльнымъ губерніямъ. Отъ наибольшей величины, именно отъ 7547 владѣльцевъ, находящихся въ Полтавской губерніи, оно по Астраханской упадаетъ до 98. Затѣмъ г. Тройницкій составилъ перечень всѣхъ 46 губерній, распредѣливъ ихъ по числу находящихся въ нихъ владѣльцевъ крѣпостныхъ людей. Разсматривая этотъ перечень, мы могли замѣтить, что по тѣмъ 8 губерніямъ, гдѣ всего менѣе помѣщиковъ, еще не представлены (по крайней мѣрѣ до сего времени не имѣется объ этомъ нужныхъ свѣдѣній) всеподданнѣйшія прошенія дворянъ объ улучшеніи быта крестьянъ.

Относительно этого списка губерній, г. Тройницкій справедливо замѣчаетъ, что онъ не подаетъ повода ни къ какимъ заключеніямъ о распредѣленіи числа владѣльцевъ крѣпостныхъ людей по географическому или этнографическому положенію губерній, которыя весьма перемѣшаны, какъ въ томъ, такъ и въ другомъ отношеніи. Дѣйствительно въ числѣ губерній, имѣющихъ отъ 4 до 5 тысячъ владѣльцевъ, мы находимъ и Новгородскую и Харьковскую губернію, а въ числѣ губерній, имѣющихъ владѣльцевъ отъ 1 и до 2 тысячъ, губерніи Гродненскую и

Оренбургскую, и наконецъ въ числѣ губерній, имѣющихъ менѣе тысячи владѣльцевъ, мы встрѣчаемъ Астраханскую и Олонецкую, Бессарабскую область и Пермскую губернію.

Но при всей неровности такого распредѣленія, нельзя однако не сдѣлать общаго замѣчанія, что наибольшее число помѣщиковъ, владѣющихъ крѣпостными людьми, находится въ губерніяхъ, населенныхъ малороссійскими и великороссійскими племенами; затѣмъ слѣдуютъ губерніи западной полосы Имперіи; наименѣе такихъ владѣльцевъ числится въ губерніяхъ, составляющихъ окраины Европейской Россіи, съ восточной, сѣверной и южной сторонъ, гдѣ, по ходу историческаго развитія Россіи, позднѣе разселилось русское дворянство.

Что же касается многочисленности владѣльцевъ крѣпостныхъ людей въ губерніяхъ великороссійскихъ и малороссійскихъ, то по поводу этого мы позволяемъ себѣ сдѣлать слѣдующія объясненія.

Въ губерніяхъ великороссійскихъ помѣщики, и преимущественно мелкопомѣстные, принадлежатъ къ древнему дворянству; предки этихъ помѣщиковъ владѣли помѣстьями, и иногда очень значительными для прежней поры, еще со временъ первыхъ царей московскихъ; но не имѣя ни честолюбія, ни охоты наживать себѣ состоянія, они не обращались ни къ службѣ, ни къ торговымъ, ни къ промышленнымъ предпріятіямъ, довольствовались своимъ настоящимъ имуществомъ и оставляли своимъ потомкамъ родовыя, не только не увеличивавшіяся вотчины, а напротивъ все болѣе и болѣе дробившіяся въ каждомъ поколѣніи. Во многихъ великороссійскихъ губерніяхъ, въ особенности въ одномъ изъ уѣздовъ Костромской, встрѣчается много дворянскихъ фамилій, постоянно, въ нисходящей линіи, владѣющихъ родовою собственностію съ XV вѣка, которая между тѣмъ, безъ увеличенія какими либо новыми пріобрѣтеніями, постоянно дробилась, нерѣдко между десятью поколѣніями, слѣдовавшими одно за другимъ. Среди этихъ мелкопомѣстныхъ дворянъ, имѣющихъ по одной, по двѣ, а много по три души, встрѣчаются имена, сохранившіяся въ исторіи и которыя между тѣмъ считаютъ уже угасшими въ спискахъ древняго русскаго дворянства. Такимъ образомъ древность наслѣдственнаго владѣнія помѣстьями была главною причиною раздробленія ихъ между множествомъ мелкихъ владѣльцевъ. Въ другихъ же мѣстахъ сословіе помѣстныхъ владѣльцевъ образовалось позднѣе и потому, естественно, ихъ вотчины, въ меньшій періодъ времени, не могли еще раздробиться до такой степени, до какой они раздробились въ теченіи нѣсколькихъ вѣковъ.

Относительно малороссійскихъ губерній замѣтимъ, что въ Малороссіи, при гетманахъ, имѣнія, населенныя людьми „посполитыми", давались во владѣніе не только войсковой и полковой старшинѣ, но и большей части войсковыхъ товарищей. Въ такихъ мелкихъ раздачахъ населенныхъ помѣстій малороссійское правительство видѣло прежде экономическую цѣль. Въ этомъ случаѣ оно подражало Польшѣ, гдѣ большое число незначительныхъ по размѣру сельскихъ хозяйствъ, усиленно укрѣпленными за ними рабочими людьми, считалось нѣкогда успѣхами общаго благосостоянія. Пробѣгая гетманскіе универсалы, данные войсковымъ чинамъ на недвижимыя имѣнія, нельзя не замѣтить, что имѣнія эти, по обычному въ ту пору выраженію, давались „за значныя услуги и для вспартя господарства", т. е. для поддержанія хозяйства. Еще въ царствованіе императрицы Елизаветы Петровны, русское правительство обратило особенное вниманіе на огромное число

помѣстныхъ владѣльцевъ въ Малороссіи, и былъ изданъ указъ, по которому требовались отъ малороссійскихъ помѣщиковъ доказательства на право владѣнія помѣстьями. Несмотря однако на строгость подобныхъ требованій, почти всѣ малороссійскіе помѣщики удержали за собою свои владѣнія: кто на основаніи литовскаго статута, кто на основаніи малороссійскихъ привиллегій и договорныхъ грамотъ царей московскихъ съ прежними малороссійскими гетманами, кто на основаніи гетманскихъ универсаловъ, купчихъ и разнаго рода записей. Надобно также замѣтить, что старинный бытъ малороссовъ отличался простотою и отсутствіемъ всякой роскоши, и потому, для поддержанія помѣщичьяго хозяйства, не слишкомъ много требовалось крестьянъ. По этому самому не только войсковые товарищи, но и высшіе малороссійскіе сановники получили во владѣніе самыя незначительныя помѣстья, которыя мельчали еще болѣе, при переходѣ ихъ по наслѣдству отъ одного поколѣнія къ другому.

Значительное число помѣщиковъ въ такъ называемыхъ западныхъ губерніяхъ объясняется прежде огромнымъ числомъ бывшей въ Польшѣ шляхты, т. е. существованіемъ въ этой странѣ чрезвычайно большого числа лицъ, имѣвшихъ право владѣть населенными имѣніями; кромѣ того, число помѣстныхъ владѣльцевъ значительно тамъ увеличивалось, вслѣдствіе существованія такъ называемыхъ *кролевщизнъ*. Кролевщизны были собственно королевскія имѣнія, дробившіяся на мелкіе участки, которые потомъ раздавались въ пожизненное, а иногда и въ потомственное владѣніе бѣдныхъ шляхтичей. Но и по числу крѣпостныхъ людей, или по абсолютному крѣпостному населенію, не всѣ губерніи представляютъ одинаковую соразмѣрность. Изъ всѣхъ губерній крѣпостныхъ людей всего болѣе находится въ Кіевской губерніи, именно—521,245; за этою губерніею слѣдуютъ смежныя съ нею губерніи: Подольская и Волынская, въ которыхъ крѣпостное населеніе простирается отъ 500 до 400 тысячъ. Всего менѣе крѣпостныхъ людей въ Олонецкой губерніи, гдѣ число ихъ не превышаетъ 5.430 душъ.

Говоря о количествѣ абсолютнаго крѣпостнаго населенія, г. Тройницкій представляетъ въ своей статьѣ особый списокъ губерній: въ этомъ спискѣ губерніи расположены въ томъ порядкѣ, въ какомъ онѣ занимаютъ мѣсто по количеству находящагося въ каждой изъ нихъ абсолютнаго крѣпостнаго населенія.

Изъ этого списка между прочимъ видно, что крѣпостное сословіе наиболѣе распространилось и укрѣпилось въ трехъ такъ называемыхъ югозападныхъ губерніяхъ (бывшей Польской Украйнѣ), въ губерніяхъ Кіевской, Волынской и Подольской, населенныхъ по преимуществу малороссійскимъ, русинскимъ или руснякскимъ и въ значительной степени польскимъ племенами.

За этими губерніями слѣдуютъ губерніи центральныя, гдѣ господствуетъ великороссійское племя, и въ которыхъ, по исчисленію г. Тройницкаго, число крѣпостныхъ людей приходится вообще отъ 250 до 400 тысячъ душъ на губернію. Къ нимъ, замѣчаетъ г. Тройницкій, примыкаютъ, уступая однакоже въ численности крѣпостнаго населенія, губерніи, населенныя племенами малороссійскимъ, бѣлорусскимъ и литовскимъ въ смѣшеніи съ великороссійскимъ; а потомъ слѣдуютъ губерніи, въ которыхъ русское населеніе слилось съ первонаселенными тамъ племенами финскаго и тюркскаго происхожденія. Самое меньшее крѣпостное населеніе представляютъ двѣ изъ сѣверныхъ губерній, Вятская и Олонецкая, и самыя крайнія южныя губерніи, Таврическая и Астраханская; въ этихъ губерніяхъ позже

другихъ утвердилось преобладаніе русскаго племени надъ населяющими ихъ инородцами — татарами, калмыками, молдо-валахами и пр.

Что же касается числоваго отношенія крѣпостныхъ людей къ ихъ владѣльцамъ, то насчетъ этого г. Тройницкій замѣчаетъ, что средняя сложность относительной крѣпостной населенности имѣній по губерніямъ представляетъ чрезвычайное разнообразіе и измѣняется отъ 2,232 крѣпостныхъ людей, приходящихся на одного помѣщика въ Пермской губерніи, до 18 душъ въ Бессарабской области. Подробности этихъ вычисленій г. Тройницкій представляетъ въ особо-составленномъ, на этомъ основаніи, спискѣ, и при этомъ дѣлаетъ общее замѣчаніе, что самыя огромныя, населенныя крѣпостными людьми, имѣнія существуютъ въ Пермской губерніи, гдѣ находятся старинные и богатые горные заводы; затѣмъ слѣдуютъ двѣ изъ сѣверо-восточныхъ же губерній, гдѣ сохранились еще въ большомъ объемѣ старинныя вотчины, обратившіяся въ заводскія и фабричныя имѣнія, и три юго-западныя губерніи, особенно замѣчательныя по богатству старинныхъ же вотчинниковъ и помѣщиковъ и по производству лучшаго въ Россіи зерноваго хлѣба: приведенныя губерніи, продолжаетъ г. Тройницкій, различаются, впрочемъ, между собою въ томъ отношеніи, что въ двухъ изъ показанныхъ сѣверо-восточныхъ губерній, по преимуществу заводскихъ, Пермской и Вятской, число владѣльцевъ большихъ помѣстій не велико, а въ Нижегородской и трехъ западныхъ оно значительно.

Затѣмъ, по размѣру имѣній, населенныхъ крѣпостными людьми, представляются губерніи бѣлорусскія, бывшія литовскія, и большая часть великороссійскихъ; далѣе губерніи, населенныя вполнѣ или въ значительной степени малороссійскимъ племенемъ, и наконецъ тѣ, въ которыхъ крѣпостное сословіе вообще малочисленно и гдѣ оно не могло еще сгруппироваться въ большія имѣнія. Наибольшая раздробительность имѣній, населенныхъ крѣпостными людьми, и наибольшее число мелкопомѣстныхъ владѣльцевъ оказывается въ губерніяхъ Полтавской, Курской, Черниговской и затѣмъ въ Рязанской, Смоленской, Новгородской, Землѣ Войска Донскаго и Харьковской.

Постараемся теперь до нѣкоторой степени историческими замѣтками объяснить выводы, сдѣланные г. Тройницкимъ на основаніи строгихъ вычисленій.

Что касается большой раздробленности и, въ противоположность ей, значительнаго числа большихъ помѣстій въ губерніяхъ великороссійскихъ, то первая, т. е. раздробленность, объясняется тѣмъ, что мы уже имѣли случай сказать, говоря о числѣ мелкопомѣстныхъ владѣльцевъ въ этихъ губерніяхъ. Послѣднее же явленіе, т. е. значительное число большихъ помѣстій въ великороссійскихъ же губерніяхъ, есть, по нашему мнѣнію, явленіе совершенно случайное, происходящее потому, что нѣкоторымъ изъ тамошнихъ владѣльцевъ приходилось сохранять родовыя вотчины нераздѣльно, по той причинѣ, что въ каждомъ поколѣніи былъ только одинъ представитель мужескаго пола, и такимъ образомъ эти имѣнія какъ бы случайно становились нераздробляемыми майоратами. Такія условія, для поддержанія цѣлости имѣнія въ теченіе долгаго времени, бывшія въ родѣ графовъ Шереметевыхъ, дали возможность этой фамиліи сохранить во многихъ великорусскихъ губерніяхъ нераздѣльно всѣ свои огромныя вотчины. Это же замѣчаніе, если мы не ошибаемся, можетъ быть примѣнено и къ фамиліи князей Юсуповыхъ.

Кромѣ того, нѣкоторымъ быстро развивавшимся дворянамъ или лицамъ другихъ сословій, но только получавшимъ дворянское достоинство и составлявшимъ

себѣ огромныя богатства, хотѣлось прежде всего сдѣлаться большими помѣщиками; особенно во второй половинѣ прошедшаго столѣтія и въ началѣ нынѣшняго, многіе простолюдины быстро разживались откупами, и, по достиженіи этими лицами дворянства, имъ удавалось выгодно скупать мелкія вотчины и составлять изъ нихъ огромныя имѣнія. Нѣкоторыя изъ составленныхъ такимъ образомъ имѣній скоро однако раздробились, какъ напр. имѣніе Я—на, но за то другія во всей своей цѣлости перешли отъ первыхъ пріобрѣтателей къ ихъ наслѣдникамъ, и сохранились въ ихъ владѣніи до настоящаго времени. Конечно, все это было одною только случайностію.

Незначительность же размѣровъ помѣщичьихъ имѣній въ губерніяхъ малороссійскихъ легко объясняется тѣмъ, что мы уже сказали прежде, говоря о мелкопомѣстныхъ помѣщикахъ въ Малороссіи.

Образованіе огромныхъ помѣстій на Волыни и на Подолѣ объясняется тѣмъ, что польскіе магнаты, не встрѣчая въ этихъ мѣстахъ того противодѣйствія, какое они находили въ Малороссеіи, стремились пріобрѣтать въ этомъ плодородномъ краѣ маэтности, и поэтому, въ концѣ прошедшаго столѣтія, тамъ образовались огромныя помѣстья князей Сангушко, Потоцкихъ и Браницкихъ; кромѣ того, на Вязьмѣ и на Подолѣ существовали такъ называемыя орбинаціи, родъ майоратовъ, недопускавшій дробленіе помѣстій, которыя такимъ образомъ, не мельчая постепенно, какъ другія, переходили отъ одного поколѣнія къ другому, и изъ которыхъ нѣкоторыя сохранились дольше въ своемъ прежнемъ размѣрѣ.

Что же касается сѣверо-восточныхъ губерній, называемыхъ г. Тройницкимъ губерніями по преимуществу заводскими, то существованіе тамъ помѣстій въ большихъ размѣрахъ объясняется тѣмъ, что въ этихъ мѣстахъ крестьяне не продавались ни безъ земли, ни съ отдѣльными незначительными поземельными участками. Главнымъ предметомъ владѣнія въ этомъ краѣ былъ заводъ или фабрика; понятно, что ни тотъ, ни другая не могли переходить въ раздѣлъ между наслѣдниками и не могли быть проданы въ раздробь и поэтому самому въ обоихъ случаяхъ и фабрики и заводы, переходя или по наслѣдству или по куплѣ отъ одного владѣльца къ другому, доставались каждому изъ нихъ во всей цѣлости, т. е. со всѣми закрѣпленными при нихъ крестьянами.

Существованіе же большихъ помѣстій въ бѣлорусскихъ и бывшихъ литовскихъ губерніяхъ объясняется какъ тѣми случайными обстоятельствами, на которыя мы указали, говоря о большихъ помѣстьяхъ въ великороссійскихъ губерніяхъ, такъ и тѣмъ, что императрица Екатерина II прямо жаловала нѣкоторымъ изъ своихъ вельможъ значительныя помѣстья въ Бѣлоруссіи; изъ этихъ помѣстій многія не только во всей цѣлости, но даже съ увеличеніемъ перешли, большею частію, не къ наслѣдникамъ тѣхъ, кому они были пожалованы, а къ постороннимъ покупателямъ, пользовавшимся дешевизною имѣній въ этомъ краѣ. Было много особыхъ причинъ, которыя содѣйствовали послѣднему.

Опредѣливъ числовое отношеніе крѣпостныхъ людей къ ихъ владѣльцамъ, г. Тройницкій переходитъ къ разсмотрѣнію крѣпостнаго процента, т. е. къ относительному числу крѣпостныхъ людей, приходящихся на 100 душъ общаго губернскаго населенія; г. Тройницкій и въ этомъ случаѣ, какъ и въ предшествовавшихъ, располагаетъ губерніи въ особомъ спискѣ по степени крѣпостнаго ихъ процента. Изъ этого списка видно, что крѣпостной процентъ не имѣетъ никакого прямаго

отношенія къ абсолютному числу крѣпостнаго населенія въ губерніи. Въ спискѣ, нами упомянутомъ, первое мѣсто занимаетъ губернія Смоленская, тамъ онъ достигаетъ 71,67% или равняется почти тремъ четвертямъ всего губернскаго населенія, самый низшій процентъ—1,18%, т. е. немного болѣе сотой части всего населенія, оказывается въ Бессарабской области. Для удобнѣйшаго обозрѣнія этого, по нашему мнѣнію, едва ли не самаго важнаго предмета въ статистическихъ выводахъ г. Тройницкаго, онъ распредѣляетъ губерніи на четыре группы: 1-я, въ которой число крѣпостныхъ людей составляетъ выше 50% или болѣе половины всего губернскаго населенія; къ этой группѣ должно причислить 18 губерній, изъ которыхъ почти всѣ принадлежатъ къ мѣстностямъ самымъ населеннымъ; 2-я группа представляетъ тѣ губерніи, въ которыхъ число крѣпостныхъ людей въ отношеніи къ населенію вообще представляетъ отъ 25% до 50%, или отъ четвертой части до половины всего населенія, такихъ губерній находится 18; въ третьей группѣ оно простирается отъ 10% до 25%, т. е. отъ десятой до четвертой части всего населенія; такихъ губерній имѣется 5; и наконецъ 4-я, въ которой число крѣпостныхъ людей ниже 10% или менѣе десятой части губернскаго населенія; въ послѣдней группѣ находится 6.

Въ дополненіе къ этимъ даннымъ, г. Тройницкій дѣлаетъ замѣчаніе: „что въ первую группу входятъ губерніи, преимущественно изъ западной полосы губерній и изъ центральныхъ, во вторую—изъ тѣхъ же полосъ, и отчасти малороссійскихъ и заволжскихъ, въ третью двѣ сѣверныхъ и три восточныхъ, и наконецъ въ послѣднюю группу двѣ изъ сѣверныхъ и четыре крайнія южныя губерніи, съ причисленіемъ къ нимъ Бессарабской области, въ которой вообще незначительны какъ число имѣній, населенныхъ крѣпостными людьми, такъ и абсолютное число крѣпостныхъ, состоящихъ почти исключительно изъ цыганъ, поселенныхъ и дворовыхъ".

Обозрѣвъ численность крѣпостнаго сословія въ Европейской Россіи и распредѣленіе его по правительственнымъ участкамъ на этомъ пространствѣ имперіи, г. Тройницкій переходитъ къ числу крѣпостныхъ въ Азіатской Россіи, разумѣя подъ этимъ названіемъ пространство имперіи, занятое губерніями и областями сибирскими и закавказскими. Источниками для опредѣленія числа крѣпостныхъ людей въ Азіатской Россіи служили также свѣдѣнія, доставленныя Центральному Статистическому Комитету отъ мѣстныхъ казенныхъ палатъ, Енисейской, Иркутской, Тобольской, Томской и Семипалатинской; для другихъ остальныхъ затѣмъ мѣстъ г. Тройницкій заимствовалъ свои свѣдѣнія изъ сочиненія г. академика Кеппена, появившагося въ нынѣшнемъ году подъ заглавіемъ: „Девятая ревизія".

Изъ всѣхъ этихъ свѣдѣній оказалось, что изъ сибирскихъ губерній въ одной только Тобольской есть помѣщики, принадлежащіе къ разряду владѣльцевъ, имѣющихъ отъ 101 до 500 душъ; выше же этого разряда, т. е. помѣщиковъ, имѣющихъ болѣе 500 душъ, во всей Сибири не существуетъ, а въ Закавказскомъ краѣ число крѣпостныхъ вовсе ничтожно.

Такимъ образомъ оказывается: первое, что во всей Сибири находится 97 дворянъ, владѣющихъ крѣпостными людьми безъ земли, и что число такихъ людей, имъ принадлежащихъ — 254; второе, что помѣщиковъ, имѣющихъ менѣе 21 души—37, а число крѣпостныхъ людей, имъ принадлежащихъ—254, третье, что число помѣщиковъ, имѣющихъ отъ 21 до 100 душъ—16, число же при-

надлежащихъ имъ крѣпостныхъ людей—623, и наконецъ четвертое, что помѣщиковъ, имѣющихъ отъ 101 до 500 душъ—3, и что имъ принадлежитъ 623 души. Изъ этого видно, что общее число владѣльцевъ крѣпостныхъ людей въ Сибири, равняется—153, и что имъ въ общей сложности принадлежитъ 1800 душъ, при общемъ числѣ 1,715,330 жителей во всей Сибири, что составляетъ по всей Сибири 0,10 крѣпостнаго процента. При этомъ должно замѣтить, что всѣ вычисленія, по сибирскому краю, дѣлались г. Тройницкимъ точно также, какъ и по Европейской Россіи, по свѣдѣніямъ, относившимся только къ мужскому полу, и что въ Тобольской губерніи во владѣніи двухъ помѣщиковъ состоитъ на посессіонномъ правѣ 163 души, приписанныхъ къ бумажнымъ фабрикамъ.

Относительно крѣпостнаго сословія въ Закавказскомъ краѣ замѣтимъ, что въ пяти губерніяхъ, его составляющихъ, находится 153 владѣльца крѣпостныхъ людей; число же послѣднихъ простирается до 1844 душъ, при 2,818,348 жителей въ Закавказскомъ краѣ, что составляетъ 0,06 крѣпостнаго процента. „Число крѣпостныхъ въ Закавказскомъ краѣ, замѣчаетъ г. Тройницкій, такъ ничтожно, около двадцати-пяти тысячной доли всего населенія, что не подаетъ повода ни къ какимъ выводамъ". Изъ всѣхъ вычисленій, сдѣланныхъ г. Тройницкимъ, оказывается, что въ Азіатской Россіи, т. е. въ Сибири и Закавказьѣ, крѣпостной процентъ составляетъ только шесть сотыхъ единицы, или другими словами, на 1530 жителей мужскаго пола приходится только одинъ крѣпостной, тогда какъ въ нѣкоторыхъ мѣстахъ Европейской Россіи одинъ крѣпостной приходится на 33 жителя.

Ознакомивъ читателей съ числомъ крѣпостныхъ людей и съ весьма разнообразными числовыми выводами, по этому предмету, г. Тройницкій приступаетъ къ общимъ сравнительнымъ выводамъ по крѣпостному населенію въ Россіи за послѣднія двадцать лѣтъ. Для этого, прежде всего, г. Тройницкій складываетъ вмѣстѣ итоги чиселъ владѣльцевъ крѣпостныхъ людей и общаго мужскаго населенія въ Европейской и Азіатской Россіи, и, присовокупивъ къ тому относительныя числа крѣпостныхъ къ ихъ владѣльцамъ и къ общему населенію, получаетъ слѣдующія числовыя данныя для *всей Россійской Имперіи* (за исключеніемъ сѣверо-американскихъ владѣній и киргизскихъ кочевьевъ оренбургскаго вѣдомства):

		По Европейской	по	Азіатской Россіи.
Въ числѣ владѣльцевъ крѣпостныхъ людей	а) дворянъ безземельныхъ	5,510	—	97
	б) помѣщиковъ —	109,457	—	56
Числится крѣпости. людей муж. пола	а) за дворянами безземельн.	10,844,902	—	1,844
	б) за помѣщиками —			
На одного владѣльца приходится крѣпостныхъ. .		94,33	—	12,19
При общемъ числѣ жителей мужскаго пола . . .		28,613,380	—	2,818,948
Крѣпостной процентъ		37,90	—	9,06

Затѣмъ по всей имперіи, за исключеніемъ Великаго Княжества Финляндскаго и Царства Польскаго, г. Тройницкій полагаетъ: а) 115,120 владѣльцевъ крѣпостныхъ людей (изъ нихъ 5607 принадлежатъ къ числу дворянъ безземельныхъ и 109,513 къ числу помѣщиковъ); этимъ лицамъ принадлежитъ 10,846,746 крѣпостныхъ людей, такъ что на каждаго владѣльца приходится 94,22 крѣпостнаго человѣка, что, при 31,432,328 жителей мужскаго пола составляетъ 34,50 крѣпостнаго процента.

Всѣ эти вычисленія представляетъ г. Тройницкій для большей ясности въ круглыхъ числахъ, дѣлая слѣдующее замѣчаніе:

„*На тридцать одинъ съ половиною милліонъ душъ* мужскаго населенія Россіи приходится около *десяти милліоновъ 850 тысячъ крѣпостныхъ людей* мужскаго пола, такъ что на тысячу жителей приходится 345 крѣпостныхъ, или иначе, что крѣпостное сословіе составляетъ не много болѣе трети всего народонаселенія. Все крѣпостное сословіе принадлежитъ *ста пятнадцати тысячамъ владѣльцевъ*, въ числѣ которыхъ *сто девять съ половиною тысячъ помѣщиковъ* и немного болѣе *пяти съ половиною тысячъ дворянъ безземельныхъ*. На каждаго владѣльца въ сложности приходится по 94 крѣпостныхъ; раздѣливъ же владѣльцевъ на помѣщиковъ и на дворянъ безземельныхъ, на каждаго изъ первыхъ придется 99 душъ, и на каждаго изъ послѣднихъ (во владѣніи которыхъ около 15,600 душъ) менѣе 3 душъ".

Опредѣливъ этими цифрами современное число крѣпостныхъ людей въ Россіи и отношенія ихъ, какъ къ владѣльцамъ вообще, такъ и по двумъ разрядамъ послѣднихъ, а также и къ общему числу народонаселенія Имперіи, г. Тройницкій упоминаетъ, что въ VII томѣ: „Записокъ Императорской Академіи Наукъ", (Memoires de l'Academie Imperiale des sciences de S. Petersbourg VI Serie, Sciences politiques etc. т. VII), изданномъ въ 1847 году, напечатана была г. академикомъ Кеппеномъ статья: „О распредѣленіи жителей по сословіямъ", въ составъ которой вошла и таблица о числѣ крѣпостныхъ людей и владѣльцевъ ихъ въ Европейской Россіи по 8 ревизіи. Свѣдѣнія, вошедшія въ статью г. Кеппена, были основаны на окладныхъ спискахъ 1838 года, хотя самая рявизія, какъ извѣстно, производилась съ 1834 по 1837 годъ, и такъ какъ при этихъ обстоятельствахъ свѣдѣнія г. Кеппена относятся къ 1838 году, а тѣ свѣдѣнія, которыми руководствовался г. Тройницкій, относятся къ 1857 году, то г. Тройницкій нашелъ возможность сдѣлать на счетъ крѣпостнаго сословія въ Россіи, приблизительно, сравнительные выводы за періодъ около двадцати лѣтъ, именно съ 1838 по 1857 годъ.

Мы не считаемъ себя вправѣ представить здѣсь нашимъ читателямъ ту весьма любопытную сравнительную таблицу о крѣпостномъ сословіи, которую г. Тройницкій приложилъ къ своей статьѣ: воспользуемся только ея общими выводами.

Изъ упомянутой таблицы г. Тройницкій вывелъ, между прочимъ, что общее мужское населеніе въ Европейской Россіи увеличилось, въ минувшій 20-лѣтній періодъ, почти на $4^1/_2$ милліона жителей или на 18 процентовъ; крѣпостное же населеніе не только не возросло, но напротивъ уменьшилось на 25 тысячъ душъ или $^1/_5$ часть процента. Главную причину не только застоя, но даже уменьшенія въ численности крѣпостнаго населенія г. Тройницкій находитъ возможнымъ приписать отбываніо этимъ сословіемъ рекрутской повинности въ натурѣ, потому что люди, поступающіе въ рекруты изъ свободныхъ сословій, остаются въ числѣ тѣхъ же сословій, при счетѣ народонаселенія, переходя только развѣ изъ одного сословія въ другое; поступающіе же въ службу изъ крѣпостнаго сословія исключаются изъ него навсегда, причисляясь, по истеченіи срока службы, не только лично, но и съ частію своихъ семействъ, къ какому-либо изъ свободныхъ сословій. Съ справедливостію этого замѣчанія должно согласиться вполнѣ.

Кромѣ этой главной причины, г. Тройницкій вычисляетъ еще нѣсколько причинъ, дѣйствующихъ на застой въ численности крѣпостнаго сословія, какъ-то: отпускъ на волю, поступленіе въ свободные хлѣбопашцы, переходъ въ другія сословія и т. п.; но у насъ нѣтъ надлежащихъ данныхъ, присовокупляетъ г. Тройницкій, для точнаго опредѣленія этихъ причинъ.

Вообще же, вслѣдствіе значительнаго увеличенія общаго числа населенія и напротивъ уменьшенія числа крѣпостныхъ людей, общій крѣпостный процентъ въ Европейской Россіи, по вычисленію г. Тройницкаго, понизился съ 44,82, на 37,90, слѣдовательно уменьшился вообще на 6,92.

Изъ этихъ данныхъ, касательно уменьшенія численности крѣпостнаго сословія въ Россіи, приведенныхъ и объясненныхъ г. Тройницкимъ, можно заключить, что, при обыкновенномъ порядкѣ вещей, крѣпостное сословіе единственно по уменьшенію своего процента, безъ всякихъ постороннихъ юридическихъ мѣръ, истребляющихъ совершенно его существованіе, уменьшилось бы въ Россіи, въ теченіе послѣдующихъ пятидесяти лѣтъ, процентовъ на 17; затѣмъ остальныя, около 83% могли бы уничтожиться, примѣрно въ теченіе около двухъ вѣковъ, если только выводъ г. Тройницкаго принять за норму; отъ чего, несомнѣнно, и самъ почтенный авторъ и другіе пользующіеся его выводами весьма далеки. Замѣчаніе это дѣлается только въ видѣ исчисленія *вѣроятностей*, которыя, конечно, весьма слабо соотвѣтствуютъ естественнымъ событіямъ.

Переходя отъ общихъ замѣчаній къ частнымъ, г. Тройницкій говоритъ, что мужское населеніе уменьшилось только въ 5 и увеличилось въ 46 губерніяхъ и областяхъ Европейской Россіи. Губерніи: Витебская, Гродненская, Новгородская, Симбирская и Ярославская принадлежатъ къ тѣмъ, гдѣ уменьшилось общее населеніе. При этомъ г. Тройницкій замѣчаетъ, что уменьшеніе населенія въ Симбирской губерніи только мнимое и произошло отъ того, что часть этой губерніи отошла въ составъ вновь учрежденной, въ 1851 году, Самарской губерніи, не существовавшей при производствѣ 8 ревизіи.

По поводу этого мы позволяемъ себѣ присовокупить замѣчаніе, что въ теченіе двадцатилѣтняго періода, принимаемаго г. Тройницкимъ, населеніе въ Витебской и Гродненской губерніяхъ могло, очень вѣроятно, уменьшиться отъ бывшихъ тамъ въ сороковыхъ годахъ и нѣсколько позднѣе страшныхъ голодовъ. Мы имѣли случай видѣть таблицы браковъ, смертности и рожденій по этимъ губерніямъ, относящіяся къ несчастнымъ годамъ, и не могли не замѣтить значительнаго, сравнительно съ нѣсколькими предшествовавшими годами, уменьшенія первыхъ и послѣднихъ и напротивъ значительное увеличеніе второй—т. е. смертности. Такимъ образомъ, при большой убыли и при малой производительности народонаселенія, соединенныхъ съ смертностію болѣе обыкновенной, въ общемъ результатѣ необходимо должно было уменьшиться число народонаселенія въ тѣхъ мѣстахъ, на долю которыхъ выпали эти неблагопріятныя условія. Что же касается Ярославской губерніи, то при малоземельности ея сельскихъ обитателей и при ихъ зажиточности, общее число народонаселенія въ этой губерніи, какъ мы полагаемъ, уменьшается выкупомъ и переселеніемъ помѣщичьихъ крестьянъ въ купеческое или мѣщанское сословіе и зачисленіемъ въ эти же сословія крестьянъ государственныхъ, не по одной только Ярославской, но и другимъ губерніямъ. Для болѣе точнаго опредѣленія, или даже только для подтвержденія нашего мнѣнія, могли бы служить по-

собіемъ свѣдѣнія ярославскихъ губернскихъ управленій о переходѣ тамошнихъ крестьянъ въ городскія сословія, какъ Ярославской, такъ и другихъ губерній. Можно сказать утвердительно, то недочетъ крѣпостныхъ людей въ 1857 противъ ихъ числа въ 1838 году, состоящій въ 17,191 душѣ легко объяснится переходомъ ярославскихъ крестьянъ въ городскія сословія, а затѣмъ уменьшеніе общаго итога по всей губерніи, въ теченіи двадцатилѣтняго періода, всего на 5,592 души объясняется перечисленіемъ обывателей Ярославской губерніи въ составъ мѣщанскихъ и купеческихъ сословій другихъ губерній. Касательно же Новгородской губерніи мы полагаемъ, что уменьшеніе въ ней массы народонаселенія нужно отнести прежде всего къ неблагопріятнымъ обстоятельствамъ, именно къ неурожаямъ и увеличившейся смертности.

Опредѣливъ общее увеличеніе и общее населеніе въ Европейской Россіи, г. Тройницкій переходитъ къ разсмотрѣнію безусловнаго или абсолютнаго числа крѣпостныхъ людей, и при этомъ дѣлаетъ выводъ, что безусловное или абсолютное число крѣпостныхъ людей увеличилось въ теченіе двадцатилѣтняго періода въ 19 губерніяхъ и уменьшилось въ 27. При этихъ вычисленіяхъ, какъ и при всѣхъ предшествовавшихъ, г. Тройницкій представляетъ подробный списокъ этихъ губерній.

Изъ этого списка видно, что уменьшеніе крѣпостнаго сословія послѣдовало въ губерніяхъ Оренбургской, Симбирской и Саратовской; по мнѣнію г. Тройницкаго, это должно быть приписано тому обстоятельству, что часть этого населенія отошла во вновь учрежденную, между сроками 8 и 9 ревизій, Самарскую губернію. Другія же губерніи, замѣчаетъ г. Тройницкій, въ отношеніи къ увеличенію или уменьшенію абсолютнаго крѣпостнаго сословія такъ перемѣшаны, что ни въ географическомъ, ни въ этнографическомъ отношеніи нельзя вывести о причинахъ того никакихъ положительныхъ заключеній: и въ томъ и въ другомъ спискѣ есть губерніи центральныя, западныя, восточныя и южныя; только собственно губерніи малороссійскія всѣ три стоятъ въ послѣднемъ спискѣ.

Касательно крѣпостнаго процента, который, какъ мы полагаемъ, долженъ имѣть самое важное значеніе при крестьянскомъ вопросѣ, г. Тройницкій замѣчаетъ, что процентъ этотъ, т. е. числовое отношеніе крѣпостнаго населенія къ общему губернскому населенію, *уменьшился* почти во всѣхъ губерніяхъ и областяхъ Европейской Россіи. Исключенія составляютъ только три губерніи—Гродненская, Новгородская и Таврическая: въ двухъ первыхъ, конечно, только случайно, при общемъ уменьшеніи населенія, увеличился крѣпостной процентъ. Вообще же по поводу этого г. Тройницкій замѣчаетъ, что частные выводы по губерніямъ могли бы увлечь къ ошибочнымъ заключеніямъ.[1]

[1] Сравнительные выводы г. Тройницкаго, касательно крѣпостнаго сословія въ Азіатской Россіи, ограничиваются замѣчаніемъ о неудобствѣ сдѣлать ихъ по свѣдѣніямъ, имѣющимся въ статьѣ г. академика Кеппена, такъ какъ въ этихъ свѣдѣніяхъ число жителей по 8 ревизіи показано было приблизительно; но вообще число крѣпостныхъ людей и крѣпостной процентъ уменьшились, и притомъ послѣдній въ значительной степени. О населеніи Закавказскаго края по 8 ревизіи, замѣчаетъ г. Тройницкій, мы вовсе не имѣемъ числовыхъ данныхъ для сравненія.

На основаніи же всѣхъ имѣвшихся у Тройницкаго свѣдѣній и на основаніяхъ,

принятыхъ центральнымъ Статистическимъ Комитетомъ, г. Тройницкій представляетъ въ сжатомъ видѣ слѣдующую таблицу:

	Въ 1837—1838 г.		Въ 1856—1857 г.	
	Число владѣльцевъ.	Число крѣпостныхъ людей.	Число владѣльцевъ.	Число крѣпостныхъ людей.
Дворянъ безземельныхъ Помѣщиковъ, владѣльцевъ менѣе 21 души	58,457	450,037	47,465	357,496
отъ 21 до 100 душъ .	30,417	1,500,357	35,441	1,628,884
отъ 101 до 500 „ .	16,740	3,634,194	19,590	3,857,555
отъ 501 до 1000 „ .	2,273	1,562,831	2,433	1,591,637
болѣе 1000 „ .	1,453	3,566,959	1,439	3,260,005
Итого.	127,103	10,766,561	111,874	10,711,911

Статью свою г. Тройницкій оканчиваетъ слѣдующимъ замѣчаніемъ: „Изъ этихъ сравнительныхъ данныхъ (разумѣются данныя, помѣщенныя въ приведенной нами таблицѣ) оказывается, что въ Европейской Россіи (за исключеніемъ Земли Войска Донскаго) общее число владѣльцевъ крѣпостныхъ людей уменьшилось на 14,239 или на 12 процентовъ, а обсолютное число принадлежащихъ имъ крѣпостныхъ людей на 54,650 или на полпроцента. По принятымъ нами разрядамъ, продолжаетъ г. Тройницкій, разсматриваемымъ отдѣльно, *уменьшилось:* число владѣльцевъ и крѣпостныхъ людей, по разрядамъ самыхъ мелкихъ владѣльцевъ (т. е. безземельныхъ дворянъ и мелкопомѣстныхъ помѣщиковъ) и самыхъ богатыхъ помѣщиковъ, имѣющихъ въ своемъ владѣніи болѣе тысячи душъ; увеличилось же, напротивъ, число всѣхъ вообще помѣщиковъ среднихъ разрядовъ, т. е. имѣющихъ въ своемъ владѣніи отъ 21 до 100, отъ 101 до 500 и отъ 501 до 1000 душъ, равно какъ и число принадлежащихъ имъ крѣпостныхъ".

Изъ всего этого г. Тройницкій заключаетъ, что такой результатъ, по крѣпостному сословію, замѣченный въ теченіе почти двадцатилѣтняго періода, ясно обозначаетъ усиленіе и обогащеніе средняго сословія помѣщиковъ, переходомъ въ ихъ владѣніе значительной части крѣпостныхъ изъ рукъ какъ самыхъ мелкихъ владѣльцевъ, такъ отчасти и изъ слишкомъ огромныхъ помѣщичьихъ имѣній.

Представивъ читателямъ нашимъ всѣ тѣ факты, которые такъ систематически свелъ въ своей статьѣ г. Тройницкій, мы должны сказать, что они наводятъ насъ на многія соображенія, которыхъ, конечно, мы и не имѣемъ права искать въ статьѣ г. Тройницкаго, такъ какъ, кажется, и авторъ имѣлъ въ виду разрѣшить вопросъ только „о числѣ крѣпостныхъ людей въ Россіи". Цѣль статьи въ этомъ отношеніи достигнута вполнѣ. Для людей незнакомыхъ съ статистическими выкладками не можетъ быть вполнѣ ясна вся громадность труда, исполненнаго г. Тройницкимъ; но мы можемъ сказать, что въ статьѣ г. Тройницкаго, съ виду не слишкомъ объемистой, кроются результаты долгаго и добросовѣстнаго труда.

Изъ данныхъ, находящихся въ статьѣ г. Тройницкаго, можно заключить безошибочно, что въ настоящее время крѣпостное право связано у насъ ближе всего съ правомъ поземельнаго владѣнія и что поэтому для опредѣленія крестьянскаго вопроса со всѣхъ его сторонъ, и слѣдовательно во всей полнотѣ, было бы желательно, чтобъ, въ дополненіе къ прекрасному труду г. Тройницкаго были также систематически обработаны свѣдѣнія о поземельной собственности помѣщиковъ и объ усадьбахъ ихъ крестьянъ. Несомнѣнно, что вопросъ этотъ слишкомъ обширенъ.

но объясненіе его, на основаніи сколь можно болѣе важныхъ статистическихъ данныхъ, необходимо для разрѣшенія слишкомъ частыхъ вопросовъ о современномъ положеніи крестьянъ. Подобный трудъ, въ соединеніи съ трудомъ г. Тройницкаго, служилъ бы богатымъ пособіемъ, для опредѣленія взгляда на многія экономическія условія въ быту помѣщичьихъ крестьянъ; а между тѣмъ нельзя не замѣтить, что, къ сожалѣнію, мы имѣемъ весьма мало данныхъ, на которыхъ можно было бы основывать многія соображенія по этому дѣлу и которыми въ то же время можно бы было опровергать произвольно составленныя воззрѣнія, неимѣющія въ себѣ никакого прочнаго основанія.

Библіографія журнальныхъ статей, по вопросу объ устройствѣ и улучшеніи быта помѣщичьихъ крестьянъ.

Съ обращеніемъ общаго вниманія въ Россіи на вопросъ объ устройствѣ и улучшеніи быта помѣщичьихъ крестьянъ, появилось въ нашей литературѣ много статей по этому предмету и возникли даже два спеціальные по сему вопросу журнала.

Всѣ вообще сочиненія и статьи такого рода можно, кажется, подвести подъ три главныя категоріи: въ однѣхъ описывается историческое развитіе быта земледѣльческаго сословія въ разныхъ государствахъ, что можетъ имѣть цѣлью указать намъ примѣры, достойные подражанія, или предостеречь насъ отъ ошибочныхъ мѣръ, навлекшихъ бѣдствія на другія страны. Въ другихъ статьяхъ заключаются общія юридическія и административныя разсужденія, клонящіяся къ разъясненію способа примѣненія мѣръ, какія слѣдуетъ принять, для улучшенія быта помѣщичьихъ крестьянъ въ Россіи. Третьи статьи, наконецъ, болѣе практическаго содержанія, излагаютъ лишь мѣстныя свѣдѣнія о сельско-хозяйственномъ устройствѣ имѣній въ разныхъ краяхъ Россіи и могутъ служить съ одной стороны нѣкоторымъ пособіемъ при опредѣленіи частностей и подробностей въ предполагаемыхъ правилахъ объ устройствѣ крестьянскаго быта, а съ другой стороны могутъ указать частнымъ лицамъ удобнѣйшіе и выгоднѣйшіе способы къ преобразованію хозяйствъ своихъ, сообразно съ потребностями времени.

Въ статьяхъ перваго рода мы находимъ историческое описаніе устройства крестьянскаго сословія во Франціи, въ Пруссіи, въ Польшѣ, въ Остзейскихъ губерніяхъ и, наконецъ, въ самой Россіи.

Исторія *французскихъ крестьянъ* изложена въ статьяхъ гг. Чичерина и П. Ш—ва, напечатанныхъ,—первая въ „Атенеѣ“, а вторая въ 1 № „Русскаго Вѣстника“ за нынѣшній годъ. Составленіе статей этихъ было авторамъ облегчено изданіемъ въ недавнее время во Франціи нѣсколькихъ сочиненій по этому предмету. Изъ нихъ, по полнотѣ и послѣдовательности изложенія, болѣе замѣчательно сочиненіе Лемари (Leymarie—Histoire des paysans en France), которымъ преимущественно руководствовался г. П. Ш—ъ. Но сочиненіе это доведено лишь до времени революціи: потому, чтобы ознакомиться съ позднѣйшимъ развитіемъ быта французскихъ земледѣльцевъ, слѣдуетъ обратиться ко второй половинѣ второй части сочиненія г. Бонмера (Bonnemére—Histoire des paysans). Къ сожалѣнію,

это сочиненіе, все вмѣстѣ взятое, не представляетъ довольно ясной и вѣрной картины исторіи устройства французскихъ крестьянъ. Въ г. Бонмерѣ слишкомъ высказывается стремленіе растрогать читателей изображеніемъ постоянныхъ бѣдствій, претерпѣнныхъ французскими крестьянами, что вредитъ послѣдовательности и безпристрастію, которыя совершенно необходимы историку. Однимъ словомъ, книгу г. Бонмера правильнѣе было бы назвать Martyrologie des paysans en France.

Изъ приведенныхъ статей и сочиненій видно, что французскіе земледѣльцы, образовавшись частью изъ рабовъ, частью изъ свободныхъ людей, покоренныхъ новыми обладателями Галліи, изъ закабалившихъ себя добровольно, чтобы избавиться отъ притѣсненій и насилій, слились въ первыя времена французской монархіи въ сословіе крѣпостныхъ людей (serfs). Съ развитіемъ феодальной системы, крестьяне получили во многихъ мѣстахъ право потомственнаго пользованія землями, за повинности, опредѣленныя мѣстными обычаями. Наконецъ, крѣпостная зависимость на дѣлѣ почти уничтожилась, такъ какъ она не лишала уже крестьянъ права перехода съ мѣста на мѣсто, а выражалась только въ лежавшихъ на нихъ личныхъ повинностяхъ или услугахъ, считавшихся унизительными. Крестьянинъ могъ продать свою землю другому, принимавшему на себя исправленіе въ пользу господина поземельныхъ повинностей; но крестьянинъ, считавшійся крѣпостнымъ, не освобождался при этомъ отъ личныхъ своихъ повинностей. Помѣщики во второй половинѣ XVIII вѣка мало вмѣшивались въ управленіе крестьянами, а старались только умножать подъ разными предлогами ихъ повинности. Крестьяне, считавшіе уже землю своею и не видѣвшіе отъ господъ ни участія, ни помощи, и не чувствовавшіе даже надъ собою ихъ власти, смотрѣли на нихъ, какъ на чуждыхъ себѣ сосѣдей, которые, по сословному праву рожденія, требуютъ съ нихъ разныхъ поборовъ; потому крестьяне и помѣщики поставлены были между собою въ опасный антогонизмъ. Настала революція, уничтожившая феодальныя права и преимущества. Многіе крестьяне сдѣлались полными собственниками своихъ участковъ. Бытъ ихъ конечно улучшился, но еще не вездѣ. Въ настоящее время благосостоянію французскихъ крестьянъ вредитъ чрезмѣрное размельченіе поземельныхъ участковъ (многіе владѣютъ лишь $^1/_2$ десятины), а въ другихъ мѣстахъ непомѣрное возвышеніе арендной платы на землю.

Объ исторіи крестьянъ въ Пруссіи помѣщена въ 1, 2 и 4-мъ №№ „Сельскаго Благоустройства“ замѣчательная статья г. Самарина, которая, впрочемъ, еще не окончена. Статья эта весьма замѣчательна по полнотѣ, послѣдовательности и правильности своего изложенія. Она представляетъ намъ живую картину не только прежняго положенія прусскихъ крестьянъ и мѣръ, принятыхъ къ улучшенію ихъ быта, но и различныхъ воззрѣній современниковъ на эти мѣры, порядка составленія и приведенія въ исполненіе новыхъ правилъ, послѣдствій примѣненія ихъ и впечатлѣнія, произведеннаго реформою на крестьянъ и на дворянство. Въ первой части статьи, г. Самаринъ описываетъ устройство имѣній въ Пруссіи, подъ вліяніемъ феодальныхъ началъ: тутъ мы видимъ вредныя и невыгодныя послѣдствія прикрѣпленія лица къ лицу, лица къ землѣ и земли къ сословію. Люди, поставленные, по рожденію, въ тѣсную и опредѣленную сословную рамку, стѣснены въ приложеніи къ дѣлу своихъ способностей. Купля и продажа земли подвержены разнымъ ограниченіямъ, понижающимъ поземельную цѣнность и препятствующимъ хозяйственнымъ усовершенствованіямъ. Къ счастію, Пруссія не закоснѣла въ слѣ-

пой приверженности къ старому порядку вещей, не стала, подобно Франціи, дожидаться насильственнаго ниспроверженія этого порядка. Явился великій государственный мужъ, Штейнъ, мудрымъ начинаніямъ котораго Пруссія наиболѣе обязана настоящимъ своимъ благоустройствомъ и благосостояніемъ. Описанію государственной дѣятельности Штейна, по крестьянскому вопросу, посвящена вторая часть статьи г. Самарина. Въ 1807 году прусскіе крестьяне пріобрѣли личную свободу, сохранивъ при этомъ право пользованія землею, издстари носившею названіе крестьянской. Личныя повинности крестьянъ, истекавшія изъ крѣпостной зависимости, были упразднены; поземельныя же господскія повинности крестьянъ измѣнены не были. Оставалось опредѣлить справедливый размѣръ сихъ повинностей и облегчить крестьянамъ возможность пріобрѣсти поземельную собственность. Описаніе принятыхъ въ этомъ отношеніи мѣръ, возбудившихъ сперва сильное сопротивленіе и порицаніе дворянства, но увѣнчавшихся благими для всего края послѣдствіями, заключается въ третьей части статьи г. Самарина. Принято за правило, что повинности крестьянъ въ пользу помѣщика не должны превышать трети всего чистаго дохода съ владѣемыхъ ими участковъ. Крестьяне, владѣвшіе участками своими наслѣдственно за постоянныя повинности, могли выкупить ихъ въ собственность; или, уступивъ помѣщику одну треть своей земли, сохранить въ своей собственности остальную часть. Изъ участковъ, владѣемыхъ крестьянами по срочнымъ условіямъ, они должны были уступить половину помѣщику, для освобожденія себя отъ повинностей. Былъ назначенъ срокъ для добровольныхъ сдѣлокъ между помѣщиками и крестьянами, по истеченіи коего регулированіе производилось особо назначенными для того чиновниками. Наконецъ, прусское правительство содѣйствовало выкупу крестьянскихъ земель финансовыми учрежденіями, о которыхъ вѣрно будетъ болѣе подробно говорено въ послѣдней статьѣ г. Самарина.

Что касается исторіи устройства *польскихъ* крестьянъ, то объ этомъ напечатана довольно подробная и дѣльная статья въ послѣднихъ двухъ №№ „Русскаго Вѣстника“. Но читатели наши могли уже познакомиться съ этимъ предметомъ, прочитавъ статью г. Карновича, помѣщенную въ іюньской книжкѣ „Современника“.

Довольно много статей вышло, относительно устройства крестьянъ въ Остзейскихъ губерніяхъ,—а именно: 1) Очеркъ исторіи Эстляндскихъ крестьянъ—въ 3 № Журнала Министерства Внутреннихъ Дѣлъ за 1857 годъ; 2) Очеркъ исторіи Лифляндскихъ крестьянъ—во 2 и 3-мъ №№ Отечественныхъ Записокъ за 1858 годъ; 3) Извлеченіе изъ законоположеній о крестьянахъ Остзейскихъ губерній П. Шульца,—напечатанное сперва въ Журналѣ Министерства Внутреннихъ Дѣлъ, а потомъ отдѣльной брошюрой; 4) Письма о крестьянахъ прибалтійскаго края, напечатанныя въ le Nord и переведенныя въ „Русскомъ Вѣстникѣ“. Послѣднее сочиненіе, довольно краткое, но достаточно-полное изложеніе постепеннаго измѣненія устройства крестьянскаго сословія во всѣхъ трехъ Остзейскихъ губерніяхъ. Все вообще писанное по этому предмету приводитъ къ убѣжденію, что дарованіе крестьянамъ одного только права перехода изъ одного имѣнія въ другое, безъ права собственности или постояннаго пользованія на землю, неминуемо должно имѣть вредное вліяніе на бытъ крестьянъ; потому-то пришлось измѣнить и исправить эстляндское положеніе 1816 года и лифляндское 1819 года, коими не было предоставлено тамошнимъ крестьянамъ такого права.

У насъ нѣтъ еще полной, хорошей исторіи крестьянскаго сословія въ Россіи;

все, что мы имѣемъ, пока заключается въ небольшой статьѣ, помѣщенной въ le Nord и переведенной съ нѣкоторыми замѣчаніями, дополненіями, возраженіями и цитатами разныхъ документовъ, г. Вельтмана, въ первой книжкѣ „Журнала Землевладѣльцевъ“. Статья г. Вельтмана съ полнымъ знаніемъ дѣла разобрана во 2-мъ № „Русской Бесѣды“ за нынѣшній годъ.

Перейдемъ теперь къ разбору статей, посвященныхъ разъясненію вопроса о лучшемъ устройствѣ помѣщичьихъ крестьянъ въ Россіи. Но скажемъ напередъ нѣсколько словъ о самыхъ журналахъ, спеціально посвятившихъ себя этому предмету или открывшихъ для того особые отдѣлы.

Болѣе всего вниманія обращаетъ на себя въ этомъ отношеніи „Сельское Благоустройство“, издаваемое при „Русской Бесѣдѣ“. Вотъ какими словами издатель, г. Кошелевъ, объясняетъ назначеніе своего журнала: „У насъ“, говоритъ онъ, „объ устройствѣ крѣпостнаго сословія еще не было *общаго сужденія*. Теперь необходимо вознаградить упущенное время. Теперь каждый изъ насъ обязанъ спѣшно пріобрѣтать всѣ нужныя свѣдѣнія, соображать ихъ и придумывать средства къ разрѣшенію предлежащей намъ задачи. Сверхъ того—и это еще важнѣе перваго—мы должны свои мнѣнія высказывать, чужія выслушивать и такимъ образомъ *уяснять и выработывать общее мнѣніе*“.

Статьи, помѣщенныя въ первыхъ четырехъ нумерахъ „Сельскаго Благоустройства“, довольно разнообразны. Не говоря уже объ упомянутой нами выше статьѣ о прусскихъ крестьянахъ, укажемъ сперва на прекрасно составленныя статьи г. Самарина о теперешнемъ и будущемъ положеніи помѣщичьихъ крестьянъ. Г. Самаринъ въ первой статьѣ доказываетъ, что конечная цѣль улучшенія быта помѣщичьихъ крестьянъ должна состоять въ образованіи состоянія крестьянъ-собственниковъ, но что внезапный выкупъ всей крестьянской земли посредствомъ финансовой операціи представлялъ бы огромныя затрудненія, что даже общее превращеніе барщинныхъ повинностей въ оброчныя было бы вдругъ невозможно и что потому необходимо переходное состояніе. Издатель журнала, въ примѣчаніи къ этой статьѣ, объяснилъ, что, соглашаясь во многомъ съ мнѣніемъ г. Самарина, онъ считаетъ однако нужнымъ представить въ слѣдующей книжкѣ нѣкоторыя замѣчанія на эту статью. Но г. Кошелевъ, видно, перемѣнилъ намѣреніе, потому что замѣчаній этихъ мы въ слѣдующей книжкѣ Сельскаго Благоустройства не читали.

Во второй статьѣ, помѣщенной въ 4 № „Сельскаго Благоустройства“, г. Самаринъ, возбуждаетъ вопросъ: не лучше-ли, вмѣсто немедленнаго обязательнаго выкупа усадебъ, предоставить крестьянамъ усадьбы ихъ въ постоянное неотъемлемое пользованіе вмѣстѣ съ пахатною землею, и дозволить имъ выкупить впослѣдствіи, когда сами пожелаютъ и будутъ имѣть къ тому средства, всю отведенную имъ землю вмѣстѣ съ усадьбами?

Въ третьей книжкѣ „Сельскаго Благоустройства“, помѣщенъ проектъ устройства крестьянскаго быта г. Шишкова. По мнѣнію его слѣдовало бы надѣлить крестьянъ землею по двѣ десятины на душу, брать съ нихъ оброку по 4 р. сер. съ десятины, что составитъ 20 руб. съ тягла; затѣмъ крестьяне платили бы въ казначейство, для составленія выкупнаго капитала, по 5 руб. сер. съ души (т. е. $12^1/_2$ руб. сер. съ тягла); чрезъ это въ 18 лѣтъ составилась бы сумма, достаточная для выкупа отведенной крестьянамъ земли, и тогда крестьяне получили бы

землю эту въ собственность и избавлены были бы отъ всѣхъ повинностей въ отношеніи къ помѣщику. Хотя конечно трудно опровергать человѣка практическаго, но трудно также понять: какимъ образомъ крестьяне, которые, пользуясь значительнымъ количествомъ земли, могли до сихъ поръ платить только 20 руб. сер. съ тягла,—что составляетъ средній оброкъ у насъ,—будутъ въ состояніи, съ отнятіемъ у нихъ части земли, платить сверхъ оброка еще $12^1/_2$ руб. съ тягла на выкупъ. Едва ли можно также надѣяться, чтобы крестьяне, не бывавшіе прежде на оброкѣ, а исполнявшіе барщинныя работы, могли бы вдругъ сдѣлаться способными къ ежегодной уплатѣ $32^1/_2$ руб. сер., т. е. суммы, превышающей обыкновенные оброки крестьянъ въ самыхъ промышленныхъ и богатыхъ губерніяхъ.

Другія статьи, помѣщенныя въ „Сельскомъ Благоустройствѣ", болѣе практическаго содержанія и указываютъ на способы примѣненія новыхъ правилъ къ отдѣльнымъ мѣстностямъ или особымъ случаямъ.

Такъ, напримѣръ, въ статьѣ г. Кошелева высказаны предположенія объ устройствѣ быта крестьянъ, принадлежащихъ мелкопомѣстнымъ владѣльцамъ, посредствомъ выкупа мелкихъ имѣній.

Г. К—нъ, въ статьѣ своей, разсматриваетъ вопросы, относящіеся собственно до Рязанской губерніи, а именно: какимъ количествомъ земли слѣдуетъ надѣлить тамъ крестьянъ, какимъ образомъ лучше устроить вотчинное управленіе и обезпечить исправный взносъ податей и повинностей крестьянъ.

Въ другихъ статьяхъ и въ письмахъ, адресованныхъ къ издателю журнала, заключаются разныя мѣстныя свѣдѣнія и соображенія, сообщенныя помѣщиками.

Такія практическія замѣчанія и данныя составляютъ полезное дополненіе къ общимъ предположеніямъ и къ историческимъ изслѣдованіямъ, о которыхъ говорено выше. Все это вмѣстѣ даетъ журналу надлежащую полноту и разносторонность. Нельзя покуда сказать того же о „Журналѣ Землевладѣльцевъ", издаваемомъ г. Желтухинымъ. Тутъ мы находимъ почти исключительно практическія сельско-хозяйственныя данныя и соображенія. Впрочемъ г. Желтухинъ и не имѣетъ, кажется, прямаго намѣренія вырабатывать, какъ г. Кошелевъ, общественное мнѣніе. Онъ желаетъ соединить въ своемъ журналѣ даже самыя противоположныя мнѣнія, хочетъ самъ быть до того безпристрастнымъ, что журналъ его не будетъ имѣть опредѣленнаго *цвѣта*. Онъ не беретъ на себя соглашать противорѣчій, но „избѣгая голословнаго выраженія собственныхъ мнѣній, постарается выразить ихъ въ подробномъ и откровенномъ разсказѣ о своемъ деревенскомъ хозяйствѣ". За то, независимо отъ вопроса объ устройствѣ быта помѣщичьихъ крестьянъ, г. Желтухинъ обѣщаетъ намъ статьи, касающіяся разныхъ усовершенствованій въ сельско-хозяйственномъ устройствѣ. Онъ указываетъ, напримѣръ, на недостатокъ у насъ въ ветеринарахъ, землемѣрахъ, хорошимъ мельникахъ, бухгалтерахъ, приказчикахъ и проч. и приглашаетъ практическихъ людей указать на способы къ устраненію этого недостатка; обѣщаетъ помѣщать статьи о гонкѣ смолы, о поташномъ производствѣ, о винодѣліи, о фабрикахъ и т. п., лишь бы статьи эти имѣли отношеніе къ улучшенію быта крестьянъ и усовершенствованію помѣщичьяго хозяйства *).

Послѣ предисловія отъ издателя, слѣдуетъ въ первомъ нумерѣ „Журнала

*) „Журналъ Землевладѣльцевъ" № 1. „Отъ издателя"—стр 7. 11 и 22.

Землевладѣльцевъ“ статья *„по поводу рѣчей г. Погодина и Кокорева“*. Статья эта замѣчательна по отсутствію всякаго опредѣленнаго цвѣта. Прежде нежели мы прочли ее, мы объ ней слышали отъ двухъ лицъ: одинъ господинъ хвалилъ ее, говоря съ пріятной улыбкой, что это претонкая, но преколкая иронія на счетъ рѣчи г. Кокорева; другой не нашелъ въ ней ничего, кромѣ преувеличенной похвалы нашему Монтекристо. Прочитавъ статью со вниманіемъ, мы не могли вполнѣ разъяснить нашего недоумѣнія и сказать положительно: чего хотѣлось автору, похвалить или посмѣяться. Скорѣе должно принять эту статью за похвалу, но похвалу не совсѣмъ ловкую. Если же самую неловкость эту должно объяснить въ смыслѣ преднамѣренной ироніи, то она такъ тонка, что даже человѣку, заранѣе предупрежденному, трудно ее понять. Гдѣ тонко, тамъ и рвется, гласитъ пословица. Если хвалить въ человѣкѣ то именно, чего въ немъ недостаетъ, —это, пожалуй, будетъ иронія довольно горькая; а тутъ хвалятъ „свѣтлый практическій умъ“ г. Кокорева, котораго у него никто не оспаривалъ, даже говоря о его влеченіи къ гласности. Вмѣстѣ комментаріи и дополненія къ рѣчи г. Кокорева, помѣщенныя въ этой статьѣ, кажется, совершенно согласны съ его собственными словами и мнѣніями. Гдѣ же тутъ иронія? Въ одномъ только мѣстѣ авторъ статьи дѣлаетъ что-то въ родѣ возраженія на слова г. Кокорева, что, гдѣ доходы помѣщиковъ, при будущемъ устройствѣ крестьянъ, не возмѣстятъ доходовъ ими получаемыхъ, тамъ нужно *пожертвованіе*. Слово это не нравится автору статьи, но онъ „такъ убѣжденъ въ чувствахъ деликатности и благоразумія г. Кокорева“, что онъ объясняетъ это выраженіе слѣдующимъ образомъ: авторъ говоритъ, что г. Кокоревъ имѣлъ въ виду не даровое пожертвованіе въ пользу помѣщиковъ, а ссуду крестьянъ выкупнымъ капиталомъ. Сколько намъ извѣстно, выводъ этотъ совершенно вѣренъ мысли самого г. Кокорева, который могъ думать объ устройствѣ банка, для выкупа крестьянскихъ земель или усадебъ, но, конечно, не предполагалъ выдавать даровыя пособія помѣщикамъ. И тутъ опять нѣтъ ироніи, а просто развитіе собственной мысли г. Кокорева. Съ другой стороны трудно повѣрить, чтобы авторъ статьи этой хотѣлъ просто выразить свое искреннее одобреніе рѣчи г. Кокорева и не умѣлъ сдѣлать это попроще, поестественнѣе, такъ, однимъ словомъ, чтобы не было мѣста истолкованію статьи въ противную сторону. Нѣтъ, это вѣрно иронія! Но если такъ, то въ чемъ она заключается? That is the question, и не легко разрѣшить этотъ вопросъ: развѣ самъ авторъ потрудится написать къ своей статьѣ пояснительные комментаріи.

Мы слишкомъ долго заговорились объ этой статьѣ, увлекшись любопытствомъ, возбуждаемымъ всѣмъ тѣмъ, что остается для насъ неразгаданнымъ.

Изъ другихъ статей „Журнала Землевладѣльцевъ“ мы замѣтили, въ 3-мъ нумерѣ, статью г. Протасьева и письмо въ редакцію о бытѣ нынѣшняго харьковскаго крестьянина. Г. Протасьевъ, подтверждая свои выводы подробными числовыми данными, доказываетъ, что если его барщинное имѣніе Рязанской губерніи, заключающее въ себѣ 201 душу крестьянъ и приносящее ему 3,000 р. сер. средняго годоваго дохода, обратить въ оброчное, причемъ отдать крестьянамъ въ аренду всю землю, по существующимъ въ тѣхъ мѣстахъ вольнонаемнымъ цѣнамъ, то имѣніе принесетъ ему 3,300 руб. сер. чистаго дохода. Вмѣстѣ съ тѣмъ каждое крестьянское семейство будетъ имѣть 45 р. сер. ежегодной чистой прибыли. Тѣмъ не менѣе онъ считаетъ, что онъ потеряетъ часть своего дохода, съ уничтоженіемъ

обязательнаго труда, что ему придется содержать вольнонаемную прислугу, покупать провизію и сѣно, рубить и привозить на свой счетъ дрова и т. п., что составитъ въ годъ расходъ до 1,200 р. сер., болѣе противъ того, что издерживается нынѣ на содержаніе дворовыхъ, которыхъ у г. Протасьева мужскаго пола 29. Значительная разница въ расходѣ объясняется тѣмъ, что у г. Протасьева 24 человѣка домашней прислуги обоего пола дворовыхъ, а вмѣсто нихъ вольнонаемныхъ онъ считаетъ необходимымъ имѣть въ услуженіи 16. Показанная сумма 1.200 руб. должна, по мнѣнію г. Протасьева, быть замѣнена процентами съ соотвѣтственнаго капитала, за отходящія отъ помѣщика собственность и рабочую силу. „Конечно, говоритъ далѣе г. Протасьевъ,—выведенный мною расчетъ „расходовъ, *на удовлетвореніе потребностей*, не можетъ служить нормой для „опредѣленія выкупнаго капитала по имѣніямъ вообще, потому что размѣръ по„требностей не можетъ быть пропорціоналенъ количеству душъ; такъ напримѣръ: „владѣльцу имѣнія въ 2,000 душъ не потребно же 160 человѣкъ прислуги „и т. д.“.

Вотъ новый взглядъ на вещи! Оставимъ въ сторонѣ то, что помѣщикъ, получая, собственно поземельнаго дохода съ имѣнія, болѣе, чѣмъ ему приносилъ обязательный трудъ крестьянъ, не имѣетъ нисколько права требовать выкупной суммы. Положимъ, что отходящая отъ него рабочая сила должна бы быть выкуплена (что не согласно съ смысломъ Высочайшихъ рескриптовъ, по коимъ выкупъ полагается только за отходящую отъ помѣщика недвижимую собственность—крестьянскія усадьбы), и тогда цѣна выкупа должна бы соразмѣряться съ размѣромъ мѣстной вольнонаемной платы, со средствами и мѣстными выгодами крестьянъ, а ужъ никакъ не съ *потребностями помѣщика*. Иначе, можно бы дойти до самыхъ странныхъ выводовъ: потребности помѣщика вещь весьма относительная. Холостой помѣщикъ 1,000 душъ довольствуется иногда пятью человѣками домашней прислуги, а если не живетъ въ деревнѣ, то часто и теперь вовсе не держитъ при себѣ крѣпостныхъ людей, кормитъ лошадей и теперь покупнымъ сѣномъ и т. д., и потому, по системѣ г. Протасьева, не потерпитъ вовсе убытка. Семейному же помѣщику ста душъ, можетъ быть, по прежнимъ привычкамъ его, нужно человѣкъ двадцать прислуги, а вмѣсто нихъ человѣкъ пятнадцать вольнонаемныхъ людей; нужно много разной провизіи, сѣна, дровъ и т. п. Взамѣнъ всего этого, онъ потребуетъ отъ крестьянъ большого вознагражденія. Впрочемъ, ошибочность вывода г. Протасьева такъ очевидна, что нечего болѣе доказывать, къ какимъ явно несправедливымъ, въ отношеніи крестьянъ, результатамъ могла бы привести его система. Не даромъ г. издатель „Журнала Землевладѣльцевъ“ обѣщалъ помѣщать у себя самыя противоположныя мнѣнія!

Письмо изъ Харькова, о коемъ мы упомянули выше, статья совсѣмъ другого рода. Тутъ есть очень интересные факты о прежнемъ бѣдственномъ положеніи тамошнихъ военныхъ поселеній и благодѣтельныхъ послѣдствіяхъ обращенія военныхъ поселянъ въ государственные крестьяне, и нѣкоторыя статистическія свѣдѣнія о бытѣ харьковскихъ крестьянъ вообще.

Кромѣ этихъ двухъ, издаваемыхъ въ Москвѣ, спеціальныхъ журналовъ по крестьянскому вопросу, „Русскій Вѣстникъ“ посвятилъ этому вопросу особый отдѣлъ.

Въ статьѣ отъ редакціи, помѣщенной въ началѣ сего отдѣла въ 5 № „Рус-

скаго Вѣстника" за 1858 годъ, высказанъ слѣдующій взглядъ на крѣпостной вопросъ: „главною цѣлью предполагаемыхъ мѣръ къ устройству крестьянскаго быта должно быть предоставленіе крестьянамъ полныхъ гражданскихъ правъ. Прежде всего надлежитъ собрать точныя мѣстныя свѣдѣнія, по коимъ слѣдуетъ опредѣлить надѣлъ крестьянъ землею и повинности ихъ, сообразно съ настоящимъ порядкомъ вещей. Дальнѣйшимъ шагомъ должно быть превращеніе барщины въ денежный оброкъ. Окончательною мѣрою, въ послѣдствіи времени, могла бы быть капитализація оброка и выкупъ крестьянскихъ повинностей, съ предоставленіемъ крестьянамъ права собственности на состоящую въ ихъ пользованіи землю. Послѣдняя мѣра, при помощи финансовой операціи, со временемъ, вѣроятно, была бы охотно принята многими помѣщиками.

Изъ статей по крестьянскому вопросу, сообщенныхъ „Русскому Вѣстнику" и помѣщенныхъ въ 5 и 6-мъ №№ сего журнала, обращаютъ на себя вниманіе статьи: 1) „о необходимости поземельной собственности"—Х. Д., и 2) „о возможности выкупка крестьянскихъ участковъ безъ участія Правительства" — г. Пушкина. Выкупъ, по мнѣнію г. Пушкина, могутъ произвести дворяне, при участіи другихъ сословій, если согласятся вносить ежегодно $^1/_{100}$ часть оцѣночной суммы земли, уступаемой крестьянамъ. Образующійся такимъ образомъ ежегодно складочный фондъ былъ бы употребляемъ на выкупъ имѣній по очереди; оброкъ съ выкупленныхъ крестьянъ присоединялся бы къ складочному фонду и обращался бы на выкупъ другихъ имѣній. По расчету г. Пушкина, выкупъ по всей Тульской губерніи (о которой собственно онъ говоритъ) продолжился бы 34 года, но взносъ помѣщиками по 1% съ оцѣнки—лишь 31 годъ. При этомъ дворяне внесли бы на 100 руб.—31 руб. въ теченіе 31 года, а получили бы выкупной капиталъ разомъ, т. е. не по частямъ, хотя и не всѣ вдругъ; но всякій, пока до него дойдетъ очередь получить выкупную сумму, сталъ бы по прежнему пользоваться доходами съ имѣнія.

Трудно составить себѣ положительное мнѣніе о такомъ проектѣ, не зная, какъ смотрятъ на него сами Тульскіе помѣщики, до коихъ дѣло касается и которыхъ г. Пушкинъ приглашаетъ къ ежегодному пожертвованію 1% съ цѣнности своихъ имѣній. Очень можетъ быть, что такое временное пожертвованіе оказалось бы впослѣдствіи выоднымъ и для самихъ помѣщиковъ; но все-таки нужно знать, согласятся ли они сами съ этимъ мнѣніемъ.

Изъ замѣчательныхъ статей, появившихся въ другихъ журналахъ, относительно предметовъ, связанныхъ съ устройствомъ крестьянскаго быта, мы могли бы указать на статьи г. Соловьева „о поземельномъ пользованіи въ Россіи". Но авторъ представилъ покуда только сводъ мнѣній разныхъ поборниковъ и противниковъ общиннаго владѣнія землею и сравнительныя свѣдѣнія о поземельномъ владѣніи въ Европѣ. Лучше поговорить подробнѣе объ этихъ статьяхъ, когда г. Соловьевъ доведетъ ихъ до конца и выскажетъ собственные свои взгляды и заключенія.

БОРЬБА ПАРТІЙ ВО ФРАНЦІИ ПРИ ЛЮДОВИКѢ XVIII КАРЛѢ X.

(Mémoires pour servir à l'histoire de mon temps, par Guizot. Tome 4-er. 1858).

I.

Книга Гизо.—Роялисты и либералы во время реставраціи.—Отношеніе этихъ партій къ королевской власти и къ свободѣ.—Истинный характеръ той и другой партіи.—*Chambre introuvable* 1815.—Фуше.—Герцогъ Ришлье.—Амнистія.—Король принужденъ распустить роялистскую палату. Ожесточеніе роялистовъ противъ короля и Деказа — Новая палата.—Либералы поддерживаютъ деспотизмъ, роялисты защищаютъ свободу.—Либералы усиливаются.—Интриги роялистовъ. — Паденіе Ришлье. — Деказъ торжествуетъ надъ роялистами. — Вильменъ и цензура. — Убійство герцога Беррійскаго — Король принужденъ роялистами удалить Деказа.—Роялисты обѣщаютъ поддерживать министерство Ришлье.—Они измѣняютъ своему слову.—Оскорбительный адресъ.—Король принужденъ ими отказаться отъ участія въ управленіи государствомъ. — Торжество роялистовъ. — Министерство Вильеля.

(1815—1821).

Съ годъ тому назадъ было объявлено, что авторъ „Исторіи цивилизаціи во Франціи" издаетъ записки о своей политической жизни. Всѣ съ большимъ нетерпѣніемъ ждали обѣщанной книги. Какъ бы ни думалъ кто изъ насъ о государственной дѣятельности Гизо, каждый былъ увѣренъ, что воспоминанія бывшаго министра представятъ очень много новыхъ и важныхъ фактовъ. Еще менѣе можно было сомнѣваться въ томъ, что чрезвычайно сильный талантъ автора придастъ изложенію фактовъ увлекательность, его взгляду на нихъ — обольстительность. Первый томъ заманчивыхъ воспоминаній вышелъ—и оказался, къ великому нашему изумленію, книгою сухою, написанною довольно посредственно, прибавляющею очень мало къ вещамъ, уже давно разсказаннымъ всѣми, писавшими о томъ періодѣ,—словомъ сказать, оказался книгою не замѣчательною ни въ какомъ отношеніи.

На многихъ читателей этотъ отзывъ произведетъ, вѣроятно, дурное впечатлѣніе, потому что онъ рѣшительно не соотвѣтствуетъ мнѣнію почти всѣхъ европейскихъ журналовъ, объявившихъ „Записки" Гизо произведеніемъ высокаго интереса и великаго достоинства. Но благопріятныя сужденія о новой книгѣ Гизо основаны преимущественно на громкой славѣ ея автора. „Написалъ знаменитый человѣкъ, стало быть въ сочиненіи находятся интересъ и мудрость",—умозаключеніе очень удобное для всѣхъ тѣхъ, которые не умѣютъ или не хотятъ оцѣнить книгу по ея содержанію: для нихъ обертка — прекрасная руководительница. Другимъ „За-

писки“ Гизо понравились по другой причинѣ. Книга эта проникнута либеральными идеями и служитъ сильнымъ косвеннымъ протестомъ противъ системы Луи-Наполеона, точно такъ же, какъ послѣдніе томы „Исторіи Консульства и Имперіи“ Тьера, какъ послѣднія сочиненія Дювержье де-Горанна, Токвилля, Монталамбера и проч. Но мы признаемся, что либерализмъ гг. Гизо, Тьера, Токвилля и прочихъ имѣетъ для насъ очень мало прелести, и вся эта статья внушена желаніемъ разъяснить причины нашего нерасположенія къ либерализму подобнаго рода. Мы судимъ о книгѣ по самой книгѣ, а не по выставленному на ней имени, и не видимъ особенной пользы въ ея тенденціи; потому-то и показалась намъ она скучною и довольно пустою. Очень вѣроятно, что слѣдующіе томы „Записокъ“ будутъ гораздо любопытнѣе: съ 1830 года Гизо былъ уже предводителемъ партіи, имѣлъ сильное и самостоятельное участіе въ государственныхъ дѣлахъ; его воспоминанія объ этихъ временахъ должны быть интересными. Но въ первомъ томѣ разсказъ доведенъ только до Іюльской революціи, а во весь періодъ Реставраціи Гизо былъ далеко не первымъ человѣкомъ своей партіи; его дѣйствія не имѣли особеннаго вліянія на событія, потому и его воспоминанія о своей личной дѣятельности лишены большой исторической важности; новыхъ фактовъ о другихъ политическихъ людяхъ того времени онъ не представилъ; его разсказъ о событіяхъ кратокъ и сухъ; такимъ образомъ, съ фактической стороны, первая часть его „Записокъ“ не имѣетъ почти никакой цѣны; а что касается мнѣній, которыхъ онъ держится при сужденіи о людяхъ и событіяхъ, эти мнѣнія извѣстны во всей подробности изъ безчисленнаго множества книгъ, давно написанныхъ другими публицистами школы „Journal des Débats“. Потому-то мы и находимъ, что первый томъ „Записокъ“ Гизо не замѣчателенъ ни въ какомъ отношеніи.

Мы ошиблись: въ одномъ отношеніи книга Гизо очень замѣчательна. Поразительна та гордая самоувѣренность, съ которою онъ, одинъ изъ самыхъ ненавистныхъ во Франціи людей, — онъ, упрямство и грубыя ошибки котораго вовлекли Францію во всѣ бѣдствія, испытанныя ею въ послѣднія десять лѣтъ,—онъ, погубившій династію, которой служилъ, погубившій систему, которую защищалъ, ввергнувшій свою страну въ междоусобія, — онъ, истинный виновникъ желѣзной диктатуры Луи-Наполеона, крестный отецъ всѣхъ Эспинасовъ, говоритъ о своихъ дѣйствіяхъ, какъ будто о непогрѣшительныхъ, о своихъ убѣжденіяхъ, какъ будто о непоколебимо раздѣляемыхъ всѣми разумными людьми во Франціи. Онъ говоритъ такъ, какъ могли говорить развѣ Робертъ Пиль или Штейнъ, какъ будто всѣ соотечественники признаютъ его спасителемъ отечества.

Ни одного слова въ извиненіе своихъ ошибокъ—ошибокъ онъ не дѣлалъ; ни одной фразы, въ которой замѣтно было бы сожалѣніе хотя о чемъ нибудь, исправленіе хоть въ чемъ нибудь. Онъ чистъ и непогрѣшителенъ, онъ мудръ и святъ передъ Богомъ и людьми.

Никакая гордость своимъ личнымъ умомъ, никакая увѣренность въ личной своей правотѣ недостаточны для сообщенія человѣку такого непоколебимаго, самоувѣреннаго спокойствія за всю свою жизнь, за всѣ свои планы и дѣйствія. Нужна для этого другая опора,—Гизо непоколебимъ потому, что онъ схоластикъ. Напрасно ходили люди передъ Зенономъ,—Зенонъ продолжалъ доказывать, что движеніе невозможно; напрасно жестокій господинъ сломалъ ногу философу, непризнававшему бѣдственности физическаго страданія—Эпиктетъ сидѣлъ съ перелом-

ленною ногою, доказывая Эпафродиту, что онъ ошибается, воображая, будто ему, Эпиктету, мучительна боль. Ослѣпленіе часто бываетъ источникомъ страннаго мужества.

Мы знали, что доктринеры, во главѣ которыхъ стоялъ Гизо, были схоластики, доходившіе до изумительнаго ослѣпленія своими отвлеченными формулами; но только послѣдняя книга Гизо показала намъ вполнѣ, до какой степени невозмутима никакими фактами была ихъ теоретическая слѣпота и глухота. Въ этомъ смыслѣ Mémoires pour servir à l'histoire de mon temps — книга очень замѣчательная, какъ психологическій фактъ. Во всѣхъ другихъ отношеніяхъ первый томъ этихъ мемуаровъ очень мало любопытенъ.

Но если не интересна книга, то очень интересно время, о которомъ она говоритъ,—время съ 1814 до 1830 года, періодъ Реставраціи. У насъ объ этомъ времени почти ничего не было писано, и мы хотимъ воспользоваться книгою Гизо, какъ предлогомъ сказать нѣсколько словъ о внутренней исторіи Французскаго государства при возстановленной династіи Бурбоновъ, – исторіи очень мало извѣстной у насъ, а между тѣмъ заключающей въ себѣ начало и объясненіе многаго, сбивающаго насъ съ толку при сужденіяхъ о нынѣшней Франціи. Отъ временъ Реставраціи досталось въ наслѣдство нашему времени пресловутое и, по правдѣ говоря, превздорное слово „либерализмъ“, которое до сихъ поръ порождаетъ столько путаницы въ головахъ, столько глупостей въ политической жизни, и приноситъ столько бѣдъ народу, о благѣ котораго такъ суетливо и такъ неудачно хлопотали либералы отъ Кадикса до Кенигсберга, отъ Калабріи до Нордкапа.

Впрочемъ, не смотря на то, что слово либерализмъ повсюду очень употребительно, его значеніе и въ Западной Европѣ, а тѣмъ болѣе у насъ остается очень сбивчивымъ. Либераловъ совершенно несправедливо смѣшиваютъ съ радикалами и съ демократами. Наша статья осталась бы темною или показалась бы нелѣпою тому, кто привыкъ смѣшивать эти партіи, чрезвычайно рѣзко разнящіяся одна отъ другой. Здѣсь намъ нѣтъ нужды много говорить ни о радикалахъ, ни о демократахъ, потому что они не играли первыхъ ролей въ эпоху Реставраціи и, можно сказать, не составляли еще плотныхъ политическихъ партій во Франціи; довольно будетъ упомянуть о нихъ не болѣе, какъ на столько, чтобы показать ихъ различіе отъ либераловъ, и тѣмъ опредѣлить либерализмъ въ точномъ смыслѣ слова.

У либераловъ и демократовъ существенно различны коренныя желанія, основныя побужденія. Демократы имѣютъ въ виду по возможности уничтожить преобладаніе высшихъ классовъ надъ низшими въ государственномъ устройствѣ, съ одной стороны уменьшить силу и богатство высшихъ сословій, съ другой дать болѣе вѣса и благосостоянія низшимъ сословіямъ. Какимъ путемъ измѣнить въ этомъ смыслѣ законы и поддержать новое устройство общества, для нихъ почти все равно. Напротивъ того, либералы никакъ не согласятся предоставить перевѣсъ въ обществѣ низшимъ сословіямъ, потому что эти сословія по своей необразованности и матеріальной скудости равнодушны къ интересамъ, которые выше всего для либеральной партіи, именно, къ праву свободной рѣчи и конституціонному устройству. Для демократа—наша Сибирь, въ которой простонародье пользуется благосостояніемъ, гораздо выше Англіи, въ которой большинство народа терпитъ сильную нужду. Демократъ изъ всѣхъ политическихъ учрежденій непримиримо враждебенъ только одному—аристократіи; либералъ почти

всегда находитъ, что только при извѣстной степени аристократизма общество можетъ достичь либеральнаго устройства. Потому либералы обыкновенно питаютъ къ демократамъ смертельную непріязнь, говоря, что демократизмъ ведетъ къ деспотизму и гибеленъ для свободы.

Радикализмъ, собственно говоря, состоитъ не въ приверженности къ тому или другому политическому устройству, а въ убѣжденіи, что извѣстное политическое устройство, водвореніе котораго кажется полезнымъ, не согласно съ коренными существующими законами, что важнѣйшіе недостатки извѣстнаго общества могутъ быть устранены только совершенною передѣлкою его основаній, а не мелочными исправленіями подробностей. Радикаломъ былъ бы въ Сѣверной Америкѣ монархистъ, въ Китаѣ — приверженецъ европейской цивилизаціи, въ Остъ-Индіи — противникъ кастъ. Изъ всѣхъ политическихъ партій, одна только либеральная непримирима съ радикализмомъ, потому что онъ расположенъ производить реформы съ помощью матеріальной силы и для реформъ готовъ жертвовать и свободою слова и конституціонными формами. Конечно, въ отчаяніи либералъ можетъ становиться радикаломъ, но такое состояніе духа въ немъ ненатурально, оно стоитъ ему постоянной борьбы съ самимъ собою и онъ постоянно будетъ искать поводовъ, чтобы избѣжать надобности въ коренныхъ переломахъ общественнаго устройства, и повести свое дѣло путемъ маленькихъ исправленій, при которыхъ не нужны никакія чрезвычайныя мѣры.

Такимъ образомъ, либералы почти всегда враждебны демократамъ и почти никогда не бываютъ радикалами. Они хотятъ политической свободы, но такъ какъ политическая свобода почти всегда страждетъ при сильныхъ переворотахъ въ гражданскомъ обществѣ, то и самую свободу, высшую цѣль всѣхъ своихъ стремленій, они желаютъ вводить постепенно, расширять по-немногу, безъ всякихъ, по возможности, сотрясеній. Необходимымъ условіемъ политической свободы кажется имъ свобода печатнаго слова и существованіе парламентскаго правленія; но такъ какъ свобода слова, при нынѣшнемъ состояніи западно-европейскихъ обществъ, становится обыкновенно средствомъ для демократической, страстной и радикальной пропаганды, то свободу слова они желаютъ держать въ довольно тѣсныхъ границахъ, чтобы она не обратилась противъ нихъ самихъ. Парламентскія пренія также должны принять повсюду радикально-демократическій характеръ, если парламентъ будетъ состоять изъ представителей націи въ обширномъ смыслѣ слова, потому либералы принуждены также ограничивать участіе въ парламентѣ тѣми классами народа, которымъ довольно хорошо, или даже очень хорошо, жить при нынѣшнемъ устройствѣ западно-европейскихъ обществъ.

Съ теоретической стороны, либерализмъ можетъ казаться привлекательнымъ для человѣка, избавленнаго счастливою судьбою отъ матеріальной нужды: свобода — вещь очень пріятная. Но либерализмъ понимаетъ свободу очень узкимъ, чисто формальнымъ образомъ. Она для него состоитъ въ отвлеченномъ правѣ, въ разрѣшеніи на бумагѣ, въ отсутствіи юридическаго запрещенія. Онъ не хочетъ понять, что юридическое разрѣшеніе для человѣка имѣетъ цѣну только тогда, когда у человѣка есть матеріальныя средства пользоваться этимъ разрѣшеніемъ. Ни мнѣ, ни вамъ, читатель, не запрещено обѣдать на золотомъ сервизѣ; къ сожалѣнію, ни у васъ, ни у меня нѣтъ и, вѣроятно, никогда не будетъ средствъ для удовлетворенія этой изящной идеи; потому я откровенно говорю, что ни мало

не дорожу своимъ правомъ имѣть золотой сервизъ, и готовъ продать это право за одинъ рубль серебромъ или даже дешевле. Точно таковы для народа всѣ тѣ права, о которыхъ хлопочутъ либералы. Народъ невѣжественъ, и почти во всѣхъ странахъ большинство его безграмотно; не имѣвъ денегъ, чтобы получить образованіе, не имѣя денегъ, чтобы дать образованіе своимъ дѣтямъ, какимъ образомъ станетъ онъ дорожить правомъ свободной рѣчи? Нужда и невѣжество отнимаютъ у народа всякую возможность понимать государственныя дѣла и заниматься ими,— скажите, будетъ ли дорожить, можетъ ли онъ пользоваться правомъ парламентскихъ преній?

Нѣтъ такой европейской страны, въ которой огромное большинство народа не было бы совершенно равнодушно къ правамъ, составляющихъ предметъ желаній и хлопотъ либерализма. Поэтому либерализмъ повсюду обреченъ на безсиліе: какъ ни разсуждать, а сильны только тѣ стремленія, прочны только тѣ учрежденія, которыя поддерживаются массою народа. Изъ теоретической узкости либеральныхъ понятій о свободѣ, какъ простомъ отсутствіи запрещенія, вытекаетъ практическое слабосиліе либерализма, не имѣющаго прочной поддержки въ массѣ народа, недорожащей правами, воспользоваться которыми она не можетъ по недостатку средствъ.

Не переставая быть либераломъ, невозможно выбиться изъ этого узкаго понятія о свободѣ, какъ о простомъ отсутствіи юридическаго запрещенія. Реальное понятіе, въ которомъ фактическія средства къ пользованію правомъ поставляются стихіею болѣе важною, нежели одно отвлеченное отсутствіе юридическаго запрещенія, совершенно внѣ круга идей либерализма. Онъ хлопочетъ объ отвлеченныхъ правахъ, не заботясь о житейскомъ благосостояніи массъ, которое одно и даетъ возможность къ реальному осуществленію права.

Намъ кажется, что этихъ краткихъ замѣченій будетъ пока достаточно для предварительнаго объясненія читателю, въ какомъ смыслѣ мы употребляемъ слово либерализмъ.

Само собою разумѣется, что теоретическая несостоятельность либерализма чувствуется только тѣми, кому кромѣ юридическаго разрѣшенія нужны еще и матеріальныя средства. А у кого эти средства уже есть, тому, разумѣется, и не приходитъ въ голову хлопотать о нихъ. Оттого либерализмъ очень долго былъ системою, совершенно удовлетворявшею людей съ независимыми матеріальными средствами къ жизни и съ развитыми умственными потребностями. „Сытый голоднаго не разумѣетъ“, и они никакъ не могли теоретическимъ путемъ дойти до соображенія, что потребности народа могутъ состоять въ чемъ нибудь иномъ, нежели либеральныя тенденціи. Они воображали что являются истинными благодѣтелями народа, стараясь доставить ему свободу слова и парламентское правительство. Горькій опытъ началъ разочаровывать либераловъ. Практическія неудачи мало по малу раскрываютъ благоразумнѣйшимъ изъ нихъ глаза на теоретическіе недостатки ихъ системы, и съ каждымъ годомъ число истинныхъ либераловъ въ Европѣ уменьшается. Но заблужденія партій долговѣчны; да и какъ не быть имъ долговѣчными? Если отдѣльному человѣку для пріобрѣтенія здравыхъ понятій о жизни посредствомъ опыта нужны цѣлые годы, конечно десятки лѣтъ нужны для этого собранію множества людей, взаимно поддерживающихъ одинъ другого въ общихъ заблужденіяхъ. Потому, во Франціи, какъ и во всѣхъ другихъ странахъ Западной

Европы, продолжаютъ еще существовать и хлопотать либералы, и нельзя сказать, чтобы Франція или вообще Западная Европа была уже внѣ опасности отъ ихъ хлопотъ; да и сами они, къ сожалѣнію, все еще не достигли того благоразумія, чтобы избавить себя отъ бѣдствій и гоненій, совершенно передавъ заботу о народахъ другимъ людямъ. Нѣтъ, они все еще готовы „жертвовать собою для блага свободы".

Нѣтъ ничего грустнѣе, какъ видѣть честныхъ, любящихъ васъ людей, которые лѣзутъ изъ кожи вонъ отъ усердія осчастливить васъ тѣмъ, чего вамъ рѣшительно не нужно, которые съ опасностью жизни взбираются на Монбланъ, чтобы принести оттуда для вашего наслажденія альпійскую розу — бѣдняжки! сколько истрачено денегъ, времени, и сколько честныхъ шей сломано въ этомъ заоблачномъ путешествіи для вашего удовольствія! И не приходило въ голову этимъ людямъ, что не альпійская роза, а кусокъ хлѣба нуженъ вамъ, потому что голодному не до цвѣтковъ природы или краснорѣчія, и дивились они, и осыпали васъ упреками въ неблагодарности къ нимъ, въ равнодушіи къ вашему собственному счастью за то, что вы холодно смотрѣли на ихъ подвиги и не лѣзли за ними черезъ скалы и пропасти, и не поддержали ихъ, когда они съ своей заоблачной вышины падали въ бездну. Жалкіе слѣпцы, они не сообразили, что достать для васъ кусокъ хлѣба было бы имъ гораздо легче,—не сообразили потому, что и не предполагали, будто кому нибудь можетъ быть нужна такая прозаическая вещь, какъ кусокъ хлѣба.

Жаль ихъ потому, что почти всѣ они сломали себѣ шею, почти безъ всякой пользы для націй, о которыхъ хлопотали. Еще больше жаль того, что націи не всегда оставались холодны къ ихъ стремленіямъ, иногда обольщались кранорѣчіемъ и смѣлостью этихъ „передовыхъ людей", шли вслѣдъ за ними и вслѣдъ за ними падали въ пропасти.

Таково наше понятіе о либерализмѣ вообще, но въ каждой странѣ, въ каждую эпоху общая идея принимаетъ особенный характеръ. Французскій либерализмъ въ эпоху Реставраціи, самое блистательное и шумное явленіе въ исторіи либерализма, отличался особенностями, которыя раскроются въ продолженіе нашего разсказа. На первый разъ мы предупредимъ читателя, что если борьба либераловъ съ роялистами составляетъ сущность французской политической исторіи въ то время, это еще вовсе не значитъ, чтобы въ самомъ дѣлѣ либералы были тогда постоянно защитниками хотя той жалкой свободы, которая признается идеею либерализма. Нѣтъ, далеко не всегда это было,—критика фактовъ приводитъ даже къ заключенію, нимало не согласному съ тѣми ожиданіями, какія можно составить, основываясь на названіяхъ боровшихся партій. Дѣла въ это время перепутались очень странно, и перепутались именно вслѣдствіе того, что имена партій плохо соотвѣтствовали ихъ стремленіямъ. Несоотвѣтственность между именемъ и сущностью привела за собою ненужные союзы, неосновательныя симпатіи и антипатіи. Результатомъ этого было, что Бурбоны безъ всякой надобности подвергли себя изгнанію изъ-за покровительства людямъ, которые вовсе не были ихъ приверженцами, нація подвергла себя множеству бѣдствій изъ-за увлеченія людьми, которые вовсе не были защитниками ея правъ, и династія, надѣлавъ много вреда націи, окончательно оттолкнула ее отъ себя безъ всякой надобности. Если намъ удастся показать, что между такъ называемыми либералами было тогда столько же желанія поддержать королевскую власть, какъ между такъ называемыми роялистами, что такъ называемые роялисты такъ же усердно добивались такъ называемой свободы,

какъ и либералы,—если намъ удастся показать, что во Франціи при Бурбонахъ борьба между партіями, шедшая на словахъ будто бы между свободою и королевскимъ полновластіемъ, въ сущности велась вовсе не за свободу одними, не за короля другими,—если мы покажемъ, что свобода оставалась тутъ во всякомъ случаѣ ровно не при чемъ, какая бы изъ двухъ партій ни побѣдила, а королевская династія возбуждала противъ себя такъ называемыхъ либераловъ только потому, что не умѣла понять, какого полновластія могла бы достичь, если бы покровительствовала самымъ крайнимъ либераламъ, или даже пошла бы дальше ихъ,—если намъ удастся показать все это, мы думаемъ, что читатель найдетъ нѣкоторую назидательность въ смѣшномъ и грустномъ ходѣ событій, общій очеркъ котораго мы хотимъ изложить. А событія были дѣйствительно смѣшны и грустны,

Громомъ оружія началось, громомъ оружія кончилось правленіе Бурбоновъ. Шестнадцать лѣтъ, прошедшіе отъ громовыхъ дней Монмартра и Ватерлооской битвы до трескучихъ іюльскихъ дней, исполнены были отважнаго движенія, рѣчей, восторженныхъ криковъ, перерываемыхъ только рѣзкимъ стукомъ барабановъ и трескомъ ружейныхъ выстрѣловъ; въ чемъ же смыслъ и сущность политической исторіи этихъ шестнадцати лѣтъ? Либералы совершенно ошибались, воображая себя защитниками свободы; роялисты совершенно ошибались, воображая себя защитниками престола; Бурбоны совершенно ошибались, думая, что должны опираться на роялистовъ; народъ совершенно ошибался, воображая, что долженъ ожидать себѣ спасенія отъ либераловъ. — изъ этой четверной ошибки выходила невообразимо безтолковая путаница. Бурбоны отталкивали себя отъ либераловъ, которые одни могли поддержать ихъ, и дружились съ роялистами, которые губили ихъ: народъ, привязываясь къ звонкимъ, но пустымъ рѣчамъ либераловъ, забывалъ самъ заботиться о своихъ интересахъ и, не получая никакой выгоды для себя, терпѣлъ похмѣлье на пиру совершенно чужомъ; либералы при Бурбонахъ оставались безсильными, потому что не умѣли взяться за дѣло, а при Луи-Филиппѣ, когда получили силу, осрамили себя, оказавшись худшими друзьями свободы, нежели сами роялисты; наконецъ роялисты, смѣшавъ народъ съ либералами и думая, что подавить либераловъ, значитъ уже не имѣть враговъ, сами себѣ рыли могилу, потому что не соображали, какое дѣйствіе на народъ производятъ ихъ эволюціи въ борьбѣ съ либералами. Здраваго смысла тутъ, какъ видимъ, очень мало; сущность всей этой путаницы, если разобрать дѣло хладнокровно, чуть ли не выражена заглавіемъ одной изъ пьесъ Шекспира: „Комедія ошибокъ“.

Такое неделикатное понятіе объ исторіи Франціи въ 1814 — 1830 годахъ вовсе несообразно съ тѣми высокими теоріями, подъ которыя обыкновенно подводится исторія. „Потребности народа, сила истины — вотъ основныя силы, которыми движется ходъ событій; прогрессъ не пустое слово. Называть путаницею какой нибудь значительный отдѣлъ исторіи можетъ только тотъ, кто не доучился и не додумался до глубокаго взгляда на исторію“, скажутъ намъ люди, успокоительности взгляда которыхъ мы завидуемъ, не будучи въ состояніи достичь высоты такихъ пріятныхъ міросозерцаній. Намъ представляется, что на ходъ историческихъ событій гораздо сильнѣйшее вліяніе имѣли отрицательныя качества человѣка, нежели положительныя: что въ исторіи гораздо сильнѣе были всегда рутина, апатія, невѣжество, недоразумѣніе, ошибка, ослѣпленіе, дурныя страсти, нежели здравыя понятія о вещахъ, знаніе и стремленіе къ истиннымъ благамъ; что всегда

грошовый результатъ достигался не иначе, какъ растратою милліоновъ; что путь, по которому несется колесница исторіи, чрезвычайно извилистъ и испещренъ рытвинами, косогорами и болотами, такъ что тысячи напрасныхъ толчковъ перетерпитъ сѣдокъ этой колесницы, человѣкъ, и сотни верстъ исколеситъ всегда для того, чтобы подвинуться на одну сажень ближе къ прямой цѣли. Кто не согласенъ съ нами, великодушно извинитъ такое наше заблужденіе. Но мы — общая участь людей — воображаемъ, что фактами подтверждается именно нашъ, а не какой нибудь другой взглядъ.

Кто вѣритъ разнымъ либеральнымъ и прогрессивнымъ исторіямъ, въ которыхъ такъ превосходно излагается „неукоснительное развитіе“ рода человѣческаго и осуществленіе великихъ идей, руководящихъ чуть ли не каждымъ движеніемъ каждаго изъ безчисленныхъ болѣе или менѣе великихъ людей, въ родѣ Гизо, Тьера, Талейрана, Меттерниха и пр., — кто вѣритъ этимъ исторіямъ, тотъ, конечно, не согласится съ нами: онъ очень твердо знаетъ, что главный смыслъ шумной борьбы французскихъ партій въ 1815 — 1830 годахъ былъ: восторжествуетъ ли во Франціи конституціонное устройство, или королевская власть возвратитъ себѣ безграничную силу, какую имѣла до конца XVIII вѣка. По мнѣнію либеральныхъ историковъ, борьба шла между свободою и престоломъ, и — все по мнѣнію тѣхъ же проницательныхъ людей, — либералы и во снѣ и наяву только то будто бы и видѣли, какъ бы имъ обезсилить королевскую власть до крайней степени, а роялисты будто бы всею душею и всѣмъ сердцемъ преданы были королямъ своимъ, сначала Людовику XVIII, а по смерти его Карлу X. Совершенно такъ же понимаютъ дѣло и реакціонеры, отъ де-Местра до Монталамбера. Удивительная проницательность, — тѣмъ болѣе удивительная, что каждый фактъ противорѣчитъ ея выводамъ, основаннымъ на однихъ именахъ и праздныхъ словахъ, опровергавшихся самымъ дѣломъ. Дѣйствительно, изъ двухъ партій, шумно боровшихся во Франціи съ 1814 до 1830 года, одна называла себя либеральною, а другая роялистскою, одна написала на своихъ знаменахъ „свобода“, другая „престолъ“. Но нужна проницательность совершенно особеннаго рода, чтобы вѣрить этимъ именамъ и оффиціальнымъ прозвищамъ, — проницательность, которая должна предположить также, что Гвельфы были въ самомъ дѣлѣ не люди, а щенки, какъ доказывается ихъ именемъ, а Тори въ самомъ дѣлѣ занимаются тѣмъ, что жгутъ англійскія деревни, какъ доказывается опять таки ихъ именемъ. Надобно также по этому способу сужденія предполагать, что Наполеонъ, когда двинулся въ 1812 году въ Россію, началъ войну не наступательную, а оборонительную, — онъ самъ такъ говорилъ; а когда Нена Санбъ рѣзалъ англичанъ въ Ханнурѣ, то дѣлалъ это, несмотря на свою мухаммеданскую вѣру, единственно по усердію къ Брамѣ, Вишну и Шивѣ, — онъ самъ это говорилъ.

Изумительна податливость людей обманываться оффиціальными словами. Еще изумительнѣе то, что словамъ, въ которыхъ нѣтъ ни капли искренности, вѣритъ вполнѣ не только тотъ, для обольщенія котораго они придуманы, но часто и самъ тотъ человѣкъ, кто ихъ придумалъ съ цѣлью придать возвышенность и благовидность своимъ личнымъ разсчетамъ. Такъ случилось, между прочимъ, и во Франціи при Бурбонахъ. Либералы отъ всей души воображали, что ратуютъ за свободу, роялисты не менѣе искренно были убѣждены, что ратуютъ за престолъ. Но этими словами „свобода“ и „престолъ“ нимало не выражались ихъ дѣйстви-

тельныя стремленія, и дѣйствія ихъ вовсе не соотвѣтствовали тостамъ, которые они пили.

Нужно только вникнуть, изъ какихъ людей состояла та или другая партія, чтобы отказаться отъ довѣрчивости къ ея оффиціальному имени.

Начнемъ съ роялистовъ. Основу этой партіи составляли эмигранты, возвратившіеся во Францію вмѣстѣ съ Бурбонами вслѣдъ за побѣдоносными союзными арміями. Нечего говорить о томъ, что если бы любовь къ королю была въ нихъ сильнѣе личныхъ разсчетовъ, не покинули бы они Людовика XVI при началѣ революціи; можно было бы извинить ихъ бѣгство трусостью, не прибѣгая къ сомнѣніямъ въ ихъ расположеніи къ монарху, еслибъ не знали мы, что дѣлали они за границей. Когда разгорѣлись въ Парижѣ народныя страсти, эмигранты прямо говорили, что для блага Франціи надо желать смерти Людовика XVI, который не умѣетъ управлять государствомъ сообразно съ пользами аристократіи; ихъ тайные агенты возбуждали парижскихъ санкюлотовъ требовать казни Людовика XVI. Когда было получено извѣстіе о его смерти, они съ торжествомъ говорили, что смерть была ему справедливымъ наказаніемъ за то, что онъ согласился на уничтоженіе феодальныхъ правъ и на преобразованіе гражданскаго положенія католическаго духовенства. Малолѣтній сынъ Людовика XVI, наслѣдникъ престола, содержался въ плѣну въ Парижѣ, надобно было управлять дѣлами роялистовъ регенту: по неприкосновенному закону старинной монархіи, регентомъ слѣдовало быть старшему изъ дядей малолѣтняго короля; но графъ Прованскій (впослѣдствіи Людовикъ XVIII) не нравился эмигрантамъ, и они упорно требовали, чтобы онъ уступилъ власть младшему брату, графу д'Артуа (впослѣдствіи Карлу X). Нѣсколько мѣсяцевъ продолжалась борьба, и несмотря на сопротивленіе иностранныхъ дворовъ, признавшихъ права графа Прованскаго, эмигранты вытребовали у него титулъ намѣстника королевства (lieutenant général du Royaume) для своего любимца. Потомъ, при каждомъ случаѣ недовольства представителемъ королевской власти, они дерзко ссорились съ нимъ, постоянно признавая своимъ истиннымъ главою не его, а графа д'Артуа. Въ такомъ положеніи оставались они къ Людовику XVIII и по возвращеніи Бурбоновъ во Францію: постоянно выражая ему свое неудовольствіе, они громко говорили, что повинуются не королю, а графу д'Артуа, и постоянно интриговали противъ всѣхъ тѣхъ, кого Людовикъ XVIII удостоивалъ своимъ довѣріемъ. Хороши монархисты, которые желали насильственной смерти одного короля и не хотѣли повиноваться другому.

Либералы также были преданы свободѣ, какъ роялисты преданы королю. Либеральная партія состояла около 1815 года изъ сліянія трехъ главныхъ оттѣнковъ: изъ людей, служившихъ Наполеону, но не желавшихъ его возвращенія, изъ настоящихъ бонапартистовъ и изъ приверженцевъ англійской конституціи (либераловъ въ точнѣйшемъ смыслѣ слова). Едва-ли нужно говорить, до какой степени могли быть пылки конституціонныя желанія людей, служившихъ Наполеону; еще менѣе могли умирать тоскою о свободѣ записные бонапартисты: система Наполеона, какъ извѣстно, мало походила на конституціонное правленіе. Остаются либералы въ тѣсномъ смыслѣ слова,—тѣ самые люди, которые позднѣе составили партію орлеанистовъ. Мы будемъ имѣть случай видѣть, какъ они защищали свободу, когда самовластіе казалось для нихъ выгодно. Но въ полномъ блескѣ ихъ уваженіе къ свободѣ выразилось послѣ 1830 года, когда они имѣли власть въ

своихъ рукахъ. Самые горячіе роялисты 1820 годовъ не заходили такъ далеко, какъ Тьеръ, Гизо и вся ихъ партія въ 1832 и 1835 годахъ.

Было, правда, въ либеральной партіи нѣсколько человѣкъ дѣйствительно горячившихся изъ-за свободы, какъ сами ее понимали, напримѣръ, Лафайетъ, Войе д'Аржансонъ, Манюэль; но они по своей малочисленности не имѣли никакого вліянія на ходъ парламентскихъ преній во время Реставраціи. Были и между роялистами люди, дѣйствительно преданные королевской династіи, напримѣръ, герцогъ Ришлье; но опять таки, во-первыхъ, они не имѣли вліянія на свою партію; во-вторыхъ, между либералами было такихъ людей гораздо больше, — перечислять ихъ всѣхъ, отъ Ройе-Коляра до Гизо, было бы слишкомъ долго.

Въ чемъ же заключались дѣйствительныя стремленія партій, изъ которыхъ одна выдавала себя защитницею монархической власти, другая — свободы? Онѣ заботились объ интересахъ, гораздо болѣе близкихъ имъ, нежели престолъ или свобода. Люди, называвшіеся роялистами, просто хотѣли возстановить привилегіи, которыми до революціи пользовалось дворянство и высшее духовенство; потому что сами эти люди были изъ высшаго дворянства. Либеральную партію составляли люди средняго сословія: купцы, богатые промышленники, нотаріусы, покупщики большихъ участковъ конфискованныхъ имѣній, — словомъ, тотъ самый классъ, который позднѣе сдѣлался извѣстенъ подъ именемъ буржуазіи; революція, низвергнувъ аристократическія привилегіи, оставила власть надъ обществомъ въ его рукахъ; онъ хотѣлъ сохранить власть.

Въ той и другой партіи этимъ задушевнымъ стремленіямъ были подчинены всѣ другія отношенія, между прочимъ и отношенія къ королевской власти. Стоило королю показать расположеніе къ среднему сословію, — роялисты начинали проклинать короля, кричать противъ деспотизма, а либералы рукоплескали самымъ насильственнымъ распоряженіямъ королевской власти и рвали въ клочки конституцію; разумѣется, когда наоборотъ король поддерживалъ феодальныя стремленія аристократовъ, роялисты начинали кричать о неприкосновенности и неограниченности королевской власти, а либералы говорили, что умрутъ, защищая конституцію.

Разборъ дѣйствій той и другой партіи въ 1815—1830 годахъ, на каждомъ шагу приводитъ къ такому заключенію.

Мы не хотѣли писать полнаго обзора всѣхъ сторонъ историческаго движенія за эти годы; развитіе науки, литературы, экономическія отношенія, судебныя дѣла, дипломатическія сношенія, военныя событія не входятъ въ нашъ разсказъ, потому что иначе слишкомъ расширился бы его объемъ: все вниманіе наше будетъ обращено исключительно на факты, объясняющіе характеръ политическихъ партій, существовавшихъ тогда во Франціи, и сущность внутренней политической исторіи государства. Съ тою же цѣлью, чтобы не увеличивать до чрезмѣрности объемъ этого очерка, мы начинаемъ его съ вторичнаго возвращенія Бурбоновъ во Францію послѣ Ватерлооской битвы, или второй реставраціи, не говоря ни о кратковременномъ періодѣ первой реставраціи, окончившейся возвращеніемъ Наполеона съ Эльбы, ни о кратковременномъ господствѣ Наполеона во время Ста Дней. Обѣ эти эпохи были только прелюдіями къ длинной драмѣ собственно такъназываемаго періода Реставраціи, начинающагося послѣ Ватерлоо.

Послѣ Ватерлооскаго сраженія Веллингтонъ былъ владыкою Парижа; судьба

Франціи зависѣла отъ милости союзныхъ монарховъ. Союзники требовали отъ Бурбоновъ благоразумія и снисходительности къ людямъ, замѣшаннымъ въ событія, слѣдовавшія за возвращеніемъ Наполеона съ Эльбы. Веллингтонъ громко объявилъ, что не допуститъ Людовика XVIII снова принять власть иначе, какъ если онъ будетъ управлять по совѣтамъ Фуше и сдѣлаетъ его министромъ: по мнѣнію Веллингтона только Фуше могъ предохранить Бурбоновъ отъ новаго изгнанія. Но событія доставили перевѣсъ во Франціи роялистамъ. Либералы, пораженные вмѣстѣ съ Наполеономъ, котораго поддерживали во время Ста Дней, почти безъ борьбы дали восторжествовать роялистамъ на выборахъ въ палату депутатовъ. Посмотримъ же, какъ доказали роялисты свою приверженность къ монархической власти.

Одинъ слухъ о ненависти избранныхъ въ палату роялистовъ къ Фуше заставилъ короля отказаться отъ помощи министра, пользовавшагося довѣріемъ Веллингтона и служившаго представителемъ примиренія Бурбоновъ съ новой Франціей. Роялисты ненавидѣли Фуше не за тѣ гнусныя жестокости, которыми онъ опозорилъ себя во время Терроризма,— они покровительствовали людямъ, не менѣе запятнавшимъ себя въ этомъ отношеніи, напримѣръ, генералу Канюэлю, который такъ свирѣпствовалъ противъ Вандейцевъ, что былъ удаленъ отъ должности коммиссарами Конвента и не былъ потомъ употребляемъ ни на какія порученія Наполеономъ. Коварство Фуше также не было причиною вражды роялистовъ къ нему; они поддерживали многихъ людей, не превосходившихъ Фуше честностью. Но этотъ министръ доказывалъ Людовику XVIII, что Бурбоны не должны быть слѣпыми орудіями эмигрантовъ, что требованія крайнихъ реакціонеровъ противны интересамъ короля: роялисты хотѣли казнить или сослать болѣе трехъ тысячъ человѣкъ; Фуше доказалъ королю, что такая масса жертвъ возбудитъ общее негодованіе, и настоялъ на томъ, чтобы не болѣе пятьдесяти семи лицъ были преданы суду, говоря, что и это число уже слишкомъ велико. Такого сопротивленія гибельному для самихъ Бурбоновъ мщенію не могли простить эмигранты, и Фуше принужденъ былъ противъ воли короля удалиться изъ министерства.

Тогда главою министерства сдѣлался герцогъ Ришлье, памятный у насъ заботами объ Одессѣ и лично пользовавшійся особеннымъ благоволеніемъ Императора Александра. По своимъ мнѣніямъ, герцогъ былъ ревностный монархистъ; казалось бы, что роялисты должны довѣрять ему. По своимъ отношеніямъ къ Императору Александру, отъ котораго зависѣли тогда рѣшенія европейскихъ державъ о судьбѣ Франціи, онъ былъ человѣкомъ незамѣнимымъ. Если бы роялисты желали избавить народъ отъ унизительныхъ непріятностей въ сношеніяхъ съ Европою, они должны были бы поддерживать Ришлье.

Еще до начала засѣданій палаты депутатовъ роялисты, составлявшіе въ ней огромное большинство, вынудили у короля отставку министра, услуги котораго были чрезвычайно полезны для Бурбоновъ. Но этотъ министръ служилъ республикѣ и Наполеону; быть можетъ, роялисты станутъ соблюдать болѣе умѣренности, выкажутъ себя хорошими подданными теперь, когда король вручилъ правленіе новому министру, который преданностью монархическому началу не уступитъ никому въ цѣлой Франціи.

На словахъ, палата депутатовъ пылала усердіемъ къ королю. Въ ней только и рѣчи было, что о королѣ и безграничной преданности ему: съ неистовымъ во-

сторгомъ приняла она слова Воблана: „Огромное большинство палаты хочетъ вѣрно служить королю". Но палатѣ было извѣстно, что король не можетъ быть слишкомъ строгъ относительно людей, поддерживавшихъ Наполеона; что строгость повредитъ прочности его престола и можетъ поссорить его съ Императоромъ Александромъ и Англіею. Роялисты не хотѣли обращать на то вниманія и, какъ только собралась палата, первымъ дѣломъ ея было представить королю адресъ, требовавшій мщенія. „Мы обязаны, государь, говорила палата, требовать у васъ правосудія противъ тѣхъ, которые подвергли опасности престолъ. Пусть они, донынѣ гордящіеся своею измѣною и ободрямые безнаказанностію, будутъ преданы строгости судовъ. Палата ревностно будетъ содѣйствовать составленію законовъ, необходимыхъ для исполненія этого желанія". Правительство, повинуясь требованію, черезъ нѣсколько дней представило проэктъ закона о возмутительныхъ крикахъ, рѣчахъ и сочиненіяхъ; по проэкту эти нарушенія порядка объявлялись проступками и наказывались тюремнымъ заключеніемъ отъ трехъ мѣсяцевъ до пяти лѣтъ, лишеніемъ гражданскихъ и политическихъ правъ и отдачею подъ надзоръ тайной полиціи. Палата вознегодовала. „Какъ могло правительство предложить намъ такой проэктъ? говорили роялисты. Оно называетъ проступками то, что должно называть преступленіями: наказанія назначены слишкомъ легкія, представлять такой проэктъ палатѣ, составленной изъ роялистовъ, — это чистая измѣна". Коммиссія палаты, разсматривавшая проэктъ, совершенно передѣлала его и усилила всѣ наказанія. „Наказанія должны быть соразмѣрны преступленіямъ, говорилъ въ своемъ рапортѣ палатѣ Пакье, докладчикъ коммиссіи: нужно, чтобы быстрота наказанія внушала спасительный ужасъ людямъ, которые хотѣли бы подражать преступникамъ. Всѣ друзья порядка и тишины желаютъ возстановленія превотальныхъ судовъ*). До той поры пусть люди, подлежащіе этому закону, судятся уголовнымъ судомъ: но наказанія, назначенныя въ проэктѣ, слишкомъ легки для нихъ. Мы думаемъ, что они должны наказываться или изгнаніемъ, или ссылкой. Но простое изгнаніе — наказаніе ничтожное для нихъ. Ихъ должно осуждать на ссылку. Справедливость требуетъ, чтобы они были на вѣки удаляемы изъ той земли, на которой недостойны они жить, и посылались влачить подъ далекимъ небомъ жизнь, которую употребили на бѣдствія отечества и стыдъ соотечественникамъ. Сверхъ того они должны подвергаться строгому денежному штрафу, наказанію для этихъ людей болѣе чувствительному, нежели тюрьма, которая показалась бы для нихъ, незнающихъ стыда, только средствомъ жить въ праздности". Другой роялистъ, де-Семезонъ, требовалъ, чтобы мѣсто ссылки было назначено непремѣнно за предѣлами Европы, и чтобы, въ нѣкоторыхъ случаяхъ, напримѣръ, за поднятіе трехцвѣтнаго знамени, назначалась вмѣсто ссылки смертная казнь. — „Согласенъ на законъ, шутливымъ тономъ сказалъ третій роялистъ Пье, только съ небольшой перемѣной, именно, чтобы вмѣсто ссылки поставлена была смертная казнь, — перемѣна, какъ видите, пустая". Палата весело захохотала остротѣ. Одинъ изъ депутатовъ отважился было сказать: „Положимъ смертную казнь за поднятіе трехцвѣтнаго знамени вслѣдствіе обдуманнаго заговора, но неужели казнить человѣка, который сдѣлалъ бы это просто подъ пьяную руку?" Громкій ропотъ перервалъ

*) Старинные суды, дѣйствовавшіе по особеннымъ инструкціямъ, не стѣсняясь ни законами, ни формами судопроизводства, казнившіе людей безъ дальнихъ околичностей полицейскимъ порядкомъ.

его. Всѣ ораторы, говорившіе потомъ, обвиняли не только министерскій проэктъ, но и предложеніе коммиссіи въ излишней слабости. Правительство уступило требованіямъ палаты и согласилось на измѣненія, сдѣланныя коммиссіею.

Съ этой минуты палата рѣшительно беретъ въ свои руки верховную власть. Она не довѣряетъ министрамъ короля, передѣлываетъ всѣ ихъ законы. Министры ничтожны передъ ней; король долженъ покоряться ей безпрекословно. Со временъ Конвента не было законодательнаго собранія, которое недовѣрчивѣе смотрѣло бы на исполнительную власть и щекотливѣе выставляло бы при всякомъ случаѣ свои права. Роялисты вынудили у министерства отмѣненіе гарантій, ограждавшихъ личность гражданина отъ полицейскаго произвола, вынудили множество другихъ крутыхъ мѣръ и наконецъ одинъ изъ нихъ, Лабурдонне, подъ ироническимъ именемъ амнистіи предложилъ законъ, страшнымъ образомъ расширявшій разряды лицъ, подвергавшихся отвѣтственности за участіе въ событіяхъ Ста Дней. Это предложеніе было сдѣлано въ тайномъ комитетѣ палаты, поручено разсмотрѣнію тайной коммиссіи, которая не хотѣла открывать предмета совѣщаній самому правительству. Амнистія Лабурдонне подвергала смертной казни или ссылкѣ около тысячи двухъ-сотъ человѣкъ. Члены коммиссіи хотѣли еще увеличить это число. Ужасъ овладѣлъ Парижемъ, до котораго доносились слухи о намѣреніяхъ палаты. Правительство, испуганное путемъ, на который ведетъ его палата, рѣшилось предупредить ее, чтобы не навлечь на династію Бурбоновъ непремиримой ненависти націи. Весь кабинетъ торжественно явился въ палату съ проэктомъ закона, составленнымъ въ духѣ гораздо болѣе кроткомъ. Палата передала проэктъ министерства на разсмотрѣніе прежней коммиссіи, негодуя на преступную снисходительность правительства. Коммиссія передѣлала проэктъ въ духѣ Лабурдонне. „Не слушайте софизмовъ гибельной филантропіи, служащей орудіемъ обмана въ устахъ вашихъ враговъ, говорилъ роялистъ Бодрю, когда начались пренія въ палатѣ послѣ прочтенія доклада коммиссіи: наказывайте, не колеблясь, иначе ошибетесь; предложеніе коммиссіи выше всякихъ возраженій.“ — „Провидѣніе предаетъ наконецъ въ ваши руки злодѣевъ, вскричалъ Лабурдонне, вѣчное правосудіе сберегло ихъ среди опасностей именно для того, чтобы непреложно показать суетность ихъ коварства. Они говорятъ, что они прощены королемъ при его возвращеніи; нѣтъ, это прощеніе, подобно печати отверженія, положенной на челѣ перваго братоубійцы, хотѣло сохранить ихъ отъ человѣческаго суда для предоставленія вѣчному мщенію; но мученіе Каина нечувствительно для ихъ ожесточенныхъ сердецъ: вы, малодушные, непредусмотрительные законодатели, вы видите ковы этихъ людей, ставшихъ позоромъ націи, и не накажете ихъ! Нѣтъ, эта палата, цвѣтъ націи, надежда всѣхъ истинныхъ французовъ, съумѣетъ предупредить новыя преступленія своей энергіей“. По окончаніи преній, докладчикъ коммиссіи, Корбьеръ, объявилъ, что коммиссія не можетъ сдѣлать никакой уступки министрамъ. Министры рѣшились прибѣгнуть къ послѣднему средству. Герцогъ Ришлье, бывшій тогда первымъ министромъ, всталъ, попросилъ президента палаты прекратить на время засѣданіе и вышелъ изъ залы въ сопровожденіи своихъ товарищей. Черезъ часъ, возвратившись на трибуну, онъ объявилъ палатѣ, что имѣлъ совѣщаніе съ королемъ, которому изложилъ ходъ преній, и теперь долженъ сообщить палатѣ желанія короля. Онъ соглашается на нѣкоторыя измѣненія, предлагаемыя коммиссіею, но самымъ безусловнымъ образомъ отвергаетъ тѣ многочисленныя исключенія изъ амнистіи, которыхъ требуетъ коммиссія.

„Да будетъ мнѣ позволено заклинать васъ не дѣлать закона милости причиною раздора, заключилъ Ришлье свою рѣчь: — послѣ потопа бѣдствій, наводнявшихъ нашу несчастную Францію, пусть законъ объ амнистіи явится на нашемъ политическомъ горизонтѣ, какъ символъ примиренія и спасенія для всѣхъ французовъ".

Министры прибѣгали къ чрезвычайному способу укротить безразсудную мстительность роялистовъ. Во время преній указывать на прямую волю короля противно обычаямъ парламентской системы. Но министры извинялись отчаянностью своего положенія: роялисты принуждали правительство къ такимъ несвоевременнымъ мѣрамъ, которыя за нѣсколько мѣсяцевъ предъ тѣмъ были причиною изгнанія Бурбоновъ и неминуемо должны были вновь привести ихъ къ паденію. Роялисты могли бы негодовать на министровъ, упросившихъ короля вмѣшаться въ пренія; но, если они дѣйствительно были вѣрными подданными короля, имъ оставалось теперь только покориться его волѣ. Они и не думали о томъ. „Конечно, господа, сказалъ Бетизи, намъ очень грустно становиться въ противорѣчіе съ желаніями короля: мы дали ему столько доказательствъ вѣрности, преданности и любви, двадцать пять лѣтъ нашимъ лозунгомъ было восклицаніе: жить для короля, умереть за короля! Но, господа, не забудемъ девиза нашихъ отцовъ: Богъ, честь и король; и если непреклонная честь обязываетъ насъ на время воспротивиться волѣ короля; если недовольный сопротивленіемъ своихъ вѣрныхъ слугъ своему королевскому милосердію, онъ отвращаетъ на время отъ насъ свой милостивый взглядъ, мы скажемъ: ура, король, и противъ его воли! Vive le roi, quand même!" Министры не нашлись, что возразить ему, и проэктъ закона, противный волѣ короля, былъ почти единодушно принятъ палатою среди громкихъ рукоплесканій. Изъ 366 членовъ только 32 депутата либеральной партіи подали голосъ за министерство и короля.

Точно таково же было отношеніе палаты къ министрамъ и королю по всѣмъ другимъ вопросамъ: въ каждомъ засѣданіи роялисты представляли своими рѣшеніями новыя подтвержденія тому, что не хотятъ обращать никакого вниманія на интересы царствующей династіи, на волю короля, на права королевской власти, и что подъ оффиціальными фразами ихъ о преданности престолу скрывается непреклонная рѣшимость управлять Франціею исключительно въ интересахъ эмигрировавшей аристократіи и постоянно вынуждать у короля безпрекословное повиновеніе ей. Не перечисляя всѣхъ законовъ и распоряженій, выражавшихъ коренное разногласіе между королемъ и роялистами, мы упомянемъ еще только объ избирательномъ законѣ, отъ котораго долженъ былъ зависѣть характеръ власти, управлявшей Франціею. Министры представили проэктъ, по которому королю давалось право причислять къ сословію избирателей нѣкоторое количество лицъ, не имѣвшихъ значительной недвижимой собственности, принимавшейся первымъ условіемъ при составленіи списковъ избирателей. По этому проэкту выборъ депутата производился прямо всѣми избирателями округа. Коммиссія палаты, отвергая проэктъ министерства, составила другой законъ, по которому совершенно устранялось вліяніе правительства при составленіи списковъ, и избиратели каждаго округа выбирали не прямо депутата, а только вторыхъ избирателей изъ числа значительныхъ землевладѣльцевъ департамента. Эти вторые избиратели, собираясь по департаментамъ, выбирали депутатовъ: такимъ образомъ, по проэкту коммиссіи, выборы въ палату депутатовъ отдавались совершенно въ руки аристократіи,

становившейся вполнѣ независимою отъ короля. Проэктъ министерства былъ составленъ въ видахъ усиленія королевской власти; вся либеральная партія палаты единодушно поддерживала его. Проэктъ коммиссіи, назначенной роялистскимъ большинствомъ палаты, замѣнялъ монархическое устройство Франціи аристократическою республикою; королю оставалось при такомъ избирательномъ законѣ меньше власти, нежели имѣлъ венеціанскій дожъ; олигархія аристократическаго парламента становилась на мѣсто престола. Всѣ роялисты подали голосъ за проэктъ, уничтожавшій монархическую власть.

Очевидно было, что или долженъ отказаться отъ всякаго вліянія на государственныя дѣла король, стать слугою палаты депутатовъ, или должна быть распущена эта палата, столь громко вопіявшая о своемъ роялизмѣ и столь непреклонно возставшая противъ короля. Людовикъ XVIII видѣлъ необходимость распустить палату, и 29 апрѣля 1816 года засѣданія палаты были отсрочены, а 5 сентября явилось королевское повелѣніе, объявлявшее, что палата распускается, и предписывавшее произвести новые выборы.

Семь мѣсяцевъ продолжались засѣданія роялистской палаты. Пока она еще не начинала своихъ дѣйствій, трудно было не обмануться пышными рѣчами ея членовъ, изъявлявшихъ безграничную приверженность къ престолу, и Людовикъ XVIII, при началѣ ея засѣданій, въ порывѣ радости отъ роялистскаго состава палаты, назвалъ ее безпримѣрною палатою (chambre introuvable). Это имя оставила за ней исторія, но въ смыслѣ совершенно противномъ тому, съ какимъ въ началѣ было произнесено оно. Палата 1815 года была дѣйствительно безпримѣрна по враждѣ противъ всего того, на чемъ должно было утверждаться правительство Бурбоновъ. Роялисты съ перваго же раза ограничили монархическую власть такъ, какъ ограничилъ ее Долгій Парламентъ въ Англіи. Они также мало довѣряли королю, также упорно противились ему, какъ республиканцы революціонныхъ собраній.

Зато либералы всѣми силами старались поддержать министерство, подвергавшееся постояннымъ оскорбленіямъ и пораженіямъ отъ роялистовъ. Обѣ партіи дѣйствовали въ духѣ, совершенно противномъ своимъ формальнымъ прозвищамъ. Либералы подавали голосъ за короля, роялисты противъ короля.

Но все, что мы видѣли до сихъ поръ, было блѣдно и слабо въ сравненіи съ бурными движеніями, возбужденными королевскимъ повелѣніемъ 5 сентября.

Если бы надобно было смотрѣть на это повелѣніе, какъ на фазисъ борьбы между властью короля и парламентскимъ правленіемъ, то, безъ сомнѣнія, защитники парламентскаго правленія огорчились бы такимъ проявленіемъ королевскаго произвола, какъ распущеніе палаты за несогласіе съ мнѣніями королевскихъ совѣтниковъ. Но они пришли въ восторгъ. Либералы привѣтствовали повелѣніе, распускавшее палату, какъ безсмертное благодѣяніе; они забывали всѣ преслѣдованія, которымъ подвергались отъ министра полиціи, Деказа, энергическаго любимца короля: Деказъ склонилъ короля и своихъ товарищей распустить палату, и либералы провозглашали его спасителемъ Франціи. „Я не буду теперь жаловаться, писалъ Деказу одинъ изъ генераловъ либеральной партіи, шесть мѣсяцевъ уже содержавшійся въ тюрьмѣ по капризу министра: — я согласенъ платить годомъ свободы за каждое повелѣніе, подобное изданному вами“.

Если бы роялисты были приверженцы монархической власти, они радовались

бы блистательному доказательству силы короля, выразившемуся распущеніемъ палаты. Напротивъ, они были раздражены до послѣдней степени. Ихъ представитель въ королевской фамиліи, графъ д'Артуа, называлъ Деказа измѣнникомъ. Несмотря на всѣ цензурныя строгости Вильмена, бывшаго потомъ при Гизо министромъ народнаго просвѣщенія, а теперь управляющаго цензурою, журналистика роялистской партіи осыпала проклятіями ненавистное повелѣніе. Шатобріанъ, замѣчательнѣйшій представитель роялистовъ въ журналистикѣ, писалъ: „Какія побужденія склонили министровъ воспользоваться правомъ короля распускать палату? Партія, влекущая Францію къ погибели, боялась, что палата раскроетъ королю истинныя желанія Франціи. Но пусть не теряютъ мужества добрые французы, пусть они толпою идутъ на выборы, но пусть не довѣряютъ они обману: имъ будутъ говорить о королѣ, о волѣ короля. Не поддавайтесь этой уловкѣ: спасите короля противъ его воли—Sauvez le roi quand même."

Всѣ люди, защищавшіе гражданское равенство французовъ передъ закономъ, противившіеся возстановленію старинныхъ привилегій и феодальныхъ несправедливостей, назывались въ то время у правительства революціонерами; всѣ, принимавшіе какое нибудь участіе въ событіяхъ революціи, были казнены, изгнаны, или заключены въ темницу. Однакоже, роялисты говорили, что король подпалъ вліянію революціонеровъ, заставившихъ его мстить роялистамъ за изгнаніе членовъ Конвента, которыхъ тогда называли цареубійцами, и Шатобріанъ восклицалъ: „Бонапарте имѣлъ на службѣ революціонеровъ, презирая ихъ, нынѣ хотятъ имѣть ихъ на службѣ въ почетѣ. Могли ли ожидать роялисты, что такіе люди будутъ слугами законныхъ королей? Якобинцы, испуская крикъ радости во всеуслышаніе своимъ братьямъ въ остальной Европѣ, вышли изъ своихъ берлогъ, явились на выборы, сами изумляясь тому, что ихъ призываютъ на выборы, что ихъ ласкаютъ, какъ истинныхъ опоръ престола".

Такимъ образомъ герцогъ Ришлье, эмигрантъ и другъ Русскаго Императора, становился якобинцемъ и революціонеромъ; якобинцемъ становился Деказъ, разстрѣлявшій и казнившій въ угодность роялистамъ сотни людей отъ Нэя и Лабедойера до самыхъ безвѣстныхъ простолюдиновъ. Самъ Людовикъ XVIII не избѣжалъ этого обвиненія: „Онъ смолоду имѣлъ наклонность къ якобинству; онъ либеральничалъ еще въ 1788 году, при собраніи нотаблей, предшествовавшемъ конституціонному собранію", говорили роялисты.

Ярость ихъ была очень натуральна: новый законъ о выборахъ, отдававшій власть въ ихъ руки, былъ отвергнутъ палатою перовъ, потому что вышелъ изъ палаты депутатовъ въ редакціи, никуда негодной въ чисто техническомъ отношеніи. Составить другаго закона палата депутатовъ еще не успѣла, когда была распущена, и выборы должны были производиться по правиламъ, существовавшимъ прежде. Правила эти были чрезвычайно односторонни, совершенно исключая отъ участія въ выборахъ не только простолюдиновъ, но и большую часть средняго сословія. Тѣмъ не менѣе они не отдавали всей силы исключительно въ руки аристократовъ; общественное мнѣніе имѣло при нихъ нѣкоторое, хотя и слабое, вліяніе на результатъ выборовъ. Роялисты раздражили своею мстительностью всю Францію, встревожили каждое семейство намеками на конфискацію всѣхъ имуществъ, пріобрѣтенныхъ во время республики и имперіи, и не могли теперь ожидать того успѣха на выборахъ, какой имѣли въ 1815 году. Дѣйствительно, около поло-

вины роялистскихъ депутатовъ прежней палаты потерпѣли неудачу. Въ палатѣ 1815 года они имѣли огромное большинство; въ новой палатѣ, изъ 259 членовъ, роялистовъ было около 100. Теперь они надолго должны были отказаться отъ надеждъ возстановить феодальное устройство, о которомъ мечтали. Король отнялъ у нихъ эту возможность, чтобы самому не лишиться престола; зато король былъ для нихъ ненавистенъ и они стали нападать на королевскую власть съ яростью, которой могли бы позавидовать санкюлоты 1792 года.

При повѣркѣ выборовъ, въ одномъ изъ первыхъ засѣданій новой палаты, Вильель, одинъ изъ предводителей роялистовъ, явился уже горячимъ защитникомъ свободы противъ вмѣшательства административныхъ властей въ выборы. Издатель одного роялистскаго журнала, Роберъ, былъ арестованъ и журналъ его запрещенъ: въ предыдущіе мѣсяцы, когда господствовали роялисты, запрещеніе либеральныхъ журналовъ было дѣломъ ежедневнымъ, и чуть ли не въ каждой тюрьмѣ королевства сидѣли журналисты, арестованные безъ суда роялистами. Но когда власть обратилась противъ роялистовъ, они подняли крикъ о ненарушимыхъ правахъ свободы, и тотъ самой Пье, который съ милой шутливостью требовалъ смертной казни за словесные и печатные проступки, теперь явился истиннымъ Мильтономъ, провозвѣстникомъ свободы слова: „Въ дѣлѣ Робера, говорилъ онъ, я вижу нѣчто болѣе, чѣмъ незаконный арестъ и произвольное запрещеніе журнала; я вижу въ немъ востановленіе пытки“.

Зато либералы, еще недавно кричавшіе о свободѣ, теперь единодушно подавали голоса въ оправданіе всѣхъ произвольныхъ дѣйствій министерства: постояннымъ большинствомъ 160 голосовъ были отвергаемы всѣ жалобы новыхъ защитниковъ свободы, было оправдано вмѣшательство министровъ при выборахъ, и арестъ Робера, и запрещеніе его журнала. Либералы поддерживали всю систему Деказа, систему цензуры и противныхъ конституціи законовъ. Вильменъ противозаконно стѣснялъ роялистскую журналистику и запрещалъ роялистскіе журналы. Знаменитый другъ свободы мышленія и, по тогдашнему мнѣнію либераловъ, великій философъ, Ройе-Коляръ, говорилъ въ отвѣтъ роялистамъ: „Нельзя отрицать того, что, гдѣ есть партіи, тамъ журналы перестаютъ быть органами личныхъ мнѣній и, предаваясь интересамъ партій, становятся орудіемъ ихъ политики, театромъ ихъ битвъ, и свобода журналовъ обращается только въ свободу необузданныхъ партій“.

Правительство не могло не отблагодарить либераловъ за такую безграничную приверженность, и представило палатѣ новый законъ о выборахъ, по которому избирателемъ былъ каждый гражданинъ, платящій 300 франковъ прямыхъ податей, т. е. каждый зажиточный человѣкъ безъ различія въ томъ, движимая или недвижимая собственность составляетъ его имущество. Число избирателей, вслѣдствіе этого закона, возрастало до 90,000 человѣкъ, изъ которыхъ огромное большинство принадлежало къ среднему сословію, враждебному феодальнымъ правамъ. Не нужно и говорить о томъ, что роялисты, рѣшительно убиваемые этимъ проэктомъ, возстали противъ него; но замѣчательно то, что они, недовольные проэктомъ за уничтоженіе привилегій большихъ землевладѣльцевъ-аристократовъ надъ купцами и землевладѣльцами средняго сословія, вдругъ обратились въ защитниковъ демократіи и упрекали новый законъ за его аристократизмъ: „Вы хотите повергнуть всю націю передъ золотымъ тельцомъ, воскли-

цалъ Лабурдонне, предводитель роялистовъ: — вы хотите поработить націю самой жестокой, самой наглой аристократіи. Неужели пролито столько крови, принесено столько жертвъ только для того, чтобы прійти къ такому результату, постепенно уничтожить всѣ провозглашенныя вами права и отдать подъ иго политическаго рабства націю, возставшую съ пѣснями свободы? А ты, французскій народъ, слишкомъ легковѣрно служившій орудіемъ для всѣхъ честолюбцевъ, узнай, по крайней вѣрѣ, теперь, кто твои враги, кто твои друзья!" Защита свободы должна быть всегдашнею обязанностью демократовъ, и другой роялистъ, Корне-д'Энкуръ приравлялъ: „Произвольными законами замѣнены постановленія конституціи, потомъ и эти законы замѣнены простыми повелѣніями короля, потомъ и королевскія повелѣнія замѣнены инструкціями отъ министровъ, и эти инструкціи толкуются въ свою очередь по произволу префектами. Министръ полиціи сталъ великимъ избирателемъ королевства. У насъ нѣтъ ни закона объ отвѣтственности министровъ, ни личной свободы, ни свободы печати, ни свободы выборовъ. Проэктъ настоящаго закона не ограждаетъ ни свободы выборовъ, ни независимости палаты: я его отвергаю".

Но роялисты, сдѣлавшіеся страстными защитниками свободы, не убѣдили либераловъ позаботиться о ней и избавить націю отъ порабощенія аристократіею золотаго тельца. Проэктъ былъ принятъ, и 5 февраля 1817 года новый законъ о выборахъ былъ обнародованъ. Либералы въ своемъ ревностномъ усердіи къ правительству пошли еще далѣе. Они приняли два закона, дѣйствительно противорѣчащіе и конституціи и самымъ основнымъ понятіямъ о политической свободѣ.

Первый изъ этихъ законовъ отдавалъ на произволъ администраціи личную свободу, неприкосновенность которой провозглашалась конституціею. Правда, по прежнему закону, составленному въ 1815 году, администраціи предоставлялось еще больше произвола: новымъ закономъ смягчались постановленія прежняго; но все-таки онъ былъ противенъ свободѣ и конституціи. Однако же либералы поддерживали его: это тѣмъ любопытнѣе, что, присоединивъ свои голоса къ голосамъ роялистовъ, противившихся закону, они могли бы отвергнуть его, и тогда конституція вошла бы въ силу, личная свобода была бы ограждена. Но въ такомъ случаѣ потерпѣли бы пораженіе министры, представившіе проэктъ, а для либераловъ сохраненіе министерства, враждебнаго роялистамъ, было важнѣе, нежели возстановленіе свободы. Зато роялисты, годъ тому назадъ постановившіе гораздо болѣе деспотическій законъ, теперь кричали о нестерпимомъ нарушеніи свободы новымъ закономъ.

Та же самая исторія была и съ закономъ, ограничивавшимъ свободу журналистики.

Либералы усердно поддерживали министерство, а между тѣмъ оно продолжало, какъ въ 1815 и 1816 годахъ, подвергать тюремному заключенію и смертной казни самымъ произвольнымъ и противузаконнымъ образомъ множество людей. Чтобы дать понятіе о томъ, какъ и за что погибали тогда люди во Франціи, мы упомянемъ только объ одномъ случаѣ. Отставной капитанъ кавалеріи, Велю, былъ призванъ въ судъ за то, что назвалъ свою лошадь казакомъ. „Какъ могли вы дать своей лошади имя, драгоцѣнное для всѣхъ добрыхъ французовъ?" спросилъ судья.— „Я купилъ ее у русскаго офицера и назвалъ казакомъ, какъ назвалъ бы нормандцемъ, если бы купилъ у нормандца", отвѣчалъ капитанъ.—

„Но вы должны были знать, что вы оскорбляли народъ, мужеству котораго Франція отчасти обязана возстановленіемъ законной власти". Капитанъ Велю не нашелся, что отвѣчать на такое нелѣпое обвиненіе. Ему объявили, что онъ предается превотальному суду. Тюремное заключеніе такъ подѣйствовало на разстроенное военною службою здоровье капитана, что онъ умеръ. Послѣ этого не нужно говорить, какова была участь людей, обвинявшихся въ нерасположеніи къ правительству, а тѣмъ болѣе въ какихъ нибудь злоумышленіяхъ противъ него, обыкновенно изобрѣтенныхъ усердіемъ шпіоновъ.

По закону, изданному 5 февраля 1817 года, каждый годъ подвергалась новымъ выборамъ одна пятая часть палаты депутатовъ. Прошло два такихъ срока, въ оба раза выборы сильно неблагопріятствовали роялистамъ; они видѣли, что скоро совершенно исчезнутъ изъ палаты, и не имѣли надежды ни при какихъ обстоятельствахъ возвратить себѣ силу въ ней подъ вліяніемъ закона 5 февраля. Въ этомъ отчаянномъ положеніи они прибѣгли къ разнымъ интригамъ, чтобы запугать монарховъ Священнаго Союза; графъ Д'Артуа послалъ къ этимъ государямъ тайную записку, доказывавшую, что если не будетъ отмѣненъ законъ 5 февраля, то Франція снова впадетъ во власть революціонеровъ, массами проникающихъ въ палату при каждыхъ новыхъ выборахъ. Французское министерство получило предостереженія отъ союзныхъ державъ. Герцогъ Ришлье, до той поры совершенно не занимавшійся внутренними дѣлами Франціи, ограничиваясь исключительно дипломатическими заботами, и не знавшій ни положенія, ни духа внутреннихъ партій, пришелъ въ ужасъ и рѣшился послѣдовать предостереженію, которое считалъ личнымъ мнѣніемъ Русскаго Императора. Но Деказъ не обманулся уловками роялистовъ: онъ понялъ, что ихъ ложныя извѣстія вовлекли въ ошибку дипломатовъ Священнаго Союза; онъ очень хорошо зналъ, много-ли революціонныхъ опасностей въ либерализмѣ, и понималъ, что гибельны для престола Бурбоновъ могутъ быть только роялисты, но никакъ не либералы. Онъ воспротивился измѣненію прежней системы и вмѣстѣ съ нѣсколькими другими министрами подалъ въ отставку. Безъ Деказа Ришлье не могъ управлять дѣлами и также подалъ въ отставку. Людовикъ XVIII поручилъ Деказу составить новое министерство.

И такъ герцогъ Ришлье, три года бывшій главою министерства, сдѣлался частнымъ человѣкомъ. Франція была обязана ему тѣмъ, что союзные монархи поступили съ нею въ 1815 году гораздо снисходительнѣе, нежели какъ предполагалось. При извѣстіи о возвращеніи Наполеона съ Эльбы, Талейранъ, бывшій французскимъ уполномоченнымъ на Вѣнскомъ конгрессѣ, до того растерялся, что пожертвовалъ всѣми выгодами отечества. По ходатайству герцога Ришлье, императоръ Александръ I убѣдилъ своихъ союзниковъ значительно смягчить условія мира съ Франціею послѣ Ватерлооской битвы. Ришлье, благодаря расположенію русскаго императора, избавилъ Францію отъ платежа многихъ сотенъ милліоновъ франковъ. Потомъ, также по его ходатайству, былъ двумя годами сокращенъ срокъ квартированія союзныхъ войскъ во Франціи. Этимъ Франція избавлялась отъ униженія видѣть себя подъ наблюденіемъ иностранныхъ армій, и снова выигрывала нѣсколько сотъ милліоновъ. Словомъ сказать, не было въ то время человѣка, которому Франція была бы такъ много обязана, какъ герцогу Ришлье. Теперь, переставая быть министромъ, онъ дѣлался бѣднякомъ. Франція должна была обезпечить отъ нищеты старость человѣка, оказавшаго ей безмѣрныя услуги и для службы ей отказавшагося

отъ блестящаго и прочнаго положенія въ Россіи. Въ палаты перовъ и депутатовъ было внесено предложеніе „назначить герцогу національное вознагражденіе, соразмѣрное огромности его услугъ и его безкорыстію“. Министерство предложило палатамъ назначить ему, въ видѣ пенсіи, майоратъ въ 50,000 франковъ изъ недвижимыхъ государственныхъ имуществъ.

Если роялисты дѣйствительно были преданы престолу, они могли бы сказать противъ этого предложенія развѣ то, что пенсія должна быть назначена гораздо больше. Монархическія чувства герцога были внѣ всякихъ сомнѣній. Услуги его Бурбонамъ были безмѣрны. Не только приверженность къ престолу, но и простое чувство приличій запрещало роялистамъ возставать противъ пенсіи: герцогъ Ришлье вышелъ изъ министерства именно потому, что по желанію роялистовъ хотѣлъ измѣнить законъ о выборахъ. Наконецъ чрезвычайное благородство, съ которымъ онъ, узнавъ о намѣреніи назначить ему пенсію, отказывался отъ нея, должно бы зажать ротъ каждому сколько нибудь благородному человѣку, хотя бы и недовольному герцогомъ. Но Ришлье распустилъ роялистскую палату 1815 года и тѣмъ разрушилъ перевѣсъ роялистовъ: этого не могли они простить ему, и предложеніе о пенсіи подняло съ ихъ стороны самый неприличный крикъ. Они выставляли подобную награду примѣромъ, опаснымъ для будущаго времени; спрашивали, почему же не назначается такая же награда всѣмъ бывшимъ товарищамъ Ришлье по министерству: если дѣйствія министерства заслуживаютъ награды, то несправедливо давать награду одному министру, а не всѣмъ; наконецъ, говорили они, если Ришлье былъ хорошимъ министромъ, то почему же онъ не остался министромъ? онъ вышелъ въ отставку, значитъ, онъ самъ видитъ, что его управленіе не годится для Франціи, и послѣ того, какъ же можно награждать министра, который самъ осудилъ себя своею отставкою?

Рѣчи роялистовъ были такъ обидны, что когда большинство палатъ назначило ему пенсію, онъ пожертвовалъ ее въ пользу Бордосскихъ госпиталей.

Въ то время, какъ роялисты своими оскорбленіями герцогу Ришлье доказывали, что прекрасно умѣютъ цѣнить преданность и услуги престолу, либералы продолжали столь же ясно показывать, какъ ненарушимы для нихъ права свободы. Изъ множества фактовъ мы приведемъ одинъ, въ которомъ самую лестную роль игралъ Вильменъ, до сихъ поръ съ блестящимъ краснорѣчіемъ разсуждающій о любви къ свободѣ и въ своихъ книгахъ, и въ засѣданіяхъ французской академіи. Мы уже упоминали, что онъ тогда управлялъ цензурною частью. При молчаніи, наложенномъ на газеты, довольно сильный интересъ въ публикѣ пробуждали статьи Bibliothèque historique, печатавшей разные документы и рукописи, относившіеся къ прошедшему времени. Издатель ея, Гоке, вздумалъ было помѣстить въ прибавленіи къ одной изъ своихъ книжекъ „Разговоръ между изгнанникомъ и членомъ палаты 1815 года“. Статья эта самымъ мягкимъ образомъ намекала, что преслѣдованія 1815 года были слишкомъ суровы. Она была напечатана, но еще до выпуска книжки Гоке рѣшился уничтожить этотъ разговоръ, чтобы не подвергать себя опасности. „Гдѣ же прибавленіе къ этому нумеру?“ сказалъ Вильменъ, когда Гоке принесъ ему на разсмотрѣніе книжку. Гоке отвѣчалъ, при прибавленіе уничтожено. Тогда Вильменъ сталъ просить у него двухъ экземпляровъ прибавленія лично для себя. „Дайте ихъ мнѣ, не какъ оффиціальному лицу, для моей частной библіотеки“, говорилъ онъ. Гоке долго не соглашался, наконецъ уступилъ просьбѣ

бамъ Вильмена и принесъ ему два экземпляра прибавленія; черезъ нѣсколько часовъ, въ типографію Гоке явилась полиція и захватила тѣ экземпляры прибавленія, которыхъ не успѣли еще уничтожить рабочіе, истреблявшіе эту макулатуру. Гоке былъ подвергнутъ суду за то, что далъ два экземпляра Вильмену. Онъ былъ на три мѣсяца заключенъ въ тюрьму; дѣла его въ это время разстроились и, обанкротившись, онъ скоро умеръ отъ печали.

Такіе либералы, разумѣется, не могли служить представителями страстей и интересовъ, двадцать лѣтъ тому назадъ вызвавшихъ французскую революцію. Образованные простолюдины чуждались ихъ почти столько же, сколько и роялистовъ. Не находя себѣ выраженія ни въ партіяхъ, раздѣлявшихъ палаты, ни въ журналистикѣ, революціонныя идеи тѣмъ сильнѣе волновали людей, остававшихся въ сторонѣ отъ публичнаго участія въ государственныхъ дѣлахъ. Скоро явились фанатики молчаливые и скрытные, но тѣмъ болѣе рѣшительные. Одинъ изъ нихъ, Лувель, рѣшился убить герцога Беррійскаго, который одинъ изъ всѣхъ Бурбоновъ могъ имѣть потомство и продлить свою династію. 13 февраля 1820 года онъ желѣзною полосою, заостренною въ видѣ кинжала, смертельно поразилъ принца при выходѣ изъ оперы. Этотъ человѣкъ вовсе не былъ либераломъ; онъ не имѣлъ понятія о преніяхъ, которыя съ такимъ шумомъ велись въ палатахъ и возбуждали такія опасенія въ правительствѣ. Лувель былъ простымъ рабочимъ у королевскаго сѣдельщика. „Что васъ побудило совершить преступленіе?“ сказалъ ему Деказъ на допросѣ. — „Я считаю Бурбоновъ злѣйшими врагами Франціи“, отвѣчалъ этотъ человѣкъ. — „Зачѣмъ же вы въ такомъ случаѣ покусились на жизнь именно герцога Беррійскаго?“ — „Затѣмъ, что онъ моложе другихъ принцевъ королевскаго дома и, вѣроятно, онъ имѣлъ бы потомство“. — „Раскаяваетесь ли вы въ своемъ поступкѣ?“ — „Нисколько“. — „Возбуждалъ ли васъ кто нибудь, былъ ли кто вашимъ сообщникомъ?“ — „Никто“.

Дѣйствительно, Лувель не имѣлъ сообщниковъ, но за его преступленіе расплатился Деказъ, конечно, столь же гнушавшійся имъ, какъ и самые пылкіе роялисты.

Роялисты обрадовались несчастію, постигшему королевскую фамилію. Оно дало имъ желанный случай низвергнуть ненавистнаго министра. Когда на другой день открылось засѣданіе палаты депутатовъ, Клозель де-Куссергъ, одинъ изъ отважнѣйшихъ между роялистами, вошелъ на трибуну. „Министры должны быть обвиняемы въ публичномъ засѣданіи предъ лицомъ Франціи, сказалъ онъ: — я предлагаю палатѣ составить актъ обвиненія противъ г. Деказа, министра внутреннихъ дѣлъ, какъ сообщника въ убійствѣ...“ Крики негодованія раздались со стороны министерскихъ членовъ и прервали его рѣчь. Но роялисты достигли своей цѣли черезъ нѣсколько дней. „Безразсудный, вы испортили дѣло, сказалъ Вильель Клозелю, когда онъ сошелъ съ трибуны: вмѣсто прямого участія въ убійствѣ надобно было обвинять Деказа просто въ измѣнѣ“.

Деказъ былъ обязанъ своею властью чрезвычайному личному расположенію Людовика XVIII. Онъ былъ любимымъ собесѣдникомъ стараго короля; онъ одинъ умѣлъ развлекать его скуку; старикъ толковалъ съ нимъ обо всемъ, чѣмъ интересовался самъ: о городскихъ новостяхъ, о латинскихъ классикахъ, о французской литературѣ, о своихъ сочиненіяхъ. Онъ одного дня не могъ прожить безъ Деказа и называлъ его своимъ сыномъ. Оставшись съ нимъ наединѣ, король залился сле-

зами: „Дитя мое, говорилъ онъ, роялисты начнутъ съ нами страшную войну: они воспользуются смертью моего племянника; они нападутъ не на твою, а на мою систему; не тебя одного ненавидятъ они, а также и меня". Деказъ отвѣчалъ, что, какъ ни прискорбна была бы ему отставка въ связи съ такимъ страшнымъ случаемъ, но онъ готовъ удалиться изъ министерства для спокойствія короля. „Нѣтъ, нѣтъ, горячо вскричалъ Людовикъ XVIII:—ты не покинешь меня, я требую, чтобы ты остался! Они не разлучатъ насъ". Вечеромъ былъ созванъ совѣтъ изъ министровъ и нѣсколькихъ довѣренныхъ лицъ для соображеній о мѣрахъ, требуемыхъ обстоятельствами. „Господа, сказалъ Людовикъ XVIII, обращаясь къ собранію:—роялисты наносятъ мнѣ послѣдній ударъ; они знаютъ, что система г. Деказа — моя система и обвиняютъ его, будто онъ убилъ моего племянника! Не первую клевету подобнаго рода взводятъ они на меня. Я хочу, господа, спасти отечество безъ нихъ".

Но могъ ли дряхлый старикъ выдержать борьбу съ непримиримыми врагами своего любимца, восторженно схватившимися за счастіе, доставленное имъ рукою Лувеля? На другой день, въ засѣданіи палаты депутатовъ, 15 февраля, Клозель де-Куссергъ снова вошелъ на трибуну и объявилъ, что не отступаетъ отъ своего обвиненія. „Я передалъ г. президенту слѣдующее предложеніе, сказалъ онъ: имѣю честь предложить палатѣ составить обвиненіе противъ г. Деказа, министра внутреннихъ дѣлъ, какъ виновнаго въ измѣнѣ по смыслу 56-й статьи конституціи". Роялисты не имѣли большинства въ палатѣ, обвиненіе было отвергнуто. Но у нихъ были другіе пути къ достиженію своей цѣли. Сила роялистовъ сосредоточивалась въ тайномъ обществѣ, извѣстномъ подъ именемъ конгрегаціи. Тайные Іезуиты, овладѣвшіе отцомъ убитаго принца и братомъ короля, графомъ д'Артуа, были руководителями этого общества. Оно повсюду имѣло агентовъ, располагало огромными суммами, но скрывало свои дѣйствія такъ искусно, что очень немногимъ людямъ во Франціи были извѣстны даже имена людей, управлявшихъ конгрегаціею; она дѣйствовала такъ хитро, что въ тѣ времена многіе историки и публицисты даже отвергали существованіе ея политическихъ интригъ. Только послѣ 1830 года, когда найдены были тайныя бумаги конгрегаціи, обнаружилась вся обширность ея вліянія на ходъ событій. „Преступленіе Лувеля не повлекло за собою немедленнаго паденія фаворита, писали предводители конгрегаціи своимъ сочленамъ въ департаментахъ:—но не смущайтесь. Мы стащимъ его съ мѣста силой, если самъ король не захочетъ прогнать его; а между тѣмъ организуйтесь; ни въ руководствѣ, ни въ деньгахъ у васъ не будетъ недостатка". Роялистскіе салоны волновались. „Деказъ, говорили тамъ, продалъ монархію революціонерамъ; кровь герцога Беррійскаго запечатлѣваетъ союзъ его съ либералами. Вы увидите, что слѣдствіе противъ убійцы, которому онъ далъ полную свободу совершить свое дѣло, будетъ заглушено и будутъ приняты всѣ предосторожности, чтобы скрыть отъ Франціи бездну заговора". Деказъ хотѣлъ бороться, опираясь на либераловъ, и роялисты приходили въ неистовство. „Повѣритъ ли Европа? восклицалъ Journal des Débats, бывшій тогда органомъ роялистовъ. Этотъ министръ, политика котораго ужасаетъ народы и царей, онъ, бывшій до сихъ поръ всемогущимъ противъ вѣрныхъ подданныхъ, безсильнымъ противъ измѣнниковъ и убійцъ, онъ, вмѣсто того, чтобы раскаяваться, – грозитъ, вмѣсто того, чтобы скрыть мученія своей совѣсти въ темномъ уединеніи, онъ хочетъ, можно сказать, завладѣть престоломъ! Не-

ужели принимаетъ насъ за націю идіотовъ этотъ Бонапарте лакейской? Четыре года наша несчастная страна оставлена была игрушкой въ рукахъ блуднаго сына; онъ не умѣетъ держать бразды правленія въ слабыхъ своихъ рукахъ и потому французы соглашаются жить рабами!“

Руководимые конгрегаціею, графъ д'Артуа, герцогъ и герцогиня Ангулемскіе явились къ Людовику XVIII и потребовали удаленія Деказа. „Графъ Деказъ защищалъ мою власть противъ людей, не повиновавшихся закону и принуждавшихъ меня идти путемъ, который я осуждаю, сказалъ Людовикъ. Этимъ онъ исполнялъ обязанность вѣрнаго министра. Онъ не предлагалъ ничего такого, что не было бы сообразно съ моими повелѣніями. Въ палатѣ могутъ отдѣлять волю моихъ министровъ отъ моей воли—это понятно; но могутъ ли дѣлать это различіе, чистосердечно и не оскорбляя меня, члены моего семейства? Объявляю вамъ, заключилъ король, разгорячившись отъ противорѣчія, что я никогда не зналъ человѣка съ сердцемъ болѣе открытымъ и искреннимъ, чѣмъ графъ Деказъ. Я убѣжденъ, что онъ пожертвовалъ бы жизнью за моего племянника, какъ пожертвовалъ бы за меня. Я уважаю заблужденіе вашей скорби; моя скорбь не менѣе мучительна, но она не сдѣлаетъ меня несправедливымъ“. Но принцы продолжали настаивать, и слабый старикъ не могъ выдержать борьбы. Утомленный противорѣчіемъ, онъ сказалъ наконецъ: „Вы такъ хотите, постараюсь исполнить ваше желаніе“. Но уступка была слѣдствіемъ безсилія, а не согласія. „День разлуки съ тобою печальнѣйшій день моей жизни, сказалъ онъ Деказу, передавая ему требованіе роялистовъ; ахъ, дитя мое, не тебя, а меня хотятъ они погубить!“ Роялистамъ мало было лишить короля услугъ преданнаго и любимаго министра,—они требовали непремѣнно, чтобы Деказъ удаленъ былъ изъ Парижа, изъ Франціи. Людовикъ принужденъ былъ уступить: Деказъ отправился посланникомъ въ Лондонъ, въ почетную ссылку. Скорбь короля отъ этой потери была безпредѣльна. Черезъ нѣсколько мѣсяцевъ, одна мать, несчастіями разлученная съ дѣтьми, говорила ему о своей тоскѣ по нихъ—глухіе стоны прервали ея разсказъ, она взглянула на короля—у него на глазахъ были слезы: „Ахъ, и у меня отняли сына, проговорилъ онъ, рыдая:—они были безжалостны, они отняли его у меня!“ Онъ говорилъ о Деказѣ.

На мѣсто Деказа, Людовикъ XVIII призвалъ Ришлье. Но политическія огорченія были слишкомъ свѣжи въ памяти герцога: два раза онъ отказывался отъ порученія составить новое министерство, не желая вновь подвергаться злобѣ роялистовъ. Наконецъ, Людовикъ XVIII призвалъ къ себѣ вмѣстѣ съ нимъ графа д'Артуа, и этотъ глава роялистовъ далъ „честное слово благороднаго человѣка“ (sa parole de gentilhomme), что его партія будетъ поддерживать Ришлье. Только тогда Ришлье согласился. Мы говорили о безграничной преданности герцога Ришлье династіи Бурбоновъ. Его министерство было составлено изъ людей съ монархическими убѣжденіями, столь же несомнѣнными. Если бы роялисты дѣйствительно хлопотали о строго монархическихъ началахъ, они могли бы быть довольны новымъ кабинетомъ. Отъ ихъ имени, съ ихъ согласія, графъ д'Артуа, называвшійся ихъ главою, обѣщалъ поддержать Ришлье. Посмотримъ, какъ они сдержали это слово.

Новое министерство съ самаго начала исполнило всѣ явныя желанія роялистовъ. Оно возстановило цензуру, которой требовали роялисты, потому что находили себя безсильными выдерживать борьбу съ либералами передъ публикою. Оно

измѣнило законъ о выборахъ, такъ что большіе землевладѣльцы получили въ свои руки исключительную власть назначать депутатовъ, — это было постоянною цѣлью желанія роялистовъ, потому что значительныя помѣстья почти исключительно принадлежали эмигрантамъ, потомкамъ старинныхъ феодаловъ. При Наполеонѣ три четвертыхъ части богатыхъ землевладѣльцевъ были изъ старинныхъ знатныхъ фамилій; по возвращеніи Бурбоновъ, эта пропорція стала еще гораздо больше. Дѣйствительно, новый законъ сдѣлалъ роялистовъ исключительно господствующимъ сословіемъ въ государствѣ. Либеральная партія, съ каждымъ годомъ усиливавшаяся въ палатѣ при дѣйствіи прежняго закона, дававшаго участіе въ выборахъ владѣльцамъ помѣстій средней величины и купцамъ, вдругъ почти совершенно исчезла изъ палаты послѣ новыхъ выборовъ. Весь составъ администраціи былъ измѣненъ въ угодность роялистамъ: подозрительныя имъ лица тысячами были отставлены отъ должностей и замѣнены ихъ кліентами. Наконецъ, повидимому, въ составъ самаго министерства были приняты трое предводителей роялистской партіи. Министерство всѣмъ этимъ довольно доказывало свое желаніе управлять государствомъ сообразно съ явными требованіями роялистовъ; нѣтъ нужды говорить, что всѣ второстепенныя дѣла велись въ томъ же духѣ, въ какомъ преобразована была администрація и изданы важнѣйшіе законы. Мало того, уступчивость министерства къ роялистамъ доходила до безпримѣрныхъ границъ: когда роялисты бывали недовольны тою или другою подробностью какого нибудь закона, составленнаго министерствомъ въ ихъ духѣ, министры, если не могли согласиться на перемѣны, предлагаемыя роялистами, то просто молчали и при баллотировкѣ не подавали голоса, чтобы не обидѣть взыскательныхъ союзниковъ даже самымъ мелочнымъ разнорѣчіемъ. Но роялисты, не смягчаясь никакою снисходительностію министерства, продолжали каждый день, на каждомъ шагу, язвить и поражать его. Ихъ горячность противъ министровъ пренебрегала даже основными правилами парламентской благопристойности. Вотъ одинъ случай, могущій дать о томъ понятіе. Однажды, жалуясь роялистамъ на ихъ безпрестанныя выходки противъ министерства, оказавшаго имъ такъ много услугъ, министръ иностранныхъ дѣлъ, Пакье, отважился напомнить про обѣщаніе поддержки, данное роялистами новому кабинету при вступленіи его въ дѣла. „Ораторы, нынѣ нападающіе на насъ и выставляющіе насъ своимъ друзьямъ людьми, незаслуживающими довѣрія, сказалъ онъ, должны были бы говорить это тогда, когда заключался союзъ между ними и нами, а не теперь, когда они получили всѣ выгоды отъ этого союза“. Въ отвѣтъ на это, де-Лабурдонне напалъ на личность самого Пакье за то, что Пакье не былъ эмигрантомъ. Пакье оправдывалъ себя тѣмъ, что вся нація оставалась во Франціи въ эпоху Республики и Имперіи. Удалять отъ дѣлъ людей, служившихъ при Наполеонѣ, значило бы отталкивать отъ правительства девяносто-девять сотыхъ частей націи, сказалъ онъ. „Тогда, по крайней мѣрѣ, мы не видѣли бы въ министерствѣ ни васъ, ни другихъ вамъ подобныхъ“, закричалъ въ отвѣтъ Лабурдонне.— „Достопочтенные члены, конечно, не захотятъ формально обвинять насъ“, сказалъ Пакье. — „Нѣтъ, обвиняемъ“, отвѣчалъ Кастельбажакъ, другой роялистъ. Эти отвѣты казались еще недостаточны для Лабурдонне. Чрезъ нѣсколько дней, возвращаясь къ прежнему предмету, онъ прибавилъ: „Я спрошу у г-на Пакье, думаетъ ли онъ, что хотя одинъ честный человѣкъ можетъ находиться въ политическихъ сношеніяхъ съ нимъ?“ Слушая такія непримиримыя выходки, Казимиръ

Перье имѣлъ полное право замѣтить: „Странное дѣло, министры не хотятъ видѣть, что партія, владычествующая надъ ними, уже не хочетъ ихъ терпѣть; пусть они сколько хотятъ умоляютъ, унижаются: ихъ послѣдній часъ пробилъ“.

Въ самомъ дѣлѣ, роялисты Вильель и Корбьеръ, бывшіе членами министерства, объявили намѣреніе удалиться отъ должностей, не дожидаясь конца даже первой сессіи, бывшей послѣ новаго закона о выборахъ, доставившаго перевѣсъ роялистамъ. Напрасно Ришлье и Пакье думали купить ихъ содѣйствіе новою уступкою, предлагали имъ портфели: Вильель и Корбьеръ удалились изъ Парижа, чтобы не участвовать въ совѣщаніяхъ кабинета, и скоро подали въ отставку.

Чего же хотѣли роялисты? чѣмъ были недовольны они, когда Ришлье и его товарищи съ полной готовностью исполняли всѣ ихъ требованія? подумаетъ читатель. Нѣтъ, послѣднее выраженіе не точно; пусть читатель припомнитъ, что мы постоянно употребляли фразу: всѣ явныя требованія роялистовъ, а не говорили просто: всѣ требованія. Дѣло въ томъ, что у этой партіи задушевными желаніями были стремленія, о которыхъ не находила она полезнымъ говорить публично. Каково было отношеніе этихъ задушевныхъ мыслей къ королевской власти, покажетъ пока одинъ примѣръ. Министры внесли законъ о муниципальномъ устройствѣ, т. е. объ организаціи городской и сельской администраціи. Почти всѣ мѣстныя начальства избирались по этому проэкту богатѣйшими землевладѣльцами; администрація почти вся переходила во власть потомства древнихъ феодаловъ; кажется, роялисты могли быть довольны. Но назначеніе префекта предоставлялось королю. Роялисты вскипѣли негодованіемъ на такой деспотизмъ. Они хотѣли до поры до времени кричать, что они роялисты, т. е. люди исключительно преданные царствующей династіи; но уже и теперь находили нужнымъ вести дѣла такъ, чтобы королю не оставлялось ни малѣйшаго участія въ управленіи государствомъ. Въ самомъ дѣлѣ, зачѣмъ королю власть, если могутъ отнять ее у него люди, столь преданные ему, какъ роялисты?

Тогда-то Людовикъ XVIII изъ глубины оскорбленной души воскликнулъ: „я отдавалъ имъ права моей короны; они отвергаютъ меня. Это хорошій урокъ“. Въ самомъ дѣлѣ, къ чему принимать въ подарокъ то, что можно взять по праву собственной силы, или интриги? Уступка стѣснительна, она обязываетъ быть снисходительнымъ; насильственная побѣда лучше: завоеватель не обязанъ быть благодаренъ.

Роялисты, благодаря закону о выборахъ, составленному министерствомъ Ришлье, видѣли себя властелинами Франціи, къ чему же было имъ церемониться съ королемъ? И потому, когда снова собралась палата депутатовъ въ концѣ 1821 года, роялисты, при своемъ огромномъ большинствѣ въ ней могшіе дѣйствовать уже откровеннѣе прежняго, первымъ своимъ долгомъ почли нанести личную дерзкую обиду королю: нужно же было доказать ему, что они сильнѣе его. Каждая сессія палатъ, по общему обычаю всѣхъ парламентскихъ правительствъ, начинается составленіемъ адреса, въ отвѣтъ на рѣчь, произносимую королемъ при открытіи парламента. Правительство, зная враждебный духъ палаты депутатовъ, постаралось до того сгладить тронную рѣчь, чтобы въ ней не осталось ничего, кромѣ общихъ фразъ, и не было ни малѣйшаго предлога къ какой нибудь придиркѣ въ отвѣтномъ адресѣ. Напрасно. Обычной фразы всѣхъ безъ исключенія тронныхъ рѣчей о мирныхъ отношеніяхъ правительства съ иностранными державами было достаточно роялистамъ, чтобы найти случай къ личной обидѣ короля. „Наши отноше-

нія съ иностранными державами не переставали быть дружескими и я имѣю твердую увѣренность, что они останутся такими же впредь", сказалъ король въ тронной рѣчи. Коммиссія роялистовъ, составлявшая адресъ, предложила палатѣ отвѣчать на это слѣдующими словами: „Мы радуемся, государь, постоянно дружескимъ отношеніямъ вашимъ съ иноземными державами, въ справедливой увѣренности, что миръ, столь драгоцѣнный, не купленъ пожертвованіями, несовмѣстными съ честью націи и достоинствомъ короны."

Министры ужаснулись, когда докладчикъ коммиссіи, горячій роялистъ Делало, прочелъ палатѣ проэктъ адреса. Пакье тотчасъ же вошелъ на трибуну и потребовалъ уничтоженія параграфа, обиднаго для короля. „Король не можетъ унижать достоинства своей короны, сказалъ онъ: — всякій намекъ объ этомъ неучтителенъ и палата не захочетъ подать такой примѣръ". — „Какъ! вскричалъ де-Серръ, министръ внутреннихъ дѣлъ: — вашъ президентъ пойдетъ сказать королю въ лицо, что палата имѣетъ справедливую увѣренность, что король не надѣлалъ низостей! Это смертельная обида". Но министры ошибались, полагая обязанностью роялистской палаты не наносить оскорбленія королю: она иначе понимала свой долгъ. „Если допустить теорію министровъ, отвѣчалъ Делало отъ имени коммиссіи: — то отвѣты палаты на тронныя рѣчи должны бы ограничиваться простымъ парафразомъ тронныхъ рѣчей, предназначенныхъ скрывать отъ короля всякую истину. Обязанность палаты не такова. Говоря отъ имени страны, палата обязана говорить съ монархомъ такимъ языкомъ, который высказывалъ бы королю о правительственныхъ дѣйствіяхъ не мнѣніе министровъ, а мнѣніе Франціи". Адресъ, составленный коммиссіею, былъ принятъ безъ всякихъ измѣненій палатою по огромному большинству голосовъ.

Людовикъ XVIII былъ глубоко оскорбленъ. По обычному порядку, аудіэнція для представленія адреса королю назначалась президенту, вице-президентамъ и особенной депутаціи, избираемой палатою на этотъ случай, въ тотъ же самый день, какъ онъ былъ принимаемъ палатою. Теперь король цѣлыхъ три дня не назначалъ этой аудіэнціи; наконецъ было объявлено палатѣ, что король допускаетъ къ представленію адреса только президента палаты съ вице-президентами, не желая принимать депутацію. Президентъ, явившись на аудіэнцію, хотѣлъ по обычаю прочесть адресъ. Людовикъ, сидѣвшій съ гнѣвнымъ лицомъ, остановилъ его, взялъ у него бумагу и, не взглянувъ на нее, сказалъ:

„Я знаю адресъ, представляемый вами.

„Въ изгнаніи, среди преслѣдованій, я поддерживалъ мои права, честь моего дома и французскаго имени. Занимая престолъ и окруженный моимъ народомъ, я негодую при одной мысли, чтобы я могъ когда нибудь пожертвовать честью моей націи и достоинствомъ моей короны.

„Я хочу думать, что большая часть тѣхъ, которые вотировали этотъ адресъ, не взвѣсили всѣхъ его выраженій. Если бы они имѣли время обсудить ихъ, они не допустили бы предположенія, о которомъ я, какъ король, не долженъ говорить, о которомъ я, какъ отецъ, желалъ бы забыть".

Король могъ оскорбляться сколько его душѣ было угодно, но онъ долженъ былъ покоряться. Министерство прибѣгло къ новымъ уступкамъ, чтобы смягчить роялистовъ. Негодованіе короля мало подѣйствовало на нихъ; нужно было гнѣвъ замѣнить смиреніемъ. Министерство представило проэкты двухъ законовъ, которыми

думало угодить роялистамъ, кричавшимъ противъ вольнодумства газетъ. Оно предложило усилить и продлить еще на пять лѣтъ временно-существовавшую тогда цензуру. Но роялисты вдругъ обратились въ яростныхъ защитниковъ свободы, и проклинали деспотическія желанія министровъ.

Съ каждымъ днемъ нападенія роялистовъ на кабинетъ становились ожесточеннѣе. Ни одно дѣйствіе, ни одно слово правительства не избѣгало самыхъ бурныхъ порицаній. Король долженъ былъ уступить. Ришлье и его товарищи подали въ отставку. Графъ д'Артуа ввелъ къ королю Вильеля для составленія новаго, чисто-роялистскаго министерства. 15 декабря 1821 года было обнародовано королевское повелѣніе, назначавшее Вильеля министромъ финансовъ, Корбьера министромъ внутреннихъ дѣлъ и другихъ предводителей роялистской партіи министрами другихъ департаментовъ. Изнуренный шестилѣтнею борьбою, король отступился отъ всякаго участія въ управленіи государствомъ. „Наконецъ, г. Вильель торжествуетъ, писалъ онъ къ одному изъ своихъ друзей. Я мало знаю людей, входящихъ съ нимъ въ мой кабинетъ; надѣюсь, они будутъ такъ разсудительны, что не послѣдуютъ слѣпо всѣмъ страстямъ роялистовъ. Впрочемъ, я удаляюсь въ ничтожность съ настоящей минуты. Au reste je m'annule dès ce moment".

Дѣйствительно, король былъ принужденъ роялистами отказаться отъ всякой мысли объ участіи въ правленіи. Даже списокъ новаго министерства былъ составленъ безъ малѣйшаго вмѣшательства его воли. Конгрегація выбрала своихъ членовъ въ министры, кого и какъ хотѣла, даже не совѣщаясь съ королемъ.

Такъ держали себя роялисты относительно королевской власти. Не только тогдашніе либералы, умѣренные представители скромныхъ желаній средняго сословія, но самые заклятые республиканцы не могли бы топтать и власть, и личность короля съ такой непреклонной дерзостью. Вступленіе роялистовъ въ кабинетъ короля было, по собственному выраженію короля, аннулированіемъ короля.

Путемъ безпощадной борьбы противъ короля достигли роялисты власти. Посмотримъ теперь, на достиженіе какихъ цѣлей будутъ они употреблять свою власть. Быть можетъ, цѣль не совсѣмъ похожа на средства; быть можетъ, дѣйствія роялистскаго правительства окажутся болѣе согласны съ интересами престола и царствовавшей династіи, нежели способы, которыми роялисты захватили власть.

II.

Министерство Вильеля.—Испанская экспедиція.—Полное владычество роялистовъ.—Они издаютъ законы, противные интересамъ монархической власти.—Ультрамонтанцы и бѣлое духовенство.—Карлъ X.—Выдача вознагражденія эмигрантамъ.—Возстановленіе майоратствъ.—Распаденіе между роялистами; оппозиція Шатобріана и оппозиція Лабурдонне.—Законъ о книгопечатаніи.—Новые выборы.—Паденіе Вильеля.—Умѣренное министерство Мартиньяка.—Оно безпокоитъ іезуитовъ.—Роялисты обращаются противъ Карла X.—Путешествіе Карла X по восточной Франціи.—Роялисты убѣждаютъ его прекратить снисходительность къ либераламъ.—Министерство Полиньяка.—Отношенія партій передъ іюльскими днями.—Политика, наиболѣе выгодная для династіи.—Союзъ династіи съ роялистами совершенно противенъ ея интересамъ.—Отношенія либераловъ къ народу.—Характеръ министерства Полиньяка.—Безпокойство овладѣваетъ Франціею.—Адресъ палаты депутатовъ.—Она распущена.—Новые выборы.—Слухи о насильственныхъ мѣрахъ.—Русскій Императоръ и Меттернихъ хотятъ спасти Карла X.—Іюльскія повелѣнія.—Катастрофа.—Поведеніе роялистовъ.—Крайняя трусость либераловъ.—Безвредность ихъ торжества для королевской власти и безполезность его для народа. (1821—1830).

Первый важный вопросъ, представившійся министерству Вильеля, былъ возбужденъ испанскими дѣлами. Намъ нѣтъ нужды излагать событія, влѣдствіе

которыхъ Фердинандъ VII, король испанскій, принужденъ былъ въ 1820 году возстановить конституцію, которую принялъ при своемъ возвращеніи въ Испанію въ 1814 году. Довольно будетъ сказать, что часть аристократіи, а еще болѣе іезуиты, игравшіе до того времени при дворѣ важнѣйшую роль, были страшно недовольны принятіемъ конституціи и во многихъ мѣстахъ пытались поднимать возстаніе, чтобы низвергнуть ее вооруженною рукой. Испанское духовенство, находившееся подъ вліяніемъ іезуитовъ, принимало главнѣйшее участіе въ этихъ возстаніяхъ; архіепископы и епископы были чаще всего предводителями инсургентовъ. Но ихъ усилія были напрасны: инсургенты были побѣждены повсюду и принуждены искать убѣжища въ пиринейскихъ горахъ на французскихъ границахъ.

Во Франціи испанскія событія пробуждали самый живой интересъ: либералы и роялисты видѣли своихъ братьевъ въ испанскихъ приверженцахъ и противникахъ конституціи. Роялистскіе журналы громко требовали, чтобы Франція послала въ Испанію войско на помощь инсургентамъ.

Но Людовикъ XVIII былъ чрезвычайно мало расположенъ тратить деньги и кровь своихъ подданныхъ на возстановленіе безпорядочнаго и чрезвычайно жестокаго управленія, которымъ Фердинандъ VII возстановилъ противъ себя всѣхъ, защищавшихъ его корону противъ Наполеона. Французскій король говорилъ о характерѣ Фердинанда VII въ выраженіяхъ столь рѣзкихъ, что мы не хотимъ здѣсь повторять ихъ, считалъ его человѣкомъ, не заслуживающимъ ни малѣйшаго сочувствія или уваженія.

Мнѣніе Людовика XVIII, конечно, не имѣло тогда большой важности во Франціи: роялисты, какъ мы видѣли, отняли у короля вліяніе на дѣла. Гораздо важнѣе было то, что Вильель, душа министерства, также не хотѣлъ помогать инсургентамъ. Французскіе финансы только еще начинали приходить въ нормальное положеніе послѣ страшныхъ пожертвованій, какихъ стоили наполеоновскія войны, а потомъ примиреніе съ Европой. При всѣхъ своихъ недостаткахъ, Вильель имѣлъ одно достоинство: онъ старался соблюдать экономію въ государственныхъ расходахъ и хотѣлъ возстановить равновѣсіе въ бюджетѣ. Войною въ Испаніи разстроились бы французскіе финансы, потому Вильель никакъ не соглашался на нее. Отрывки изъ его дружескихъ писемъ къ Шатобріану, бывшему посланникомъ на веронскомъ конгрессѣ, могутъ доказать искренность и твердость его отвращенія противъ испанской экспедиціи. „Въ нынѣшнемъ году за всѣми расходами останется 25,000,000 франковъ, писалъ онъ. Зачѣмъ эти несчастныя иностранныя дѣла мѣшаютъ такому благосостоянію? Война будетъ имѣть гибельное вліяніе на наши фонды, нашу морскую торговлю, нашу промышленность. Не смотря на продажныя декламаціи нѣсколькихъ газетъ (Вильель говоритъ о роялистскихъ газетахъ, требовавшихъ войны), здравое и общее мнѣніе отвергаетъ войну; постарайтесь, мой другъ, всѣми силами отвратить это несчастіе. Да пощадитъ Богъ наше отечество и Европу отъ этой войны, которая, предсказываю съ полнымъ убѣжденіемъ, будетъ гибельна для Франціи“.

Дѣйствительно, при одномъ слухѣ о войнѣ, государственные фонды понизились на девять франковъ; финансовыя операціи для правительства стали затруднительны, торговля упала.

Газеты, поддерживавшія правительство, доказывали неумѣстность войны; но

онѣ были малочисленны; огромное большинство роялистскихъ газетъ настойчиво требовало войны, повинуясь внушеніямъ конгрегаціи. Инструкціи этого тайнаго общества произвели въ дѣйствіяхъ французскаго правительства явленія почти безпримѣрныя въ исторіи. На веронскомъ конгрессѣ долженъ былъ обсуждаться испанскій вопросъ. Уполномоченнымъ отъ Франціи былъ посланъ на конгрессъ министръ иностранныхъ дѣлъ, Монморанси. Министерство, руководимое Вильелемъ, дало ему инструкцію, по которой онъ долженъ былъ всячески стараться избавить Францію отъ обязательства вмѣшиваться въ испанскія дѣла. Конгрегація приказала ему дѣйствовать иначе, и Монморанси придалъ переговорамъ объ Испаніи оборотъ совершенно противный своимъ инструкціямъ. Министерство не могло терпѣть такого нарушенія обязанностей и Монморанси былъ удаленъ. Мѣсто его занялъ Шатобріанъ. Знаменитый поэтъ былъ другъ Вильеля, но поступилъ еще лучше, нежели Монморанси. Первый французскій уполномоченный, дѣйствуя противъ своихъ обязанностей, по крайней мѣрѣ, сообщалъ о томъ главѣ министерства; Шатобріанъ почелъ выгоднѣйшимъ для своихъ цѣлей обманывать кабинетъ. Въ депешахъ къ Вильелю онъ представлялъ въ фальшивомъ свѣтѣ совѣщанія конгресса; запутывая переговоры такимъ образомъ, чтобы Франція получила отъ Европы порученіе послать войско въ Испанію, онъ представлялъ себя кабинету вѣрнымъ исполнителемъ инструкцій министерства и обманулъ Вильеля до такой степени, что, по возвращеніи въ Парижъ, сдѣлался министромъ иностранныхъ дѣлъ.

Мы не говоримъ уже о сопротивленіи роялистовъ желаніямъ короля,— они давно не щадили его, давно лишили его власти; ихъ поступки въ испанскомъ дѣлѣ представляютъ особенность болѣе замѣчательную: правительство было составлено по ихъ желанію изъ вѣрнѣйшихъ предводителей ихъ собственной партіи; они идутъ наперекоръ даже этому министерству, они заставляютъ агентовъ министерства измѣнять ему. Въ исторіи дипломатики интрига и обманъ вовсе не рѣдкость; но до такой степени дипломатической измѣны, какъ Шатобріанъ, не доходили ни пошлые агенты Помпадуръ и Дюбарри, ни самъ Талейранъ. Посланники Людовика XV обманывали свое министерство, но они могли извиняться по крайней мѣрѣ тѣмъ, что дѣйствуютъ сообразно тайнымъ инструкціямъ короля. У Шатобріана не было и этого извиненія. Онъ обманывалъ и короля, и министровъ вмѣстѣ. Всѣ законныя власти Франціи были преданы имъ за одинъ разъ въ угодность людямъ, не имѣвшимъ никакого права руководить хотя бы самымъ ничтожнымъ дѣломъ, преданы въ угодность людямъ, которые не смѣли даже публично произносить своего имени, скрываясь отъ взоровъ націи. Министры Людовика XV, обманывавшіе другъ друга, были, по крайней мѣрѣ, во враждѣ между собою; притомъ же они и не имѣли притязанія выдавать себя за честныхъ людей; Шатобріанъ обманывалъ своего друга, обманывалъ въ то самое время, когда возвышался въ министры его довѣріемъ и не переставалъ считать себя человѣкомъ благороднымъ. Таковы-то были интриги тайныхъ руководителей роялистской партіи, что даже люди, по природѣ своей честные, не колеблясь, совершали низости по ихъ внушенію. Еслибъ мы не знали, кто управлялъ конгрегаціею, руководившею роялистами, мы уже по этимъ однимъ признакамъ безошибочно отгадали бы іезуитовъ.

Знаменитое іезуитское правило говоритъ, что цѣль оправдываетъ средства: быть можетъ, Шатобріанъ и ему подобные, не пренебрегая никакими средствами для возвращенія произвольной власти надъ Испаніей Фердинанду VII, могли по

крайней мѣрѣ оправдываться сами передъ собою возвышенностію своей цѣли. Нѣтъ, Шатобріанъ думалъ о Фердинандѣ точно также, какъ и Людовикъ XVIII, и очень хорошо зналъ, что его жестокіе капризы были и будутъ стыдомъ для имени Бурбоновъ. Конечно, большая часть роялистовъ думала точно также о человѣкѣ, которому хотѣла помогать.

Зачѣмъ же въ такомъ случаѣ они такъ ревностно хлопотали объ испанской экспедиціи?—Предводителями испанскихъ инсургентовъ были іезуиты, управлявшіе Фердинандомъ; руководителями роялистовъ были іезуиты, управлявшіе конгрегаціей. Потому и король, и роялистское министерство должны были отказаться отъ убѣжденія, что испанская экспедиція будетъ вредна для Франціи.

Приближалось время, когда должна была собраться палата депутатовъ. Министры совѣщались о томъ, какая политика по испанскому вопросу будетъ выражена въ тронной рѣчи. Не дальше, какъ за семь мѣсяцевъ передъ тѣмъ, при открытіи предъидущей сессіи, король говорилъ: „только злонамѣренность можетъ приписывать нашимъ дѣйствіямъ намѣреніе вмѣшаться въ испанскія дѣла“. Теперь Вильель снова утверждалъ, что тронная рѣчь должна отвергать испанскую экспедицію, требуемую большинствомъ роялистскихъ газетъ. Но Корбьеръ, министръ внутреннихъ дѣлъ, показалъ ему письмо отъ одного изъ роялистскихъ депутатовъ, который писалъ: „министры компрометируютъ свое положеніе, замедляя вступленіе нашихъ войскъ въ Испанію. Ихъ колебаніе до того раздражаетъ роялистовъ, что всѣ вновь избранные депутаты показываютъ твердую рѣшимость низвергнуть министерство, если тронная рѣчь не будетъ содержать формальнаго, положительнаго объявленія о немедленномъ вторженіи въ Испанію“. Нѣкоторые другіе министры подтвердили предостереженіе своего товарища. Вильель долженъ былъ уступить. Тронная рѣчь положительно объявила, что сто тысячъ войска готовы вступить въ Испанію. Вся Франція волновалась отъ негодованія; государственные фонды упали еще на четырнадцать франковъ, съ 89 на 75.

Вильелю приходилось теперь играть такую же роль, до какой прежде унижалъ онъ герцога Ришлье. Онъ долженъ былъ трепетать роялистскаго большинства палаты депутатовъ, т. е. трепетать своей собственной партіи.

Испанская экспедиція была удачна въ военномъ отношеніи; крайніе роялисты торжествовали. Вильель долженъ былъ исполнять всѣ ихъ требованія. На первый разъ эти требованія относились къ двумъ предметамъ. Роялисты желали воспользоваться своимъ торжествомъ, чтобы какъ можно долѣе удержать за собою власть. Они хотѣли, чтобы прежній пятилѣтній срокъ существованія палаты былъ замѣненъ семилѣтнимъ и произведены были новые выборы. Съ тѣмъ вмѣстѣ они требовали, чтобы власть духовенства надъ гражданскими дѣлами была увеличена. Вильель уступилъ въ томъ и другомъ.

Продолжительный срокъ безсмѣннаго существованія одной и той же палаты депутатовъ давалъ ей больше независимости отъ правительства. Это не нуждается въ объясненіяхъ. Но для тѣхъ читателей, которые незнакомы съ положеніемъ французскаго духовенства, нужно сказать нѣсколько словъ о характерѣ той части духовенства, пользамъ которой служили роялисты.

Не смотря на безбрачіе приходскаго духовенства въ католическихъ земляхъ, между приходскимъ или бѣлымъ духовенствомъ и монахами существуетъ въ нихъ коренная разница, которая во Франціи обнаруживается сильнѣе, нежели гдѣ ни-

будь. Нѣтъ надобности быть католикомъ, чтобы сочувствовать потребностямъ приходскаго духовенства во Франціи. Большая часть его отличается христіанскими добродѣтелями. Исполняя свои религіозныя обязанности, приходскій священникъ во Франціи вообще чуждается политическихъ интригъ; онъ вѣренъ своей національности и не питаетъ вражды къ свѣтской власти, въ которой, напротивъ, ищетъ себѣ опоры противъ самовластія ультрамонтанцевъ. Совершенно иное дѣло французскіе монахи. Какъ бы ни назывался на бумагѣ ихъ орденъ, почти всѣ они іезуиты: разныя названія, придумываемыя ими для себя, служатъ только къ тому, чтобы скрыть принадлежность ихъ къ іезуитскому ордену. Между тѣмъ какъ приходское духовенство вообще поддерживаетъ національные интересы, іезуиты всѣ поголовно ультрамонтанцы, и интересы Франціи для нихъ ничтожны въ сравненіи съ выгодами ордена и папской власти, которая обыкновенно находится подъ ихъ вліяніемъ. Всѣ проницательныя французскія правительства со временъ Генриха IV, какія бы чувства ни питали относительно католической религіи, находились въ необходимости бороться противъ ультрамонтанцевъ. Отъ этихъ явныхъ, или тайныхъ іезуитовъ происходятъ всѣ скандалы, которыми компрометируется католицизмъ во Франціи. Они заводятъ въ семействахъ интриги, чтобы доставлять своимъ конгрегаціямъ богатыя пожертвованія, изъ которыхъ почти каждая соединена съ отнятіемъ имущества у законныхъ наслѣдниковъ. Ихъ конгрегаціи ведутъ обширныя торговыя спекуляціи всякаго рода, пріобрѣтаютъ огромныя помѣстья и дома, вообще владѣютъ громадными богатствами, между тѣмъ какъ приходское духовенство вообще терпитъ сильную нужду. Почти всѣ французскіе епископы и прелаты выходятъ изъ конгрегацій и остаются подъ ихъ вліяніемъ. Изъ двадцати французскихъ епископовъ едва ли найдется одинъ, который не былъ бы ультрамонтанцемъ, т. е., іезуитомъ, врагомъ французской національности и гражданскаго французскаго правительства, каково бы оно ни было.

Когда говорится о политической силѣ духовенства во Франціи, тутъ всегда разумѣется исключительно ультрамонтанская партія, состоящая изъ различныхъ конгрегацій и владѣющая почти всѣми епископствами. Она враждебна національному приходскому духовенству, но чрезъ епископовъ имѣетъ надъ нимъ полную власть, которой пользуется чрезвычайно притѣснительно.

Такимъ образомъ, когда мы слышимъ о враждѣ или дружбѣ французскаго правительства съ духовенствомъ, вовсе не надобно полагать, чтобы этимъ означалось покровительство или гоненіе со стороны правительства относительно огромнаго большинства французскаго духовенства. Напротивъ, дѣло идетъ только объ отношеніяхъ правительства къ іезуитамъ, располагающимъ конгрегаціями и властью епископовъ, посредствомъ которой они угнетаютъ бѣлое духовенство, т. е., огромное большинство духовнаго сословія во Франціи. Вообще приходское духовенство, достойное всякаго уваженія, отдыхало во Франціи только тогда, когда правительство вооружалось противъ ультрамонтанской партіи, называющей себя исключительно представительницею католическихъ интересовъ, но въ сущности заботящейся вовсе не о пользахъ религіи, а единственно о пріобрѣтеніи богатствъ и о подчиненіи свѣтской власти іезуитскому вліянію.

Такъ и въ настоящемъ случаѣ дѣло шло вовсе не о томъ, чтобы улучшить положеніе французскаго духовенства вообще, а исключительно о доставленіи богатствъ и власти членамъ конгрегаціи. Почти всѣ приходскіе священники во

Франціи, какъ мы сказали, жили скудно, получая очень небольшое жалованье. Конгрегація, заставляя министерство Вильеля исполнять свои требованія, и не подумала объ улучшеніи состоянія этихъ бѣдняковъ. Она требовала только, чтобы епископамъ, находившимся подъ властью іезуитовъ, было отдано управленіе свѣтскими училищами, какъ было въ старину, и чтобы епископамъ возвращена была гражданская власть, которой пользовались они въ XVIII вѣкѣ. То и другое было исполнено. Іезуиты овладѣли министерствомъ народнаго просвѣщенія. Всѣ профессора, нерасположенные къ іезуитамъ, въ томъ числѣ Гизо, были удалены отъ чтенія лекцій. Префекты и вся провинціальная администрація должны были повиноваться епископамъ.

Кто хотя нѣсколько знакомъ съ французскою исторіею, тотъ знаетъ, что монархическая власть во Франціи возвысилась борьбою противъ притязаній ультрамонтанизма. Теперь правительство было принуждено подчиниться ему. Свѣтское могущество духовенства, т. е., епископовъ и монастырей, составляло одну основу феодальнаго порядка, враждебнаго монархической власти. Другою основою феодализма было могущество свѣтскихъ аристократовъ, пользовавшихся почти самодержавною властью въ своихъ огромныхъ помѣстьяхъ. Одной цѣли роялисты достигли, надобно было позаботиться о достиженіи другой. Первымъ шагомъ къ тому представлялось вознагражденіе эмигрантовъ за помѣстья, конфискованныя во время революціи.

Пока былъ живъ Людовикъ XVIII, феодалы никакъ не могли исполнить этого желанія. Но теперь счастье было рѣшительно на ихъ сторонѣ. 16-го сентября 1824 года Людовикъ XVIII скончался и на французскій престолъ вступилъ графъ д'Артуа, бывшій до сихъ поръ предводителемъ роялистовъ, по крайней мѣрѣ, по имени, если не на самомъ дѣлѣ, и слѣпымъ орудіемъ въ рукахъ конгрегаціи.

Далеко уступая умственными способностями Людовику XVIII, Карлъ X не замѣчалъ противоположности между желаніями роялистовъ, стремившихся возстановить феодальное устройство, и потребностями королевской власти, которая усилилась во Франціи безпощаднымъ сокрушеніемъ силы феодаловъ и могла поддерживаться только въ такомъ случаѣ, если продолжала защищать отъ нихъ націю. Роялисты могли теперь дѣйствовать отважнѣе прежняго, благодаря іезуитамъ, совершенно ослѣпившимъ новаго короля. Въ минуту смерти Людовикъ XVIII призвалъ ребенка, на которомъ покоились надежды продолженія старшей линіи Бурбоновъ и, благославля его, печально сказалъ: „пусть бережетъ мой братъ корону этого ребенка“. Онъ предчувствовалъ, что довѣріе Карла X къ роялистамъ будетъ гибельно для его династіи.

Дѣйствительно быстро послѣдовали одинъ за другимъ законы, возстановлявшіе противъ королевской власти національное чувство, возвышавшіе феодализмъ на счетъ королевской власти. Изъ нихъ мы упомянемъ только о немногихъ важнѣйшихъ.

Первымъ дѣломъ роялистовъ при новомъ королѣ было вытребовать вознагражденіе за помѣстья, конфискованныя у эмигрантовъ. Напрасно самыми точными разсчетами доказывалось, что милости, какими пользовались эмигранты въ теченіе десяти лѣтъ, прошедшихъ со времени реставраціи, съ избыткомъ вознаграждали всю потерю, понесенную ими прежде. Доходы проданныхъ помѣстій не простира-

лись и до 50 милліоновъ франковъ; эмигранты подъ формою жалованья и пенсій уже получали ежегодно отъ государства болѣе 70 милліоновъ. Но дохода имъ было мало; они желали возстановленія владѣній, которыя ставили бы ихъ въ независимость отъ королевской власти. Вильель долженъ былъ предложить законъ о выдачѣ роялистамъ тысячи милліоновъ франковъ за имѣнія, проданныя во время революціи. Повидимому, роялисты могли быть довольны: оцѣнка, составленная ими самими, показывала, что цѣнность проданныхъ имуществъ не превышала этой суммы. Но ревностнѣйшіе роялисты напали на проэктъ Вильеля, за его преступную снисходительность къ революціонерамъ. „Указываютъ на статью конституціи, гарантирующую покупщикамъ конфискованныхъ имѣній неприкосновенность ихъ собственности, говорилъ Лабурдонне:—но эта статья была и могла быть только простою политическою мѣрою; она могла обезпечивать покупщикамъ владѣніе купленными имуществами, но не могла дать имъ права собственности на эти имущества. Право собственности дается только исполненіемъ условій, которымъ подлежитъ всякая продажа имущества по распоряженію государственной власти; именно, тутъ необходима была бы выдача вознагражденія прежнему владѣльцу до вступленія покупщика во владѣніе продающимся имуществомъ. Одно изъ двухъ: или такъ называемыя національныя собранія временъ революціи были собраніями незаконными, и въ такомъ случаѣ всѣ ихъ декреты—только насильственныя мѣры, лишенныя законной силы; этими мѣрами у эмигрантовъ могло быть отнято фактическое пользованіе имуществами, но не могло быть отнято законное право собственности; или же революціонныя собранія были законною властію,—тогда эмигранты, по закону лишившись своихъ имуществъ, не имѣютъ никакого права ни на малѣйшее вознагражденіе. Проэктъ, представленный министрами, обманываетъ всѣ надежды. Онъ не даетъ эмигрантамъ столько, чтобы удовлетворить ихъ и тѣмъ обезпечить покупщиковъ конфискованныхъ имуществъ отъ дальнѣйшихъ требованій со стороны эмигрантовъ. Этотъ проэктъ — чистый обманъ". Такимъ образомъ Лабурдонне довольно ясно намекалъ, что эмигранты могутъ быть довольны лишь однимъ тѣмъ, когда продажа помѣстій будетъ объявлена неимѣющею законной силы и помѣстья будутъ отняты у настоящихъ владѣльцевъ и возвращены прежнимъ. Другой роялистъ, де-Бомонъ, высказался еще прямѣе: „король не имѣетъ власти утверждать незаконную конфискацію имуществъ цѣлаго класса своихъ подданныхъ, какъ не имѣетъ власти отнимать имущество у отдѣльнаго человѣка. Конституція, гарантируя продажу конфискованныхъ имуществъ, имѣла въ виду только одно то, чтобы оградить покупщиковъ отъ судебнаго преслѣдованія со стороны законныхъ владѣльцевъ за несправедливое пользованіе доходами помѣстій въ прежніе годы. Что же нужно сдѣлать теперь?—возвратить каждому то, что ему принадлежитъ: помѣстья возвратить эмигрантамъ, а покупщикамъ выдать вознагражденіе". Либералы справедливо утверждали съ своей стороны, что проэктъ, представленный министерствомъ, составляетъ только первый шагъ на пути вознагражденія эмигрантамъ. „Мы теперь только вступаемъ на дорогу вознагражденій, сказалъ генералъ Фуа, одинъ изъ немногихъ либеральныхъ членовъ палаты. Законъ этотъ объявляетъ эмигрантовъ имѣющими право на полученіе всей цѣнности ихъ проданныхъ имѣній. Они скажутъ, что имъ заплатили не всю цѣнность этихъ имѣній, и останутся кредиторами общества, кредиторами тѣмъ болѣе грозными, что овладѣли всѣми правительственными мѣстами. Естественнымъ залогомъ, обезпечивающимъ креди-

тору долгъ, служитъ помѣстье, за которое взыскивается долгъ. Какой же покупщикъ заснетъ спокойно подъ страхомъ такого долга?“ Дѣйствительно, покупщики конфискованныхъ имѣній должны были опасаться всего. Даже де-Бомонъ не высказалъ еще послѣдней задушевной мысли роялистовъ. Онъ говорилъ о возвращеніи помѣстій эмигрантамъ, но упоминалъ о вознагражденіи покупщиковъ. Когда пренія разгорячили членовъ палаты, явился ораторъ, высказавшійся откровеннѣе. Дюплесси де-Гренеданъ потребовалъ возвращенія помѣстьевъ эмигрантамъ безъ всякаго вознагражденія покупщикамъ. Давать имъ вознагражденіе, по его словамъ, значило бы признавать ихъ права и дѣлать имъ уступку; а покупка, ими сдѣланная, была незаконна; слѣдовательно они не имѣютъ никакихъ правъ, завладѣли помѣстьями, какъ грабители, и подобно грабителямъ, не могутъ быть вознаграждаемы. „9-ая статья конституціи, прибавлялъ онъ, говоритъ: собственность объявляется неприкосновенною; но тутъ дѣло идетъ только о настоящемъ, а не о будущемъ времени; конституція не говоритъ, что собственность навсегда останется неприкосновенною. Если вникнуть въ истинный смыслъ статьи, мы увидимъ, что она можетъ относиться только къ собственности, пріобрѣтенной законнымъ образомъ. Было слишкомъ нелѣпо перетолковывать законъ такъ, чтобы придавать ему смыслъ о неприкосновенности собственности, даже пріобрѣтенной воровствомъ. Въ 9-ой статьѣ конституціи подразумѣвается слово „законный“, истинный смыслъ ея таковъ: собственность неприкосновенна, когда пріобрѣтена по актамъ, имѣющимъ законную силу“.

Намѣреніе роялистовъ выразилось ясно; трудно описать волненіе, произведенное въ массѣ средняго сословія и даже простолюдиновъ этими преніями. Помѣстья, конфискованныя у эмигрантовъ, были распроданы по большей части мелкими участками; число покупщиковъ было огромно. Со времени конфискаціи прошло около 30 лѣтъ; большая часть купленныхъ тогда земель перешла уже въ другія руки по наслѣдству, или черезъ продажу законнымъ путемъ. Теперь всѣмъ этимъ владѣльцамъ угрожала опасность потерять имущество. Династія подвергалась опасности, для того, чтобы потомки прежнихъ феодаловъ могли возстановить свою независимость отъ короны.

Но для возстановленія феодальнаго права недостаточно было стремиться къ возвращенію феодаламъ ихъ прежнихъ владѣній; надобно было также позаботиться о томъ, чтобы могущество знатныхъ фамилій не уменьшалось отъ раздробленія помѣстій по праву наслѣдства, принятаго французскимъ законодательствомъ. Черезъ нѣсколько времени послѣ принятія закона о выдачѣ эмигрантамъ милліарда франковъ, министерство представило палатѣ перовъ законъ, возстановлявшій право первородства, которымъ въ средніе вѣка поддерживалось феодальное устройство. По гражданскому кодексу, часть отцовскаго имѣнія переходитъ непремѣнно въ наслѣдство дѣтямъ, которыя всѣ получаютъ по-ровну; другая часть предоставлена свободному распоряженію отца и можетъ быть завѣщана имъ кому угодно; если же онъ не сдѣлаетъ распоряженія, она также дѣлится по-ровну между дѣтьми. Роялисты еще не отваживались требовать измѣненія всѣхъ этихъ постановленій. Они требовали, чтобы та часть имущества, которою можетъ располагать отецъ по завѣщанію, не дѣлилась по-ровну между дѣтьми, при отсутствіи завѣщанія, а вся переходила къ старшему сыну въ тѣхъ случаяхъ, когда имущество состоитъ изъ поземельнаго владѣнія, платящаго не менѣе 300 франковъ прямыхъ податей.

Сверхъ того предоставлялось владѣльцу такого помѣстья обращать его въ субституцію, т. е., дѣлать его майоратомъ, который бы уже не подлежалъ при слѣдующихъ поколѣніяхъ раздѣлу и вѣчно оставался бы въ рукахъ одного только старшаго потомка по нисходящей линіи, который притомъ не могъ при своей жизни продать ни всего имѣнія, ни какой либо части его.

Вліяніе права первородства и субституцій на политическое устройство общества извѣстно каждому. Неминуемымъ слѣдствіемъ этихъ учрежденій бываетъ образованіе поземельной аристократіи, быстро пріобрѣтающей больше силы, нежели сколько силы остается у короны. При субституціяхъ и правѣ первородства титулъ короля можетъ сохраняться, но власть его исчезаетъ и государство, нося имя монархіи, въ сущности становится олигархическою республикою.

Проэктъ закона, предлагавшійся теперь, конечно, долженъ былъ служить только первымъ шагомъ къ совершенному отмѣненію раздѣла недвижимой собственности между старшимъ сыномъ и другими дѣтьми, съ предоставленіемъ всего наслѣдства одному старшему сыну. Къ счастію палата перовъ отвергла этотъ проэктъ.

Вильель въ глубинѣ души былъ очень радъ несогласію палаты на проэктъ, представленный отъ его имени. Онъ самъ не одобрялъ этой мѣры, какъ и многихъ другихъ, которыя долженъ былъ принимать, подчиняясь требованіямъ конгрегаціи.

Послѣ смерти Людовика XVIII конгрегація пріобрѣла такое могущество, что уже далеко не каждый роялистъ могъ получить ея покровительство: число прозелитовъ было громадно; іезуиты, руководившіе конгрегаціею, стали очень разборчивы въ раздачѣ своихъ милостей. Многіе изъ роялистскихъ членовъ палаты были обойдены мѣстами, не получили просимыхъ наградъ для своихъ родственниковъ, оттого въ роялистской партіи начались раздоры. Предводителемъ недовольныхъ былъ Шатобріанъ. Вильель не могъ простить ему обмана въ испанскомъ вопросѣ. Тщеславный поэтъ не былъ способенъ заниматься дѣлами въ кабинетѣ министерства, но въ аристократическихъ салонахъ провозглашалъ себя истиннымъ главою министерства, свысока третируя Вильеля; этимъ усиливался раздоръ между двумя министрами. Наконецъ Шатобріанъ, сердясь на Вильеля за собственную свою ничтожность въ дѣловомъ отношеніи, началъ и въ палатѣ говорить двусмысленныя рѣчи. Доведенный до крайности, Вильель отнялъ у него портфель иностранныхъ дѣлъ. Лишившись мѣста, Шатобріанъ вдругъ обратился въ противника стѣснительныхъ мѣръ, которыхъ прежде требовалъ съ большею горячностью, нежели кто нибудь. Онъ сдѣлался журналистомъ и органомъ своимъ избралъ Journal des Débats. Министерство не имѣло болѣе опаснаго врага.

Кромѣ недовольныхъ по личнымъ разсчетамъ, были роялисты, недовольные Вильелемъ по различію въ политическихъ мнѣніяхъ. Съ одной стороны многіе видѣли, что конгрегація заходитъ слишкомъ далеко, что, напримѣръ, угрозы покупщикамъ конфискованныхъ имуществъ и усилія возстановить право первородства приведутъ ихъ партію къ паденію: они требовали политики болѣе осторожной, какой хотѣлъ бы слѣдовать и самъ Вильель, если бы могъ. Съ другой стороны находились роялисты, замѣтившіе, что съ Вильелемъ, отъ природы расположеннымъ къ осмотрительности, никогда не пойдутъ феодальныя преобразованія такъ быстро, какъ хотѣлось бы этимъ фанатикамъ, чуждымъ всякаго благоразумія. Роялисты, бывшіе умѣреннѣе Вильеля, сгруппировались около Шатобріана, который теперь очень любовно толковалъ о конституціи, прежде казавшейся ему источникомъ вся-

кихъ бѣдствій. Роялисты, осуждавшіе медленность Вильеля, имѣли своимъ предводителемъ Лабурдонне, котораго не любила конгрегація и потому не допускала въ министерство. Обѣ эти партіи постоянно усиливались въ палатѣ и начали думать уже о низверженіи Вильеля.

Конгрегація вынудила министерство составить проэктъ новаго закона о книгопечатаніи. Обѣ партіи роялистовъ, недовольныя Вильелемъ, соединились съ либералами противъ новаго закона, и Лабурдонне, глава самыхъ горячихъ роялистовъ, заговорилъ языкомъ совершенно либеральнымъ: онъ обвинялъ министровъ въ нарушеніи конституціи. „Утомленная политическими волненіями, говорилъ онъ, Франція хочетъ покоя. Надежду достичь и сохранить его она поставила въ союзѣ династіи съ конституціей. Напрасно горсть людей, увлекаемыхъ страстями, или руководимыхъ воспоминаніями, надѣется разорвать связь между этими двумя гарантіями общественнаго порядка. Вся Франція равно отвергаетъ и тѣхъ, которые желали бы конституціи безъ династіи, и тѣхъ, которые желали бы династіи безъ конституціи; Франція желаетъ, Франція поддерживаетъ тѣхъ, которые съумѣютъ неразрывными узами связать эти два блага. Успѣхъ ожидаетъ ихъ, если они открыто пойдутъ подъ знаменемъ конституціоннаго легитимизма. Франціи обѣщаны были конституціонныя учрежденія; Франція поддерживаетъ конституцію во всей ея цѣлости. Я подаю голосъ противъ министерскаго проэкта.“ Два или три года тому назадъ, Лабурдонне призывалъ небесное мщеніе и уголовныя наказанія на людей, защищавшихъ конституцію; теперь онъ самъ объявлялъ, что не хочетъ поддерживать Бурбоновъ иначе, камъ подъ условіемъ соблюденія конституціи. Это было дурнымъ предзнаменованіемъ для министерства. Правда, законъ былъ принятъ, не смотря на оппозицію Лабурдонне: но изъ 367 депутатовъ уже 134 положили черный шаръ, еще недавно въ урнѣ бывало не болѣе 12 или 15 черныхъ шаровъ.

Принятый палатою депутатовъ проэктъ закона былъ перенесенъ въ палату перовъ; она отвергла его большинствомъ 113 голосовъ противъ 43-хъ. Уже давно оппозиція взяла верхъ въ палатѣ перовъ. Министерство должно было прибѣгнуть къ назначенію 70 или 80 новыхъ перовъ, чтобы возвратить себѣ большинство въ верхней палатѣ; но почти всѣ эти назначенія надобно было сдѣлать изъ палаты депутатовъ. Взявъ изъ нея 60 или 70 министерскихъ членовъ, Вильель слишкомъ ослабилъ бы въ ней свое большинство, и безъ того быстро уменьшавшееся. Съ другой стороны Вильель предвидѣлъ, что отсрочивать новые выборы въ палату депутатовъ до истеченія семилѣтняго срока ея существованія было бы очень опасно. Роялисты съ каждымъ днемъ возстановляли противъ себя общественное мнѣніе. Хотя сословіе тогдашнихъ избирателей исключительно ограничивалось большими землевладѣльцами, жаркими роялистами, но и они начинали понимать, что реакція противъ либерализма переходитъ границы благоразумія. Вильель зналъ, что черезъ два года роялисты потерпятъ пораженіе на выборахъ. Онъ надѣялся, что въ настоящую минуту еще успѣетъ привести выборы къ выгодному для роялистовъ результату. Онъ рѣшился распустить палату, въ которой не надѣялся удержать за собою большинство, ожидая, что новые депутаты будутъ благопріятнѣе ему. Дѣйствительно распущеніе палаты оставалось для него единственнымъ средствомъ избѣжать судьбы, которая постигла герцога Ришлье. Давно уже онъ былъ принужденъ слѣпо исполнять даже и тѣ требованія палаты депутатовъ, которыхъ совер-

шенно не одобрялъ. Скоро палата низвергла бы его, еслибъ онъ не предупредилъ удара, распустивъ ее.

Разсчетъ Вильеля былъ справедливъ; министръ ошибся только въ одномъ: надобно было распустить палату гораздо раньше; роялисты господствовали въ ней слишкомъ долго. Они успѣли слишкомъ ясно высказать свои намѣренія. Самъ Вильель такъ долго подчинялся ихъ неосторожнымъ желаніямъ, что успѣлъ уже безвозвратно компрометировать свое министерство. Выборы, назначенные въ ноябрѣ 1827 года, произведены были подъ вліяніемъ совершеннаго недовѣрія націи къ людямъ, которымъ покровительствовала конгрегація.

Хотя немногочисленные избиратели составляли среди націи совершенно исключительный кружокъ, но все-таки не могли они не подчиняться до нѣкоторой степени голосу общественнаго мнѣнія. Въ прежней палатѣ изъ десяти членовъ девять были роялисты; въ новой голоса раздѣлялись такъ: около 170 роялистовъ, составлявшихъ правую сторону, около 170 либераловъ, составлявшихъ лѣвую сторону, и въ центрѣ около 50 членовъ, бывшихъ прежде горячими роялистами, но теперь увидѣвшихъ опасность пути, по которому шли роялисты, и начавшихъ дѣйствовать самостоятельно.

На другой же день послѣ того, какъ сталъ извѣстенъ результатъ выборовъ, Вильель увидѣлъ необходимость выйти въ отставку. Центръ и лѣвая сторона, составлявшіе теперь большинство, не хотѣли и слышать о переговорахъ съ нимъ; но публика долго ждала перемѣны министерства, потому что Карлъ X, соглашаясь съ Вильелемъ въ необходимости перемѣнить министерство, отвергалъ не только либераловъ, не только депутатовъ центра, но и всѣхъ роялистскихъ предводителей, которые въ прошлой сессіи дѣйствовали противъ Вильеля.

Наконецъ необходимо было рѣшиться, потому что засѣданія новой палаты приближались. Душою новаго кабинета былъ Мартиньякъ, роялистъ, близкій по своимъ мнѣніямъ къ Вильелю, но чуждый связямъ съ конгрегаціею, и потому могшій дѣйствовать умѣреннѣе. Остальные члены министерства также всѣ были роялисты, понимавшіе необходимость разорвать связи съ конгрегаціею, погубившею Вильеля. Въ какомъ духѣ начнетъ дѣйствовать палата — это зависѣло отъ небольшаго числа членовъ, составлявшихъ центръ. Ихъ голоса давали большинство лѣвой или правой сторонѣ; во всякомъ случаѣ министерство должно было управлять въ ихъ духѣ.

Первымъ испытаніемъ силы и взаимныхъ отношеній партій служитъ выборъ президента палаты. По тогдашнему правилу, палата выбирала пять кандидатовъ, одного изъ которыхъ король утверждалъ президентомъ. Съ нетерпѣніемъ ожидали, чьихъ кандидатовъ будетъ поддерживать центръ. Большинство получили два депутата изъ центра и трое изъ лѣвой стороны: центръ вошелъ въ союзъ съ лѣвою стороною. Въ досадѣ на депутатовъ центра, король утвердилъ президентомъ одного изъ кандидатовъ лѣвой стороны, Ройе-Коляра. Министерство увидѣло теперь необходимость дѣлать многочисленныя уступки центру и лѣвой сторонѣ, плотно соединившимся для составленія большинства.

Итакъ либералы пользовались теперь довольно значительнымъ вліяніемъ на рѣшеніе палаты. Въ какомъ духѣ измѣнятся законы и администрація по требованію этой партіи, которую провозглашали враждебной Бурбонамъ? Семь лѣтъ она подвергалась непримиримому преслѣдованію отъ роялистскаго министерства,

пользовавшагося большинствомъ въ палатѣ и властью вовсе не по собственной силѣ, а только благодаря покровительству Бурбоновъ: быть можетъ она теперь покажетъ нерасположеніе къ Бурбонамъ? Королемъ былъ теперь тотъ самый графъ д'Артуа, который въ теченіе цѣлыхъ сорока лѣтъ былъ изъ всѣхъ Бурбоновъ самымъ жесточайшимъ врагомъ либерализма: быть можетъ либералы подумаютъ о стѣсненіи власти, которой располагаетъ ихъ непримиримый гонитель? Читатель едва ли будетъ ожидать этого послѣ тѣхъ фактовъ, какіе представлены въ нашемъ очеркѣ. Либералы теперь видѣли, что министерство не враждебно имъ. Каковы бы ни были чувства Карла X; онъ прежде всего помнилъ обязанности свѣтскаго человѣка, талантами котораго обладалъ въ совершенствѣ; либералы часто являлись теперь во дворецъ по своимъ близкимъ отношеніямъ къ министерству: король принималъ ихъ любезно. Этого было довольно, чтобы они прониклись самыми наивными надеждами. Они воображали, что король понялъ вредъ, какой принесла ему ненужная преданность его крайнимъ роялистамъ; они уже думали, что король раздѣляетъ чувства французскаго общества и готовъ поддерживать новые интересы противъ феодальныхъ стремленій. Заблужденіе было чрезвычайно нелѣпо: люди не мѣняются, имѣя 65 лѣтъ отъ роду. Но забавныя надежды либераловъ показывали, до какой чрезвычайной степени было сильно въ нимъ желаніе дѣйствовать за одно съ королевской властью. Они только о томъ и мечтали, какимъ бы образомъ примирить Бурбоновъ съ французскою націею и упрочить ихъ престолъ.

Въ теченіе полутора года, пока либералы господствовали въ палатѣ, напрасно стали бы мы искать между рѣшеніями палаты хотя одного, сколько нибудь ограничивающаго преимущества королевской власти. Перемѣнъ было произведено много, но ни одна изъ нихъ не касалась правъ престола. Читатель знаетъ, что иначе и не должно было быть. Дѣло шло о томъ, каковы будутъ взаимныя отношенія разныхъ государственныхъ сословій между собою, каковы будутъ законы о наслѣдствѣ, каково будетъ отношеніе свѣтскаго національнаго образованія къ іезуитскому и т. п. Во всѣхъ этихъ спорахъ королевская власть могла бы оставаться совершенно хладнокровною зрительницею; ея собственное положеніе могло ни мало не измѣняться отъ торжества той или другой партіи. Если король участвовалъ въ борьбѣ, то единственно какъ союзникъ той или другой партіи, изъ которыхъ и та, и другая равно нуждалась въ его покровительствѣ и готова была бы самымъ усерднымъ образомъ служить его интересамъ, лишь бы только онъ поддерживалъ ея интересы. Мы возвратимся къ этому предмету, а теперь повторимъ только, что чрезвычайно сильно должны были желать либералы союза съ королевской властью, если надѣялись на возможность союза даже съ Карломъ X, который болѣе сорока лѣтъ былъ слѣпымъ орудіемъ феодальной партіи, и если при первомъ ослабленіи его гоненій отказывались отъ всякаго воспоминанія о его враждѣ къ нимъ.

Правда, роялисты кричали, что либералы заставляютъ короля разрушать свою собственную власть, а Карлъ X довѣрчиво слушалъ обвиненія противъ министровъ, будто бы измѣняющихъ интересамъ династіи. Но какими дѣйствіями либераловъ и министерства возбуждались такіе возгласы, лучше всего покажетъ намъ ходъ преній о дѣлѣ, возбудившемъ наибольшее неудовольствіе въ рояли-

стахъ. Эти же самыя пренія представятъ намъ новое доказательство того усердія къ королевской власти, которымъ такъ хвалились роялисты.

Если мы скажемъ, что пренія шли о распоряженіи, поразившемъ роялистовъ въ самое сердце, то читателю останется очень небольшой выборъ между разными предположеніями о предметѣ такого распоряженія. Читатель безъ ошибки можетъ сказать, что либералы и министерство коснулись или феодальныхъ правъ свѣтской аристократіи, или господства іезуитовъ надъ французскимъ духовенствомъ: ничто другое не могло бы довести роялистовъ до крайняго ожесточенія. Дѣйствительно, дѣло шло объ іезуитахъ. Коммиссія, назначенная палатою, открыла, что іезуиты, господствуя подъ разными именами надъ университетскимъ правленіемъ, отважились уже безъ всякаго прикрытія взять въ свои руки восемь семинарій, назначенныхъ для образованія приходскихъ священниковъ. Между тѣмъ, по закону, орденъ іезуитовъ былъ изгнанъ изъ Франціи съ конца XVIII вѣка и законы, его уничтожавшіе, не были отмѣнены: сама конгрегація, руководившая Вильелемъ, не отваживалась формально возстановить орденъ и упорно отрицала его существованіе во Франціи. Теперь палата потребовала дѣйствительнаго исполненія законовъ, уничтожавшихъ іезуитскій орденъ. Министры видѣли необходимость исполнить это всеобщее желаніе французскаго общества, потому что никто не могъ отрицать противузаконности допущенія іезуитовъ во Францію. Министры убѣдили короля издать два повелѣнія, которыми отнималось у іезуитовъ управленіе школами, открыто имъ отданными. Іезуиты не изгонялись изъ королевства, какъ слѣдовало бы по закону: либералы, какъ видимъ, были очень уступчивы: они настояли только на томъ, чтобы преподаваніе не дозволялось такимъ лицамъ, которыя принадлежатъ къ какому нибудь изъ орденовъ, недопускаемыхъ французскими законами. Мягкость либераловъ простиралась до того, что даже имя іезуитовъ не было упомянуто въ королевскихъ повелѣніяхъ: министры ограничились деликатнымъ обозначеніемъ ихъ подъ формою общей фразы объ орденахъ, недопускаемыхъ закономъ.

Мало того, королевскія повелѣнія, отнимавшія управленіе надъ школами у іезуитовъ, назначили въ пособіе духовнымъ семинаріямъ 1,200,000 франковъ; казалось бы, такой подарокъ достаточно свидѣтельствовалъ объ отсутствіи нерасположенія къ духовенству въ либералахъ. Прибавимъ, что министромъ духовныхъ дѣлъ былъ назначенъ человѣкъ изъ духовнаго сословія. Но этотъ человѣкъ, аббатъ Фётрье, епископъ Бовесскій, не былъ іезуитъ, а король, хотя и со всевозможной мягкостью, рѣшился отстранить іезуитовъ отъ преподаванія. Этого было довольно для того, чтобы всѣ роялисты подняли ожесточенный крикъ противъ личности короля и королевской власти. Роялистскія газеты объявили аббата Фётрье Іуліаномъ-отступникомъ, а Карла X Нерономъ и Діоклитіаномъ. Епископы собрались и обнародовали декларацію, отвергавшую права королевской власти и говорившую слѣдующимъ образомъ: „нижеподписавшіеся епископы въ тайнѣ святилища, предъ лицомъ всемогущаго Судіи, съ мудростью и незлобіемъ, по словамъ Божественнаго Учителя, разсматривали вопросъ о томъ, что они обязаны воздавать кесарю и что обязаны воздавать Богу. Совѣсть отвѣчала имъ, что лучше повиноваться Богу, нежели людямъ, когда повиновеніе, которымъ они прежде всего обязаны Богу, несовмѣстимо съ повиновеніемъ, требуемымъ у нихъ людьми, и по примѣру Апостоловъ они говорятъ: Non possumus, не можемъ

повиноваться". Подъ этою декларацією подписались почти всѣ французскіе епископы.

Повидимому король былъ совершенно въ своемъ правѣ, предписывая исполнить законъ. Роялисты громко объявили, что не могутъ повиноваться королю, и рѣшили напечатать декларацію епископовъ въ числѣ ста тысячъ экземпляровъ для раздачи во всѣхъ церквахъ королевства. Правительство принуждено было обратиться къ папѣ; онъ объявилъ королевскія повелѣнія совершенно справедливыми. Тогда епископы должны были покориться, по крайней мѣрѣ формальнымъ образомъ; но сопротивленіе роялистовъ волѣ короля не окончилось: съ той поры однимъ изъ лозунговъ роялистской партіи становится непреклонная защита совершенной независимости преподаванія отъ правительства. Наблюденіе правительства за преподаваніемъ, заговорили роялисты, нарушаетъ свободу совѣсти; оно нарушаетъ конституцію; оно составляетъ ужасное варварство. Въ теченіе тридцати лѣтъ, прошедшихъ съ того времени, роялисты ни на минуту не прекращали ожесточенныхъ нападеній на всякую власть, мѣшавшую іезуитамъ снова овладѣть свѣтскимъ и духовнымъ образованіемъ.

Феодально-іезуитская партія скоро успѣла снова овладѣть Карломъ X, и король съ нетерпѣніемъ смотрѣлъ на министерство, не угождавшее всѣмъ ея требованіямъ. Обстоятельство, собственно истолкованное ошибочнымъ образомъ, доставило роялистамъ случай убѣдить его въ томъ, что онъ вовсе не нуждается въ поддержкѣ либераловъ.

Осенью 1828 года Карлъ X вздумалъ присутствовать при маневрахъ кавалерійскаго корпуса, собраннаго близъ Люневилля. Восточные департаменты наиболѣе проникнуты либеральнымъ духомъ. Масса французскаго населенія была тогда убѣждена, что Карлъ оставилъ свое прежнее нерасположеніе къ либераламъ. Въ самомъ дѣлѣ, домашнія сношенія его съ предводителями роялистовъ оставались придворной тайной; напротивъ, при всѣхъ оффиціальныхъ случаяхъ король былъ очень любезенъ съ либералами; пожаловалъ даже орденъ Почетнаго Легіона одному изъ главныхъ между ними, Казимиру Перье; министерство открыто опиралось на либеральную партію въ палатѣ. Обманутые этими наружными признаками, жители восточныхъ департаментовъ съ энтузіазмомъ встрѣчали Карла во время его поѣздки, привѣтствуя въ королѣ мнимаго покровителя либеральной партіи. Непроницательный Карлъ X совершенно обманулся въ смыслѣ пріема, какой находилъ повсюду: онъ вообразилъ, что радостныя привѣтствія свидѣтельствуютъ не объ удовольствіи народа отъ либеральныхъ мѣръ министерства, а просто о безотчетной привязанности націи къ Бурбонамъ. Онъ возвратился изъ путешествія съ преувеличенными понятіями о своемъ могуществѣ надъ умами французовъ и черезъ нѣсколько времени, повинуясь внушеніямъ роялистовъ, рѣшился замѣнить прежнихъ министровъ другими, вполнѣ выражавшими тенденцію самыхъ опрометчивыхъ роялистовъ. 8 августа 1829 года Мартиньякъ и его товарищи были уволены и власть вручена министерству, предсѣдателемъ котораго явился князь Полиньякъ, представитель партіи неумолимо-враждебной всѣмъ новымъ интересамъ и самымъ жаркимъ образомъ кричавшей о необходимости возстановить старинныя феодальныя учрежденія. Роялистскія газеты во всеуслышаніе разтолковали намѣренія новаго кабинета: Франція увидѣла, что Карлъ X безвозвратно и безусловно сдѣлалъ себя исполнителемъ реакціонныхъ желаній роялистской партіи.

Съ этой минуты политика партій отказывается отъ прежнихъ колебаній между свободою и поддержкою правительства. Либералы становятся рѣшительными противниками, роялисты дѣйствительно приверженцами короля, согласившагося быть слѣпымъ орудіемъ феодальной партіи. Скоро борьба изъ палаты депутовъ переходитъ на улицу и кончается паденіемъ Бурбоновъ вмѣстѣ съ роялистами, увлекавшими ихъ къ погибели ради достиженія цѣлей, не имѣвшихъ никакого интереса для самой династіи и полезныхъ только для феодаловъ.

Здѣсь, передъ послѣдней катастрофой, мы остановимся, чтобы, бросивъ общій взглядъ на прошедшее время, точнѣе объяснить себѣ, какими отношеніями была вызвана и рѣшена эта катастрофа.

Три силы участвовали въ подготовленіи насильственной развязки: королевская власть, либералы и роялисты; исходъ борьбы, ими начатой, былъ рѣшенъ внезапнымъ вмѣшательствомъ четвертой силы, на которую до той поры никто не обращалъ вниманія, никто не разсчитывалъ,—вмѣшательствомъ народа.

Мы ставимъ совершенно различными силами короля и роялистовъ; точно также мы совершенно различаемъ народъ отъ либераловъ. Многіе сливаютъ обѣ побѣжденныя силы въ одно неразрывное цѣлое, обѣ побѣдившія силы также смѣшиваютъ въ одномъ понятіи. Послѣ предыдущаго очерка читатель вѣроятно согласится, что династія и роялисты, дѣйствуя заодно въ послѣднемъ актѣ реставраціи, вступали между собою только въ союзъ, зависѣвшій отъ временныхъ обстоятельствъ, не имѣвшій ничего неизбѣжнаго по существеннымъ интересамъ той и другой силы, совершенно различнымъ. Факты, которые представятся намъ ниже, укажутъ, что и союзъ народа съ либералами былъ явленіемъ только временнымъ. Будемъ же строго различать одинъ отъ другаго эти четыре элемента и, выставивъ сущность каждаго изъ нихъ въ тогдашней Франціи, покажемъ ихъ взаимныя отношенія, подъ вліяніемъ которыхъ совершились іюльскіе дни.

Начнемъ съ королевской власти, направленіе которой рѣшило ходъ событій. Монархическая власть можетъ существовать въ двухъ формахъ: самодержавной и конституціонной. Всѣ факты прошедшаго говорятъ, что неограниченная форма монархіи возникала изъ борьбы между аристократіею и демократіею, опираясь на демократію. Въ Греціи тюранны были предводителями демократовъ и получили свою власть низверженіемъ аристократическаго устройства обществъ. Императоры въ Римѣ также вышли изъ предводителей демократической партіи. Тоже было во всѣхъ новыхъ государствахъ западной Европы. Особенно рѣзко выражается это въ исторіи Франціи. Вся сила королей была пріобрѣтена борьбою противъ феодаловъ, въ которой короли опирались на массу народа. Людовикъ XI и Ришлье, наиболѣе содѣйствовавшіе утвержденію самодержавія во Франціи, оба ненавидѣли аристократовъ не меньше, чѣмъ Робеспьеръ, и казнили ихъ съ такою же безпощадностью. Самъ Людовикъ XIV, пока еще сохранялъ умственныя силы, держалъ аристократовъ подъ очень суровымъ ярмомъ. Подобное явленіе продолжается до сихъ поръ въ тѣхъ государствахъ западной Европы, гдѣ сохраняется монархія свободною отъ конституціи. Австрія побѣдила конституціонныя стремленія только тѣмъ, что въ 1848 — 49 годахъ была поддержана демократическими славянами своихъ восточныхъ областей противъ аристократическихъ венгровъ, составлявшихъ главную силу конституціонной партіи. Этотъ фактъ очень знаменателенъ. Сербы, кроаты, словаки были демократами вдвойнѣ: и по внутреннему своему устройству,

и по своему отношенію къ венграмъ. У нихъ нѣтъ въ самыхъ ихъ племенахъ аристократическаго элемента; съ тѣмъ вмѣстѣ всѣ ихъ племена въ общей массѣ были подчинены венгерскому племени, какъ будто низшее сословіе высшему. Точно также и венгры были вдвойнѣ аристократами: внутри ихъ племени владычествовали аристократическія учрежденія и преданія, а все племя въ цѣломъ составляло аристократію венгерскаго королевства среди подчиненныхъ славянскихъ племенъ. Такихъ фактовъ, когда абсолютизмъ австрійскій торжествовалъ надъ своими внутренними врагами только силою низшихъ сословій, безчисленное множество въ его исторіи. Припомнимъ еще только два случая. Когда галиційскіе аристократы стали страшны, Вѣна дала нѣкоторый просторъ русинскому простонародію, и радикальное движеніе 1846 года возвратило ей абсолютную власть надъ Галиціею. Черезъ два года Кудличъ на вѣнскомъ сеймѣ отвергалъ всякое примиреніе своего сословія съ тѣмъ классомъ, который всего сильнѣе поддерживалъ конституціонное стремленіе. Съ другой стороны, исторія конституціонныхъ правительствъ показываетъ, что они держались преимущественно силою аристократіи. Классическій примѣръ тому представляетъ Англія. Въ самомъ дѣлѣ, логическая необходимость приводитъ къ возстанію противъ неограниченной формы сословіе богатыхъ и могущественныхъ фамилій. Онѣ находятъ обезпеченіе своей громадной собственности и своему личному достоинству только тогда, когда достигаютъ независимаго управленія государственными дѣлами. Неограниченная власть монарха представляется для нихъ силою, которая можетъ лишить каждую фамилію ея богатствъ, можетъ измѣнить и общественное положеніе всего ихъ сословія. Притомъ же неограниченная монархія всегда управляла государствомъ посредствомъ бюрократіи, подрывающей всѣ основы аристократическаго устройства.

Такимъ образомъ, если бы Бурбоны во время реставраціи заботились о выгодахъ своей власти, они нашли бы самымъ выгоднымъ для себя дѣломъ поддерживать народъ противъ аристократіи. Это стремленіе возвысило бы ихъ надъ обѣими боровшимися партіями, которыя обѣ были ограничены узкимъ кругомъ аристократическихъ понятій. Доказывать аристократизмъ роялистовъ нѣтъ нужды. Но должно привести хотя два три факта, которые показали бы ту же тенденцію и въ либерализмѣ временъ реставраціи. Первымъ и самымъ яснымъ признакомъ аристократическихъ тенденцій можетъ служить симпатія либераловъ къ англійскому устройству, въ которомъ и до сихъ поръ преобладаетъ, а тогда исключительно владычествовала аристократія. Знаменитѣйшими учителями либераловъ были Монтескьё и Бенжаменъ-Констанъ. „Духъ законовъ“ Монтескьё, служившій настольною книгою для либераловъ, съ первой строки до послѣдней внушенъ безграничнымъ удивленіемъ къ англійскому государственному устройству. Бенжаменъ-Констанъ, преемникъ Монтескьё въ дѣлѣ теоретическаго образованія либеральной партіи, также почти всѣ свои мысли заимствовалъ у англичанъ. Даже второстепенные наставники либераловъ, какъ, напримѣръ, Ройе-Коляръ, были всѣ проникнуты тѣмъ же духомъ, котораго и до сихъ поръ держатся представители французской либеральной партіи въ строгомъ смыслѣ слова, отъ Ремюза и Дювержье де-Горанна до Гизо. Иначе быть не могло уже по одному общественному положенію либераловъ. Масса этой партіи состояла изъ людей богатыхъ или, по крайней мѣрѣ, очень зажиточныхъ. Они были совершенно довольны прежнимъ (1817—1820 г.) избирательнымъ цензомъ въ 300 франковъ прямыхъ податей; при такомъ цензѣ большинство людей

ихъ партіи уже дѣлалось избирателями, а этотъ цензъ предполагаетъ капиталъ не менѣе 60,000 франковъ. Либеральныя газеты очень часто прямымъ образомъ высказывали свое отвращеніе отъ мысли опираться на низшіе классы. Приведемъ одинъ примѣръ изъ того времени, когда уже предвидѣлась близость рѣшительной битвы, когда либералы старались собрать всѣ свои силы и дорожили каждымъ союзникомъ: даже и въ то время они рѣзко отвергали призывъ народа къ участію въ политическихъ дѣлахъ. За два или за три дня до объявленія войны знаменитыми іюльскими повелѣніями, одинъ изъ роялистскихъ журналовъ, смѣясь надъ стремленіемъ либераловъ доставить власть торговому сословію, говорилъ: „либералы не хотятъ ни владычества солдатъ, на владычества мужиковъ: они хотятъ владычества купцовъ. Но чѣмъ же мужики хуже купцовъ? Пусть либералы подумаютъ, что противъ купцовъ можно поставить мужиковъ". Угроза была, конечно, далека отъ исполненія; роялисты, увѣренные въ своихъ силахъ, не имѣли еще серьезной мысли обратиться за помощью къ поселянамъ; но въ ихъ журналахъ уже довольно часто являлись тогда намеки о возможности подобной политики. Они уже говорили, что если либералы недовольны тогдашнимъ (1820—1830 г.) избирательнымъ цензомъ въ 1000 франковъ, то можно вмѣсто пониженія ценза совершенно отмѣнить его и предоставить право голоса каждому французу безъ различія состоянія. Такимъ образомъ уже намекалось на политику, слѣдовать которой начали роялисты послѣ 1830 года, когда ихъ лозунгомъ сдѣлался suffrage universel. Теперь пока угроза не была еще серьёзна и либералы могли бы оставить ее безъ отвѣта, если бы сколько нибудь колебались обнаружить свои чувства къ низшимъ сословіямъ. Но они никогда не хотѣли пользоваться содѣйствіемъ простонародья и потому не колеблясь приняли вызовъ роялистовъ высказаться объ этомъ предметѣ. Вотъ что отвѣчалъ роялистамъ „National", бывшій тогда представителемъ крайняго либерализма между большими газетами: „Газета, совершенно сочувствующая министерству, говоритъ намъ: „не хотятъ ни штыковъ, ни деревянныхъ башмаковъ, хотятъ торговыхъ свидѣтельствъ. Чѣмъ же торговыя свидѣтельства лучше деревянныхъ башмаковъ? Совѣтуемъ подумать объ этомъ". Эта черта еще лучше исторіи оратора угольщика (объ этой исторіи мы должны будемъ упомянуть послѣ) характеризуетъ отчаянное положеніе нашихъ реакціонеровъ. Они стали въ противорѣчіе съ общественнымъ мнѣніемъ страны, не могутъ жить въ согласіи ни съ палатами, законными представительницами страны, ни съ газетами, столь же законными ея представительницами, ни съ независимыми судебными властями, подчиненными одному закону; разумѣется, послѣ этого нужно имъ искать націю внѣ той націи, которая читаетъ газеты, которая интересуется преніями палатъ, которая располагаетъ капиталами, управляетъ промышленностью и владѣетъ землею; имъ надобно спуститься до низшихъ слоевъ населенія, гдѣ уже не встрѣчается общественнаго мнѣнія, гдѣ едвали находится хотя какой нибудь политическій смыслъ, гдѣ копошатся тысячи существъ, добрыхъ, прямыхъ, простодушныхъ, но легко обманываемыхъ и ожесточаемыхъ, живущихъ со дня на день, проводящихъ каждый часъ своей жизни въ борьбѣ съ нуждою, не имѣющихъ ни времени, ни физическаго и умственнаго отдыха, необходимаго, чтобы хотя иногда подумать о политическихъ дѣлахъ. Вотъ нація, которою окружить престолъ хотѣли бы нѣкоторые изъ нашихъ реакціонеровъ. Въ самомъ дѣлѣ, кто отвергаетъ законы, тотъ долженъ броситься въ объятія черни". Такой языкъ былъ обычнымъ у либераловъ, когда за-

ходила рѣчь о простомъ народѣ. Онъ достаточно свидѣтельствуетъ, похожи ли были сколько нибудь либералы на демагоговъ. Отношеніе между ними и роялистами было таково же, какъ между вигами и тори въ Англіи. Обѣ враждовавшія партіи отвращались не только демагогіи, но и всякаго демократизма; разница между ними была лишь въ томъ, что одна партія была болѣе исключительна въ своемъ аристократизмѣ, чѣмъ другая; одна хотѣла исключительной аристократіи богатыхъ землевладѣльцевъ изъ старинныхъ фамилій, какъ тори въ Англіи: другая, подобно вигамъ, опиралась на промышленные интересы и, понимая невозможность аристократіи въ смыслѣ XVII вѣка, расширяла кругъ этого понятія на все сословіе, пользующееся фактическимъ перевѣсомъ въ народной жизни. Одна партія хотѣла возвратить власть надъ народомъ сословію, нѣкогда господствовавшему, но утратившему свою силу вслѣдствіе революціи; другая хотѣла сохранить преобладаніе настоящихъ властелиновъ общественной жизни; но та и другая одинаково хотѣла подчиненія народа немногочисленному сословію.

При такихъ обстоятельствахъ, какой путь былъ самымъ выгоднымъ для королевской власти? На какую изъ трехъ существовавшихъ во Франціи силъ должна она была опираться: на массу народа, на либераловъ или роялистовъ? Здравый смыслъ указывалъ на союзъ съ народомъ, какъ на самую выгодную политику. Народъ въ то время еще не думалъ о политическихъ правахъ; забота о его матеріальномъ благосостояніи была бы совершенно достаточной приманкой для пріобрѣтенія его преданности Бурбонамъ. Если Бурбонамъ была противна конституція и свобода книгопечатанія, они только въ народѣ нашли бы союзника, не требовавшаго этихъ вещей. Не имѣя ни въ роялистахъ, ни въ либералахъ покровителей себѣ, оставаясь совершенно безпомощнымъ, народъ очень дешево продалъ бы свой союзъ. Чтобы купить его любовь, довольно было одной той политики, которой слѣдуетъ каждое дѣльное правительство, и въ самодержавныхъ, и въ конституціонныхъ, и въ республиканскихъ государствахъ, довольно было заботы о возвышеніи благосостоянія въ низшихъ классахъ, отъ котораго, какъ извѣстно, зависятъ и увеличеніе государственныхъ доходовъ, и внѣшнее могущество государства. Требуя наименѣе пожертвованій, союзъ династіи съ народомъ приносилъ и наиболѣе выгодъ. Въ ежедневныхъ мелкихъ дѣлахъ правительственной жизни вліяніе народа чувствуется мало. Не только въ самодержавныхъ государствахъ, но и въ Англіи, и въ Соединенныхъ Штатахъ правительство можетъ издавать множество законовъ и распоряженій, независимо отъ народнаго желанія или участія, встрѣчая одобреніе или охужденіе только въ партіяхъ высшаго и средняго сословій. Но какова бы ни была государственная политика, она всегда, удовлетворяя одной части этихъ сословій, возбуждаетъ неудовольствіе въ другой, по неизбѣжной противуположности различныхъ общественныхъ интересовъ и теорій. Такимъ образомъ политическая жизнь всегда является тяжбою нѣкоторой части образованныхъ сословій противъ другой части тѣхъ же сословій и противъ правительства, проводящаго интересы этой части. Извѣстно, что тяжба оканчивается въ первой инстанціи только тогда, когда предметъ ея ничтоженъ; когда же проигрышъ одной стороны и выигрышъ другой значителенъ, за рѣшеніемъ первой инстанціи неизбѣжно слѣдуетъ апелляція, какъ въ частномъ, такъ и въ государственномъ процессѣ. Пока недовольная политикою правительства часть образованныхъ сословій не видитъ никакихъ важныхъ мѣръ, или не убѣдилась въ непреклонности на-

правленія со стороны другой части, пользующейся силою правительства, процессъ остается, такъ сказать, въ первой инстанціи, ограничиваясь словами и бумагою. Но неизбѣжно идетъ это дѣло къ дальнѣйшему развитію, при которомъ первоначальныя средства веденія тяжбы представляются для проигрывающихъ уже неудовлетворительными и должна быть призвана въ помощь высшая сила. Въ государственномъ процессѣ, послѣ первой инстанціи, послѣ слова и бумаги, этою высшею инстанціею представляется фактическое, физическое могущество, лежащее во всей цѣлости населенія. Такимъ образомъ коренное основаніе всѣхъ государственныхъ отношеній заключается въ расположеніи населенія, какъ при частныхъ отношеніяхъ оно заключается въ законѣ. Я, частный человѣкъ, удерживаю свои права только тѣмъ, что при всякомъ важномъ столкновеніи указываю на законъ. Въ государственномъ процессѣ ту же роль играетъ населеніе, и въ сущности все основано на предполагаемой вѣроятности образа его дѣйствій въ пользу той или другой стороны.

Такимъ образомъ и Бурбоны могли оставаться совершенно спокойными за свою власть, если бы надѣялись, что сила, на апелляцію къ которой переносится дѣло, объявитъ себя въ ихъ пользу при случаѣ апелляціи. Еслибы населеніе было за нихъ, они могли съ равнодушною улыбкою смотрѣть на борьбу парламентскихъ партій, пока имъ хотѣлось смотрѣть на нее, и могли бы легко сокрушить ту или другую партію, или и обѣ партіи разомъ, когда бы имъ то вздумалось; но, къ своему несчастію, они вовсе не думали сдѣлаться покровителями народныхъ интересовъ. Чѣмъ объяснить эту гибельную ошибку? Какъ могли они лишить себя союза, возможнаго за столь дешевую цѣну и ограждавшаго ихъ отъ всякихъ опасностей? На этотъ вопросъ само собою найдется отвѣтъ послѣ, когда разсмотримъ отношенія и интересы двухъ другихъ общественныхъ силъ, либерализма и роялизма; а теперь, занимаясь соображеніемъ о томъ, какіе союзы наиболѣе выгодны были для королевской власти, мы должны поочерено разсмотрѣть отношенія интересовъ ея къ двумъ другимъ силамъ тогдашней Франціи, къ роялизму и либерализму.

Отвергнувъ наивыгоднѣйшій для себя союзъ, оставивъ народъ въ пренебреженіи, династія могла еще избирать между двумя партіями, на которыя раздѣлялись средній и высшій классы. Содѣйствіе той и другой партіи одинаково не могло быть пріобрѣтено иначе, какъ подчиненіемъ правительства конституціонному порядку. Относительно либераловъ, вообще извѣстныхъ за приверженцевъ конституціи, неизбѣжность этой уступки не нуждается въ доказательствахъ; намъ кажется, что читатель видѣлъ ту же самую необходимость относительно роялистской партіи, которая обманывала многихъ своимъ именемъ, говорящимъ о какой-то особенной преданности престолу.

Мы говорили о враждѣ роялистовъ къ тѣмъ королямъ, которые не поддавались безусловно ихъ требованіямъ,— говорили, что они интриговали для отнятія жизни у Людовика XVI, преслѣдовали Людовика XVIII,— что задушевною ихъ мыслью было заставить его отказаться отъ престола. Во всѣ тѣ періоды, когда роялисты не располагали безусловно правительственною властью (при министерствахъ Ришльё, Деказа и Мартиньяка), они энергически требовали уменьшенія правительственныхъ правъ. Когда же они располагали правительственною властью (при министерствѣ Вильеля), они пользовались ею исключительно для доставленія денежнаго и политическаго могущества прежнимъ феодальнымъ классамъ, но не из-

дали ни одного закона, которымъ увеличивались бы права короля. Избирательный цензъ въ 1,000 франковъ, возстановленіе майоратствъ, выдача милліарда франковъ эмигрантамъ,—всѣ эти мѣры были выгодны исключительно только стариннымъ аристократическимъ фамиліямъ, не имѣя ровно никакой связи съ интересами королевской власти. Наконецъ, когда роялисты склонили Карла X на изданіе знаменитыхъ іюльскихъ повелѣній, они опять имѣли въ виду только выгоды феодальной партіи, и перемѣны, вводимыя этою экстренною мѣрою въ устройствѣ Франціи, не приносили никакой выгоды королевской власти. Одно изъ этихъ повелѣній измѣняло способъ выборовъ въ палату депутатовъ такъ, чтобы богатые землевладѣльцы безъ всякихъ соперниковъ посылали въ палату своихъ партизановъ. Палата состояла бы исключительно изъ роялистовъ—для нихъ, разумѣется, это было очень пріятно. Но что выигрывала королевская власть? Измѣнялись ли отношенія палаты къ ней? Сущность конституціоннаго правленія состоитъ въ томъ, что король ничего не можетъ дѣлать безъ согласія министровъ, а министрами назначаются тѣ люди, которыхъ желаетъ большинство палаты, низвергающее ихъ, какъ скоро становится недовольно ими,—измѣнялся ли сколько нибудь этотъ порядокъ? Ограничивалось ли вліяніе палаты депутатовъ на министерство, отъ имени короля управляющее государствомъ сообразно волѣ не короля, а палаты? Ни мало. Палата продолжала быть источникомъ и властителемъ правительства, король по прежнему оставался въ зависимости отъ ея желаній. Другое повелѣніе возстановляло цензуру для газетъ, и ставило ихъ въ совершенную зависимость отъ министерства. Тутъ опять очевидно выигрывали роялисты: первое повелѣніе отдавало въ ихъ руки палату депутатовъ и министерство, потому они черезъ министерство владычествовали бы надъ газетами. Не пріобрѣтая власти надъ министерствомъ, король не пріобрѣталъ ничего чрезъ расширеніе министерскаго господства надъ газетами. Не служа къ увеличенію его власти, цензура съ тѣмъ вмѣстѣ вовсе и не нужна была для огражденія его правъ или его личнаго достоинства: газеты и безъ цензуры не могли и не имѣли охоты возставать противъ его личности и его правъ. Не могли, потому что онъ былъ огражденъ отъ ихъ нападеній особенными законами, существовавшими прежде. Не имѣли охоты, потому что полемика въ газетахъ, подобно преніямъ въ палатахъ, относилась вовсе не къ лицу или правамъ короля — онъ былъ выше преній и полемики — а только къ министерству, налагаемому на короля не его волею, а волею палаты депутатовъ, и къ мнѣніямъ партій, которыя, повторяемъ, спорили между собою вовсе не объ интересахъ короля, а о своихъ собственныхъ интересахъ, не имѣвшихъ никакой связи съ интересами династіи. Королю цензура была не нужна, и ея возстановленіе не увеличивало его правъ. Прочитавъ іюльскія повелѣнія, погубившія Бурбоновъ, каждый убѣдится, что король не могъ для себя извлечь изъ нихъ ровно никакой выгоды и что роялисты, заставляя его дѣлать опасную для престола попытку, имѣли въ виду единственно свою пользу. Вообще, какъ мы сказали, если залогомъ союза короля съ либералами могло быть только конституціонное устройство, то роялисты никогда не думали уступать большей ему власти: они были въ этомъ отношеніи требовательны никакъ не менѣе либераловъ.

Напротивъ, они были болѣе требовательны. Союзникъ вообще показываетъ себя тѣмъ уступчивѣе, чѣмъ болѣе убѣжденъ, что наше доброе расположеніе къ нему зависѣло совершенно отъ нашей воли; онъ тѣмъ менѣе цѣнитъ нашу дружбу,

чѣмъ сильнѣе убѣжденъ, что мы не можемъ сблизиться съ его врагами, какъ бы ни держалъ онъ себя относительно насъ. Роялисты были увѣрены, что Бурбоны никакъ не вздумаютъ серьёзно отказаться отъ покровительства, то есть въ сущности отъ служенія, ихъ партіи; они считали себя имѣющими какъ бы прирожденное право на королевское благорасположеніе, потому очень равнодушно принимали все, что дѣлали для нихъ Бурбоны, и чрезвычайно обидчиво сердились на династію за малѣйшее невниманіе къ ихъ желаніямъ. Они воображали себя какъ будто благодѣтелями Бурбоновъ, смотрѣли на нихъ будто на своихъ неоплатныхъ должниковъ, обязанныхъ быть предупредительными, любезными до подобострастія къ ихъ партіи вообще и къ каждому изъ нихъ въ особенности. Совсѣмъ иное было положеніе либераловъ. Они видѣли, что Бурбоны имѣютъ гораздо больше наклонности къ роялистамъ, нежели къ нимъ, потому принимали за чрезвычайную уступку, за достойное самой выспренней благодарности самоотреченіе каждую малѣйшую— хотя бы даже только видимую снисходительность Бурбоновъ къ либеральной партіи. Роялисты держали себя въ Тюльери домашними людьми, очень безцеремонными товарищами хозяина, съ которымъ щепетливо считались каждымъ сколько нибудь непріятнымъ для нихъ словомъ. Но стоило королю сказать при какомъ нибудь оффиціальномъ пріемѣ хотя одно мягкое слово либералу, и вся либеральная партія приходила въ восторгъ. Давая королю мѣдныя гроши, роялисты требовали взамѣнъ золотыхъ монетъ; либералы готовы были безвозмездно принести въ жертву и себя и всѣ свои богатства, лишь бы только онъ согласился принять ихъ *). Конечно, либералы жаловались на Бурбоновъ, но ихъ жалобы имѣли тонъ отвергаемой дружбы. Либералы желали не паденія Бурбоновъ, а только обращенія ихъ къ либерализму, для ихъ собственной выгоды. До такой степени чуждалась либеральная партія мыслей враждебныхъ интересамъ династіи, что не хотѣла вѣрить паденію Бурбоновъ даже тогда, когда оно было уже рѣшено битвою на парижскихъ улицахъ, и если въ комъ еще остается сомнѣніе объ искренней преданности либераловъ Бурбонамъ, послѣдніе остатки недовѣрія будутъ разсѣяны разсказомъ о томъ, какъ держали себя либералы въ продолженіе переворота, противъ желанія либеральной партіи произведеннаго парижскимъ населеніемъ.

Союзъ съ либералами долженъ былъ бы казаться Бурбонамъ пріятнѣе дружбы съ роялистами, потому что либералы были меньше требовательны, нежели роялисты.

*) Нѣтъ надобности напоминать читателю, что мы говоримъ о массѣ либеральной партіи, о собственно такъ называемыхъ либералахъ. Изъ 221 либераловъ, вотировавшихъ знаменитый адресъ 1829 года (о которомъ будемъ говорить ниже), было пять или шесть человѣкъ, имѣвшихъ другія чувства,—но эти люди исчезали въ массѣ, на которую вовсе не имѣли вліянія. Орлеанская партія до 1830 года не смѣла и думать о близкомъ исполненіи своихъ желаній, и была чрезвычайно малочисленна,—къ Лафиту примкнуло нѣсколько депутатовъ только уже вслѣдствіе іюльскихъ событій, да и то по невозможности найти иное спасеніе своимъ монархическимъ убѣжденіямъ, кромѣ возведенія на престолъ принца Орлеанскаго. Республиканцевъ до 1830 года было во всей Франціи всего нѣсколько человѣкъ, да и тѣ, даже среди іюльскаго торжества инсургентовъ, не считали возможнымъ учрежденіе республики во Франціи,—республика представлялась для нихъ отвлеченнымъ и дальнимъ идеаломъ, въ родѣ того, какъ какому нибудь китайцу нынѣ можетъ представляться обращеніе Китая въ Европейское государство, чего конечно ни одинъ разсудительный человѣкъ въ Китаѣ не можетъ ожидать видѣть при своей жизни. Надобно строго различать теоретическія убѣжденія отъ стремленій, питаемыхъ человѣкомъ относительно практической жизни настоящаго времени, опредѣляемыхъ надеждою на возможность. Теоретически, каждый изъ насъ скажетъ, что лучше было каждому безъ исключенія русскому молодаго поколѣнія учиться въ университетѣ,—на практикѣ, мы восхищались бы уже и тѣмъ, если бы найдена была возможность хотя одному изъ десяти нашихъ молодыхъ соотечественниковъ кончать курсъ въ уѣздномъ училищѣ.

Съ тѣмъ вмѣстѣ, онъ былъ бы и гораздо важнѣе для прочности династіи. Конечно, ни роялисты, ни либералы не составляли массу населенія во Франціи; мы уже говорили много разъ, что если бы династія опиралась на народъ, она могла бы господствовать надъ обѣими партіями, изъ которыхъ каждая оставалась бы въ такомъ случаѣ гораздо слабѣе династіи. Но мы также говорили, что династія не озаботилась привлечь къ себѣ массу населенія заботами о ея выгодахъ, и народъ, никѣмъ не призываемый къ участію въ дѣлахъ, не налагалъ еще свою тяжелую руку ни на одну изъ двухъ чашекъ вѣсовъ политическаго могущества. На политической аренѣ были только либералы и роялисты. Которая же изъ двухъ партій сильнѣе? Въ этомъ не могло быть никакого сомнѣнія. Въ рукахъ либераловъ была вся торговля, вся промышленность Франціи, они владычествовали на биржѣ; они располагали кредитомъ. Отъ Лафита, богатѣйшаго банкира тогдашней Франціи, до послѣдняго лавочника или хозяина какой нибудь маленькой мастерской, всѣ буржуа были проникнуты либерализмомъ. На сторонѣ роялистовъ была только большая поземельная собственность; но если каждый роялистскій землевладѣлецъ въ отдѣльности былъ богаче либерала—землевладѣльца, владѣвшаго имѣньемъ средней величины, то массѣ либераловъ, даже и изъ поземельной собственности, принадлежала часть болѣе значительная, нежели массѣ роялистовъ, потому что при раздробленности имѣній вслѣдствіе революціонныхъ продажъ, участки средней величины занимали болѣе значительное пространство территоріи, нежели огромныя помѣстья, уцѣлѣвшія отъ феодальныхъ временъ.

Сами по себѣ, либералы были сильнѣе роялистовъ; но еще гораздо выгоднѣе былъ для династіи союзъ съ ними потому, что онъ обезпечивалъ бы ихъ отъ всякой опасности со стороны массы населенія. Это соображеніе было такъ просто, что не могло бы ускользнуть ни отъ одного изъ друзей династіи, если бы они хотя сколько нибудь знали чувства народа. Къ сожалѣнію, изъ людей, близкихъ къ Бурбонамъ, не было ни одного, знающаго народъ, а были очень многіе безъ всякаго понятія о чувствахъ народа, питавшіе къ нему недовѣріе и передавшіе это недовѣріе Бурбонамъ. По странному сочетанію противорѣчащихъ идей въ одной и той же головѣ, сочетанію, которое такъ часто встрѣчается въ жизни, эти люди и сами Бурбоны, не заботясь объ удовлетвореніи народныхъ желаній и нуждъ, не заботясь даже о томъ, чтобы хотя сколько нибудь ознакомиться съ ними, питая ужасъ къ каждому движенію народа, лелѣяли себя увѣренностью что и безъ всякихъ посредничествъ масса населенія проникнута непоколебимою преданностью къ Бурбонамъ.

Мы видѣли, какой политики требовали со стороны Бурбоновъ ихъ собственныя выгоды, и какъ не нуженъ, какъ противенъ истинному положенію ихъ интересовъ былъ ихъ союзъ съ роялистами; чтобы еще яснѣе убѣдиться въ этомъ, намъ должно теперь посмотрѣть на взаимныя отношенія общественныхъ силъ спустившись на низшую ступень общественной лѣстницы, которую мы обозрѣвали съ вершины ея. Изложивъ интересы королевской династіи, мы теперь попробуемъ изложить чувства и интересы массы населенія.

Она, какъ мы говорили, не принадлежала собственно ни къ роялистамъ, ни къ либераламъ. Необходимость слишкомъ тяжелаго и продолжительнаго физическаго труда для скуднаго поддержанія жизни не оставляла ей въ періодъ реставраціи во Франціи, какъ до сихъ поръ не оставляла нигдѣ и никогда въ новой

Европѣ, времени для постояннаго занятія государственными дѣлами. Не имѣя ни навыка къ тому, ни образованія, нужнаго для того, чтобы составить себѣ систему политическихъ убѣжденій, народъ обыкновенно даже не хотѣлъ присматриваться къ вещамъ, которыя дѣлаются и говорятся высоко надъ нимъ въ парламентѣ, въ журналистикѣ и въ административныхъ сферахъ. Но эта масса, обыкновенно остающаяся неподвижною въ политическомъ волненіи, играющемъ на поверхности національной жизни, не лишена совсѣмъ преданій и чувствъ, которыя приводятъ ее въ движеніе, когда затрогиваются.

Во французскомъ народѣ самымъ живымъ преданіемъ было воспоминаніе о національной славѣ, какою блистала Франція при Наполеонѣ. Подъ этимъ воспоминаніемъ таилось еще болѣе сильное чувство привязанности къ новому гражданскому устройству и ненависти къ стариннымъ феодальнымъ правамъ, разрушеннымъ революціею. Народъ дорожилъ новыми учрежденіями потому, что они улучшили его матеріальное положеніе сравнительно съ тою гульбою, какую имѣлъ онъ въ прежнія времена. Но съ другой стороны, улучшеніе, хотя и очень чувствительное, не было такъ велико, чтобы масса народа была очень довольна своимъ настоящимъ.

По сущности своихъ понятій, народъ не имѣлъ сознательнаго предпочтенія къ той или другой политической системѣ. Конституцію или, какъ тогда называли, „Хартію“ (la Charte) онъ едва зналъ по имени, не связывая никакого смысла съ этимъ словомъ. Да и самое слово далеко не каждому городскому работнику было извѣстно, — о поселянахъ нечего и говорить: о томъ, что онъ ни мало не дорожилъ этимъ словомъ, излишне и упоминать.

Королевская власть, говорили мы, очень легко могла привлечь народъ на свою сторону покровительствомъ его матеріальному благосостоянію; но она не позаботилась объ этомъ. Однакоже, когда король являлся въ провинціяхъ или присутствовалъ на торжественныхъ церемоніяхъ въ Парижѣ, толпы народа тѣснились на дорогѣ и привѣтствовали его радостными криками. Это происходило не болѣе, какъ отъ наивнаго уваженія простыхъ людей къ внѣшнему блеску, но перетолковывалось придворными, какъ свидѣтельство глубокой привязанности народа къ династіи. Такое ошибочное пониманіе дѣла погубило Бурбоновъ, ободривъ Карла X рискнуть на рѣшительную битву изданіемъ іюльскихъ повелѣній. Но во всякомъ случаѣ, хорошія встрѣчи, какими обыкновенно привѣтствовалъ народъ короля, доказывали, что масса народа даже въ началѣ 1830 года еще не была рѣшительно враждебна къ Бурбонамъ.

Напротивъ, она была всегда враждебна къ роялистамъ, не потому, чтобы считала ихъ врагами конституціи, о которой сама она не заботилась, а потому, что они были эмигранты, потомки прежнихъ феодаловъ; народъ предполагалъ въ нихъ желаніе возстановить старинное феодальное устройство, вспоминалъ, что они сражались противъ Франціи.

Тѣмъ самымъ, что боролись противъ роялистовъ, либералы пріобрѣтали въ народѣ нѣкоторую популярность, хотя очень мало заслуживали ея. Надобно перечитать пренія палатъ, надобно перечитать сочиненія либераловъ временъ Реставраціи, чтобы постичь всю невѣроятную беззаботность ихъ о выгодахъ массы населенія. Они забывали о народѣ, подобно Бурбонамъ и роялистамъ; а когда и случалось имъ говорить отъ имени низшихъ классовъ, они почти постоянно употребляли его имя понапрасну, не умѣя выразить желаній, понять нуждъ простонародья.

Въ программѣ либераловъ не было ни одной фразы, которая касалась бы средствъ или по крайней мѣрѣ выражала бы желаніе улучшить положеніе низшихъ классовъ. Доказательствомъ тому можетъ служить каждое изъ ихъ знаменитыхъ преній въ палатѣ депутатовъ, каждая изъ ихъ знаменитыхъ битвъ на поприщѣ журналистики, каждый ихъ политическій манифестъ. Повсюду провозглашаются отвлеченныя политическія теоріи, имѣющія занимательность только для зажиточныхъ и образованныхъ людей, нигдѣ ни одной фразы о реформахъ, которыми непосредственно улучшался бы простонародный бытъ. Въ примѣръ сошлемся на одинъ изъ этихъ актовъ, могущій быть самымъ поразительнымъ подтвержденіемъ нашего сужденія. Когда войска были принуждены выступить изъ Парижа, когда либералы спѣшили возстановить королевскую власть перенесеніемъ ея на герцога Орлеанскаго, чтобы не дать времени возникнуть въ вооруженной массѣ простонародья требованію республиканской формы, либеральные члены палаты депутатовъ издали прокламацію, въ которой совмѣстили всѣ надежды и желанія, способныя, по ихъ мнѣнію, увлечь побѣдоносныхъ парижанъ на сторону вновь учреждаемаго правительства. Парижское простонародье безусловно владычествовало тогда надъ судьбою Парижа и Франціи,—либеральные депутаты конечно въ эту минуту старались по необходимости самымъ яркимъ образомъ высказать все, что въ ихъ намѣреніяхъ могло быть пріятно простонародью. Каковъ же планъ ихъ правительственной системы? Какія улучшенія они обѣщаютъ народу? Обѣщаній очень много, и они вотъ какого рода: вѣрность конституціоннымъ началамъ; возстановленіе національной гвардіи, избирающей своихъ офицеровъ, она будетъ охранять конституцію; назначеніе городскихъ и областныхъ чиновниковъ по выбору; судъ присяжныхъ по обвиненіямъ противъ газетъ со стороны правительства; точное опредѣленіе отвѣтственности министровъ передъ палатою депутатовъ; отмѣненіе произвола правительства надъ судьбою офицеровъ; ограниченіе средствъ для министерства къ подкупу депутатовъ повышеніемъ въ должностяхъ.

Какъ? только-то? Да, только. Для невѣрящихъ мы сообщимъ самый текстъ прокламаціи,—пусть они увидятъ, что мы не пропустили ни одного обѣщанія *).

*) Вотъ текстъ прокламаціи къ народу, изданной палатою депутатовъ 31 іюля:

„Французы, Франція свободна. Деспотизмъ поднималъ свое знамя. Героическое населеніе Парижа низвергло его. Вызванный нападеніемъ на битву, Парижъ доставилъ своимъ оружіемъ торжество священному дѣлу, которое тщетно торжествовало на выборахъ. Власть, отнимавшая наши права, возмущавшая наше спокойствіе, угрожала и свободѣ, и порядку. Мы снова пріобрѣтаемъ и порядокъ, и спокойствіе. Нѣтъ уже опасности для правъ, пріобрѣтенныхъ прежде; нѣтъ уже преграды между нами и правами, которыя еще остается намъ пріобрѣсти.

„Правительство, которое немедленно обезпечило бы намъ эти блага, составляетъ первую потребность отечества. Французы, тѣ изъ вашихъ депутатовъ, которые находятся въ Парижѣ, собрались и, въ ожиданіи правильнаго дѣйствія Палатъ, пригласили француза, который сражался только за Францію, а не противъ нея, герцога Орлеанскаго, къ принятію на себя обязанностей намѣстника королевства. Они видятъ въ этомъ средство водвореніемъ мира довершить торжество справедливѣйшаго самоотверженія.

„Герцогъ Орлеанскій преданъ національному и конституціонному интересу. Онъ всегда защищалъ его дѣло и исповѣдывалъ его принципы. Онъ будетъ уважать наши права, потому что получитъ отъ насъ свои права. Мы дадимъ себѣ законами прочныя гарантіи, необходимыя для утвержденія непоколебимой свободы:

„Возстановленіе національной гвардіи съ участіемъ гражданъ, ее составляющихъ, въ избраніи ея офицеровъ;

„Участіе гражданъ въ составленіи муниципальнаго и департаментскаго управленія;

„Судъ присяжныхъ для процессовъ газетъ и книгъ;

„Законное опредѣленіе отвѣтственности министровъ и второстепенныхъ агентовъ управленія;

„Законное упроченіе положенія военныхъ;

Какую же выгоду получилъ бы народъ если бы даже всѣ эти обѣщанія были исполнены? Разберемъ ихъ пунктъ за пунктомъ. „При герцогѣ Орлеанскомъ будетъ строго соблюдаться конституція“—очень пріятно будетъ это образованнымъ классамъ, обезпеченнымъ въ своемъ существованіи; но мы уже много разъ говорили, что всѣ конституціонныя пріятности имѣютъ очень мало цѣны для человѣка, не имѣющаго ни физическихъ средствъ, ни умственнаго развитія для этихъ десертовъ политическаго рода. „Будетъ возстановлена національная гвардія“—въ скобкахъ надобно читать: съ довольно дорогимъ мундиромъ, который удалитъ отъ участія въ ней простолюдина,—это будетъ удовольствіе, предоставленное людямъ, могу-

---

„Новые выборы для депутатовъ, получившихъ должность отъ правительства.

„По согласію съ главою государства, мы дадимъ нашимъ учрежденіямъ развитіе, въ которомъ они нуждаются.

„Французы, герцогъ Орлеанскій самъ уже высказался языкомъ, приличнымъ свободной странѣ. Онъ говоритъ, что палаты соберутся немедленно. Онѣ примутъ мѣры для упроченія царства законовъ и огражденія правъ націи.

„Конституція отнынѣ будетъ истиною“.

Мы привели этотъ документъ между прочимъ и потому, что онъ написанъ Гизо и былъ первымъ актомъ новаго періода его политической жизни, когда онъ является уже однимъ изъ важнѣйшихъ государственныхъ людей Франціи.

Въ коммиссіи, назначенной для составленія прокламаціи, кромѣ Гизо и Вильмена, представителей умѣреннаго оттѣнка либеральной партіи, находились Бенжаменъ-Констанъ и Бераръ, принадлежавшіе къ самымъ требовательнымъ либераламъ. Такимъ образомъ, прокламація, вышедшая изъ совѣщаній коммиссіи, можетъ считаться самымъ вѣрнымъ выраженіемъ политической программы цѣлой либеральной партіи.

Прокламацію герцога Орлеанскаго, на которую ссылается прокламація депутатовъ, по настоящему, не стоило бы и приводить, потому что въ ней не заключается ничего, кромѣ общихъ фразъ, съ неосновательною похвалою герцога самому себѣ за мужество, котораго онъ не оказывалъ. Однако, приведемъ и ее, чтобы читатель видѣлъ совершенную пустоту этого документа, также рѣшавшаго судьбу Франціи.

„Жители Парижа,

„Депутаты Франціи, нынѣ собравшіеся въ Парижѣ, выразили желаніе, чтобы я прибылъ въ столицу для исполненія обязанностей намѣстника королевства.

„Неколеблясь, явился я раздѣлять ваши опасности, сталъ среди героическаго населенія, чтобы употребить всѣ мои силы для предотвращенія междоусобной войны и анархіи. Вступая въ Парижъ, я съ гордостью надѣлъ славную трехцвѣтную кокарду, которую возстановили вы и которую долго носилъ самъ я.

„Палаты скоро соберутся: онѣ примутъ мѣры для упроченія царства законовъ и огражденія правъ націи.

„Конституція отнынѣ будетъ истиною.

„Людовикъ-Филиппъ Орлеанскій“.

Мы приведемъ также программу самой крайней изъ партій, игравшихъ замѣтную роль въ іюльскіе дни. Составители этой программы, которая осталась недѣйствительною, потому что показалась всѣмъ благоразумнымъ людямъ слишкомъ уже отважною, были не просто либералы, а республиканцы – то есть горсть людей, ушедшихъ неизмѣримо далеко впередъ отъ либераловъ. Но что же и эта программа обѣщала собственно для народа? ровно ничего дѣльнаго не обѣщала она—вотъ ея текстъ, слишкомъ оправдывающій наше грустное сужденіе:

„Франція свободна.

„Она хочетъ конституціи.

„Она даетъ временному правительству только право призвать ее къ установленію формы правленія.

„Въ ожиданіи того, пока она выразитъ свою волю новыми выборами, уваженіе къ слѣдующимъ принципамъ:

„Отмѣненіе монархической власти;

„Управленіе государства исключительно людьми, получающими власть отъ избранія націи;

„Врученіе исполнительной власти президенту, избираемому на время;

„Прямое или косвенное участіе всѣхъ гражданъ въ избраніи депутатовъ;

„Свобода исповѣданій, отмѣна привилегій, даваемыхъ государствомъ одному исповѣданію предъ всѣми другими;

„Огражденіе армейскихъ и флотскихъ офицеровъ отъ произвольнаго удаленія министрами въ отставку;

„Учрежденіе національной гвардіи по всему пространству Франціи; этой гвардіи ввѣряется охраненіе конституціи;

щимъ тратить деньги на маскарадные костюмы. Но хотя бы и безъ дорогаго мундира—что за радость ходить въ караулъ и на смотры человѣку, у котораго не достаетъ времени для отдыха послѣ 14 часовъ работы въ сутки? Это право напоминаетъ разсказъ старика у г. Печерскаго о томъ, какъ Васькѣ дали „особенныя права". „Выборная администрація" — извѣстно, какъ дорожитъ простонародье правомъ выборовъ. „Изъятіе газетъ отъ произвола министровъ" — но простонародье не читаетъ газетъ по своему безденежью и безграмотности, какое ему дѣло до независимости журналистики и свободы преній? „Огражденіе офицеровъ отъ такого же произвола"—объ этомъ нечего и говорить. Затѣмъ слѣдуетъ огражденіе непреклонныхъ убѣжденій либеральныхъ депутатовъ отъ искушенія быть подкупленными, и перечисленіе всѣхъ этихъ благъ кончается комплиментами принцу Орлеанскому—о народѣ и его судьбѣ, какъ видимъ, дѣйствительно нѣтъ ни слова. Какъ нѣтъ? Мы позабыли: вѣдь прокламація начинается комплиментами мужеству парижанъ,—либераламъ, какъ видимъ, не была извѣстна русская поговорка: „соловья баснями не кормятъ"; это бы еще ничего, но жаль, что и народъ не зналъ этой поговорки — иначе съ какой стати было бы ему умирать на баррикадахъ, когда вся награда ему за битву должна была ограничиться комплиментами его мужеству?

Либералы совершенно ничего не дѣлали и не хотѣли дѣлать для народа; но тѣмъ не менѣе, независимо отъ ихъ собственной воли, образовались отношенія, которыя въ случаѣ надобности обезпечивали имъ содѣйствіе народа,—мы старались показать, что эта готовность массы стать за либераловъ была ими не заслужена, далѣе мы увидимъ, что они даже не умѣли предчувствовать ее, — но она существовала.

Самымъ сильнымъ и самымъ общимъ основаніемъ ея было то, что либералы боролись противъ партіи, подозрѣваемой народомъ въ стремленіи возстановить прежній порядокъ дѣлъ и зато ненавистной народу. „Врагъ нашихъ враговъ другъ намъ" — это заключеніе слишкомъ часто ведетъ къ самымъ горькимъ разочарованіямъ; очень часто случается людямъ, руководясь имъ, попадать изъ Сциллы въ

„За эти принципы мы жертвовали жизнью; въ случаѣ нужды мы будемъ поддерживать ихъ законнымъ сопротивленіемъ съ оружіемъ въ рукахъ".

Какъ видимъ, эта программа отличается отъ прокламаціи депутатовъ тремя существенными пунктами: требованіемъ республиканской формы, требованіемъ уничтоженія палаты наслѣдственныхъ перовъ (оно заключается въ выраженіи: управленіе государства исключительно людьми, получающими власть отъ избранія націи), наконецъ, требованіемъ предоставленія избирательныхъ правъ всему населенію Франціи *(suffrage universel)*, а не однимъ болѣе или менѣе зажиточнымъ людямъ.

Спрашиваемъ теперь: какое изъ этихъ требованій имѣетъ цѣлью существенное улучшеніе простонароднаго быта? чѣмъ легче простому народу становится платежъ податей, отправленіе военной повинности, чѣмъ улучшаются его отношенія къ землевладѣльцамъ и хозяевамъ фабрикъ отъ замѣненія слова „король" словомъ „президентъ" и тому подобныхъ, чисто отвлеченныхъ, реформъ государственнаго устройства?

Позднѣе, программа республиканцевъ была не такова. Они трубили не объ однихъ пустыхъ словахъ, имѣющихъ смыслъ для праздныхъ политическихъ споровъ — они требовали также: уничтоженія обременительныхъ для простонародья налоговъ на соль, вино и другія жизненныя потребности, вообще измѣненія системы податей для облегченія простонародья; уменьшенія арміи и измѣненія системы конскрипціи (сокращеніе срока службы, отмѣна увольненій отъ личной службы поставкою наемщика и проч.); они требовали реформы гражданскихъ законовъ; невыгодныхъ для простолюдина; требовали, чтобы образованіе сдѣлалось доступнымъ для всѣхъ состояній. Надобно впрочемъ прибавить, что всѣ эти требованія въ 1848 году оказались пустыми словами,—республиканцы не умѣли совершить ни одной изъ реформъ, обѣщавшихъ улучшеніе народнаго быта по ихъ программѣ.

Харибду, или, по русской поговоркѣ, изъ огня въ полымя: но тѣмъ не менѣе рѣдко успѣваютъ оберечь себя отъ него даже такіе опытные въ политическихъ дѣлахъ, такіе осторожные и недовѣрчивые люди, какъ дипломаты. Что же удивительнаго, если простой народъ мало по малу поддался этой мысли? Феодалы нападали на новыя учрежденія, дорогія народу — либералы защищали эти учрежденія, — чего же больше? Масса стала довѣрчива къ нимъ. Правда, защищались эти учрежденія либералами вовсе не въ томъ духѣ, не съ тѣми цѣлями, съ какими вводились; смыслъ однихъ и тѣхъ же словъ не былъ въ 1820-тыхъ годахъ таковъ, каковъ былъ тридцать, сорокъ лѣтъ тому назадъ. Но гдѣ же было народу разбирать такія тонкости? Не у него одного, и у большинства людей образованныхъ, сильнѣйшій элементъ въ умственной жизни—рутина; народъ привыкъ любить извѣстныя слова, и не могъ не имѣть симпатіи къ защищавшимъ эти слова.

Кромѣ этого общаго основанія было другое, болѣе частное, но во многомъ съ нимъ сходное и почти столь же сильное. Нападая на новыя учрежденія, реакціонеры позорили и всѣ правительства, существовавшія на этихъ началахъ—въ томъ числѣ, они безпощадно бранили Наполеона. Либералы сами были не очень расположены къ Наполеону—и въ 1814 и въ 1815 годахъ, оба раза ихъ нерасположеніе сильно содѣйствовало паденію его. Но роялисты заходили въ своей ненависти уже слишкомъ далеко,—либералы, разгорячаемые постояннымъ споромъ съ ними о всемъ на свѣтѣ, принялись пылко защищать и Наполеона. А для народа Наполеонъ и трехцвѣтное знамя Имперіи были символами славы Франціи, побѣдъ ея. Либералы явились народу защитниками національной славы. Это было тѣмъ неизбѣжнѣе, что роялисты съ принцемъ Конде сражались въ рядахъ каолиціонныхъ армій противъ Франціи—какъ же было либераламъ не нападать на измѣну родинѣ, когда измѣнниками были ихъ враги?

Наконецъ, очень важную роль во всемъ дѣлѣ, кончившемся іюльскими днями, игралъ Беранже. Едва ли кто имѣлъ такое сильное вліяніе на исходъ тогдашнихъ событій, какъ онъ. Его пѣсни дѣйствительно были любимы народомъ. Онъ ненавидѣлъ Бурбоновъ,—и народъ постепенно привыкалъ къ чувству, которое внушалъ ему пѣвецъ его лишеній, его надеждъ. А Беранже ненавидѣлъ Бурбоновъ за то, что они были орудіемъ реакціонеровъ.

Наши разсужденія вышли очень длинны, и намъ пора было бы ихъ кончить. Но прежде, чѣмъ возвратимся къ разсказу о ходѣ событій, мы хотимъ оправдаться передъ читателемъ въ упрекѣ, котораго не только ожидаемъ, но даже желали бы. Вѣроятно, не за одну длинноту упрекнутъ наше длинное изложеніе возможнаго и разумнаго,—читатель скажетъ также, что оно лишено всякаго реальнаго основанія. Мы говоримъ, что легче и выгоднѣе всего былъ бы для Бурбоновъ союзъ прямо съ народомъ, мимо всякихъ союзовъ съ либералами или роялистами, но что, когда уже не захотѣли Бурбоны этого союза, натуральнѣе всего было бы имъ, если бы только они понимали свои выгоды, соединиться съ либералами;—что всѣ разумныя соображенія о собственныхъ интересахъ, о собственномъ спокойствіи, не говоря уже о славѣ, должны были сдѣлать Бурбоновъ покровителями либераловъ. Все это такъ, скажетъ читатель, но разсуждать о подобныхъ вещахъ значитъ тоже самое, что доказывать выгодность теченія Волги съ юго-востока на сѣверо-западъ, отъ Камышина къ городу Либавѣ: вещь оно была бы прекрасная, слова нѣтъ, но совершенно несообразная съ законами природы. Бурбоны по своей исторіи,

по своей натурѣ, по всей своей обстановкѣ не могли дѣйствовать иначе, нежели какъ дѣйствовали. Такъ, къ сожалѣнію, совершенно такъ. Напрасно очевиднѣйшая выгода, настоятельнѣйшая необходимость указывала имъ иной путь—въ нихъ не было силъ идти по этому счастливому пути, въ нихъ не было даже способности видѣть этотъ путь. Такъ, разсудокъ чуть ли не совершенно безсиленъ въ исторіи. Напрасно говорить о немъ, это пустая идеологія. Но если такъ, почему же не понимаютъ люди хотя этого? Если ослѣпленіе рутиною и обстановкою сильнѣе собственныхъ выгодъ въ человѣкѣ, почему же мы не принимаемъ этого факта, не соображаемъ съ нимъ нашихъ отношеній къ человѣку?

Есть въ исторіи такія положенія, изъ которыхъ нѣтъ хорошаго выхода,—не оттого, чтобы нельзя было представить его себѣ, а оттого, что воля, отъ которой зависитъ этотъ выходъ, никакъ не можетъ принять его. Правда, но что же въ такихъ случаяхъ остается дѣлать честному зрителю? ужели обманывать себя обольщеніями о возможности, даже о правдоподобности такого принятія? Мы не знаемъ, что ему дѣлать, но знаемъ, чего онъ по крайней мѣрѣ не долженъ дѣлать: не стараться ослѣплять другихъ, остерегаться заражать другихъ идеологическою язвою, если самъ по несчастію подвергся ей, — оставимъ надежды ребятамъ, взрослому человѣку неприлично ожидать виноградныхъ гроздовъ на терновникѣ.

Но возвратимся же наконецъ къ разсказу о событіяхъ.

Назначеніе Полиньяка министромъ было принято всею Франціею, какъ слѣдствіе рѣшимости Карла X выйти изъ границъ законности для упроченія колебавшагося господства роялистовъ. Либералы ужасались, ожидая насильственныхъ мѣръ. Даже многіе роялисты, сохранявшіе нѣкоторое благоразуміе, видѣли необходимость предупредить короля, что совѣты слишкомъ опрометчивыхъ товарищей ихъ могутъ быть для него гибельны.

Въ самомъ дѣлѣ, глава министерства, Полиньякъ, былъ величайшій фанатикъ феодальной партіи. Давно онъ мечталъ о сильныхъ средствахъ къ возстановленію стариннаго порядка. Вильель, опасаясь неосторожныхъ совѣтовъ его Карлу X, отправилъ молодаго придворнаго посланникомъ въ Лондонъ; недовольный умѣренностью Мартиньяка, король сталъ думать о вручніи управленія своему любимцу, который совершенно сходился съ нимъ въ убѣжденіяхъ. Полиньякъ былъ вызываемъ въ Парижъ для совѣщаній съ королемъ, — результатомъ совѣщаній была рѣшимость идти до послѣднихъ крайностей для поддержанія господства роялистовъ. Средство къ тому найдено было въ 14-мъ параграфѣ конституціи, который давалъ королю право „издавать распоряженія и повелѣнія, нужныя для безопасности государства“. До сихъ поръ, всѣ партіи соглашались, что тутъ разумѣются единственно административныя распоряженія, которыми опредѣлялись бы только мѣры и способы исполненія изданныхъ правильнымъ образомъ законовъ, а никакъ не распоряженія, которыми бы отмѣнялись или нарушались законы. Но конгрегація, управлявшая Карломъ X и Полиньякомъ, убѣдила ихъ въ возможности и необходимости другаго толкованія. Король и его любимецъ приготовились, если не найдутъ покорности въ палатахъ, избираемыхъ законнымъ образомъ, безъ ихъ согласія измѣнить основные законы королевства.

Слухи о такой рѣшимости распространились въ публикѣ. Министерскія газеты подкрѣпляли ихъ, доказывая необходимость крайнихъ средствъ со стороны министерства. „Уступокъ больше не будетъ, восклицали онѣ, битва между прави-

тельствомъ и революціею возобновлена". Надобно замѣтить, что подъ именемъ революціи на языкѣ роялистовъ разумѣлись всѣ новыя учрежденія въ гражданскомъ быту; каждый, находившій невозможнымъ полное возвращеніе къ старинѣ, назывался у нихъ революціонеромъ, въ томъ числѣ даже Ройе-Коляръ, при Наполеонѣ постоянно рисковавшій жизнію для Бурбоновъ, и Гизо, бывшій посредникомъ между Бурбонами и остававшимися во Франціи роялистами во время Ста Дней. „Игра началась, восклицали роялистскія газеты, и надобно знать, что поставлено на карту съ той и другой стороны. Мы ставимъ на карту престолъ. Это наша послѣдняя ставка: идетъ ва-банкъ противъ революціи". Но трудно будетъ управлять государствомъ въ противность желанію большинства или съ нарушеніемъ парламентскихъ формъ, возражали осторожнѣйшіе изъ роялистовъ, предвидѣвшіе опасность игры, начинаемой фанатиками. Министерскія газеты отвѣчали на ихъ предостереженія презрительнымъ гнѣвомъ. „Есть люди, говорящіе о большинствѣ палатъ,— они удивляютъ насъ. Скажите, важно или не важно покончить съ революціей? Вы говорите: да. Прекрасно. Но если большинству палатъ придетъ въ голову думать не такъ, неужели слѣдуетъ отказаться отъ спасенія? Это было бы забавно. Когда планъ составленъ, когда онъ необходимъ, слѣдуетъ исполнять его до конца; иначе нельзя спасти общество". Изъ такихъ словъ были очевидны намѣренія министерства. Оно рѣшилось не обращать вниманія на волю парламентскаго большинства.

Доведенные до крайности, либералы ожидали спасенія себѣ и престолу отъ приближавшагося собранія палатъ. Парламентскія каникулы кончались. 2 марта 1830 года начались обычнымъ церемоніаломъ засѣданія палатъ. Тронная рѣчь открыто выразила намѣреніе правительства прибѣгнуть къ чрезвычайнымъ мѣрамъ въ случаѣ несогласія большинства съ системою министерства. „Перы Франціи, депутаты департаментовъ, сказалъ Карлъ X, я не сомнѣваюсь въ вашемъ содѣйствіи къ совершенію добра, мною желаемаго. Вы съ презрѣніемъ отвергнете коварныя внушенія, распространяемыя зложелательствомъ. Но если бы преступныя интриги противупоставили моей власти препятствія, которыхъ я не долженъ, которыхъ я не хочу предвидѣть, я нашелъ бы силу побѣдить ихъ въ моей рѣшимости охранять общественное спокойствіе".

Вызовъ былъ сдѣланъ. Не оставалось сомнѣнія въ томъ, что министерство хочетъ считать преступленіемъ сопротивленіе палатъ его системѣ и намѣрено прибѣгнуть къ вооруженной силѣ для подавленія безпорядковъ, которыхъ ожидало само отъ своихъ распоряженій. Указаніе на вооруженную силу было тѣмъ оскорбительнѣе, что не оправдывалось никакимъ предлогомъ. Во всей Франціи господствовалъ ненарушимый порядокъ. Никто изъ противниковъ министерства не думалъ переступать границъ закона. Всѣ осуждали опрометчивость рѣчи. Но министерскія газеты почли нужнымъ комментировать тронную рѣчь слѣдующими словами: „Мы напомнимъ, что Георгъ III англійскій публично благодарилъ солдатъ, стрѣлявшихъ по черни, которая собралась освободить изъ тюрьмы Уилкса, мятежнаго члена палаты общинъ". Мало было общей угрозы вмѣшательствомъ вооруженной силы; надобно было еще пояснить, что она будетъ призвана именно противъ палаты депутатовъ. Большинство палаты хотѣло исполнить свою обязанность, выразивъ королю опасеніе о гибельности политики, принятой его министрами. Коммиссія палаты составила проэктъ адреса, проникнутый тономъ почтительнымъ, но

печальнымъ. Она считала обязанностью палаты открыть Карлу X глаза на несогласіе политики его министровъ съ чувствами націи.

„Среди единодушныхъ чувствъ уваженія и привязанности, которыми окружаетъ васъ вашъ народъ (говорилъ адресъ), обнаруживается въ умахъ живая тревога, возмущающая спокойствіе, которымъ Франція начала наслаждаться, иссушающая источники ея благоденствія и, въ случаѣ продленія, могущая сдѣлаться гибельной для ея тишины. Совѣсть, честь, та вѣрность, которой мы поклялись вамъ и которую навсегда соблюдемъ, возлагаютъ на насъ обязанность открыть вамъ причину этой тревоги.

„Государь! конституція, которою мы обязаны вашему августѣйшему предшественнику и упрочить которую твердо намѣрено ваше величество, освящаетъ право участія страны въ обсужденіи общественныхъ интересовъ. Это участіе, какъ и слѣдовало, производится не прямымъ, а посредственнымъ образомъ; степень его мудро измѣрена, оно заключено въ точныя границы, и мы никогда не попустимъ, чтобы кто-нибудь осмѣлился преступить эти границы; но результатъ его положителенъ, потому что оно дѣлаетъ постоянное согласіе политическихъ видовъ вашего правительства съ желаніями вашего народа необходимымъ условіемъ правильнаго теченія общественныхъ дѣлъ. Государь! наша вѣрность, наша преданность престолу обязываютъ насъ сказать вамъ, что это сочувствіе не существуетъ.

„Высокая мудрость вашего величества да будетъ судьею между тѣми, которые не довѣряютъ націи столь спокойной, столь вѣрной, и между нами, съ глубокой увѣренностью излагающими вашему сердцу скорбь цѣлаго народа, желающаго пользоваться расположеніемъ и довѣріемъ своего короля. Преимущества короны вашего величества даютъ вамъ средство упрочить между государственными властями гармонію, первое и необходимое условіе силы престола и величія Франціи“.

Коммиссія, составившая проэктъ, старалась избѣжать въ немъ всякаго выраженія, похожаго на требовательность. Она хотѣла только указать на несогласіе большинства съ министрами, оставляя королю совершенную свободу въ выборѣ средствъ для возстановленія согласія. Адресъ не говорилъ даже о необходимости перемѣны министерства. Онъ говорилъ только, что король, сохраняя министерство, долженъ распустить палату, или на оборотъ, сохраняя палату, измѣнить политику министерства.

Умѣренные роялисты согласились на проэктъ адреса вмѣстѣ съ либералами. Онъ былъ принятъ большинствомъ 221 голоса противъ 181.

Незначительность большинства, принявшаго адресъ и составленнаго голосами умѣренныхъ роялистовъ, показывала, какихъ ничтожныхъ уступокъ было бы достаточно для примиренія съ палатою. Довольно было бы министерству отказаться отъ своихъ совершенно излишнихъ угрозъ, не вызываемыхъ ничѣмъ. Но крайніе роялисты были глухи. 18 марта адресъ былъ представленъ; 19 марта засѣданія палаты отсрочены; черезъ нѣсколько времени она была объявлена распущенной и назначены новые выборы. Нельзя было сомнѣваться въ томъ, что эти выборы еще менѣе прежнихъ будутъ благопріятны министерству, которому оставалось тогда или удалиться, или прибѣгнуть къ незаконнымъ средствамъ. Двое изъ министровъ, видѣвшіе безразсудство остальныхъ, вышли въ отставку. Полиньякъ замѣнилъ ихъ другими, болѣе рѣшительными.

Дѣйствительно, всѣ члены прежней палаты, вотировавшіе адресъ, были из-

браны вновь; большая часть крайнихъ роялистовъ прежней палаты не попала въ новую. Но и новая палата была проникнута преданностію къ Бурбонамъ. На выборахъ либеральныхъ членовъ это чувство выражалось съ совершенной ясностью; они одобряли адресъ прежней палаты, но понимали его въ томъ самомъ смыслѣ, какой придавалъ ему Дюпенъ старшій: „Коренное основаніе адреса — глубокое уваженіе къ лицу короля; онъ выражаетъ высочайшее благоговѣніе къ древней династіи Бурбоновъ; онъ представляетъ владычество законной династіи не только какъ легальную истину, но и какъ общественную необходимость, которая нынѣ для всѣхъ здравыхъ умовъ является результатомъ опыта и убѣжденія". Словомъ сказать, ни либералы, ни умѣренные роялисты, составлявшіе большинство, не дерзали и въ глубинѣ своихъ мыслей касаться правъ престола. Они находили только, что политика крайнихъ роялистовъ несовмѣстна съ положеніемъ дѣлъ. Крайніе роялисты имѣли теперь выборъ между двумя рѣшеніями: или оставить хотя на время министерство, чтобы дать успокоиться общественному мнѣнію, или подвергнуть престолъ страшной опасности изъ-за желанія удержать власть въ своихъ рукахъ. Они избрали послѣднее.

Палаты должны были собраться 3 августа. Еще въ началѣ іюля, когда сдѣлался извѣстенъ результатъ новыхъ выборовъ, министры окончательно составили планъ своихъ дѣйствій. Они положили, пользуясь четырнадцатымъ параграфомъ конституціи, распустить новую палату прежде, нежели она соберется, измѣнить одною волею правительства законъ о выборахъ и возстановить цензуру. Совѣщанія министровъ хранились въ глубочайшей тайнѣ, но она не могла скрыться отъ придворнаго круга. Всѣ, посѣщавшіе дворецъ, догадывались, что приближается время насильственныхъ мѣръ, о которыхъ давно говорили газеты. Крайніе роялисты съ восторгомъ передавали другъ другу выдуманный анекдотъ объ угольщикѣ, который будто бы сказалъ королю: „Государь! угольщикъ—господинъ въ своемъ хозяйствѣ, будьте господиномъ въ своемъ".

Иностранные посланники, слышавшіе о намѣреніи Полиньяка, единогласно осуждали его; самодержавные государи Европы раздѣляли мнѣнія проницательныхъ дипломатовъ о неблагоразуміи мѣръ, на которыя склонили Карла X его опрометчивые совѣтники. Меттернихъ, конечно, не слишкомъ любилъ конституціонный порядокъ, но и онъ говорилъ французскому посланнику при Вѣнскомъ дворѣ: „Нельзя вашему правительству насильственно измѣнять законовъ, которыми оно не довольно; единственное средство ему для этого—дѣйствовать съ согласія палатъ; другаго пути Европа не можетъ одобрить; насильственныя мѣры погубятъ династію". Люди, желавшіе предупредить бѣдствіе, искали другаго совѣтника, голосъ котораго внушалъ бы еще больше уваженія французскому королю. Они просили русскаго императора не оставить Карла X своими совѣтами, и покойный государь, Николай Павловичъ, имѣлъ съ французскимъ посланникомъ при нашемъ дворѣ, Мортмаромъ, разговоръ, послѣ котораго посланникъ долженъ былъ написать Полиньяку: „Мнѣніе императора таково, что, нарушивъ конституцію, французское правительство подвергнется катастрофѣ. Если король захочетъ прибѣгнуть къ насильственнымъ мѣрамъ, онъ понесетъ за нихъ отвѣтственность, прибавилъ императоръ; Карлъ X долженъ помнить, что союники по парижскому трактату приняли на себя ручательство въ сохраненіи французской конституціи". Черезъ нѣсколько времени болѣзнь принудила Мортмара возвратиться во Францію; графиня

Нессельроде далае му письмо къ королю, въ которомъ снова напоминалось, что русскій императоръ рѣшительно не одобряетъ никакихъ мѣръ, противныхъ конституціи.

Въ Петербургѣ и въ Вѣнѣ знали о приготовляемыхъ повелѣніяхъ. Но либералы все еще не хотѣли вѣрить въ ихъ исполненіе. Они такъ были преданы династіи, что отталкивали отъ себя мысль о близости катастрофы. Сами за себя они такъ боялись волненій, что и въ министрахъ предполагали такое же отвращеніе отъ поступковъ, могшихъ вызвать мятежъ въ Парижѣ. Они не только не думали воспользоваться насильственными мѣрами министровъ для возбужденія народа, они даже были увѣрены, что народъ не можетъ быть возбужденъ къ сопротивленію. За два дня до изданія повелѣній, одинъ изъ предводителей либеральной партіи, Одилонъ-Барро, отвѣчалъ говорившимъ о возможности волненій: „Вы вѣрите въ возстаніе! О, Боже мой! Если конституція будетъ низвергнута, васъ поведутъ на эшафотъ, а народъ, сложа руки, станетъ смотрѣть на это". За два дня до катастрофы онъ не вѣрилъ ей и не предчувствовалъ ея послѣдствій.

Вечеромъ того дня, когда были подписаны повелѣнія, герцогъ Орлеанскій, которому они давали престолъ, также еще не хотѣлъ вѣрить ихъ возможности. Ревностный роялистъ Витроль, усердію котораго Бурбоны больше всего были обязаны тѣмъ, что по взятіи Парижа въ 1814 году, союзные монархи вспомнили о нихъ, описывалъ герцогу дурные признаки, замѣченные имъ поутру въ Сенъ-Клу. Министры скрывались отъ него, но онъ предполагалъ что-то очень недоброе. „Но что же они хотятъ сдѣлать? съ безпокойствомъ сказалъ герцогъ Орлеанскій: — вѣдь они не могутъ же обойтись безъ палатъ, не могутъ выйти изъ конституціи".

Совѣты Меттерниха и русскаго императора, просьбы Вильеля и всѣхъ роялистовъ, не раздѣлявшихъ ослѣпленія крайней партіи, были напрасны. 24-го іюля министры собрались для окончательнаго просмотра приготовленныхъ ими повелѣній. Одинъ изъ нихъ, Гернонъ Ранвиль, пытался убѣдить короля и своихъ товарищей отложить на нѣсколько времени эти повелѣнія. Другой министръ, д'Оссе, желалъ по крайней мѣрѣ знать, какими силами будутъ они располагать для усмиренія мятежа. „Имѣете ли вы въ Парижѣ хотя тысячъ тридцать войска?" спросилъ онъ Полиньяка.—Не тридцать, а сорокъ двѣ, отвѣчалъ Полиньякъ, перебрасывая черезъ столъ ему списокъ войскъ. — „Какъ, вскричалъ д'Оссе, я вижу здѣсь только тринадцать тысячъ! Тринадцать тысячъ на бумагѣ — это значитъ, что на битву только можно вывести семь или восемь тысячъ". Но Полиньякъ и большинство министровъ никакъ не предполагали серьезнаго возстанія. Въ амомъ дѣлѣ, либералы и осуждали по своимъ убѣжденіямъ всякую попытку мятежа, и боялись волненій; народу не было никакой разумной выгоды вступаться въ распри между двумя партіями, изъ которыхъ ни одна не была его партіей. Если бы народъ не увлекся надеждою на людей, вовсе не заслуживающихъ этой надежды, Полиньякъ былъ бы правъ. Онъ ошибся только тѣмъ, что не принялъ въ разсчетъ бѣдственнаго положенія народа: отчаяніе вовлекло народъ въ опрометчивость.

24 іюля заготовленныя повелѣнія были разсмотрѣны и одобрены министрами. 25 іюля министры снова собрались въ Сенъ-Клу, гдѣ жилъ король. Они собрались подписать эти повелѣнія. Молча сѣли они вокругъ стола. По правую руку КарлаX былъ Дофинъ, его сынъ, по лѣвую руку Полиньякъ. Д'Оссе возобновилъ свои вчерашнія замѣчанія. „Вы отказываетесь подписать?" сказалъ Карлъ X, д'Оссе взялъ перо и подписалъ. Экзальтированная рѣшимость, смѣшанная съ безпокой-

ствомъ, выражалась на его лицѣ и лицахъ его товарищей. Одинъ Полиньякъ блисталъ радостью. Карлъ X также весело ходилъ по залѣ. „Что вы такъ смотрите?“ сказалъ онъ, проходя мимо д'Оссе, глаза котораго печально обозрѣвали залу. — „Государь, я смотрѣлъ, нѣтъ ли здѣсь портрета Страффорда“, отвѣчалъ министръ.

26 іюля явились въ „Монитёрѣ“ пять повелѣній. Первымъ изъ нихъ отмѣнялась свобода тисненія; вторымъ распускалась палата депутатовъ; третьимъ измѣнялся законъ о выборахъ; четвертымъ назначались новые выборы въ палату депутатовъ по измѣненному закону; пятое содержало нѣкоторыя частныя распоряженія, вытекавшія изъ втораго.

Либералы и умѣренные роялисты были поражены печалью и ужасомъ. Нѣсколько либеральныхъ членовъ распущенной палаты депутатовъ сошлись къ Казимиру Перье, одному изъ своихъ предводителей. Всѣ были въ какомъ-то оцѣпенѣніи. „Что намъ дѣлать, что намъ дѣлать?“ повторяли они другъ другу. Никто не зналъ, что отвѣчать. Одинъ заикнулся было, что должно протестовать. „Нѣтъ, мы теперь не имѣемъ права протестовать, мы уже лишены званія депутатовъ“, отвѣчали ему. Другіе депутаты собрались у де-Лаборда, туда явился Казимиръ Перье и объявилъ, что по распущеніи палаты они уже не имѣютъ званія депутатовъ, что министры ссылаются на конституцію, опираясь на четырнадцатый параграфъ ея, что стало быть остается одна надежда — на самого короля, который раньше или позже увидитъ ошибочность пути, на который увлекли его. Весь этотъ день прошелъ спокойно. Повидимому, министры торжествовали. Но масса медленна въ своихъ движеніяхъ. На другой день началось въ ней броженіе, котораго не замѣчалось наканунѣ. Черезъ два дня войска были принуждены выступить изъ Парижа, послѣ упорнаго сраженія съ простымъ народомъ.

Мы не станемъ разсказывать ходъ этой битвы: она велась не либералами, и намъ нѣтъ нужды упоминать о фактахъ, не относящихся къ цѣли нашего разсказа. Мы хотѣли только разсматривать интересы и дѣйствія двухъ политическихъ партій, вражда которыхъ составляетъ самую замѣтную сторону политической исторіи Франціи въ эпоху Реставраціи. Только ихъ дѣйствія будутъ занимать насъ и въ іюльскіе дни.

Исторія роялистовъ въ эти дни очень коротка и проста: они вовлекли несчастнаго Карла X въ гибельную борьбу, которая, даже при самомъ счастливомъ исходѣ, не могла бы принести ровно никакой пользы для королевской власти,—вовлекли въ борьбу единственно съ цѣлью возстановленія стариннаго устройства, въ сущности враждебнаго интересамъ престола. Не трудно догадаться, какъ должны были поступать такіе друзья. Пока волненіе только что разъигрывалось, они воображали его ничтожнымъ и чрезвычайно радовались ему: теперь-то будетъ на ихъ улицѣ праздникъ! Одною сѣткою прикроютъ они либераловъ! Они уже сочинили распоряженія объ арестованіи тѣхъ, головами которыхъ особенно интересовались (хотя совершенно напрасно, потому что изъ этихъ головъ большая часть не стоили гроша). Но вотъ, дѣло начало принимать сомнительный оборотъ—что тутъ стали дѣлать роялисты? Ни одинъ, разумѣется, не шевельнулъ пальцемъ для защиты короля, ввергнутаго имъ въ погибель. Хотя бы кто нибудь изъ людей, для пользы которыхъ Карлъ X жертвовалъ собою, взялъ ружье для его защиты—не взялъ ни одинъ. Что уже говорить о рискѣ жизнію за престолъ? Хоть бы одинъ изъ роялистовъ подалъ

кусокъ хлѣба, чашку воды несчастнымъ солдатамъ, которые сражались въ душныхъ улицахъ, подъ знойнымъ іюльскимъ солнцемъ, изнемогали отъ голода и жажды. — и этого никто изъ роялистовъ не сдѣлалъ. Тѣ, которые были въ Сенъ-Клу, до послѣдней минуты хлопотали только о томъ, чтобы скрыть отъ короля истинное положеніе дѣлъ. Это имъ удалось превосходно: до той минуты, когда измученныя, разбитыя войска, отступая изъ Парижа, пришли въ Сенъ-Клу, Карлъ X былъ увѣренъ, что мятежъ подавляется, что вотъ-вотъ, черезъ часъ, черезъ полчаса явится къ нему депутація Парижа съ просьбой о пощадѣ раскаявшемуся городу. Эта исторія извѣстна, разсказывать ее нечего. А что же дѣлали тѣ роялисты, которые находились на мѣстѣ возмущенія? Немногіе, честнѣйшіе, покрѣпче заперлись въ свои дома, чтобы даже невзначай какъ нибудь не подвергнуться опасности; другіе, поразсчетливѣе, уже завязывали сношенія съ побѣдителями и, напримѣръ, великій референдарій Семонвиль разъѣзжалъ въ коляскѣ по Парижу, непристойными словами ругая безумцевъ, издавшихъ несчастныя повелѣнія. Это исторія также извѣстная.

Исторія либераловъ также хороша, хотя не такъ коротка. Мы уже видѣли ихъ подвиги 26 іюля. На другой день, когда нѣкоторыя отчаянныя головы начали битву, масса либераловъ перетрусила еще больше. „Плохи дѣла! говорилъ одинъ либеральный мануфактуристъ своимъ друзьямъ:—дать народу оружіе—онъ пойдетъ сражаться; не дать — онъ пойдетъ грабить“. Понятія о движеніи народа у либераловъ неотразимо связывались съ понятіемъ грабежа, — такихъ-то людей бѣдный Карлъ X считалъ революціонерами! Но что-то подѣлывалъ, напримѣръ, Лафайетъ, ужасный предводитель республиканцевъ? А вотъ что: по вечеру пришли было къ нему посовѣтоваться нѣсколько воспитанниковъ политехнической школы. Имъ отвѣчали, что Лафайетъ почиваетъ, и будить его нельзя. А что же вообще подѣлывали либеральные депутаты? Они съ похвальною неутомимостью опять-таки собрались у Казимира Перье, доказывать другъ другу, что не имѣютъ никакого права протествовать, а нѣкоторые прибавляли, что надобно написать письмо къ королю—содержаніе письма можно было читать на ихъ лицахъ,—почти всѣ трусили такъ, что даже не старались скрывать своего смятенія. Даже Вильменъ, который не отличался, какъ увидимъ ниже, особенно отважными намѣреніями, говорилъ, оглядывая дрожавшихъ товарищей: „не ожидалъ я найти столькихъ трусовъ въ одной комнатѣ!“ Хозяинъ, Казиміръ Перье, всегда славившійся пылкостью либеральныхъ рѣчей въ палатѣ, дрожалъ чуть ли не больше всѣхъ. У дверей дома, подъ окнами залы, гдѣ совѣщались депутаты, собралось нѣсколько человѣкъ молодежи. На нихъ ринулся отрядъ конницы — напрасно толкались въ запертую дверь безоружные юноши, чтобы укрыться отъ атаки — дверей не велѣли отворять, и несчастные были изрублены подъ глазами депутатовъ,—и дверь не отворилась спасти ихъ. Зато докторъ Тибо, пріятель генерала Жерара (тоже одного изъ предводителей либеральной партіи), явился къ Витролю просить его ѣхать въ Сенъ-Клу, чтобы искать примиренія съ Карломъ X.

Ночью (съ 27 на 28) населеніе Парижа готовится къ битвѣ. Съ ранняго утра начинается она уже въ серьёзныхъ размѣрахъ. Опять являются къ Лафайету воспитанники политехнической школы, которые уже и наканунѣ дрались. Республиканскій вождь проснулся,—теперь они уже не уйдутъ безъ его совѣта: „посовѣтуйте вашимъ товарищамъ держать себя смирно“, говоритъ онъ имъ. Въ

12 часовъ утра депутаты опять собрались, на этотъ разъ у Одри де-Пюйраво, одного изъ немногихъ, выказавшихъ мужество въ эти дни. Онъ зналъ, каковы его товарищи, и пригласилъ молодежь собраться на дворѣ своего дома, чтобы уравновѣсить другимъ страхомъ страхъ, внушаемый Полиньякомъ. Могенъ, также отличавшійся мужествомъ, началъ совѣщаніе словами: „Совершается революція, мы должны руководить ею предлагаю составить временное правительство, требую, чтобы оно было учреждено немедленно". — „Временное правительство? восклицаютъ въ ужасѣ Себастіани, Шарль Дюпенъ, Казиміръ Перье: — что вы? да вѣдь это значило бы нарушать законный порядокъ! Останемся въ предѣлахъ закона!" Разумѣется, предложеніе было отвергнуто. Но возстаніе съ того утра охватило уже весь Парижъ; многія части войска дерутся неохотно, нѣкоторые отряды уже колеблются, готовы присоединиться къ инсургентамъ, другіе отряды отступаютъ изъ улицъ, которыя должны были очистить, успѣхъ инсургентовъ вообще становится вѣроятенъ. Депутаты видѣли это, притомъ же со двора слышны крики революціонеровъ. Мужество депутатовъ подъ этими вліяніями возвышается до того, что Гизо читаетъ сочиненную имъ протестацію депутатовъ, — вчера депутаты отвергали мысль о ней, теперь согласились напечатать ее. Зато сколько революціонной отваги было въ этой протестаціи! Инсургенты, вчера крачавшіе только: „да здравствуетъ конституція!" нынѣ уже сражались при крикахъ „долой Бурбоновъ!" Протестація депутатовъ была наполнена выраженіями ненарушимой вѣрности къ королю. Уваженіе къ законному порядку простиралось до того, что депутаты даже не называли себя депутатами, а только „правильно избранными въ депутаты": они признавали этимъ силу повелѣнія, распустившаго палату и лишившаго ихъ званія депутатовъ. Они говорили не о волѣ самого Карла X, а только „о совѣтникахъ, обманувшихъ намѣренія монарха". Еще два дня назадъ журналисты издали протестацію гораздо болѣе твердую и подписались подъ ней. Депутатамъ, не потерявшимъ разсудка отъ робости, совѣстно было сравнить свою прокламацію съ прокламаціею журналистовъ; но они не отважились подвергать преніямъ проэктъ ея, видя, что при всеобщей робости ихъ товарищей, пренія поведутъ только къ ослабленію выраженій, и безъ того уже трусливыхъ. Они поспѣшили убѣдить собраніе поскорѣе принять проэктъ. Но тутъ возникъ вопросъ о томъ, подписывать ли протестацію. Безъ подписей она не имѣла никакого значенія: но большинство депутатовъ не хотѣло рисковать, и протестація была послана въ типографію газеты „Temps". Издатель газеты принесъ бумагу обратно, говоря, что онъ не хочетъ напечатать безъ подписей такое трусливое объявленіе, за которое всѣ станутъ смѣяться надъ нимъ, если не будутъ знать имена авторовъ. Это было уже въ четыре часа вечера; инсургенты пріобрѣли много новыхъ успѣховъ; мужество депутатовъ возросло до того, что они послѣ многихъ споровъ отважились согласиться на перечисленіе въ заголовкѣ бумаги всѣхъ депутатовъ, находившихся въ Парижѣ, безъ различія присутствовавшихъ и неприсутствовавшихъ на совѣщаніи; штука хорошая: вѣдь это были не подписи, а просто исчисленіе именъ, оставлявшее каждому изъ упомянутыхъ лицъ совершенную свободу сказать потомъ, что его имя помѣщено въ спискѣ безъ его согласія и вѣдома. Всѣхъ депутатовъ на совѣщаніи было только сорокъ одинъ; именъ было выставлено шестьдесятъ три. „Вотъ и прекрасно, съ ироніей сказалъ Лафитъ: — въ случаѣ пораженія никто изъ насъ не подписывалъ, а въ случаѣ побѣды подписали всѣ".

Особенной трусостью по прежнему отличались знаменитый Казиміръ Перье и генералы Себастіани и Жераръ. Большинство собиравшихся депутатовъ слѣдовало примѣру ихъ осторожности. Единственное спасеніе себѣ видѣли они въ переговорахъ съ Карломъ X, которые, при посредствѣ доктора Тибо, велъ Витроль. Въ первый разъ Витроль нашелъ Карла X не расположеннымъ слушать никакихъ предложеній. Когда онъ возвратился съ этими извѣстіями къ вечеру, Тибо снова просилъ его ѣхать въ Сенъ-Клу съ новыми просьбами. „Скажите, что съ готовностью исполнятъ все для охраненія королевскаго согласія отъ оттѣнка принужденности, говорилъ Тибо. Если нужно, высшія корпораціи парижскаго управленія, члены кассаціоннаго суда и апелляціоннаго суда отправятся въ Сенъ-Клу въ мундирахъ; такимъ образомъ снисходительность короны не будетъ казаться уступкою необходимости, а только милостивымъ отвѣтомъ на просьбы". Кромѣ Карла X депутаты обращались съ просьбами къ маршалу Мармону, командовавшему войсками въ Парижѣ. Лафитъ, говорившій съ маршаломъ отъ ихъ имени, соблюлъ достоинство. Онъ прямо сказалъ, что если противозаконныя повелѣнія не будутъ отмѣнены, то онъ „отдастъ свою жизнь и состояніе въ распоряженіе парижанъ". Когда предложенія, переданныя черезъ Мармона, были отвергнуты въ Сенъ-Клу, онъ сдержалъ свое слово. Изъ ста человѣкъ либеральныхъ депутатовъ, находившихся въ Парижѣ, человѣкъ десять выказали такую же смѣлость; всѣ остальные были безъ памяти отъ ужаса. Уже предвидѣлось, что завтра ни одного солдата не останется въ Парижѣ. Уже предвидѣлось, что инсургенты провозгласятъ завтра низверженіе Бурбоновъ: но Казиміръ Перье, вѣрнѣйшій представитель большинства либераловъ, все еще повторялъ: „Бурбоны— лучшее правительство для Франціи, лишь бы только они отказались отъ ультрароялистовъ". Два раза собирались депутаты этимъ днемъ, въ двѣнадцать часовъ и въ четыре часа; въ десять часовъ вечера было назначено третье собраніе. Инсургенты пріобрѣли много новыхъ успѣховъ: кромѣ дворцовъ Тюлерійскаго и Луврскаго и парижской ратуши, почти уже весь городъ былъ въ ихъ власти; войска были изнурены, отступали со всѣхъ позицій, упали духомъ: переговоры съ Сенъ-Клу и съ Мармономъ не привели ни къ чему; ходъ событій требовалъ наконецъ со стороны депутатовъ мѣръ болѣе рѣшительныхъ. Они чувствовали, что совѣщаніе, назначенное въ десять часовъ, не можетъ кончиться одними словами, и что же они сдѣлали? На прежнихъ собраніяхъ изъ ста или больше человѣкъ присутствовало до сорока. Въ десять часовъ явились въ назначенное мѣсто едва десять человѣкъ; изъ нихъ человѣкъ семь выказывали мужество; другіе трое или четверо явились будто бы только затѣмъ, чтобы показать, каково должно быть состояніе духа у остальныхъ, не отважившихся явиться. Лафайетъ, Лафитъ, Одри де-Пюйраво, де-Лабордъ объявили, что надобно наконецъ прекратить безпорядочное кровопролитіе, и что они рѣшились на завтра руководить движеніями инсургентовъ. Гизо сидѣлъ молча и неподвижно. Себастіани съ волненіемъ объявилъ, что не можетъ присутствовать при такихъ совѣщаніяхъ и, обратившись къ другому депутату, Мешену, сказалъ: „уйдемте". Оба ушли. И остальные разошлись, не рѣшившись ни на что, назначивъ только новое совѣщаніе въ шесть часовъ утра на другой день. При выходѣ Лафайетъ былъ встрѣченъ восклицаніями собравшейся толпы. Когда онъ садился въ карету, одинъ изъ инсургентовъ подошелъ къ нему и сказалъ: „генералъ, я буду говорить отъ вашего имени; я скажу, что

вы приняли начальство надъ національной гвардіей". (Замѣтимъ, что національная гвардія, въ случаѣ волненій, собирается для того, чтобы быть посредницей между войсками и инсургентами; такимъ образомъ командованіе ею имѣло бы характеръ не мятежа, а примиренія). „Что вы хотите дѣлать, закричалъ пріятель Лафайета, Карбонель: вы хотите, чтобы генерала разстрѣляли?"

Поутру въ шесть часовъ (29 іюля) явилось въ назначенное мѣсто (въ домъ Лафита) такъ же мало депутатовъ, какъ вечеромъ наканунѣ. Огромное большинство все еще не вѣрило близости побѣды. Ночью инсургенты заняли градскую ратушу; войска, кромѣ двухъ-трехъ казармъ, оставались только во дворцахъ. Но перепуганнымъ либераламъ отступленіе солдатъ казалось ихъ сосредоточеніемъ съ какими-то страшными цѣлями. Многіе уже думали только о средствахъ оправдаться передъ Полиньякомъ. Въ девять часовъ явились къ Лафиту еще не болѣе десяти человѣкъ. Но инсургенты противъ ожиданія либераловъ сохраняли всѣ свои позиціи, съ успѣхомъ нападали на войска; Мармонъ, вчера отвергавшій просьбу депутатовъ о перемиріи, теперь уже самъ предлагалъ его. Понемногу депутаты ободрялись, и къ двѣнадцати часамъ собралось ихъ уже около 30 человѣкъ. Лафитъ открылъ засѣданіе изложеніемъ необходимости принять дѣятельное участіе въ событіяхъ. Лафайетъ наконецъ объявилъ готовность взять начальство надъ національной гвардіей. Въ эту минуту приходитъ извѣстіе, что Луврскій дворецъ занятъ инсургентами. До сихъ поръ депутаты слушали Лафита и Лафайета съ унылымъ молчаніемъ, теперь у нихъ развязывается языкъ. Гизо одобряетъ намѣреніе Лафайета. Но предложеніе Могена составить временное правительство все-таки отвергнуто; по предложенію Гизо, депутаты рѣшаютъ составить только муниципальную коммиссію для управленія Парижемъ въ отсутствіе правильныхъ властей; такимъ образомъ, они еще остаются, по своему любимому выраженію, „въ границахъ законности". Большинство все еще трепещетъ отвѣтственности передъ Бурбонами. Но вотъ раздается шумъ у дверей залы: сержантъ Ришмонъ проситъ, чтобы его впустили; прислуга не соглашается: какъ можно войти солдату въ салонъ къ важнымъ сановникамъ? Онъ грозитъ лакеямъ эфесомъ своей сабли и входитъ въ залъ. Офицеры и солдаты 53 линейнаго полка прислали его объявить, что полкъ переходитъ на сторону народа. Депутаты посылаютъ за полкомъ; дворъ Лафитова дома наполняется солдатами. Депутаты въ восторгѣ. Вдругъ раздается залпъ. Невыразимое смятеніе овладѣваетъ ими. Всѣ лица блѣднѣютъ. „Намъ измѣнили, насъ идутъ арестовать! Это королевская гвардія гонитъ инсургентовъ". Всѣ бросаются бѣжать. Въ залѣ, на лѣстницѣ страшная толкотня; многіе депутаты вылѣзаютъ въ окна, чтобы спрятаться въ саду; двоихъ нашли потомъ спрятавшимися въ конюшнѣ. Вмигъ Лафитъ остается въ залѣ одинъ съ своимъ племянникомъ; что же такое случилось? Солдаты 6 линейнаго полка послѣдовали примѣру 53-го и, переходя на сторону народа, выпустили на воздухъ свои заряды. Много времени прошло, пока депутаты оправились отъ страха и собрались вновь; а между тѣмъ одно за другимъ приходили извѣстія о взятіи Тюильри, объ отступленіи королевскихъ войскъ къ Булоньскому лѣсу, о совершенномъ очищеніи Парижа отъ войскъ. Когда депутаты успокоились и воротились въ залу, битва была уже совершенно кончена. Тогда и Казиміръ Перье, снова сдѣлавшійся героемъ, какимъ являлся въ старину на преніяхъ палаты, принялъ назначеніе быть членомъ муниципальной коммиссіи.

Въ числѣ депутатовъ, разбѣжавшихся отъ Лафита, уже не было пяти или шести человѣкъ, имѣвшихъ дѣйствительное мужество. Одри де-Пюйраво ушелъ провожать Лафайета въ парижскую ратушу; трое или четверо другихъ съ утра того дня управляли инсургентами. Но и они взялись за дѣло тогда, когда побѣда уже была рѣшена. Быть можетъ, сами по себѣ они рѣшились бы на участіе въ сопротивленіи раньше, но робкіе товарищи господствовали и надъ ними.

Лафайетъ и муниципальная коммиссія явились въ парижскую ратушу уже по окончаніи борьбы. Какъ выиграласъ побѣда, это ни мало не зависѣло отъ нихъ. Но управлять побѣдоноснымъ дѣломъ они были не прочь. Впрочемъ и въ этомъ занятіи они оказались совершенно несостоятельными. Власть, которой они ничѣмъ не заслужили, скоро была взята изъ ихъ слабыхъ рукъ людьми еще менѣе раздѣлявшими опасности, но болѣе ловкими въ интригахъ. Замѣтимъ, кстати, еще одну черту: на крыльцѣ парижской ратуши Лафайетъ увидѣлъ молодаго человѣка съ трехъ-цвѣтной кокардой и приказалъ снять ее: какъ видимъ, даже и послѣ совершенной побѣды, въ его умѣ еще не было твердой мысли, что бѣлая кокарда — символъ владычества Бурбоновъ—кончила свое существованіе.

Опасности уже не было; даже въ Сенъ-Клу убѣдились, что дальнѣйшая борьба невозможна. Тогда депутаты начали дѣйствовать смѣлѣе. Они видѣли, что парижскіе инсургенты никакъ не хотятъ покориться Бурбонамъ. Первою мыслію либеральныхъ депутатовъ было искать другихъ путей къ скорѣйшему возстановленію монархической власти. Депутація за депутаціей отправлялась отъ нихъ на дачу герцога Орлеанскаго съ просьбою, чтобы онъ принялъ на себя управленіе Франціею и титулъ намѣстника королевства. Изложеніе происковъ, интригъ и хитростей, которыми была достигнута эта цѣль, не входитъ въ границы нашего разсказа. Замѣтимъ только, что еслибы дѣло зависѣло отъ большинства либераловъ, Бурбонская династія не перестала бы царствовать во Франціи. Несмотря на ихъ чрезвычайную робость, находились даже и 30 числа между ними люди, протестовавшіе въ пользу Бурбоновъ противъ герцога Орлеанскаго. Въ собраніи депутатовъ, составившемъ формальное приглашеніе герцогу явиться въ Парижъ для управленія Франціею, Вильменъ говорилъ: „Вы не имѣете права располагать короною“. Только твердость Лафита, искренно преданнаго Луи-Филиппу, удержала депутатовъ отъ новыхъ попытокъ для возстановленія Бурбоновъ.

Таковы-то были люди, которыхъ Бурбоны считали готовыми къ мятежу. Не только приготовить мятежъ, или управлять имъ, но и принять участіе въ немъ никто изъ нихъ не рѣшился. Онъ также ужаснулъ либераловъ, какъ и роялистовъ. Обѣ партіи одинаково не умѣли даже предвидѣть его. Насколько позволила имъ робость, либералы въ продолженіе волненій дѣлали все, чтобы предохранить династію отъ паденія. Они дѣлали ей постоянныя предложенія примириться съ Парижемъ. Когда же инсургенты противъ воли либераловъ низвергли династію, они поспѣшили возстановить монархію при помощи единственнаго принца, пользовавшагося популярностью. Они такъ спѣшили этимъ дѣломъ, что передали ему власть безъ всякихъ условій, и герцогъ Орлеанскій вступилъ на престолъ съ тѣми же самими правами, какими пользовались Бурбоны. Послѣ іюльскихъ дней роялисты лишились всякаго вліянія на правительство, перешедшее исключительно въ руки либераловъ; но, сравнивая власть Луи-Филиппа съ властью Людовика XVIII, мы

не замѣтимъ никакого уменьшенія въ ней отъ побѣды либераловъ. Правда и то, что не либералы одержали эту побѣду: они только присвоили ее себѣ.

Либеральные историки могутъ находить чрезвычайный прогрессъ въ Орлеанскомъ правительствѣ сравнительно съ Реставраціею. Нѣкоторыхъ перемѣнъ во многихъ частностяхъ и даже въ общемъ духѣ управленія нельзя не признать. Іезуиты утратили прежнюю силу надъ правительствомъ: газеты, хотя и не могли назвать себя совершенно независимыми отъ произвола, какъ въ Англіи, все-таки сдѣлались нѣсколько самостоятельнѣе; судебное сословіе также пріобрѣло нѣсколько большую независимость отъ произвола министровъ и съ тѣмъ вмѣстѣ нѣсколько больше прежняго стало подчиняться общественному мнѣнію; оттого правосудіе улучшилось; избирательный цензъ былъ значительно пониженъ. Такихъ частностей можно набрать много. Но главная перемѣна состояла въ томъ, что опасность, грозившая новому гражданскому устройству при Бурбонахъ, теперь миновалась. Впрочемъ, цѣна этого выигрыша значительно понижается тѣмъ, что и при Бурбонахъ опасность ограничивалась только словами; на самомъ же дѣлѣ самые безразсудные ультра-роялисты и даже самъ Полиньякъ не отваживались предпринять ничего существенно важнаго къ возстановленію средневѣковыхъ злоупотребленій. Они мечтали о старинномъ порядкѣ, кричали о немъ, но едва задумывали начать что нибудь важное для исполненія своихъ плановъ, какъ уже отступали передъ дѣйствительностію. Съ 20-го года феодальная партія управляла государствомъ безпрекословно. Чтожъ особеннаго осмѣлилась она сдѣлать для осуществленія своихъ теорій? Она составила законъ о майоратствахъ, но такой робкій законъ, который могъ только раздражать своею несовременностью, а никакъ не измѣнить гражданскихъ отношеній на самомъ дѣлѣ, да и отъ того она отказалась при первой неудачѣ. Важнѣе была выдача вознагражденія эмигрантамъ. Но какъ ни кричали нѣкоторые ораторы о политическомъ значеніи этой мѣры, въ сущности она осталась не болѣе, какъ выдачею пособія членамъ и кліентамъ придворнаго круга. Безспорно, роялисты враждовали противъ новаго гражданскаго устройства; но оно укоренилось уже такъ прочно, что измѣнить его не было возможности, и вражда оставалась безсильна. Во всякомъ случаѣ, разумѣется, имѣла нѣкоторую важность перемѣна, уничтожившая даже угрозы на словахъ тому, что не было никогда въ опасности на дѣлѣ. Хотя очень мало, но все-таки нѣсколько выигралъ новый гражданскій порядокъ черезъ замѣненіе Карла X, Полиньяка и Шатобріана Луи-Филиппомъ, Гизо и Казимиромъ Перье.

Мы не напрасно кончили исчисленіе выгодъ новой системы сопоставленіемъ собственныхъ именъ: въ перемѣнѣ фамилій состояла существеннѣйшая часть переворота. Въ эпоху Реставраціи правительственная власть находилась въ рукахъ старинныхъ феодальныхъ фамилій; при Орлеанской династіи управляли Франціею люди средняго сословія. И прежде управленіе велось въ интересахъ средняго класса: вести его иначе не было физической возможности; но все-таки кое-что успѣвали сдѣлать потомки феодаловъ и для своего сословія. Теперь средній классъ былъ избавленъ отъ этихъ мелочныхъ непріятностей. Самъ управляя всѣми дѣлами, онъ могъ, разумѣется, лучше соблюдать свои интересы, нежели соблюдались они людьми другаго сословія, хотя и не бывшими въ состояніи нарушить выгодъ средняго сословія ни въ чемъ существенно важномъ, но все-таки старавшимися по возможности вредить ему въ пустякахъ.

Выигрышъ государства былъ хотя и не великъ, но все-таки несомнѣненъ: оно избавилось отъ опасеній, правда, лишенныхъ фактическаго основанія, но тѣмъ не менѣе тревожившихъ его. Выигрышъ средняго сословія былъ довольно великъ. Королевская власть ничего не проиграла отъ іюльскаго переворота. Что же выигралъ простой народъ, силою котораго среднее сословіе освободилось отъ своихъ противниковъ? Простой народъ сражался безъ всякихъ опредѣленныхъ собственныхъ требованій; онъ увлекся тяжестью своего положенія къ участію въ вопросахъ, чуждыхъ его интересамъ; онъ не озаботился продать свое содѣйствіе, не выторговалъ себѣ никакихъ условій прежде, чѣмъ примкнуть къ той или другой сторонѣ. Разумѣется, онъ не получилъ ничего.

Напрасная борьба династіи противъ новыхъ интересовъ, нимало не враждебныхъ выгодамъ королевской власти; напрасный союзъ ея съ партіею, отъ торжества которой не могла она желать никакой пользы для себя, противъ партіи, искренно желавшей союза съ династіею, выгоднаго для династіи; оставленіе народа беззащитнымъ и безнадежнымъ вслѣдствіе противоестественнаго союза династіи съ феодалами; увлеченіе народа отчаяніемъ къ возстанію, — гибель династіи безъ пользы для народа, — вотъ въ короткихъ словахъ исторія Реставраціи. Реакціонеры понесли наказаніе, котораго заслуживалъ ихъ эгоизмъ; но грустно то, что династія ради удовольствія этихъ бездушныхъ эгоистовъ готовила себѣ не нужную погибель.

ТЮРГО.

Его ученая и административная дѣятельность, или начало преобразованій во Франціи XVIII вѣка. Сочиненіе *С. Муравьева*. Москва. 1858 года.

Г. Муравьевъ довольно исключительно держался началъ системы, съ которою мы никогда не соглашались. Знаменитый принципъ Гурне laissez faire, laissez passer, принимаемый за основаніе не только теоріи, но и практики многочисленною школою французскихъ экономистовъ, чуть ли не кажется и ему не только временною потребностью исторіи, развивающейся рѣзкими переходами изъ одной односторонней крайности въ другую, но и вѣчнымъ идеаломъ экономическаго устройства; идеаломъ, держаться котораго будетъ не только возможно когда нибудь по истеченіи столѣтій, по развитіи механическихъ средствъ до того, что отъ безмѣрнаго производства вещи потеряютъ свою мѣновую цѣнность, въ томъ родѣ, какъ нынѣ воздухъ не имѣетъ ея; но котораго можно исключительно держаться и въ настоящее время, когда владычествуетъ золото, торговля, конкурренція, привилегіи и монополіи всякаго рода, когда существуетъ антагонизмъ между излишкомъ у однихъ и нуждою у другихъ. Читатель знаетъ, что мы не раздѣляемъ такого убѣжденія, и если бы мы непремѣнно обязаны были выставлять въ книгѣ г. Муравьева всѣ тѣ мѣста, съ которыми мы несогласны, и объяснять причины, по которымъ находимъ ихъ несовсѣмъ справедливыми, мы должны были бы переписать чуть ли не половину страницъ его труда съ прибавленіемъ замѣчаній, на которыя потребовалось бы вдвое больше страницъ. Но мы не хотимъ дѣлать этого; мы лучше хотимъ просто сказать, что книга г. Муравьева, какъ трудъ одного изъ послѣдователей школы Сэ, подлежитъ всѣмъ тѣмъ возраженіямъ и заслуживаетъ съ другой стороны многихъ изъ тѣхъ похвалъ, которыя примѣняются вообще ко всей школѣ. Этимъ отзывомъ мы ограничимъ сужденіе объ общихъ идеяхъ книги; изложеніе книги мы должны похвалить: у г. Муравьева незамѣтно пустыхъ, самолюбивыхъ претензій, которыми такъ легко щеголять; онъ скромно и внимательно воспользовался матерьялами, какіе могъ имѣть: для человѣка, знакомаго съ французскою литературою политической экономіи, эти матерьялы покажутся очень обыкновенными, но для массы публики Collection des économistes и тому подобные сборники и сочиненія не служатъ настольными книгами; потому въ русской литературѣ трудъ г. Муравьева далеко не безполенъ. Онъ собралъ много фактовъ, разсказалъ ихъ довольно ясно,—будемъ ему благодарны.

Этимъ ограничится нашъ разборъ труда г. Муравьева. Но мы хотимъ, вовсе

не споря съ авторомъ, изложить о предметѣ его сочиненія мнѣніе, которое считаемъ подходящимъ къ истинѣ ближе, нежели взглядъ школы Сэ.

Мѣсто не позволяетъ намъ изслѣдовать, по примѣру г. Муравьева, теорію меркантилистовъ; мы сосредоточимъ наше вниманіе исключительно на теоріи физіократовъ и на дѣятельности самого Тюрго, какъ ни хотѣлось бы намъ показать, что напрасно такъ презрительно отзывается о меркантилистахъ школа Сэ, когда сама еще по уши сидитъ въ меркантилизмѣ.

Прежде всего мы хотимъ показать, какъ смотрятъ на Тюрго и физіократовъ экономисты школы, повидимому забываемой г. Муравьевымъ. Съ этой цѣлью мы отказываемся отъ претензіи на оригинальность, и читатель, вѣроятно, не подосадуетъ на насъ за то, что вмѣсто очерка, какой могли бы представить мы сами, онъ прочтетъ очеркъ гораздо краснорѣчивѣйшій.

Надъ комнатами г-жи де-Помпадуръ въ Версалѣ были темныя антресоли: тамъ жилъ докторъ фаворитки, Франсуа Кене, человѣкъ ученый и умный, проводившій свою жизнь въ размышленіяхъ о земледѣліи, въ исчисленіи его произведеній и стремившійся основать на этихъ исчисленіяхъ новую науку. Подъ ногами его переплетались политическія и любовныя интриги, а въ его тѣсной квартирѣ собирались за столомъ философы того времени, Дидро, д'Аламберъ, Эльвесіусъ, Бюффонъ; собирались друзья, скоро ставшіе его учениками, и въ числѣ ихъ человѣкъ, который въ свою очередь сталъ учителемъ,—Тюрго.

Кене выросъ въ деревнѣ, онъ внимательно анализировалъ то, что видѣлъ вокругъ себя, и сохранилъ отъ деревенской жизни воспоминанія, придававшія его бесѣдамъ грацію и колоритъ, которыхъ не находимъ въ его сочиненіяхъ. Авторитетность его рѣчи, его опытность, оплодотворенная размышленіемъ, новость его взглядовъ или, скорѣе, его опредѣленій, систематичность его ума,—все это дало ему прозелитовъ, которыхъ его скромность превратила въ почтительныхъ поклонниковъ. Скоро вокругъ его кресла составилась школа, наполнившая шумомъ и жизнью вторую половину XVIII вѣка. Предвидя адептовъ въ своихъ посѣтителяхъ, онъ то бесѣдовалъ съ однимъ, съ другимъ изъ нихъ наединѣ, то, собирая ихъ вмѣстѣ, излагалъ имъ съ обворожительною серьёзностью теоріи, которыя потомъ имѣли неизмѣримое вліяніе на ходъ событій и сущность которыхъ такова:

Человѣкъ живетъ матерьяльными продуктами. Откуда онъ получаетъ ихъ? Изъ земли. Итакъ существенный характеръ богатства—его матерьяльность, а истинный источникъ его—земля.

Но что нужно, чтобы земля служила человѣку?

Во-первыхъ, нужна годность поля для обработки, нужны строенія для земледѣльца, конюшни для лошадей, магазины для сельскихъ продуктовъ. Это называется поземельными затратами.

Что нужно еще? Нуженъ скотъ, нужны плуги, разныя земледѣльческія орудія, нужны сѣмена. Это называется первоначальными затратами.

Но это еще не все. Нужны также расходы на множество разныхъ работъ, на засѣвъ, на обработку земли, на сборъ жатвы; нужны также расходы на содержаніе земледѣльческихъ работниковъ, на прокормленіе домашнихъ животныхъ. Это называется ежегодными затратами.

Изъ этихъ трехъ родовъ затратъ, равно производительныхъ, потому что ихъ общее содѣйствіе порождаетъ жатву, поземельныя затраты дѣлаются собственни-

комъ: первоначальныя и ежегодныя затраты дѣлаются человѣкомъ, обрабатывающимъ землю.

Теперь предположимъ, что жатва собрана; расходы, сдѣланные вами для того, чтобы получить этотъ сборъ, нужно будетъ снова дѣлать вамъ, чтобы получить новый сборъ: такимъ образомъ на сѣмена, на кормъ для скота, на плату рабочимъ вамъ понадобится сумма, по крайней мѣрѣ, равная той, какая была нужна въ прошедшемъ году. Къ этой суммѣ надо прибавить другую, назначенную на исправленіе повредившагося плуга или на возобновленіе другихъ орудій, испортившихся отъ долгой службы, или на пріобрѣтеніе новой лошади, ставшей неспособною къ работѣ. Такимъ образомъ изъ настоящей жатвы надобно для полученія слѣдующей жатвы вычесть: 1) всю сумму ежегодныхъ затратъ, 2) сумму на ремонтъ первоначальныхъ затратъ. Это вычеты, остающіеся въ рукахъ у воздѣлывающаго землю.

Остатокъ есть процентъ на поземельныя затраты, это доходъ собственника или поземельный доходъ.

Налогъ не можетъ касаться вычетовъ, остающихся у воздѣлывателя, иначе нанесется смертельный ударъ будущей жатвѣ, потому что отъ уменьшенія издержекъ, которыхъ требуетъ обработка, пострадаетъ обработка, а излишнее сокращеніе законныхъ выгодъ воздѣлывателя заставитъ его покинуть деревню и обратиться къ городской промышленности. Такимъ образомъ остается истинно свободнымъ, подлежащимъ произвольному распоряженію только одинъ изъ всѣхъ родовъ дохода, даваемыхъ жатвою,—это доходъ собственника или чистый доходъ. Стало быть на немъ долженъ лежать весь налогъ.

Но если чистый доходъ, слишкомъ угнетаемый налогомъ, потеряетъ ту значительность, чтобы заинтересовать собственника въ воздѣлываніи земли, то капиталъ не замедлитъ покинуть земледѣліе. Тогда воздѣланныя поля замѣнятся пустынями и великій источникъ довольства, богатства національной жизни изсякнетъ. Изъ этого слѣдуетъ, что увеличеніе чистаго дохода должно составлять высшую цѣль правительственныхъ заботъ. Потому правительство безъ боязни можетъ вызывать дороговизну продовольствія. Высокая цѣна хлѣба обогатитъ собственника. Собственникъ, обогащаясь, будетъ привязываться къ землѣ; земля съ улучшеніемъ обработки умножитъ свои дары и при распространеніи изобилія по всей націи посредствомъ обмѣновъ, мануфактурный работникъ, для уплаты за вздорожавшій хлѣбъ, будетъ имѣть повысившуюся заработную плату *).

Таковы были первые выводы Кене: изъ нихъ легко уже предугадать результатъ ученія повидимому столь простаго и безхитростнаго. Какъ! превозносимымъ спасительнымъ средствомъ представлялось повышеніе цѣны на хлѣбъ! дороговизна продукта, котораго бѣднякъ получаетъ и безъ того въ количествѣ, едва достаточномъ для поддержанія жизни. Теорія говорила народу, что если насущный хлѣбъ его вздорожаетъ, то и работа народа черезъ нѣсколько времени повысится въ цѣнѣ: но какова будетъ судьба народа въ теченіе того времени, пока не возстановится равновѣсіе? да и послѣ того, если мы согласимся, что повышеніе цѣны хлѣба вознаградится совершенно равнымъ повышеніемъ заработной платы (а это подлежитъ

*) Очевидно, что распредѣленіе земледѣльческихъ затратъ на три разряда Кене составилъ сообразно системѣ половничества, почти исключительно господствовавшей тогда во Франціи. По этой системѣ владѣлецъ земли давалъ половнику готовыя зданія; потому Кене и причисляетъ ихъ цѣнность къ поземельнымъ затратамъ.

еще сильному сомнѣнію),—если и будетъ такъ, какое же вознагражденіе придется несчастному, который, не находя работы, не получаетъ платы? Какое вознагражденіе придется работнику, постигнутому внезапной болѣзнью? Кене забывалъ, что цифры въ его итогахъ представляютъ людей и что есть положенія, въ которыхъ дороговизна хлѣба бываетъ смертнымъ приговоромъ. Потому поднялось сильное неудовольствіе, когда тайна новой школы наконецъ разгласилась. Народъ, по выраженію Гальяни, плохой изслѣдователь причинъ, но великій знатокъ результатовъ, боялся потерять все то, что по идеямъ новой школы должны были выиграть собственники. Онъ не довѣрялъ теоріи, отрицавшей солидарность человѣчества и выдававшей свою основную мысль неблагоразумными, невозвратными словами: одни земледѣльцы составляютъ производительный классъ; остальныя сословія—классъ безплодный.

Дѣйствительно, таковъ былъ необходимый выводъ изъ основной идеи доктора Людовика XV. Объявивъ землю единственнымъ источникомъ богатствъ, онъ былъ принужденъ признать производительнымъ классомъ однихъ земледѣльцевъ. Ремесленникъ, купецъ, докторъ, философъ, ученый, артистъ — всѣ они принадлежатъ къ безплодному классу (classe stérile) *).

Правда, что у Кене и его школы это выраженіе не совсѣмъ соотвѣтствовало настоящей ихъ мысли; они вовсе не отвергали пользы различныхъ занятій, которыя оказывались какъ будто безполезными по ихъ терминологіи; но съ экономической точки зрѣнія они считали эти занятія имѣющими только второстепенную полезность. Одинъ изъ нихъ, быть можетъ превосходившій всѣхъ другихъ блескомъ ума, Бодо, писалъ къ госпожѣ ****, излагая основныя мысли своей школы: „Садясь за простой завтракъ, вы видите вокругъ себя собраніе произведеній всѣхъ климатовъ и обоихъ полушарій. Эти чашки и этотъ подносъ сдѣланы въ Китаѣ; этотъ кофе родился въ Аравіи; сахаръ, который вы кладете въ него, воздѣланъ въ Америкѣ; металлъ вашего кофейника происходитъ изъ Потози. Этотъ ленъ, привезенный изъ Риги, обработанъ голландской промышленностію; наши деревни доставили на вашъ завтракъ только хлѣбъ и сливки". И показавши, что весь земной шаръ, посредствомъ чудесъ промышленности и торговли, служитъ завтраку его корреспондентки, авторъ называетъ не болѣе какъ пріятными и считаетъ не болѣе какъ достойными приличнаго вознагражденія всѣ эти услуги, для которыхъ надобно было превозмочь тысячи препятствій, презрѣть безчисленными опасностями, съ мужествомъ, съ энергіею, иногда принимавшею ошибочное направленіе, но все-таки могущественною,—надобно было съ торжествомъ переплыть моря и побѣдить природу.

*) Мы не во всемъ согласны съ очеркомъ, которымъ пользуемся. Не всѣ примѣры выбраны здѣсь удачно. Трудъ доктора, дѣйствительно, самый производительный трудъ; предохраняя или возстановляя здоровье, докторъ пріобрѣтаетъ обществу всѣ тѣ силы, которыя погибли бы безъ его заботъ; точно также ученый трудится производительно, когда занимается предметомъ, могущимъ распространить знаніе природы, или содѣйствовать просвѣтлѣнію ума; но есть много наукъ, подобныхъ геральдикѣ, пустыхъ по своему предмету и затемняющихъ умъ своею фальшивостью. Мы не думаемъ, чтобы труды такихъ ученыхъ, какъ Несецкій (авторъ польскаго генеалогическаго гербовника), могли быть названы производительными, а при нынѣшнемъ состояніи наукъ, большинство ученыхъ трудится надъ подобными предметами. Изъ ремесленниковъ, не производителенъ трудъ всѣхъ тѣхъ, которые производятъ предметы роскоши. Къ сожалѣнію, большая часть художниковъ и артистовъ трудятся для искусства въ такомъ направленіи, которое также не можетъ быть названо производительнымъ. Они обыкновенно служатъ только прихотямъ роскоши. Изъ занятій, допускаемыхъ общественною совѣстью, почти каждое при соблюденіи извѣстныхъ условій можетъ быть производительнымъ, то есть служить на пользу людямъ; но должно признаться, что въ настоящее время находится очень много занятій, производимыхъ въ направленіи совершенно праздномъ, или даже прямо убыточномъ обществу. Мѣриломъ тутъ служитъ классификація общественныхъ потребностей.

Если мы спросимъ, на чемъ основывалось безотчетное преимущество, отдаваемое Кене и его учениками земледѣльцамъ, вотъ отвѣтъ:

„Ремесленникъ трудясь, философъ размышляя, купецъ перевозя товары, артистъ доставляя намъ наслажденіе, всѣ они требуютъ средствъ къ существованію. Откуда же получаются ими средства существованія, какъ не изъ земли? Такимъ образомъ земля кормитъ тѣхъ, которые не обработываютъ ее, кормитъ излишкомъ, остающимся отъ пропитанія тѣхъ, которые обработываютъ ее. Этимъ чистымъ доходомъ содержатся всѣ труды промышленности, торговли, умственной дѣятельности. Поземельный собственникъ, владѣлецъ чистаго дохода, вотъ истинный раздаватель щедротъ природы, сокровищъ земли, вотъ истинный кассиръ промышленности. Кто, кромѣ хозяина, воздѣлывающаго землю, создающаго чистый доходъ, имѣетъ право на почетный титулъ производителя? Конечно, ремесленникъ увеличиваетъ цѣнность матеріи, которую переработываетъ; но что изъ того, если въ продолженіи своей работы онъ потребляетъ равную цѣнность? Имя производителя заслуживаетъ одинъ тотъ, кто создаетъ не для себя одного, а также и для другихъ. Это хозяинъ, обработывающій землю, потому что онъ извлекаетъ изъ нея, во-первыхъ, свое продовольствіе, и сверхъ того, во-вторыхъ, чистый доходъ, то есть, средства, на которыя содержатся, источникъ, изъ котораго почерпаютъ торговцы, артисты, мануфактуристы, медики, писатели, адвокаты, ученые, словомъ сказать всѣ, которые, не обработывая земли, составляютъ другую дѣятельную часть человѣчества“.

Такимъ образомъ, ученіе Кене, названное физіократіею, правленіемъ природы, раздѣляло общество на три класса: классъ собственниковъ, составлявшій подраздѣленіе производительнаго класса: классъ земледѣльцевъ или въ собственномъ смыслѣ производительный классъ, наконецъ безплодный классъ, заключавшій въ себѣ ремесленниковъ, купцовъ, артистовъ.

Если бы физіократы, по крайней мѣрѣ, почтили именемъ производителя страдальца, изнемогающаго и умирающаго, проводя борозду, на которой созрѣетъ колосъ! Но они боялись бы оскорбить хозяина, нанимающаго работниковъ, еслибы поставили въ одинъ разрядъ съ ними бѣднаго поселянина, имъ нанимаемаго: и въ ихъ глазахъ даже среди сельскаго населенія отличительнымъ признакомъ производительнаго класса былъ не трудъ а расходованіе денегъ *).

Напротивъ, какъ завидна, какъ блистательна была роль, предоставляемая физіократами собственнику! Возведенный ими на первое мѣсто въ производительномъ классѣ, онъ представлялся облеченнымъ высшею общественною должностію и для исполненія этой высокой должности ему надобно было только пользоваться своимъ имуществомъ. Онъ одинъ сидѣлъ за столомъ пиршества, его роль была спокойно потреблять свои доходы, а ремесленники и другіе члены безплоднаго класса приносили къ его столу плоды своей промышленности и своего таланта въ обмѣнъ за остатки его трапезы.

А между тѣмъ, по странному опасенію, собственники были поражены ужасомъ.

*) Въ тогдашней Франціи, какъ мы замѣтили въ одномъ изъ прежнихъ примѣчаній, почти все пространство земли обработывалось по системѣ половничества, изрѣдка по системѣ фермерства. Такимъ образомъ огромное большинство сельскаго населенія было исключено изъ участія въ пользованіи чистымъ доходомъ или рентою. И если полученіе поземельной ренты составляетъ признакъ производителя, то, разумѣется, наемные работники или половники не могли назваться производителями въ строгомъ смыслѣ.

Кене, какъ мы видѣли, требовалъ, чтобы всѣ налоги были замѣнены однимъ поземельнымъ налогомъ. Собственники увидѣли только эту сторону теоріи, которая до чрезмѣрности преувеличивала ихъ важность, назначала имъ пышную праздность и стремилась замѣнить деревенской аристократіей прежнюю военную аристократію. Собственники не замѣтили, что посредствомъ возвышенія цѣнности хлѣба, Кене хотѣлъ косвеннымъ образомъ собирать съ промышленности то увеличеніе налога, которымъ, повидимому, грозила его система доходамъ собственниковъ.

Но физіократы пользовались при Дворѣ силою, при помощи которой могли смѣло бороться съ противниками. Г-жа Помпадуръ ограждала ихъ учителя своею могущественною дружбой, а Людовикъ XV защищалъ ихъ своею беззаботностію. Когда въ концѣ 1758 года Кене издалъ свою „Экономическую таблицу“, первые оттиски сдѣлалъ король своими руками. Скоро Кене пріобрѣлъ пылкихъ и преданныхъ помощниковъ. Ихъ тяжелыя и темныя сочиненія принесли бы впрочемъ довольно мало пользы новому ученію, если бы оно изъ книгъ не перешло въ летучіе листки. Кене одинъ изъ первыхъ привѣтствовалъ общественное мнѣніе, какъ властелина новыхъ временъ. Когда одинъ сановникъ сказалъ при немъ: „государства управляются аллебардою“ онъ отвѣчалъ: „а кто управляетъ аллебардою?“ Физіократы поняли важность журналовъ и у нихъ явились журналы.

Въ то же время образовалась другая школа. Гурне, столь же страстный поклонникъ торговли, какъ Кене поклонникъ земледѣлія, наблюдалъ явленія, порождаемыя старою системою запрещеній, таможенъ, привиллегій, цеха. Онъ видѣлъ фабриканта, боровшагося съ фабричными регламентами, торговца боровшагося съ пошлинами, работника, порабощеннаго цехами. Сколько законовъ, статутовъ, регламентовъ нужно было тогда знать и пересмотрѣть, чтобы выткать штуку какой нибудь матеріи! Если она не была правильно разбита на куски по три локтя, если она не имѣла указанной длины и ширины, если въ основѣ было больше указаннаго числа нитей, то грозили штрафы и процессы. И что это были за процессы, въ которыхъ фабрикантъ, неумѣвшій читать, былъ судимъ инспекторомъ, неумѣвшимъ ткать! Давно уже народы по преимуществу коммерческіе, англичане, голландцы сбросили эти путы, казавшіяся имъ послѣдними остатками варварства; Гурне, путешествовавшій изъ любознательности, занимавшійся самъ торговлею, видѣвшій отъ Кадикса до Гамбурга всемірную торговлю въ широкихъ размѣрахъ, извлекъ изъ своей долгой опытности нелюбовь къ вмѣшательству власти въ экономическія отношенія. Нужна была формула для начинавшейся эпохи владычества индивидуализма; Гурне нашелъ ее: laissez faire, laissez passer.

Легко угадать точку естественнаго несогласія школы Гурне съ школою физіократовъ. Мыслители, поклонявшіеся промышленности и торговлѣ, могли ли согласиться на признаніе превосходства за земледѣліемъ? Дѣйствительно, въ этомъ вопросѣ они помирились не безъ труда. Но обѣ школы имѣли одну общую тенденцію, — индивидуализмъ; и общимъ девизомъ ихъ стала формула: laissez faire, laissez passer.

Въ самомъ дѣлѣ, глава физіократовъ свою теорію чистаго дохода завершалъ признаніемъ безграничной свободы собственника. Онъ хотѣлъ, чтобы собственникъ, одинъ подвергаясь налогу, могъ по своему капризу возвышать цѣну хлѣба, держать его въ магазинахъ, не пуская въ продажу, вывозить его за границу,

словомъ располагать хлѣбомъ какъ угодно, находя единственное ограниченіе своему произволу въ такомъ же правѣ другихъ собственниковъ.

Такимъ образомъ, два человѣка, вышедшіе изъ различныхъ точекъ, одинъ воспитанный на фермѣ, другой воспитанный въ купеческой конторѣ, прошедши нѣкоторое пространство на полѣ теоріи различными дорогами, вдругъ встрѣтились на перекресткѣ, гдѣ надписью столба было слово: свобода. Важно было бы хорошенько понять это слово. Сколькихъ бѣдствій избѣжали бы народы, еслибы поняли, что нѣтъ свободы тамъ, гдѣ слабый остается безпомощнымъ. Но прежніе стѣснительные регламенты такъ утомили людей, что почти всѣ мыслители безусловно склонялись къ противоположному принципу, къ простому освобожденію индивидуума отъ всякихъ обязательствъ. Собственникъ и купецъ, богачъ и бѣднякъ, каждый предоставлялся теперь самому себѣ. Думали, что каждый лучше всѣхъ другихъ понимаетъ свою выгоду; будущность открывалась этому гордому чувству. Не нужно болѣе ни надсмотрщиковъ, ни сторожей, ни заставъ; не нужно опеки, хоть бы съ нею уничтожалась и защита.

Потому-то обѣ школы слились въ одну, и подъ общимъ именемъ экономистовъ они пошли, соединивъ свои знамена, къ двоякому торжеству средняго сословія въ земледѣліи и торговлѣ.

Тюрго—тотъ человѣкъ XVIII вѣка, въ которомъ соединились обѣ школы: въ его трактатѣ Sur la Formation et la Distribution des richesses выразились всѣ ихъ ученія. Напрасно стали бы мы искать въ этомъ трактатѣ новыхъ взглядовъ, поразительныхъ открытій могущественнаго генія: Тюрго былъ почтительнымъ ученикомъ Кене: если самъ онъ, какъ мы сказали, былъ почтенъ именемъ учителя, онъ обязанъ тѣмъ исключительно уваженію, какое внушалъ его возвышенный характеръ. Но историческую важность его сочиненія пріобрѣтаютъ именно отъ вѣрности, съ какою воспроизведены въ нихъ стремленія, идеи, софизмы цѣлой школы.

Трактатъ объ образованіи и распредѣленіи богатствъ не говоритъ ничего новаго о раздѣленіи общества на три класса, о преимуществѣ земледѣлія, о сущности и происхожденіи чистаго дохода; онъ только повторяетъ мысли, которыя мы уже видѣли у Кене. Потому мы разсмотримъ въ книгѣ Тюрго только отношенія теоріи экономистовъ къ простолюдинамъ.

Вотъ что говоритъ Тюрго: „Простой работникъ, неимѣющій ничего кромѣ своихъ рукъ и своего промысла, получаетъ что нибудь только чрезъ то, когда ему удастся продать другимъ свой трудъ. Онъ продаетъ его дороже или дешевле; но эта цѣна, болѣе или менѣе высокая, зависитъ не отъ него одного: она проистекаетъ изъ условія, заключаемаго имъ съ нанимающимъ его. Наниматель платитъ ему за работу какъ можно дешевле; имѣя выборъ между большимъ числомъ работниковъ, онъ предпочитаетъ того, который работаетъ дешевле. Итакъ работники принуждены понижать цѣну на перебой одни предъ другими. Во всѣхъ отрасляхъ работы должно происходить и происходитъ, что плата работника ограничивается тою цифрою, какая необходима для доставленія ему его пропитанія“.

Да, описаніе феномена очень вѣрно съ фактами. Дѣйствительно, такъ происходитъ при владычествѣ индивидуализма, въ обществѣ, гдѣ каждый имѣетъ въ виду только самого себя, на этой аренѣ, гдѣ, влекомые конкурренціею, несчастные пролетаріи принуждены оспаривать другъ у друга работу какъ будто добычу, съ

опасностью губить другъ друга. Но развѣ это не безпорядокъ, не несправедливость, не насиліе? Когда съ одной стороны сильный, съ другой слабый, свобода сильнаго развѣ не угнетеніе слабаго? Глубокіе вопросы, ихъ не предлагаетъ себѣ Тюрго! Принципъ, найденный въ наши времена, безчестная и жестокая формула: „чужихъ дѣлъ знать не хочу, въ мои никто не мѣшайся“, chacun pour soi, chacun chez soi, эта формула къ сожалѣнію была принимаема Тюрго: а разъ допустивъ принципъ, какъ остановить выводъ, если выводъ изъ него гибеленъ? „Такъ должно происходить“. Да, конечно „должно происходить“, что доля работника уменьшается до границъ необходимаго для его существованія, когда мы возьмемъ за точку отправленія право индивидуальности; но такъ ли было бы при системѣ взаимнаго обезпеченія?

Тюрго превосходно доказываетъ, что трудъ рабовъ мало производителенъ, потому что работникъ не достаточно заинтересованъ въ успѣхѣ труда: но онъ позабываетъ это соображеніе, когда рѣчь идетъ о трудѣ работника, свободнаго по имени, на фактѣ раба нищеты. Тюрго не возмущается очевидною и несправедливою неравномѣрностью въ страданіяхъ и выгодахъ при слѣпой диктатурѣ системы laissez faire,—онъ видитъ въ этомъ натуральный порядокъ; онъ описываетъ фактъ и боится судить о немъ.

Чрезвычайно живымъ и проницательнымъ образомъ Тюрго перечисляетъ услуги капитала въ промышленности и показываетъ ихъ важность; но подобно всей школѣ, представителемъ которой онъ является, Тюрго совершенно произвольно и фальшиво смѣшиваетъ капиталъ съ капиталистомъ, изъ необходимости капитала выводя законность владычества капиталиста. И кромѣ того, развѣ трудъ не такъ же необходимъ, какъ и капиталъ? И если капиталъ есть богатство прошедшаго, развѣ не трудъ извлечетъ изъ него богатство будущаго? И когда вамъ говорятъ, что заработная плата должна ограничиваться необходимо-нужнымъ для пропитанія, неужели не дастъ на то отвѣта ваше сердце, если не дала голова? Странныя и печальныя увлеченія логики въ ошибочной или неполной системѣ! Тюрго, человѣкъ благородной души, былъ до того увлеченъ своимъ принципомъ, что теоретически оправдывалъ ростовщиковъ. Понятно еще было бы, если бы онъ, провозглашая право заимодавца, основывалъ его на общественной пользѣ; но нѣтъ, это право казалось Тюрго столь безусловнымъ, столь независимымъ отъ всякой идеи общаго блага, что онъ не хотѣлъ даже, чтобы основаніемъ процентовъ поставляли услугу, оказываемую заимодавцемъ должнику [1]); нѣтъ, чтобы заимодавецъ имѣлъ право требовать всего, что хочетъ, довольно было, по мнѣнію Тюрго, что „онъ хозяинъ своихъ денегъ“.

Какое сравненіе съ благородными, достойными возвышеннаго генія, прекрасными словами Лоу: „Деньги въ вашихъ рукахъ только затѣмъ, чтобы вы пользовались ими, давали имъ обращеніе, для удовлетворенія вашихъ нуждъ и же-

[1]) Вотъ собственныя слова Тюрго: „Выгода которую можно извлечь изъ денегъ, полученныхъ въ-займы, безъ сомнѣнія бываетъ одною изъ самыхъ обыкновенныхъ причинъ того, что кредиторъ рѣшается занимать съ платежемъ процентовъ; эта выгода одинъ изъ источниковъ легкости, какую находитъ онъ въ уплатѣ процентовъ; но вовсе не она составляетъ источникъ права заимодавца требовать процентовъ; этому праву достаточнымъ основаніемъ служитъ то, что онъ хозяинъ своихъ денегъ, и это право неразлучно связано съ собственностью. Онъ хозяинъ своихъ денегъ, стало-быть воленъ оставить ихъ у себя, нѣтъ ему никакой обязанности давать ихъ въ заемъ; потому, если онъ даетъ ихъ въ заемъ, онъ можетъ поставлять этому займу какое хочетъ условіе“.

ланій: если вы не хотите сами пользоваться, ваши сограждане должны пользоваться ими; вы не можете лишать себя и другихъ права ими пользоваться, не совершая несправедливости и преступленія предъ государствомъ".

Сравните эти два ученія, и рѣшите, которое лучше.

Не скроемъ: Тюрго въ великолѣпныхъ выраженіяхъ провозгласилъ: „право работать". Безъ сомнѣнія, это будетъ однимъ изъ правъ его на честь въ потомствѣ. Тогда еще не рушилось устройство, въ которомъ осмѣливались объявлять работу феодальною привилегіею сюзерена,—тогда большою заслугою было поставить право работать въ числѣ неотъемлемыхъ правъ человѣка.

Но не станемъ обманывать себя: Тюрго никогда не достигалъ того, чтобы признать за человѣкомъ „право имѣть работу". Онъ хотѣлъ, чтобы бѣднякамъ была предоставлена свобода развивать свои способности, но онъ не допускалъ того, что общество обязано давать имъ средства достигать развитія. Онъ хотѣлъ, чтобы уничтожены были препятствія, могущія возникать отъ вмѣшательства регламентаціи, но онъ не возлагалъ на общество обязанности служить опорою для бѣдныхъ, слабыхъ, непросвѣщенныхъ. Словомъ, онъ допускалъ право искать работы, а не право имѣть ее—различіе существенное, до сихъ поръ еще не вполнѣ понятое.

Такимъ образомъ право, понимаемое экономистами въ абстрактномъ смыслѣ, было не болѣе какъ призракомъ, способнымъ только держать народъ въ мученіи вѣчно обманываемой надежды. Право въ томъ смыслѣ, какъ опредѣляли его экономисты XVIII вѣка, какъ понималъ и провозглашалъ его Тюрго, могло служить только къ замаскированію несправедливостей, которыя должны были возникнуть изъ господства индивидуализма, къ замаскированію варварства, оставлявшаго бѣдняка въ безпомощности.

Мало того, чтобы сказать: „ты имѣешь право"; надобно дать возможность, дать средства пользоваться этимъ правомъ.

Мы видѣли, какъ ложно и опасно было ученіе экономистовъ XVIII вѣка. Но не будемъ опрометчиво винить ихъ. Они съ слѣпою страстью приняли принципъ индивидуализма потому, что противоположный принципъ, принципъ власти, вызвалъ противъ себя безусловную реакцію, какъ необходимость той эпохи. Когда палка искривлена въ одну сторону, ее можно выпрямить только искрививши въ противную сторону: таковъ законъ общественной жизни. Будемъ уважать его, хотя онъ прискорбенъ: будемъ признательны даже къ ошибавшимся за ихъ ошибку, если она содѣйствовала исправленію другихъ болѣе важныхъ и гибельныхъ ошибокъ. Но только для тѣхъ сохранимъ наше удивленіе, которые, опережая свою эпоху, имѣли славу предусматривать зорю грядущаго дня, имѣли мужество привѣтствовать его приходъ. Возвышать независимый и гордый голосъ, когда противъ васъ шумитъ мнѣніе современнаго общества; бороться съ силою, которая оклевещетъ васъ, на пользу толпы, которая не понимаетъ или не знаетъ васъ; въ самомъ себѣ находить свое ободреніе, свою силу, свою надежду; съ непреклонной душой, съ святою жаждою справедливости идти къ цѣли, не озираясь, идетъ ли за вами толпа, и достигнуть высотъ, только путь къ которымъ можно указать отставшему своему поколѣнію, и кончить жизнь въ горькомъ одиночествѣ своего ума и своего сердца—вотъ что достойно вѣчнаго удивленія, и въ честь тѣхъ, которые были способны къ такому подвигу, должна возжигать свой ѳиміамъ исторія.

Мы изложили ученіе Тюрго. Дѣятельность его была дѣятельностью добраго

гражданина и преданнаго общему благу администратора. Будучи правителемъ (интендантомъ) Лимузенской провинціи въ то самое время, когда писалъ свою книгу, онъ заставилъ любить, благословлять себя. Благороднымъ употребленіемъ своихъ доходовъ, онъ облегчалъ участь бѣдняковъ. Онъ пролагалъ дороги. Онъ научилъ народъ благодѣтельному разведенію картофеля. Онъ уничтожилъ въ своемъ интендантствѣ дорожную повинность. Но замѣтимъ, что добро, внушаемое ему чувствами сердца, Тюрго могъ совершать часто не иначе, какъ поступая противоположно своимъ сочиненіямъ. „Онъ боролся съ эгоизмомъ, говоритъ жаркій его панегиристъ, Деръ, въ біографіи, приложенной къ его сочиненіямъ въ „Collection des économistes“ Гильомена, — онъ энергически боролся съ эгоизмомъ, иногда прибѣгая даже къ понудительнымъ мѣрамъ“,—но вѣдь это значило переступать узкіе принципы, на которыхъ самъ онъ основывалъ право заимодавца. Онъ устроилъ во время голода „благотворительныя мастерскія“ (ateliers de charité)— развѣ это не было вступленіемъ въ систему вмѣшательства государства въ промышленныя отношенія? Въ началѣ инструкціи благотворительнымъ комитетамъ, которые завѣдывали этими мастерскими, онъ написалъ трогательныя, дивныя слова: „Облегченіе бѣдствій страдальцевъ —общая обязанность, общій долгъ“.— развѣ это не значило осуждать теорію конкурренціи, предающей судьбу бѣдняка произволу случая? Да, Тюрго не всегда былъ вѣренъ своимъ принципамъ: не осуждайте его за то, въ томъ слава его.

Сильна была школа, провозглашавшая въ XVIII вѣкѣ индивидуальное право. Но общественное право также находило себѣ защитниковъ, хотя и оставалось въ разнорѣчіи съ общимъ направленіемъ умовъ. Изъ мыслителей, занимавшихся спеціально-экономическими вопросами, такими защитниками были Мабли, Морельи,— но ихъ усилія измѣнить господствующее направленіе оставались напрасны. Напрасно также шли противъ него Жанъ-Жакъ-Руссо въ „Contrat social“, Эльвесіусъ въ нѣкоторыхъ мѣстахъ своего „Traité de l'homme“, Дидро въ нѣкоторыхъ изъ лучшихъ своихъ сочиненій. Индивидуализмъ непреоборимо овладѣвалъ обществомъ. Мабли самъ чувствовалъ это, и многія страницы его сочиненій показываютъ, что онъ не скрывалъ отъ себя могущества идей, которыя оспаривалъ. Школа экономистовъ съ каждымъ днемъ становилась сильнѣе, и пришелъ часъ, когда она достигла правительственной власти.

10 мая 1774 года, Людовикъ XVI вступилъ на престолъ; черезъ три мѣсяца, Вольтеръ писалъ: „Если Людовикъ XVI будетъ продолжать, какъ началъ, перестанутъ говорить о вѣкѣ Людовика XIV. Онъ, кажется, благоразуменъ и твердъ, итакъ, онъ будетъ великимъ и добрымъ государемъ. Счастливы тѣ, кому двадцать лѣтъ, какъ ему, — они долго будутъ наслаждаться счастьемъ его царствованія“.

Но царствованіе это началось ошибкою. Людовикъ XVI, человѣкъ строгой нравственности и серьёзнаго характера, взялъ себѣ первымъ министромъ и руководителемъ стараго развратника, въ которомъ легкомысліе служило только прикрасою систематической испорченности. Скоро, по волѣ графа Морепа, всѣ министры замѣнились новыми. Д'Эгильонъ уступилъ мѣсто Верженну; Мюи сдѣлался военнымъ министромъ; Мопу былъ замѣненъ Мироменилемъ; Тюрго, сначала сдѣланный морскимъ министромъ, скоро получилъ должность генералъ-контролера финансовъ, вмѣсто аббата дю-Терре. Въ лицѣ Тюрго, экономисты достигли власти, и не сомнѣ-

вались, что, благодаря энергіи и безстрашію новаго генералъ-контролера, ихъ идеи будутъ наконецъ блистательнымъ образомъ примѣнены къ управленію.

Мы видѣли Тюрго писателемъ и администраторомъ: каковъ онъ будетъ министромъ?

Тюрго имѣлъ прекрасную и внушавшую почтеніе наружность. Воспитанный для духовнаго званія, у котораго похитила его философія, онъ принесъ въ свѣтское общество привычки чистой нравственности; облагораживаемыя его гордостью, онѣ заставляли смиряться легкомысліе другихъ сановниковъ. Еслибы довольно было имѣть обширныя знанія для преобразованія и успокоенія больнаго, волнующагося общества, Тюрго былъ бы достойнѣе всѣхъ руководить реформами въ странѣ, угрожаемой бурными потрясеніями: онъ испыталъ свои умственныя силы во всѣхъ отрасляхъ науки и осмотрѣлъ, такъ сказать, всѣ знанія.

Но уму его недоставало широты, недоставало ему мощнаго далекаго взгляда, который разомъ измѣряетъ всѣ результаты принципа. Отсюда его ошибки и противорѣчія. Безспорно, онъ любилъ народъ,—вѣдь онъ разрушилъ монополію цеховыхъ корпорацій и тираннію дорожной повинности; но что же предложилъ онъ взамѣнъ прежняго угнетенія? Давая человѣку достоинство, онъ дѣлалъ его одинокимъ, его величіе онъ основывалъ на эгоизмѣ, онъ провозглашалъ подъ именемъ конкурренціи войну между интересами, подъ именемъ свободы — оставленіе бѣднаго безпомощнымъ: онъ вводилъ для сильныхъ покровительство системы laissez faire, для бѣдныхъ произволъ случая. Не удивляйтесь, если онъ въ своемъ Лимузенскомъ интендантствѣ показывалъ отеческую заботливость о народѣ: если, провозгласивши въ теоріи законность лихоимства, онъ косвенными путями пытался дѣйствовать противъ его унизительнаго и жестокаго владычества: если онъ силою власти организовалъ вспоможеніе бѣднымъ, проповѣдуя въ своихъ книгахъ поклоненіе индивидуальному праву, — этому идолу, которому принесено было потомъ столько человѣческихъ жертвъ. Тюрго былъ человѣкъ, дѣйствительно желавшій добра,—могъ ли онъ, какъ практическій дѣятель, не опровергать часто своими распоряженіями свои теоретическія ошибки? Самая рѣзкая черта его жизни,—это именно противуположность между прекрасными его дѣйствіями и ложными его понятіями.

Каковы бы ни были его теоретическія недостатки, въ то время можно было противопоставить ему только одного соперника. Неккеру не могли простить презрѣнія къ модными тогдашнимъ мыслителямъ, гордой независимости его ума. Онъ изобличилъ лживость пышныхъ фразъ о свободѣ, которыми усыпляли страданія обманутой массы; онъ понялъ и отважился сказать, что право жить и быть счастливымъ пустой призракъ для человѣка, не имѣющаго средствъ къ тому; что свобода бѣдняка — только особенный видъ рабства; что всѣ притязанія отдѣльной личности должны имѣть мѣриломъ и ограниченіемъ общее благо, а судьею — государство.

По высотѣ мыслей, Неккеръ былъ безъ всякаго сомнѣнія выше Тюрго.

Но идеи Тюрго чрезвычайно облегчали обязанность правителя. Разрушить ограниченія, и потомъ оставить все частному произволу,—вотъ роль правительства, по теоріи Тюрго. Неккеръ напротивъ возлагалъ на правительство обязанность столь же тяжелую, какъ и высокую. Съ бдительнымъ участіемъ слѣдить за тревожнымъ существованіемъ бѣдняка среди запутанныхъ явленій общественной жизни; заботиться

о средствахъ существованія для всѣхъ и объ участіи каждаго въ священной области труда; быть сильнымъ за слабыхъ, прозорливымъ за непросвѣщенныхъ; защищать, если не счастіе, то, покрайней мѣрѣ, кусокъ хлѣба для массы противъ бездушнаго царства конкурренціи и безпорядковъ всеобщаго антагонизма,—вотъ какими обязанностями, вотъ какими заботами, по мнѣнію Неккера, заслуживалась честь управлять государствомъ.

Это значило требовать въ министрѣ такихъ качествъ, какихъ не дала природа самому Неккеру; потому, достигнувъ власти, онъ долженъ былъ пасть подъ бременемъ собственной идеи.

Опираясь на безусловный принципъ, имѣя цѣлью только разрушать, предоставляя результаты разрушенія на проницательность частнаго интереса, Тюрго могъ идти впередъ безъ оглядки. Не могъ имѣть этой свободы Неккеръ, проникнутый желаніемъ все устроить и все предусмотрѣть. Вошедши на высоту власти, онъ почувствовалъ, что его силы, его рѣшимость ниже его идеала, въ немъ явилась робость, что онъ самъ не удовлетворитъ своимъ требованіямъ; онъ сталъ колебаться между стыдомъ быть посредственнымъ или безполезнымъ и между страхомъ излишней смѣлости; онъ явился тѣмъ болѣе нерѣшителенъ и смущенъ, чѣмъ дальновиднѣе былъ его взоръ: нерѣшительность—слабая сторона проницательности.

Тюрго явился выше, Неккеръ ниже своихъ сочиненій въ своей министерской дѣятельности.

Какъ только вступилъ въ управленіе финансами, Тюрго ввелъ въ него ученіе экономистовъ, и 13 сентября 1774 года, эдиктъ Совѣта разрѣшилъ свободную торговлю хлѣбомъ во всемъ королевствѣ. Экономисты были въ восторгѣ. Тогда Неккеръ взялся за перо и написалъ книгу, въ которой есть страницы, равно достойныя государственнаго человѣка и поэта, которая вся отъ начала до конца проникнута серьёзнымъ краснорѣчіемъ и силою сдержаннаго чувства. Вопросъ о хлѣбной торговлѣ онъ взялъ только какъ случай возстать, во имя народныхъ пользъ, противъ системы индивидуализма. Неккеръ восходилъ къ основнымъ началамъ общественнаго устройства и подвергалъ ихъ анализу, равно возвышенному и смѣлому.

Неккеръ не нападалъ на право собственности въ его корнѣ, потому что дорожилъ свободою; но мѣриломъ собственности и свободы онъ постановлялъ общую пользу. Прилагая эти принципы къ вопросу о хлѣбной торговлѣ, онъ выводилъ изъ нихъ слѣдствія прямо противуположныя системѣ экономистовъ. Отдѣльному человѣку, говорящему: „я хочу дѣлать то, что мнѣ угодно“ онъ противуставлялъ общество, говорящее: „я не хочу, чтобы человѣкъ могъ дѣлать то, что мнѣ вредно“.

Подъ тѣмъ предлогомъ, что заработная плата приходитъ въ соразмѣрность съ цѣною продуктовъ первой необходимости, физіократы утверждали, что дороговизна съѣстныхъ припасовъ вовсе не противна выгодамъ народа. Неккеръ энергически опровергалъ этотъ опасный софизмъ. Хлѣбъ подымается въ цѣнѣ нынѣ, а черезъ два, черезъ три мѣсяца увеличивается моя заработная плата. Въ ожиданіи этого, неужели мнѣ должно умирать съ голоду?

Въ апрѣлѣ 1775 года Неккеръ явился предъ генералъ-контролеромъ съ просьбою о разрѣшеніи напечатать свою книгу. Ихъ свиданіе имѣло торжественную холодность. На гордость банкира министръ отвѣчалъ холодностію. Неккеръ держалъ въ рукѣ свою рукопись и предлагалъ не издавать ее, если она покажется

способною нарушить порядокъ. Тюрго съ презрительнымъ равнодушіемъ отвѣчалъ, что не видитъ неудобства въ обнародованіи подобныхъ теорій и не боится ничего. Собесѣдники разстались врагами.

При смутахъ, возникшихъ въ Парижѣ по случаю дороговизны хлѣба, Тюрго не сохранилъ спокойствіе государственнаго человѣка; но, по крайней мѣрѣ, онъ выказалъ твердость убѣжденія. И какъ легко забыть этотъ случай, перечисляя множество услугъ, ознаменовавшихъ, или лучше сказать, обезсмертившихъ управленіе Тюрго! Онъ прекратилъ постыдныя выгоды, дававшіяся придворнымъ откупщиками: отмѣнилъ отвѣтственность богатыхъ членовъ общины за исправность платежа податей всѣми остальными: уничтожилъ множество мѣстныхъ сборовъ и частныхъ привилегій, возвышавшихъ цѣну на съѣстные припасы; освободилъ поселянина отъ обязанности выставлять подводы при походѣ войскъ; заслужилъ одобреніе всего Парижа, отнявъ у госпиталя Hôtel Dieu привилегію продавать мясо въ продолженіи великаго поста: улучшилъ водяные пути сообщенія: заботился объ усовершенствованіи дорогъ и почтовыхъ сообщеній; разрушилъ феодальныя препятствія свободной торговлѣ винами: содѣйствовалъ учрежденію дисконтной кассы, для пониженія процентовъ; уменьшилъ прежній дефицитъ съ двадцати двухъ милліоновъ до 15, и притомъ единственно помощью экономіи: оживилъ кредитъ честнымъ исполненіемъ обязательствъ, — сдѣлать все это въ двадцать мѣсяцевъ значило сдѣлать больше, нежели самые могущественные и сильные министры дѣлали въ продолженіи многихъ лѣтъ.

Но опираясь на Мальзебра, которому доставилъ мѣсто въ министерствѣ, Тюрго думалъ нанести старому общественному устройству удары еще болѣе рѣшительные. При тогдашнемъ стремленіи публики къ перемѣнамъ, сильное впечатлѣніе произвела брошюра, написанная подъ его вліяніемъ. Она требовала отмѣненія дорожной повинности: имя автора не было выставлено на ней: предполагали, что написалъ ее Вольтеръ. Въ лагерѣ привилегированныхъ поднялся вопль печали и страха; предводитель аристократіи, принцъ Конти, негодуетъ; пылкій ораторъ парламента, д'Эпремениль, произноситъ грозныя рѣчи: парламентъ запрещаетъ брошюру. Это значило дѣлать вызовъ Тюрго; онъ принялъ бой и 3-го февраля 1776 года парламенту былъ сообщенъ эдиктъ, отмѣнявшій дорожную повинность. Министръ замѣнялъ ее поземельнымъ налогомъ, отъ котораго освобождались земли духовенства, но которому подвергались вмѣстѣ съ землями простолюдиновъ дворянскія помѣстья. Можно вообразить себѣ, каковы были ремонстраціи парламента. „Французскій народъ подлежитъ подушнымъ окладамъ безъ всякаго ограниченія (est taillable et corvéable à volonté), восклицаетъ парламентъ, это основный законъ, котораго не можетъ измѣнять король“. Органъ аристократіи, высокомѣрный принцъ Конти, осмѣлился утверждать, что нельзя замѣнять дорожную повинность никакою другою податью, потому что эта повинность, исключительно лежащая на простомъ народѣ, составляетъ признакъ его различія отъ благородныхъ. Какой скандалъ въ подобномъ сопротивленіи, обезчещенномъ подобными основаніями! Тюрго удвоилъ свою твердость. Онъ побѣдоносно отвѣчалъ въ совѣтѣ на возраженія Мироменила, восторжествовалъ надъ недоброжелательностію Морепа, увлекъ за собою Людовика XVI: и въ королевскомъ засѣданіи 12 марта 1776 года парламентъ былъ принужденъ внести въ свой протоколъ эдиктъ, уничтожавшій дорожную повинность и цеховыя корпораціи.

Черезъ два мѣсяца, окруженный союзомъ яростныхъ враговъ, коварно преданный своими товарищами, лишенный помощи Мальзебра, удалившагося въ изнеможеніи изъ министерства, покинутый графомъ Морепа, оставленный безъ защиты Людовикомъ XVI, Тюрго лишился власти и его противники стали хлопотать о возстановленіи того, что онъ разрушилъ.

— Мы привели этотъ очеркъ, чтобы показать, какъ смотрятъ на физіократовъ и на Тюрго ученые той школы, на мнѣнія которой г. Муравьевъ обратилъ, какъ намъ кажется, слишкомъ мало вниманія, слишкомъ довѣрчиво принимая взглядъ противной школы. Теперь намъ легко обозначить разницу физіократовъ отъ людей, которые воображаютъ себя продолжателями ихъ благородныхъ усилій.

Разница вовсе не въ томъ, что физіократы при младенческомъ состояніи науки принимали начало, односторонность котораго обнаружена Адамомъ Смитомъ, а нынѣшніе поклонники выставленной физіократами формулы laissez faire, laissez passer видятъ ошибочность ихъ мнѣнія о томъ, будто бы только одно земледѣліе источникъ производства. На сторонѣ физіократовъ тутъ дѣйствительно ошибка, но эта ошибка состоитъ скорѣе въ неудачномъ выборѣ терминовъ, еще недостигшихъ нынѣшней опредѣлительности, нежели въ существенномъ смыслѣ понятій, которыя они не умѣли только выразить съ достаточною вѣрностью. Если мы не будемъ придираться къ словамъ, въ неудовлетворительности которыхъ каждое предъидущее поколѣніе легко можетъ быть уличаемо послѣдующимъ, если мы захотимъ вникнуть въ основную мысль физіократовъ и выразить ее тою терминологіею, какую приняли бы они сами, если бы располагали учеными пособіями, находящимися въ рукахъ нынѣшнихъ экономистовъ, ихъ знаменитое ученіе объ исключительной производительности земледѣлія можетъ быть представлено въ слѣдующемъ видѣ.

Земледѣліе и другіе промыслы, состоящіе въ прямомъ отношеніи къ землѣ, извлекаютъ изъ нея продукты; часть этихъ продуктовъ обращается непосредственнымъ образомъ на поддержаніе человѣческой жизни, другая часть передается для обработки такимъ промысламъ, которые уже не извлекаютъ изъ неорганической природы никакихъ новыхъ массъ вещества, а только видоизмѣняютъ различнымъ образомъ вещество, добытое первыми промыслами. Такимъ образомъ очевидно, что размѣръ этихъ вторыхъ занятій зависитъ отъ величины той части продуктовъ, которая передается имъ первыми промыслами. Изъ этого видно также, что первые промыслы служатъ основаніемъ для вторыхъ. Въ главнѣйшемъ изъ этихъ первыхъ промысловъ, имѣющихъ дѣло непосредственно съ землею, именно въ земледѣліи, надобно замѣтить еще двѣ особенныя черты, отличающія его почти отъ всѣхъ другихъ занятій. Оно производитъ почти исключительно предметы первой необходимости, именно: масса его продуктовъ состоитъ въ средствахъ продовольствія. По своему основному характеру оно чуждо стремленія служить прихотямъ роскоши и моды; напротивъ, очень многія изъ занятій, состоящихъ только въ переработкѣ уже извлеченныхъ изъ земли продуктовъ, обнаруживаютъ стремленіе служить не столько необходимости существованія, сколько простому удовольствію, и вообще наклонны подчиняться прихотямъ моды и роскоши. Эта разница обнаружится, если мы сравнимъ земледѣліе даже съ такими необходимыми производствами, какъ напримѣръ, выдѣлка сукна, или домашней посуды. Другая особенность земледѣлія состоитъ въ доставленіи поземельной ренты, которая характеромъ своимъ отличается отъ выгоды, доставляемой затратою капиталовъ.

Нѣкоторые изъ французскихъ экономистовъ школы Сэ не согласятся съ понятіемъ о поземельной рентѣ въ этомъ изложеніи; но въ Англіи и Германіи никто не будетъ спорить и противъ этого послѣдняго пункта. Что же касается до остальныхъ, они и во Франціи не найдутъ противорѣчія. Такимъ образомъ, если физіократы выражали свои мысли неудовлетворительнымъ для нашего времени образомъ, то существенный смыслъ ихъ идей о классификаціи занятій и особенностяхъ земледѣльческаго производства въ основаніи своемъ былъ справедливъ. Намъ кажется, что распространяться о неудовлетворительности выраженія въ старинныхъ книгахъ и изъ этого выводить различіе нынѣшнихъ теорій отъ старинныхъ ученій значитъ утѣшаться своею способностью дѣлать придирки къ словамъ.

Но если мы не находимъ основательнымъ признавать коренную разницу между физіократами и школою Сэ въ тѣхъ пунктахъ, въ которыхъ находитъ она свое превосходство надъ физіократами, зато съ другой стороны мы видимъ различіе въ самомъ духѣ этихъ двухъ школъ, въ ихъ отношеніяхъ къ недостаткамъ и потребностямъ двухъ эпохъ, имъ современныхъ. Мы находимъ разницу именно въ томъ самомъ, въ чемъ школа Сэ видитъ свое сходство съ физіократами. Подобно нынѣшнимъ послѣдователямъ школы Сэ, физіократы предоставляли все отдѣльному лицу, думая, что общее благо не требуетъ никакихъ особенныхъ гарантій въ экономической сферѣ. Мы находимъ, что смыслъ этого требованія нынѣ совершенно не тотъ, какой принадлежалъ ему во время Кене и Тюрго. Одно и то же слово можетъ быть представителемъ прогресса или отсталости, смотря по различію временъ. Петръ Великій строилъ парусные корабли: это было великимъ прогрессомъ. Но если бы теперь, когда доказана неудовлетворительность парусныхъ кораблей по сравненію съ пароходными, если бы теперь кто нибудь сталъ твердить намъ: „стройте только парусные корабли“, такой человѣкъ былъ бы представителемъ отсталости, регресса. Сорокъ лѣтъ тому назадъ люди, желавшіе улучшить наши пути сообщенія, говорили о необходимости соединить гавани Чернаго моря съ центромъ Россіи посредствомъ шоссе. Кто сталъ бы нынѣ доказывать превосходство сообщенія Ѳеодосіи съ Москвою посредствомъ шоссе, заслужилъ бы только насмѣшку.

Отношенія одного и того же понятія къ потребностямъ различныхъ временъ измѣняются явленіемъ новыхъ усовершенствованій; есть и другой источникъ перемѣны. Очень часто случается, что опытъ обнаруживаетъ неудовлетворительность средства, которое казалось изъятымъ отъ всякихъ недостатковъ, пока не было приложено къ дѣлу. Это фактъ, у романтическихъ юношей извѣстный подъ именемъ разочарованія. Пока во Франціи не былъ приложенъ къ дѣлу suffrage universel, очень умные люди полагали, что при помощи его французское правительство устроится гораздо лучше, нежели было прежде. На дѣлѣ оказалось противное. Пока не было испытано въ приложеніи къ Франціи англійское государственное устройство, почти всѣ умные французы ожидали отъ него исцѣленія правительственныхъ недостатковъ своего отечества. На дѣлѣ опять оказалось противное. Какъ быть при такомъ разочарованіи? Умные люди говорятъ, что оно принуждаетъ къ изслѣдованіямъ двоякаго рода. Во-первыхъ, надобно подумать, вѣрно ли было наше понятіе о принципѣ, которымъ мы очаровывались, и не надобно ли видоизмѣнить формулу, его выражающую; во-вторыхъ, слѣдуетъ подумать, нѣтъ ли другихъ принциповъ, могущихъ служить ему коррективными средствами. Такъ напримѣръ, умные люди находятъ, что suffrage universel понимался одностороннимъ и узкимъ

образомъ, и что какимъ бы образомъ ни понимать его, необходимыми коррективными средствами ему должны служить просвѣщеніе и децентрализація.

Когда явились физіократы, принципъ безотвѣтственной свободы индивидуума не былъ еще испытанъ на дѣлѣ: этотъ принципъ, прямо противоположный средневѣковымъ злоупотребленіямъ, казался совершенно достаточнымъ средствомъ для доставленія человѣчеству счастія, отнимавшагося у людей этими злоупотребленіями. Съ той поры опытъ указалъ многое такое, о чемъ не догадывались физіократы. Открылось, что, кромѣ средневѣковыхъ злоупотребленій, человѣчество можетъ страдать и отъ другихъ бѣдствій, противъ которыхъ безсиленъ принципъ индивидуальной независимости. Открылось также, что эта независимость понимаема была узкимъ образомъ. И вотъ, видна теперь изъ опыта необходимость сочетать съ этимъ принципомъ другіе принципы и понимать его иначе, нежели какъ понимался онъ сто лѣтъ тому назадъ.

Непризнаваніе этихъ потребностей у физіократовъ было просто незнаніемъ, и потому не мѣшало имъ оставаться вполнѣ добросовѣстными: они не принимали въ свою теорію нѣкоторыхъ условій истиннаго экономическаго идеала потому только, что въ тѣ времена опытъ еще не указалъ надобности принимать ихъ необходимыми элементами общей теоріи; словомъ сказать, они просто упускали изъ виду, но не систематически отвергали понятія, которыхъ недоставало ихъ теоріи для полнаго соотвѣтствія съ экономическою истиною. Когда же обстоятельства ярко указывали въ какомъ нибудь данномъ случаѣ на пользу мѣръ, не входившихъ въ отвлеченную ихъ систему, они не колеблясь принимали эти мѣры, потому что главнымъ дѣломъ для нихъ было все-таки желаніе общей пользы, а не пристрастіе къ системѣ. Такъ дѣйствовалъ напримѣръ Тюрго во время голода въ Лимузенской провинціи.

Не то съ нынѣшними поклонниками исключительныхъ правъ индивидуальности. Они держатся своего узкаго взгляда не потому, чтобы не знали фактовъ, противорѣчащихъ прежней системѣ: они обсудили уже эти факты со всѣхъ сторонъ, и рѣшили систематически перетолковывать сообразно съ выгодами своей теоріи или отвергать ихъ. Ихъ ошибки не отъ незнанія, а отъ сознательнаго противорѣчія. Въ нихъ система заглушаетъ чувство истины, и самое стремленіе къ добру рѣшили они принимать не болѣе какъ настолько, насколько оно подходитъ подъ ихъ мѣрку. Это не наивный недосмотръ, это закоснѣлость отсталости.

Оттого одни и тѣ же слова: „безусловная независимость индивидуума“, имѣютъ совершенно различный характеръ у физіократовъ и у школы Сэ. Физіократамъ не мѣшали они вести общество впередъ; нынѣшніе поклонники формулы laissez faire, laissez passer — люди старины, неудовлетворяющіе требованіямъ своего времени. То было время, когда человѣкъ рвался изъ средневѣковыхъ узъ, какъ птица изъ клѣтки. Но теперь птица довольно долго уже летала, куда хотѣла, и чувствуетъ, что если хорошъ безпредѣльный просторъ поднебесья, то много въ немъ грозныхъ опасностей, часто бываютъ непогоды, и что если клѣтка плохое гнѣздо и дѣйствительно было нужно вырваться изъ него, то все же плохо быть вовсе безъ гнѣзда, нельзя не позаботиться объ устройствѣ его и нужно думать о томъ, какъ бы получше устроить его.

Отъ теоріи Тюрго перейдемъ къ практической дѣятельности его, какъ министра. За нее хвалятъ его писатели всѣхъ экономическихъ школъ, но намъ кажется,

что при многихъ прекрасныхъ сторонахъ есть въ ней одинъ недостатокъ. Тюрго былъ хорошимъ министромъ, но напрасно былъ онъ министромъ.

Мѣсто генералъ-контролера финансовъ давало, говорятъ, болѣе 150,000 р. сер. дохода, узаконеннаго обычаемъ; при отставкѣ, генералъ-контролеръ получалъ большую пенсію; по вліянію на внутреннія дѣла, онъ былъ важнѣйшимъ министромъ въ королевствѣ: генералъ-контролеръ завѣдывалъ кромѣ финансовъ многими изъ отраслей, принадлежащихъ нынѣ министерствамъ внутреннихъ дѣлъ, юстиціи, общественныхъ работъ. Если бы Тюрго, принимая мѣсто контролера, имѣлъ въ виду почетность его, соединенную съ огромными доходами, онъ не сдѣлалъ бы ошибки. Но онъ руководился совершенно иными побужденіями: онъ хотѣлъ ввести порядокъ въ финансы и мирными преобразованіями предотвратить бѣдствія, которыя уже тогда грозили государству. Разсчитывать на возможность этого значило обольщаться несбыточными мечтами.

Въ самомъ дѣлѣ, хотя нѣсколько присмотрѣвшись къ тогдашнимъ обстоятельствамъ, каждый могъ убѣдиться въ невозможности произвести какія нибудь существенныя улучшенія.

Характеръ тогдашней правительственной системы извѣстенъ. Совершенно ошибаются тѣ, которые думаютъ, что Франція XVIII вѣка имѣла такое же правленіе, какъ въ началѣ XVII вѣка. Правленіе прежнее существовало только на словахъ, а вовсе не въ дѣйствительности.

Съ начала XVIII вѣка, во Франціи владычествуетъ подъ именемъ короля камарилла. Она овладѣваетъ всею дворцовою жизнью до такой степени, что потомки Людовика XI не могутъ пріобрѣтать знакомства съ государственными дѣлами. Камарилла стоитъ между ними и дѣлами, скрываетъ все, что можетъ скрыть, показываетъ въ извращенномъ свѣтѣ то, чего не можетъ скрыть. Камарилла не допускаетъ развитія воли, она лишаетъ возможности имѣть прочный и отчетливый образъ мыслей.

Ментенонъ, регентъ, Помпадуръ, Дюбарри, всѣ другія личности, имѣвшія главное вліяніе на дѣла французскаго государства въ теченіе трехъ первыхъ четвертей XVIII вѣка, были олицетвореніями камариллы.

Существовало ли достаточное основаніе предполагать, чтобы съ восшествіемъ на престолъ Людовика XVI измѣнилось это положеніе, чтобы вмѣсто управленія камариллы возвратились времена Людвика XI или Ришльё? Обстоятельства не допускали такого предположенія.

Что-же такое важное измѣнилось въ состояніи государства, въ отношеніяхъ между различными сословіями? Все оставалось по прежнему. Правительство не имѣло внутри никакихъ опасныхъ враговъ, ничто не побуждало его отказаться отъ беззаботнаго распоряженія государственными дѣлами по личнымъ удобствамъ и наклонностямъ. Правда, вообще дѣла шли дурно, — но они шли дурно уже въ теченіе восьмидесяти или больше лѣтъ. Ни порядка въ администраціи, ни правосудія не было—но чтожъ тутъ важнаго? До правительства это не касалось—оно не встрѣчало сопротивленія своей волѣ; будучи довольнымъ этимъ главнымъ обстоятельствомъ, оно не находило нужды быть недовольнымъ администраціею или судебнымъ устройствомъ. Финансы находились въ разстроенномъ положеніи; ежегодно оказывался дефицитъ—но чтожъ и тутъ важнаго? Камарилла имѣла довольно денегъ, о чемъ же было ей хлопотать, изъ-за какихъ благъ думать о серьезныхъ пе-

ремѣнахъ? Государственный долгъ возрасталъ—только и всего; но кому до этого дѣло? Какъ нибудь проценты уплачивались при помощи новыхъ займовъ и новыхъ податей. Каждый смотритъ на вещи съ своей точки зрѣнія. Экономисты могли находить налоги тяжелыми, дефициты опасными, филантропы могли горевать о бѣдственномъ положеніи народа, философы жаловаться на дурную организацію государственнаго механизма; но камариллѣ было очень хорошо, и натурально, она вовсе не желала измѣнять такого порядка или отказываться отъ власти,—уже около вѣка она управляла такимъ образомъ, почему жъ ей не оставаться было по прежнему въ управленіи дѣлами?

Вступивъ на престолъ, Людовикъ XVI пожелалъ имѣть человѣка, на котораго могъ бы полагаться во всемъ. Ему рекомендовали разныхъ лицъ, въ томъ числѣ Машо и Морепа; онъ выбралъ Морепа, говорятъ, потому, что приписалъ ему по ошибкѣ тѣ свѣдѣнія, какія доходили до него о дѣльности Машо. Но вѣрнѣе удовлетвориться другою, несомнѣною причиною предпочтенія.—Морепа былъ рекомендованъ ему теткою, принцессою Аделаидою.

Морепа сдѣлался почти всемогущимъ человѣкомъ въ королевствѣ. Только иногда, изрѣдка, какою нибудь хитростью, супруга короля, Марія Антуанетта успѣвала сдѣлать что нибудь мимо этого министра, въ удовольствіе тѣмъ кавалерамъ и дамамъ, которые казались ей особенно пріятны на балахъ и въ маскарадахъ.

Старикъ Морепа былъ знаменитый эпикуреецъ, селадонъ, шутникъ. О государственныхъ дѣлахъ онъ имѣлъ очень мало понятія, все дѣлалъ по личнымъ отношеніямъ; словомъ, камарилла могла считать его лучшимъ своимъ представителемъ.

Все шло по старому; были перемѣны въ лицахъ, по вліянію разныхъ интригъ между камариллою, но въ дѣлахъ не было никакой перемѣны,—мы видѣли, что она вовсе и не требовалась.

Но эпикуреецъ Морепа любилъ наслажденія всякаго рода,—вдругъ онъ обольстился мечтою, что пріятно было бы пріобрѣсть аплодисменты отъ парижскаго партера—не думайте, чтобы это было фигуральное выраженіе,—вовсе нѣтъ, понимайте буквально, аплодисменты театральнаго партера, тѣ самые аплодисменты, которыми награждаются пѣвицы и танцовщицы. Какимъ бы способомъ заслужить эти аплодисменты? Не знаемъ, какъ разрѣшилась бы такая задача, если бы не подвернулась тутъ жена Морепа. Старый грѣховодникъ былъ женатъ и, по обычаю многихъ старыхъ грѣховодниковъ, сильно трусилъ жены. Это еще не все. У г-жи Морепа былъ пріятель, Аббатъ Вери. И это не все еще: надобно прибавить, что аббатъ Вери учился въ школѣ вмѣстѣ съ Тюрго. Теперь вы угадываете, читатель, какъ попалъ Тюрго въ министры. Аббатъ Вери сказалъ г-жѣ Морепа, что съ ея стороны будетъ очень мило, если она похлопочетъ за его школьнаго пріятеля, Тюрго; г-жа Морепа сказала мужу, что онъ долженъ дать повышеніе отличнѣйшему человѣку, Тюрго, который ужъ давно интендантомъ. „Тюрго! Да вѣдь это отлично! подумалъ Морепа:—во-первыхъ, жена приказываетъ, а во-вторыхъ, Тюрго пріятель съ модными писателями, а модные писатели—любимцы парижскаго партера. Угождая женѣ, я перебиваю аплодисменты въ свою пользу у Вестриса и m-lle Клеронъ!“ Морепа пошелъ въ кабинетъ короля, и Тюрго пригласили быть министромъ.

Такими-то судьбами иногда дѣлаются на свѣтѣ дѣла, читатель.

Не огорчайтесь этимъ, а тѣмъ паче не осуждайте Морепа. Не правда ли, вамъ случалось опредѣлять на вакантное мѣсто въ вашей прислугѣ людей, которыхъ вы до той поры въ глаза не знали, основываясь только на рекомендаціи вашей тетушки или кузины, которую просила похлопотать объ этомъ кандидатѣ ея кухарка или горничная? Вѣдь вы поступали въ такомъ случаѣ ничуть не лучше, нежели Морепа. И что тутъ дурнаго? вѣдь изъ числа лакеевъ, поступавшихъ къ вамъ въ услуженіе такимъ образомъ, попадались очень хорошіе люди. Ну вотъ, точно также и г-ну Морепа попался очень хорошій человѣкъ. Но вы скажете, что нанять камердинера или повара вовсе не то, что назначить генералъ-контролера. Такое замѣчаніе заставляетъ меня предположить въ васъ крайнее незнакомство съ ходомъ дѣлъ на бѣломъ свѣтѣ. Повѣрьте, умственныя и нравственныя качества вашего камердинера гораздо интереснѣе для васъ, нежели были качества генералъ-контролера для Морепа. Вѣдь камердинеръ, если онъ плутъ, украдетъ у васъ жилетъ, если плохо знаетъ свое дѣло, то не вычиститъ вашего сюртука, какъ слѣдуетъ. А какой убытокъ былъ бы г-ну Морепа? Развѣ его деньги кралъ бы генералъ-контролеръ, если бы оказался плутомъ? И развѣ не нашлось бы въ управленіи генералъ-контролера опытныхъ счетчиковъ, которые стали бы составлять за него отличнѣйшія смѣты расходовъ и приходовъ, если бы онъ оказался незнающимъ своего дѣла?

Такими-то судьбами, при такой-то обстановкѣ, Тюрго получилъ приглашеніе быть министромъ.

Скажите, чего могъ надѣяться онъ отъ принятія такого предложенія?

Всякій здравомыслящій человѣкъ скажетъ: онъ могъ навѣрное разсчитывать, что будетъ имѣть волю наживаться на своемъ мѣстѣ, какъ его душѣ угодно, и раздавать доходныя мѣста своимъ пріятелямъ.

Нѣтъ, чудакъ не подумалъ объ этомъ, а вообразилъ, что можетъ преобразовать Францію!

И если бы вы знали, какіе великолѣпные планы онъ составилъ! Это любопытно,—онъ задумалъ—извольте-ко прислушать:

Онъ хотѣлъ: отмѣнить феодальныя права; уничтожить привилегіи дворянства; пересоздать систему налоговъ и пошлинъ; ввести свободу совѣсти; передѣлать гражданскіе и уголовные законы; уничтожить большую часть монастырей; ввести свободу тисненія: преобразовать всю систему народнаго просвѣщенія.

Можно ли не посмѣяться надъ простякомъ?

Разумѣется, если бы ему удалось совершить всѣ эти преобразованія, не было бы революціи. Но спрашивается: откуда бы онъ взялъ силу сдѣлать хотя сотую часть того, что хотѣлъ сдѣлать?

Не то ли же это самое, какъ если бы вы, получивъ приглашеніе на партію въ преферансъ, отправились къ вашимъ будущимъ партнерамъ съ надеждою прочесть имъ лекцію астрономіи?

Странныя надежды бываютъ у людей!

Въ числѣ моихъ знакомыхъ,—вѣроятно также и въ числѣ вашихъ, читатель,—есть такіе странные люди. Нельзя не уважать ихъ за чистоту намѣреній, за преданность общей пользѣ, — но, воля ваша, нельзя не улыбнуться, слушая ихъ.

Чѣмъ кончились эти смѣшныя грезы, мы знаемъ. Какъ-то въ расплохъ удалось Тюрго провести свои мысли относительно двухъ очень неважныхъ пунктовъ своей великолѣпной программы,—объ отмѣненіи дорожной повинности и уничтоженіи цѣховыхъ корпорацій,—тотчасъ же всѣ увидѣли, что онъ человѣкъ вовсе неспособный быть министромъ, и его попросили удалиться.

Иначе и быть не могло. Къ чему же служили великолѣпныя надежды? Только къ забавному разочарованію.

ОТКУПНАЯ СИСТЕМА.

Къ числу особенностей нашей литературы принадлежитъ какое-то особенное ея расположеніе къ повальнымъ припадкамъ накидываться вдругъ, безъ всякихъ новыхъ видимыхъ причинъ, всѣми силами на какой нибудь предметъ, который вчера былъ совершенно таковъ же, какъ нынѣ, и совершенно такимъ же останется завтра, а между тѣмъ ни вчера не занималъ, ни завтра не будетъ занимать ни одной страницы печатной бумаги, а сегодня служитъ цѣлью безчисленныхъ патетическихъ разсужденій. Искони вѣковъ, отъ Рюрика до нашихъ дней, богата была наша Русь взяточниками; въ 1856 году взятки вовсе не были ни безнравственнѣе, ни вреднѣе, чѣмъ въ 1852, или 1851, или 1850. Скажите же, съ какой стати было такъ свирѣпо набрасываться на то, о чемъ можно было до той поры такъ удобно молчать? Что за странные люди! лѣтъ пятьдесятъ очень хладнокровно носили въ груди такъ называемую на высокомъ языкѣ страшную язву и хоть бы кто нибудь, когда нибудь слыхивалъ отъ насъ объ ней,—и вдругъ ни съ того, ни съ сего начинаемъ съ жаромъ бить себя по этой груди и кричать: „Ахъ, посмотрите, добрые люди, у насъ тутъ глубокая язва“.

Сострадательные люди подошли на нашъ отчаянный крикъ и стали смотрѣть: въ самомъ дѣлѣ, у насъ на груди язва довольно вреднаго качества. Но отчего произошла эта язва, мы никакъ не рѣшаемся сказать. Отъ случайнаго ли какого нибудь ушиба явилась она, или отъ врожденнаго худосочія, или отъ нездороваго образа нашей жизни—этого никто изъ насъ не объявляетъ добрымъ людямъ, въ которыхъ старается пробудить показываньемъ свой язвы состраданіе, смѣшанное съ отвращеніемъ. Подойдутъ добрые люди, покачаютъ головами и пойдутъ прочь: какъ въ самомъ дѣлѣ лѣчить болѣзнь, причины которой упорно скрываетъ больной! Это упорное молчаніе о причинахъ зла составляетъ вторую нашу особенность.

Что случилось со взятками года два тому назадъ, то же самое произошло на сихъ дняхъ съ откупами. Какой новый вредъ стали приносить съ половины нынѣшняго лѣта откупа, мы не знаемъ, да и никто, кажется, не можетъ сказать, чтобы нынѣ позволяли они себѣ какое нибудь злоупотребленіе или налагали бы на страну какую нибудь тяжесть, которой не налагали бы и два и три года и двадцать и тридцать лѣтъ тому назадъ. На какомъ же основаніи вдругъ такъ набросились мы на откупа, съ которыми такъ мирно и молчаливо уживались прежде? За то какою же безграничностью порицаній и вознаграждаемъ мы себя за упущенное для порицанія время! Если послушать насъ теперь, можно подумать, будто откупа величайшее бѣдствіе нашей общественной жизни, будто они что-то въ

родѣ той „идеи“ трансцендентальныхъ философовъ, которая, сама ни отъ чего не происходя и не завися, производитъ все. Отъ откуповъ всѣ бѣдствія нашей жизни: и бѣдность народа, и развратъ, овладѣвшій значительною частью народа, и вслѣдствіе бѣдности и разврата наше невѣжество, наше нравственное безсиліе, отсутствіе въ насъ понятій о нашемъ человѣческомъ достоинствѣ.

Словомъ сказать, откупа подверглись тому же самому эпидемическому нападенію, какъ взятки; точно также мы, безъ всякихъ новыхъ основаній, вдругъ начали толковать, что откупа величайшее зло нашей жизни, что съ устраненіемъ этого зла мы стали бы процвѣтать и благоденствовать: точно также мы молчимъ о причинахъ, производящихъ это явленіе, вдругъ ставшее несноснымъ для насъ.

Дѣйствительно, откупа—вещь очень не прекрасная, вещь, защищать которую не рѣшится ни одинъ благонамѣренный человѣкъ. Но признаемся, что намъ становилось какъ-то не ловко при чтеніи большей части статей, направленныхъ противъ откуповъ. Мы чувствовали нѣчто въ родѣ того, какъ если бы человѣкъ, двадцать лѣтъ мирно встрѣчавшійся въ обществѣ съ какимъ нибудь отъявленнымъ шулеромъ, вдругъ безъ всякихъ новыхъ поводовъ началъ на чемъ свѣтъ стоитъ порочить этого шулера и доказывать, что если бы этого негоднаго человѣка изгнать изъ общества, то общество значительно выиграло бы. „Другъ мой, ваше негодованіе справедливо, но зачѣмъ же оно такъ долго молчало? Я имѣю дерзость предполагать, что вы слишкомъ наклонны къ прекрасному правилу мудрости— не давать воли языку, если столько лѣтъ скрывали ваше чувство. Видя въ васъ такого совѣстливаго хранителя вышеупомянутаго прекраснаго правила, я не могу защититься отъ мысли, что и теперь оно нарушено вами по какимъ нибудь причинамъ, не имѣющимъ ничего общаго съ прямотою и независимостью характера. Вы представляетесь мнѣ человѣкомъ, который не смѣлъ дурнаго слова сказать объ Иванѣ, пока Ивана кто нибудь защищалъ, и осыпаетъ чрезвычайно благородными и отважными укоризнами того же самаго Ивана, увидѣвъ, что отъ Ивана отступились всѣ. Ваше геройство представляется мнѣ усердіемъ вломиться въ отворенную уже дверь. Притомъ же, неужели не слѣдуетъ назвать излишнимъ простодушіемъ той мысли, будто общество, подобно вамъ двадцать лѣтъ терпѣвшее шулера, много выиграетъ, если изгонитъ его? Кто породилъ, кто воспиталъ шулера? То самое общество, которое теперь напало на него. Оно остается неизмѣнно; какъ же вы думаете, что оно въ замѣнъ изгнаннаго не воспитаетъ новыхъ шулеровъ, быть можетъ худшихъ прежняго? Мнѣ кажется, что пока не измѣнится само общество, напрасно ему изгонять шулеровъ или негодовать противъ нихъ. Не противъ нихъ, а противъ самого себя должно оно обратить свое негодованіе. Пока оно не скажетъ: я само хуже этого шулера, который только случайный представитель, только одинъ изъ многихъ вѣрныхъ слугъ моей порочности, — пока оно не пересоздастъ всѣхъ своихъ обычаевъ, порождавшихъ различные виды низкаго обмана и грабежа, до той поры я не буду много радоваться злополучію какого нибудь отдѣльнаго обманщика.

Но эпидемія заразительна. Всѣ стали говорить противъ откуповъ; какъ же намъ отстать отъ моды, какъ же намъ избѣжать повѣтрія? Будемъ и мы нападать на откупа, не отстанемъ отъ другихъ. Хорошо было бы уже и то, еслибъ намъ удалось, подчиняясь повѣтрію, не забыть, что само по себѣ это повѣтріе представляетъ еще очень мало утѣшительнаго; если бы намъ удалось хотя нѣсколько показать слабыя

стороны той моды, которой мы сами должны слѣдовать: если бы намъ удалось показать недостаточность нападеній на одни откупа.

Откуповъ защищать нельзя; дѣйствительно, они вообще представляются несовершенною формою взиманія государственныхъ налоговъ или пошлинъ. При системѣ откуповъ государство передаетъ часть своихъ правъ нѣсколькимъ частнымъ лицамъ и чрезъ то отчасти лишается свободы своихъ дѣйствій. Каково бы ни было подчиненіе откупщика мѣстнымъ властямъ по формальнымъ условіямъ откупнаго контракта, откупщикъ все-таки имѣетъ свой кругъ дѣйствія, въ которомъ распоряжается *онъ*. Интересы правительства всегда связаны съ выгодами общества; оно всегда до извѣстной степени сознаетъ эту связь и заботится о національномъ благѣ. Правительство не вчера начало, не завтра кончитъ свои сношенія съ обществомъ, оно считаетъ себя вѣчнымъ его спутникомъ; потому собственная выгода заставляетъ его щадить силы общества нынѣ, чтобы самому не остаться безъ средствъ, если истощитъ ихъ. Совершенно не таково положеніе откупщика: до будущности общества ему нѣтъ никакого дѣла, онъ думаетъ только о томъ, чтобы какъ можно больше собрать съ общества нынѣ; завтра оно увидитъ себя раззореннымъ и съ этимъ вмѣстѣ обѣднѣетъ правительство—какая нужда въ томъ откупщику? Онъ уже кончилъ свои счеты, и знать ни о чемъ не хочетъ. Его девизъ: „послѣ меня, хоть трава не рости“. Потому система откуповъ разстроиваетъ націю, истощаетъ средства, которыми можетъ располагать правительство. Правительство—это хозяинъ помѣстья; откупщикъ—это чеченецъ, на нѣсколько часовъ вторгающійся въ помѣстье; можно представить себѣ, каково будетъ состояніе хозяина послѣ того, какъ помѣстье испытаетъ набѣгъ чеченца. Нѣтъ, наше сравненіе еще не полно: раззорительный набѣгъ уничтожаетъ только жатву и уже готовое богатство жителей, онъ не портитъ самой почвы, онъ не портитъ нравственныхъ силъ ея населенія. Откупъ дѣлаетъ и это. Мало того, что онъ стремится какъ можно скорѣе истощить матеріальныя средства населенія,—въ добавокъ, онъ разрушаетъ моральный капиталъ, которымъ могли бы скоро быть возстановлены всѣ потери. Для правительства деньги не составляютъ основнаго и единственнаго предмета его дѣйствій; онѣ представляются ему только средствомъ для достиженія другихъ цѣлей, напримѣръ, для возвышенія своего могущества среди другихъ державъ, для пріобрѣтенія славы, для упроченія извѣстной политической системы, для развитія извѣстныхъ общественныхъ учрежденій, для поддержанія извѣстной законодательной и административной системы. Денежныя соображенія правительства вытекаютъ изъ этихъ желаній и подчиняются имъ. Такимъ образомъ, правительство по самой своей сущности никогда не ограничиваетъ своихъ отношеній къ націи одними финансовыми видами. Въ его дѣятельности всегда есть другая, болѣе нравственная сторона, всегда есть заботливость о національной чести, о нравственномъ благосостояніи націи, о справедливости и правосудіи. Откупъ совершенно чуждъ всѣхъ подобныхъ отношеній по самой своей натурѣ. Единственное основаніе его существованія—чисто денежное, единственная цѣль и забота его—деньги и деньги. Самый дурной чиновникъ все-таки хотя сколько нибудь помнитъ, что онъ представитель власти, поддерживающей благоустройство въ обществѣ; какъ бы превратно ни понималось имъ это благоустройство, какъ бы безсовѣстно ни нарушались имъ эти обязанности, все-таки сознаніе о нихъ даетъ ему въ собственныхъ глазахъ нѣкоторое нравственное достоинство,

и все-таки люди, подвергающіеся его рѣшеніямъ или распоряженіямъ, видятъ въ немъ представителя нравственной идеи, — онъ можетъ быть невѣренъ ей, но она все-таки даетъ нѣкоторую возвышенность характеру его власти въ ихъ глазахъ; если будутъ падать упреки, они упадутъ на его личность, но самымъ существованіемъ той обязанности, которая лежитъ на немъ, не возмущается общественная совѣсть, напротивъ, она признаетъ нравственную сторону порученнаго ему дѣла. Совершенно не таково положеніе откупнаго агента: онъ самъ знаетъ, что онъ только орудіе частнаго прибытка, и общество не признаетъ за нимъ другаго значенія; оно не можетъ находить въ немъ другихъ правъ, кромѣ правъ эгоистическаго корыстолюбія, а этому принципу никто не подумаетъ давать въ своей совѣсти правъ на власть надъ обществомъ.—Мы говоримъ пока еще вовсе не о злоупотребленіяхъ, которыя слишкомъ легко возникаютъ изъ откупной системы,— хороша та вещь, въ которой дурны только злоупотребленія,—нѣтъ, мы говоримъ теперь о самомъ принципѣ откупа. Предположимъ, что онъ безукоризненно держится своихъ законныхъ обязательствъ, что онъ ведетъ свои дѣла съ добросовѣстностью честнѣйшаго изъ всѣхъ европейскихъ негоціантовъ; предположимъ, что агенты его по своему личному характеру и поведенію относительно народа образцовые примѣры доброжелательности, мягкосердечія, прямодушія и всевозможной правоты,—все-таки существованіе даже и такого откупа тягостно для нравственныхъ убѣжденій націи, все-таки роль даже и такихъ агентовъ откупа—прямо гибельна для общества, прямо возмутительна для общественнаго сознанія; потому что все-таки откупъ есть не что иное, по самой своей натурѣ, какъ олицетвореніе корыстолюбія, властвующаго надо мною во имя собственное свое, во имя корыстнаго разсчета.

Надобно ли говорить, какими слѣдствіями въ народномъ бытѣ сопровождается паденіе нравственныхъ принциповъ? Ослабленіе любви къ труду, ослабленіе всякой честной энергіи, развитіе преступленій и пороковъ всякаго рода—вотъ эти слѣдствія, слишкомъ извѣстныя каждому.

Каждое правительство знаетъ это, и при первой возможности освободиться отъ столь неудовлетворительной финансовой системы, спѣшитъ освободиться отъ нея. Вредъ, наносимый откупною системою благосостоянію частныхъ лицъ, чувствуется ими еще живѣе.

Самый простой, самый неразвитый человѣкъ понимаетъ разницу между моральнымъ значеніемъ правительства и откупа. Подчиняясь правительству, человѣкъ сознаетъ, что эта власть основана на нравственномъ принципѣ, вытекаетъ изъ потребностей общественой жизни, имѣетъ своею коренною цѣлью охраненіе національныхъ благъ; это подчиненіе не противорѣчитъ совѣсти, напротивъ, требуется ею; оно не унижаетъ, а облагораживаетъ человѣка, возвышаетъ его въ собственныхъ глазахъ. Но требуетъ ли совѣсть, чтобы я подчинялся частному корыстолюбію, вредному не для меня одного, а также и для всѣхъ моихъ согражданъ? Нѣтъ, это унизительно для моего нравственнаго достоинства.

Къ этой нравственной причинѣ отвращенія присоединяется матеріальная, экономическая. По самому существу своему откупъ необходимо долженъ брать съ гражданъ гораздо больше, нежели отдаетъ правительству. Доходъ совершенно вѣрный, несоединенный ни съ какими затрудненіями, ни съ какими шансами дефицита, никакое правительство не отдастъ и не отдавало на откупъ,—что за охота

была бы ему лишаться части такого дохода, величина котораго въ точности извѣстна и который весь сполна долженъ поступить въ его распоряженіе? Потому-то на откупъ отдавались всегда только доходы, точную величину которыхъ нельзя впередъ опредѣлить съ достовѣрностью,—цифры, подверженныя риску; и чѣмъ болѣе этотъ рискъ, тѣмъ скорѣе подпадалъ источникъ дохода откупу. Но извѣстно, что рискъ принимается не иначе, какъ съ вычетомъ страховой преміи. Если есть шансъ, что доходъ съ извѣстнаго предпріятія, исчисленный въ 100 рублей, можетъ уменьшиться до 60, я не сниму этого предпріятія за 90 рублей, не соглашусь дать за него больше 70: что за охота была бы мнѣ подвергать свой капиталъ риску за 10% прибыли, которые могу я имѣть въ предпріятіяхъ совершенно вѣрныхъ? Я хочу имѣть 20, 30%, иначе мнѣ не изъ чего рисковать. Но шансъ невыгодный всегда бываетъ связанъ съ другими шансами, болѣе выгодными, нежели вѣроятное исчисленіе: если вмѣсто 100 рублей дѣло можетъ дать только 70, значитъ оно можетъ дать и 130; тогда я получу рубль на рубль. При первой отдачѣ въ откупъ, хозяинъ еще можетъ знать съ нѣкоторою точностью величину дохода и степень правдоподобія разныхъ выгодныхъ и невыгодныхъ шансовъ; но, конечно, у меня вовсе не будетъ охоты отдавать ему точный отчетъ въ ходѣ моей спекуляціи, и чѣмъ дольше существуетъ отдача на откупъ, тѣмъ менѣе становится извѣстнымъ хозяину настоящее положеніе дѣла, такъ что, наконецъ, онъ совершенно не въ состояніи будетъ рѣшить, хотя приблизительнымъ образомъ, какъ велика моя выгода. Эта неопредѣленность съ одной стороны содѣйствуетъ дѣйствительному увеличенію прибыли откупщика, съ другой даетъ возможность къ самымъ баснословнымъ предположеніямъ о ней.

Такимъ образомъ самая сущность откупа основана на громадномъ перевѣсѣ суммы, собираемой откупщикомъ, надъ суммой, уплачиваемой имъ государству. Самый честный откупъ не можетъ существовать иначе, какъ собирая съ народа 20, 30 или больше копѣекъ въ свою выгоду на каждый рубль, доставляемый имъ государству. Общество платитъ гораздо больше, нежели получаетъ правительство, государственныя потребности обращаются въ средство для страшнаго обогащенія частныхъ лицъ, спекулирующихъ на несовершенство финансовой системы. Гражданинъ рѣшительно не знаетъ, сколько копѣекъ изъ рубля, платимаго имъ съ такимъ трудомъ, достанется правительству: онъ знаетъ только, что очень значительная часть этого рубля останется въ рукахъ откупщика, знаетъ только, что платилъ бы гораздо меньше, если бы спекулянтъ не преградилъ прямой дороги между нимъ и правительствомъ. Къ усиленію недовольства, внушаемаго этою лишнею тяжестью, является соображеніе, безмѣрно увеличивающее во мнѣніи народа выгоды, получаемыя откупщикомъ. Правительство не можетъ вычислять вѣроятной величины дохода иначе, какъ на основаніи такого пользованія источникомъ дохода, которое сообразно съ нравственными основаніями, необходимо лежащими въ правительственныхъ отношеніяхъ къ народу. Мы уже видѣли, что откупъ чуждъ этихъ границъ; онъ непремѣнно будетъ пользоваться и такими средствами, какихъ не можетъ принимать правительство. Такимъ образомъ, не говоря уже о выгодѣ, доставляемой рискомъ, онъ имѣетъ новую прибыль, не входящую въ соображенія, которыми опредѣляется величина откупной суммы. Эта новая прибыль, происходящая отъ пренебреженія нравственными условіями, служитъ и къ увеличенію доходовъ откупа и къ увеличенію отвращенія противъ него въ обществѣ.

Истощеніе тѣхъ источниковъ, на которыхъ основываются доходы правительства и его могущество, взиманіе съ народа суммы гораздо большей, нежели какая получается правительствомъ, разрушеніе нравственныхъ убѣжденій въ народѣ, ослабленіе честнаго труда,—вотъ неизбѣжныя дѣйствія откупной системы вообще, каковъ бы ни былъ предметъ откупа и какъ бы честны ни были его поступки въ смыслѣ формальной законности.

Но послѣдними словами мы дѣлаемъ предположеніе, которому невозможно исполняться въ дѣйствительности. Сущность откупной системы такова, что съ нею несовмѣстно соблюденіе законности. Во-первыхъ, откупъ не есть правильное коммерческое предпріятіе, а рискованная игра, въ которой нѣтъ средины, а есть только или банкротство, или страшный выигрышъ. Богатство откупщика не можетъ оставаться почти въ одинаковомъ положеніи, или увеличиваться мѣрнымъ, довольно медленнымъ образомъ, какъ бываетъ въ правильной торговлѣ. Онъ или раззоряется, или съ каждымъ новымъ ударомъ костей становится вдвое богаче. При такомъ громадномъ рискѣ и выигрышѣ не можетъ быть рѣчи о правильности дѣйствій. Только глупцы играютъ въ штоссъ честно. Никогда не было примѣра, чтобы откупъ держался границъ законности: онѣ несовмѣстны съ самою натурою азартной игры. Притомъ откупъ самъ даетъ свои постановленія; онъ, какъ хозяинъ, считаетъ себя вправѣ дѣлать все, что хочетъ и можетъ. При всякой другой системѣ, злоупотребленія бываютъ возможны или легки вслѣдствіе ея несовершенствъ или постороннихъ обстоятельствъ. При откупѣ они происходятъ изъ самой сущности системы и никакъ не могутъ быть устранены, пока продолжается она.

Общія послѣдствія откупа могутъ быть болѣе или менѣе значительны въ государственной жизни, смотря по важности его мѣста въ бюджетѣ государства и по свойствамъ предмета, ему подвергаемаго. Само собою разумѣется, что чѣмъ значительнѣе отрасль государственныхъ доходовъ, отдаваемая на откупъ, тѣмъ сильнѣе отразятся его результаты на общественной жизни, и чѣмъ щекотливѣе самый источникъ дохода, тѣмъ чувствительнѣе будутъ послѣдствія исключительно-денежныхъ основаній, на которыхъ онъ разрабатывается откупомъ.

У насъ отрасль доходовъ, отдаваемыхъ на откупъ, составляетъ самую значительную статью государственнаго дохода. По приблизительнымъ вычисленіямъ, откупъ доставляетъ слишкомъ вдвое больше, нежели государственныя имущества, и въ два съ половиною раза болѣе, нежели таможенныя пошлины, одинъ доставляя почти третью часть всѣхъ государственныхъ доходовъ. При такой громадной важности этой статьи понятно, что сила, пріобрѣтаемая откупомъ, оказывается непобѣдимою почти во всѣхъ столкновеніяхъ его съ другими общественными интересами.

При такой силѣ, одолѣвающей всякое сопротивленіе, или лучше сказать, не находящей ни въ чемъ серьезнаго сопротивленія, откупъ извлекаетъ свои доходы изъ источника, самаго щекотливаго во всемъ бюджетѣ. Торговля водкою, при самомъ строгомъ надзорѣ самой лучшей въ нравственномъ отношеніи полиціи, легко обращается въ средство развращать народъ и обманывать его; легко понять, какого размѣра должны неизбѣжно достигать злоупотребленія ею при порядкѣ вещей, описанномъ нами. Мы не будемъ подробно говорить объ этихъ злоупотребленіяхъ. Въ той мѣрѣ, въ какой они извѣстны намъ, они извѣстны каждому читателю. Открывать еще какія нибудь тайныя злоупотребленія, неочевидныя

для публики, могли бы только лица, сами совершавшія ихъ; притомъ же общеизвѣстные факты сами по себѣ уже такъ разительны, что никакія новыя открытія не могли бы много усилить впечатлѣніе, производимое вещами давно извѣстными. Мы самымъ краткимъ образомъ перечислимъ эти вещи, всѣмъ извѣстныя. Разсыропка, то-есть подливаніе воды въ водку, обмѣръ при продажѣ и страшное возвышеніе цѣны водки, прекрасно раскрыты въ замѣчательной статьѣ г. Бабста, къ которой мы отсылаемъ читателя: г. Бабстъ говоритъ, что, благодаря откупу, народъ покупаетъ водку вмѣсто трехъ рублей за ведро по восьми рублей и при томъ на каждой четверти ведра производится обманъ на половину штофа, вообще въ розничной продажѣ на $^1/_5$ часть продаваемаго количества, кромѣ собственно такъ называемаго обмѣра; сколько воды влито въ продаваемое съ такимъ обманомъ и по такой цѣнѣ вино, трудно и вычислить. Число милліоновъ, получаемыхъ откупомъ отъ этихъ продѣлокъ, разумѣется, не можетъ никто опредѣлить съ точностію, но г. Бабстъ доказываетъ цифрами, что одинъ изъ этихъ способовъ, разсыропленіе, даетъ уже никакъ не меньше 40 милліоновъ рублей серебромъ. Кромѣ денежнаго грабежа надобно обратить вниманіе на уронъ, приносимый откупами сельскому хозяйству, на нравственный и физіологическій вредъ, производимый порчею качества водки.

Въ нашемъ сыромъ и холодномъ климатѣ вино также необходимо простолюдину, какъ кислая капуста и квасъ. Долго смѣялись надъ любовью русскаго мужика къ щамъ и квасу, пока не узнали, что эта пища и это питье служатъ для него единственными предохранительными средствами отъ цынги. Точно также нелѣпы лицемѣрные толки противъ потребности мужика выпить стаканъ вина послѣ работы въ сырости и холодѣ, при малой питательности употребляемой имъ пищи, при неудобствахъ его жилища и недостаточности его одежды. Противники употребленія вина простымъ народомъ были бы правы только тогда, когда въ замѣнъ стакана водки доставили бы ему обильный мясной столъ, которымъ онъ теперь пользуется только по великимъ праздникамъ, доставили бы ему просторное помѣщеніе съ чистою и сухою атмосферою вмѣсто грязной, тѣсной и зловонной избы, доставили бы его ногамъ обувь получше онучъ и лаптей, всему его тѣлу одежду получше дыряваго зипуна или истертаго полушубка. Теперь народъ не можетъ обходиться безъ вина. Слишкомъ высокая цѣна этого необходимаго напитка дѣлаетъ его доступнымъ только въ дни отчаяннаго разгула, отнимая возможность пользоваться имъ въ умѣренномъ количествѣ постоянно. Мужикъ въ теченіе года выпиваетъ гораздо менѣе, нежели было бы нужно для поддержки его силъ постояннымъ умѣреннымъ употребленіемъ вина, за то нѣсколько разъ въ годъ пьетъ его безъ мѣры. Такое пьянство, какъ въ Россіи, едва ли есть гдѣ нибудь, кромѣ Ирландіи,—мы ошиблись, и въ самой Ирландіи только прежде было, а теперь уже нѣтъ такого пьянства. Между тѣмъ ни въ одной изъ европейскихъ странъ не выпивается въ годъ спиртныхъ напитковъ такъ мало, какъ въ Россіи, особенно въ Великой Россіи, гдѣ откупъ достигъ издавна полнаго развитія. По отчетамъ о распродажѣ водки въ Великой Россіи оказывается, что на каждаго человѣка приходится въ годъ не болѣе полуведра; въ царствѣ Польскомъ пьянства гораздо меньше, а между тѣмъ на каждаго жителя приходится около ведра водки: въ Бранденбургской области, гдѣ пьянства еще меньше, приходится на жителя 1.37 ведра въ годъ.

Такимъ образомъ откупъ уменьшаетъ на половину или даже на двѣ трети то количество вина, которое могло бы выкуриваться въ Россіи, и въ десять разъ увеличиваетъ массу пьянства у насъ сравнительно съ другими землями. Развитіе винокуренія, по отзывамъ сельскихъ хозяевъ, было бы лучшимъ средствомъ поднять наше земледѣліе и усилить наше скотоводство. Препятствуя этому, откупъ долженъ считаться одною изъ главнѣйшихъ причинъ стѣсненнаго положенія важнѣйшей отрасли нашего производства.

Медики говорятъ, что чѣмъ хуже качество водки, тѣмъ болѣе располагаетъ она организмъ къ тому, чтобы человѣкъ сдѣлался пьяницею. Извѣстно, что въ западной Европѣ не существуетъ болѣзнь, называемая у насъ запоемъ. Конечно, могутъ быть основаніями для нея и какія нибудь моральныя особенности нашего общества, но несомнѣнно то, что важнѣйшею причиною ея надобно полагать именно дурное качество нашей водки. Это крайняя степень развитія гибельныхъ дѣйствій разныхъ примѣсей, которыми подправляетъ откупъ вкусъ слишкомъ разсыропленнаго вина, чтобы придать ему обманчивую жгучесть. Люди, знакомые по опыту съ употребленіемъ водки, свидѣтельствуютъ, что похмѣлье отъ вина, разбавленнаго водою и приправленнаго для вкуса разными жгучими веществами, гораздо тяжелѣе, нежели отъ хорошей водки, и что позывъ снова налить себя водкою для погашенія тоскливаго жара, оставляемаго прежнимъ пріемомъ, тѣмъ непреодолимѣе, чѣмъ хуже водка.

Но всѣ эти вредныя послѣдствія злоупотребленій откупа, какъ ни тяжелы они и вообще для народнаго хозяйства, и для отдѣльныхъ лицъ, мы считаемъ еще маловажными по сравненію съ самымъ страшнымъ изъ всѣхъ злоупотребленій откупа,— злоупотребленіемъ, столь же неизбѣжно вытекающимъ изъ его сущности, какъ и всѣ остальныя, — и разсыропленіе водки, и подмѣси, и подавленіе земледѣлія и скотоводства,—все это ничтожно по сравненію съ прямою заботою откупа о развращеніи народа. Каждому извѣстно, что если село было зажиточно, пока не существовалъ въ немъ кабакъ, оно неминуемо бѣднѣетъ вслѣдъ за основаніемъ въ немъ кабака. Отчего это? Неужели въ самомъ дѣлѣ только оттого, что явилось подъ руками у мужиковъ мѣсто продажи вина? Неужели самъ по себѣ нашъ мужикъ такъ падокъ на пьянство, что при первой возможности начнетъ пить до тѣхъ поръ, пока весь пропьется? Если такъ, почему же въ югозападныхъ губерніяхъ при вольной продажѣ водки и вольномъ винокуреніи было меньше пьянства, нежели въ восточныхъ и сѣверныхъ, гдѣ былъ откупъ? Нѣтъ, дѣло разрѣшается, если вы перваго встрѣчнаго мужика или мѣщанина спросите, что такое кабакъ. Кабакъ не просто лавка, въ которой продается вино тому, кто приходитъ купить его, — нѣтъ, кабакъ употребляетъ всю изобрѣтательность соблазна и плутовства, чтобы стать притономъ всѣхъ возможныхъ пороковъ. Онъ не ограничивается продажею вина желающимъ, онъ всѣми средствами заманиваетъ покупать его и тѣхъ, которые сами по себѣ вовсе не имѣли этого желанія, — дѣло коммерческое, какъ же вы хотите иначе? Это блаженный азиль всего того, что не можетъ быть терпимо ни въ какомъ другомъ мѣстѣ. Онъ всѣми средствами зазываетъ къ пьянству каждаго окольнаго жителя. Какъ усердно и любезно цаловальникъ заманиваетъ его къ своей стойкѣ посредствомъ своихъ агентовъ! Ни нашъ незабвенный Излеръ, ни великій американецъ Барнумъ не превосходили любого цаловальника изобрѣтательностью въ средствахъ завлекать къ себѣ посѣтителей. Для посѣтителя кабакъ уже приго-

говалъ и общество обоего пола. Тутъ уже готовы ободрять новичка своимъ примѣромъ и просьбами несчастные инвалиды пьянства. — кабакъ даромъ содержитъ, кормитъ и поитъ ихъ, чтобы они своею бесѣдою и помощью вели по надлежащему пути мужика, попавшаго въ этотъ вертепъ. Тутъ есть и раздражающія вкусъ къ вину закуски. Тутъ есть и женщины, какія нужны для развитія пьянства, онѣ также состоятъ въ штатѣ кабака, содержатся на его счетъ. У посѣтителя нѣтъ денегъ, чтобы окончательно напиться пьяну? Это не помѣха: кабакъ разменяетъ ему на вино любую вещь, какую угодно: кафтанъ, полушубокъ, рубашку, сапоги, лошадь, телѣгу, хлѣбъ, баклагу съ дегтемъ, привѣшенную подъ телѣгой, и все, что угодно, что бы ни лежало на телѣгѣ. Этими пріятностями и удобствами, доставляемыми обществу, не ограничивается благодѣтельная роль кабака. Къ чему бы существовали азилы, если бы они не давали пріюта людямъ, преслѣдуемымъ злобою человѣческою? Кабакъ вѣренъ этому высокому призванію. Онъ служитъ притономъ воровъ и разбойниковъ, которымъ заблаговременно удается искать его гостепріимнаго крова. Онъ не выдастъ никому своихъ довѣрчивыхъ гостей: ихъ невинность остается неприкосновенна подъ его бдительнымъ охраненіемъ. И тѣ, болѣе счастливые артисты, которые имѣютъ притоны свои внѣ кабака, процвѣтаютъ только благодаря его участію въ ихъ отважномъ промыслѣ. Индустрія упадаетъ, если не находитъ сбыта своимъ продуктамъ: вѣрный рынокъ — важнѣйшее условіе для ея преуспѣянія. Кабакъ подаетъ земледѣліе — неужели онъ не пойметъ обязанности своей вознаградить общество за потерю въ одной отрасли дѣятельности поддержкою другой отрасли? Это было бы тупою неблагодарностью, а агенты откупа обязательны до великодушія. За вредъ, приносимый земледѣлію, кабакъ съ лихвою вознаграждаетъ нашію тою помощью, какую оказываетъ воровству. Краденная или пріобрѣтенная грабежомъ, убійствомъ, вещь всегда найдетъ вѣрный сбытъ въ кабакѣ: сюда, къ намъ, пріятели, мы все у васъ купимъ, за все заплатимъ наличными деньгами или водкою, по вашему желанію. Этотъ родъ торговли развитъ до того, что беретъ во многихъ кабакахъ рѣшительный перевѣсъ надъ официальнымъ ихъ промысломъ, продажею водки. Они кабаки только по названію, а на дѣлѣ — исключительно биржи воровскаго промысла. Утѣшительнымъ примѣромъ того, что конкурренція вовсе не такъ убійственна для соперниковъ болѣе счастливаго торговца, какъ увѣряютъ нѣкоторые, служитъ то, что это особенно живое сосредоточеніе воровскихъ вещей въ нѣкоторыхъ кабакахъ ни мало не препятствуетъ очень дѣятельному ходу того же занятія и во всѣхъ другихъ.

Да, и на солнцѣ есть пятна, и въ откупной системѣ есть не совершенно безукоризненныя стороны, которыхъ не можетъ вполнѣ одобрить строгій моралистъ.

Впрочемъ, мало ли чѣмъ бываетъ недоволенъ строгій моралистъ! Намъ кажется, онъ не былъ бы доволенъ и тѣмъ, что русское общество нуждается въ статьяхъ противъ откупа.

Но по этой одной причинѣ намъ было тяжело приниматься говорить противъ откупа. Непріятность дѣла увеличивалась тѣми мыслями, которыя мы высказали въ началѣ статьи. Странно, до обидности странно видѣть людей, говорящихъ нынѣ то, что не говорили они вчера, хотя нѣтъ нынѣ ни одной такой причины воспламеняться этимъ предметомъ, которая не существовала бы въ такой же сильной степени и вчера: обидно видѣть и самого себя въ такомъ нелѣпомъ положеніи. Но есть еще третье обстоятельство, едва ли не болѣе непріятное, чѣмъ два первыя.

Мы, кажется, не смягчали слѣдствій откупа,—наше изложеніе не отличалось снисходительностью къ нему. Мы доказывали, что всѣ эти послѣдствія необходимо вытекаютъ изъ самой сущности откупа, не могутъ быть никакою силою отдѣлены отъ нея; что пока будетъ существовать откупъ, онъ будетъ обманывать правительство, обманывать, раззорять и развращать, преднамѣренно, систематически развращать націю. Изъ этого ясно слѣдуетъ, что единственное средство противъ откупныхъ бѣдствій, — не какія нибудь мѣры для исправленія откупной системы: нѣтъ, она неисправима, она не допускаетъ никакихъ улучшеній, — единственное средство противъ нея уничтоженіе ея, замѣненіе откупа акцизомъ, взимаемымъ прямо казною, безъ всякихъ посредниковъ между правительствомъ и націею, какъ взимаются таможенныя пошлины, налогъ на соль, подушная и поземельная подать. Какъ не скрывали мы отъ себя всей великости бѣдствій, вытекающихъ изъ откупной системы, такъ не станемъ уменьшать въ своемъ мнѣніи выгодъ, которыя будутъ доставлены и правительству, и народу черезъ замѣну откупа акцизомъ, взимаемымъ непосредственно казною. Но при всей неизмѣримой пользѣ такого замѣненія, мы не полагаемъ, чтобы для искорененія бѣдствій и злоупотребленій, которымъ покровительствуетъ откупъ, достаточно было уничтожить его и ввести сборъ винаго акциза казною.

Такъ, выгоды подобнаго замѣненія громадны, и трудно даже исчислить всѣ полезныя его слѣдствія. Обыкновенно указываются изъ нихъ слѣдующія: увеличеніе государственнаго дохода съ облегченіемъ народа въ уплатѣ его; доставленіе народу дешевой и хорошей водки; развитіе употребленія напитковъ, замѣняющихъ водку,—пива и виноградныхъ винъ; оживленіе земледѣлія и скотоводства. Всѣ эти выгодныя послѣдствія несомнѣнны, и намъ кажется, что даже можно увеличить ихъ списокъ нѣкоторыми другими, также очень важными.

Исчислено, что при взиманіи непосредственно казною акциза въ 1 р. 50 к. съ ведра водки, при разрѣшеніи свободнаго винокуренія и вольной торговли виномъ, казна будетъ получать съ одной водки больше, нежели теперь доставляетъ ей весь откупъ. Если предположимъ при свободной торговлѣ водкою потребленіе только въ 1,05 ведра на человѣка, какъ въ Польшѣ, то для 62,000,000 челов. населенія Россіи (за исключеніемъ Царства Польскаго и Финляндіи) получится расходъ водки въ 65,000,000 в., съ которыхъ акцизъ въ 1 р. 50 к. дастъ 97,500,000 рублей,—сумма, какой не даетъ въ дѣйствительности откупъ. Если же потребленіе дойдетъ до 1,37 ведра, какъ въ Бранденбургѣ, количество водки увеличится до 85,000,000 ведръ, а акцизный сборъ до 127,500,000 р. При такомъ акцизѣ продажная цѣна ведра была бы не выше 2 р. 50 к., вѣроятно не выше 2 р. 30 к.

Этимъ не ограничится выгода казны, простирающаяся съ такимъ акцизомъ до 10 — 15 милліоновъ р. уже при потребленіи только 1 ведра водки на жителя. Откупъ убиваетъ производство пива, расходъ котораго въ Россіи (безъ Царства Польскаго), по Тенгоборскому, не превышаетъ 0,15 ведра на человѣка, между тѣмъ какъ въ Царствѣ Польскомъ онъ доходитъ до 1,55 ведра, во Франціи до 0,94 ведра, въ Англіи до 4,14 ведра. Конечно, у насъ расходъ пива при уничтоженіи откупа не могъ бы не подняться выше той цифры, какой достигаетъ во Франціи, столь богатой дешевымъ виноградным виномъ *). Не надѣясь быстраго достиже-

*) По Тенгоборскому, потребленіе виноградного вина во Франціи простирается до 8,68 ведръ на человѣка.

нія англійской (4,14) или баварской (9 ведръ на человѣка) цифры, мы, конечно, останемся ниже дѣйствительности, если предположимъ, что у насъ потребленіе пива скоро поднялось бы до польской цифры. При акцизѣ въ 20 коп. сер. такое потребленіе пива дало бы правительству болѣе 19,000,000 р. сер. дохода.

Нѣсколько лишнихъ милліоновъ были бы также доставлены казнѣ акцизомъ на наши крымскія и кавказскія виноградныя вина и пошлинами съ иностранныхъ винъ дешевыхъ сортовъ, потому что потребленіе виноградныхъ винъ сильно увеличилось бы, когда бы откупъ пересталъ давить торговлю ими въ городахъ и совершенно изгонять ее изъ селъ.

Такимъ образомъ, выигрышъ въ нѣсколько десятковъ милліоновъ (30 — 35 милл.) рублей несомнѣненъ для казны отъ замѣны откупа умѣреннымъ казеннымъ акцизомъ.

Мы не будемъ говорить о томъ, сколько выиграло бы земледѣліе и скотоводство отъ такой перемѣны. Этотъ выигрышъ надобно было бы оцѣнивать не десятками, а сотнями милліоновъ рублей.

Къ выгодамъ, о которыхъ говорятъ всѣ, могутъ быть присоединены еще другія, неменѣе важныя.

Нація не будетъ колебаться въ своихъ нравственныхъ убѣжденіяхъ зрѣлищемъ учрежденія, присвоивающаго себѣ власть надъ обществомъ исключительно и явно только во имя корыстолюбія, открыто поставляющаго своимъ основаніемъ попраніе всѣхъ моральныхъ и матеріальныхъ интересовъ государства и народа для корысти нѣсколькихъ частныхъ людей.

Мѣста торговли водкою перестанутъ пользоваться привилегіею безнаказаннаго содержанія всѣхъ воровъ, перестанутъ служить безопасными притонами для нихъ, вѣрными складочными магазинами и готовыми рынками для всѣхъ украденныхъ и заграбленныхъ вещей.

Эти мѣста перестанутъ безпрепятственно употреблять всевозможныя противозаконныя хитрости для развращенія всѣхъ слабыхъ характеровъ, пользоваться всѣми средствами заманивать людей къ безобразному пьянству, разврату всякаго рода и промѣну всего домашняго хозяйства на водку.

Перечисленныя нами выгоды отъ замѣны откупа акцизомъ, взимаемымъ непосредственно казною, дѣйствительно и громадны, и несомнѣнны; списокъ ихъ легко было бы увеличить многими другими важными и полезными послѣдствіями такой реформы. Напримѣръ, съ уничтоженіемъ откуповъ спекулятивная предпріимчивость и огромное количество капиталовъ несомнѣнно обратились бы отъ предпріятія, гибельнаго для народа, къ предпріятіямъ истинно-полезнымъ, оживилась бы правильная торговля, возникли бы многія мануфактуры, въ гораздо большемъ количествѣ возникли бы компаніи, подобныя Черноморской, Амурской и Каспійской. Честный трудъ вообще поднялся бы, неподавляемый наглою надменностію людей, быстро и страшно богатѣющихъ не совсѣмъ хорошимъ дѣломъ. Но эта великолѣпная перспектива все-таки не ослѣпляетъ насъ относительно главнѣйшей выгоды, которую многіе считаютъ удободостижимой посредствомъ одного только уничтоженія откуповъ. Скажемъ прямо: пьянство, составляющее главный порокъ нашего народа, производится не откупомъ. Откупъ, конечно, въ значительной степени усиливаетъ его, но не откупъ его порождаетъ; уничтоженіе откупа въ довольно значительной степени ослабитъ этотъ порокъ, но, и по уничто-

женіи откупа, онъ останется все-таки чрезвычайно сильнымъ, пока не будутъ устранены другія обстоятельства, которыми развивается пьянство.

Едва ли нужно догматическимъ тономъ распространяться о причинахъ, порождающихъ пьянство; всѣ порядочные люди принимаютъ однѣ и тѣже причины этого порока: бѣдность, невѣжество, унизительное положеніе извѣстнаго человѣка среди общества и вслѣдствіе того упадокъ въ немъ самомъ уваженія къ себѣ, безнадежность на поправленіе своихъ обстоятельствъ, безнадежность на полученіе правды въ случаѣ обиды. Указывать эту истину нѣтъ надобности, она извѣстна всѣмъ; намъ кажется только, что въ отвлеченномъ своемъ видѣ она не довольно сильно дѣйствуетъ на образъ сужденій, и потому постараемся оживить ее приведеніемъ фактическихъ примѣровъ, успѣшнѣе дѣйствующихъ на мысль, нежели теоретическія соображенія.

Мы начнемъ исторіей одного молодаго человѣка, которая извѣстна многимъ изъ нашихъ читателей. Онъ говоритъ, что сдѣлался записнымъ пьяницею вслѣдствіе трехъ случаевъ: во-первыхъ, безъ всякой вины онъ былъ подвергнутъ наказанію, которое называется исправительнымъ, но ему показалось позорнымъ, и онъ пошелъ запить свой стыдъ въ кабакѣ. Черезъ нѣсколько времени полюбилась ему дѣвушка, которой и онъ былъ милъ; отецъ дѣвушки отдалъ ее насильно за другаго,— онъ опять пошелъ заливать горе въ кабакъ. Потомъ случилось обстоятельство слѣдующаго рода: ремесломъ нашъ парень былъ печникъ, взялся онъ передѣлать печи въ довольно большомъ домѣ; кончилъ свое дѣло какъ слѣдуетъ, но когда пришелъ за расплатою, ему стали выдавать не всѣ деньги, которыя онъ долженъ былъ получить; парень разгорячился, сказалъ, что станетъ жаловаться. „А, ты еще грозить!—отвѣчали ему:—ну такъ ступай, жалуйся; когда присудятъ, тогда и отдадимъ тебѣ деньги, а теперь не хотимъ отдавать тебѣ, грубіяну, за твою дерзость“. Парень жаловался, но денегъ все-таки не получилъ; съ рабочими такимъ образомъ не успѣлъ онъ расплатиться во-время; за это самъ онъ подлежитъ суду съ заключеніемъ въ тюремный замокъ. Раззоренный, онъ видитъ себѣ теперь одно убѣжище—въ кабакѣ. Отъ молодаго человѣка перейдемъ къ разсказу старика, также знакомаго многимъ изъ нашихъ читателей. Этотъ состоялъ на службѣ и не бралъ взятокъ, потому не могъ давать взятокъ и другимъ. Результатомъ было, что его удалили отъ службы. Нѣсколько лѣтъ онъ крѣпился, поддерживаемый разными надеждами. Наконецъ, послѣдній человѣкъ, отъ котораго онъ могъ ждать себѣ защиты, человѣкъ добрый и хорошій, прогналъ его, даже не захотѣвши выслушать; тогда нашъ герой отправился въ кабакъ, жильцомъ котораго и сдѣлался. Скажите, виноватъ ли откупъ въ этихъ случаяхъ?

Отъ исторіи частныхъ лицъ обратимся къ быту цѣлаго народа, славившагося по всему земному шару своимъ пьянствомъ. Мы говоримъ объ Ирландіи до 1848 г. Положеніе Ирландіи, само собою разумѣется, не имѣетъ ни малѣйшаго сходства съ нашимъ. Всѣ черты быта, начиная съ климатическихъ, совершенно различны. Тѣмъ интереснѣе прослѣдить жизнь этого народа и его чувства, прямо противуположныя нашимъ. Сходства, мы сказали, нѣтъ ни малѣйшаго, во всемъ прямая противуположность. Русскія нивы чаще всего страдаютъ отъ засухи; дождь среди лѣта у насъ рѣдкость и благословеніе Божіе; въ Ирландіи жатва страдаетъ только отъ излишней дождливости климата, и благословеніемъ Божіимъ тамъ бываетъ уменьшеніе дождей. Какъ различна природа, такъ различенъ и характеръ жите-

лей. Мечтательности у русскаго мужика совершенно нѣтъ, онъ самый положительный и разсчетливый изъ всѣхъ европейскихъ поселянъ, онъ превосходитъ въ этомъ не только англичанина, но даже французскаго мужика, славящагося крайнею наклонностію къ скопидомству и отсутствіемъ всякихъ идеальныхъ порывовъ; отъ природы онъ тяжеловатъ, серьёзенъ, немногорѣчивъ, угрюмъ. Ирландецъ веселой живостью характера превосходитъ парижанина, безпечностью о завтрашнемъ днѣ— итальянца: онъ болтунъ, онъ поэтъ. Русское племя безусловно владычествуетъ въ сильнѣйшемъ государствѣ цѣлаго міра; для насъ нелѣпа даже мысль о возможности иноземнаго ига или господства иновѣрной церкви. Ирландецъ живетъ подъ чужеземнымъ ярмомъ, его родная церковь до послѣдняго времени была гонима, онъ и теперь видитъ въ своей странѣ владычество иновѣрной церкви. Словомъ сказать, нѣтъ ни одной черты, общей ирландцамъ и намъ, начиная природою страны и кончая тѣмъ, что у насъ есть откупъ, а въ Ирландіи нѣтъ его,—нѣтъ ни одной черты общей, кромѣ того, что и въ Ирландіи до послѣднихъ годовъ существовало и у насъ существуетъ пьянство въ страшныхъ размѣрахъ. Разсмотримъ же источники этого порока въ странѣ, никогда не знавшей откупа.

Начнемъ съ того, что ирландецъ вообще былъ лишенъ всякой гарантіи въ томъ, что поддержится его благосостояніе, если онъ пользуется имъ; лишенъ почти всякой надежды достичь его, если находится въ бѣдности. По гнусному устройству, отъ котораго мы, слава Богу, были всегда избавлены провидѣніемъ, каждая лишняя копѣйка, пріобрѣтаемая ирландцемъ, шла въ карманъ или лендлорду, или миддельмену; если бы въ 1842 году бѣдному Патрику удалось сберечь какой нибудь фунтъ стерлингъ, единственнымъ результатомъ было бы, что въ 1843 году миддельменъ повысилъ бы на фунтъ стерлингъ ту плату, какую бралъ съ Патрика за землю. Какая же прибыль была Патрику заботиться о своемъ хозяйствѣ, или беречь деньги? Онъ руководился тою увѣренностію, что у него будетъ оставлена только та часть его доходовъ, какая необходима для продолженія его жалкаго существованія, а все остальное будетъ у него отнято. Законы, по которымъ судили ирландца, были ему чужды, администрація и судебныя мѣста смотрѣли на него, какъ на человѣка иной породы, нежели они, администраторы и судьи. Это было натурально, потому что правители происходили дѣйствительно изъ другой породы или изъ ренегатовъ ирландской національности. Нравственной связи между управляемыми и управляющими не было: отчужденіе доходило до такой степени, что возникло въ умѣ ирландца совершенное отрицаніе нравственной обязательности законовъ и справедливости судовъ, которымъ онъ подчинялся. Разбойники, свирѣпствовавшіе противъ ненавистной ирландцу касты, были для него героями. Человѣкъ, приговоренный къ наказанію, казался ему не преступникомъ, а только жертвою несправедливости. И если въ числѣ присяжныхъ, судившихъ ирландца, бывалъ хоть одинъ ирландецъ, онъ никогда не соглашался признать подсудимаго виновнымъ, какъ бы ни были ясны улики въ воровствѣ, грабежѣ или убійствѣ, совершенномъ противъ ненавистныхъ англичанъ. Свидѣтели отпирались отъ всякихъ показаній незнаніемъ. Теперь ясны причины пьянства ирландцевъ. Ирландецъ былъ доведенъ до безнадежности поборами англичанъ; онъ не признавалъ, что для него существуетъ правосудіе; онъ полагалъ, что всѣ законы составлены только для его угнетенія, что администраторы и судьи существуютъ только для того, чтобы поддерживать угнетеніе, въ которомъ онъ находился.

Неопровержимымъ свидѣтельствомъ того, что дѣйствительно и исключительно эти обстоятельства были причиною ирландскаго пьянства, служитъ исторія тѣхъ же самыхъ ирландцевъ послѣ переселенія въ Америку. Мы не хотимъ рѣшать, хороши ли вообще американскіе законы, завиденъ ли вообще американскій гражданскій бытъ. Многіе находятъ, что въ Америкѣ владычествуетъ гнусная анархія; быть можетъ, такое мнѣніе справедливо; мы даже раздѣляемъ его, но не раздѣляетъ ирландецъ. Онъ пріѣзжаетъ въ Нью-Йоркъ невѣжественнымъ, грязнымъ и лѣнивымъ пьяницею. Онъ нанимается въ чернорабочіе и въ первое время работаетъ очень дурно, и всѣ выработанныя деньги пропиваетъ. Но скоро онъ замѣчаетъ, что сколько бы ни выработалъ онъ денегъ, онѣ всѣ остаются въ его рукахъ и никто не является отнять у него лишнее, то есть, казавшееся лишнимъ бывшему его лендлорду. Онъ начинаетъ работать прилежнѣе, чтобы получать больше денегъ. У него, или его товарищей, происходятъ иногда столкновенія съ людьми, у которыхъ онъ работаетъ. Эти распри рѣшаются американскими властями такъ, что рѣшеніе кажется ирландцу безпристрастнымъ и справедливымъ. Скоро онъ убѣждается, что администрація и судилища не враждебныя ему силы. Онъ перестаетъ опасаться несправедливостей и въ скоромъ времени, черезъ годъ, черезъ полтора года, вы видите его переродившимся. Онъ трудолюбивъ, бережливъ и привычка къ пьянству совершенно исчезла въ немъ. У него есть уже небольшой капиталъ, онъ отправляется въ западные штаты, пріобрѣтаетъ участокъ земли, строитъ домъ, становится примѣрнымъ земледѣльцемъ, онъ заботится дать образованіе своимъ дѣтямъ и самъ онъ, несмотря на свои 40 или 45 лѣтъ, выучивается читать.

Изъ этого факта можно вывесть то заключеніе, что пьянство развивается или исчезаетъ, подобно лѣности, вслѣдствіе различныхъ общественныхъ условій, изъ которыхъ только одно есть откупъ.

Заговоривъ объ условіяхъ общественной жизни, мы не можемъ не припомнить тривіальное сравненіе общественнаго тѣла съ человѣческимъ организмомъ. При худосочіи, человѣкъ занемогаетъ отъ такихъ вліяній, которыя шутя переноситъ другой человѣкъ, кровь котораго здорова. Съ крѣпкою грудью, я могу почти безвредно жить въ сырой комнатѣ, въ которой у другихъ развивается чахотка. Что и говорить, сырость комнаты очень важное неудобство; но не думайте, чтобы, осушивъ комнату, вы уже излечили худосочіе ея жильца. Оно происходитъ также отъ другихъ причинъ, быть можетъ, болѣе сильныхъ: вѣроятно, онъ употребляетъ дурную пищу, вѣроятно, онъ не имѣетъ порядочной одежды; я даже увѣренъ въ этомъ, потому что, если бы онъ пользовался благосостояніемъ, онъ, конечно, нашелъ бы себѣ лучшую квартиру. Это тривіальное сравненіе приводитъ насъ къ мысли, что разныя явленія частной или общественной жизни находятся между собою въ тѣсной связи, или, снова прибѣгая къ сравненію, что дерево достигаетъ роскошнаго роста только на удобной для того почвѣ. Каждый годъ русскія бабы и дѣвки по нѣсколько разъ трудятся надъ полотьемъ сорной травы на своихъ скудныхъ поляхъ, и каждый годъ сорная трава выростаетъ снова. Мы совершенно убѣждены въ необходимости полоть; не даромъ у насъ есть пословица: „дурную траву изъ поля вонъ“; но мы думаемъ, что подобное занятіе вышеупомянутыхъ бабъ и дѣвокъ останется работой Данаидъ, пока ихъ мужья не убѣдятся въ необходимости переработать почву своихъ полей болѣе глубокою пропашкою: на хо-

рошо обработанной землѣ меньше остается зеренъ сорной травы, да и та заглушается дружнымъ, сильнымъ ростомъ хлѣба. Но возвратимся къ откупу. Въ началѣ статьи мы употребили выраженіе, что онъ составляетъ принадлежность извѣстнаго періода въ развитіи финансовыхъ учрежденій. Такимъ образомъ, онъ представляется намъ только частью цѣлаго. А это цѣлое, въ свою очередь, составляетъ только часть общей гражданской жизни и необходимо обусловливается другими ея отношеніями.

Разсмотрѣть, какими условіями общественной жизни развивался откупъ, какихъ улучшеній въ ней должно желать для того, чтобы по уничтоженіи откупа не явились въ другой формѣ тѣ же самыя вещи, за которыя осуждается откупъ,— это предметъ гораздо интереснѣйшій и важнѣйшій, нежели разсмотрѣніе откупной системы.

УСТРОЙСТВО БЫТА ПОМѢЩИЧЬИХЪ КРЕСТЬЯНЪ.

№ IV.

Правительственныя распоряженія по устройству быта помѣщичьихъ крестьянъ.

Губернскіе комитеты по устройству крестьянскаго быта.

Въ помѣщенномъ въ 6-мъ № Современника обозрѣнія мѣръ, принятыхъ до сего времени къ устройству быта помѣщичьихъ крестьянъ, исчислены тридцать шесть губерній, по коимъ послѣдовали уже въ то время Высочайшіе рескрипты объ учрежденіи Дворянскихъ Губернскихъ Комитетовъ, и пять губерній (Санктпетербургская, Виленская, Нижегородская, Гродненская и Ковенская), гдѣ были уже открыты комитеты по устройству крестьянскаго быта.

Въ настоящее время Высочайшіе рескрипты объ открытіи таковыхъ Комитетовъ послѣдовали, по ходатайству дворянства, уже по всѣмъ губерніямъ, въ которыхъ учреждены дворянскіе выборы и гдѣ слѣдовательно имѣется достаточное число помѣщиковъ, для образованія Комитетовъ*); а именно: Высочайшіе рескрипты послѣдовали:

По землѣ Войска Донскаго (на имя наказнаго атамана) 6 іюля.
По Смоленской губерніи 28 мая.
По Владимірской — 8 іюня.
По Калужской — 24 іюня.
По Оренбургской — 6 іюля.
По Ставропольской (на имя намѣстника кавказскаго) 11 іюля.

Сверхъ пяти губерній, о коихъ упомянуто было ранѣе, въ настоящее время открыты уже Губернскіе Комитеты по устройству крестьянскаго быта въ слѣдующихъ губерніяхъ:

Въ Московской	. . .	26 апрѣля.
— Кіевской	. . .	24 іюня.
— Симбирской	. . .	25 іюня.
— Витебской	. . .	1 іюля.
— Костромской	. . .	1 іюля.
— Подольской.	. . .	2 іюля.

---

*) Остальныя губерніи, т. е. тѣ, въ которыхъ нѣтъ дворянскихъ выборовъ и не разрѣшено учрежденіе Дворянскихъ Комитетовъ, суть: Архангельская—гдѣ числится 14 душъ крѣпостныхъ крестьянъ; Вятская—гдѣ ихъ 24,077 душъ; Олонецкая—гдѣ ихъ 5,431, и Пермская—гдѣ крѣпостныхъ крестьянъ, по большей части заводскихъ, 256,734. Кромѣ того въ Сибири числится 1,811 душъ крѣпостныхъ людей. (См. статью г. Тройницкаго о числѣ крѣпостныхъ людей въ Россіи, пом. въ 7-мъ № Современника).

— Харьковской . . . 8 іюля.
— Волыской . . . . 8 іюля.
— Воронежской . . . 13 іюля.
— Черниговской. . . 22 іюля.
— Екатеринославской . 27 іюля.
— Тверской . . . . 7 августа.

Въ заключеніе заимствуемъ изъ Журнала Министерства Внутреннихъ Дѣлъ списки членамъ и кандидатамъ Дворянскихъ Комитетовъ, по устройству быта мѣщичьихъ крестьянъ, въ слѣдующихъ губерніяхъ:

I. Симбирской губерніи.

По Симбирскому уѣзду. Члены: ротмистръ Александръ Львовичъ Бычковъ, надворный совѣтникъ Дмитрій Николаевичъ Шидловскій: кандидатъ имъ, коллежскій ассесоръ Северіанъ Никитичъ Лопатинъ. По Сенгилѣевскому уѣзду. Члены: гвардіи штабсъ-капитанъ Александръ Ивановичъ Ермоловъ, коллежскій ассесоръ Александръ Николаевичъ Татариновъ: кандидатъ имъ, надворный совѣтникъ Андрей Васильевичъ Фатьяновъ. По Сызранскому уѣзду. Члены: дѣйствительный статскій совѣтникъ, камергеръ графъ Владиміръ Петровичъ Орловъ-Давыдовъ, поручикъ Дмитрій Ниловичъ Ребровъ: кандидатъ имъ, гвардіи штабсъ-капитанъ Николай Денисовичъ Давыдовъ. По Корсунскому уѣзду. Члены: гвардіи штабсъ-ротмистръ Николай Петровичъ Ахматомъ, флота лейтенантъ Константинъ Николаевичъ Татариновъ: кандидатъ имъ, губернскій секретарь Дмитрій Андреевичъ Бестужевъ. По Алатырскому уѣзду. Члены: коллежскій совѣтникъ Дмитрій Александровичъ Мещериновъ, капитанъ князь Николай Андреевичъ Оболенскій; кандидатъ имъ. артиллеріи поручикъ Николай Александровичъ Крыловъ. По Ардатовскому уѣзду. Члены: надворный совѣтникъ Николай Александровичъ Соловьевъ, капитанъ графъ Александръ Александровичъ Толстой: кандидатъ имъ, артиллеріи капитанъ Иванъ Емельяновичъ Чарыковъ. По Курмышскому уѣзду. Члены: коллежскій совѣтникъ Дмитрій Сергѣевичъ Пазухинъ, коллежскій секретарь Алексѣй Ильичъ Пантусовъ: кандидатъ имъ, войсковой старшина Александръ Михайловичъ Сѣченовъ. По Буинскому уѣзду. Члены: подпоручикъ Петръ Степановичъ Есиповъ, титулярный совѣтникъ Василій Егоровичъ Аргамаковъ: кандидатъ имъ, титулярный совѣтникъ Михаилъ Михайловичъ Герасимовъ. Члены, назначенные начальникомъ губерніи: гвардіи штабсъ-ротмистръ Михаилъ Сергѣевичъ Ланской, статскій совѣтникъ, въ званіи камеръ юнкера, Владиміръ Андреевичъ Хвощинскій.

II. Полтавской губерніи.

По Полтавскому уѣзду. Члены: поручикъ Григорій Павловичъ Сулима, подпоручикъ Павелъ Максимовичъ Гудимъ-Левковичъ; кандидатъ имъ штабсъ-капитанъ Петръ Михайловичъ Сулима. По Кременчугскому уѣзду. Члены: предводитель дворянства, майоръ Александръ Александровичъ Остроградскій, штабсъ-капитанъ Дмитрій Петровичъ Бутовскій: кандидатъ имъ, титулярный совѣтникъ Василій Семеновичъ Капнистъ. По Хорольскому уѣзду. Члены: предводитель дворянства, надворный совѣтникъ Александръ Степановичъ Алексѣевъ, тайный совѣтникъ Михаилъ Павловичъ Позенъ; кандидатъ имъ, штабсъ-капитанъ Провъ Петровичъ Баклановъ. По Золотоношскому уѣзду. Члены: предводитель дворянства, губернскій секретарь Иванъ Яковлевичъ Лукашевичъ, ротмистръ Василій Ивановичъ Гинцъ: кандидатъ имъ коллежскій секретарь Валеріанъ Андреевичъ Ивановъ. По Лубенскому уѣзду. Члены: предводитель дворянства, подпоручикъ Алексѣй Степановичъ Райзеръ, генералъ-лейтенантъ Николай Ивановичъ Ушаковъ: кандидатъ имъ, поручикъ Григорій Степановичъ Кирьяковъ. По Гадячскому уѣзду. Члены: дѣйствительный статскій совѣтникъ Василій Ивановичъ Туманскій, коллежскій ассесоръ Иванъ Петровичъ Косинскій: кандидатъ имъ, корнетъ Николай Григорьевичъ Велецкій. По Пирятинскому уѣзду. Члены: предводитель дворянства, коллежскій ассесоръ и кавалеръ

Кириллъ Осиповичъ Катеринчъ, уѣздный судья, штабъ ротмистръ Александръ Васильевичъ Богдановичъ; кандидатъ имъ, губернскій секретарь Николай Родіоновичъ Лукошевскій. По Переяславскому уѣзду. Члены: коллежскій ассесоръ князь Николай Павловичъ Голицынъ, чиновникъ 10 класса Василій Ѳедоровичъ Гамалѣя; кандидатъ имъ, надворный совѣтникъ Николай Александровичъ Иваненко. По Прилукскому уѣзду. Члены: предводитель дворянства, надворный совѣтникъ Василій Петровичъ Тарновскій, штабъ-ротмистръ Михаилъ Андреевичъ Маркевичъ: кандидатъ имъ, поручикъ Кавалергардскаго Ея Императорскаго Величества полка Петръ Ивановичъ Скоропадскій. По Роменскому уѣзду. Члены: титулярный совѣтникъ князь Николай Семеновичъ Кавкасидзевъ, инженеръ-поручикъ Ѳедоръ Васильевичъ Безпальчевъ: кандидатъ имъ, губернскій секретарь князь Владиміръ Семеновичъ Кавкасидзевъ. По Константиноградскому уѣзду. Члены: коллежскій совѣтникъ Петръ Степановичъ Джунковскій, надворный совѣтникъ Иванъ Косьмичъ Гриневичъ; кандидатъ имъ. титулярный совѣтникъ Александръ Осиповичъ Левченко. По Миргородскому уѣзду. Члены: подполковникъ графъ Морицъ Егоровичъ Оруркъ, титулярный совѣтникъ Василій Васильевичъ Чарнышъ; кандидатъ имъ, губернскій секретарь Иванъ Семеновичъ Данилевскій. По Зеньковскоку уѣзду. Члены: штабсъ-капитанъ Павелъ Алексѣевичъ Тришольскій, коллежскій совѣтникъ Григорій Степановичъ Лейбинъ: кандидатъ имъ, коллежскій секретарь Петръ Васильевичъ Лейбинъ. По Лохвицкому уѣзду. Члены: предводитель дворянства Степанъ Степановичъ Высоцкій, коллежскій секретарь Александръ Павловичъ Гамалѣя, Лохвицкій уѣздный судья: кандидатъ имъ, титулярный совѣтникъ Василій Ивановичъ Чижевскій. По Кобелякскому уѣзду. Члены: ротмистръ Иванъ Васильевичъ Сушковъ, коллежскій совѣтникъ Василій Григорьевичъ Даниленко: кандидадъ имъ, коллежскій секретарь Николай Алексѣевичъ Захаровъ. Члены, назначенные начальникомъ губерніи: статскій совѣтникъ, камергеръ двора Его Императорскаго Величества Бѣлухи-Кохановскій, статскій совѣтникъ Милорадовичъ.

III. Орловской губерніи.

По Орловскому уѣзду. Члены: уѣздный предводитель дворянства, гвардіи штабсъ-капитанъ Александръ Алексѣевичъ Бурнашевъ, инженеръ-капитанъ Александръ Сергѣевичъ Цуриковъ; кандидатъ имъ, капитанъ Александръ Михайловичъ Бернардъ. По Сѣвскому уѣзду. Члены: коллежскій ассесоръ Григорій Сергѣевичъ Ступинъ, губернскій секретарь Павелъ Кириловичъ Лазаревичъ: кандидатъ имъ, ротмистръ баронъ Петръ Ивановичъ Дальгеймъ. По Елецкому уѣзду. Члены: камеръ-юнкеръ, статскій совѣтникъ Аполлонъ Михайловичъ Рѣдкинъ, коллежскій совѣтникъ Алексѣй Николаевичъ Хвостовъ; кандидатъ имъ, коллежскій ассесоръ Дмитрій Ивановъ Лаухинъ. По Брянскому уѣзду. Члены: отставной генералъ-маіоръ Сергѣй Ивановичъ Мальцевъ, поручикъ Василій Андреевичъ Краинскій; кандидатъ имъ, коллежскій секретарь Николай Васильевичъ Панютинъ. По Ливенскому уѣзду. Члены: штабсъ-капитанъ Николай Ѳедоровичъ Костромитиновъ, коллежскій регистраторъ Дмитрій Никаноровичъ Башкатовъ; кандидатъ имъ, ротмистръ Луціанъ Ильичъ Константиновъ. По Трубчевскому уѣзду. Члены: титулярный совѣтникъ Андрей Семеновичъ Щегловитовъ, генералъ-маіоръ Андрей Михайловичъ Гулевичъ; кандидатъ имъ уѣздный предводитель дворянства, коллежскій регистраторъ Николай Николаевичъ Дубровольскій. По Мценскому уѣзду. Члены: уѣздный предводитель дворянства, поручикъ Владиміръ Александровичъ Шеншинъ, штабсъ-капитанъ Дмитрій Петровичъ Чиркинъ: кандидатъ имъ, статскій совѣтникъ Александръ Петровичъ Крашенниковъ. По Карачевскому уѣзду. Члены: поручикъ Александръ Николаевичъ Дубровольскій, коллежскій секретарь Григорій Алексѣевичъ Тепловъ: кандидатъ имъ, коллежскій секретарь Иванъ Николаевичъ Барманскій. По Болховскому уѣзду. Члены: поручикъ Аркадій Дмитріевичъ Карповъ, поручикъ Дмитрій Павловичъ Матвѣевъ; кандидатъ имъ, штабсъ-ротмистръ Иванъ Васильевичъ Лавровъ. По Кромскому уѣзду. Члены: уѣздный предводитель дворянства, коллежскій ассесоръ Александръ Николаевичъ Жедренскій, депутатъ дворянства 10-го класса Алексѣй Яковлевичъ Венкстернъ: кандидатъ имъ, штабсъ-капитанъ Михаилъ Егоровичъ фон-Розенъ. По Дмитровскому уѣзду. Члены: уѣздный предводитель дворянства, гвардіи полковникъ Иванъ

Михайловичъ Хлюстинъ, статскій совѣтникъ Матвѣй Степановичъ Алферовъ; кандидатъ имъ, лейбъ-гвардіи 1-й артиллерійской бригады подпоручикъ князь Петръ Алексѣевичъ Вадбольскій. По Малоархангельскому уѣзду. Члены: коллежскій совѣтникъ Александръ Александровичъ Потуловъ, губернскій секретарь Василій Дмитріевичъ Пушешниковъ; кандидатъ имъ, ротмистръ Николай Васильевичъ Карташевъ. Члены, назначенные начальникомъ губерніи: статскій совѣтникъ Владиміръ Константиновичъ Ржевскій, чиновникъ 9-го класса Николай Петровичъ Даниловъ.

IV. Харьковской губерніи.

По Харьковскому уѣзду. Члены: дѣйствительный статскій совѣтникъ Иванъ Калениченко, штабсъ-капитанъ Епанчинъ; кандидатъ имъ, статскій совѣтникъ Егоръ Гордѣенковъ. По Валковскому уѣзду. Членъ *), подпоручикъ Егоръ Павловъ; кандидатъ, поручикъ Иванъ Бахметьевъ. По Богодуховскому уѣзду. Члены: надворный совѣтникъ Петръ Нахимовъ, полковникъ Дмитрій Кованько; кандидатъ имъ, артиллеріи подпоручикъ Константинъ Слевицкій. По Ахтырскому уѣзду. Члены **): уѣздный предводитель дворянства поручикъ Ѳаддей Романовъ, губернскій секретарь Василій Экъ. По Лебединскому уѣзду. Члены: подполковникъ Иванъ Даниловъ, подполковникъ князь Сергѣй Щербатовъ; кандидатъ имъ, титулярный совѣтникъ Дмитрій Хрущовъ. По Сумскому уѣзду. Члены: уѣздный предводитель дворянства, флота лейтенантъ Веніаминъ Савичъ, коллежскій регистраторъ Пименъ Лялинъ; кандидатъ имъ, капитанъ Александръ Валковскій. По Зміевскому уѣзду. Члены: коллежскій секретарь Дмитрій Замятинъ, коллежскій совѣтникъ Михаилъ Ильенко; кандидатъ имъ, надворный совѣтникъ Григорій Данилевскій. По Изюмскому уѣзду. Члены: штабсъ-ротмистръ Александръ Бантышъ, статскій совѣтникъ, въ званіи камеръ-юнкера, Бахметевъ; кандидатъ имъ, полковникъ Иванъ Малиновскій. По Купянскому уѣзду. Члены: генералъ-маіоръ Александръ Розальонъ-Сошальскій, уѣздный предводитель дворянства, штабсъ-капитанъ Іосифъ Клепацкій; кандидатъ имъ, штабсъ-ротмистръ Владиміръ Розальонъ-Сошальскій. По Волчанскому уѣзду. Члены: дѣйствительный статскій совѣтникъ Александръ Шредеръ, гвардіи ротмистръ Захарій Бекарюковъ; кандидатъ имъ, коллежскій ассесоръ Алексѣй Головковъ. По Старобѣльскому уѣзду. Члены: коллежскій секретарь Николай Гарцевичъ, ротмистръ Михаилъ Горминъ; кандидатъ имъ, титулярный совѣтникъ Александръ Чмыховъ. Члены, назначенные начальникомъ губерніи: дѣйствительный статскій совѣтникъ Владиміръ Ковалевскій, коллежскій совѣтникъ Помпей Пассекъ.

V. Тамбовской губерніи.

По тамбовскому уѣзду. Члены: артиллеріи полковникъ Иванъ Викторовичъ Комсинъ, поручикъ князь Петръ Николаевичъ Кугушевъ; кандидатъ имъ, титулярный совѣтникъ Михаилъ Петровичъ Поповъ. По Козловскому уѣзду ***). Члены: коллежскій секретарь Сергѣй Степановичъ Жихаревъ, подпоручикъ Василій Яковлевичъ Кондыревъ. По Липецкому уѣзду. Члены: поручикъ Филиппъ Михайловичъ Прибытковъ, губернскій секретарь Петръ Борисовичъ Бланкъ; кандидатъ имъ, поручикъ Михаилъ Ивановичъ Бартеневъ. По Лебедянскому уѣзду. Члены: поручикъ Григорій Васильевичъ Наумовъ, губернскій секретарь Николай Ивановичъ Александровъ; кандидатъ имъ, подпоручикъ Ѳедоръ Алексѣевичъ Дурасовъ По Усманскому уѣзду. Члены: статскій совѣтникъ Григорій Борисовичъ Бланкъ, титулярный совѣтникъ Иванъ Гавриловичъ Ярцевъ; кандидатъ имъ, подпоручикъ Гавріилъ Дмитріевичъ Гарденинъ. По Борисоглѣбскому уѣзду. Члены:

---

*) Одинъ изъ членовъ, избранныхъ по Валковскому уѣзду, начальникомъ губерніи не утвержденъ.

**) Избранный въ кандидаты по Ахтырскому уѣзду, генералъ-майоръ Шрейдеръ отъ принятія сего званія отказался, а потому сдѣлано распоряженіе объ избраніи вмѣсто него другаго.

***) Избранный въ кандидаты по Козловскому уѣзду, подполковникъ Лихаревъ назначенъ отъ начальника губерніи членомъ въ Комитетъ отъ Правительства, а потому сдѣлано распоряженіе объ избраніи вмѣсто него другаго кандидата.

дѣйствительный статскій совѣтникъ Григорій Владиміровичъ Кондоиди, инженеръ-подпоручикъ Ѳедоръ Михайловичъ Сальковъ; кандидатъ имъ, коллежскій ассесоръ Петръ Осиповичъ Вальгардтъ. По Кирсановскому уѣзду. Члены: штабсъ-капитанъ Антонъ Аполлоновичъ Жемчужниковъ, двора Его Императорскаго Величества камергеръ, дѣйствительный статскій совѣтникъ Григорій Ѳедоровичъ Петрово-Соловово; кандидатъ имъ, майоръ Михаилъ Степановичъ Андреевскій. По Шацкому уѣзду. Члены: коллежскій совѣтникъ Константинъ Ивановичъ Савастьяновъ, коллежскій регистраторъ Митрофанъ Ниловичъ Ремезовъ; кандидатъ имъ, поручикъ Дмитрій Александровичъ Брюхатовъ. По Спасскому уѣзду. Члены: генералъ-маіоръ Иларіонъ Ивановичъ Жуковъ, коллежскій совѣтникъ Павелъ Кузьмичъ Крюковскій; кандидатъ имъ, штабсъ-ротмистръ князь Андрей Николаевичъ Енгалычевъ. По Елатомскому уѣзду. Члены: артиллеріи поручикъ Николай Ивановичъ Сумароковъ, поручикъ князь Андрей Александровичъ Кильдишевъ; кандидатъ имъ, коллежскій совѣтникъ Николай Ивановичъ Шутиловъ. По Темницкому уѣзду. Члены: камеръ-юнкеръ двора Его Императорскаго Величества, коллежскій ассесоръ князь Николай Ивановичъ Енгалычевъ, гвардіи поручикъ Николай Александровичъ Никифоровъ; кандидатъ имъ, губернскій секретарь Стрѣшневъ. По Моршанскому уѣзду. Члены: гвардіи капитанъ Степанъ Павловичъ Козловъ, штабсъ-капитанъ Аркадій Алексѣевичъ Колобовъ; кандидатъ имъ, коллежскій секретарь князь Николай Николаевичъ Челокаевъ. Члены, назначенные начальникомъ губерніи: подполковникъ Петръ Николаевичъ Лихаревъ, коллежскій совѣтникъ Александръ Ивановичъ Трофимовъ.

Библіографія журнальныхъ статей.

ПО КРЕСТЬЯНСКОМУ ВОПРОСУ.

Наконецъ въ прошедшемъ іюлѣ мѣсяцѣ вышелъ давно ожидаемый 5-й, майскій, нумеръ журнала „*Сельское Благоустройство*“, съ котораго мы и начнемъ настоящій разборъ.

Книжка эта начинается статьею Е. С. Г—ко, подъ заглавіемъ: „Мысли объ улучшеніи сельскаго хозяйства и быта землевладѣльцевъ“. Авторъ начинаетъ съ описанія различныхъ способовъ владѣнія землею и доказываетъ необходимость точнѣйшаго опредѣленія у насъ права собственности и различія между общинною и личною собственностью. Потомъ онъ выводитъ необходимость законнаго ограниченія дѣлимости имѣній и поземельныхъ участковъ. „Въ Англіи,—говоритъ онъ,—считаютъ наиболѣе выгодными имѣнія отъ 150 до 200 десятинъ. Размѣръ впрочемъ зависитъ отъ мѣстныхъ условій. У насъ, при трехпольномъ хозяйствѣ, при неизобиліи воды, объемъ этотъ можно опредѣлить отъ 800 до 1000 десятинъ, въ черноземныхъ губерніяхъ“. Предѣла дробимости имѣній въ прочихъ губерніяхъ авторъ вовсе не указываетъ. Объемъ крестьянскаго участка онъ опредѣляетъ по 4 десятины въ клину, кромѣ выгона общиннаго и двухъ десятинъ сѣнокоса. Здѣсь авторъ опять имѣетъ въ виду однѣ многоземельныя губерніи. Жаль, что авторъ не разобралъ этого вопроса болѣе подробно. Если онъ знакомъ съ устройствомъ помѣщичьихъ имѣній въ разныхъ мѣстностяхъ Россіи (что можно предположить изъ общихъ замѣчаній его о помѣщичьемъ хозяйствѣ), то онъ имѣлъ бы возможность раздѣлить Россію на полосы, сообразно мѣстнымъ условіямъ, и затѣмъ опредѣлить для каждой полосы предѣлъ, до котораго могутъ быть раздроб-

ляемы помѣщичьи имѣнія и крестьянскіе участки, безъ нарушенія выгодъ владѣльцевъ, т. е. безъ допущенія такого размѣра владѣнія, при которомъ земледѣліе не вознаграждаетъ уже достаточно трудовъ хозяина. Такая статья—будь она написана добросовѣстно и съ полнымъ знаніемъ дѣла—была бы весьма занимательна, а главное практически полезна, особенно, если бы выводы автора были подкрѣплены точными числовыми данными.

Далѣе авторъ дѣлаетъ сравненіе между временнымъ и потомственнымъ владѣніемъ землею и доказываетъ невозможность внезапнаго и насильственнаго уничтоженія общиннаго владѣнія: между тѣмъ онъ предлагаетъ: „образовать особое сословіе фермеровъ или арендаторовъ. Оно можетъ составиться: а) изъ мелкопомѣстныхъ дворянъ, b) изъ чиновниковъ заштатныхъ, c) изъ купцовъ и другихъ лицъ, владѣющихъ капиталами".

Не знаемъ, понимаетъ ли авторъ подъ словами: „*нужно образовать сословіе фермеровъ*"—необходимость принятія, въ этомъ отношеніи, какихъ либо особыхъ правительственныхъ мѣръ. Въ такомъ случаѣ съ нимъ согласиться трудно. Фермерство конечно образуется въ свое время и, можетъ быть, довольно скоро, само собою: найдутся люди, готовые посвятить земледѣлію свои труды и капиталы—и въ земляхъ имъ у насъ недостатка не будетъ. Все, чего можно желать въ этомъ отношеніи, это—содѣйствія правительства и высшихъ сословій къ распространенію между лицами средняго состоянія агрономическихъ свѣдѣній; а возможности принять какія либо правительственныя мѣры собственно для образованія особаго *сословія* фермеровъ—мы не понимаемъ. Притомъ мы желаемъ образованія фермъ лишь въ томъ смыслѣ, чтобы, рядомъ съ нынѣшними крестьянскими хозяйствами, возникли на пустопорожнихъ или вообще на господскихъ или казенныхъ земляхъ, не состоящихъ нынѣ въ пользованіи крестьянъ, фермы, которыя, превосходя способомъ обработки своей, также какъ и самымъ размѣромъ, крестьянскіе участки, могли бы служить сосѣднимъ крестьянамъ живымъ примѣромъ земледѣльческихъ усовершенствованій. Но никакъ нельзя желать, чтобы фермы *замѣнили* крестьянскія хозяйства, т. е. чтобы вмѣсто крестьянъ образовались два сословія: фермеровъ или хозяевъ и бездомныхъ батраковъ. Съ этимъ конечно согласится самъ авторъ разбираемой нами статьи.

За этой статьей слѣдуетъ въ „Сельскомъ Благоустройствѣ" статья г. *Лободы*, по поводу статьи г. Кошелева „*о мелкопомѣстныхъ дворянахъ*".

Г. Кошелевъ предлагалъ, при устройствѣ быта помѣщичьихъ крестьянъ, принять, для обезпеченія средствъ къ существованію мелкопомѣстнымъ дворянамъ, слѣдующія мѣры: 1) Въ имѣніяхъ, гдѣ хлѣбопашество прибыльно, оставить въ собственности и непосредственномъ распоряженіи помѣщика всю землю, а крестьянамъ доставить прочную осѣдлость на иныхъ земляхъ. 2) Въ такихъ же мѣстностяхъ, гдѣ земля плоха и доходъ доставляется личностью крестьянъ, тамъ крестьянамъ отдать всю землю, а помѣщикамъ дать возможность пріобрѣсти земли въ болѣе хлѣбородныхъ мѣстахъ. Изъ мелкихъ владѣльцевъ этихъ могутъ образоваться впослѣдствіи фермеры. Въ этомъ случаѣ конечно предполагается выкупъ земли крестьянами, при извѣстномъ пособіи.

Г. Лобода разбираетъ невыгоды и неудобства переселенія помѣщиковъ и крестьянъ, выводитъ вредное вліяніе крупнаго фермерства на массу земледѣльческаго сословія, когда большія владѣнія и фермы поглощаютъ мелкія хозяйства, и

приходитъ наконецъ къ заключенію, что „состояніе мелкопомѣстныхъ дворянъ будетъ самое прочное только въ такомъ случаѣ, когда они составятъ изъ себя отдѣльныя общины, съ правомъ общиннаго владѣнія землею, или лучше, если войдутъ съ крестьянами въ общій составъ общинъ“.

Чрезъ это, по мнѣнію г. Лободы, устранится надобность переселенія и разъединенія мелкопомѣстныхъ дворянъ и крестьянъ ихъ. Помѣщикъ, получивъ отъ крестьянъ вознагражденіе за усадьбы и нарѣзанную имъ землю, будетъ пользоваться оставшеюся ему землею и войдетъ въ составъ общины, какъ равный. Лишнюю землю онъ можетъ продать; если же ему земли мало, онъ можетъ прикупить на полученныя съ крестьянъ выкупныя деньги. „Къ такому сближенію двухъ различныхъ классовъ нужно,—говоритъ г. Лобода,—откинувъ вкоренившіеся изстари въ насъ предразсудки, стараться всевозможно содѣйствовать. Польза, отъ того проистекающая, нами хорошо оцѣнима и сознаваема еще быть не можетъ (такъ она для многихъ должна показаться дика),—но она вмѣстѣ съ тѣмъ и видима съ перваго же раза“.

Предоставляемъ читателямъ отдать преимущество предположенію г. Кошелева или г. Лободы, статья котораго написана ясно, послѣдовательно и, какъ видно, съ искреннимъ убѣжденіемъ. Мы убѣждены, что статьи, написанныя въ такомъ духѣ,—если бы онѣ и не во всѣхъ отношеніяхъ были практически вѣрны и удобоприменимы,—должны однако много содѣйствовать къ уясненію разбираемаго вопроса.

Слѣдующія за этой двѣ статьи о надѣлѣ крестьянъ землею и вознагражденіи, какое слѣдуетъ помѣщикамъ за эту землю, представляютъ практическія и притомъ мѣстныя данныя и соображенія.

Затѣмъ помѣщена въ „Сельскомъ Благоустройствѣ“ статья *г. Кошелева „о дворовыхъ людяхъ“*.

Авторъ въ живомъ и вѣрномъ описаніи настоящаго положенія дворовыхъ людей показываетъ намъ, что содержаніе ихъ въ большей части имѣній невыгодно, а если и приноситъ матеріальную пользу помѣщику, то, у небогатыхъ владѣльцевъ, при низведеніи дворовыхъ до самаго грустнаго положенія. Изъ этого г. Кошелевъ выводитъ: какъ полезна была бы замѣна дворовыхъ вольнонаемными людьми. Для самаго же освобожденія дворовыхъ, онъ предлагаетъ слѣдующія мѣры:

Допустить выкупъ ихъ на волю, на прежнемъ основаніи, по соглашенію съ помѣщикомъ; но вмѣстѣ опредѣлить высшую норму выкупной суммы для взрослаго мужчины, отъ 20 до 30 лѣтъ, въ 200 р. сер., пропорціонально уменьшая эту сумму для недостигшихъ или перешедшихъ этотъ возрастъ. Женъ и малолѣтнихъ дѣтей откупающихся дворовыхъ увольнять безплатно; дѣвокъ и вдовъ отъ 18 до 30 лѣтъ—за 40 р., также уменьшая эту сумму сообразно возрасту. Если же помѣщикъ издержалъ сумму на обученіе дворовaго какому либо мастерству, то, когда это будетъ доказано, допустить требованіе за то вознагражденія сверхъ выкупа на слѣдующемъ основаніи. Издержанная сумма (которая однако не должна быть признана превышающею 200 р. для мужчины и 40 р. для женщины) дѣлится на 20 (считая срокъ службы дворовaго отъ 20 до 40 лѣтъ); затѣмъ помѣщикъ можетъ требовать уплаты издержанной на обученіе дворовaго суммы по числу лѣтъ, остающихся послѣднему до достиженія сорокалѣтняго возраста; напримѣръ, если за обученіе дворовaго заплачено 200 р. и ему отъ роду 28 лѣтъ, то онъ долженъ

уплатить помѣщику, сверхъ выкупа, за остающіяся до 40-лѣтняго возраста 12 лѣтъ, по 10 р. за каждый годъ, а всего 120 р.; если же ему 25 лѣтъ, — то 150 р. и т. д. Вмѣстѣ съ тѣмъ дозволить помѣщикамъ отпускать безвозмездно на волю дворовыхъ людей безъ согласія послѣднихъ, но съ тѣмъ, чтобы при отпускѣ на волю калѣки, больнаго или старика, имѣющаго свыше 50 или 60 лѣтъ, помѣщикъ вносилъ 150 р. въ пользу общества, въ которое отпущенный поступитъ и которое обязано имѣть о немъ попеченіе; за женщинъ, старѣе 40 или 50 лѣтъ, вносить 75 р. Сверхъ того постановить, что всѣ дворовые, рожденные съ 19 февраля 1855 года, уже свободны, а также опредѣлить 12-ти-лѣтній срокъ, по истеченіи коего всѣ не выкупившіеся люди освобождаются уже безплатно.

Конечно, хотя личный выкупъ вовсе нѣтъ необходимости установлять въ отношеніи къ крестьянамъ, но въ отношеніи къ дворовымъ онъ имѣетъ свое основаніе, такъ какъ помѣщикъ очевидно пользовался тутъ доходомъ исключительно съ личности людей, безъ всякаго участія поземельной ренты. Этотъ доходъ помѣщика можетъ быть вознагражденъ или единовременнымъ выкупомъ, или срочною обязательною службою, какъ это было въ Остзейскомъ краѣ. Г. Кошелевъ признаетъ оба способа вознагражденія, такъ какъ онъ, кромѣ выкупа, полагаетъ постановить, что чрезъ 12 лѣтъ всѣ дворовые освобождаются безвозмездно. Съ этимъ нельзя не согласиться, потому что одинъ выкупъ, безъ назначенія срока общаго освобожденія, не достигъ бы своей цѣли, даровавъ свободу однимъ только зажиточнымъ дворовымъ. Съ другой стороны, и при назначеніи срока общаго освобожденія, необходимо опредѣлить норму выкупа для огражденія ремесленныхъ, промышленныхъ и вообще способныхъ къ хорошимъ заработкамъ дворовыхъ отъ вымогательствъ нѣкоторыхъ алчныхъ помѣщиковъ или недобросовѣстныхъ управляющихъ. Мы видали кучеровъ изъ дворовыхъ людей, на обученіе коихъ помѣщикъ не истратилъ ни копѣйки, и которые платили до 60 руб. сер. оброка въ годъ; для иныхъ даже оброкъ не былъ ясно опредѣленъ, а съ нихъ требовали почти все ихъ жалованье, а въ случаѣ малѣйшаго замедленія въ высылкѣ денегъ, не высылали имъ паспортовъ и чрезъ это лишали ихъ мѣстъ. Хорошій человѣкъ легко бы нашелъ хозяина, который заплатилъ бы за него выкупъ въ 200 руб. сер. съ постепеннымъ вычетомъ этой суммы изъ его жалованья. Такимъ образомъ многіе дворовые люди избавились бы отъ грустной необходимости трудиться цѣлые 12 лѣтъ, отдавая господину всѣ плоды трудовъ своихъ и не имѣя возможности улучшить свое положеніе. Потому мы убѣждены, что норма выкупа принесла бы во многихъ отдѣльныхъ случаяхъ несомнѣнную пользу, уничтоживъ возможность налагать на дворовыхъ отяготительные оброки, но это не привело бы къ общему выкупу дворовыхъ, большинство коихъ освободилось бы не раньше общаго срока. Потому намъ казалось бы достаточнымъ опредѣлить одну высшую цифру выкупной суммы, присоединивъ къ ней, пожалуй, вознагражденіе за издержки на обученіе дворовому мастерству, безъ распредѣленія выкупа по возрастамъ. Вымогательства можно ожидать лишь въ отношеніи къ дворовымъ, платящимъ весьма высокій оброкъ; остальныхъ помѣщики согласятся отпустить и за небольшую сумму, имѣя въ виду, что черезъ 12 лѣтъ они получатъ свободу даромъ.

Еще одно предложеніе г. Кошелева намъ кажется неумѣстнымъ: онъ предлагаетъ признать свободными дворовыхъ, рожденныхъ съ 19 февраля 1855 года. Къ чему это, если черезъ 12-ть лѣтъ онъ предлагаетъ даровать свободу всѣмъ

дворовымъ? Неужели мальчику, не достигшему 12 лѣтъ, будетъ легче отъ того, что онъ вольный? Съ другой стороны малолѣтніе эти могутъ осиротѣть; оставаясь дворовыми, они были бы въ теченіе 12 лѣтъ, т. е. до общаго освобожденія, на попеченіи помѣщика: родившись свободными, они будутъ имѣть лишь меньше права на его заботливость. Вотъ все, что мы можемъ замѣтить на статью г. Кошелева, которая, безъ сомнѣнія, не останется въ настоящее время безъ пользы и примѣненія.

Въ статьѣ Г. Д. *Самарина*, подъ заглавіемъ „*баронъ Шульцъ фонъ Ашераденъ и докторъ Меркель*“, выставлены двѣ личности, замѣчательныя по вліянію, какое онѣ имѣли на освобожденіе крестьянъ въ Лифляндіи.

Баронъ Шульцъ, человѣкъ въ высшей степени благородный, проникнутый искреннею любовью къ справедливости, далеко опередилъ свой вѣкъ истинно-человѣколюбивыми своими стремленіями и яснымъ, безпристрастнымъ, просвѣщеннымъ взглядомъ на современные ему вопросы. Онъ самъ былъ богатый лифляндскій помѣщикъ, но подчинялъ свои разсчеты попеченіямъ о благосостояніи крестьянъ своихъ. Для доставленія крестьянамъ своимъ надлежащей самостоятельности и тѣхъ льготъ, на которыя они, по его мнѣнію, имѣли полное право, онъ издалъ въ 1764 году для своихъ имѣній особое положеніе, опредѣлявшее въ точности права и обязанности крестьянъ и ограничивавшее произволъ помѣщика. Такимъ образомъ онъ прежде всего выразилъ свое стремленіе къ улучшенію быта крестьянъ собственнымъ примѣромъ, самымъ дѣломъ, а не одними разсужденіями. Потомъ онъ принималъ живое участіе въ преніяхъ ландтага, предшествовавшихъ изданію положенія 1804 года, и подъ конецъ получилъ на ходъ этого дѣла значительное вліяніе, хотя сначала высказанныя имъ либеральныя убѣжденія до того не понравились нѣкоторымъ дворянамъ, что его чуть не выбросили въ окошко!

Честь и слава людямъ, которые, для пользы человѣчества и для поддержанія справедливыхъ убѣжденій, не страшатся ярости и нареканій людей съ узкими и отсталыми понятіями и алчныхъ эгоистовъ. А безъ сопротивленія, безъ нареканій отъ противной стороны, никакая полезная реформа совершиться не можетъ. Чѣмъ менѣе противники реформы могутъ представить въ свою пользу основательныхъ доводовъ, тѣмъ болѣе они горячатся, тѣмъ превратнѣе толкуютъ они значеніе, цѣль и послѣдствія реформы, тѣмъ скорѣе доходятъ до рѣзкихъ выраженій, до брани, даже до насилія, какъ чуть не случилось на лифляндскомъ ландтагѣ, при выслушаніи предположеній барона Шульца. Но вспышки эти истощаютъ послѣднія силы противодѣйствующей партіи, роняютъ окончательно партію эту въ глазахъ людей благомыслящихъ и уступаютъ мѣсто спокойнымъ преніямъ, служащимъ къ уясненію и здравому рѣшенію вопроса. Тогда разливается и растетъ вліяніе людей, подобныхъ барону Шульцу, память коего глубоко уважается теперь между потомками тѣхъ самыхъ дворянъ, которые нѣкогда на него возставали.

Что касается доктора Меркеля, то сочиненія его объ Остзейскихъ крестьянахъ, живо представлявшія несчастное положеніе ихъ и убѣдительно высказывавшія, новыя еще въ то время, мнѣнія о способахъ къ улучшенію крестьянскаго быта, много содѣйствовали къ распространенію по этому предмету болѣе справедливыхъ понятій.

Къ этимъ двумъ, достойнымъ всякаго уваженія, именамъ г. Самаринъ могъ бы еще присоединить имя г. Самсона фонъ Гиммельштирна, который, въ позднѣйшее

время, и по сочиненіямъ своимъ, и по участію въ преніяхъ дворянства, также не мало содѣйствовалъ къ улучшенію положенія лифляндскихъ крестьянъ.

За этой статьей помѣщена въ „Сельскомъ Благоустройствѣ" перепечатанная изъ Журнала Министерства Внутреннихъ Дѣлъ статья: *о „положеніи крестьянскаго сословія въ Молдавіи, о занятіяхъ нынѣшняго молдавскаго дивана по предмету освобожденія крестьянъ"*.

Издатель присоединилъ къ ней примѣчаніе слѣдующаго содержанія:

„Мы перепечатываемъ статью сію изъ Журнала Министерства Внутреннихъ Дѣлъ, будучи увѣрены, что читатели наши найдутъ весьма любопытныя свѣдѣнія, здѣсь сообщаемыя, о занятіяхъ нынѣшняго молдавскаго дивана по предмету освобожденія крестьянъ. Думаемъ, что изъ сей статьи мы можемъ для себя извлечь нѣсколько полезныхъ предостереженій и уроковъ. Дай Богъ, чтобы наши комитеты не презрѣли плодовъ опытности сосѣднихъ странъ, чтобы они все болѣе и болѣе убѣждались въ необходимости для крестьянъ прочной, въ собственность переходящей осѣдлости, и чтобы паче всего они воздержались отъ наложенія на одно сословіе, въ пользу другаго, обязанностей многосложныхъ, не строго опредѣленныхъ".

Изъ статьи этой видно, что въ Молдавіи крестьяне находятся въ нѣкоторой степени крѣпостной зависимости, такъ какъ переходъ ихъ изъ одного имѣнія въ другое затрудненъ множествомъ условій и формальностей и повинности ихъ въ отношеніи къ помѣщикамъ опредѣляются закономъ, а не добровольнымъ договоромъ. Порядокъ этотъ установленъ болѣе 100 лѣтъ тому назадъ и былъ, въ отношеніи къ размѣру повинностей крестьянъ, неоднократно измѣняемъ, однако норма барщины и оброка часто не соотвѣтствуетъ теперь дѣйствительной цѣнности земли и вольнонаемной арендной платѣ. Изъ этого возникаютъ между помѣщиками и крестьянами разныя недоразумѣнія и неудовольствія. Тамъ, гдѣ законная норма повинностей ниже вольной арендной цѣны, помѣщики весьма стѣснены правиломъ, которое обязываетъ ихъ надѣлять землею прибылыхъ крестьянъ за узаконенныя повинности. Теряя чрезъ это часть своего дохода, помѣщики стараются вознаградить свои убытки вымогательствомъ у крестьянъ лишнихъ противъ положенія повинностей всякими неправдами, возбуждающими въ народѣ негодованіе. Крестьяне не могутъ свободно располагать своимъ трудомъ, а помѣщики своею землею. Тѣ и другіе тяготятся своимъ положеніемъ. Все это происходитъ оттого, что воображали возможнымъ постоянное сохраненіе порядка, который могъ быть хорошъ лишь какъ мѣра временная, переходная. Теперь весьма многіе сознаютъ въ Молдавіи, что какъ для помѣщиковъ, такъ и для крестьянъ, всего лучше было бы окончательно развязаться съ обязательными взаимными своими отношеніями. Если бы крестьянамъ дали право и открыли бы возможность и средства откупиться отъ своихъ обязательныхъ повинностей и сохранить состоящія въ постоянномъ пользованіи ихъ земли, или хотя часть ихъ, на правахъ полной собственности, то помѣщики, съ помощью выкупнаго капитала, быстро увеличили бы доходъ и цѣнность остальныхъ своихъ земель, которыми они могли бы уже вполнѣ распоряжаться по собственному усмотрѣнію. Взаимные интересы сблизили бы помѣщиковъ съ крестьянами; теперешній антагонизмъ между ними исчезъ бы, не было бы поводовъ къ спорамъ, жалобамъ, притѣсненіямъ. Все это ясно сознается уже въ Молдавіи большинствомъ; вопросъ въ томъ лишь: какимъ способомъ выкупить крестьянскія повинности и какое количество земли предоставить въ собственность крестьянамъ? Вопросъ этотъ, по

разногласію мнѣній и по волненію, возбужденному шумною оппозиціею нѣкоторыхъ бояръ, не могъ быть рѣшенъ диваномъ и представленъ на разсмотрѣніе парижскаго конгресса.

Въ послѣднее время вышелъ еще 6-й, іюньской, нумеръ „Сельскаго Благоустройства". Въ немъ заключаются между прочимъ слѣдующія статьи.

Статья *„о крестьянскихъ усадьбахъ" І. С. Голубцова* имѣетъ значеніе чисто практическое, т. е. не разбираетъ самого вопроса, а указываетъ на способы примѣненія предполагаемыхъ правилъ къ особымъ мѣстнымъ случаямъ. Такія статьи могутъ быть на дѣлѣ весьма полезны, но онѣ все-таки имѣютъ интересъ преимущественно для людей спеціальныхъ: притомъ достоинство и польза ихъ заключаются не въ развитіи новой идеи, но въ точности и вѣрности подробностей, которыхъ въ разборѣ сочиненія передать вполнѣ невозможно. Потому, отдавая полную справедливость подобнымъ статьямъ, мы будемъ вкратцѣ только указывать ихъ содержаніе, не вдаваясь въ подробный разборъ ихъ, который бы утомилъ большинство читателей. Тѣ же, которые хотѣли бы съ практическою цѣлью вникнуть въ подобныя статьи, тѣ должны изучать ихъ въ подлинникѣ: для нихъ недостаточно и самаго полнаго разбора. Итакъ ограничимся насчетъ статьи г. Голубцова указаніемъ, что авторъ въ статьѣ этой разбираетъ значеніе крестьянскихъ усадебъ, составъ ихъ, случаи переноса усадебъ, способъ оцѣнки и выкупа ихъ.

Въ статьѣ *г. Харламова „о надѣлѣ крестьянъ землею и объ ея оцѣнкѣ"* авторъ доказываетъ, что лучше предоставить крестьянамъ въ пользованіе всю владѣемую ими теперь пахатную землю, и опровергаетъ доводы лицъ, предполагающихъ, что выгоднѣе было бы отдѣлить въ постоянное пользованіе крестьянъ возможно меньшее количество земли. Далѣе авторъ примѣрно опредѣляетъ размѣръ оброка, разсчитанный соразмѣрно цѣнности извѣстной части хлѣба и другихъ произведеній, которыя крестьяне могутъ получить съ отданной имъ въ пользованіе земли.

Далѣе помѣщена статья Е. С. Г—ко *„о народныхъ нравахъ и обычаяхъ"* Авторъ выставляетъ лѣность малороссіянъ, склонность ихъ къ пьянству, недостаточное уваженіе къ праву собственности (онъ говоритъ, что хотя въ Малороссіи почти нѣтъ воровъ по ремеслу, но крестьяне не считаютъ грѣхомъ лѣсную порубку или потраву чужаго хлѣба), недостатокъ кредита и взаимнаго довѣрія, отсутствіе людей спеціально, технически образованныхъ и страсть крестьянъ раздроблять свои хозяйства, т. е. страсть сыновей жить отдѣльными домами отъ отцовъ своихъ и другъ отъ друга и т. п. Лѣность крестьянъ конечно происходитъ отчасти отъ зависимаго положенія ихъ. Трудолюбивымъ часто приходится отдавать господину значительную часть добытаго ими; лѣнивыхъ баринъ по неволѣ кормитъ. Когда каждый будетъ самъ отъ себя зависѣть, самъ о себѣ пещись, когда лѣнивому не на кого будетъ надѣяться, а усердный крестьянинъ будетъ увѣренъ, что заработанное имъ пойдетъ въ прокъ ему и его семейству, тогда лѣности вѣрно будетъ меньше. Что касается лѣсныхъ порубокъ и т. п., то мы читали въ сочиненіи г. Сарганта (Economy of the laboring classes), что и во Франціи онѣ не считаются въ народѣ грѣхомъ; это общая черта нравовъ народа не достаточно еще образованнаго, а не исключительно малороссійскихъ крестьянъ. Прочія обличенія автора основательны, но должно надѣяться, что все это годъ отъ году будетъ исправляться. Но не можемъ не замѣтить, что гнѣвъ г. Г—ко на пьянство завле-

каетъ его очень далеко: онъ выводитъ, что каждое семейство въ Харьковской губерніи тратитъ ежегодно на водку до 15 руб. сер., и затѣмъ высказываетъ желаніе, чтобы „правительство вовсе запретило употребленіе пѣннаго вина и установило прямой налогъ на каждое семейство по 15 руб. сер. за право пить его!“

Въ статьѣ г. Половцова: „*мысль объ освобожденіи крестьянъ въ XVIII столѣтіи*“, заключается разсказъ о предложенномъ въ 1766 г. С.-Петербургскимъ Вольнымъ Экономическимъ Обществомъ конкурсѣ на тему „о пользѣ для государства отъ развитія крестьянской поземельной собственности“. Премію на конкурсѣ этомъ получило сочиненіе на французскомъ языкѣ доктора правъ Беарде (Béardé de l'Abbaye). Въ сочиненіи этомъ выведены всѣ выгоды, которыхъ должно ожидать, въ государственномъ и экономическомъ отношеніяхъ, отъ предоставленія крестьянамъ личной свободы и поземельной собственности. Для своего времени, появленіе такого сочиненія и напечатаніе его въ Россіи.—фактъ весьма замѣчательный.

Къ 6-му № „Сельскаго Благоустройства“ приложена составленная И. В. Сабуровымъ „*хозяйственно-статистическая программа для описанія дворянскихъ имѣній*“. Это трудъ весьма полный, обдуманный и во многихъ отношеніяхъ полезный.

Перейдемъ теперь къ обзору вышедшихъ, съ изданія послѣдней нашей библіографической статьи, 4, 5 и 6 нумеровъ „*Журнала Землевладѣльцевъ*“.

Въ 4-мъ № помѣщенъ составленный г. Шульцемъ разборъ сочиненія *г. Сарганта* объ устройствѣ рабочихъ классовъ въ разныхъ государствахъ—Economy of the labouring classes. London 1857. Въ разборѣ этомъ извлечено изъ сочиненія г. Сарганта преимущественно все то, что относится до быта землевладѣльцевъ.

Систему хозяйственнаго устройства земледѣльческаго сословія г. Сарантъ разсматриваетъ въ четырехъ видахъ; а именно: „1) система *патріархальная*, подъ именемъ которой авторъ разумѣетъ отношеніе главы семейства къ домочадцамъ у первобытныхъ кочующихъ племенъ; 2) система *покровительственная* (patronage), существующая тамъ, гдѣ сохраняется еще рабство или крѣпостное состояніе, гдѣ работникъ служитъ господину не по найму, а по обязанности, но вмѣстѣ съ тѣмъ находится на его попеченіи; 3) *общинное устройство* и 4) система *личной самостоятельности и личнаго владѣнія*“.

Г. Сарантъ доказываетъ, что каждая изъ системъ этихъ, представляя свои выгоды и неудобства, свойственна извѣстной эпохѣ жизни народовъ, и что каждая въ свое время можетъ быть въ извѣстной степени полезна, хотя послѣдняя система одна только возможна въ государствѣ вполнѣ развитомъ. Затѣмъ г. Сарантъ приводитъ въ примѣръ существующія нынѣ системы устройства земледѣльческаго сословія въ разныхъ государствахъ и разбираетъ послѣдствія различныхъ системъ, выражающіяся въ большемъ или меньшемъ нравственномъ и матеріальномъ благосостояніи крестьянъ. Примѣры патріархальнаго устройства авторъ находитъ въ Аравіи и на Уралѣ; примѣры крѣпостнаго права у насъ въ Россіи и въ Болгаріи. Положеніе у насъ крѣпостныхъ людей онъ еще видитъ въ довольно розовомъ свѣтѣ, хотя и сознаетъ, что Россія вступаетъ въ тотъ періодъ гражданскаго своего развитія, когда уничтоженіе крѣпостнаго права дѣлается полезнымъ и необходимымъ. Между тѣмъ г. Сарантъ сильно нападаетъ на существованіе невольничества въ Соединенныхъ Штатахъ и, сравнивая страну эту съ Россіею, гдѣ при-

нимаются уже мѣры къ улучшенію быта помѣщичьихъ крестьянъ, онъ доказываетъ, что для низшаго класса народа самодержавное правленіе часто благодѣтельнѣе республиканскаго. Общиннаго владѣнія съ передѣломъ земли по тягламъ г. Саргантъ не знаетъ, а подъ этимъ именемъ указываетъ намъ лишь на общинное пользованіе угодьями. Наконецъ изъ странъ, гдѣ развита личная самостоятельность крестьянъ, авторъ выставляетъ наилучшимъ положеніе крестьянъ въ Норвегіи, гдѣ значительно развита мелкая поземельная собственность, а самымъ жалкимъ въ Ирландіи, гдѣ населеніе состоитъ изъ бездомныхъ батраковъ или мелкихъ фермеровъ, нанимающихъ клочки земли съ полуразвалившимися хижинами за огромную цѣну.

Сравнивая положеніе земледѣльцевъ въ разныхъ государствахъ, г. Саргантъ представляетъ довольно любопытные факты о пищѣ, жилищахъ, рабочей платѣ, нравахъ и смертности крестьянъ. Но тѣмъ, кто желалъ бы ближе ознакомиться съ вліяніемъ, которое имѣетъ на крестьянъ развитіе между ними мелкой поземельной собственности, мы можемъ посовѣтовать прочесть сочиненіе Джона Стюарта Милля или по крайней мѣрѣ одну главу сочиненія этого извѣстнаго экономиста, посвященную описанію положенія крестьянъ собственниковъ. Глава эта отдѣльно переведена въ №№ 5—8 „Сына Отечества“ за нынѣшній годъ. Въ 30 № этого журнала начатъ переводъ другой части сочиненія г. Милля, а именно: „о системахъ пользованія землею“. Но возвратимся къ Журналу Землевладѣльцевъ.

Въ 4-мъ же нумерѣ помѣщена статья г. Гелинга: *„объ устройствѣ крестьянъ и помѣщичьихъ имѣній въ Литовскихъ губерніяхъ“*. Описавъ происхожденіе тамъ инвентарей, существо крестьянскихъ повинностей и устройство тамъ отдѣльныхъ ферменныхъ хозяйствъ, авторъ приходитъ къ весьма основательному заключенію, что усадьбы крестьянскія, представляющія отдѣльныя фермы, слѣдовало бы, вмѣстѣ съ прилегающими къ нимъ полевыми участками, отдать въ потомственное пользованіе крестьянъ за умѣренную ренту съ облегченіемъ крестьянамъ средствъ пріобрѣтенія поземельной собственности.

Въ томъ же нумерѣ Журнала Землевладѣльцевъ, еще весьма достойна вниманія статья подъ заглавіемъ: *„крестьянинъ-торговецъ“*. Это вѣрный и во многихъ отношеніяхъ весьма занимательный очеркъ быта промышленныхъ и торговыхъ крестьянъ Калязинскаго уѣзда. Тутъ мы знакомимся не только съ общими характеристическими чертами этого быта, но вникаемъ въ самую внутреннюю, вседневную жизнь крестьянина-торговца, слѣдимъ за нимъ, со вступленія его на поприще торговли, до преклонныхъ лѣтъ его, видимъ хорошую и дурную сторону его образа жизни, видимъ богатство, которое крестьянинъ-торговецъ быстро накопляетъ, благодаря своей сметливости и могучей силѣ воли, и нерѣдко также быстро расточаетъ по разгульной и безпечной своей натурѣ. Не отвергая матеріальныхъ выгодъ, доставляемыхъ краю промышленнымъ и торговымъ направленіемъ его жителей, авторъ жалѣетъ о непрочности богатства въ рукахъ крестьянина-торговца, а еще болѣе объ упадкѣ нравственности торговаго сельскаго населенія, вслѣдствіе столичной жизни молодыхъ людей и разъединенія ихъ съ семействами.

Для отвращенія этого зла, авторъ полагаетъ полезнымъ развить нравственно-религіозное образованіе крестьянъ, воспретить имъ жить на сторонѣ безъ женъ, обязать одного изъ трехъ братьевъ остаться земледѣльцемъ. Нравственно-религіозное образованіе безъ сомнѣнія полезно; но мы не можемъ рѣшиться желать

вмѣстѣ съ авторомъ вмѣшательства закона въ семейныя и хозяйственныя отношенія крестьянъ. Неужели хорошо, если бы полиція стала привязываться къ каждому женатому крестьянину, пришедшему въ городъ, отсылать его обратно въ деревню, если онъ не привезъ съ собою жены! Да этого достаточно было бы во многихъ случаяхъ, чтобы удержать крестьянъ отъ брака, а иначе какъ-же исполнить законъ, предлагаемый авторомъ статьи о крестьянахъ-торговцахъ? Обязаніе одного изъ трехъ братьевъ оставаться дома тоже было бы иногда стѣснительно для крестьянъ. Богатому и еще бодрому крестьянину-торговцу, имѣющему трехъ взрослыхъ сыновей, удобнѣе и выгоднѣе можетъ быть отпустить всѣхъ троихъ въ городъ, а завѣдывать хозяйствомъ самому съ помощью наемнаго работника. Намъ кажется, что всѣ подобныя мѣры будутъ не нужны съ распространеніемъ между крестьянами частной поземельной собственности и съ развитіемъ въ нихъ охоты къ пріобрѣтенію ея. Теперь разбогатѣвшій крестьянинъ оставляетъ дѣтямъ лишь капиталецъ да хорошую избу (оставаясь крѣпостнымъ, онъ ничѣмъ болѣе не можетъ обезпечить благосостоянія ихъ); или же онъ откупается на волю и вовсе оставляетъ свое сословіе. Современемъ, близко ли, далеко ли — не знаемъ, расторговавшійся крестьянинъ непремѣнно постарается купить въ полную и потомственную собственность порядочный участокъ земли, гдѣ онъ устроитъ дѣтямъ своимъ прочное хозяйство. Если въ Англіи разбогатѣвшій работникъ, сдѣлавшійся торговцемъ, но никогда не бывшій земледѣльцемъ, почти всегда старается сдѣлаться поземельнымъ владѣльцемъ и, оставивъ торговлю, берется для отдыха за сельское хозяйство, то неужели это стремленіе будетъ слабѣе въ нашемъ крестьянинѣ — торговцѣ, родившемся среди полей? Тогда каждый ловкій и дѣльный крестьянинъ, вступая въ торговлю, будетъ имѣть предъ собою ясную и опредѣленную цѣль: нажить капиталъ и съ помощію его сдѣлаться, вблизи роднаго селенія, маленькимъ помѣщикомъ. Конечно, эта мысль будетъ лестнѣе для него, чѣмъ надежда перейти навсегда въ городъ: тамъ онъ былъ бы мѣщаниномъ, человѣкомъ незначущимъ; у себя, въ своемъ сельскомъ обществѣ, онъ, владѣя порядочнымъ имѣньицемъ, будетъ лицомъ значительнымъ. Удастся это одному, другіе всѣми силами будутъ стараться добиться того же, и тогда нечего бояться, чтобы земледѣліе въ Калязинскомъ уѣздѣ было заброшено. Сыновья разбогатѣвшаго торговца сами, пожалуй, не пойдутъ уже въ городъ, а останутся у себя хозяйничать. Мы вполнѣ убѣждены что именно промышленные и торговые уѣзды Россіи должны быть и современемъ непремѣнно будутъ, даже и безъ вспомогательныхъ къ тому мѣръ, центромъ крестьянской поземельной собственности.

Въ 5-мъ нумерѣ Журнала Землевладѣльцевъ, мы можемъ указать на статью г. Жеребцова: *„о распространеніи знаній въ Россіи“*. Тутъ сравнивается современное состояніе просвѣщенія въ Россіи и въ западныхъ государствахъ Европы. Авторъ доказываетъ, что западная Европа далеко опередила насъ въ этомъ отношеніи, но что это происходитъ отъ нѣкоторыхъ особыхъ обстоятельствъ государственной жизни Россіи въ послѣдніе полтора вѣка, а не отъ недостатка воспріимчивости русскаго народа, такъ какъ еще при царѣ Алексѣѣ Михайловичѣ Россія вовсе не уступала Европѣ въ просвѣщеніи и даже шла впереди ея по развитію нѣкоторыхъ государственныхъ понятій.

Далѣе слѣдуетъ небольшая статья: *„о возможности выкупа для крестьянъ не только усадебъ, но и части полевой земли“*. Въ этой статьѣ излагается

впрочемъ не система выкупа, а только оцѣнка земель и опредѣленіе цифры ежегоднаго платежа, который слѣдовало бы возложить на крестьянъ. Затѣмъ авторъ полагаетъ предоставить крестьянамъ заключать съ помѣщиками частныя сдѣлки о постепенномъ погашеніи долга за уступленную землю. Мы не споримъ съ авторомъ статьи этой относительно вѣрности его вычисленій и соглашаемся вполнѣ, что крестьяне будутъ въ состояніи и рады выкупить земли по его оцѣнкѣ, погашеніемъ долга въ 33 года; но вопросъ въ томъ: согласятся ли помѣщики отдать землю за постепенно погашаемый капиталъ? Вѣдь имѣніе приноситъ обыкновенно до 7% или хотя 6% съ капитала и при этомъ еще возвышается понемногу въ цѣнѣ. Согласится ли помѣщикъ, вмѣсто постоянныхъ 6% или 7% съ капитала, получать въ теченіе 33 лѣтъ только 5%, а потомъ ничего? Другое дѣло, если бы помѣщикъ могъ получить выкупной капиталъ или значительную часть его разомъ. Тогда бы онъ сумму эту употребилъ или на усовершенствованіе остающейся у него земли и своего хозяйства, или на промышленное предпріятіе, и во всякомъ случаѣ сталъ бы разсчитывать такъ, чтобы получить не менѣе прежняго процентовъ съ капитала своего. На такую сдѣлку многіе помѣщики конечно согласились бы, а крестьяне стали бы платить меньше прежняго (т. е. $5\frac{1}{2}$% съ цѣнности земли, а не 6% или 7%) и чрезъ 33 года освободились бы отъ всякаго долга и отъ всякихъ взносовъ, кромѣ казенныхъ податей. Такъ именно дѣлается съ имѣніями, покупаемыми министерствомъ государственныхъ имуществъ; но число ихъ очень ограничено. Гдѣ взять капиталы, чтобы расширить эту мѣру? Будетъ ли небольшое количество земли, какое авторъ статьи полагаетъ отдѣлить крестьянамъ, служить достаточнымъ обезпеченіемъ въ исправности погашенія крестьянами ссуды на выкупъ? Наконецъ возможенъ ли выкупъ крестьянами земли безъ ссуды? Вотъ три существенные вопроса, возбужденные въ насъ чтеніемъ помянутой статьи.

Въ статьѣ подъ заглавіемъ: *„въ какихъ имѣніяхъ замѣна крѣпостнаго труда свободнымъ не будетъ убыточна“*,—г. Протасьевъ сравниваетъ стоимость обработки земли барщинными и вольнонаемными крестьянами. Тутъ уже не говорится о вознагражденіи помѣщика, *соразмѣрно потребностямъ его*, за освобожденіе крестьянъ, какъ это было выведено въ прежней статьѣ г. Протасьева, разобранной нами въ іюльской книжкѣ Современника. Но тутъ г. Протасьевъ упускаетъ также изъ виду сдѣланный имъ въ прежней статьѣ разсчетъ, по которому, если обработка земли наймомъ для помѣщика не выгодна, то отдача земли въ аренду по существующимъ вольнымъ цѣнамъ (въ Сапожковскомъ уѣздѣ Рязанской губерніи) еще увеличила бы доходъ помѣщиковъ, если не принимать въ разсчетъ выгоды отъ дворовыхъ и т. п. Теперь г. Протасьевъ сравниваетъ только барщинный трудъ съ вольнонаемнымъ и приходитъ къ слѣдующимъ результатамъ.

Тамъ, гдѣ полевыя земли приносятъ въ средней сложности дохода не менѣе 10 руб. сереб., „владѣльцы ихъ ничего не потеряютъ отъ уничтоженія барщинской работы и могутъ безъ убытка для себя согласиться на безвозмездное увольненіе крѣпостныхъ крестьянъ. Получивъ *въ распоряженіе свое землю, находящуюся теперь въ пользованіи міра*, они, за обработкою ея наймомъ по 5 руб. сер., получатъ еще чистаго барыша по 5 руб. съ десятины, и на этотъ доходъ, *котораго теперь не имѣютъ*, обработаютъ свои поля вольными рабочими“.

Другими словами г. Протасьевъ, вопреки смыслу Высочайшихъ рескриптовъ, соглашается на уничтоженіе крѣпостнаго права безъ личнаго выкупа (и то при

извѣстныхъ выгодныхъ для помѣщика условіяхъ), только съ обращеніемъ находящейся въ пользованіи крестьянъ земли въ распоряженіе помѣщика, т. е. съ превращеніемъ всѣхъ крестьянъ въ батраковъ! Такой выводъ и опровергать, кажется, нечего, потому что онъ очевидно примѣненъ къ дѣлу быть не можетъ. Правительство не допуститъ такого оборота дѣла, да вѣрно и весьма немногіе дворяне рѣшились бы желать этого.

Въ имѣніяхъ, гдѣ поземельный доходъ ниже, г. Протасьевъ полагаетъ установить выкупъ рабочей силы; но при этомъ слѣдовало бы посредствомъ кадастра опредѣлить поземельный доходъ и потерю помѣщика отъ уничтоженія обязательнаго труда. Не говоря уже о самомъ принципѣ личнаго выкупа, мы не можемъ не замѣтить, что во всякомъ случаѣ въ имѣніи, которое находится въ условіяхъ имѣнія г. Протасьева, личный выкупъ былъ бы крайне несправедливъ въ отношеніи къ крестьянамъ, такъ какъ, хотя обработка господскихъ полей по вольному найму и обошлась бы дороже барщины, но съ другой стороны, отдача господской земли въ аренду по вольнымъ цѣнамъ, какъ видно изъ прежней статьи г. Протасьева, доставила бы 300 руб. прибыли противъ нынѣшняго дохода. Убытка же въ такомъ случаѣ г. Протасьевъ ожидаетъ главнымъ образомъ отъ освобожденія дворовыхъ людей и отъ найма домашней прислуги. При такихъ обстоятельствахъ можетъ быть рѣчь развѣ о выкупѣ дворовыхъ, а ужъ никакъ не крестьянъ, которые будутъ платить поземельной ренты болѣе, чѣмъ доставлялъ помѣщику ихъ трудъ, и ни въ какомъ случаѣ не обязаны платить за увольненіе дворовыхъ людей.

Въ слѣдующей затѣмъ статьѣ г. *Тертигорева* предлагается учредить на акціяхъ земледѣльческое общество, которое брало бы въ аренду помѣщичьи земли, не состоящія въ пользованіи крестьянъ, и вводило бы такимъ образомъ усовершенствованіе въ системѣ хозяйства, старалось бы о размноженіи мелкихъ собственниковъ, способствовало бы разведенію шелководства и другихъ новыхъ отраслей сельской промышленности и къ распространенію въ народѣ полезныхъ свѣдѣній.

Укажемъ еще, въ томъ же 5 № Журнала Землевладѣльцевъ, на статьи: г. Грузинова — *„быт крестьянина Тамбовской губерніи“* и г. А. З—на — *„о причинах измельчанія и болызненности народа“*. Въ первой статьѣ доказывается, что матеріальное благосостояніе русскаго крестьянина стоитъ на гораздо высшей степени, нежели нѣкоторые полагаютъ, что крестьяне въ хлѣбородныхъ губерніяхъ хотя имѣютъ и худшія жилища противъ промышленныхъ крестьянъ и хуже одѣваются, но ѣдятъ хорошо и вообще нужды не терпятъ. По представленному примѣрному бюджету тамбовскаго крестьянина, который преимущественно не только кормится собственными произведеніями, но и одѣвается домашними же средствами, крестьянское семейство расходуетъ однако ежегодно деньгами 351 руб. 25 коп. (считая въ томъ числѣ уплату казенныхъ и частныхъ повинностей и наемъ земли вмѣстѣ въ 49 руб. 20 коп.), а получаетъ въ приходѣ отъ продажи разныхъ произведеній и отъ извоза зимою 354 руб. $71^1/_2$ коп. Стало быть, удовлетворяя всѣмъ своимъ главнымъ потребностямъ, не отказывая себѣ по праздникамъ въ мясной пищѣ и т. п., крестьянинъ имѣетъ еще въ остаткѣ по окончаніи года 3 р. $46^1/_2$ коп. сер.

Во второй статьѣ, напротивъ, говорится о дурномъ вліяніи на народное здо-

ровье въ Россіи неудобныхъ, тѣсныхъ, душныхъ и неопрятныхъ жилищъ крестьянъ и недостаточность сытной пищи. Впрочемъ, авторъ статьи этой кромѣ того признаетъ причинами болѣзненности народа и слишкомъ ранніе браки лицъ, недостигшихъ полнаго развитія, частыя отлучки изъ дому мужей и происходящія отъ того безнравственность и сифилитическія болѣзни, частое употребленіе вина и чаю и наконецъ недостатокъ смѣшенія породъ.

Въ 6 № Журнала Землевладѣльцевъ заслуживаетъ особаго вниманія статья г. Рощаковскаго: *„о примѣненіи основныхъ началъ къ улучшенію быта помѣщичьихъ крестьянъ Новороссійскаго края“*. Статья эта написана ясно, послѣдовательно, просто, безъ пышныхъ фразъ, а главное добросовѣстно. Если и нельзя во всемъ согласиться со взглядомъ автора, все-таки должно сознаться, что онъ писалъ cum bona fide,съ искреннимъ желаніемъ пользы, и если ошибался, то невольно, а не съ намѣреніемъ защищать интересы помѣщиковъ въ ущербъ крестьянамъ.

Говоря о надѣлѣ крестьянъ землею, г. Рощаковскій объясняетъ, что надѣлъ этотъ дѣлается *на все время переходнаго состоянія*. Изъ этого выраженія можно бы, пожалуй, вывести, что, по окончаніи срочно-обязаннаго положенія крестьянъ, они уже потеряютъ право на постоянное пользованіе отведенной имъ землей. Но мы скорѣе приписываемъ это недомолвкѣ со стороны автора и не думаемъ, чтобы такова была его мысль. Самый надѣлъ земли онъ полагаетъ сдѣлать по числу всѣхъ ревизскихъ душъ, а не по числу наличныхъ только работниковъ. Выкупъ усадебъ авторъ полагаетъ производить по опредѣленной комитетомъ общей средней цѣнѣ. Вознагражденіе отъ крестьянъ помѣщику за отведенную имъ землю онъ полагаетъ ограничить двумя рабочими днями въ недѣлю, съ тѣмъ, чтобы цѣлому обществу было указано заранѣе количество земли, которое оно должно обработать во весь годъ по числу причитающихся рабочихъ дней. Тогда помѣщику уже не будетъ дѣла до наряда на работу отдѣльныхъ крестьянъ. Крестьяне сдѣлаются между собою и могутъ, если у нихъ есть лишнія руки, отпустить сколькихъ хотятъ изъ среды себя на постороннія заработки. Это уже будетъ не барщина, а лежащій на всемъ обществѣ годовой урокъ работы, по исполненіи коего крестьяне свободны отъ повинностей помѣщику. Пастбища, которыя должны быть въ Херсонской губерніи весьма обширны, г. Рощаковскій полагаетъ отдавать въ наемъ не всему обществу, а отдѣльнымъ крестьянамъ, взимаясъ каждаго плату, пропорціонально количеству его скота. Далѣе авторъ доказываетъ необходимость признать неприкосновенною крестьянскую движимую собственность и предоставить крестьянамъ распоряжаться своимъ имуществомъ по собственному усмотрѣнію, безъ всякаго вмѣшательства помѣщика. Эта аксіома, казалось бы, и не требовала доказательствъ; потому и самъ авторъ говоритъ, что онъ и не сталъ бы излагать своихъ убѣжденій, „если бы не прочиталъ недавно одной газетной статьи“. Жаль очень, что авторъ не указалъ статьи этой. Любопытно было бы узнать: какая газета рѣшилась оспаривать право крестьянъ распоряжаться собственнымъ имуществомъ.

Далѣе авторъ говоритъ объ устройствѣ сельскихъ обществъ, о пользѣ замѣнить общественные сельскіе магазины, которые дорого стоятъ и въ которыхъ хлѣбъ постоянно портится, запасными капиталами, на которые, въ случаѣ неурожая, легко было бы, при помощи желѣзныхъ дорогъ, купить привозный хлѣбъ. Къ этому

авторъ присовокупляетъ нѣсколько соображеній о способахъ къ распространенію грамотности, къ обученію крестьянъ ремесламъ, къ призрѣнію сиротъ, больныхъ и увѣчныхъ.

Въ статьѣ г. Е. Протасьева — *„о будущемъ положеніи помѣщиковъ и крестьянъ ихъ“* изложены предположенія объ устройствѣ народныхъ школъ и сельскихъ больницъ.

Укажемъ еще на два письма, помѣщенныя въ смѣси того же № Журнала Землевладѣльцевъ.

Помѣщикъ пишетъ изъ Симбирской губерніи, что онъ спрашивалъ крестьянъ: какое впечатлѣніе произвела на нихъ *„Печатная Правда“*; они отвѣтили, что „не мало было смѣху отъ этихъ прибаутокъ“; нѣкоторые сказали, что „не понимаютъ: правда ли это или сказка“. Справедливо все то, что писалъ о „Печатной правдѣ“ г. Жемчужниковъ въ превосходномъ разборѣ, помѣщенномъ въ Русскомъ Вѣстникѣ.

Другое письмо получено редакторомъ Журнала Землевладѣльцевъ отъ Матвѣя Зыбина, вольнаго хлѣбопашца Пензенской губерніи, который прислалъ начало составленной имъ статьи. Начало это, занимающее всего одну печатную страничку, говоритъ покуда только общими словами (и довольно книжными, а вовсе не простонародными выраженіями) о необходимости облегчить сбытъ сельскихъ произведеній, о пользѣ желѣзныхъ дорогъ и обществъ для закупки по губерніямъ хлѣба. Посмотримъ, что будетъ дальше. Мы очень обрадовались, увидя въ печати первую статью русскаго крестьянина, но жалѣемъ, что онъ набрался не русскихъ словъ, отнимающихъ національный колоритъ у его статьи, въ которой вообще есть лишнія мудреныя фразы. Странно звучитъ, напримѣръ, въ устахъ крестьянина выраженіе: „нормальныя цѣны“ и т. под.

Въ послѣднихъ четырехъ книжкахъ Русскаго Вѣстника мы находимъ нѣсколько довольно замѣчательныхъ статей, имѣющихъ связь съ вопросомъ объ устройствѣ быта помѣщичьихъ крестьянъ.

Въ №№ 11 и 12 помѣщена статья г. Побѣдоносцева подъ заглавіемъ: *„замѣтки для исторіи крѣпостнаго права въ Россіи“*. Въ статьѣ этой встрѣчается много дѣльныхъ замѣчаній и указаній на различные древніе документы, которые могутъ уяснить, съ юридической стороны, порядокъ введенія у насъ крѣпостнаго права въ нравы нашихъ предковъ и въ самое законодательство. Изъ этой статьи видно, какимъ образомъ полицейскія мѣры, имѣвшія цѣлью предотвратить бродяжничество и обезпечить казенный интересъ, послужили предлогомъ къ подчиненію одного сословія другому; какимъ образомъ власть господъ надъ крестьянами постепенно расширялась, а правительство, желая положить предѣлы произволу, освящало закономъ то, что до этого времени совершалось самовольно. Это явленіе можно сравнить съ тѣмъ, если-бы владѣлецъ поля, самовольно захваченнаго сосѣдомъ, поставилъ на самой серединѣ поля межевые знаки и сказалъ бы, что по ею сторону знаковъ этихъ сосѣдъ его полемъ владѣть не смѣетъ. Это дѣйствіе, конечно, послужило бы къ узаконенію права сосѣда на владѣніе остальною половиною захваченнаго поля. Если-бы, утвердившись тутъ, сосѣдъ сталъ опять захватывать часть остальнаго поля, а владѣлецъ сталъ бы отодвигать свою границу, кончилось бы тѣмъ, что все поле современемъ сдѣлалось бы полною собственностью сосѣда. Такъ-то и у насъ крѣпостное право вкралось сперва въ

дѣйствительную жизнь, а оттуда въ законодательство. Замѣтки г. Побѣдоносцева останавливаются на Уложеніи царя Алексѣя Михайловича и на узаконеніяхъ XVII вѣка; но онъ, подробнымъ разборомъ узаконеній этихъ и даже нѣкоторыхъ современныхъ имъ архивныхъ дѣлъ доказываетъ, что и въ то время „законъ не достигъ еще до понятія о безправности крѣпостнаго человѣка на судѣ, и что это понятіе образовалось уже въ ближайшую къ намъ эпоху!“

Статья г. Побѣдоносцева представляетъ вообще довольно полное юридическое изслѣдованіе разбираемаго имъ вопроса и можетъ потому служить весьма полезнымъ источникомъ для тѣхъ, кому предстоитъ важный и знаменательный трудъ составленія исторіи крѣпостнаго права въ Россіи.

Въ 13 № Русскаго Вѣстника помѣщена статья г. Бутовскаго подъ заглавіемъ: *„общинное владѣніе и собственность“*. Статья эта написана очень безпристрастно и авторъ не увлекается крайними воззрѣніями двухъ партій, изъ коихъ одна желала бы немедленнаго уничтоженія общиннаго владѣнія, а другая — поддержанія его на вѣчное время во что бы то ни стало. Г. Бутовскій сознаетъ, что самый выгодный для государства и для общественнаго благосостоянія способъ владѣнія землею есть дробная, крестьянская, поземельная, личная собственность; но этотъ способъ владѣнія сроденъ государствамъ въ окончательномъ періодѣ ихъ развитія. Эту мысль г. Бутовскій подкрѣпляетъ полной картиной постепеннаго образованія въ государствахъ понятія о собственности, перехода отъ захватнаго способа владѣнія землей къ общинному, а потомъ къ личному. Далѣе онъ доказываетъ невозможность скораго и насильственнаго уничтоженія общиннаго владѣнія и говоритъ, что у насъ земли, которыя будутъ выкуплены общинами, должны принадлежать общинамъ, но что потягольный способъ владѣнія этой землей не долженъ быть сдѣланъ обязательнымъ для крестьянъ навсегда. Такимъ образомъ общинное владѣніе само собою въ свое время уничтожится. Съ возрастаніемъ въ общинѣ числа тяголъ, прибылымъ будутъ сперва давать запасные участки; потомъ, пожалуй, станутъ увеличивать число тягловыхъ участковъ при передѣлахъ; но когда участки дойдутъ до такого размѣра, что ихъ дробить будетъ невозможно, явятся лишніе крестьяне, которые земли уже не получатъ, и передѣлы прекратятся, а участки станутъ переходить по наслѣдству, оставаясь въ одномъ и томъ же семействѣ. Тогда необходимо будетъ опредѣлить: кому оставаться въ общинѣ и кому, за недостаткомъ земли, оставить ее.

Г. Бутовскій признаетъ вредными всякія мѣры, которыя могли бы насильственно остановить такой исходъ дѣла, препятствовали бы образованію личной крестьянской собственности и приковывали бы къ малоземельной общинѣ лишнихъ крестьянъ, стѣсняя ихъ только чрезъ это въ способахъ къ заработкамъ.

Кажется, подобныхъ насильственныхъ мѣръ у насъ опасаться и нечего, когда теперь уже крестьяне имѣютъ право пріобрѣтать земли въ личную собственность и когда крестьяне, увольняемые въ званіе государственныхъ крестьянъ, водворенныхъ на собственныхъ земляхъ, должны, по закону, или раздѣлить земли между собою при самомъ увольненіи, или опредѣлить въ увольнительномъ договорѣ способъ, по которому они могли бы сдѣлать это впослѣдствіи.

Въ слѣдующемъ 13-мъ № Русскаго Вѣстника находится начало другой статьи объ общинномъ владѣніи, г. Неелова. Онъ сперва, въ опроверженіе коммунистическихъ теорій, пространно доказываетъ законность поземельной собственности: да-

лѣе, основываясь на свидѣтельствѣ разныхъ экономистовъ, доказываетъ выгоды крестьянской поземельной собственности и превосходство личнаго владѣнія землей передъ общиннымъ, и наконецъ, для примѣненія своихъ выводовъ къ Россіи, приводитъ факты, относящіеся къ собственному его мнѣнію и представляющіе невыгодныя стороны общиннаго владѣнія. Вообще направленіе статьи этой одностороннѣе, нежели мнѣнія г. Бутовскаго. Г. Нееловъ, безусловный противникъ общиннаго владѣнія.

Возвращаясь къ предыдущему № Русскаго Вѣстника, укажемъ на статью, написанную В. П. Безобразовымъ въ опроверженіе статьи г. Николая Безобразова, защищающаго свое сочиненіе: „объ усовершенствованіи узаконеній, касающихся до вотчинныхъ правъ дворянства". В. П. Безобразовъ смотритъ на г. Николая Безобразова, какъ на замѣчательное физіологическое явленіе, и дѣйствительно разсужденія г. Николая Безобразова представляются намъ какими то не кстати воскресшими призраками давно забытыхъ средне-вѣковыхъ понятій. Кто бы подумалъ, что въ XIX вѣкѣ, когда все сочувствуетъ у насъ благимъ преобразованіямъ, предпринятымъ мудрымъ правительствомъ, когда современная литература наша такъ единодушно содѣйствуетъ развитію въ общественномъ мнѣніи человѣколюбивыхъ и справедливыхъ понятій по крѣпостному вопросу, явится магистръ законовѣдѣнія, человѣкъ стало быть образованный, который станетъ доказывать, что въ государствѣ должно быть два сословія—одно властвующее, а другое подвластное; одно просвѣщенное, предпріимчивое, а другое трудящееся; что такой порядокъ долженъ быть утвержденъ и навсегда обезпеченъ закономъ, и что въ установленіи такого закона и должно состоять предполагаемое устройство быта крестьянскаго сословія. Г. Н. Безобразовъ говоритъ, что пришелъ къ такимъ убѣжденіямъ, посредствомъ изученія историческаго хода нашего законодательства. Это обстоятельство мы можемъ объяснить себѣ слѣдующимъ образомъ: г. Н. Безобразовъ замѣтилъ, что правительство наше, въ теченіе извѣстнаго времени, постепенно узаконяло расширявшуюся власть помѣщика надъ крестьянами. Принявъ явленія этой эпохи нашего законодательства за непреложный законъ историческій, г. Безобразовъ, отбросивъ все бывшее ранѣе и позже этого времени, заключилъ, что мы должны слѣдовать прежнему пути, т. е. облекать злоупотребленія въ законную форму! Между тѣмъ историческое направленіе законодательства и жизни народной можно бы кажется сравнить съ движеніемъ маятника; уклонившись до извѣстной степени отъ закона справедливости, оно непремѣнно, подъ вліяніемъ непреодолимой силы, возвращается назадъ. Въ постановленіяхъ о крестьянахъ это обратное шествіе къ лучшему началось слишкомъ полвѣка тому назадъ. Теперь Высочайшіе рескрипты объ устройствѣ губернскихъ комитетовъ нанесли уже крѣпостному праву рѣшительный ударъ—и тутъ-то г. Н. Безобразовъ вздумалъ предлагать: остановить настоящій ходъ законодательства и возвратиться къ давно-оставленной, пагубной для настоящаго времени, системѣ.

Понятія нѣсколько сходныя съ этими намъ случилось встрѣтить въ книжкѣ, изданной барономъ Нолькеномъ въ Берлинѣ въ 1857 году, подъ заглавіемъ: „Russland hatt allein noch die Wahl". Авторъ доказываетъ, что европейскія государства погубили себя либеральными преобразованіями и что Россіи одной предстоитъ еще выборъ: идти-ли по стопамъ Европы или возвратиться *къ патріархальнымъ* началамъ, т. е. установить полное подчиненіе одного сословія другому. Авторъ разсматриваетъ вопросъ съ духовной стороны и увѣряетъ, будто-бы самимъ

Богомъ такъ установлено, чтобы дворянство властвовало надъ народомъ jure divino. Возрожденіе средняго сословія, распространеніе богатства въ народѣ, всякое правительственное дѣйствіе, клонящееся къ предоставленію народу участія въ управленіи, предоставленіе гражданамъ достаточной самостоятельности, чтобы обезпечить имъ возможность трудиться для улучшенія своего положенія, все это, по мнѣнію барона Нолькена, внушается дьяволомъ, чтобы развить въ людяхъ стремленіе къ матеріальнымъ благамъ, т. е. поклоненіе Мамонѣ. Лучше, говоритъ онъ, оставаться бѣднымъ и терпѣть притѣсненія, съ увѣренностью, что это ниспосылается по волѣ Божіей, нежели возлагать надежды на собственныя силы, на собственный трудъ. Для устройства крестьянъ въ Россіи баронъ Нолькенъ предлагаетъ оставить крестьянъ навсегда крѣпостными; уничтожить деревни, замѣнивъ ихъ отдѣльными фермами и обративъ часть крестьянъ въ батраковъ; запретить оброки и ввести повсемѣстно барщину по опредѣленной закономъ нормѣ. Такимъ образомъ, по мнѣнію его, увѣковѣчится власть и значеніе дворянства.

Пусть тѣ, которые не повѣрятъ возможности существованія такихъ понятій, прочтутъ брошюру г. Нолькена: они увидятъ, что мы не исказили мысли его, а только сгруппировали главные его доводы, которые, конечно, такимъ образомъ рѣзче бросаются въ глаза, чѣмъ разбросанные по всему его сочиненію и прикрытые громкими фразами, цитатами и текстами изъ священнаго писанія.

Что подобныя идеи могутъ еще гнѣздиться и изрѣдка высказываться въ странѣ, гдѣ долго господствовала феодальная система, еще понятно. Однако и тамъ, какъ мы слышали, большинство осудило эту брошюру. Но чтобы подобныя понятія могли привиться въ Россіи, гдѣ ничего феодальнаго никогда не было, этого мы никакъ не ожидали. Несмотря на то, никакъ нельзя сказать, чтобы между брошюрой г. Николая Безобразова и сочиненіемъ барона Нолькена не было ничего общаго. Разница въ томъ, что послѣднее идетъ нѣсколько далѣе, но по тому же направленію. Потому-то книжка барона Нолькена несравненно полезнѣе: она доводитъ свои принципы до такихъ крайнихъ и дикихъ результатовъ, что служитъ имъ самымъ яркимъ опроверженіемъ. Она хоть кого вылечитъ отъ феодальнаго направленія. Это собственно и побудило насъ объ ней разговориться.

Въ слѣдующей затѣмъ статьѣ о „*гласности въ крестьянскомъ вопросѣ*“, „Русскій Вѣстникъ“ прекрасно выводитъ несомнѣнную пользу, которую можно ожидать въ такомъ дѣлѣ отъ столкновенія противоположныхъ мнѣній, отъ критики и антикритики каждаго вопроса, отъ искреннихъ и основательныхъ преній, посредствомъ которыхъ вырабатывалось бы общественное мнѣніе.

Въ послѣднемъ 14 № Русскаго Вѣстника опять открытъ для статей по крестьянскому вопросу особый отдѣлъ.

Отдѣлъ этотъ начинается статьей отъ редакціи — въ родѣ profession de foi Русскаго Вѣстника. Тутъ доказывается, что первою цѣлью улучшенія быта крестьянскаго сословія должно быть освобожденіе труда, уничтоженіе современемъ обязательныхъ крестьянскихъ работъ; что и помѣщики при этомъ не потеряютъ, такъ какъ возвышеніе расходовъ на обработку земли вознаградится несомнѣннымъ возвышеніемъ цѣнности произведеній и самой поземельной собственности. Но вмѣстѣ съ тѣмъ „Русскій Вѣстникъ“ признаетъ необходимымъ предоставить крестьянамъ въ постоянное пользованіе земли, коими они доселѣ владѣли; обмѣнъ земель и переносъ усадебъ онъ полагаетъ допускать только въ видѣ исключеній, въ слу-

чаѣ дѣйствительной въ томъ необходимости, а отнюдь не по произволу помѣщика. Уничтоженіе черезполосности можетъ совершиться и впослѣдствіи посредствомъ полюбовныхъ размежеваній и не должно теперь задерживать хода и успѣха главной реформы. Въ подтвержденіе этого мнѣнія „Русскій Вѣстникъ“ приводитъ весьма замѣчательные факты о томъ, что мѣры къ уничтоженію черезполосности въ Германіи приняты были гораздо позже освобожденія крестьянъ и даже выкупа ими земель; а именно: въ Веймарѣ—въ 1848 году; въ Ангальтъ-Дессау и Ангальтъ-Кетенѣ—въ 1850 году; въ Ганноверѣ, Готѣ, Кобургѣ—въ 1853 году; въ Мейнингенѣ — въ 1855 году; въ Шварцбургъ-Рудольштадтѣ — въ 1856 году; въ Альтенбургѣ—въ 1857 году; и въ нынѣшнемъ лишь году—въ герцогствѣ Гессенскомъ; въ Австріи размежеваніе еще не начиналось. Между тѣмъ въ Германіи существуетъ мѣстами значительная черезполосность въ поземельномъ владѣніи; такъ приведенная Русскимъ Вѣстникомъ въ примѣръ община Кирхгеймъ раздроблена на 5600 полосъ, принадлежащихъ 413 владѣльцамъ; и это не помѣшало выкупу земли.

Конечнымъ, наиболѣе желательнымъ результатомъ мѣръ къ улучшенію быта крестьянъ, „Русскій Вѣстникъ“ признаетъ выкупъ владѣемой ими земли въ полную собственность. Но признавая преимущество полной крестьянской поземельной собственности передъ условнымъ пользованіемъ или совладѣніемъ земли помѣщиками и крестьянами (когда послѣдніе будутъ имѣть ее въ постоянномъ пользованіи, а первые получатъ съ нея опредѣленный доходъ), „Русскій Вѣстникъ“ не считаетъ однако нужнымъ повсемѣстнаго, обязательнаго выкупа земли крестьянами, а полагаетъ: предоставить выкупъ этотъ соглашенію помѣщиковъ съ крестьянами и содѣйствовать оному посредствомъ поземельнаго кредита. „Русскій Вѣстникъ“ полагаетъ, что тогда продажа крестьянамъ земли, отданной имъ въ вѣчное пользованіе, будетъ выгодна для помѣщиковъ, ибо развяжетъ ихъ окончательно съ обязательными отношеніями къ крестьянамъ и доставитъ имъ оборотный капиталъ для улучшенія обработки господской земли, которая остается въ полномъ и неограниченномъ распоряженіи помѣщика.

Предположеніе это совершенно вѣрно. Мы прибавимъ еще къ этому, что распродажа земли по мелочи такъ выгодна уже сама по себѣ, что, пожалуй, составитъ еще предметъ спекуляціи, какъ это случилось въ Лифляндіи. Когда, послѣ 1849 года, былъ тамъ учрежденъ особый банкъ для выдачи крестьянамъ ссудъ на выкупъ поземельныхъ участковъ, многіе помѣщики (для поддержанія ли своего значенія и вліянія на крестьянъ, или по другимъ соображеніямъ) не захотѣли воспользоваться этимъ случаемъ продать свои земли крестьянамъ; но нашлись люди болѣе разсчетливые, которые покупали цѣлыя имѣнія, собственно съ цѣлью распродать тотчасъ же крестьянскіе участки, и они остались въ барышѣ. Мы слышали про одно имѣніе, которое было куплено за 80,000 руб. сер.; вслѣдъ затѣмъ состоящія въ пользованіи крестьянъ земли были отдѣльно распроданы и съ нихъ выручены всѣ эти 80,000 руб. Впослѣдствіи оставшаяся господская земля тоже продана за 80,000 руб. Такимъ образомъ на этомъ имѣніи, въ довольно короткое время, вырученъ капиталъ на капиталъ!

Остальныя статьи, помѣщенныя въ этомъ отдѣлѣ 14 № Русскаго Вѣстника, не много представляютъ особенно новаго и замѣчательнаго.

Г. *Дмоховскій* въ статьѣ объ усадебномъ устройствѣ крестьянъ, послѣ нѣко-

торыхъ общихъ разсужденій, пространно доказываетъ, что желѣзные заводы гг. Шепелевыхъ потерпѣли бы убытокъ и недостатокъ въ рабочихъ отъ предоставленія усадебъ въ собственность приписаннымъ къ симъ заводамъ крестьянамъ.

Г. *Тихменевъ* въ статьѣ о крѣпостномъ правѣ и его стоимости выводитъ, что выкупъ усадебъ долженъ вознаградить помѣщика за убытки, которые онъ можетъ потерпѣть при увольненіи крестьянъ. Потому, для опредѣленія выкупной суммы, слѣдуетъ вычислить нынѣшнюю стоимость имѣнія и вычесть изъ суммы этой стоимость остающейся земли за отдѣленіемъ усадебной; остатокъ должно раздѣлить на число крестьянскихъ дворовъ въ имѣніи и получится сумма, слѣдующая помѣщику за выкупъ каждой усадьбы. Авторъ полагаетъ возможнымъ, по средней стоимости населенныхъ имѣній и собственно земли, опредѣлить для каждаго уѣзда нормальную цѣну крестьянскихъ усадебъ.

Наконецъ небольшія статьи гг. Р—ва и Ланге, опираясь на наше законодательство, доказываютъ несправедливость требованія съ крестьянъ личнаго выкупа. Если бы можно было вполнѣ высказаться по этому предмету, то слѣдовало бы когда нибудь вопросъ о личномъ выкупѣ крестьянъ разобрать по подробнѣе и постараться опровергнуть основательно всѣ доводы, представляемые въ пользу его, если не въ печати, то весьма часто въ разговорахъ.

УСТРОЙСТВО БЫТА ПОМѢЩИЧЬИХЪ КРЕСТЬЯНЪ.

№ V.

Правительственныя распоряженія по устройству быта помѣщичьихъ крестьянъ.

Высочайшіе рескрипты.

I.

Начальнику Пермской губерніи.

Дворянство Пермской губерніи изъявило желаніе открыть въ этой губерніи особый комитетъ для составленія проэкта положенія объ улучшеніи и устройствѣ быта помѣщичьихъ крестьянъ оной.

Принимая съ удовольствіемъ это доказательство стремленія пермскаго дворянства къ улучшенію положенія своихъ крестьянъ, соотвѣтственно Моимъ видамъ и намѣреніямъ, Я предоставляю сему дворянству приступить къ составленію проэкта положенія объ улучшеніи и устройствѣ быта помѣщичьихъ крестьянъ Пермской губерніи, на тѣхъ же главныхъ началахъ, кои указаны уже Мною дворянству другихъ губерній, изъявившему прежде подобное желаніе, съ тѣмъ, чтобы предположенія по сему предмету были приведены въ исполненіе не иначе, какъ постепенно, дабы не нарушить существующаго нынѣ хозяйственнаго устройства помѣщичьихъ имѣній.

Вслѣдствіе сего повелѣваю:

I. Открыть нынѣ же въ Перми особый комитетъ изъ слѣдующихъ членовъ: 1) отъ трехъ до пяти, выбранныхъ изъ среды своей дворянами всей губерніи, владѣющими въ ней населенными имѣніями, и 2) двухъ опытныхъ помѣщиковъ губерніи, а если не будетъ ихъ въ виду, то двухъ потомственныхъ дворянъ, по непосредственному назначенію вашему. Всѣ сіи члены, по избраніи ихъ, должны выбрать изъ среды себя предсѣдателя комитета.

II. Комитету сему, тотчасъ по открытіи его, приступить къ составленію подробнаго проэкта положенія объ устройствѣ и улучшеніи быта помѣщичьихъ крестьянъ Пермской губерніи, имѣя при этомъ въ виду слѣдующія главныя основанія:

1) Помѣщикамъ сохраняется право собственности на всю землю; но крестьянамъ оставляется ихъ усадебная осѣдлость, которую они въ теченіе опредѣленнаго времени пріобрѣтаютъ въ свою собственность посредствомъ выкупа: сверхъ того предоставляется въ пользованіе крестьянъ надлежащее, по мѣстнымъ удобствамъ, для обезпеченія ихъ быта и для выполненія ихъ обязанностей предъ правительствомъ и помѣщикомъ, количество земли, за которое они или платятъ оброкъ, или отбываютъ работу помѣщику.

2) Крестьяне должны быть распредѣлены на сельскія общества: помѣщикамъ же предоставляется вотчинная полиція, и

3) При устройствѣ будущаго отношенія помѣщиковъ и крестьянъ должна быть надлежащимъ образомъ обезпечена исправная уплата государственныхъ и земскихъ податей и денежныхъ сборовъ.

III. Развитіе сихъ основаній и примѣненіе ихъ къ разнымъ мѣстностямъ губерніи предоставляется комитету. Министръ внутреннихъ дѣлъ сообщитъ вамъ свои соображенія, могущія служить комитету пособіемъ при сихъ занятіяхъ.

Поручая вамъ главное наблюденіе и направленіе сего важнаго дѣла по Пермской губерніи, Я предоставляю вамъ дать комитету надлежащія наставленія для успѣшнаго выполненія возлагаемыхъ на него обязанностей. Составленный комитетомъ проэктъ, съ нужными по главнымъ мѣстностямъ уѣздовъ Пермской губерніи изъятіями или особыми правилами, вы имѣете, съ своимъ мнѣніемъ, препроводить къ министру внутреннихъ дѣлъ для представленія на Мое усмотрѣніе.

Открывая такимъ образомъ дворянству Пермской губерніи, согласно собственному его желанію, средства устроить и упрочить бытъ крестьянъ своихъ на указанныхъ Мною общихъ началахъ, Я увѣренъ, что оно вполнѣ оправдаетъ довѣріе, оказываемое Мною сему сословію призваніемъ его къ участію въ столь важномъ дѣлѣ, и что, при помощи Божіей и при просвѣщенномъ содѣйствіи дворянъ, оно будетъ совершено съ желаемымъ всѣми успѣхомъ.

Вы должны строго наблюдать, чтобы крестьяне, оставаясь въ полномъ повиновеніи своимъ помѣщикамъ, не внимали никакимъ злонамѣреннымъ внушеніямъ и лживымъ толкамъ.

Пребываю вамъ благосклонный.

II.

Начальнику Вятской губерніи.

Дворянство Вятской губерніи изъявило желаніе открыть въ этой губерніи особый комитетъ для составленія проэкта положенія объ улучшеніи и устройствѣ быта помѣщичьихъ крестьянъ оной.

Принимая съ удовольствіемъ это доказательство стремленія вятскаго дворянства къ улучшенію положенія своихъ крестьянъ, соотвѣтственно Моимъ видамъ и намѣреніямъ, Я предоставляю сему дворянству приступить къ составленію проэкта положенія объ улучшеніи и устройствѣ быта помѣщичьихъ крестьянъ Вятской губерніи на тѣхъ же главныхъ началахъ, кои указаны уже мною дворянству другихъ губерній, изъявившему прежде подобное желаніе, съ тѣмъ, чтобы предположенія по сему предмету были приведены въ исполненіе не иначе, какъ постепенно, дабы не нарушить существующаго нынѣ хозяйственнаго устройства помѣщичьихъ имѣній.

Вслѣдствіе сего повелѣваю:

I. Открыть нынѣ же въ Вяткѣ особый комитетъ изъ слѣдующихъ членовъ: 1) отъ трехъ до пяти, выбранныхъ изъ среды своей дворянами всей губерніи, владѣющими въ ней населенными имѣніями, и 2) двухъ опытныхъ помѣщиковъ губерніи, а если не будетъ ихъ въ виду, то двухъ потомственныхъ дворянъ, по непосредственному назначенію вашему. Всѣ сіи члены, по избраніи ихъ, должны выбрать изъ своей среды предсѣдателя комитета.

II. Комитету сему, тотчасъ по открытіи его, приступить къ составленію подробнаго проэкта положенія объ устройствѣ и улучшеніи быта помѣщичьихъ крестьянъ Вятской губерніи, имѣя при этомъ въ виду слѣдующія главныя основанія.

1) Помѣщикамъ сохраняется право собственности на всю землю; но крестьянамъ оставляется ихъ усадебная осѣдлость, которую они, въ теченіе опредѣленнаго времени, пріобрѣтаютъ въ свою собственность посредствомъ выкупа; сверхъ того предоставляется въ пользованіе крестьянъ надлежащее, по мѣстнымъ удобствамъ, для обезпеченія ихъ быта и для выполненія ихъ обязанностей предъ правительствомъ и помѣщикомъ, количество земли, за которое они или платятъ оброкъ, или отбываютъ работу помѣщику.

2) Крестьяне должны быть распредѣлены на сельскія общества; помѣщикамъ же предоставляется вотчинная полиція, и

3) При устройствѣ будущихъ отношеній помѣщиковъ и крестьянъ должна быть надлежащимъ образомъ обезпечена исправная уплата государственныхъ и земскихъ податей и денежныхъ сборовъ.

III. Развитіе сихъ основаній и примѣненіе ихъ къ разнымъ мѣстностямъ губерніи предоставляется комитету.

Министръ внутреннихъ дѣлъ сообщитъ вамъ свои соображенія, могущія служить комитету пособіемъ при сихъ занятіяхъ.

Поручая вамъ главное наблюденіе и направленіе сего важнаго дѣла по Вятской губерніи, Я предоставляю вамъ дать комитету надлежащія наставленія для успѣшнаго выполненія возлагаемыхъ на него обязанностей. Составленный комитетомъ проэктъ, съ нужными по главнымъ мѣстностямъ уѣздовъ Вятской губерніи изъятіями или особыми правилами, вы имѣете, съ своимъ мнѣніемъ, препроводить къ министру внутреннихъ дѣлъ для представленія на Мое усмотрѣніе.

Открывая такимъ образомъ дворянству Вятской губерніи, согласно собственному его желанію, средства устроить и упрочить бытъ крестьянъ своихъ на указанныхъ Мною общихъ началахъ, Я увѣренъ, что оно вполнѣ оправдаетъ довѣріе, оказываемое Мною сему сословію призваніемъ его къ участію въ столь важномъ дѣлѣ, и что, при помощи Божіей и при просвѣщенномъ содѣйствіи дворянъ, оно будетъ совершено съ желаемымъ всѣми успѣхомъ.

Вы должны строго наблюдать, чтобы крестьяне, оставаясь въ полномъ повиновеніи своимъ помѣщикамъ, не внимали никакимъ злонамѣреннымъ внушеніямъ и лживымъ толкамъ.

Пребываю вамъ благосклонный.

III.

Начальнику Олонецкой губерніи.

Дворянство Олонецкой губерніи изъявило желаніе открыть въ этой губерніи особый комитетъ для составленія проэкта положенія объ улучшеніи и устройствѣ быта помѣщичьихъ крестьянъ оной.

Принимая съ удовольствіемъ это доказательство стремленія олонецкаго дворянства къ улучшенію положенія своихъ крестьянъ, соотвѣтственно Моимъ видамъ и намѣреніямъ, Я предоставляю сему дворянству приступить къ составленію проэкта положенія объ улучшеніи и устройствѣ быта помѣщичьихъ крестьянъ Олонецкой губерніи на тѣхъ же главныхъ началахъ, кои указаны уже Мною дворянству другихъ губерній, изъявившему прежде подобное желаніе, съ тѣмъ, чтобы предположенія по сему предмету были приведены въ исполненіе не иначе, какъ постепенно, дабы не нарушить существующаго нынѣ хозяйственнаго устройства помѣщичьихъ имѣній.

Вслѣдствіе сего повелѣваю:

I. Открыть нынѣ же въ Петрозаводскѣ особый комитетъ изъ слѣдующихъ членовъ: 1) отъ трехъ до пяти, выбранныхъ изъ среды своей дворянами всей губерніи, владѣющими въ ней населенными имѣніями и 2) двухъ опытныхъ помѣщиковъ губерніи, а если не будетъ ихъ въ виду, то двухъ потомственныхъ дворянъ, по непосредственному назначенію вашему. Всѣ сіи члены, по избраніи ихъ, должны выбрать изъ среды себя предсѣдателя комитета.

II. Комитету сему, тотчасъ по открытіи его, приступить къ составленію подробнаго проэкта положенія объ устройствѣ и улучшеніи быта помѣщичьихъ крестьянъ Олонецкой губерніи, имѣя при этомъ въ виду слѣдующія главныя основанія:

1) Помѣщикамъ сохраняется право собственности на всю землю; но крестьянамъ оставляется ихъ усадебная осѣдлость, которую они, въ теченіе опредѣленнаго времени, пріобрѣтаютъ въ свою собственность посредствомъ выкупа; сверхъ того предоставляется въ пользованіе крестьянъ надлежащее по мѣстнымъ удобствамъ, для обезпеченія ихъ

быта и для выполненія ихъ обязанностей предъ правительствомъ и помѣщикомъ, количество земли, за которое они или платятъ оброкъ, или отбываютъ работу помѣщику.

2) Крестьяне должны быть распредѣлены на сельскія общества; помѣщикамъ же предоставляется вотчинная полиція, и

3) При устройствѣ будущихъ отношеній помѣщиковъ и крестьянъ должна быть надлежащимъ образомъ обезпечена исправная уплата государственныхъ и земскихъ податей и денежныхъ сборовъ.

III. Развитіе сихъ основаній и примѣненіе ихъ къ разнымъ мѣстностямъ губерніи предоставляется комитету. Министръ внутреннихъ дѣлъ сообщитъ вамъ свои соображенія, могущія служить комитету пособіемъ при сихъ занятіяхъ.

Поручая вамъ главное наблюденіе и направленіе сего важнаго дѣла по Олонецкой губерніи, Я предоставляю вамъ дать комитету надлежащія наставленія для успѣшнаго выполненія возлагаемыхъ на него обязанностей. Составленный комитетомъ проэктъ, съ нужными по главнымъ мѣстностямъ уѣздовъ Олонецкой губерніи изъятіями или особыми правилами, вы имѣете, съ своимъ мнѣніемъ, препроводить къ министру внутреннихъ дѣлъ для представленія на Мое усмотрѣніе.

Открывая такимъ образомъ дворянству Олонецкой губерніи, согласно собственному его желанію, средства устроить и упрочить бытъ крестьянъ своихъ на указанныхъ Мною общихъ началахъ, Я увѣренъ, что оно вполнѣ оправдаетъ довѣріе, оказываемое Мною сему сословію призваніемъ его къ участію въ столь важномъ дѣлѣ, и что, при помощи Божіей и при просвѣщенномъ содѣйствіи дворянъ, оно будетъ совершено съ желаемымъ всѣми успѣхомъ.

Вы должны строго наблюдать, чтобы крестьяне, оставаясь въ полномъ повиновеніи своимъ помѣщикамъ, не внимали никакимъ злонамѣреннымъ внушеніямъ и лживымъ толкамъ.

Пребываю вамъ благосклонный.

На подлинномъ Собственною Его Императорскаго Величества рукою написано:

Александръ.

Въ Гатчинѣ,
15 октября 1858 г.

Списки членамъ и кандидатамъ Дворянскихъ Комитетовъ, по устройству быта помѣщичьихъ крестьянъ.

I. *Могилевской губерніи.*

По Могилевскому уѣзду. Члены: коллежскій секретарь Василій Королько, коллежскій секретарь Иванъ Сипайло: кандидатъ имъ, депутатъ дворянства поручикъ Константинъ Карницкій. По Быховскому уѣзду. Члены: коллежскій ассесоръ Яковъ Бишевскій, инженеръ-подпоручикъ Эдуардъ Жуковскій; кандидатъ имъ, коллежскій регистраторъ Антонъ Шанявскій. По Рогачевскому уѣзду *). Члены: гвардіи подпоручикъ Людвигъ Осиповъ Случановскій, губернскій секретарь Александръ Фромандіеръ. По Гомельскому уѣзду. Члены: Могилевскій совѣстный судья, штабсъ-ротмистръ Иванъ Пересвѣтъ-Солтанъ, подпоручикъ Іосифъ Усиновичъ; кандидатъ имъ, инженеръ-штабсъ-капитанъ Константинъ Байковъ. По Черниковскому уѣзду. Члены: прапорщикъ Дмитрій Голынскій, засѣдатель Могилевской палаты гражданскаго суда, коллежскій ассесоръ Ѳеофилъ Каменскій; кандидатъ имъ, надворный совѣтникъ Иванъ Василевскій. По Сѣнницкому уѣзду. Члены: губернскій секретарь Казиміръ Дунинъ, коллежскій регистраторъ Мечеславъ Свенторжецкій; кандидатъ имъ, титулярный совѣтникъ Людвигъ Гарновскій. По Оршанскому уѣзду. Члены: предсѣдатель Могилевской палаты гражданскаго суда, статскій совѣтникъ Евстафій Коловратъ-Червинскій, подпоручикъ Павелъ Бржозовскій; кандидатъ имъ, коллежскій секретарь Андрей Бируля. По Копыскому уѣзду. Члены: коллежскій регистраторъ Викентій Славинскій, штабсъ-ротмистръ Игнатій Менжинскій; кандидатъ имъ, титулярный совѣтникъ Витольдъ Славинскій. По Мстиславскому уѣзду. Члены: титулярный совѣтникъ Казиміръ Стаховскій, чиновникъ 10 класса Михаилъ Войничъ-

*) Кандидатъ по Рогачевскому уѣзду начальникомъ губерніи еще не утвержденъ, за неполученіемъ свѣдѣній отъ уѣзднаго предводителя дворянства.

Сяноженскій; кандидатъ имъ. капитанъ Александръ Руцинскій. По Климовицкому уѣзду. Члены: корнетъ Игнатій Комаръ, титулярный совѣтникъ Игнатій Цехановецкій, кандидатъ имъ. Игнатій Зубовичъ. По Чаусовскому уѣзду. Члены: капитанъ Яковъ Ракуса-Сущевскій, коллежскій регистраторъ Антонъ Ходкевичъ: кандидатъ имъ, коллежскій секретарь Евгеній Маковецкій. Члены, назначенные начальникомъ губерніи: коллежскій регистраторъ Степанъ Голынскій и подполковникъ Александръ Менжинскій.

II. *Рязанской губерніи.*

По Рязанскому уѣзду. Члены: поручикъ кн. Николай Дмитріевичъ Волконскій, поручикъ Григорій Петровичъ Приклонскій: кандидатъ имъ. губернскій секретарь Гавріилъ Тверитиновъ. По Данковскому уѣзду. Члены: коллежскій ассесоръ Леонидъ Матвѣевичъ Муромцевъ, прапорщикъ Ѳедоръ Дмитріевичъ Ошанинъ; кандидадъ имъ, подполковникъ Александръ Алексѣевичъ Хонинъ. По Михайловскому уѣзду. Члены: артиллеріи капитанъ Петръ Николаевичъ Сухотинъ, надворный совѣтникъ Сергѣй Платоновичъ Голубцевъ; кандидатъ имъ. поручикъ Петръ Николаевичъ Шепелевъ. По Раненбургскому уѣзду Члены: поручикъ Василій Михайловичъ Сафоновъ, гвардіи штабсъ-капитанъ князь Сергѣй Васильевичъ Волконскій; кандидатъ имъ, поручикъ Владиміръ Павловичъ Сѣровъ. По Сапожковскому уѣзду. Члены: коллежскій совѣтникъ Евгеній Андреевичъ Протасьевъ, коллежскій секретарь Дмитрій Васильевичъ Протасьевъ; кандидатъ имъ, штабсъ-капитанъ Михаилъ Дмитріевичъ Галаховъ. По Гронскому уѣзду. Члены: генералъ-майоръ Алексѣй Петровичъ Муратовъ, коллежскій совѣтникъ Ѳедоръ Сергѣевичъ Офросимовъ: кандидатъ имъ. губернскій секретарь Николай Михайловичъ Цѣпинъ. По Ряжскому уѣзду. Члены: поручикъ Василій Михайловичъ Ключаревъ, подпоручикъ Андреянъ Семеновичъ Арсеньевъ: кандидатъ имъ, князь Дмитрій Алексѣевичъ Крапоткикъ. По Касимовскому уѣзду. Члены: флота капитанъ-лейтенантъ Дмитрій Петровичъ Рыкачевъ, поручикъ Александръ Андреевичъ Павловъ; кандидатъ имъ, поручикъ князь Александръ Николаевичъ Максутовъ. По Спасскому уѣзду. Члены: статскій совѣтникъ Александръ Ивановичъ Колеминъ, коллежскій секретарь Петръ Тимофеевичъ Плюсковъ: кандидатъ имъ, надворный совѣтникъ Василій Алексѣевичъ Сазоновъ По Зарайскому уѣзду. Члены: коллежскій секретарь Николай Михайловичъ Лихаревъ, штабсъ-капатанъ Петръ Николаевичъ Селивановъ, кандидатъ имъ, коллежскій секретарь Иванъ Львовичъ Злобинъ. По Скопинскому уѣзду *). Члены: коллежскій совѣтникъ Владиміръ Афанасьевичъ Бѣгичевъ, подполковникъ Василій Павловичъ Насакинъ. Члены, назначенные начальникомъ губерніи: надворный совѣтникъ Александръ Ивановичъ Кошелевъ, гвардіи ротмистръ Михаилъ Дмитріевичъ Масловъ. *Примѣчаніе.* Члены и кандидаты отъ Егорьевскаго уѣзда еще не избраны.

III. *Саратовской губерніи.*

По Саратовскому уѣзду Члены: предводитель дворянства, коллежскій ассесоръ Слѣпцовъ, штабсъ-капитанъ Буковскій; кандидатъ имъ, гвардіи штабсъ-капитанъ Зотовъ. По Балашевскому уѣзду. Члены: предводитель дворянства статскій совѣтникъ Елагинъ, надворный совѣтникъ Барышниковъ: кандидатъ имъ, подпоручикъ Фохтъ. По Кузнецкому уѣзду. Члены: предводитель дворянства, коллежскій ассесоръ Галицкій, коллежскій совѣтникъ Иконниковъ; кандидатъ имъ. полковникъ Немировичъ-Данченко. По Петровскому уѣзду Члены: предводитель дворянства, поручикъ Аристовъ, ротмистръ Топорнинъ; кандидатъ имъ, титулярный совѣтникъ Аристовъ. По Хвалынскому уѣзду. Члены: коллежскій ассесоръ Закревскій, поручикъ Городецкій; кандидатъ имъ, коллежскій секретарь Бѣгичевъ. По Камышинскому уѣзду. Члены: штабсъ-ротмистръ Персидскій: кандидатъ имъ, подполковникъ Ершовъ. По Царицынскому уѣзду Члены: гвардіи ротмистръ Мельниковъ, губернскій секретарь Ровинскій. По Волгскому уѣзду. Члены: штабсъ-капитанъ Жарскій, титулярный совѣтникъ Аплечѣевъ; кандидатъ имъ. статскій совѣтникъ Виноградскій. По Аткарскому уѣзду. Члены: коллежскій совѣтникъ Слѣпцовъ, губернскій

*) Объ избраніи кандидатовъ отъ Скопинскаго уѣзда сдѣлано начальникомъ губерніи распоряженіе.

секретарь Фохтъ; кандидатъ имъ, надворный совѣтникъ Вагнеръ. По Сердобскому уѣзду. Члены: предводитель дворянства штабсъ-ротмистръ Ознобишинъ, надворный совѣтникъ Акимовъ; кандидатъ имъ, коллежскій ассесоръ Акимовъ. Члены, назначенные начальникомъ губерніи: титулярный совѣтникъ князь Лобановъ-Ростовскій, коллежскій регистраторъ князь Оболенскій.

IV. *Витебской губерніи.*

По Суражскому уѣзду. Члены: чиновникъ 12 класса Рафаилъ Осиповичъ Богдановичъ, коллежскій регистраторъ Михаилъ Францевичъ Лиссовскій; кандидаты имъ, Даніилъ Даніловичъ Водзяницкій, штабсъ-капитанъ Константинъ Ивановичъ Шембель. По Витебскому уѣзду. Члены: Алексѣй Цѣхановскій, Модестъ Осиповичъ Рекецъ; кандидатъ имъ, Станиславъ Дроздовскій. По Рѣжицкому уѣзду. Члены: Казиміръ Венедиктовичъ Водынскій, Юстіанъ Бонифатьевичъ Загорскій; кандидаты имъ, Игнатій Ромуальдовичъ Богомолецъ и Владиславъ Станиславовичъ Солтанъ По Лепельскому уѣзду. Члены: штабсъ-ротмистръ Евгеній Антоновичъ Снарскій, губернскій секретарь Казиміръ Ефстафьевичъ Пржисецкій; кандидаты имъ, коллежскій регистраторъ Яковъ Викентьевичъ Лиссовскій и коллежскій регистраторъ Алоизій Михайловичъ Хрептовичъ. По Новельскому уѣзду. Члены. уѣздный предводитель дворянства Игнатій Дементьевичъ Потриковскій, капитанъ гвардіи Алексѣй Михайловичъ Жуковскій; кандидаты имъ, коллежскій совѣтникъ Николай Ивановичъ Еврепновъ и губернскій секретарь Викентій Осиповичъ Лесневскій. По Дриссенскому уѣзду. Члены: коллежскій регистраторъ Игнатій Ефстафьевичъ Храповицкій, губернскій секретарь Левъ Владиміровичъ Сулиствовскій; кандидатъ имъ, коллежскій регистраторъ Михаилъ Іосифовичъ Щиттъ и губернскій секретарь Валеріанъ Іосифовичъ Гржималовскій. По Себежскому уѣзду. Члены: гвардіи капитанъ графъ Густавъ Михайловичъ Вѣльгорскій, коллежскій ассесоръ Іосифъ Дементьевичъ Лабунскій; кандидаты имъ, губернскій секретать Викторъ Осиповичъ Корсакъ и штабсъ-капитанъ Августъ Антоновичъ Торгонскій. По Люцинскому уѣзду. Члены: штабсъ-капитанъ Иванъ Игнатьевичъ Липскій, коллежскій ассессоръ Іосифъ Антоновичъ Родзевичъ; кандидаты имъ, ротмистръ Александръ Ивановичъ Заремво и коллежскій регистраторъ Кипріанъ Францовичъ Шантырь. По Велижскому уѣзду. Члены: поручикъ Александръ Александровичъ Гернгросъ, подполковникъ Селиванъ Ивановичъ Глинскій; кандидатъ имъ, поручикъ Михаилъ Семеновичъ Кавецкій. По Городскому уѣзду. Члены: штабсъ-капитанъ Богданъ Степановичъ Азанчевскій, Иванъ Людвиговичъ Галіофъ; кандидаты имъ, титулярный совѣтникъ Антонъ Фелиціановичъ Яхимовичъ и капитъ Константинъ Николаевичъ Бессарабскій. По Полоцкому уѣзду. Члены: коллежскій совѣтникъ Петръ Кулешо, штабсъ-ротмистръ Артуръ Рошковскій; кандидаты имъ, коллежскій регистраторъ Эдуардъ Реуттъ и Николай Медунецкій. По Динабургскому уѣзду. Члены: инженеръ-капитанъ графъ Станиславъ Михайловичъ Плятеръ-Зибертъ, майоръ графъ Людвигъ Казимировичъ Плятеръ; кандидаты имъ, коллежскій секретарь Іосифъ Ивановичъ Млодзяновскій и губернскій секретарь Эразмъ Ипполитовичъ Корсакъ. Члены, назначенные начальникомъ губерніи: бывшій губернскій предводитель дворянства Николай Денисьевичъ Гребнецкій и полоцкій уѣздный предводитель дворянства Іосифъ Игнатьевичъ Реуттъ.

V. *Псковской губерніи.*

По Псковскому уѣзду. Члены: статскій совѣтникъ князь Ѳедоръ Васильевичъ Шаховскій, артиллеріи штабсъ-капитанъ Иванъ Карловичъ фонъ-Стакельбергъ; кандидатъ имъ, коллежскій совѣтникъ Николай Николаевичъ Аничковъ. По Островскому уѣзду. Члены: капитанъ Іосифъ Яковлевичъ Бартошъ, полковникъ Александръ Алексѣевичъ Серебряковъ; кандидатъ имъ, капитанъ-лейтенантъ Петръ Павловичъ Васильевъ. По Опочецкому уѣзду. Члены: титулярный совѣтникъ Николай Карловичъ Клингенбергъ, артиллеріи подполковникъ графъ Яковъ Карловичъ Сиверсъ; кандидатъ имъ, инженеръ-поручикъ Николай Дмитріевичъ Бизюкинъ. По Новоржевскому уѣзду. Члены: статскій совѣтникъ Леонидъ Алексѣевичъ Львовъ, надворный совѣтникъ Иванъ Карловичъ Мейеръ; канди-

датъ имъ, титулярный совѣтникъ Александръ Васильевичъ Никитинъ. По Великолуцкому уѣзду. Члены: предводитель дворянства, гвардіи капитанъ Ѳедоръ Дмитріевичъ Голенищевъ-Кутузовъ, артиллеріи подпоручикъ Петръ Павловичъ Хмѣлевъ; кандидатъ имъ, коллежскій ассесоръ Павелъ Петровичъ Гершау. По Торопецкому уѣзду. Члены: поручикъ Генрихъ Густавовичъ Вольтеръ, полковникъ Василій Ивановичъ Голенищевъ-Кутузовъ; кандидатъ имъ, коллежскій ассесоръ Ѳедоръ Ѳедоровичъ Фріезъ. По Холмскому уѣзду. Члены: предводитель дворянства коллежскій совѣтникъ Василій Васильевичъ Голенищевъ-Кутузовъ, поручикъ Миракъ Александровичъ Нащокинъ; кандидатъ имъ, подполковникъ Андрей Ивановичъ Раздеришинъ. По Порховскому уѣзду. Члены: статскій совѣтникъ Николай Ивановичъ Крекшинъ, коллежскій совѣтникъ Николай Степановичъ Волковъ; кандидатъ имъ, генералъ-майоръ Александръ Петровичъ Бибиковъ. Члены, назначенные начальникомъ губерніи: отставной поручикъ Михаилъ Александровичъ Назимовъ, коллежскій совѣтникъ Владиміръ Николаевичъ Кутузовъ.

VI. *Таврической губерніи.*

По Симферопольскому и Ялтинскому уѣздамъ. Члены: ротмистръ Аристидъ Ревеліоти, штабсъ-ротмистръ Брамсъ; кандидатъ имъ, поручикъ Руссетъ. По Ѳеодосійскому уѣзду. Члены: гвардіи поручикъ Рудзевичъ, поручикъ Дульветовъ; кандидатъ имъ, поручикъ Каламара. По Евпаторійскому и Перекопскому уѣздамъ. Члены: надворный совѣтникъ Делаграматикъ, титулярный совѣтникъ Маценко; кандидатъ имъ, губернскій секретарь Спиридонъ Лампси. По Днѣпровскому уѣзду *) Члены: надворный совѣтникъ Бурачковъ, гвардіи полковникъ графъ Канкринъ. По Мелитопольскому и Бердянскому уѣздамъ. Члены: коллежскій секретарь Иваненко, штабсъ-ротмистръ Иваненко; кандидатъ имъ, гвардіи штабсъ-ротмистръ Поповъ. Члены, назначенные начальникомъ губерніи: губернскій секретарь Шатиловъ, отставной поручикъ Давыдовъ.

VII. *Минской губерніи* **).

По Минскому уѣзду. Члены: предводитель дворянства, коллежскій секретарь Игнатій Степановичъ Богдашевскій, коллежскій регистраторъ Болеславъ Чеславовичъ Свѣнторжецкій. По Борисовскому уѣзду. Члены: коллежскій секретарь Викторъ Флоріановичъ Семда, губернскій секретарь графъ Константинъ Піевичъ Тышкевичъ; кандидатъ имъ, коллежскій секретарь Игнатій Іосифовичъ Бѣлинскій. По Игуменскому уѣзду. Члены: коллежскій регистраторъ Августъ Онуфріевичъ Янишевскій, коллежскій регистраторъ Яковъ Сильвестровичъ Лукашевичъ. По Рѣчицкому уѣзду. Члены: коллежскій ассесоръ Оттонъ Игнатьевичъ Горватъ, инженеръ-капитанъ Эдмундъ Ѳомичъ Лащъ. По Пинскому уѣзду. Члены: коллежскій регистраторъ Александръ Александровичъ Скирмунтъ, коллежскій секретарь Матвѣй Адамовичъ Тукальскій-Нелюбоемчъ. По Случкому уѣзду. Члены: коллежскій секретарь Казиміръ Казиміровичъ Еленскій, прапорщикъ Брониславъ Францовичъ Залѣсскій. По Новгородскому уѣзду. Члены: отставной штабсъ-ротмистръ графъ Александръ Осиповичъ О'Руркъ, отставной штабсъ-ротмистръ Карлъ Осиповичъ Кашицъ. По Бобруйскому уѣзду. Члены: уѣздный предводитель дворянства, коллежскій ассесоръ Александръ Доминиковичъ Лаппо, лейбъ-гвардіи капитанъ Михаилъ Ивановичъ Пущинъ; кандидатъ имъ, коллежскій регистраторъ Евгеній Робертовичъ Прушановскій. По Мозырскому уѣзду. Члены: помѣщикъ Наполеонъ Феликсовичъ Еленскій, коллежскій секретарь Артуръ Даниловичъ Горватъ. *Примѣчаніе.* О членахъ по назначенію правительства затребованы свѣдѣнія отъ начальника губерніи.

VIII. *Новгородской губерніи.*

По Новгородскому уѣзду. Члены: предводитель дворянства, гвардіи штабсъ-ротмистръ князь николай Евграфовичъ Мышецкій, коллежскій ассесоръ Степанъ Дмитріе-

*) Объ избраніи кандидата отъ Днѣпровскаго уѣзда затребованы свѣдѣнія отъ Новороссійскаго и Бессарабскаго генералъ-губернатора.

**) По нѣкоторымъ уѣздамъ кандидатовъ въ семъ спискѣ не показано, ибо о выборѣ ихъ затребованы свѣдѣнія отъ начальника губерніи.

вичъ Струговщиковъ; кандидатъ имъ, подполковникъ Михаилъ Дмитріевичъ Струговщиковъ; кандидатъ имъ, подполковникъ Михаилъ Дмитріевичъ Бобылевъ. По Крестецкому уѣзду. Члены: уѣздный судья, подпоручикъ Николай Дмитріевичъ Косаговскій, штабсъ-капитанъ Василій Петровичъ Розенбергъ; кандидатъ имъ, Михаилъ Ѳедоровичъ Кемѣцкій. По Демьянскому уѣзду. Члены: титулярный совѣтникъ Петръ Ѳедоровичъ Пущинъ, гвардіи штабсъ-ротмистръ Александръ Ѳедоровичъ фонъ-Фрикенъ; кандидатъ имъ, Ріпшардъ Фаддеевичъ Богуславскій. По Тихвинскому уѣзду. Члены: штабсъ-капитанъ Александръ Александровичъ Дейхманъ. По Череповскому уѣзду. Члены: лейтенантъ Николай Павловичъ Игнатьевъ, поручикъ Иванъ Петровичъ Хорзеевъ; кандидатъ имъ, лейтенантъ Евгеній Николаевичъ Егорьевскій. По Кириловскому уѣзду. Члены: предводитель дворянства, коллежскій ассесоръ Арсеній Арсеньевичъ Богдановичъ, полковникъ Михаилъ Антоновичъ Ѳедоровъ; кандидатъ имъ, титулярный совѣтникъ Владиміръ Михайловичъ Скрипицинъ. По Валдайскому уѣзду. Члены: подпоручикъ Павелъ Павловичъ Косаговскій, поручикъ Петръ Ивановичъ Щукинъ; кандидатъ имъ, полковникъ Александръ Францовичъ де-Воланъ. По Боровицкому уѣзду. Члены: капитанъ-лейтенантъ Дмитрій Ѳедоровичъ Доможировъ, надворный совѣтникъ Ѳедоръ Петровичъ Товаровъ; кандидатъ имъ, штабсъ-капитанъ Ѳедоръ Яковлевичъ Мейснеръ. По Бѣлозерскому уѣзду. Члены: полковникъ Петръ Петровичъ Поповъ, чиновникъ 10 класса Владиміръ Александровичъ Владимірскій; кандидатъ имъ, коллежскій ассесоръ Николай Петровичъ Поповъ. По Устюжскому уѣзду. Члены: поручикъ Аѳанасій Ивановичъ Шилингъ, дѣйствительный статскій совѣтникъ Иванъ Позенъ *). Члены, назначенные начальникомъ губерніи: статскій совѣтникъ Николай Ивановичъ Желѣзновъ, камеръ-юнкеръ двора Его Императорскаго Величества князь Павелъ Васильевичъ Голицынъ.

IX. *Тульской губерніи.*

По Тульскому уѣзду. Члены: коллежскій ассесоръ Коптевъ, флота-капитанъ-лейтенантъ Воейковъ; кандидатъ имъ, поручикъ Сурменевъ. По Алексинскому уѣзду. Члены: гвардіи подпоручикъ Васильчиковъ, коллежскій регистраторъ Новосельскій; кандидатъ имъ генераль-майоръ Бибиковъ. По Каширскому уѣзду. Члены: статскій совѣтникъ Норовъ, бывшій Тульскій губернскій предводитель дворянства, гвардіи полковникъ Волоцкой; кандидатъ имъ, маіоръ Золотаревъ. По Веневскому уѣзду. Члены: коллежскій совѣтникъ Марковъ, коллежскій ассесоръ Пушкинъ; кандидатъ имъ, подпоручикъ Цѣнинъ. По Епифановскому уѣзду. Члены: титулярный совѣтникъ Карбоньеръ, титулярный совѣтникъ Бибиковъ; кандидатъ имъ, гвардіи штабсъ-капитанъ Хрущовъ. По Богородицкому уѣзду. Члены: коллежскій ассесоръ Ушаковъ, титулярный совѣтникъ фонъ-Менгденъ; кандидатъ имъ, статскій совѣтникъ Ринкъ, инспекторъ Тульской врачебной управы. По Ефремовскому уѣзду. Члены: чиновникъ 12 класса Свѣчинъ, прапорщикъ Игнатьевъ: кандидатъ имъ, артиллеріи штабсъ-капитанъ Шидловскій. По Новосельскому уѣзду. Члены: гвардіи капитанъ Глазуновъ, гвардіи капитанъ Кирѣевъ; кандидатъ имъ, поручикъ Сухотинъ. По Чернскому уѣзду. Члены: гвардіи штабсъ-ротмистръ Мининъ-Чирнскій, уѣздный предводитель дворянства, поручикъ Чижовъ; кандидатъ имъ, коллежскій секретарь Левицкій. По Крапивинскому уѣзду. Члены: генералъ-маіоръ Крюковъ, полковникъ Кулешовъ; кандидатъ имъ, гвардіи полковникъ Голиковъ. По Одоевскому уѣзду. Члены: штабсъ-капитанъ Татариновъ, коллежскій ассесоръ Тихменевъ; кандидатъ имъ, коллежскій ассесоръ Арбузовъ. По Бѣлевскому уѣзду. Члены: подполковникъ баронъ Черкасовъ, коллежскій секретарь Елагинъ; кандидатъ имъ, гвардіи поручикъ Павловъ. Члены назначенные начальникомъ губерніи: коллежскій секретарь князь Черкасскій, титулярный совѣтникъ Самаринъ.

X. *Ярославской губерніи.*

По Ярославскому уѣзду. Члены: штабсъ-капитанъ Яковъ Николаевичъ Дружининъ, штабсъ-ротмистръ Дмитрій Александровичъ Варенцовъ; кандидатъ имъ, капитанъ

*) Объ избраніи кандидата по Устюжскому уѣзду затребованы свѣдѣнія отъ начальника губерніи.

князь Дмитрій Семеновичъ Урусовъ. По Ростовскому уѣзду. Члены: маіоръ Владиміръ Николаевичъ Хомутовъ, титулярный совѣтникъ Сергѣй Ивановичъ Леонтьевъ; кандидатъ имъ, подпоручикъ Николай Дмитріевичъ Полубояриновъ. По Угличскому уѣзду. Члены: надворный совѣтникъ Петръ Васильевичъ Псомасъ, подпоручикъ Измаилъ Владиміровичъ Перхуровъ; кандидатъ имъ, поручикъ Дмитрій Лавровичъ Остолоповъ. По Рыбинскому уѣзду. Члены: титулярный совѣтникъ Александръ Сергѣевичъ Хомутовъ, чиновникъ 8 класса Александръ Васильевичъ Костылевъ; кандидатъ имъ, коллежскій ассесоръ Николай Николаевичъ Сабанѣевъ. по Мышкинскому уѣзду. Члены: коллежскій регистраторъ Ростиславъ Аѳанасьевичъ Башмаковъ, капитанъ-лейтенантъ Дмитрій Ивановитъ Ниловъ; кандидатъ имъ, губернскій секретарь Алексѣй Николаевичъ Тютчевъ. По Мологскому уѣзду. Члены: губернскій секретарь Николай Андреевичъ Чистяковъ, гвардіи ротмистръ Николай Андреевичъ Глѣбовъ; кандидатъ имъ. поручикъ Николай Сергѣевичъ Кругликовъ По Пошехонскому уѣзду. Члены: генералъ-маіоръ Иванъ Петровичъ Баркъ-Петровскій, поручикъ Кирилъ Александровичъ Черносвистовъ: кандидатъ имъ, артиллеріи поручикъ Михаилъ Владиміровичъ Берсеневъ. По Любимскому уѣзду Члены: подпоручикъ Николай Николаевичъ Болотовъ, штабсъ-капитанъ Александръ Григорьевичъ Передковъ; кандидатъ имъ, губернскій секретарь Петръ Петровичъ Пановъ. По Даниловскому уѣзду Члены: коллежскій регистраторъ Павелъ Николаевичъ Дубровинъ, поручикъ Павелъ Ивановичъ Кругликовъ: кандидатъ имъ, коллежскій секретарь Андрей Васильевичъ Шестаковъ. По Романовоборисоглѣбскому уѣзду. Члены: гвардіи ротмистръ Демосѳенъ Васильевичъ Васильевъ; капитанъ-лейтенантъ Александръ Петровичъ Рыкачевъ; кандидатъ имъ, поручикъ Николай Николаевичъ Степановъ.

Примѣчаніе. О членахъ по назначенію Правительства затребованы свѣдѣнія отъ начальника губерніи.

О перемѣнахъ въ личномъ составѣ губернскихъ дворянскихъ комитетовъ, по свѣдѣніямъ, полученнымъ до 11 сентября 1858 года.

По Московскому. Членомъ отъ Клинскаго уѣзда, на мѣсто умершаго дѣйствительнаго статскаго совѣтника фонъ-Визина, назначенъ кандидатъ, статскій совѣтникъ Волковъ, а на мѣсто сего послѣдняго избранъ кандидатомъ находящійся въ безсрочномъ отпуску гусарскаго Его Высочества герцога Лейхтенбергскаго полка подполковникъ Иванъ Сергѣевичъ фонъ-Визинъ; членомъ отъ Серпуховскаго уѣзда, вмѣсто генералъ-адъютанта графа Сергѣя Григорьевича Строгонова, назначенъ кандидатъ, поручикъ князь Левъ Николаевичъ Гагаринъ.

По Костромскому. Членомъ отъ Юрьевецкаго уѣзда, на мѣсто губернскаго секретаря Кетова, назначенъ кандидатъ штабсъ-капитанъ Петръ Ивановичъ Домашневъ, а на мѣсто сего послѣдняго кандидатомъ поручикъ Всеволодъ Никаноровичъ Кетовъ; членомъ отъ Солигаличскаго уѣзда, на мѣсто титулярнаго совѣтника Бартенева, назначенъ кандидатъ, штабсъ-капитанъ Михаилъ Ксенофонтовичъ Болотовъ; отъ Кинешемскаго уѣзда избранъ 2-й кандидатъ, артиллеріи поручикъ Александръ Гавриловичъ Герасимовъ; назначенъ членомъ отъ Буйскаго уѣзда, вмѣсто полковника Мошкова, кандидатъ, гвардіи прапорщикъ Лермонтовъ.

По Харьковскому. Кандидатомъ отъ Лебединскаго уѣзда избранъ коллежскій ассесоръ Александръ Петровичъ Святогоръ-Штепинъ.

По Рязанскому. Отъ Егорьевскаго уѣзда*) избраны членами: статскій совѣтникъ Андрей Петровичъ Риманъ и коллежскій секретарь Александръ Михайловичъ Аѳонасьевъ, а кандидатомъ—коллежскій секретарь Николай Петровичъ Зміевъ. Кандидатомъ отъ Скопинскаго уѣзда назначенъ поручикъ Лихаревъ.

По Минскому Члены, назначенные начальникомъ губерніи: генералъ маіоръ графъ Флоріанъ Северинновичъ Ржевускій и поручикъ Александръ Владиславовичъ Оскерко.

---

*) При общихъ выборахъ, членовъ и кандидата отъ Егорьевскаго уѣзда назначено не было.

По Новгородскому. Членомъ отъ Кириловскаго уѣзда, вмѣсто предводителя дворянства, коллежскаго ассесора Арсенія Арсеньевича Богдановича, назначенъ начальникомъ губерніи коллежскій регистраторъ Николай Арсеньевичъ Богдановичъ.

По С.-Петербургскому. Членомъ отъ Петергофскаго уѣзда, вмѣсто уѣзднаго предводителя дворянства, ротмистра Зиновьева, назначенъ кандидатъ, статскій совѣтникъ Пейкеръ.

Открыты губернскіе комитеты по устройству быта помѣщичьихъ крестьянъ въ Могилевѣ 16, въ Рязани 26 августа, въ Саратовѣ, Пензѣ и Тамбовѣ 2, и въ Тулѣ 5 сентября.

Слова, произнесенныя Государемъ Императоромъ представителямъ дворянскаго сословія разныхъ губерній, во время путешествія Его Императорскаго Величества по Россіи.

I.

Въ Вологдѣ, за нѣсколько минутъ до общаго представленія, губернскій предводитель дворянства Баграковъ былъ, черезъ графа Адлерберга 2-го, приглашенъ во внутреннія покои (кабинетъ) Его Величества, и встрѣченъ милостивыми словами: „Я исполнилъ Свое обѣщаніе быть у васъ“. Государь Императоръ продолжалъ: „Вологодское дворянство всегда отличалось своею преданностью къ престолу, а потому Я вполнѣ увѣренъ, что и въ настоящее время, въ общемъ дѣлѣ, оно, по мѣрѣ силъ, будетъ споспѣшествовать исполненію Моихъ предначертаній“. Губернскій предводитель отвѣчалъ: „Вологодское дворянство всегда готово исполнить благія предначертанія Вашего Императорскаго Величества, и въ настоящемъ дѣлѣ не станетъ въ ряду послѣднихъ губерній: мы уже имѣли счастіе доказать любовь къ своему Государю и преданность Его престолу, сформировавъ, въ минувшую войну, полный комплектъ офицеровъ на десять дружинъ изъ трехъ дворянскихъ уѣздовъ“.

Потомъ Государь Императоръ, выйдя въ пріемную залу къ дворянамъ, былъ такъ милостивъ, что каждаго удостоилъ разговоромъ, и въ заключеніе сказалъ: „Господа! Я надѣюсь, что вы совершенно сочувствуете Моимъ желаніямъ и будете способствовать общей пользѣ по крестьянскому дѣлу, и затѣмъ улучшите бытъ крестьянъ вашихъ, нераздѣльно съ общей выгодою“.

II.

Тверскому дворянству, крестьянскій комитетъ котораго только-что приступилъ къ своей дѣятельности, Государь Императоръ изволилъ сказать:

„Господа! Я очень счастливъ, что имѣю случай выразить Мою благодарность тверскому дворянству, которое уже неоднократно доказало Мнѣ свою преданность и готовность, вмѣстѣ съ другими губерніями, всегда содѣйствовать общему благу. Вы это доказали во время послѣдней войны, при составленіи ополченія, и Мнѣ памятны жертвы дворянъ. Теперь Я вамъ поручилъ дѣло, важное для Меня и для васъ — дѣло крестьянъ. Надѣюсь, что вы оправдаете Мое довѣріе. Лицамъ, изъ вашей среды избраннымъ, поручено заняться этимъ важнымъ дѣломъ: обсудите его, обдумайте зрѣло, изыщите средства, какъ лучше устроить новое положеніе для крестьянъ, устройте, примѣняясь къ мѣстности, такъ, чтобъ было безобидно для нихъ и для васъ, на тѣхъ главныхъ основаніяхъ, которыя указаны въ Моихъ рескриптахъ. Вы знаете, какъ ваше благосостояніе Мнѣ близко къ сердцу; надѣюсь, что вамъ также дороги интересы нашихъ крестьянъ: поэтому Я увѣренъ, что вы будете стараться устроить такъ, чтобъ было безобидно для васъ и для нихъ. Я увѣренъ, что могу быть спокоенъ! вы Меня поддержите и въ настоящемъ дѣлѣ. Когда ваши занятія кончатся, тогда положеніе комитета поступитъ чрезъ министерство на Мое утвержденіе. Я ужъ приказалъ отдать распоряженіе, чтобъ изъ вашихъ же членовъ было избрано двое депутатовъ для присутствій и общаго обсужденія въ Петербургѣ, при разсмотрѣніи положеній всѣхъ губерній, въ главномъ комитетѣ. Въ дѣйствіяхъ намъ разойдтись нельзя, наша цѣль

одна—общая польза Россіи. Я оставляю васъ въ полной увѣренности, что вы оправдаете Мои ожиданія и мое къ вамъ довѣріе, убѣжденъ, что вы Мнѣ будете содѣйствовать, но не препятствовать".

III.

Костромскому дворянству Государь Императоръ изволилъ сказать слѣдующія слова.

„Господа! Костромская губернія, по историческимъ воспоминаніямъ, близка Семьѣ Моей, и Мы считаемъ ее родною: поэтому-то Мнѣ особенно пріятно находиться среди васъ, послѣ прошествія двадцати лѣтъ. Вчерашній пріемъ тронулъ Меня. Благодарю васъ за готовность, съ какою встрѣтили вы желаніе Мое улучшить бытъ крестьянъ. Этотъ близкій сердцу Моему вопросъ слишкомъ важенъ для будущности Россіи. Надѣюсь, что вы въ этомъ, такъ сказать, жизненномъ вопросѣ оправдаете вполнѣ Мои ожиданія, примѣненіемъ главныхъ началъ, выраженныхъ въ моихъ рескриптахъ, къ мѣстнымъ удобствамъ и окончите его при помощи Божіей безъ обиды, какъ для себя, такъ и для крестьянъ. Для объясненія вашихъ выводовъ, Я позволяю вамъ избрать изъ среды себя двухъ депутатовъ, которые должны будутъ, по окончаніи работъ комитета здѣсь на мѣстѣ, прибыть въ Петербургъ, для окончательнаго пересмотра предположеній вашихъ. Надѣюсь, что вы оправдаете Мое къ вамъ довѣріе. Еще благодарю васъ, господа, за оказанное вами усердіе въ прошедшую войну, за службу вашу и за всѣ пожертвованія".

IV.

Въ Нижнемъ-Новгородѣ тамошнему дворянству Его Величество изволилъ сказать слѣдующее:

„Я радъ, господа, что могу лично благодарить васъ за усердіе, которымъ нижегородское дворянство всегда отличалось. Гдѣ отечество его призывало, тамъ оно было изъ первыхъ. И въ минувшую тяжкую войну вы откликнулись первыми и поступили добросовѣстно; ополченіе ваше было изъ лучшихъ. И нынѣ опять благодарю васъ за то, что вы же первые отозвались на Мой призывъ, въ важномъ дѣлѣ объ улучшеніи крестьянскаго быта. По этому самому Я хотѣлъ васъ отличить и принялъ депутатовъ вашихъ: генерала Шереметева и Потемкина. Я поручилъ имъ благодарить васъ и передать вамъ Мои виды и желанія; не сомнѣваюсь, что они это исполнили. Вы знаете цѣль Мою—общее благо; ваше дѣло согласить въ этомъ важномъ дѣлѣ частныя выгоды свои съ общею пользою. Но Я слышу съ сожалѣніемъ, что между вами возникли личности, а личности всякое дѣло портятъ; это жаль: устраните ихъ; Я надѣюсь на васъ, надѣюсь, что ихъ больше не будетъ, и тогда общее дѣло это пойдетъ. Я знаю, что вы трудились усердно, что уже многое вами сдѣлано: идите впередъ. Сегодня оканчивается срокъ вашимъ занятіямъ; но зная, что трудъ вашъ еще не готовъ, Я согласенъ продлить этотъ срокъ до 1-го октября: но къ октябрю вы кончите, въ этомъ Я не сомнѣваюсь: не такъ ли, господа? Я полагаюсь на васъ, Я вѣрю вамъ, вы Меня не обманете... Путь указанъ; не отступайте отъ началъ, изложенныхъ въ Моемъ рескриптѣ, отъ данной вамъ программы. Трудъ вашъ будетъ разсмотрѣнъ въ главномъ комитетѣ, но Я дозволилъ вамъ представить его чрезъ двухъ избранныхъ вами членовъ, которымъ вы поручите объяснить выводы свои, въ той мѣрѣ, какъ это будетъ согласоваться съ общимъ благомъ. Господа, дѣлайте такъ, чтобы было и вамъ хорошо, и другимъ не худо; думайте о себѣ, думайте и о другихъ. Я вамъ вѣрю и надѣюсь, что вы оправдаете Мое къ вамъ довѣріе. Исполнивъ и окончивъ трудъ этотъ добросовѣстно, вы Мнѣ еще разъ докажете любовь свою и преданность и то безкорыстное стремленіе свое къ общему благу, которымъ Нижегородцы всегда отличались!

„Считаю Себя счастливымъ, что послѣ 21 года послѣдняго Моего здѣсь пребыванія опять нахожусь нынѣ посреди васъ".

V.

Московскимъ предводителямъ дворянства Государь Императоръ изволилъ сказать:

„Мнѣ, господа, всегда пріятно, когда Я имѣю возможность благодарить дворянство, но противъ совѣсти говорить не въ Моемъ характерѣ. Я всегда говорю правду, и къ сожалѣнію благодарить васъ теперь не могу. Вы помните, когда Я два года тому назадъ въ этой самой комнатѣ говорилъ вамъ о томъ, что, рано или поздно, надобно приступить къ измѣненію крѣпостнаго права, и что надобно, чтобъ оно началось лучше сверху, нежели снизу. Мои слова были перетолкованы. Послѣ того Я объ этомъ долго думалъ и, помолясь Богу, рѣшился приступить къ дѣлу. Когда, вслѣдствіе вызова Петербургской и Литовскихъ губерній, даны Мною рескрипты, Я, признаюсь, ожидалъ, что московское дворянство первое отзовется; но отозвалось нижегородское, а Московская губернія, не первая, не вторая, даже не третья. Это Мнѣ было прискорбно, потому что Я горжусь тѣмъ, что родился въ Москвѣ, всегда ее любилъ, когда былъ наслѣдникомъ, люблю ее теперь какъ родную. Я далъ вамъ начала, и отъ нихъ никакъ не отступлю (здѣсь Государь изволилъ повторить главныя основанія, изложенныя въ рескриптахъ). Я люблю дворянство, считаю его первою опорой престола. Я желаю общаго блага, но не желаю, чтобы оно было въ ущербъ вамъ, всегда готовъ стоять за васъ; но вы, для своей пользы, должны стараться, чтобы вышло благо для крестьянъ. Помните, что на Московскую губернію смотритъ вся Россія. Я готовъ всегда дѣлать для васъ, что могу, дайте же Мнѣ возможность стоять за васъ. Понимаете ли, господа? Я слышу, что комитетъ много уже сдѣлалъ, Я читалъ извлеченіе изъ его занятій: многое мнѣ кажется хорошо; одно Я замѣтилъ, что написано объ усадьбахъ. Я подъ усадебною осѣдлостью понимаю не одно строеніе, но и всю усадебную землю. Еще разъ повторяю, господа, дѣлайте такъ, чтобы Я могъ за васъ стоять. Этимъ вы оправдаете Мою къ вамъ довѣренность“.

VI.

Депутатамъ смоленскаго губернскаго комитета по крестьянскому дѣлу и предводителямъ смоленскаго дворянства Государемъ Императоромъ сказаны слѣдующія слова:

„Мнѣ, пріятно, господа, находиться среди васъ и лично благодарить дворянство смоленское за преданность престолу и отечеству, которую оно неоднократно доказывало, какъ прежде, такъ и въ 1812 г., и въ послѣднюю войну. Мнѣ пріятно благодарить васъ и за готовность, выраженную вами въ крестьянскомъ дѣлѣ. Мои предмѣстники и въ особенности покойный родитель Мой всегда оказывали вниманіе смоленскому дворянству: вы имѣете документъ Его благоволенія къ вамъ, который былъ писанъ за нѣсколько дней Его смерти; можно сказать, Онъ на смертномъ одрѣ думалъ о васъ *). Я также люблю васъ. Одна изъ вашихъ дамъ поднесла матери Моей образъ для благословенія Меня въ то время, когда Я имѣлъ честь командовать войсками, защищавшими столицу. Этотъ образъ всегда при Мнѣ и служитъ, такъ сказать, новою связью, которая еще крѣпче соединяетъ Меня съ вами **). Теперь вы собраны по

*) Говоря это, Государь Императоръ былъ растроганъ и на глазахъ его были слезы.

**) Поднесеніе сего образа сопровождалось слѣдующими обстоятельствами: въ 1854 г., когда было получено Высочайшее повелѣніе, о подчиненіи войскъ, охранявшихъ Санктпетербургъ, главному начальствованію государя наслѣдника цесаревича, нынѣ благополучно царствующаго Государя Императора, и Высочайшій манифестъ о войнѣ съ Франціею и Англіею, въ то время дамы смоленскаго общества возымѣли намѣреніе поднести, чрезъ смоленскаго преосвященнаго, Государынѣ Императрицѣ Александрѣ Ѳеодоровнѣ, списокъ Св. иконы Смоленской Божіей Матери Одигитріи, со всеподданнѣйшею просьбою, передать оный отъ Ея Величества въ благословеніе государю наслѣднику цесаревичу, какъ главному начальнику воинства, охраняющаго престольный градъ. Приношеніе это было милостиво принято, и въ рескриптахъ, данныхъ на имя преосвященнаго смоленскаго и дорогобужскаго, 20 и 21 іюля 1854 г., Ея Императорское Величество и его императорское высочество изволили изъявить женамъ гражданъ смоленскихъ свою признательность за сіе духовное приношеніе. Въ памятныхъ книжкахъ Смоленской губерніи на 1855 и 1856 годы подробно описано это событіе и напечатаны имена всѣхъ участницъ въ семъ дѣлѣ.

крестьянскому дѣлу. Это необходимо для благосостоянія вашего, крестьянъ вашихъ и всей Россіи. Займитесь имъ дѣльно и, на указанныхъ въ Моемъ рескриптѣ началахъ, обдѣлайте это дѣло такъ, чтобы оно было безобидно для васъ и для крестьянъ вашихъ. Этимъ вы доставите Мнѣ утѣшеніе. Я увѣренъ, вы не обманете Моихъ ожиданій и оправдаете Мою къ вамъ довѣренность.

О необходимости держаться возможно умѣренныхъ цифръ при опредѣленіи величины выкупа усадьбъ.

Мельчайшія юридическія подробности при обсужденіи учреждаемыхъ нынѣ отношеній между помѣщиками и поселянами чрезвычайно занимаютъ общее вниманіе. Каждая изъ нихъ возбуждаетъ по возможности точное и основательное изслѣдованіе. Гораздо больше произвола замѣчается у людей, пишущихъ о крестьянскомъ вопросѣ, когда рѣчь переходитъ къ опредѣленію численной величины того выкупа, который предполагается взимать съ поселянъ за права и имущества, вновь имъ предоставляемыя. Часто намъ случалось послѣ жаркаго спора о какихъ-нибудь второстепенныхъ условіяхъ, касающихся усадьбы или предѣловъ вотчинной власти, слышать или читать, какъ легко уступаетъ лишніе десятки рублей на выкупѣ человѣкъ, упорно стоявшій за какой нибудь малозначущій оттѣнокъ выраженія при формулированіи понятія усадьбы (если только можетъ быть названо что-нибудь маловажнымъ въ такомъ серьезномъ дѣлѣ). „Что касается выкупа, говорилъ одинъ изъ споривишихъ, то я полагаю, что въ нашихъ мѣстахъ выкупъ долженъ быть опредѣленъ въ 300 рублей“.—„По моему счету не слѣдовало бы полагать его больше, какъ въ 200 рублей“, говорилъ его противникъ; „но, пожалуй, я согла енъ принять и вашу цифру“. Третій собесѣдникъ, до той поры бывшій самымъ сгорячимъ адвокатомъ поселянъ, вовсе молчалъ, какъ будто бы не стоило и хлопотъ провѣрить цифры: быть можетъ, если бы онъ потрудился вывесть счетъ на основаніи защищаемыхъ имъ понятій, то оказалась бы возможность отстоять цицфру гораздо меньшую, нежели 200 рублей; но онъ молчалъ, потому что подобная работа требуетъ кропотливаго труда. Онъ не побоялся бы утомительныхъ вычисленій, если бы зналъ, какъ важенъ для платящаго каждый лишній рубль въ уплатѣ; но онъ не знаетъ, какъ значительно возрастаетъ обременительность уплаты отъ прибавки самой незначительной. Мы хотимъ обратить вниманіе людей, сочувствующихъ благу поселянъ, на громадную важность самаго небольшаго увеличенія въ суммѣ уплачиваемаго капитала при разсроченной уплатѣ.

Еще легче судятъ о величинѣ процентовъ, которые будутъ считаться за остающуюся къ уплатѣ сумму. Три, четыре, даже пять процентовъ—съ одной изъ этихъ цифръ защитникъ поселянъ обыкновенно слишкомъ легко переходитъ на другую высшую, лишь бы не замедлять спора изъ-за такихъ, по его мнѣнію, пустяковъ. Мы постараемся объяснить, какое громадное вліяніе на благосостояніе должника имѣетъ самое незначительное увеличеніе процента.

Если уплата производится немедленно, за одинъ разъ, тутъ не нужно никакихъ соображеній и разсчетовъ, чтобы видѣть, тяжела или легка для должника

уплата. Если я имѣю наличныхъ и свободныхъ денегъ тысячу рублей, каждый видитъ, что для меня легко уплатить 200 или 300 рублей; точно также каждый видитъ, что заставить меня уплатить 800 или 900 рублей, значитъ отнять у меня всякое средство къ тѣмъ предпріятіямъ, которыми я хотѣлъ заняться, имѣя 1000 рублей. Если бы выкупъ за права, пріобрѣтаемыя поселянами, поселяне могли уплатить одновременно, ихъ защитники не нуждались бы въ длинныхъ соображеніяхъ для опредѣленія той суммы, какую можно наложить на нихъ безъ существеннаго вреда ихъ благосостоянію.

Но всѣ предполагаютъ такую величину выкупа, которая не можетъ быть уплачена поселянами одновременно,—такъ что, по общему мнѣнію, выкупъ необходимо долженъ быть разсроченъ на нѣсколько лѣтъ. Такимъ образомъ разсчеты не оканчиваются въ одинъ разъ и поселяне остаются на нѣкоторое время должниками.

При разсроченной уплатѣ надобно обратить вниманіе на три обстоятельства: цифру всей суммы, которая подлежитъ уплатѣ, величину процента и величину ежегоднаго взноса для уплаты процентовъ съ погашеніемъ капитала. Каждый знаетъ, что чѣмъ болѣе капиталъ, тѣмъ дольше будетъ тянуться уплата при одинаковомъ процентѣ и ежегодномъ взносѣ; чѣмъ больше процентъ, тѣмъ продолжительнѣе уплата при одинаковой величинѣ капитала и взноса; наконецъ, чѣмъ больше ежегодный взносъ, тѣмъ скорѣе оканчивается уплата при одинаковой величинѣ капитала и процента. Въ общихъ выраженіяхъ это извѣстно каждому, но не многіе имѣютъ точное понятіе о томъ, въ какой пропорціи затягивается срокъ полной уплаты при извѣстномъ, повидимому, даже незначительномъ возвышеніи капитала и процента. Мы покажемъ эту пропорцію небольшими, но очень знаменательными таблицами.

Сначала разсмотримъ вліяніе возрастанія цифры капитала при одинаковомъ процентѣ и ежегодномъ взносѣ.

Предположимъ, что должникъ ежегодно взноситъ на уплату займа по 100 р.; предположимъ, что капиталъ, постепенно погашаемый этою уплатою, занятъ по 3% ; спрашивается, въ какой пропорціи будетъ возрастать или уменьшаться число лѣтъ, нужныхъ для погашенія капитала,—въ той ли самой пропорціи, какъ возрастаетъ или уменьшается капиталъ, или быстрѣе, или медленнѣе?

Капиталъ . . .	1000 р.	1500 р.	2000 р.	2500 р.	3000 р.	3300 р.
Сколько лѣтъ нужно производитъ уплату для погашенія его	12,06	—20,22—	30,99—	46,88—	77,89 —	115,77
Всего на эти уплаты будетъ употреблено	1206 р.	2022 р.	3099 р.	4689 р.	7789 р.	15,577 р.

Во второй строкѣ цѣлое число показываетъ, сколько лѣтъ должна производиться уплата по 100 рублей для погашенія капитала съ причитающимися на него процентами. Десятичная дробь показываетъ, какая часть уплаты должна быть употреблена по окончаніи этихъ лѣтъ для совершеннаго погашенія небольшой части капитала, остающейся невыплаченною послѣ прежнихъ цѣльныхъ уплатъ. Такимъ образомъ для погашенія капитала въ 1500 рублей надобно платить по 100 рублей въ теченіи 20 лѣтъ, а на двадцать первый годъ заплатить еще 22 рубля.

Третья строка показываетъ, какая сумма будетъ истрачена на погашеніе капитала въ сложности во все продолженіе выкупа. Такъ какъ величина уплаты принята у насъ въ 100 руб., то третья строка очень легко составляется изъ второй чрезъ помноженіе на 100.

Теперь, сравнивая вторую и третью строки съ первою, мы легко замѣтимъ, что цифры второй и третьей строкъ возрастаютъ или уменьшаются въ гораздо быстрѣйшей пропорціи, нежели цифры первой. Возьмемъ за основаніе сравненія капиталъ въ 2000 руб. Если мы уменьшимъ, его только на 500 руб., т. е. на одну четвертую часть, то число лѣтъ, нужныхъ для его уплаты, уменьшится съ 30,99 на 20,22, т. е. слишкомъ на третью часть (почти на 35 сотыхъ частей); точно такимъ же образомъ уменьшится и сумма денегъ, которая будетъ уплачена для его погашенія. Иначе сказать, во второй и въ третьей строкахъ облегченіе будетъ въ полтора раза больше, нежели уменьшеніе въ первой строкѣ. Если же капиталъ въ 2000 руб. мы увеличимъ на одну четвертую часть, именно до 2500 руб., то увидимъ, что число лѣтъ, нужныхъ для его уплаты, возрастетъ съ 30,99 до 46,89, т. е. слишкомъ на половину (именно, слишкомъ на 51 сотыхъ частей); точно такимъ же образомъ возрастетъ и сумма денегъ, которая пойдетъ на его погашеніе. Иначе сказать, во второй и третьей строкахъ обремененіе будетъ въ два раза больше, нежели увеличеніе въ первой строкѣ.

Сравнивая во второй и третьей строкахъ каждый послѣдующій членъ съ предыдущимъ, мы замѣчаемъ, что чѣмъ далѣе идутъ члены къ концу строки, тѣмъ съ большею несоразмѣрностью возрастаетъ это обремененіе; такъ, прибавивъ 500 руб. къ тысячѣ, мы увеличимъ капиталъ на половину; сумма уплатъ возрастетъ съ 1206 руб. на 2022 руб., т. е. возвысится болѣе чѣмъ на двѣ трети (именно, слишкомъ на 67 сотыхъ частей). Приложивъ къ 1500 руб. еще 500 руб., мы увеличимъ капиталъ только на третью часть; а между тѣмъ выплачиваемая сумма съ 2022 руб. возрастетъ до 3,099 руб., т. е. слишкомъ на половину (именно, почти на 53 сотыхъ). Приложимъ еще 500 руб.,—капиталъ увеличится на четвертую долю, а выплачиваемая сумма возрастетъ опять слишкомъ на половину (3099 руб. до 4689 руб.), именно, слишкомъ на 51 сотыхъ частей; къ 2500 руб. приложивъ еще 500 руб., мы увеличимъ капиталъ только на пятую часть, а выплачиваемая сумма возрастетъ съ 4689 руб. до 7789 руб., т. е. увеличится почти на двѣ трети (именно, слишкомъ на 62 сотыхъ частей). Наконецъ, если мы къ 3000 руб. приложимъ еще 300 руб., капиталъ увеличится только на десятую часть, а уплачиваемая сумма возрастетъ вдвое, именно съ 7789 руб. на 15,577 рублей.

Быстро возрастаетъ непропорціональное обремененіе должника съ каждымъ, самымъ незначительнымъ увеличеніемъ капитала, котораго требуетъ съ него заимодавецъ. Каждый новый рубль, прибавляемый къ капиталу, составляетъ для кредитора все менѣе и менѣе чувствительную прибавку, сравнительно съ прежнимъ рублемъ, а для плательщика все болѣе и болѣе тяжелое обремененіе.

То же самое очевидно раскрывается другимъ способомъ сравненія разныхъ членовъ.

При 1000 рубляхъ капитала, изъ 1206 рублей, выплаченныхъ должникомъ, 1000 рублей пошли на уплату капитала и только 206 рублей на проценты, т. е. на каждый рубль капитала должникъ заплатилъ $20^1/_2$ копѣекъ процентовъ. При

1500 рубляхъ капитала должникъ выплатилъ 2022 рубля,—изъ нихъ на проценты пошло 522 рубля, т. е. на каждый рубль капитала должникъ заплатилъ 35 копѣекъ процентовъ. При 2000 капитала должникъ заплатилъ 3099 р., изъ нихъ на проценты пошло 1099 рублей, т. е. на каждый рубль капитала должникъ заплатилъ по 55 коп. При 2500 капитала должникъ выплатилъ 4689 рублей, изъ нихъ, за вычетомъ капитала, остается 2180 рублей, которые идутъ на проценты, и оказывается, что на каждый рубль капитала должникъ заплатилъ уже $87^1/_2$ коп. процентовъ. При 3000 капитала должникъ заплатилъ 7789 рублей, изъ нихъ 4789 рублей пошло на проценты, т. е. на каждый рубль капитала должникъ заплатилъ 1 рубль $59^1/_2$ коп. процентовъ. Наконецъ, при 3300 рубляхъ капитала, должникъ заплатилъ 15,577 рублей, изъ нихъ, за вычетомъ капитала, на проценты пошло 12.277 рублей, т. е. на каждый рубль капитала должникъ заплатилъ 3 рубля 72 копѣйки процентовъ.

Для довершенія этой страшной прогрессіи можно сказать еще, что при 3333 рубляхъ $33^1/_3$ коп., вся сумма уплаты (100 рублей) будетъ идти на проценты, и ни одной копѣйки не останется на уплату капитала, такъ что, хотя бы должникъ платилъ кредитору десять тысячъ лѣтъ по 100 рублей, то все-таки, переплативъ ему въ эти десять тысячъ лѣтъ цѣлый милліонъ рублей, онъ остался бы долженъ ему все тѣ же 3333 рубля $33^1/_3$ коп. и ни одной трети копѣйки не причлось бы изъ этого милліона въ уплату первоначальныхъ 3333 р. $33^1/_3$ коп.

Мы разсмотрѣли, какъ обременительны для плательщика послѣдствія отъ ничтожныхъ для получателя приращеній въ капиталѣ; теперь посмотримъ на послѣдствія отъ возвышенія процентовъ.

Прежде мы принимали опредѣленную величину процента и ежегодной уплаты и брали различныя величины капитала; теперь примемъ опредѣленную величину капитала и ежегодной уплаты и будемъ брать различныя величины процента.

Пусть будетъ капиталъ 1000 р.; пусть будетъ уплата 50 рублей. Посмотримъ, во сколько лѣтъ будетъ уплаченъ капиталъ и сколько въ это время переплатитъ должникъ кредитору при разной величинѣ процента.

Величина процента	4%	4,1%	4.2%	4,3%	4,4%	4,5%	4,6%	4,7%	4,8%	4,9%
Число лѣтъ платежа	41,04	42,69	44,54	46.71	49.24	52,30	56,16	61,24	68,66	82,76
Всего должникъ платитъ	2052	2139	2227	2335	2462	2615	2808	3062	3433	4138

При 4% капиталъ въ 1000 руб. даетъ процентовъ 40 руб.; положимъ, что кредиторъ захотѣлъ бы получать только однимъ рублемъ больше,—должнику пришлось бы заплатить, вмѣсто 2052 руб., 2139 руб., т. е. одинъ лишній рубль для кредитора потянулъ бы съ должника лишнихъ 87 рублей. Прибавимъ еще только одинъ рубль кредитору и должникъ обременится еще на 88 рублей. Но если вмѣсто 42 руб. съ тысячи (4,2%) кредиторъ потребуетъ 43 руб. (4,3%), должникъ обременится еще лишними 108 рублями. Прибавимъ кредитору еще одинъ рубль,—и съ должника сойдетъ лишнихъ 127 руб.; еще одинъ рубль кредитору (4,5%), и должникъ поплатится за то 153 рублями; еще одинъ рубль кредитору,—и съ должника потребуется на этотъ рубль уже 193 руб. лишнихъ. Но если вмѣсто 4,6% кредиторъ захочетъ брать 4,7%, т. е. вмѣсто 46 руб. съ тысячи получать 47 руб., должникъ заплатитъ вмѣсто 2808 руб. уже 3062 р. т. е. 1 рубль прибыли кредитору влечетъ 254 рубля убытка должнику. Чѣмъ дальше, тѣмъ быстрѣе растетъ обремененіе для должника отъ каждаго новаго

рубля, требуемаго кредиторомъ: если вмѣсто 47 руб. съ тысячи кредиторъ захочетъ получать 48 руб. должникъ заплатитъ вмѣсто 3062 руб.—3433 руб., т. е. для одного рубля выгоды кредитору будетъ обремененъ уплатою лишнихъ 371 руб.; а если, наконецъ, прибавится еще 1 рубль кредитору, изъ кармана должника на этотъ 1 рубль уйдетъ лишнихъ 705 руб.

Возвышеніе процентовъ также сильно отражается несоразмѣрнымъ увеличеніемъ выплачиваемой суммы, какъ и увеличеніе капитала. Повидимому, совершенно ничтоженъ лишній рубль процентовъ на 1000 рублей капитала, повидимому совершенно незначительна эта разница на одну десятую часть процента. Дѣйствительно, для кредитора она совершенно незамѣтна: 40 руб. или 41 руб.— увеличеніе дохода тутъ совершенно ничтожно; но при каждомъ такомъ ничтожномъ увеличеніи доходовъ кредитора съ должника летятъ огромныя суммы: за каждый лишній рубль кредитору, онъ расплачивается сотнями рублей и, чѣмъ больше прибавляется этихъ ничтожныхъ рублей кредитору, тѣмъ страшнѣе растутъ новыя сотни рублей обремененія для должника.

Если такъ быстро возрастаетъ продолжительность лѣтъ нужныхъ для погашенія, и съ нею вмѣстѣ величина суммы, уплачиваемой должникомъ, какъ при увеличеніи капитала, такъ и при увеличеніи процента въ отдѣльности, то можно предвидѣть, что, когда оба эти фактора будутъ увеличиваться вмѣстѣ, обременительность уплаты для должника будетъ возрастать еще въ быстрѣйшей прогрессіи. Наглядным образомъ читатель увидитъ это изъ слѣдующей таблицы.

Предположимъ, что величина ежегоднаго взноса будетъ 125 рублей; предположимъ, что при этой неизмѣнной величинѣ уплаты капиталъ, начиная съ 1000 руб., будетъ увеличиваться постепенными прибавками 200 руб. до 2000 р.; предположимъ, что и проценты съ каждою новою прибавкою къ капиталу будутъ возрастать съ 3 до 6. Мы будемъ тогда имѣть слѣдующую таблицу:

Капиталъ.	Проценты	Число лѣтъ нужныхъ для погашенія.	Сумма выплачиваемая въ эти годы.	Изъ нея, за вычетомъ капитала, идетъ на уплату процент.
1000	3%	9,29	1151 р. 25 к.	151 р. 25 к.
1200	3½%	11,90	1487 „ 50 „	287 „ 50 „
1400	4%	18,05	2250 „ 62 „	850 „ 62 „
1600	4½%	28,95	3618 „ 75 „	2018 „ 75 „
1800	5%	41,64	5205 „ — „	3405 „ — „
2000	6%	74,18	9272 „ 50 „	7272 „ 50 „

Сравнивая между собою разныя строки этой таблицы и пятую колонну ея съ первою, мы видимъ, что сумма, идущая на проценты, возрастаетъ въ страшной несоразмѣрности съ величиною погашаемаго капитала, иначе сказать, выгоды, требуемыя кредиторомъ, несоразмѣрно-малы съ обремененіемъ должника отъ каждой незначительной прибавки въ требуемомъ капиталѣ, и наоборотъ: уступки, незначительныя для кредитора, имѣютъ слѣдствіемъ чрезвычайно большое облегченіе для должника. Основаніемъ сравненія мы возьмемъ четвертую строку таблицы, именно капиталъ въ 1600 рублей и требованіе 4½%. Если кредиторъ захочетъ увеличить свое требованіе на 200 рублей и поднять процентъ только на ½, изъ этого возникаетъ для должника обремененіе на 1586 руб., т. е. почти на половину прежней тяжести, и на проценты пойдетъ изъ уплачиваемыхъ имъ денегъ 1386 руб. лишнихъ сравнительно съ прежнимъ; если кредиторъ поднимет

свои требованія еще на 200 руб. и еще на 1%, изъ этого возникнетъ для должника новая тяжесть въ 4067 руб., и на уплату процентовъ пойдетъ 3867 руб. лишнихъ противъ прежняго. Наоборотъ, если кредиторъ уступитъ изъ 1600 руб. только 200 руб. и только ½%, онъ облегчитъ этимъ должника на 1368 руб.; если онъ уступитъ еще 200 руб. и еще 1%, онъ вновь облегчитъ этимъ должника на 767 рублей.

Особенно важны цифры пятой колонны; онѣ страшно растутъ съ каждымъ незначительнымъ увеличеніемъ требовательности кредитора. Если кредиторъ довольствуется требованіемъ 200 рублей и 3½%, должникъ уплатитъ только 287 руб. 50 коп. лишнихъ противъ требуемаго капитала, т. е. уплатитъ лишнихъ денегъ менѣе, нежели ¼ часть. Но когда кредиторъ возвыситъ свои требованія на 200 руб. и на ½%, должникъ заплатитъ уже втрое большую сумму лишнихъ денегъ и эта сумма (850 руб. 62 коп.) будетъ составлять уже почти ⅔ противъ требуемаго капитала. Пусть повысится требованіе еще на 200 р. и ½% (1600 руб. и 4½%),—съ должника сойдетъ лишнихъ денегъ еще почти въ два съ половиною раза больше и на каждый рубль требуемаго капитала должнику придется заплатить не менѣе, какъ 1 руб. 26 коп. процентовъ. Пусть требованіе возрастетъ еще на одну такую же степень, и обремененіе должника увеличится еще гораздо въ большей пропорціи: на каждый рубль капитала должникъ заплатитъ почти 1 руб. 90 коп. процентовъ. Наконецъ, если кредиторъ потребуетъ 2000 руб. и 6%, должникъ принужденъ будетъ отдать сверхъ капитала 7272 рубля 50 коп., т. е. на каждый рубль капитала заплатить 3 руб. 63 коп. процентовъ.

Итакъ, мы видимъ возможность двухъ отношеній кредитора къ должнику, отношеній, послѣдствія которыхъ съ необыкновенною силою отражаются на благосостояніи должника:—при требовательности кредитора должникъ изнемогаетъ подъ тяжестью лишнихъ уплатъ, далеко превышающихъ величину требуемаго съ должника капитала; при уступчивости кредитора эти лишнія тяжести громадными цифрами сбрасываются съ должника и выплачиваемая сумма приближается именно къ той цифрѣ капитала, какую долженъ получить кредиторъ по дѣйствительной цѣнности проданной вещи.

Отъ этихъ общихъ соображеній переходя къ вопросу о выкупѣ имуществъ, предоставляемыхъ крестьянамъ, мы встрѣчаемся съ двумя особенными обстоятельствами, которыя, по нашему мнѣнію должны были бы рѣшительнымъ образомъ направить сословіе, получающее выкупъ, къ наибольшей возможной умѣренности въ требованіяхъ.

Ростовщикъ или рентьеръ располагаетъ жить процентами, получаемыми отъ должника, самъ отказываясь отъ фактическаго участія въ промышленныхъ предпріятіяхъ; потому интересъ его состоитъ вовсе не въ скорѣйшемъ полученіи капитала, проценты съ котораго уплачиваются должникомъ, а только въ возможномъ увеличеніи получаемыхъ процентовъ. Средствами для этого служатъ оба тѣ источника, вліяніе которыхъ разсмотрѣли мы выше. Ростовщикъ, по возможности, старается увеличить цифру долга, ни мало не стѣсняясь соображеніемъ, что чрезъ это затрудняется уплата капитала.

Когда моему векселю кончился срокъ и я затрудняюсь уплатою, ростовщикъ съ удовольствіемъ возобновляетъ вексель, приписывая къ каждой тысячѣ рублей

новыя сотни и тысячи. Если я не могъ уплатить въ срокъ двухъ тысячъ рублей, еще меньше вѣроятности, чтобы черезъ годъ, черезъ два уплатилъ три тысячи: но какое дѣло ростовщику? Вмѣсто 200 рублей онъ сталъ получать по 300 руб. процентовъ, этимъ его цѣль совершенно достигнута.

Совершенно иначе поступаетъ купецъ или фабрикантъ, который самъ непосредственно употребляетъ въ дѣло капиталъ. Онъ соглашается на всякія уступки и въ процентахъ, и даже въ суммѣ капитала, лишь бы скорѣе получить его въ свои руки. Если ему предлагаютъ два условія: или получать по 5% съ суммы въ 10,000 руб., но ждать уплаты этого капитала десять лѣтъ, или вмѣсто того получить только 6,000 руб., но за то черезъ два года, а въ эти два года брать съ этихъ 6,000 только по 3%,—если предложатъ разсчетливому промышленнику выборъ между двумя такими условіями, онъ безъ всякаго сомнѣнія предпочтетъ брать только по 3% и получить только 6,000 руб., лишь бы срокъ уплаты сократился отъ такой уступки.

По тому употребленію, какое помѣщики должны сдѣлать изъ вознагражденія, они подходятъ подъ разрядъ людей, занимающихся промышленностью, а вовсе не подъ разрядъ ростовщиковъ. Ихъ выгода не въ томъ, чтобы празднымъ образомъ издерживать проценты, уплачиваемые за выкупъ, а въ томъ, чтобы какъ можно скорѣе получить самый капиталъ выкупа и употребить его отчасти на покупку новыхъ недвижимыхъ имѣній, а преимущественно на улучшеніе хозяйства въ своихъ прежнихъ земляхъ. По очевидной необходимости, всѣ дѣльные проэкты измѣненій въ сельскихъ отношеніяхъ, при изложеніи способовъ вознагражденія, принимаютъ не постепенную выдачу каждому помѣщику должное ему вознагражденіе малыми ежегодными частями, а одновременную уплату всего должнаго ему капитала вдругъ, съ платежемъ процентовъ за годы ожиданія этой полной уплаты. Лучшимъ для выгоды самихъ помѣщиковъ и, сколько намъ кажется, единственнымъ практичнымъ путемъ къ тому представляется тиражъ облигацій по извѣстной очереди, въ родѣ того, какъ выплачиваются облигаціи срочныхъ государственныхъ долговъ. Въ краткихъ словахъ планъ этотъ излагается слѣдующимъ образомъ.

Предположимъ, что должно постепенно выплатить капиталъ въ пятьсотъ милліоновъ рублей серебромъ, приносящій кредиторамъ 3%. Предположимъ, что изъ нѣсколькихъ десятковъ тысячъ кредиторовъ, которымъ слѣдуетъ эта уплата, каждый имѣетъ одну облигацію на всю сумму, какая слѣдуетъ ему къ уплатѣ; величина этихъ облигацій чрезвычайно различна: нѣкоторымъ кредиторамъ слѣдуетъ получить всего какихъ-нибудь 500 руб., за то другимъ слѣдуетъ получить по сту тысячъ, по пятисотъ тысячъ рублей и даже болѣе. Предположимъ, что съ должниковъ ежегодно получается сумма въ 30,000,000 рублей. Выкупъ облигацій производится по слѣдующему разсчету. Въ первый годъ изъ 30,000,000, уплаченныхъ должниками, 15,000,000 идутъ на уплату процентовъ всѣмъ вообще кредиторамъ. Затѣмъ остается на погашеніе капитала еще 15,000,000 рублей. По жребію вынимается облигацій на эти 15,000,000 и владѣльцы вынутыхъ облигацій немедленно получаютъ весь капиталъ, который имѣли въ долгу. Ко второму году остается неуплаченнаго долга 485,000,000. Изъ новыхъ 30,000,000 ежегоднаго взноса должниковъ обращается на уплату процентовъ по этому долгу 14,550,000 руб., остальные 15,450,000 идутъ на выкупъ обли-

гацій. Затѣмъ къ третьему году остается 469,550,000. На нихъ уплачивается процентовъ 14,086,000, а на выкупъ облигацій остается уже 15,913,500 руб. Такимъ образомъ съ каждымъ годомъ все большая и большая часть ежегоднаго взноса остается свободною за уплатою процентовъ и обращается на выкупъ облигацій. При цифрахъ, нами взятыхъ, весь выкупъ оканчивается почти въ 23 года. Къ 24 году остается невыкупленныхъ облигацій съ небольшимъ всего только 10,000,000, и должники въ этотъ годъ взнесутъ уже не 30,000,000, какъ прежде, а всего только около 11,000,000 на выкупъ этихъ облигацій съ уплатою на нихъ процентовъ.

Ясное дѣло, что при такомъ порядкѣ уплаты кредиторы не менѣе должниковъ заинтересованы въ возможномъ сокращеніи выкупнаго періода.

Къ этому обстоятельству присоединяется новое, принимаемое всѣми лучшими планами выкупной операціи. Мы замѣтили, что облигаціи чрезвычайно различны по величинѣ. Мелкопомѣстные владѣльцы должны получить тысячи или даже только сотни рублей выкупа; эти лица, не имѣющія ни большого кредита, ни наличныхъ капиталовъ, всего болѣе нуждаются въ быстрѣйшемъ полученіи должнаго имъ капитала. Потому вообще принимается, что облигаціи будутъ подлежать жеребьевому вынманію не всѣ одновременно, а съ распредѣленіемъ на серіи, такъ что сначала будутъ вынматься облигаціи мелкопомѣстныхъ владѣльцевъ, потомъ владѣльцевъ помѣстій средней величины и наконецъ облигаціи большихъ землевладѣльцевъ. Мы не будемъ здѣсь доказывать справедливости такого порядка,—она ясна для безпристрастныхъ людей. Но при этой очереди серій, именно, самые вліятельные въ обществѣ люди, самые сильные по своему богатству и положенію въ государствѣ имѣютъ наибольшій интересъ въ возможномъ сокращеніи срока выкупной операціи, потому что выкупъ именно ихъ облигацій отлагается до послѣднихъ годовъ выкупной операціи.

Сильнѣйшимъ средствомъ къ достиженію такого результата представляется возможно-большая умѣренность въ требованіяхъ кредиторовъ какъ относительно величины капитала, такъ и относительно процентовъ, слѣдующихъ на него до выкупа облигаціи.

Чтобы осязательнѣе показать всю важность этой умѣренности для выгоды самихъ владѣльцевъ, и особенно значительнѣйшихъ владѣльцевъ, мы представимъ приблизительные разсчеты продолжительности выкупной операціи для разныхъ классовъ землевладѣльцевъ при различной величинѣ выкупнаго капитала и требуемыхъ на него процентовъ. При этихъ разсчетахъ мы будемъ принимать одинъ источникъ дохода для выкупной операціи, именно, взиманіе уплаты исключительно отъ освобождаемыхъ поселянъ. Намъ кажется, что высшій размѣръ платежа на продолжительное число лѣтъ не можетъ быть полагаемъ болѣе какъ на 4 руб. сер. съ души, т. е. отъ 10 до 12 руб. съ средняго тягла. Принять высшій размѣръ было бы обременительно для поселянъ, обязанныхъ сверхъ того уплачивать государственныя подати; результатомъ опредѣленія слишкомъ высокой уплаты были бы только недоимки. Чтобы избѣжать слишкомъ громадныхъ цифръ, мы произведемъ разсчетъ на сто тысячъ душъ, съ приблизительнымъ соблюденіемъ той самой пропорціи между разными категоріями болѣе или менѣе значительныхъ владѣльцевъ, какая оказалась по 9-ой ревизіи. Но для округленія счета и для приближенія его къ пропорціямъ, существующимъ въ дѣйствительности, мы нѣсколько умень-

шаемъ процентное количество душъ, принадлежащихъ мелкопомѣстнымъ владѣльцамъ, и нѣсколько увеличиваемъ его въ высшей категоріи владѣльцевъ. Необходимость такой перемѣны ясна сама собою. Изъ владѣльцевъ, имѣющихъ по 70 или 80 душъ въ извѣстной губерніи, найдутся многіе, владѣющіе помѣстьями сверхъ того въ другихъ губерніяхъ, и по общей цифрѣ принадлежащихъ имъ душъ въ разныхъ губерніяхъ переходящіе изъ категоріи, къ которой отнесены по одной губерніи, въ высшую категорію.

Сообразно этому основанію мы принимаемъ слѣдующую пропорцію: изъ ста тысячъ душъ принадлежитъ:

13,000 душъ владѣльцамъ, имѣющимъ каждый отъ 1 до 20 душъ (категорія А).

15,000 душъ—помѣщикамъ, имѣщимъ каждый отъ 21 до 100 душъ (категорія Б).

35,000 душъ—помѣщикамъ, имѣющимъ каждый отъ 101 до 500 душъ (категорія В).

15,000 душъ—владѣльцамъ, имѣщимъ каждый отъ 501 до 1000 душъ (категорія Г).

32,000 душъ—владѣльцамъ, имѣющимъ каждый болѣе 1,000 душъ (категорія Д*).

Предположимъ различныя величины выкупа за усадьбу и разныя величины процентовъ, возрастающихъ пропорціонально увеличенію выкупа.

I выкупъ. 20 р. сер. съ души (50—60 р. съ тягла) и $2^1/_2\%$ **).

II выкупъ. 40 р. сер. съ души (100—120 р. съ тягла) и 3%.

III выкупъ. 60 р. сер. съ души (150—180 р. съ тягла) и 4%.

IV выкупъ. 75 р. сер. съ души (187 руб. 50 коп. — 225 руб. съ тягла) и 5%.

Продолжительность выкупной операціи и время ожиданія уплаты по облигаціямъ для разныхъ категорій владѣльцевъ при каждой изъ этихъ разныхъ величинъ будетъ слѣдующее:

I.

При выкупѣ въ 20 руб. сер. и $2^1/_2\%$, вся выкупная операція будетъ кончена въ 5 лѣтъ и 5 мѣсяцевъ. Всѣ владѣльцы, имѣющіе отъ 100—500 душъ, получатъ выкупъ въ теченіе втораго и третьяго годовъ отъ начала операціи. Въ третій годъ будетъ выкуплено также нѣсколько облигацій помѣщиковъ, имѣющихъ отъ 500—1000 душъ; всѣ остальные владѣльцы этой категоріи получатъ выкупъ въ четвертый годъ. Также въ четвертый годъ получатъ выкупъ многіе изъ самыхъ большихъ владѣльцевъ, имѣющихъ болѣе 1000 душъ; остальные владѣльцы этой послѣдней категоріи получатъ выкупъ въ пятый годъ и въ началѣ шестаго года.

*) Точная пропорція такова: А. 3,420 душъ, Б. 15,270 душъ, В. 35,990 душъ, Г. 14,890 душъ и Д. 30,280 душъ.

**) Ниже мы постараемся доказать возможность такого, или даже еще меньшаго процента при кратковременномъ продолженіи выкупной операціи.

II.

При величинѣ выкупа 40 руб. сер. и съ души и при 3%, выкупная операція будетъ продолжаться слишкомъ 12 лѣтъ. Немедленно получатъ выкупъ мелкопомѣстные владѣльцы (1—20 душъ), а изъ владѣльцевъ второй категоріи только четвертая часть; остальнымъ владѣльцамъ, имѣющимъ 20—100 душъ, придется ждать выкупа два и три года. Соразмѣрно тому увеличится срокъ ожиданія для слѣдующихъ категорій и самые счастливые изъ владѣльцевъ, имѣющихъ болѣе 1000 душъ, должны будутъ ждать выкупа цѣлыхъ 8 лѣтъ, а менѣе счастливые будутъ ждать 11 и даже 12 лѣтъ.

III.

При выкупѣ въ 60 руб. сер. и 4%, продолжительность выкупной операціи увеличится до 23 лѣтъ слишкомъ. Даже мелкопомѣстные владѣльцы не всѣ получатъ выкупъ немедленно: нѣкоторымъ изъ нихъ придется ждать втораго года. Что же касается до владѣльцевъ слѣдующей категоріи (20—100 душъ), выкупъ ихъ облигацій, начавшись со втораго года, протянется еще на 5 лѣтъ слишкомъ, такъ что послѣдніе изъ нихъ получатъ выкупъ не ранѣе седьмаго года. Что же касается до самыхъ значительныхъ владѣльцевъ, имѣющихъ болѣе 1,000 душъ, самымъ счастливымъ изъ нихъ придется ждать выкупа не менѣе восемнадцати лѣтъ, а другіе будутъ ждать лѣтъ двадцать и болѣе; самые послѣдніе получатъ выкупъ не ранѣе, какъ въ началѣ двадцать четвертаго года.

Тутъ уже чувствуется недостаточность источника, который совершенно удовлетворителенъ при первой величинѣ цифръ и все еще достаточенъ при второй величинѣ. Чувствуется уже нѣкоторая потребность искать въ помощь этому источнику какихъ-нибудь другихъ. Но совершенно неизбѣжна становилась бы эта необходимость при послѣднихъ изъ взятыхъ нами величинъ, какъ покажетъ слѣдующій разсчетъ.

IV.

При выкупѣ въ 75 руб. сер. и при 5%, продолжительность выкупной операціи растягивается почти на 57 лѣтъ, т. е. на цѣлыхъ два поколѣнія: даже изъ мелкопомѣстныхъ владѣльцевъ только одна девятая часть получитъ выкупъ немедленно, другимъ придется ждать его по нѣскольку лѣтъ, многимъ по 7 и по 8 лѣтъ, нѣкоторымъ даже по 9 лѣтъ. Раньше девятаго года не достанется получить выкупа ни одному изъ владѣльцевъ второй категоріи (20—100 душъ). Вообще выкупъ облигацій этой категоріи будетъ тянуться цѣлые десятки лѣтъ. Конечно еще дольше придется ждать лицамъ, имѣющимъ болѣе 100 душъ: чтобы дать понятіе о медленности, съ которой будутъ удовлетворяться ихъ права, скажемъ, что самые счастливые изъ владѣльцевъ, имѣющихъ болѣе 1000 душъ, не получатъ выкупа ранѣе 51 года отъ начала выкупной операціи, а другимъ придется ждать и 55 и 56, и 57 лѣтъ.

Тутъ, очевидно, уже совершенно недостаточенъ источникъ выкупа, принятый нами. Ждать платежа 40, 50, 55 лѣтъ невозможно. Какіе же могутъ быть источники для усиленія суммы, платимой самими выкупающимися? Очевидно, что госу-

дарство было-бы принуждено приступить къ учрежденію какого-нибудь новаго налога. Но промышленность и торговля ужъ несутъ налоги, величина которыхъ не можетъ быть возвышена безъ обремененія этихъ отраслей дѣятельности. Акцизы на предметы потребленія, каковы вино, соль, табакъ, также уже установлены. Наконецъ, простолюдины несутъ очень значительную подушную подать. Такимъ образомъ, предметомъ новаго налога могли-бы сдѣлаться только земли, до сихъ поръ бывшія свободными отъ налога, или плативши налогъ непропорціонально малый. Это простое соображеніе показываетъ, что если-бы требовательность кредиторовъ заставила перенести часть тяжести выкупа, непропорціональнаго силамъ выкупающихся, на другіе органы государственнаго тѣла, то ближайшимъ образомъ весь этотъ избытокъ тяжести легъ бы на имущества, которыя останутся во владѣніи самихъ же кредиторовъ.

Здравый разсчетъ указываетъ, что умѣренность требованій должна считаться единственнымъ средствомъ для самихъ кредиторовъ не подвергнуться усиленнымъ платежамъ съ своихъ имуществъ для удовлетворенія своихъ требованій. Чрезмѣрно возвышая свои требованія, они сами себя принуждали бы платить лѣвою рукою тотъ излишекъ, который захотѣли получать правою рукою.

Но если неумѣренность требованій кредиторовъ становилась бы въ убытокъ имъ самимъ, то съ другой стороны умѣренность въ претензіяхъ кредитора доставляетъ должнику возможность расплачиваться еще быстрѣе, нежели мы принимали выше. Извѣстно, что организмъ человѣка въ теченіе короткаго времени можетъ выносить такія усилія или лишенія, которыя разстроили бы его, если-бы растянулись на долгое время. Тоже самое и съ хозяйственнымъ организмомъ какого-нибудь сословія. Если мы приняли, что на продолжительный срокъ нельзя обложить выкупающихся платежемъ свыше 4 руб. въ годъ, то, безъ сомнѣнія, должники нашли бы возможность произвести уплату нѣсколько большую, если-бы повторять ее потребовалось отъ нихъ небольшое число разъ, напримѣръ, всего только два или три раза. Съ другой стороны, чѣмъ меньше срокъ, остающійся до уплаты кредитнаго знака, тѣмъ менѣе становится величина процента, нужная для поддержанія номинальной цѣнности этого знака. Если при продолжительности выкупной операціи выкупныя облигаціи нуждались бы въ сравненіи по приносимому ими проценту съ билетами государственныхъ кредитныхъ учрежденій (3%), то при близости выкупнаго срока, онѣ не могли бы понизиться въ цѣнѣ и съ меньшимъ процентомъ: кому была бы охота продать по 95 коп. за рубль такую облигацію, которая подлежитъ черезъ два, три мѣсяца тиражу, дающему очень значительную вѣроятность выкупной очереди съ выдачею за нее полной цѣны, и которая при самыхъ неблагопріятныхъ для нея шансахъ тиража будетъ ждать своей очереди очень недолгое время? Сверхъ того, при умѣренности капитала, представляемаго суммою облигацій, онѣ меньше будутъ переполнять рынокъ и слѣдовательно уменьшится ихъ наклонность къ пониженію. Прибавимъ еще одно обстоятельство, которому принадлежало бы рѣшительное вліяніе на величину процента по облигаціямъ короткихъ сроковъ. Вклады суммъ, принадлежащихъ казеннымъ учрежденіямъ, даютъ по новому правилу кредитныхъ учрежденій только $1\frac{1}{2}\%$. При непродолжительномъ срокѣ выкупа, для такихъ суммъ былъ бы выгоднымъ оборотомъ размѣнъ банковыхъ билетовъ на эти облигаціи, когда бы онѣ приносили даже только 2% или $1\frac{3}{4}\%$. Такой размѣнъ, безъ всякаго сомнѣнія, поддержалъ бы ихъ обращеніе по номиналь-

ной цѣнности. Кромѣ всѣхъ этихъ соображеній, существуетъ много другихъ основаній для достаточности тѣмъ меньшаго процента, чѣмъ кротковременнѣе срокъ всего продолженія выкупной операціи. А если конецъ операціи близокъ, то кредитныя учрежденія могутъ довольно сильно содѣйствовать еще большему его сокращенію ссудами на незначительный срокъ, которыя легки и тогда, когда невозможна ссуда на долгій срокъ.

Такимъ образомъ есть легкая возможность сократить въ значительной степени и тотъ недолгій срокъ уплаты по облигаціямъ при умѣренныхъ требованіяхъ, какой представлялся намъ выше. Мы попробуемъ приблизительно показать это на выкупѣ въ 20 руб. сер. Безъ всякихъ пособій, представляемыхъ финансовыми соображеніями, истекающими изъ его кратковременности, мы нашли его продолжающимся 5 лѣтъ и 5 мѣсяцевъ. Но естественная непродолжительность его открываетъ путь къ сокращенію его до 3 лѣтъ, или даже нѣсколько менѣе. Примемъ цифру 3 лѣтъ и посмотримъ, какъ велики должны быть усилія самихъ поселянъ и кредитныхъ учрежденій для сокращенія ожиданій кредиторовъ этимъ срокомъ.

Во-первыхъ, при умѣренности выкупа, довольно многіе поселяне найдутъ средства взнести его за одинъ разъ. Положимъ, что при цифрѣ 20 руб., одна десятая часть крестьянскихъ семей найдутъ эту возможность. Для остальныхъ будетъ легче въ теченіе двухъ лѣтъ платить по 6 руб., нежели по 4 руб. въ теченіе пяти лѣтъ. Платить по 6 руб. нѣсколько лѣтъ съ ряду было бы, сказали мы, невозможно, но возможно сдѣлать два раза чрезвычайное усиліе, если немедленно затѣмъ начинается льгота.

При срокѣ выкупной операціи въ 5 лѣтъ слишкомъ, полагалось на выкупной капиталъ $2^1/_2\%$. Но если тиражъ будетъ продолжаться только три года, то не будетъ надобности раздѣлять облигаціи на категоріи по значительности помѣстьевъ, подлежащихъ выкупу; тогда и самый послѣдній тиражъ отлагается на срокъ столь недалекій, что даже малые владѣльцы (21—100 душъ) могутъ ждать его. Только мелкопомѣстные владѣльцы (1—20) сохранятъ свою привилегію получить выкупъ именно въ первый годъ. Если же тиражъ будетъ происходить не по годичнымъ, а по менѣе продолжительнымъ промежуткамъ, напримѣръ черезъ два мѣсяца или еще лучше ежемѣсячно, тогда едва успѣетъ дойти до провинцій извѣстіе о нумерахъ, вынутыхъ въ первый тиражъ, какъ уже будетъ надобно ожидать новаго тиража, съ сильною вѣроятностью удовлетворенія тѣхъ, которые не попали въ первый тиражъ, и такимъ образомъ облигаціи будутъ совершенно достаточно поддерживаться въ цѣнѣ уже самыми шансами тиража, не нуждаясь въ пособіи процентовъ. Итакъ, мы полагаемъ возможнымъ оставить ихъ безъ процентовъ. Тогда будемъ имѣть слѣдующій ходъ выкупной операціи:

Первый годъ. 10,000 крестьянъ внесли полный выкупъ, по 20 руб.—итого 200,000 р.; остальные 90,000 внесли по 6 р., итого 540,000 руб.; всего въ первый годъ выкупается облигацій на	740,000 р.
Второй годъ. 90,000 душъ вносятъ по 6 р., всего выкупается облигацій	540,000 р.
Итого въ первые два года выкуплено облигацій на . .	1,280,000 р.

На третій годъ крестьяне вносятъ только по 3 руб. сер., итого 270,000; недостающія для полнаго выкупа 450,000 ссужаются кредитными учрежденіями, которыя могутъ сдѣлать эту ссуду, потому что, при уплатѣ съ души по 2 р. 25 к., она погашается въ два года. Такимъ образомъ, нужно содѣйствіе кредитныхъ учрежденій менѣе чѣмъ на одну четвертую часть выкупной суммы, чтобы срокъ выкупа сокращался почти на половину.

Выгода для владѣльцевъ очевидна: отказываясь отъ ничтожнаго для нихъ полученія процентовъ, излишнихъ для поддержки цѣны облигацій при столь быстромъ ходѣ выкупа и столь частомъ тиражѣ, они выигрываютъ то, что получаютъ по своимъ облигаціямъ удовлетвореніе вдвое быстрѣе. Каждый разсчетливый хозяинъ съ радостью пожертвуетъ 50 к. въ годъ ($2^1/_2\%$ на 20 р.), чтобы вдвое скорѣе получить слѣдующіе ему 20 руб. съ души.

Выгода крестьянъ будетъ также довольно значительна. Они платятъ:

	При тиражѣ въ 5 лѣтъ и 5 мѣсяцевъ.	При тиражѣ въ 3 года
1 годъ . .	4 р.	6 р.
2 — . .	4 —	6 —
3 — . .	4 —	3 —
4 — . .	4 —	2 — 50 к.
5 — . .	4 —	2 — 50 к.
6 — . .	1 — 16 к.	„ — „ к.
Итого . .	21 р. 16 к.	Итого 20 р.

Но вообще сокращеніе тиража, о которомъ мы теперь говоримъ, предполагается нами гораздо болѣе въ выгодахъ кредиторовъ, нежели въ выгодахъ должниковъ, потому что $2^1/_2\%$ при разсрочкѣ платежа на 5 лѣтъ и 9 мѣсяцевъ уже не сотавляютъ слишкомъ большаго обремененія (именно, всего только около 6 копѣекъ на рубль, за все продолженіе платежей).

Пожертвованіе кредитныхъ учрежденій для доставленія помѣщикамъ столь значительной выгоды, какъ сокращеніе срока тиража почти на цѣлую половину, будетъ совершенно ничтожна, если ссуда будетъ сдѣлана этими учрежденіями даже безъ процентовъ, какъ мы предположили; именно въ первый годъ они пожертвуютъ 13,500 р. (считая по 3%) и во второй (такъ какъ половина ссуды уже возвратится въ этотъ годъ)—6,750 р. всего 20,250 руб., то есть $4^1/_2$ копѣйки на рубль ссуды. Но и эту потерю мы предположимъ собственно только для упрощенія разсчета: срокъ ссуды такъ незначителенъ, что платить по ней проценты будетъ необременительно для крестьянъ. Именно, полагая на ссуду 3%, прійдется собрать въ 4-й годъ вмѣсто 2 р. 50 к. по 2 р. 65 к., а на 5-ый годъ вмѣсто 2 руб. 50 к. по 2 р. $57^1/_2$ коп. съ души. Такимъ образомъ, если-бы при подобномъ срокѣ уплаты кредитныя учрежденія затруднились принять на себя ту небольшую потерю, которую мы предположили, то легко можно было бы избавить ихъ отъ всякой потери, положивъ на ссуду по 3%,—этимъ не обременились бы чувствительно крестьяне, при кратковременности ссуды.

Мы начали свои соображенія о необходимости умѣренной цифры выкупа исключительно въ выгодахъ должника. Но нечувствительно пришли мы къ выводу, что также осязательна эта выгода и для разсчетливаго кредитора. Мы не говоримъ о пожертвованіяхъ со стороны кредиторовъ, — опытъ отучилъ насъ отъ подобныхъ мечтаній. Но ариѳметика показываетъ намъ, что алчность вовсе не есть разсчетливость, что, напротивъ, истинно разсчетливъ только тотъ, кто по возможности умѣренъ въ своихъ требованіяхъ, и мы желали бы теперь хотя только того, чтобы кредиторы какъ можно точнѣе разсчитывали, какіе шансы ихъ ожидаютъ при умѣренности и какіе при неумѣренности требованій.

Критика философскихъ предубѣжденій

ПРОТИВЪ ОБЩИННАГО ВЛАДѢНІЯ.

Wie weh', wie weh', wie wehe,
Göthe. «Faust».

Предисловіе.—Первобытность общиннаго поземельнаго владѣнія свидѣтельствуетъ ли противъ предпочтенія его личной поземельной собственности?—Необходимо ли у каждаго народа каждому учрежденію проходить всѣ логическіе моменты развитія?

Долго молчалъ я въ спорѣ, который былъ поднятъ мною. Равнодушіе, съ которымъ были встрѣчены остальными журналами первыя статьи мои и г. Вернадскаго, служившія на нихъ отвѣтомъ,—это равнодушіе мало по малу смѣнилось чрезвычайно живымъ участіемъ. Вотъ ужъ много времени, какъ не проходитъ ни одного мѣсяца безъ того, чтобъ не явилось въ разныхъ журналахъ по нѣскольку статей объ общинномъ владѣніи. Всѣ говорили объ этомъ вопросѣ,—я молчалъ. Большая часть говорившихъ о немъ нападали на мое мнѣніе и на мою личность очень сильнымъ образомъ,—я молчалъ, хотя въ другихъ случаяхъ не отличался способностью оставлять безъ отвѣта нападенія на то, что считаю справедливымъ и полезнымъ, и хотя даже друзья мои всегда замѣчали во мнѣ чрезвычайную, по ихъ мнѣнію даже излишнюю, любовь къ разъясненію спорныхъ вопросовъ горячею полемикою. Я молчалъ, несмотря ни на интересъ, пріобрѣтенный для публики вопросомъ, который такъ дорогъ для меня лично, несмотря на безчисленные вызовы противниковъ, несмотря на частыя побужденія отъ друзей, упрекавшихъ меня и въ лѣности, и въ позорной апатіи къ общему дѣлу, и въ трусости. И теперь, когда берусь я за перо, чтобы снова защищать общинное владѣніе, я выдерживаю сильную борьбу съ самимъ собою и не знаю самъ, не лучше ли было бы продолжать мнѣ упорное молчаніе.

Дѣло въ томъ, что я стыжусь самого себя. Мнѣ совѣстно вспоминать о безвременной самоувѣренности, съ которою поднялъ я вопросъ объ общинномъ владѣніи. Этимъ дѣломъ я сталъ безразсуденъ,—скажу прямо, сталъ глупъ въ своихъ собственныхъ глазахъ.

Возобновляя мою рѣчь объ общинномъ владѣніи, я долженъ начать признаніемъ совершенной справедливости тѣхъ словъ моего перваго противника, г. Вернадскаго, которыми онъ объявлялъ съ самомъ возникновеніи спора, что напрасно взялся я за этотъ предметъ, что не доставилъ я тѣмъ чести своему здравому смыслу. Я раскаяваюсь въ своемъ прошломъ неблагоразуміи, и если бы цѣною униженной

просьбы объ извиненіи могло покупаться забвеніе совершившихся фактовъ, я не колеблясь сталъ бы просить прощеніе у противниковъ, лишь бы этимъ моимъ униженіемъ былъ прекращенъ споръ, начатый мною столь неудачно.

„Какъ! неужели человѣкъ, такъ громко провозглашавшій непобѣдимость доводовъ въ пользу общиннаго владѣнія, поколебался въ своемъ убѣжденіи возраженіями противниковъ, безсиліе которыхъ такъ высокомѣрно осмѣивалъ въ началѣ битвы?“ подумаетъ читатель: — „неужели онъ чувствуетъ себя побѣжденнымъ тѣми фактами и силлогизмами, которые противупоставлены ему?“ О, если бы мой стыдъ передъ самимъ собою происходилъ изъ этого источника! Быть побѣжденному учеными доводами, конечно, непріятно было бы для самолюбія, особенно когда при этомъ наносятся еще оскорбленія личности побѣждаемаго; но въ такомъ случаѣ скорбь состояла бы въ чувствѣ мелочномъ, пошлость котораго отняла бы силу открыто признаваться передъ публикою въ своемъ стыдѣ. Мой стыдъ другого рода, и какъ ни тяжелъ онъ, онъ не боится огласки.

Но возраженіями противниковъ позорится моя безразсудная надежда на побѣду. Пусть противники многочисленны; пусть возраженія громадны по объему и количеству; пусть даже нѣкоторые изъ противниковъ принадлежатъ къ тѣмъ людямъ, одобреніемъ которыхъ я дорожилъ въ другихъ случаяхъ, порицаніе которыхъ было бы горько для меня въ другихъ дѣлахъ; не ими смущенъ я. Съ самаго начала я говорилъ, что по вопросу объ общинномъ владѣніи противъ меня будетъ огромное большинство русскихъ ученыхъ и мыслителей и тѣ литературныя партіи, которыя уважаются мною выше всѣхъ остальныхъ послѣ той, къ которой принадлежу я самъ. Фактъ, непредвидѣнный и предсказанный мною самимъ, не могъ смутить меня. Напротивъ, я удивлялся, не встрѣтивъ враждебности къ защищаемому мною дѣлу въ нѣкоторыхъ изъ нашихъ публицистовъ, имѣющихъ наиболѣе авторитета во мнѣніи публики и моемъ собственномъ. Отрадной для меня неожиданностью было, что эти люди или не напали на защищаемое мною мнѣніе, или даже выражали свое сочувствіе къ нему *). Не многочисленностію противниковъ былъ удивленъ я, а тѣмъ, что ихъ не оказалось еще гораздо больше; удивленъ, что въ ихъ рядахъ нѣтъ ни одного изъ тѣхъ ученыхъ, противорѣчіе которыхъ было бы для меня дѣйствительно тяжело. Если не произвела на меня впечатлѣнія огромность числа писателей, возставшихъ противъ общиннаго владѣнія, то еще меньше могли поколебать мое убѣжденіе доводы, ими выставленные. Въ началѣ спора я указывалъ обыкновенные источники возраженій противъ общиннаго владѣнія и книги, руководящія мыслями людей, отъ которыхъ ожидалъ я противорѣчія. Мои предположенія, что противъ меня будутъ повторять чужія слова, давно извѣстныя не мнѣ одному, и давно опровергнутыя не мною, а европейскими писателями, — эти предположенія сбылись даже выше моихъ ожиданій. Ни одного новаго или самостоятельнаго соображенія не было представлено русскими противниками общиннаго владѣнія; всѣ ихъ понятія были цѣликомъ взяты изъ устарѣлыхъ книгъ и даже не примѣнены къ частному вопросу, къ которому большею частію вовсе не шли. Изъ немногихъ фактовъ, на которыхъ опирались эти соображенія, также не было

*) Я говорю не о славянофилахъ, которыхъ я могу уважать за многое, но симпатіи которыхъ не заслуживаю, какъ они сами объявляютъ и какъ я самъ чувствую.

почти ни одного, который бы прямо шелъ къ дѣлу; а если которые и шли къ дѣлу, то были подбираемы такъ неосмотрительно, что свидѣтельствовали въ сущности не противъ общиннаго владѣнія, а въ пользу его. Словомъ сказать, возраженія были до того избиты, что, признаюсь, я не имѣлъ интереса прочесть до конца почти ни одной изъ статей противъ общиннаго владѣнія, которыя появлялись послѣ того, какъ я помѣстилъ свою послѣднюю статью противъ г. Вернадскаго въ ноябрской книжкѣ „Современника" прошлаго года: съ первыхъ же страницъ каждаго возраженія я видѣлъ, что безполезно читать эти блѣдныя повторенія того, что уже давно наскучило мыслящему человѣку въ сотняхъ плохихъ французскихъ книжекъ о политической экономіи: даже пріятность читать гнѣвную брань противъ себя,—пріятность, выше которой нѣтъ ничего для писателя, любящаго колебать старые и надменные предразсудки, не могла пересилить скуку, приносимую вялыми повтореніями общихъ мѣстъ старинной экономической школы. Только теперь, рѣшившись возобновить свои статьи объ общинномъ владѣніи, я сталъ читать эти возраженія,—и убѣдился, что не сдѣлалъ ошибки, предположивъ ихъ всѣ незаслуживающими прочтенія.

Итакъ не сила противниковъ заставляетъ меня признать, что я заблуждался, начавъ говорить въ защиту общиннаго владѣнія. Напротивъ, со стороны успѣха именно этой защиты я могу признать за своимъ дѣломъ чрезвычайную удачу: слабость аргументовъ, приводимыхъ противниками общиннаго владѣнія, такъ велика, что безъ всякихъ опроверженій съ моей стороны начинаютъ журналы, сначала рѣшительно отвергавшіе общинное владѣніе, одинъ за другимъ дѣлать все больше и больше уступокъ общинному поземельному принципу. Теперь нѣтъ уже сомнѣнія въ томъ, что большинство литературнаго міра считаетъ нужнымъ сохранить отъ вторженія личной частной собственности, по крайней мѣрѣ на ближайшее время, тѣ части земли, которыя до сихъ поръ оставались собственностью или владѣніемъ общества. Такая уступка послѣ первоначальнаго совершеннаго и рѣзкаго отверженія общественной поземельной собственности во всѣхъ ея видахъ могла бы внушать мнѣ нѣкоторую гордость. Но я стыжусь себя.

Трудно объяснить причину моего стыда, но постараюсь сдѣлать это, какъ могу.

Какъ ни важенъ представляется мнѣ вопросъ о сохраненіи общиннаго владѣнія, но онъ все-таки составляетъ только одну сторону дѣла, которому принадлежитъ. Какъ высшая гарантія благосостоянія людей, до которыхъ относится, этотъ принципъ получаетъ смыслъ только тогда, когда уже даны другія низшія гарантіи благосостоянія, нужныя для доставленія его дѣйствію простора. Такими гарантіями должны считаться два условія. Во-первыхъ принадлежность ренты тѣмъ самымъ лицамъ, которыя участвуютъ въ общинномъ владѣніи. Но этого еще мало. Надобно также замѣтить, что рента только тогда серьезно заслуживаетъ своего имени, когда лицо, ее получающее, не обременено кредитными обязательствами, вытекающими изъ самаго ея полученія. Примѣры малой выгодности ея при противномъ условіи часто встрѣчаются у насъ по дворянскимъ имѣніямъ, обремененнымъ долгами. Бываютъ случаи, когда наслѣдникъ отказывается отъ полученія огромнаго количества десятинъ, достающихся ему послѣ какого-нибудь родственника, потому что долговыя обязательства, лежащія на землѣ, почти равняются не одной только рентѣ, но и вообще всей суммѣ доходовъ, доставляемыхъ помѣстьемъ. Онъ разсчитываетъ, что излишекъ, остающійся за уплатою долговыхъ

обязательствъ, не стоитъ хлопотъ и другихъ непріятностей, приносимыхъ владѣніемъ и управленіемъ. Потому, когда человѣкъ уже не такъ счастливъ, чтобы получить ренту чистую отъ всякихъ обязательствъ, то, по крайней мѣрѣ, предполагается, что уплата по этимъ обязательствамъ не очень велика по сравненію съ рентою, если онъ находитъ выгоднымъ для себя вводъ во владѣніе. Только при соблюденіи этого втораго условія, люди, интересующіеся его благосостояніемъ, могутъ желать ему полученіе ренты.

На предположеніи этихъ двухъ условій была основана та горячность, съ какою я выставлялъ общинное владѣніе необходимымъ довершеніемъ гарантій благосостоянія.

Меня упрекаютъ за любовь къ употребленію параболъ. Я не спорю, прямая рѣчь, дѣйствительно, лучше всякихъ приточныхъ сказаній; но противъ собственной натуры и, что еще важнѣе, противъ натуры обстоятельствъ идти нельзя, и потому я останусь вѣренъ своему любимому способу объясненій. Предположимъ, что я былъ заинтересованъ принятіемъ средствъ для сохраненія провизіи, изъ запаса которой составляется вашъ обѣдъ. Само собою разумѣется, что если я это дѣлалъ изъ расположенія собственно къ вамъ, то моя ревность основывалась на предположеніи, что провизія принадлежитъ вамъ и что приготовляемый изъ нея обѣдъ здоровъ и выгоденъ для васъ. Представьте же себѣ мои чувства, когда я узнаю, что провизія вовсе не принадлежитъ вамъ и что за каждый обѣдъ, приготовляемый изъ нея, берутся съ васъ деньги, которыхъ не только не стоитъ самый обѣдъ, но которыхъ вы вообще не можете платить безъ крайняго стѣсненія. Какія мысли приходятъ мнѣ въ голову при этихъ столь странныхъ открытіяхъ? „Человѣкъ самолюбивъ“, и первая мысль, рождающаяся во мнѣ, относится ко мнѣ самому. „Какъ былъ я глупъ, что хлопоталъ о дѣлѣ, для полезности котораго не обезпечены условія! Кто кромѣ глупца можетъ хлопотать о сохраненіи собственности въ извѣстныхъ рукахъ, не удостовѣрившись прежде, что собственность достанется въ эти руки и достанется на выгодныхъ условіяхъ?“ Вторая моя мысль о васъ, предметѣ моихъ заботъ, и о томъ дѣлѣ, однимъ изъ обстоятельствъ котораго я такъ интересовался: „лучше пропадай вся эта провизія, которая приноситъ только вредъ любимому мною человѣку! лучше пропадай все дѣло, приносящее вамъ только раззореніе!“ Досада за васъ, стыдъ за свою глупость, — вотъ мои чувства.

Но довольно мнѣ говорить о своихъ чувствахъ и о собственной личности. Какъ бы то ни было, но пошло въ ходъ глупымъ образомъ начатое мною дѣло объ общинномъ владѣніи. Не всѣ смотрятъ на него съ тѣмъ чувствомъ отвращенія и негодованія, какое внушаетъ оно мнѣ теперь, по разрушеніи надеждъ, въ которыхъ было начато мною. Теперь, я уже сказалъ, я желалъ бы, быть можетъ, чтобы все оно пропало. Другіе напротивъ хлопочутъ о томъ, чтобы привести его къ концу, все больше и больше склоняясь къ тѣмъ мнѣніямъ, какія были выражены мною при началѣ спора объ общинномъ владѣніи. Дѣло это уже не можетъ быть брошено. А если дѣло, которому лучше было бы быть брошену, уже не можетъ быть брошено, то нечего дѣлать, надобно участвовать въ его веденіи.

Рѣзкимъ полемическимъ тономъ былъ начатъ мною споръ объ общинномъ владѣніи. Крикъ этотъ имѣлъ одну цѣль: заставить обратить вниманіе на пред-

метъ его. Теперь общее вниманіе обращено на предметъ рѣчи и нѣтъ надобности ей переступать границы спокойнаго изложенія, чтобы быть выслушанной.

Но,—послѣдняя дань полемическому тону, отъ котораго я отказываюсь по вопросу объ общинномъ владѣніи: мало того, что возможно мнѣ обойтись безъ полемики,—было бы недобросовѣстно съ моей стороны пользоваться этимъ оружіемъ тогда, когда нужно не столько обличеніе ошибокъ, сколько пополненіе пробѣловъ, производимыхъ незнаніемъ или забывчивостью. Дозволительно ли полемизировать противъ человѣка, который не соглашается съ вами только потому, что не знаетъ первыхъ четырехъ дѣйствій ариѳметики, или не подумалъ о результатѣ, получаемомъ изъ сложенія двухъ съ двумя?—говорить съ нимъ горячимъ тономъ, это и безполезно для него и совѣстно для васъ. Онъ нуждается въ урокѣ изъ „начатковъ ученія“,—въ урокѣ, изложенномъ съ такою популярностью, которая была бы доступна его силамъ и пробуждала бы дѣятельность его мысли.

Степень знакомства съ современною наукою и привычки къ самостоятельному мышленію, обнаруженная противниками общиннаго владѣнія, предписываетъ мнѣ стараться о всевозможной популярности при слѣдующемъ изложеніи первоначальныхъ понятій, касающихся вопроса о различныхъ видахъ собственности на землю, владѣнія и пользованія землею. Итакъ, читатель проститъ мнѣ, если найдетъ, что большая часть этихъ страницъ посвящена изложенію фактовъ и соображеній слишкомъ элементарныхъ: при составленіи настоящихъ статей я имѣлъ въ виду не тотъ уровень знаній и сообразительности, какой предполагается въ большинствѣ публики, а только тотъ, какой обнаруженъ противниками общиннаго владѣнія.

Прежде нежели вопросъ объ общинѣ пріобрѣлъ практическую важность съ начатіемъ дѣла объ измѣненіи сельскихъ отношеній, русская община составляла предметъ мистической гордости для исключительныхъ поклонниковъ русской національности, воображавшихъ, что ничего подобнаго нашему общинному устройству не бывало у другихъ народовъ и что оно такимъ образомъ должно считаться прирожденною особенностію русскаго или славянскаго племени, совершенно въ томъ родѣ, какъ напримѣръ скулы болѣе широкія, нежели у другихъ европейцевъ, или языкъ, называющій мужа—мужъ, а не mensch, homo или l'homme и имѣющій семь падежей, а не шесть, какъ въ латинскомъ, и не пять, какъ въ греческомъ. Наконецъ люди ученые и безпристрастные показали, что общинное поземельное устройство въ томъ видѣ, какъ существуетъ теперь у насъ, существуетъ у многихъ другихъ народовъ, еще не вышедшихъ изъ отношеній, близкихъ къ патріархальному быту, и существовало у всѣхъ другихъ, когда они были близки къ этому быту. Оказалось, что общинное владѣніе землею было и у нѣмцевъ, и у французовъ, и у предковъ англичанъ, и у предковъ итальянцевъ, словомъ сказать, у всѣхъ европейскихъ народовъ; но потомъ при дальнѣйшемъ историческомъ движеніи, оно мало по малу выходило изъ обычая, уступая мѣсто частной поземельной собственности. Выводъ изъ этого ясенъ. Нечего намъ считать общинное владѣніе особенною прирожденною чертою нашей національности, а надобно смотрѣть на него какъ на обще-человѣческую принадлежность извѣстнаго періода въ жизни каждаго народа. Сохраненіемъ этого остатка первобытной древности гордиться намъ тоже нечего, какъ вообще никому не слѣдуетъ гордиться какою бы то ни было стариною, потому что сохраненіе старины свидѣтельствуетъ только о медленности и вялости историческаго развитія. Сохраненіе общины въ поземельномъ отно-

шенія, исчезнувшей въ этомъ смыслѣ у другихъ народовъ, доказываетъ только, что мы жили гораздо меньше, чѣмъ эти народы. Такимъ образомъ оно со стороны хвастовства передъ другими народами никуда не годится.

Такой взглядъ совершенно правиленъ: но вотъ наши и заграничные экономисты устарѣлой школы вздумали вывесть изъ него слѣдующее заключеніе: „Частная поземельная собственность есть позднѣйшая форма, вытѣснившая собою общинное владѣніе, оказывавшееся несостоятельнымъ передъ нею при историческомъ развитіи общественныхъ отношеній; и такъ мы, подобно другимъ народамъ, должны покинуть его, если хотимъ идти впередъ по пути развитія".

Это умозаключеніе служитъ однимъ изъ самыхъ коренныхъ и общихъ основаній при отверженіи общиннаго владѣнія. Едва ли найдется хотя одинъ противникъ общиннаго владѣнія, который не повторялъ бы вмѣстѣ со всѣми другими: „Общинное владѣніе есть первобытная форма поземельныхъ отношеній, а частная поземельная собственность — вторичная форма; какъ же можно не предпочитать высшую форму низшей?" Намъ тутъ странно только одно: изъ противниковъ общиннаго владѣнія многіе принадлежатъ къ послѣдователямъ новой нѣмецкой философіи; одни хвалятся тѣмъ, что они шеллингисты, другіе твердо держатся гегелевской школы; и вотъ о нихъ-то мы недоумѣваемъ, какъ не замѣтили они, что, налегая на первобытность общиннаго владѣнія, они выставляютъ именно такую сторону его, которая должна чрезвычайно сильно предрасполагать въ пользу общиннаго владѣнія всѣхъ, знакомыхъ съ открытіями нѣмецкой философіи относительно преемственности формъ въ процессѣ всемірнаго развитія; какъ не замѣтили они, что аргументъ, ими выставляемый противъ общиннаго владѣнія, долженъ напротивъ свидѣтельствовать о справедливости мнѣнія, отдающаго общинному владѣнію предпочтеніе передъ частною поземельною собственностію, ими защищаемою.

Мы остановимся довольно долго надъ слѣдствіями, къ какимъ должна приводить первобытность, признаваемая за извѣстною формою, потому что, по странной недогадливости, именно эта первобытность служила, какъ мы сказали, однимъ изъ самыхъ любимыхъ и коренныхъ аргументовъ нашихъ противниковъ.

Мы не послѣдователи Гегеля, а тѣмъ менѣе послѣдователи Шеллинга; но не можетъ не признать, что обѣ эти системы оказали большія услуги наукѣ раскрытіемъ общихъ формъ, по которымъ движется процессъ развитія. Основной результатъ этихъ открытій выражается слѣдующею аксіомою: „По формѣ, высшая степень развитія сходна съ началомъ, отъ котораго оно отправляется". Эта мысль заключаетъ въ себѣ коренную сущность шеллинговой системы; еще точнѣе и подробнѣе раскрыта она Гегелемъ, у котораго вся система состоитъ въ проведеніи этого основного принципа чрезъ всѣ явленія міровой жизни отъ ея самыхъ общихъ состояній до мельчайшихъ подробностей каждой отдѣльной сферы бытія. Для читателей, знакомыхъ съ нѣмецкою философіею, послѣдующее наше раскрываніе этого закона не представитъ ничего новаго; оно должно служить только къ тому, чтобы выставить въ полномъ свѣтѣ непослѣдовательность людей, незамѣчавшихъ, что даютъ оружіе сами противъ себя, когда налегаютъ съ такою силою на первобытность формы общиннаго владѣнія.

Высшая степень развитія по формѣ сходна съ его началомъ,—это мы видимъ во всѣхъ сферахъ жизни. Начнемъ съ самой общей формы процесса бытія на на-

шей планетѣ. Газообразное и жидкое состояніе тѣлъ,—вотъ исходная точка, отъ которой пошло впередъ образованіе нашей планеты и жизни въ ней. Великимъ шагомъ впередъ было сгущеніе газовъ и отвердѣніе жидкостей въ минеральныя породы. Въ благородныхъ металлахъ и драгоцѣнныхъ каменьяхъ планетный процессъ дошелъ до совершенства въ этомъ направленіи. Сравните вѣковую неразрушимость и чрезвычайную плотность золота и платины, еще бо́льшую неразрушимость и страшную крѣпость рубина и алмаза съ шаткостью формы, съ быстрымъ процессомъ химическихъ измѣненій въ газѣ и жидкости, вы увидите двѣ противуположныя крайности. Но что же за тѣмъ? Истощилась ли жизнь природы достиженіемъ крайней прочности, плотности и неподвижности въ минеральномъ царствѣ? Нѣтъ, мало по малу на минеральномъ царствѣ возникаетъ растительное. Съ одного шага, природа отъ страшной плотности минераловъ возвращается къ меньшей плотности жидкостей: удѣльный вѣсъ дерева занимаетъ средину между удѣльнымъ вѣсомъ разныхъ жидкостей. Мало этого сходства въ удѣльномъ вѣсѣ: минеральное основаніе дерева (обнаруживающееся пепельнымъ остаткомъ по его разложеніи) принимаетъ въ соединеніе съ собой очень значительную массу матеріи въ жидкомъ состояніи; все дерево проникнуто жидкимъ сокомъ, который и составляетъ двигателя его жизни. Но отъ неподвижности минеральнаго царства осталась въ деревѣ неподвижность на мѣстѣ, которое разъ занято цѣлымъ организмомъ, и неизмѣнность въ расположеніи частей, какое разъ приняли онѣ однѣ относительно другихъ. Внѣшняя форма дерева также тверда; она только нечувствительно расширяется временемъ въ объемѣ, но за этимъ исключеніемъ постоянно сохраняетъ одно и тоже очертаніе. Природа вступаетъ въ новый фазисъ развитія, за растительнымъ царствомъ производитъ животное, и этимъ шагомъ она еще приближается къ формамъ бытія, предшествовавшимъ минеральному царству. Въ организмѣ животнаго жидкіе элементы занимаютъ еще гораздо больше мѣста, нежели въ растеніи. Они даже достигаютъ самостоятельнаго отдѣленія отъ твердыхъ частей, огромными массами собираясь въ жилахъ, въ сердцѣ, въ желудкѣ и другихъ резервуарахъ животнаго организма. Твердая основа, которая въ растеніи представлялась на первомъ планѣ, въ животномъ отступаетъ во внутрь, облекаясь мягкими покровами мяса и жира; теряя наружное значеніе, она теряетъ и ту центральность, какую имѣла въ деревѣ, гдѣ все до самой сердцевины было твердо: въ животномъ центральныя части, важнѣйшія по своему значенію для организма, также не тверды, какъ и наружные покровы остова; твердый остовъ удерживается единственно какъ опора для мягкихъ частей. Мало того, что жидкость изгнала минеральную твердость изъ центральныхъ органовъ; въ эти органы проникли газы: животный организмъ наполненъ воздухомъ, значительными массами сосредоточивающимся въ двухъ основныхъ органахъ центральной жизни, въ легкихъ и въ желудкѣ. Отъ минеральнаго царства въ растеніи сохранялось постоянство внѣшней формы; въ животномъ наружныя очертанія постоянно измѣняются отъ непрерывной смѣны разныхъ положеній тѣла. Не осталось и неподвижности цѣлаго организма на одномъ мѣстѣ: какъ частицы воды по закону тяготѣнія и подъ ударами волнъ атмосферы вѣчно движутся съ мѣста на мѣсто, такъ и животный организмъ вѣчно движется съ мѣста на мѣсто. Животная жизнь становится все интенсивнѣе и интенсивнѣе: проходя отъ лѣниваго молюска, почти прикованнаго къ мѣсту, черезъ высшія формы организа до млекопитающихъ, она достигаетъ своего зенита въ человѣкѣ. Въ чемъ

же состоятъ матеріальныя отличія этого высшаго животнаго организма отъ низшихъ? Въ человѣкѣ гораздо болѣе развита нервная система и особенно головной мозгъ. Что же это за масса, развитіе которой составляетъ вѣнецъ стремленій природы? Масса мозга нѣчто такое неопредѣленное по своему виду, что какъ будто бы уже составляетъ переходъ отъ мускуловъ, имѣющихъ столь опредѣлительныя качества по своей формѣ и внутреннему составу, къ какому-то полужидкому кисслю въ родѣ тѣхъ, которыми начинается превращеніе неорганической матеріи въ органическую. Этотъ безформенный кисель сохраняетъ извѣстное очертаніе только потому, что удерживается внѣшними костяными оградами; освободившись отъ нихъ, онъ расплывается будто кусокъ жидкой грязи. Въ его химическомъ составѣ самый характеристичный элементъ,—это фосфоръ, имѣющій неудержимое стремленіе переходить въ газообразное состояніе: вѣнецъ животной жизни, высшая ступень, достигаемая процессомъ природы вообще, нервный процессъ состоитъ въ переходѣ мозговой матеріи въ газообразное состояніе, въ возвращеніи жизни къ преобладанію газообразной формы, съ которой началось планетное развитіе.

Иной читатель посмѣется надъ этими геологически-физіологическими разсужденіями въ статьѣ о юридическомъ и спеціальномъ вопросѣ. Мы сами готовы были бы смѣяться надъ обзорами теллурической жизни, служащими подкрѣпленіемъ политико-экономическихъ истинъ, еслибъ не замѣчали, какъ много зависитъ тотъ или другой взглядъ на какой-нибудь, повидимому, чисто практическій и очень спеціальный вопросъ отъ общаго философскаго воззрѣнія. Въ настоящемъ случаѣ, чтеніе статей противъ общиннаго владѣнія убѣдило насъ, что нерасположеніе къ этой формѣ поземельныхъ отношеній основано не столько на фактахъ или понятіяхъ, спеціально относящихся къ данному предмету, сколько на общихъ философскихъ и моральныхъ воззрѣніяхъ о жизни. Мы думаемъ, что истребить предубѣжденіе по частному вопросу, насъ занимающему, можно только изложеніемъ здравыхъ понятій, противуположныхъ отсталымъ философемамъ, или философскимъ и моральнымъ недосмотрамъ, которыми держатся эти предубѣжденія. Потому продолжаемъ философско-физіологическіе очерки отношеній между разными формами жизни, какъ бы ни казались забавны такіе эпизоды въ статьяхъ, которыя собственно должны бы ограничиваться сферою спеціальности. Если такіе эпизоды и дѣйствительно забавны, то мы утѣшаемся мыслію, что они будутъ не безполезны.

Кто не хотѣлъ подумать объ общихъ истинахъ, изложенныхъ въ Гумбольдтовомъ „Космосѣ“, тотъ, конечно, принуждаетъ говорить о нихъ и тогда, когда дѣло идетъ о какомъ нибудь спеціальномъ вопросѣ.

Отъ общаго теллурическаго процесса перейдемъ къ соотношенію формъ въ болѣе тѣсныхъ сферахъ и прежде всего взглянемъ, напримѣръ, на характеръ животной жизни въ разныхъ ступеняхъ ея развитія. Мы уже видѣли, что высшее произведеніе этой жизни, мозговая масса, характеромъ своимъ напоминаетъ какой-нибудь кисель, почти лишенный тѣхъ формъ и качествъ, какими отличается вообще мясо, составляющее преобладающій элементъ животнаго царства. Низшая ступень животной жизни, проявляющаяся въ молюскахъ и слизнякахъ, имѣетъ совершенно тотъ же характеръ: тѣло устрицы своимъ студенистымъ качествомъ скорѣе сходно съ мозгомъ, нежели съ мясомъ. И такъ мы видимъ опять три формы, изъ которыхъ высшая (мозгъ) представляется какъ будто бы возвращеніемъ отъ второй (мяса) къ первобытной формѣ (студенистое вещество).

Возьмемъ еще тѣснѣйшую сферу жизни, именно, два высшіе разряда изъ трехъ обширныхъ классовъ, принимаемыхъ Ламаркомъ, animalia articulata и animalia intelligentia. Съ того момента, какъ проявляется первый признакъ интенсивности въ животной жизни возникновеніемъ членораздѣльности (animalia articulata), мы видимъ, что каждая изъ отдѣльныхъ частей, на которыя подраздѣлился организмъ, имѣетъ какъ будто бы свою самобытную жизнь, кромѣ общей жизни цѣлаго организма. Изъ этихъ низшихъ животныхъ есть такія, которыхъ можно дѣлить на нѣсколько частей и каждая часть преспокойно будетъ жить по отдѣленіи отъ другихъ. Чѣмъ выше мы будемъ подниматься по лѣстницѣ формъ, тѣмъ сильнѣе и сильнѣе общая жизнь цѣлаго организма будетъ брать перевѣсъ надъ жизнью отдѣльныхъ членовъ, и наконецъ въ разрядѣ рыбъ преобладаніе общей жизни цѣлаго организма становится до того громадно, что даже исчезаютъ всѣ отдѣльные члены и цѣлый организмъ сливается въ одинъ плотный кусокъ безъ всякихъ перехватовъ и отростковъ. Но поднимаемся еще выше, и въ разрядахъ птицъ и млекопитающихъ мы уже видимъ возобновленіе прежнихъ формъ организма, у котораго къ основному стержню примыкаютъ отростки съ различными перехватами по внѣшней формѣ. Однако, если по наружности птица и млекопитающее составляютъ какъ будто возвращеніе отъ одного плотнаго куска рыбы къ членораздѣльнымъ формамъ насѣкомыхъ, то внутренняя жизнь, жизнь ощущеній и стремленій, остается въ птицѣ и млекопитающемъ, какъ въ рыбѣ, вся сосредоточенная въ одномъ общемъ органическомъ чувствѣ съ подавленіемъ самобытнаго значенія стремленій, свойственныхъ отдѣльнымъ органамъ. Зрѣніе, слухъ, обоняніе, для млекопитающаго имѣютъ только то значеніе, что служатъ средствами для пріисканія пищи, различенія предметовъ и мѣстностей, удобныхъ и здоровыхъ для цѣлаго организма отъ нездоровыхъ или неудобныхъ, и для избѣжанія опасностей. Даже вкусъ служитъ почти только для разсортировки различныхъ питательныхъ матеріаловъ по степени ихъ здоровости для цѣлаго организма. Конечно, кошка должна чувствовать разницу вкуса между грубою говядиною и пулярдкою; но дайте ей вдругъ два куска того и другаго мяса, она не станетъ дѣлать выборъ между ними и начнетъ ѣсть тотъ, который больше, или который скорѣе попался ей подъ морду. Даже осязаніе очень мало служитъ для животныхъ источникомъ удовольствій, независимыхъ отъ общихъ потребностей жизни цѣлаго организма. Даже половой инстинктъ не занимаетъ ихъ собою, какъ самобытный источникъ ощущеній: его отправленія служатъ только средствомъ для освобожденія организма отъ частицъ, излишнее накопленіе которыхъ разстраиваетъ общій порядокъ въ жизни цѣлаго организма. Можно сказать, что всѣ ощущенія животныхъ и всѣ ихъ стремленія являются только видоизмѣненіями общихъ потребностей и чувствъ цѣлаго организма, именно отправленій желудка и чувства здоровья или болѣзни. Совершенно не такова жизнь человѣка. Каждое изъ его чувствъ достигаетъ самобытнаго интереса для него: глазъ, ухо и каждый изъ другихъ органовъ чувствъ становится въ человѣкѣ какъ будто какимъ-то самобытнымъ организмомъ съ собственной жизнью, съ своими особенными потребностями и удовольствіями. Человѣкъ не только по внѣшней формѣ, какъ млекопитающее, но и по самой сущности своей жизни, представляется какъ будто бы собраніемъ нѣсколькихъ сросшихся самобытныхъ организмовъ, и общая жизнь всего организма удерживаетъ за собою значеніе какъ будто только потому, что служитъ общею поддержкою развитія этихъ

отдѣльныхъ жизней. Чѣмъ выше поднимается человѣкъ въ своемъ развитіи, чѣмъ цивилизованнѣе становится онъ, то есть, чѣмъ человѣчнѣе становится его жизнь, тѣмъ большій и большій перевѣсъ берутъ эти частныя стремленія каждаго органа къ самостоятельному развитію своихъ силъ и наслажденію своею дѣятельностью. Ощущенія, доставляемыя зрѣніемъ, слухомъ и другими физическими чувствами, различныя нравственныя ощущенія, игра фантазіи, дѣятельность мышленія все рѣшительнѣе заслоняютъ собою интересность общаго органическаго процесса для самого индивидуума, и наконецъ этотъ процессъ (питаніе) сохраняетъ только тотъ интересъ, какой придается ему наслажденіями отдѣльнаго органа вкуса и вмѣсто самобытнаго значенія онъ представляется только средствомъ къ удовлетворенію частнаго гастрономическаго интереса, или теряетъ всякую занимательность для индивидуума. Цивилизованный человѣкъ, если развитъ нормально, говоритъ подобно Сократу: „я ѣмъ только для того, чтобы жить сердцемъ и головою"; если развитъ дурнымъ образомъ, говоритъ: „я ѣмъ для того, чтобы наслаждались мой языкъ и нёбо". Но никогда цивилизованный человѣкъ не чувствуетъ, чтобы сама по себѣ, безъ частныхъ гастрономическихъ удовольствій, ѣда представлялась ему очень занимательнымъ процессомъ.

Такимъ образомъ въ концѣ развитія собственно животной жизни, въ жизни цивилизованнаго человѣка, мы видимъ какъ будто возвращеніе той самой формы, какую имѣла животная жизнь при первомъ началѣ своей интенсивности: въ цивилизованной жизни человѣка, какъ въ существованіи артикулированныхъ животныхъ, общая жизнь организма рѣшительно отступаетъ на второй планъ сравнительно съ самобытными отправленіями отдѣльныхъ органовъ.

Мы обозрѣли всѣ сферы матеріальной жизни, начиная общими теллурическими явленіями ея и переходя къ сферамъ все тѣснѣйшимъ и тѣснѣйшимъ, до царства интенсивной животной жизни, и повсюду видѣли неизмѣнную вѣрность развитія одному и тому же закону: высшая степень развитія представляется по формѣ возвращеніемъ къ первобытному началу развитія. Само собою разумѣется, что при сходствѣ формы, содержаніе въ концѣ безмѣрно богаче и выше, нежели въ началѣ, но объ этомъ мы будемъ говорить послѣ.

Быть можетъ, нашъ очеркъ матеріальнаго развитія отъ теллурическихъ состояній до мозговой дѣятельности былъ слишкомъ длиненъ; но мы хотѣли многочисленными подробностями показать неизмѣнную вѣрность природы тому закону, на рѣчь о которомъ не къ выгодѣ себѣ навели полемику наши противники, съ необдуманнымъ торжествомъ налегая на первобытность осуждаемой ими формы одного изъ общественныхъ учрежденій. Мы хотимъ показать всеобщее господство излагаемаго закона во всѣхъ проявленіяхъ жизни, и, окончивъ обзоръ матеріальныхъ явленій съ этой точки зрѣнія, обратимся къ такому же очерку нравственно-общественной жизни, составляющей другую великую часть планетарнаго развитія.

Нашъ очеркъ растянулся бы на цѣлые томы, если бы мы захотѣли упоминать о каждой сферѣ нравственно-общественнаго развитія, въ процессѣ которой повторяется общій законъ, о которомъ мы говоримъ. Какую бы сторону жизни ни взяли мы, вездѣ увидимъ господство общей нормы, открытой новою нѣмецкою философіею, и приведя на удачу нѣсколько примѣровъ, мы просили бы людей, которые захотѣли бы сомнѣваться въ общемъ владычествѣ этой нормы, указать хотя одинъ фактъ, на развитіи котораго не отпечатлѣвалась бы она.

Начнемъ хотя съ общаго органа умственной и общественной жизни, съ языка. Филологія показываетъ, что всѣ языки начинаютъ съ того самаго состоянія, представителемъ котораго служитъ обыкновенно китайскій: въ немъ нѣтъ ни склоненій, ни спряженій, вообще никакихъ грамматическихъ видоизмѣненій слова (флексій); каждое слово является во всѣхъ случаяхъ рѣчи, въ одной и той же формѣ: „я идти домъ“, говоритъ китаецъ вмѣсто нашего „я иду домой“. Но языкъ начинаетъ развиваться, и являются флексіи; число ихъ все возрастаетъ и достигаетъ той гибкости всего внутренняго состава слова, какую видимъ въ семическихъ языкахъ, достигаетъ того страшнаго изобилія грамматическихъ нарощеній, какое видимъ въ татарскомъ языкѣ, гдѣ глаголъ имѣетъ семь или восемь наклоненій, нѣсколько десятковъ временъ, цѣлые десятки дѣепричастій и т. д. Въ нашей семьѣ, на высшей точкѣ этого періода стоитъ санскритскій языкъ. Но развитіе идетъ далѣе, и въ латинскомъ или въ старославянскомъ уже гораздо менѣе флексій, нежели въ санскритскомъ. Чѣмъ дальше живетъ языкъ, чѣмъ выше развивается народъ, имъ говорящій, тѣмъ болѣе и болѣе обнажается онъ отъ прежняго богатства флексій. Нынѣшнія славянскія нарѣчія бѣднѣе ими, нежели старославянскій; въ итальянскомъ, французскомъ, испанскомъ и другихъ романскихъ языкахъ флексій меньше, нежели въ латинскомъ; въ нѣмецкомъ, датскомъ, шведскомъ, голландскомъ меньше, нежели въ старонѣмецкомъ, и наконецъ англійскій языкъ, служащій указаніемъ цѣли, къ которой идутъ по отношенію къ своимъ флексіямъ всѣ другіе европейскіе языки, почти совершено уже отбросилъ всѣ флексіи. Подобно китайцу, англичанинъ буквально говоритъ уже: „я идти домъ“. Въ началѣ нѣтъ падажей, въ концѣ развитія также нѣтъ падежей; въ началѣ нѣтъ различія по окончаніямъ между существительнымъ, прилагательнымъ и глаголомъ, — въ концѣ развитія тоже нѣтъ различія между ними (like—1. похожій, 2. спрашивать; love—1. любить, 2. любовь).

Въ грамматическомъ устройствѣ языка конецъ сходенъ съ началомъ. То же самое во всѣхъ формахъ общежительной и умственной жизни, общимъ условіемъ для существованія которой служитъ языкъ. Беремъ, прежде всего, внѣшнія черты общежитія, и во-первыхъ ту, для которой языкъ служитъ не только условіемъ, но и матеріаломъ, — способъ выраженія въ обращеніи между людьми.

Внѣ цивилизаціи человѣкъ безразлично говоритъ одинаковымъ мѣстоимѣніемъ со всѣми другими людьми. Нашъ мужикъ называетъ одинаково „ты“ и своего брата, и барина, и царя. Начиная полироваться, мы дѣлаемъ различіе между людьми на „ты“ и на „вы“. При грубыхъ формахъ цивилизаціи „вы“ кажется для насъ драгоцѣннымъ подаркомъ человѣку, съ которымъ мы говоримъ, и мы очень скупы на такой почетъ. Но чемъ образованнѣе становимся мы, тѣмъ шире дѣлается кругъ „вы“, и наконецъ французъ, если онъ только скинулъ сабо, почти никому уже не говоритъ „ты“. Но у него осталась еще возможность, если захочетъ, кольнуть глаза наглецу или врагу словомъ „ты“. Англичанинъ потерялъ и эту возможность: изъ живаго языка разговорной рѣчи у него совершенно исчезло слово „ты“. Оно можетъ являться у него только въ тѣхъ случаяхъ, когда по русски употребляются слова: „понеже“, „очеса“ и т. п.; слово „ты“ въ англійскомъ языкѣ такъ же забыто, какъ у насъ несторовское „онъ-сиця“ вмѣсто „этотъ“. Не только слугу, но и собаку или кошку англичанинъ не можетъ назвать иначе какъ „вы“. Началось дѣло, какъ видимъ, безразличіемъ отношеній по разговору ко всѣмъ

людямъ, продолжалось раздѣленіемъ ихъ на разряды по степени почета (нѣмцы, достигнувшіе апогея въ этомъ среднемъ фазисѣ развитія, ухитрились до того, что устроили цѣлыхъ четыре градаціи почета: 1) Du — это черному народу; 2) Er — это, по выраженію суздальскихъ потомковъ, для средняго рода людей; 3) Ihr — это для чиновниковъ, занимающихъ средину между людьми средняго рода и благорожденными; 4) Sie — для благорожденныхъ потомковъ великороссійскихъ, суздальскихъ и остъ-прейссенскихъ домовъ), приходитъ въ результатѣ снова къ безразличному обращенію со всѣми людьми.

Тоже самое и въ костюмѣ. Въ патріархальномъ народѣ шейхъ носитъ точно такой же бурнусъ, какъ и послѣдній изъ бедуиновъ его племени, и предокъ великороссійскаго потомка суздальской формы носилъ такую же рубашку съ косымъ воротомъ, какую носили тогда люди не только средняго, но и подлаго рода. Мы вступили въ область цивилизаціи и благорожденный суздалецъ надѣлъ сюртукъ, котораго не носятъ люди подлаго рода; но люди средняго рода уже начинаютъ носить такой же сюртукъ и, къ нашему ужасу, всѣ безъ исключенія уже надѣли пальто, которымъ прежде отличался отъ нихъ потомокъ великороссійскаго рода; даже люди подлаго рода многіе надѣли пальто, и мы съ горестью предвидимъ скоро день, когда потомки великороссійскихъ родовъ у себя дома будутъ носить точно такія же блузы, какія уже приняты у петербургскихъ мастеровыхъ, и когда всѣ безъ исключенія люди, даже самаго подлаго рода, будутъ ходить по улицамъ въ пальто такого же покроя, какъ великороссійскіе потомки.

Вмѣстѣ съ личнымъ мѣстоименіемъ втораго лица и костюмомъ проходитъ три фазиса развитія и вся манера держать себя. Человѣкъ нецивилизованный и неученый простъ въ разговорѣ, натураленъ во всѣхъ движеніяхъ, не знаетъ заученыхъ позъ и искусственныхъ фразъ. Но едва помазался онъ лоскомъ образованности школьной и свѣтской, онъ начинаетъ держать себя и говорить такъ, какъ не умѣетъ простой человѣкъ. Развиваясь мало по малу, это искусство достигаетъ блистательнаго цвѣта въ разныхъ педантахъ и педанткахъ науки и свѣтской жизни, précieuses, изображенныхъ Мольеромъ, въ гоголевскихъ дамахъ „пріятныхъ во всѣхъ отношеніяхъ“ и уѣздныхъ франтахъ. Но человѣкъ истинно ученый и человѣкъ получившій истинно свѣтское образованіе говоритъ и ходитъ, кланяется, садится и встаетъ съ такою же простотою и непринужденностью, какъ совершенно простой человѣкъ въ своемъ кругу.

Надобно ли говорить, что, подобно этимъ чертамъ обращенія, все общественное устройство стремится къ возвращенію отъ ранговъ и разныхъ другихъ подраздѣленій по привиллегіямъ всякаго рода къ тому однообразному составу, изъ котораго выдѣлились всѣ безчисленныя рубрики? Распространяться объ этомъ мы не имѣемъ нужды: люди, непослѣдовательность которыхъ принудила насъ дѣлать этотъ очеркъ, всѣ утверждаютъ о себѣ, что они знакомы съ политическою экономіею; въ какой угодно экономической книгѣ, даже въ Ж. Б. Сэ и Мишелѣ Шевалье найдутъ они подробнѣйшее и прекраснѣйшее объясненіе той цѣли, къ которой идетъ нынѣ общество по отношенію къ выдѣлившимся изъ общаго права элементамъ.

Отъ общаго характера общественной жизни и общественнаго состава перейдемъ ли къ анализу спеціальныхъ отправленій общественнаго организма, повсюду увидимъ тотъ же путь развитія. Возьмемъ въ примѣръ хотя администрацію. Въ

началѣ мы видимъ маленькія племена, изъ которыхъ каждое управляется совершенно самостоятельно и соединяется въ общій союзъ съ другими однородными племенами только въ немногихъ случаяхъ, требующихъ общаго дѣйствія, напримѣръ, на случай войны и другихъ отношеній къ инымъ народамъ, также для предпріятій, превышающихъ средства отдѣльнаго племени, каковы, напримѣръ, громадныя постройки въ родѣ вавилонской башни и циклопическихъ стѣнъ. Каждый членъ племени связанъ съ другими не только законодательными обязательствами, но живымъ личнымъ интересомъ по знакомству, родству и сосѣдскимъ общимъ выгодамъ. Каждый членъ принимаетъ личное и активное участіе во всѣхъ дѣлахъ, касающихся того общественнаго круга, къ которому принадлежитъ. Ученымъ образомъ подобное состояніе называется самоуправленіемъ и федераціею. Мало по малу мелкія племена сливаются и сливаются, такъ что наконецъ исчезаютъ въ административномъ смыслѣ въ громадныхъ государствахъ, каковы, напримѣръ, Франція, Австрія, Пруссія и т. д. Административный характеръ обществъ на этой ступени развитія — бюрократія, составляющая полнѣйшій контрастъ первобытному племенному быту. Административные округи распредѣляются все съ меньшимъ и меньшимъ отношеніемъ къ независимымъ отъ центральнаго источника интересамъ, лежащимъ въ самихъ жителяхъ. Ни въ Пруссіи, ни въ Австріи округъ, соотвѣтствующій нашему уѣзду, не имѣетъ живой связи между своими частями: сохранились живыя связи составныхъ частей только въ болѣе широкомъ разграниченіи провинцій. Но это является уклоненіемъ отъ общаго правила и при первой возможности производится реформа, какую успѣла уже совершить Франція раздѣленіемъ на департаменты, лишенные органическаго единства, въ замѣнъ прежнихъ провинцій. Члены административнаго округа, не имѣя между собою живой связи, ни по своей исторіи, ни по своимъ матеріальнымъ интересамъ, съ тѣмъ вмѣстѣ лишены прежняго полновластія въ управленіи дѣлами округа. Всѣмъ завѣдуютъ особенные люди, называющіеся чиновниками и полицейскими, по своему происхожденію и личнымъ отношеніямъ не имѣющіе связи съ населеніемъ округа, передвигающіеся изъ одного округа въ другой чисто только по соображенію центральной власти, дѣйствующіе по ея распоряженію, обязанные отчетомъ только ей. Житель округа по отношенію своему къ администраціи есть лицо чисто пассивное, materia gubernanda. Надобно ли говорить о томъ, что на этой степени общество не можетъ остановиться? Швейцарія и Сѣверо-Американскіе Штаты по административной формѣ представляются совершеннымъ возвращеніемъ отъ бюрократическаго порядка къ первоначальному быту, какой имѣли люди до возникновенія обширныхъ государствъ.

Не касаясь политическаго устройства, исторія котораго также могла бы служить яркимъ подтвержденіемъ доказываемаго нами общаго господства нормы развитія *), мы приведемъ въ примѣръ только еще два общественныя учрежденія.

Сначала общество не знаетъ отдѣльнаго сословія судей: судъ и расправа въ первобытномъ племени творится всѣми самостоятельными членами племени на об-

*) Модерантисты могутъ найти очень недурной очеркъ одной изъ сторонъ политическаго устройства съ этой точки зрѣнія у Гизо, котораго они уважаютъ. Въ *Histoire de la civilisation en France* онъ объясняетъ постепенные фазисы возрастанія и ослабленія правительственной власти.

щемъ собраніи (мірской сходкѣ). Мало по малу судебная власть отдѣляется отъ гражданъ, дѣлается монополіей особеннаго сословія; гласность судопроизводства исчезаетъ, и водворяется тотъ порядокъ процесса, который намъ очень хорошо извѣстенъ; — онъ былъ и во Франціи, и въ Германіи. Но вотъ, общество развивается далѣе, вмѣсто судей произнесеніе приговора вручается присяжнымъ, то есть, простымъ членамъ общества, не имѣющимъ никакого ученаго подготовленія къ юридической техникѣ, и возвращается первобытная форма суда (1. судитъ общество; 2. судятъ юристы, назначаемые правительственною властью; 3. судятъ присяжные т. е. чисто представители общества).

Какъ судъ такъ и военное дѣло въ первобытномъ обществѣ составляетъ принадлежность всѣхъ членовъ племени, безъ всякаго спеціализма. Форма военной силы вездѣ сначала одна и та же: ополченія, берущіяся за оружіе съ возникновеніемъ войны, возвращающіяся къ мирнымъ промысламъ въ мирное время. Особеннаго военнаго сословія нѣтъ. Мало по малу оно образуется и достигаетъ крайней самобытности при долгихъ срокахъ службы или вербовкѣ по найму. На нашей памяти еще было то время, когда у насъ солдатъ становился солдатомъ на всю свою жизнь, и кромѣ этихъ солдатъ, никто не зналъ военнаго ремесла и не участвовалъ въ войнахъ. Но вотъ, сроки службы начинаютъ сокращаться, система безсрочныхъ отпусковъ все расширяется. Наконецъ (въ Пруссіи) дѣло доходитъ до того, что рѣшительно каждый гражданинъ на извѣстное время (два, три года) становится солдатомъ, и солдатство не есть уже особенное сословіе, а только извѣстный періодъ жизни каждаго человѣка во всякомъ сословіи. Тутъ особенность его сохранилась только въ условіи срочности. Въ Сѣверной Америкѣ и Швейцаріи нѣтъ уже и того: совершенно какъ въ первобытномъ племени, въ мирное время войско не существуетъ, на время войны всѣ граждане берутся за оружіе. И такъ, опять три фазиса, изъ которыхъ высшій представляется по формѣ совершеннымъ возвращеніемъ первобытнаго: 1) отсутствіе регулярныхъ войскъ; милиція на время войны; 2) регулярныя войска; никто, кромѣ спеціально носящихъ мундиръ, не призывается и не способенъ участвовать въ войнѣ; 3) снова возвращается всенародная милиція, и регулярнаго войска въ мирное время нѣтъ.

Отъ устройства военной силы перейдемъ ли къ ея дѣйствію, увидимъ ту же норму развитія. Въ первобытныхъ битвахъ сражается отдѣльный человѣкъ противъ отдѣльнаго человѣка, сраженіе есть громадное число поединковъ (битвы у Гомера; всѣ битвы дикарей). Но вотъ, составъ бьющейся арміи получаетъ все больше и больше плотности, и дѣйствіе отдѣльныхъ людей смѣняется дѣйствіемъ массы; въ XVII, XVIII столѣтіяхъ этотъ фазисъ достигаетъ своего зенита. Огромныя массы стоятъ другъ противъ друга и стрѣляютъ батальнымъ огнемъ, или идутъ въ штыки,—тутъ нѣтъ отдѣльныхъ людей, есть только батальоны, бригады, колонны. Русскій солдатъ временъ Кутузова стрѣлялъ ли въ отдѣльнаго врага? Нѣтъ, цѣлый полкъ стрѣлялъ только въ цѣлый непріятельскій полкъ. Неужели на этомъ остановилось развитіе? Нѣтъ, появились штуцера, и прежній плотный строй разсыпался цѣпью стрѣлковъ, изъ которыхъ каждый дѣйствуетъ также противъ одиночнаго врага, и битва снова принимаетъ Гомерическую форму безчисленнаго множества поединковъ.

Мы хотѣли закончить этимъ примѣромъ. Но зачѣмъ же останавливаться на мрачныхъ мысляхъ о битвахъ? Дадимъ для десерта что нибудь болѣе пріятное.

Мы пишемъ не для обыкновенныхъ читателей, а для экономистовъ отсталой школы; для нихъ самая интересная вещь — внѣшняя торговля, и для ихъ удовольствія мы займемся этимъ драгоцѣннымъ предметомъ.

У дикарей нѣтъ таможенныхъ пошлинъ, нѣтъ ничего подобнаго протекціонизму; каждый торгуетъ съ иностранцемъ на тѣхъ же самыхъ правахъ, какъ съ одноплеменникомъ, сбываетъ товары за границу и покупаетъ иноземные товары точно съ тою же степенью свободы, съ какою идетъ торговля въ предѣлахъ самого племени туземными произведеніями. Но вотъ, люди цивилизуются, начинаютъ заводить фабрики; черезъ нѣсколько времени у нихъ является протекціонная система. Иноземные товары облагаются высокими пошлинами и подвергаются запрещеніямъ для покровительства отечественной промышленности. Неужели на этомъ остановится прогрессъ? О, нѣтъ, вотъ являются Кобдены, Роберты Пили и за этими дѣйствительно замѣчательными людьми маленькія и миленькія существа въ родѣ Бастіа; они доказываютъ, что протекціонизмъ и несправедливъ и вреденъ, подъ ихъ вліяніемъ тарифы начинаютъ понижаться, понижаться,—и общества стремятся къ тому самому блаженству свободной заграничной торговли, которымъ пользовались въ первобытныя времена своей неразвитости.

Разъ начавши говорить о предметахъ пріятныхъ для экономистовъ отсталой школы, мы не можемъ удержаться отъ желанія еще порадовать ихъ бесѣдою, имъ любезною. Еще больше, нежели о заграничной торговлѣ, любятъ они говорить о биржевыхъ оборотахъ,—каково же будетъ ихъ удивленіе, если мы скажемъ, что и биржа, этотъ предметъ ихъ любви и гордости, возникаетъ именно по закону возвращенія каждаго явленія при высшемъ его развитіи къ его первобытному началу въ формальномъ отношеніи. „Какъ? Вы говорите, что основныя формальныя черты биржевой торговли—повтореніе тѣхъ качествъ, которыми отличается торговля дикарей?“ спросятъ наши противники.—Точно такъ, и вы этому не дивились бы, если бы умѣли понимать смыслъ того, что излагается въ вашихъ же собственныхъ книгахъ, отвѣчаемъ мы. Чѣмъ торговля, являющаяся по возникновеніи биржи, отличается по формѣ отъ торговли періода, предшествовавшаго биржѣ? Она ведется въ извѣстномъ одномъ исключительномъ мѣстѣ, въ извѣстное, одно, исключительное время — неужели вы не замѣчали до сихъ поръ, что это черты, принадлежащія базарамъ и ярмаркамъ? Теперь вы сами можете построить тройственную формулу, васъ удивившую:

У племенъ и народовъ, гдѣ торговое движеніе чрезвычайно слабо, оно недостаточно для того, чтобы поддерживаться постоянно и повсемѣстно, и потому для него удобнѣе сосредоточиваться въ извѣстные сроки въ извѣстныхъ мѣстахъ. Такимъ образомъ, оно производится на ярмаркахъ и базарахъ. Но вотъ, торговля развивается. Въ каждомъ городѣ купецъ имѣетъ ежедневно покупщиковъ (потребителей), повсюду являются лавки и магазины, открытыя въ теченіе круглаго года ежедневно. Съ другой стороны, купцовъ такъ много и запросъ ихъ къ производителямъ такъ постояненъ, что производитель можетъ продать имъ свой продуктъ когда и гдѣ ему самому удобнѣе,—зачѣмъ же онъ станетъ дожидаться ярмарки, или базарнаго дня? Такимъ образомъ ярмарки и базары, существовавшіе въ Парижѣ, когда этотъ городъ въ торговомъ отношеніи уподоблялся Козмодемьянску и Царевококшайску, изчезли. Но что же далѣе? Какъ возникаетъ биржа? Покупщиковъ и продавцовъ становится такъ много, у каждаго изъ нихъ такъ много

торговыхъ дѣлъ и справокъ, что онъ не успѣлъ бы управиться съ ними, если бы долженъ былъ искать поодиночкѣ каждаго изъ нужныхъ ему людей. Потому необходимо назначить мѣсто и время, гдѣ и когда сходились бы всѣ занятые торговыми оборотами люди. Такимъ образомъ возвращается первобытное ограниченіе торговыхъ сдѣлокъ извѣстнымъ мѣстомъ и временемъ.

Мы нарочно изложили ходъ этого факта съ нѣкоторою подробностью, чтобы видна была совершенная противоположность причинъ, возстановляющихъ первобытную форму въ концѣ развитія, съ причинами, отъ которыхъ зависѣло ея существованіе при началѣ развитія. Доходя до высокой интенсивности, тѣ самыя обстоятельства, которыя въ менѣе сильной степени были враждебны первобытной формѣ, обращаются въ неизбѣжный вызовъ къ ея возстановленію. Первобытная ограниченность торговли извѣстнымъ мѣстомъ и временемъ (ярмарки и базары) была слѣдствіемъ малочисленности торговыхъ сдѣлокъ. Когда онѣ становятся довольно многочисленными, эта многочисленность дѣйствуетъ отрицательно, разрушительно на первобытную форму; но вотъ, торговыя сдѣлки, вмѣсто того чтобы быть просто „*довольно* многочисленными“, становятся „*чрезвычайно* многочисленными“,—первобытная форма возвращается. Избытокъ качества дѣйствуетъ на форму способомъ противоположнымъ тому способу, какимъ дѣйствовала болѣе слабая степень того же качества.

Чтобы эта формула была яснѣе, мы дадимъ грамматическое выраженіе ея терминамъ. Превосходная степень дѣйствуетъ на форму способомъ противоположнымъ тому, какимъ дѣйствуетъ простая положительная степень. Если напримѣръ человѣкъ, имѣющій *нѣкоторую* справедливость („справедливый“, просто, въ положительной степени), смотритъ на человѣка, совершившаго преступленіе, какъ на преступника, на человѣка, преданнаго низкому пороку, какъ на человѣка низкаго, гнушается ими обоими, считаетъ достойнымъ казни одного, претерпѣваемыхъ несчастій другаго (степень справедливости, выражаемая поговоркою: „по дѣломъ вору и мука“, выражаемая также уголовными законами и тѣмъ „древнимъ“ закономъ, который говорилъ: „люби своего друга, ненавидь своего врага“), — то человѣкъ *чрезвычайно* или *совершенно* справедливый относится и къ преступнику или порочному обратнымъ образомъ: онъ видитъ въ немъ несчастнаго, заслуживающаго не презрѣнія или отвращенія и ненависти, а состраданія и помощи:

„Слышасте, яко речено бытьсь древнимъ: возлюбиши искренняго твоего, и возненавидиши врага твоего. Азъ же глаголю вамъ: любите враги ваша, благословите клянущія вы, добро творите ненавидящимъ васъ“ [1]).

И неужели это есть разрушеніе, отверженіе древняго закона? Нѣтъ, это есть его исполненіе, его завершеніе:

„Не мните, яко пріидохъ раззорити законъ и пророки: не пріидохъ раззорити, но исполнити“ [2]).

Да, это не только заповѣдь любви и кротости, — это заповѣдь совершенной справедливости: высшая справедливость не находитъ преступниковъ, она находитъ въ дурномъ человѣкѣ только несчастнаго заблудшаго, не подлежащаго взысканію: summum jus summa injuria, pariter ac nullum jus. При отсутствіи справедли-

---

[1]) Матѳ. глава V, стих. 43—44.
[2]) Матѳ. глава V, стих. 17.

вости, преступникъ избѣгаетъ закона возмездія; при водвореніи законнаго порядка, онъ подвергается возмездію, око за око и зубъ за зубъ: но когда водворяется полная справедливость, преступникъ изъемлется отъ возмездія, fit injuria, никто не подвергается страданію, ни даже во имя справедливости [1]).

Собираясь закончить этотъ очеркъ, мы хотѣли представить въ заключеніе его два примѣра,—и представили четыре или пять, потому только, что не остерегались отъ множества фактовъ, представляющихся въ подтвержденіе общей нашей мысли повсюду, къ какой бы сферѣ бытія мысль ни обратилась. Но довольно, довольно. Нашъ очеркъ никогда не кончился бы, если мы не сдѣлаемъ надъ собою усилія и не остановимся отъ продолженія этихъ подтвержденій, являющихся нашему анализу въ безчисленномъ множествѣ. Общій ходъ планетарнаго развитія, прогрессивная лѣстница классовъ животнаго царства вообще, высшіе классы животныхъ въ особенности, физическая жизнь человѣка, его языкъ, обращеніе съ другими людьми, его одежда, манера держать себя, всѣ его общественныя учрежденія,—администрація, войско и война, судопроизводство, заграничная торговля, торговое движеніе вообще, понятіе о справедливости—каждый изъ этихъ фактовъ подлежитъ той нормѣ, о которой мы говоримъ: повсюду высшая степень развитія представляется по формѣ возвращеніемъ къ первобытной формѣ, которая замѣнялась противоположною на средней степени развитія; повсюду очень сильное развитіе содержанія ведетъ къ возстановленію той самой формы, которая была отвергаема развитіемъ содержанія не очень сильнымъ [2]).

Все, изложенное нами, должно было быть знакомо тѣмъ противникамъ общиннаго владѣнія, которые называютъ себя послѣдователями Шеллинга и Гегеля. Какимъ же образомъ не догадались они, что налегая на первобытность этой формы отношеній человѣка къ землѣ, они тѣмъ самымъ указываютъ въ общинномъ владѣніи черту, сильнѣйшимъ образомъ предрасполагающую къ возвышенію общиннаго владѣнія надъ частною поземельною собственностью? Какъ могли они переносить вопросъ на почву, столь не выгодную для нихъ? Тутъ одинъ отвѣтъ возможенъ: Quem Jupiter perdere vult и т. д.—то есть, въ русской болѣе мягкой формѣ: кому по натурѣ вещей нельзя не проиграть дѣла, тотъ въ довершеніе своей бѣды самъ дѣлаетъ гибельные для себя недосмотры.

Неужели въ самомъ дѣлѣ правдоподобно, чтобы одинъ только фактъ поземельныхъ отношеній былъ противорѣчіемъ общему закону, которому подчинено развитіе всего матеріальнаго и нравственнаго міра? Неужели вѣроятно, чтобы для этого одного факта существовало исключеніе изъ закона, дѣйствующаго столь же

---

[1]) Въ латинскомъ языкѣ, который довелъ до крайняго совершенства опредѣленіе юридическихъ понятій, слово *injuria* несправедливость (*injuria est, ubi jus deest*) прекрасно выражаетъ развиваемую нами мысль, что какое бы то ни было страданіе, по какой бы то ни было причинѣ претерпѣваемое человѣкомъ, составляетъ уже несправедливость: *Injuriam passus sum*—это выраженіе имѣетъ два смысла: 1) „я подвергся незаконному лишенію“ 2) я подвергся какому бы то ни было лишенію того, чѣмъ пользовался; во второмъ смыслѣ говорится, напримѣръ, *injuriae tempestatum, morborum, temporum*—убытки, приносимые моей нивѣ непогодами; лишенія, которымъ подвергается мое здоровье отъ болѣзней: потери и страданія, наносимыя мнѣ неблагопріятными обстоятельствами.

[2]) Повторяемъ, что если кто нибудь не захочетъ согласиться на признаніе всеобщаго и неизмѣннаго господства этой нормы во всѣхъ безъ исключенія явленіяхъ матеріальнаго и нравственнаго, индивидуальнаго и общественнаго бытія, тотъ сдѣлаетъ намъ большое одолженіе, указавъ *хотя одинъ* фактъ, который не былъ бы подчиненъ этому рѣшительно всеобщему закону.

неизмѣнно и неизбѣжно, какъ законъ тяготѣнія или причинной связи! *) Неужели при одной фразѣ „общинное владѣніе есть первобытная форма поземельныхъ отношеній, а частная собственность вторая, послѣдующая форма“,—неужели при одной этой фразѣ не пробуждается въ каждомъ, кто знакомъ съ открытіями великихъ нѣмецкихъ мыслителей, сильнѣйшее, непреоборимое предрасположеніе къ мнѣнію, что общинное владѣніе должно быть и высшею формою этихъ отношеній?

Дѣйствительно, норма, изложенная нами и несомнѣнная для каждаго, хотя нѣсколько знакомаго съ современнымъ положеніемъ понятій объ общихъ законахъ міра, неизбѣжно ведетъ къ такому построенію поземельныхъ отношеній:

Первобытное состояніе (начало развитія). Общинное владѣніе землею. Оно существуетъ потому, что человѣческій трудъ не имѣетъ прочныхъ и дорогихъ связей съ извѣстнымъ участкомъ земли. Номады не имѣютъ земледѣлія, не производятъ надъ землею никакой работы. Земледѣліе сначала также не соединено съ затратою почти никакихъ капиталовъ собственно на землю.

Вторичное состояніе (усиленіе развитія). Земледѣліе требуетъ затраты капитала и труда собственно на землю. Земля улучшается множествомъ разныхъ способовъ и работъ, изъ которыхъ самою общею и повсемѣстною необходимостью представляется удобреніе. Человѣкъ, затратившій капиталъ на землю, долженъ неотъемлемо владѣть ею; слѣдствіе того—поступленіе земли въ частную собственность. Эта форма достигаетъ своей цѣли, потому что землевладѣніе не есть предметъ спекуляціи, а источникъ правильнаго дохода.

Вотъ двѣ степени, о которыхъ толкуютъ противники общиннаго владѣнія—но вѣдь только двѣ, гдѣ же третья? Неужели ходъ развитія исчерпывается ими?

Промышленно-торговая дѣятельность усиливается и производитъ громадное развитіе спекуляціи; спекуляція, охвативъ всѣ другія отрасли народнаго хозяйства, обращается на основную и самую обширную вѣтвь его—на земледѣліе. Оттого поземельная личная собственность теряетъ свой прежній характеръ. Прежде землею владѣлъ тотъ, кто обрабатывалъ ее, затрачивалъ свой капиталъ на ея улучшеніе (система малыхъ собственниковъ, воздѣлывающихъ своими руками свой участокъ, также система эмфитеозовъ и половничества по наслѣдству, съ крѣпостною зависимостью или безъ нея);—но вотъ является новая система: фермерство по контракту; при ней рента, возвышающаяся вслѣдствіе улучшеній, производимыхъ фермеромъ, идетъ въ руки другому лицу, которое или вовсе не участвовало, или только въ самой незначительной степени участвовало, своимъ капиталомъ въ улучшеніи земли, а между тѣмъ пользуется всею прибылью, какую доставляютъ улучшенія. Такимъ образомъ, личная поземельная собственность перестаетъ быть способомъ къ вознагражденію за затрату капитала на улучшеніе земли. Съ тѣмъ вмѣстѣ обработка земли начинаетъ требовать такихъ капиталовъ, которые превышаютъ средства огром-

*) Если кому нибудь мало покажется приведенныхъ нами подтвержденій всеобщности этого закона: „конецъ развитія по формѣ является возвращеніемъ къ его началу“,—для такого скептика мы готовы по первому его желанію показать ту же норму въ развитіи всѣхъ половыхъ и семейныхъ отношеній, политическаго устройства, законодательства вообще, гражданскихъ и уголовныхъ законовъ, налоговъ и податей, науки, искусства, матеріальнаго труда; для всего этого не нужно будетъ намъ ни особенной учености, ни долгихъ соображеній,—нужно только заглянуть, напримѣръ, хотя въ Гегеля: у него все это давнымъ давно уже доказано и объяснено.

ная большинства земледѣльцевъ, а земледѣльческое хозяйство требуетъ такихъ размѣровъ, которые далеко превышаютъ силы отдѣльнаго семейства, и по обширности хозяйственныхъ участковъ также исключаютъ (при частной собственности) огромное большинство земледѣльцевъ отъ участія въ выгодахъ, доставляемыхъ веденіемъ хозяйства, и обращаютъ это большинство въ наемныхъ работниковъ. Этими перемѣнами уничтожаются тѣ причины преимущества частной поземельной собственности передъ общиннымъ владѣніемъ, которыя существовали въ прежнее время. Общинное владѣніе становится единственнымъ способомъ доставить огромному большинству земледѣльцевъ участіе въ вознагражденіи, приносимомъ землею, за улучшенія, производимыя въ нея трудомъ. Такимъ образомъ, общинное владѣніе представляется нужнымъ не только для благосостоянія земледѣльческаго класса, но и для успѣховъ самаго земледѣлія: оно оказывается единственнымъ разумнымъ и полнымъ средствомъ соединить выгоду земледѣльца съ улучшеніемъ земли и методы производства съ добросовѣстнымъ исполненіемъ работы. А безъ этого соединенія невозможно вполнѣ успѣшное производство.

Таково сильнѣйшее, непреоборимое расположеніе мысли, къ которому приводитъ каждаго, знакомаго съ основными воззрѣніями современнаго міросозерцанія, именно та самая черта первобытности, которую выставляютъ къ рѣшительной невыгодѣ для себя въ общинномъ владѣніи его противники. Именно эта черта заставляетъ считать его тою формою, которую должны имѣть поземельныя отношенія при достиженіи высокаго развитія; именно эта черта указываетъ въ общинномъ владѣніи высшую форму отношенія человѣка къ землѣ.

Дѣйствительно ли достигнута въ настоящее время нашею цивилизаціею та высокая ступень, принадлежностью которой должно быть общинное владѣніе, — этотъ вопросъ, разрѣшаемый уже не помощью логическихъ наведеній и выводовъ изъ общихъ міровыхъ законовъ, а анализомъ фактовъ, былъ отчасти разсматриваемъ нами въ прежнихъ статьяхъ объ общинномъ владѣніи и съ большею полнотою будетъ прослѣдованъ нами въ слѣдующихъ статьяхъ, которыя обратятся къ изложенію спеціальныхъ данныхъ о земледѣліи въ Западной Европѣ и у насъ. Настоящая статья, имѣющая чисто отвлеченный характеръ, должна довольствоваться только логическимъ развитіемъ понятій, знаніе которыхъ представляется однимъ изъ условій для правильнаго взгляда на дѣло, а искаженіе или незнаніе которыхъ послужило основною причиною заблужденія для лучшихъ между противниками общиннаго владѣнія.

Изъ числа этихъ общихъ понятій, за изложеннымъ нами положеніемъ современной науки о преемственности формъ, непосредственно слѣдуетъ понятіе о томъ, каждое ли отдѣльное проявленіе общаго процесса должно проходить въ дѣйствительности всѣ логическіе моменты съ полной ихъ силою, или обстоятельства, благопріятныя ходу процесса въ данное время и въ данномъ мѣстѣ, могутъ въ дѣйствительности приводить его къ высокой степени развитія, совершенно минуя средніе моменты или по крайней мѣрѣ чрезвычайно сокращая ихъ продолжительность и лишая ихъ всякой ощущительной интенсивности.

По методу современной науки, разрѣшеніе вопроса относительно многосложныхъ явленій облегчается разсмотрѣніемъ его въ простѣйшихъ проявленіяхъ того же процесса. По этой методѣ всегда стараются начинать анализъ съ физическихъ фактовъ, чтобы перейти къ нравственнымъ фактамъ индивидуальной жизни, ко-

торая гораздо сложнѣе, и наконецъ къ общественной жизни, которая еще сложнѣе, а общественную жизнь стараются разсмотрѣть по возможности въ первоначальныхъ ея явленіяхъ, наименѣе сложныхъ, чтобы облегчить тѣмъ анализъ чрезвычайно запутанныхъ явленій цивилизаціи нашихъ странъ.

Итакъ, начнемъ съ процессовъ физической природы, — напримѣръ, съ окисленія, которое, достигнувъ очень высокой интенсивности, становится горѣніемъ. Посмотримъ, какимъ образомъ этотъ процессъ достигаетъ степени горѣнія самъ по себѣ, безъ всякихъ особенныхъ обстоятельствъ, напримѣръ, въ деревѣ.

Вѣтеръ наломалъ огромную кучу высохшихъ деревьевъ. Подъ вліяніемъ сырости, дерево начинаетъ гнить (разлагаться съ поглощеніемъ кислорода). Отъ этого процесса внутри кучи температура все повышается и повышается, — гніеніе все усиливается съ повышеніемъ температуры, и мало по малу достигаетъ той степени окисленія, которая называется броженіемъ. Броженіе усиливается, температура все возвышается; наконецъ, изъ средины кучи начинаетъ идти гнилой паръ, — это значитъ, температура возвысилась до того, что центръ кучи началъ сохнуть отъ собственнаго жара. Вотъ, черезъ нѣсколько времени, вмѣстѣ съ паромъ изъ однѣхъ частей идетъ изъ другихъ уже дымъ, — центръ кучи началъ обугливаться. Мало по малу изъ чернаго угля образуется раскаленный, красный уголь; масса раскаленнаго угля увеличивается, наконецъ въ прилежащихъ къ ней частяхъ вспыхиваетъ пламя.

Какая длинная постепенность, какъ много степеней: 1) проникновеніе сыростью; 2) гніеніе; 3) броженіе; 4) просыханіе; 5) образованіе чернаго угля; 6) превращеніе чернаго въ раскаленный; 7) появленіе пламени. Этотъ путь такъ длиненъ и труденъ, что мы не знаемъ, удавалось ли разнымъ массамъ дерева достичь горѣнія по такому пути хоть пять или шесть разъ отъ самаго начала лѣсовъ на землѣ до нашего времени.

Каждая изъ этихъ степеней — логическій моментъ въ процессѣ горѣнія дерева. Сколько времени требуетъ такой ходъ процесса, мы не беремся рѣшить, но конечно требуетъ онъ не одну и не двѣ недѣли. Каково же было бы намъ, людямъ, если бы каждый разъ, когда нужно намъ пламя, мы должны были бы ждать, пока успѣемъ пропитать сыростью огромную массу дерева, потомъ она станетъ гнить, начнетъ бродить и т. д. Не только пришлось бы тогда роду человѣческому вымереть всему, не отвѣдавъ ни щей, ни супа, вымереть съ отмерзлыми ушами и пальцами отъ первой суровой ночи, — но и теперь, при одномъ чтеніи нашего разсказа объ этомъ процессѣ, читателю приходится скучно и чуть ли не тошно отъ такихъ длиннѣйшихъ разсужденій, ведущихъ — къ чему? — къ тривіальнѣйшему замѣчанію, что гораздо скорѣе полѣнья, положенныя въ печь, зажигаются прикосновеніемъ горящей спички или свѣчи къ подложенной подъ нихъ бумагѣ, берестѣ или лучинѣ. „Неужели я нуждаюсь въ доказательствахъ къ подобнымъ выводамъ?“ съ гнѣвомъ спрашиваетъ читатель. Нѣтъ, вы не нуждаетесь, спокойно отвѣчаю я, но нуждаются въ нихъ ученые противники общиннаго владѣнія, показывающіе такую сообразительность въ своихъ выводахъ, такую наклонность не признавать тривіальнѣйшихъ истинъ и науки, и обыденной жизни, такую требовательность на доказательства этимъ трюизмамъ (какъ говорятъ англичане), такую способность понимать смыслъ самыхъ яснѣйшихъ фактовъ, что вотъ теперь мы принуждены объяснять имъ, какой смыслъ имѣетъ тотъ очень мудрый фактъ, что спички

при помощи растопки очень быстро зажигаютъ дрова, положенныя въ печь, а въ слѣдующихъ статьяхъ будемъ объяснять, что иной человѣкъ умираетъ бездѣтнымъ, послѣ другого остается одинъ сынъ, послѣ третьяго человѣкъ пять сыновей или больше, также объяснять и дозывать, что солнечные лучи согрѣваютъ землю и т. д., и т. д. Вы скажете: „глупо и говорить объ этомъ“. Совершенная правда, но что же дѣлать? Не изложи и не докажи мы всего этого подробно, ученые противники общиннаго владѣнія сейчасъ закричатъ: „Мы не видимъ, на чемъ основаны ваши выводы!“ и „ваши выводы неосновательны!“ Мы не лишены надежды, что по поводу общиннаго владѣнія принуждены будемъ написать цѣлую статью въ доказательство существованія желудка у человѣка,—сообразите, каково придется вамъ, читатель, тогда; утѣшьтесь же мыслью, что теперь, сравнительно говоря, ваше положеніе еще довольно сносно. Успокоивъ васъ, продолжаемъ интересное разсужденіе о мѣстѣ, занимаемомъ фосфорною спичкою въ области философскаго міросозерцанія.

Эта фосфорная спичка даетъ намъ слѣдующіе выводы:

1) Когда въ одномъ тѣлѣ извѣстный процессъ достигъ высокой степени развитія (спичка уже зажглась), то при помощи этого тѣла онъ можетъ быть доведенъ до той же степени развитія въ другомъ тѣлѣ гораздо скорѣе, нежели какъ достигъ бы безъ помощи этого опередившаго пособника (дрова въ печи отъ нашей спички зажигаются скорѣе, нежели загорѣлись бы тогда, когда бы процессъ окисленія ихъ остался безъ этого пособія).

2) Это ускореніе совершается посредствомъ соприкосновенія (зажженная спичка прикладывается къ лучинѣ, а лучина положена подлѣ полѣньевъ).

3) Это ускореніе состоитъ въ томъ, что процессъ прямо съ первой степени пробѣгаетъ къ послѣдней, не останавливаясь на среднихъ (въ одну секунду по приложеніи спички, лучина уже производитъ изъ себя пламя, черезъ одну минуту производятъ его и полѣнья).

4) Среднія степени, черезъ которыя быстро пробѣгаетъ процессъ, вообще могутъ быть замѣчены только теоретическимъ наблюденіемъ, а не практическимъ чувствомъ (полѣно, загараясь отъ лучины, загорѣвшейся отъ спички, дѣйствительно нѣсколько подвергается гніенію, броженію и т. д., но спросите объ этомъ у вашей кухарки—она никогда не замѣчала, чтобы сухія полѣнья, будучи подожжены, подвергались гніенію и т. д. Она напротивъ видитъ, что они „какъ только подложишь огонь, въ тою же секундую“—простите неграмматичность ея языка—„такъ и вспыхнутъ“). На философскомъ языкѣ это отношеніе выражается такъ: „не достигая реальнаго осуществленія (т. е. имѣющаго практическую осязаемость), эти логическіе мотивы развитія не переходятъ за границы идеальнаго или логическаго бытія“.

5) Если же изъ быстро пробѣгаемыхъ моментовъ нѣкоторые и замѣчаются практическимъ ощущеніемъ (напримѣръ, глазъ кухарки замѣчаетъ, что каждая наружная часть полѣна, прежде нежели дастъ пламя, нѣсколько чернѣетъ, то есть, проходитъ степень чернаго обугленія, предшествующаго вспыхиванію), то они въ общемъ итогѣ процесса составляютъ лишь самую ничтожнѣйшую часть (черныя части дерева въ каждую данную секунду по массѣ своей едва ли составляютъ и одну тысячную часть массы, находящейся въ пламени, а по практическому значенію своему въ отношеніи къ ощущеніямъ и дѣйствіямъ, производимымъ топкою печи, играютъ еще менѣе важную роль,—онѣ развѣ гамеопатическою до-

зою участвуютъ въ чувствѣ теплоты, осязаемой кухаркою, стоящею у печи, и въ кипяченіи горшка щей, приставленнаго кухаркою къ огню).

Эти выводы, столь новые въ мірѣ науки, мы изложили съ возможною полнотою и съ приведеніемъ элементовъ факта, изъ которыхъ они извлечены нами. Мы опасаемся, что противники общиннаго владѣнія закричатъ: „бездоказательно, неосновательно!“ Мы желали бы предупредить ихъ сомнѣнія и вмѣсто одного факта (зажиганіе печки спичкою) анализировать столь же ученымъ образомъ двадцать, тридцать столь же многотрудныхъ для пониманія фактовъ, напримѣръ, закваску тѣста посредствомъ куска кислаго тѣста или дрожжей, отбираніе загнившихъ яблокъ отъ свѣжихъ, чтобы не попортились свѣжія, и т. д. Но нельзя же быть слишкомъ предупредительными, наша статья и безъ того уже черезъ чуръ длинна. Читателю, вѣроятно, слишкомъ довольно и одного анализа растапливанья печки. Перейдемъ же отъ внѣшняго физическаго міра къ человѣческой индивидуальной жизни и посмотримъ, какъ достигаетъ человѣкъ самъ собою, безъ посторонней помощи, до употребленія той же самой фосфорной спички.

Сначала человѣкъ не умѣетъ не только зажигать огня, но и поддерживать зажженнаго: путешественники говорятъ о дикаряхъ, которые, подобно обезьянамъ, любятъ грѣться у дерева, зажженнаго молніею, и горюютъ, когда оно начинаетъ погасать, но не догадываются подбрасывать въ огонь хворосту. Потомъ человѣкъ научается зажигать дерево треніемъ двухъ кусковъ дерева—какое торжество для жизни! Но вотъ, придумываютъ средство ускорять ихъ вспыхиваніе, вставляя между ними кусокъ трута. Далѣе, придумываютъ огниво и кладутъ на кремень трутъ. Но трутъ принимаетъ искру не довольно вѣрно и быстро,—въ немъ усиливаютъ эту воспріимчивость, пропитывая его селитрою. Теперь трутъ превосходенъ; но все еще сколько хлопотъ, чтобы изъ его тлѣющагося состоянія извлечь пламя: надобно „придувать“ его къ угольку, потомъ „придувать“ два уголька къ лучинкѣ, вложенной между ними. Но вотъ, изобрѣтена сѣрная спичка, прямо сама вспыхивающая отъ прикосновенія къ труту: вновь какое великое торжество! Но огниво и кремень кажутся уже слишкомъ хлопотливыми. Вотъ найдено средство облекать сѣрный конецъ спички фосфоромъ и упрочивать фосфоръ въ атмосферной средѣ другими оболочками и примѣсями.

Какой длинный путь! Человѣку нужно было не менѣе 7345 лѣтъ, чтобы пройти его. Каковы же теперь для каждаго отдѣльнаго человѣка результаты того, что нѣкоторые люди дошли столь длиннымъ и труднымъ процессомъ до употребленія фосфорныхъ спичекъ?—Доставленіе возможности всѣмъ другимъ людямъ достичь того же самаго, не мучась прохожденіемъ этого страшно длиннаго пути; и выводы для явленій индивидуальной человѣческой жизни получаются тѣ же самые, какіе были прежде получены нами для явленія физическаго міра:

1) Когда извѣстный процессъ (напр. способъ добыванія огня) достигъ въ извѣстномъ человѣкѣ извѣстной степени развитія (напримѣръ, употребленія фосфорныхъ спичекъ), достиженіе этой степени можетъ быть чрезвычайно ускорено въ другихъ людяхъ (именно, теперь какимъ нибудь дикарямъ, не умѣющимъ зажигать огня, уже нѣтъ нужды тратить 7345 лѣтъ, чтобы достичь до фосфорныхъ спичекъ—употребленію ихъ каждый можетъ выучиться въ двѣ секунды, а приготовленію въ два часа).

2) Это ускореніе совершается черезъ сближеніе человѣка, которому нужно

достичь высшей степени процесса, съ человѣкомъ уже достигшимъ ея (именно, изъ Парижа человѣкъ съ фосфорными спичками пріѣзжаетъ въ центральную Африку или дикарь изъ центральной Африки въ одно изъ селеній, гдѣ уже есть фосфорныя спички).

3) Это ускореніе состоитъ въ томъ, что процессъ развитія съ чрезвычайной быстротою пробѣгаетъ съ низшей степени всѣ среднія до высшей. (Дикарямъ нѣтъ нужды учиться сначала употребленію огнива, потомъ употребленію сѣрной спички,— они прямо берутся за фосфорную спичку).

4) При этомъ ускореніи процесса, среднія степени открываются только теоріею, достигаютъ только теоретическаго существованія, какъ логическіе моменты, почти не достигая или вовсе не достигая реальнаго существованія. (Дикари, умѣющіе теперь добывать огонь только треніемъ двухъ кусковъ дерева, выучившись прямо употребленію фосфорныхъ спичекъ, вообще будутъ знать только по разсказамъ, что прежде фосфорныхъ спичекъ существовали сѣрныя, съ кремнемъ и огнивомъ).

5) Если же и достигаютъ реальнаго существованія эти среднія степени, опускаемыя ускореннымъ ходомъ развитія, то лишь въ самомъ ничтожномъ размѣрѣ по своей массѣ и еще въ меньшемъ по практическому значенію своей роли. (Очень можетъ быть, что найдутся между дикарями чудаки, которые вздумаютъ возиться съ огнивомъ и сѣрными спичками и тогда, когда выучатся употребленію фосфорныхъ; но эта причуда будетъ развѣ у одного человѣка изъ десяти тысячъ, да и тотъ будетъ возиться съ огнивомъ и сѣрными спичками лишь отъ бездѣлья и при бездѣльѣ, а чуть встрѣтится ему нужда работать или потребность быстро добыть огонь, онъ броситъ свою причуду и черкнетъ по стѣнѣ фосфорною спичкою).

Читатель, не оскорбляйтесь этими длинными разсужденіями, имѣющими цѣлью доказывать истины, столь же сомнительныя, какъ и то, что человѣкъ видитъ предметы глазами, а не ушами, держитъ карты (когда играетъ въ ералашъ) руками, а не носомъ и т. п.:—изъ-за вопроса, доказываемаго этими трюизмами, велись и ведутся ожесточенные споры, и, повѣрьте, мы дѣйствительно боимся, что о насъ закричатъ: „это неосновательно! это бездоказательно!“ когда мы въ послѣднихъ строкахъ статьи выскажемъ смыслъ этихъ анализовъ философскаго значенія фосфорныхъ спичекъ и способа растапливать печь. Противники, если только предвидятъ этотъ смыслъ (они выказываютъ такую сообразительность, что мы не поручимся, предвидятъ ли они его), безъ сомнѣнія уже возмущаются духомъ и вопіютъ: „Мы этого не знаемъ, мы этому не вѣримъ! Вы говорите неосновательно, бездоказательно!“

Итакъ, въ индивидуальной жизни средніе моменты развитія могутъ быть пропускаемы въ реальномъ процессѣ извѣстнаго явленія, когда человѣкъ, въ которомъ этотъ процессъ стоитъ еще на низкой степени, сближается съ человѣкомъ, въ которомъ онъ достигъ уже гораздо высшей степени.

Мы доказали это анализомъ процесса, принадлежащаго къ механической жизни. Тоже самое мы увидѣли бы въ каждомъ другомъ явленіи всякой другой сферы индивидуальной жизни.

Напримѣръ, письмо, одна изъ первыхъ основъ умственнаго развитія, идетъ слѣдующимъ порядкомъ: 1) изображаются самые предметы (на этомъ остановились мехиканцы); 2) ихъ изображенія сокращаются въ гіероглифы (на этомъ застаетъ исторія египтянъ); 3) гіероглифы сокращаются въ идеографы (на этомъ

остановились китайцы); 4) изъ идеографическихъ знаковъ возникаетъ алфавитъ, записывающій одну грубѣйшую часть звуковъ, согласные, съ пропускомъ гласныхъ (семитическая алфавитная система); 5) изъ семитическаго алфавита возникаютъ наши европейскіе (греческая система, происшедшая изъ финикійской), въ которыхъ гласные звуки записываются наравнѣ съ согласными.

Скажите на милость, кому прійдетъ въ голову, что когда европейцы примутся образовывать дикарей, вовсе неумѣющихъ писать, то эти дикари сначала выучатся писать гіероглифами, потомъ китайскими знаками, потомъ еврейскими и только уже прошедши всѣ эти градаціи могутъ начать писать по европейской системѣ?

Или въ школахъ этихъ дикарей надобно будетъ преподавать географію сначала по Гомеровской системѣ (Океанъ есть рѣка, и Балтійское море одно и то же съ Чернымъ моремъ, а вся земля имѣетъ видъ тарелки), а потомъ доказывать, что земля совершенно правильный шаръ, и только потомъ уже открыть имъ, что это шарообразное тѣло — не совершенный шаръ, а нѣсколько раздуто подъ экваторомъ и сплюснуто въ полюсахъ?

Мы выбирали такіе примѣры, которые относились преимущественно къ индивидуальной жизни; но по чрезвычайно тѣсной связи между развитіемъ индивидуума и развитіемъ общества, они въ значительной степени касались и общественной жизни, напримѣръ ея матеріальной обстановки (фосфорная спичка) и умственныхъ успѣховъ (письмо, преподаваніе наукъ). Теперь обратимся къ такимъ явленіямъ, которыя принадлежатъ уже преимущественно общественной жизни, то есть, могутъ осуществляться не иначе, какъ по инстинктивному расположенію или сознательному соглашенію общества. Сюда относятся нравы, обычаи, законы и всѣ такъ называемыя общественныя учрежденія въ обширномъ смыслѣ слова.

Мы сказали, что явленія, за анализъ которыхъ беремся, принадлежатъ собственно общественной жизни. Но общественная жизнь есть сумма индивидуальныхъ жизней, и если въ индивидуальной жизни процессъ явленій можетъ перебѣгать съ низшаго логическаго момента на высшій, пропуская средніе, то изъ этого уже очевидно, что мы должны ожидать встрѣтить ту же возможность и въ общественной жизни. Это простой математическій выводъ. Въ самомъ дѣлѣ, пусть несокращенный благопріятными обстоятельствами ходъ развитія индивидуальной жизни будетъ выражаться прогрессіею:

1. 2. 4. 8. 16. 32. 64.....

Пусть въ этой прогрессіи каждымъ членомъ обозначается извѣстный моментъ неускореннаго благопріятными обстоятельствами развитія.

Пусть общество состоитъ изъ А членовъ.

Тогда, очевидно, развитіе общества выражается слѣдующею прогрессіею:

1 А. 2 А. 4 А. 8 А. 16 А. 32 А. 64 А.....

Но мы видѣли, что ходъ индивидуальной жизни можетъ перебѣгать съ первой ступени прямо на третью, или четвертую, или седьмую, и положимъ, что относительно извѣстнаго понятія или факта онъ пошелъ по слѣдующему ускоренному пути:

1. 4. 64.

Тогда, очевидно, и ходъ общественной жизни относительно этого явленія будетъ:

1 А. 4 А. 64 А.

Кажется, это ясно. Но противники общиннаго владѣнія или притворяются незнающими, или дѣйствительно страждутъ незнаніемъ самыхъ первоначальныхъ логическихъ пріемовъ: потому разъяснимъ популярнѣйшимъ примѣромъ эту и безъ того ясную теорему.

Одно изъ общественныхъ учрежденій есть военная сила; одинъ изъ элементовъ ея—вооруженіе. Неускоренное обстоятельствами развитіе вооруженія таково: 1) Обыкновенная дубина; 2) дубина получаетъ каменное или металлическое остріе, т. е. переходитъ въ копье, которымъ или тыкаютъ, держа его въ рукахъ, или бросаютъ въ непріятеля; 3) уменьшенное копье послѣдняго рода начинаютъ бросать помощью тетивы, получаются лукъ и стрѣла; 4) совершенствуясь, лукъ получаетъ линейку съ вырѣзкою для вкладыванія стрѣлы, и образуется самострѣлъ: совершенствуясь, линейка съ вырѣзкою превращается въ трубочку съ продольнымъ разрѣзомъ для тетивы; 5) ударъ тетивы замѣняется ударомъ пороха, лукъ отпадаетъ, остается трубка, въ которой разрѣзъ уничтожается, замѣняясь затравкою, а стрѣла сокращается въ пулю,—вотъ уже и ружье, но первоначально это ружье не имѣетъ замка, а зажигается фитилемъ; 6) изобрѣтается кремневый замокъ: 7) онъ замѣняется пистоннымъ замкомъ; 8) въ стволѣ ружья дѣлаются нарѣзки—мы получаемъ охотничью винтовку; 9) охотничья винтовка не годится для войскъ, пока не изобрѣтены для нея особенныя пули,—онѣ изобрѣтаются, и вотъ войско вооружается штуцеромъ.

Вообразимъ себѣ, что въ Новой Голландіи живутъ еще племена дикарей, незнающихъ никакого оружія, кромѣ дубины. Вотъ, открыты золотыя розсыпи; европейскіе авантюристы (со штуцерами) проникаютъ въ мѣста, еще не посѣщавшіяся европейцами, и находятъ этихъ дикарей: спрашивается, понадобится ли этимъ дикарямъ переходить отъ дубины къ копью, отъ копья къ луку, отъ лука къ самострѣлу, отъ самострѣла къ фитильному ружью и т. д., если они прямо будутъ вымѣнивать у европейцевъ штуцера?

Этимъ не кончилось дѣло.

Съ каждымъ родомъ вооруженія соединены извѣстныя построенія войска. Копье, которое держится въ рукахъ, создаетъ фалангу; кремневому ружью соотвѣтствуетъ сомкнутый строй; штуцеру—разсыпной строй.

Погодите, и этимъ еще не кончилось дѣло.

Различныя построенія требуютъ различныхъ качествъ отъ воина. Напримѣръ, въ сомкнутомъ строю солдатъ, прослужившій всего только одинъ годъ, никуда не годится. Въ разсыпномъ строю онъ ничуть не хуже солдата, прожившаго хотя бы полтораста лѣтъ въ казармахъ.

Что изъ этого слѣдуетъ? То, что у дикарей, о которыхъ мы говоримъ, въ существованіи военной силы будетъ недоставать многихъ періодовъ, черезъ которые прошла она въ Европѣ.

Изъ нестройной дубино-махающей толпы ихъ военная сила прямо обратится въ милицію, подобную сѣверо-американской. Они не будутъ знать ни казармъ, ни регулярныхъ войскъ, ни всего того, что соединено съ этими учрежденіями. А съ

этими учрежденіями соединенъ весь тотъ порядокъ вещей, который произвелъ исторію континентальной Европы отъ Карла VII французскаго и Карла V испанско-нѣмецкаго до вчерашняго дня. Изъ блаженнаго общественнаго быта лукіановыхъ скиѳовъ и тацитовыхъ германцевъ, эти дикари перейдутъ прямо къ блаженному быту, о которомъ мы съ вами, читатель, можемъ только мечтать.

Исторія, какъ бабушка, страшно любитъ младшихъ внучатъ. Tarde venientibus даетъ она не ossa, а medullam ossium, разбивая которыя Западная Европа больно ошибала себѣ пальцы.

Но мы увлеклись въ диѳирамбъ, заговорили съ читателемъ, — мы забыли, что должны бесѣдовать съ противниками общиннаго владѣнія, то есть заниматься азбукою. Возвратимся же къ азбучнымъ понятіямъ.

Насъ занимаетъ вопросъ: должно ли данное общественное явленіе проходить въ дѣйствительной жизни каждаго общества всѣ логическіе моменты, или можетъ, при благопріятныхъ обстоятельствахъ, переходитъ съ первой или второй степени развитія прямо на пятую или шестую, пропуская среднія, какъ это бываетъ въ явленіяхъ индивидуальной жизни и въ процессахъ физической природы?

Единство законовъ во всѣхъ сферахъ бытія, зависимость общественной жизни отъ индивидуальной, математическія формулы, — все заставляетъ рѣшать эту задачу утвердительнымъ образомъ каждаго, имѣющаго хотя какое нибудь понятіе объ исторіи или современной философіи, или хотя о Гегелѣ *), или даже хотя о Шеллингѣ, или даже хотя о здравомъ смыслѣ; — совершенная достаточность даже одного послѣдняго качества для разрѣшенія задачи, вѣроятно, съ достаточною ясностью окажется изъ слѣдующихъ вопросовъ:

Низшая форма религіи, фетишизмъ, не знаетъ вражды къ иновѣрцамъ. Но другія языческія формы религіи болѣе или менѣе наклонны къ преслѣдованіямъ за вѣру. Грубые народы Новой Европы также имѣли инквизицію. Только въ послѣднее время европейская цивилизація достигла того высокаго понятія, что преслѣдованіе иновѣрцевъ противно ученію Христа. Спрашивается теперь: когда какой нибудь народъ, погрязавшій въ грубомъ фетишизмѣ, просвѣщается христіанствомъ, введетъ ли онъ у себя инквизицію, или можетъ обойтись безъ нея? Надобно ли желать и можно ли надѣяться, что у этого народа прямо водворится терпимость, или онъ начнетъ воздвигать костры, и эта средняя степень такъ необходима въ его развитіи, что напрасно и удерживать его отъ гоненій на иновѣрцевъ?

Какой нибудь народъ, живущій въ племенномъ бытѣ, основныя черты котораго самоуправленіе (self government) и федерація, принимаетъ европейскую цивилизацію: спрашивается, пріймутся ли у него прямо высшія черты этой цивилизаціи, столь сродныя его прежнему быту, или онъ неизбѣжно введетъ у себя бюрократію и другія прелести XVII вѣка?

Этотъ народъ, не имѣя ни фабрикъ, ни заводовъ, не имѣлъ и понятія о протекціонной системѣ: спрашивается, необходимо ли ему вводить у себя протекціонизмъ, черезъ который прошла и отъ котораго отказалась европейская цивилизація.

---

*) Гегель положительно говоритъ, что средніе логическіе моменты чаще всего не достигаютъ объективнаго бытія, оставаясь только логическими моментами. Довольно того, что извѣстный средній моментъ достигъ бытія гдѣ нибудь и когда нибудь, этимъ избавляется процессъ развитія во всѣхъ другихъ временахъ и мѣстахъ отъ необходимости доводить его до дѣйствительнаго осуществленія, прямо говоритъ Гегель.

Число такихъ вопросовъ можно было бы увеличить до безконечности: но кажется, что и сдѣланныхъ нами уже достаточно для полученія полнаго убѣжденія въ необходимости примѣнять къ явленіямъ общественной жизни всѣ тѣ выводы, какіе нашли мы прилагающимися къ явленіямъ индивидуальной жизни и матеріальной природы. Не довѣряя ни сообразительности, ни памяти противниковъ общиннаго владѣнія, мы повторимъ въ третій разъ эти выводы, чтобы хотя сколько нибудь впечатлѣлись они въ мысли этихъ ученыхъ людей, и по правилу первоначальнаго преподаванія, опять-таки къ каждому выводу присоединимъ ссылку на ту черту факта, представителемъ которой служитъ выводъ. Черты эти мы будемъ брать изъ послѣдняго вопроса, для большей опредѣлительности примѣнивъ его хотя къ новозеландцамъ, съ которыми няньчатся англичане *).

1. Когда извѣстное общественное явленіе въ извѣстномъ народѣ достигло высокой степени развитія, ходъ его до этой степени въ другомъ, отставшемъ народѣ можетъ совершиться гораздо быстрѣе, нежели какъ совершался у передоваго народа. (Англичанамъ нужно было болѣе нежели 1500 лѣтъ цивилизованной жизни, чтобы достичь до системы свободной торговли. Ново-зеландцы конечно не потратятъ на это столько времени).

2. Это ускореніе совершается черезъ сближеніе отставшаго народа съ передовымъ. (Англичане пріѣзжаютъ въ Новую Зеландію).

3. Это ускореніе состоитъ въ томъ, что у отставшаго народа развитіе извѣстнаго общественнаго явленія, благодаря вліянію передоваго народа, прямо съ низшей степени перескакиваетъ на высшую, минуя среднія степени. (Подъ вліяніемъ англичанъ, ново-зеландцы прямо отъ свободной торговли, которая существуетъ у дикарей, переходятъ къ принятію политико-экономическихъ понятій о томъ, что свободная торговля—наилучшее средство къ оживленію ихъ промышленной дѣятельности, минуя протекціонную систему, которая нѣкогда казалась англичанамъ необходимостью для поддержки промышленной дѣятельности).

4. При такомъ ускоренномъ ходѣ развитія, среднія степени, пропускаемыя жизнью народа, бывшаго отсталымъ, и пользующагося опытностью и наукою передоваго народа, достигаютъ только теоретическаго бытія, какъ логическіе моменты, не осуществляясь фактами дѣйствительности. (Ново-зеландцы только изъ книгъ будутъ знать о существованіи протекціонной системы, а къ дѣлу она у нихъ не будетъ примѣнена).

5. Если же эти среднія степени достигаютъ и реальнаго осуществленія, то развѣ только самаго ничтожнаго по размѣру и еще болѣе ничтожнаго по отношенію къ важности для практической жизни. (Люди съ эксцентрическими наклонностями существуютъ и въ Новой Зеландіи, какъ повсюду: изъ нихъ нѣкоторымъ вѣроятно вздумается быть приверженцами протекціонной системы; но такихъ людей будетъ одинъ на тысячу или на десять тысячъ человѣкъ въ Новозеландскомъ обществѣ, и остальные будутъ называть ихъ чудаками, а ихъ мнѣніе не будетъ имѣть никакого вѣса при рѣшеніи вопросовъ о заграничной торговлѣ).

---

*) На сѣверъ отъ Франціи лежатъ два большіе острова, которые вмѣстѣ составляютъ Соединное королевство Великобританіи и Ирландіи. Юго-восточная часть восточнаго острова называется Англіею, а жители ея англичанами. Новою Зеландіею называется группа изъ двухъ большихъ острововъ, лежащихъ не очень далеко отъ Новой-Голландіи, иначе называемой Австраліею. Противники общиннаго владѣнія выказывали такую сообразительность, что мы считаемъ не лишнимъ пояснить употребленныя нами собственныя имена.

Сколько намъ кажется, эти выводы довольно просты и ясны, такъ что можетъ быть не превысятъ разумѣнія тѣхъ людей, для которыхъ писана наша статья.

Итакъ, два печатные листа привели насъ къ двумъ заключеніямъ, которыя для читателя, сколько нибудь знакомаго съ понятіями современной науки, достаточно было бы выразить въ шести строкахъ.

1) Высшая степень развитія по формѣ совпадаетъ съ его началомъ.

2) Подъ вліяніемъ высокаго развитія, котораго извѣстное явленіе общественной жизни достигло у передовыхъ народовъ, это явленіе можетъ у другихъ народовъ развиваться очень быстро, подниматься съ низшей степени прямо на высшую, минуя средніе логическіе моменты.

Какой скудный результатъ разсужденій, занявшихъ цѣлые два печатные листа! Читатель, который не лишенъ хотя нѣкоторой образованности и хотя нѣкоторой сообразительности, скажетъ, что довольно было просто высказать эти основанія, столь же несомнѣнныя до тривіальности, какъ напримѣръ, впаденіе Дуная въ Черное море, Волги — въ Каспійское, холодный климатъ Шпицбергена и жаркій климатъ острова Суматры и т. д. Доказывать подобныя вещи въ книгѣ, назначенной для грамотныхъ людей, неприлично.

Совершенно такъ. Доказывать и объяснять подобныя истины неприлично. Но что же вы станете дѣлать, когда отвергаются заключенія, выводимыя изъ этихъ истинъ, или когда вамъ сотни разъ съ самодовольствомъ повторяютъ, будто непобѣдимое возраженіе, какую нибудь дикую мысль, которая можетъ держаться въ головѣ только по забвенію или незнанію какой нибудь азбучной истины?

Напримѣръ, вы говорите: „Общинное владѣніе землею должно быть удержано въ Россіи“ — вамъ съ побѣдоносною отвагою возражаютъ: „Но общинное владѣніе есть первобытная форма, а частная поземельная собственность явилась послѣ, слѣдовательно она есть болѣе высокая форма поземельныхъ отношеній“. — Помилосердуйте о себѣ, господа возражатели, помилосердуйте о своей ученой репутаціи: вѣдь именно потому, *именно потому*, именно потому, что общинное владѣніе есть первобытная форма, и надобно думать, что высшему періоду развитія поземельныхъ отношеній нельзя обойтись безъ этой формы.

О томъ, какъ сильно налегали противники общиннаго владѣнія на первобытность его, мы уже говорили въ началѣ статьи. Можно предполагать, что теперь они увидѣли, какъ странно поступали, и поймутъ, что та самая черта, которую они воображали свидѣтельствующею противъ общиннаго владѣнія, чрезвычайно сильно свидѣтельствуетъ за него. Но арсеналъ ихъ философскихъ возраженій еще не истощенъ. Они съ такою же силою налегаютъ и на слѣдующую мысль: „Какова бы ни была будущность общиннаго владѣнія, хотя бы и справедливо было, что оно составляетъ форму поземельныхъ отношеній, свойственную періоду высшаго развитія, нежели тотъ, формою котораго является частная собственность, все-таки не подлежитъ сомнѣнію, что частная собственность составляетъ средній моментъ развитія между этими двумя періодами общиннаго владѣнія; отъ перваго перейти къ третьему нельзя, не прошедши второе. И такъ, напрасно думаютъ русскіе приверженцы общиннаго владѣнія, что оно можетъ быть удержано въ Россіи. Россія должна пройти черезъ періодъ частной поземельной собственности, которая представляется неизбѣжнымъ среднимъ звеномъ“.

Этотъ силлогизмъ постоянно слѣдовалъ за ихъ фразами о первобытности, какъ

чертѣ, свидѣтельствующей противъ общиннаго владѣнія. Онъ также выставлялся непобѣдимымъ аргументомъ противъ насъ. Теперь люди, прибѣгавшіе къ нему, могутъ судить сами о томъ, до какой степени онъ сообразенъ съ фактами и здравымъ смысломъ.

Кончивъ дѣло съ предубѣжденіями противъ общиннаго владѣнія, вытекавшими изъ непониманія, забвенія или незнанія общихъ философскихъ принциповъ, мы въ слѣдующій разъ займемся тѣми предубѣжденіями, которыя вытекаютъ изъ непониманія, забвенія или незнанія общихъ истинъ, относящихся къ матеріальной дѣятельности человѣка, къ производству, труду и общимъ его законамъ. Теперь мы говорили о сообразительности философствующихъ мудрецовъ. Въ слѣдующій разъ будемъ говорить о той же способности экономизирующихъ мудрецовъ.

Если вы, читатель, такъ счастливы, что не занимались обученіемъ малолѣтнихъ дѣтей грамотѣ, вы теперь, пробѣжавъ нашу статью, писанную не для васъ, человѣка съ обыкновеннымъ запасомъ свѣдѣній, а для мудрецовъ, изучавшихъ досконально, кто Шеллинга, кто Гегеля, кто Адама Смита.—если вы не были учителемъ приходскаго училища, то, пробѣжавъ эту статью, можете чувствовать, какъ утомительна, тяжела обязанность этого бѣднаго труженика. Согласитесь, рѣдко приходилось вамъ испытывать такую страшную скуку, какая производится чтеніемъ нашей статьи, весь характеръ которой выражается такою формулою:

бе—а ба, бе—а ба, баба.

Повторимъ еще. Это что?—б. А это?—а. Что́ же выходитъ?—ба. А это?—тоже б. А это?—тоже а. Что́ же выходитъ?—тоже ба. Ну, что́ же выходитъ, если сложить вмѣстѣ?—баба.

Повторимъ еще:

бе—а ба, бе—а ба, баба.

Повторимъ еще... и т. д.

Вамъ было скучно,—а вѣдь вы пробѣжали статью въ полчаса; судите же каково было намъ, написавшимъ ее.—вѣдь мы просидѣли за нею цѣлыхъ три дня.

Но какъ бѣдный труженикъ, приходскій учитель, подкрѣпляетъ свои силы мыслью о высокомъ и великомъ значеніи своего утомительнаго дѣла, такъ пода крѣплялись и мы, припоминая, какое важное значеніе для прояснѣнія всего взгляда міръ имѣютъ трюизмы, изложеніемъ которыхъ мы занимались. Они, да еще съ десятокъ другихъ подобныхъ трюизмовъ.

Вотъ Гегель, вотъ книжная мудрость,
Вотъ смыслъ философіи всей.

Первый нашъ трюизмъ—не судите о немъ легко: вѣчная смѣна формъ, вѣчное отверженіе формы, порожденной извѣстнымъ содержаніемъ или стремленіемъ, вслѣдствіе усиленія того же стремленія, высшаго развитія того же содержанія,—кто понялъ этотъ великій, вѣчный, повсемѣстный законъ, кто пріучился примѣнять его ко всякому явленію,—о, какъ спокойно призываетъ онъ шансы, которыми смущаются другіе! Повторяя за поэтомъ:

Ich hab', mein Sach auf Nichts gestelt,
Und mir gehöret die ganze Welt,

онъ не жалѣетъ ни о чемъ, отживающемъ свое время, и говоритъ: „пусть будетъ, что будетъ, а будетъ въ концѣ концовъ все-таки на нашей улицѣ праздникъ".

А второй принципъ—о, второй принципъ чуть ли не интереснѣе даже перваго. Какъ забавны для человѣка, постигшаго этотъ принципъ, всѣ толки о такъ называемомъ органическомъ развитіи, о невозможности у насъ того или другаго учрежденія въ настоящее время, о нашей неопытности, неприготовленности! Все, чего добились другіе, готовое наслѣдіе намъ. Не мы трудились надъ изобрѣтеніемъ желѣзныхъ дорогъ,—мы пользуемся ими. Все хорошее, что сдѣлано какимъ бы то ни было народомъ для себя, на три четверти сдѣлано тѣмъ самымъ и у насъ:

Насъ давитъ времени рука,
Насъ изнуряетъ трудъ,
Всесиленъ случай, жизнь хрупка,—
Но то, что жизнью взято разъ,
Не въ силахъ рокъ отнять у насъ

УСТРОЙСТВО БЫТА ПОМѢЩИЧЬИХЪ КРЕСТЬЯНЪ.

№ VI.

ТРУДЕНЪ ЛИ ВЫКУПЪ ЗЕМЛИ?

I.

Когда палка искривлена въ одну сторону, чтобы исправить ее, надобно перегнуть на другую сторону.

Мальтусъ.

Два мѣсяца тому назадъ мы говорили, какъ сильно и вредно отражается на разсужденіяхъ о крестьянскомъ дѣлѣ непривычка къ точнымъ разсчетамъ. Теперь возвращаемся къ тому же предмету, только примѣняемъ наше замѣчаніе къ вопросу во всей его обширности, а не къ однѣмъ усадьбамъ, какъ прежде.

Выкупъ земли, отходящей во владѣніе крестьянъ, бывшихъ крѣпостными, представляется для многихъ, для очень многихъ, почти для всѣхъ, пишущихъ объ этомъ предметѣ, задачею чрезвычайно трудною. Нѣтъ нужды, что нѣкоторые обманываютъ сами себя, прикрывая затрудненіе, въ которое попадаютъ, фразами: „крестьянинъ легко будетъ уплачивать такой ежегодный взносъ“ и „такимъ образомъ крестьянинъ въ непродолжительное время расплатится съ долгомъ за получаемую землю“; надобно только взглянуть на цифры, которыя одѣты спереди и сзади этими „легко“ и „скоро“, и мы увидимъ, что дѣло въ сущности оказывается вовсе не „легкое“ и очень не „скорое“. Почти у всѣхъ выходитъ, что крестьянамъ пришлось бы платить за выкупъ земли деньги, превышающія оброкъ, которымъ они теперь обложены, и производить такую уплату въ теченіе 30, 35, 40, или даже болѣе лѣтъ. Какое же тутъ „легко“, какое же тутъ „скоро“?— Цифры не похожи на слова, которыми сопровождаются. Но даже эти слова представляются уму не очень многихъ; напротивъ того, большинство разсуждавшихъ о крестьянскомъ вопросѣ прямо говорили, что выкупъ земли въ настоящее время затруднителенъ почти до невозможности или до совершенной невозможности, и лучше отложить его до будущаго времени.

Отложить до будущаго времени! Не поздно-ли будетъ будущему приниматься за то, самая возможность чего станетъ исчезать съ каждымъ годомъ? Когда въ среду крестьянъ пройдетъ мысль, что владѣніе землею, отданною имъ въ пользованіе, не принадлежитъ имъ, не отниметъ ли у нихъ эта новая, доселѣ чуждая крестьянамъ мысль, нравственное основаніе для возможности выкупа? Мнѣ говорятъ:

„для удобства и скорости рѣшенія, мы произнесемъ рѣшеніе такого рода, что вамъ слѣдуетъ получить изъ цѣлаго дома, слѣдующаго вамъ, только одну комнатку; объ остальныхъ комнатахъ мы поговоримъ когда нибудь послѣ, черезъ десять, черезъ двадцать лѣтъ, когда это будетъ удобнѣе". Но, принявъ такого рода рѣшеніе, я тѣмъ самымъ уже почти лишусь возможности возобновить вопросъ. Рѣшеніе состоялось, я его принялъ, чего же больше я хочу?

Отложить выкупъ до будущаго времени! Но съ каждымъ годомъ будетъ уменьшаться матеріальная возможность выкупа. Земля быстро возвышается въ цѣнѣ. Черезъ десять, пятнадцать лѣтъ она повсюду будетъ стоить въ полтора раза дороже, чѣмъ теперь; а во многихъ мѣстахъ, можно сказать, въ цѣлой половинѣ губерній съ большимъ процентомъ крѣпостнаго населенія, она будетъ стоить въ три, въ четыре раза дороже, чѣмъ теперь. Это одно. А съ тѣмъ вмѣстѣ населеніе будетъ возрастать, слѣдовательно заработная плата понижаться. Это другое. А съ тѣмъ вмѣстѣ набросятся на покупку земли новые соискатели—чиновники не изъ дворянъ, купцы, зажиточные мѣщане, которые станутъ давать прямо, вдругъ всю цѣну за покупаемый участокъ, между тѣмъ какъ крестьяне въ массѣ имѣютъ возможность покупать ее только съ разсрочкою уплаты по годамъ. У кого не будетъ охоты лучше продать участокъ за 1000 рублей и получить ихъ сполна при совершеніи купчей крѣпости, нежели продать его за 1200 рублей и ждать уплаты по частямъ нѣсколько лѣтъ? Это третье. Можно прибавить и четвертое. Никакая бдительность не въ силахъ услѣдить за тѣмъ, чтобы крестьяне остались много лѣтъ въ пользованіи всею тою землею, какою пользуются теперь, если земля остается въ зависимости отъ интересовъ, желающихъ сократить ея размѣръ. Пути къ обрѣзыванію тутъ безчисленны: разныя сдѣлки съ мелкими властями, отъ которыхъ въ сущности зависитъ все въ судьбѣ мелкихъ людей; нѣсколько ведеръ вина для міроѣдовъ, такъ называемыхъ „добросовѣстныхъ", вообще пребывающихъ у царева кружала; неурожайные годы, въ которые село согласится уступить часть земли за уступку въ оброкѣ, въ выкупѣ за усадьбы и т. д. Можно бы прибавить и пятое и шестое и много другихъ соображеній, но довольно и четырехъ, которыя приведены.

Сведемъ же эти факты: повышеніе цѣны на землю, пониженіе заработной платы, соперничество болѣе крупныхъ покупщиковъ, платящихъ вѣрнѣе и вдругъ, обрѣзыванія всякаго рода, наконецъ, что всего быть можетъ важнѣе, ослабленіе сознанія о неизбѣжной принадлежности земли, находящейся въ пользованіи у крестьянина, самому крестьянину, сведемъ эти факты и мы увидимъ, что если выкупъ земли труденъ въ настоящее время, то чѣмъ дальше, тѣмъ труднѣе онъ будетъ и скоро сдѣлается совершенной невозможностью и въ матеріальномъ, и въ нравственномъ отношеніи. По нашему, лучше ужъ и не говорить о предоставленіи его будущему, если не дѣлать его въ настоящемъ: лучше ужъ прямо сказать, что о немъ нечего и думать, что масса крестьянъ должна остаться по матеріальнымъ условіямъ въ прежнемъ положеніи или даже превратиться въ сословіе батраковъ.

Точно также, по нашему, лучше ужъ прямо говорить, что выкупъ земли дѣло очень трудное или невозможное, нежели прикрывать благодушными фразами тяжелыя или невыносимыя цифры.

Только позвольте, на меня находитъ сомнѣніе: какимъ же это образомъ вы-

купъ земли можетъ быть въ самомъ дѣлѣ затруднителенъ? Какъ онъ можетъ превышать силы народа? Это неправдоподобно. Это противорѣчитъ основнымъ понятіямъ народнаго хозяйства. Политическая экономія прямо говоритъ, что всѣ тѣ матеріальные капиталы, какіе достаются извѣстному поколѣнію отъ предшествовавшихъ поколѣній, составляютъ цѣнность не очень значительную по сравненію съ тою массою цѣнностей, какая производится трудомъ этого поколѣнія. Напримѣръ, вся земля, принадлежащая французскому народу, со всѣми зданіями и всѣмъ находящимся въ нихъ, всѣми кораблями и грузами, всѣмъ скотомъ и всѣми деньгами и всѣми другими богатствами, принадлежащими этой странѣ, едва ли представляетъ стоимость во сто милліардовъ франковъ: а трудъ французскаго народа ежегодно производитъ цѣнность въ пятнадцать или болѣе милліардовъ франковъ, т. е. не болѣе какъ въ семь лѣтъ французскій народъ производитъ массу цѣнностей, равную цѣнности цѣлой Франціи, какъ она есть отъ Ламанша до Пиринеевъ. Стало быть, если-бы французамъ нужно бы было выкупить у кого нибудь всю Францію, они могли бы это сдѣлать въ продолженіе одного поколѣнія, употребляя на выкупъ только пятую часть своихъ доходовъ. А у насъ о чемъ идетъ дѣло? Развѣ цѣлую Россію должны мы выкупать со всѣми ея богатствами?— Нѣтъ, только одну землю. И развѣ всю русскую землю?—Нѣтъ, выкупъ относится только къ тѣмъ губерніямъ одной Европейской Россіи, въ которыхъ укоренилось крѣпостное состояніе, т. е. къ пространству, занимающему не болѣе 60 тысячъ географическихъ миль *): да и на этомъ пространствѣ развѣ вся земля подлежитъ выкупу?—Вовсе нѣтъ: на этомъ пространствѣ живетъ почти столько же вольныхъ людей, сколько и крѣпостныхъ крестьянъ. И можно сказать съ достовѣрностью, что развѣ немногимъ менѣе половины изъ этихъ 60 тысячъ квадратныхъ миль принадлежатъ казнѣ, и развѣ съ небольшимъ половина принадлежитъ къ крѣпостнымъ имѣніямъ. И изъ этихъ 30 или 35 тысячъ квадр. миль, развѣ на всѣ мы претендуемъ? Нѣтъ, изъ нихъ развѣ около третьей части находится въ пользованіи крѣпостныхъ крестьянъ, и при всемъ увеличеніи надѣла, какое было бы нужно для упроченія благосостоянія освобождаемыхъ крестьянъ, развѣ половина крѣпостныхъ земель отходила бы къ нимъ. Такъ неужели же для великаго Русскаго народа можетъ быть затруднителенъ выкупъ одной шестой части пространства, занимаемаго Европейскою Россіею?

Сдѣлаемъ соображеніе на другомъ основаніи.

Число крѣпостныхъ крестьянъ составляетъ немногимъ меньше одной третьей части всего населенія Русской имперіи. Цѣнность годичнаго сбора, доставляемаго десятиною земли, у насъ немногимъ уступаетъ всей продажной цѣнности этой десятины, а во многихъ мѣстахъ чуть ли не превышаетъ ее **). Какимъ же образовъ для цѣлой націи можетъ быть затруднителенъ выкупъ такого капитала, который развѣ-развѣ въ два раза, да и то едва ли, превышаетъ цѣнность производства, даваемаго трудомъ трехъ дней въ недѣлю одной трети

*) Царство Польское, Великое Княжество Финляндское, Остзейскія губерніи, Архангельскъ, Астрахань, Олонецъ, Ставрополь, Вятка, Крымъ, Бессарабія въ этотъ счетъ нейдутъ, потому что въ нихъ или вовсе нѣтъ крѣпостнаго состоянія, или оно существуетъ въ размѣрахъ, не представляющихъ никакой важности для выкупа земли.

**) Пять четвертей хлѣба по три рубля за четверть даютъ пятнадцать рублей валоваго дохода съ десятины; во многихъ мѣстахъ десятина земли не стоитъ этихъ денегъ.

ея населенія? Вѣдь это все равно, какъ если-бы вы сказали, что когда изъ трехъ братьевъ, получающихъ каждый по тысячѣ рублей дохода въ годъ, на одномъ братѣ лежитъ долговое обязательство въ двѣ тысячи рублей, то общими силами всѣхъ трехъ братьевъ трудно выкупить этотъ долгъ. По здравому смыслу и по житейскому опыту казалось бы напротивъ, что если всѣ три брата серьезно захотятъ расквитаться съ долгомъ, то въ четыре, много въ пять лѣтъ, они уплатятъ его, нисколько не стѣсняясь, почти нечувствительно.

Что за странность! Политическая экономія, статистика Россіи, здравый смыслъ, все ведетъ къ предположенію, что выкупъ земель, находящихся въ пользованіи у крѣпостныхъ крестьянъ — дѣло легкое, даже очень легкое, а между тѣмъ одна половина разсуждавшихъ объ этомъ выкупѣ признавала его дѣломъ невозможнымъ, а другая половина хотя и говорила о возможности, иной разъ даже о легкости его, но представляла такія цифры, послѣ которыхъ чувствуешь, что лучше было бы и не начинать о немъ рѣчи. Тутъ что нибудь не такъ.

Когда посмотришь на житейскія дѣла, обыкновенно видишь, что если два человѣка, имѣющихъ между собою денежный расчетъ, не могутъ сойтись къ легкому его рѣшенію, то одинъ изъ нихъ ведетъ счетъ по невѣрнымъ основаніямъ. Не то ли же самое и по вопросу о выкупѣ земли? Не знаемъ, на какихъ основаніяхъ стали бы вести счетъ по этому дѣлу крестьяне: они еще не излагали своихъ основаній; стало быть, съ ихъ стороны еще не могло быть невѣрности. Представляла счеты до сихъ поръ исключительно одна сторона — помѣщики *). По ихъ счетамъ оказывалось, что выкупъ земли невозможенъ или соединенъ съ очень большими тяжестями на очень долгое время, то есть, оказывалось, что требованіе не только не совпадаетъ съ мнѣніями людей, подлежащихъ требованію, но и вообще, безъ всякаго отношенія къ понятіямъ этой другой стороны, само по себѣ, уже имѣетъ или просто невозможные или очень затруднительные размѣры.

Ясно, гдѣ тутъ надобно предполагать ошибку. Ее надобно предполагать въ основаніяхъ расчетовъ, приводящихъ къ такому странному результату. Когда нибудь мы просмотримъ эти основанія, и наше предположеніе оправдается фактами. Теперь удовлетворимся однимъ тѣмъ выводомъ, что основаній, представлявшихся другими, намъ не слѣдуетъ принимать безъ критики, если хотимъ достичь положительнаго, а не отрицательнаго рѣшенія, и надобно самостоятельно поискать болѣе точныхъ основаній, приступая къ вопросу, какъ будто бы къ новому, еще незатронутому, и не ожидая себѣ значительной помощи отъ прежнихъ его рѣшеній **).

Начнемъ же дѣло будто новое, начнемъ его съ самаго начала, съ отысканія основаній, на которыхъ оно можетъ быть ведено.

Какое неуваженіе къ предшествовавшимъ почтеннымъ трудамъ! Называть новымъ, непочатымъ вопросъ, о которомъ такъ много пишутъ уже цѣлый годъ, пишутъ сотни людей, коротко знакомыхъ съ дѣломъ, оказавшихъ важныя услуги сельскому хозяйству, прекрасно управлявшихъ своими помѣстьями, всѣ съ выго-

*) Изъ числа писавшихъ о крестьянскомъ вопросѣ нѣкоторые, правда, и не были помѣщики, но и тѣ почти всѣ основывались на соображеніяхъ и расчетахъ, представленныхъ помѣщиками; да и вообще по всему образу мыслей и всѣмъ интересамъ тѣсно были связаны съ этою стороною.

**) Кромѣ одного, которое было представлено въ нашемъ журналѣ и съ которымъ въ главныхъ основаніяхъ мы тогда же соглашались.

дою для себя, многіе съ благомъ для крестьянъ, — называть непочатымъ вопросъ столь внимательно ими разработываемый, это явная несправедливость.

А вотъ мы сейчасъ увидимъ, справедливы ли наши слова, что вопросъ о выкупѣ земли едва початъ. Первымъ основаніемъ, съ котораго должна начаться его разработка, должно служить опредѣленіе средней цѣнности ревизской души съ надѣломъ землею въ каждомъ округѣ, составляющемъ однородное экономическое цѣлое. Гдѣ же найти эти цифры? Ихъ почти не представлено вновь въ дополненіе къ тѣмъ, какія были извѣстны до начала крестьянскаго дѣла, преимущественно изъ изслѣдованій покойнаго Журавскаго и г. Соловьева. Правда, кое-гдѣ въ журналахъ за прошлый годъ встрѣчаются указанія относительно цѣнности имѣній или дохода съ нихъ въ той или другой мѣстности; но на чемъ основаны приводимыя цифры, мы не видимъ: а степень точности, съ какою дѣлаются потомъ изъ нихъ разные выводы, заставляетъ предполагать, что и основныя цифры выведены не совсѣмъ точно; потому безъ длинной и утомительной провѣрки принимать ихъ нельзя, стало быть и вопросъ не подвинулся ни на шагъ отъ ихъ напечатанія, и достовѣрными цифрами остаются пока только тѣ, которыя выведены покойнымъ Журавскимъ для Кіевской и г. Соловьевымъ для Смоленской губерній.

Мы не надѣемся пріобрѣсть одобреніе отъ всѣхъ помѣщиковъ; но найдутся между помѣщиками многіе столь безпристрастные и гуманные, что во все продолженіе чтенія этой статьи будутъ признавать въ насъ желаніе приблизиться къ истинѣ, какова бы ни была эта истина. Когда же читатель дойдетъ до послѣднихъ страницъ статьи и увидитъ, съ какою цѣлью были выставляемы и защищаемы наши цифры, могущія многимъ показаться слишкомъ низкими, то конечно одобрятъ насъ очень многіе даже изъ тѣхъ, которые сначала могли быть нами недовольны. Мы даже полагаемъ, что, по прочтеніи всей статьи до конца, большинство разсудительныхъ помѣщиковъ убѣдится въ справедливости нашего увѣренія, что цѣль наша—не нападеніе на ихъ выгоды, а напротивъ, охраненіе ихъ собственныхъ интересовъ.

Такъ напримѣръ, основаніемъ для нашихъ приблизительныхъ выводовъ мы беремъ цифру, представляемую покойнымъ Журавскимъ для Кіевской губерніи, принадлежащей къ богатѣйшимъ, и вовсе не хотимъ на этотъ разъ пользоваться цифрами, представленными у г. Соловьева для Смоленской губерніи, потому что она одна изъ бѣдныхъ и соединеніе ея цифръ съ кіевскими значительно понизило бы выводъ. Говоря по строгой правдѣ, губерній похожихъ на Смоленскую у насъ не меньше, чѣмъ похожихъ на Кіевскую, и мы имѣли бы полное право столько же основываться на выводахъ г. Соловьева, сколько и на выводахъ покойнаго Журавскаго. Но повторяемъ, мы хотимъ лучше погрѣшить излишнею высотою цѣнъ, нежели упрекнуть себя въ возможности противнаго.

Какія же основанія мы получаемъ отъ изслѣдованій Журавскаго, которыя, надобно замѣтить, чрезвычайно обширны и точны, наполняютъ собою три огромные тома in quarto и составлены, почти исключительно, по документамъ полученнымъ отъ самихъ помѣщиковъ?

Въ 1834 году, по Журавскому, въ Кіевской губерніи считалось 504,431 душа крѣпостныхъ крестьянъ мужскаго пола. Въ 1846 году общая сумма всѣхъ доходовъ, доставленныхъ крѣпостными помѣстьями, простиралась, по очень точнымъ вычисленіямъ, до 7,123,380 рублей; такимъ образомъ средній доходъ съ

души въ Кіевской губерніи, одной изъ богатѣйшихъ, простирался до 14 рублей 12 копѣекъ *). Но тутъ надобно сдѣлать нѣсколько замѣчаній. Во-первыхъ, цифра дохода, принимаемая Журавскимъ, вычислена имъ самимъ и далеко превышаетъ ту цифру, какую показывали помѣщики. По итогамъ, доставленнымъ помѣщиками, весь доходъ простирался бы всего только до 4,020,557 рублей серебромъ, то есть, всего выходило бы по 7 рублей 97 копѣекъ съ души. По строгимъ законамъ справедливости, конечно, мы имѣли бы полное право не цѣнить доходовъ съ имуществъ выше, нежели цѣнили ихъ сами владѣльцы; но мы только предоставляемъ читателю вспоминать въ случаѣ надобности, что каковы бы ни были выводы нами получаемые, все-таки они понизились бы болѣе, чѣмъ на 43%, если-бы мы стали держаться цифръ, какія нравились самимъ помѣщикамъ до возникновенія крестьянскаго вопроса. Мы будемъ до неумѣренности соблюдать ихъ выгоды, будемъ заботиться о ихъ выгодахъ больше, нежели заботились сами они, и вмѣсто ихъ собственныхъ низкихъ цифръ, возьмемъ высшія цифры, выведенныя самимъ Журавскимъ.

Второе наше замѣчаніе состоитъ въ томъ, что доходъ, выведенный Журавскимъ, есть валовой доходъ, а не чистый; изъ него не вычтены ни издержки по управленію, ни страховая премія; а при капитализированіи дохода, конечно, надобно брать въ основу чистый доходъ за вычетомъ изъ валоваго дохода страховой преміи и издержекъ по управленію. Величина этихъ вычетовъ должна быть очень значительна, и мы собственно должны были бы считать ее въ 30—40%; на такую пропорцію ниже средней цифры валоваго дохода средняя арендная плата съ души, представляющая средній чистый доходъ **).

Мы будемъ такъ заботливы о сохраненіи, даже съ нарушеніемъ справедливости, возможно большей цифры, что примемъ этотъ вычетъ только въ 10%. Каждый, хотя нѣсколько знакомый съ сельскимъ хозяйствомъ, скажетъ, что издержки по управленію вмѣстѣ съ страховою премію берутъ изъ валоваго дохода процентъ гораздо значительнѣйшій. Наконецъ, третье и послѣднее замѣчаніе, самое важное, уже было нами сдѣлано въ первой статьѣ: „О новыхъ условіяхъ сельскаго быта“. Тогда мы уже говорили, что доходъ, вычисленный Журавскимъ, далеко не весь получается изъ крѣностныхъ отношеній и слѣдовательно далеко не весь долженъ входить въ оцѣнку для опредѣленія выкупа этихъ отношеній. Именно изъ 7,123,380 р. общаго дохода помѣщики около 3 милліоновъ получаютъ вовсе не какъ помѣщики, а какъ владѣтели фабрикъ, хозяева тонкорунныхъ стадъ, торговцы лѣсомъ, торговцы виномъ, свеклосахарные заводчики и т. д. ***).

*) Число душъ у Журавскаго показано за 1834 годъ; по г. Кеппену, въ 1835 г., было въ Кіевской губерніи 504,589 душъ крѣпостныхъ крестьянъ муж. пола, а въ 1851—511,554 души. Итакъ среднее приращеніе въ годъ 455,3 душъ. На основаніи этого, въ 1846 г., слѣдовало бы считать 509,129 душъ. А если бы мы взяли эту цифру (какъ и слѣдовало бы по точной справедливости), выводъ средняго выкупа понизился бы. Вотъ первое доказательство того, что мы всячески натягиваемъ пропорціи для повышенія выкупной цифры.

**) Журавскій говоритъ: „Обыкновенная арендная плата съ имѣній, отдаваемыхъ въ поссессію, считается здѣсь отъ 8 до 10 руб. сер. съ ревизской души“. Принимая среднюю цифру 9 рублей, мы получимъ, что чистый доходъ составляетъ менѣе 64% валоваго дохода.

***) Вотъ подробный счетъ, который желающіе могутъ провѣрить по книгѣ Журавскаго и который въ такомъ случаѣ найденъ будетъ слишкомъ умѣреннымъ. Пропинація и лѣсная продажа даютъ 1.250,000 р.; изъ 1,350,000 р, даваемыхъ овцеводствомъ и винокуреніемъ, конечно, болѣе половины нужно считать не результатомъ крѣпостнаго труда или вообще крѣ-

Къ какой же цифрѣ приводятъ насъ эти факты? На основаніи третьяго замѣчанія, изъ 7.123.380 руб. общаго валоваго дохода, за вычетомъ 3 милліоновъ рублей, получаемыхъ помѣщиками, не какъ помѣщиками, а какъ фабрикантами, заводчиками и торговцами, мы должны признать валовымъ доходомъ, получаемымъ помѣщиками какъ помѣщиками, всего только 4,123,380 рублей. На основаніи второго замѣчанія мы должны изъ этого валоваго дохода вычесть 10% расходовъ по управленію и страховой преміи. За этимъ вычетомъ мы получаемъ въ остаткѣ 3,711,042 рубля, какъ сумму всего чистаго дохода, получаемаго помѣщиками какъ помѣщиками. Это составляетъ (съ 504,431 души) 7 рублей 36 копѣекъ съ души.

Единственно этотъ чистый доходъ долженъ быть принимаемъ основаніемъ при капитализаціи, опредѣляющей цѣнность имѣній, часть которыхъ подвергается выкупу при отмѣненіи крѣпостныхъ отношеній. По какому же проценту надобно разсчитывать капитализацію? Это рѣшить довольно легко. Всѣ, свѣдущіе въ сельскомъ хозяйствѣ люди, утверждаютъ, что дурно управляется то имѣніе, которое даетъ не больше 7%. Обыкновеннымъ процентовъ считается 8. Дѣйствительно, меньшей цифры принять нельзя, потому что дома въ Петербургѣ даютъ 7%, а по извѣстному экономическому закону, та собственность, управленіе которою хлопотливѣе и доходы съ которой подвергаются большей страховой преміи, даетъ и большій процентъ. Кто же не знаетъ, что управлять деревней хлопотливѣе, нежели управлять домомъ въ Петербургѣ, и что на жильцовъ въ Петербургѣ не бываетъ неурожайныхъ годовъ? Итакъ, мы должны были-бы принять по крайней мѣрѣ 8%; но снова поддаваясь своей наклонности къ возможному повышенію выкупнаго капитала, примемъ только $7\frac{1}{2}$%. По этому расчету выходитъ, что если-бы выкупу подлежала личность крѣпостныхъ крестьянъ вмѣстѣ со всею землею, которая собственно принадлежитъ къ крѣпостнымъ отношеніямъ, то есть, со всею крестьянскою и со всею господскою землею, то среднимъ числомъ полная выкупная цѣна души мужескаго пола была бы 98 рублей 10 копѣекъ серебромъ.

Но это полная цѣна всей крѣпостной земли вмѣстѣ съ самою личностью крестьянина. А по правилу, установленному Высочайшими рескриптами, и по желанію, выражаемому всѣми благомыслящими помѣщиками, личность не подлежитъ выкупу; подлежитъ выкупу одна только земля. Притомъ и землю предполагается выкупить не всю находящуюся въ дачѣ каждаго крѣпостнаго имѣнія, а только ту часть земли, которая находится въ пользованіи самыхъ крестьянъ. Такимъ образомъ, чтобы изъ полученной нами цифры, 98 рублей 10 копѣекъ, вывести точную цифру для величины выкупа, надобно было бы опредѣлить, во

постныхъ отношеній, а прямо процентами съ денежныхъ и натуральныхъ капиталовъ, затраченныхъ помѣщиками на эти предпріятія, которыхъ ни мало не касается отмѣненіе крѣпостныхъ отношеній; но мы возьмемъ въ вычетъ только половину, то есть, 675,000 рублей. Изъ дохода, доставляемаго хлѣбопашествомъ и свекловицею (3,800,000), конечно гораздо болѣе, нежели одну пятую часть, надобно считать результатомъ работы реманентнаго (господскаго) скота и господскихъ машинъ, которыхъ также не коснется уничтоженіе крѣпостнаго права, и процентомъ на посѣянное зерно; мы возьмемъ только пятую часть; это составитъ болѣе 750,000 рублей. Сложивъ эти суммы, изъ которыхъ двѣ послѣднія слишкомъ умѣренны, мы получимъ уже 2,675,000 рублей. Остальныя 325 тысячъ слѣдуетъ вычесть изъ чиншей и разныхъ сборовъ, которые составляютъ въ общей суммѣ болѣе 500 тысячъ рублей и изъ которыхъ самая значительная часть получается отъ источниковъ, ни мало не связанныхъ съ отмѣненіемъ крѣпостнаго права (напр. рента съ земли, заселенной разными сословіями городскихъ обывателей и принадлежащей помѣщикамъ).

первыхъ, какая именно часть цѣнности придается помѣстью собственно крѣпостнымъ трудомъ, который не подлежитъ выкупу, и какая часть доставляется самою землею: во-вторыхъ, каково отношеніе цѣнности выкупаемой части земли къ цѣнности цѣлой дачи, принадлежащей къ помѣстью. Разумѣется, отвѣты были-бы чрезвычайно разнообразны по разнымъ мѣстностямъ; но все-таки ихъ очень легко можно было-бы свести въ общій итогъ, и тогда можно было-бы сообразить, какая часть общей цѣнности крѣпостныхъ имѣній, получаемой умноженіемъ средней цифры на количество всѣхъ душъ, принадлежитъ исключительно личностямъ, душамъ самыхъ крестьянъ, неподлежащимъ выкупу, и потому должна быть просто вычтена изъ общей суммы. Затѣмъ остатокъ представлялъ бы цѣнность собственно крѣпостныхъ земель, и надобно было-бы узнать, какая часть этихъ земель останется за помѣщиками и какая перейдетъ къ крестьянамъ. Только послѣдняя часть подлежитъ выкупу и только цѣнность одной ея составляетъ итогъ выкупа.

Ни для того, ни для другого обстоятельства не подготовлены общія цифры по всей Россіи, хотя сколько нибудь точныя. Напрасно мы стали бы искать ихъ во всѣхъ безчисленныхъ статьяхъ и запискахъ по крѣпостному вопросу. Не въ правѣ ли были мы сказать послѣ этого, что вопросъ о выкупѣ земли, несмотря на множество основательныхъ статей объ немъ, до сихъ поръ остается непочатымъ въ нашей литературѣ?

Мало того что не собраны въ этихъ цѣнностяхъ общія приблизительныя свѣдѣнія, опредѣленіе которыхъ соединено съ вычисленіями, хотя и не слишкомъ мудреными, но всеже требующими нѣкотораго умственнаго труда; не собраны даже хотя сколько нибудь приблизительныя свѣдѣнія о фактѣ, уже прямо безъ всякихъ вычисленій и соображеній ложащемся подъ перо и обусловливающемъ собою величину обѣихъ, требуемыхъ нашимъ дѣломъ, цифръ. Мы говоримъ о томъ, какое количество крѣпостныхъ крестьянъ состоитъ на барщинѣ и какое на оброкѣ. Извѣстно, что въ оброчныхъ имѣніяхъ часть цѣнности, зависящая прямо отъ личной крѣпостной обязанности, гораздо значительнѣе, а часть цѣнности, принадлежащая самой землѣ, гораздо меньше, нежели въ имѣніяхъ, состоящихъ на барщинѣ. Извѣстно также, что и вообще доходъ съ оброчныхъ имѣній менѣе, нежели съ состоящихъ на барщинѣ. Мы знаемъ только вообще, что на оброкѣ состоитъ гораздо меньшая часть крестьянъ, нежели на барщинѣ. Но какая именно часть— одна третья, или одна пятая, или еще меньшая часть крестьянъ состоитъ на оброкѣ, этого сказать въ настоящее время никто не можетъ. Мы должны принять эту пропорцію чисто наудачу.

По нашему правилу, въ тѣхъ случаяхъ, гдѣ неизвѣстна точная цифра и гдѣ неизбѣжна потому погрѣшность, погрѣшать противъ точной цифры развѣ преувеличеніемъ, а никакъ не уменьшеніемъ, мы предположимъ, что оброчныя имѣнія должны быть цѣнимы точно такъ же, какъ состоящія на барщинѣ. Читатель видитъ, что этимъ явно преувеличивается выкупная сумма выше дѣйствительной величины: мы уже сказали, что оброчныя имѣнія даютъ вообще дохода менѣе состоящихъ на барщинѣ. Но такъ и быть: положимъ, что они даютъ такой же доходъ.

Опять всѣмъ извѣстно, какъ мы уже сказали, что личныя крѣпостныя обязанности, отмѣняющіяся безъ выкупа, составляютъ въ общей цѣнности оброчнаго имѣнія гораздо бо̀льшую часть, а земля гораздо меньшую часть, нежели въ бар-

щинномъ. Но опять-таки сдѣлаемъ явную натяжку для увеличенія суммы выкупа: положимъ, что въ оброчныхъ имѣніяхъ земля имѣетъ такую же цѣну, какъ въ барщинныхъ.

Послѣ этихъ двухъ явныхъ преувеличеній, очевидно, что чѣмъ больше мы положимъ оброчныхъ имѣній, тѣмъ значительнѣе преувеличится выкупная сумма выше дѣйствительной цѣны: вѣдь въ сущности, такъ какъ оброчное имѣніе даетъ меньше дохода, нежели барщинное, то и выкупъ за него долженъ быть меньше, а онъ будетъ у насъ больше, какъ увидимъ впослѣдствіи. Вѣрные своему правилу: при неизбѣжности погрѣшить противъ точной цифры,—грѣшить только увеличеніемъ, а никакъ не уменьшеніемъ ея,—мы положимъ цифру оброчныхъ душъ самую большую, какую только можно вообразить. Пусть оброчныхъ имѣній будетъ цѣлая третья доля, хотя въ дѣйствительности, навѣрное, ихъ гораздо меньше.

Теперь займемся приблизительнымъ опредѣленіемъ того, какую часть общей цѣнности имѣній составляетъ выкупаемая земля въ имѣніяхъ, состоящихъ на барщинѣ. Вообще говоря, количество пахотныхъ полей у крестьянъ въ такихъ имѣніяхъ нѣсколько больше, нежели въ господской запашкѣ. За то луговъ, имѣющихъ болѣе цѣны, нежели пахотная земля, находится у помѣщиковъ въ личномъ пользованіи гораздо больше, нежели сколько предоставлено въ пользованіе крестьянъ. Можно сказать, что если взять цѣнность крестьянскихъ луговъ и полей вмѣстѣ, то она едва ли будетъ равняться цѣнности луговъ и полей, оставленныхъ за собою помѣщиками. Затѣмъ остается еще огромное количество разныхъ угодій, собственно считаемыхъ господскими, а не крестьянскими; въ числѣ ихъ есть угодья очень цѣнныя, именно лѣсъ (во всей средней и южной Россіи онъ имѣетъ страшную цѣнность) и рыбныя ловли. Чтобы сколько-нибудь точно опредѣлить эти цифры, мы опять прибѣгнемъ къ даннымъ, собраннымъ объ одиннадцати уѣздахъ Кіевской губерніи *) покойнымъ Журавскимъ.

	Господской.	Крестьянской.	
Пахотной земли	749,021	861,759	десятинъ
Сѣнокосъ	260,124	187,366	„
	1,009,145	1,049,125	„

Затѣмъ остаются съ одной стороны крестьянскія усадьбы, съ другой господскія усадьбы, очень цѣнныя, и 716,580 десятинъ лѣса, который одинъ стоитъ въ пятьдесятъ разъ дороже всѣхъ возможныхъ усадебъ, и сверхъ того еще болѣе 200 тысячъ десятинъ другихъ угодій, отчасти также очень цѣнныхъ. Словомъ сказать, изъ 3,149,702 десятинъ всего пространства крѣпостныхъ земель только 1.194,472 десятины были обращены въ надѣлъ крестьянамъ, а 1,955.230 оставались за помѣщиками; притомъ, вообще говоря, именно лучшія земли и наиболѣе цѣнныя угодья были оставлены въ послѣдней части, такъ что мы оцѣнимъ въ общей сложности десятину крестьянской земли слишкомъ дорого, если положимъ ей цѣнность равную десятинѣ господской земли. Иначе говоря, изъ тысячи десятинъ крѣпостной земли до сихъ поръ только 379 было предоставлено въ надѣлъ крестьянамъ, а 621 десятина оставалась за помѣщиками, и мы преувеличимъ цѣну первой части, если скажемъ, что изъ 1000 рублей цѣнности всей крѣпостной земли на долю ея приходилось тоже 379 р.

*) О Чигиринскомъ уѣздѣ точныхъ свѣдѣній не было получено.

Надѣлъ землею, существовавшій доселѣ, во многихъ мѣстахъ достаточенъ для крестьянъ; въ другихъ мѣстахъ, напротивъ, онъ не былъ бы достаточенъ для достиженія цѣли, указанной Высочайшими рескриптами, именно, для обезпеченія уплаты повинностей и податей, и полезно бы было его увеличить. Кромѣ того, безъ сомнѣнія, отдѣлится крестьянамъ часть лѣсовъ, рыбныхъ ловель и другихъ угодій, необходимыхъ для сельскаго быта. Положимъ, что, вслѣдствіе этихъ прибавокъ къ прежнему надѣлу, пространство земли, отходящей къ крестьянамъ, сравняется по объему съ землею, которая останется за помѣщиками (для этого нужно въ очень многихъ помѣстьяхъ очень сильно увеличить крестьянскій надѣлъ, такъ чтобы въ общемъ итогѣ онъ увеличился почти на цѣлую треть противъ нынѣшняго); но даже и въ такомъ случаѣ мы все-таки погрѣшимъ противъ дѣйствительности излишнимъ возвышеніемъ цѣны, если положимъ, что пятьсотъ десятинъ, которыя отойдутъ къ крестьянамъ, будутъ стоить столько же, сколько пятьсотъ десятинъ, которыя останутся у помѣщиковъ: послѣдняя половина по качеству гораздо лучше первой.

Мы старались приблизиться къ опредѣленію пропорціи между цѣнностью крестьянскихъ земель, и земель, остающихся за помѣщиками. Но земля въ имѣніи, находящемся на барщинѣ, составляетъ только одинъ элементъ въ общей цѣнности помѣстья, на сколько эта цѣнность относится къ крѣпостному вопросу. Другой элементъ цѣнности заключается въ правѣ на личность. Отношеніе между этими двумя элементами очень трудно опредѣлить, по совершенному недостатку цифръ, заслуживающихъ довѣріе. Если-бы мы захотѣли принять ту оцѣнку выгодъ, доставляемыхъ обязательнымъ трудомъ, какую даютъ намъ сами помѣщики, мы пришли бы къ результату слишкомъ невыгодному для нихъ теперь, когда рѣшено, что личность не выкупается, а подлежитъ выкупу только земля. Одни изъ помѣщиковъ даютъ намъ свѣдѣнія, по которымъ оказывается, что цѣнность обязательнаго труда вдвое и даже втрое превышаетъ чистый доходъ съ земли, предоставленной крестьянамъ. Каковъ оказался бы результатъ, если-бы мы приняли въ расчетъ эти показанія? Результатъ былъ бы вотъ каковъ:

Цѣнность господской земли	621 рубль или	35.5%
— крестьянской земли.	379 рублей или	21.5%
— обязательнаго труда (вдвое противъ цѣнности крестьянской земли) . .	758 рублей или	43%
Итого	1758 рублей или	100%

По этому расчету оказывалось бы, какъ видимъ, что цѣнность настоящаго надѣла крестьянскихъ земель составляетъ только по 215 рублей съ каждыхъ 1000 рублей общей цѣнности имѣнія, и слѣдовательно, если принять, какъ мы нашли, цѣнность души со всею крѣпостною землею господскою и крестьянскою по 98 рублей 10 копѣекъ, то оказалось бы по счету самихъ помѣщиковъ, что выкупъ крестьянскихъ земель за настоящій надѣлъ составлялъ бы всего только 21 рубль съ души въ имѣніяхъ, состоящихъ на барщинѣ. Таковъ-то былъ бы выводъ, если-бы мы приняли оцѣнку обязательнаго труда, представляемую одними. Еще поразительнѣе былъ бы результатъ, если-бы мы приняли оцѣнку обязательнаго труда, предлагаемую другими помѣщиками: они говорятъ, что обязательный трудъ составляетъ съ каждаго тягла не меньше 30 рублей серебромъ; или даже

36 руб., или 42 руб. Будемъ считать на 100 душъ 30 тяголъ и обязательную работу каждаго тягла въ 30 рублей: выходитъ, со ста душъ цѣнность обязательнаго труда 900 рублей. Что же далѣе? Личныя крѣпостныя повинности отмѣняются безъ вознагражденія. Итакъ сто душъ крестьянъ должны выиграть въ ежегодномъ доходѣ 900 рублей. А между тѣмъ мы нашли, что вся годичная цѣнность, доставляемая какъ личнымъ крѣпостнымъ правомъ, такъ и правомъ на крѣпостную землю, не превышаетъ 7 руб. 36 коп. съ души, то есть 736 руб. со ста душъ. Итакъ пожертвованіе, которое долженъ бы принести помѣщикъ, было бы значительнѣе всего дохода, даваемаго ему и личнымъ крѣпостнымъ трудомъ и всею землею, какъ крестьянскою, такъ и господскою, и оказывалось бы, что помѣщикъ долженъ былъ бы не только отдать даромъ всю крѣпостную землю и свою и крестьянскую, но еще и приплачивать на каждую крѣпостную душу по 1 руб. 64 коп. ежегодно, или, капитализируя эту уплату по принятому нами расчету ($7^1/_2\,\%$), приплатить каждой душѣ по 21 руб. 90 коп. Разумѣется, еще больше окажется эта приплата, если мы возьмемъ не очень умѣренныя цифры, а тѣ, которыя выставляются помѣщиками болѣе требовательными, напримѣръ положимъ, согласно съ имъ мнѣніемъ, что на сто душъ слѣдуетъ считать 40 тяголъ и обязательный трудъ каждаго тягла слѣдуетъ цѣнить въ 36 руб. сер. Какія цифры получатся тогда? Вотъ какія:

40 тяголъ по 36 руб. даютъ 1440 руб.: капитализируя эту цѣнность обязательнаго труда по разсчету $7^1/_2\,\%$, мы получимъ, что выгода, приносимая обязательнымъ трудомъ, равняется капиталу въ 19.200 руб.

Между тѣмъ цѣнность всѣхъ крѣпостныхъ земель крестьянскихъ и господскихъ со всѣми поселенными на нихъ душами равняется только 98 руб. 10 коп., то есть все помѣстье, имѣющее 100 душъ, стоитъ только 9,810 руб.

А такъ какъ владѣлецъ этого имѣнія долженъ уступить своимъ крестьянамъ цѣнность 19,200 руб., то стало быть, если онъ откажется въ пользу крестьянъ отъ всего помѣстья, то этимъ еще далеко не исполнится мѣра его уступки: онъ уступитъ имъ только 9,810 руб. и для пополненія уступки онъ долженъ будетъ еще приплатить 9,390 руб.,—только тогда онъ возвратитъ имъ вполнѣ всю цѣнность обязательнаго труда, отъ котораго отказывается.

Что за нелѣпость! Надобно совершенно задаромъ отказаться отъ всего помѣстья и въ добавокъ приплатить еще цѣну почти равную той, какую имѣло цѣлое помѣстье, только тогда составится сумма, равная одной части цѣнности этого самаго имѣнья! Вмѣсто геометрической аксіомы „часть меньше цѣлаго“ мы пришли къ выводу совершенно противнаго рода: „часть почти вдвое больше своего цѣлаго“. Изумительное открытіе! Послѣ этого надобно думать, что въ Петербургѣ больше жителей, нежели въ цѣлой Россіи, что Европа занимаетъ пространство большее, нежели вся поверхность земнаго шара, что одинъ палецъ больше всей руки. А впрочемъ нечего и удивляться подобнымъ выводамъ: каковы основанія, таковъ и выводъ изъ нихъ. Выставить преувеличенную цифру, чтобы дѣлать изъ нея преувеличенные выводы для собственной пользы, вещь очень заманчивая; но только дѣло въ томъ, что изъ каждой цифры можетъ быть выводимо множество различныхъ примѣненій. Вы взяли то приложеніе цифры, какое было выгодно для васъ; но вѣдь также легко

сдѣлать и другія приложенія, которыя окажутся для васъ далеко не въ такой степени выгодными, и тогда прійдется вамъ признать, что уклоненіе отъ истины не всегда полезно для самого уклоняющагося: тогда, быть можетъ, ясно станетъ для васъ, что истина безопаснѣе всего.

Мы все это говорили только къ тому, чтобы показать, какими желаніями мы руководимся, не соглашаясь приписать обязательному труду той преувеличенной цѣнности, какую даютъ ему нѣкоторые. Мы видимъ, что преувеличеніе въ этомъ случаѣ повертывается въ невыгоду самихъ владѣльцевъ, и именно для соблюденія ихъ пользы хотимъ держаться самой умѣренной цифры при опредѣленіи того, какая часть цѣнности придается имѣнію обязательнымъ трудомъ. Личность освобождается безъ вознагражденія: потому, чѣмъ ниже мы оцѣнимъ обязательный трудъ, тѣмъ большая часть цѣнности останется на долю земли, подлежащей выкупу, слѣдовательно тѣмъ выгоднѣе для владѣльца будетъ цифра выкупа.

Итакъ положимъ, что цѣнность обязательнаго труда составляетъ только пятую часть цѣнности всего крѣпостнаго имущества въ имѣніяхъ, состоящихъ на барщинѣ. На самомъ дѣлѣ обязательный трудъ составляетъ, безъ сомнѣнія, гораздо значительнѣйшую часть общей суммы: но мы принимаемъ меньшую цифру для выгоды владѣльцевъ. Какова же будетъ при этой цифрѣ окончательная величина выкупа въ имѣньяхъ, состоящихъ на барщинѣ?

Вся стоимость крѣпостнаго имущества найдена нами равняющеюся 98 рублямъ и 10 копѣйкамъ серебромъ на душу: изъ этой цифры одна пятая, т. е. 19 рублей 62 копѣйки, отсчитывается на обязательный трудъ, неподлежащій выкупу. Цѣнность земли остается 78 руб. 48 коп. на душу. По нынѣшнему надѣлу, изъ тысячи десятинъ земли крестьянамъ уступлено 379: по этой пропорціи изъ 78 руб. 48 коп. на крестьянскую землю приходится цѣнность 29 руб. 74 коп.. — вотъ средняя величина выкупа съ души въ имѣніяхъ, состоящихъ на барщинѣ, при нынѣшнемъ надѣлѣ.

Но мы уже замѣтили, что во многихъ помѣстьяхъ настоящій надѣлъ пахотною землею и сѣнокосами недостаточенъ: сверхъ того для крестьянъ необходимъ надѣлъ нѣкоторою частью лѣсовъ и другихъ угодій, не причисляемыхъ нынѣ къ ихъ землѣ. Мы говорили, что вслѣдствіе этихъ необходимыхъ прибавокъ, крестьянскому надѣлу слѣдовало бы въ общей суммѣ возвыситься до половины всей крѣпостной земли. Мы будемъ брать за норму выкупа эту послѣднюю величину надѣла, безъ которой не достигнется цѣль, указанная Высочайшими рескриптами. Тогда выкупъ составитъ ровно половину цѣнности всей крѣпостной земли, то есть 39 рублей 24 копѣйки съ души.

До сихъ поръ мы говорили объ имѣніяхъ, состоящихъ на барщинѣ. Въ оброчныхъ имѣніяхъ обыкновенно вся земля находится во владѣніи крестьянъ, но тѣмъ не менѣе встрѣчаются оброчныя имѣнія, въ которыхъ часть земли остается за владѣльцами. Во многихъ другихъ оброчныхъ помѣстьяхъ согласное желаніе владѣльца и крестьянъ будетъ состоять въ томъ, чтобы при отходѣ помѣстья отъ владѣльца нѣкоторая часть земли была возвращена ему. Положимъ, что оба эти факта въ сложности произведутъ оставленіе за владѣльцами оброчныхъ имѣній хотя одной восьмой части крѣпостной земли. Въ дѣйствительности эта доля, конечно, будетъ гораздо значительнѣе, но чѣмъ меньше принять вычетъ, тѣмъ больше останется величина выкупа. Въ этомъ случаѣ, какъ и во всѣхъ другихъ, мы дѣ-

лаемъ всевозможныя натяжки для возвышенія выкупной суммы. Такъ мы уже приняли цѣну земли въ оброчныхъ имѣніяхъ за равную цѣнѣ земли въ барщинныхъ, хотя въ оброчныхъ земля гораздо малоцѣннѣе, какъ извѣстно всякому. Точно также мы хотимъ принять, что цѣна личности въ оброчныхъ имѣніяхъ составляетъ, какъ въ барщинныхъ, только одну пятую часть всей цѣнности крѣпостнаго имущества, хотя извѣстно, что въ оброчныхъ имѣніяхъ цѣнность гораздо больше, нежели въ барщинныхъ, проистекаетъ изъ крѣпостнаго права на самую личность, а не на землю, и хотя даже для барщинныхъ имѣній вычетъ изъ общей цѣнности за отмѣняемое безъ вознагражденія право на личность принятъ нами меньше своей дѣйствительной цѣны.

На этихъ основаніяхъ, до крайности выгодныхъ для владѣльца, величина выкупа въ оброчныхъ имѣніяхъ опредѣлится такимъ образомъ.

За вычетомъ 19 руб. 62 коп. изъ общей цифры 98 руб. 10 коп., цѣнность всей крѣпостной земли остается, какъ въ барщинныхъ имѣніяхъ, 78 руб. 48 коп.: изъ этой земли одна восьмая часть останется за помѣщиками (цѣнность этой доли 9 руб. 81 коп.); за крестьянами остается семь восьмыхъ частей, цѣнность которыхъ 68 руб. 67 коп.

Эта цифра 68 рублей 67 копѣекъ и составляетъ выкупъ оброчной души съ землею.

Теперь совершенно ясно, что мы дѣлали большую натяжку для повышенія общей выкупной суммы по всей имперіи, когда считали, что цѣлая треть крѣпостныхъ крестьянъ находится на оброкѣ, между тѣмъ какъ въ дѣйствительности пропорція эта гораздо меньше: выкупъ за оброчныхъ больше, чѣмъ за состоящихъ на барщинѣ.

Вотъ мы достигли наконецъ того, что можемъ вывести приблизительную величину выкупа всѣхъ крѣпостныхъ крестьянъ цѣлой имперіи съ надѣломъ земли, какой мы принимали выше, то есть съ надѣломъ, увеличеннымъ до цѣлой половины всей крѣпостной земли.

Мы принимали, что изъ 300 душъ 200 находятся на барщинѣ, а 100 на оброкѣ; по принятымъ для того и другаго разряда цифрамъ выкупа имѣемъ:

200 душъ по 39 руб. 24 коп.		7,848 руб.
100 „ „ 68 „ 67 „		6.867 „
Итого 300 душъ		14,715 руб.

Раздѣляя общую цѣнность 14.715 руб. на 300 душъ, мы получаемъ среднюю цѣнность выкупа за каждую душу 49 руб. 5 коп. *).

Помножая эту среднюю цѣнность выкупа (49 руб. 5 коп.) на все количество крѣпостныхъ душъ въ Европейской Россіи (10,844.902, по новѣйшимъ свѣдѣніямъ г. Тройницкаго), мы получимъ 531.942,443 р. 10 к.

*) Если-бы мы приняли, что оброчные крестьяне составляютъ только четвертую часть общаго числа, мы имѣли бы:

300 душъ по 39 руб. 24 коп.		11,772 руб.
100 „ „ 68 „ 67 „		6,867 „
Итого 400 душъ		18,659 руб.

Раздѣляя 18,659 руб. на 400 душъ, получимъ среднюю цѣнность выкупа души съ землей 46 руб. $59^{3}/_{4}$ коп. на душу.

Вотъ вся сумма выкупа съ землею при надѣлѣ, увеличенномъ на цѣлую треть выше настоящаго.

Какъ далеко отъ этой цифры до страшныхъ полутора или двухъ милліардовъ рублей серебромъ, о которыхъ обыкновенно говорятъ! Цѣлая бездна отдѣляетъ нашъ выводъ отъ этихъ ужасающихъ фантомовъ.

У кого изъ насъ не облегчается сердце при взглядѣ на эту цифру 531,940,000 р., на эту цифру, которая уже сама за себя прямо говоритъ: „Вглядитесь въ меня хорошенько: я вовсе не страшна, какъ васъ пугаютъ; со мною нетрудно будетъ вамъ сладить; я не раззорю васъ, какъ тѣ раздутыя чудовища, которыя ужасали васъ подъ моимъ именемъ. Вглядитесь въ меня хорошенько: есть ли во мнѣ хоть малѣйшій признакъ переполненія государства кредитными знаками, потрясенія кредиту, громадныхъ займовъ, изнурительныхъ усилій, которыми васъ стращали уродливые милліарды, являвшіеся вмѣсто меня въ потьмахъ безразчетности? Они старались представиться вамъ слонами, эти самозванцы-милліарды выкупа: а я, я чуть ли не муха,—такъ легко со мною справиться. Вглядитесь въ меня хорошенько: вѣдь я не больше той цифры, какую вы въ десять лѣтъ истратите на однѣ желѣзныя дороги; вѣдь я въ двое меньше той цифры, какую составитъ въ слѣдующіе десять лѣтъ оборотъ однихъ только Балтійскихъ нашихъ портовъ. И будто бы вамъ не справиться со мною въ самомъ дѣлѣ и легко и быстро?“

Но отчего же въ самомъ дѣлѣ такая громадная разность между нашимъ выводомъ и страшными милліардами, которые являлись подъ перомъ другихъ? Мы старались по возможности держаться ближе къ дѣйствительнымъ даннымъ. Мы принимали за основаніе строго повѣренныя цифры о цѣломъ полумилліонѣ душъ крѣпостнаго населенія. А люди, пугавшіе милліардами, обыкновенно ровно ни на чемъ не основывались, кромѣ приходо-расходныхъ книгъ своего помѣстья,—книгъ, которыхъ никто не провѣрялъ, и которыя, Богу одному извѣстно, по какой бухгалтеріи ведены. Да и то еще было хорошо, когда основывались хоть на какихъ нибудь счетахъ настоящаго дохода; а то безъ церемоніи прямо говорили: „Я, дескать, не знаю, сколько дохода доставляетъ мнѣ мое помѣстье, но полагаю, что оно должно доставлять вотъ столько-то“, или даже еще прямѣе „но желаю, чтобы оно считалось доставляющимъ мнѣ вотъ сколько“; и отъ невѣрныхъ счетовъ по одному имѣнію, или и отъ вѣрныхъ счетовъ, но по одному имѣнію, находящемуся въ исключительно выгодномъ положеніи, или наконецъ и просто отъ соображенія о томъ, сколько дохода могло бы приносить это имѣніе, еслибы приносило дохода гораздо больше, чѣмъ приноситъ теперь, они приходили къ заключенію прямо о цѣлой Россіи. Да и то еще было хорошо, если хоть на такихъ невѣрныхъ или желательныхъ счетахъ по одному своему имѣнію основывали выводъ о цѣлой Россіи; а то и просто, безъ всякихъ разсужденій писали „два милліарда“ и ставили точку, какъ будто меньше этой цифры уже и быть ничего не можетъ.

Итакъ, первая причина разницы между нашимъ умѣреннымъ выводомъ и ужасающими выводами другихъ состоитъ въ томъ, что мы взяли основаніе, хотя и не совершенно достаточное для безусловно точнаго результата, но все-таки очень широкое и прочное, именно добросовѣстныя и очень вѣрныя изслѣдованія о цѣломъ полумилліонѣ душъ мужскаго пола, то есть о цѣломъ милліонѣ душъ обоего пола; а другіе строили свои выводы на одномъ какомъ-нибудь помѣстьи, да и то безъ точной провѣрки его доходовъ, или и вовсе ни на чемъ не основывались, кромѣ

собственнаго произвола. Наше широкое и прочное основаніе—вотъ, сказали мы, первая причина умѣренности, какою отличается нашъ выводъ. Другая причина разницы состоитъ въ томъ, что мы стремились уяснить себѣ, какая именно часть помѣстныхъ доходовъ имѣетъ связь съ крѣпостнымъ правомъ, изъ этой части какая именно доля подлежитъ выкупу. Другіе поступали не такъ; они прямо, не разбирая ничего, говорили: „Я получаю (или желаю получать) со всего своего помѣстья столько-то рублей, вотъ вамъ и выкупъ, какого я хочу". — „Но часть этихъ доходовъ получается отъ фабрикъ, заводовъ и другихъ промышленныхъ оборотовъ и предпріятій, которыя ни мало не пострадаютъ, а напротивъ разовьются отъ уничтоженія крѣпостныхъ отношеній". — „Я ничего знать не хочу, я знаю только, что получаю съ своего помѣстья 10,000 руб.: ну, и давайте мнѣ такой выкупъ, съ котораго проценты составили бы 10,000 руб." — „Но мало того, что изъ вашихъ 10.000 р. почти половина доставляется вамъ источниками, которыхъ не касается крѣпостной вопросъ: изъ остальной половины также значительнѣйшая доля останется у васъ въ рукахъ". — „Опять таки повторяю, я этого ничего знать не хочу: фабрика и заводъ останутся у меня, половина пахотной земли и большая половина сѣнокосовъ, лѣсовъ и другихъ угодій останутся тоже у меня, а все-таки давайте мнѣ выкупъ за цѣлое помѣстье". Отъ такихъ основаній и съ такою логикою не трудно дойти не только до двухъ милліардовъ, но и до двадцати, и до двухсотъ милліардовъ.

„Но, скажутъ намъ, вы принимаете выкупъ только въ 49 рублей за душу, тогда какъ другіе считаютъ, что мало будетъ и 100 руб.: иные думаютъ, что мало будетъ и 200 рублей. Какъ же это можно такъ низко спускать цифру?" Боже мой, именно мы-то и должны спросить наоборотъ: какъ можно было другимъ такъ раздувать эту цифру? Разсужденія наши были длинны, но сущность ихъ очень коротка. Мы взяли за основаніе вывода одну изъ богатѣйшихъ губерній; въ случаяхъ сомнѣнія мы ставили себѣ за правило принимать такія пропорціи, которыя изъ всѣхъ допускаемыхъ здравымъ смысломъ наиболѣе выгодны для возвышенія выкупной цифры, и все-таки не могли вывести ее больше, какъ въ 49 рублей 5 коп. Послѣ этого не имѣемъ ли скорѣе мы право спросить: вѣроятны ли цифры, втрое и вчетверо превосходящія цифру, полученную нами?

И чѣмъ же мала наша цифра? Кажется, нельзя отвергать того, что доходъ, доставляемый чисто крѣпостными отношеніями, безъ фабрикъ, заводовъ и другихъ промышленныхъ и торговыхъ предпріятій, выражается оброкомъ. Оброкъ въ двадцать пять руб. сер. съ тягла возможенъ только въ меньшей половинѣ Россіи: въ гораздо большей половинѣ онъ отъ двадцати руб. спускается до пятнадцати. Считая 33 тягла на 100 душъ, мы получаемъ при 25 рубляхъ оброка только 8 руб. 33 коп. съ души, при 20 руб. оброка только 6 руб. 66 коп. съ души, при 15 руб. оброка только 5 руб. съ души. Вотъ намъ весь собственно крѣпостной доходъ. Если кто изъ владѣльцевъ получаетъ больше безъ произвольныхъ притѣсненій, онъ получаетъ этотъ излишекъ не какъ собственникъ крѣпостнаго права, а какъ антрепренеръ, не какъ помѣщикъ, а какъ заводчикъ, фабрикантъ, негоціантъ, какимъ останется и по выкупѣ крестьянъ. Беремъ же среднюю цифру собственно крѣпостнаго дохода, 6 руб. 66 коп. съ души, и замѣчаемъ, что онъ получается отъ всей крѣпостной земли, а лучшая половина этой земли и по выкупѣ останется за помѣщикомъ; стало быть, вовсе не будетъ обиды

ему положить всю потерю его въ 3 рубля 33 коп. Эти 3 руб. 33 коп. дохода выкупаются по нашему разсчету 49 руб. 5 коп.,—развѣ можно назвать невыгодной капитализацію по такому проценту? Вѣдь по $7^1/_2\%$ составлялось бы только 44 руб. 44 коп.; вѣдь по нашему разсчету капитализація выходитъ на основаніи менѣе, нежели 7%, а кто не знаетъ, что 7% уже выгодная цифра для капитализаціи земледѣльческихъ доходовъ?

Можно еще проще обсудить нашу цифру выкупа другимъ образомъ. Каждому извѣстно, что когда имѣніе заложено въ опекунскій совѣтъ, то уплата процентовъ беретъ болѣе половины валоваго дохода у помѣщика: во многихъ помѣстьяхъ она брала (по прежнему разсчету процентовъ на долги кредитныхъ учрежденій) двѣ трети и даже три четверти валоваго дохода; наконецъ извѣстно, что часто помѣстья покупались съ прибавкою самой ничтожнѣйшей суммы къ переводу долга на покупщика; наконецъ извѣстно и то, что при аукціонной продажѣ за неуплату процентовъ, помѣщику приходилось получать изъ продажной цѣны, за вычетомъ опекунскаго долга, иной разъ какихъ-нибудь по десяти рублей остатка съ души. Что же за цифра этотъ опекунскій долгъ, поглощающій почти всю цѣнность имѣнія? Что же за цифра эти проценты опекунскаго долга, поглощающіе большую часть доходовъ съ имѣнія? Опекунскій долгъ составляетъ не больше 80 рублей серебромъ на душу; проценты съ него по прежней высокой нормѣ (6%) составляли всего 4 рубля 50 копѣекъ съ души. Послѣ этого можно ли говорить, что низка оцѣнка, которая только половину крѣпостныхъ земель, составляющихъ только часть всей цѣнности крѣпостнаго имѣнія, полагаетъ въ 49 рублей? Скорѣе надобно сказать, что эта оцѣнка выкупа слишкомъ высока.

Да и какъ не быть ей выше дѣйствительной средней цифры? вѣдь мы взяли за основаніе одну изъ богатѣйшихъ губерній и, выводя выкупную цифру, постоянно принимали такія пропорціи, которыя были выше дѣйствительныхъ, для возвышенія выкупной цифры. Угодно ли знать, къ чему пришли бы мы, если-бы не увлекались желаніемъ возвысить выкупную цифру? Вотъ къ чему. Для Кіевской губерніи вывели мы выкупную цифру барщинныхъ помѣстій 39 руб. 24 коп. Не будемъ перевѣрять этого вывода, который уже основанъ на многихъ возвышеніяхъ пропорцій. Не будемъ вычитать изъ него тѣхъ лишнихъ увеличеній, которыя легко было бы открыть. Обратимъ вниманіе только на одну пропорцію между барщинными и оброчными помѣстьями. Оброкъ въ Кіевской губерніи почти совершенно неизвѣстенъ: почти всѣ имѣнія состоятъ на барщинѣ. Если мы положимъ на оброкѣ одну двадцатую часть крѣпостныхъ крестьянъ Кіевской губерніи, мы все-таки положимъ ихъ больше, нежели сколько ихъ въ дѣйствительности. Какое же вліяніе на общій выводъ будетъ имѣть эта пропорція?

1,900 душъ	по 39 руб. 24 коп.	74,556 руб.
100 —	— 68 — 67 —	6,867 —
Итого 2,000 душъ		81,423 руб.

Средній выкупъ за душу по этому итогу оказывается 40 руб. 71 коп.

Но Кіевская губернія — одна изъ богатѣйшихъ; разсчитывать по ней одной несправедливо. Надобно взять также одну изъ бѣдныхъ губерній, и для того обратимся къ цифрамъ, какія собраны г. Соловьевымъ для Смоленской губерніи. Цифры эти вотъ каковы.

Всего крѣпостной земли находится въ Смоленской губерніи 3.847,524 десятины. Средняя продажная цѣна земли 5 руб. 47 коп. Итого цѣнность всей земли 21.061.000 рублей. Общее число крѣпостныхъ душъ мужскаго пола 378,038. Раздѣляя на эту цифру цѣнность крѣпостной земли, получаемъ, что вся крѣпостная земля, какъ господская, такъ и крестьянская, даетъ цѣнность 55 руб. 72 коп. на на душу. Если половина ея отойдетъ къ освобождаемымъ крестьянамъ въ барщинныхъ имѣніяхъ, на душу придется выкупъ въ этихъ имѣніяхъ 27 руб. 86 коп. Число оброчныхъ крестьянъ въ Смоленской губерніи чрезвычайно незначительно, навѣрное меньше одной десятой части всего числа ихъ. Но положимъ одну десятую часть, и положимъ по прежнему правилу, что одна восьмая часть земли въ оброчныхъ имѣніяхъ останется за помѣщиками. Вычетъ за эту восьмую часть составитъ 6 руб. 96 коп.; остается цѣнность выкупаемой земли на оброчную душу 48 руб. 76 коп. Выведемъ же теперь среднюю цифру выкупа для Смоленской губерніи.

900 душъ по 27 руб. 86 коп.	25,074 руб.
100 — — 48 — 76 —	4,076 —
Итого 1,000 душъ	29,950 руб.

Раздѣляя 29,950 рублей на 1,000 душъ, мы получаемъ среднюю выкупную цифру Смоленской губерніи 29 руб. 95 коп. за душу.

Теперь мы взяли одну богатую и одну бѣдную губернію. Выводъ, получаемый изъ соединенія обоихъ этихъ основаній, будетъ ближе къ дѣйствительной средней цифрѣ, нежели тотъ, какой былъ полученъ нами прежде на основаніи данныхъ одной только богатой губерніи. Выведемъ же среднюю цифру по двумъ губерніямъ.

Кіевская губернія

504,431 душа по 40 руб. 71 коп. 20.535,386 руб. 1 коп.

Смоленская губернія

378,038 душъ по 29 руб. 95 коп.	11.322,238 руб. 10 коп.
Итого 882,469 душъ	31.857,624 руб. 11 коп.

Раздѣляя 31.857,624 руб. 11 коп. на 882,469 душъ, мы получаемъ среднюю величину выкупной цѣны за душу 36 руб. 12 коп.

Первоначально полученная нами цифра 49 рублей 5 копѣекъ можетъ нравиться однимъ, можетъ не нравиться другимъ. Кому она нравится, тотъ можетъ успокоиться на ней; но кому она не нравится, тотъ можетъ знать, что всякое переизслѣдованіе съ цѣлью строжайшей провѣрки приведетъ только къ уменьшенію ея. Намъ она нравится, потому что она высшая цифра, какую только можно получить для выкупа со всѣми натяжками къ повышенію, которыя допускаются правдоподобіемъ, и отчасти даже съ такими, которыя превышаютъ правдоподобіе. Мы останавливаемся на ней, счастливые тѣмъ, если не будемъ принуждены возраженіями на нее провѣрять ее и черезъ провѣрку приходить къ величинѣ выкупа менѣе высокой.

49 рублей 5 копѣекъ съ души даютъ въ итогѣ, какъ мы видѣли, около 531,940,000 рублей для выкупа всего крѣпостнаго населенія Россіи съ надѣломъ землею, значительно увеличеннымъ противъ настоящаго.

Опредѣливъ цифру выкупа, надобно теперь заняться пріисканіемъ средствъ для уплаты найденной суммы его.

Сумма эта, мы уже замѣчали при первомъ взглядѣ на нее, вовсе негромадна по сравненію съ средствами, которыми можетъ располагать Русская нація. Она едва-ли превышаетъ двухлѣтній государственный доходъ Русской имперіи. Она едва-ли превышаетъ пятилѣтній доходъ, какой будетъ приносить одна винная регалія по уничтоженіи откуповъ. Она едва-ли составляетъ одну пятую часть годичнаго дохода, доставляемаго русскимъ сельскохозяйственнымъ производствомъ. Она едва-ли составляетъ одну седьмую часть годичнаго дохода Русской націи. Съ такою суммою справиться легко.

А дѣло легкое можно сдѣлать всячески, какъ угодно. Поднять пятипудовую гирю есть только одно средство: взяться за нее обѣими руками, собрать всѣ силы организма для преодолѣнія громадной тяжести. Совсѣмъ не то, когда нужно перенести съ мѣста на мѣсто фунтовой разновѣсокъ,—тутъ поступайте какъ хотите, всетаки перенесете: возьмите его въ обѣ руки, если вздумается, а не то возьмите одной правой рукой; пожалуй, можете взять и одной лѣвой, а не то легко поднимете его и однимъ пальцемъ.

Такъ и съ выкупной суммой, которую мы нашли: избирайте какой угодно путь для ея уплаты, все-таки она уплатится легко и быстро. Кажется ли вамъ справедливымъ, чтобы вся нація равномѣрно участвовала въ уплатѣ этой суммы,— нація уплатитъ ее столь-же мало обременяясь этимъ, какъ постройкою желѣзныхъ дорогъ, которая требуетъ въ десять лѣтъ не меньшей суммы. Находите ли вы удобнѣйшимъ, чтобы главная масса уплаты шла съ одного бывшаго крѣпостнаго сословія, при небольшой только помощи отъ государства, и въ такомъ случаѣ уплата произойдетъ очень быстро и безъ всякаго чувствительнаго обремененія для платящихъ. Думаете ли вы наконецъ, что государство не можетъ принести этому дѣлу никакихъ денежныхъ пожертвованій и должно предоставить освобождаемымъ крестьянамъ произвести уплату исключительно ихъ собственными средствами,—и въ этомъ случаѣ крестьяне заплатятъ все довольно быстро и довольно легко. И такъ можете выбирать любой изъ трехъ путей, и пожалуй, можно здѣсь-же представить хоть по одному способу для производства выкупа каждымъ изъ этихъ трехъ путей. Въ легкомъ дѣлѣ легко давать совѣты, и каждый изъ нихъ удобоисполнимъ.

ПЕРВЫЙ ПУТЬ

Выкупъ исключительно средствами самихъ освобождаемыхъ крестьянъ.

Согласно съ единодушнымъ желаніемъ всѣхъ помѣщиковъ, немедленно прекращаются всякія прямыя отношенія между ними и крестьянами. Крестьяне, отошедшіе отъ помѣщиковъ, не платятъ имъ прямо въ руки ровно ничего, а вмѣсто того облагаются государственною податью, подобно государственнымъ крестьянамъ. До сихъ поръ они платили государству почти тремя рублями съ души меньше, нежели государственные крестьяне. Теперь они сравниваются по государственнымъ податямъ съ государственными крестьянами. Этотъ излишекъ (3 рубля съ души) употребляется на уплату выкупа помѣщикамъ чрезъ посредство казны.

Подати вносятся въ государственное казначейство: изъ нихъ по 3 рубля съ души отчисляется въ особенную сумму, которая и употребляется на уплату помѣщикамъ.

Помѣщикамъ выдаются облигаціи: каждому помѣщику одна на всю слѣдующую ему сумму выкупа, если эта сумма не превышаетъ 100,000 руб. серебромъ; если же сумма, слѣдующая одному помѣщику, больше 100,000 рублей, она дѣлится на соразмѣрное число облигацій, каждая величиною отъ 50,000 до 100,000 рублей серебромъ. Эти облигаціи приносятъ доходъ равный тому, какъ билеты государственныхъ кредитныхъ учрежденій, то есть 3 процента въ годъ.

Говорятъ о томъ, что облигаціи выкупа переполнятъ рынокъ кредитными знаками. Въ томъ видѣ, какой предлагается здѣсь, онѣ не могутъ имѣть никакого дѣйствія на бумажныя деньги, потому что огромностью своей величины совершенно отличаются отъ нихъ и не могутъ соперничать съ ними въ ежедневномъ обращеніи. Облигація въ 10,000, 20,000, 90,000 рублей серебромъ не можетъ служить средствомъ покупки чая, сахара, платья, расплаты за квартиру и тому подобное. Она переходитъ изъ рукъ въ руки только въ такихъ случаяхъ, когда изъ рукъ въ руки переходитъ домъ, фобрика, участокъ земли, то есть только тогда, когда извѣстный человѣкъ, ею владѣющій, хочетъ ликвидировать свое имущество, или, вмѣсто одного рода занятій, избираетъ совершенно другую экономическую карьеру. Изъ такихъ облигацій, имѣющихъ неподвижность почти недвижимаго имущества, будетъ состоять почти вся масса выкупныхъ облигацій. Въ самомъ дѣлѣ, владѣльцамъ мелкопомѣстнымъ, имѣющимъ менѣе 21 души, принадлежитъ всего только 385,000 душъ, и выкупныхъ облигацій пришлось бы получить имъ менѣе нежели на 20,000,000 р. Только часть этихъ облигацій, имѣющихъ величину отъ 40 руб. до 1600 руб., именно облигаціи въ 40—500 рублей, составляющія сумму вѣроятно менѣе 10,000,000 рублей, и могли бы имѣть сходство съ бумажными деньгами, да и тѣ были бы выкуплены въ теченіе перваго же года, или лучше сказать тотчасъ по выдачѣ, такъ что и не попали бы въ обращеніе. Затѣмъ владѣльцамъ, имѣющимъ отъ 21 до 100 душъ, принадлежатъ около 1,500,000 крестьянъ. Эти помѣщики получили бы облигаціи, величиною примѣрно отъ 800 рублей до 8,000 рублей. Число такихъ владѣльцевъ, а слѣдовательно и число облигацій, было бы съ небольшимъ 35,000. Облигаціи въ 1,000 рублей движутся уже очень медленно, облигація въ 5,000 руб. имѣетъ рѣшительную наклонность лежать неподвижно. Весь итогъ этого разряда облигацій составлялъ бы цѣнность менѣе 75,000,000 рублей; если бы онъ весь вмѣстѣ съ предъидущимъ разрядомъ могъ быть соперникомъ бумажныхъ денегъ, и тогда эти облигаціи, по незначительности своей суммы (менѣе 95,000,000 р. серебромъ), не могли бы имѣть никакого вліянія на цѣнность бумажныхъ денегъ; присутствіе ихъ на рынкѣ не было бы чувствительно. А между тѣмъ уже и изъ этихъ облигацій три четверти не могли бы служить торговымъ средствомъ обмѣна и походили бы на недвижимое имущество. Затѣмъ остальная масса выкупныхъ облигацій, на сумму около 435,000,000 рублей, была бы выдана помѣщикамъ, имѣющимъ болѣе 100 душъ. Изъ нихъ самая маленькая была бы около 4,000 р. Какое же въ нихъ средство размѣна? Въ томъ числѣ помѣщикамъ, имѣющимъ болѣе 500 душъ, было бы выдано облигацій на сумму болѣе 250,000,000 руб.

и самая маленькая изъ этихъ облигацій была бы не менѣе 20,000 руб. сер. *). Такія облигаціи уже рѣшительно обречены, своею огромною величиною, лежать въ сундукахъ по нѣсколько лѣтъ, не показываясь на рынокъ; владѣльцу такой облигаціи разстаться съ ней также трудно, какъ разстаться съ трехъэтажнымъ каменнымъ домомъ. Представимъ для легчайшаго соображенія примѣрную таблицу величины предлагаемыхъ облигацій.

Въ этой таблицѣ, по соображенію, изложенному нами въ статьѣ „О необходимости умѣренныхъ цѣнъ выкупа", мы считаемъ у мелкопомѣстныхъ владѣльцевъ нѣсколько меньшее количество душъ, нежели какое оказывается въ таблицахъ, составленныхъ по губерніямъ, потому что часто владѣлецъ, имѣющій маленькую деревеньку въ одной губерніи, имѣетъ другую, гораздо большую, въ другой губерніи. Точно также мы нѣсколько уменьшаемъ количество крестьянъ у владѣльцевъ разряда отъ 21 до 100 душъ, и разряда отъ 101 до 500 душъ. Въ самомъ дѣлѣ, если помѣщикъ имѣетъ 60 душъ въ одной губерніи и 70 въ другой, онъ оказывается имѣющимъ уже 130 душъ, и его крестьянъ надобно перенести изъ втораго разряда (21—100 душъ) въ третій (болѣе 100 душъ). Эти, вычитаемыя изъ первыхъ разрядовъ, количества мы переносимъ въ слѣдующіе разряды, чтобы нѣсколько приблизить цифры распредѣленія крестьянъ между помѣщиками къ дѣйствительной пропорціи въ счетѣ по цѣлой имперіи. Наконецъ замѣтимъ, что мы беремъ круглыя числа, потому что настоящая таблица, только примѣрная, служитъ единственно для облегченія соображенія.

Разряды владѣльцевъ.	Число принадлежащихъ имъ душъ (примѣрно).	Сумма всѣхъ выдающихся облигацій (примѣрно).	Величина каждой облигаціи (примѣрно).
1— 20 душъ.	375,000	18,500,000 р.	40— 1,600 р.
21— 100 „	1,500,000	73,500,000 „	840— 8,000 „
101— 500 „	3,600,000	175,000,000 „	4,040— 40,000 „
501—1000 „	1,500,000	73,500,000 „	20,040— 80,000 „
1001 и болѣе.	3,900,000	191,500,000 „	40,040—100,000 „

Выкупныя облигаціи принимаются подобно билетамъ кредитныхъ учрежденій въ залогъ по торгамъ и поставкамъ. Право это дается облигаціямъ только потому, что нѣтъ для казны основаній поступать иначе, а вовсе не потому, чтобы для предохраненія облигацій отъ упадка въ цѣнѣ особенно нужно было такое право. Цѣна облигацій уже достаточно обезпечена идущими на нихъ процентами и довольно быстрымъ выкупомъ ихъ по тиражу.

А выкупъ облигацій производится довольно быстро. Мы принимаемъ для него слѣдующія основанія.

*) Мы говоримъ, что за выкупъ 100 душъ, въ нѣкоторыхъ помѣстьяхъ могли бы быть облигаціи не болѣе 4,000 р., а за выкупъ 500 душъ не болѣе 20,000 р.; потому что, разумѣется, цѣны выкупа въ разныхъ помѣстьяхъ были бы различны, смотря по цѣнности выкупаемой земли. И, для примѣра, мы полагаемъ, что были бы помѣстья, въ которыхъ приходилось бы выкупа на душу не болѣе 40 руб. серебромъ, за то въ другихъ, выкупъ доходилъ бы до 70 или 80 р. на душу. Въ такомъ помѣстьи за 100 душъ выдавалась бы облигація въ 7,000 р. или въ 8,000 р.

Тиражъ производится по крайней мѣрѣ три раза въ годъ, если показалось бы слишкомъ хлопотливо производить его чаще, напримѣръ, каждый мѣсяцъ *).

Тиражъ производится для цѣлой имперіи въ одномъ пунктѣ, или въ Петербургѣ, или въ Москвѣ.

Онъ производится, конечно, чрезъ посредство одного изъ кредитныхъ учрежденій. Суммы, отдѣляемыя изъ податей для выкупной операціи, передаются государственнымъ казначействомъ въ кредитное учрежденіе, производящее тиражъ.

Но для удобства владѣтелей облигацій, проценты по облигаціямъ и деньги за вынутыя облигаціи выдаются предъявителю облигаціи, какъ въ центральномъ кредитномъ учрежденіи, гдѣ сосредоточена выкупная операція, такъ и въ приказѣ общественнаго призрѣнія той губерніи, гдѣ находится помѣстье, по которому получается выкупъ.

Каждая облигація нераздѣльна. Уплата за нее не можетъ быть производима по частямъ, а непремѣнно только за всю сполна. Это условіе нужно для того, чтобы сохранить облигаціямъ характеръ, отличающій ихъ отъ кредитныхъ билетовъ, серій и билетовъ кредитныхъ учрежденій. Именно своей огромностью онѣ удерживаются отъ соперничества съ бумажными деньгами. Поэтому можно поставить условіемъ, что облигація съ надписью въ полученіи какой либо части ея цѣнности считается уже недѣйствительною и лишается права на уплату.

Таковы могли бы быть главныя основанія выкупной операціи. При отдѣленіи на нее 3 руб. сер. съ освобожденной души и при производствѣ тиражей по третямъ года весь выкупъ окончился бы въ 67 тиражей, то есть въ теченіе 22 лѣтъ и 4 мѣсяцевъ.

Для освобождаемыхъ крестьянъ такой способъ выкупа былъ бы вѣроятно необременителенъ. По крайней мѣрѣ навѣрное можно сказать, что обремененіе ни мало не замѣчалось бы ими: они съ перваго же мѣсяца по освобожденіи были бы поставлены относительно податей совершенно въ такое же положеніе, какъ государственные крестьяне.

Но само собою разумѣется, что вѣрность выкупа обусловливается исправнымъ взносомъ подати, идущей на выкупъ, а для этой исправности главнымъ условіемъ служитъ то, чтобы хозяйство крестьянъ не подвергалось разстройству. Только съ этой точки зрѣнія можетъ быть понята людьми, непринадлежащими къ крестьянскому сословію, вся важность вопроса о перенесеніи крестьянскихъ усадьбъ. Еще больше нежели изъ любви къ крестьянамъ, для выгоды самихъ помѣщиковъ, для обезпеченія имъ вѣрной уплаты выкупа, надобно желать, чтобы перенесеніе крестьянскихъ усадьбъ ни въ какомъ случаѣ не было поставляемо дѣломъ прину-

*) Чѣмъ чаще производится тиражъ, тѣмъ успѣшнѣе идетъ выкупъ. Во-первыхъ, если, напримѣръ, тиражъ производится три раза въ годъ, то на облигаціи, вынутыя 1-го мая, идутъ проценты только за 4 мѣсяца, а на облигаціи, вынутыя 1-го сентября, идутъ проценты только за 8 мѣсяцевъ, между тѣмъ какъ на тѣ и другія пришлось бы платить проценты за цѣлый годъ, еслибъ не было тиража въ маѣ и сентябрѣ и облигаціи пролежали бы до января. Черезъ это нѣсколько уменьшается масса денегъ, поглощаемая процентами, и остается больше денегъ на погашеніе капитала. Во вторыхъ, чѣмъ чаще производится тиражъ, тѣмъ ближе для каждой остающейся облигаціи шансъ попасть къ выкупу въ слѣдующій тиражъ, слѣдовательно тѣмъ прочнѣе поддерживается цѣнность облигацій. Мы даже предполагаемъ, что при очень частыхъ тиражахъ, напримѣръ при двухмѣсячныхъ или ежемѣсячныхъ, можно было бы облигаціямъ довольствоваться меньшимъ процентомъ противъ билетовъ кредитныхъ учрежденій и все-таки удержаться въ цѣнѣ.

дительнымъ. Если самъ крестьянинъ, если сама деревня захочетъ переселиться съ прежняго мѣста на другое, пусть переселяются; тогда переселеніе будетъ совершаться только въ такихъ случаяхъ, когда у крестьянъ есть на то достаточныя средства и хозяйство ихъ не разстроивается отъ перенесенія усадьбъ. Въ противномъ же случаѣ, при переселеніи принужденномъ, не будетъ ни числа разстроившимся отъ переселенія крестьянскимъ хозяйствамъ, ни мѣры разстройству, до какого дойдутъ ихъ хозяйственныя дѣла, и тогда недоимки въ податяхъ окажутся громадныя, а оттого въ чрезвычайно значительной степени замедлится весь ходъ выкупной операціи. Мы полагаемъ со временемъ подробнѣе разсмотрѣть вопросъ о перенесеніи усадьбъ и тогда надѣемся вполнѣ раскрыть, какъ разорительно для самихъ помѣщиковъ было бы принужденное переселеніе крестьянъ, о чемъ говоримъ теперь только мимоходомъ. Впрочемъ для каждаго читателя, привыкшаго къ здравымъ экономическимъ соображеніямъ, дѣло это ясно само собою.

Способъ выкупа, изложенный нами, не показался бы обременительнымъ для крестьянъ. На первый взглядъ онъ представляется самымъ лучшимъ и для государственной казны. Она не жертвуетъ на выкупъ ни одной копѣйки. Самая операція происходитъ такъ просто, что не требуется почти никакихъ расходовъ по завѣдыванію ею. Для уѣзднаго казначея совершенно все равно—принять ли отъ освобождаемой деревни, имѣющей 100 душъ, 200 рублей подати, какъ принимаетъ онъ теперь, или 500 рублей, какъ будетъ принимать тогда. Произвести въ одномъ центральномъ пунктѣ три раза въ годъ тиражъ,—не представитъ ровно никакого обремененія для администраціи этого кредитнаго учрежденія. Производить уплату процентовъ по какимъ нибудь 85,000 облигаціямъ, въ первые 2—3 года, также составитъ вовсе неважное обремененіе для чиновниковъ кредитныхъ заведеній, потому что число кредитныхъ бумагъ, по которымъ производятъ они уплату, считается сотнями тысячъ, и прибавка 85,000 нумеровъ не увеличитъ ихъ хлопотъ чувствительнымъ образомъ. А черезъ два—три года всѣ мелкія облигаціи будутъ уже выкуплены и останется всего какихъ нибудь 20,000 крупныхъ облигацій. Словомъ сказать, дѣло такъ просто и легко, что намъ кажется ненужнымъ учреждать для него никакихъ новыхъ банковъ. Центральнымъ мѣстомъ выкупной операціи могъ бы служить государственный заемный банкъ или московскій опекунскій совѣтъ; а губернскими конторами служили бы приказы общественнаго призрѣнія.

Все это такъ, совершенно такъ. Ни для уѣздной и губернской администраціи министерства финансовъ, ни для чиновниковъ самаго министерства, ни для кредитныхъ учрежденій, выкупная операція не была бы ни мало обременительна; не потребовала бы она ни одного новаго учрежденія, а развѣ только назначенія двухъ, трехъ новыхъ экспедиторовъ въ центральномъ кредитномъ учрежденіи и одного новаго столоначальника или контролера въ кредитной канцеляріи министерства финансовъ. Но нѣкоторые замѣчаютъ въ способѣ, нами изложенномъ, одно очень важное затрудненіе для государства. Это затрудненіе не бросается въ глаза съ перваго взгляда, потому что состоитъ не въ какихъ нибудь расходахъ и не въ надобности устроить какія нибудь новыя административныя мѣста; но во мнѣніи нѣкоторыхъ проницательнѣйшихъ людей оно кажется для государства обременительнѣе, нежели было бы пожертвованіе цѣлыми десятками милліоновъ. Обратимъ вниманіе на

срокъ выкупа. Онъ растягивается на цѣлыхъ 22 года. Во все это время освобожденные крестьяне должны платить извѣстную подать, величина которой не подлежитъ уже уменьшеніямъ. А пока одна половина крестьянскаго сословія будетъ платить по 5 руб. съ души, надобно будетъ, конечно, оставлять въ такомъ же положеніи и другую часть крестьянъ. Такимъ образомъ слишкомъ на 20 лѣтъ, по мнѣнію нѣкоторыхъ, у правительства будутъ связаны руки въ вопросѣ о преобразованіи одной изъ главныхъ частей нашего финансоваго устройства, и притомъ именно такой части, которой наиболѣе полезны были бы улучшенія. Прежняя подушная подать, обратившись въ поземельный налогъ по вѣдомству государственныхъ имуществъ, не освободилась еще отъ одного изъ своихъ прежнихъ неудобствъ. Она еще не достигла соразмѣрности съ требованіями финансовой науки. Она часто разстроиваетъ хозяйство податнаго сословія, и потому невыгодно дѣйствуетъ на развитіе сельскаго хозяйства. Продолжительный срокъ выкупной операціи былъ бы дѣйствительно вреденъ для государства, если бы сталъ представляться затрудненіемъ для задуманныхъ правительствомъ преобразованій въ распредѣленіи государственныхъ налоговъ и повинностей, въ измѣненіи основаній, съ которыхъ они взимаются.

Но это затрудненіе болѣе кажущееся, нежели дѣйствительное. Предположимъ, что въ извѣстномъ государствѣ получается 250,000,000 доходу, что изъ нихъ 80 доставляются однимъ извѣстнымъ налогомъ: предположимъ, что изъ доставляемой этимъ налогомъ суммы, на какое нибудь особенное употребленіе въ продолженіе извѣстнаго срока предназначены 30,000,000: можетъ ли въ сущности это послѣднее обстоятельство помѣшать преобразованію системы налоговъ и податей? Развѣ сущность дѣла въ томъ, что извѣстные 30,000,000 получаются именно изъ такого, а не изъ другаго источника? Вовсе нѣтъ, сущность въ томъ, что на одинъ извѣстный спеціальный предметъ нужно 30,000,000, а на всѣ другіе предметы расхода еще 220,000,000. Итакъ, лишь бы съ преобразованіемъ системы налоговъ и податей по прежнему получалось государствомъ 250,000,000, ни одинъ изъ предметовъ расхода не пострадаетъ; не пострадаетъ между прочимъ и тотъ предметъ, на который опредѣлялось прежде 30,000,000: всѣ остальные расходы будутъ по прежнему удовлетворены прежнею суммою 220,000,000 и по прежнему будутъ оставаться 30,000,000 на особенный предметъ срочнаго расхода, хотя бы этотъ излишекъ началъ доставляться и не тѣмъ источникомъ, какимъ доставлялся прежде.

Итакъ, для государства изложенный нами способъ выкупа былъ бы тяжелъ только тогда, если бы послужилъ предлогомъ къ возраженіямъ противъ преобразованій финансовой системы; но мы полагаемъ, что это неудобство только мнимое; что серьёзнымъ препятствіемъ къ преобразованію поземельнаго налога и подушнаго оклада онъ быть не можетъ. Со всѣхъ другихъ сторонъ для государства онъ совершенно легокъ, не требуя ни расходовъ по завѣдыванію выкупной операціи, ни копѣйки прямыхъ пожертвованій на выкупъ. Для освобожденныхъ крестьянъ будетъ представляться онъ совершенно удовлетворительнымъ. Остается теперь взглянуть—благопріятна ли продолжительность его срока для помѣщиковъ.

Ждать выкупа 10 или 15 лѣтъ, а нѣкоторымъ ждать даже 22 года. — это можетъ казаться обстоятельствомъ не совсѣмъ удобнымъ. Надобно ближе вникнуть

въ самыя подробности очереди для облигацій разныхъ разрядовъ, чтобы видѣть, для многихъ ли лицъ будетъ существовать это неудобство.

Въ статьѣ о необходимости умѣренныхъ цѣнъ, мы уже излагали, какой порядокъ очереди тиража для разныхъ категорій помѣщиковъ представляется удобнѣйшимъ и одобряется безпристрастными людьми. Они говорятъ, что выкупъ надобно начинать мелкими облигаціями мелкопомѣстныхъ владѣльцевъ и только постепенно, когда выкуплены малыя облигаціи, переходить къ тиражу крупныхъ. Но съ тѣмъ вмѣстѣ нельзя совершенно исключать отъ участія, даже въ самыхъ первыхъ тиражахъ, и крупныя облигаціи, потому что шансами тиража держится ихъ цѣна. Мы полагали бы при каждомъ тиражѣ половину погашенія употреблять на тѣ облигаціи, разрядъ которыхъ состоитъ на очереди, а другую половину на облигаціи всѣхъ высшихъ разрядовъ, безъ различія. При той величинѣ выкупныхъ средствъ и процента на облигаціи, какую мы приняли, въ первые тиражи на погашеніе капитала можно было бы употреблять по 18,000,000 руб. въ годъ, то есть по 6,000,000 руб. на каждый тиражъ *); изъ нихъ 3,000,000 пойдутъ на облигаціи мелкопомѣстныхъ владѣльцевъ, а другіе 3,000,000 на облигаціи болѣе крупныя. Такимъ образомъ выкупъ мелкопомѣстныхъ облигацій займетъ 6 тиражей, то есть два года. Затѣмъ, по той же пропорціи, выкупъ облигацій по помѣстьямъ отъ 21 до 100 душъ займетъ около семи лѣтъ. Въ теченіе этихъ девяти лѣтъ будетъ выкуплено также болѣе 80,000,000 руб. облигацій высшихъ разрядовъ, то есть четвертая часть помѣщиковъ, имѣвшихъ болѣе 100 душъ, получитъ удовлетвореніе въ первыя девять лѣтъ. Большинству этихъ крупныхъ землевладѣльцевъ придется ждать гораздо долѣе, среднимъ числомъ по пятнадцати и по восемнадцати лѣтъ. Такое долгое ожиданіе для нихъ вѣроятно покажется скучнымъ, и потому они вѣроятно будутъ желать, чтобы избранъ былъ другой путь выкупа, болѣе быстрый. Число помѣщиковъ, имѣющихъ болѣе 500 душъ, не велико. Таблицы, составленныя по губерніямъ, насчитываютъ 3,917 такихъ владѣльцевъ: но въ то число очень многіе изъ нихъ внесены по 3, по 4 и болѣе разъ, по своимъ помѣстьямъ въ разныхъ губерніяхъ; оттого нельзя полагать, чтобы въ дѣйствительности находилось ихъ болѣе 2,500. Притомъ стѣсненіе отъ продолжительнаго ожиданія для нихъ могло бы скорѣе только казаться непріятностью, нежели быть дѣйствительнымъ затрудненіемъ въ денежныхъ дѣлахъ: они пользуются кредитомъ, какъ люди богатые. Наконецъ замѣтимъ, что выкупныя облигаціи никакъ не могутъ упасть въ цѣнѣ, если выкупная операція будетъ вестись правильно **), слѣдовательно крупныя облигаціи всегда могутъ быть размѣнены

*) 3 рубля съ души въ годъ даютъ по 1 рублю для каждой трети, то есть для каждаго тиража. Итакъ на каждую треть будетъ приходиться выкупныхъ средствъ 10,844,902 руб. (по числу душъ платящихъ выкупную подать); изъ нихъ 5,319,400 руб. будутъ употреблены на уплату процентовъ за первую треть (три процента въ годъ даютъ одинъ процентъ въ треть; а сумма выкупнаго капитала найдена нами 531,940,000 руб.). За этимъ вычетомъ остается свободныхъ денегъ въ первую треть всего только 5,525,502 руб. Но послѣ каждаго тиража, съ уменьшеніемъ числа невыкупленныхъ облигацій, уменьшается и сумма процентовъ, а на выкупъ остается все больше и больше денегъ; стало быть, съ каждымъ тиражемъ быстро уменьшается затрата денегъ впередъ, при первомъ тиражѣ равнявшаяся 475,000 рублямъ. При годичномъ оборотѣ выкупной операціи въ 32,500,000 р., затратить впередъ на годъ 1, 2 или даже 3 милліона,—дѣло не представляющее ни малѣйшихъ затрудненій, какъ извѣстно всѣмъ финансовымъ людямъ.

**) Главное условіе правильности ея мы уже замѣчали: оно состоитъ въ томъ, чтобы крестьянскія хозяйства не подверглись разстройству.

своими владѣльцами на наличныя деньги у банкировъ, черезъ биржевыхъ маклеровъ и другихъ посредниковъ оптовой торговли. Такимъ образомъ продолжительность ожиданія для этихъ лицъ не могла бы служить серьезнымъ поводомъ къ недовольству. Не таково положеніе мелкопомѣстныхъ владѣльцевъ, имѣющихъ до 20 или даже до 50 душъ. Кредита они не имѣютъ, до столицъ и портовыхъ городовъ съ биржами, банкирами и маклерами имъ далеко; потому хотя имъ ждать и не такъ долго, но они дѣйствительно могутъ быть приведены въ затрудненіе. Впрочемъ, выручить ихъ изъ него легко, потому что всѣ ихъ облигаціи навѣрное не составятъ и 50,000,000 руб. Ссуда такихъ денегъ, возвращающихся черезъ тиражъ (среднею цифрою) въ два года и шесть мѣсяцевъ, не составитъ важнаго дѣла для нашихъ кредитныхъ учрежденій, годичный оборотъ которыхъ простирается до нѣсколькихъ сотъ милліоновъ.

Изъ этого видимъ, что нѣтъ серьезной причины признавать неудобнымъ для помѣщиковъ изложенный нами путь выкупа. Крестьяне дѣйствительно могутъ исключительно своими силами выкупить землю, при найденной нами цифрѣ выкупа. Но сокращеніе срока выкупа можетъ казаться привлекательнымъ для помѣщиковъ. Если бы правительство нашло удобнымъ исполнить въ этомъ отношеніи, то есть въ возможномъ сокращеніи продолжительности выкупной операціи, желаніе владѣльцевъ, то оно приняло бы на счетъ цѣлой націи часть уплаты. Такимъ образомъ мы должны разсмотрѣть

ВТОРОЙ ПУТЬ.

Выкупъ соединенными средствами освобождаемыхъ крестьянъ и всего населенія имперіи.

Степень денежнаго участія, принимаемаго цѣлою націею въ уплатѣ выкупа, конечно, можетъ быть чрезвычайно различна. Нація можетъ принять на себя одну сотую, можетъ принять на себя девяносто девять сотыхъ платежа. Изъ этихъ безчисленныхъ степеней мы возьмемъ для примѣра одну. Положимъ, что правительство нашло бы возможнымъ принять на государственныя средства одну третью часть уплаты за выкупъ земли.

Какова бы ни была величина доли, принимаемой на себя націею въ уплатѣ капитала, масса котораго погашается разсроченными взносами, во всякомъ случаѣ представляется вопросъ о томъ, какой изъ двухъ способовъ вспоможенія предпочтительнѣе въ интересахъ самого правительства: немедленное ли, одновременное вспоможеніе значительною суммою, или также разсроченное вспоможеніе менѣе значительными взносами.

Положимъ, напримѣръ, что капиталъ въ 400 милліоновъ, дающій $3^0/_0$, погашается ежегодными взносами отъ извѣстнаго сословія. Положимъ, что денежныя средства этого сословія не дозволяютъ ему взносить въ годъ болѣе 16,000,000 руб. При такомъ взносѣ (16,000,000), капиталъ выкупается годичными тиражами въ 46,891 *) лѣтъ. Всего въ эти годы будетъ взнесено должниками

$$(16 \text{ м.} \times 46{,}891) = 750{,}260{,}000 \text{ р.}$$

*) Значеніе десятичныхъ дробей при опредѣленіи продолжительности выкупа объяснено въ статьѣ „О необходимости умѣренныхъ цѣнъ".

Обремененіе для должниковъ тутъ очевидное: на проценты уйдетъ съ нихъ болѣе 35,000,000, то есть на каждый рубль капитала уйдетъ 88 коп. лишнихъ денегъ. Невыгоденъ такой порядокъ уплаты и кредиторамъ, потому что имъ приходится ждать слишкомъ долго.

Если ни сумма капитала, ни величина процентовъ не можетъ быть понижена, остается одно средство облегчить и должниковъ и кредиторовъ: нація можетъ дать помощь должникамъ, и тогда ихъ бремя уменьшится, а уплата долга пойдетъ скорѣе. Теперь, положимъ, что правительство находитъ возможнымъ облегчить это дѣло принятіемъ на себя одной пятой части платежа. Спрашивается, что будетъ менѣе обременительно для правительства, то есть, для націи: производить ли ежегодную прибавку въ 4,000,000 р. къ ежегодному взносу должниковъ (тогда весь взносъ повысится до 20 милл., и 4 милл., которыми въ немъ участвуетъ правительство, составятъ одну пятую часть его), или оказать единовременную помощь непосредственною уплатою 80 милл. рублей (т. е. одной пятой части капитала)?

Человѣку, незнакомому съ финансовыми разсчетами, можетъ показаться, что для правительства менѣе обременителенъ первый способъ, при которомъ пособіе производится ежегоднымъ взносомъ малыхъ суммъ; но въ сущности вовсе не то.

Если правительство будетъ ежегодно давать 4 милл., то ежегоднымъ взносомъ, увеличившимся до 20 милл., капиталъ будетъ уплаченъ въ 30,99 лѣтъ: въ это время будетъ всего (капиталъ и проценты) переплачено 619,800,000 р.: изъ нихъ пятая часть (каждый годъ изъ 20 милл. 4 милл.), то есть 123,960,000 р., будетъ уплачена правительствомъ. Съ этою суммою должны мы сравнивать разные случаи помощи единовременнымъ пособіемъ.

Первый случай былъ бы тогда, если бы правительство имѣло возможность единовременно уплатить 80 милл. изъ наличныхъ денегъ, безъ займа: тогда останется къ уплатѣ силами исключительно однихъ должниковъ 320,000,000 капитала, и ежегоднымъ взносомъ 16 милл. отъ должниковъ эта сумма будетъ уплачена также въ 30,99 лѣтъ, какъ и при первомъ способѣ вспоможенія, и съ должниковъ сойдетъ въ эти годы 495,840,000 р., то есть ровно столько же, какъ и при другомъ способѣ.

Итакъ, для должниковъ рѣшительно все равно, какимъ образомъ дается имъ помощь—единовременнымъ большимъ или ежегодными малыми пособіями. Для кредиторовъ первый способъ предпочтительнѣе, потому что они за одинъ разъ и въ самомъ началѣ выкупной операціи получаютъ при немъ ту принимаемую на себя націею долю выкупа, которая при другомъ способѣ выплачивалась бы постепенно во все продолженіе выкупной операціи. Наконецъ для правительства также первый способъ (единовременный большой взносъ) гораздо менѣе убыточенъ, нежели вспоможеніе малыми ежегодными частями. На 80 милл. сберегаются этимъ способомъ правительству 43,960,000 р. сравнительно съ пожертвованіями, какихъ требовали бы ежегодныя пособія.

Но мы дѣлали выводъ въ томъ предположеніи, что правительство выдаетъ единовременно деньги, которыми свободно располагаетъ, не прибѣгая къ займу для уплаты единовременнаго большого вспоможенія. Спрашивается теперь, до какой степени выгодно будетъ правительству заключить заемъ для такой операціи?

Когда бы проценты займа были ниже процентовъ по облигаціямъ, само собою разумѣется, тутъ была бы выгода, хотя бы даже всю выдаваемую сумму пришлось занять. Напримѣръ, если бы заемъ (напримѣръ, у кредитныхъ учрежденій) былъ сдѣланъ по $1^1/_2\%$, онъ (при величинѣ 80 милл.) уплачивался бы ежегодными взносами 4 милл. въ 23,941 года и всего пошло бы на уплату его съ процентами 95.764.000 р., то есть облегченіе для казны было бы 28.196,000 р.*).

Если бы процентъ займа былъ равенъ проценту облигацій, тогда правительство имѣло бы выгоду, если бы могло хотя самую ничтожную часть вспомогательной суммы выдать изъ наличныхъ денегъ, на которыя не считались бы проценты. Напримѣръ, если бы хотя 1.000,000 р. былъ взятъ изъ наличныхъ денегъ, остальные 79,000,000 р. занятые по 3% уплачивались бы (ежегоднымъ взносомъ 4.000.000 р.) въ 30.364 года и пожертвованіе облегчалось бы на 1.504,000 р. **).

Наконецъ, если заемъ сдѣланъ по проценту высшему, нежели облигаціи, то можно поставить общимъ правиломъ, что единовременное вспомоществованіе бываетъ гораздо легче ежегодныхъ пособій тогда, когда посредствомъ займа получается только такая часть вспомоществованія, сумма процентовъ на которую или меньше или хотя равна суммѣ процентовъ со всего вспомогательнаго капитала. Напримѣръ, на 80 м. по 3% приходится 2,400,000 р. $\%$. Потому при займѣ въ 4% было бы очень выгодно занять 60 м., только 20 м. жертвуя свободными деньгами; при займѣ въ 5%—занять 48 м., только 32 м. жертвуя наличными деньгами и т. д. Тутъ разсчеты были бы слѣдующіе:

1) При 4% заемъ въ 60 м. ежегодными взносами 4 милліоновъ погашается въ 23,369 лѣтъ; сумма годичныхъ уплатъ 93.476.000 р. сбереженіе 10,484,000 р. ***)

2) При 5% заемъ въ 48.000.000 тѣмъ же взносомъ погашается въ 18,789 лѣтъ; сумма взносовъ 75,156,000 р.; облегченіе 16.804.000 рублей ****).

3) При 6% заемъ 40 м. ($\%$ 2,400.000) погашается въ 15,000 лѣтъ; сумма взносовъ 60 м., облегченіе 23,960,000 р. *****).

Слича эти выводы, мы видимъ, что чѣмъ значительнѣе часть единовременнаго вспоможенія, дающаяся изъ свободныхъ денегъ, тѣмъ больше облегченіе.

Кончивъ эти объясненія, возвращаемся къ вопросу о выкупѣ силами освобождаемыхъ крестьянъ съ пособіемъ отъ націи.

Мы положили примѣрно, что это пособіе можетъ равняться одной третьей части всего выкупа.

Мы видѣли, что единовременное вспомоществованіе менѣе убыточно для государства, нежели вспоможеніе ежегодными пособіями. Оно также выгоднѣе и для помѣщиковъ, именно въ интересѣ которыхъ и оказывается желательнымъ пособіе отъ государства.

---

*) 123,960,000 за вычетомъ 95,764,000 р.

**) 30,364 × на 4 м. = 121.456.000 — 1,000,000 = 122.456.000 р.

***) 93.476.000 р. и 20.000,000 р. уплаченные изъ свободныхъ денегъ, составляютъ 113,476,000 р., вотъ весь расходъ правительства. Эту сумму надобно вычесть изъ 123,960.000 р. которые оно израсходовало бы, предпочитая ежегодныя пособія единовременному.

****) 75,156,000 + 32.000.000 = 107,156,000 р. Вычитаемъ эту сумму изъ 123,960.000 р.

*****) 60 м. + 40 м. (которые даны изъ свободныхъ денегъ) = 100 м.

Итакъ, предположимъ, что государство приняло бы на себя 176,940.000 р., то есть третью часть всего выкупаемаго капитала. Оставалось бы уплатить крестьянамъ своими силами 355,000,000 р. При ежегодной подати въ 3 р. (съ 10,844,902 душъ 32,534,706 р. въ годъ) этотъ капиталъ выкупался бы въ 39 тиражей или въ 13 лѣтъ.

Для помѣщиковъ было бы тутъ значительное удобство передъ первымъ путемъ выкупа силами однихъ крестьянъ безъ пособія правительства.

Во-первыхъ, немедленно была бы произведена уплата всѣмъ владѣльцамъ, имѣющимъ менѣе 100 душъ, и затѣмъ оставалось бы изъ пособія государства еще 80 или болѣе милліоновъ для уплаты другимъ помѣщикамъ. Изъ этихъ денегъ вѣроятно могъ бы быть уплаченъ весь выкупъ владѣльцевъ до 200 или даже 250 душъ.

Хотя при такомъ размѣрѣ немедленной уплаты оставалось бы ждать очереди выкупа по тиражу только такимъ людямъ, для которыхъ ожиданіе незатруднительно, но и для нихъ срокъ ожиданія чрезвычайно сильно сократился бы сравнительно съ выкупомъ по первому пути. Тогда средній срокъ ожиданія для владѣльцевъ помѣстій болѣе 500 душъ былъ бы около 15 лѣтъ; теперь онъ былъ бы всего только около 7 лѣтъ, то есть, сократился бы слишкомъ вдвое.

Но гдѣ же средства для государства заплатить вдругъ около 177 милліоновъ рублей? Отвѣтъ на это готовъ у каждаго: каждому изъ насъ приходится безпрестанно слышать и читать о трехъ способахъ полученія государствомъ значительныхъ суммъ при недостаткѣ громадныхъ запасовъ свободной звонкой монеты. Эти средства: 1) выпускъ кредитныхъ билетовъ; 2) обмѣнъ долговыхъ обязательствъ правительства на билеты государственныхъ кредитныхъ учрежденій; 3) заемъ. Противъ каждаго изъ этихъ средствъ представляются возраженія, быть можетъ основательныя, если рѣчь идетъ о страшныхъ суммахъ въ $1^1/_2$ или 2 милліарда, но лишающіяся всякаго смысла, если требуется только незначительная цифра какихъ-нибудь 175,000,000 р.

Выпускъ кредитныхъ билетовъ на всю сумму единовременнаго вспоможенія, конечно, дешевле всего обошелся бы правительству. При немъ государство избавилось бы отъ всего расхода на проценты и жертвовало бы дѣйствительно только однимъ нужнымъ для вспоможенія капиталомъ. Экономія отъ этого, сравнительно съ пособіемъ посредствомъ ежегодныхъ уплатъ, простиралась бы свыше 65,000,000 рублей. Но возможенъ ли выпускъ 177,000,000 р. кредитныхъ билетовъ? Мы не имѣемъ ни малѣйшаго права сомнѣваться въ этомъ, когда вспомнимъ, что въ теченіе 3 сряду лѣтъ (1853, 54 и 55) выпускалось, среднимъ числомъ въ годъ, болѣе 65,000,000 р. *), а въ непосредственно слѣдовавшемъ за этими выпусками году (1856), было выпущено вновь болѣе 180,000,000 р. **). Замѣтимъ притомъ, что эти выпуски обращались на покрытіе административныхъ

*) По отчету г. министра финансовъ о кредитныхъ учрежденіяхъ за 1852 г., къ 1 января 1853 г. находилось кредитныхъ билетовъ въ обращеніи 311,375,581 р; а по отчету за 1855 годъ, къ 1 января 1856 года находилось 509,181,397 р., слѣдовательно въ три года было выпущено 197,805,816 рублей.

**) По отчету г. министра финансовъ за 1855 годъ къ 1 января 1856 года состояло кредитныхъ билетовъ въ обращеніи 509,181,397 р; а по отчету за слѣдующій годъ къ 1 января 1857 года состояло кредитныхъ билетовъ уже 686,279,844 р. Слѣдовательно въ теченіе одного года было выпущено 189,098,447 руб. сер.

издержекъ и на войну, то есть на расходы, называющіеся въ политической экономіи непроизводительными; между тѣмъ какъ предполагаемый выпускъ, не равняющійся даже выпуску 1856 года, обратился бы на расходъ самый производительный, то есть на замѣненіе обязательнаго труда свободнымъ и на пріобрѣтеніе личностью гражданской самостоятельности. А извѣстно, что 3 рубля, выпущенные на производительный расходъ, менѣе обременяютъ рынокъ, нежели 1 рубль, выпущенный на расходъ непроизводительный. Потому 177,000,000 р., поступающіе на рынокъ для выкупной операціи, менѣе обременятъ его, нежели 60,000,000, поступившихъ въ обращеніе для веденія войны.

Надобно думать, что все вспоможеніе (176,940,000 р.) могло бы быть создано выпускомъ новыхъ кредитныхъ билетовъ, безъ малѣйшаго обремененія рынка. Но положимъ, что такой размѣръ выпуска былъ бы неудобенъ: разсмотримъ же финансовыя послѣдствія другаго средства къ полученію денегъ, вникнемъ въ условія немедленнаго обмѣна нѣкотораго количества выкупныхъ облигацій на долговыя обязательства по залогу помѣстій.

Еслибы вся сумма государственнаго вспоможенія доставлена была выкупной операціи такимъ обмѣномъ, расходы государства были бы таковы:

176,940,000 рублей облигацій, обмѣненные кредитными учрежденіями за долгъ, были бы перенесены на счетъ государства съ уплатою по нимъ $1^1/_2$ процента. Внося по третямъ ежегодно 16,000,000 рублей въ годъ (почти такой размѣръ имѣли бы ежегодныя пособія, если бы правительство посредствомъ ихъ помогало выкупной операціи на одну третью часть) въ кредитныя учрежденія, государство уплачивало бы переведенный на него долгъ въ 12,1 лѣтъ, и всего понадобилось бы въ теченіе этихъ лѣтъ уплатить 193,600,000 руб. А если бы вспоможеніе производилось ежегодными взносами, то они продолжались бы 14,13 лѣтъ и составили бы 226,080,000 руб.: слѣдовательно государство сберегало бы черезъ единовременное вспоможеніе посредствомъ кредитныхъ учрежденій 32,580,000 руб.

Но мы тутъ принимали, что рѣшительно вся сумма вспоможенія доставлена обмѣномъ облигацій на долговыя обязательства; а между тѣмъ нѣтъ ни малѣйшаго сомнѣнія, что если бы правительство и нашло неудобнымъ выпускъ кредитныхъ билетовъ на всю сумму 176,940,000 рублей (хотя и такой размѣръ едва ли представлялъ бы серьезныя неудобства), то никто въ мірѣ не могъ бы сказать ничего противъ выпуска кредитныхъ билетовъ въ гораздо меньшемъ количествѣ 57,000,000 рублей,—количествѣ, которое меньше средняго годичнаго выпуска ихъ въ 1853, 1854 и 1855 годахъ Такимъ образомъ, даже при самой крайней осторожности въ выпускѣ кредитныхъ билетовъ, правительству пришлось бы искать содѣйствія кредитныхъ учрежденій только на сумму 120,000,000 рублей, а остальные 56,940,000 рублей единовременнаго вспоможенія были бы покрыты кредитными билетами. Тогда операція имѣла бы слѣдующій разсчетъ:

120,000,000 облигацій, принятыхъ кредитными учрежденіями въ зачетъ долговъ, перенесенныхъ на счетъ государства, съ уплатою $1^1/_2$ процента, были бы погашены третными взносами на сумму 16,000,000 въ годъ въ продолженіи 7,96 лѣтъ; сумма этихъ взносовъ составила бы 127,360,000 рублей. Прибавивъ къ нимъ 56,940,000 рублей выпущенныхъ билетовъ, получаемъ сумму пожертво-

ваній правительства 184,300,000 руб. Сравнительно съ ежегодными пособіями это представляетъ экономію около 52,000,000 рублей.

Намъ казалось бы, что противъ этого способа не можетъ быть уже розно никакихъ возраженій, не только основательныхъ, но даже и неосновательныхъ, и что при размѣрѣ выкупа, найденномъ нами, и при степени участія на одну третью долю, принимаемаго въ немъ государствомъ, не было бы государству ни малѣйшей надобности прибѣгать къ займу.

Но положимъ, что было бы найдено удобнымъ прибѣгнуть къ займу. По курсу, какой имѣютъ русскіе фонды на лондонской биржѣ (наши $4^1/_2$ процентные фонды въ теченіе всего 1858 года не спускались ниже 98, а большею частію стояли на 100 и поднимались даже выше), надобно полагать, что легко было бы заключить $4^1/_2$ процентный заемъ по курсу 97 рублей 75 копѣекъ, или даже выше. Но положимъ, что заемъ былъ бы заключенъ даже только по курсу 96 руб.

Мы уже приняли, что выпускъ 56,940,000 рублей кредитными билетами не имѣетъ противъ себя никакихъ возраженій. Потому заемъ потребовалось бы заключить только на остальные 120,000,000 рублей. При курсѣ 96 р., полученіе такой суммы требовало бы записи въ капиталахъ долга 125 милліоновъ. Такой долгъ при $4^1\ _2{}^0/_0$ выкупался бы третными взносами на сумму 16,000,000 рублей въ годъ въ теченіе 9,36 лѣтъ, вся сумма взносовъ составила бы за это время 149,760,000 рублей. Прибавляя къ тому цифру выпущенныхъ билетовъ (56,940,000), мы получаемъ, что вся сумма пожертвованій правительства составляла бы 206,700,000 рублей. Сравнительно съ ежегодными пособіями этотъ способъ обошелся бы государству дешевле почти на 20,000,000 рублей.

Но мы предполагали, что вся сумма вспоможенія, остающаяся за выпускомъ кредитныхъ билетовъ, покрывается посредствомъ займа, безъ призванія кредитныхъ учрежденій къ участію въ операціи. А конечно безъ всякихъ колебаній можно было бы призвать ихъ къ участію хотя на 60,000,000 рублей, если бы даже не захотѣли увеличить это участіе до 120,000,000 рублей. Такая сумма (60,000,000 рублей) уже совершенно ничтожна для учрежденій, имѣющихъ годичный оборотъ въ 20 разъ большій, имѣющихъ болѣе милліарда рублей вкладовъ и болѣе милліарда рублей ссудъ. А если изъ 120,000,000 рублей, не покрываемыхъ выпускомъ кредитныхъ билетовъ, 60,000,000 рублей пріобрѣтаются зачетомъ на долги по кредитнымъ заведеніямъ, то для иностраннаго займа остается только 60,000,000 рублей. Тогда вся операція имѣла бы слѣдующій видъ.

Изъ 16,000,000 ежегоднаго взноса 900,000 отчислялись бы на уплату процентовъ кредитнымъ учрежденіямъ, остальные 15,100,000 рублей шли бы на проценты и выкупъ долга. Третными уплатами этихъ 15,100,000 рублей заемъ въ 60,000,000 рублей по 4,5 процента, требующій, по курсу 96 рублей, записи въ капиталъ 62,500,000 р., выкупался бы въ 18,84 третей года.

По выкупѣ его весь ежегодный взносъ обращался бы къ выкупу долга, перенесеннаго кредитными учрежденіями на счетъ государства. Эти 60,000,000 выкупались бы въ теченіе 11,585 третей года.

Итого, оба долга вмѣстѣ, иностранный и въ кредитныя учрежденія, выкупались бы въ 25,425 третей года, или въ 8,475 лѣтъ. По 16,000,000 въ годъ.—это

составитъ 135,600,000 рублей. Прибавимъ къ тому 56,940,000 выпущенныхъ кредитныхъ билетовъ и сумма 192,540,000 будетъ итогомъ всѣхъ пожертвованій государства. Это составило бы сбереженіе въ 33,500,000 рублей сравнительно съ ежегодными пособіями. Надобно сдѣлать еще одно замѣчаніе.

Мы говорили о займѣ, совершаемомъ исключительно на биржахъ Западной Европы. Внутренній рынокъ представлялъ бы, безъ сомнѣнія, условія болѣе благопріятныя. Когда кредитныя учрежденія платили по вкладамъ 4 процента, сумма ихъ вкладовъ увеличивалась ежегодно почти на 50,000,000 рублей среднимъ числомъ *). Теперь, когда общество уже нѣсколько привыкло къ полученію изъ кредитныхъ учрежденій 3 процентовъ, конечно не только прежняя цифра 4 процента, но даже и $3^1/_2$ процента были бы очень привлекательны для нашей публики, и нѣтъ сомнѣнія, что если бы чрезъ посредство кредитныхъ учрежденій былъ открытъ внутренній заемъ по $3^1/_2$ процента, онъ удался бы вполнѣ даже тогда, когда бы размѣръ его былъ выше 75,000,000 рублей. Если бы кредитныя учрежденія могли перенести безъ вреда для своихъ дѣлъ соперничество внутренняго займа по проценту высшему, нежели какой даютъ ихъ вклады, этимъ открывалась бы совершенно новая перспектива для участія государства въ выкупной операціи. Тогда нечего было бы и говорить про выкупныя облигаціи. Ихъ существованіе ограничилось бы нѣсколькими недѣлями, всѣ онѣ были бы обмѣнены на деньги въ три, четыре мѣсяца, и начавшись, напримѣръ, въ мартѣ, вся выкупная операція была бы кончена въ іюлѣ или въ августѣ того же года.

Но могутъ ли обороты кредитныхъ учрежденій безвредно выдержать соперничество внутренняго займа, напримѣръ по $3^1/_2$ процента? Это вопросъ, для рѣшенія котораго нужно знакомство съ положеніемъ нашихъ кредитныхъ учрежденій болѣе подробное, нежели какое имѣетъ публика. Потому мы и не вводимъ въ наши соображенія тѣхъ средствъ, которыя представлялись бы для выкупной операціи возможностью подобнаго займа.

Мы видѣли, что при цифрѣ выкупа, опредѣленной нашими разсчетами, выкупная операція легко и довольно быстро совершается исключительно силами самихъ освобождаемыхъ крестьянъ. Если потомъ излагали мы способы совершить ее инымъ путемъ, именно при пособіи государства, съ предоставленіемъ однако же главной массы выкупа дѣлу самихъ крестьянъ, то основаніемъ для такого предположенія служила не столько нужда крестьянъ въ помощи, сколько наклонность наша принимать близко къ сердцу интересы помѣщиковъ и даже тѣ ихъ желанія, которыя не имѣютъ особенной экономической основательности. Помѣщики должны находить слишкомъ продолжительнымъ срокомъ разложеніе выкупа на 22 года, хотя въ сущности, при полномъ удобствѣ продавать облигаціи безубыточно, ожиданіе тиража не могло бы стѣснять ихъ въ денежномъ отношеніи. И вотъ, мы въ удовольствіе имъ нашли нѣсколько вовсе не обременительныхъ для государства способовъ устроить дѣло такъ, чтобы всѣ помѣщики, имѣвшіе менѣе 200 душъ, получили выкупъ немедленно, а остальнымъ (изъ 85,000 помѣщиковъ, всего

*) По отчету г. Министра Финансовъ о кредитныхъ учрежденіяхъ за 1855 годъ, къ 1 января 1853 года сумма вкладовъ составляла, 806,083,233 руб. сер. По отчету за 1856 годъ, къ 1 января 1857 года она простиралась до 1,002,639,068 р. с., это составитъ за 4 года 196,555,835 р. с. вкладовъ. Замѣтимъ притомъ, что въ числѣ этихъ 4 лѣтъ были 3 года войны, конечно, дѣйствовавшей очень невыгоднымъ образомъ на возрастаніе національнаго капитала.

только 6 или 7 тысячамъ богатымъ) помѣщикамъ срокъ ожиданія тиража сокращался слишкомъ вдвое, и чтобы вся выкупная операція кончалась въ 13 лѣтъ. Для этого нужно только, чтобы государство приняло на себя одну треть выкупа и оказало эту милость помѣщикамъ не ежегодными пособіями, а единовременнымъ вспомоществованіемъ, причемъ пожертвованіе государства простиралось бы, смотря по различію избранныхъ для того способовъ, отъ 176,940.000 р. (при исключительномъ полученіи этой суммы черезъ выпускъ кредитныхъ билетовъ) до 192,500,000 р. (при полученіи части суммы вспомоществованія черезъ заграничный заемъ).

Кажется, что такой срокъ выкупа, съ немедленною выдачею всего выкупа девяти владѣльцамъ изъ десятерыхъ, уже не представляетъ ни малѣйшихъ поводовъ къ жалобамъ съ ихъ стороны на денежныя затрудненія въ ожиданіи выкупа. Да и вообще, хотя бы даже въ меньшемъ размѣрѣ, пособіе со стороны государства будетъ, при найденной нами цифрѣ выкупа, не слѣдствіемъ надобности въ томъ для помѣщиковъ или крестьянъ, а чисто только предупредительностью, любезностью, благосклоннымъ подаркомъ со стороны правительства помѣщикамъ для доставленія имъ льготы, въ сущности излишней. Собственно говоря, правительству не было бы нужды дѣлать ровно никакихъ расходовъ, и если оно пожертвуетъ, при найденной нами цифрѣ выкупа, хотя однимъ рублемъ,—это пожертвованіе будетъ слѣдствіемъ развѣ только благосклонности къ помѣщикамъ и высшихъ государственныхъ соображеній.

Только эти высшія соображенія и могли бы приводить, при найденной нами цифрѣ выкупа, къ соображенію о томъ, до какой степени возможно государству избрать для выкупа—

ТРЕТІЙ ПУТЬ,

при которомъ выкупъ въ цѣломъ размѣрѣ своемъ принимался бы на счетъ государства.

Пока государственные крестьяне остаются обложены податью, которая на сумму около 3 руб. съ души выше подати, собиравшейся съ крѣпостныхъ крестьянъ, освобожденіе крѣпостныхъ крестьянъ, которые безъ сомнѣнія будутъ обложены (по крайней мѣрѣ по окончаніи выкупа, если до окончанія его обязаны были бы платить болѣе) податями наравнѣ съ государственными крестьянами, будетъ оказываться операціею, дающею около 32,500,000 руб. прибавки въ государственныхъ сборахъ. Этою суммою, вновь прибывающею въ государственный доходъ, покрывается весь выкупъ въ $22^1/_3$ года, двѣ трети его въ 13 лѣтъ. Итакъ, если правительство не преднамѣрено измѣнять податей съ государственныхъ крестьянъ въ теченіе этихъ сроковъ, ему достаточно сравнять съ ними освобождаемыхъ крестьянъ, и тогда оно, если бы даже и хотѣло, не можетъ сдѣлать того, чтобы силами самихъ освобождаемыхъ крестьянъ не были уплачены двѣ трети выкупа (если подати съ государственныхъ крестьянъ останутся неуменьшенными 13 лѣтъ) или сумма выкупа (если подати съ государственныхъ крестьянъ останутся неуменьшенными въ теченіе $22^1/_3$ лѣтъ). Тутъ государство могло бы только сказать: „я принимаю на себя весь выкупъ“, могло бы только сократить разными переносами сумм

однѣхъ кассъ въ другія финансовую операцію, но сущность операціи осталась бы одна и та же: выкупъ производился бы на деньги, получаемыя съ освобожденныхъ крестьянъ, и притомъ именно на тотъ излишекъ этихъ денегъ, который получается вслѣдствіе освобожденія и который не получался казною прежде.

Но мы уже говорили, что правительство можетъ найти возможность къ преобразованію той финансовой системы, по которой двумя главнѣйшими источниками доходовъ служили два налога, равно невыгодные для государства въ экономическомъ отношеніи: винный откупъ и подушная подать съ крестьянъ. Если преобразованіе коснется и второго налога раньше окончанія выкупной операціи, подобно тому, какъ уже рѣшено правительствомъ отмѣнить винный откупъ, тогда конечно отношеніе выкупной операціи къ сборамъ съ освобожденныхъ крестьянъ и къ источникамъ государственныхъ доходовъ должно будетъ измѣниться. Въ такомъ случаѣ представятся два вопроса: возможно ли было бы для государства принять весь выкупъ на свой счетъ, и если это было бы возможно, то справедливо ли было бы это?

Относительно возможности сомнѣній не должно существовать. Преобразованіе податей и налоговъ, несогласныхъ съ экономическими разсчетами, въ налоги, болѣе соотвѣтствующіе условіямъ финансовой науки, всегда сопровождается увеличеніемъ государственнаго дохода. Потому, если бы даже, при настоящемъ размѣрѣ государственныхъ доходовъ, принятіе всей выкупной операціи на счетъ государства казалось затруднительнымъ для казны, то послѣ улучшеній, о которыхъ мы говоримъ, оно должно было бы стать дѣломъ болѣе легкимъ, или даже могло бы стать дѣломъ совершенно легкимъ. Но мы посмотримъ, могло ли бы оно быть труднымъ даже при настоящемъ размѣрѣ государственныхъ доходовъ.

Предположимъ, что въ настоящее время доходы государства простираются до 275,000,000 рублей. Этими доходами, при помощи разныхъ финансовыхъ операцій (напримѣръ займовъ и т. д.), покрываются расходы. Пусть все останется по-прежнему. Но съ освобожденіемъ крѣпостныхъ крестьянъ государственные доходы увеличиваются на 32,500,000 рублей, а расходы остаются прежніе. Ясно, что государство имѣетъ 32,500,000 рублей, которыми можетъ располагать на выкупную операцію. Съ улучшеніемъ финансовой системы, то есть главнѣйшимъ образомъ съ замѣненіемъ подушной подати и виннаго откупа другими, болѣе выгодными для государственнаго хозяйства, налогами, — прежняя сумма доходовъ должна необходимо увеличиться, слѣдовательно и та часть ихъ, которая можетъ быть обращена на выкупъ, должна необходимо возрасти. Но если мы даже возьмемъ только прежнюю ея величину, и тогда выкупъ совершился бы легко. Разница только въ томъ, что эти 32,500,000 р. получались бы вмѣсто подушной подати изъ другихъ, болѣе выгодныхъ для народнаго хозяйства, источниковъ. Мы уже видѣли, при изложеніи перваго и второго пути выкупа, что годичный доходъ этого размѣра совершенно достаточенъ для совершенія выкупной операціи. Разница между третьимъ и первыми двумя путями состоитъ главнымъ образомъ въ томъ, будетъ ли преобразована финансовая система современно выкупной операціи, или нѣтъ. Если будетъ преобразована, то вмѣсто прежнихъ источниковъ государственнаго дохода открываются новые, болѣе обильные, и между прочимъ та часть подушнаго оклада, на которую прежде совершался выкупъ, замѣняется другимъ налогомъ, болѣе выгоднымъ для государства. Слѣдовательно цифры выкупныхъ средствъ или остаются прежнія, или, вѣрнѣе сказать, возрастаютъ.

Мы положимъ, что онѣ остаются прежними. Тогда, если бы государство не захотѣло дѣлать никакихъ пожертвованій, оно оставило бы на выкупъ только 32.500,000 рублей, которыми при новой системѣ замѣнились прежніе 32,500,000 рублей, получавшихся отъ прибыли въ подушной подати, вслѣдствіе освобожденія крестьянъ. Тогда выкупъ попрежнему совершился бы въ $22^1/_3$ года, и расходъ правительства былъ бы номинальный, въ родѣ того, какъ частный человѣкъ, получивъ отъ одного изъ своихъ знакомыхъ ренту въ 500 рублей, принялъ бы на себя уплату его кредиторамъ 500 рублей въ годъ.

Но отъ имени многое зависитъ. Государство, назвавъ тогда выкупную операцію своимъ дѣломъ, конечно захотѣло бы и оказать ей нѣкоторое содѣйствіе, то есть, съ разницею въ названіи, прибѣгло бы къ тѣмъ средствамъ, какія уже изложены при объясненіи второго пути. Мы не будемъ излагать всѣхъ постепенностей того пособія, какое оно могло оказывать выкупной операціи безъ обремененія себя,— они болѣе или менѣе сходны съ принятыми у насъ при изложеніи второго пути. Возьмемъ только крайнюю степень пособія, именно немедленную выдачу всего выкупа.

Даже для этого были бы достаточны два первыя средства къ полученію денегъ, т. е., выпускъ кредитныхъ билетовъ и зачетъ выкупа за долги кредитнымъ учрежденіямъ, и не было бы нужды заключать иностраннаго займа.

Примѣръ 1856 года показываетъ возможность выпуска кредитныхъ билетовъ болѣе, нежели на 180,000,000 рублей. Итакъ, положимъ, что будетъ выпущено для выкупа 181.940,000 рублей кредитныхъ билетовъ.

Затѣмъ изъ общей цифры выкупа (531,940,000 рублей) остается 350.000,000 рублей. Долги по помѣстьямъ въ кредитныхъ учрежденіяхъ простираются на сумму гораздо высшую этой цифры. Итакъ, они были бы слишкомъ достаточны для покрытія части выкупа, остающейся за выпускомъ кредитныхъ билетовъ. Тогда взносомъ по третямъ 32,500,000 рублей въ годъ выкупались бы 350,000,000 рублей долга, зачтеннаго за выкупленныя облигаціи, въ $11,_{75}$ лѣтъ. Сумма пожертвованій за всѣ эти годы составляла бы 381.875,000 рублей.

Если же правительство, при увеличеніи своихъ доходовъ вслѣдствіе преобразованія финансовой системы, нашло бы возможность усилить этотъ взносъ отдѣленіемъ, напримѣръ, 7,500,000 рублей въ годъ изъ прибыли дохода, доставленной финансовыми преобразованіями, то взносомъ 40 милліоновъ рублей въ годъ по третямъ весь долгъ, перенесенный кредитными учрежденіями на счетъ государства, погашался бы менѣе, нежели въ $9^1/_2$ лѣтъ, именно въ $28,_{161}$ третей, и вся сумма расходовъ на его выкупъ простиралась бы до 375,480,000 рублей, то есть правительство, чрезъ усиленіе взноса на 2,500,000 рублей въ треть, сокращало бы свои расходы въ теченіе 9 лѣтъ почти на 6,400,000 рублей. Эта выгода, по нашему мнѣнію, уже не стоила бы усилій на увеличеніе взноса; иначе сказать, выкупныя средства сами по себѣ представляли бы уже столь выгодную пропорцію къ величинѣ долга, что совершенно не нужно было бы и желать особенныхъ усилій казны для увеличенія доходовъ выкупной кассы.

Въ иностранномъ займѣ не было бы необходимости даже и при этомъ крайнемъ размѣрѣ, когда правительство принимало бы на себя весь выкупъ и уплачивало бы его помѣщикамъ немедленно, безъ всякаго отлагательства. Но, разумѣется, если бы правительство нашло удобнѣйшимъ прибѣгнуть и къ этому

средству, ничто не помѣшало бы заключить заемъ въ 50, въ 75, или болѣе милліоновъ, сколько показалось бы нужнымъ. Надобно только помнить, что чѣмъ больше былъ бы размѣръ займа, тѣмъ сильнѣе возрастали бы расходы по выкупной операціи.

Разсчеты, которыми наполнена вся наша статья, конечно, были утомительны для читателя и, разумѣется, еще утомительнѣе были для насъ: въ теченіе нѣсколькихъ дней перебрасывать косточки на счетахъ—занятіе ни мало не веселое. И для насъ было бы гораздо легче не громоздить цифръ на цифры, и публикою статья наша прочлась бы легче, еслибъ не была набита цифрами. Но въ такомъ случаѣ мы, по примѣру другихъ, должны бы ограничиться общими фразами, изъ которыхъ не слѣдуетъ ничего положительнаго, и также по примѣру другихъ, вѣроятно, увлеклись бы произволомъ, не пришли бы къ выводамъ, за достовѣрность которыхъ ручается ариѳметика. Теперь мы, по крайней мѣрѣ, имѣемъ полное право сказать:

Выкупъ крѣпостныхъ крестьянъ съ землею не только по настоящему надѣлу, но и по надѣлу, значительно увеличенному до той мѣры, при которой онъ дѣйствительно удовлетворялъ бы потребностямъ ихъ благосостоянія,—такой выкупъ вовсе дѣло не трудное: мало сказать: дѣло не трудное,—нѣтъ, надобно сказать: онъ дѣло очень легкое, до такой степени легкое, что какъ ни поведите его, хотя бы и не самымъ легкимъ путемъ, онъ все-таки будетъ очень легокъ. Если весь онъ будетъ предоставленъ исключительно силамъ крестьянъ, крестьяне съ небольшимъ въ 20 лѣтъ уплатятъ его, сами не замѣчая, что платятъ выкупъ. Если правительство найдетъ возможнымъ, чтобы государство помогло крестьянамъ, то пожертвованіемъ всего только отъ 175 до 195 милліоновъ онъ сократится до 13 лѣтъ: и само правительство можетъ избрать при вспоможеніи любой изъ многихъ способовъ, между которыми ни одинъ не былъ бы обременителенъ для государства, требуя лишнихъ расходовъ всего по нѣскольку милліоновъ рублей въ годъ въ теченіе 12 или 10, или даже менѣе лѣтъ. Наконецъ, если правительство захотѣло бы принять весь выкупъ на себя, такое великодушіе или, лучше сказать, такая благородная и вмѣстѣ разсчетливая рѣшимость была бы соединена съ увеличеніемъ государственныхъ доходовъ, вслѣдствіе финансовыхъ улучшеній, значительными суммами, отъ которыхъ, вѣроятно, оставался бы большой излишекъ на другія государственныя надобности, даже и въ продолженіе выкупной операціи, и которыя, по ея окончаніи, всѣ оставались бы въ распоряженіи казны.

II.

Какъ аукнется, такъ и откликнется.
Русская поговорка.

Когда человѣкъ запуганъ страшнымъ сномъ, онъ, очнувшись отъ него, еще не смѣетъ въ первую минуту вѣрить, что страшный сонъ дѣйствительно былъ вздорнымъ, нелѣпымъ сномъ: онъ мысленно колеблется, вѣрить ли ему въ истину

явившейся глазамъ его отрадной дѣйствительности. Такъ, вѣроятно, найдутся люди до того запуганные чудовищными милліардами, о которыхъ твердилось имъ сотнями писателей, что будутъ, бѣдные, смущены исчезновеніемъ этихъ милліардовъ отъ прикосновенія къ нимъ ариѳметики.

Куда же дѣвались эти милліарды? и какъ объяснить такое изумительное различіе между чрезвычайно легкимъ выкупомъ, о которомъ теперь прочли мы, и тѣми выкупами, о которыхъ нельзя подумать безъ ужаса?—спросятъ они.

Найдутся люди, которые дадутъ отвѣтъ такого рода: „Мы полагали 150 или 200 рублей выкупа за душу; а онъ, авторъ статьи, находитъ выкупъ равнымъ только 50 рублямъ. Онъ говоритъ вздоръ. Вѣдь мы основывались на юридическихъ претензіяхъ. Мы разбирали, во сколько долженъ цѣнить крѣпостное право и крѣпостную землю помѣщикъ,—стало быть, цифры, несогласныя съ нашими—вздоръ“.

Ахъ, вы держались юридической стороны вопроса! Это прекрасно. Но вѣдь и мы держались ея, и даже строже, нежели вы. Мы также берегли каждую копѣйку, дѣйствительно получаемую помѣщикомъ отъ крѣпостнаго права; мы также не хотимъ, чтобы пропала хотя одна копѣйка изъ того, что онъ получаетъ теперь. Но только знаете ли, въ чемъ сущность вопроса? Вотъ въ чемъ.

Есть юридическія отношенія, убыточныя для обѣихъ участвующихъ въ нихъ сторонъ. Въ примѣръ мы приведемъ случай неправдоподобный, но дѣйствительно происходившій на нашихъ глазахъ.

У московскаго купца Саввы Филимонова былъ отъ первой жены сынъ Захаръ; по смерти первой жены, Савва Филимоновъ женился на вдовѣ, у которой былъ отъ перваго мужа сынъ Терентій. Старикъ любилъ и пасынка, но еще больше любилъ сына. Тутъ еще нѣтъ ничего особеннаго. Случилось Саввѣ Филимонову впасть въ какое-то нравственное разслабленіе, и, воспользовавшись имъ, Захаръ, мужчина уже въ лѣтахъ, выпросилъ у отца право распоряжаться младшимъ своднымъ братомъ, Терентьемъ, какъ вздумается ему, Захару, и заставилъ Терентья служить себѣ, Захару. И тутъ нѣтъ еще ничего удивительнаго. Но вотъ что странно: Захару вздумалось заставлять Терентья носить ему воду изъ рѣки не въ ведрѣ, а въ рѣшетѣ. Какъ объяснить такую фантазію, я не знаю; но дѣло было такъ, и Захаръ требовалъ отъ Терентья, чтобы воды въ рѣшетѣ приносилъ онъ столько, сколько нужно ему, Захару, и его женѣ по домашнему хозяйству. Бѣдняжка Терентій долженъ былъ круглыя сутки безъ отдыха бѣгать по лѣстницѣ брата и мучился до крайности; а Захаръ съ женою все-таки сидѣли безъ воды, кромѣ развѣ той, которую, тоже съ трудомъ, могли собрать въ грязныхъ лужахъ, остававшихся единственнымъ результатомъ трудовъ ихъ неусыпнаго водовоза. Терентій съ самаго начала замѣчалъ нелѣпость положенія, въ которое поставленъ. Но что ему было дѣлать? Однако же, вотъ оправился, наконецъ, Савва Филимоновъ, то есть старикъ отецъ, и велѣлъ Захару прекратить это дикое отношеніе. Какъ тутъ было разсчитываться Захару съ Терентьемъ? Захаръ, который жилъ особымъ домомъ, началъ утверждать, что его хозяйство разстроится, если онъ лишится дарового работника, и представилъ дѣло съ юридической стороны въ слѣдующемъ видѣ: „Терентій работалъ на меня круглыя сутки безъ отдыха; освобождая его, я возвращаю ему все его время, слѣдовательно—могу требовать въ вознагражденіе, чтобы онъ заплатилъ мнѣ всѣ тѣ деньги, какихъ стоитъ

капитализированная цѣнность его труда". Разумѣется, счетъ вышелъ страшный. Терентій, возя воду въ бочкѣ, можетъ навозить воды въ мѣсяцъ на 30 рублей серебромъ, стало быть, въ годъ на 360. Капитализируя эту цѣнность по $7\frac{1}{2}\%$. Захаръ сосчиталъ, что за освобожденіе водовоза Терентья ему, Захару, слѣдуетъ получить съ него, Терентья, 4,800 рублей. Разсчетъ очень милый. Но не очень мило для Захара было то, что Терентій чуть ли не вѣрнѣе его производилъ разсчетъ такимъ манеромъ: „Въ рѣшетѣ я въ цѣлый годъ успѣлъ бы принести тебѣ развѣ нѣсколько капель воды. Оцѣнимъ эти капли,—и я, пожалуй, заплачу тебѣ ихъ цѣнность. Она равняется нулю; получи же его,—и ты не останешься въ убыткѣ. Вѣдь ты и прежде сидѣлъ безъ воды, такъ за что же тебѣ получать деньги? Что ты теряешь, когда я избавлюсь отъ совершенно напраснаго изнуренія, не приносящаго тебѣ ровно никакой пользы!"—Какъ тутъ разсудить? Пришли оба къ отцу. Старикъ говоритъ: „Эхъ, братъ, Захаръ, не ожидалъ я отъ тебя этого! Видно ты его братомъ себѣ не считаешь, да и меня старика не уважаешь. Не хочу же я надъ тобою и суда имѣть, коли ты непочтителенъ; а ступайте вы судиться къ чужимъ людямъ,—пусть они васъ разсудятъ". Что вы думаете, какъ разсудятъ посторонніе люди?

Крѣпостное право—это истинное подобіе рѣшета, въ прорѣхи котораго вытекаетъ рѣшительно вся цѣнность, находящаяся въ немъ. Мужикъ трудится на васъ цѣлый годъ—это правда, земли у васъ много—и это правда. Но вы все-таки разоряетесь съ каждымъ годомъ больше и больше; ваша земля и съ мужиками заложена и перезаложена, и какъ хотите высоко цѣните стоимость обязательнаго труда и земли, уступленной крестьянамъ,—цѣните ихъ хоть въ 10,000 рублей на душу, а въ результатѣ все-таки оказывается, что съ земли, уступленной крестьянамъ, вы не получаете ни копѣйки: она служитъ только къ прокормленію крестьянъ; а прокормленіе крестьянъ служитъ только къ тому, чтобы они работали на васъ; а изнурительная работа ихъ на васъ служитъ только къ тому, что вы съ вашихъ господскихъ полей получаете съ десятины по 20 руб., вмѣсто того, что получали бы по 40 или 50 руб., если бы крѣпостнаго права не было. Такъ вотъ оно, каково дѣло: половина полей вашего помѣстья служитъ только къ тому, чтобы другая половина приносила вамъ гораздо меньше дохода, нежели получалось бы вами съ нея тогда, когда бы другая половина не принадлежала къ вашей собственности. Что же вы теряете, лишаясь этой другой, убыточной для васъ половины? Ровно то же самое, что теряетъ больной, лишаясь ревматизма, недающаго ему владѣть правой рукой, или мозолей, мѣшающихъ ему ходить.

Взявъ за основаніе разсчетовъ одну изъ сторонъ крѣпостнаго права, неопровержимую съ юридической точки зрѣнія, многіе выводятъ громадныя цифры выкупа. Они забываютъ, что есть въ томъ же правѣ другія стороны, столь же неопровержимыя съ юридической точки зрѣнія,—такія стороны, которыя приводятъ къ отрицательнымъ цифрамъ, и что если взять эти стороны и приложить ихъ къ первымъ, то въ результатѣ разсчета, веденнаго строгимъ юридическимъ путемъ, окажется нуль или много, много $1\frac{1}{2}$ копѣйки серебромъ.

Опредѣлять юридически величину выкупа,—дѣло очень невыгодное для помѣщиковъ. Мы еще едва касались этой стороны вопроса, и то съ великою бережливостью, потому что она чрезвычайно невыгодна для той стороны, интересы которой для насъ кажутся интересами просвѣщенія.

Мы желали бы, чтобы помѣщики получили какъ можно больше выкупа; но замѣтимъ тутъ слово *можно*. Когда я съ бѣднаго человѣка буду требовать по очень сомнительному векселю десятки тысячъ рублей, то самое выгодное для меня, что можетъ случиться, это то, что бѣднякъ окончательно разорится на веденіе дѣла противъ меня, и потомъ его посадятъ, какъ несостоятельнаго должника, въ тюрьму, и я принужденъ буду самъ же платить деньги за его содержаніе, не получивъ ни копѣйки изъ требуемой мною страшной суммы. А если бы я соразмѣрилъ свое требованіе съ его средствами, я все-таки что-нибудь получилъ бы безъ всякихъ хлопотъ и проволочекъ, и получилъ бы, можетъ быть, даже больше, нежели мнѣ слѣдуетъ. „Больше, нежели мнѣ слѣдуетъ“, потому что вексель очень сомнительнаго качества, и бѣднякъ признаетъ себя моимъ должникомъ собственно потому, что не любитъ тягаться по уѣзднымъ и всякимъ другимъ судамъ.

Нѣтъ ничего хуже, какъ рѣшать государственные вопросы по правиламъ юридической казуистики. Она мѣрка слишкомъ узкая для нихъ. Теперь вы накладываете ее на меня, и мнѣ приходится отъ нея очень тѣсно; но вѣдь точно также она можетъ быть наложена и на васъ, тогда вамъ будетъ тоже непріятно.

Лучше оставимъ эту мѣрку. Она годится только для кляузничества. Важныя дѣла надобно рѣшать по совѣсти и по здравому смыслу.

Здравый смыслъ говоритъ, что разореніе освобождаемыхъ крестьянъ отзовется самыми невыгодными слѣдствіями на всемъ государственномъ организмѣ, и болѣе всего на самихъ помѣщикахъ. При слишкомъ высокой оцѣнкѣ выкупа, ежегодные взносы съ крестьянъ будутъ слишкомъ высоки. Слишкомъ высокими ежегодными взносами въ два-три года крестьяне разорятся. Разорившись, они не будутъ въ состояніи платить не только высокаго, но и ровно никакого выкупа. Вся выкупная операція разстроится, когда помѣщики не успѣютъ еще получить и десятой части выкупа, и въ результатѣ окажется у помѣщиковъ, въ дѣйствительномъ полученіи, много—по 25 р. съ души; а между освобожденными крестьянами окажется всеобщее разореніе и неоплатныя недоимки. Отъ этого предостерегаетъ здравый смыслъ, говоря, что величина выкупа должна быть сообразна съ силами крестьянъ.

Совѣсть говоритъ, что человѣкъ не долженъ, при полученіи вознагражденія за свой доходъ, цѣнить доходъ выше его дѣйствительной величины.

Здравый смыслъ говоритъ, что вредъ и себѣ и другимъ дѣлаетъ тотъ, кто смущаетъ государство неумѣренностью своихъ претензій.

Совѣсть говоритъ, что дурно поступаетъ тотъ, кто не старается миролюбиво и ко взаимному удовольствію кончить взаимными уступками дѣло, которое очень можетъ кончиться миролюбиво и ко взаимному удовольствію, но которое не можетъ кончиться ничѣмъ хорошимъ, если не будетъ ведено миролюбиво къ общему удовольствію, со взаимными уступками.

Мы подадимъ первый примѣръ уступокъ и съ перваго же раза сдѣлаемъ ихъ въ полномъ размѣрѣ, доведемъ ихъ до самой той границы, дальше которой не позволяетъ идти здравый смыслъ.

III.

Одинъ рубль въ карманѣ лучше
двухъ рублей въ долгу.
Афоризмъ умныхъ людей

Величину выкупа, найденную нами, мы считаемъ самой высшей изъ тѣхъ, какія могутъ быть выведены точнымъ разсчетомъ. 49 руб. 5 коп. выкупа съ души, среднимъ числомъ,—больше этого ни одного рубля, ни одной копѣйки не выйдетъ въ счетѣ, если станете считать вѣрно.

А меньше этого можетъ выйти, и даже гораздо меньше. Вѣдь мы дѣйствительно возвышали всѣ пропорціи сверхъ правдоподобія, для увеличенія выкупной цифры.

Наша цифра не совершенно точная, а только приблизительная, заключающая въ себѣ погрѣшность противъ дѣйствительной величины. Но достовѣрно то, что погрѣшность въ ней вся исключительно съ одной стороны: ни на одну сотую часть копѣйки она не можетъ быть меньше того, что выйдетъ по совершенно точному разсчету; но насколько рублей она больше точной величины,—этого мы не знаемъ и не совѣтуемъ узнавать никому, кто заинтересованъ возможно высокою цѣною выкупа.

Хорошо же, мы готовы отказаться отъ этой цифры для миролюбиваго соглашенія и принять норму выкупа въ полтора раза большую.

Прочь всѣ вычеты и учеты. Прочь всѣ ариѳметическія тонкости. Поставимъ дѣло прямо на судъ здраваго смысла помѣщиковъ и попробуемъ,—нельзя ли рѣшить его въ двухъ словахъ.

Средній доходъ съ крѣпостной души нельзя цѣнить выше 12 руб. сер.,—это извѣстно каждому. Сколько изъ него надобно вычесть на доходы, чуждые крѣпостнаго права, на заботы по управленію, на страховую премію,—этого всего мы теперь не хотимъ говорить, это все мы оставляемъ въ сторонѣ. Беремъ весь доходъ какъ онъ есть, 12 руб. съ души.

По капитализаціи въ $7^1/_2\%$, это составитъ цѣнность всего крѣпостнаго имущества, 150 руб. на душу.

Изъ этого имущества, даже при увеличенномъ противъ настоящаго надѣлѣ, какого мы желали бы, все-таки за помѣщиками останется и большая по пространству, и лучшая по качеству часть крѣпостнаго имущества.

А мы все-таки положимъ выкупъ равнымъ цѣлой половинѣ всей цѣнности крѣпостнаго имущества.

Будемъ считать его среднимъ числомъ въ 75 рублей на душу.

Разумѣется, въ барщинныхъ имѣніяхъ онъ будетъ среднимъ числомъ нѣсколько ниже, въ оброчныхъ среднимъ числомъ довольно много выше, именно въ первыхъ около 70 рублей, во вторыхъ около 90 рублей, считая оброчныхъ имѣній одну четвертую часть.

Считая около 10,000 душъ такихъ крестьянъ (заслуженныхъ старостъ, дворецкихъ, камердинеровъ, дядекъ и т. п.), за которыхъ помѣщики сами не захо-

тятъ взять выкупа, мы получимъ, что вся сумма выкупа будетъ простираться, приблизительно, до 812,500,000 рублей.

Пользуясь такою огромною уступкою, какъ произвольное повышеніе выкупа на цѣлую половину, помѣщики, безъ сомнѣнія, согласятся, что несправедливо было бы ихъ землямъ оставаться изъятыми отъ податей.

Это тѣмъ неизбѣжнѣе, что право покупать землю, оставшуюся за помѣщиками, предоставляется всѣмъ сословіямъ. Неужели было бы возможно, чтобы одна и та же земля то избавлялась отъ податей, то подвергалась податямъ, смотря по имени и отчеству лица, ею владѣющаго?

Притомъ подать, платимая съ земли, вовсе не уменьшитъ дохода нашихъ землевладѣльцевъ. Она только подниметъ цѣну сельскихъ произведеній и, слѣдовательно, ляжетъ не на владѣльца земли, а на потребителей, точно такъ, какъ, напримѣръ, акцизъ, уплачиваемый табачнымъ фабрикантомъ, лежитъ собственно не на немъ, а на потребителяхъ табака. Подобно фабриканту, землевладѣлецъ не самъ подвергнется подати, а только будетъ служить посредникомъ между казною и потребителями, дѣйствительно платящими подать.

Крестьянскія земли слишкомъ обременены податью, и мы уже говорили, что надобно желать ихъ облегченія. Потому мы и не думаемъ предлагать, чтобы подать съ дворянскихъ земель была также велика. Но если она будетъ почти втрое меньше, она будетъ доставлять навѣрное половину того, что доставляютъ земли государственныхъ крестьянъ, потому что за дворянами останется больше земли, нежели сколько находится въ пользованіи государственныхъ крестьянъ, или сколько отрѣзано будетъ освобожденнымъ крестьянамъ, и притомъ земля, остающаяся за помѣщиками, вообще лучше качествомъ, нежели крестьянская.

Такимъ образомъ источниками выкупа будутъ служить:

Подать съ освобожденныхъ крестьянъ . . .	32,500,000 р.
Подать съ дворянскихъ земель	16,250,000 „
Итого	48,750,000 р.

При такихъ средствахъ, выкупъ безъ всякихъ пожертвованій со стороны государства, безъ выпуска кредитныхъ билетовъ, безъ обмѣна выкупныхъ облигацій на долги кредитнымъ учрежденіямъ, окончился бы третными тиражами въ 23 года и 3 мѣсяца (точнѣе въ $69{,}_{69}$ тиражей или въ $23{,}_{23}$ лѣтъ).

Если бы правительство нашло удобнымъ помочь выкупной операціи вспоможеніемъ, напримѣръ, на 175,000,000 р., то есть на одну пятую часть всего выкупа, то выкупная операція кончилась бы въ 16 лѣтъ и восемь мѣсяцевъ (точнѣе $50{,}_{07}$ тиражей, или въ $16{,}_{69}$ лѣтъ). При этомъ, если бы сумма вспоможенія составлялась черезъ выпускъ 75,000,000 р. кредитныхъ билетовъ и зачетъ 100,000,000 долговъ по кредитнымъ учрежденіямъ, и если бы на погашеніе этихъ долговъ употреблялось потомъ, третными взносами по 11,250,000 руб. въ годъ, долгъ правительства кредитнымъ учрежденіямъ (100,000,000 р.) былъ бы погашенъ въ $6{,}_{54}$ лѣтъ, и вся сумма пожертвованій правительства, разсроченная на $9^1/_2$ лѣтъ, простиралась бы до 182,325,000 руб.

Если бы правительство нашло возможнымъ принять на счетъ государства одну третью часть выкупа, то есть 272,500,000 руб., то остающіеся 540,000,000

облигацій были бы выкуплены въ $13^1/_2$ лѣтъ (точнѣе въ 40,607 тиражей или въ 13,539 лѣтъ). При этомъ, если бы сумма вспоможенія составилась черезъ выпускъ 122,500,000 кредитныхъ билетовъ и черезъ зачетъ 150,000,000 р. долговъ въ кредитныя учрежденія, то при третныхъ взносахъ по 11,250,000 въ годъ, перенесенный на государство долгъ кредитныхъ учрежденій выкупался бы въ 14,886 лѣтъ, требуя взносовъ на сумму 167,467,500 р. Но при этомъ должно замѣтить, что государство платило бы на его погашеніе взносы изъ собственныхъ средствъ только въ продолженіе 13,539 лѣтъ, пока выкупаются облигаціи по тиражамъ, а по окончаніи тиражей всѣ выкупныя средства дѣлались бы свободными, - изъ нихъ по $11^1/_4$ милл. въ годъ было бы обращено на окончаніе погашенія долга въ кредитныя учрежденія, а остальные 37,500,100 руб. поступили бы уже въ распоряженіе казны. Такимъ образомъ государство заплатило бы за долгъ по обмѣну облигацій только 152,313,750 руб. (въ теченіе первыхъ 13,539 лѣтъ, остальные 15,153,750 рублей были бы потомъ уплачены уже средствами выкупнаго дохода, изъ котораго притомъ еще втрое больше осталось бы за это время въ казнѣ), и все пожертвованіе государства простиралось бы только до 274,813,750 руб., изъ которыхъ почти половина ничего бы не стоила государству (кредитные билеты), а взносъ другой былъ бы разсроченъ на тринадцать съ половиною лѣтъ.

Наконецъ, предположимъ, что правительство нашло возможнымъ принять на счетъ государства половину выкупа, или даже нѣсколько болѣе. именно, 412,500,000 руб., составивъ эту сумму, напримѣръ, черезъ выпускъ кредитныхъ билетовъ на 162,500,000 и черезъ зачетъ 250.000,000 р. долговъ по кредитнымъ учрежденіямъ. Тогда счетъ былъ бы слѣдующій: остальные 400 милліоновъ облигацій были бы выкуплены въ 28,452 тиражей или 9,484 лѣтъ. Погашеніе долга кредитнымъ учрежденіямъ потребовало бы (при прежнихъ взносахъ $11^1/_2$ милліоновъ рублей въ годъ) 27,05 лѣтъ; но изъ нихъ только въ первые девять съ половиною лѣтъ правительство уплатило бы изъ своихъ средствъ 106,695,000 рублей (послѣ того, выкупныя средства оставались бы свободными и частью ихъ былъ бы выкупленъ остальной долгъ въ теченіе слѣдующихъ 17,566 лѣтъ, на что пошло бы 197,617,500 р.). Такимъ образомъ, все пожертвованіе государства простиралось бы только до 269,195,000 р. (162,500,000 кредитныхъ билетовъ и 106.695,000 р. взносами, разсроченными на девять съ половиною лѣтъ).

Кажется, болѣе краткаго срока выкупа всѣхъ 812,500,000 р. никто даже изъ самыхъ нетерпѣливыхъ помѣщиковъ не сталъ бы требовать,—вѣдь послѣдняя облигація выкупается не далѣе какъ черезъ девять съ половиною лѣтъ отъ начала выкупной операціи. Кажется, и обремененіе для правительства вовсе не велико.

Итакъ для личныхъ своихъ удобствъ никто изъ помѣщиковъ не могъ бы желать болѣе значительнаго участія государства въ выкупѣ, какъ на половину выкупа.

Но посмотримъ, чего требуютъ выгоды самого правительства.

Человѣку, не привыкшему къ финансовымъ разсчетамъ, конечно представляется, что чѣмъ меньшую часть выкупа беретъ на себя государство, тѣмъ выгоднѣе для казны, а чѣмъ большую часть выкупа возьметъ казна на себя, тѣмъ больше должна будетъ принести пожертвованій. Но сравнимъ сумму пожертвованій казны при участіи въ выкупа на одну третью часть и на половину выкупа,—и такое мнѣніе поколеблется.

Взявъ на себя только одну треть выкупа, казна должна будетъ израсходовать изъ собственныхъ средствъ . 274,813.750 р.
Взявъ цѣлую половину, изъ собственныхъ средствъ ей нужно будетъ израсходовать только . . . . . 269,195,000—

то есть облегченіе выкупа на цѣлую половину будетъ стоить казнѣ цѣлыми 5,618,750 рублями дешевле, нежели облегченіе его на одну третью часть. Что за странность! и отчего это?

Отчего это—мы показывали въ статьѣ о необходимости умѣренныхъ цѣнъ. Когда уменьшается капиталъ, выкупаемый съ разсрочкою, проценты, задаромъ сходившіе съ должника громадными массами безъ пользы для кредитора, облегчаются гораздо въ быстрѣйшей пропорціи, нежели какъ уменьшается дающій проценты капиталъ. Это дѣйствіе производится въ настоящемъ случаѣ, потому что часть капитала, обременяющаго должниковъ не столько собою, сколько своими процентами, уплачивается безъ разсрочки кредитными билетами. Точно также, когда понижается процентъ, сумма разсроченныхъ платежей уменьшается гораздо въ большей пропорціи, нежели понижается процентъ. Это дѣйствіе производится тѣмъ, что другая часть выкупа изъ облигацій, требующихъ трехъ процентовъ, переводится въ ссуду кредитныхъ учрежденій, требующихъ только полтора процента.

Нужно только подумать внимательно объ этихъ общихъ правилахъ разсроченной уплаты, и самъ собою рождается вопросъ: такъ ужъ не пріобрѣтаетъ ли государство тѣмъ большей экономіи, чѣмъ большую часть выкупа принимаетъ на себя?

А какъ же бы вы думали? Оно точно такъ и есть. Чтобы убѣдиться въ этомъ, нужно только сравнить, какія суммы при разныхъ степеняхъ участія въ выкупѣ останутся въ излишкѣ у казны отъ доходовъ съ источниковъ для выкупной операціи за все время, обнимаемое самымъ продолжительнымъ изъ различныхъ сроковъ выкупной операціи,—мы увидимъ, что чѣмъ быстрѣе выкупаются облигаціи, тѣмъ больше выгоды для казны; — а такъ какъ облигаціи выкупаются тѣмъ быстрѣе, чѣмъ большую часть выкупа беретъ на себя казна, то и слѣдуетъ, что чѣмъ больше пожертвованій захочетъ принести казна выкупному дѣлу, тѣмъ больше она получитъ пользы себѣ.

Дѣлаемъ же сравненіе, къ которому обращали вниманіе читателей.

Изъ всѣхъ встрѣчавшихся у насъ сроковъ самый длинный былъ 27,05 лѣтъ. Беремъ же, для легкости вычисленій, періодъ въ круглое число 27 лѣтъ, и считаемъ.

Выкупные источники даютъ въ годъ 48,750,000 р.,—всего въ 27 лѣтъ даютъ $1316\frac{1}{4}$ милліоновъ рублей: сколько же изъ этой суммы будетъ оставаться чистаго дохода въ распоряженіи казны при разныхъ степеняхъ ея участія въ выкупѣ?

1) Если казна вовсе ничѣмъ не жертвуетъ на выкупъ, предоставляя его исключительно дѣйствію выкупныхъ источниковъ, выкупъ поглощаетъ эти источники въ продолженіе 23,23 лѣтъ, то есть на него уходитъ 1,132,462,500 рублей; за вычетомъ ихъ остается свободныхъ денегъ въ распоряженіи казны . . . . . 183,787,500 р.

2) Если бы правительство приняло на себя около одной пятой части выкупа (175 милліоновъ), выкупъ облигацій продолжался бы 16,69 лѣтъ и поглотилъ бы изъ выкупныхъ источниковъ 813,637,500 р.; сверхъ того правительство израсходовало бы въ теченіе 9,54 лѣтъ на погашеніе долга кредитнымъ учрежденіямъ 107,325,000 рублей и выпустило бы кредитныхъ билетовъ на 75,000,000 р. *), всего 182,325,000. Слагая эти суммы, видимъ, что всего поглотилъ бы выкупъ 995,962,500 рублей; затѣмъ оставалось бы у казны. . . 320.287,500 р.

3) Если государство приметъ на себя одну третью часть выкупа ($272^1/_2$ милліона), выкупъ облигацій займетъ 13,539 лѣтъ и поглотитъ 660,026,250 рублей; сверхъ того на погашеніе долга кредитнымъ учрежденіямъ изъ тѣхъ же выкупныхъ источниковъ пойдетъ 15,153,750 рублей. Казна пожертвуетъ на то же погашеніе 152,313,750 рублей и выпуститъ **) кредитныхъ билетовъ на 122,500,000 рублей. всего израсходуетъ 274,813,750. Слагая всѣ эти суммы, видимъ, что выкупъ будетъ стоить 949,993,750 рублей, а казнѣ останется . . . . . 366,256,250 р.

4) Если государство пріймет на свой счетъ половину выкупа ($412^1/_2$ милліоновъ), тогда остальные 400 милл. облигацій выкупаются въ 9,484 лѣтъ; этимъ поглощается 462,345,000 руб.; изъ тѣхъ же выкупныхъ источниковъ идетъ потомъ на погашеніе долга кредитныхъ учрежденій 197,617,500 рублей. Сверхъ того, казна расходуетъ на ихъ погашеніе 106,695,000 рублей и выпускаетъ на $16^1/_2$ милліона кредитныхъ билетовъ ***); всего расходуетъ 269,197,500 р. Итого, весь выкупъ требуетъ 929,157,500 рублей, а казнѣ остается . . . . . 387,092,500 р.

Чѣмъ большую часть выкупа принимаетъ на себя государство, тѣмъ выгоднѣе для него. Это приводитъ насъ къ разсмотрѣнію вопроса: можетъ ли оно и при размѣрѣ выкупа въ 75 рублей на душу принять весь выкупъ на свой счетъ, какъ могло бы принять выкупъ въ 49 рублей?

Вопросъ предлагается не для облегченія крестьянъ, — имъ довольно легко будетъ уплатить выкупъ и каждымъ изъ способовъ изложенныхъ нами выше; онъ предлагается и не для доставленія помѣщикамъ болѣе быстрой уплаты по облигаціямъ; — она уже очень быстра и при нѣкоторыхъ изъ способовъ изложенныхъ нами выше. Наприм., при третьей изъ представленныхъ нами комбинацій немедленно получали бы выкупъ владѣльцы до 100 или 150 душъ; облигаціи остальныхъ выкупались бы въ $13^1/_2$ лѣтъ, — это было бы уже очень удовлетворительно, это уже превзошло бы ожиданія большей части помѣщиковъ; а при четвертой комбинаціи немедленно получали бы выкупъ владѣльцы до 200 или

*) Этого выпуска, собственно говоря, и неслѣдовало бы считать за расходъ.
**) Этого выпуска, собственно говоря, и не слѣдовало бы считать за расходъ.
***) Этого не слѣдовало бы и считать за расходъ.

250 душъ, для остальныхъ же облигацій выкупъ оканчивался бы всего въ $9^1/_2$ лѣтъ,—лучшаго никто не только требовать, но и предполагать не могъ. Что же, если мы увидимъ, что государству не только возможно, но и выгодно принять сумму выкупа на себя и выдать выкупъ немедленно или всѣмъ помѣщикамъ, или почти всѣмъ, кромѣ нѣсколькихъ сотъ богатѣйшихъ владѣльцевъ?

Смотря по различію въ количествѣ наличныхъ денегъ, которыми могло бы правительство усиливать средства, доставляемыя выкупными источниками, ходъ выкупной операціи могъ бы быть очень различенъ: но она можетъ обойтись и безъ всякаго усиленія выкупныхъ средствъ собственно казенными пособіями. Надобно только вообще помнить, что чѣмъ усиленнѣе производится уплата разсроченнаго долга, чѣмъ скорѣе кончается она, тѣмъ меньше денегъ идетъ на проценты и слѣдовательно тѣмъ выгоднѣе оказывается операція для казны, производящей уплаты.

Въ этомъ соображеніи мы сначала предположимъ, что правительство, принявъ операцію на свой счетъ, найдетъ возможнымъ усилить выкупныя средства (48,750,000 рублей), прибавкою изъ своихъ собственныхъ средствъ еще на половину этой суммы, такъ чтобы доходы выкупной кассы простирались до 75 милліоновъ въ годъ.

Но что, если правительство найдетъ, что казна не можетъ расходовать въ годъ по 26 милліоновъ, какъ мы предполагали бы? Нѣтъ нужды; государство все-таки удобно можетъ принять выкупъ на свой счетъ; выйгрышъ его отъ выкупной операціи сократится на нѣсколько десятковъ милліоновъ, но все-таки останется еще огроменъ. Мы представимъ разсчетъ выкупа, совершаемаго правительствомъ исключительно на средства, доставляемыя выкупными источниками, только для круглаго счета прибавляя къ нимъ 1,250,000 рублей въ годъ; такая прибавка конечно уже не можетъ затруднить казну, какъ бы ни мало находилось у нея свободныхъ денегъ.

Вотъ счетъ по выкупной операціи на основаніи обѣихъ цифръ. Одною изъ выгоднѣйшихъ комбинацій будетъ слѣдующая:

Выпускается 162,500,000 р. кредитныхъ билетовъ. Назначается зачетъ облигацій за долги до суммы 400 милліоновъ, переносимыхъ на счетъ государства съ уплатою $1^1/_2$ процента. Заключается иностранный заемъ (примѣрно по 4,5 процента по курсу 96 руб.) на 100 милліоновъ. Это потребуетъ записи въ капиталъ $104^2/_3$ милліоновъ рублей; мы для круглаго счета положимъ 104,8 милл. За этими немедленными уплатами и обмѣномъ остается 150 милліоновъ выкупныхъ облигацій (по три процента).

Каковъ бы ни былъ размѣръ средствъ, служащихъ для выкупа, экономія требовала бы обратить ихъ сначала главнымъ образомъ на погашеніе займа, по которому платится самый высшій, то есть самый убыточный процентъ (4,5 процента, между тѣмъ какъ по облигаціямъ только три процента). Но эта уплата должна производиться звонкою монетою, которой въ государствѣ бываетъ мало. Потому мы и полагаемъ на погашеніе долга и уплату процентовъ его только по 4 милліона въ треть, чтобы не подать повода къ возраженіямъ о возможности уплаты,—12 милліоновъ въ годъ звонкой монеты, кажется, всегда уже можно найти.

Затѣмъ главныя средства выкупа обращаются на тиражъ облигацій.—процентъ ихъ выше процента по долгу кредитныхъ учрежденій, да и владѣльцы ихъ будутъ чувствовать тѣмъ болѣе удовольствія, чѣмъ быстрѣе онѣ будутъ выкупаться.

Если выкупныя средства будутъ усилены до 75 милл. въ годъ, то есть до 25 милл. въ треть, то вся операція будетъ имѣть такой видъ:

1) Иностранный заемъ уплачивается взносами 4 милліоновъ въ треть въ 33,51 трети. Процентовъ за него въ это время (по 1,5 процента въ треть) пойдетъ 29,240,000 рублей, всего съ уплатою капитала (104,8 милліоновъ) эта статья потребуетъ 134,040,000 руб.

2) Облигаціи (150 милл.) будутъ выкуплены взносами 19 милл. въ треть (за отчисленіемъ 4 милл. на уплату займа и 2 милл. на проценты кредитнымъ учрежденіямъ, остается сначала изъ 25 милл. въ треть 19 милл. на уплату облигацій) въ 8,266 тиражей, то есть, въ 2 года и 9 мѣсяцевъ. Процентовъ на нихъ (три процента въ годъ, то есть $1^0/_0$ въ треть) пойдетъ 7,054,000; всего эта статья потребуетъ 157,054,000 руб.

3) Долгъ кредитныхъ учрежденій выкупается по выкупѣ облигацій: на это требуется при взносахъ 21 милл. въ треть (за отчисленіемъ 4 милл. на уплату иностраннаго долга, остается на уплату долга кредитнымъ учрежденіямъ вся остальная сумма изъ 25 милл. въ треть, потому что облигаціи уже выкуплены) 20,032 третей года. Въ это время идетъ на уплату процентовъ 20,672,000 р., да въ прежнія 8,266 третей (во время выкупа облигацій, пока по долгу кредитныхъ учрежденій только уплачивались проценты) было уплачено процентовъ 16,532,000 рублей. Всего расходовъ по этой статьѣ: погашеніе капитала 400 милл., и на проценты 37,204,000 р., итого 437,204,000 р.

Итого расходовъ:

По иностранному займу	134,040,000	руб.
„ облигаціямъ	157,054,000	„
„ долгу въ кредитныя учрежденія .	437,204,000	„
Выпущено кредитныхъ билетовъ на .	162,500,000	„
Всего . .	890,798,000	руб.

Если же нельзя усилить выкупныхъ средствъ до 75 милл. и они остаются ограничены доходами изъ выкупныхъ источниковъ, то есть ограничены цифрою 50 милліоновъ руб. въ годъ ($16,666,666^2/_3$ р. въ треть),—выкупъ пойдетъ такъ:

1) Погашеніе иностраннаго займа—по прежнему.

2) Выкупъ облигацій третными взносами по 32 милліона въ годъ (изъ 50 милл. годичныхъ средствъ, за вычетомъ 12 милл. на уплату иностраннаго займа и 6 милл. въ годъ на проценты кредитнымъ учрежденіямъ, остается та цифра) оканчивается въ 15,255 тиражей, то есть, въ 5,085 лѣтъ. На проценты уйдетъ 12,740,000 руб., а всего 162,720,000 руб.

3) На выкупъ долга въ кредитныя учрежденія идетъ потомъ 38 милл. въ годъ третными взносами. Этими взносами долгъ уплачивается въ 34,392 третей, и на проценты идетъ въ это время 35,632,000 руб., да прежде, пока выкупались

облигаціи, на проценты по этому долгу было израсходовано 30,510,000 р., всего по этой статьѣ расхода: на уплату процентовъ 66.142,000 р. и на погашеніе капитала 400 милл., итого 466,142,000 р.

Счетъ расхода по всей выкупной операціи таковъ:

По иностранному займу	134,040,000	руб.
„ облигаціямъ	162,720,000	„
„ долгу кредитныхъ учрежденій. .	466,142,000	„
Выпущено кредитныхъ билетовъ . .	162,500,000	„
Всего .	925,402,000	руб.

Сравнивая итоги, мы видимъ, до какой степени было бы выгодно государству по возможности усилить выкупные источники свободными деньгами отъ казны.

При усиленныхъ средствахъ погашеніе долга кредитныхъ учрежденій почти кончается 28-ю третью (первою третью 10-го г.); далѣе требуется уже только около 12 милліоновъ въ годъ на иностранный заемъ. Стало быть, приплачивать по 25 милл. р. пришлось бы только $9^1/_2$ лѣтъ, и всего понадобилось бы на это около 240 милліоновъ—а черезъ это усиленіе средствъ государство сберегало бы въ общемъ ходѣ операціи около 35 милліоновъ рублей.

Комбинаціи, нами изложенныя, мы назвали довольно экономными потому только, что выгодно распредѣлена въ нихъ единственная пропорція, зависящая отъ воли: пропорція употребленія выкупныхъ средствъ на погашеніе долга кредитнымъ учрежденіямъ и выкупъ облигацій.

Напротивъ того, выкупъ иностраннаго займа расположенъ вовсе не экономично: мы сказали, что его требовалось бы погашать быстрѣе другихъ статей, а онъ погашается медленнѣе всѣхъ, потому что требуетъ звонкой монеты, въ которой не только Россія, но и ни одна изъ западныхъ державъ не имѣетъ избытка. Потому иностранный заемъ изъ всѣхъ трехъ, принятыхъ нами, способовъ пріобрѣтенія денегъ, самый убыточный по высотѣ своего процента, оказывается еще болѣе убыточнымъ оттого, что требуетъ излишне долгой разсрочки въ уплатѣ *). Спрашивается: нельзя ли обойтись безъ этого слишкомъ дорогаго источника?

Отвѣтъ ясенъ для каждаго: средство есть; оно въ томъ, чтобы до крайнихъ предѣловъ усилить зачетъ долга въ кредитныя учрежденія.

Итакъ, если правительство захочетъ дѣйствовать экономно, ему выгодно будетъ принять основанія такого рода:

Выпускъ возможно большаго количества кредитныхъ билетовъ (выпустить ихъ можно болѣе 162,500,000 р., нисколько не обременяя рынка; но мы возьмемъ только эту цифру). Зачетъ по выкупу всѣхъ долговъ въ кредитныя учрежденія. Мы полагаемъ, что это составило бы до 450 милл. А если бы зачетъ долговъ кредитнымъ учрежденіямъ не достигъ этой цифры, то слѣдуетъ на недостающіе до нея милліоны (которые во всякомъ случаѣ не превышаютъ количества нѣсколькихъ десятковъ) разрѣшить переносъ на счетъ государства нѣкотораго количества

*) Онъ поглощаетъ своими процентами лишнихъ 28 коп. на рубль, между тѣмъ какъ облигаціи берутъ $7^1/_2$ коп. (безъ усиленія средствъ платежа) или даже только 5 коп. (при усиленіи средствъ), а долгъ по кредитнымъ учрежденіямъ 16 коп. (безъ усиленія средствъ) или только 9 коп. (при усиленіи средствъ).

частныхъ долговъ по помѣстьямъ, до наполненія суммы 450 милліоновъ. Такой переносъ, производимый по соглашенію кредитора и должника, былъ бы выгоденъ для обоихъ, и всѣ разсчетливые люди воспользовались бы съ радостью этимъ средствомъ. Должникъ избавлялся бы отъ уплаты тяжелыхъ процентовъ, а кредиторъ, который отчаявался въ возвращеніи своего капитала, вѣрно и быстро получалъ бы уплату. На остальную сумму (200 милліоновъ) выдаются облигаціи. Иностраннаго займа не нужно.

По этимъ основаніямъ, безъ усиленія выкупныхъ средствъ изъ другихъ доходовъ, т. е. при оставленіи выкупной кассѣ только 50 милл. р. въ годъ, выкупная операція имѣла бы такой видъ:

Выкупъ облигацій (200 милл.) производится въ первыя 16 третей тиражами по 8 милл., далѣе тиражами по 9 милл. и оканчивается въ 24 тиража (8 лѣтъ). Всего расходуется: на проценты 25,640,000 р., а съ уплатою капитала 225,640,000 р.

Погашеніе долга, перенесеннаго кредитными учрежденіями на счетъ государства, производится въ первыя 15 третей (5 лѣтъ) выкупомъ по 5 милл.; далѣе 9 третей (3 лѣтъ) по 6 милл., послѣ 24 трети (съ 9 года), когда облигаціи уже всѣ выкуплены, выкупныя средства идутъ уже исключительно на долгъ по кредитнымъ учрежденіямъ, и вносится на выкупъ по 16 милліоновъ въ треть до 43 трети (1-й трети 15-го года), т. е. въ теченіе 19 третей, и къ 44 трети остается только 17 милл., которые и выкупаются. Всего расходуется на проценты 63,820,000, а съ уплатою капитала 513,820,000 р.

Итогъ всѣхъ расходовъ по выкупной операціи:

По облигаціямъ	225,640,000
„ долгу въ кредитныя учрежденія	513,820,000
Выпускъ кредитныхъ билетовъ	162,500,000
Всего	901,960,000

Изъ этого видимъ, что если бы правительство даже не нашло возможнымъ усилить выкупныя средства, то, благодаря экономичности основаній для уплаты, оно пріобрѣтало бы сбереженія надъ прежнею комбинаціею съ соотвѣтственнымъ размѣромъ выкупныхъ средствъ около 24 милл.

Но если бы нашлась возможность усилить выкупныя средства до 75 милл., экономія была бы гораздо значительнѣе. Тогда:

Облигаціи выкупались бы тиражами по 15 милл. въ первыя 12 третей и по 10 милл. въ слѣдующія двѣ (13 и 14) трети. Ихъ выкупъ кончался бы въ 4 года и 8 мѣсяцевъ. На проценты израсходовалось бы 14,400,000 р.; всего съ уплатою капитала 214,400,000 р.

Долгъ по кредитнымъ учрежденіямъ выкупался бы въ первыя 14 третей взносами по 8 милл., въ 15-ю треть взносомъ 18 милл. Далѣе взносилось бы по 24 милл., до 28-й трети включительно. Затѣмъ осталось бы только 8 милл. капитала, которые и уплачивались бы въ 29-ю треть. Весь выкупъ занялъ бы 9 лѣтъ и 8 мѣсяцевъ. На проценты израсходовалось бы 31,030,000 р., всего съ уплатою капитала 481,030,000 р.

Итогъ всѣхъ расходовъ по выкупной операціи:

По облигаціямъ.	214,400,000 р.
„ долгу въ кредитныя учрежденія.	481,030,000 „
Выпускъ кредитныхъ билетовъ	162,500,000 „
Всего	857,930,000 р.

Слѣдовательно экономія надъ выгоднѣйшею изъ всѣхъ другихъ комбинацій была бы болѣе 32 милліоновъ рублей.

Ограничивается ли этимъ экономія въ расходахъ, которая можетъ быть сохранена государству веденіемъ выкупной операціи сильнымъ, рѣшительнымъ образомъ?

Мы принимали выпускъ кредитныхъ билетовъ только въ $162^1/_2$ милліона: мы ограничивали его этою цифрою, чтобы отвратить сомнѣніе въ его возможности и у самыхъ закоснѣлыхъ рутинистовъ. Безопасность такого выпуска доказывается примѣромъ 1856 года, когда было выпущено кредитныхъ билетовъ на цифру гораздо бо́льшую.

Но человѣкъ, соображающій смыслъ словъ, которыя читаетъ въ книгахъ, легко замѣтитъ, что предостереженіе противъ выпуска бумажныхъ денегъ большими суммами, встрѣчаемое у экономистовъ и совершенно справедливое по отношенію къ обыкновеннымъ предметамъ расходованія этихъ огромныхъ выпусковъ, едва ли примѣняется къ настоящему случаю. Большія количества бумажныхъ денегъ почти всегда выпускались въ европейскихъ государствахъ за тѣмъ, чтобы получить средства на войну, на дипломатическія и придворныя издержки и другіе предметы непроизводительнаго расхода. Въ этихъ дѣлахъ и расходованіе звонкой монеты не лучше выпуска кредитныхъ билетовъ дѣйствуетъ на народное хозяйство и потомъ на государственные финансы. И тогда, когда бумажныхъ денегъ не существовало, и тамъ, гдѣ ихъ до сихъ поръ нѣтъ, война и расточительность точно также разоряли народъ, а слѣдствіемъ разоренія, все равно, была чрезмѣрная дороговизна однихъ предметовъ, чрезмѣрный упадокъ цѣны другихъ, разстройство промышленности, упадокъ торговли, коммерческіе кризисы, потрясеніе промышленнаго, торговаго и потомъ государственнаго кредита, оскудѣніе государственныхъ доходовъ. Бумажныя деньги бываютъ не причиною этихъ бѣдствій,—нѣтъ, онѣ бываютъ сами вмѣстѣ съ этими бѣдствіями только результатомъ основного зла, ихъ обыкновенно порождающаго,—только симптомомъ болѣзни, корень которой кроется не въ нихъ, а гораздо глубже. Смыслъ предостереженій противъ громаднаго выпуска бумажныхъ денегъ въ сущности таковъ: берегитесь войны и расточительности. Въ этомъ нельзя не сочувствовать вполнѣ благимъ совѣтамъ экономистовъ. Бережливость въ расходахъ первѣйшее, необходимѣйшее условіе государственнаго благосостоянія. Какими бы средствами ни прикрывались отступленія отъ бережливости—возвышеніемъ ли налоговъ, займами ли, бумажными ли деньгами,—всѣ эти средства бываютъ равно дурными въ такихъ случаяхъ, потому что служатъ для дурной цѣли.

Но бываютъ случаи исключительные, когда государству вдругъ нужны громадныя деньги, не для прихоти честолюбія или роскоши, а для дѣлъ, требуемыхъ совѣстью, здравымъ смысломъ и разсчетливостью. Въ такихъ случаяхъ разсчетли-

вость требуетъ не скряжничества.—оно только помѣшало бы надлежащему успѣху дѣла.—нѣтъ, оно требуетъ рѣшительнаго, безбоязненнаго употребленія всей суммы, нужной на честное и выгодное дѣло. Моралисты и экономисты совершенно правы, когда предостерегаютъ меня отъ выдачи векселей на удовлетвореніе какимъ-нибудь моимъ прихотямъ; впрочемъ, расходованіе наличной звонкой монеты на эти вещи также невыгодно. Но осудятъ ли они меня, когда я даю вексель на очень выгодныхъ условіяхъ и единственно за тѣмъ, чтобы полученныя чрезъ него средства употребить на честное и очень выгодное коммерческое дѣло, прибыль отъ котораго несомнѣнна?

Съ бумажными деньгами бываетъ обыкновенно то же самое, что часто случается съ векселями, служащими не для однихъ коммерческихъ оборотовъ, но и для мотовства. Но осуждая мотовство, слѣдуетъ ли осуждать и въ хорошихъ коммерческихъ дѣлахъ употребленіе векселей въ томъ количествѣ, какое требуется сущностью дѣлъ?

Экономія, строжайшая экономія! Каждый рубль бумажныхъ денегъ, выпущенный на расходы непроизводительные, долженъ возбуждать сильнѣйшее безпокойство, глубочайшую горесть, потому что онъ симптомъ дурного веденія хозяйства. Но когда, въ противность обыкновеннымъ случаямъ, понадобились государству вдругъ огромныя суммы на чрезвычайное, вѣковое дѣло, — на такое дѣло, подобныхъ которому, даже со стороны необыкновенной финансовой выгодности для государства, не бывало и не будетъ, — тогда не бойтесь бумажныхъ денегъ, выпускайте ихъ не колеблясь полную сумму, какая только нужна, разумѣется, по строгому разсчету въ размѣрѣ надобности. Не платите 200 руб. за то, что не стоитъ больше 75,—это было бы расточительностью, слѣдовательно вредомъ для народнаго хозяйства: но если дѣйствительно нужны 75 руб., не колеблясь давайте вексель, не колеблясь выпускайте бумажныя деньги на всю сумму, какая дѣйствительно нужна для благороднаго и выгоднаго дѣла.

Мы увѣрены, что на всѣ тѣ 362,500,000 руб., которые останутся къ уплатѣ за вычетомъ 450,000,000 долга, перенесенныхъ кредитными учрежденіями съ помѣщиковъ на государство, что на всѣ эти 362,500,000 руб. можно было бы совершенно безопасно выпустить кредитные билеты; мы увѣрены, что вся эта масса ихъ менѣе повредила бы цѣнѣ бумажныхъ денегъ и кредиту, нежели одна десятирублевая бумажка, выпущенная на войну или другой непроизводительный расходъ.

Тогда производство выкупной операціи было бы произведено дѣйствительно съ полнымъ приложеніемъ здравыхъ началъ государственнаго хозяйства, способомъ самымъ бережливымъ. Тутъ экономія расходовъ была бы такъ велика, лишнихъ денегъ на проценты истрачивалось бы такъ мало, что не нужно было бы и желать того усиленія выкупныхъ средствъ заимствованіями изъ другихъ государственныхъ доходовъ, которое, при всѣхъ другихъ комбинаціяхъ выкупа, представлялось намъ большою выгодою.

Въ самомъ дѣлѣ, если бы за основаніе выкупной операціи былъ принятъ выпускъ 362,500,000 кредитныхъ билетовъ, при зачетѣ за выкупъ 450,000,000 долга въ кредитныя учрежденія, тогда, при средствахъ доставляемыхъ одними выкупными источниками (50,000,000 руб.), безъ всякихъ пожертвованій со стороны государства, весь долгъ, перенесенный кредитными учрежденіями на счетъ государства, погашался бы въ 9,674 лѣтъ, и все погашеніе потребовало бы

483,700,000 руб: а если бы выкупныя средства усилены были до 75,000,000, операція оканчивалась бы въ 6,292 лѣтъ и требовала бы 471,900,000 руб. Такимъ образомъ отъ усиленія выкупныхъ средствъ цѣлыми 25,000,000 руб. въ годъ, операція сокращалась бы только на 11,800,000 руб.,—результатъ почти въ четыре раза меньше выгоды, получаемой вслѣдствіе подобнаго усиленія при другихъ системахъ выкупа, гдѣ сокращеніе простиралось до 40,000,000 руб. Эта разница показываетъ, что и безъ усиленія выкупныхъ средствъ проценты уже не составляютъ при послѣдней комбинаціи значительнаго обремененія. Въ самомъ дѣлѣ уплатить 483,7 за капиталъ 450 составляетъ лишнюю уплату за проценты всего только $7^1/_2$ коп. на рубль.

Эта чрезвычайно выгодная комбинація, не представляющая рѣшительно ни малѣйшей надобности ни въ какихъ усиліяхъ со стороны казны, требуетъ строжайшей экономіи въ государственномъ хозяйствѣ. Только въ томъ случаѣ, если не будетъ выпуска бумажныхъ денегъ на расходы непроизводительные, если на рынкѣ будетъ господствовать совершенная увѣренность въ томъ,—выпускъ громадной массы бумажныхъ денегъ на расходъ производительный ни мало не поколеблетъ рынка.

Но какъ ни выгоденъ этотъ планъ, мы не отваживаемся думать о его исполненіи, потому что, кромѣ всѣхъ другихъ затрудненій, онъ встрѣтитъ слишкомъ сильное неодобреніе со стороны рутинистовъ, непризнающихъ разницы между выпускомъ бумажныхъ денегъ на расходы производительные и выпускомъ ихъ на расходы непроизводительные. Опасаясь такихъ затрудненій, мы считаемъ практичными только предшествующія комбинаціи: онѣ, хотя менѣе выгодны, за то представляются болѣе вѣрными, не могутъ возбуждать противъ себя слишкомъ сильныхъ сомнѣній и потому, не настаивая на практическомъ осуществленіи комбинаціи самой раціональной по теоріи, мы представляемъ другія, совершенно практичныя комбинаціи, для легчайшаго обозрѣнія результатовъ ихъ, въ слѣдующей краткой таблицѣ, цифры которой означаютъ милліоны рублей.

Сравнительная таблица выгодъ, представляемыхъ государственной казнѣ различными системами выкупной операціи.

Основаніе системы.	Правительство даетъ на усиленіе выкупныхъ средствъ.			Итого всѣхъ расходовъ на выкупную операцію.	Въ теченіе первыхъ 27 лѣтъ отъ начала выкупной операціи, за покрытіемъ всѣхъ расходовъ, у казны остается чистой прибыли отъ освобожденія крестьянъ.	Сравнительно съ системою безучастія правительства, участіе въ ней даетъ правительству выгоды.
	Единовременнымъ выпускомъ вновь кредитныхъ билетовъ.	Замѣстованіями изъ государственныхъ доходовъ или (хотя отчасти) постепеннымъ выпускомъ кредитныхъ билетовъ.				
		въ годъ по	Итого.			
Выкупныя средства. Подать (съ души или съ земли) на освобожденныхъ крестьянъ, въ размѣрѣ равномъ съ податью государственныхъ крестьянъ. Подать съ дворянскихъ земель въ три раза болѣе легкая, нежели съ крестьянскихъ. То и другое вмѣстѣ даютъ не менѣе 48,750,000 р. въ годъ, а вѣроятно болѣе. Разсчетъ сдѣланъ на 48,750,000 р. въ годъ.						
1) Государство не принимаетъ участія въ выкупѣ: онъ производится исключительно выкупными средствами	—	—	—	21135	183,7	—
2) Государство принимаетъ на себя одну пятую часть выкупа. Выпускъ 75 милл. кр. билетовъ, зачетъ 100 милл. за долги по кредитнымъ учрежденіямъ . . .	75	11¼	107,3	995,9	320,3	136,6
3) Государство принимаетъ третью часть выкупа. Выпускъ кр. бил. на 122,5 м., зачетъ 50 м.	122,5	11¼	152,3	950,0	366,2	182,5
4) Государство принимаетъ половину выкупа. Выпускъ кр. бил. 162,5 м., зачетъ 250 м.	162,5	11¼	106.7	929,1	387,1	203,4
5) Государство принимаетъ на себя весь выкупъ. Выпускъ кред. бил. на 162,5 милл., зачетъ долговъ на 400 милл., иностранный заемъ въ 100 м., нѣтъ усиленія выкупныхъ средствъ .	162,5	1¼	20	925,4	390,8	207,1
6) Основанія тѣже; но выкупныя средства усиливаются	162,5	26	245	890,8	425,6	241.9
7) Государство также принимаетъ весь выкупъ на себя. Но долговъ зачисляется на 450 м., займа не нужно; выкупныя средства не усиливаются	162,5	1¼	19	902	414,2	230,5
8) Основанія тѣже; но выкупныя средства усиливаются	162,5	26	247	857,9	458,4	274,6

IV.

Заботьтесь прежде всего о справедливости, и все остальное прійдетъ къ вамъ само собою.

Слова, сказанныя нѣкогда устами, дававшими много хорошихъ совѣтовъ.

„Вмѣсто одного плана, цѣлыхъ восемь! Вмѣсто того, чтобы затрудняться открытіемъ хотя одного способа къ легкому и быстрому выкупу, вы затрудняете читателя колебаніемъ между множествомъ способовъ, которые, по вашему мнѣнію, всѣ легки и удобны“,—скажутъ намъ. „Неужели вы сами не предпочитаете ни одной комбинаціи всѣмъ прочимъ? А если предпочитаете, то почему не ограничились изложеніемъ ея одной?“—спросятъ насъ.

Почему не ограничились мы изложеніемъ одной только той системы, которую предпочитаемъ другимъ,—отвѣтъ на это уже данъ послѣдними строками предъидущаго отдѣла. Мы не знаемъ ни намѣреній правительства, ни средствъ его, потому не можемъ сказать, какая система удобнѣе для него при данныхъ финансовыхъ обстоятельствахъ, и хотимъ только показать, что каковы бы ни были обстоятельства, выкупъ все-таки не затруднителенъ при томъ размѣрѣ, какой допускается нами, т. е. въ размѣрѣ, среднимъ числомъ, 75 р. на душу. О томъ, какъ близко за границами этой крайней цифры возникаетъ затруднительность его, о томъ, какъ невысокъ надъ этою цифрою предѣлъ, при которомъ затруднительность обращается уже въ невозможность, читатель легко сообразитъ, припомнивъ нашу статью: „О необходимости держаться возможно умѣренныхъ цѣнъ“. Мы показывали тамъ цифрами, что при разсроченной уплатѣ каждый лишній рубль прибавки къ капиталу увеличиваетъ десятками рублей массу процентовъ, подъ которыми безъ пользы для кредиторовъ изнемогаетъ должникъ.

Въ самомъ дѣлѣ, сдѣлаемъ напримѣръ опытъ разсчитать выкупную операцію по первой системѣ (безъ всякаго участія государства, исключительно выкупными средствами) при величинахъ выкупа въ 100, 125 и 150 руб. на душу.

Размѣры выкупа на душу.	Итогъ выкупной суммы въ милліонахъ р.	Число лѣтъ нужное для выкупа.	Количество денегъ, которое сойдетъ на уплату выкупной суммы въ милліонахъ р.
75 р.	812	23,37	1,132
100 „	1083	73,5	3,583
125 „	1355	119,7	5,835
150 „	1624	493,37	24,050

Не ясно ли изъ этой таблицы, что средства, совершенно достаточныя для выкупа въ 75 руб. на душу, становятся уже совершенно неудовлетворительными при выкупѣ въ 100 руб., и для кредиторовъ, которымъ пришлось бы ждать слишкомъ втрое дольше, и для должниковъ, которымъ пришлось бы переплатить также втрое больше? Растянуть выкупъ облигацій на 70 лѣтъ, значило бы со-

вершенно уронить ихъ цѣну при 3%: чтобы поддержать цѣну облигацій, нужно было бы тогда разсчитывать уже не на шансы тиража, а единственно на доходъ, доставляемый ихъ процентомъ, и оказалось бы нужнымъ возвысить ихъ процентъ по крайней мѣрѣ до 5, а когда процентъ возвысился бы до 5, то всѣхъ выкупныхъ средствъ не достало бы на уплату однихъ процентовъ, и тогда весь планъ выкупа разлетѣлся бы впрахъ. Еще нелѣпѣе представляется несоразмѣрность выкупа въ 125 руб., при которомъ операція растягивается уже слишкомъ на цѣлое столѣтіе; а совершенной ироніею ариѳметики представляется разсчетъ выкупа въ 150 руб., при которомъ операція растянулась бы чуть не на 500 лѣтъ, а должники принуждены были бы за капиталъ въ 1,624,000,000 заплатить слишкомъ 24,000 милліоновъ, т. е. на каждомъ рублѣ капитала уплатить еще по 13 руб. 80 коп. процентовъ.

Подобнымъ превращеніямъ подвергаются при увеличеніи выкупнаго капитала и всѣ остальныя системы. Та, которая была легка при 75 рубляхъ, становится очень затруднительна при 100 руб., невозможна при 125 и обращается въ насмѣшку надъ человѣческимъ смысломъ при 150 рубляхъ. При такихъ оцѣнкахъ нужны совершенно другіе размѣры выкупныхъ средствъ, — размѣры раззорительные для крестьянъ, изнурительные для государства, — нужны совершенно иныя комбинаціи выкупнаго оборота, комбинаціи тягостныя для помѣщиковъ, тяжелыя для государственнаго кредита.

Да и чего иного можетъ ожидать читатель, знакомый съ разсчетами банковыхъ операцій, или по крайней мѣрѣ пробѣжавшій нашу статью: „О необходимости умѣренныхъ цѣнъ“? Будьте вы человѣкомъ богатымъ, но если вамъ придется платить за каждую вещь въ полтора раза дороже дѣйствительной цѣны ея, вы скоро почувствуете недостатокъ въ деньгахъ; а попробуйте поднять еще излишнюю переплату денегъ, и вы немедленно увидите себя раззореннымъ. Да и это еще ничего, если вы платите наличными деньгами; а попробуйте-ка подписывать векселя съ накладкою рубля на рубль къ дѣйствительной суммѣ и, получая 1000 руб., выдавать вексель на 2000 руб., — будьте вы богаты, какъ Ротшильдъ, скоро продадутъ съ аукціона имущество ваше все до послѣдняго перстня съ руки, и вы увидите себя въ тюрьмѣ. А тутъ съ кого будутъ идти деньги? Съ мужиковъ, у которыхъ и безъ того не слишкомъ много денегъ. Вѣдь мы, положивъ 75 руб. выкупа, уже увеличили его на цѣлую половину противъ самой высокой оцѣнки, какую только можно сдѣлать, натягивая всѣ пропорціи къ ея повышенію: удивительно ли, что послѣ увеличенія еще и этой оцѣнки на цѣлую половину, мы достигли очень близко къ тому предѣлу, за которымъ уже слѣдуетъ и практическая раззорительность и теоретическая нелѣпость.

Впрочемъ не было нужды намъ ни въ этихъ объясненіяхъ, ни въ ссылкѣ на прежнюю нашу статью: надобно было только повторить сказанное въ началѣ этой статьи о тѣхъ страшныхъ цифрахъ, которыми пугаютъ здравый смыслъ всѣ разсчеты выкупа, основанные на цифрахъ, значительно превышающихъ нашу. По этимъ счетамъ мужику приходилось бы платить въ теченіе 30 или 40 лѣтъ по освобожденіи гораздо больше, нежели онъ платитъ теперь: иначе сказать, — слова: „ты освобождаешься“ имѣли бы смыслъ: „ты раззоряешься, будутъ раззорены и твои дѣти, и развѣ при внучатахъ твоихъ начнетъ приходить въ порядокъ твое хозяйство“.

Совсѣмъ не то при нашей цифрѣ: съ нею выкупъ настолько легокъ, что безъ обремененія совершается при какой угодно системѣ выкупной операціи.

Только это и хотѣли мы показать, излагая множество различныхъ системъ. Мы говоримъ: „Онѣ всѣ возможны на практикѣ. Возьмите ту, которая сообразна съ вашими намѣреніями". Это еще не значитъ, чтобы въ нашемъ мнѣніи одна изъ нихъ не казалась рѣшительно лучше всѣхъ другихъ.

Какую же лично мы предпочитаемъ?—Развѣ и на это не служитъ уже отвѣтомъ все наше изложеніе? Развѣ не довольно взглянуть на сравнительную таблицу выгодъ, приносимыхъ государству разными системами, чтобы видѣть, какой изъ нихъ мы отдаемъ предпочтеніе?

За много страницъ передъ этимъ, начиная говорить о принятіи государствомъ на себя всей суммы выкупа, мы ставили два вопроса: возможно ли это? и справедливо ли это? Но изъ нихъ мы разсмотрѣли только одинъ—о возможности. Неужели забытъ нами второй—о справедливости? Теперь, когда мы нашли, что принять на себя весь выкупъ государству не только возможно, но и удобно; не только легко, но и выгодно; теперь мы припомнимъ нашъ второй вопросъ. Доказывать справедливость дѣла успѣшнѣе всего можно, доказавши сначала, что оно и легко, и выгодно.

Спрашивается, одни ли освобождаемые крестьяне выиграютъ отъ того, что уничтожается крѣпостное право? Нѣтъ, возродится отъ этого все государство, выиграютъ всѣ—отъ правительства до послѣдняго солдата, отъ финляндца, незнавшаго о крѣпостномъ правѣ между своихъ скалъ, до сибиряка, забывшаго о немъ между своихъ тундръ. Увеличатся государственные доходы, облегчится администрація, возникнетъ правосудіе, разовьется промышленность и торговля, пріобрѣтетъ небывалую доселѣ безопасность собственность и личность каждаго, смягчатся нравы, ослабѣютъ пороки, все государство и каждый человѣкъ въ государствѣ черезъ нѣсколько лѣтъ будетъ и богаче, и лучше, и счастливѣе, чѣмъ теперь. А кто выигрываетъ отъ какого-нибудь дѣла, тотъ долженъ платить и расходы по этому дѣлу. Выигрываетъ вся нація, слѣдовательно и расходы должна нести вся нація.

„Но крѣпостные крестьяне выигрываютъ больше всѣхъ, слѣдовательно они и должны платить, если не всю сумму, то, по крайней мѣрѣ, большую часть ея". Во-первыхъ, не такъ легко рѣшить, какое именно сословіе больше выигрываетъ отъ освобожденія крестьянъ. Объ этомъ нужно еще подумать. И если хорошенько вникнуть въ дѣло, то окажется, что больше всего выиграютъ сами помѣщики, потомъ купцы и промышленники. Увеличатся ли вдвое доходы крестьянъ черезъ 10 лѣтъ,—этого мы еще не знаемъ; но въ томъ, что каждый сколько-нибудь разсчетливый помѣщикъ черезъ 10 лѣтъ будетъ получать вдвое больше доходу, чѣмъ теперь,—нѣтъ никакого сомнѣнія. Во-вторыхъ, если и дѣйствительно освобождаемые крестьяне выигрывали бы больше всѣхъ сословій, то вѣдь и по нашему проэкту они одни даютъ правительству цѣлыхъ двѣ трети всѣхъ суммъ, на которыя совершается правительствомъ выкупъ. Кажется, эта степень участія очень достаточна. Принятіе правительствомъ на себя всей суммы выкупа вовсе не служитъ къ тому, чтобы снять съ освобождаемаго сословія главную массу приношеній на выкупную операцію: правительство только беретъ

въ свои руки эти суммы и служитъ посредникомъ. Этимъ посредничествомъ чрезвычайно облегчается и сокращается выкупная операція. Какъ же отказаться отъ посредничества, когда оно выгодно и для посредника, и для обѣихъ сторонъ, между которыми становится посредникъ? Но ясно ли, что справедливость въ этомъ случаѣ согласна съ выгодою самой казны?

Выгоды, получаемыя казной черезъ то, что она приметъ на себя совершеніе всей выкупной операціи,—огромны. Если правительство найдетъ возможнымъ усилить выкупныя средства, на каждый израсходованный рубль оно получитъ рубль выгоды въ теченіе первыхъ же 27 лѣтъ; если оно не найдетъ возможности дѣлать этихъ выгодныхъ затратъ, все-таки выгода ему будетъ огромная уже и отъ одного того, что оно употребитъ на облегченіе выкупной операціи силу своего кредита, не жертвуя ничѣмъ изъ собственныхъ доходовъ.

Но главнѣйшая выгода и для казны и для націи состоитъ не въ томъ, что расходы по выкупной операціи значительно сокращаются и въ казнѣ остается болѣе 200,000,000 руб. сбереженія отъ принятія правительствомъ всего выкупа на счетъ государства. Главная выгода состоитъ въ томъ, что, принимая всю операцію на счетъ государства, правительство развязываетъ себѣ руки для преобразованій финансовой системы. Мы уже говорили, что оба эти дѣла тѣсно связаны одно съ другимъ.

Эти соображенія заставляютъ насъ думать, что лучше всѣхъ другихъ практическихъ системъ та, которая занимаетъ два послѣднія мѣста въ нашей сравнительной таблицѣ. Повторимъ здѣсь ея основанія.

Производится выпускъ кредитныхъ билетовъ на 162,500,000 р. Возможность его доказана примѣрами прошлыхъ лѣтъ. Прибавимъ здѣсь, что подобный выпускъ на такое дѣло явился бы самымъ прочнымъ ручательствомъ за бережливость въ выпускахъ бумажныхъ денегъ на другіе расходы, менѣе производительные, явился бы сильнѣйшимъ ручательствомъ за твердое намѣреніе сохранять балансъ бюджета и, слѣдовательно, не понизилъ бы, а, напротивъ, возвысилъ бы государственный кредитъ.

Затѣмъ производится зачетъ долговъ по помѣстьямъ въ кредитныхъ учрежденіяхъ за приходящійся владѣльцамъ выкупъ, на сумму 450,000,000 руб. Если нужно, для пополненія этой цифры, допускается до предѣловъ ея перенесеніе частныхъ долговъ по помѣстьямъ, съ согласія кредитора и должника, на счетъ государства, черезъ посредство кредитныхъ учрежденій. Такого зачета желаютъ сами помѣщики, справедливо находя въ немъ двойную выгоду для себя: капиталъ выкупа, дающій только 3%, служитъ уплатою за капиталъ долга, по которому платятъ они 4 процен.,—въ этомъ одна выгода. Другая въ томъ, что посредствомъ зачета чрезвычайно ускоряется полученіе владѣльцами остальныхъ денегъ за выкупъ.

За выпускомъ кредитныхъ билетовъ и зачетомъ долга, на остальные 200,000,000 р. выкупной суммы выдаются облигаціи, приносящія три процента. Онѣ выкупаются третными тиражами, а еще лучше, если тиражами еще болѣе частыми, двухмѣсячными или даже ежемѣсячными.

Судя по пропорціи между облигаціями, зачетомъ и выпускомъ кредитныхъ билетовъ, надобно считать, что владѣльцы до 400 или даже до 500 душъ по-

лучатъ немедленно и сполна наличными деньгами всю часть выкупа, какая слѣдуетъ имъ послѣ зачета долга.

Итакъ, ждать нѣсколько времени удовлетворенія по своимъ облигаціямъ придется только немногимъ богатымъ людямъ,—и то очень недолго.

Срокъ выкупа облигацій и вообще продолженія выкупной операціи зависитъ отъ того,—найдетъ ли правительство удобнымъ усилить выкупныя средства заимствованіями изъ другихъ источниковъ дохода, или оставитъ выкупную операцію исключительному дѣйствію собственныхъ средствъ выкупа.

Если эти средства останутся безъ усиленія вспоможеніями изъ другихъ источниковъ, будучи только доведены небольшою прибавкою $1^1/_4$ милліона рублей въ годъ до круглой цифры 50 милліоновъ въ годъ, то выкупъ всѣхъ облигацій кончается въ 24 тиража или 8 лѣтъ, а выкупъ долга, перенесеннаго кредитными учрежденіями съ помѣстій на счетъ государства,—въ 14 лѣтъ и два мѣсяца. Выкупъ обѣихъ этихъ статей (всего 650 милл. капитала) съ уплатою по нимъ процентовъ 739,460,000 руб., а съ выпускомъ кредитныхъ билетовъ весь итогъ выкупной операціи простирается до 901,960,000 руб. Сравнительно съ выкупомъ на тѣ же средства, но безъ могущественныхъ облегченій, доставляемыхъ ему правительствомъ черезъ содѣйствіе государственнаго кредита, казна выигрываетъ болѣе 230 милліоновъ, безъ всякихъ денежныхъ усилій со стороны казны.

Если же правительство найдетъ возможность возвысить прибавкою собственныхъ средствъ ежегодный оборотъ выкупной операціи, напримѣръ, до 75 милл., казна черезъ это усиліе еще выиграетъ болѣе 44 милл рублей; при этомъ выкупъ облигацій весь кончается въ 14 тиражей или 4 года и 8 мѣсяцевъ, а выкупъ долга по кредитнымъ учрежденіямъ—въ 9 лѣтъ и 8 мѣсяцевъ.

Для лучшаго объясненія, прилагаемъ таблицы выкупа на принимаемыхъ нами основаніяхъ при томъ и другомъ размѣрѣ выкупныхъ средствъ. Вотъ краткій перечень этихъ основаній:

Таблицы выкупа въ 75 рублей на душу (812,500,000 р.), съ немедленною выдачею всей причитающейся суммы владѣльцамъ до 450 душъ и съ выкупомъ всѣхъ остальныхъ выкупныхъ облигацій въ 4 года и 8 мѣсяцевъ (по таблицѣ А) или въ 8 лѣтъ (по таблицѣ В), въ томъ и другомъ случаѣ безъ иностраннаго займа. Выкупъ покрывается выпускомъ на 162,500,000 р. кредитныхъ билетовъ, зачетомъ 450,000,000 р. помѣстнаго долга, переносимаго кредитными учрежденіями на счетъ государства (за этотъ долгъ правительство платитъ полтора процента кредитнымъ учрежденіямъ), и выпускомъ 3-хъ-процентныхъ выкупныхъ облигацій на 200,000,000 р. сер.

A.

Таблица выкупа съ усиленіемъ выкупныхъ средствъ до 75,000,000 р. посредствомъ прибавки изъ средствъ казны.

	Счетъ годамъ и третямъ года.	Долгъ въ кредитныя учрежденія: Проценты за треть на капиталъ, оставшійся къ началу трети (въ тысячахъ рублей).	Взносится на погашеніе капитала (въ милліонахъ).	Остается долга къ слѣдующей трети (въ милліонахъ).	Облигаціи: Проценты на оставшіяся отъ предъидущей трети облигаціи (въ тысячахъ руб.).	Посредствомъ тиража выкупается облигацій (въ милліонахъ).	Послѣ тиража остается не выкупленныхъ облигацій (въ милліонахъ).
1 и 2 годы.	1	2250	8	442	2000	15	185
	2	2210	8	434	1850	15	170
	3	2170	8	426	1700	15	155
	4	2130	8	418	1550	15	140
	5	2090	8	410	1400	15	125
	6	2050	8	402	1250	15	110
3 и 4 годы.	7	2010	8	394	1100	15	95
	8	1970	8	386	950	15	80
	9	1930	8	378	800	15	65
	10	1890	8	370	650	15	50
	11	1850	8	362	500	15	35
	12	1810	8	354	350	15	20
5 и 6 годы.	13	1770	8	346	200	10	10
	14	1730	8	338	100	10	—
	15	1690	18	320			
	16	1600	24	296			
	17	1480	24	272			
	18	1360	24	248			
7 и 8 годы.	19	1240	24	224			
	20	1120	24	200			
	21	1000	24	176			
	22	880	24	152			
	23	760	24	128			
	24	640	24	104			
9 и 10 годы.	25	520	24	80			
	26	400	24	56			
	27	280	24	32			
	28	160	24	8			
	29	40	8	—			
Итого		31030	450		14400	200	

Итого по обѣимъ статьямъ уплачено капитала 650,000,000 р., процентовъ 45,430,000 р., всего 695,430,000 р., а съ выпускомъ кредитныхъ билетовъ (162,500,000 р.) весь расходъ на выкупную операцію составитъ 857,930,000 р.

B.

Таблица выкупа, производимаго безъ всякихъ усилій со стороны правительства исключительно выкупными средствами, годичная сумма выкупныхъ средствъ принимается въ 50 милліоновъ рублей.

	Долгъ въ кредитныя учрежденія				Облигаціи.		
	Счетъ годамъ и третямъ года.	Проценты за треть на капиталъ, оставшійся къ началу трети (въ тысячахъ рублей).	Взносится на погашеніе капитала (въ милліонахъ).	Остается долга къ слѣдующей трети (въ милліонахъ).	Проценты на невыкупленныя отъ прошлой трети облигаціи (въ тысячахъ руб).	Выкупается посредствомъ тиража облигацій (въ милліонахъ).	Послѣ тиража остается невыкупленныхъ облигацій (въ милліонахъ).
1 и 2 годы.	1	2250	5	445	2000	8	192
	2	2225	5	440	1920	8	184
	3	2200	5	435	1840	8	176
	4	2175	5	430	1760	8	168
	5	2150	5	425	1680	8	160
	6	2125	5	420	1600	8	152
3 и 4 годы.	7	2100	5	415	1520	8	144
	8	2075	5	410	1440	8	136
	9	2050	5	405	1360	8	128
	10	2025	5	400	1280	8	120
	11	2000	5	395	1200	8	112
	12	1975	5	390	1120	8	104
5 и 6 годы.	13	1950	5	385	1040	8	96
	14	1925	5	380	960	8	88
	15	1900	5	375	880	8	80
	16	1875	6	369	800	8	72
	17	1845	6	363	720	9	63
	18	1815	6	357	630	9	54
7 и 8 годы.	19	1785	6	351	540	9	45
	20	1755	6	345	450	9	36
	21	1725	6	339	360	9	27
	22	1695	6	333	270	9	18
	23	1665	6	327	180	9	9
	24	1635	6	321	90	9	—
9 и 10 годы.	25	1605	16	305			
	26	1525	16	289			
	27	1445	16	273			
	28	1365	16	257			
	29	1285	16	241			
	30	1205	16	225			

	Счетъ годамъ и третямъ года.	Долгъ въ кредитныя учрежденія: Проценты за треть на капиталъ, оставшійся къ началу трети (въ тысячахъ рубл.)	Взносится на погашеніе капитала (въ милліонахъ).	Остается долга къ слѣдующей трети (въ милліонахъ).	Облигаціи: Проценты на невыкупленныя отъ прошлой трети облигаціи (въ тысячахъ руб.).	Выкупается посредствомъ тиража облигацій (въ милліонахъ).	Послѣ тиража остается невыкупленныхъ облигацій (въ милліонахъ).
11 и 12 годы.	31	1125	16	209			
	32	1045	16	193			
	33	965	16	177			
	34	885	16	161			
	35	805	16	145			
	36	725	16	129			
13 и 14 годы.	37	645	16	103			
	38	565	16	97			
	39	485	16	81			
	40	405	16	65			
	41	325	16	49			
	42	245	16	33			
15 г.	43	165	16	17			
	44	85	17	—			
Итого		63820	450		25640	200	

Итого по обѣимъ статьямъ уплачено капитала 650,000,000 р., процентовъ 89,460,000 р., а всего 739,460,000, а съ выпускомъ кредитныхъ билетовъ (162,500,000,) весь расходъ на выкупную операцію составитъ 901,960,000 р.

СВИСТОКЪ.

ВРЕДНАЯ ДОБРОДѢТЕЛЬ.

„Прочелъ я въ газетахъ, что ковенскіе мужики перестали пить водку. Я порадовался, да и отъ всѣхъ простыхъ людей, съ которыми обращеніе имѣю, слышалъ тоже: и купцы, и мѣщане, и ремесленники, всѣ, кто о ковенскихъ мужикахъ самъ въ газетахъ читалъ или отъ другихъ слышалъ, всѣ въ одинъ голосъ твердили: „хорошо, хорошо: дай Богъ, чтобы остались въ своей доброй мысли“. Я такъ и полагалъ, что иначе судить объ этомъ дѣлѣ нельзя. Что же вы думаете? Вотъ какое дѣло со мною было.

„Случился у насъ въ городѣ небольшой подрядъ: перекрыть кровлю на присутственныхъ мѣстахъ. Я этимъ ремесломъ промышляю. Пришелъ поторговаться. Человѣкъ неважный;—сказали мнѣ: а вотъ подождите, батюшка, часокъ другой: кончимъ свои дѣла, переговоримъ и съ вами. Отчего не подождать; обошлись со мной, однако, очень деликатно, велѣли даже подать стулъ: видно, что люди образованные, да и порядки нынѣ начинаютъ перемѣняться. Я присѣлъ. Они подписываютъ бумаги да между собой разговоръ ведутъ. Чего я тутъ не наслушался!— и все очень хорошо разсуждаютъ. Надобно злоупотребленія искоренять (и точно— подрядъ потомъ мнѣ отдали, ни копѣйкой сами не попользовавшись); гласность необходима; желѣзныхъ дорогъ надобно побольше проводить; объ освобожденіи крестьянъ очень много хорошаго говорили. О своихъ городскихъ дѣлахъ разсуждали тоже очень хорошо. Все такъ; но подвернись имъ на грѣхъ подъ языкъ ковенскіе крестьяне, тутъ мнѣ какъ-то страшно стало ихъ слушать: это, говорятъ, вопросъ очень щекотливый. Пьянство нашъ народъ разоряетъ,—спору нѣтъ, говорятъ:— но тутъ не о пьянствѣ дѣло идетъ: тутъ надобно принимать въ соображеніе государственный интересъ. Откуповъ одобрять нельзя, но вѣдь тутъ и не въ откупѣ дѣло: пусть его замѣнятъ казеннымъ акцизомъ. Но что же будетъ, если въ самомъ дѣлѣ народъ перестанетъ пить водку? Вѣдь винная регалія составляетъ самую главную часть государственнаго дохода. Государство пострадаетъ, если потребленіе водки уменьшится; притомъ ужь не новая ли секта это какая? Какъ можно допустить, чтобы мужикъ самъ собою бросилъ пить вино?—тутъ надобно предполагать какое-нибудь наущеніе. Это фанатизмъ“.

„Что вы думаете? нашелся изъ членовъ даже такой одинъ, что сталъ говорить: „этого нельзя позволить, противъ этого надобно мѣры принять; надобно отыскать виновныхъ и наказать, чтобы не заводили сектъ“.

„Съ этимъ не согласились другіе.—„Вы, говорятъ, одностороннимъ образомъ „смотрите на дѣло. Если бы только секта, это бы еще ничего. Но государственные „доходы уменьшаются,—это другое дѣло. Вотъ именно съ этой стороны и надобно „принять мѣры. Думать они пусть думаютъ, какъ хотятъ, но чтобы вреда госу„дарству отъ этого не было. Мѣры принять надобно, это такъ. Только не противъ „сектантовъ мѣры надобно принять, а противъ тѣхъ, которые цѣлыми селами и „уѣздами отказываются отъ употребленія водки, будь они сектанты или не сек„танты,—все равно“.

„Я, присмотрѣвшись къ членамъ и увидѣвъ, что они люди снисходительные, даже съ простымъ человѣкомъ грубо не обходятся и все такъ гуманно разсуждаютъ, осмѣлился въ ихъ разговоръ свое слово вставить: надѣялся, что не примутъ въ обиду. „Какъ же, говорю, мѣры будутъ принимать? не зазорно ли будетъ насильно людямъ водку въ ротъ лить? Кабы дурное что они дѣлали, можно власть употребить. А то за непитіе наказывать,—можно ли это?“

„Точно—не обидѣлись. Ласково мои слова приняли, однако не согласились.

„Вы, говорятъ, совершенно ошибаетесь. Мы никакъ не полагаемъ, чтобы „именно за непитіе, по вашимъ словамъ, наказывать. Наказаніе не за то должно „быть, а за безпорядки. Этого не можетъ быть, чтобы нельзя было тутъ безпоряд„ковъ найти“.

— „Какъ же, говорю я, вы безпорядки найдете? Безпорядки больше въ „хмѣлю дѣлаются. Безъ пьянства смертоубійствъ не будетъ, потому что драки „въ хмѣлю происходятъ. Когда пьяницъ не будетъ, ни воровъ, ни грабителей не будетъ“.

„Это вы опять не то говорите, отвѣчаютъ мнѣ. Вы говорите о преступленіяхъ, а мы говоримъ о безпорядкахъ. Преступленія уголовная палата судитъ: ей точно дѣла меньше будетъ. А безпорядковъ нечего до уголовнаго суда доводить. За безпорядками должна полицейская власть смотрѣть. Она сама съ ними управится. Зачѣмъ уголовное наказаніе? Исправникъ отечески посѣчетъ—и того довольно“.

— „Да за что же онъ посѣчетъ?“ я спрашиваю.

„Какъ за что? за безпорядки, вамъ говорятъ“.

— „Да за какіе же безпорядки?“ я все-таки пристаю.

„Какъ за какіе? за всякіе, говорятъ: это ужь его дѣло безпорядки открыть. Земская полиція всегда можетъ безпорядки открыть, если захочетъ. Вотъ, напримѣръ, недоимку найди хоть маленькую,—и взыскивай. Опять посмотри: дороги исправны ли,—и тоже взыщи. Да мало ли какихъ случаевъ въ уѣздѣ бываетъ? Цаловальникъ пожалуется, что его обижаютъ, житья ему не даютъ,—изслѣдуй и взыщи. Неповиновеніе властямъ открой. Собери мужиковъ, да тутъ же при нихъ, кто побойчѣе,—стало быть непокорнѣе,—и накажи. Они съ дуру еще ропотъ подымутъ, станутъ говорить, что невиннаго наказывать хотите,—ну тогда и скажи: это что? ропотъ противъ начальства? Неповиновеніе? бунтъ? такъ вы бунтовать хотите? Стало быть всѣ кругомъ ужь и есть виноваты. Ну и накажи, чтобы безпорядковъ не было“.

— „Вотъ, господа, говорю я:—какъ вы умно да доброжелательно обо всемъ

другомъ говорили. А теперь—гдѣ же у васъ справедливость? Можно ли такъ разсуждать, чтобы безпорядки находить, гдѣ ихъ вовсе нѣтъ?"

„Позвольте, батюшка! они мнѣ говорятъ:—вы этого дѣла не понимаете. Какъ же возможно государству своего главнаго дохода лишиться? Этому быть нельзя. Что же будетъ, если откупъ лопнетъ? Вѣдь это казнѣ убытокъ. Мы о томъ собственно и говоримъ. Государство не можетъ потерпѣть, чтобы невѣжественный фанатизмъ отнималъ у него доходы".

„Такъ я съ ними и сговорить не могъ. Разумѣется и противорѣчить-то сильно я не осмѣливался, чтобы ихъ не разсердить: вѣдь у меня до нихъ дѣло было. Пожалуй и подряда бы мнѣ не отдали.

„Неужели въ самомъ дѣлѣ образованные люди могутъ такихъ вещей не понимать, которыя и намъ извѣстны, хоть мы на мѣдные гроши учились? Какое же тутъ можетъ быть обѣднѣніе государству, когда народъ въ уѣздѣ или въ цѣлой губерніи перестаетъ пить вино, отъ котораго разорялся? Развѣ отъ бѣдности мужиковъ казна можетъ богатѣть? Помѣщикъ хорошій, и тотъ знаетъ, что съ разореннаго помѣстья немного возьмешь; и тотъ заботится, чтобы у него мужики были зажиточнѣе, потому что онъ самъ черезъ это богаче будетъ. Умный помѣщикъ въ нашихъ губерніяхъ ни за какія деньги не соглашался, чтобы у него въ селѣ кабакъ поставили. А если отъ села больше доходовъ бываетъ, когда въ немъ кабака нѣтъ, стало быть и съ уѣзда доходовъ больше будетъ, и съ губерніи тоже, если въ уѣздѣ или въ цѣлой губерніи перестанутъ пить вино. Цѣлая губернія хочетъ отстать отъ вина,—дай Богъ, чтобы такъ и было: дай Богъ, чтобъ и другія губерніи по ея примѣру пошли. По нашему такъ.

„Говорилъ я потомъ объ этомъ еще не разъ съ разными образованными господами. Есть такіе, что тоже по нашему говорятъ, а другіе тоже гнутъ, что я отъ членовъ слышалъ въ присутствіи. Неужели по господскому, по образованному, не то выходитъ, что по нашему?

„Отчего это въ журналахъ о ковенскомъ дѣлѣ мало пишутъ? Хоть бы они намъ сказали, какъ съ тѣми образованными господами сговорить, которые пустое объ этомъ дѣлѣ толкуютъ? Что они пустое толкуютъ, это и простому человѣку видно, а какъ имъ растолковать, что государству отъ ковенскихъ мужиковъ убытка не будетъ,—вотъ этого-то растолковать имъ и не умѣешь".

Мы получили это письмо съ подписью „Тихвинскій купеческій сынъ Бадейкинъ".

Оно обязываетъ насъ сказать нѣсколько словъ.

Мы до сихъ поръ молчали о ковенскомъ дѣлѣ, потому что не получали о немъ разсказовъ болѣе подробныхъ, нежели какіе помѣщены были въ газетахъ. Объяснять же самый фактъ мы считали ненужнымъ. Мы, признаемся, и не предполагали, чтобы кому-нибудь нужно было объясненіе: хорошо ли сдѣлали ковенскіе поселяне, переставъ пить водку, и выгодно ли для государства ихъ намѣреніе. Намъ казалось, что никому и въ голову не можетъ придти сомнѣніе объ этомъ. Мы думаемъ, что молчаніе другихъ журналовъ объясняется тѣмъ же мнѣніемъ. Письмо г. Бадейкина рузрушаетъ его. Оно открываетъ передъ нами фактъ невѣроятный: люди, называющіеся просвѣщенными, разсуждающіе о желѣзныхъ доро-

гахъ, объ освобожденіи крестьянъ, объ искорененіи злоупотребленій и даже не берущіе взятокъ съ подрядчика, и даже предлагающіе купцу, какъ видно, очень небогатому, стулъ въ комнатѣ присутствія,—эти люди, усвоившіе себѣ лоскъ образованности, даже форму гуманности, не совѣстятся имѣть тѣ страшныя мысли, тѣ гнусныя понятія, которыя записаны ихъ простодушнымъ слушателемъ! Да и то сказать: какъ имъ совѣститься подобныхъ мыслей? Они очевидно ничего не смыслятъ въ дѣлахъ, о которыхъ разсуждаютъ. Съ чужого голоса они могутъ говорить о пользѣ желѣзныхъ дорогъ, о необходимости освобожденія крестьянъ, — вѣдь объ этомъ нынѣ и глухой слышитъ на каждомъ шагу. Но ясно, что ихъ голова осталась неразвита, что все въ этой головѣ, кромѣ навѣяннаго вѣтромъ, все дико и тупо. Они могутъ быть прекрасные люди по сердцу, но они дурно воспитаны, они слишкомъ мало учились.

Неужели въ самомъ дѣлѣ надобно оправдывать ковенскихъ мужиковъ? Неужели надобно доказывать, что они имѣютъ полное право не пить водку? Неужели надобно доказывать, что этимъ геройскимъ рѣшеніемъ, до котораго могъ довести ихъ только слишкомъ тяжелый опытъ, они приносятъ пользу государству и честь русской націи передъ Европой?

Мы не враги употребленія водки простымъ народомъ, мы думаемъ, что умѣренное употребленіе ея даже полезно въ нашихъ климатахъ; но надобно знать, кто пьетъ, какъ пьетъ, почемъ пьетъ и что пьетъ?

Если зажиточный мужикъ, имѣющій теплую избу, теплую одежду, сытный столъ и нѣсколько лишнихъ рублей въ карманѣ, выпиваетъ каждый день передъ обѣдомъ по стакану водки,—съ Богомъ: ему это здорово, и пьетъ онъ на деньги, которыми имѣетъ право располагать. За этотъ стаканъ не могутъ упрекнуть его жена и дѣти. Но таковъ ли ковенскій мужикъ и таковъ ли не только ковенскій, но и какой бы то ни было мужикъ? Гдѣ у него лишнія деньги? Остается ли у него хоть одна копѣйка, отчета въ растратѣ которой не должна была бы потребовать у него семья, живущая въ плохой избенкѣ, едва прикрытая рубищемъ, подобно ему,—питающаяся, подобно ему, по выраженію г. Шевырева, „скудною и неудобоваримою пищею“. Бѣднякъ дѣлаетъ дурно, когда тратитъ деньги на что нибудь, кромѣ улучшенія быта своей семьи.

И какъ онъ пьетъ! Развѣ такъ, какъ мы съ вами, читатель, столовое вино? Нѣтъ, онъ пьетъ, когда дорвется къ вину, до безчувствія. Питье водки у бѣдняка всегда бываетъ пьянствомъ.

И почемъ онъ покупаетъ водку? и какую водку продаютъ ему? объ этомъ нечего и говорить.

Или въ самомъ дѣлѣ надобно доказывать, что никому, кромѣ идіота не можетъ придти въ голову видѣть сектантство въ томъ, когда разоренные бѣдняки видѣли необходимость исправиться отъ порока, ихъ разорявшаго? Или надобно говорить о томъ, выигрываетъ ли государство или, пожалуй, казна, когда бѣднякъ отказывается отъ единственнаго наслажденія, чтобы поправить свои дѣла? Развѣ трудно разсудить, что каждый рубль, который получается отъ водки, разоряющей народъ,—что каждый такой рубль отзывается десятью рублями недочета въ другихъ податяхъ и сборахъ? Въ Россіи больше населенія, нежели въ Англіи и Франціи взятыхъ вмѣстѣ; пространство плодородной и населенной земли, служащей главнымъ источникомъ богатства, по крайней мѣрѣ, въ пять разъ больше. Получаетъ

ли русская казна хотя двѣ трети того дохода, какой получаетъ одна французская или одна англійская? Нѣтъ, и того далеко не получаетъ. Отчего же это? Какъ отчего? Много ли вы возьмете съ бѣднаго народа? А въ чемъ одна изъ главныхъ причинъ бѣдности народа? Въ водкѣ. Кажется, разсчетъ ясенъ? Пусть водка доставитъ вдвое меньше дохода; за то мы отпустимъ за границу вдвое больше товаровъ, потому что меньше ихъ пропьемъ и больше наработаемъ. Въ замѣнъ за эти товары мы купимъ вдвое больше заграничныхъ, и одна прибыль въ таможенныхъ пошлинахъ — съ двойнымъ, съ тройнымъ избыткомъ покроетъ недочетъ виннаго сбора; и кромѣ того, въ податяхъ будетъ меньше недоимокъ, промышленные сборы станутъ давать гораздо больше прежняго и стало быть, если уже думать о государственныхъ доходахъ, то надобно благодарить ковенскихъ мужиковъ за то, что они приняли рѣшеніе, отъ котораго надобно ожидать такого же поправленія нашему бюджету, какъ и ихъ домашнему хозяйству.

Но, Боже мой! Какая сила самоотверженія нужна была этимъ бѣднякамъ, чтобы отказаться отъ чарки водки, этой единственной, гибельной, разорительной, но единственной отрады въ ихъ несчастной жизни! Вотъ ужъ почти цѣлый вѣкъ образованный міръ на всѣхъ языкахъ превозноситъ силу самоотверженія Сѣверо-Американцевъ, отказавшихся отъ употребленія чаю. Но что за важность отказаться отъ чаю зажиточному человѣку? Развѣ не замѣнитъ онъ двадцатью другими пріятностями пріятность пить чай? И развѣ чай былъ ему забвеніемъ, единственнымъ забвеніемъ отъ невыносимо-тяжелой жизни, исполненной обидъ и лишеній? Но бѣдняку мужику отказаться отъ чарки водки!.. Это геройство, — другаго имени нѣтъ для такой рѣшимости!

УСТРОЙСТВО БЫТА ПОМѢЩИЧЬИХЪ КРЕСТЬЯНЪ.

№ VII.

Библіографія журнальныхъ статей по крестьянскому вопросу.

ЖУРНАЛЪ ЗЕМЛЕВЛАДѢЛЬЦЕВЪ № 7.

Статья г. И. Капниста: „Нѣсколько данныхъ, на основаніи которыхъ можно улучшить положеніе крестьянъ въ Южной Россіи". Авторъ начинаетъ ссылкою на статьи Свода Законовъ, на основаніи которыхъ въ каждомъ помѣщичьемъ имѣніи должно быть земли не менѣе четырехъ съ половиною десятинъ на ревизскую душу, а крестьяне обязаны работать на помѣщика три дня въ недѣлю, половину всего рабочаго времени. Изъ этого г. Капнистъ выводитъ, что нормальный надѣлъ крестьянъ землею, по смыслу законовъ, составляетъ $2^1/_4$ десятины на душу, что однако же вовсе не слѣдуетъ изъ приводимыхъ имъ статей, потому что въ имѣніяхъ, заключающихъ въ себѣ minimum допускаемаго по закону количества земли, часть тяглъ обыкновенно сажалась на оброкъ, а слѣдовательно господское хозяйство устраивалось не по полному числу тяглъ, а въ гораздо меньшемъ размѣрѣ, и занимало менѣе половины земли. Затѣмъ, полагая тяглое семейство въ три души, авторъ считаетъ, что каждое семейство будетъ имѣть $6^3/_4$ десятинъ, которыя распредѣлятся слѣдующимъ образомъ: $^3/_4$ десятины подъ усадьбою и огородомъ, 3 десятины подъ посѣвомъ хлѣба (слѣдовательно по $1^1/_2$ десятины въ полѣ: не маловато ли это: по $1^1/_2$ десятины въ полѣ на продовольствіе цѣлой семьи изъ 3 душъ муж. пола, т. е. 6 душъ обоего пола?), $1^1/_2$ дес. подъ сѣнокосомъ и полторы подъ паромъ. Относительно тѣхъ имѣній, въ которыхъ вся земля составляетъ менѣе 4 дес. на душу, или гдѣ за выдѣломъ этой пропорціи осталось бы слишкомъ мало земли для помѣщика, авторъ полагаетъ, что владѣльцамъ слѣдуетъ обратиться къ Государю Императору со всеподданнѣйшею просьбою о дозволеніи излишнимъ крестьянамъ переселиться на пустопорожнія казенныя земли, или на земли другихъ владѣльцевъ. (Не легче ли помѣщику, если онъ имѣетъ охоту заниматься непремѣнно сельскимъ хозяйствомъ, купить себѣ землю на тѣ деньги, которыя онъ получитъ за отданную крестьянамъ землю? Вѣдь ему разсчетъ одинъ и тотъ же—остаться при прежнихъ 100 десятинахъ, стоющихъ по 50 р., или, получивъ за нихъ деньги, купить 100 десятинъ по 50 р. въ другой дачѣ. Онъ тутъ не теряетъ ничего, а для крестьянъ переселеніе очень убыточное дѣло.

Но объ этомъ послѣ). За каждую десятину отведенной крестьянскому обществу земли оно должно поставлять одного рабочаго на 30 дней по урочному положенію, съ раздѣленіемъ ихъ на четыре времени года, считая рабочій день женщинъ и мальчиковъ до восемнадцати лѣтъ въ половину противъ дня взрослаго мужчины, и съ предоставленіемъ крестьянамъ отбывать рабочіе дни, по произволу, натурою или деньгами. (Почему же 30 рабочихъ дней за десятину, почему не 50, или вѣрнѣе сказать, почему не 15 или не 12? Этого мы не видимъ, а видимъ только— но и объ этомъ послѣ). Подати и земскіе сборы должны быть раскладываемы не подушно, а по рабочимъ силамъ (40 проц. всего лежащаго на обществѣ оклада) и по имуществу (остальные 60 процентовъ), облагая податью силы всѣхъ крестьянъ отъ 14 до 60-ти-лѣтняго возраста, а податью съ имущества всѣхъ безъ исключенія, пропорціонально количеству земли, которою они владѣютъ. Помѣщикамъ авторъ полагаетъ предоставить право самимъ обработывать свою землю или отдавать ее въ арендное содержаніе, вмѣстѣ съ слѣдующими отъ крестьянъ днями, по контрактамъ, утверждаемымъ уѣзднымъ комитетомъ и подъ наблюденіемъ его. Мы полагали бы, что уже довольно и того, если барщина останется принадлежностью самого помѣщика,—обязательный трудъ не такая вещь, чтобы его можно было продавать по контрактамъ изъ рукъ въ руки, да еще арендатору. Если остается обязательный трудъ, помѣщикъ остается не просто собственникомъ земли, а по прежнему лицомъ, которому правительство ввѣрило извѣстную степень власти надъ людьми. Извѣстно, что гражданское право не допускаетъ власть надъ людьми, т. е. обязанность, ввѣряемую правительствомъ, передавать по контрактамъ изъ рукъ въ руки.

Затѣмъ авторъ дѣлаетъ разсчетъ доходовъ, которые надѣленное по принятой имъ нормѣ семейство можетъ получать съ своей земли, и исчисляетъ, что съ трехъ десятинъ, полагая 15 копъ съ каждой, умолотомъ по четыре мѣры или по четыре пуда зерна, получится 45 копъ или 180 пудъ, изъ которыхъ на годовое продовольствіе потребуется 140 пудъ, а остальные 40 могутъ быть проданы и принесутъ 8 р. сер., сумму достаточную для уплаты лежащихъ на семействѣ податей: притомъ получится соломы достаточно для прокормленія трехъ штукъ крупнаго скота и шести овецъ. За отведенную семейству землю оно обязано дать помѣщику около 200 мужскихъ рабочихъ дней, а такъ какъ хозяинъ имѣетъ въ годъ 300 дней, жена его, считая ея работу въ половину противъ мужской, 150, и остальные члены семейства, которыхъ полагается примѣрно четыре, принимая ихъ день за $^1/_4$ дня, еще 300, всего 750, для обработки же собственно земли достаточно 200 дней, то остается 350 дней, въ которые посредствомъ постороннихъ заработковъ могутъ быть пріобрѣтены средства, достаточныя на одежду, обувь и прочія крестьянскія надобности.

Помѣщикъ, имѣющій 450 десят. земли, на которыхъ поселены 100 душъ крестьянъ, употребляя изъ числа слѣдующихъ ему отъ крестьянъ 7,750 рабочихъ дней только 3,948, по разсчету автора, можетъ продавать хлѣба примѣрно на 1,209 р. 60 коп., шерсти и овецъ на 500 руб., и свехъ того получатъ за остальные 2,802 дня по 10 коп. сер. за день, что составитъ всего дохода съ имѣнія 1,989 р. 80 коп.

Въ разсчетахъ г. Капниста прежде всего поражаетъ насъ огромное количество барщиннаго труда, которое онъ считаетъ возможнымъ положить на крестьянъ за

отводимую въ пользованіе ихъ землю: по существовавшему при крѣпостномъ состояніи порядку, помѣщикъ не имѣлъ права требовать болѣе 150 или даже 140 мужскихъ и столько же женскихъ рабочихъ дней съ тягла, а на практикѣ получалъ обыкновенно значительно меньше, какимъ бы количествомъ земли крестьяне ни владѣли; и этотъ размѣръ работы нынѣ почти всѣми признается преувеличеннымъ и превышающимъ цѣнность отдаваемыхъ крестьянамъ земель, такъ что общее мнѣніе требуетъ уменьшенія рабочихъ дней, по крайней мѣрѣ до двухъ въ недѣлю. Между тѣмъ г. Капнистъ полагаетъ еще большее число мужскихъ дней, примѣрно до 200 съ тягла; правда, что онъ зато вовсе не предполагаетъ женскихъ рабочихъ дней, которые слѣдовательно могутъ отчасти замѣнять собою мужской трудъ, но считаясь въ половину противъ мужскаго дня, весьма мало облегчатъ отбываніе наложенной на семейство барщины, такъ что хозяинъ, чтобы уменьшить число своихъ барщинныхъ дней, хотя пятьюдесятью, до прежняго размѣра, долженъ послать на господскую работу свою жену на 100 дней. Притомъ самое назначеніе земли не по тяглямъ, а по душамъ, и рабочихъ дней по количеству земли требуетъ усвоенія крестьянами общиннаго понятія до крайнихъ его послѣдствій, такъ какъ барщинные дни должны будутъ отбываться по особому, сдѣланному внутри самой общины, распредѣленію, совершенно независимо отъ количества отведенной каждому семейству земли; иначе крестьянинъ, имѣющій много дѣтей и получившій по числу ихъ самый большой участокъ, отбывалъ бы столько барщинныхъ дней, что веденіе собственнаго хозяйства и прокормленіе семьи сдѣлались бы для него невозможными. Происходящая отъ этого сложность разсчетовъ необходимо должна производить частые споры и несогласія между крестьянами. Что же касается до самаго размѣра, въ которомъ ихъ должно надѣлить землею, то по нашему мнѣнію едва ли не лучше всего было бы, не принимая никакой общей нормы, оставить надѣлъ въ томъ видѣ, въ какомъ онъ былъ сдѣланъ тогда, когда интересы крестьянъ были ближе связаны съ выгодами владѣльца.

Замѣчательна еще обыкновенно дешевая оцѣнка крестьянскаго труда, по 10 коп. за мужской рабочій день, безъ различія работы пѣшей или на волахъ. Весьма сомнительно, чтобы въ Полтавской губерніи существовала такая средняя цѣна, между тѣмъ какъ въ пограничныхъ съ нею уѣздахъ Харьковской (ст. г. Даниловскаго въ томъ же нумерѣ „Харьковскій поселянинъ въ настоящее время") лѣтній мужской день стоитъ отъ 20 до 30 коп. сер., а зимній отъ 10 до 20-ти.

Что касается до предположенія г. Капниста о переселеніи нѣкоторыхъ изъ крестьянъ малоземельныхъ имѣній на казенныя земли другихъ владѣльцевъ, то оно съ одной стороны нарушило бы общій порядокъ оставленія крестьянъ на тѣхъ же мѣстахъ, а съ другой стороны, при отводѣ имъ, конечно на общихъ правахъ государственныхъ крестьянъ, земель изъ казенныхъ дачъ, могло бы подать поводъ къ неудовольствію тѣмъ, которые остались бы на земляхъ помѣщика, съ обязанностью такъ или иначе выкупить усадьбы и отбывать барщину. Проще было бы въ подобныхъ имѣніяхъ или оставить весьма значительную по количеству остающейся земли городскую запашку, или даже раздѣлить всю землю крестьянамъ, съ обложеніемъ ихъ соотвѣтственнымъ оброкомъ.

Эту статью мы потому разобрали такъ подробно, что хотя и невозможно согласиться съ основными положеніями автора ея, но она заключаетъ довольно

полное и со всѣхъ сторонъ обработанное предположеніе о будущемъ устройствѣ поземельныхъ отношеній.

Статья г. Николая Чарыкова „Объ улучшеніи быта помѣщичьихъ крестьянъ въ Пензенской губерніи“ заключаетъ въ себѣ много жалобъ на лѣность крестьянъ и расположеніе ихъ къ нищенству, которымъ многіе изъ нихъ, по удостовѣренію автора, занимаются систематически: нанимаютъ для прошенія милостыни мальчиковъ, съ которыми отправляются въ болѣе или менѣе далекія путешествія и возвращаются съ нѣсколькими сотнями рублей. Какіе странные люди! Имѣютъ расположеніе къ нищенству! Не имѣютъ ли они также расположенія къ голоду, холоду или лежанію больными? Предположеніе г. Чарыкова о будущемъ устройствѣ крестьянъ заключается въ томъ, чтобы имъ, для образованія осѣдлости, дать, конечно съ выкупомъ чрезъ какое либо кредитное учрежденіе или банкъ, усадьбы и по возможности выгонъ, и сверхъ того по десятинѣ на душу полевой земли, съ тѣмъ, чтобы они за нее работали на помѣщика $1^1/_2$ дня въ недѣлю и обработывали ее міромъ для уплаты государственныхъ податей, процентовъ за выкупъ и образованія капитала. Этотъ оборотъ авторъ разсчитываетъ такимъ образомъ. Полагая на 100 душъ 100 десятинъ пашни въ трехъ поляхъ, въ каждомъ полѣ будетъ $33^1/_3$ дес.: при хорошей обработкѣ, уродится, сверхъ сѣмянъ, ржи 6 четвертей и овса 10 четв. на десятинѣ, итого 200 четв. ржи и 330 четв. овса: изъ этого количества въ первые три года слѣдуетъ исключать, для образованія хлѣбнаго мірскаго запаса, по четверти ржи и овса на душу; поступитъ въ продажу ржи 100 четв. по 2 р. сер. и овса 233 по 1 руб., всего на 433 р. На уплату податей потребуется 200 руб. сер. и столько же на проценты и погашеніе долга въ кредитное мѣсто, уплатившее за выкупъ усадебъ: останется такимъ образомъ въ первые три года 100 руб. сер., а затѣмъ въ слѣдующіе 9 лѣтъ, къ окончанію переходнаго времени, за вычетомъ ежегоднаго расхода въ 400 руб., составится капитала съ наростающими на него процентами 4,368 р. 76 коп. сер. — сумма, достаточная на покупку значительнаго участка земли въ собственность общины. Для обработки означенной мірской земли весьма достаточно $1^1/_2$ дня въ недѣлю, такъ что крестьяне имѣли бы для прокормленія себя съ семействами, посредствомъ наемной работы у помѣщика, или воздѣлыванія снятыхъ у него по добровольнымъ условіямъ земель, остальные три дня.

Въ заключеніе г. Чарыковъ говоритъ, что можно бы было обществу дать и болѣе земли, но пришлось бы ему тогда гораздо больше работать на помѣщика— до трехъ дней и болѣе; работа, какъ принужденная, исполнялась бы небрежно, возникали бы съ обѣихъ сторонъ жалобы, и вслѣдствіе того отношенія крестьянъ къ помѣщикамъ сдѣлались бы враждебными. На это мы можемъ возразить, что если бы кредитное учрежденіе, давшее капиталъ на выкупъ усадебъ, выкупило и достаточное для прокормленія крестьянъ количество полевой земли, то они, заработывая сверхъ доходовъ отъ своей земли, для воздѣлыванія которой достаточно бы было половины тяглъ, довольно значительныя по ихъ быту деньги наемною работою у помѣщиковъ, могли бы, посредствомъ мірской запашки или ежегодныхъ взносовъ въ теченіе извѣстнаго числа лѣтъ погасить долгъ, и тогда безъ принужденной работы, о которой говоритъ авторъ, сдѣлались бы независимыми собственниками отведенной имъ земли. Вообще же, хотя многіе опровергаютъ всѣ проэкты, основанные на мірскихъ запашкахъ, тѣмъ, что мірскія земли будутъ

скупо удобряться и плохо обрабатываться, а потому не принесутъ ожидаемыхъ урожаевъ,—предположенія г. Чарыкова можно было бы признать довольно практичными, если бы крестьяне могли понять освобожденіе съ сохраненіемъ барщины. А если необходимо отмѣнить барщину, то конечно надобно нѣсколько измѣнить разсчетъ. Во всякомъ случаѣ, назначаемый крестьянамъ размѣръ работы на помѣщика, $1^1/_2$ дня въ недѣлю, за землю, отведенную въ количествѣ одной десятины на душу, слѣдовательно отъ $2^1/_2$ до 3-хъ десятинъ на тягло, намъ кажется преувеличеннымъ.

Статейка помѣщика Старобѣльскаго уѣзда, г. Гаршина, заключаетъ въ себѣ развитіе одной весьма справедливой мысли, а именно: что если земли, отводимыя крестьянамъ, не будутъ выкуплены, и крестьяне должны будутъ за нихъ работать на помѣщика, то лучше, вмѣсто опредѣленнаго оклада работъ, назначить оброчную плату, съ предоставленіемъ помѣщикамъ и крестьянамъ, по обоюдному соглашенію, замѣнять денежную плату работой, отчего эта работа потеряетъ характеръ принужденнаго труда.

Статья г. Ильи Никифорова „Объ усадьбахъ“ заключаетъ въ себѣ отвѣты на нѣкоторые вопросы, предложенныя въ № 1 „Журнала Землевладѣльцевъ“. Такъ какъ между этими вопросами большая часть такихъ, которые общественнымъ мнѣніемъ уже рѣшены окончательно, то мы обратимъ вниманіе только на одинъ изъ нихъ, о которомъ до сихъ поръ происходятъ нерѣдко горячіе споры.

О пространствѣ усадебныхъ земель, которыя должны быть отведены крестьянамъ, авторъ говоритъ, что, какъ извѣстно ему на практикѣ, въ настоящее время усадьбы среднею мѣрою простираются отъ 1,400 до 1,600 саженъ, и что первая изъ этихъ цифръ могла бы быть принята за норму. А какъ въ настоящее время многіе хозяева, чтобы имѣть особое обезпеченіе къ исправной уплатѣ крестьянами податей, прибавляютъ въ каждой усадьбѣ 1,000 саж. земли, которая за неуплату отбирается, то г. Никифоровъ предлагаетъ принять эту мѣру и при переходѣ крестьянъ въ срочно-обязанное состояніе.

Предполагаемый авторомъ размѣръ усадебъ, основанный на свѣдѣніяхъ о нынѣ принятомъ среднемъ пространствѣ ихъ, намъ кажется почти достаточнымъ; что же касается до прирѣзанія къ каждой усадьбѣ добавочнаго участка, то главное неудобство, по нашему мнѣнію, заключается въ томъ, что если такъ или иначе выкупятся полевыя земли, состоящія въ пользованіи крестьянъ и окружающія деревню со всѣхъ сторонъ, то эти мелкіе участки, данные имъ для обезпеченія уплаты податей, но принадлежащіе собственно помѣщику, будутъ находиться посреди крестьянской земли, и слѣдовательно образуютъ чрезполосное владѣніе.

Въ статью г. Персіанова „Оцѣнка вознагражденія за трудъ крестьянина въ барщинномъ помѣщичьемъ имѣніи Тульской губерніи“, авторъ дѣлаетъ разсчетъ, по которому оказывается, что крестьянинъ, надѣленный на тягло 6 десятинами полевой земли, $1^1/_2$ десятины сѣнокоса и усадьбою въ $^1/_4$ дес., получаетъ примѣрнаго валоваго дохода 71 руб. 20 коп., а за исключеніемъ того, что стоитъ обработка земли по наемнымъ цѣнамъ—29-ти руб. 98-ми коп., остается чистой прибыли 41 руб. 22 коп., слѣдовательно вознагражденіе его землею составляетъ ровно половину дѣйствительной цѣнности его работы. Этотъ результатъ былъ бы поразителенъ, если бы изъ разсчета г. Персіанова не было видно, что онъ принялъ за норму господской запашки $2^1/_4$ десят. на тягло въ каждомъ полѣ: мы не можемъ

не усомниться, чтобы въ большей части имѣній Тульской губерніи дѣйствительно существовали такія огромныя запашки, требующія по самому разсчету автора 200 мужскихъ и столькихъ же женскихъ дней, а по нашему мнѣнію едва ли не болѣе, слѣдовательно по меньшей мѣрѣ 50 мужскими и 50 женскими днями болѣе дозволеннаго закономъ.

ЖУРНАЛЪ ЗЕМЛЕВЛАДѢЛЬЦЕВЪ № 8.

Статья г. Кривцова „Мнѣніе Орловскаго и Саратовскаго помѣщика" заключаетъ въ себѣ мысли автора по поводу нѣкоторыхъ §§ предложеній г. министра внутреннихъ дѣлъ начальникамъ губерній объ открытіи комитетовъ для улучшенія быта крестьянъ; такъ напримѣръ по поводу § 1, въ которомъ сказано: „устройство крестьянъ должно быть произведено не вдругъ, а постепенно, для того крестьяне должны быть въ переходномъ состояніи",—авторъ говоритъ, что „ни въ какомъ случаѣ не должно допускать крестьянъ къ участію въ составленіи какихъ бы то ни было условій,... такъ какъ отъ столкновенія интересовъ, по невѣжеству крестьянъ, могутъ произойти разныя непріятности и безпорядки". Мы полагали, что по Своду Законовъ только тѣ дѣла считаются правильно веденными, въ которыхъ одинаково выслушивались обѣ стороны, и только тѣ контракты признаются дѣйствительными, въ которыхъ условія не продиктованы одною стороною безъ согласія другой. Относительно натуральныхъ повинностей, которыми крестьяне должны быть обложены на землю, авторъ находитъ, что прежняго порядка трехдневной работы не должно измѣнять ни ограничивать никакими *инвентаріями*, развѣ только для *того, чтобы поравнять общіе интересы*, назначить въ тягла всѣхъ безъ исключенія крестьянъ и, заведя запашку по числу этихъ новыхъ тяглъ (которыхъ будетъ болѣе прежняго по крайней мѣрѣ въ полтора раза), отдѣлить половину земли для помѣщика, съ тѣмъ, чтобы изъ каждыхъ двухъ тяглъ одно постоянно находилось на барщинѣ, которая такимъ образомъ составитъ гораздо большее число рабочихъ дней, чѣмъ могло быть при прежнемъ порядкѣ (замѣтить должно при этомъ, что говоритъ помѣщикъ многоземельной губерніи Саратовской, гдѣ количество пашни большею частію ограничивается только числомъ рукъ),—и сверхъ того еще предоставить помѣщику право требовать на 12 дней каждый годъ всѣ тягла сгономъ, въ уплату долга за усадьбы, который такимъ образомъ долженъ быть платимъ въ теченіе 12-ти лѣтъ. Предоставляемъ читателямъ оцѣнить мысли г. Кривцова.

Статья г. Кичеева „Мысли по крестьянскому дѣлу" заключаетъ въ себѣ почти тѣ же предположенія. Авторъ сверхъ того признаетъ справедливымъ обработывать господскія и крестьянскія поля сообща, и урожай дѣлить попаламъ, а въ оброчныхъ имѣніяхъ мѣру крестьянской повинности предоставить опредѣлять помѣщикамъ, съ правомъ измѣнять ее при каждой ревизіи и съ тѣмъ, чтобы даже тѣ изъ крестьянъ, которые уже выкупили свои усадьбы (выкупъ предполагается отдѣльный по семьямъ), не имѣли права отказываться отъ лежащихъ на нихъ повинностей, а за отказъ облагались двойнымъ оброкомъ. Эти предположенія, кромѣ ограниченія права прибавлять оброкъ, временемъ ревизій, ничѣмъ не разнятся отъ порядка, существующаго при крѣпостномъ правѣ.

Статья г. Бэля „А что сдѣлать съ крестьянами нищими" начинается описа-

ніемъ состоянія двухъ имѣній, доведенныхъ до совершеннаго разоренія: одно необдуманными нововведеніями, безполезными постройками и т. д., а другое постояннымъ выжиманіемъ изъ него крайнихъ возможныхъ выгодъ всѣми средствами, въ числѣ которыхъ была поголовная барщина по пяти дней въ недѣлю, съ вычетомъ ненастныхъ дней и наверстываніемъ ихъ въ хорошую погоду. Отъ положенія самыхъ имѣній авторъ переходитъ къ нравственному состоянію крестьянъ, которые, по его мнѣнію, такъ унижены и убиты духомъ, такъ сроднились съ своею нищетою, что не только по бѣдности своей не имѣютъ никакой возможности выкупить усадьбы, или безъ посторонняго пособія обзавестись всѣмъ нужнымъ для успѣшнаго хозяйства, но даже, и при оказаніи имъ помощи, неспособны употребить ее въ пользу, безъ учрежденія надъ ними строжайшей опеки. Въ примѣръ трудности, которую представляетъ улучшеніе состоянія подобныхъ крестьянъ, г. Бэль приводитъ одно небольшое имѣніе въ Московской губерніи, которое послѣ нѣсколькихъ владѣльцевъ, разорявшихъ его, наконецъ досталось благонамѣренному человѣку: несмотря на неусыпные труды и значительныя пожертвованія помѣщика, едва въ десять лѣтъ удалось ему нѣсколько улучшить состояніе крестьянъ; а до тѣхъ поръ все, что онъ давалъ имъ для поправки ихъ хозяйства, пропивалось въ Москвѣ. Въ видѣ перваго шага къ улучшенію состоянія нищихъ крестьянъ и вознагражденія ихъ за понесенныя сверхъ законной мѣры труды, авторъ предлагаетъ отдать имъ усадьбы безвозмездно.

На это редакторъ „Журнала Землевладѣльцевъ“ въ сдѣланной имъ выноскѣ возражаетъ, что хотя конечно помѣщикъ, посредствомъ злоупотребленія крѣпостнаго права доведшій крестьянъ своихъ до нищенства, еще весьма немного вознаградитъ ихъ, если отдастъ имъ усадьбы даромъ, но сдѣлать такое пожертвованіе обязательнымъ невозможно, по самой невозможности доказать, что разореніе крестьянъ произошло именно отъ этого злоупотребленія, а не отъ другихъ причинъ; относительно же имѣній, переходившихъ въ разныя руки,—доказать, что настоящій владѣлецъ разстроилъ имѣніе, а не одинъ изъ его предшественниковъ; и если бы даже это было вполнѣ доказано, то какъ разувѣрить сосѣднихъ крестьянъ, что они не имѣютъ права на такое же снисхожденіе?

Отвѣта на это возраженіе,—сознаемся съ прискорбіемъ, — мы не находимъ, кромѣ того, который можетъ быть найденъ въ Сводѣ Законовъ, именно въ тѣхъ статьяхъ, которыя говорятъ о превышеніи и злоупотребленіи власти и о взысканіяхъ за то. Но единственнымъ средствомъ къ открытію истины могли бы быть показанія сосѣдей: можно ли ожидать отъ нихъ безпристрастія? Намъ кажется, что возможно, потому что было бы оскорбительно для помѣщиковъ предполагать въ большинствѣ сосѣднихъ помѣщиковъ расположеніе давать фальшивыя показанія; притомъ о фальшивыхъ показаніяхъ есть статьи въ XV томѣ „Свобода Законовъ“. Не забудемъ также, что и сосѣдніе крестьяне также сосѣди. Притомъ могутъ быть свидѣтелями разные чиновники, купцы и разночинцы: въ каждомъ уѣздѣ можно найти множество людей разнаго званія, хорошо знакомыхъ съ бытомъ окрестныхъ деревень и хозяйствомъ помѣщиковъ. А по закону достаточно показаніе двухъ свидѣтелей. Можно бы также спросить: какъ, не говоря уже о лицахъ, *спокойно* умершихъ,—привлечь къ отвѣтственности тѣхъ, которые, выжавъ изъ крестьянъ послѣдній сокъ (техническое выраженіе) и составивъ иногда такимъ образомъ значительные капиталы, продали выгодно имѣнія, хотя и за нѣсколько меньшую цѣну

противъ благоустроенныхъ, и наслаждаются теперь плодомъ своихъ *праведныхъ* трудовъ? На это въ Сводѣ Законовъ также есть правила, которыя были бы достаточны для большей части подобныхъ случаевъ (о вознагражденіи лица, потерпѣвшаго убытокъ по взысканію съ имущества, проданнаго ему другимъ и подвергшагося взысканію). А если бы нѣкоторые немногіе изъ лицъ, продавшихъ такія имущества, и могли ускользнуть отъ взысканія, то эти исключенія не могли бы служить препятствіемъ дѣйствію общаго постановленія: нѣтъ такого проступка, по которому нѣкоторые виновные не успѣвали бы укрыться отъ дѣйствія закона. Надобно впрочемъ вообще сознаться, что еще не скоро могутъ быть излечены всѣ язвы, нанесенныя Россіи крѣпостнымъ состояніемъ. Но во всякомъ случаѣ излеченіе самой глубокой между этими язвами—нравственнаго униженія крестьянъ, подъ гнетомъ нищеты потерявшихъ сознаніе человѣческаго достоинства,—должно ожидать отъ благотворнаго дѣйствія времени и новыхъ, истинно человѣческихъ отношеній, въ которыя они будутъ поставлены, а не отъ предполагаемой г. Бэлемъ опеки, которая въ глазахъ крестьянъ составила бы продолженіе крѣпостнаго состоянія, въ то время, какъ вокругъ себя они видѣли бы другихъ свободными. Въ высокой степени желательно было бы, чтобы нашлось средство подкрѣпить этихъ несчастныхъ на пути къ исправленію только дѣйствительнымъ, хорошо разсчитаннымъ пособіемъ, а не опекою— да и кому поручить эту опеку? Лучше предоставить ихъ собственнымъ силамъ, предполагая конечно, что имъ была бы дана въ ссуду, съ разсрочкою на извѣстное число лѣтъ, сумма, нужная на выкупъ усадебъ и необходимаго количества полевой земли, такъ какъ мы и вообще считаемъ это единственнымъ хорошимъ способомъ къ прочному улучшенію быта помѣщичьихъ крестьянъ. При этомъ выкупѣ владѣльцамъ разоренныхъ имѣній, отъ которыхъ отошли бы во владѣніе крестьянъ разоренныя также усадьбы и истощенныя поля, могло бы быть назначено вознагражденіе въ меньшемъ противъ другихъ помѣщиковъ размѣрѣ, и слѣдовательно крестьянамъ пришлось бы уплачивать меньшую сумму. Затѣмъ можно надѣяться, что сначала опомнятся между ними самыя энергичныя натуры и, при свойственной русскому крестьянину практичности, поймутъ, что положеніе ихъ уже не безвыходно, а нашедши счастливый исходъ, покажутъ примѣръ и подадутъ руку помощи остальнымъ. Извѣстно на практикѣ, что иногда обогащеніе одного двора въ деревнѣ распространяло благодѣтельное вліяніе на цѣлую общину, такъ что многіе помѣщики нарочно не отпускали на волю семейство, могущее заплатить за себя значительный выкупъ, чтобы съ удаленіемъ его не изсякъ источникъ выгодныхъ занятій для остальныхъ.

ЖУРНАЛЪ ЗЕМЛЕВЛАДѢЛЬЦЕВЪ № 9.

Въ этомъ нумерѣ между прочимъ находится статья г. Данилова „Практическія замѣчанія на статью о новыхъ условіяхъ сельскаго быта, помѣщенную въ февральской книжкѣ Современника“. Не желая вдаваться въ полемику, мы не станемъ въ подробности разбирать опроверженія, приводимыя г. Даниловымъ противъ выраженныхъ въ помянутой статьѣ мыслей, предоставивъ сужденіе объ нихъ читающей публикѣ, а ограничимся тѣмъ, что бросимъ взглядъ на самыя главныя изъ этихъ возраженій.

Г. Даниловъ находитъ несправедливымъ мнѣніе, что избранные дворянствомъ

въ разныя должности по мѣстному управленію чиновники хотя и знали о происходящихъ въ нѣкоторыхъ имѣніяхъ вопіющихъ злоупотребленіяхъ помѣщичьей власти, но большею частью не вступались, чтобы не возстановить противъ себя людей, отъ которыхъ зависитъ ихъ выборъ и въ зависимости отъ которыхъ они находятся постоянно, во все время отправленія своихъ должностей. Авторъ говоритъ, что зависимость этихъ чиновниковъ отъ избирателей съ окончаніемъ баллотированія ихъ также оканчивается, — вѣроятно потому, что отъ избирателей не зависитъ смѣнять чиновниковъ до окончанія срока ихъ службы. Смѣнять ихъ конечно избиратели не могутъ, но перестанутъ посылать имъ почти окладныя пособія птицей, масломъ, овсомъ и пр., на которыя низшіе между выборными чиновниками привыкли также разсчитывать, какъ на свое жалованье, а потомъ ни за что не выберутъ въ другой разъ: послѣднее опасеніе, равно какъ и увѣренность, за безпристрастный разборъ крестьянскихъ жалобъ быть поставленными на враждебную ногу не только съ лицами, злоупотребляющими помѣщичьею властью, но и съ большинствомъ другихъ дворянъ, которые по сословному самолюбію примутъ ихъ сторону, и имѣть вслѣдствіе того непріятности на слѣдующихъ выборахъ, удерживало и многихъ предводителей. Такія объясненія мы сами неоднократно слышали отъ благонамѣренныхъ, но слабыхъ характеромъ людей, служащихъ по выборамъ.

Не соглашается еще г. Даниловъ и съ тою мыслью, что практическая польза образованности наименѣе чувствительна для отца, оставляющаго своимъ дѣтямъ крѣпостное состояніе,—и дѣлаетъ для опроверженія ея сильнѣйшее нападеніе на людей (исключительно?) свѣтски образованныхъ и схоластически ученыхъ. Но спросимъ мы, если бы крѣпостное состояніе не существовало, то было ли бы возможно наше рутинное, невѣжественное хозяйство? не сдѣлалось ли бы для помѣщика необходимостью знаніе науки сельскаго хозяйства, а слѣдовательно и другихъ естественныхъ наукъ? Наконецъ возможно ли предположить, чтобы человѣкъ, пріобрѣтшій основательныя познанія въ этихъ наукахъ, остался бы совершеннымъ невѣждой въ другихъ предметахъ?

Далѣе г. Даниловъ возстаетъ противъ того мнѣнія, что обязательный трудъ, или что то же, крѣпостное состояніе было одною изъ главныхъ, а можетъ быть и самою главною причиною накопленія долговъ на дворянскихъ имѣніяхъ: авторъ приписываетъ это явленіе исключительно расточительной жизни помѣщиковъ и пренебреженію ихъ къ собственнымъ дѣламъ. Но мы убѣждены, что ни при какой другой организаціи сельскаго труда это разстройство дѣлъ не могло сдѣлаться столь всеобщимъ. Или помѣщики сами вынуждены были бы болѣе или менѣе заниматься своими имѣніями и, встрѣчая постоянную нужду въ капиталахъ для затрачиванія ихъ на хозяйство, зная, что безъ чистыхъ денегъ и полученіе текущихъ доходовъ для нихъ невозможно, тѣмъ самымъ были бы останавливаемы отъ истощенія своихъ денежныхъ средствъ безполезными издержками,—или можетъ быть водворился бы у насъ какой либо порядокъ, сходный съ фермерствомъ на западѣ: тогда строгая опредѣленность доходовъ, не увеличивающихся ни при какомъ урожаѣ, полагала бы предѣлъ расточительности. Между тѣмъ, при крѣпостномъ состояніи крестьянъ, помѣщикъ, имѣющій нормальнаго дохода, положимъ, около 5,000 р. сер., въ неурожайный годъ получалъ иногда менѣе трети—какихъ нибудь 1,500 р.,—и долженъ былъ кормить 300 или 400 душъ. А по-

добныхъ годовъ бывало иногда въ теченіе пяти лѣтъ три. Прибавьте къ этому убѣжденіе, свойственное людямъ, не привыкшимъ разсчитывать, и никогда впрочемъ не оправдывавшееся на дѣлѣ, что одинъ годъ хорошаго урожая все вознаградитъ, и что какъ бы ни были разстроены денежныя дѣла владѣльца имѣнія, хозяйство, движущееся единственно обязательнымъ трудомъ, будетъ идти своимъ порядкомъ,—и вы получите цѣлый рядъ причинъ разоренія нашего дворянства, которыхъ общій корень крѣпостное право.

Опровергать одно за другимъ всѣ возраженія г. Данилова противъ статьи „О новыхъ условіяхъ сельскаго быта", значило бы съ одной стороны доказывать давно признанныя всѣми истины, съ другой — далеко перейти за предѣлы настоящаго обозрѣнія. Скажемъ только, что цѣль этихъ доводовъ одна: доказать, во что бы то ни стало, необходимость, хотя относительную, обязательнаго труда. Не имѣя уже явно никакой возможности отстаивать этой мысли для цѣлаго государства, авторъ опирается на мнѣніе Тенгоборскаго, что въ тѣхъ мѣстностяхъ, гдѣ торговля и промышленность слабы, крестьянину удобнѣе отбывать свои повинности работой, нежели деньгами. Раздѣливъ подобныя мѣстности, обыкновенно называемыя глухими сторонами, на два вида: на хлѣбородныя, но очень удаленныя отъ торговыхъ пунктовъ, и на не хлѣбородныя и вмѣстѣ не мануфактурныя, авторъ говоритъ, что въ первыхъ хлѣбопашество, при отмѣнѣ обязательнаго труда, должно значительно уменьшиться въ размѣрѣ, а въ другихъ оно можетъ существовать только при этомъ условіи, и съ уничтоженіемъ его вовсе прекратится. Если бы это даже было справедливо, то кажется жалѣть не объ чемъ, такъ какъ уменьшиться при отмѣнѣ неестественныхъ условій можетъ только производство, искусственно развитое сверхъ должной мѣры, а уничтожиться совершенно излишнее: но мы и съ тѣмъ не согласны, такъ какъ мѣстности перваго рода съ улучшеніемъ путей сообщенія, которое мы надѣемся увидѣть въ весьма непродолжительномъ времени, перестанутъ быть глухими сторонами, а сдѣлаются житницами Россіи; въ краяхъ же, отнесенныхъ ко второму роду, гдѣ земледѣліе и теперь производится преимущественно женщинами для прокормленія ихъ самихъ, дѣтей и стариковъ, между тѣмъ какъ мужчины находятся на заработкахъ въ столицахъ, оно въ настоящемъ видѣ своемъ обусловливается не крѣпостнымъ правомъ, а необходимостью, и несмотря на уничтоженіе этого права, будетъ существовать въ томъ же видѣ.

Статья г. Клеофаса Дымши „О необходимости введенія ипотекарной системы" заключаетъ въ себѣ, кромѣ доводовъ объ этой необходимости, въ которой всѣ болѣе или менѣе убѣждены, нѣкоторыя предположенія о самомъ способѣ введенія ипотекъ. Для этого авторъ предлагаетъ:

1) Чтобы всѣ кредитныя учрежденія, правительственныя и судебныя мѣста и наконецъ частныя общества и лица въ назначенный срокъ дали знать надлежащимъ уѣзднымъ судамъ о всѣхъ числящихся на каждомъ имѣніи взысканіяхъ и претензіяхъ, причемъ помѣщики, владѣющіе нѣсколькими имѣніями въ разныхъ уѣздахъ, должны указать, на которое изъ нихъ они желаютъ отнести обезпеченіе каждаго изъ своихъ долговъ, а если не пожелаютъ это сдѣлать, то немедленно бы уплатили долгъ.

2) Чтобы въ то же время всѣ помѣщики предъявили судамъ актовое право свое на владѣніе имѣніями, со всѣми относящимися къ нимъ нужными свѣдѣніями.

3) Чтобы судьи, заведя алфавитныя долговыя книги и внося въ нихъ полученныя свѣдѣнія, дополняли ихъ извлеченіемъ изъ дѣлъ своихъ и мѣстной гражданской палаты, внося въ эти книги выписки о всѣхъ производящихся по имѣніямъ спорахъ и тяжбахъ.

4 и 5) Чтобы впредь до составленія общей оцѣнки имѣніямъ владѣльцы не имѣли полнаго права отвѣтственной ипотеки, но получали изъ суда выписки, удостовѣряющія только мѣру свободности ихъ имѣній; въ самой же капитальной цѣнности имуществъ частныя лица, желающія вступить въ какія либо сдѣлки съ владѣльцами, могутъ удостовѣряться сами, а казенныя мѣста и кредитныя учрежденія—принимать ее на основаніи установленныхъ правилъ.

Эти предположенія намъ кажутся совершенно соотвѣтствующими своей цѣли и вполнѣ заслуживающими вниманія. Только введеніе ипотекарной системы можетъ положить твердое основаніе столь шаткому у насъ частному кредиту.

Въ двухъ статьяхъ своихъ „Земля въ пользованіе“ и „Назначеніе работъ по оцѣнкѣ за землю“ г. Н. Никифоровъ сначала доказываетъ, что при существовавшихъ до сихъ поръ условіяхъ хозяйства ни наемная, ни продажная цѣна земель не могутъ дать вѣрнаго понятія объ истинной цѣнности ихъ, которая можетъ быть выведена только изъ средняго дохода; потомъ, полагая, что чистый доходъ отъ хлѣбопашества можно съ нѣкоторою вѣрностью принять въ половину валоваго, такъ какъ во многихъ мѣстностяхъ Россіи земли отдаются подъ обработку изъ половиннаго урожая, авторъ исчисляетъ, что помѣщичій крестьянинъ въ центральныхъ губерніяхъ, надѣленный на тягло $1^1/_2$ десят. въ полѣ, $^1/_4$ десят. конопляника, 1 дес. луга и сверхъ того пользующійся выгономъ, получаетъ всего дохода съ пахатной земли 71 р. 64 коп., половина которыхъ составляетъ 35 р. 82 коп., а прибавивъ за лугъ наемной платы 3 р. 50 коп. и за выгонъ 1 р., всего 40 р. 34 коп. Принимая же во вниманіе, что къ цѣнѣ барщинныхъ работъ, которыя крестьянинъ отбываетъ за право пользованія этимъ доходомъ, слѣдуетъ прибавить стѣсненіе въ употребленіи свободныхъ дней, происходящее для него отъ необходимости работать на помѣщика въ назначенное время, авторъ считаетъ справедливымъ по примѣру Остзейскихъ губерній убавить за это одну шестую, вслѣдствіе чего изъ 40 р. 34 коп. слѣдуетъ отчислить 6 р. 62 коп., и останется 33 р. 62 коп. На основаніи этой цифры, считая мужской день

лѣтній конный въ	25	коп.
„ пѣшій „	20	„
зимній конный „	15	„
„ пѣшій „	10	„
Женскій день въ жниво „	20	„
лѣтній и весенній, кромѣ жнива, въ	10	„
зимній по короткости времени „	5	„

г. Никифоровъ полагаетъ справедливымъ обложить крестьянина, владѣющаго угодьями въ предположенномъ у него размѣрѣ, барщинной работой по 134 лѣтнихъ конныхъ дня, замѣняя нѣкоторое число этихъ дней пѣшими, зимними и женскими днями, соразмѣрно съ цѣнностью ихъ, такъ что выходитъ всего мужскихъ дней 120, въ томъ числѣ конныхъ 79, и женскихъ 123. Въ доказательство же справедливости своего разсчета, г. Никифоровъ приводитъ нынѣ существующее

въ Эстляндіи положеніе о барщинныхъ работахъ, исполняемыхъ крестьянами за землю, и, переводя употребляемые въ немъ размѣры угодій на русскіе, выводитъ, что отношеніе между количествомъ земли и числомъ рабочихъ дней въ немъ то-же самое.

Кромѣ нѣсколько уменьшенной оцѣнки крестьянскихъ рабочихъ дней (въ большей части мѣстностей центральной Россіи конный день въ рабочую пору стоитъ 35 коп.), разсчетъ г. Никифорова кажется намъ не совсѣмъ вѣренъ уже и по своему главному основанію, полагающему чистый доходъ равнымъ цѣлой половинѣ валоваго. Извѣстно, что чѣмъ теплѣе климатъ, тѣмъ больше часть дохода, остающаяся на долю ренты. Въ Англіи и Франціи климатъ теплѣе, нежели въ Россіи. Но по де-Лаверню (Essai sur l'économie rurale de l'Angleterre. 3-е изданіе. Парижъ. 1858, стр. 98) чистый доходъ составляетъ менѣе одной третьей части валоваго дохода, именно только 30%. Какимъ же образомъ у насъ можно считать его въ цѣлую половину? Одинъ изъ сотрудниковъ самого „Журнала Землевладѣльцевъ", г. Волковъ (Ж. З. № 12-й, отдѣленіе IV, стр. 99) находитъ, что одна только наемная плата за обработку, не считая процента и другія статьи оборотнаго капитала (т. е. не считая сѣмянъ, ремонта, амбаровъ, издержекъ по управленію) поглотитъ *болѣе двухъ третей* валоваго дохода: стало быть мы должны считать чистый доходъ менѣе чѣмъ въ одну треть валоваго. А если такъ, то разсчетъ г. Никифорова совершенно измѣняется, и по его собственнымъ основаніямъ слѣдуетъ считать на крестьянинѣ вмѣсто 33 р. 82 к., только 23 р. 20 коп., или еще менѣе. Это значитъ, что и число рабочихъ надобно, по его же основаніямъ, уменьшить на третью долю. Изъ этого мы видимъ, что если увеличить крестьянскій надѣлъ, хотя до двухъ десятинъ въ полѣ, то все-таки, согласно съ замѣченною нами разницею въ цѣнѣ рабочаго дня, итогъ барщинной работы нужно уменьшить на третью часть противъ того, что кладетъ г. Никифоровъ.

ЖУРНАЛЪ ЗЕМЛЕВЛАДѢЛЬЦЕВЪ № 10.

Изъ числа статей, помѣщенныхъ въ этомъ нумерѣ, мы замѣтимъ статью г. Протасьева „Предположенія объ устройствѣ крестьянъ Сапожковскаго уѣзда, Рязанской губерніи". За надѣлъ землею, примѣрно по семи десятинъ на тягло, авторъ полагаетъ назначить барщинной работы 93 дня или 28 руб. сер. оброка, съ обезпеченіемъ помѣщика круговою порукою міра, имѣющаго право принимать противъ неисправныхъ членовъ своихъ понудительныя мѣры, изъ которыхъ первая — принужденіе ихъ заработывать недоимочныя деньги въ свободное время, по опредѣленной таксѣ; сверхъ того авторъ считаетъ нужнымъ постановить, чтобы при рекрутскомъ наборѣ, на второй очереди послѣ штрафныхъ, состояли недоимщики, конечно за исключеніемъ тѣхъ, которые пострадали отъ какихъ нибудь несчастныхъ случаевъ: пожара, падежа скота и т. п., а совершенно неисправные отдаваемы были въ солдаты или въ распоряженіе правительства, съ продажею всего ихъ имущества на покрытіе недоимки, и чтобы отказывающіеся отъ установленной работы подвергались наказанію, какъ ослушники закона. Помѣщикамъ, по мнѣнію автора, слѣдуетъ по возможности устранять себя отъ столкновеній съ отдѣльными лицами, а стараться дѣйствовать на нихъ посредствомъ мірскаго управленія, которое не должно безусловно подчиняться власти помѣщика, а только состоять подъ

его контролемъ, въ родѣ того, какъ присутственныя мѣста второй инстанціи подчинены начальнику губерніи; только въ важныхъ поступкахъ противъ своего лица помѣщикъ долженъ имѣть право представлять крестьянъ въ уѣздное присутственное мѣсто для отдачи въ рекруты или удаленія изъ имѣнія. Подати должны быть взыскиваемы особымъ, избраннымъ крестьянами, сборщикомъ, а помѣщикъ совершенно освобождается отъ отвѣтственности за нихъ. Въ случаѣ такого требованія со стороны помѣщика, которое покажется крестьянину неправильнымъ, онъ можетъ обратиться въ мірское управленіе съ просьбою указать ему статью устава, на которой требованіе основано, и если статьи не окажется, то ему предоставляется жаловаться уѣздному правленію, а на опредѣленія этого присутствія апеллировать высшему начальству, но независимо отъ жалобы онъ долженъ исполнить требованіе, за неправильность котораго помѣщикъ отвѣчаетъ уплатою убытковъ втрое.

Крестьяне каждаго прихода составляютъ общество, подвѣдомственное одному мірскому или вотчинному правленію, состоящему, если въ приходѣ около 1,000 душъ, изъ трехъ, а если около 1,500, изъ пяти членовъ, избираемыхъ сходкою хозяевъ и носящихъ названіе старшинъ, которые при вступленіи въ должность приводятся къ присягѣ и изъяты на все время службы отъ рекрутства и тѣлеснаго наказанія, а жалованья получаютъ 30 руб. сер. въ годъ. Тому же правленію присвоивается и судебная власть: оно имѣетъ право подвергать крестьянъ за проступки наказанію розгами не свыше 40 ударовъ, налагать на нихъ штрафы работою или деньгами до 5 руб. и отдавать ихъ въ смирительные дома и арестантскія роты, срокомъ до 6 мѣсяцевъ. Впрочемъ дѣла, касающіяся собственно хозяйственнаго порядка, обсуживаются отдѣльно обществомъ крестьянъ каждаго помѣщика. Участіе въ дѣлахъ мірскаго управленія принадлежитъ изъ числа владѣльцевъ прихода только одному, избираемому прочими дворянами на три года и называемому помѣщикомъ-расправникомъ или вотчиннымъ начальникомъ, который утверждаетъ членовъ вотчиннаго правленія и обязанъ наблюдать за ходомъ дѣлъ, но безъ права рѣшительнаго голоса, такъ что, въ случаѣ его несогласія съ старшинами, дѣло переходитъ въ уѣздное правленіе, составляющее вторую инстанцію. Оно состоитъ изъ трехъ членовъ отъ крестьянъ, избираемыхъ на три года предварительно выбранными, по одному отъ каждаго прихода, представителями, и столькихъ же отъ дворянъ, и собирается, если нѣтъ особенно спѣшныхъ дѣлъ, разъ въ недѣлю: почему дворяне, не отвлекаясь этою службою отъ управленія своими имѣніями, могутъ служить безъ жалованья, а крестьяне получаютъ по пятидесяти руб. Если же по многочисленности дѣлъ признано будетъ нужнымъ установить ежедневныя засѣданія съ тѣмъ, чтобы члены жили въ городѣ, то дворянамъ назначается содержаніе по 500, а крестьянамъ по 120 руб. въ годъ. Въ порядкѣ судебномъ уѣздное правленіе никакому другому мѣсту не подчиняется и даетъ отчетъ въ своихъ дѣйствіяхъ только по требованію министерства внутреннихъ дѣлъ, по апелляціи же дѣла правленія переходятъ къ начальнику губерніи.

Дворовыхъ людей авторъ раздѣляетъ на три разряда. Къ первому относятся собственно слуги и должностные, никакому мастерству не обученные, которые могутъ быть или отпущены на волю безъ земли и безъ всякихъ ограниченій, или съ ихъ собственнаго согласія обращены въ крестьянъ. Ко второму — мастеровые, за обученіе которыхъ платилъ помѣщикъ: они должны оставаться въ обязанномъ состояніи, если помѣщикъ того пожелаетъ, пока не внесутъ уплаченной за нихъ

суммы или *соразмѣрнаго* съ нею выкупа; годъ службы, по выходѣ изъ ученія, зачисляется мужчинамъ за 25 руб., а женщинамъ за 15 руб. Дворовые третьяго разряда—земледѣльцы увольняются на тѣхъ же условіяхъ, какъ крестьяне. Старики свыше 55 л. остаются на попеченіи владѣльцевъ, равно и сироты, которыхъ они обязаны стараться обучить ремесламъ безъ платежа денегъ, посредствомъ отдачи на года, съ тѣмъ, чтобы по выходѣ изъ ученія молодые люди могли приписаться къ мѣщанскимъ или сельскимъ обществамъ.

Относительно всего этого мы должны замѣтить: за неуплату повинностей отдавать въ солдаты, съ продажею всего имущества, не мало ли такое наказаніе? Не лучше ли было колесовать или по крайней мѣрѣ ссылать въ каторгу? По мягкости сердца, мы готовы были бы согласиться на назначеніе каторги; но справедливость, какъ намъ кажется, требуетъ колесованія. Боже мой! неужели мы до сихъ поръ не совѣстимся не понимать, что по гражданскому иску уголовныя наказанія не могутъ быть назначаемы.

Для распространенія грамотности г. Протасьевъ полагаетъ сначала обязать сельскихъ священниковъ принять на себя обученіе хотя двухъ мальчиковъ на каждыя 100 душъ въ приходѣ и обратить особенное вниманіе на трехъ, четырехъ изъ способнѣйшихъ съ тѣмъ, чтобы они могли со временемъ быть хорошими учительскими помощниками, а въ вознагражденіе назначить священникамъ около 60 руб. въ годъ. Авторъ не опредѣляетъ, изъ какихъ средствъ должны производиться эти расходы, но повидимому полагаетъ отнести ихъ на особый сборъ съ крестьянъ, такъ какъ далѣе онъ говоритъ, что черезъ семь или восемь лѣтъ, когда взносы крестьянъ облегчатся, можно будетъ учредить училища въ большомъ размѣрѣ. На тотъ же источникъ повидимому предполагается отнести и расходъ по содержанію при каждомъ приходѣ богадѣльни, а въ каждомъ стану больницы: послѣдній долженъ простираться до 1,600 руб. сер. Хорошо, если все это дѣйствительно должно быть содержимо на счетъ крестьянъ. Мы, люди образованные, желаемъ просвѣтить ихъ,—такъ пусть они платятъ деньги. Кажется, прежде всего надобно бы сообразить: тяжелы или легки для нихъ повинности и подати и безъ этихъ прибавокъ.

Въ заключеніе своей статьи г. Протасьевъ говоритъ, что тогда только бытъ крестьянъ можно будетъ считать приведеннымъ въ удовлетворительное состояніе, когда:

1) въ каждомъ селѣ будетъ училище, въ которомъ всѣ безъ исключенія могутъ получать умственное и нравственное образованіе;

2) въ каждомъ приходѣ будетъ больница и богадѣльня;

3) застрахуются крестьянскія строенія отъ огня, скотъ отъ болѣзней, поля отъ града;

4) подъ рукою у крестьянъ будутъ фермы, гдѣ они могли бы научиться на опытѣ улучшенному хозяйству, и заведенія для обученія ремесламъ и мастерствамъ;

5) когда уничтожатъ кабаки, губящіе ихъ нравственно и матеріально, или по крайней мѣрѣ разрѣшатъ вольную продажу вина, которая доставитъ имъ средства безъ большихъ расходовъ удовлетворять столь сильной въ народѣ наклонности къ пьянству, что она можетъ казаться врожденною. Въ доказательство пагубнаго вліянія кабаковъ можно указать на государственныхъ крестьянъ.

При всемъ нашемъ сочувствіи къ первымъ четыремъ желаніямъ г. Протасьева,

мы однако же не можемъ раздѣлить мысль, выраженную въ пятомъ: по нашему мнѣнію, не кабакъ вреденъ, а происходящія въ продажѣ питей злоупотребленія, и если съ отмѣною откупной системы и введеніемъ вольной продажи вина онъ сдѣлается просто мѣстомъ розничной торговли хлѣбнымъ виномъ, гдѣ крестьянинъ будетъ имѣть возможность за сходную цѣну удовлетворять не страсти къ пьянству а естественной потребности сѣвернаго жителя, то пускай кабакъ продолжаетъ свое существованіе. Что же касается до упоминаемой авторомъ страсти, то она, при такомъ пониженіи цѣнъ на вино, которое дастъ возможность крестьянину употреблять его ежедневно, будетъ встрѣчаться гораздо рѣже, а при постепенномъ распространеніи въ народѣ образованія даже сдѣлается исключеніемъ.

Г. Протасьевъ, говоря о барщинной или оброчной повинности крестьянъ за занимаемую ими землю, ничего не говоритъ о выкупѣ усадебъ; вѣроятно онъ думаетъ, что при взиманіи платы за пахатную землю и полевыя угодья платежъ за усадьбу былъ бы двойнымъ взиманіемъ за одну цѣнность. Мы не можемъ не одобрить такого мнѣнія. Нѣкоторыя изъ его предположеній объ устройствѣ мірскаго управленія намъ кажутся довольно основательными. Тѣмъ не менѣе при этой организаціи, какъ и при всякой другой, крестьяне обрабатывающіе чужую землю не по добровольному, а по опредѣленному извнѣ договору, неминуемо будутъ поставлены въ непріязненныя отношенія къ землевладѣльцамъ: для этого не нужно ни особенныхъ притязаній со стороны помѣщика, ни большаго своеволія со стороны крестьянъ: враждебность отношеній явится необходимымъ послѣдствіемъ сложности и неопредѣленности ихъ. Чтобы убѣдиться въ этомъ, достаточно нѣсколько вникнуть, при разсмотрѣніи всевозможныхъ проэктовъ такого рода, въ смыслъ статей, опредѣляющихъ степень зависимости мірскаго управленія крестьянъ отъ помѣщика. Единственное средство, могущее устранить эту запутанность отношеній—выкупъ земли, чрезъ посредство кредитной операціи погашеніемъ долга въ болѣе или менѣе продолжительное время,—который сразу обезпечитъ прочнымъ образомъ благосостояніе помѣщиковъ и поставитъ общину въ независимое и совершенно опредѣленное положеніе.

Къ статьѣ г. Протасьева приложено составленное имъ, по примѣненію къ мѣстнымъ условіямъ края, урочное положеніе и дополнительная записка объ обработкѣ земли наймомъ, изъ которой видно, что наемный работникъ съ работницей, которые замѣнятъ собою два полныхъ мужскихъ и женскихъ тягла, со всѣми причитающимися расходами на содержаніе и ремонтъ лошадей, орудій, строеній и пр., будутъ стоить помѣщику 88 р. сер.; при поденномъ же наймѣ обработка полевой десятины съ обмолотомъ хлѣба и доставкой на пристань, принимая въ кругломъ счетѣ и паровую десятину, обойдется въ 5 р. 14 к., а уборка луговой въ 1 р. 60 к.

ЖУРНАЛЪ ЗЕМЛЕВЛАДѢЛЬЦЕВЪ № 11.

Статья г. П. Сумарокова „Данныя для поземельнаго кредита въ хлѣбородныхъ губерніяхъ Россіи“, въ числѣ разныхъ свѣдѣній объ иностранныхъ и русскихъ кредитныхъ учрежденіяхъ, заключаетъ въ себѣ весьма любопытную таблицу курса закладныхъ листовъ, выданныхъ обществами Силезскимъ, Бранденбургскимъ Померанскимъ, Западной Пруссіи, Восточной Пруссіи и Познанскимъ, съ 1807 по 1848 годъ. Изложивъ вообще недостатки нашей системы поземельнаго кредита,

авторъ обращается къ вопросу о выкупѣ крестьянской земли и указываетъ на удобства, представляемыя лучшею организаціею кредита, для пріобрѣтенія крестьянами, съ весьма незначительными чистыми деньгами, участковъ, достаточныхъ для обезпеченія ихъ благосостоянія.

Изъ другихъ статей этого нумера замѣтимъ статью „По крестьянскому вопросу“, князя Шаховскаго. Авторъ, выразивъ свое полное сочувствіе къ мысли о выкупѣ земель, находящихся во владѣніи крестьянъ, въ собственность ихъ, съ немедленнымъ освобожденіемъ ихъ отъ власти помѣщиковъ, изъявляетъ сомнѣніе въ томъ, чтобы они, при многолѣтней привычкѣ къ постоянному за ними наблюденію и при недостаткѣ энергіи, произведенномъ въ нихъ крѣпостнымъ состояніемъ, были способны настолько усвоить себѣ свое новое положеніе, чтобы, ведя свое хозяйство совершенно самостоятельно, безнедоимочно уплачивать проценты и капиталъ лежащаго на нихъ за выкупленную землю долга. Для избѣжанія недоимокъ и доставленія имъ возможности пріобрѣтать самостоятельность по мѣрѣ развитія въ нихъ трудолюбія и надлежащей разсчетливости, князь Шаховской полагаетъ: оцѣнивъ всѣ состоящія въ пользованіи крестьянъ земли и угодья и составивъ подробную таксу на всѣ полевыя работы, обложить сначала каждое тягло барщинными работами въ такомъ размѣрѣ, чтобы стоимость ихъ, считая не по днямъ, а по обработанной землѣ, составила на цѣнность состоящей въ пользованіи тягла земли семь процентовъ. Изъ числа этихъ семи процентовъ авторъ полагаетъ шесть собственно въ доходъ помѣщика, какъ нормальный размѣръ нынѣ получаемаго дохода съ населенныхъ имѣній, и одинъ на составленіе выкупнаго капитала. За работы, составляющія седьмой процентъ, помѣщикъ обязанъ вносить приходящуюся сумму въ губернское присутственное мѣсто, которое будетъ учреждено для завѣдыванія крестьянскимъ дѣломъ. Между тѣмъ крестьянамъ должно быть объявлено что кто изъ нихъ желаетъ освободиться отъ барщинной работы, тотъ долженъ къ 1 марта внести сполна, впередъ за годъ, оброкъ, равный цѣнности причитающихся съ него работъ. Съ переходомъ на оброкъ соединяются всѣ права свободнаго состоянія; только за накопленіе значительной недоимки крестьянинъ опять переводится на барщину. Естественно, что первые воспользуются этимъ предложеніемъ самые зажиточные между крестъянами; но затѣмъ и другіе, побуждаемые ихъ примѣромъ, будутъ стараться также освободиться отъ барщины; а для того, чтобы въ имѣніяхъ, гдѣ много зажиточныхъ крестьянъ, отъ внезапнаго перехода слишкомъ большаго числа тяголъ на оброкъ, не произошло затрудненія въ работахъ, предоставляется помѣщику право перечислять съ каждымъ годомъ на оброкъ не болѣе одной двѣнадцатой полнаго числа: такимъ образомъ авторъ надѣется, что въ нѣсколько лѣтъ большая часть тяголъ перейдутъ на оброкъ, на барщинѣ же останутся только самые бѣдные и неспособные, но и тѣ, постоянно побуждаемые желаніемъ освободиться отъ нея, наконецъ найдутъ средства достигнуть этого. Изъ оброка, такъ же какъ изъ цѣны работъ, помѣщикъ обязуется вносить седьмую часть на составленіе выкупнаго капитала, и изъ этихъ ежегодныхъ взносовъ, составляющихъ одинъ процентъ съ цѣнности всѣхъ крестьянскихъ земель, будутъ составляться значительныя суммы. Губернское мѣсто, завѣдывающее ими, будетъ ежегодно вызывать желающихъ къ полученію капитальной суммы. Если явится желающихъ больше противъ количества собранныхъ денегъ, то преимущество отдается тому, кто сдѣлаетъ противъ оцѣнки большую уступку. Получившій сполна

всю оцѣночную сумму теряетъ всякое право на крестьянъ и земли ихъ, а они продолжаютъ платить по прежнему до окончательнаго выкупа всѣхъ земель въ губерніи. Не разобранныя владѣльцами деньги могутъ быть отдаваемы для приращенія процентами въ Опекунскій Совѣтъ. При самыхъ благопріятныхъ для этого денежнаго оборота условіяхъ, то есть если вносимыя на выкупъ суммы будутъ каждый годъ разбираться, всѣ крестьянскія земли могутъ быть выкуплены черезъ 33 года, а при самыхъ худшихъ, предполагая приращеніе 3-мя процентами, въ 47 лѣтъ, 4-мя въ 41 годъ. По окончаніи этого срока останутся невыкупленными только тѣ земли, которыхъ владѣльцы не захотятъ ихъ продать. Крестьяне такихъ имѣній могутъ или положить составившійся для нихъ капиталъ въ кредитное учрежденіе, тогда процетны будутъ почти достаточны для уплаты владѣльцу ренты, а при болѣе выгодномъ употребленіи даже превзойдутъ ее, или купить земли въ другомъ мѣстѣ и перейти на нихъ, причемъ имѣютъ право перенести съ собою всѣ свои постройки.

Если бы мы раздѣляли съ княземъ Шаховскимъ его недовѣріе къ практическимъ способностямъ русскаго крестьянина и если бы считали возможнымъ растягивать существованіе барщины и обременительныхъ уплатъ за выкупъ на 33 или болѣе года, то можетъ быть и нашли бы въ его проэктѣ какія нибудь стороны преимущества передъ нѣкоторыми другими проэктами подобнаго рода; но и въ этомъ случаѣ мы признали бы необходимымъ сдѣлать уступку этихъ земель, за уплату стоимости ихъ по оцѣнкѣ изъ крестьянскаго капитала, обязательною для помѣщиковъ, такъ какъ крестьяне, выплативъ эту сумму деньгами или работой и сверхъ того платя столько лѣтъ на нее обременительный процентъ, неоспоримо пріобрѣтаютъ право на воздѣлываемую ими землю, тѣмъ болѣе, что къ истеченію выкупнаго срока цѣны на землю должны значительно возвыситься, вслѣдствіе чего крестьяне съ своимъ капиталомъ не будутъ въ состояніи пріобрѣсти тогда такое количество земли, какъ нынѣ, и сочтутъ себя (впрочемъ весьма справедливо) обиженными противъ сосѣдей.

ЖУРНАЛЪ ЗЕМЛЕВЛАДѢЛЬЦЕВЪ № 12.

Статья г. Селиванова „Объ усадьбахъ“. Авторъ начинаетъ исчисленіемъ различныхъ неудобствъ, могущихъ оказаться при отводѣ усадебъ и полевыхъ земель крестьянамъ въ тѣхъ имѣніяхъ, гдѣ домъ помѣщика и всѣ хозяйственныя строенія его находятся посреди деревни. До сихъ поръ, говоритъ г. Селивановъ, три поля, принадлежащія крестьянамъ, располагались около деревни такимъ образомъ, чтобы къ каждому изъ нихъ можно было проѣхать, не переѣзжая другаго, и чтобы, во время нахожденія его въ пару, скотъ могъ быть прогоняемъ безъ потравы другихъ полей. Но земли ближайшія къ деревнѣ, будучи ежегодно лучше другихъ удобряемы, пріобрѣли большую цѣнность, и потому нельзя ожидать, чтобы помѣщикъ нашелъ возможнымъ эти земли отдать крестьянамъ, а вѣроятно будутъ отдѣлены имъ другія, болѣе отдаленныя. Такимъ образомъ не только уничтожится прежнее удобство особаго проѣзда къ каждому полю, но еще усадьбы крестьянъ будутъ отдѣляться отъ выдѣленныхъ имъ полевыхъ земель землями помѣщика, по которымъ они должны будутъ ежедневно и сами проѣзжать и прогонять скотъ.

Сверхъ того при слишкомъ близкомъ сосѣдствѣ лицъ, ведущихъ совершенно различный образъ жизни, могутъ безпрерывно отъ всевозможныхъ мелочей встрѣчаться поводы къ столкновеніямъ, имѣющимъ чисто личный характеръ. Для избѣжанія этихъ неудобствъ авторъ предлагаетъ, чтобы въ подобныхъ имѣніяхъ помѣщику предоставлено было право отвести крестьянамъ мѣсто для усадебъ внѣ деревни, гдѣ окажется удобнѣе, и непремѣнно къ тѣмъ полямъ, которыя будутъ отведены имъ въ пользованіе,—но за то безъ всякаго вознагражденія и съ принятіемъ на его счетъ всѣхъ издержекъ по переселенію. Принятіе этого пожертвованія, гдѣ помѣщикъ пожелаетъ его сдѣлать, авторъ полагаетъ признать для крестьянъ обязательнымъ, а самый выборъ мѣстъ предоставить добровольному соглашенію.

Мы должны сдѣлать объ этомъ слѣдующія замѣчанія. Если слишкомъ близкое сосѣдство помѣщичьей усадьбы съ крестьянскими окажется для кого нибудь неудобнымъ, когда крестьяне будутъ освобождены, недовольному сосѣдствомъ будетъ полная воля переселяться куда ему угодно; разумѣется, если онъ хочетъ, онъ будетъ имѣть полное право испытывать и другое средство: онъ можетъ убѣждать непріятныхъ ему сосѣдей переселиться отъ него,—разумѣется, тутъ будетъ уже полюбовная сдѣлка, которая тогда будетъ дѣйствительно добровольною,—качество, котораго не имѣла бы она при переселеніи крестьянъ до освобожденія. Во всякомъ случаѣ, мы не находимъ, чтобы въ предполагаемой безденежной уступкѣ крестьянамъ мѣстъ для усадебъ заключалось дѣйствительное пожертвованіе, потому что помѣщикъ, взамѣнъ приходившагося ему вознагражденія, которое за какія нибудь 1,400—1,600 кв. саж. полевой земли не можетъ быть слишкомъ значительно, пріобрѣтаетъ не только старую селитьбу, составляющую нѣсколько десятинъ превосходно удобренной земли, которая стоитъ въ пять или шесть разъ дороже, чѣмъ такой же участокъ въ другомъ мѣстѣ, но еще сверхъ того лучшія изъ крестьянскихъ полей. Въ имѣніяхъ, расположенныхъ такимъ образомъ, какъ описываетъ г. Селивановъ, обыкновенно примыкаютъ къ селенію съ одной стороны господскія, съ другой крестьянскія поля, и потому намъ казалось бы что черезполосности тутъ еще нѣтъ. Невыгодность предполагаемаго авторомъ обмѣна видна уже и изъ того, что онъ предлагаетъ сдѣлать принятіе его для крестьянъ обязательнымъ. Вообще переселеніе крестьянъ съ воздѣланныхъ ими мѣстъ на невоздѣланныя мы полагали бы допустить не иначе, какъ по освобожденіи крестьянъ. Если же дѣлать переселеніе принудительнымъ для крестьянъ при самомъ освобожденіи, крестьянскія хозяйства разстроятся отъ принужденнаго переселенія.

Г. Башкатова „Предположенія о будущемъ устройствѣ помѣщичьихъ крестьянъ въ губерніяхъ хлѣбородныхъ и густо населенныхъ“. Авторъ находитъ, что для сохраненія хорошихъ отношеній между помѣщиками и крестьянами надобно, чтобы они были какъ можно менѣе связаны искусственнымъ образомъ, и потому полагаетъ развязать настоящія отношенія ихъ способомъ простымъ, но невозможнымъ въ исполненіи, по своему рѣшительному несогласію съ національными обычаями и всѣмъ бытомъ нашимъ; а именно, онъ полагаетъ: надѣлить крестьянъ на душу такимъ количествомъ земли, которое бы вмѣстѣ съ усадебною составило на душу цѣнность въ 50 р. сер.; немедленно заложить эту землю на 33 года въ кредитномъ учрежденіи въ полную цѣну и удовлетворить за нее помѣщика, обязавъ крестьянъ уплачивать проценты и погашать долгъ; перевести ихъ на новыя мѣста,

гдѣ окажется нужнымъ, съ пособіемъ отъ владѣльца по назначенію комитета, и затѣмъ прекратить всѣ обязательныя отношенія между помѣщиками и крестьянами. При этомъ авторъ полагаетъ цѣнить старую усадебную землю, гдѣ она останется за крестьянами, 50 процентами дороже полевой, и надѣется, что переходъ ихъ въ новое положеніе могъ бы быть совершенно оконченъ въ три года. Но если выкупается полевая земля, то за усадьбы уже не должно полагать еще особенной платы: вѣдь онѣ собственно не приносятъ никакого дохода помѣщику отдѣльно отъ земли, да и сами по себѣ не имѣютъ для него никакой продажной цѣнности. Сверхъ того, если надѣлъ по 50 р. на душу предполагается авторомъ менѣе настоящаго надѣла, такое освобожденіе было бы для крестьянъ хуже крѣпостнаго права: отбирать у крестьянъ часть той земли, которою они теперь пользуются, значило бы не улучшать, а сдѣлать худшимъ прежняго ихъ быть. Но быть можетъ авторъ полагаетъ, что и за настоящій надѣлъ вмѣстѣ съ усадьбами не надобно полагать болѣе 50 р. на душу? Если такъ, онъ дѣйствительно желаетъ пользы крестьянамъ, да и самимъ помѣщикамъ, которые останутся сами въ убыткѣ, если освобожденіе станетъ производиться невыгоднымъ для крестьянъ образомъ. Что касается его мысли о необходимости развязать всякія обязательныя отношенія между помѣщикомъ и крестьянами, этотъ взглядъ есть единственный справедливый и практичный взглядъ.

Статья г. С. Волкова „Объ отдачѣ земель въ аренду и о вольнонаемномъ трудѣ" начинается весьма справедливыми соображеніями о невыгодахъ барщины, на которой, по мнѣнію автора, ежедневно пропадаетъ по крайней мѣрѣ четвертая часть употребляемыхъ на хлѣбопашество рабочихъ силъ, что составляетъ въ годъ ничѣмъ не вознаградимаго убытка до 28.600,000 р. сер. Затѣмъ авторъ исчисляетъ неудобства, могущія встрѣтиться при отдачѣ земель крестьянамъ въ аренду; изъ нихъ главное, по его мнѣнію, и служащее корнемъ всѣмъ прочимъ, есть отдаленность полей, нынѣ составляющихъ запашку помѣщика, отъ крестьянскихъ дворовъ, вслѣдствіе которой крестьяне не будутъ имѣть возможности унаваживать ихъ, и земли, истощаемыя въ продолженіе нѣсколькихъ лѣтъ, совершенно потеряютъ цѣну. Что же касается до обработки наймомъ, то она, по мнѣнію г. Волкова, не для всѣхъ возможна, потому что требуетъ затраты значительныхъ капиталовъ и независимо отъ того поглотитъ двѣ трети валоваго дохода, до 25 р. сер. съ десятины,—цѣна до такой степени огромная, что она можетъ относиться развѣ только къ самымъ промышленнымъ уѣздамъ Московской губерніи. По всѣмъ этимъ причинамъ авторъ полагаетъ, что самымъ выгоднымъ способомъ хозяйства какъ для Московской губерніи, такъ и для всего сѣвернаго края, слѣдуетъ признать половщину, или половничество, между прочимъ и потому, что при этой организаціи сельскаго труда работникъ, который долженъ получить половину урожая, имѣетъ прямой интересъ трудиться добросовѣстно. Стоимость этого способа обработки для землевладѣльца та же, что при наемной обработкѣ, такъ какъ кромѣ земли онъ дастъ и удобреніе: но за то онъ избавляется отъ большой части предварительныхъ расходовъ. Впрочемъ авторъ сознается, что въ настоящее время еще нѣтъ возможности безошибочно судить, какъ о стоимости наемной обработки вообще, такъ и о томъ, что будетъ выгоднѣе: содержаніе ли постоянныхъ батраковъ или наемъ поденщиковъ.

Половничество—система вовсе несправедливая въ нашихъ сѣверныхъ зем-

ляхъ: оно обременительно даже и въ Южной Франціи. У насъ чистый доходъ, какъ мы уже замѣчали, едва ли составляетъ и 30 процентовъ валоваго дохода. Какъ бы то ни было, въ промышленныхъ и сильно населенныхъ губерніяхъ, каковы Московская, Владимірская и Ярославская, половничество, по нашему мнѣнію, можетъ быть только скоро переходящимъ фазисомъ сельскаго хозяйства, какъ бы переходомъ отъ обязательнаго труда къ совершеннѣйшимъ формамъ земледѣлія. Мы не сомнѣваемся, что съ измѣненіемъ условій сельскаго быта капиталы, до сихъ поръ никогда почти не обращавшіеся у насъ къ хозяйству, въ числѣ другихъ путей исхода направятся и на этотъ, одинъ изъ самыхъ выгодныхъ: по самому признанію г. Волкова суммы, употребленныя имъ на хозяйственныя улучшенія, приносятъ ему 15 процентовъ. Тогда указываемое авторомъ затрудненіе къ успѣшному арендованію крестьянами земель—отдаленность помѣщичьихъ полей отъ деревень уничтожится устройствомъ среди самыхъ отдаваемыхъ въ аренду земель нужнаго числа отдѣльныхъ дворовъ или фермъ, которыя конечно не останутся безъ съемщиковъ; съ другой стороны и самая обработка обширныхъ дачъ наймомъ, со введеніемъ улучшенныхъ способовъ хозяйства и при существующихъ уже теперь высокихъ цѣнахъ на всѣ естественныя произведенія, распространится повсемѣстно и будетъ приносить значительныя выгоды предпріимчивымъ капиталистамъ.

ЖУРНАЛЪ ЗЕМЛЕВЛАДѢЛЬЦЕВЪ № 13-й.

Г. И. Сабурова „Соображенія, касающіяся до улучшенія быта крестьянъ". Изъ этихъ соображеній мы узнали, что комитетамъ невозможно будетъ отчетливо окончить свое дѣло безъ точнаго объясненія того хозяйственнаго положенія, въ которомъ находятся помѣщики и крестьяне; что дворянство не должно считать этого дѣла легкимъ; что оно повсемѣстно будетъ имѣть самое сильное вліяніе на земледѣліе, и нѣсколько другихъ столь же несомнѣнныхъ истинъ. Изъ мыслей, не принадлежащихъ къ этому разряду, мы замѣтили одну, также весьма справедливую, что крѣпостное право, въ отношеніи къ земледѣльческимъ имѣніямъ, тягостно не *столько* по юридическому, политическому и хозяйственному своему значенію, *сколько* по тѣмъ злоупотребленіямъ, которымъ оно служитъ опорою. Дѣйствительно по злоупотребленіямъ крѣпостное право нерѣдко составляло зло рѣшительно *невыносимое*; а тамъ, гдѣ они не доходили до высшей степени, *могло* быть вынесено, что самымъ очевиднымъ образомъ доказывается огромнымъ числомъ людей, его выносившихъ.

Статья г. Н. Волкова „Соображенія объ устройствѣ крестьянъ въ Черниговской губерніи". Эта статья начинается изображеніемъ, и должно отдать автору справедливость, весьма вѣрнымъ, безчисленныхъ неудобствъ и затрудненій, сопряженныхъ съ барщинною организаціей сельскаго труда во время переходнаго состоянія. „Положимъ, говоритъ авторъ, — крестьянинъ дурно пашетъ, не ровно сѣетъ, высоко коситъ, и т. д., —нужно тотчасъ бѣжать въ присутствіе, звать члена; иначе черезъ нѣсколько часовъ не будетъ уже никакой возможности поправить дѣло и взыскать съ виновнаго. Явится членъ, крестьянинъ станетъ оправдываться, отнѣкиваться, сваливать вину на другаго и т. д. Что тогда дѣлать?" Если допустить безконтрольное право взыскивать по жалобѣ помѣщиковъ—это значитъ оста-

вить крестьянъ въ прежней или еще худшей зависимости; если же члены правленія будутъ находиться подъ вліяніемъ крестьянъ, помѣщикъ не только лишится всего, предоставленнаго ему по новому положенію, дохода, но постоянно будетъ играть жалкую и смѣшную роль человѣка, не получающаго удовлетворенія на свои справедливыя жалобы. Наконецъ, предположивъ даже невозможное, составъ присутствія изъ членовъ совершенно добросовѣстныхъ, какія же взысканія установить за дурно исполненные рабочіе уроки? Тѣлесное наказаніе можетъ быть допущено только за уголовныя преступленія по суду, а примѣнять его къ упущеніямъ въ исполненіи обязательной работы безчеловѣчно, безнравственно и несовременно. Денежный штрафъ также непримѣнимъ: у большей части крестьянъ, особенно у нерадивыхъ, нѣтъ гроша за душой. Объ арестѣ даже и говорить смѣшно: какого размѣра нуженъ былъ бы домъ, чтобы ввести систему одиночнаго заключенія? А ввести нужно было бы именно эту систему, иначе лѣнивые крестьяне будутъ стараться попасть подъ арестъ. Послѣдній способъ наказанія—принужденіе за дурно исполненную работу отработать лишнее число дней, надавалъ бы помѣщикамъ, при неизбѣжномъ вліяніи ихъ на присутствіе, столько штрафныхъ дней, что число ихъ далеко превзошло бы размѣръ трехдневной барщины, слѣдовательно улучшеніе быта крестьянъ осталось бы одною мечтой.

Единственнымъ средствомъ къ избѣжанію такихъ ложныхъ и неестественныхъ отношеній авторъ признаетъ выкупъ и, переходя къ опредѣленію слѣдующаго помѣщикамъ вознагражденія, говоритъ, что безразсудно было бы требовать уплаты, соразмѣрной съ количествомъ получавшагося, при крѣпостномъ правѣ и злоупотребленіяхъ его, дохода отъ имѣній, и потому разсчетъ слѣдуетъ дѣлать единственно на основаніи продажной стоимости ихъ. Для примѣра г. Волковъ беретъ имѣніе въ 100 ревизскихъ душъ, съ 450 десятинами земли, которое, по настоящимъ среднимъ цѣнамъ—240 рубл. сер. за душу, стоитъ 24,000 рубл.: если въ этомъ имѣніи надѣлить крестьянъ по $1^1/_2$ десят. на душу, то у помѣщика останется 300 десят., цѣною по 40 руб., всего на 12,000 рубл., слѣдовательно, чтобы быть вознагражденнымъ за понесенную имъ потерю, онъ долженъ получить 12,000 рубл. или по 120 рубл. за ревизскую душу, вмѣсто которыхъ правительство можетъ выдать четырехпроцентныя облигаціи по 125 рубл. сер., съ погашеніемъ ихъ крестьянами по банковому разсчету и съ выдачею капитала по тиражу. Для ускоренія уплаты авторъ полагаетъ даже на первое время употреблять на нее капиталы, внесенные въ кредитныя установленія съ благотворительными цѣлями, и всѣ дворянскія суммы, съ возвратомъ израсходованныхъ денегъ изъ поступающаго съ крестьянъ сбора,—и сверхъ того предоставить помѣщикамъ облигаціями взносить установленный въ привилегированныхъ губерніяхъ акцизъ за винокуреніе, и платить за работу крестьянамъ, для чего долженъ быть установленъ размѣнъ облигацій на извѣстное число контрмарокъ.

Насколько вѣрна, по нашему мнѣнію, начертанная г. Н. Волковымъ картина затрудненій и безпорядковъ, сопряженныхъ съ барщиною во время срочно-обязаннаго состоянія, настолько же пристрастнымъ кажется намъ разсчетъ вознагражденія помѣщикамъ. Хотя авторъ и говоритъ, что это вознагражденіе должно быть соображено не съ получаемыми при крѣпостномъ правѣ доходами, а съ продажною цѣною имѣній, но на чемъ основана эта продажная цѣна, если не на получавшихся до сихъ поръ доходахъ? Въ приведенномъ здѣсь примѣрѣ, владѣлецъ 450 дес.,

стоящихъ по словамъ самого автора по 40 р. сер. за дес., за отходящія отъ него 150 дес. долженъ бы былъ получить, по цѣнности земли, не 12,000 р., какъ разсчитываетъ г. Волковъ, а 6,000 р. сер., съ нѣкоторою прибавкою за усадебныя земли, если только онѣ не заключаются въ предположенномъ надѣлѣ $1^1/_2$ дес. на душу, остальные же 6,000 р. составили бы выкупъ личности крестьянъ, котораго въ настоящее время перестали требовать и самые настойчивые приверженцы крѣпостнаго права. Притомъ и самый надѣлъ по $1^1/_2$ дес. на душу, слѣдовательно $3^3/_4$ дес. примѣрно на тягло, слишкомъ малъ, чтобы обезпечить надлежащимъ образомъ не только благосостояніе крестьянъ, но и платежъ по 6 р. 25 коп. съ души, составляющій 5% на сумму, вдвое большую противъ цѣнности отведенныхъ имъ угодій. Что же касается до предположеній автора о платежѣ винnаго акциза въ казну облигаціями и задѣльной платы крестьянамъ контрмарками, то первое, кажется намъ, могло бы быть принято, хотя съ нѣкоторыми ограниченіями и, въ особенности при повсемѣстной отмѣнѣ откупной системы, значительно бы ускорило непосредственное удовлетвореніе помѣщиковъ, а второе едва ли оказалось бы удобнымъ на практикѣ, по самому неудобству примѣненія къ мелкимъ суммамъ процентнаго разсчета, составляющаго главное условіе обращенія всякаго рода облигацій.

ЖУРНАЛЪ ЗЕМЛЕВЛАДѢЛЬЦЕВЪ № 14-й.

А. Потулова „Общая формула для оцѣнки поземельныхъ угодій и крестьянскихъ повинностей". Основною единицею, для опредѣленія поземельнаго дохода, авторъ принимаетъ доходъ съ десятины, засѣянной рожью, и сравнительно съ нимъ опредѣляетъ цѣнность сѣнокосовъ, вагоновъ, усадебной и огородной земли.

Отношеніе этихъ цѣнностей, также и цѣнности урожая яроваго хлѣба къ доходу отъ ржи, зависитъ отъ мѣстности имѣнія и отъ мѣстныхъ промысловъ, и авторъ, по разнообразію этихъ условій, раздѣляетъ имѣнія: во-первыхъ, на исключительно земледѣльческія, земледѣльческія и промышленныя; во-вторыхъ, на подгороднія, близгороднія и дальнія; и затѣмъ еще подраздѣляетъ промышленныя имѣнія на такія, въ которыхъ крестьяне занимаются промыслами дома или по крайней мѣрѣ въ ближайшихъ мѣстностяхъ, и такія, изъ которыхъ они для промысловъ отлучаются въ дальнія мѣста и на продолжительные сроки. Для каждаго изъ этихъ разрядовъ г. Потуловъ полагаетъ особую норму отношенія дохода отъ земель, состоящихъ подъ усадьбами, лугами и проч., къ доходу отъ ржи. Основная идея автора относительно оцѣнки усадебъ состоитъ въ томъ, что отъ какихъ бы промысловъ или занятій крестьянинъ ни получалъ свой доходъ, его всеже слѣдуетъ считать поземельнымъ доходомъ, такъ какъ полученіе его обусловливается владѣніемъ землею, или по крайней мѣрѣ усадьбою, а потому и часть, приходящаяся на долю помѣщика, должна быть принимаема за доходъ отъ земли. Какъ на самый яркій примѣръ осуществленія этой идеи, авторъ указываетъ на нѣкоторыя имѣнія въ промышленныхъ губерніяхъ, гдѣ крестьяне вовсе не занимаются земледѣліемъ, но живутъ весьма зажиточно, платя по 10, по 15 и болѣе рублей оброка съ тягла, такъ что, по получаемому съ него помѣщикомъ доходу, полудесятинный участокъ усадебной земли стоитъ отъ 400 до 600 руб. сер. Въ такихъ имѣніяхъ, считая валовой доходъ съ полудесятины ржи въ 10 рубл., ренту рав-

ною $^1/_3$ этой суммы—3 р. 33 к. сер., а оброкъ съ тягла въ 20 рубл., по разсчету г. Потулова, доходъ съ усадебной земли въ 6 разъ болѣе получаемаго отъ ржи—высшая мѣра этого дохода. Напротивъ въ селеніяхъ исключительно земледѣльческихъ и притомъ отдаленныхъ отъ городовъ, доходъ съ усадебной земли принимается только въ полтора раза противъ дохода отъ ржи, а остальные разряды селеній находятся между двумя крайностями.

Обращаясь затѣмъ къ распредѣленію валоваго дохода между владѣльцами и крестьянами, авторъ говоритъ, что самой справедливой нормы для него надобно искать въ мѣстномъ обычаѣ относительно найма земель, съ нѣкоторымъ пониженіемъ цѣны въ пользу крестьянъ, платящихъ ренту деньгами. Такимъ образомъ въ мѣстностяхъ, гдѣ наемщики обрабатываютъ землю за $^1/_3$ произведеній, крестьяне должны быть обложены оброкомъ въ $^4/_7$ (не много менѣе $^2/_3$) получаемаго ими дохода, а гдѣ наемщики отдаютъ половину урожая, оброкъ долженъ быть $^3/_7$ (нѣсколько менѣе $^1/_2$).

Чтобы лучше объяснить примѣненіе этихъ положеній, авторъ беретъ въ примѣръ промышленное имѣніе въ окрестностяхъ Петербурга, гдѣ, по его мнѣнію, доходъ съ усадебной земли въ 6 разъ болѣе получаемаго отъ ржи, отъ яроваго поля равенъ ему, а съ луга и выгона составляетъ $^3/_4$ его; крестьяне надѣлены $^1/_2$ дес. земли подъ усадьбами, 1 дес. въ каждомъ полѣ, и $^1/_2$ дес. луга съ выгономъ,—всего 5 дес. Урожай ржи, за исключеніемъ сѣмянъ по три четверти съ десятины, а цѣна ржи 4 руб. 50 коп., слѣдовательно доходъ съ ржаной десятины 14 руб., оброкъ съ тягловой земли предположенъ въ $^1/_3$ валоваго дохода.

Валовой доходъ съ тягловаго участка:

Съ $^1/_2$ дес. усадебной и огородной земли	42	р.	
„ десятины ржи	14	„	
„ десятины яроваго	14	„	
„ $^1/_2$ десятины луга и выгона . . .	15	„	75 к.
Итого . . .	85	р.	75 к.
Оброкъ съ тягла	28	р.	60 к.

Для опредѣленія стоимости исполняемыхъ крестьянами земледѣльческихъ работъ, авторъ предполагаетъ, что хотя она въ дѣйствительности менѣе дохода, получаемаго отъ тягловой земли, но ее слѣдуетъ считать равною этому доходу, съ тѣмъ, чтобы крестьяне имѣли копѣйку на черный день и работали на помѣщика не по точному разсчету стоимости работъ, а нѣсколькими процентами выше; при этомъ условіи, по мнѣнію автора, трудъ ихъ во время переходнаго состоянія не будетъ ниже свободнаго труда. Согласно съ этимъ положеніемъ, г. Потуловъ считаетъ, что самая справедливая цѣна рабочаго дня получится, если цифру валоваго дохода, получаемаго крестьяниномъ отъ тягловаго участка, раздѣлить на все число рабочихъ дней, необходимое ему для исполненія какъ барщинныхъ, такъ и своихъ домашнихъ работъ.

Мы не видимъ, къ чему бы послужило на практикѣ предположеніе автора объ опредѣленіи дохода съ каждаго рода земель по сравненію съ доходами отъ земли, находящейся подъ рожью, такъ какъ эти доходы могутъ быть всего лучше опредѣлены дѣйствительною цѣнностью средняго урожая; принятіе же особой, неизмѣнной формулы для каждаго рода имѣній невозможно, по безконечному разно-

образію мѣстныхъ хозяйственныхъ условій, и по невозможности провести опредѣленную черту раздѣла, напр. между имѣніями, исключительно земледѣльческими, и просто земледѣльческими, слѣдовательно заключающими въ себѣ нѣкоторые начатки промышленности, и между этими имѣніями и промышленными. Что же касается до огромной цѣнности земель тамъ, гдѣ крестьяне хлѣбопашествомъ вовсе не занимаются, основанной на получаемыхъ ими промысловыхъ выгодахъ отъ усадебъ, то эту цѣнность мы признаемъ дѣйствительно только въ такомъ случаѣ, если будетъ доказано, что посторонніе наемщики дали бы за эти усадьбы плату, равную получаемому отъ крестьянъ оброку, и притомъ эта плата приходилась бы не за возведенныя крестьянами, большею частію на свой счетъ, строенія, а собственно за мѣстныя выгоды. Если же оброкъ много превышаетъ могущую получиться съ посторонніхъ наемщиковъ плату, то онъ есть налогъ на промышленныя способности крѣпостныхъ людей, подобный взыскиваемому нѣкоторыми помѣщиками оброку, по 100 и болѣе рублей серебромъ, съ особенно даровитыхъ крестьянъ или дворовыхъ людей, занимающихся ремеслами или торговлею въ столицѣ, ничего не получающихъ отъ своего владѣльца кромѣ освобожденія отъ полевыхъ или домашнихъ работъ, развѣ только обученныхъ ремеслу на его иждивеніи, и то большею частію посредствомъ отдачи на года, слѣдовательно почти безплатно. Подобный оброкъ вовсе не можетъ быть принимаемъ въ соображеніе при опредѣленіи цѣнности крестьянскихъ угодій.

Способъ, придуманный авторомъ, для опредѣленія цѣнности рабочаго дня посредствомъ раздѣленія получаемаго крестьянами дохода на сумму барщинныхъ и домашнихъ рабочихъ дней, намъ кажется весьма неудобнымъ, потому что домашнія работы крестьянъ исполняются кромѣ тягловыхъ людей и полурабочими, а при нѣсколько усиленной барщинѣ, почти исключительно лежатъ на полурабочихъ, которыхъ отношеніе къ числу тяглъ во дворѣ совершенно случайное: такимъ образомъ въ одномъ дворѣ оказалось бы одно число рабочихъ дней, а въ другомъ совершенно иное.

ЭКОНОМИЧЕСКАЯ ДѢЯТЕЛЬНОСТЬ И ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВО.

Благопріятна ли для личной свободы теорія *laissez faire, laissez passer?* — Можетъ ли государство, если бы и захотѣло, не имѣть чрезвычайно сильнаго вліянія на экономическую дѣятельность частнаго лица?—При какихъ условіяхъ прямое вмѣшательство законодательства въ экономическія отношенія бываетъ полезно для личной свободы.

Мы бесѣдовали съ экономистами отсталой школы о ихъ философскихъ предубѣжденіяхъ противъ общиннаго владѣнія; теперь побесѣдуемъ съ ними о тѣхъ предубѣжденіяхъ, которыя проистекаютъ изъ основнаго принципа ихъ собственно экономической теоріи. Принципомъ этимъ служитъ, какъ извѣстно, знаменитый девизъ: „невмѣшательство государства, полнѣйшая свобода частной дѣятельности". Они утверждаютъ, что, кто желаетъ прямаго участія законодательства въ опредѣленіи экономическихъ отношеній, тотъ отдаетъ личность въ жертву деспотизму общества. Мы постараемся показать, что ихъ собственная теорія именно и ведетъ къ этому, а потомъ изложимъ тѣ понятія объ отношеніяхъ государства къ экономической дѣятельности, которыя кажутся намъ болѣе благопріятными для личной свободы индивидуума и болѣе справедливыми.

Эта статья раздѣляется на двѣ половины. Въ первой мы бесѣдуемъ съ экономистами отсталой школы, пробуемъ принять ихъ теорію и смотримъ, къ чему она ведетъ. Убѣдившись въ томъ, что эта теорія повертывается рѣшительно въ невыгоду для личности, ищемъ для личности гарантій, болѣе практичныхъ и вѣрныхъ.

Счастливы люди, у которыхъ есть „абсолютный принципъ". Имъ не нужно ни наблюдать фактовъ, ни думать: у нихъ заранѣе готово лекарство для всякой болѣзни, и для всякой болѣзни одно и то же лекарство, какъ у знаменитаго доктора, каждому паціенту говорившаго: „принять слабительнаго и поставить клистиръ", purgare et clystirizare. Иванъ сломилъ ногу,—дать ему слабительнаго, поставить клистиръ, онъ будетъ здоровъ,—другихъ средствъ не нужно. У Петра обнаружилась золотуха,—все-таки другихъ средствъ не нужно, пусть принимаетъ слабительное и ставитъ клистиръ, тоже выздоровѣетъ. Наконецъ у Павла нѣтъ никакой болѣзни,—нужды нѣтъ, пусть принимаетъ слабительное и ставитъ клистиръ: purgare et clystirizare—будетъ еще здоровѣе. Purgare et clystirizare,—какъ упрощается теорія медицины, какъ облегчается медицинская практика этимъ талисманомъ!

Подобными талисманами владѣютъ многіе. Для „значительнаго лица“, къ которому Акакій Акакіевичъ обратился по поводу пропажи своей шинели, талисманомъ было „распечь“. Для экономистовъ отсталой школы такимъ же талисманомъ служитъ прелестный девизъ „невмѣшательство государства“. Девизы противоположны, но съ равнымъ удобствомъ примѣняются ко всему. Три четверти англійской націи состоятъ изъ бездомныхъ бѣдняковъ,—какъ помочь ихъ бѣдственному положенію? Экономисты отсталой школы говорятъ: „пусть государство перестанетъ вмѣшиваться въ ихъ дѣла, пусть уничтожитъ сборъ въ пользу бѣдныхъ“; значительное лицо гоголевской повѣсти говоритъ: „распечь ихъ!“ Французы увлеклись биржевыми спекуляціями до разорительной и безнравственной крайности,—какъ отвратить это зло? „Пусть государство не вмѣшивается въ экономическія отношенія“, говорятъ отсталые экономисты; „распечь ихъ!“ говоритъ значительное лицо.

Purgare et clystirizare,—какъ спокойна совѣсть при такомъ девизѣ! Золотуха у Петра мало по малу проходитъ,—это отъ того, что онъ ставилъ клистиръ и принималъ слабительное. Нога Ивана, оставленная безъ леченія, подверглась гангренѣ, и бѣдняга умираетъ,—это отъ того, что онъ мало принималъ слабительнаго и недовольно часто ставилъ клистиръ. Совѣсть доктора чиста, тишина его души невозмутима.

Мы не имѣемъ счастья обладать такимъ всеисцѣляющимъ средствомъ. Правда, есть у насъ общая норма для оцѣнки всѣхъ фактовъ общественной жизни и частной дѣятельности, „благо человѣка“,—но эта формула указываетъ только цѣль, а не даетъ готовыхъ средствъ къ ея достиженію: такъ для разсудительнаго медика есть одна общая норма дѣйствій,—„здоровье организма“, но она также указываетъ только цѣль, а еще не опредѣляетъ средствъ.

Какъ всѣ односторонніе люди, отсталые экономисты школы невмѣшательства государства очень полезны въ случаяхъ столкновенія съ какою нибудь другою односторонностью. Докторъ Санградо, имѣвшій универсальнымъ средствомъ кровопусканіе, могъ бы съ пользою для паціента найти сильное противорѣчіе своей нелѣпой исключительности въ другой столь же нелѣпой исключительности—purgare et clystirizare. Школа невмѣшательства государства оказывается очень благодѣтельною для общества въ спорахъ со школою, для которой универсальнымъ лекарствомъ служитъ гоголевское правило „распечь ихъ“.

Мы не отвергаемъ того, что въ старину принципъ laissez faire, laissez passer былъ чрезвычайно полезенъ, что и теперь во многихъ странахъ и во многихъ случаяхъ онъ является благотворнымъ, какъ ни одинъ разсудительный докторъ не отвергаетъ чрезвычайной пользы purgandi et clystirizandi въ очень многихъ случаяхъ. Мы только думаемъ, что не во всѣхъ болѣзняхъ пригодны и достаточны англійская соль и промывательное, что медицина не должна ограничивать своихъ средствъ ложкой кастороваго масла и бутылкою молока съ чеснокомъ; мы только думаемъ и постараемся доказать, что принципъ laissez faire, laissez passer не заключаетъ въ себѣ одинъ полнаго и готоваго отвѣта на всевозможные экономическіе вопросы, не можетъ считаться исключительнымъ рѣшеніемъ всѣхъ общественныхъ задачъ.

Не легко удерживать другихъ и самому удерживаться отъ односторонности въ практикѣ, гдѣ часто одинъ какой нибудь фактъ, рѣжущій глаза своею нелѣ-

постью, заставляетъ человѣка забывать обо всемъ остальномъ, кромѣ средства, служащаго противоядіемъ именно противъ этого факта. Когда у васъ передъ глазами откупъ и пьянство, трудно вамъ удержаться отъ проклятія вину; и напримѣръ французу или пруссаку, каждый шагъ котораго стѣсненъ путами мелочной бюрократіи, трудно помнить въ столкновеніяхъ практической жизни, что только дурная и утрированная форма государственнаго вмѣшательства въ частныя дѣла должна быть отвергаема, а не самый принципъ, и что противная односторонность была бы не менѣе вредна и даже не менѣе стѣснительна. На практикѣ трудно бываетъ иногда щадить принципъ въ спорѣ противъ формы. Но теперь мы только пишемъ статью, вы, читатель, будете перелистывать ее; мы оба въ своей комнатѣ, наединѣ, незанятые никакимъ практическимъ дѣломъ, никто намъ не мѣшаетъ, нѣтъ подлѣ насъ никакого ландрата или префекта, мы ушли на нѣсколько часовъ въ теоретическую жизнь, забыли о всѣхъ дрязгахъ, которые ждутъ насъ за порогомъ нашей комнаты, или даже ворвутся въ нее черезъ часъ, черезъ два; мы заняты теперь только отвлеченною теоріею, а въ теоріи критика односторонностей чрезвычайно легка.

Въ теоріи критика односторонностей такъ легка, что не бываетъ даже надобности спорить съ противникомъ объ основаніяхъ его системы. Можно сказать ему для скорѣйшаго окончанія дѣла: я впередъ принимаю за истину всѣ ваши принципы, каковы бы они ни были; потрудитесь высказать ихъ, и тогда я попрошу васъ только не отказываться отъ того, что вы разъ сказали. Мы спорить не будемъ: я буду развивать только собственныя ваши мысли и вы увидите, что эти принципы ведутъ къ тому самому, противъ чего вы возстаете. Помните только одно условіе: мы предположимъ, что ваши слова совершенно справедливы и что принципы, вами высказанные, выше всякаго сомнѣнія. Я предоставляю вамъ право имѣть какой угодно образъ мыслей и требую только одного: считайте вашъ образъ мыслей справедливымъ и не отказывайтесь отъ него. Мы скоро увидимъ, захотите ли вы сами хвалить его.

Мы на время вполнѣ принимаемъ за совершенную истину всю теорію laissez faire, laissez passer въ самомъ точномъ и безусловномъ ея выраженіи. Вотъ она:

„Экономической дѣятельности отдѣльнаго лица должна быть предоставлена совершенная свобода. Общество не имѣетъ права налагать на нее никакихъ стѣсненій. Государство не имѣетъ права заниматься ни однимъ изъ тѣхъ предметовъ дѣятельности, которые осуществляются или могутъ быть осуществлены силами отдѣльнаго лица. Государство существуетъ только для огражденія безопасности частныхъ лицъ и для отвращенія стѣсненій, которыя могли бы мѣшать полнѣйшему развитію частной дѣятельности. Иначе говоря, заботѣ государства подлежитъ только то, что не достигается и не можетъ быть достигнуто дѣятельностью частныхъ лицъ; иначе сказать, государство есть только стражъ безопасности частныхъ лицъ; безусловная свобода для дѣятельности частнаго лица есть верховный принципъ общества, и государство должно имѣть существованіе и дѣятельность только въ той мѣрѣ, какая нужна для осуществленія этого верховнаго принципа. Иначе сказать, идеалъ государственной дѣятельности есть нуль, и чѣмъ ближе можетъ оно подойти къ этому идеалу, тѣмъ лучше для общества“.

Мы выразили теорію laissez faire, laissez passer съ такою полнотою и точ-

ностью, что всѣ отсталые экономисты отъ Бастіа до г. Воловскаго (мы надѣемся скоро сообщить читателю о томъ, до какой безумной крайности дошелъ г. Воловскій въ крестьянскомъ вопросѣ по ослѣпленію принципомъ laissez faire, laissez passer) обѣими руками готовы были бы подписать изложенную нами теорію и провозгласили бы ее чистѣйшей эссенціей своего собственнаго ученья.

Итакъ мы становимся послѣдователями системы laissez faire, laissez passer; постараемся же вникнуть въ мысль, нами безусловно принятую и поставленную выше всякаго спора.

„Экономической дѣятельности отдѣльныхъ лицъ должна быть предоставлена совершенная свобода". Напримѣръ, если бы я хотѣлъ открыть лавку, положимъ, для торговли стеклянною посудою, общество не должно мѣшать мнѣ открыть ее; и если кто нибудь захочетъ помѣшать мнѣ въ этомъ, государство обязано отстранить полагаемое моей свободѣ стѣсненіе. Быть можетъ, существуетъ корпорація, присвоившая себѣ монополію торговли стеклянной посудой. Государство обязано отмѣнить монополію и уничтожить привилегированную корпорацію. Но быть можетъ, корпорація придумала поддерживать монополію не привилегіею, этимъ грубымъ средствомъ простаковъ, а другими болѣе хитрыми и удачными способами. Напримѣръ, располагая огромными денежными средствами, она могла бы закупить на стеклянномъ заводѣ всю посуду, или, что еще вѣрнѣе, обязать хозяина завода контрактомъ, чтобы онъ не смѣлъ продавать посуду съ завода никому, кромѣ этой самой корпораціи,—тогда я также былъ бы лишенъ возможности открыть лавку стеклянной посуды; для моей экономической свободы было бы тоже стѣсненіе какъ и прежде, и государство также было бы обязано позаботиться о средствахъ возвратить мнѣ свободу, уничтоженную коварнымъ дѣйствіемъ корпораціи. Быть можетъ, средства достаточныя и пригодныя для прекращенія монополіи, основанной на привилегіи, были бы непригодны и недостаточны противъ этого болѣе тонкаго образа дѣйствій; но мы здѣсь говоримъ не о томъ, каковы должны быть средства, употребляемыя государствомъ для исполненія своей обязанности, а только о томъ, какова обязанность государства: она остается одна и та же,—отстранить стѣсненіе, мѣшающее мнѣ заняться извѣстнымъ родомъ торговли. Вы скажете, можетъ быть, что вовсе нѣтъ средствъ отвратить монополію во второмъ случаѣ,—я этого пока не знаю; но если это такъ, я говорю, что бываютъ случаи, въ которыхъ государство не имѣетъ возможности исполнить свою обязанность; а неисполненіе обязанности есть ея нарушеніе,—и я говорю, слѣдовательно, что бываютъ случаи, когда государство вынуждается необходимостью нарушать приписанную нами ему обязанность. Итакъ одно изъ двухъ: или нельзя приписывать государству исключительной обязанности—охранять свободу экономической дѣятельности, или всегда могутъ быть найдены государствомъ средства для ея охраненія. Мы уже согласились приписать государству эту обязанность, потому должны предположить, что всегда могутъ быть найдены средства для ея исполненія.

Согласны ли вы со мною? Если не согласны, то откажитесь, какъ отъ нелѣпой невозможности, отъ вашей первой мысли: „экономической дѣятельности отдѣльнаго лица должна быть предоставлена совершенная свобода". Но мы уже поставили условіемъ, что ваши мысли безусловно справедливы и что вы не имѣете права отъ нихъ отказываться. Если вы не хотите соблюдать этого условія,—

опять-таки полная вамъ воля; но въ такомъ случаѣ я объявляю, что вы сами не знаете, что говорите, что у васъ нѣтъ прочнаго образа мыслей, что я не только не обращаю, но и не имѣю права обращать ровно никакого вниманія на ваши мнѣнія.

Разумѣется, вы этого не захотите. Вы думаете, что у васъ есть образъ мыслей, что онъ заслуживаетъ вниманія, что вы остаетесь ему вѣрны, и вы не откажетесь отъ вашихъ словъ. Помните же, въ чемъ мы теперь съ вами согласились: на государствѣ лежитъ обязанность охранять совершенную свободу экономической дѣятельности отдѣльнаго лица. Помните же, что какой ни представился бы намъ случай, мы должны будемъ отыскивать средства къ охраненію такой свободы, и если кто нибудь станетъ жаловаться на стѣсненія, мы не можемъ отказать ему въ нашемъ содѣйствіи подъ предлогомъ, что нѣтъ способовъ устранить это стѣсненіе. Согласны ли? Я предчувствую, что васъ начинаетъ коробить; но что дѣлать? Вѣдь мы сами объявили вашъ образъ мыслей справедливымъ; вы убѣдили меня принять его; вы не имѣете права жаловаться на непрактичность моихъ словъ: они только повтореніе вашихъ собственныхъ словъ, которыя мы съ вами уже признали совершенно истинными. Изслѣдуемъ же далѣе вашу истину.

„Общество не имѣетъ права налагать на экономическую дѣятельность отдѣльнаго лица никакихъ стѣсненій“. Вы не думайте, что я поступлю съ вами коварно, что я стану придавать вашей теоріи смыслъ, котораго она не имѣла въ вашемъ умѣ, напримѣръ выводить изъ нея, будто общество не имѣетъ права налагать податей и повинностей, или дѣлать полицейскихъ распоряженій для охраненія порядка. Я знаю, что вы хотѣли понимать вещи разсудительно и что вы друзья порядка, что, говоря „никакихъ стѣсненій“, вы подразумѣвали: „кромѣ стѣсненій, дѣйствительно нужныхъ для огражденія порядка и для избѣжанія другихъ болѣе непріятныхъ стѣсненій“. Правда-ли, я угадалъ вашу мысль? Но въ такомъ случаѣ къ чему мы пришли? Мы ужъ не можемъ отвергать какую нибудь мѣру однимъ восклицаніемъ: „она стѣснительна!“ Нѣтъ, мы ужъ обязаны всматриваться, не полагаетъ ли общество, что этимъ стѣсненіемъ оно предотвращаетъ какое нибудь другое стѣсненіе, болѣе тяжелое, или охраняетъ порядокъ. И если общество скажетъ, что оно такъ думаетъ, мы остаемся безгласны. Въ какое мы положеніе стали? Если бы, напримѣръ, обществу вздумалось постановить правиломъ, чтобы люди по улицамъ не могли ходить иначе, какъ заложивъ руки за спину, что могли бы мы возразить противъ этого? Общество сказало бы, что полагаетъ стѣснительнымъ для людей ходить не заложивъ руки за спину: во-первыхъ, когда руки болтаются или локти выставлены, прохожіе безпрестанно задѣваютъ другъ друга,—это стѣснительно, и лучше заложить руки за спину, чтобы меньшимъ стѣсненіемъ избѣжать большаго: во-вторыхъ, когда руки заложены за спину, грудь выставляется впередъ, дыханіе становится легче и шире, легкія развиваются и укрѣпляются, и черезъ нѣсколько времени человѣкъ освобождается отъ стѣсненія въ груди, которымъ всѣ городскіе жители болѣе или менѣе страждутъ: стало быть опять таки меньшимъ стѣсненіемъ отвращается большее. Мы съ вами могли бы находить, что все это глупо, но не могли бы сказать, что общество превысило тѣ границы власти, которыя мы съ вами сами предписали ему. Да то ли еще? Общество тогда могло бы принуждать насъ съ вами рѣшительно ко всему,

что ему вздумается, напримѣръ, хотя бы ходить вверхъ ногами во время грязи. Оно сказало бы, что ноги можно промочить, а руки не боятся сырости, да и кромѣ того таскать калоши на ногахъ очень стѣснительно, а во время грязи, если ходить на ногахъ, то необходимо таскать калоши, если же ходить вверхъ ногами — на рукахъ, вмѣсто ногъ, то отъ стѣсненія калошами человѣкъ избавляется. „Но послушайте, это однакожъ явная безсмыслица. Нужно же имѣть хоть каплю здраваго смысла". Вотъ оно куда пошло! Такъ ужъ понадобился здравый смыслъ? Я всегда предполагалъ надобность въ немъ; но теперь, къ сожалѣнію, мы не имѣемъ права ссылаться на него: вѣдь мы уже поставили принципомъ нашихъ разсужденій извѣстную теорію, сказали, что признаемъ ее безусловно справедливою, — что жъ намъ теперь дѣлать съ здравымъ смысломъ, если онъ возстаетъ противъ того или другаго приложенія нашей теоріи? Онъ мѣшается не въ свое дѣло, мы обязаны прогнать его. Вѣдь мы уже сказали, что общество можетъ налагать на дѣятельность частнаго лица меньшее стѣсненіе, чтобы избѣжать большаго. Кто налагаетъ? общество. Слѣдовательно, въ чьихъ понятіяхъ опредѣляется, что больше и что меньше?—въ понятіяхъ общества. Стало быть, кто судья о томъ, какимъ стѣсненіямъ должна подвергнуться наша съ вами жизнь? опять таки общество. Стало быть, общество имѣетъ право сдѣлать съ нами совершенно все, что ему угодно,—вотъ къ чему привела насъ наша теорія. Если, напримѣръ, общество вздумало бы, что указательный палецъ стѣсняетъ мою дѣятельность, и велѣло бы отрѣзать его, или вздумало бы, что смотрѣть двумя глазами для меня не такъ удобно, какъ смотрѣть однимъ правымъ, и велѣло бы выколоть мнѣ одинъ глазъ,— я не могъ бы сказать, что оно превышаетъ свои права надо мной. „Но это возмутительно, это безчеловѣчно!" — Почему же?— „Да это гнусно!" — Почему же гнусно?— „Да это возмутительно и безчеловѣчно!" —Ну вотъ опять за старое. Я спрашиваю, почему же возмутительно?— „Потому что это противно чувству справедливости!" —Вотъ какъ... Ну, а почему же безчеловѣчно?— „Да какъ же не безчеловѣчно рѣзать палецъ и выкалывать глазъ невинному человѣку? Вѣдь этимъ нарушаются священныя права человѣческой личности!" —Вотъ оно куда пришло! Справедливость, священныя права человѣческой личности... Я всегда предполагалъ, что эти вещи не мѣшаетъ принимать въ соображеніе; но къ сожалѣнію, теперь мы не можемъ этого сдѣлать: мы уже взяли извѣстную теорію за безусловную истину, и если справедливость будетъ ею нарушаться, если священныя права человѣческой личности будутъ ею разрушаться, мы можемъ только пожимать плечами и говорить: жаль, а нечего дѣлать; теорія справедлива, слѣдовательно все противное ей ложь. А другіе утѣшатъ насъ, объяснивъ, что это только такъ кажется, будто справедливость и человѣческія права нарушаются нашей теоріей: а въ самомъ дѣлѣ нарушенія тутъ никакого нѣтъ.

Вы догадываетесь, что прибавкою къ словамъ „общество не имѣетъ права налагать на отдѣльнаго человѣка никакихъ стѣсненій" вашей милой оговорки: „кромѣ стѣсненій, нужныхъ для огражденія порядка и для избѣжанія другихъ болѣе непріятныхъ стѣсненій," вы обратили вашу теорію свободы въ теорію безграничнаго произвола общественной власти надъ отдѣльною личностью, предали личность связанною по рукамъ и по ногамъ въ жертву необузданнѣйшаго деспотизма. Вы раскаеваетесь въ этой прибавкѣ, вы хотѣли бы взять ее назадъ.—это вы можете, вѣдь она была только моею догадкою о смыслѣ вашей теоріи. Вы сна-

чала одобрили догадку, потомъ мы съ вами увидѣли, что она нелѣпа, такъ бросимъ ее. Возвратимся къ вашей теоріи безъ всякихъ догадокъ о ея смыслѣ. Въ теоріи говорилось: „общество не имѣетъ права налагать на экономическую дѣятельность отдѣльнаго лица никакихъ стѣсненій". Только этихъ словъ вы не можете брать назадъ по нашему уговору, отъ всякихъ дополненій вы можете отказываться. Итакъ—„никакихъ стѣсненій". Ну, и прекрасно. Пусть такъ и будетъ, безъ всякихъ ограниченій и исключеній. Я чувствую наклонность къ огородничеству. Прохожу по Обводному Каналу, вижу огородъ, вижу заступъ у одной гряды, начинаю копать, душа моя въ восторгѣ, моя дѣятельность полезна обществу, намѣренія мои чисты. Но приходитъ сторожъ, видитъ незнакомаго человѣка, подозрѣваетъ во мнѣ намѣреніе воспользоваться его огурцами, призываетъ будочника и будочникъ соглашается съ нимъ, что я не смѣю заниматься работою на его огородѣ безъ его согласія. Что же мнѣ дѣлать? (Если меня не посадили подъ арестъ за подозрѣніе въ намѣреніи похитить чужую собственность). Общество говоритъ: „ты наймись въ работники у огородника". Но если огородникъ предлагаетъ мнѣ условія стѣснительныя для моей свободы? Напримѣръ, если онъ требуетъ, чтобы я каждый день приходилъ работать къ нему? Я этого не могу. Итакъ, моя дѣятельность стѣснена. Я не возстаю противъ огородника, онъ можетъ быть и правъ: но по нашей съ вами теоріи общество должно найти средство для меня заниматься огородничествомъ безъ стѣсненія моей свободы. Я предполагаю, что единственное средство къ тому: устроить общественный огородъ, въ которомъ работалъ бы каждый, когда хочетъ и сколько хочетъ. Можетъ быть, это неудобоисполнимо; по нашей теоріи я не хочу и не долженъ знать этого. Вѣдь мы уже видѣли: теорія ставитъ насъ въ необходимость предполагать, что способы къ доставленію полной свободы экономической дѣятельности отдѣльнаго лица всегда могутъ быть найдены. Мы съ вами вовсе не возстаемъ противъ собственности,—сохрани насъ Богъ!—но примѣръ огородника показываетъ намъ, что принадлежность извѣстной собственности извѣстному одному лицу можетъ налагать стѣснительныя условія на экономическую дѣятельность другихъ лицъ, и наша теорія показываетъ, что на обществѣ лежитъ обязанность пріискать средства для отстраненія этихъ стѣсненій. Я предложилъ одно средство: завести общественный огородъ. Если оно вамъ не нравится, пріищите другія средства, но пожалуйста пріищите, потому что иначе вся наша теорія laissez faire, laissez passer разлетѣлась бы въ пыль,—а вѣдь мы уже согласились съ вами, что она безусловно справедлива. Продолжаемъ же вникать въ ея истины.

„Государство существуетъ только для огражденія безопасности частныхъ лицъ и для отвращенія стѣсненій, которыя могли бы мѣшать полнѣйшему развитію частной дѣятельности". Только для этого, больше ни для чего. Но и тутъ хлопотъ ему будетъ довольно. „Огражденіе безопасности",—въ старину, когда люди были глупы, они думали, что безопасность можетъ быть достаточно ограждена карательными средствами. (Это я говорю какъ отсталый экономистъ, а еслибъ я не былъ связанъ уговоромъ держаться отсталыхъ мнѣній, я полагалъ бы, что въ старину люди не были слишкомъ глупы, и никогда этого не думали): но теперь каждый знаетъ, что этого мало. Напримѣръ, экономическая дѣятельность чрезвычайно страждетъ отъ поддѣлки бумажныхъ денегъ. Во всѣхъ государствахъ есть очень строгіе законы противъ этого преступленія. Но въ старину, когда наши ас-

сигнаціи имѣли очень грубую гравировку, все-таки чуть ли не въ каждой губерніи находилось по нѣскольку артистовъ, успѣшно производившихъ поддѣлку при помощи деревянной доски, гвоздя и шила: болѣе замысловатыхъ орудій не было нужно, и рука набивалась къ этому дѣлу очень легко. Что-жъ вы думаете? Нашли противъ доморощенныхъ артистовъ средство болѣе дѣйствительное, нежели строгость наказаній: нынѣшніе кредитные билеты имѣютъ такую тонкую гравировку, что гвоздемъ и шиломъ нельзя ихъ поддѣлать, и развѣ самый искусный граверъ можетъ вырѣзать порядочную форму для нихъ; при томъ и бумага для кредитныхъ билетовъ употребляется совершенно особенная, такъ что мало быть отличнымъ гравером, нужно имѣть еще отличную бумажную фабрику, чтобы поддѣлывать бумажныя деньги сноснымъ образомъ. Кому изъ отличныхъ граверовъ, получающихъ большія деньги за честную работу, прійдетъ охота рисковать собою, и какой хозяинъ отличной бумажной фабрики захочетъ помогать ему? Ремесло поддѣлки, сильно упавшее, исчезло бы совершенно, если бы не одно обстоятельство: есть много безграмотныхъ людей, которые не могутъ прочесть на оборотѣ кредитной бумажки бисернаго шрифта и не догадываются смотрѣть кредитный билетъ на свѣтъ, чтобы видѣть—имѣетъ ли бумага надлежащіе знаки. Ясно, что распространеніе грамотности убьетъ и послѣдніе слабые остатки ремесла, прежде процвѣтавшаго, несмотря ни на какія наказанія. Изъ этого мы видимъ, что для огражденія безопасности мало однихъ карательныхъ законовъ: нужно также, чтобы нарушеніе безопасности перестало быть выгоднымъ и нужнымъ для отдѣльныхъ лицъ. Для доморощенныхъ артистовъ, работающихъ гвоздемъ и шиломъ, поддѣлка бумажныхъ денегъ перестала быть выгодною, потому что прекратился сбытъ ихъ грубымъ издѣліямъ; для отличныхъ граверовъ и хозяевъ бумажныхъ фабрикъ поддѣлка не нужна, потому что у нихъ и безъ того довольно денегъ. Приложимъ эти правила къ обыкновеннѣйшимъ случаямъ нарушенія безопасности: къ убійству, грабежу и воровству. Воровствомъ обыкновенно занимаются люди, дошедшіе до нищеты. Стало быть, если государство обязано ограждать безопасность, оно обязано заботиться, чтобы никто не доходилъ до нищеты. Какъ это сдѣлать? Я полагалъ бы, что слѣдовало бы принимать мѣры къ устройству такого общественнаго порядка, при которомъ каждый человѣкъ имѣлъ бы нѣкоторую собственность и находилъ бы всегда удобства заработывать безбѣдныя средства для жизни честнымъ трудомъ. Я полагалъ бы также, что нужно заботиться объ отнятіи привлекательности у пороковъ, доводящихъ до нищеты. Наконецъ, я полагалъ бы, что можно было бы позаботиться о смягченіи нравовъ. Согласны ли вы на это? Если такъ, государству будетъ очень много дѣла. Напримѣръ, возьмемъ изъ трехъ задачъ хоть только одну вторую: отнятіе привлекательности у пороковъ, и возьмемъ хотя только одинъ порокъ, напримѣръ расточительность. Каждый знаетъ, что она бываетъ причиною множества бѣдствій, а экономисты, всматривавшіеся въ жизнь поглубже отсталыхъ людей, мнѣнія которыхъ мы приняли на время, находятъ, что эта слабость производитъ гораздо болѣе бѣдствій, нежели самые ужасные пороки. Какъ же ослабить ее? Вы помните исторію Маши и ея мужа:

Бѣлый день занялся надъ столицей...

Конечно, грѣхъ и говорить о расточительности бѣдной молодой женщины, которая, какъ видно, не имѣетъ ни кареты, ни даже ложи въ Итальянской Оперѣ.

хотя бы въ четвертомъ ярусѣ; но все-таки къ чему приходитъ дѣло? Чтобы не огорчать жену отказами, мужъ трудится выше силъ и скоро долженъ умереть отъ чахотки. Вотъ вамъ и великая бѣда. Что станетъ дѣлать несчастная вдова? Ее ожидаетъ нищета, быть можетъ, развратъ. Притомъ какъ хотите, а все-таки она—убійца мужа. Впрочемъ, такая развязка рѣдкій случай. Мужъ Маши—человѣкъ слишкомъ твердаго характера, слишкомъ высокаго нравственнаго развитія, какихъ немного:

Человѣкъ онъ былъ странной породы,
Исключительно честь понималъ.

Изъ цѣлой сотни людей развѣ двое имѣютъ такую твердость характера и мысли: остальные, извѣстно, какъ поступаютъ для пріобрѣтенія нужныхъ денегъ: они не отвергаютъ „прекраснаго средства“, представляемаго находящимся „подъ рукою казеннымъ сундукомъ“ и тому подобными источниками. Тутъ ужъ погибаетъ не одно семейство, а страдаетъ цѣлая нація. Какъ же ослабить расточительность? Что надобно сдѣлать, чтобы Маша не убивала мужа и не заставляла его подумывать о казенномъ сундукѣ? Надобно посмотрѣть, отчего происходитъ, чѣмъ поддерживается ея слабость къ нарядамъ.

Завтра Машѣ подруга покажетъ
Дорогой и красивый нарядъ.—
Ничего ему Маша не скажетъ,
Только взглянетъ... убійственный взглядъ!

Значитъ, покуда не переведутся подруги, у которыхъ много лишнихъ денегъ на пустые наряды, нельзя вылечить и Машу. Да эта ли одна бѣда? Мужъ думаетъ иногда поговорить съ Машей, что надобно жить скромнѣе,—

Да обидится гордая теща.

Нельзя жить скромно, иначе перессоришься съ родными. Значитъ, плохо будетъ дѣло, пока извѣстный размѣръ расходовъ считается обязанностью, налагаемою на человѣка его именемъ. Да и это еще не все. Въ самой Машѣ третья бѣда, съ которой всего труднѣе справиться—

Все бы вздоръ.... только съ Машей не сладишь;
Не втолкуешь....

Маша дурно воспитана. Пока не измѣнится характеръ воспитанія, ничего порядочнаго нельзя ожидать.

Посмотрите же теперь: изъ одного случая, касающагося только одного изъ многихъ вопросовъ, представляемыхъ только одною изъ трехъ задачъ, какія уже обширныя обязанности найдены нами для государства. Оно должно позаботиться объ уменьшеніи числа людей, имѣющихъ возможность сорить деньги, которымъ счета не знаютъ; оно должно позаботиться о прекращеніи чванства именами; оно должно позаботиться объ улучшеніи воспитанія. Какія мѣры оно приметъ къ тому, мы не знаемъ; теперь мы не даемъ совѣтовъ объ употребленіи власти, а разсматриваемъ только предѣлы власти, опредѣляемые обязанностію правительства заботиться о безопасности. Что бы ни предприняло государство для достиженія най-

денныхъ нами цѣлей, оно останется въ предѣлахъ своей власти, если мы будемъ принимать теорію, поставляющую исключительнымъ долгомъ правительства заботу объ одной безопасности. Можно было бы разсуждать о томъ, приведутъ ли къ желаемому результату, т. е. къ искорененію расточительности предпринятыя государствомъ мѣры, но нельзя было бы сказать, что оно превысило мѣру власти, предоставляемой ему теоріею отсталыхъ экономистовъ, предписывающихъ ему ограничиваться однимъ наблюденіемъ за общественной безопасностью. Нарушается ли безопасность преступленіями? Нарушается. Служитъ ли расточительность одною изъ причинъ преступленій? Служитъ. Въ правѣ ли государство принимать мѣры для отстраненія фактовъ вредныхъ для безопасности? Не только въ правѣ, но и обязано по принятой на время нами теоріи. Послѣ этого не остается никакихъ разсужденій. Мы говоримъ не о томъ, какія мѣры благоразумны, какія нѣтъ, какія человѣчны, какія безчеловѣчны,—мы говоримъ только о томъ, какія будутъ законны по нашей теоріи. Быть можетъ, вы теперь думаете, что напрасно мы допускали ее безусловно, что напрасно не сдѣлали мы оговорки о правахъ здраваго смысла и человѣческой личности. Быть можетъ,—но ужъ выдержимъ на минуту характеръ, соблюдемъ свое обѣщаніе твердо держаться теоріи и просмотримъ всю ее до конца. А потомъ, когда пресытимся этою прелестью, посмотримъ,—много ли останется изъ нашей теоріи, если мы подчинимъ ее требованіямъ здраваго смысла и правамъ человѣческой личности. Быть можетъ, вы пресытились ею даже и теперь; но мы наслышались о ней столько хорошаго, что непремѣнно хотимъ разсмотрѣть всѣ ея красоты. Почему знать? можетъ быть въ концѣ найдется что нибудь новенькое.

Мы уже знаемъ, что государство существуетъ только для огражденія безопасности. Этотъ основной принципъ теоріи развивается и поясняется нѣсколькими перифразами, имѣющими, повидимому, тотъ же самый смыслъ. Первый перифразъ таковъ: „иначе говоря, заботѣ государства подлежитъ только то, что не достигается и не можетъ быть достигнуто дѣятельностью частныхъ лицъ“. Прекрасно: по этому правилу на обязанности государства лежитъ содержать армію и флотъ, безъ которыхъ нѣтъ безопасности и которые не могутъ быть содержимы частными лицами. Но что, если я скажу, что напримѣръ доставленіе каждому члену общества возможности жить честнымъ трудомъ (условіе также необходимое для общественной безопасности, потому что кто не можетъ жить честнымъ трудомъ, по необходимости берется за дурныя средства) также достигается только общественною волею (закономъ) и общественною дѣятельностью, а не дѣятельностью частныхъ лицъ? Вы предчувствуете, куда ведутъ такія слова. Впрочемъ не бойтесь. Я имѣю въ виду пока не простолюдиновъ, не черныя работы,—нѣтъ, мы приняли теорію людей богатыхъ, и будемъ говорить прежде всего о такъ называемыхъ высокихъ потребностяхъ и занятіяхъ. Напримѣръ, при нынѣшнемъ состояніи мореходства нужна астрономія. Для астрономіи нужны между прочимъ каталоги звѣздъ. Можетъ ли составленіе каталога звѣздъ окупиться распродажею этой книги, какъ окупаются вздорныя повѣстушки и пустыя статейки? Составленіе звѣзднаго каталога требуетъ многихъ годовъ,—чѣмъ будетъ жить составитель до окончанія своей работы? По ея окончаніи книга разойдется въ 50 экземплярахъ и вмѣсто выгоды, ея напечатаніе дастъ страшный недочетъ. Что же изъ этого слѣдуетъ? Полезный трудъ долженъ обезпечивать жизнь трудящагося. Каталогъ

вѣздъ полезенъ. Но частные люди, въ отдѣльности каждый, не обезпечиваютъ должнаго вознагражденія за него. Ясно, что государство обязано дать средства для этого труда. Беремъ другой примѣръ. Предположимъ, что маленькому мальчику или человѣку страждущему помѣшательствомъ ума достался домъ: предположимъ, что у бѣдняжки нѣтъ близкихъ родственниковъ, или что они люди недобросовѣстные. Вы прерываете меня и говорите, къ чему тянуть дѣло? ясно, что домъ надобно взять въ опеку. Ясно ли? Предупреждаемъ, что выводы изъ этого довольно важны. Но ни одинъ изъ отсталыхъ экономистовъ не думалъ еще отвергать необходимость опеки въ подобномъ случаѣ. Стало быть, дѣло можно считать безспорнымъ. Теперь спрашивается, на чемъ основана необходимость опеки? На неспособности взятаго въ примѣръ человѣка управлять своими дѣлами. На чемъ же основана его неспособность? На недостаточномъ или болѣзненномъ развитіи его ума. Отчего же у маленькаго ребенка слабъ умъ? отчего помѣшанный лишился разсудка? „Какое мнѣ дѣло, отвѣчаете вы. Мы говоримъ не о физіологіи и занимаемся не сплетнями, мы рѣшаемъ практическій вопросъ, для рѣшенія котораго все равно, каковы бы ни были причины слабоумія. Общество знаетъ только, что извѣстное лицо не имѣетъ способности управлять своимъ домомъ, и больше ничего знать не обязано, а обязано учредить опеку". Помните же, до чего мы дошли: кто не способенъ оберегать свои выгоды, выгоды того должны оберегаться обществомъ. Такъ ли? Если не такъ, то общество не имѣетъ права учреждать опеки надъ дѣтьми и лишенными разсудка.

Подведемъ же итогъ къ результатамъ полученнымъ нами: общество должно доставить приличное вознагражденіе за трудъ человѣку, желающему и умѣющему заниматься честнымъ и полезнымъ трудомъ, если безъ вмѣшательства общества онъ не находитъ для себя вознагражденія. Общество обязано принимать на себя заботу о дѣлахъ такихъ людей, которые не могутъ сами охранять своихъ интересовъ.

Принимаете ли вы эти выводы? Если не принимаете, вы отказываетесь отъ собственной вашей теоріи, а мы уже согласились не отказываться отъ нея. Кромѣ того, вы не признаете за обществомъ такихъ правъ, или, лучше сказать, обязанностей, какъ напримѣръ учрежденіе опеки надъ дѣтьми-сиротами.

Если же вы принимаете эти выводы, ими разрушается вся первая половина вашей теоріи: на общество налагаются обязанности гораздо болѣе обширныя, нежели простая забота о безопасности. Въ самомъ дѣлѣ, развѣ нарушится безопасность, если жильцы дома, принадлежащаго ребенку, не станутъ ничего платить ему за квартиру, а просто возьмутъ его на прокормленіе себя, хоть бы съ цѣлью сдѣлать его своимъ слугою, когда онъ выростетъ? Безопасность лица тутъ неприкосновенна.— „Но страдаютъ его экономическіе интересы". Вотъ именно о томъ мы и говоримъ: стало быть общество обязано оказывать защиту всякому, чьи интересы пострадали бы безъ вмѣшательства общества. Вѣдь это уже принципъ гораздо болѣе обширный, нежели охраненіе безопасности. Послѣ этого, значитъ, если я заключилъ невыгодный для меня контрактъ, то общество можетъ объявить этотъ контрактъ недѣйствительнымъ? Вѣдь мои интересы пострадали бы безъ этого?

Въ самомъ дѣлѣ, удивительно, какимъ образомъ одни и тѣ же люди, т. е. отсталые экономисты, за одинъ пріемъ высказываютъ два правила, будто бы совершенно согласныя: „государство должно заботиться только объ огражденіи без-

опасности" и „государство обязано дѣлать то, что не достигается дѣятельностью частныхъ лицъ". Какъ не замѣчали они, что вторая обязанность несравненно обширнѣе первой? Вѣдь потребности общества и частныхъ лицъ не ограничиваются одной безопасностью; есть также потребности матеріальнаго благосостоянія, нравственнаго и умственнаго развитія, потребности сердца,—и мало ли какихъ другихъ законныхъ потребностей? Ясно, что кто говоритъ вторую фразу, тотъ въ первой фразѣ слово „только" долженъ замѣнить словомъ „между прочимъ".

Послѣ этого не нужно намъ и говорить о слѣдующемъ объясненіи „государство есть только стражъ безопасности частныхъ лицъ"; его смыслъ зависитъ отъ слова „только", а мы сейчасъ видѣли, что оно должно замѣниться словомъ „между прочимъ". Но любопытно послѣднее объясненіе. „Идеалъ государственной дѣятельности есть нуль, и чемъ ближе можетъ она подойти къ этому идеалу, тѣмъ лучше для общества". Опять какъ не видѣть, что это объясненіе совершенно разрушаетъ всю прежнюю теорію, по которой забота государства ограничивалась одною безопасностью. Вмѣшательство государства требуется тѣмъ чаще, чѣмъ больше совершается преступленій, чѣмъ чаще нарушается порядокъ. Каждому извѣстно, что бѣдность, невѣжество, грубость нравовъ и развратъ — главные источники преступленій и нарушеній порядка; слѣдовательно, чѣмъ больше заботъ будетъ употреблять государство на искорененіе бѣдности, невѣжества, грубости нравовъ и разврата, тѣмъ менѣе будетъ ему хлопотъ, тѣмъ менѣе будетъ сумма его вмѣшательствъ.

Мы уже говорили объ этомъ, приводя въ примѣръ Машу и ея мужа. Если самостоятельность общества дѣйствительно должна быть цѣлью общественной теоріи, то очевидно, что этой цѣли можно достигнуть только покровительствомъ всему, что содѣйствуетъ развитію самостоятельности, — именно, заботою объ истребленіи бѣдности, распространеніи просвѣщенія, о смягченіи нравовъ и объ истребленіи тѣхъ причинъ, отъ которыхъ портится характеръ и получаютъ фальшивое направленіе человѣческія наклонности.

Въ странномъ видѣ излагается теорія невмѣшательства государства въ экономическія отношенія. Къ ней прилагаются объясненія, прямо ей противорѣчащія. Мы не можемъ осуждать ученыхъ, бывшихъ первыми ея основателями: они жили въ другія времена, они не видѣли многихъ фактовъ, которые теперь передъ глазами у каждаго. Притомъ же Адамъ Смитъ и ближайшіе его послѣдователи вовсе не доходили до той односторонности, противъ которой возстаемъ мы. Но непростительно нашимъ современникамъ не хотѣть замѣчать того, что каждому бросается нынѣ въ глаза; непростительно искажать для поддержки ветхаго тѣ мысли, которыя въ свое время были двигательницами прогресса.

Теорія, провозглашавшая невмѣшательство правительства въ экономическія отношенія, возникла въ тѣ времена, когда самая Англія, не говоря уже о континентальныхъ государствахъ, страдала больше всего отъ обветшалыхъ средневѣковыхъ регламентацій. Эти регламентаціи поддерживались общественною властью. Какъ же было не говорить тогда умнымъ и честнымъ людямъ, что вмѣшательство общественной власти въ экономическія отношенія вредитъ развитію промышленныхъ силъ? Въ самомъ дѣлѣ, въ большей части случаевъ оно было вредно: въ самомъ дѣлѣ, первой потребностью общества было—избавиться отъ мелочной и неразсудительной опеки. Съ той поры обстоятельства во многомъ перемѣнились.

Какъ и въ чемъ именно, объ этомъ мы говорили уже много разъ, да и каждому это больше или меньше извѣстно. Замѣтимъ только одинъ общій результатъ перемѣны. Читатель знаетъ, что мы имѣемъ въ виду исключительно исторію Западной Европы. На чемъ основываются теперь почти всѣ стѣснительныя мѣры, принимаемыя западными правительствами? Для всѣхъ ихъ представляется исключительнымъ оправданіемъ общественная безопасность. Зачѣмъ напримѣръ нужны паспорты при въѣздѣ въ Папскую Область, въ Ломбардію, въ Богемію, въ Галицію? „Для общественной безопасности". Зачѣмъ нуженъ стѣснительный надзоръ за жизнью частнаго лица въ Вѣнѣ, въ Прагѣ, въ Миланѣ? „Для общественной безопасности". Зачѣмъ содержится страшная армія въ Австріи, которая едва ли имѣетъ пять гульденовъ звонкой монеты? „Для общественной безопасности". Словомъ сказать, какая бы прицѣпка ни задѣла васъ на континентѣ Западной Европы, нечего и спрашивать: откуда она и зачѣмъ она?—Знайте напередъ, что отвѣтъ на все одинъ: „это нужно для поддержанія порядка и общественной безопасности".

Поэтому намъ кажется, что теорія, поставляющая исключительною заботою правительства охраненіе общественной безопасности, не сообразна съ обстоятельствами настоящаго времени для Западной Европы. Фактическая сила правительства надъ обществомъ не зависитъ отъ теорій, она опредѣляется правами общества и его потребностями. Теорія можетъ только опредѣлять предметы, на которые слѣдуетъ обращаться этой силѣ. Каждому извѣстно, какое дѣйствіе производится сосредоточеніемъ силы въ извѣстномъ направленіи, обращеніемъ ея дѣятельности на меньшее число предметовъ: чѣмъ меньше будетъ ихъ, тѣмъ съ большею энергіею станетъ охватывать ихъ данная сила. Отсталые экономисты совершенно ошибаются, воображая, что измѣняютъ пропорцію вообще между количествомъ правительственнаго вмѣшательства и количествомъ самодѣятельности общества, когда настаиваютъ на томъ, чтобы правительство занималось исключительно однимъ предметомъ, не касаясь другихъ: сумма административнаго вмѣшательства остается все та же самая, только прилагается къ одному предмету. Изъ пяти единицъ составляется одна цифра пять, только въ томъ и разница. Но нѣтъ, мы ошиблись, чрезмѣрнымъ и одностороннимъ сосредоточеніемъ силъ на одномъ предметѣ нарушается прежній общественный балансъ. На что бы ни была обращена дѣятельность правительства, все-таки она постепенно измѣняетъ своимъ вліяніемъ нравы и потребности общества. Теперь спрашивается, одинаковы ли бываютъ результаты этого вліянія, на какой бы предметъ ни была обращена главная масса дѣятельности? Само собою разумѣется, не все равно—гнуть ли на ту сторону, на которую и безъ того искривленъ предметъ, или на ту, отъ которой онъ уклонился.

Недостатокъ иниціативы со стороны частной дѣятельности,—вотъ, по словамъ всѣхъ экономистовъ, даже и отсталыхъ, главный порокъ всѣхъ обществъ. Въ какихъ же сферахъ этотъ порокъ наиболѣе силенъ и въ какихъ частная иниціатива наиболѣе сильна? Всѣ мы жалуемся на недостатокъ самостоятельности, предпріимчивости, неослабнаго контроля со стороны частныхъ лицъ въ экономической дѣятельности. Жалоба справедлива, но все-таки изъ десяти человѣкъ девятеро своею головою думаютъ о своихъ денежныхъ дѣлахъ, о своихъ экономическихъ разсчетахъ. То ли въ административныхъ, судебныхъ, вообще политическихъ дѣлахъ? Какое вліяніе и какую заботу имѣетъ частный человѣкъ на континентѣ Западной

Европы относительно полицейскихъ распоряженій, административныхъ мѣръ, судебныхъ рѣшеній? Все это дѣлается безъ его воли, безъ его участія, да и вниманіе его пробуждается тутъ развѣ къ тѣмъ случаямъ, отъ которыхъ терпятъ его экономическіе интересы, да и то на минуту, безъ постоянства, безъ энергіи. Потому надобно думать, что важнѣйшій недостатокъ общественныхъ нравовъ на континентѣ Западной Европы состоитъ именно въ отсутствіи самостоятельности по дѣлу общественной безопасности. Не будь полиціи, ни одинъ кварталъ не справился бы съ ворами; не будь своей арміи, вторженіе небольшого чужестраннаго войска было бы достаточно для покоренія огромной области. Говорятъ, будто когда-то, въ IV или V вѣкѣ, толпа изъ 300 германскихъ дикарей прошла всю нынѣшнюю Францію и чуть ли не всю Испанію, и всѣ города на дорогѣ платили ей дань; да кромѣ того перерѣзала она нѣсколько десятковъ тысячъ поселянъ. Теперь конечно не то; но однакоже послѣ Ватерлооской битвы цѣлая Франція покорилась нѣсколькимъ десяткамъ тысячъ изнуренныхъ солдатъ Веллингтона и Блюхера. Величайшій негодяй, вредящій десяткамъ людей, подсмѣивается надъ ихъ негодованіемъ, пока не попадется въ руки полиціи какимъ нибудь неловкимъ поступкомъ.

Не знаемъ, удалось ли намъ передать читателю нашу мысль. Но мы хотѣли сказать, что какова бы ни была степень иниціативы частной дѣятельности въ экономической сферѣ, все же она безмѣрно больше, нежели та степень самостоятельности, какую внушаютъ нравы Западной Европы частнымъ людямъ относительно огражденія безопасности.

Поэтому надобно думать, что теорія, сосредоточивающая на одномъ огражденіи безопасности всю дѣятельность государства, ослабляя иниціативу частной дѣятельности въ этомъ отношеніи, стремится отнять у частнаго человѣка возможность и надобность въ развитіи его силъ именно по тому направленію, въ которомъ онѣ наименѣе развиты. Говоря сравненіемъ, эта теорія связываетъ именно тѣ органы индивидуальной дѣятельности, которые и безъ того уже слишкомъ хилы отъ бездѣйствія.

Вмѣсто того; чтобы проповѣдывать индивидуальную иниціативу въ экономическихъ дѣлахъ, при современномъ положеніи нравовъ, гораздо полезнѣе было бы говорить о необходимости ея по исполненію задачъ общественной безопасности. Усиливая опеку по этимъ задачамъ черезъ ограниченіе правительственной дѣятельности исключительно ими, теорія невмѣшательства государства въ экономическую дѣятельность отвлекаетъ отъ нихъ индивидуальную иниціативу и безъ того слишкомъ слабую для нихъ.

Правда, самоправленіе составляетъ предметъ желанія даже и отсталыхъ экономистовъ. Но они, обращая всѣ свои мысли на его усиленіе въ экономической дѣятельности, гдѣ оно и безъ того сильнѣе, чѣмъ въ другихъ сферахъ, поддерживаютъ апатію общества въ томъ направленіи, гдѣ она всего замѣтнѣе и вреднѣе.

Изъ этого читатель видитъ, что мы недовольны теоріею невмѣшательства власти въ экономическія отношенія вовсе не потому, чтобы были противниками личной самостоятельности. Напротивъ, именно потому и не нравится намъ эта теорія что приводитъ къ результатамъ совершенно противнымъ своему ожиданію. Желая ограничить дѣятельность государства одною заботою о безопасности, она между

тѣмъ предаетъ на полный произволъ его всю частную жизнь, даетъ ему полное право совершенно подавлять личность. Въ самомъ дѣлѣ, чего нельзя оправдать подъ предлогомъ охраненія порядка, и какія мѣры изъ всѣхъ, кажущихся стѣснительными въ глазахъ просвѣщеннаго человѣка, не представляются нужными для охраненія общественной безопасности людямъ менѣе просвѣщеннымъ? Реакція всегда являлась для поддержанія общественной безопасности. Деспотизмъ, открытый нами въ теоріи, видѣнъ на практикѣ въ обществахъ Западной Европы: повсюду были найдены необходимыми террористическія мѣры для возстановленія порядка. Надобно только вспомнить о послѣдней половинѣ 1848 и слѣдующихъ годахъ во Франціи, Германіи, Италіи. Народныя массы были взволнованы, и оказалось, что нечѣмъ укротить ихъ, кромѣ физической силы. Почему же оказалось это? Потому что для удовлетворенія ихъ требованій нужно было энергическое вмѣшательство западныхъ правительствъ въ экономическія отношенія, а теорія отсталой экономической школы, господствовавшая въ образованныхъ классахъ, не допускала такого вмѣшательства.

При нынѣшнемъ положеніи дѣлъ въ Западной Европѣ, эта теорія ведетъ къ подавленію личности, къ замѣненію законнаго порядка произвольными мѣрами, къ превращенію всей законодательной и административной силы въ полицейскій и военный надзоръ для усмиренія и наказыванія. Кромѣ Англіи, ни одно изъ государствъ Западной Европы не могло бы сохранить своего настоящаго устройства, если бы не опиралось на вооруженную силу. „Но по крайней мѣрѣ въ Англіи общественное устройство поддерживается не вооруженною силою?“ Такъ, но за то англійскія понятія объ отношеніяхъ государства къ экономической дѣятельности частныхъ лицъ не похожи на теорію, которая господствуетъ на континентѣ. Обыкновенно говорятъ, что въ Англіи правительство оставляетъ частному лицу гораздо болѣе самостоятельности, нежели на континентѣ. Это правда, но говоря о размѣрѣ власти, забываютъ о распредѣленіи ея дѣятельности между разными отраслями общественной жизни. Полиція, администрація, судъ,—во всемъ этомъ государство на Великобританскихъ островахъ имѣетъ гораздо менѣе власти, нежели на континентѣ. Но въ экономическихъ отношеніяхъ оно оставило за собою гораздо больше власти, нежели сколько оставляется ему теоріею laissez faire, laissez passer на континентѣ. Укажемъ одинъ фактъ, безусловно осуждаемый всѣми отсталыми экономистами,—налогъ для пособія бѣднымъ. Мы согласны, что форма употребленія этой подати нелѣпа: что же дѣлать? она сохранилась отъ среднихъ вѣковъ, а въ среднихъ вѣкахъ не было ничего соотвѣтствующаго нынѣшнимъ потребностямъ. Но мы говоримъ о принципѣ этой подати: „государство обязано давать средства для жизни каждому изъ своихъ членовъ“. Тамъ, гдѣ могъ сохраниться этотъ принципъ, несмотря даже на нелѣпость формы, въ которую облеченъ, тамъ конечно понятія объ отношеніи государства къ экономической дѣятельности должны быть совершенно не таковы, какъ теорія безусловнаго невмѣшательства. Въ самомъ дѣлѣ, англійскіе экономисты не совсѣмъ похожи на тѣхъ отсталыхъ французовъ, изъ которыхъ обыкновенно почерпаются наши понятія о политической экономіи. Эти англичане, въ своемъ государствѣ считающіеся людьми совершенно мирными, могутъ удивить человѣка, начитавшагося однихъ только книжекъ школы Сэ. Въ примѣръ мы укажемъ на Милля, который теперь считается первымъ экономистомъ въ Англіи. Мы слышали, что сочиненіе Милля переводится на

русскій языкъ и отъ души желаемъ скораго исполненія этой полезной мысли. Тогда русская публика увидитъ, что односторонніе доктрины, противъ которыхъ мы вооружаемся, не составляютъ сущности строгой экономической науки и должны считаться принадлежностью не всѣхъ вообще экономистовъ, а только отсталыхъ французскихъ писателей. Милль человѣкъ совершенно спокойный, врагъ всякихъ фантазій и утопій, и никто въ Англіи не считаетъ его ни врагомъ порядка, ни врагомъ науки, напротивъ каждый находитъ, что онъ оказалъ ей больше услугъ, нежели какой бы то ни было другой экономистъ настоящаго времени. Каковы же понятія этого спокойнаго и серьезнаго ученаго? Онъ говоритъ о рентѣ, о наслѣдствѣ такія вещи, которыя совершенно противорѣчатъ послѣдователямъ системы laissez faire, laissez passer. Онъ говоритъ, напримѣръ, что наслѣдство, даже по прямой линіи, можетъ быть ограничено закономъ безъ нарушенія собственности; онъ говоритъ, что рента составляетъ собственность государства, а не частныхъ лицъ, и если частныя лица пользуются ею, то это монополія, уступленная имъ государствомъ. Наконецъ, угодно ли знать, что говоритъ онъ вообще о нынѣшнемъ экономическомъ порядкѣ? Вотъ что. Мы переводимъ нѣсколько страницъ изъ 1-й главы 2-й книги его сочиненія.

„Противники принципа индивидуальной собственности могутъ быть раздѣлены на два класса: теорія однихъ предлагаетъ безусловное равенство въ распредѣленіи матеріальныхъ средствъ къ жизненнымъ наслажденіямъ; другіе допускаютъ неравенство, но только такое, которое было бы основано на принципѣ справедливости или общей пользы, а не зависѣло бы только отъ случая, какъ многія изъ нынѣшнихъ общественныхъ неравенствъ.

„Каковы бы ни были достоинства или недостатки этихъ различныхъ теорій, по справедливости нельзя назвать ихъ непрактичными. Обыкновенно представляютъ противъ системы общинной собственности и равнаго распредѣленія произведеній то выраженіе, что при ней каждый постоянно старался бы отвиливать отъ своей доли работы. Но люди, дѣлающіе такое возраженіе, забываютъ, въ какомъ громадномъ размѣрѣ существуетъ то же самое неудобство при системѣ, по которой производятся нынѣ девять десятыхъ частей труда. Возраженіе предполагаетъ, что честнаго и плодотворнаго труда должно ожидать только отъ людей, которые лично сами пользуются результатомъ своихъ усилій. Но какая ничтожная часть всего труда, производимаго въ Англіи, производится людьми трудящимися въ собственную свою пользу? Отъ человѣка, получающаго самое низкое, до человѣка получающаго самое высокое жалованье, отъ ирландскаго жнеца или носильщика до верховнаго судьи или государственнаго министра, почти всѣ люди трудящіеся въ обществѣ, вознаграждаются за работу поденной платой или опредѣленнымъ содержаніемъ. Фабричный рабочій имѣетъ въ своей работѣ менѣе личнаго интереса, нежели членъ ассоціаціи, потому что не трудится подобно ему для товарищества, въ которомъ самъ участвуетъ. Скажутъ, что хотя большая часть работниковъ и не имѣютъ личнаго интереса въ своемъ трудѣ, но за ними надзираютъ, управляютъ ихъ трудомъ и исполняютъ умственную часть труда люди, имѣющіе въ немъ личный интересъ. Нѣтъ, и это можно сказать далеко не обо всѣхъ дѣлахъ. Во всѣхъ общественныхъ и во многихъ, самыхъ большихъ и самыхъ успѣшныхъ, частныхъ предпріятіяхъ не только черная работа, но также контроль и управленіе ввѣрены наемнымъ людямъ. Я высоко цѣню одушевленіе, придаваемое труду тою перспективою, когда вся выгода или значительная часть выгоды отъ усердія въ работѣ достается работнику. Но при настоящей системѣ производства это побужденіе не существуетъ въ огромномъ большинствѣ случаевъ. Если бы общинный трудъ и былъ менѣе энергиченъ, нежели трудъ поселянина-собственника или ремесленника, трудящагося въ свою собственную выгоду, то вѣроятно онъ былъ бы болѣе энергиченъ, нежели трудъ наемнаго работника, вовсе неимѣющаго личной выгоды въ дѣлѣ. Небрежность работниковъ составляетъ самую рѣзкую черту въ нынѣшнемъ устройствѣ общества.

„Но недостовѣрно еще и то, чтобы трудъ общиннаго работника былъ менѣе энергиченъ, нежели трудъ человѣка, работающаго въ собственную выгоду, какъ полагаютъ люди, непривыкшіе простирать мысль за границы того порядка вещей, который у нихъ подъ глазами. Люди способны проникаться усердіемъ къ общему дѣлу въ гораздо большей степени, нежели какъ представляется возможнымъ въ настоящее время. Исторія свидѣтельствуетъ объ успѣхѣ, съ которымъ огромныя массы людей могутъ быть направляемы къ тому, чтобы каждый изъ нихъ считалъ общественный интересъ своимъ собственнымъ. Самою удобною почвою для развитія такого чувства была бы ассоціація: все честолюбіе, вся физическая дѣятельность, обращенныя теперь на эгоистическія цѣли, должны были бы тогда искать себѣ занятія въ другой сферѣ, и натурально нашли бы его въ заботѣ объ общественной пользѣ. И независимо отъ этого общественнаго побужденія, каждый членъ ассоціаціи возбуждался бы вліяніемъ самаго всеобщаго и самаго сильнаго изъ личныхъ побужденій—вліяніемъ общественнаго мнѣнія. Никто не отрицаетъ силу этого побужденія въ отвращеніи людей отъ поступковъ, положительно осуждаемыхъ обществомъ, и отъ пренебреженія правилами, соблюденія которыхъ оно требуетъ. Сила соревнованія возбуждающая къ самымъ энергическимъ усиліямъ для пріобрѣтенія похвалы и удивленія отъ другихъ, также очень велика,—это свидѣтельствуется опытомъ всѣхъ тѣхъ случаевъ, при которыхъ бываетъ публичное соревнованіе между людьми, даже и въ дѣлахъ пустыхъ, или не приносящихъ пользы обществу.

Болѣе серьезнымъ затрудненіемъ представляется хорошее распредѣленіе труда между членами ассоціаціи. По какой нормѣ будутъ соразмѣряться различные роды труда? Кто будетъ судить, напримѣръ, какое количество ткацкой работы будетъ равномѣрно извѣстному количеству пахотной работы? Да и въ одномъ родѣ трудно ввести равномѣрность. Номинальное равенство было бы въ сущности неравенствомъ, возмутительнымъ для справедливости. Не каждый одинаково способенъ ко всякому труду и одинаковое количество труда ложится неровнымъ бременемъ на слабаго и сильнаго, бойкаго и медленнаго. Эти затрудненія дѣйствительно существовали бы, но можно побѣдить ихъ. Распредѣленіе труда соразмѣрно силѣ и способности каждаго отдѣльнаго лица, смягченіе общаго правила для тѣхъ случаевъ, въ которыхъ оно было бы тяжело,—это не такія задачи, съ которыми не могъ бы справиться человѣческій умъ, руководимый чувствомъ справедливости. Притомъ самое неудачное и самое несправедливое разрѣшеніе этихъ задачъ при системѣ, стремящейся къ равномѣрности, было бы такъ далеко отъ того неравенства или несправедливости, съ которою нынѣ распредѣляется даже самый трудъ (не говоря уже о распредѣленіи вознагражденія), что сравнительно съ неудобствами нынѣшней системы объ этихъ несовершенствахъ не стоило бы и говорить“.

Онъ заключаетъ свой обзоръ слѣдующими словами:

„Даже изъ нашего краткаго очерка должно быть очевидно, что эта система не нарушаетъ ни одного изъ общихъ законовъ, которымъ подчиняется человѣческая дѣятельность, даже при настоящемъ несовершенствѣ нравственнаго и умственнаго развитія; и что было бы чрезвычайно опрометчиво сказать, будто она не можетъ имѣть успѣха, или не можетъ осуществить значительной части надеждъ, основываемыхъ на ней ея послѣдователями“ *).

Мы привели этотъ довольно длинный отрывокъ только для того, чтобы показать, какъ далеко истинно современные экономисты расходятся въ своихъ понятіяхъ съ узколобою школою разныхъ отсталыхъ французиковъ, изъ книжонокъ которыхъ обыкновенно почерпаются пышныя рѣчи нашими доморощенными противниками общиннаго владѣнія. Насъ упрекаютъ въ томъ, что мы отвергаемъ „научныя истины“: помилосердуйте надъ этимъ серьезнымъ терминомъ, милостивые государи, скажемъ мы въ отвѣтъ; не профанируйте его приложеніемъ его ко вся-

*) *Principles of Political Economy by John Stuart Mill. London.* 1857. Часть первая, страницы 246—254 и 263.

кой ветхой дряни, которую провозглашаетъ какой нибудь поверхностный или недоучившійся французскій пустословъ. Какой науки хотите вы искать у Коклена и Гильйомена? Какая наука согласится имѣть своими представителями Бодрильяра или Гарнье? Успокойтесь, милостивые государи! вовсе не надъ наукою мы смѣемся, а только надъ ветхою дребеденью, которая вовсе не пользуется одобреніемъ истинно ученыхъ экономистовъ, думающихъ своею головою, а не головою стародавнихъ учителей, которые жили въ другія времена, были представителями другихъ обстоятельствъ и другихъ потребностей.

Если мы споримъ противъ теоріи laissez faire laissez passer, то споримъ противъ нея главнымъ образомъ, какъ противъ утопіи, недостижимой при нынѣшнемъ положеніи общественныхъ нравовъ, при которомъ государство по необходимости имѣетъ очень значительную силу надъ частною жизнью. Главнымъ источникомъ такой силы мы считаемъ непривычку частныхъ людей къ иниціативѣ. Печальнѣе всего этотъ недостатокъ частной иниціативы проявляется именно въ той отрасли жизни, которая отдается подъ безусловную опеку государства теоріей его невмѣшательства въ экономическія отношенія: частная иниціатива слабѣе всего въ дѣлѣ охраненія безопасности. Мы думаемъ, что если государственная забота будетъ раздѣляться на всѣ отрасли жизни, а не сосредоточиваться на одной этой, частная иниціатива будетъ имѣть болѣе побужденій къ развитію той своей функціи, которая до сихъ поръ оставалась особенно слаба. Мы думаемъ, что дѣятельность государства въ экономической сферѣ вовсе не такъ опасна для личной самостоятельности, какъ въ дѣлѣ охраненія безопасности, потому что въ экономической сферѣ частная иниціатива чрезвычайно сильна и не можетъ быть подавлена никакимъ вмѣшательствомъ. Словомъ сказать, мы также сильно хлопочемъ о развитіи личной самостоятельности, какъ самые рьяные приверженцы отсталой школы: мы думаемъ только, что нашъ принципъ для развитія личной самостоятельности благопріятнѣе, нежели система laissez faire, laissez passer. Мы уже показали, что въ теоріи она ведетъ къ поглощенію личности государствомъ, а на практикѣ служитъ оправданіемъ для реакціоннаго терроризма. Именно поэтому мы отвергли ее, и теперь пора намъ заняться изложеніемъ тѣхъ понятій, которыя кажутся намъ менѣе опасными для личной самостоятельности и болѣе разсудительными.

Первое правило разсудительности—принимать въ соображеніе факты. Итакъ, мы выходимъ отъ того факта, что государство существуетъ и пользуется огромной силой. Каковы наши идеалы, теперь не объ этомъ рѣчь. Мы только разсматриваемъ, какое распредѣленіе государственной власти по разнымъ отраслямъ жизни неизбѣжно при данномъ состояніи общественныхъ нравовъ; мы принимаемъ государство и его огромную силу, какъ фактъ, и должны только объяснить себѣ происхожденіе и смыслъ этого факта.

Для чего возникаетъ государство и правительство, служащее органомъ его? Нѣкоторые предполагаютъ для государства цѣль болѣе высокую, нежели потребности отдѣльныхъ лицъ,—именно осуществленіе отвлеченныхъ идей справедливости правды и т. п. Нѣтъ сомнѣнія, что изъ такого принципа очень легко выводить для государства права болѣе обширныя, нежели изъ другой теоріи, которая говоритъ только о пользѣ частныхъ лицъ; но вообще мы держимся послѣдней, и выше человѣческой личности не принимаемъ на земномъ шарѣ ничего. Будемъ же говорить объ обязанностяхъ государства съ этой точки зрѣнія, которую принимаютъ

почти всѣ экономисты, и въ томъ числѣ всѣ экономисты отсталой школы. Государство, по нашему мнѣнію, существуетъ только для блага частныхъ лицъ; въ этомъ не станутъ спорить съ нами люди, осуждающіе насъ за привязанность къ общинному владѣнію. Теперь предложимъ нѣсколько вопросовъ. Въ чемъ поставили мы источникъ и цѣль правительства? Въ пользахъ индивидуальнаго лица. Какихъ же именно мѣръ могутъ требовать эти пользы и къ какимъ отраслямъ жизни могутъ относиться обязанности содѣйствовать этимъ пользамъ? Само собою разумѣется, тутъ a priori ничего нельзя опредѣлить, все будетъ зависѣть отъ обстоятельствъ. Мало ли какъ измѣняются надобности и желанія человѣка! Тутъ границъ разнообразію не можетъ быть опредѣлено никакихъ, кромѣ самого слова „польза“. Какъ же теперь и опредѣлить обязанности государства какимъ нибудь другимъ терминомъ? Всякое другое опредѣленіе не будетъ соотвѣтствовать самому понятію о сущности государства: зачѣмъ оно существуетъ, если не для пользы людей? А если существуетъ оно для этой цѣли, то конечно должно удовлетворять всему, что требуется понятіемъ пользы.

Есть разныя теоріи о томъ, что полезно для людей. Смотря потому, какую теорію вы примете, будутъ измѣняться ваши понятія объ обязанностяхъ государства. Но разница между заслуживающими вниманія теоріями человѣческихъ потребностей состоитъ не въ томъ, чтобы одна исключала какія либо честныя средства или дѣятельности изъ сферы жизни, а другая принимала ихъ; нѣтъ, разница только въ томъ, что, перечисляя разныя потребности человѣка, одна теорія выше ставитъ однѣ, другая другія; напримѣръ, по одной теоріи на первомъ мѣстѣ стоитъ матеріальное благосостояніе, по другой нравственное развитіе, и такъ далѣе.

Намъ кажется, что теоретическіе споры объ этомъ не совсѣмъ разсудительны: есть довольно много потребностей одинаково важныхъ съ общей точки зрѣнія, и та или другая беретъ перевѣсъ надъ остальными только на время, по стеченію обстоятельствъ, а съ измѣненіемъ ихъ уступаетъ первенство какой нибудь другой; слѣдовательно рѣшеніе принадлежитъ уже только практикѣ, зависящей отъ обстоятельствъ, а вовсе не теоріи.

„Но по крайней мѣрѣ въ практикѣ для настоящаго времени какую потребность считаете вы самой настоятельной?“ Едва ли разсудительно было бы сказать, что слѣдуетъ считать только одну; скорѣе можно думать, что при нынѣшнемъ положеніи дѣлъ равно настоятельны три потребности: улучшеніе матеріальнаго быта массы, расширеніе просвѣщенія и увеличеніе индивидуальной самостоятельности. Однакоже, чтобы приблизиться къ желаніямъ экономической школы, отсталыя мнѣнія которой мы опровергаемъ, и чтобы показать необходимость нашего вывода даже при отправленіи съ точки зрѣнія повидимому самой невыгодной для него, мы согласимся, что потребность индивидуальной самостоятельности составляетъ главную черту нынѣшняго положенія дѣлъ.

Будемъ же разсуждать, основываясь на принципѣ развитія индивидуальной самостоятельности. Пусть кругъ дѣйствій государства будетъ опредѣляться преимущественно этою потребностью. Каково будетъ въ такомъ случаѣ отношеніе государства къ экономической дѣятельности? Будетъ ли отвергнута иниціатива со стороны государства въ экономической сферѣ?

Нынѣ каждый говоритъ, что всѣ отрасли жизни тѣсно связаны. Открытіе сдѣланное ученымъ производитъ переворотъ въ матеріальномъ бытѣ; увеличеніе

благосостоянія поднимаетъ науку; постройка желѣзныхъ дорогъ измѣняетъ общественные нравы. Толковать объ этомъ даже скучно, потому что эту мудрость найдете вы въ каждомъ пустѣйшемъ фельетонѣ. Но изъ этого ясно, что какая бы сфера жизни ни должна была служить кореннымъ поприщемъ какой нибудь инициативы, все-таки не останется ни одной сферы жизни, которая могла бы укрыться отъ дѣйствія этой инициативы. Возьмемъ, напримѣръ, случай, относящійся прямо къ вопросу о личной юридической самостоятельности. Въ уничтоженіи крѣпостнаго состоянія дѣло идетъ кореннымъ образомъ о возвращеніи гражданскихъ правъ людямъ, которые до сихъ поръ не признавались самостоятельными членами общества. Сомнѣніе тутъ невозможно: сущность дѣла состоитъ въ пріобрѣтеніи гражданскихъ правъ, въ пріобрѣтеніи самостоятельности бывшими крѣпостными крестьянами; основаніе вопроса чисто юридическое. Но что же мы видимъ? Съ перемѣною юридическихъ отношеній неразрывно соединена экономическая перемѣна: въ юридическомъ вопросѣ является экономическая сторона и оказывается столь важною, что совершенно заслоняетъ собою юридическую сторону отъ вниманія общества. И не думайте, чтобы одно это дѣло было таково: нынѣ во всѣхъ дѣлахъ экономическая сторона очень важна. Напримѣръ, хотя бы дипломатическія отношенія. Никто не станетъ отнимать у правительства власти давать аудіенціи иностраннымъ посланникамъ и говорить съ ними: но десять словъ, сказанныхъ Наполеономъ III Гюбнеру на новый годъ, отняли у европейскихъ капиталистовъ въ одну недѣлю четыреста милліоновъ руб. Не двинулся еще ни одинъ французскій солдатъ къ австрійскимъ границамъ, произнесена была только одна фраза,— и курсы фондовъ понизились настолько, что тысячи людей сдѣлались богачами, десятки тысячъ разорились, сотни тысячъ потеряли пятидесятую, двадцатую или даже пятую часть своего состоянія. Не употребляйте тутъ, если не хотите, слово конфискація, но результатъ фразы, въ которой не было ни малѣйшаго намека о промышленности или торговлѣ, или о какомъ нибудь имуществѣ, равнялся результату, какой могла бы имѣть только самая колоссальная конфискація.—„Но это случай чрезвычайный".—Обратимся къ обыденнымъ административнымъ и законодательнымъ мѣрамъ, которыя возникаютъ каждый день,—мы также увидимъ, что каждая изъ нихъ производитъ соотвѣтствующую перемѣну въ экономическихъ отношеніяхъ. Положимъ, напримѣръ, что въ Петербургѣ рѣшено ввести газовое освѣщеніе на всѣхъ улицахъ. Навѣрное ни одинъ экономистъ не скажетъ, что городское начальство или центральное правительство выйдетъ изъ круга прямыхъ своихъ обязанностей, заботясь объ освѣщеніи города. Но если освѣтятся газомъ Коломна и Выборгская сторона, безъ всякаго сомнѣнія цѣна квартиръ тамъ нѣсколько поднимется: полицейское распоряженіе подарило домохозяевамъ этихъ частей выигрышъ на доходѣ въ нѣсколько сотъ тысячъ, а на капиталѣ въ нѣсколько милліоновъ. Кончилось ли тѣмъ дѣло? Нѣтъ. Число квартиръ осталось прежнее, число жителей Петербурга также, слѣдовательно пропорція между запросомъ и предложеніемъ квартиръ, по цѣлому городу, осталась одна и та же; но въ нѣкоторыхъ частяхъ запросъ усилился; очевидно, что онъ долженъ въ соотвѣтственной степени ослабѣть въ другихъ частяхъ. И дѣйствительно, каждый, вновь желающій поселиться въ Коломнѣ или на Выборгской сторонѣ, выбываетъ изъ числа желающихъ оставаться въ первой Адмиралтейской или въ Литейной части. Уменьшеніе запроса производитъ пониженіе цѣнности. Сумма уплатъ за

квартиры осталась въ цѣломъ Петербургѣ прежняя. Ясно, что она уменьшилась въ нѣкоторыхъ частяхъ, если увеличилась въ другихъ. Освѣщеніе газомъ Коломны и Выборгской стороны имѣетъ тотъ же экономическій результатъ, какой имѣла бы передача домохозяевамъ этихъ частей нѣсколькихъ милліоновъ, взятыхъ у домохозяевъ тѣхъ частей, которыя уже и прежде имѣли хорошее освѣщеніе. Другой примѣръ. Предположимъ, что правительство упрощаетъ формы дѣлопроизводства. Мы не говоримъ уже о томъ, что черезъ это уменьшается масса чиновниковъ: положимъ, что люди служащіе, по необходимости находясь въ прямой экономической зависимости отъ каждой административной мѣры, не должны приниматься въ разсчетъ; но каково вліяніе упрощенія переписки на экономическій бытъ частныхъ людей, не находящихся въ службѣ? Вести дѣла стало легче, рѣшаются они скорѣе, ходъ ихъ понятнѣе, стало быть меньше расходовъ и меньше хлопотъ каждому, имѣющему какое нибудь дѣло съ полиціею, администраціею или судилищемъ. А изъ десяти человѣкъ девятеро имѣютъ въ годъ хотя одно какое нибудь дѣло до власти. Слѣдовательно всѣ они что нибудь выигрываютъ въ денежномъ отношеніи. Кончилась ли этимъ экономическая перемѣна? Опять таки нѣтъ. Если дѣла ведутся яснѣе, проще и короче, уменьшается надобность въ ходатаяхъ, слѣдовательно теряютъ всѣ тѣ, которые прежде жили запутанностью и медленностью дѣлопроизводства. Вы скажете: „это и прекрасно; пусть уменьшаются выгоды людей, живущихъ на счетъ другихъ“. Я согласенъ, но замѣчаю во-первыхъ, что именно таковъ смыслъ всѣхъ доктринъ, желающихъ разумнаго участія государства въ экономическихъ дѣлахъ и отвергающихъ формулу laissez faire, laissez passer. Во-первыхъ, какъ бы то ни было, а все-таки упрощеніемъ дѣлопроизводства передавалась бы одному разряду людей очень значительная масса доходовъ, теряемыхъ другимъ разрядомъ людей.

Но едва ли не напрасно мы говорили о томъ, что каждое дѣйствіе государственной власти, къ какой бы сферѣ ни относилось оно прямымъ образомъ, къ военной или дипломатической, къ полицейской или судебной, непремѣнно производитъ соотвѣтствующую перемѣну въ экономическихъ отношеніяхъ, непремѣнно сопровождается передачею извѣстной массы дохода и слѣдовательно капитала изъ рукъ однихъ частныхъ людей въ руки другихъ частныхъ людей,—напрасно выставляли мы эту сторону всѣхъ безъ исключенія правительственныхъ дѣйствій въ доказательство того, что экономическая сторона частной дѣятельности никакъ не можетъ не находиться въ огромной зависимости отъ правительства. Есть другой фактъ, прямымъ образомъ установляющій эту зависимость. Никто еще никогда не сомнѣвался въ неизбѣжной связи идеи государства съ идеею налоговъ и податей. Формы государственной власти могутъ быть чрезвычайно различны, составъ бюджета также, но всегда и вездѣ государственная власть имѣла съ своемъ распоряженіи бюджетъ, вездѣ она опредѣляла налоги и подати, вездѣ опредѣляла предметы ихъ расходованія. Въ этомъ отношеніи все равно,—неограниченный ли монархъ, или конституціонный парламентъ, или собраніе всего народа называется государственной властью: во всякомъ случаѣ, каждый частный человѣкъ долженъ платить налоги и подвергаться пошлинамъ, какія установитъ государственная власть. Надобно ли говорить, въ какую великую зависимость отъ государства ставится черезъ это имущество каждаго частнаго человѣка и вся его экономическая дѣятельность? Конфискація слово ненавистное; но что въ ней ненавистнаго и

несправедливаго? То, что извѣстное лицо подвергается исключительной мѣрѣ, не касающейся другихъ; ненавистно и несправедливо то, что съ однимъ поступаютъ не такъ, какъ со всѣми другими. Конфискація—обратная сторона привилегіи. Но если государство поступитъ несправедливо, предоставивъ мнѣ одному право пользоваться выгодами, напримѣръ, торговли съ Англіею или съ Франціею, то поступаетъ ли оно дурно, предоставляя каждому своему подданному право вести заграничную торговлю и пользоваться ея выгодами? Ненавистны и несправедливы всякія исключительныя мѣры, обращенныя на одно лицо въ его выгоду, или невыгоду, все равно. Но когда налогъ одинаково ложится на всѣхъ, до кого можетъ касаться, въ немъ нѣтъ несправедливости, это всѣми признано. А между тѣмъ, что такое дѣлаетъ налогъ? Онъ беретъ у частнаго лица въ пользу государства извѣстную долю доходовъ, т. е. извѣстную долю капитала. Если у меня триста десятинъ земли, дающихъ каждая по четыре рубля дохода, до для меня все равно, будетъ ли учрежденъ налогъ въ одинъ рубль на десятину или прямо была бы взята у меня четвертая часть моей земли: за уплатою налога изъ 1,200 руб. у меня останется дохода девятьсотъ рублей; если бы у меня прямо было взято 75 десятинъ, результатъ былъ бы тотъ же: 225 десятинъ, оставшіяся у меня и избавленныя отъ налога, давали бы также 900 рублей. Доходъ былъ бы одинаковъ, слѣдовательно и капиталъ былъ бы одинаковъ. Въ самомъ дѣлѣ, давая мнѣ такую цѣну, чтобы получать съ купленнаго имущества 5 процентовъ, покупщикъ далъ бы мнѣ за каждую десятину только по 60 руб., когда остается дохода по 3 руб. съ десятины, т. е. за триста десятинъ далъ бы мнѣ только 18,000 руб.; а если съ десятины остаются всѣ 4 рубля дохода, онъ далъ бы за десятину по 80 руб., т. е. мои 225 десятинъ имѣли бы ту же самую цѣнность, 18,000 руб. Въ экономическомъ отношеніи налогъ совершенно равняется тому, какъ если бы соотвѣтственная доля имущества была обращена изъ частной собственности въ государственную.

Если государство безпрекословно пользуется правомъ присвоивать себѣ посредствомъ налога такую часть имущества, какую почтетъ удобнымъ, то возможно ли разсудительному человѣку, понимающему экономическую сущность налога, сомнѣваться въ правѣ государства обращать на экономическія отношенія дѣйствіе своей власти гораздо болѣе медленное, и далеко не столь рѣзкое, именно принимать законодательныя мѣры, какія требуются улучшеніемъ быта массы?

Мы говорили о бюджетѣ доходовъ. Еще поразительнѣе экономическое дѣйствіе бюджета расходовъ. Многія лица, не имѣющія никакого состоянія, получаютъ изъ государственнаго бюджета богатыя средства для жизни. Мало того, что бюджетъ даетъ содержаніе по нѣскольку тысячъ, или по нѣскольку десятковъ тысячъ въ годъ тѣмъ лицамъ, которыхъ правительство считаетъ достойными такого содержанія, — бюджетъ во всѣхъ государствахъ служитъ однимъ изъ главныхъ источниковъ возникновенія наслѣдственныхъ колоссальныхъ богатствъ. Подрядчики, поставщики, — все это созданія бюджета. Въ Западной Европѣ, почти всѣ громадныя богатства пріобрѣтены частными людьми или прямо отъ бюджета, или по крайней мѣрѣ благодаря покровительству государства. Почти вся безъ исключенія поземельная собственность въ Западной Европѣ произошла изъ пожалованій правительства. Но что говорить о недвижимой собственности, когда въ прямой зависимости отъ бюджета находится даже промышленная дѣятельность множества

лицъ? Возьмемъ въ примѣръ хотя суконныя фабрики. Что, если бы государству вздумалось одѣвать солдатъ вмѣсто суконнаго платья въ бумажное? Кажется, тутъ не можетъ быть спора о границахъ его власти: форма мундира конечно зависитъ отъ правительства. Но отъ замѣны суконной шинели плисовою шинелью на ватѣ прямо погибли бы многіе суконные фабриканты. Возьмите какую угодно другую статью государственнаго расхода, и вы увидите, что на ней держится экономическая дѣятельность множества людей, и что перемѣна въ ней будетъ прямымъ уничтоженіемъ многочисленныхъ состояній, прямымъ прекращеніемъ цѣлыхъ отраслей прежней экономической дѣятельности.

Если бы государство совершенно не хотѣло вмѣшиваться въ экономическія отношенія, оно никакъ не могло бы избѣжать чрезвычайно сильнаго вліянія на нихъ: бюджетъ расходовъ развиваетъ экономическую дѣятельность въ извѣстныхъ направленіяхъ, бюджетъ доходовъ ставитъ въ прямую зависимость отъ государства всѣ безъ исключенія частныя имущества и доходы, и наконецъ всякое законодательное постановленіе, всякое измѣненіе судоустройства, всякая административная или судебная мѣра имѣетъ своимъ послѣдствіемъ перенесеніе извѣстной суммы имущества изъ однѣхъ рукъ въ другія. Это фактъ неизбѣжный, неотвратимый никакою теоріею науки, никакими желаніями самаго правительства. Послѣ того люди, толкующіе о невмѣшательствѣ государства въ экономическія отношенія, не похожи ли на того господина, который толковалъ о букашкахъ, не замѣчая слона? Если государство имѣетъ право вести войну, выбирать источники для состоянія бюджета своихъ доходовъ, употреблять, какъ ему покажется нужнымъ, собираемыя имъ суммы,—если оно такимъ образомъ имѣетъ власть надъ сотнями и тысячами милліоновъ, то какая тутъ можетъ быть рѣчь о независимости частной экономической дѣятельности отъ государства? Будемъ говорить откровенно: значительнѣйшая часть всей экономической дѣятельности общества находится въ прямой зависимости отъ правительства. Будутъ ли понимать экономисты, будетъ ли думать само государство, что оно должно имѣть сильное вліяніе на частную экономическую дѣятельность, это все равно: во всякомъ случаѣ всѣ имущественныя отношенія частныхъ лицъ будутъ зависѣть, какъ всегда зависѣли, отъ государственной власти.

Но есть большая разница въ томъ, сознано ли значеніе факта, или онъ происходитъ безсознательно. Если бы браминъ сознавалъ, что онъ въ каждомъ глоткѣ воды поглощаетъ милліоны живыхъ существъ, онъ вѣроятно не остановился бы опасеніемъ наступить на какую нибудь букашку своею ногою, когда нужно спѣшить, чтобы вытащить утопающаго изъ воды. Если бы экономисты отсталой школы понимали неизбѣжность вліянія государства на экономическія отношенія, они вѣроятно, вмѣсто пустыхъ толковъ объ утопической системѣ невмѣшательства, занялись бы опредѣленіемъ истинно полезныхъ предметовъ и дѣйствительно разумныхъ границъ для неизбѣжнаго вмѣшательства. Мы попробуемъ сдѣлать это, принимая за основу тотъ фактъ, что государство существуетъ для блага индивидуальной личности. Прежде всего мы разсмотримъ, въ какомъ направленіи должно производиться вліяніе государства на распредѣленіе имущества въ обществѣ для принесенія людямъ наибольшей выгоды.

Предположимъ, что у Ивана есть доходъ въ 50 рублей; предположимъ, что у Петра есть доходъ въ 500 рублей; предположимъ, что кто нибудь долженъ

поручить другому лицу дѣло, дающее 100 руб. дохода: кому изъ двухъ—Ивану или Петру, будетъ выгоднѣе такая прибыль? Черезъ прибавку 100 рублей доходъ Петра увеличится всего только на пятую долю, а доходъ Ивана увеличится въ три раза. Ясно, что поручить это дѣло Ивану—значитъ принести человѣку гораздо болѣе пользы, нежели поручить Петру. Беремъ другой случай. Предполагаемъ, что существуетъ десять человѣкъ, имѣющихъ каждый по 50 рублей дохода; предположимъ, что есть дѣло, дающее 500 рублей дохода; спрашивается, лучше ли будетъ сдѣлать участниками въ этомъ дѣлѣ всѣхъ десятерыхъ, или поручить его одному? Если поручить одному, онъ выиграетъ чрезвычайно много, но выиграетъ онъ одинъ; если сдѣлать участниками всѣхъ десятерыхъ, состояніе каждаго улучшится вдвое. Положимъ, что мы еще не можемъ изъ этого рѣшить, который способъ лучше, и поручили все дѣло одному. Но вотъ встрѣчается опять подобное дѣло: если мы поручимъ его одному тому, кому поручали прежнее дѣло, его положеніе улучшится менѣе, нежели вдвое (онъ имѣлъ уже 550 рублей, теперь будетъ имѣть 1050); если же поручить дѣло остальнымъ девяти, состояніе каждаго изъ нихъ улучшится болѣе, чѣмъ вдвое (каждый имѣлъ по 50, теперь будетъ имѣть по $105^1/_2$ рублей). Ясно, что лучше дать девятерымъ слишкомъ вдвое, нежели дать одному менѣе, нежели чѣмъ вдвое: ясно, значитъ, что и въ первый разъ полезнѣе было бы призвать къ участію всѣхъ десятерыхъ, а не сосредоточивать выгоду на одномъ. Мы говорили о выгодахъ, теперь подумаемъ объ убыткахъ. Предположимъ опять Ивана съ 50 рублями дохода и Петра съ 450 рублей; предположимъ, что намъ нужно получить 100 рублей и что мы имѣемъ право взять ихъ съ того и съ другаго въ какой намъ утодно пропорціи. Если мы раздѣлимъ требованіе на обоихъ поровну, то оказалось бы, что, взявъ съ Ивана 50 рублей, мы оставили его рѣшительно безъ копѣйки, а между тѣмъ у Петра взяли только одну девятую часть его доходовъ. Тутъ явная неравномѣрность въ обремененіи. Справедливѣе будетъ взять съ обоихъ въ равной пропорціи, т. е. съ Ивана только 10, а съ Петра 90 рублей. Быть можетъ, если бы мы ближе всмотрѣлись въ необходимыя надобности того и другаго, мы увидѣли бы, что можно найти пропорцію еще болѣе справедливую; но пока довольно для насъ и того: мы уже видимъ, каково должно быть вообще вліяніе государственнаго участія на экономическія отношенія. Оно должно стремиться къ тому, чтобы выгоды общественной жизни распредѣлялись между членами общества какъ можно равномѣрнѣе, а убытки ложились на тѣхъ, кто легче можетъ вынести. Только въ этомъ направленіи можно доставлять людямъ, при данномъ размѣрѣ національнаго богатства, наибольшую сумму благосостоянія.

Въ этомъ согласны съ нами даже экономисты отсталой школы; но теперь мы должны перейти къ предмету, въ которомъ расходимся съ ихъ теоріей. Опредѣливъ направленіе непосредственнаго участія государства въ частныхъ дѣлахъ, надобно рѣшить вопросъ: нуждается ли экономическая дѣятельность частныхъ людей въ прямомъ содѣйствіи государственной власти?

„Какъ это можно? кричатъ экономисты отсталой школы:—такое вмѣшательство нарушило бы естественный ходъ вещей. Пусть вещи идутъ естественнымъ порядкомъ. Насиловать природу нельзя. Всякая искусственность вредна. Искусственными средствами вы ничего не достигнете. Оставьте дѣйствовать природу вещей; она лучше васъ знаетъ, какъ и что дѣлать. Неужели вы хотите свой огра-

ниченный умъ поставить судьею природы и передѣлывать ее по вашимъ теоріямъ?“

Слова эти очень громки и милы, а главное—очень успокоительны. Смыслъ ихъ таковъ: будьте людьми, которые, по выраженію Гоголя, смотрятъ на міръ, ковыряя пальцемъ въ носу. Но дѣло въ томъ, что они основаны на гипотезѣ, которую мы не обязаны принимать безъ провѣрки. „Невозможно и вредно передѣлывать природу вещей“. Почему же такъ? „Потому, что въ природѣ все устроено наилучшимъ образомъ, такъ что потребности человѣческой природы находятъ себѣ наилучшее возможное удовлетвореніе въ случайномъ сцѣпленіи обстоятельствъ, такъ что разсудку не остается надобности и хлопотать объ измѣненіи этихъ обстоятельствъ для приведенія ихъ въ лучшее соотвѣтствіе съ потребностями человѣка“. Мы посмотримъ, вѣрна ли эта гипотеза.

Все въ природѣ устроено наилучшимъ образомъ,—не знаю, съ какой точки зрѣнія это справедливо; а съ точки зрѣнія человѣческихъ потребностей и удобствъ оказывается вовсе не то. Напримѣръ, теперь хлопочутъ о прорытіи Суэзскаго и Панамскаго перешейковъ,—ясно, что эти перешейки чему-то мѣшаютъ. Французы сверлятъ въ южной половинѣ Алжиріи артезіанскіе колодцы,—надобно полагать, что воды въ тѣхъ мѣстахъ меньше, нежели нужно человѣку. Да что говорить о такихъ мелочахъ! Риттеръ и Гумбольдтъ давно доказали, что расположеніе Алтайскихъ горъ на югѣ Сибири вовсе неудобно для Сибиряковъ, которымъ было бы лучше защищаться горами отъ полюса; они же говорятъ, что если бы море раздробляло Азію на такіе же мелкіе куски, какъ раздроблена Европа, то для Азіатцевъ было бы гораздо лучше. Африкою они рѣшительно не довольны; и еслибъ только дать имъ волю, они всю бы ее исполосовали длиннѣйшими и широчайшими заливами, устроили бы въ ней по крайней мѣрѣ два или три Средиземныхъ и Балтійскихъ моря. Нельзя сказать, чтобы они во всемъ были довольны и Европой: по ихъ мнѣнію, жаль, что горы у ней на югѣ, а не на сѣверѣ. Еслибъ ихъ воля, они перенесли бы Балканы въ Олонецкую губернію. Это конечно не скоро удастся сдѣлать; но что могутъ, то дѣлаютъ люди, чтобы переработать природу по своему. Гдѣ могутъ, они стараются осушать болота, поправлять теченіе рѣкъ, очищать ихъ устья, строить плотины, проводить каналы,—и мало ли чего они не дѣлаютъ. Имъ, видите ли, безъ этихъ передѣлокъ неудобно жить. Да и что такое вся экономическая дѣятельность, какъ не переработка природы для удовлетворенія человѣческимъ потребностямъ? Надобно человѣку ѣсть,—ему приходится пахарь землю; да еще мало того что пахать, надобно удобрять ее, надобно передѣлывать почву. Хочется человѣку укрыться отъ непогоды, опять оказывается, что природа не приготовила для него ничего, кромѣ пещеръ, и приходится опять таки передѣлывать природу, строить себѣ жилище. И до чего доходитъ человѣкъ! —отвратительно и подумать: даже тѣ вещи, которыя въ природномъ видѣ могли бы быть для него полезны, онъ находитъ все еще неудовлетворительными и старается улучшить ихъ по своимъ узкимъ соображеніямъ. Напримѣръ, есть на овцѣ натуральное руно, онъ этою шерстью не доволенъ: говоритъ, будто она груба; начинаетъ перевоспитывать овецъ, разводитъ искусственную породу мериносовъ. Можно питаться говядиной,—онъ опять таки находитъ, что надобно передѣлать коровью породу, чтобы мяса было больше и чтобы оно было вкуснѣе. Словомъ сказать, до чего ни дотронется человѣкъ, все

не по немъ, все не такъ, все надобно передѣлывать. Одно изъ двухъ: или весь родъ человѣческій, съ той поры, какъ началъ пахать землю, сумасбродствуетъ и куралеситъ, или въ самомъ дѣлѣ внѣшняя природа неудобна для его потребностей, и надобно ему сильно ее передѣлывать. Вотъ вамъ уже и создается „искусственный порядокъ вещей“, котораго не хотятъ допускать отсталые экономисты. По нашему, если вооружаться противъ искусственности, пусть бы воевали не противъ системы Овэна или Луи-Блана, а противъ утопистовъ, удобряющихъ свои поля, или хотя бы и безъ удобренія пашущихъ землю,—вѣдь это тоже „насилованіе натуральнаго порядка“.

Человѣческое общество развилось подъ вліяніемъ внѣшней природы. Мы уже видѣли, что устройство внѣшней природы не совсѣмъ удовлетворительно для человѣческихъ потребностей; изъ этого прямо слѣдуетъ, что развитіе, происшедшее подъ вліяніемъ невыгодной обстановки, не можетъ вполнѣ удовлетворять потребностямъ человѣка и нуждается въ исправленіяхъ, предписываемыхъ разсудкомъ. Самымъ общимъ слѣдствіемъ неполной сообразности устройства природы съ потребностями человѣка является недостаточность средствъ, предлагаемыхъ природою для удовлетворенія его потребностей. По натурѣ своей человѣкъ склоненъ къ доброжелательству относительно другихъ людей; но себя каждый любитъ болѣе всего на свѣтѣ. Каждый хочетъ удовлетворить своимъ потребностямъ; а средства, предлагаемыя природою, для удовлетворенія всѣхъ людей не окажутся достаточными; изъ этого возникаетъ вражда между людьми, разстройство лежащаго въ человѣческой природѣ взаимнаго доброжелательства. Столкновеніе интересовъ приводитъ къ необходимости установить, съ общаго согласія, правила, опредѣляющія отношенія между людьми въ разныхъ сферахъ ихъ дѣятельности. Въ каждомъ обществѣ необходимы правила для государственнаго устройства, для отношеній между частными людьми, для огражденія тѣхъ и другихъ правилъ. Такимъ образомъ возникаютъ законы политическіе, гражданскіе и уголовные. Духъ и размѣръ этихъ законовъ могутъ быть, при различныхъ состояніяхъ общества, чрезвычайно различны; но безъ законовъ, въ томъ или другомъ духѣ, въ томъ или другомъ размѣрѣ устанавляемыхъ разсудкомъ и измѣняющихся сообразно съ обстоятельствами, не можетъ обойтись общество, пока существуетъ несоразмѣрность между средствами удовлетворенія человѣческихъ потребностей и самыми потребностями.

Для каждой сферы общественной жизни существуютъ свои особенные законы: есть правила, опредѣляющія семейную жизнь (законы о бракѣ, объ отношеніяхъ мужа и жены, родителей и дѣтей); есть правила для развитія умственной жизни (законы о воспитаніи и преподаваніи); есть правила для отношеній между независимыми людьми въ государственной ихъ дѣятельности (законы о правахъ личности и о степени ея участія въ государственной жизни); есть законы для политической дѣятельности (законы о государственныхъ учрежденіяхъ, о формахъ законодательства и администраціи). Каждая изъ этихъ сферъ жизни имѣетъ свои особенные законы, установляемые разсудкомъ, зависящіе отъ воли общества, измѣняющіеся сообразно перемѣнѣ обстоятельствъ: какъ же не имѣть такихъ законовъ самой важной изъ всѣхъ дѣятельностей, какъ не имѣть ихъ экономическому производству? Еслибъ она не имѣла ихъ, этимъ нарушилась бы аналогія ея съ другими дѣятельностями, нарушался бы основной принципъ существованія об-

щества, который одно и тоже съ существованіемъ законовъ. Мы видѣли, что для каждой дѣятельности не только должны существовать законы, но именно должны существовать спеціальные законы, относящіеся только къ ней и не касающіеся другихъ дѣятельностей. Для семейнаго быта неудовлетворительны законы, опредѣляющіе вообще отношенія между частными людьми по ихъ политическимъ правамъ; и наоборотъ, для политическихъ отношеній между независимыми людьми неудовлетворительны семейные законы. Опять было бы страннымъ нарушеніемъ и аналогіи съ другими дѣятельностями, и основнаго общественнаго принципа, если-бы экономическая дѣятельность не нуждалась въ своихъ спеціальныхъ законахъ, могла бы удовлетвориться тѣми правилами, какія существуютъ для другихъ дѣятельностей.

Мы видѣли первую причину для необходимости экономическихъ законовъ— несоразмѣрность средствъ, предлагаемыхъ внѣшнею природою, съ потребностями человѣка. Дисгармонія между условіями общей планетной жизни и частными нуждами человѣческой жизни представляется первымъ обстоятельствомъ, требующимъ вмѣшательства разсудка для облегченія этой дисгармоніи, для смягченія этихъ столкновеній. Вторымъ источникомъ является дисгармонія въ самой человѣческой природѣ.

Нѣтъ сомнѣнія въ томъ, что по сущности своей природы человѣкъ есть существо стройное и согласное въ своихъ частяхъ. Въ этомъ убѣждаетъ насъ и аналогія съ другими животными организмами, которые не носятъ въ себѣ противорѣчій, и самый принципъ единства органической жизни въ каждомъ организмѣ. Но подъ вліяніемъ противныхъ потребностямъ человѣка условій внѣшней природы самая жизнь человѣка подвергается уклоненіямъ и развиваются въ ней самой противорѣчія. Различныя потребности, разжигаемыя недостаткомъ нормальнаго удовлетворенія, достигаютъ крайностей, вредныхъ для самого человѣка. Всѣ эти крайности еще болѣе искажаются и преувеличиваются вліяніемъ тщеславія, составляющаго искаженіе основнаго чувства человѣческой природы, чувства собственнаго достоинства. Такимъ образомъ человѣкъ подвергается внутреннему разстройству отъ пороковъ и экзальтированныхъ страстей. Условія, въ которыхъ мы живемъ, такъ неблагопріятны для коренныхъ потребностей человѣческой природы, что самый лучшій изъ насъ страдаетъ этими недостатками. Не забудемъ, что коренной источникъ ихъ—несоразмѣрность средствъ къ удовлетворенію съ потребностями, имѣетъ чисто экономическій характеръ; изъ этого уже легко сообразить, что пороки и экзальтированныя страсти должны самымъ прямымъ образомъ отражаться въ экономической дѣятельности, да и самыя дѣйствительныя средства противъ нихъ должны заключаться въ экономической области: вѣдь надобно обращаться противъ зла въ самомъ его корнѣ; иначе не истребишь зла. Теперь, если эти противные человѣческой природѣ элементы усиливаютъ необходимость законовъ для каждой сферы общественныхъ отношеній, то какимъ же образомъ могли бы оставаться чужды подобной необходимости экономическія отношенія?

Такимъ образомъ, если мы взглянемъ на вопросъ съ общей теоретической точки зрѣнія, то мнѣніе, будто бы экономическая дѣятельность не нуждается ни въ какихъ положительныхъ законахъ, когда остальныя дѣятельности нуждаются въ нихъ, представится намъ чистою нелѣпостью, нарушеніемъ всякой аналогіи

между проявленіями человѣческой дѣятельности въ разныхъ сферахъ и противорѣчіемъ основному принципу общества.

Если бы мы хотѣли придавать какую нибудь важность разнорѣчію или согласію истинныхъ понятій съ мнѣніями отсталыхъ экономистовъ, мы остановились бы на этомъ фазисѣ человѣческаго существованія, на фазисѣ, обнаруживающемъ нелѣпость отсталой школы экономистовъ для нашего времени. Если бы мы обращали сколько нибудь вниманія на ихъ сужденія о нашемъ образѣ мыслей, мы также остерегались бы высказать наши понятія о томъ, каковъ долженъ быть окончательный результатъ настоящаго экономическаго движенія. Но для насъ все равно, будутъ ли называть насъ отсталые люди обскурантами, реакціонерами или утопистами; и мы такъ убѣждены въ нелѣпости ихъ принципа для нынѣшней цивилизаціи, что охотно покажемъ, когда этотъ принципъ пріобрѣтетъ возможность разумнаго приложенія къ жизни; соглашаясь на его возможность въ чрезвычайно отдаленномъ будущемъ, чрезъ то самое заслужимъ имя мечтателей у людей, держащихся его въ настоящемъ.

Ми видѣли, что необходимость законовъ возникаетъ изъ несоразмѣрности человѣческихъ потребностей съ средствами удовлетворенія. Одинъ изъ самыхъ избитыхъ трюизмовъ состоитъ въ томъ, что человѣкъ все больше подчиняетъ себѣ природу. Когда одно изъ данныхъ количествъ останется неизмѣннымъ (силы природы), а другое (силы человѣка) постоянно возрастаетъ и притомъ чѣмъ далѣе, тѣмъ быстрѣе, то простое ариѳметическое соображеніе показываетъ намъ, что второе количество съ теченіемъ времени необходимо сравняется съ первымъ и даже превзойдетъ его. Такимъ образомъ мы принимаемъ за ариѳметическую истину, что со временемъ человѣкъ вполнѣ подчинитъ себѣ внѣшнюю природу, на сколько будетъ ему нужно, передѣлаетъ все на землѣ сообразно съ своими потребностями, отвратитъ или обуздаетъ всѣ невыгодныя для себя проявленія силъ внѣшней природы, воспользуется до чрезвычайной степени всѣми тѣми силами ея, которыя могутъ служить ему въ пользу. Этотъ одинъ путь уже могъ бы привести со временемъ къ уничтоженію несоразмѣрности между человѣческими потребностями и средствами ихъ удовлетворенія. Но достиженіе такой цѣли значительно сократится измѣненіемъ въ размѣрѣ и важности разныхъ человѣческихъ потребностей. Съ развитіемъ просвѣщенія и здраваго взгляда на жизнь будутъ постепенно ослабѣвать до нуля разныя слабости и пороки, рожденные искаженіемъ нашей натуры и страшно убыточные для общества; будетъ ослабѣвать и общій корень большинства этихъ слабостей и пороковъ—тщеславіе. Итакъ съ одной стороны трудъ будетъ становиться все производительнѣе и производительнѣе, съ другой стороны все меньшая и меньшая доля его будетъ тратиться на производство предметовъ безполезныхъ. Вслѣдствіе дружнаго дѣйствія обоихъ этихъ измѣненій, люди придутъ когда нибудь къ уравновѣшенію средствъ удовлетворенія съ своими потребностями. Тогда, конечно, возникнутъ для общественной жизни совершенно новыя условія и между прочимъ прекратится нужда въ существованіи законовъ для экономической дѣятельности. Трудъ изъ тяжелой необходимости обратится въ легкое и пріятное удовлетвореніе физіологической потребности, какъ нынѣ возвышается до такой степени умственная работа въ людяхъ просвѣщенныхъ: какъ вы, читатель, перелистываете теперь книгу не по какому нибудь принужденію, а просто потому, что это для васъ занимательно и что было бы для

васъ скучно не посвящать чтенію каждый день извѣстное время, такъ нѣкогда наши потомки будутъ заниматься матеріальнымъ трудомъ. Тогда, конечно, производство цѣнностей точно также обойдется безъ всякихъ законовъ, какъ теперь обходится безъ нихъ прогулка, ѣда, игра въ карты и другіе способы пріятнаго препровожденія времени. Каждая пробужденная потребность будетъ удовлетворяться до сыта и все-таки останется за потребленіемъ излишекъ средствъ удовлетворенія: тогда, конечно, никто не будетъ спорить и ссориться за эти средства и распредѣленіе ихъ вообще будетъ обходиться безъ всякихъ особенныхъ законовъ, какъ нынѣ обходится безъ особенныхъ законовъ пользованіе водами океана: плыви, кто хочетъ,—мѣста всѣмъ достанетъ.

Надежда на такое время—простой ариѳметическій разсчетъ. Время это настанетъ: тутъ разсчетъ также вѣренъ, какъ то, что въ прогрессіи

1. 2. 4. 8. 16....

явятся наконецъ члены, которые будутъ болѣе милліоновъ, или какого вамъ угодно даннаго числа. Но близко ли или далеко до этихъ членовъ, близко ли или далеко это время,—вопросъ другой; мы думаемъ, что оно еще очень далеко, хотя, быть можетъ, и не на тысячу лѣтъ отъ насъ, но вѣроятно больше, нежели на сто или на полтораста.

Тогда... о! тогда будетъ вполнѣ разумна система, превозглашающая безграничную независимость производства и распредѣленія богатствъ отъ вмѣшательства общественной власти; тогда будутъ современны мнѣнія нынѣшнихъ послѣдователей Жанъ Батиста Сэ. Но теперь наши потребности, къ сожалѣнію, еще не таковы, чтобы экономическая сфера могла обойтись безъ своихъ спеціальныхъ законовъ.

Припомнимъ норму поочереднаго владычества трехъ формъ въ каждомъ явленіи. Въ концѣ развитія экономическія понятія будутъ сходны по формѣ съ тѣми, отъ которыхъ началось развитіе этой науки. Въ концѣ она будетъ провозглашать, какъ провозглашала въ началѣ, безграничную независимость индивидуума отъ всякихъ стѣсненій. Мы, къ сожалѣнію, живемъ въ періодѣ переходной формы, отрицающей такую независимость и выставляющей необходимость подчиненія экономической дѣятельности спеціальнымъ законамъ. Характеръ фактовъ въ концѣ развитія также будетъ имѣть сходство съ тѣмъ, что было при началѣ. Въ половинѣ XVIII вѣка, когда явилась политическая экономія, почти не было конкурренціи. Со временемъ конкурренціи также не будетъ; но теперь она существуетъ и ея существованіемъ обусловливается необходимость понятій несходныхъ съ тѣми, какія были порождены ея отсутствіемъ.

„Итакъ мы не ошиблись, чувствуя къ вамъ антипатію, предполагая обскурантизмъ въ вашемъ утопизмѣ,—скажутъ приверженцы отсталыхъ экономическихъ понятій.—Вотъ вы сами признаетесь, что хотите регламентаціи въ экономическихъ отношеніяхъ“.

Что сказать на это? Развѣ прибѣгнуть къ новому трюизму, въ придачу къ тѣмъ, которыми наполнены наши статьи? Вражда отсталыхъ людей противъ новизны основана бываетъ чаще всего на неспособности различать новое отъ давнишней старины. Былъ вѣкъ регламентаціи; онъ проходитъ; возвратъ къ нему невозможенъ, и конечно всѣхъ менѣе могли бы желать возвращенія къ отжившему порядку вещей тѣ люди, которые и настоящимъ порядкомъ недовольны только

потому, что находятъ въ немъ слишкомъ много стараго, отжившаго свой вѣкъ и слѣдовательно вреднаго. Регламентація! вотъ въ самомъ дѣлѣ какая прелесть для насъ! Да вѣдь мы именно потому и расходимся съ отсталой школой, что она, гоня и поражая регламентацію одной рукой, удерживаетъ и приголубливаетъ ее другой рукой. По секрету отъ отсталыхъ экономистовъ мы сообщимъ читателю, что они величайшіе регламентаторы, какихъ только видѣлъ свѣтъ со времени китайскихъ мудрецовъ, составившихъ знаменитую книгу „Десяти Тысячъ Церемоній“.—„Полноте, какъ это можно? Какимъ же образомъ стали бы поддержкою регламентаціи тѣ люди, которые такъ пылко кричатъ противъ нея?“ спроситъ читатель. Какимъ образомъ они стали поддержкою регламентаціи, это мы увидимъ послѣ; а теперь скажемъ ,отчего они стали поддержкою ея. Причина очень проста: дѣло извѣстное, что излишекъ усердія ослѣпляетъ людей до того, что они ничего хорошенько не могутъ разобрать. Такъ и экономисты отсталой школы въ своей ревности противъ регламентаціи не умѣли хорошенько разобрать, въ чемъ сущность вещи, на которую они нападаютъ, и не замѣтили разницы между регламентаціею, т. е. нелѣпостью, и между закономъ достойнымъ своего имени, т. е. ограждающимъ и развивающимъ свободу, которую давитъ регламентація. Мы попробуемъ объяснить эту разницу нѣсколькими примѣрами, особенно извѣстными въ исторіи регламентаціи.

Начнемъ съ протекціонизма. Онъ имѣетъ цѣлью покровительствовать развитію домашней промышленности, или увеличить государственные доходы. Можетъ ли быть достигнута имъ та или другая цѣль? Ослабленіе торговыхъ сношеній съ другими народами невыгодно дѣйствуетъ и на внутреннюю торговлю, находящую мало возбужденія въ заграничномъ сбытѣ; мало того что она ослабѣваетъ въ цѣломъ своемъ объемѣ,—она обращается къ отраслямъ производства, наименѣе производительнымъ, пренебрегая выгоднѣйшими. Такимъ образомъ вмѣсто того, чтобы поднимать родную промышленность, протекціонизмъ ослабляетъ и портитъ ее. Таможенные доходы при протекціонномъ тарифѣ также уменьшаются, потому что оборотъ внѣшней торговли бываетъ малъ. Протекціонизмъ относительно обѣихъ своихъ цѣлей производитъ дѣйствіе, противное тому, какого желалъ. Мало того, что доходъ досударства уменьшается: расходы, по содержанію таможни, страшно увеличиваются на усиленіе пограничной стражи, но контрабанда представляетъ столько выгодъ, что при всѣхъ преслѣдованіяхъ чрезвычайно развивается. Въ народѣ является наклонность обманывать правительство, потому что обманъ легокъ. Контрабандисты и ихъ патроны умѣютъ избѣгать наказаній; между тѣмъ честные люди вслѣдствіе таможеннаго надзора подвергаются стѣснительнымъ обыскамъ. Такимъ образомъ коренными чертами протекціонизма являются слѣдующіе факты: 1) цѣль имъ предположенная не достигается на практикѣ; 2) мелочной надзоръ вводитъ государство въ лишніе расходы; 3) жизнь отдѣльныхъ людей подвергается мелочнымъ стѣсненіямъ; 4) легкость обмана развиваетъ въ націи наклонность къ нему.

Возьмемъ другой примѣръ—законъ, опредѣляющій норму процентовъ по займамъ между частными лицами: въ его дѣйствіи мы увидимъ тѣ же черты: 1) Вмѣсто того, чтобы удерживать проценты на низкой нормѣ, онъ поднимаетъ ее, затрудняя сдѣлки между людьми ищущими денегъ и дающими; 2) вводитъ хлопотливый надзоръ, обременяетъ полицію и судебныя мѣста дѣлами, расходы

казны возрастаютъ; 3) частные люди подвергаются стѣсненію; 4) обманъ легокъ: нужно только приписывать проценты къ капиталу; въ народѣ развивается наклонность обходить законъ и обманывать правительство.

Слѣдуетъ ли изъ неудачи, какую терпитъ регламентація въ своемъ стремленіи увеличить государственные доходы, поднять національную промышленность и понизить кредитный процентъ, что сами по себѣ эти стремленія дурны или цѣль ихъ не достижима? Напротивъ, цѣли хороши и достижимы, только нужны другія средства для ихъ достиженія. Пусть правительство улучшаетъ пути сообщенія, охраняетъ безопасность лицъ и собственности,—тогда промышленность будетъ развиваться; пусть оно облегчитъ и обезпечитъ взысканія по кредитнымъ обязательствамъ и тогда процентъ займовъ понизится. Изъ того, что регламентація вредна, не слѣдуетъ, чтобы правительство не могло найти другихъ законодательныхъ мѣръ, ведущихъ къ тому же, что безуспѣшно хотѣла и не умѣла дѣлать регламентація. Теперь посмотримъ, каковы послѣдствія дѣльнаго закона. Положимъ, что издано правило, по которому запрещено въ питейныхъ заведеніяхъ принимать въ залогъ вещи. Каковы будутъ послѣдствія этого правила при сколько-нибудь порядочной администраціи? 1) За питейными заведеніями уже и безъ того должна бы была наблюдать полиція; слѣдовательно, хлопоты ея не увеличатся отъ новаго положенія; напротивъ, соблазнъ предаваться пьянству и соединенному съ нимъ буйству сократится, слѣдовательно и хлопоты полиціи при новомъ правилѣ будутъ меньше, нежели до него,—иначе сказать, государственные расходы сократятся; 2) каждый благоразумный человѣкъ будетъ находить выгоды въ поддержаніи новаго правила; стало быть въ народѣ явится вовсе не желаніе обходить законъ и обманывать власть, а, напротивъ, стремленіе помогать власти въ исполненіи закона. Общій голосъ будетъ немедленно указывать полиціи тѣ изъ питейныхъ заведеній, которыя захотѣли бы нарушить законъ. 3) Жизнь частныхъ людей нѣтъ нужды подвергать мелочному розыску; полиція не имѣетъ надобности останавливать человѣка на улицѣ и спрашивать: куда ты идешь, не въ питейное ли заведеніе? и зачѣмъ ты несешь съ собою эту вещь, не за тѣмъ ли, чтобы промѣнять ее на вино? Преступленіе въ нарушеніи закона ловится только при самомъ фактѣ нарушенія, и стѣсненію подвергаются исключительно только нарушители закона и только въ самую минуту нарушенія. 4) При уменьшеніи развратнаго пьянства уменьшается число поводовъ къ убійству, воровству, безпорядкамъ, уменьшается число поводовъ къ семейнымъ непріятностямъ и возникающимъ изъ нихъ дѣламъ; потому, каждое дѣло, возникающее изъ поимки виновнаго въ промѣнѣ вещей на вино, предотвращаетъ сотни уголовныхъ, полицейскихъ и тяжебныхъ дѣлъ.

Можно набрать множество примѣровъ подобныхъ законовъ, которые заслуживаютъ въ настоящее время имени дѣльныхъ. При нихъ для администраціи меньше хлопотъ, а для казны меньше расхода, нежели было бы безъ нихъ; они прямо достигаютъ той цѣли, къ которой стремятся; надзоръ за ихъ исполненіемъ легокъ, такъ какъ при нихъ для администраціи меньше дѣла, нежели безъ нихъ, слѣдовательно, они уменьшаютъ зависимость частнаго лица и содѣйствуютъ развитію въ немъ самостоятельности. Регламентація, какъ мы видѣли, имѣетъ признаки противные: она не достигаетъ своей цѣли, опутываетъ жизнь мелочнымъ надзоромъ и развиваетъ качества, дѣлающія нужнымъ усиленіе административ-

наго контроля; наконецъ, она обременяетъ администрацію и убыточна для казны.

Экономисты отсталой школы не умѣли замѣтить этой разницы, и вмѣсто того, чтобы хлопотать о замѣненіи экономической регламентаціи разумнымъ законодательствомъ, стали просто толковать о совершенномъ невмѣшательствѣ государства въ экономическія отношенія. Въ нѣкоторыхъ случаяхъ отмѣненіе регламентаціи дѣйствительно не оставляло пробѣла въ общественномъ устройствѣ; напримѣръ, заграничная торговля по своему существенному характеру ничѣмъ не разнится отъ внутренней оптовой торговли, и съ отмѣненіемъ протекціоннаго тарифа не появляется нужды ни въ какихъ новыхъ законахъ, если законы относительно внутренней торговли удовлетворительны. Но одинъ случай не можетъ быть правиломъ для всѣхъ остальныхъ, притомъ и въ немъ ненужность особенныхъ законовъ условливается существованіемъ удовлетворительныхъ законовъ для того дѣла, къ которому относится заграничная торговля, какъ часть къ цѣлому. А что, если какой-нибудь важный фактъ общественной жизни не имѣетъ для себя законовъ? Тутъ конечно открывается просторъ произволу и безпорядкамъ. Такъ и случилось относительно конкурренціи, развившейся почти на нашихъ глазахъ, уже послѣ Адама Смита. Еще хуже бываетъ, когда средневѣковыя учрежденія, возникшія волею общества сообразно извѣстнымъ обстоятельствамъ, принимаются за натуральный, не подлежащій никакому измѣненію порядокъ вещей. Таково положеніе поземельной собственности на Западѣ; она возникла изъ феодализма и въ главной массѣ своей представляется остаткомъ его. Теперь составъ и потребности общества вовсе не тѣ, какъ во времена феодализма: но давность времени заставила забыть объ искусственномъ происхожденіи западной поземельной собственности, и отсталые экономисты всякое желаніе новаго законодательства по этому важному предмету провозглашаютъ нарушеніемъ естественнаго порядка. Что же хорошаго можетъ быть, когда подъ ложной маской натуральности остается среди новаго общества средневѣковое учрежденіе? Будучи рѣшительно противно потребностямъ новаго времени, оно будетъ служить источникомъ еще гораздо большаго числа бѣдствій и худшей путаницы, нежели служило бы совершенное отсутствіе всякаго порядка.

Подобныхъ учрежденій въ нынѣшнемъ экономическомъ устройствѣ Западной Европы еще больше, нежели такихъ случаевъ, для которыхъ недостаетъ прочныхъ учрежденій.

Поддерживая средневѣковыя учрежденія, находящіяся въ нелѣпомъ разладѣ съ нынѣшними потребностями, или оставляя важныя отрасли общественной жизни безъ всякихъ учрежденій, теорія laissez faire, laissez passer мѣшаетъ возникновенію разумнаго законодательства. Къ какимъ послѣдствіямъ ведетъ отсутствіе или нелѣпость законовъ, вещь извѣстная: возникаетъ неурядица, на каждомъ шагу грозитъ опасность имуществамъ, лицамъ и всему общественному устройству; общество принуждено прибѣгать къ стѣснительному полицейскому надзору и безпрерывнымъ насильственнымъ мѣрамъ для своего охраненія. Возникаетъ множество стѣсненій изъ нелѣпаго положенія дѣлъ; каждымъ новымъ стѣсненіемъ нелѣпость увеличивается; изъ каждаго насилія или придирки возникаетъ необходимость новыхъ стѣсненій и придирокъ; словомъ сказать, отсутствіе законовъ порождаетъ регламентацію. Вотъ какимъ образомъ теорія невмѣшательства государ-

ственной власти въ экономическія отношенія, одною рукою поражая регламентацію, другою рукою поддерживаетъ ее. Жизнь частнаго человѣка въ Западной Европѣ чрезвычайно стѣснена. Англіи въ этомъ отношеніи завидуетъ континентъ; но сами англичане не находятъ себя достойными зависти: чтобы убѣдиться въ томъ, надобно только не почерпать своего знакомства съ Англіей изъ дрянныхъ книжонокъ, сочиняемыхъ на континентѣ какими-нибудь Монталамберами, а читать то, что пишутъ о своей жизни дѣльные англичане. Вѣроятно много накипаетъ у нихъ желчи, если такіе люди, какъ Карлейль, съ восторгомъ говорятъ о системѣ правленія, бывшей въ Пруссіи при Фридрихѣ II. Да что Карлейль!—посмотрите англійскія газеты: и въ нихъ желчь и юморъ на каждомъ шагу. Но и газеты доступны не каждому; такъ вспомните по крайней мѣрѣ романы Диккенса: восхищается ли онъ знаменитою англійскою свободою? О континентѣ Западной Европы нечего и говорить: мы уже сказали, что онъ завидуетъ Англіи.

Да и чего иного хотите вы? Гдѣ нѣтъ закона, тамъ произволъ; произволъ самъ по себѣ есть стѣсненіе; кромѣ того, отъ него возникаетъ множество злоупотребленій и опасностей: гдѣ множество злоупотребленій и опасностей, тамъ неизбѣжны стѣснительныя мѣры, т. е. регламентація.

Но что же мы считаемъ дѣльнымъ и разумнымъ законодательствомъ для экономической сферы? Какъ бы это объяснить примѣромъ, противъ котораго не могли бы спорить даже экономисты отсталой школы? Возьмемъ въ примѣръ хотя акціонерныя общества: вѣдь для нихъ были же нужны новые законы, которыхъ не существовало въ среднихъ вѣкахъ. Изъ этихъ законовъ одинъ основной: участники общества отвѣчаютъ только тѣми деньгами, которыя заплатили за акціи; если бы общество обанкротилось, никто изъ акціонеровъ не отвѣчалъ бы за него остальнымъ своимъ имуществомъ. Люди, знакомые съ нынѣшнимъ положеніемъ промышленности и торговли, знаютъ, какъ полезно это правило, какъ сильно оно способствовало къ развитію промышленности, сколько тяжебъ и непріятностей оно предупреждаетъ, какъ развиваетъ оно предусмотрительность и разсудительность во всѣхъ, имѣющихъ дѣло съ акціонерными компаніями. Другое основное правило: акціонеры имѣютъ контроль надъ своимъ обществомъ; пользу этого правила для всѣхъ частныхъ людей не нужно и объяснять: а отъ сколькихъ лишнихъ хлопотъ освобождаетъ оно административную власть! Мы выбрали примѣръ можно сказать ничтожный, но и онъ достаточно показываетъ, что у новаго общества есть по экономической дѣятельности потребность въ такомъ законодательствѣ, котораго не знала прежняя исторія.

Другихъ случаевъ мы приводить не станемъ, чтобы не назвали насъ утопистами, какъ назвалъ бы Адамъ Смитъ утопистами тѣхъ людей, которые стали бы ожидать чего-нибудь хорошаго для торговли и промышленности отъ акціонерныхъ обществъ. Можно только сказать, что если этотъ геніальный человѣкъ не отгадалъ, какой способъ дѣйствія будетъ самымъ сильнымъ двигателемъ экономической дѣятельности черезъ пятьдесятъ лѣтъ послѣ него, то какого же вниманія заслуживаютъ полубездарные ученики одного изъ его учениковъ, ограничивающіе всю будущность человѣчества рамками своей узенькой теоріи, составляющей только искаженіе словъ великаго шотландскаго мыслителя?

Каковы экономическія потребности при настоящемъ порядкѣ дѣлъ вообще, было бы неумѣстно излагать въ этихъ статьяхъ, писанныхъ по поводу одного

спеціальнаго вопроса о сохраненіи у насъ общиннаго владѣнія землею въ томъ размѣрѣ, въ какомъ оно до сихъ поръ уцѣлѣло. Довольно будетъ разсмотрѣть, каковы признаки этого учрежденія: тѣ ли, которыми отличается регламентація, или тѣ, которые принадлежатъ разумному экономическому закону.

1) Ведетъ ли общинное владѣніе къ той цѣли, которой предполагаетъ достичь, или производитъ слѣдствія противныя своему назначенію? Оно претендуетъ на достиженіе двухъ результатовъ: а) сохранить участіе огромному большинству націи во владѣніи недвижимой собственностью: б) поддержать по возможности равномѣрное распредѣленіе подлежащей ему части недвижимой собственности между лицами участвующими въ ней. Хороши ли эти цѣли, пока не о томъ вопросъ; вопросъ только о томъ, достигаются ли онѣ. Противъ этого никогда не спорилъ никто: для всѣхъ, и для приверженцевъ, и для противниковъ общиннаго владѣнія очевидно, что при немъ дѣйствительно огромнѣйшее большинство націи сохраняетъ равномѣрное участіе въ недвижимой собственности, и нѣтъ ни у кого ни малѣйшаго сомнѣнія, что общинное владѣніе въ чрезвычайно высокой степени достигаетъ тѣхъ цѣлей, къ которымъ стремится.

2) Уменьшаются или увеличиваются хлопоты и расходы общественной власти существованіемъ общиннаго владѣнія? Увеличивается ли при немъ количество случаевъ для вмѣшательства центральной или хотя бы провинціальной власти въ дѣла частныхъ людей? Нуженъ ли мелочной и придирчивый присмотръ за частною жизнью для охраненія закона объ общинномъ владѣніи? Каждый знаетъ по опыту, что этого нѣтъ. По общинному владѣнію возникаетъ въ милліонъ разъ меньше юридическихъ споровъ, нежели по частной собственности: не бывало еще примѣра, чтобы судебная власть должна была хлопотать о рѣшеніи дѣлъ по общинному поземельному владѣнію. Если и бываютъ споры (впрочемъ чрезвычайно рѣдкіе), они рѣшаются въ ту же минуту, когда возникаютъ; рѣшаются тѣми же людьми, между товарищами которыхъ возникли; рѣшаются съ такою простотою, съ такою ясною для всѣхъ вѣрностью, что оба спорившіе признаютъ совершенную основательность рѣшенія. По общинному владѣнію, для центральной или провинціальной администраціи еще меньше хлопотъ, нежели для судебной власти: жизнь этого факта совершенно внѣ сферы дѣйствій центральной или провинціальной администраціи. Это единственный родъ собственности, охраненіе котораго не доставляетъ правительству ровно никакихъ хлопотъ и не требуетъ отъ него ровно никакихъ расходовъ. И по своему принципу, и по всѣмъ подробностямъ и результатамъ своего существованія, общинное владѣніе совершенно чуждо и противно бюрократическому устройству.

3) Теперь не нужно и спрашивать, увеличивается ли или уменьшается отъ общиннаго владѣнія сумма мелочныхъ стѣсненій для частной жизни. Со стороны правительства не нужно никакого контроля за охраненіемъ его: оно охраняетъ само себя. Слѣдовательно изъ всѣхъ родовъ собственности, общинное владѣніе есть тотъ родъ, который наиболѣе предохраняетъ частную жизнь отъ административнаго вмѣшательства и полицейскаго надзора. Точно то же надобно сказать и о судебныхъ вмѣшательствахъ. Общинное владѣніе такой фактъ, до котораго вообще есть дѣло только тѣмъ лицамъ, которыхъ онъ прямо касается, и только въ тѣ немногія минуты, когда пересматривается устройство этого факта для опредѣленія его на періодъ времени, во всякомъ случаѣ довольно продолжительный. За-

тѣмъ во все продолженіе этого періода каждый частный человѣкъ остается уже совершенно огражденъ отъ всякой возможности какихъ бы то ни было хлопотъ и споровъ по охраненію своего недвижимаго имущества: никто не можетъ даже и подумать вмѣшаться въ его права, или оспаривать ихъ,—опасность, которая ежеминутно виситъ надъ частной собственностью и безпрестанно хватаетъ того или другаго частнаго собственника, призывая его къ тяжбамъ или административнымъ разбирательствамъ. Существенное отличіе общиннаго владѣнія отъ всякаго другаго рода собственности со стороны юридической безопасности состоитъ въ томъ, что оно основано исключительно на одномъ свѣжемъ матеріальномъ фактѣ, который держится въ памяти всѣхъ окружающихъ людей (членовъ общины) и не можетъ подвергаться никакому оспариванью, между тѣмъ какъ собственность всякаго другаго рода зависитъ отъ безчисленнаго множества фактовъ, обстоятельствъ и документовъ, чуждыхъ публичной извѣстности и часто неизвѣстныхъ даже тому лицу, къ которому они относятся. Положимъ напримѣръ, что извѣстное лицо получило владѣніе частной собственностью по наслѣдству и возьмемъ самый краткій и безопасный путь перехода: наслѣдство отъ отца сыну. Сколько и тутъ можетъ возникнуть непредвидѣнныхъ опасностей, сколько можетъ обнаружиться безвѣстныхъ документовъ, противныхъ праву наслѣдника! Во-первыхъ, законенъ ли былъ бракъ, отъ котораго произошелъ наслѣдникъ? Законность брака зависитъ отъ тысячи отношеній и никогда нельзя поручиться, что всѣ они уже разъяснены и рѣшены въ пользу наслѣдника. Во-вторыхъ, дѣйствительно ли произошелъ онъ отъ этого брака, а не отъ его нарушенія? Тутъ опять все зависитъ отъ безчисленнаго множества доказательствъ, изъ которыхъ довольно одного, хотя бы самаго пустаго, чтобы надолго подорвать безопасность наслѣдника. Въ-третьихъ, если извѣстное лицо дѣйствительно произошло отъ законнаго брака, то личность владѣльца дѣйствительно ли есть та личность, которая признана законнымъ сыномъ извѣстнаго лица? Въ-четвертыхъ, не было ли другихъ законныхъ дѣтей, имѣющихъ такія же права? Всѣхъ запутанностей и затрудненій, которымъ можетъ подвергнуться самый фактъ перехода наслѣдства отъ извѣстнаго лица къ другому лицу, какъ его законному сыну, невозможно и перечислить. Но одинъ ли фактъ перехода подлежитъ юридическимъ опасеніямъ? Нѣтъ, вѣдь это только одинъ изъ безчисленныхъ фактовъ, отъ которыхъ зависитъ пользованіе наслѣдствомъ. Положимъ, что наслѣдство перешло отъ отца къ сыну законно: но должно ли было оно принадлежать отцу? Тутъ опять возобновляется вся перспектива прежнихъ затрудненій и споровъ. Это ли одно? Та же самая исторія и относительно дѣда, и множества другихъ родственниковъ, съ тѣмъ улучшеніемъ, что при каждомъ шагѣ назадъ страшно увеличивается трудность безспорно опровергнуть сомнѣніе. Ограничивается ли однимъ этимъ источникомъ возникновеніе опасности? Положимъ, что принадлежность извѣстнаго имущества извѣстному лицу безспорна по его происхожденію; но не было ли сдѣлано волею предшествовавшихъ ему владѣльцевъ какихъ-нибудь юридическихъ распоряженій, противныхъ переходу? Можетъ быть существуютъ завѣщанія, можетъ быть существуютъ акты продажи или залога, и мало ли какихъ другихъ актовъ, противоположныхъ праву наслѣдства. Мы вовсе не хотимъ сказать, что частная собственность не достаточно ограждена закономъ; мы хотимъ только показать, что, находясь въ зависимости отъ безчисленнаго множества фактовъ, изъ которыхъ каждый можетъ служить для нея источникомъ

юридическихъ споровъ, она представляетъ для огражденія законнымъ путемъ безчисленное множество сторонъ, изъ которыхъ каждая можетъ нуждаться въ защитѣ длиннымъ спорнымъ путемъ, исполненнымъ безпокойствъ и доставляющимъ безчисленное множество хлопотъ для судебной и административной власти. Мы хотимъ только сказать, что всего этого безчисленнаго множества хлопотливыхъ шансовъ, требующихъ правительственнаго вмѣшательства, не существуетъ для права общиннаго владѣнія, которому нуженъ исключительно одинъ фактъ, никогда не подвергающійся никакимъ спорамъ. Принадлежитъ ли извѣстный участокъ общинной земли извѣстному лицу? Всѣ члены общины были на сходкѣ, присвоившей ему этотъ участокъ; сомнѣнія и споры тутъ не возможны, какъ невозможно спорить о томъ, въ какой губерніи лежитъ какой уѣздъ: это извѣстно всѣмъ, кого ни спроси кругомъ, и охота спорить послужила бы только къ общему смѣху. Тутъ нѣтъ вопроса о томъ, дѣйствительно ли Иванъ Захаровъ есть Иванъ Захаровъ, а не какой-нибудь подкидышъ или самозванецъ; дѣйствительно ли Иванъ Захаровъ законный сынъ Захара Петрова; законенъ ли былъ бракъ Захара Петрова; не было ли другихъ дѣтей у Захара Петрова; не было ли завѣщанія у Захара Петрова; не было ли долговъ у Захара Петрова, и такъ далѣе, и такъ далѣе. До всего этого никому дѣла нѣтъ. Принадлежность участка Ивану Захарову также ясна для всѣхъ и также безспорна, какъ принадлежность ему тѣхъ мозолистыхъ рукъ, которыми онъ кормитъ свою семью.

Неужели надобно говорить, каковы необходимыя послѣдствія для самостоятельности частной жизни отъ совершенной безспорности имущества? Неужели надобно говорить, что въ этой безспорности лежитъ первое и полнѣйшее условіе независимости частнаго лица? Неужели надобно доказывать, что безпорность правъ частнаго лица служитъ первѣйшею преградою постороннему вмѣшательству въ его жизнь? Или надобно говорить, что чѣмъ проще, очевиднѣе и безспорнѣе факты гражданскихъ отношеній частнаго лица, тѣмъ менѣе предлоговъ для мелочнаго контроля и стѣсненія его жизни?

4) Надобно ли говорить послѣ этого и о томъ, обманъ или прямодушіе, гражданскіе пороки или хорошія качества гражданина развиваются общиннымъ владѣніемъ? Оно основано на матеріальныхъ фактахъ, всѣмъ извѣстныхъ, не подлежащихъ ни спору, ни утайкѣ. Мысль объ обманѣ въ этихъ фактахъ такая же невозможность, какъ мысль утаить Волгу или Петербургъ. Сутяжничество невозможно: права не могутъ быть потеряны: благопріятствуетъ ли это независимости характера, развитію увѣренности въ томъ, что можно обходиться безъ чужой помощи и протекціи, развитію привычки къ энергической иниціативѣ?

Еще одинъ вопросъ. При общинномъ владѣніи, устройство самой важной части экономическаго быта каждаго частнаго лица прямымъ образомъ связано съ его участіемъ въ дѣлахъ общества: рѣшенія общества зависятъ отъ его участія; онъ можетъ имѣть все то вліяніе на нихъ, которое доступно его способностямъ и силѣ характера; не участвовать въ общественныхъ дѣлахъ со всею возможною для его личности энергіею нельзя ему, потому что съ ними связанъ очень важный личный интересъ.

По всѣмъ этимъ признакамъ намъ не трудно рѣшить, къ какому порядку вещей принадлежитъ общинное поземельное владѣніе, къ регламентаціи или къ разумному законодательству. Оно достигаетъ своей цѣли. Оно не увеличиваетъ, а

уменьшаетъ хлопоты и расходы правительства. Оно такъ просто, что отстраняетъ нужду во вмѣшательствахъ всякой центральной и посторонней администраціи. Оно даетъ безспорность и независимость правамъ частнаго лица. Оно благопріятствуетъ развитію въ немъ прямоты характера и качествъ нужныхъ для гражданина. Оно поддерживается и охраняется силами самого общества, возникающими изъ иниціативы частныхъ людей.

Мы упоминали о томъ источникѣ, изъ котораго происходитъ вражда добросовѣстной части между отсталыми людьми противъ новыхъ понятій. Эти бѣдняжки не могутъ понять разницы между старымъ, противъ чего нѣкогда они боролись честно и полезно, и новымъ, вступающимъ въ такое же отношеніе къ ихъ обветшалой новизнѣ, обратившейся въ рутину. Когда явился Пушкинъ, всѣ свѣжіе и умные люди стали за него, всѣ обскуранты вооружились противъ Пушкина. Прошло двадцать или больше лѣтъ; обстоятельства во многомъ измѣнились, сообразно съ ними явились новыя требованія въ поэзіи. И вотъ появились люди, которые стали говорить, что Пушкинъ уже недостаточенъ для нашего времени, что нужна теперь и уже возникаетъ новая литература съ новыми дѣятелями, у которыхъ и содержаніе и форма не похожи на прежнее, на то, что было при Пушкинѣ: — „Какъ? Вы противъ Пушкина? возопіяли добросовѣстные отсталые люди. Значитъ вы говорите то же самое, что во времена нашей молодости говорили обскуранты, — вѣдь они также возставали противъ Пушкина; значитъ, вы хотите, чтобы общество восхищалось Сумароковымъ и Херасковымъ?“ Ну да, друзья мои, вы совершенно отгадали: Гоголь какъ двѣ капли воды похожъ на Державина, Щедринъ на Хераскова, Кольцовъ на Нелединскаго-Мелецкаго. Вы совершенно отгадали въ чемъ дѣло.

Какъ бы растолковать добросовѣстнымъ отсталымъ людямъ, что порядочные люди новаго времени проникнуты тѣми же честными стремленіями, какими были проникнуты порядочные люди прежнихъ поколѣній, что только обстоятельства перемѣнились во многомъ, и потому для осуществленія тѣхъ же стремленій приходится дѣлать не то, что дѣлалось прежде? Какъ бы растолковать имъ, что мужикъ, боронующій землю, продолжаетъ то же самое дѣло, которое дѣлалъ, когда пахалъ ее? Но нѣтъ, толковать объ этомъ напрасно. У кого изъ прежнихъ людей есть способность понимать факты и думать о нихъ своею, а не чужою головою, тотъ самъ давно это знаетъ, и новое время чтитъ его, какъ полезнаго дѣятеля современности, наравнѣ съ новыми людьми; чтитъ его выше ихъ, потому что онъ показалъ не совсѣмъ обыкновенную силу ума и честной твердости, понявъ и принявъ къ сердцу заботы общества, не совсѣмъ похожаго на то, въ которомъ воспиталась его молодость. Честь ему: онъ совершаетъ уже второй переходъ по тяжелому историческому пути и идетъ наравнѣ съ нами, или даже впереди насъ, дѣлающихъ нашъ первый переходъ. А что до остальныхъ его сверстниковъ, — Богъ съ ними. Исторія обойдется и безъ нихъ. Пусть себѣ твердятъ зады.

Стремленія новой школы въ экономической наукѣ тѣ же самыя, какія были и у старой, когда старая была молода. Только обстоятельства перемѣнились; съ ними измѣнились требованія общества, съ требованіями общества измѣнились и понятія о томъ, что нужно дѣлать нынѣ для достиженія тѣхъ цѣлей, къ которымъ стремились и основатели старой школы. Перемѣна не въ предметѣ желаній: онъ одинъ и тотъ же — доставленіе большаго благосостоянія человѣку и, какъ не-

обходимѣйшая гарантія, какъ важнѣйшій источникъ всякаго благосостоянія, развитіе самостоятельности отдѣльнаго лица. Перемѣна и не въ томъ, чтобы отвергалось хотя одно научное понятіе, выработанное прежнею школою. Не безпокойтесь: никто не отвергаетъ той истины, что цѣнность вещи зависитъ отъ отношенія между предложеніемъ и запросомъ, что личный интересъ служитъ сильнѣйшимъ или, пожалуй, единственнымъ двигателемъ всякой дѣятельности: не безпокойтесь, никто не отвергаетъ этихъ и другихъ, подобныхъ имъ, экономическихъ истинъ.

Напротивъ того, на нихъ-то именно и основана новая теорія. Ихъ открытіе составляетъ, по мнѣнію новыхъ людей, славу прежней школы. Разница только въ томъ, что къ старымъ открытіямъ прибавились новыя; что прежними теоремами не исчерпывалась вся истина, что въ прежней теоріи открылись пробѣлы, которые теперь дополнены новою теоріею, какъ и въ ней со временемъ найдутся пробѣлы, которые будутъ пополнены трудами слѣдующихъ поколѣній.

Теперь мы говоримъ о томъ отдѣлѣ экономической теоріи, который относится къ вопросу объ участіи общественной силы въ экономической дѣятельности. Старая школа открыла, что одинъ способъ этого вмѣшательства, самый употребительный въ тѣ времена, регламентація, вещь очень вредная. Честь и слава старой школѣ за это благодѣтельное открытіе. Но что же открылось потомъ? Открылось, что тѣ области жизни, которыя не ограждены отъ произвола и слѣпаго случая разумнымъ законодательствомъ и разсудительною предусмотрительностью, подвергаются деспотизму произвола. Теорія, составленная тогда, когда этотъ фактъ еще не былъ замѣченъ наукою, оказалась недостаточна. Мы разбирали эту знаменитую теорію и видѣли, что она ведетъ къ пожертвованію правами отдѣльнаго человѣка и его самостоятельностью всѣмъ прихотямъ государства. Кто же вѣренъ духу экономической науки и благородныхъ ея основателей, боровшихся противъ рутины и произвола: тѣ ли, которые держатся рутинной теоріи, или тѣ, которые отвергаютъ ее за то, что она ведетъ къ произволу?

Мы видѣли другой фактъ. Старая школа требовала натуральности въ экономическихъ отношеніяхъ и возставала противъ искусственности; она замѣтила, что природѣ противна регламентація. Прекрасно, но что же открылось потомъ? Было замѣчено, что вся человѣческая дѣятельность состоитъ въ передѣлкѣ природы: что каждое дѣйствіе и каждое желаніе человѣка состоитъ въ замѣненіи фактовъ и отношеній, даваемыхъ природою, другими фактами и отношеніями, болѣе сообразными съ потребностями человѣка. Какъ согласить это разнорѣчіе? Искусственнаго ничего не должно быть, все должно стремиться къ натуральности; и съ тѣмъ вмѣстѣ вся человѣческая дѣятельность состоитъ въ измѣненіи порядка, возникающаго независимо отъ человѣческой воли, т. е. порядка, даваемаго натурою.—какъ соединить эти различные факты? Отвѣтъ ясенъ. Надобно различать человѣка отъ внѣшней природы, слѣпое дѣйствіе силъ внѣшней природы отъ человѣческихъ желаній, результаты дѣйствія силъ внѣшней природы отъ человѣческихъ потребностей. Мы люди, мы смотримъ на все съ человѣческой точки зрѣнія и не можемъ смотрѣть иначе. Изъ этого ясно, въ какомъ объемѣ надобно понимать ту натуру, съ которой должна сообразоваться экономическая дѣятельность. Эта натура—человѣкъ, его силы и потребности. Мы можемъ браться только за то, что въ нашихъ силахъ. Мы должны дѣлать такъ, какъ велятъ наши потребности. Часть природы, человѣкъ старается передѣлать сообразно себѣ остальныя части. Если вы хотите

придать философское выраженіе этому закону, вы увидите въ немъ тотъ же самый законъ, по которому теплое тѣло стремится разлить свою теплоту на все окружающее, лишенное теплоты; тотъ самый законъ, по которому проникается электричествомъ все соприкасающееся съ тѣломъ, въ которомъ развивается электричество. Каждый процессъ природы стремится охватить всю природу. Человѣкъ есть вмѣстилище извѣстнаго процесса, и выходя отъ него этотъ процессъ, процессъ разумнаго устройства и жизни болѣе энергической, стремится внести болѣе энергическую жизнь и болѣе разумное устройство въ остальную природу.

Не безпокойтесь же: тутъ дѣйствуетъ природа; искусственности тутъ нѣтъ, какъ нѣтъ искусственности во всемъ планетарномъ процессѣ, вѣнцомъ котораго является дѣятельность силъ, находящихъ себѣ органъ въ человѣкѣ. И особеннаго тутъ нѣтъ ничего, если одна часть природы, одна ея сила борется противъ другихъ: всѣ силы природы такъ дѣйствуютъ, всѣ онѣ въ борьбѣ между собою. Можно прибавить, что нечего сомнѣваться и въ будущей судьбѣ тѣхъ силъ, которыя представляются нашему сознанію какъ потребности человѣка: когда извѣстный процессъ является крайнимъ развитіемъ другихъ низшихъ процессовъ, предшествующихъ ему, нечего спрашивать о томъ, удержится ли онъ и будетъ ли онъ усиливаться съ каждымъ часомъ: пока существуютъ другіе процессы, будетъ существовать и онъ; и пока ихъ непрерывное дѣйствіе будетъ продолжаться, въ каждую данную минуту будутъ приливаться къ нему изъ нихъ новыя силы. Пока остается на землѣ растительная и животная жизнь, историческій прогрессъ будетъ неудержимо идти своимъ чередомъ.

Мы заговорили философскимъ языкомъ объ общихъ принципахъ нынѣшняго воззрѣнія на человѣческую жизнь. Что же дѣлать? Каждая частная теорія относительно извѣстной сферы жизни сознательно или безсознательно выводится изъ общаго міросозерцанія данной эпохи. Намъ кажется, что сознательный образъ мыслей лучше безсознательнаго, и показавъ коренное основаніе нынѣшней теоріи, мы можемъ спуститься въ область частной экономической науки и изложить ея прозаическимъ языкомъ нынѣшнія понятія объ одномъ изъ ея вопросовъ. Мы писали эту статью съ тѣмъ, чтобы разъяснить понятія новой экономической школы объ отношеніяхъ государства къ частной иниціативѣ въ экономической дѣятельности. Мы старались показать неудовлетворительность отсталой теоріи, желающей освободить частную экономическую дѣятельность отъ всякаго административнаго и законодательнаго вліянія, но вмѣсто того приходящую къ подавленію личности, къ отдачѣ ея на полный произволъ государства даже и въ экономическомъ отношеніи, черезъ сосредоточеніе всей громадной силы, которою располагаетъ государство, въ одномъ направленіи, самомъ неблагопріятномъ для самостоятельности индивидуума. Мы старались потомъ показать, что каковы бы ни были экономическія теоріи общества и государства, все таки государство имѣетъ громадное вліяніе на экономическую дѣятельность и не можетъ не имѣть его. Прямымъ образомъ экономическая дѣятельность частныхъ лицъ подчинена государству посредствомъ бюджета: косвеннымъ образомъ она подчиняется вліянію каждой законодательной и административной мѣры, каковъ бы ни былъ прямой предметъ государственнаго дѣйствія; слѣдовательно, заключаемъ мы, вопросъ не въ томъ, частная экономическая дѣятельность будетъ ли подвергаться сильному и прямому вмѣшательству государства: иначе быть не можетъ, пока существуетъ государство; вопросъ только

въ томъ, сознательно или безсознательно будетъ производиться это вмѣшательство. Намъ кажется, прибавляли мы, что сознательность и въ этомъ случаѣ, какъ во всѣхъ другихъ, лучше безсознательности, потому что сознательное дѣйствіе можетъ быть управляемо и удерживаемо въ извѣстныхъ границахъ разсудкомъ, а безсознательная сила дѣйствуетъ слѣпо и безпощадно. О направленіи, въ какомъ должно производиться вліяніе государства на экономическій бытъ, мы также говорили; остается сказать о томъ, въ какихъ границахъ оно должно удерживаться.

Одну изъ нормъ, опредѣляющихъ границы государственнаго вліянія, мы уже упоминали. Эта норма—здравый разсудокъ, главное правило котораго: берись только за то, что возможно. Регламентація тѣмъ и нелѣпа, что хочетъ сдѣлать невозможное. Мы замѣчали также, что невозможность часто лежала не въ самомъ предметѣ, къ которому стремились, а въ средствахъ дѣйствія, которыя были избираемы.

Если бы эта статья не была уже такъ длинна, мы подробно разсмотрѣли бы понятія возможности и невозможности съ ихъ признаками,—этотъ предметъ очень важенъ, потому что въ немъ господствуютъ чрезвычайно странные предразсудки. Быть можетъ намъ случится заняться имъ когда-нибудь въ другой разъ. Теперь замѣтимъ только два обстоятельства. Во-первыхъ, часто называютъ невозможнымъ то, что непріятно. Напримѣръ, можетъ ли Франція, при нынѣшнемъ разстроенномъ положеніи своего бюджета, употребить полмилліарда франковъ на заимообразное пособіе промышленнымъ товариществамъ людей, занимающихся черною работою? Единодушный отвѣтъ всѣхъ обскурантовъ, реакціонеровъ и отсталыхъ экономистовъ: „не можетъ“.—Почему же? „Ей не гдѣ взять такую страшную сумму, въ бюджетѣ и безъ того дефицитъ, нація и безъ того обременена налогами, государственный долгъ и безъ того громаденъ“. Ну, а Крымскую войну могла ли она вести? Могла истратить на нее болѣе милліарда? И теперь можетъ начать новую войну, которая будетъ стоить еще гораздо дороже? Это она не только „можетъ сдѣлать“, это она сдѣлала и сдѣлаетъ. А, понимаемъ.

Другое обстоятельство состоитъ въ томъ, что неумѣнье или не желанье принять нужныя средства смѣшиваютъ съ невозможностью предмета; между тѣмъ, какъ неудача при неудачномъ выборѣ средствъ доказываетъ только, что нужно поискать другихъ средствъ (въ большей части случаевъ нечего и искать: вѣрныя средства къ достиженію цѣли уже указаны бываютъ умными людьми, только слушать ихъ не хотятъ). Напримѣръ, въ Англіи государство не успѣваетъ улучшить положеніе бѣдныхъ классовъ посредствомъ подати въ пользу бѣдныхъ; изъ этого заключаютъ, что государство и не можетъ помочь имъ прямымъ образомъ. Но какъ употребляются деньги, доставляемыя этой податью? Обращаются ли онѣ на отстраненіе причинъ, производящихъ бѣдность? Нѣтъ, напротивъ, употребляются такъ безрасудно, что содѣйствуютъ усиленію этихъ причинъ. Въ кораблѣ оказалась течь; вмѣсто того, чтобы задѣлать ее, вы только стараетесь вычерпать воду, да еще придѣлали помпу такъ неловко, что отъ каждаго удара рукоятки слабѣютъ тѣ пазы, въ которыхъ находится щель: удивительно ли, что течь съ каждымъ часомъ увеличивается и въ трюмѣ вода прибываетъ? А слѣдуетъ ли изъ того, что нельзя избавить корабль отъ этой бѣды?

Если есть охота, если есть умѣнье,—область возможнаго очень велика; если нѣтъ ни охоты, ни умѣнья,—ничего нельзя сдѣлать путнымъ образомъ. Изъ этого

мы видимъ, что, если рѣчь идетъ о какомъ нибудь отдѣльномъ случаѣ, вопросъ о возможности чрезвычайно много зависитъ отъ качествъ государственной власти; изъ нихъ главное—охота; умѣнье всегда приходитъ вслѣдъ за нею.

Второю нормою, для опредѣленія границъ государственнаго вмѣшательства, служитъ справедливотсь. Что такое справедливость, объ этомъ много спорятъ разныя философскія и экономическія теоріи. Но если читатель согласенъ съ нами, что человѣкъ долженъ смотрѣть на все человѣческими глазами, онъ легко сдѣлаетъ выборъ между разными рѣшеніями. Справедливо то, что благопріятно правамъ человѣческой личности; всякое нарушеніе ихъ противно справедливости; потому отстраненіе всего противнаго человѣческимъ правамъ, требуется справедливостью.

Изложеніе нашей теоріи было очень длинно, потому что на каждомъ шагу встрѣчались намъ предубѣжденія, требовавшія разбора. Но сущность теоріи, которая принимается за справедливую и полезную для настоящаго времени современными мыслителями, очень проста и не многосложна; ее можно выразить нѣсколькими трюизмами, изъ которыхъ каждый самъ по себѣ принадлежитъ къ разряду мыслей, подобныхъ знаменитымъ истинамъ: „солнце освѣщаетъ землю; ночью бываетъ темнѣе, нежели днемъ“ и т. д. Каждый изъ нихъ мы отмѣтимъ особеннымъ значкомъ, чтобы эти златыя изрѣченія не затерялись для потомства.

A. Человѣкъ имѣетъ потребности.

B. Въ числѣ человѣческихъ потребностей есть такія, которыхъ нельзя не признать законными и неизбѣжными. Онѣ называются неотъемлемыми потребностями человѣческой натуры. О нихъ мы и будемъ говорить.

C. Пока эти потребности какой-нибудь личности не удовлетворены, личность не получила удовлетворенія своихъ правъ.

D. Говорить о правахъ человѣческой личности значитъ—говорить объ удовлетвореніи потребностей человѣческой натуры.

E. Потому все, что ведетъ къ лучшему удовлетворенію человѣческихъ потребностей, благопріятно правамъ личности.

Это первый рядъ трюизмовъ. Вотъ второй рядъ:

F. Несправедливость состоитъ въ нарушеніи человѣческихъ правъ.

G. Справедливость состоитъ въ ихъ охраненіи, возстановленіи и увеличеніи.

H. Каждый человѣкъ обязанъ помогать, по мѣрѣ своихъ силъ, осуществленію справедливости.

I. Что обязанъ дѣлать каждый, то обязаны дѣлать всѣ.

Теперь третій рядъ:

J. Нація состоитъ изъ людей.

K. Всѣ люди, составляющіе націю, разсматриваемые какъ одно цѣлое, называются государствомъ.

L. Всѣ вмѣстѣ люди продолжаютъ имѣть тѣ же обязанности, какія каждый изъ нихъ имѣетъ въ отдѣльности.

M. Каждый человѣкъ обязанъ, по возможности, дѣйствовать въ пользу справедливости.

N. Государство также.

Теперь четвертый рядъ:

O. Государство располагаетъ извѣстною степенью вліянія надъ національною жизнью.

P. Всѣ отрасли жизни тѣсно связаны между собою.

Q. Когда изъ предметовъ, тѣсно связанныхъ между собою, одинъ подвергается извѣстному вліянію, этому вліянію не могутъ не подвергаться и всѣ связанные съ нимъ.

R. Экономическая дѣятельность есть одна изъ отраслей жизни.

S. Государство обязано заботиться о томъ, чтобы его вліяніе производилось сообразно закону справедливости.

T. Справедливость состоитъ въ удовлетвореніи человѣческихъ потребностей.

U. Экономическая сторона жизни имѣетъ потребности.

Теперь пятый рядъ:

V. Человѣческія обязанности ограничиваются предѣлами возможнаго и благоразумнаго.

X. Нормою человѣческихъ дѣйствій должна служить справедливость.

Y. Государство состоитъ изъ людей.

Но мы утомили читателя этимъ длиннымъ рядомъ мудростей, заимствованныхъ какъ будто прямо изъ прописей или изъ прекрасныхъ Premier—Moscou покойницы „Молвы“: „Москва есть первопрестольная столица“, и т. п. Да и латинскій алфавитъ почти уже истощенъ. Сократимъ же всю эту мудрость и скажемъ просто:

Государство не можетъ не имѣть прямого вліянія на экономическую дѣятельность. Всѣ тѣ дѣйствія, которыхъ требуютъ здравый разсудокъ и справедливость, всѣ они составляютъ не только право, но и прямую обязанность государства.

Короче и проще этой теоріи, кажется, ничего быть не можетъ; вся она возникаетъ изъ соединенія мыслей, несомнѣнныхъ до наивности и тривіальности. А между тѣмъ, читатель, будьте увѣрены, что найдутся люди, которые станутъ говорить: „какая опрометчивая теорія! сколько въ ней софизмовъ!“ Еще больше найдется такихъ, которые скажутъ: „ну вотъ, вѣдь мы знали, что общинное поземельное владѣніе могутъ защищать только люди, не дорожащіе правами человѣческой личности, готовые отдать ее на произволъ государства“. Пусть говорятъ. Этихъ толковъ мы не боимся. Мы боимся только того, что каждый разсудительный человѣкъ скажетъ: не смѣшно ли писать длинныя статьи въ доказательство того, что безъ всякихъ доказательствъ ясно каждому, думающему своею, а не чужою головою, и извѣстно, по выраженію Гоголя, каждому, даже не обучавшемуся въ семинаріи. Вотъ этого одного приговора мы и боимся.

А всетаки слѣдующая наша статья, также очень длинная, будетъ посвящена доказательству той великой истины, что ложка меду, влитая въ бочку дегтя, не виновата въ томъ, когда вы, отвѣдывая эту смѣсь, ощущаете мало сладости.

Проницательный читатель видитъ, что предметомъ слѣдующей статьи будутъ также возраженія противъ общиннаго поземельнаго владѣнія: „почему же, дескать, оно не оказываетъ тѣхъ удивительныхъ дѣйствій, которыя, какъ вы объясняете, должны происходить изъ его натуры?“

Въ связи съ этимъ затруднительнымъ вопросомъ мы будемъ разсматривать другой, столь же затруднительный вопросъ: почему лещъ, вытащенный на берегъ рыболовною сѣтью, не плаваетъ?

Г. ЧИЧЕРИНЪ, КАКЪ ПУБЛИЦИСТЪ.

(**Очерки Англіи и Франціи**. *Б. Чичерина*. Москва. 1859).

Недавно какъ-то мы отважились изложить мысль необычайно новую и странную: если человѣкъ, до пятидесяти лѣтъ бывшій низкимъ обманщикомъ и злодѣемъ, попавшись въ неожиданную бѣду, призываетъ къ себѣ честныхъ людей и говоритъ: „спасите меня, я буду вашимъ вѣрнымъ другомъ“, и если честные люди повѣрятъ ему, а потомъ, вывернувшись изъ бѣды при ихъ помощи, онъ начнетъ куралѣсить хуже прежняго, при чемъ дастъ на орѣхи и своимъ избавителямъ, то они сами виноваты въ томъ, что потерпятъ отъ него,—зачѣмъ было имъ вѣрить обѣщанію низкаго обманщика? Проницательные люди немедленно сообразили, что мы возстаемъ противъ честности и защищаемъ обманщиковъ; сообразивъ это, проницательные люди всѣ поголовно вознегодовали на нашу безнравственность, низость и обскурантизмъ; проникшись негодованіемъ, они стали выражать его самымъ благороднымъ и энергическимъ образомъ, и словесно, и въ письмахъ, адресованныхъ на наше имя. Мы увидѣли необходимость принести публичное раскаяніе въ нашемъ преступленіи, и въ слѣдующей книжкѣ журнала написали: мы совершенно заблуждались, говоря, что словамъ обманщиковъ не слѣдуетъ вѣрить; мы должны были только сказать, что злодѣи должны подвергаться уголовнымъ наказаніямъ, и тотъ, кто по своему излишнему довѣрію къ ихъ словамъ остановитъ совершеніе правосудія надъ такими людьми, вредитъ самъ себѣ и цѣлому обществу. Изъ этихъ словъ проницательные люди немедленно убѣдились, что мы дѣйствительно раскаяваемся въ своей прошлой ошибкѣ и смиряемся передъ ихъ удивительною проницательностью. Тогда они съ удовольствіемъ стали потирать себѣ руки, говоря: „ну вотъ, мы вывели васъ опять на прямую дорогу, съ которой вы было сбились“. — Правда, точно такъ, отвѣчали мы. Проницательные люди смягчились и даже простили намъ прежнюю нашу ошибку за чистосердечное наше раскаяніе.

Но, увы! мудрѣйшій изъ мудрыхъ погрѣшаетъ семь разъ въ день; какъ же намъ, обыкновеннымъ смертнымъ, было спастись отъ новаго паденія? Въ то самое время, какъ мы искреннимъ покаяніемъ искупали одинъ проступокъ, мы совершали другой, не менѣе тяжкій: по неразумному легкомыслію, мы проговорились

о тѣхъ чувствахъ, какія внушаетъ намъ восхитительное зрѣлище подвиговъ нашей литературы за прошлый годъ. Проницательные люди опять таки не замедлили понять истинный смыслъ нашего грустнаго сарказма. Мы говорили, что литература едва-едва, да и то спотыкаясь на каждомъ шагу, плелась вслѣдъ за людьми, не видящими, куда они идутъ, но желающими по возможности идти назадъ, и въ этомъ шествіи получила нѣсколько изрядныхъ пинковъ; проницательные люди тотчасъ сообразили, что мы не желаемъ добра литературѣ. Мы говорили, что обсужденіе важныхъ вопросовъ, умалчивающее о существенной сторонѣ ихъ, касающееся только мелочей, да и то съ какою-то вялою слабостью, никакъ не можетъ назваться удовлетворительнымъ обсужденіемъ, ничего не разъясняетъ, ни къ чему, кромѣ пошлостей и нелѣпостей, не приводитъ; проницательные люди тотчасъ сообразили, что мы не сочувствуемъ свободѣ печатнаго слова (терминъ „гласность" мы не рѣшаемся употреблять,—до того онъ опошлился). Былъ въ нашихъ словахъ и тотъ смыслъ, что каково бы наконецъ ни было безотносительное достоинство совѣтовъ и объясненій, нечего ожидать отъ нихъ никакой пользы дѣлу, когда совѣтниковъ и объяснителей просто считаютъ злонамѣренными, презираютъ ихъ, гнушаются ими; проницательные люди тотчасъ же поняли, въ чемъ дѣло, и сильно обидѣлись: они сообразили, что мы уважаемъ ихъ менѣе, нежели людей, чувства которыхъ изобличали передъ ними; они сообразили также, что мы хвалимъ обскурантовъ и глупцовъ, и вознегодовали на насъ.

Какъ вы полагали, читатель: можно ли было ожидать, чтобы люди умные, ученые и отчасти знаменитые, оказались одаренными такою проницательностью?

Но къ чему это предисловіе? А хотя бы, на первый разъ, къ тому, чтобы доказать необходимость еще другаго предисловія.

Мы хотимъ быть строгими къ г. Чичерину. Для васъ, читатель, для васъ, человѣкъ обыкновенный, не одаренный изумительною проницательностью, причины строгости ясны сами по себѣ, безъ всякихъ объясненій. Г. Чичеринъ пользуется громкою извѣстностью, а люди, пользующіеся извѣстностью, должны быть разбираемы строго; когда рѣчь идетъ о нихъ, общественная польза требуетъ не комплиментовъ, а серьёзной критики. Г. Чичеринъ человѣкъ умный и ученый. Отъ умнаго и ученаго человѣка надобно требовать многаго; если онъ говоритъ пустяки, его можно по всей справедливости упрекать за это,— снисходительность, на которую имѣютъ право простяки, была бы относительно его неумѣстна. Это все ясно для васъ, читатель, для васъ, человѣкъ съ обыкновеннымъ здравымъ смысломъ. Вы сами догадались бы, что мы строги къ г. Чичерину потому, что онъ знаменитость, и успокоились бы на этомъ, и не осудили бы насъ за строгость порицанія, если бы оказалось, что порицаніе основательно.

Но люди проницательные тотчасъ сообразятъ, что этими простыми причинами не слѣдуетъ ограничиваться ихъ догадливости. Г. Чичеринъ знаменитость, стало быть, если его порицаютъ, то порицаютъ по какимъ нибудь личнымъ разсчетамъ; вѣдь безъ особыхъ личныхъ побужденій нельзя порицать знаменитостей, по мнѣнію проницательныхъ людей. И они нападутъ на насъ за г. Чичерина съ такимъ же восхитительнымъ негодованіемъ, какъ за Поэріо, и за статью о прошлогодней литературѣ.

Нечего дѣлать, надобно покаяться передъ проницательными людьми, отъ догадливости которыхъ никогда не утаишь самыхъ сокровенныхъ своихъ мыслей.

Да, наша строгость къ г. Чичерину происходитъ изъ личныхъ побужденій. Каковы эти побужденія, мы должны объяснить,—не ради васъ, читатель, человѣкъ обыкновенный, а ради людей проницательныхъ.

Г. Чичеринъ считаетъ себя непогрѣшительнымъ мудрецомъ. Онъ все обдумалъ, все взвѣсилъ, все рѣшилъ. Онъ выше всякихъ заблужденій. Этого мало. Онъ одинъ имѣетъ эту привилегію на мудрую непогрѣшимость. Кто пишетъ не такъ, какъ приказываетъ онъ, тотъ человѣкъ вредный для Россіи. Онъ приказываетъ смотрѣть на все его глазами, говорить обо всемъ въ его тонѣ, подъ страхомъ политической казни. Если вы осмѣлитесь замѣтить ему, что онъ напрасно принялъ на себя трудъ приказывать и наказывать, онъ пожимаетъ плечами и отвѣчаетъ вамъ: „Вы, другъ мой, человѣкъ прекрасной души, но вы глупы. Я одинъ понимаю вещи, вы всѣ ничего не смыслите; слушайтесь, слабоумные друзья мои, меня, единственнаго умнаго человѣка между вами“.

Изъ этого факта родилась наша статья. Безъ этого факта, не только быть строгими къ г. Чичерину, но и говорить о немъ мы не захотѣли бы, потому что не стоило бы труда разбирать его книгу. Положимъ, что она наполнена странными понятіями, но мало ли у насъ книгъ, наполненныхъ странными понятіями? Почему же именно ему мы стали бы вмѣнять въ упрекъ то, въ чемъ столько же виноваты десятки другихъ писателей, также пользующихся извѣстностью умныхъ и ученыхъ людей? Его книга не хуже многихъ другихъ, такъ пусть бы оставался онъ съ своимъ авторитетомъ, довольно безвреднымъ по ограниченности круга людей, имѣющихъ охоту соглашаться съ нимъ.

Но онъ взялъ на себя высокомѣріе приказывать и наказывать, онъ взялъ на себя высокомѣріе объявлять вредными людьми или глупцами тѣхъ, кто не покоряется ему,—а это уже другое дѣло. Надобно посмотрѣть, что это такой за мудрецъ и владыка появился между нами. Онъ предписываетъ намъ, какія понятія должны мы имѣть. Посмотримъ, имѣетъ ли онъ самъ понятіе о томъ, чему учить взялся насъ.

Во-первыхъ, онъ учитъ, каковъ долженъ быть публицистъ. Это любопытно. Кстати же, онъ и самъ публицистъ. Посмотримъ, какъ понимаетъ онъ дѣло, за которое взялся.

„Когда вслѣдствіе историческихъ обстоятельствъ одинъ изъ существенныхъ элементовъ государства развивается въ ущербъ другимъ, тогда общественное мнѣніе, чувствуя невыгоды исключительнаго направленія, естественно влечется въ противоположную сторону. Рѣдко при этомъ сохраняется должное чувство мѣры. Болѣзненный опытъ, ежечасно ощущаемый гнетъ дѣлаютъ болѣе живыми представленія о темныхъ сторонахъ извѣстнаго порядка и заставляютъ забывать его существенныя и благія послѣдствія. Общественное мнѣніе, заходя за предѣлы разумныхъ требованій, идетъ къ полному отрицанію тяготѣющаго надъ нимъ элемента. Такъ, при анархическомъ разгулѣ свободы, общество воздвигаетъ надъ собою власть, которая стѣсняетъ дѣятельность гражданъ даже въ самыхъ умѣренныхъ ея проявленіяхъ, и на оборотъ когда рука сдерживающей власти чувствуется слишкомъ сильно, общество естественно видитъ себѣ спасеніе только въ возможно большемъ ограниченіи вѣдомства правительственныхъ органовъ.

„Публицистъ, который не старается льстить современному увлеченію умовъ, который имѣетъ въ виду не успѣхъ, основанный на поклоненіи современному кумиру, а безпристрастное изслѣдованіе истинныхъ началъ общежитія, не долженъ подчиняться подобнымъ требованіямъ. Онъ за случайнымъ не забываетъ существеннаго; злоупотребленія не скрываютъ отъ него благихъ началъ, на которыхъ основывается то или другое учрежденіе.

И взглядъ свой, добытый внимательнымъ изученіемъ исторіи современной жизни, онъ обязанъ высказать прямо и откровенно, хотя бы онъ противорѣчилъ временному настроенію общества. Могутъ говорить о такъ называемыхъ практическихъ цѣляхъ, о необходимости ярче выставить недостающую сторону общежитія и не дать противоположному мнѣнію орудія, которое можетъ быть употреблено во зло. Не думаю, чтобы практическія цѣли должны были вести къ намѣренному искаженію истины. Извѣстный порядокъ можно исправить не утаеніемъ существенныхъ его сторонъ, не стараніемъ наложить слишкомъ густыя краски на невыгодныя его послѣдствія, а разумнымъ его пониманіемъ и безпристрастнымъ изслѣдованіемъ естественныхъ его границъ. Одностороннее отрицаніе ведетъ со стороны противоположнаго начала къ отрицанію столь же одностороннему. Вмѣсто правильнаго развитія, основаннаго на взаимномъ пониманіи, на взаимномъ уваженіи различныхъ общественныхъ силъ, въ обществѣ водворяется борьба, и чѣмъ рѣзче высказывается каждое направленіе, чѣмъ болѣе оно вдается въ крайности, тѣмъ упорнѣе взаимное недоброжелательство, тѣмъ болѣзненнѣе столкновенія, тѣмъ болѣе жертвъ и страданій въ общественномъ организмѣ. Повинуясь безусловно временному влеченію, общество быстро приходитъ къ разочарованію; слишкомъ напряженныя силы преждевременно ослабѣваютъ, и люди съ грустью окидываютъ взоромъ свое прошедшее, жалѣя о неудавшихся попыткахъ, объ утраченныхъ силахъ, объ обманутыхъ надеждахъ". (Предисловіе, стр. IX и X).

Все это будетъ совершенно вѣрно, если вмѣсто слова публицистъ поставимъ слово ученый: мы часто слыхивали, что главнымъ достоинствомъ ученаго должно быть служеніе наукѣ, неподдающейся минутнымъ увлеченіямъ общественнаго мнѣнія. Но въ этомъ ли должно состоять главное качество публициста? на его ли спеціальной обязанности лежитъ изслѣдованіе истинныхъ началъ общежитія? Нѣтъ, онъ выражаетъ и поясняетъ тѣ потребности, которыми занято общество въ данную минуту. Служеніе отвлеченной наукѣ не его дѣло; онъ не профессоръ, а трибунъ или адвокатъ. Г. Чичеринъ не имѣетъ понятія о качествахъ той роли, какую беретъ на себя. Онъ не замѣчаетъ, что публицистъ, воображающій себя профессоромъ, также страненъ, какъ профессоръ, воображающій себя фельетонистомъ.

Въ каждомъ человѣкѣ, для котораго главное дѣло живые люди, а не отвлеченная наука, главнымъ качествомъ должна быть способность понимать, въ какомъ положеніи находится его публика, его слушатели или читатели. Если онъ начнетъ проповѣдывать истины, которыя вовсе не относятся къ его слушателямъ, онъ будетъ смѣшонъ. Лѣность—дурной порокъ; но предположимъ, что въ Англіи или въ Сѣверной Америкѣ является господинъ, начинающій ораторствовать противъ лѣности: онъ будетъ нелѣпъ, потому что изъ его слушателей, вся жизнь которыхъ неутомимая дѣятельность, ни одинъ не нуждается въ предостереженіяхъ противъ лѣности. Но еще смѣшнѣе, когда ораторъ начинаетъ предостерегать отъ исключительнаго увлеченія какимъ нибудь хорошимъ качествомъ, которое едва-едва, самымъ слабымъ образомъ, начинаетъ возникать въ его слушателяхъ. Что мы подумали бы о человѣкѣ, который сталъ бы говорить о вредѣ исключительнаго пристрастія къ общественной тишинѣ въ кругу нынѣшнихъ мехиканцевъ, каждый годъ сочиняющихъ по три революціи? Отвлеченныя истины могутъ быть умѣстны въ ученомъ трактатѣ, но слова публициста должны прежде всего сообразоваться съ живыми потребностями извѣстнаго общества въ данную минуту. Что же мы слышимъ отъ г. Чичерина? Онъ предостерегаетъ насъ отъ односторонняго увлеченія какимъ-то отрицаніемъ чего-то будто бы хорошаго, существующаго у насъ,—чего именно, предоставляемъ читателю отыскать въ отрывкѣ, нами вы-

писанномъ изъ него. Вѣроятно наше общество страдаетъ необыкновенною живостью и силою чувствъ, кажущихся г. Чичерину вредными. Вѣроятно мы похожи на какихъ нибудь сѣверо-американцевъ, непризнающихъ вмѣшательства центральной власти въ ихъ дѣла? Вѣроятно большинство читателей г. Чичерина ужасные анархисты, которымъ надобно проповѣдывать о необходимости нѣкотораго сохраненія государственной власти, совершенно ими отвергаемой? Кажется, г. Чичеринъ былъ бы готовъ доказывать готтентотамъ вредъ односторонняго увлеченія ученымп занятіями, доказывать рыбамъ опасность излишней болтливости, предостерегать бѣлаго медвѣдя отъ пристрастія къ тропическому климату.

Мы не сомнѣваемся въ томъ, что г. Чичеринъ проникнутъ прекраснѣйшими намѣреніями, но насъ изумляетъ прелестный тактъ, съ которымъ онъ берется за дѣло, — изумляетъ вѣрность его взгляда на коренные недостатки нашего общества. Онъ пишетъ по русски и ему кажется нужнымъ объяснять, что онъ не намѣренъ потворствовать анархическимъ стремленіямъ. Ему кажется, будто наше общество до излишества живо чувствуетъ вредную сторону принциповъ, господствующихъ въ немъ. Мы, видите ли, страдаемъ избыткомъ односторонняго отрицанія и насъ надобно предостерегать отъ расположенія къ борьбѣ, къ упорству въ столкновеніяхъ. Странное понятіе о нашемъ обществѣ.

Для публициста, кромѣ знанія потребностей общества, нужно также пониманіе формъ, по которымъ движется общественный прогрессъ. До сихъ поръ исторія не представляла ни одного примѣра, когда успѣхъ получался бы безъ борьбы. Но, по мнѣнію г. Чичерина,—борьба вредна. До сихъ поръ мы знали, что крайность можетъ быть побѣждаема только другою крайностью, что безъ напряженія силъ нельзя одолѣть сильнаго врага; по мнѣнію г. Чичерина, слѣдуетъ избѣгать напряженія силъ: онъ не знаетъ, что, одержавъ побѣду, войско всегда бываетъ утомлено, и что если оно боится утомленія, то не зачѣмъ ему выходить въ поле.

Еще одно любопытное понятіе. Г. Чичеринъ говоритъ объ искаженіи истины въ угодность современному кумиру общественнаго мнѣнія. Боже ты мой милостивый! Мы, русскіе писатели, по мнѣнію г. Чичерина, можемъ искажать истину изъ раболѣпства передъ общественнымъ мнѣніемъ! Въ какомъ удивительномъ положеніи онъ видитъ насъ! Читатель! знали ли вы до сихъ поръ, кто заставляетъ меня часто лгать передъ вами? Вы сами, читатель. Я, видите ли, могъ бы говорить съ вами обо всемъ, что̀ хочу и какъ хочу, но вы, читатель, связываете мнѣ языкъ вашимъ деспотизмомъ. Нѣтъ, книга г. Чичерина написана не по-русски, издана не въ Москвѣ: онъ вѣроятно имѣлъ въ виду сѣверо-американскую публику, которая дѣлаетъ все, что̀ захочетъ, и заставляетъ всѣхъ преклоняться передъ своею волею. Надобно полагать, что г. Чичерину нуженъ былъ необыкновенный запасъ мужества, чтобы защищать бюрократію и централизацію, эти драгоцѣнности, совершенно изгнанныя изъ нашего общества и безпощадно преслѣдуемыя въ немъ. Надобно предполагать, что онъ писалъ для общества, надъ которымъ владычествуютъ ультра-республиканцы, сажающіе въ тюрьму каждаго, кто замолвитъ слово въ пользу монархическаго порядка.

Итакъ главный порокъ нашего общества состоитъ въ томъ, что оно слишкомъ страстно, слишкомъ непреклонно, слишкомъ круто проводитъ свои стремленія, и публицистъ, пишущій по-русски, обязанъ говорить намъ, что мы должны соблюдать умѣренность въ борьбѣ, которую ведемъ такъ энергически. По его мнѣнію,

надобно публисту вразумлять насъ, чтобы мы оставили хотя какіе нибудь слѣды старинныхъ нашихъ учрежденій;—главное, чего долженъ остерегаться публицистъ,—это потворство „современному кумиру нашего временнаго увлеченія“. Изумительно, изумительно!

„Изъ всего предъидущаго выходитъ, что публицистъ долженъ становиться на точку зрѣнія безпристрастнаго наблюдателя, который изучаетъ исторію и современную жизнь во всей ихъ многосторонности, не исключая и не осуждая безусловно ни одного изъ элементовъ, входящихъ въ ихъ составъ. Такое требованіе, выраженное въ видѣ общей формулы, конечно не встрѣтитъ возраженій: но нельзя скрывать отъ себя, что какъ скоро дѣло доходитъ до частностей, такъ неизбѣжны не только разногласія, но и прямыя уклоненія отъ принятаго начала. Людямъ, которые увлекаются извѣстнымъ направленіемъ, или слишкомъ живо ощущаютъ на себѣ бремя общественныхъ недостатковъ, не нравится всякое слово, сказанное въ пользу того, что болѣзненно на нихъ отзывается. Признавая въ теоріи необходимость безпристрастнаго воззрѣнія, они ропщутъ на него, когда оно является передъ ними въ осязательной формѣ. Это можно ожидать въ особенности у насъ, гдѣ гражданская жизнь мало развита и общественные вопросы до сихъ поръ не обсуждались гласно. Мы не привыкли еще обозрѣвать ихъ съ различныхъ сторонъ; мы даже не умѣемъ еще подмѣчать въ сужденіяхъ мѣру и границы. Слыша похвалу или порицаніе, мы склонны считать ихъ за выраженіе мнѣнія безусловнаго, и не обращаемъ вниманія на то, что они высказываются въ извѣстныхъ предѣлахъ, при извѣстныхъ обстоятельствахъ. Еще хуже, когда эта непривычка къ теоретическимъ преніямъ соединяется съ недостаткомъ общественной дѣятельности. Практическія столкновенія лучше всего показываютъ естественныя границы того или другого общественнаго начала и необходимость восполнить одно другимъ. Тамъ, гдѣ граждане не принимаютъ живаго участія въ общественныхъ дѣлахъ, неизбѣжно господствуетъ односторонность взглядовъ, и это ведетъ иногда къ прискорбнымъ явленіямъ. Нѣтъ ничего печальнѣе общества, которое, чувствуя себя не въ силахъ исправить гнетущее его зло, тратитъ время въ безплодныхъ воздыханіяхъ, въ ожесточенной критикѣ, которое, оставаясь въ бездѣйствіи, ожидаетъ, чтобы чужая рука сняла тяготѣющее надъ нимъ бремя. Общество, которое хочетъ что нибудь сдѣлать, должно глядѣть на вещи прямо и трезво. Первый признакъ разумной силы есть спокойствіе, а спокойствіе ведетъ къ ясному и всестороннему пониманію жизненныхъ явленій, безъ прикрасъ, безъ утайки и безъ раздраженія“. (Предисловіе, стр. XVIII, XIX и XX).

На все это объясненіе въ пользу безпристрастія мы будемъ отвѣчать только сближеніемъ двухъ мыслей самого г. Чичерина. Онъ совѣтуетъ нашему обществу имѣть всесторонній взглядъ, чуждый раздраженія, а между тѣмъ самъ говоритъ, что въ немъ „неизбѣжно“ должна господствовать односторонность взглядовъ. Не безполезенъ ли совѣтъ удерживаться отъ того, что неизбѣжно? И если кто нибудь станетъ совѣтовать человѣку не быть раздраженнымъ, когда самъ признаетъ раздраженіе неизбѣжнымъ, не показываетъ ли онъ самъ своимъ совѣтомъ, что лишенъ способности понимать условія дѣйствительной жизни? Очень жаль, что эти совѣты не обращены, напримѣръ, къ французамъ, сардинцамъ и австрійцамъ: они ведутъ войну, въ войнѣ неизбѣжны сраженія, въ сраженіяхъ неизбѣжны выстрѣлы; но мы думали бы посовѣтовать имъ, чтобы они сражались, не стрѣляя изъ пушекъ. Дѣло другое, если вы совѣтуете имъ кончить войну и разойтись по домамъ; но нѣтъ, г. Чичеринъ не противъ развитія, онъ только хочетъ, чтобы развитіе совершалось безстрастнымъ образомъ, по рецепту спокойствія и всесторонности. Къ сожалѣнію, этого никогда не бывало. Человѣка душитъ разбойникъ, и по рецепту г. Чичерина этотъ человѣкъ въ то самое время, когда старается отбиться отъ разбойника, долженъ спокойно разсуждать о томъ, что разбойникъ возникаетъ изъ

исторической необходимости, имѣетъ историческое право существованія; что великая римская имперія была основана разбойниками; что если должно уважать римское право, то должно уважать и разбойниковъ, безъ которыхъ его не было бы,— помилуйте, до того ли человѣку, чтобы помнить обо всѣхъ этихъ прекрасныхъ вещахъ.

Изъ этихъ совѣтовъ, быть холодными, безстрастными, подавлять въ себѣ всякое раздраженіе, мы заключаемъ, что г. Чичеринъ знаетъ только, какъ пишутся ученыя книги, но не знаетъ, какими силами развивается общественная жизнь. Онъ думаетъ быть публицистомъ, но является школьнымъ учителемъ, у котораго главная забота та, чтобы ученики смирно сидѣли по своимъ мѣстамъ и слушали его наставленія. Первымъ дѣломъ у него выставляется то, чтобы общество отказалось отъ всякихъ живыхъ чувствъ изъ боязни нарушить теоретическое безстрастіе.

Мы думаемъ, что г. Чичеринъ напрасно взялся быть публицистомъ, если нѣтъ у него въ груди живаго сердца. Намъ кажется, что въ немъ слишкомъ сильна наклонность къ схоластикѣ. Быть можетъ мы ошибаемся, и дай Богъ, чтобы мы ошиблись; но намъ кажется, что живой человѣкъ, при нынѣшнемъ положеніи нашего общества, не вздумалъ бы говорить противъ „мечтательныхъ отрицателей существующаго порядка", противъ „слишкомъ отважныхъ нововводителей", противъ „болѣзненнаго нетерпѣнія". Быть можетъ въ этихъ неумѣстныхъ усиліяхъ подавить то, что, право, вовсе не нуждается въ подавленіи со стороны г. Чичерина, виновата не натура его, а случайная односторонность его развитія; но какъ бы то ни было, г. Чичеринъ въ настоящее время рѣшительно не понимаетъ, какому обществу онъ даетъ свои совѣты, не умѣетъ судить о томъ, что умѣстно и что неумѣстно въ статьяхъ, имѣющихъ претензію руководить нашею общественною жизнью. Только человѣкъ одержимый схоластикою можетъ воображать, что русскому публицисту надобно быть защитникомъ бюрократіи.

Но если г. Чичеринъ неспособенъ теперь быть публицистомъ, которому нужно живое сочувствіе къ современнымъ потребностямъ общества, то быть можетъ онъ имѣетъ качества, нужныя для школьнаго учителя. Будемъ сидѣть смирно, по его приказанію, и слушать его лекціи.

Обязывая школьниковъ сидѣть смирно, школьный учитель самъ обязанъ по крайней мѣрѣ быть порядочно знакомъ съ тѣмъ предметомъ, о которомъ читаетъ онъ лекцію. Главные предметы въ лекціяхъ г. Чичерина: демократія, централизація и бюрократія. Посмотримъ, какое понятіе онъ имѣетъ объ этихъ вещахъ.

„.... относительно гражданскаго устройства и управленія абсолютизмъ и демократія именно потому и сходятся между собою, что въ этой сферѣ прочнѣе всего утвердились результаты всей новѣйшей исторіи Западной Европы, независимо отъ боренія партій, независимо отъ того, куда переносится источникъ власти. Уничтоженіе самостоятельныхъ союзовъ, корпораціонныхъ правъ, сословныхъ привилегій, вообще уничтоженіе средневѣковыхъ формъ жизни, основанныхъ на дробности общественнаго быта, и созданіе единаго государственнаго тѣла—вотъ великое дѣло, начало которому положили абсолютные государи и которое преемственно перешло и къ новой демократіи. Въ этой системѣ народъ представляетъ единую, естественно расчленяющуюся массу, въ которой ни одна часть искусственнымъ образомъ не перевѣшиваетъ другой, въ которой ни одинъ членъ не вытягиваетъ изъ другаго жизненныхъ соковъ. Государственныя учрежденія съ цѣлою системою чиновниковъ составляютъ общую связь этого тѣла, общее его строеніе, по которому совершаются его общественныя отправленія, а централизація сводитъ это устрой-

ство къ единству, установляя центральный пунктъ, отъ котораго исходитъ и къ которому притекаетъ правительственное движеніе. Конечно, и здѣсь могутъ быть невыгодныя стороны, злоупотребленія; неоживленная народнымъ духомъ, эта форма можетъ превратиться въ мертвую машину. Но что касается до самой сущности этихъ установленій, то нѣтъ сомнѣнія, что они придаютъ народной жизни такое единство, какого бы она безъ того никогда не имѣла. Въ ней создается общая среда, господствующая надъ всѣми частными стремленіями и интересами; въ ней чувствуется единое біеніе пульса, разливающаго кровь по всѣмъ членамъ, и вмѣстѣ съ тѣмъ каждая часть свободно занимаетъ то мѣсто, къ которому она тяготѣетъ по своей природѣ. Народъ перестаетъ быть собраніемъ разнородныхъ частей: онъ дѣлается общественною единицею, онъ становится особью, которая живетъ единою жизнью" (Стр. 7 и 8).

Въ дополненіе къ этому мѣсту приводимъ еще слѣдующее:

„Демократическія начала проникаютъ и во внутреннее управленіе Англіи. Здѣсь они являются въ видѣ усиленія центральной власти на счетъ мѣстныхъ. Независимость послѣднихъ основана на преобладаніи аристократическаго элемента въ государствѣ. Поэтому всѣ мѣры, которыя клонятся къ уменьшенію ихъ значенія, къ замѣнѣ даровыхъ должностей, замѣщаемыхъ богатыми землевладѣльцами, бюрократіею, доступною всѣмъ и каждому, ведутъ вмѣстѣ съ тѣмъ къ уничтоженію общественнаго неравенства и преобладанію одного элемента надъ другимъ. Конечно, успѣхи централизаціи и бюрократіи въ Англіи чрезвычайно медленны; однако они не подлежатъ сомнѣнію. Въ теченіе послѣдняго двадцатипятилѣтія очевидныя злоупотребленія показали необходимость преобразовать и подчинить высшему правительству управленіе общественнымъ призрѣніемъ, поставить подъ надзоръ центральной власти медицинскую полицію, тюрьмы, воспитательныя заведенія, наконецъ въ недавнее время и самую полицію городовъ. Каждый новый законъ объ администраціи, представляемый парламенту, имѣетъ цѣлью усилить центральную власть. Правда, это стремленіе встрѣчаетъ себѣ сильное противодѣйствіе, но тѣмъ не менѣе оно существуетъ, какъ въ правительствѣ, такъ и въ народѣ. Вопросъ о бюрократіи поднятъ былъ въ послѣднее время съ особенною силою. Война выказала въ яркомъ свѣтѣ недостатки управленія, основаннаго на привилегіяхъ одного сословія. Въ то самое время, какъ раздались вопли общественнаго мнѣнія по случаю бѣдствій англійской арміи въ Крыму, составилась лига въ пользу административной реформы. Цѣль ея — уничтожить въ управленіи преобладаніе аристократіи и сдѣлать его доступнымъ способностямъ и талантамъ, въ какой бы сферѣ они ни проявлялись. Сами государственные люди Англіи признаютъ въ нѣкоторой степени необходимость преобразованія, вслѣдствіе чего этотъ вопросъ стоитъ теперь на первомъ планѣ въ дѣлахъ внутренней политики". (Стр. 24 и 25).

Пусть насъ извинитъ г. Чичеринъ, но мы должны сказать, что его понятія о формахъ государственнаго устройства чрезвычайно сбивчивы. Основнымъ принципомъ его понятій оказывается бюрократическое устройство, и ему представляется, будто демократія похожа на абсолютизмъ въ томъ отношеніи, что очень любитъ бюрократію и централизацію. Но какую централизацію и бюрократію найдетъ онъ въ Сѣверо-Американскихъ Штатахъ или въ Швейцаріи? По существенному своему характеру демократія противоположна бюрократіи; она требуетъ того, чтобы каждый гражданинъ былъ независимъ въ дѣлахъ, касающихся только до него одного; каждое село и каждый городъ независимы въ дѣлахъ, касающихся его одного; каждая область—въ своихъ дѣлахъ. Демократія требуетъ полнаго подчиненія администратора жителямъ того округа, дѣлами котораго онъ занимается. Она хочетъ, чтобы администраторъ былъ только повѣреннымъ той части общества, которая поручаетъ ему извѣстныя дѣла, и ежеминутно можетъ требовать у него отчета о веденіи каждаго дѣла. Демократія требуетъ самоправленія и доводитъ его до федераціи. Демократическое государство есть союзъ республикъ, или, лучше

сказать, образуется изъ нѣсколькихъ постепенныхъ наслоеній республиканскихъ союзовъ, такъ что каждый довольно значительный союзъ состоитъ въ свою очередь изъ союза нѣсколькихъ округовъ,—таково устройство Соединенныхъ Штатовъ. Въ нихъ каждая деревенька есть особенная республика; изъ соединенія нѣсколькихъ деревень образуется приходъ, который опять-таки составляетъ самостоятельную республику; изъ соединенія нѣсколькихъ приходовъ образуется новая республика—графство; изъ нѣсколькихъ графствъ — республиканскій штатъ; изъ союза штатовъ—государство. Неужели это сколько нибудь похоже на бюрократію? Въ Швейцаріи каждый кантонъ можетъ имѣть у себя даже особенное войско. Откуда же взялось у г. Чичерина мнѣніе о бюрократіи, какъ формѣ демократическаго устройства? Это просто слѣдствіе той путаницы, какую слишкомъ довѣрчивый ученый можетъ цѣлыми ковшами черпать изъ великихъ мыслителей французской мнимо-либеральной, а въ сущности реакціонной школы. Есть на свѣтѣ разные мелкіе французы, которые многимъ изъ насъ кажутся великими людьми и которые разсуждаютъ слѣдующимъ образомъ: Англія страна аристократическая, и въ ней нѣтъ ни централизаціи, ни бюрократіи: Франція страна демократическая, и въ ней есть централизація и бюрократія. Слѣдовательно централизація и бюрократія суть принадлежности демократіи. Это умозаключеніе точно такого же рода, какъ напримѣръ; ученые греки, пріѣхавшіе въ Римъ, были развратные трусы: слѣдовательно просвѣщеніе ведетъ къ разврату и трусости. Франція болѣе 200 лѣтъ имѣла абсолютное правительство: въ теченіе этого долгаго времени абсолютизмъ успѣлъ выработать соотвѣтствующія себѣ формы управленія, бюрократію и централизацію, и успѣлъ пріучить къ нимъ французовъ. Вѣковыя привычки исчезаютъ нелегко и нескоро. Демократія не имѣетъ такой волшебной силы, чтобы одинъ звукъ этого слова могъ перерождать нравы народовъ въ нѣсколько лѣтъ; потому французы до сихъ поръ не успѣли отдѣлаться отъ бюрократіи и централизаціи, введенной у нихъ старинымъ порядкомъ дѣлъ, какъ не успѣли отдѣлаться отъ многихъ другихъ привычекъ, привитыхъ къ нимъ тою же стариною. Французы, напримѣръ, до сихъ поръ мечтаютъ о завоеваніяхъ, до сихъ поръ страшно любятъ щегольство, франтовство, блескъ и тому подобныя пошлости: неужели все это принадлежности демократіи? — нѣтъ, это просто догнивающіе остатки того порядка дѣлъ, какой былъ у нихъ 100 и 200 лѣтъ тому назадъ. Именно потому, что эти старинныя привычки еще не достаточно ослабѣли между французами, демократическая форма до сихъ поръ не могла утвердиться у нихъ. Наполеонъ I и реставрація старались воскресить аристократію; Орлеанская династія всячески старалась поддержать ее: Наполеонъ III въ третій разъ старается воскресить ее. У французовъ еще недостаетъ привычки къ демократическому устройству, и всѣ ихъ правительства, возникавшія изъ погибели кратковременныхъ попытокъ къ созданію демократическаго устройства, ни мало не могутъ служить образцами приверженности къ тѣмъ новымъ формамъ, на подавленіи которыхъ основывали они свою власть. Наполеонъ I, Бурбоны, Луи-Филиппъ, Луи-Наполеонъ, всѣ они одинаково держались опорою партіи застоя, или даже чистой реакціи. Удивительно ли, что при всѣхъ этихъ управленіяхъ поддерживалась форма администраціи, принадлежащая французской старинѣ? Но всѣ тѣ французы, которые дѣйствительно, а не на словахъ только, привязаны къ демократическому принципу,—всѣ они до одного враждебны теперь бюрократіи и централизаціи. Въ ненависти къ этимъ формамъ они не усту-

пять самому заклятому англійскому аристократу. Правда, до сихъ поръ не успѣли они водворить во Франціи того устройства, какое желали бы дать своему отечеству: но изъ этого слѣдуетъ только, что Франція до сихъ поръ не успѣла получить учрежденій, соотвѣтствующихъ ея демократическимъ стремленіямъ, а вовсе не то, чтобы централизація и бюрократія были принадлежностями демократическаго принципа. Французы похожи на гражданина, недавно переселившагося въ деревню и прогуливающагося по полю въ палевыхъ перчаткахъ и лакированныхъ сапогахъ. Должны ли мы заключать по этимъ принадлежностямъ его костюма, что палевыя перчатки и лакированные сапоги составляютъ принадлежность истинно-деревенскаго образа жизни? Надобно полагать, что, поживши въ деревнѣ, онъ отвыкнетъ отъ этой великосвѣтской дряни.

Г. Чичеринъ, воображающій себѣ демократію по неразвившимся французскимъ ея формамъ, искаженнымъ сильною примѣсью старыхъ учрежденій, которыя уцѣлѣли со временъ абсолютизма, имѣетъ самое фальшивое понятіе о демократіи. Не менѣе фальшиво его понятіе о существенномъ характерѣ абсолютизма, который представляется ему чѣмъ-то столь же враждебнымъ аристократіи, какъ демократическій принципъ. Такой взглядъ опять-таки почерпнулъ онъ изъ французскихъ книжекъ, восхваляющихъ Мазарини или Ришльё, будто бы благодѣтелей Франціи. Штука въ томъ, что французскіе короли старались завоевать области, принадлежавшія могущественнымъ феодальнымъ правителямъ, и наконецъ успѣли покорить ихъ. Разумѣется, пока шла война—была и вражда. Разумѣется, обѣ воевавшія стороны прибѣгали ко всякимъ средствамъ, чтобы достичь побѣды. Но если теперь австрійское правительство было бы радо произвести революцію въ Парижѣ, лишь бы сбыть съ рукъ Наполеона III и сохранить Миланъ и Венецію, изъ этого еще вовсе не слѣдуетъ, чтобы австрійское правительство отличалось сочувствіемъ къ республиканскому устройству и ненавидѣло деспотизмъ. Напротивъ, можно думать, что по своимъ принципамъ оно очень мало разнится отъ своего противника. Точно такъ герцогъ бургундскій, герцогъ бретаньскій ничѣмъ не разнились въ своихъ принципахъ отъ короля французскаго, съ которымъ враждовали. Вражда шла только изъ-за того, что разнымъ герцогамъ и графамъ не хотѣлось потерять своихъ владѣній, а королю французскому хотѣлось пріобрѣсти эти области. Чтобы склонить къ измѣнѣ подданныхъ своего врага, король французскій могъ покровительствовать притѣсненнымъ горожанамъ его областей, но за то и какой-нибудь герцогъ бургундскій помогалъ учрежденію демократической республики въ Парижѣ. Все это было военною тактикою въ родѣ того, какъ монголы могли для упроченія своего господства поднимать рязанскихъ князей противъ московскихъ, или московскихъ противъ тверскихъ. Неужели въ самомъ дѣлѣ какой-нибудь Мамай или Узбекъ огорчались отъ притѣсненій, которымъ какой-нибудь Всеволодъ или Георгій подвергалъ сосѣднее княжество?

Но вотъ побѣда была рѣшена, вся Франція соединилась подъ властью короля, отдѣльныхъ владѣній не осталось. Каковъ принципъ извѣстнаго учрежденія, мы можемъ видѣть, когда оно одержитъ побѣду и получитъ полную силу перестроить жизнь по своему духу. Являются ли французскіе абсолютные короли, начиная съ Людовика XIII, или даже Генриха II, сколько нибудь расположенными къ „уничтоженію сословныхъ привилегій“, какъ думаетъ г. Чичеринъ? Напротивъ, они устраиваютъ цѣлое государство такимъ образомъ, чтобы весь

народъ жилъ исключительно для содержанія двора и придворной аристократіи. Всѣ подати лежатъ на простолюдинахъ, почти вся масса простолюдиновъ обязана сверхъ того личными повинностями дворянству. Одни дворяне имѣютъ значеніе, они одни пользуются покровительствомъ государственной власти. Съ Людовика XI или, пожалуй, съ Филиппа Прекраснаго до самаго конца XVIII вѣка ни одна изъ привилегій дворянства не была отмѣнена королевскою властью; напротивъ съ каждымъ поколѣніемъ разширяется ихъ покровительство дворянству, и въ администраціи, и въ богатствѣ, и во всѣхъ отношеніяхъ оффиціальной жизни. Центръ всей жизни есть дворъ; дворъ состоитъ исключительно изъ аристократовъ,—какая же тутъ противоположность принципа между абсолютизмомъ и аристократіею? Напротивъ, французскій король есть представитель и глава аристократическаго принципа. Онъ все государство устраиваетъ въ духѣ самой исключительной аристократіи. Не понимать этого можетъ только тотъ, кто не имѣетъ правильнаго понятія ни объ одномъ изъ фактовъ французской исторіи XVI, XVII и XVIII столѣтій.

Но отъ Франціи г. Чичеринъ переходитъ къ Англіи. Онъ видитъ, что въ послѣднее время замѣтно стала падать въ ней аристократія и быстро усиливается демократическій элементъ. Какъ вы думаете, въ чемъ полагаетъ онъ сущность этого движенія? Онъ до того занятъ своею теоріею неразрывной связи бюрократіи съ демократіею, что воображаетъ, будто бы сущность развитія англійскихъ государственныхъ учрежденій въ наше время состоитъ въ развитіи бюрократическаго начала, которое до сихъ поръ было въ Англіи слабо, къ великому сожалѣнію г. Чичерина. Это просто забавно. Изъ 28 милліоновъ англичанъ, шотландцевъ и ирландцевъ найдется ли хотя одинъ человѣкъ, отъ самаго отсталаго ультра-тори до самаго горячаго хартиста, который бы не гнушался бюрократіею, не пришелъ въ неистовство отъ одной мысли, что бюрократія когда-нибудь можетъ быть введена въ Англіи? Англійскіе аристократы очень щедро осыпаютъ своихъ враговъ демократовъ всяческими упреками, но никто въ цѣлой Европѣ никогда не слыхивалъ, чтобы они приписывали имъ наклонность къ бюрократіи. Каждому ребенку извѣстно, что англійскіе демократы съ состраданіемъ и презрѣніемъ смотрятъ на французское бюрократическое устройство, и если сочувствуютъ какимъ нибудь учрежденіямъ, то единственно австралійскимъ и сѣверо-американскимъ, въ которыхъ бюрократіи еще гораздо меньше, нежели въ англійскихъ. Разсужденія г. Чичерина объ усиленіи бюрократіи въ Англіи отъ усиленія демократіи могутъ служить самымъ восхитительнымъ примѣромъ того, до какого уклоненія отъ очевидной истины можетъ доводить схоластика, отправляющаяся отъ фальшиваго основанія и безбоязненно шагающая кривыми силлогизмами съ полнымъ пренебреженіемъ къ смыслу фактовъ. „Бюрократія есть принадлежность демократіи. Въ Англіи развивается демократія, слѣдовательно Англія вводитъ у себя бюрократію“. Отъ Пальмерстона до Эрнеста Джонса, отъ Росселя до Ферджуса О'Коннора, всѣ нововводители,—и умѣренные либералы, и радикалы, и хартисты Англіи кричатъ въ одинъ голосъ: „мы гнушаемся бюрократіей“: но г. Чичеринъ мужественно поучаетъ ихъ: „я лучше васъ знаю, кто вы таковы: всѣ вы отчаянные бюрократы“. Начитавшись его книги, мы думали даже предложить Пальмерстону должность исправника въ городѣ Туруханскѣ: это мѣсто совершенно соотвѣтствовало бы его наклонностямъ, по изображенію г. Чичерина:

съ какимъ удовольствіемъ писалъ бы онъ: „На отношеніе вашего высокородія за № 15,217 имѣю честь отвѣтствовать, что безпаспортной солдатской жонки Авдотьи Никитиной на жительствѣ въ Туруханскомъ уѣздѣ не оказалось".

Впрочемъ очень можетъ быть, что г. Чичеринъ воображаетъ себѣ бюрократію не въ такомъ видѣ, какъ представляется она намъ. Быть можетъ и абсолютизмъ, и аристократія, и демократія представляются ему вовсе не въ томъ видѣ, въ какомъ привыкли представлять ихъ себѣ мы. Дѣйствительно, это очень можетъ быть: по крайней мѣрѣ надобно предполагать, что если бы эти понятія не представлялись ему совершенно различнымъ отъ обыкновеннаго пониманія способомъ, то онъ не наговорилъ бы объ нихъ такихъ странныхъ вещей, какими наполнена его книга.

Мы вполнѣ выписывали изъ книги г. Чичерина длинные отрывки, на которыхъ основываемъ свое заключеніе, что онъ дѣйствительно не имѣетъ понятія о существенномъ смыслѣ тѣхъ формъ государственнаго устройства, объясненію которыхъ посвящена вся его книга. Читатели могли убѣдиться, что мы не взводимъ на него небылицъ, когда говоримъ, что онъ не знаетъ ни демократіи, ни абсолютизма, ни аристократіи, ни бюрократіи, ни централизаціи. Получивъ такіе результаты, мы можемъ прекратить выписки, потому что вся остальная запутанность понятій въ его книгѣ составляетъ уже естественное слѣдствіе отсутствія правильнаго взгляда на эти основные предметы его разсужденій. Пересмотримъ же коротко содержаніе его книги.

Первая статья, „О политической будущности Англіи", написанная по поводу книги Монталамбера, начинается утѣшительнымъ увѣреніемъ, что вопросы, волнующіе Западную Европу, „не имѣютъ для насъ жизненнаго значенія". Утѣшительно это потому, что очень благопріятствуетъ смотрѣть намъ на событія Западной Европы „безъ гнѣва и пристрастія". Мы готовы были бы думать, что это увѣреніе просто избитая мысль, употребляющаяся многими изъ насъ по условному правилу, имѣющему свою внѣшнюю выгоду; но отрывки о роли публициста, выписанные нами изъ предисловія, убѣждаютъ насъ, что г. Чичеринъ въ самомъ дѣлѣ воображаетъ, будто это такъ и будто это очень утѣшительно. Это удивительно. Кому неизвѣстно, что вотъ уже очень много лѣтъ наша судьба связана съ судьбою Западной Европы и каждое важное событіе въ ней отражается на насъ? Фридрихъ II ограбилъ Марію Терезію.—и вотъ мы были запутаны въ семилѣтнюю войну. Европа стала покланяться Вольтеру, и у насъ началась комедія гуманныхъ возгласовъ въ угодность Вольтеру, лицемѣрное хвастовство либерализмомъ; но Вольтеръ имѣлъ у насъ много и такихъ приверженцевъ, которые не были лицемѣрами. Вспыхнула французская революція, и характеръ администраціи у насъ сдѣлался рѣшительнѣе, прямѣе и пружины дѣйствія перестали прикрываться философскими украшеніями. Изъ революціи вышелъ Бонапарте, и мы были запутаны въ продолжительныя войны, кончившіяся удачно, но разорившія Россію и присоединившія къ ней Варшаву. Потомъ Меттернихъ основалъ Священный Союзъ, и кому не извѣстно вліяніе этого учрежденія на судьбу Россіи? Продолжать ли этотъ перечень? Намъ кажется, перечисленныхъ фактовъ довольно, чтобы отказаться намъ отъ возможности равнодушно смотрѣть на западно-европейскія событія. „Перевѣсъ либерализма или демократіи, успѣхи революціи или удача диктатуры въ Западной Европѣ,—все это вопросы, не имѣю-

щіе для насъ жизненнаго значенія",—этихъ словъ уже достаточно, чтобы показать совершенное отсутствіе способности понимать положеніе Россіи. Впрочемъ, напрасно мы останавливались на этомъ: мы уже знали, что г. Чичеринъ неспособенъ быть публицистомъ, а способенъ быть только ученымъ схоластикомъ. Для схоластика нѣтъ надобности понимать отношенія своего общества къ фактамъ, которыми онъ занимается; ему только нужно знать факты.

Но и фактовъ г. Чичеринъ не знаетъ самъ, а принимаетъ ихъ на вѣру отъ другихъ, которые не заслуживали его довѣрія. Гнилая оппозиція французскихъ академиковъ называетъ Монталамбера великимъ ораторомъ, а его книгу замѣчательнымъ произведеніемъ; г. Чичеринъ смотритъ на вещи не такъ, какъ французскіе академики, потому могъ бы думать о Монталамберѣ и его книгѣ иначе. Но онъ принимаетъ этого реакціоннаго болтуна очень серьёзно за защитника свободы, за представителя либерализма, и серьёзно разсуждаетъ о его понятіяхъ, будто бы о мысляхъ дѣльнаго человѣка. Монталамберъ говоритъ объ Англіи вздорныя общія мѣста, въ родѣ того, что „привязанность къ старинѣ составляетъ отличительную черту англійскаго народа", что англичане „отличаются отъ другихъ народовъ любовью къ разоблаченію своихъ собственныхъ недостатковъ", что англійская аристократія „невраждебна никакому прогрессу"; г. Чичеринъ очень серьёзно повторяетъ эти пустыя слова, или несправедливыя, или ровно ничего не выражающія: по всему видно, что Монталамберъ для него кажется драгоцѣннымъ источникомъ свѣдѣній объ Англіи. Человѣкъ ученый не долженъ былъ бы принимать дрянную брошюру за что нибудь значительное. Онъ споритъ съ Монталамберомъ очень важно, какъ будто бы съ противникомъ, заслуживающимъ уваженія.

Такое же чрезмѣрное уваженіе къ пустымъ репутаціямъ видно въ слѣдующей его статьѣ „Промышленность и государство въ Англіи", составленной по поводу книги Леона Фоше. Леонъ Фоше былъ человѣкъ довольно трудолюбивый, но вовсе не даровитый. Либерализмъ его всегда былъ очень узокъ и сильно отзывался консерватизмомъ. Г. Чичерину кажется, что онъ испортился только съ 1848 года. Онъ думаетъ, что только тогда Леонъ Фоше „покинулъ точку безпристрастнаго наблюдателя и сдѣлался членомъ партіи", что только тогда „примкнулъ онъ къ тому близорукому большинству французскаго законодательнаго собранія, которое не умѣло основать новыхъ учрежденій". Напрасное прискорбіе. Леонъ Фоше всегда принадлежалъ къ близорукимъ людямъ, которые враждовали противъ новыхъ учрежденій. Г. Чичеринъ не имѣетъ вѣрныхъ свѣдѣній объ отношеніяхъ партій при Орлеанской династіи; онъ не знаетъ характера той оппозиціи, которая признавала своимъ предводителемъ Тьера, и характера той экономической школы, которая называлась тогда либеральною, но либерализмъ которой ограничивался хлопотами о пониженіи тарифа. Впрочемъ книга Леона Фоше не есть пустая болтовня, какъ памфлетъ Монталамбера: въ ней собрано много фактовъ. Мы не осуждаемъ г. Чичерина за то, что онъ вздумалъ серьёзно пользоваться ею. Но любопытенъ выводъ, къ которому клонятся всѣ его выписки изъ Леона Фоше и Лаверня. Мы уже говорили объ этомъ выводѣ. Г. Чичеринъ воображаетъ, что сущность реформъ, произведенныхъ парламентомъ въ экономическомъ устройствѣ Англіи, ведетъ къ усиленію бюрократіи; а между тѣмъ изъ этихъ реформъ всѣ важнѣйшія состоятъ въ робкомъ, неполномъ, иногда нелѣпомъ удовлетвореніи нѣкоторымъ изъ экономи-

ческихъ потребностей англійскихъ простолюдиновъ; и если эти реформы принадлежатъ къ какой нибудь системѣ понятій, то развѣ къ системѣ тѣхъ экономистовъ, которые думаютъ прикрасить ветхое рубище своей теоріи нѣкоторыми лоскутками соціализма. Напримѣръ, въ Англіи запретили держать дѣтей на фабричной работѣ болѣе 12 часовъ въ день; потомъ запретили нанимать женщинъ для работы въ рудникахъ; потомъ предписали, чтобы дѣти, работающія на фабрикахъ, непремѣнно посѣщали школу; потомъ запретили держать женщинъ на фабричной работѣ болѣе 12 часовъ въ сутки. По мнѣнію г. Чичерина, это—бюрократія и централизація, а по мнѣнію каждаго экономиста эти постановленія принадлежатъ къ тому, что г. Чичеринъ называетъ „безумными проявленіями соціализма". Такихъ недоразумѣній въ статьѣ о промышленности Англіи находится множество. Но вотъ мѣсто, которое показываетъ, что г. Чичеринъ не знаетъ не только того, къ какому порядку идей принадлежатъ перечисляемые имъ факты, но не знаетъ даже того, къ какому порядку идей принадлежатъ его собственныя мысли. Онъ начинаетъ говорить о томъ, что расширеніе центральной власти или вмѣшательство правительства должно въ Англіи усилиться еще значительнѣе, нежели насколько усилилось всѣми произведенными реформами. Тутъ мы читаемъ между прочимъ слѣдующее соображеніе:

„Правительству должны подлежать, говоритъ г. Чичеринъ, всѣ тѣ общественныя установленія, которыя не требуютъ личной предпріимчивости и энергіи. Таково, напримѣръ, застрахованіе. Въ наше время оно производится частными компаніями, но нѣтъ сомнѣнія, что оно съ такимъ же успѣхомъ можетъ быть предпринято правительствомъ. Настоящее мѣсто частнаго капитала тамъ, гдѣ онъ является орудіемъ личной дѣятельности; здѣсь же капиталъ цѣлаго общества служитъ обезпеченіемъ риска, которому подвергается каждый изъ его членовъ. Потому мы думаемъ, что съ большимъ и большимъ развитіемъ системы застрахованія, оно поступитъ наконецъ въ вѣдомство правительственной власти. Самое государство можно въ нѣкоторомъ отношеніи разсматривать, какъ общество взаимнаго застрахованія, составленное цѣлымъ народомъ: каждый гражданинъ удѣляетъ часть своего достоянія въ общую кассу для того, чтобы получить отъ государства обезпеченіе личной своей дѣятельности".

Мы не станемъ разбирать, самъ ли г. Чичеринъ написалъ это мѣсто, или заимствовалъ его изъ Милля; онъ не отмѣчаетъ, что заимствовалъ его, слѣдовательно представляетъ какъ свою собственную мысль. Намъ остается только поздравить централизацію съ пріобрѣтеніемъ такого новаго характера. Встарину подобныя вещи назывались регаліями или монополіями казны, но никакъ не централизаціею или бюрократіею; нынѣ называются онѣ иначе; какъ именно называются нынѣ онѣ и къ какому порядку идей принадлежатъ, мы не станемъ говорить. Но скажемъ, что присвоеніе государству страхованія, до понятіямъ нынѣшнихъ экономистовъ, ничѣмъ не отличается отъ присвоенія государству исключительнаго права имѣть желѣзныя дороги, отъ наложенія на него обязанности давать работу рѣшительно каждому неимѣющему работы, принимать на общественное содержаніе каждаго бѣднаго и т. д. Если мы не ошибаемся, всѣ эти мысли составляютъ принадлежность теоріи, которая заслужила отъ г. Чичерина названіе безумной. Намъ остается только жалѣть, что г. Чичеринъ повидимому незнакомъ съ этою теоріею, а лишь слыхивалъ о ней отъ людей подобныхъ Монталамберу, Токвилю, Сюдру, Луи-Ребо. Не дурно было бы ему замѣтить вредъ, происходящій отъ этого про-

бѣла въ знакомствѣ его съ произведеніями современной мысли: онъ украшаетъ свои статьи лоскутками той самой теоріи, которую упрекаетъ въ безумствѣ.

Точно также онъ имѣлъ бы совершенно другое понятіе о смыслѣ демократическаго движенія въ Англіи, если бы изучалъ его по достовѣрнымъ источникамъ, напримѣръ по парламентскимъ преніямъ, по рѣчамъ и сочиненіямъ представителей этого движенія, а не по книжкамъ, писаннымъ отсталыми людьми, въ родѣ Леона Фоше, или реакціонерами, въ родѣ Монталамбера.

Третья статья, „Старая французская монархія и революція", написана по поводу книги Токвиля. Начинается она объясненіемъ, что дурно поступаютъ тѣ историки, которые пишутъ подъ вліяніемъ современныхъ политическихъ событій, что историкъ не долженъ вносить страстей настоящаго въ изображеніе прошедшаго. Словомъ сказать, г. Чичеринъ очень подробно и хорошо перефразируетъ извѣстную характеристику лѣтописца въ „Борисѣ Годуновѣ":

Такъ точно дьякъ, въ приказахъ посѣдѣлый,
Спокойно зритъ на правыхъ и виновныхъ,
Добру и злу внимая равнодушно,
Не вѣдая ни жалости, ни гнѣва.

Пушкинъ, былъ вѣроятно правъ, изображая такими нашихъ лѣтописцевъ, людей чуждыхъ всякаго понятія о жизни, сущихъ книжниковъ и притомъ чрезвычайно мало образованныхъ; но г. Чичеринъ напрасно хочетъ, чтобы нынѣшніе историки подражали имъ. Онъ, повидимому, не знаетъ истиннаго смысла тѣхъ возгласовъ объ историческомъ безпристрастіи, которыми наполнены всѣ реакціонныя книги. Реакціонеры называютъ историка безпристрастнымъ тогда, когда онъ доказываетъ, что старинный порядокъ вещей былъ хорошъ. Напротивъ, напримѣръ книгу г. Чичерина „Областныя учрежденія" всѣ реакціонеры называютъ пристрастною и несправедливою за то, что авторъ совершенно справедливо изобразилъ въ ней старинную систему управленія не въ розовомъ свѣтѣ. Живой человѣкъ не можетъ не имѣть сильныхъ убѣжденій. Отъ этихъ убѣжденій не отдѣлается онъ, что бы ни сталъ дѣлать: писать исторію или статистику, фельетонъ или повѣсть; все написанное имъ будетъ написано для оправданія и развитія какой-нибудь мысли, кажущейся ему справедливою. Если вы раздѣляете эту мысль, вамъ будетъ казаться, что писатель изображаетъ жизнь безпристрастно; если вы враждуете противъ его образа мнѣній, вамъ будетъ казаться, что онъ изображаетъ жизнь пристрастно и несправедливо. Слѣдовательно дѣло не въ томъ, проводитъ ли историкъ свои убѣжденія въ своей книгѣ. Не проводить убѣжденій могутъ только тѣ, которые не имѣютъ ихъ; а не имѣть убѣжденій могутъ только или люди необразованные, или люди неразвитые, или люди тупые, или люди безсовѣстные; дѣло только въ томъ, хороши ли убѣжденія, проводимыя историкомъ, т.е. возникаютъ ли они изъ желанія добра, справедливости и благосостоянія людямъ, или изъ какихъ нибудь принциповъ, противныхъ благосостоянію общества, и ясно ли понимаетъ историкъ, какія учрежденія и событія содѣйствовали, какія мѣшали осуществленію такого порядка дѣлъ, который пользуется его сочувствіемъ. Если убѣжденія историка честны и если онъ понимаетъ вліяніе изображаемыхъ имъ событій и учрежденій на судьбу народа, тогда заслуживаетъ онъ уваженіе; и кромѣ честности убѣжденій, другаго безпристрастія никогда не бывало ни въ какомъ

историкѣ, если онъ былъ одаренъ человѣческимъ смысломъ, а не писалъ какъ безсмысленная машина. Откуда же взялось у г. Чичерина мнѣніе, что историкъ долженъ походить на пушкинскаго лѣтописца? Опять-таки оно возникло отъ необдуманнаго принятія чужихъ словъ на вѣру. Если бы онъ самъ подумалъ о томъ, были ли равнодушны Ѳукидидъ, Тацитъ, Макіавели, де-Ту, Тьерри, Шлоссеръ, Гиббонъ, или даже хотя такіе историки, какъ Гизо, Тьеръ, Маколей, къ тѣмъ событіямъ и людямъ, о которыхъ писали, онъ увидѣлъ бы, что ни одинъ, сколько нибудь сносный историкъ, не писалъ иначе, какъ для того, чтобы проводить въ своей исторіи свои политическія и общественныя убѣжденія.

Но, принявъ на вѣру чужія слова, лишенныя положительнаго смысла, г. Чичеринъ вздумалъ, будто бы Токвиль пишетъ дурно только потому, что проводитъ въ своей книгѣ политическія убѣжденія извѣстной партіи, а не потому, что его убѣжденія во многомъ реакціонны, во многомъ вздорны. Мы сочувствуемъ Токвилю гораздо меньше, нежели г. Чичерину, но должны сказать, что и въ его нападеніяхъ на Токвиля такъ же мало яснаго понятія о вещахъ, какъ въ книгѣ Токвиля, и притомъ главныя нападенія обращены именно на ту сторону, которая одна только и хороша у Токвиля. Среди множества разнаго вздора, въ книгѣ Токвиля проводится одна вѣрная мысль, что абсолютизмъ надѣлалъ Франціи несравненно больше вреда, нежели пользы. Но абсолютизмъ учредилъ бюрократію, а по мнѣнію г. Чичерина бюрократія — вещь очень хорошая, и вотъ онъ считаетъ своею обязанностью вступиться за французскій абсолютизмъ противъ Токвиля. Онъ надѣется защитить дѣло французскихъ королей, взявъ образцовымъ временемъ ихъ принципа періодъ раньше того, къ которому относится характеристика Токвиля. Въ XVIII вѣкѣ, говоритъ онъ, абсолютный принципъ уже испортился; чтобы оцѣнить его, надобно посмотрѣть, каковъ онъ былъ прежде. Но сколько мы ни смотримъ, никакъ не можемъ замѣтить, чтобы когда нибудь защищаемый г. Чичеринымъ принципъ не былъ точно таковъ же, какъ въ XVIII вѣкѣ. Нравственные и политическіе принципы Екатерины Медичи очень хорошо извѣстны; человѣкъ безъ сильнаго воображенія никакъ не предположитъ, чтобы она могла сдѣлать сама или допустила другихъ дѣлать что-нибудь дѣйствительно полезное для государства. Съ того времени до XVIII вѣка господствовала та же самая политика. Ришльё и Мазарини навѣрное не много принесли пользы націи, хотя быть можетъ, что они умѣли хорошо вести дипломатическія интриги и выбирать хорошихъ генераловъ. Но быть можетъ и въ концѣ XVI, и въ XVII вѣкѣ принципъ, защищаемый г. Чичеринымъ, былъ уже „испорченъ“. Если такъ, очень жаль, потому что и Карлъ VIII и Людовикъ XII ничѣмъ не отличались въ своихъ тенденціяхъ отъ Генриха II или Людовика XIV. Но г. Чичеринъ смотритъ на дѣло, вѣроятно, съ иной точки зрѣнія. Главнымъ благодѣяніемъ для французской націи онъ считаетъ то, что она получила политическое единство. О, если завоевывать области и по возможности увеличивать свои владѣнія значитъ быть благодѣтелемъ, то почему же не предполагать, что Аттила и Батый были представителями благодѣтельнѣйшаго принципа: они хотѣли доставить всему европейскому чѣловѣчеству то благо, которымъ обязаны были французы Филиппу Прекрасному, Людовику XI и другимъ собирателямъ земли французской. Результатъ завоевательной политики, правда, оказался недуренъ въ томъ отношеніи, что французская нація соединилась въ одно государство. Но людей, занимавшихся этимъ дѣломъ,

не стоитъ называть благодѣтелями націи, потому что они имѣли въ виду вовсе не пользу націи, а только удовлетвореніе собственному эгоизму, и одинаково вели всевозможныя войны, не разбирая того, полезны ли эти войны для національнаго единства, или нѣтъ. Походы на Бургундію, на Бретань проистекали изъ того же самаго принципа, какъ и походы Карла VIII въ Италію или Людовика XIV въ Германію; разница была не въ мысли, а только въ томъ, что одни походы кончались удачно, другіе—нѣтъ. Нѣмецкій Эльзасъ былъ покоренъ на томъ же самомъ основаніи какъ и французская Нормандія. Если завоеваніе Страсбурга не было внушено высокою идеею народнаго блага, то не было внушено ею и завоеваніе Дижона.

Но все-таки надобно же благодарить кого-нибудь за то, что Франція собралась въ одно цѣлое изъ раздробленныхъ герцогствъ, графствъ и виконтствъ. Чтобы узнать, кого должно благодарить за это, надобно только сдѣлать себѣ вопросъ, почему Шампань осталась во владѣніи французскихъ королей, а Италія, нѣсколько разъ завоеванная французами, все-таки постоянно отрывалась отъ французскаго государства. Отвѣтъ ясенъ: Шампань была населена французами, которые стремились составить одно цѣлое съ остальными французами, а въ Италіи жили итальянцы, которымъ не было охоты присоединяться къ французамъ. Теперь, кажется, не трудно сообразить, какой силѣ обязаны французы тѣмъ обстоятельствомъ, что соединились въ одно государство. Надобно предполагать, что они были обязаны этимъ своему собственному стремленію соединиться въ одно государство. Потому надобно думать, что если французы должны кого благодарить за могущество, пріобрѣтенное Франціею, то должны благодарить за это только самихъ себя, и больше никого. Тотъ или другой эгоистъ, тотъ или другой честолюбецъ могъ находить выгоднымъ для себя стремленіе къ національному единству, врожденное французамъ, но не онъ создалъ его, онъ только пользовался имъ и пользуясь почти всегда вреднымъ для самихъ французовъ образомъ. За что же французамъ благодарить его, называть представителемъ какихъ-то высокихъ идей, когда все, что было въ результатѣ хорошаго, произошло благодаря только ихъ собственному національному чувству? Если мы станемъ благодарить французскихъ Валуа за то, что при нихъ произошло возсоединеніе французскихъ провинцій, всегда стремившихся къ единству, то не должны ли мы благодарить Елизавету англійскую за то, что при ней Шекспиръ написалъ Гамлета? Намъ кажется, что за Гамлета слѣдуетъ благодарить Шекспира, за французское единство французы должны благодарить самихъ себя.

Такимъ образомъ надобно смотрѣть на степень заслуги абсолютнаго принципа въ дѣлѣ соединенія французской земли. Этотъ принципъ только эгоистически пользовался силою, существовавшею независимо отъ него: и если оцѣнивать достоинство этого принципа, надобно смотрѣть не на то, что пріобрѣталъ онъ, потому что пріобрѣтенія дѣлались не его заслугами, а національнымъ чувствомъ,—нѣтъ, надобно смотрѣть только на то, что онъ дѣлалъ съ пріобрѣтенными провинціями. Тутъ отвѣтъ опять коротокъ: искони вѣковъ, съ самого Гуго-Капета до Людовика XIV, главною заботою представителей абсолютнаго принципа было полученіе возможно большаго количества доходовъ, какими бы то ни было средствами, начиная съ постояннаго разоренія всей націи законными и незаконными поборами до нарушенія контрактовъ, продажи должностей и дѣланія фальшивой монеты. Начиная съ X и кончая XVII или XVIII вѣкомъ принципъ, защищаемый г. Чичеринымъ,

бралъ съ французской націи все, что только могъ взять, и почти постоянно только этимъ да веденіемъ войнъ ограничивалась вся государственная дѣятельность этого принципа. Само собою разумѣется, что безъ исключеній ничего на свѣтѣ не бываетъ. Въ теченіе 800 лѣтъ Франція имѣла двухъ государей, дѣйствительно думавшихъ о благѣ народа: Людовика Святаго и Генриха IX, и нѣсколько геніальныхъ министровъ. Но даже Генрихъ IV былъ занятъ своею Габріэлью и военными пламами гораздо больше, нежели народными нуждами, а Людовикъ IX не имѣлъ успѣха ни въ одномъ изъ своихъ предпріятій, конечно потому, что его характеръ и его нравственныя правила совершенно не соотвѣтствовали качествамъ, какихъ требуетъ положеніе, доставшееся ему на долю. Что же касается до великихъ французскихъ министровъ, то мы знаемъ, что Сюлли былъ отосланъ въ деревню за неуживчивость характера, а Кольберъ долженъ былъ всѣ свои усилія напрягать къ тому, чтобы доставлять Людовику XIV какъ можно болѣе денегъ на веденіе войнъ. И такъ остаются только Ришльё и Мазарини. Они дѣйствительно управляли государствомъ, какъ хотѣли; но при извѣстныхъ качествахъ этихъ людей кто отважится сказать, чтобы когда-нибудь приходила тому или другому изъ нихъ въ голову мысль о пользѣ націи?

Мы не надѣемся, чтобы г. Чичеринъ удостоилъ прочтеніемъ нашу статью; мы даже не думаемъ, чтобы это было нужно, потому, какъ непогрѣшительный мудрецъ, онъ, конечно, не могъ бы извлечь никакой пользы изъ нашихъ замѣчаній; но если бы онъ прочелъ эту статью, онъ сказалъ бы, что мы смотримъ на исторію французскаго абсолютизма и предшествовавшаго ему феодальнаго королевства очень пристрастнымъ образомъ, забываемъ все хорошее и выставляемъ на видъ только дурное. Мы точно также говоримъ о его взглядѣ, что онъ преувеличиваетъ все хорошее, приписываетъ своему любимому принципу многое такое, чѣмъ Франція вовсе не ему обязана. Г. Чичеринъ скажетъ, что мы пристрастны, а онъ безпристрастенъ; мы, наоборотъ, говоримъ, что мы безпристрастны, а онъ пристрастенъ. Какъ разобрать—кто изъ насъ правъ, кто нѣтъ? Каждый читатель рѣшитъ это сообразно своему образу мыслей. Кому нашъ образъ мыслей кажется справедливымъ, тотъ скажетъ, что и взглядъ нашъ на французскую исторію безпристрастенъ. Кто, напротивъ, раздѣляетъ убѣжденія г. Чичерина, тотъ назоветъ наши понятія о французской исторіи чрезвычайно пристрастными. Но мы и не претендуемъ казаться безпристрастными въ глазахъ каждаго. Г. Чичеринъ претендуетъ, но можетъ быть увѣренъ, что изъ 10 человѣкъ едва ли хотя одинъ признаетъ за нимъ то безпристрастіе, о которомъ онъ такъ хлопочетъ. Какую же выгоду передъ нами, прямо говорящими, что любимъ однихъ, не любимъ другихъ историческихъ дѣятелей, доставила ему его забота казаться равнодушнымъ ко всѣмъ и ко всему? Этою фальшивою претензіею можетъ каждый изъ насъ обольщать самъ себя, но другіе все-таки не будутъ обмануты его самообольщеніемъ. И напримѣръ о г. Чичеринѣ каждый говоритъ, что любовь къ бюрократіи и централизаціи заставляетъ его страннымъ образомъ преувеличивать все хорошее и уменьшать все дурное въ исторіи французскаго абсолютизма.

Четвертая и послѣдняя статья въ книгѣ г. Чичерина, „О французскихъ крестьянахъ“, была гораздо менѣе замѣчена публикою, нежели три первыя статьи. Это даетъ намъ возможность не говорить о ней подробно. Замѣтимъ только одно мѣсто, интересное для опредѣленія нынѣшняго направленія симпатій г. Чичерина.

Изъ трехъ книгъ, выставленныхъ въ заглавіи этой статьи, г. Чичеринъ обращаетъ вниманіе особенно на двѣ, Дареста и Бонмера. Онъ характеризуетъ ту и другую. Дарестъ самъ объясняетъ свое направленіе слѣдующими довольно странными словами: „Тамъ, гдѣ поверхностные историки видѣли между рабочими классами и высшими сословіями противоборство, существовала, напротивъ, тѣсная связь, скажу болѣе, полное почти общеніе чувствъ и интересовъ". Изъ этого видно, что книга Дареста написана съ цѣлью доказать, что мятежи французскихъ крестьянъ противъ дворянъ и страшная ненависть поселянъ къ феодальнымъ господамъ была явленіемъ мимолетнымъ, неосновательнымъ, и, собственно говоря, жалобы крестьянъ были неосновательны. Самъ г. Чичеринъ прибавляетъ: „Авторъ представляетъ многія средневѣковыя учрежденія съ слишкомъ выгодной стороны. Онъ нерѣдко старается объяснить общественною пользою такія права, которыя были явнымъ послѣдствіемъ права сильнаго". Бонмеръ, напротивъ того, живо раскрываетъ всю тяжесть положенія поселянъ и постоянно сочувствуетъ имъ, не оказывая потворства средневѣковымъ гнусностямъ. Г. Чичеринъ сочувствуетъ даже французскому абсолютизму, который кажется ему союзникомъ демократіи, и не любитъ самоправленія за то, что въ Англіи имѣетъ оно аристократическій характеръ. Послѣ этого можно было бы ожидать, что къ Бонмеру у него будетъ больше сочувствія, нежели къ Даресту, защитнику феодализма. Но нѣтъ: Дареста онъ не лишаетъ своей милости, но Бонмера казнитъ онъ нещадно.

„Г. Дарестъ и г. Бонмеръ могутъ служить представителями двухъ противоположныхъ направленій науки: одинъ слишкомъ старается оправдать все прошедшее, другой слишкомъ старается его унизить. Нельзя не сказать, однако, что первый показалъ несравненно болѣе историческаго и критическаго такта, нежели послѣдній. И не мудрено: несмотря на нѣкоторую односторонность, онъ стоитъ на истинной дорогѣ и смотритъ на исторію не съ точки зрѣнія современной страсти, а какъ ученый наблюдатель, который изучаетъ лежащія передъ нимъ явленія. Книга его можетъ служить лучшимъ руководствомъ для изученія исторіи французскихъ крестьянъ" (Стр. 281).

„....Сочиненіе Бонмера написано съ крайне-односторонней точки зрѣнія. Г. Бонмеръ, повидимому, принадлежитъ къ тому разряду французскихъ демократовъ-соціалистовъ, которые, подводя всѣ эпохи подъ исключительную мѣрку настоящихъ своихъ требованій, видятъ въ исторіи не постепенное развитіе народа, а постоянную несправедливость, отъ которой слѣдуетъ отдѣлаться. Это — направленіе вполнѣ отрицательное. Автору нельзя отказать въ начитанности, но пріобрѣтенный матеріалъ употребленъ имъ безъ всякой критики и съ явнымъ пристрастіемъ. Книгу его можно назвать не столько исторіею крестьянъ, сколько повѣствованіемъ объ испытанныхъ ими притѣсненіяхъ. Къ несчастію, даже и эта одна сторона далеко не удовлетворяетъ читателя. Весь разсказъ преисполненъ декламаціею, реторическими выходками и преувеличеніемъ, которыя невольно заставляютъ заподозрѣвать самую фактическую вѣрность изображеній, и т. д." (Стр. 280).

Изъ этого мы можетъ видѣть, что, несмотря на всѣ свои разсужденія о прогрессѣ, несмотря на всю нелюбовь къ англійскимъ аристократическимъ учрежденіямъ, г. Чичеринъ не колеблется отдавать преимущество приверженцамъ старины надъ людьми, которые кажутся ему слишкомъ живо сознающими вредную сторону старинныхъ учрежденій. Дарестъ оставляетъ безъ вниманія жизненную сторону учрежденій и вноситъ въ средневѣковыя учрежденія понятія новаго времени съ цѣлью показать законность беззаконія, пользу насилія: изъ этого, повидимому, надобно было бы г. Чичерину заключить, что онъ лишенъ всякой способности быть историкомъ: но нѣтъ, „онъ стоитъ на истинной дорогѣ и книга его можетъ слу-

жить лучшимъ руководствомъ, показывая въ немъ историческій и критическій тактъ". Изъ этого заключенія г. Чичеринъ самъ на себѣ можетъ видѣть, что такое скрывается подъ фразою объ историческомъ безпристрастіи, которою онъ обольстился: подъ нею просто скрывается требованіе, чтобы историкъ старался оправдывать беззаконіе и выставлять хорошія качества феодальныхъ и тому подобныхъ учрежденій.

Мы кончили разборы, и намъ остается объяснить странныя качества, найденныя нами въ книгѣ г. Чичерина. Мы сначала будемъ говорить вообще.

Демократія, готовая скорѣе согласиться на оправданіе феодализма, нежели на его порицаніе, либерализмъ, состоящій въ пристрастіи къ бюрократіи, публицистика, равнодушная къ вопросамъ ею излагаемымъ, ученость, не знающая характера событій и людей, извѣстныхъ каждому,—какимъ образомъ объяснить эти сочетанія каждаго качества съ признаками рѣшительно неумѣстными въ немъ, эту холодность жара, обскурантизмъ просвѣщенія, реактивность прогресса, безсмысліе мысли? Мы приведемъ сначала общія причины, не относящіяся къ лицу. Мы видѣли, почему французская демократія является съ формами бюрократіи: она еще слишкомъ слаба, чтобы отвергнуть въѣвшуюся въ нее старину, противную ея собственной натурѣ. Она похожа на одного изъ недавно уволенныхъ нашихъ кантонистовъ, которые все еще по старой привычкѣ дѣлаютъ подъ козырекъ проходящему офицеру, хотя человѣкъ, уволенный изъ военной службы, не долженъ уже дѣлать подъ козырекъ. Всѣ мы воспитаны обществомъ, въ которомъ владычествуетъ обскурантизмъ и застой; потому, какими понятіями ни пропитываемся мы потомъ изъ книгъ, все-таки большая часть изъ насъ сохраняютъ привычное расположеніе къ обскурантизму и застою. Мы похожи на ту ворону, обращенную въ соловья, которая часто, по разсѣянности, каркала по вороньему. Если бы мы всѣ были таковы, нельзя было бы ожидать обществу ничего хорошаго при нашемъ поколѣніи.

Но есть и въ западной Европѣ люди, у которыхъ подъ либерализмомъ скрывается обскурантизмъ; ихъ образъ мыслей нелѣпъ и дуренъ, но онъ имѣетъ нѣкоторую связность, въ немъ нѣтъ рѣжущихъ глаза логическихъ несообразностей. Монталамберъ, напримѣръ, не станетъ хвалить Робеспьера, не будетъ восхищаться Кромвелемъ. Зачѣмъ же у нашихъ просвѣщенныхъ обскурантовъ такая путаница въ понятіяхъ? Почему русскій человѣкъ способенъ на одной и той же страницѣ восхищаться Жанною Д'Аркъ и хвалить руанскій трибуналъ, который сжегъ ее за сношенія съ бѣсами? Это происходитъ отъ двухъ причинъ. Наши либеральные обскуранты набираются, напримѣръ, своихъ понятій изъ отсталыхъ французскихъ книжекъ; въ этихъ книжкахъ все такъ хорошо, гладко, связно; но онѣ набиты узкими національными предубѣжденіями, нелѣпость которыхъ слишкомъ замѣтна каждому иностранцу. Русскій ученикъ по необходимости отбрасываетъ этотъ вздоръ въ родѣ того, что Наполеонъ въ 1812 году не былъ побѣжденъ, что бюллетени его не содержали безстыдной лжи, что французы—единственная великая нація въ свѣтѣ, и въ этомъ качествѣ никогда не грабили Германію и Италію, а должны, для счастія самихъ нѣмцемъ, владѣть всѣмъ лѣвымъ берегомъ Рейна, и т. д. Отъ этихъ выпусковъ оказываются въ системѣ большіе пробѣлы, и русскій ученикъ наполняетъ ихъ, какъ умѣетъ, лоскутами фактовъ и понятій, набран-

ными откуда Богъ дастъ. Но мало того, что онъ самъ надѣлалъ пробѣловъ необходимыми выпусками: и въ полномъ своемъ иностранномъ видѣ отсталая теорія не касалась многихъ вопросовъ, спеціально важныхъ для русской жизни и неизбѣжно представляющихся мысли русскаго ученика. Онъ также старается пріискать для нихъ отвѣты, ввести ихъ въ чужую систему. По этимъ двумъ причинамъ жилетъ изъ французскаго атласа покрываетъ нашивками изъ англійскаго каленкора, сѣро-нѣмецкаго сукна и русской выбойки. Всѣ эти заплаты не производили бы арлекинскаго вида, если бы цвѣтомъ своимъ подходили къ основной ткани. Но главная нелѣпость состоитъ именно въ томъ, что цвѣтъ заплатъ совсѣмъ не тотъ, какой нуженъ для гармоніи. Первоначальная теорія была составлена, какъ мы сказали, людьми застоя или реакціи съ цѣлью охраненія и защиты старины. Намъ, русскимъ, нечего жалѣть въ нашей старинѣ и нѣтъ охоты защищать ее. Потому приставки наши имѣютъ обыкновенно совершенно не ту тенденцію, какъ первоначальная теорія. До сихъ поръ мы говорили вообще, теперь сошлемся въ частности на дѣятельность самого г. Чичерина въ подтвержденіе послѣднему обстоятельству. Мы видѣли, какого оттѣнка иностранные писатели, изученіемъ которыхъ онъ занятъ, изъ которыхъ онъ почерпаетъ основныя понятія свои о европейской жизни, съ которыми онъ, если и споритъ, то не какъ съ противниками своими по принципу, а какъ съ людьми, имѣющими только частные недостатки. Эти люди: Токвиль, Леонъ Фоше, Лавернь, Гизо, Маколей и т. п. господа, то есть все это люди такъ называемаго умѣреннаго и спокойнаго прогресса, иначе сказать, люди, которымъ застой гораздо милѣе всякаго смѣлаго историческаго движенія. Онъ споритъ съ ними, но и въ спорахъ видно, что онъ чрезвычайно уважаетъ ихъ, и вообще, какъ мы сказали, ихъ книги, ихъ теоріи служатъ ему главнымъ резервуаромъ мудрости. Но есть отрасль знаній, о которой они, къ несчастію, не писали и которою занимается г. Чичеринъ. Эта отрасль—русская исторія. И г. Чичеринъ написалъ превосходную книгу о русской администраціи въ Московскій періодъ. Прочтите эту книгу, и вы почувствуете надобность протерѣть глаза и снова заглянуть на обертку, чтобы удостовѣриться, дѣйствительно ли эта книга написана тѣмъ же г. Чичеринымъ, который написалъ „Очерки Англіи и Франціи“. Тотъ ли это человѣкъ, который предпочитаетъ Дареста Бонмеру? Вѣдь объ его „Областныхъ учрежденіяхъ“ всѣ умѣренные западно-европейцы буквально сказали бы то самое, что сказалъ онъ о книгѣ Бонмера:

„Направленіе г. Чичерина вполнѣ отрицательное. Автору нельзя отказать въ начитанности, но пріобрѣтенный матеріалъ употребленъ имъ безъ всякой критики и съ явнымъ пристрастіемъ. Книгу его можно назвать не столько исторіею русской администраціи, сколько повѣствованіемъ о притѣсненіяхъ, ею оказывавшихся. Къ несчастію, даже и эта одна сторона далеко не удовлетворяетъ читателя. Весь разсказъ преисполненъ преувеличеніемъ, которое невольно заставляетъ заподозрѣвать самую фактическую вѣрность изображеній. Авторъ тщательно выбираетъ изъ источниковъ всякую частность, которая можетъ сгустить краски на его картинѣ, и чѣмъ мрачнѣе событіе, хотя бы оно случилось въ какомъ нибудь углу государства, тѣмъ ярче оно выставляется на видъ, какъ характеристическая черта цѣлой эпохи“.

Эти слова списаны нами съ 280—281 стр. книги г. Чичерина; читатель можетъ сравнить ихъ съ отрывкомъ, который представили мы выше изъ его сужденій о Дарестѣ и Бонмерѣ. Нужно было только перемѣнить фамилію и

выпустить два-три слова, относящіяся къ характеристикѣ слога,—и то самое, что̀ должно служить осужденіемъ Бонмеру, буквально примѣнилось къ самому г. Чичерину, которому впрочемъ мы вовсе не ставимъ въ упрекъ всѣхъ тѣхъ качествъ, какими можетъ возбуждаться подобный отзывъ о его книгѣ со стороны умѣренныхъ прогрессистовъ. Въ самомъ дѣлѣ, какъ легко г. Чичерину опровергнуть ихъ упрекъ! Онъ можетъ сказать, и дѣйствительно говорилъ: вы заподозрѣваете фактическую вѣрность моихъ изображеній. Провѣрьте цитаты, и вы найдете, что я пользовался источниками совершенно добросовѣстно. Вы говорите, что я выбралъ однѣ мрачныя черты,—пересмотрите источники, я предлагаю вамъ найти какія нибудь другія черты, кромѣ найденныхъ мною. Вы говорите, что я преувеличиваю. Я прошу васъ показать хотя одно мѣсто, въ которомъ я сказалъ бы что нибудь, кромѣ того, о чемъ единогласно свидѣтельствуютъ всѣ источники. Г. Чичеринъ говорилъ это, и оказалось, что онъ совершенно правъ, оказалось, что не онъ, а самые источники, самая жизнь нашихъ предковъ виновата въ томъ, если все содержаніе его изслѣдованія сводится къ однообразному результату: что дѣлала администрація въ XIII вѣкѣ?—Грабила. Что дѣлала она въ XV вѣкѣ?—Грабила. Что дѣлала она въ XVII вѣкѣ?—Грабила. Что жъ было дѣлать г. Чичерину, если такъ говорили источники? Онъ былъ честенъ, добросовѣстенъ, и если у него не вышла идиллія, не онъ виноватъ.

И вотъ эта примѣсь собственной честной мысли, собственнаго добросовѣстнаго взгляда къ цѣлой массѣ понятій, на вѣру принятыхъ изъ теоріи застоя, реакціи, изъ теоріи, отвергающей всѣ тѣ живыя силы, безъ которыхъ невозможенъ прогрессъ, изъ теоріи людей, думающихъ взойти на гору безъ труда, сидящихъ въ болотѣ, чтобы не подвергнуться одышкѣ отъ усилій выйти изъ болота,—вотъ эта смѣсь собственной честности и собственнаго благородства съ чужою пошлостью производитъ тотъ безсвязный хаосъ не клеящихся одно съ другимъ понятій, который отпечатлѣлся на каждой страницѣ „Очерковъ Англіи и Франціи“. Это сочетаніе противоестественно, разнородные элементы хаоса лѣзутъ прочь одинъ отъ другаго. Нельзя долго служить Еговѣ и Ваалу вмѣстѣ. Надобно отказаться отъ Еговы или сжечь Ваала. Мы смѣло предсказываемъ, что г. Чичеринъ скоро выйдетъ изъ той путаницы понятій, въ которой находится теперь.

Но въ какую сторону онъ выйдетъ изъ нея? Онъ человѣкъ честный,—это мы видимъ, и потому слѣдовало бы ему, когда онъ двинется съ распутія, на которомъ стоитъ теперь, пойти по той дорогѣ, по которой идутъ честные люди, если природа не обдѣлила ихъ умомъ, какъ не обдѣлила г. Чичерина. Быть защитникомъ притѣсняемыхъ, или защитникомъ притѣсненій,—выборъ тутъ не труденъ для честнаго человѣка.

Но мы начали съ того, что г. Чичеринъ считаетъ себя непогрѣшительнымъ мудрецомъ. Ему трудно будетъ сознаться,—ни передъ нами, ни передъ публикою,—для людей съ благородной гордостью не трудно сознаваться въ своихъ ошибкахъ передъ другими,—нѣтъ, передъ самимъ собою ему трудно будетъ сознаться, что онъ былъ введенъ въ заблужденіе обманчивымъ благозвучіемъ ложныхъ словъ; что именемъ безпристрастія прикрывалась вражда противъ новаго для сохраненія старинныхъ бѣдствій, именемъ справедливости прикрывалось эго-

истическое равнодушіе къ чужимъ страданіямъ. Успѣетъ ли онъ одержать эту побѣду надъ самолюбіемъ, успѣетъ ли онъ стать тѣмъ, чѣмъ долженъ бы стать по своей честной натурѣ,—этого мы не знаемъ. А если г. Чичеринъ не успѣетъ одержать побѣды надъ чуждыми его благородству понятіями, онъ не замедлитъ сдѣлаться мертвымъ схоластикомъ, и будетъ философскими построеніями доказывать историческую необходимость каждаго предписанія земской полиціи, сообразно теоріи безпристрастія. Потомъ историческая необходимость можетъ обратиться у него и въ разумность.

ВУЛЬВИЧСКІЙ АРСЕНАЛЪ И ПУШКА ЭРМСТРОНГА.

Говорятъ, что нейтральныя державы, предвидя изгнаніе австрійцевъ изъ Ломбардіи въ нынѣшнюю кампанію, приготовились настаивать и въ Парижѣ и въ Вѣнѣ о начатіи мирныхъ переговоровъ тотчасъ же по вступленіи французовъ въ Миланъ. Трудно полагать, чтобы эти усилія прекратить войну имѣли успѣхъ, пока силы враждующихъ сторонъ еще не истощены до послѣдней крайности. А если война не кончится однимъ походомъ, то при нынѣшней дипломатической системѣ она не можетъ не вовлечь въ свой водоворотъ тѣ государства Западной Европы, которыя имѣютъ претензію возвышать голосъ во всѣмъ политическихъ столкновеніяхъ. Пруссія очевидно желала бы не начинать войны; но она такъ тѣсно связана съ Нѣмецкимъ Союзомъ, а Нѣмецкій Союзъ такъ тѣсно связанъ съ Австріею, что каждая новая побѣда французовъ приближаетъ минуту, когда Германія подъ предводительствомъ Пруссіи вступится за Австрію. Когда же война вспыхнетъ на Рейнѣ, Англія въ свою очередь не удержится отъ участія въ ней. Силы континентальныхъ державъ измѣряются очень легко: нужно только заглянуть въ какія нибудь статистическія таблицы, чтобы сосчитать количество солдатъ, которыхъ можетъ поставить подъ ружье Пруссія, Нѣмецкій Союзъ, Австрія, Франція. Нужно вычесть изъ нихъ то число, какое должно остаться дома для охраненія внутренняго порядка, и мы знаемъ силу, какую каждое изъ этихъ государствъ можетъ выказать въ войнѣ. Могущество Англіи опредѣляется не такъ легко. По числительности ея арміи передъ началомъ войны нельзя судить о томъ, сколько людей будетъ имѣть она подъ знаменами во время войны. Можно только знать по примѣрамъ всѣхъ прежнихъ войнъ, что съ каждымъ новымъ годомъ армія Англіи на театрѣ войны увеличивается въ числѣ, между тѣмъ какъ числительность другихъ армій обыкновенно уменьшается съ каждымъ походомъ. Но количество солдатъ, которымъ можетъ располагать Англія, вовсе не составляетъ главнаго элемента ея военной силы. Давно извѣстно, что деньги, въ которыхъ она никогда не будетъ чувствовать недостатка, придавали ей военное могущество гораздо болѣе значительное, нежели какого слѣдовало бы ожидать, судя только по числу ея солдатъ. Но теперь есть еще третій источникъ военной силы, которымъ особенно превосходитъ Англія всѣ другія государства. Техническія усовершенствованія въ оружіи, развивающіяся

передъ нашими глазами, утроиваютъ силу того войска, которое располагаетъ ими. Теперь сознали вездѣ необходимость вооружить штуцерами всю пѣхоту. Но ни Австрія, ни Франція, ни Пруссія не имѣютъ средствъ дать хорошіе штуцера каждому своему пѣхотинцу; эту возможность имѣетъ только Англія. Еще важнѣе соотвѣтственное измѣненіе въ устройствѣ артиллерійскихъ орудій. Послѣ крымской войны найдено средство дѣлать нарѣзныя пушки, какъ незадолго передъ тѣмъ было придумано средство дать воину нарѣзное ружье, которымъ прежде пользовался только охотникъ. Какъ простое ружье безсильно противъ штуцера, такъ артиллерія, употреблявшаяся до сихъ поръ, становится безсильна противъ нарѣзныхъ орудій. У французовъ есть теперь нѣсколько пушекъ нарѣзной системы, и хотя онѣ очень малы калибромъ и очень дурны по своему устройству, онѣ уже были одною изъ главнѣйшихъ причинъ побѣды при Монтебелло. Каково же должно быть дѣйствіе нарѣзныхъ орудій несравненно лучшаго устройства и несравненно большаго калибра, которыми владѣютъ теперь одни только англичане? Арсеналы и литейные заводы всегда обнаруживали очень сильное вліяніе на ходъ войны, но только теперь начинается эпоха совершеннаго перевѣса артиллерійскихъ средствъ государства надъ всѣми другими элементами военнаго могущества. Поэтому, чтобы знать, какую роль будетъ играть въ начинающейся войнѣ Англія, надобно познакомиться съ положеніемъ ея артиллерійскихъ средствъ. Съ этою цѣлью мы переводимъ изъ Times'а двѣ статьи: во-первыхъ, описаніе Вульвичскаго арсенала; во-вторыхъ, разсказъ Эрмстронга, изобрѣтателя знаменитой новой пушки, объ устройствѣ и дѣйствіи его орудія. По прочтеніи этихъ статей остается неизгладимое впечатлѣніе, что всѣ военныя дѣйствія до вмѣшательства англичанъ будутъ только прелюдіею къ тѣмъ событіямъ, которыя должны произойти въ случаѣ вмѣшательства англичанъ. Англія не желаетъ воевать, но если ошибки континентальныхъ дипломатовъ принудятъ ее воевать, страшное истребленіе ждетъ тѣ несчастныя арміи, которыя вызовутъ противъ себя англійское войско съ его энфильдскими штуцерами и эрмстронговыми баттареями. И что страннѣе всего, это справедливая увѣренность англичанъ, что источникъ ихъ военнаго могущества огражденъ отъ всякаго соперничества со стороны другихъ націй не какимъ нибудь секретомъ, а просто тѣмъ, что другія націи не могутъ съумѣть приготовить для себя тѣ ужасныя орудія, передъ которыми всѣ континентальныя ружья и пушки ничтожны, какъ дубина дикаря передъ штыкомъ европейца.

Мы помѣщаемъ сначала описаніе Вульвичскаго арсенала, напечатанное въ Times'ѣ, 12 мая. Въ нѣмецкихъ и нашихъ газетахъ были нѣкоторыя извлеченія изъ этой статьи, но намъ кажется, что съ нею стоитъ познакомиться вполнѣ.

„Въ Вульвичѣ, великомъ центрѣ производства разрушительныхъ оружій и военныхъ запасовъ всякаго рода, всѣ отдѣленія арсенала кипятъ чрезвычайной дѣятельностью, которая отличается отъ дѣятельности, бывшей во время самаго разгара крымской войны, только тѣмъ, что работа еще не производится по ночамъ. Въ Вульвичѣ думаютъ, и можетъ быть справедливо, что эта дѣятельность болѣе направлена заботою о сохраненіи мира, нежели намѣреніемъ вести войну. Но каковъ бы ни былъ предметъ, средства для его достиженія одинаковы, и мы увѣрены, что публикѣ пріятно будетъ узнать объ этой дѣятельности, которая съ

каждымъ днемъ укрѣпляетъ оборонительное положеніе нашей страны, такъ что черезъ два или три мѣсяца Англія будетъ въ состояніи съ совершеннымъ равнодушіемъ смотрѣть на вопросъ о войнѣ и мирѣ, на сколько онъ зависитъ отъ степени приготовленности къ войнѣ. Вульвичскій арсеналъ есть самое огромное депо и самая огромная мануфактура своего рода не только въ Англіи, но и въ цѣломъ мірѣ, и то, что происходитъ въ немъ теперь, можетъ служить вѣрнымъ образцомъ того, что происходитъ на всѣхъ арсеналахъ и верфяхъ Великобританскаго королевства.

„Новая пушечная литейная въ Вульвичѣ пока не участвуетъ въ общихъ приготовленіяхъ. Недѣли двѣ тому назадъ работа на ней остановлена для того, чтобы пристроить добавочные горны. По первоначальному плану, эту литейную предназначалось устроить на пять паръ горновъ; но во внезапномъ припадкѣ бережливости рѣшено было построить на первое время только двѣ пары горновъ. Въ этихъ четырехъ горнахъ въ прошедшемъ году было отлито 197 пушекъ 32-фунтоваго и 68-фунтоваго калибра; среднимъ числомъ пушка обходилась въ 50 ф. с. (320 рублей). Недѣли двѣ или три тому назадъ получено было приказаніе построить еще два прибавочные горна и теперь новая пушечная литейная можетъ приготовлять каждую недѣлю по 10 пушекъ 68-фунтоваго калибра; но въ случаѣ надобности, работая день и ночь, она легко можетъ изготовлять вдвое болѣе, то есть, до 1000 орудій въ годъ.

„Въ прошедшемъ финансовомъ году правительство заказало частнымъ заводчикамъ 1335 чугунныхъ орудій, вѣсившихъ вмѣстѣ 4800 тоннъ (300,000 пудовъ). Изъ этихъ орудій было 312 пушекъ 68-фунтоваго калибра; 460 мортиръ 10-дюймоваго калибра; 300 пушекъ 32-фунтовыхъ; 10 гаубицъ 10-дюймовыхъ; 44 гаубицы 8-дюймовыхъ; 200 пушекъ 10-дюймовыхъ и 19 полевыхъ гаубицъ 10-дюймовыхъ. Эти орудія обошлись отъ 19 до 21 фунта за тонну (почти ровно 2 рубля за пудъ). Въ нынѣшнемъ году заказано на частныхъ заводахъ около 1000 чугунныхъ пушекъ разныхъ калибровъ, перечисленныхъ выше; но заводчики легко сдѣлаютъ, въ случаѣ надобности, тройное количество орудій. Такимъ образомъ при помощи новой казенной литейной пушечной въ Вульвичѣ, Англія безъ малѣйшаго затрудненія можетъ приготовлять отъ 4 до 5 тысячъ самыхъ лучшихъ орудій самаго большаго калибра.

„Но и безъ прибавки этого громаднаго производства, Англія даже въ настоящую минуту достаточно снабжена орудіями на цѣлые годы европейской войны. Въ вульвичскихъ кладовыхъ находится теперь около 12,000 чугунныхъ орудій; и если мы выключимъ изъ этого числа старыя и 24-фунтовыя орудія, которыя теперь не употребляются ни на корабляхъ, ни въ крѣпостяхъ, все-таки останется болѣе 7000 пушекъ самой лучшей новой системы и самаго тяжелаго калибра, для употребленія хотя нынѣ же. Въ этотъ счетъ, разумѣется, не входятъ запасы на нашихъ большихъ верфяхъ, въ каждой изъ которыхъ хранится отъ 1000 до 1500 тяжелыхъ орудій новѣйшей системы. Вульвичскій арсеналъ можетъ теперь приготовлять къ выпуску по 200 орудій въ недѣлю, а въ случаѣ надобности это число могло бы быть увеличено почти до 500. Въ настоящее время приказано приготовлять къ отправленію на службу по 100 этихъ тяжелыхъ орудій въ недѣлю; и они отправляются въ Мальту, на Корфу, въ Гибральтаръ и на другіе посты Средиземнаго моря съ чрезвычайною быстротою. Орудія самаго тяжелаго

калибра отправляются также въ канадскіе форты и перевозятся моремъ для замѣщенія малыхъ пушекъ въ прибрежныхъ укрѣпленіяхъ самой Великобританіи, особенно на восточномъ берегу Англіи. Въ Четемскихъ и Ширнесскихъ фортахъ прежнія орудія старой системы и малаго калибра также со всевозможною быстротою замѣняются новыми орудіями самаго тяжелаго калибра. То же происходитъ въ Тильбёрійскомъ фортѣ, гдѣ кромѣ того устраивается нѣсколько новыхъ баттарей 68-фунтоваго калибра. Работы въ Тильбёрійскомъ фортѣ можно считать примѣромъ чрезвычайной предусмотрительности правительства, потому что едвали какой нибудь флотъ можетъ дойти до этой цитадели *). Намъ было бы пріятно видѣть такую же заботливость объ укрѣпленія Портсмута и Плимута. Особенно о Портсмутѣ надобно замѣтить, что большая часть орудій въ немъ очень стары и многія баттареи вооружены только короткими 18 и 24-фунтовыми пушками 1800 года. Вооруженіе Плимутскихъ укрѣпленій не такъ дурно, но и они нуждаются въ орудіяхъ болѣе тяжелаго калибра, а главное, число ихъ должно быть больше.

„По старой системѣ подрядовъ, всѣ ядра и артиллерійскіе снаряды дѣлались частными заводчиками по цѣнѣ около 13 фунтовъ за тонну (около 1 руб. 25 коп. за пудъ). Въ крымскую войну страшный расходъ на эти матеріалы заставилъ наконецъ правительство заняться этимъ предметомъ, и была устроена въ Вульвичѣ литейная для приготовленія артиллерійскихъ снарядовъ. Успѣхъ, которымъ сопровождался этотъ опытъ, повелъ къ постепенному его расширенію, и теперь наконецъ всѣ ядра и бомбы, которыя понадобились бы въ войнѣ самаго колоссальнаго размѣра, могли бы легко быть доставлены текущимъ производствомъ въ Вульвичскомъ арсеналѣ и притомъ со сбереженіемъ для націи отъ 6 до 7 фунтовъ на тонну. Теперь это отдѣленіе арсенала работаетъ съ чрезвычайной дѣятельностью, производя въ недѣлю по 26,000 снарядовъ,—ядръ, бомбъ и картечи. Работая день и ночь, литейная можетъ производить до 40,000 снарядовъ въ недѣлю. Вмѣстѣ съ нѣсколькими стами тысячъ запасныхъ снарядовъ, находящихся въ кладовой, этого количества достаточно на покрытіе всѣхъ надобностей въ случаѣ войны, въ чемъ легко можно убѣдиться, сравнивъ размѣръ недѣльнаго Вульвичскаго производства съ размѣромъ потребленія артиллерійскихъ снарядовъ во время Севастопольской осады. По официальнымъ отчетамъ, представленнымъ артиллерійскому департаменту, въ бомбандировку, начавшуюся 17 октября 1854 года, дѣйствовали 72 осадныя орудія, которыя выпустили всего 21,881 снарядъ; въ бомбардировку, начавшуюся 9 апрѣля 1855 г., 123 орудія выпустили 30,633 снаряда; въ бомбардировку, начавшуюся 6 іюня, 155 орудій выпустили 32,883 снаряда; въ бомбардировку, начавшуюся 17 іюня, 166 орудій израсходовали 22,684 снаряда; бомбардировка 17 августа, произведенная 196 орудіями, потребовала 26,270 снарядовъ. Въ послѣднюю бомбардировку 8 сентября, 208 орудій сдѣлали 28,472 выстрѣла. Кромѣ того было сдѣлано 88,640 выстрѣловъ случайно или для отраженія ночныхъ нападеній, и 405 выстрѣловъ было сдѣлано свѣтящимися ядрами. Такимъ образомъ во все продолженіе осады, съ перваго до послѣдняго ея дня, англичане израсходовали 251,872 артиллерійскихъ снаряда; а эта цифра даетъ средній расходъ по 6000 выстрѣловъ

*) Онъ лежитъ на берегу Темзы на восточномъ концѣ Лондона.

въ недѣлю, т. е. менѣе чѣмъ одну шестую часть того количества, какое можетъ еженедѣльно приготовляться въ одномъ Вульвичскомъ арсеналѣ. Надобно, однакоже, замѣтить, что расходъ артиллерійскихъ снарядовъ въ морской войнѣ почти удвоиваетъ цифру выстрѣловъ, какую нашли мы въ осадѣ Севастополя. Такъ въ бомбардировку 17 октября, когда союзные флоты содѣйствовали сухопутнымъ баттареямъ, „Агамемнонъ“ въ продолженіе 4 часовъ выпустилъ болѣе 3000 снарядовъ, а „Родни“, „Sansparеil“ и „Bellerophont“ израсходовали почти по стольку.

„Подлѣ новой пушечной литейной устраивается теперь другая, еще болѣе новая, для выдѣлки пушекъ сэра Уильяма Эрмстронга. Новая постройка не будетъ очень велика, потому что для этой литейной передается также обширный рядъ мастерскихъ, построенныхъ для выдѣлки ланкастеровыхъ пушекъ и ядеръ, которыя теперь оказываются ненужными. Ланкастерская литейная, имѣющая 13 большихъ горновъ и 9 паровыхъ молотовъ и стоившая 250,000 фунтовъ, теперь, наконецъ, будетъ употреблена съ пользою, и менѣе чѣмъ въ годъ Вульвичъ получитъ средства производить ежегодно по крайней мѣрѣ 300 этихъ великолѣпныхъ орудій. Разумѣется, мы никакъ не захотимъ сказать, чтобы военное начальство нашего королевства казалось намъ когда нибудь смѣшнымъ: но если бы могло оно казаться смѣшнымъ, то всего скорѣе смѣшно было бы оно въ своей претензіи щеголять тѣмъ видомъ, какъ будто бы оно содержитъ въ тайнѣ какое нибудь новое изобрѣтеніе и будто бы эта тайна можетъ быть сохранена. Такъ оно дѣйствуетъ съ эрмстронговой пушкой: оно бережетъ ее, прячетъ ее, какъ будто бы каждый праздношатающійся, взлянувшій на эту пушку, можетъ не только отгадать всѣ таинства ея чрезвычайно сложной выдѣлки, но тотчасъ же и самъ будетъ способенъ приготовлять такія пушки для иностранныхъ державъ. Въ эрмстронговой пушкѣ рѣшительно нѣтъ никакихъ секретовъ, которыми бы стоило дорожить, кромѣ одного того великаго секрета, котораго нельзя ни продать, ни разгласить; этотъ секретъ—наше великое превосходство въ механическихъ работахъ. Если бы въ каждый изъ иностранныхъ арсеналовъ послать по эрмстронговой пушкѣ, иностранные артиллеристы и литейщики, разумѣется, могли бы и захотѣли бы дѣлать такія пушки, но ихъ усилія кончались бы только тѣмъ, что они, истративъ много времени и громадныя суммы денегъ, наконецъ прислали бы къ намъ заказы дѣлать для нихъ эти орудія. Очень распространено въ публикѣ ошибочное мнѣніе, что если устройство дѣлаемаго нами оружія станетъ извѣстно за границею, то во французскихъ, русскихъ, австрійскихъ или прусскихъ арсеналахъ можно будетъ въ какомъ угодно количествѣ дѣлать такое же оружіе; но это совершенная ошибка. Въ доказательство надобно только вспомнить о судьбѣ штуцера Минье. Его великое превосходство давно извѣстно, но все-таки ни одна армія, кромѣ нашей, не вооружена въ полномъ своемъ составѣ штуцерами. Читатели наши очень удивятся, когда мы скажемъ, что во Франціи, Ростіи, Пруссіи и Австріи штуцерами вооружены только отдѣльныя стрѣлковыя команды, а линейная пѣхота остается при старыхъ ружьяхъ. Притомъ девять десятыхъ того количества штуцеровъ, какое находится въ австрійской, прусской и русской арміяхъ, сдѣлано для нихъ въ Люттихѣ, а люттихскія мастерскія могутъ выдѣлывать штуцера въ количествѣ 500 въ недѣлю. Французы сами дѣлаютъ себѣ штуцера; но невозможно представить себѣ оружія столь тяжелаго и столь

затруднительнаго въ дѣлѣ, какъ штуцера ихъ стрѣлковъ, хотя дальностью и вѣрностью выстрѣла они почти равняются штуцерамъ Минье. Эти факты показываютъ, что мы не должны бояться ни того, чтобы иностранныя державы быстро вводили усовершенствованное оружіе въ своихъ арміяхъ, ни того, чтобы онѣ могли принимать даже тѣ усовершенствованія, польза которыхъ хорошо извѣстна. Императоръ французовъ дѣлалъ великій секретъ изъ своихъ полевыхъ нарѣзныхъ пушекъ, но какъ ни велики его средства охранять секретъ, все-таки наше правительство имѣло свѣдѣнія о каждой пушкѣ, которую онъ дѣлалъ. Мы полагаемъ, что не ошибаемся, утверждая, что у него не сдѣлано еще и ста нарѣзныхъ пушекъ, и что эти пушки—маленькія полевыя орудія съ четырьмя нарѣзами и что они стрѣляютъ цилиндрическими ядрами, обвернутыми свинцомъ, чтобы плотно входить въ нарѣзы. Конечно, ихъ слѣдуетъ назвать усовершенствованіемъ сравнительно съ обыкновенными пушками, но онѣ на столько же ниже эрмстронговой пушки, на сколько карманный пистолетъ ниже энфильдскаго штуцера.

„Но возвратимся къ эрмстронговой пушкѣ. Принципъ, по которому она построена, и способъ ея постройки,—все это хорошо извѣстно въ сосѣдствѣ съ мастерскою сэра Уильяма въ Ньюкэстлѣ, и кажется навѣрно можно сказать, что хорошіе рисунки этого изобрѣтенія уже находятся въ Парижѣ и въ Петербургѣ;—но что касается практическаго употребленія, какое могутъ извлечь изъ нихъ въ тѣхъ странахъ, пользы отъ рисунковъ будетъ столько же, какъ еслибъ они оставались въ Англіи. Сэръ Уильямъ Эрмстронгъ въ нынѣшнемъ году долженъ сдѣлать 200 полевыхъ пушекъ 9-ти фунтоваго, 12-ти фунтоваго и 18-ти фунтоваго калибра; этого числа совершенно достаточно для снабженія ими одними всѣхъ баттарей нашей полевой артиллеріи. Скоро мы надѣемся видѣть эрмстронговы пушки вѣсомъ въ 50 центнеровъ (150 пудовъ), которыя будутъ стрѣлять 90-фунтовымъ или 100 фунтовымъ ядромъ на разстояніе 5 миль ($7^1/_2$ верстъ). Каждая пушка дѣлается изъ кусковъ длиною въ три фута, по тому же самому способу, какъ дѣлаются ружейные сволы изъ проволоки. Тонкія полосы лучшаго кованаго желѣза, толщиною въ два дюйма, разогрѣваются до бѣлаго каленія и въ этомъ состояніи онѣ сковываются спиральными свивками около стальнаго стержня, діаметръ котораго нѣсколько меньше предполагаемаго калибра пушки. Когда этотъ слой остынетъ, онъ покрывается другимъ слоемъ, спираль котораго идетъ въ противномъ направленіи, и такимъ образомъ кладется другъ на друга три или четыре слоя, смотря по калибру пушки и требуемой толстотѣ ея стѣнокъ. Потомъ весь этотъ цилиндръ снова разогрѣвается и въ послѣдній разъ куется паровымъ молоткомъ. Послѣ того концы трехъ-футовыхъ цилиндровъ срѣзываются такъ, какъ нужно для ихъ соединенія; въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ соединяются цилиндры, пушка связывается толстыми кольцами изъ кованаго желѣза, которые надѣваются на нее раскаленные до бѣла, и охлаждаясь сжимаютъ связи цилиндра такъ сильно, что пушка выходитъ крѣпче того, чѣмъ былабы изъ цѣльнаго куска. Въ казенной части прорѣзывается отверстіе въ камору. Сама казенная часть отдѣляется отъ пушки и соединяется съ ней сильнымъ винтомъ. Когда пушку надобно заряжать, задняя часть отводится, и вкладывается зарядъ, который вталкивается въ пушку поворотомъ большаго винта, приводящаго заднюю часть вплоть къ пушкѣ. Это соединеніе задней части съ пушкою производится однимъ

оборотомъ рукоятки, и пушка готова къ выстрѣлу. Операція заряжанія и выстрѣла, сколько мы знаемъ, можетъ производиться три раза въ минуту. Кромѣ этого простого, но вѣрнаго механизма, устроеннаго для заряжанія, великое достоинство пушкѣ придается способомъ ея составленія изъ спиральныхъ кованыхъ полосъ, который увеличиваетъ крѣпость стѣнъ до такой степени, что онѣ имѣютъ только половину обыкновенной толщины. Такъ, напримѣръ, обыкновенная 32-фунтовая пушка вѣситъ 57 центнеровъ и требуетъ 10-ти фунтоваго заряда, чтобы бросить ядро на дальнѣйшее, возможное для нея разстояніе — 3,000 ярдовъ ($2^1/_2$ версты); 32-фунтовая пушка Эрмстронга вѣситъ только 26 центнеровъ (81 пудъ). и зарядъ въ 5 фунтовъ пороха бросаетъ ея ядро на $5^1/_2$ миль ($8^1/_4$ верстъ). или почти на 10,000 ярдовъ. Въ этой 32-фунтовой пушкѣ дѣлается не менѣе 41 нарѣза; нарѣзы эти имѣютъ полный оборотъ въ 10-ти футовъ, т. е. для того, чтобы нарѣзъ описалъ полный кругъ, стволъ пушки долженъ былъ бы имѣть десять футовъ длины. Если бы оборотъ нарѣза былъ круче, то безъ сомнѣнія ядро пріобрѣтало бы большую силу полета, но опасность, что свинцовая одежда ядра не выдержитъ такого тренія, была бы очень велика, и потому дѣлать нарѣзы круче признали неудобнымъ. Ядра эрмстронговой пушки желѣзныя, имѣющія форму цилиндра, и сначала изобрѣтатель совершенно покрывалъ ихъ свинцомъ; но теперь эта система измѣнена и снарядъ имѣетъ только два свинцовыя кольца, каждое толщиною въ одну четверть дюйма и шириною въ полтора дюйма; одно кольцо идетъ ко заднему концу цилиндра, а другое въ томъ мѣстѣ, гдѣ соединяется съ цилиндромъ конусъ, составляющій переднюю часть ядра. Оба эти кольца врѣзаны такъ сказать въ желѣзную массу ядра, такъ что наружу выступаютъ на одну десятую дюйма, для того чтобы входить въ нарѣзы. Такимъ образомъ, когда зарядъ воспламеняется, онъ вталкиваетъ ядро изъ каморы впередъ въ стволъ орудія, который нѣсколько тѣсенъ для свинцовыхъ колецъ, и они врѣзываются въ нарѣзы такъ плотно, что ни малѣйшая часть газа не можетъ пролетать мило ядра и вся сила заряда обращается на выталкиваніе ядра.

„Пушка, которая нѣсколько мѣсяцевъ испытывалась правительствомъ, въ Шубёринессѣ, выдержавъ 3,500 выстрѣловъ, осталась столь же невридимою, какъ вышла изъ мастерской. Точность выстрѣла изъ орудія этой системы такова, что на дистанціи 4,000 ярдовъ (3 версты 200 саженъ) мишень, имѣющая по 10 футовъ въ ширину и высоту, получаетъ изъ 100 выстрѣловъ 90.

„Таковы артиллерійскія средства Вульвичскаго арсенала. Относительно ручнаго огнестрѣльнаго оружія запасы его имѣютъ такой же размѣръ. Въ кладовыхъ арсенала находится отъ 80 до 90 милліоновъ зарядовъ для штуцера Минье, и машины изготовляютъ коническія пули для этого штуцера въ количествѣ двухъ милліоновъ въ недѣлю; если на этихъ машинахъ будутъ работать и ночью. онѣ легко станутъ приготовлять по 3 милліона. О томъ, сколько милліоновъ пистоновъ находится въ запасѣ и сколько сотенъ тысячъ можно дѣлать ихъ каждый день, въ случаѣ надобности, мы не будемъ говорить,—цифры эти покажутся невѣроятны читателю.

„Даже изъ этого краткаго перечня запасовъ и средствъ, находящихся въ одномъ Вульвичскомъ арсеналѣ, читатели могутъ видѣть, что наши приготовленія имѣютъ довольно почтенный размѣръ и что если говорить о средствахъ нашихъ къ оборонѣ, то характеръ этихъ средствъ можетъ внушить спокойный сонъ самому

робкому человѣку. Но оборонительную или наступательную войну мы будемъ вести, все равно, и успокоительно, и ново для публики будетъ знать, что въ настоящее время мы приготовлены ко всему, что бы ни случилось, и что если по несчастію Англія будетъ принуждена принять участіе въ войнѣ, она будетъ воевать, имѣя такія силы и запасы, которые изумятъ міръ. Крымская кампанія была суровымъ и горькимъ урокомъ; но если этотъ опытъ купленъ нами дорого, то онъ остался не безполезенъ въ своемъ родѣ".

Итакъ важнѣйшимъ залогомъ своей безопасности въ оборонительной войнѣ и ручательствомъ за успѣхъ въ наступательной войнѣ съ какою бы то ни было державою, англичане считаютъ пушку Эрмстронга и увѣрены, что никакой другой народъ не въ состояніи сдѣлать для себя подобныхъ орудій. Чтобы ближе познакомиться съ этимъ новымъ изобрѣтеніемъ, мы переводимъ рѣчь, которую изобрѣтатель произнесъ на обѣдѣ, данномъ ему въ началѣ мая въ Ньюкэстлѣ-на-Тайнѣ его согражданами. Читатели наши конечно знаютъ, что Эрмстронгъ членъ фирмы, которая имѣетъ пушечный заводъ, что за свое изобрѣтеніе онъ возведенъ въ баронеты, что его литейному заводу сдѣланъ заказъ приготовить 200 новыхъ пушекъ и что самъ Эрмстронгъ, продолжающій управлять своимъ заводомъ, съ тѣмъ вмѣстѣ назначенъ начальникомъ литейной, которая устраивается теперь въ Вульвичѣ для выдѣлки новыхъ пушекъ и о которой упоминаетъ переведенная нами статья Times'a. Вотъ рѣчь Эрмстронга.

„Трудно, невозможно мнѣ выразить чувство, съ какимъ я смотрю на честь, оказанную мнѣ вашимъ приглашеніемъ на этотъ обѣдъ. Эту честь, сдѣланную мнѣ жителями города, въ которомъ я родился, въ которомъ я провелъ почти всю свою жизнь, я считаю выраженіемъ не одного общественнаго сочувствія, но и личнаго добраго расположенія ко мнѣ; и во всю свою жизнь я буду вспоминать о немъ съ гордостью и благодарностью. Благодарю васъ всѣхъ отъ всей души. Предметъ, вызвавшій эту демонстрацію отъ васъ, можетъ считаться предметомъ, имѣющимъ направленіе къ увеличенію кровопролитія; и если бы я думалъ, что сдѣланное мною благопріятствуетъ войнѣ или можетъ вредить интересамъ человѣчества, то я горько жалѣлъ бы о своей дѣятельности. Но я не имѣю такого опасенія. Могущество, даваемое знаніемъ, будетъ ли употреблено оно въ войнѣ или въ мирѣ, всегда будетъ на сторонѣ цивилизаціи; а распространеніе цивилизаціи необходимо должно уменьшать войну и дѣлать ее менѣе свирѣпою. Наша нація имѣетъ мало лишнихъ людей, чтобы тратить ихъ на войну. Намъ нужны всѣ пособія, какія можетъ дать знаніе, чтобы оградить насъ отъ нашествій. О моей пушкѣ, возбудившей столько толковъ, нелѣпо было бы предполагать, что есть какой нибудь секретъ въ ея общемъ устройствѣ, которое уже извѣстно сотнямъ лицъ и которое приблизительно уже описано во множествѣ изданій. Но есть въ ней много подробностей, которыя не легко сдѣлаются общеизвѣстными и которыми надобно вполнѣ овладѣть другимъ націямъ прежде, чѣмъ съумѣютъ онѣ сдѣлать такую пушку. Не раскрывая такихъ подробностей, я могу въ достовѣрной формѣ сообщить вамъ общія свѣдѣнія объ этомъ орудіи.

„Начну съ того, что моя пушка вся сдѣлана изъ кованаго желѣза. Первоначально я дѣлалъ ее отчасти изъ стали; но теперь я не употребляю ничего, кромѣ кованаго желѣза. Она составная, т. е. составляется изъ отдѣльныхъ частей такой умѣренной величины, чтобы каждую изъ нихъ можно было удобно выковывать безъ

внутреннихъ пустотъ. Такой способъ построенія придаетъ ей большую прочность и слѣдовательно большую легкость. Были слухи, что двѣ изъ моихъ пушекъ разорвались, но это не имѣетъ никакого основанія, подобно многимъ другимъ разсказамъ объ этомъ предметѣ. Говоря о томъ, что пушка заряжается съ казенной части, всѣ писавшіе о ней упоминали о большомъ винтѣ, дѣйствующемъ въ задней части пушки и нажимающемъ поршень для закрытія отверстія. Но они или не знали, что этотъ винтъ имѣетъ внутри пустоту, или не понимали цѣли такого устройства. Операція, ежедневно производимая теперь артиллеріею, не составляетъ секрета и потому я могу сказать, что моя пушка и заряжается, и чистится черезъ этотъ пустой винтъ, и что было бы большою ошибкою предполагать, будто бы возможно вкладывать ядро или зарядъ въ разрѣзъ, гдѣ находится поршень. Поршень этотъ имѣетъ небольшой размѣръ, совершенно не похожій на изображеніе этой части орудія въ разныхъ фантастическихъ рисункахъ его, которые сообщались публикѣ: онъ прикованъ къ пушкѣ, чтобы какъ нибудь не потерялся. Есть много особенностей въ лафетахъ, въ прицѣлахъ и въ другихъ принадлежностяхъ этихъ пушекъ. Не наскучая вамъ подробностями, замѣчу только, что въ станкѣ морской или крѣпостной пушки есть наклонная плоскость, по которой пушка откатывается при выстрѣлѣ и потомъ приходитъ въ первоначальное положеніе дѣйствіемъ тяжести. Это приспособленіе имѣетъ много важности при пушкахъ тяжелаго калибра, потому что избавляетъ отъ надобности въ большомъ количествѣ прислуги для подкатыванія пушки послѣ каждаго выстрѣла.

„Теперь скажу вамъ о снарядахъ. Они во всѣхъ случаяхъ дѣлаются изъ литаго чугуна, одѣтаго тонкимъ слоемъ свинца, и будучи діаметромъ нѣсколько болѣе, нежели калибръ орудія, снарядъ съ свинцовою одеждою вдавливается въ нарѣзы, чѣмъ и производится необходимое вращеніе снаряда, а съ тѣмъ вмѣстѣ устраняется всякое колебаніе его и зазоръ. Снарядъ для полевыхъ орудій можетъ служить и плотнымъ ядромъ, и бомбою, и картечнымъ выстрѣломъ. Онъ состоитъ изъ раздѣльныхъ частей, которыя такъ крѣпко сплочены, что снарядъ пролетаетъ черезъ дубовую стѣну въ девять футъ толщины, не разбиваясь. Если онъ употребляется какъ бомба, онъ разрывается на 49 правильныхъ частей и около 100 неправильныхъ обломковъ. Онъ соединяетъ въ себѣ качества шрапнеля и ударной бомбы, то есть можетъ разрываться или при приближеніи къ предмету или отъ удара о предметъ. Между друзьями онъ такъ безопасенъ, что упадетъ съ кровли дома на землю не разрываясь; но среди враговъ онъ такъ чувствителенъ и злобенъ, что разрывается отъ прикосновенія къ нему пальцемъ. Причина разницы та, что толчокъ, получаемый имъ въ пушкѣ при выстрѣлѣ, приводитъ ударную машинку при снарядѣ въ особенное положеніе, все равно, какъ бы сказать, взводитъ курокъ ружья, и тогда снарядъ становится такъ чувствителенъ, что разрывается отъ удара въ мѣшокъ съ опилками, какъ было испытано въ Шубёринессѣ. Кромѣ того можно сдѣлать, что онъ будетъ разрываться въ минуту вылета изъ пушки, и тогда куски разлетаются въ видѣ вѣера и производятъ дѣйствіе картечи. Словомъ сказать, снарядъ можетъ разрываться по произволу на далекой или близкой дистанціи, отъ удара о предметъ или отъ дѣйствія гильзы, а когда разрывается, то дѣйствуетъ подобно картечи. Я могъ бы представить вамъ сотни примѣровъ того, какъ дѣйствовали эти бомбы на опытахъ, произведенныхъ комитетомъ нарѣзныхъ пушекъ; но я ограничусь однимъ примѣромъ, который выбираю

собственно потому, что тутъ присутствовало чрезвычайное множество лицъ, въ томъ числѣ герцогъ Кембриджскій со многими извѣстными офицерами. Двѣ мишени, каждая въ девять футовъ вышины и ширины, были поставлены въ дистанціи 1,500 ярдовъ (650 саженъ) отъ пушки и было брошено въ нихъ 7 бомбъ. Дѣйствіе этихъ 7 бомбъ было таково, что въ двухъ мишеняхъ оказалось 596 пробоинъ. Подобное дѣйствіе въ другихъ случаяхъ было производимо на дистанціяхъ до 3,000 ярдовъ (болѣе $2^1/_2$ верстъ): потому предоставляю вамъ судить, съ какимъ успѣхомъ эти бомбы могли бы держать непріятеля въ должномъ отдаленіи.

„Для дѣланія брешей, для разрушенія зданій, для пробиванія стѣнъ корабля употребляется другое устройство бомбы, цѣль котораго та, чтобы вложить въ нее какъ можно больше пороха. Почти всѣ писатели, хотѣвшіе объяснять публикѣ качества моей пушки, говорили, будто бы большой недостатокъ моего снаряда то, что онъ вмѣщаетъ мало пороха. Нѣтъ, если бы эти писатели сказали, что большая выгода моего снаряда въ томъ, что онъ вмѣщаетъ много пороха, они были бы гораздо ближе къ истинѣ. Да, бомба моей 32-фунтовой пушки содержитъ вдвое больше пороха, чѣмъ бомба обыкновенной 32-фунтовой пушки. Ставили также въ недостатокъ моему снаряду то, что проходя сквозь стѣну корабля, онъ дѣлаетъ слишкомъ малую диру. Если говорить о дѣйствіи плотнаго ядра, тутъ была бы нѣкоторая правда: но что касается до бомбы, то именно того и нужно отъ нея, чтобы дира была мала. Моя бомба разрывается въ тотъ моментъ, когда проходитъ черезъ дерево, и чѣмъ меньше дира ею пробиваемая, тѣмъ стѣсненнѣе будетъ взрывъ, стало быть тѣмъ сильнѣе будетъ его разрушительное дѣйствіе. Вообще о моей пушкѣ надобно судить не столько по отношенію къ плотному ядру, сколько по отношенію къ бомбѣ, снаряду несравненно болѣе страшному, которымъ мои пушки и будутъ дѣйствовать почти исключительно.

„Но возвращусь къ самому началу своихъ опытовъ. Я долженъ сказать вамъ, что они начались болѣе четырехъ лѣтъ тому назадъ. Я началъ дѣлать свою первую пушку въ декабрѣ 1854 и кончилъ ее рано весною слѣдующаго года: хотя она была устроена по тому же самому принципу, какъ нынѣшнія мои пушки, но сначала не давала удовлетворительныхъ результатовъ. Тѣ изобрѣтатели, открытія которыхъ остаются только на бумагѣ, не знаютъ всѣхъ трудностей, встрѣчаемыхъ людьми, приводящими мысль въ дѣло. Я вполнѣ испыталъ всѣ эти затрудненія и мнѣ понадобилось около трехъ лѣтъ постояннаго труда, чтобы побѣдить ихъ. Лѣтомъ опыты мои производились большею частію на морскомъ берегу между тремя и шестью часами утра, потому что позднѣе люди просыпаются и ихъ движеніе могло бы мѣшать дѣлу. Зимою я пользовался пустынными болотами въ Олленгедѣ, принадлежащими моему другу мистеру Бомонту; тамъ у меня была изба, построенная на горѣ въ 2,000 футахъ надъ уровнемъ моря. Мишени свои я ставилъ на противоположной сторонѣ глубокой долины, гдѣ выстрѣлы не могли никому вредить. Я построилъ инструментъ для поддержанія огня по предмету, погрузившемуся въ ночную темноту, и будилъ дичь этой пустыни, стрѣляя по своей далекой мишени среди ночи, и замѣчу мимоходомъ, что когда этотъ инструментъ былъ доведенъ до надлежащаго совершенства, онъ далъ мнѣ средства въ самую темную ночь поражать отдаленный предметъ съ такою же вѣрностью, какъ при дневномъ свѣтѣ. Въ концѣ трехъ лѣтъ я успѣлъ довести до хорошаго устройства и пушку и ядро. На свой счетъ я сдѣлалъ нѣсколько новыхъ пушекъ и вошелъ въ значи-

тельныя издержки по производству своихъ опытовъ; но всѣ мои расходы были уплачены правительствомъ, когда оно испытало годность моей пушки. Я долженъ сказать, что генералъ Пиль, лордъ Пэмюръ, герцогъ Ньюкэстль, словомъ сказать, всѣ люди, бывшіе военными министрами, когда я производилъ свои опыты, постоянно оказывали мнѣ всякое содѣйствіе, какого только я могъ желать. Тоже я долженъ сказать обо всѣхъ несмѣняющихся начальствахъ военнаго вѣдомства. Въ началѣ прошлаго года былъ назначенъ комитетъ для полнаго изслѣдованія вопроса о нарѣзныхъ пушкахъ. Комитетъ состоялъ изъ морскихъ и сухопутныхъ офицеровъ съ обширными знаніями и съ опытностью въ артиллерійскомъ дѣлѣ и, употребивъ большую часть своего времени, въ теченіе пяти мѣсяцевъ, на изслѣдованіе пушекъ, ядеръ и бомбъ, представленныхъ мною, они дали единодушное рѣшеніе въ пользу моей системы.

„Относительно вѣрности и дальности выстрѣловъ изъ этихъ пушекъ, я могу мало прибавить къ тому, что было сказано генераломъ Пилемъ; но замѣчу, что съ той поры, какъ онъ говорилъ, мы успѣли достичь значительно улучшенныхъ результатовъ. На дистанціи 600 ярдовъ (255 саженъ) предметъ, не превосходящій своею величиною дуло непріятельской пушки, можетъ быть поражаемъ почти каждымъ выстрѣломъ. На 3,000 ярдовъ (2 версты 300 саж.) мишень, имѣющая въ квадратѣ 9 футовъ и кажущаяся на этомъ разстояніи маленькимъ пятнышкомъ, въ тихій день была поражаема девятью ядрами изъ десяти. Корабль на гораздо большей дистанціи представляетъ гораздо большую цѣль, а въ городъ или въ цитадель ядра могутъ быть бросаемы съ разстоянія болѣе 5 миль (около 8 верстъ). Но чтобы орудіе приносило всю свою пользу на далекихъ дистанціяхъ, артиллерійскіе солдаты должны получать гораздо лучшее научное образованіе, чѣмъ нынѣ. И я полагаю, что морское и военное министерства примутъ необходимыя мѣры для надлежащаго образованія офицеровъ и солдатъ. Интересенъ вопросъ о томъ, каково было бы вліяніе общаго введенія этихъ орудій на различныя условія военныхъ дѣйствій. Если встрѣтятся простые деревянные корабли на открытомъ морѣ, то, мнѣ кажется, они должны быстро уничтожить другъ друга. Прошло то время, когда люди одѣвались въ латы; но мнѣ кажется, что подходитъ время одѣвать въ латы корабли. Къ нашему счастію, нѣтъ страны, которая могла бы выдержать въ этомъ уровень съ Англіею. Мы имѣемъ безграничныя средства производить и употреблять въ дѣло желѣзо, изъ котораго будутъ дѣлаться корабельныя латы. Если будетъ простой корабль противъ батареи, большая выгода будетъ на сторонѣ батареи, потому что она имѣетъ для пушекъ неподвижную платформу и сдѣлана изъ матеріала болѣе прочнаго, чѣмъ деревянный корабль. Напротивъ при бомбардированіи крѣпостей, арсеналовъ и верфей, представляющихъ цѣль большаго размѣра, корабли могутъ дѣйствовать съ очень далекой дистанціи, на которой будутъ пренебрегать выстрѣлами сухопутныхъ укрѣпленій. Въ случаѣ высадки (этотъ случай, быть можетъ, самый интересный для насъ) для защищающагося важность такихъ пушекъ безмѣрна. Надобно полагать, что невозможно было бы произвести высадку, если бы обороняющійся дѣйствовалъ даже только полевыми батареями изъ такихъ пушекъ; а если бы высадка была произведена, то отступающее войско вообще могло бы дѣйствовать подъ какимъ нибудь прикрытіемъ, между тѣмъ какъ нападающіе должны были бы подвигаться по открытой мѣстности, на которой подверглись бы страшному истребленію.

„Теперь я скажу нѣсколько словъ о личныхъ условіяхъ, заключенныхъ между мною и правительствомъ. Съ самаго начала я рѣшительно не думалъ брать съ правительства какое нибудь вознагражденіе за усовершенствованія, которыя надѣялся произвести. Потому сначала я и не бралъ привиллегіи. Но скоро я увидѣлъ надобность взять привиллегію, не для того, чтобы присвоить себѣ монополію, но чтобы оградить себя отъ узурпаціи. Наконецъ, когда рапортъ комитета былъ представленъ, я написалъ къ правительству письмо, въ которомъ предоставлялъ въ распоряженіе службы ея величества всѣ сдѣланныя мною усовершенствованія. На это письмо правительство отвѣчало мнѣ объясненіемъ, что оно готово сдѣлать мнѣ денежное вознагражденіе; я отказался брать его. Но возникли два вопроса: во-первыхъ, какимъ образомъ правительство выучится дѣлать такія пушки; во-вторыхъ, какимъ образомъ поступать относительно будущихъ моихъ усовершенствованій, потому что все это дѣло находится еще въ развитіи и нельзя предполагать, чтобы оно остановилось въ нынѣшнемъ своемъ видѣ. Для устраненія затрудненій я предложилъ, что если правительство будетъ платить мнѣ жалованье по 2,300 фунтовъ въ годъ, начиная за три года до настоящаго времени, и потомъ еще въ теченіе слѣдующихъ семи лѣтъ, то я отдамъ въ его пользу всѣ свои знанія и опытность и предоставлю ему всѣ свои будущія усовершенствованія. Это совершенно не то, что полученіе вознагражденія, отъ котораго я отказался. Это договоръ, относящійся къ службѣ, и если моя служба прекратится смертью или другимъ образомъ, то и жалованье прекратится. Я глубоко цѣню милостивое признаніе моихъ заслугъ ея величествомъ, но договоръ свой съ правительствомъ цѣню только какъ средство успѣшнѣе заниматься своимъ дѣломъ для государственной пользы и моего собственнаго удовольствія; и если бы правительству раньше или позже показалось, что моя служба не стоитъ получаемаго мною жалованья, мнѣ будетъ довольно самаго легкаго намека, чтобы освободить правительство отъ этого условія. Конечно, я никогда и не думалъ отказываться отъ своихъ нынѣшнихъ занятій: напротивъ, въ условіи положительно сказано, что мнѣ оставляется свобода вести промышленныя предпріятія, какія хочу я. Не знаю, согласно ли это съ прежними примѣрами: но я увѣренъ, что по моему образу дѣйствій публика можетъ быть увѣрена, что я имѣю въ виду не свои собственныя выгоды. Мое честолюбіе состоитъ только въ томъ, чтобы усовершенствовать дѣло, которымъ я занимаюсь; о денежныхъ выгодахъ отъ него я мало думаю“.

Эрмстронгъ ссылался на слова, сказанныя объ его изобрѣтеніи генераломъ Пилемъ, тогдашнимъ военнымъ министромъ. Мы переведемъ этотъ отрывокъ изъ рѣчи, произнесенной Пилемъ въ Палатѣ Общинъ 4 марта, при обсужденіи бюджета военнаго министерства.

„Палата много слышала о новой пушкѣ сэра Уильяма Эрмстронга. Невозможно и предсказать, какія огромныя послѣдствія будетъ имѣть общее введеніе этого орудія въ нашу армію. Прошедшимъ лѣтомъ былъ назначенъ комитетъ для изслѣдованія разныхъ нарѣзныхъ пушекъ, представленныхъ правительству. Заключеніе комитета было рѣшительно въ пользу орудія изобрѣтеннаго сэромъ Уильямомъ Эрмстронгомъ. Эта пушка заряжается съ казенной части, сдѣлана изъ кованаго желѣза по особенному способу и бросаетъ снарядъ, который употребляется какъ плотное ядро, какъ бомба или какъ картечь. Онъ примѣняется также къ употребленію на корабляхъ и имѣетъ чрезвычайную силу при разрывѣ. Пушка

эта очень прочна. Я самъ видѣлъ такую, изъ которой было сдѣлано 1,300 выстрѣловъ и которая послѣ того не представляла ни малѣйшихъ поврежденій. Важныя преимущества этой пушки—ея легкость, дальность ея выстрѣла и вѣрность стрѣльбы. Эрмстронгова пушка, стрѣляющая 18-ти фунтовымъ ядромъ, вѣситъ въ три раза легче обыкновенной пушки, имѣющей ядро такого же калибра. 32-хъ фунтовая пушка при зарядѣ въ 5 фунтовъ пороха бросаетъ ядро на $5^1/_4$ миль. Вѣрность ея стрѣльбы еще болѣе удивительна. На 3,000 ярдовъ она стрѣляетъ въ 7 разъ вѣрнѣе, чѣмъ обыкновенная пушка стрѣляетъ на 1,000 ярдовъ; а на дистанціи 1,000 ярдовъ она попадаетъ каждымъ ядромъ въ такую мишень, въ которую обыкновенная пушка попадаетъ только однимъ ядромъ изъ 57; итакъ можно сказать, что по вѣрности стрѣльбы она превосходитъ обыкновенную пушку въ 57 разъ“.

УСТРОЙСТВО БЫТА ПОМѢЩИЧЬИХЪ КРЕСТЬЯНЪ.

№ X.

БИБЛІОГРАФІЯ ЖУРНАЛЬНЫХЪ СТАТЕЙ ПО КРЕСТЬЯНСКОМУ ВОПРОСУ.

„РУССКІЙ ВѢСТНИКЪ“, НОЯБРЬ, КНИЖКА ВТОРАЯ.

Въ этой книжкѣ между прочимъ находится статья Покорскаго-Жоравко, предводителя дворянства Мглинскаго уѣзда, Черниговской губерніи: „Что стоило намъ крѣпостное право“. Авторъ, не признавая безправности крѣпостнаго состоянія, котораго законность, по мнѣнію его, родилась въ Россіи велѣніемъ Бориса Годунова, разсматриваетъ это учрежденіе сначала съ нравственной стороны, и весьма справедливо выводитъ изъ него почти все, что мы находимъ дурнаго, какъ въ существующихъ отношеніяхъ между крестьянами и помѣщиками, такъ и въ отдѣльномъ характерѣ обоихъ сословій: съ одной стороны ложное пониманіе цѣнности труда и безотчетное употребленіе его; затѣмъ раздражительность, презрѣніе къ подвластному сословію и жестокость; съ другой стороны, вслѣдствіе отсутствія права распоряжаться своимъ трудомъ и непрочности самой собственности, отвращеніе отъ работы, всевозможные обманы для уклоненія отъ нея и лѣность, не оставляющая крестьянина и на домашней работѣ. Затѣмъ, обращаясь къ цѣнѣ, въ которую обходился помѣщику трудъ крѣпостнаго крестьянина, г. Покорскій-Жоравко говоритъ, что за эту цѣну мы бы могли купить правильный, честный и хорошо вознагражденный трудъ, и распоряжаться имъ съ чистымъ сердцемъ и неповинными руками, а въ подтвержденіе такого сужденія дѣлаетъ слѣдующій разсчетъ.

Въ имѣніи, состоящемъ изъ 200 душъ, поселенныхъ въ 75 дворахъ. и выставляющемъ ежедневно на господскую работу 50 мужчинъ и 50 женщинъ, помѣщикъ даетъ крестьянамъ:

1) Топливо.

2) По двѣ десятины на дворъ (то-же, что въ великороссійскихъ губерніяхъ тягло) пахотной земли.

3) По двѣ десятины сѣнокосной земли, и

4) По одной десятинѣ огорода.

Помѣщику это вознагражденіе стоитъ:

Топливо на 75 печей, по 1 сажени въ мѣсяцъ, цѣною въ 2 руб. сереб. . . . . 1800 руб.

Пахатная звмля по 2 р. 50 к. за десятину, принимая плату только за четыре десятины изъ шести . . . . . 750 —

Сѣнокосная земля по 6 р. 70 к. за десятину . . . . . 1005 —

Огородная земля по 30 р. сер. за десятину . . . . . 2250 —

Итого . . . . . 5805 руб.

Между тѣмъ, по существующимъ цѣнамъ для вольнаго найма, 50 работниковъ и 50 работницъ стоили бы, полагая на мужчину платы по 30 руб., а на женщину по 20 руб. сер. въ годъ, и на харчи каждому лицу по 18 руб. сер., не болѣе 4300 руб. сер., такъ что по этому разсчету помѣщикъ переплачиваетъ за крѣпостной трудъ, сравнительно съ свободнымъ, 1505 руб., т. е. по 15 руб. на каждаго работника и работницу. Отъ этого излишка платы, по мнѣнію автора, происходитъ убыточность большей части промышленныхъ предпріятій нашего дворянства, основанныхъ на крѣпостномъ правѣ, такъ какъ въ хозяйствѣ земледѣльческомъ дефицитъ маскируется невыдачею денегъ, а въ фабричномъ выражается очевиднымъ убыткомъ и вслѣдствіе того упадкомъ заведенія.

При внимательномъ разсмотрѣніи разсчета, сдѣланнаго г. Покорскимъ-Жоравко, оказывается, что не только его нельзя признать правильнымъ выраженіемъ стоимости крѣпостнаго труда вообще въ земледѣльческихъ имѣніяхъ Россіи, но и для Черниговской губерніи сомнительно, чтобы принятыя въ немъ основанія могли быть признаны вѣрными. Конечно, въ имѣніи, подобномъ приведенному авторомъ, хотя и было бы по великороссійской нормѣ отъ 70 до 90 тяглъ, изъ которыхъ ежедневно исправляла бы пригонъ только половина, но съ лишними или сгоновыми днями, существовавшими во всѣхъ почти хазяйствахъ, составилось бы кругомъ немногимъ менѣе 50 человѣкъ рабочихъ каждаго пола; за то въ другихъ цифрахъ, выражающихъ получаемое крестьянами вознагражденіе за обязательный трудъ, при сравненіи приводимыхъ авторомъ условій съ существующими въ другихъ краяхъ, оказывается огромная разница. Снабженіе крестьянъ дровами, по сажени на дворъ или на тягло въ мѣсяцъ, авторъ оцѣниваетъ въ огромную сумму 1800 р. сер., между тѣмъ какъ въ большей части имперіи 900 саж. дровъ полѣнныхъ могутъ быть куплены на городскихъ рынкахъ, слѣдовательно со включеніемъ въ продажную цѣну стоимости привоза,—за сумму отъ 500 до 800 руб. сер. Весьма сомнительно, чтобы въ Черниговской губерніи отопленіе крестьянскихъ избъ производилось столь цѣнными дровами, такъ какъ въ лѣсныхъ мѣстностяхъ для этого употребляется валежникъ, сухіе сучья, въ совершенно безлѣсныхъ—солома, бурьянъ и приготовляемые изъ навоза кирпичи. Равнымъ образомъ и за луговую землю авторъ полагаетъ такую наемную плату, которая за пустошные луга, какими большею частію владѣютъ крестьяне, почти нигдѣ не получается, и едва не доходитъ до платы за поемные луга. Наконецъ за десятину огородной земли и наемъ усадьбы г. Покорскій-Жоравко назначаетъ примѣрную плату по 30 руб. сер. на томъ основаніи, что за огороды, отдаваемые въ наемъ постороннимъ лицамъ, землевладѣльцы получаютъ иногда до 60 рублей серебромъ съ десятины; но въ настоящее время почти всѣ согласны съ тѣмъ, что огородныя земли крестьянъ, какъ по-

лучившія высшую противъ полевыхъ земель цѣнность единственно отъ потребленнаго ими труда и удобренія, безъ всякаго участія помѣщика, должны быть цѣнимы по размѣру пространства наравнѣ съ полевыми,—слѣдовательно, и при оцѣнкѣ вознагражденія за крѣпостной трудъ огороды должны быть принимаемы съ тою только цѣнностью, которую они имѣли, когда были отведены крестьянамъ. Что же касается до строеній, то ихъ можно было бы считать полною собственностью помѣщика, отдаваемою крестьянамъ въ наемъ, только въ такомъ случаѣ, если бы помѣщикъ прежде заплатилъ крестьянину за употребленный на возведеніе ихъ трудъ,—чего, разумѣется, никогда не бывало,—или по крайней мѣрѣ на соотвѣтствующее число дней уволилъ его отъ барщины,—что хотя и встрѣчалось, но весьма рѣдко.

Измѣнивъ, согласно съ этими замѣчаніями, выведенныя авторомъ цифры, мы нашли бы итогъ получаемаго крестьянами вознагражденія за крѣпостной трудъ несравненно меньшій противъ цѣнности самого труда, и этотъ итогъ подтвердилъ бы мнѣніе, нынѣ всѣми принятое, что при крѣпостномъ состояніи крестьяне, даже въ хорошо управляемыхъ имѣніяхъ, давали работою несравненно болѣе цѣнности отведенныхъ имъ угодій. Въ извѣстной степени равновѣсіе могло возстановиться обязанностью помѣщика кормить своихъ крестьянъ въ неурожайные годы, но мы знаемъ, какъ эта обязанность исполнялась: въ такіе годы, благодаря всеобщей безрасчетливости, помѣщикъ большею частію находился въ невозможности даже удовлетворить нуждамъ своего семейства—и только разрѣшаемыя правительствомъ ссуды выручали бѣдствующій край, вовлекая его въ то же время въ неоплатимыя недоимки на будущіе годы. Если, кромѣ вредныхъ нравственныхъ послѣдствій, крѣпостное состояніе имѣло вредное вліяніе и на матеріальное благосостояніе класса помѣщиковъ, то это произошло черезъ посредство нравственныхъ причинъ, такъ какъ возможность вести хозяйство почти безъ всякихъ расходовъ и растрачивать безрасчетно время и трудъ человѣческій произвела въ помѣщикахъ безпечность и расточительность, а эти пороки, какъ естественное послѣдствіе, привели за собою почти всеобщее разстройство денежныхъ дѣлъ и самыхъ имѣній.

Во второй декабрьской книжкѣ „Русскаго Вѣстника“ помѣщена между прочимъ статья г. Ржевскаго: „Опытъ разрѣшенія вопроса о выкупѣ земли“. Прежде изложенія своего проэкта, авторъ считаетъ необходимымъ разрѣшить четыре вопроса:

1) Желаютъ ли крестьяне купить, а помѣщики согласны ли продать землю, предоставляемую крестьянамъ въ пользованіе?

2) Какимъ образомъ опредѣлить размѣръ и цѣну этой земли?

3) Гдѣ взять капиталовъ на ссуду крестьянамъ для покупки земли?

Чѣмъ можно обезпечить возвратъ этой ссуды, то есть, какимъ образомъ устроить, чтобы крестьяне исправно уплачивали проценты и капиталъ въ тѣ сроки, которые будутъ назначены?

Обращаясь сначала къ первому изъ этихъ вопросовъ, авторъ говоритъ, что крестьяне будутъ желать пріобрѣтенія въ собственность предоставленной имъ въ пользованіе земли только въ такомъ случаѣ, если отъ этого не увеличится сумма ежегодныхъ повинностей или платежей, и если они увидятъ на самомъ дѣлѣ примѣры удобства подобной сдѣлки. Помѣщики же будутъ желать продажи крестьянамъ означенныхъ земель въ такомъ только случаѣ, если имъ будетъ предложенъ капи-

талъ, относящійся къ получаемому отъ этихъ земель доходу такъ, какъ относится обыкновенно покупной капиталъ къ получаемымъ въ видѣ дохода процентамъ. На основаніи этихъ соображеній, г. Ржевскій полагаетъ необходимымъ поставить правиломъ, чтобы за основаніе разсчета, какъ постоянная величина, была принимаема та сумма, которую крестьяне могутъ безъ затрудненія вносить ежегодно въ видѣ уплаты процентовъ и капитала, чтобы эта сумма могла быть уменьшаема только въ такомъ случаѣ, если они пожелаютъ купить земли менѣе, нежели сколько предоставлено имъ будетъ въ пользованіе, чтобы ни покупка, ни продажа не были обязательны.

Въ опредѣленіе размѣра и цѣны земель, имѣющихъ перейти въ собственность крестьянъ, правительству, по мнѣнію автора, вступаться не слѣдуетъ: оно должно только удостовѣриться въ томъ, что договоръ дѣйствительно заключается съ полнаго согласія обѣихъ сторонъ, для чего г. Ржевскій предлагаетъ постановить, чтобы повѣрка производилась на мѣстѣ нѣсколькими лицами, другъ отъ друга независящими, и чтобы утвержденныя условія публиковались и могли быть обсуживаемы въ журналахъ.

Затрудненіе въ пріисканіи капиталовъ для уплаты помѣщикамъ за крестьянскія земли, по мнѣнію автора, частію устранится тѣмъ, что выкупъ будетъ производиться постепенно, и потому однѣ и тѣ же деньги, оборотившись, могутъ послужить къ выкупу болѣе нежели одного селенія,— или можетъ быть избѣгнуто выдачею помѣщикамъ, вмѣсто денегъ, свидѣтельствъ, по которымъ они будутъ получать проценты до уплаты капитала. Для доставленія же помѣщикамъ возможности удобнѣйшимъ образомъ продавать выданныя имъ свидѣтельства, которыя г. Ржевскій называетъ выкупными листами, онъ полагаетъ раздробить ихъ на небольшія суммы въ 1,000 или 500 р. сер., принимать ихъ въ залоги по казеннымъ подрядамъ и допустить залогъ ихъ въ мѣстныхъ банкахъ и приказахъ общественнаго призрѣнія въ $^4/_5$ номинальной цѣны.

Обращаясь наконецъ къ 4 вопросу—о томъ, чѣмъ можетъ быть обезпеченъ возвратъ ссуды, г. Ржевскій сначала опровергаетъ примѣръ, на которомъ многіе основываютъ свое убѣжденіе, что крестьяне неспособны исправно уплачивать проценты на ссужаемый имъ капиталъ, а именно: накопленіе недоимокъ на крестьянахъ государственныхъ имуществъ. По мнѣнію автора, недоимки накопляются неизбѣжно въ слѣдующихъ случаяхъ: а) если мѣста и лица, обязанныя взыскивать срочные платежи, не исполняютъ своей обязанности, или по какимъ бы то ни было причинамъ находятъ для себя выгоднымъ допускать накопленіе недоимокъ; b) если сроки платежей слишкомъ отдалены одинъ отъ другаго, а потому и суммы, требуемыя къ уплатѣ въ одинъ срокъ, слишкомъ значительны; и наконецъ c) если взысканіе производится по правиламъ круговой поруки, которая представляетъ какъ бы премію за несостоятельность въ платежѣ податей, и притомъ можетъ служить болѣе или менѣе дѣйствительнымъ обезпеченіемъ исправнаго поступленія только въ соединеніи съ временнымъ рабствомъ—кабалой, или съ крѣпостнымъ состояніемъ.

По нашему мнѣнію, круговая порука, въ особенности при предстоящей нынѣ самостоятельной организаціи сельскихъ мірскихъ обществъ, не можетъ имѣть того вреднаго вліянія, котораго ожидаетъ отъ нея г. Ржевскій. На первый взглядъ можетъ показаться весьма выгоднымъ для каждаго отдѣльнаго крестьянина, чтобы

другіе уплачивали за него подати; но въ дѣйствительности положеніе недоимщика до такой степени незавидно, что едва ли кто, за исключеніемъ людей совершенно порочныхъ, которыхъ не исправитъ и никакая личная отвѣтственность, себя поставитъ въ это положеніе, если только имѣетъ какую нибудь возможность его избѣгнуть. Обмануть помѣщика притворною бѣдностью было возможно, и во многихъ случаяхъ даже легко; но обмануть міръ, знающій о каждомъ приходѣ и расходѣ своихъ членовъ, невозможно. Притомъ дѣйствительный, безвозвратный платежъ исправныхъ крестьянъ за недоимщиковъ можетъ встрѣтиться лишь весьма рѣдко: въ большинствѣ случаевъ міръ безъ сомнѣнія найдетъ возможнымъ принудить неплательщиковъ какими нибудь общественными работами, напримѣръ отбываніемъ за все селеніе дорожной повинности и т. п., вознаградить сдѣланное для нихъ пожертвованіе, а между тѣмъ отъ подобнаго обязательнаго труда по мірскому приговору весьма далеко до кабалы. Самъ авторъ, считая необходимымъ устранить круговую поруку, говоритъ, что ее должно замѣнить нѣсколько усиленною личною отвѣтственностью, не прибѣгая однакоже ни къ мѣрамъ жестокости, ни къ такимъ, которыя могли бы привести къ пролетаріату; но при полной личной отвѣтственности, съ человѣкомъ, накопившимъ неоплатныя недоимки и не старающимся объ очищеніи ихъ, невозможно принять другую окончательную мѣру, кромѣ лишенія его поземельнаго участка и слѣдовательно обращенія въ пролетаріатъ, или, что почти тоже, насильственнаго переселенія. Предположить же, какъ дѣлаетъ г. Ржевскій, отдѣльную отъ мірскаго управленія власть, которая имѣла бы право распорядиться принятіемъ строгихъ мѣръ противъ неплательщика или взятіемъ въ свое вѣдѣніе его поземельнаго участка,—неизбѣжное послѣдствіе отмѣны круговой поруки,—значило бы окончательно уничтожить всякую надежду на самостоятельное развитіе сельскихъ обществъ. Впрочемъ и г. Ржевскій, такъ горячо возстающій противъ круговой поруки, не могъ обойтись безъ того, чтобы не ввести въ свой проэктъ, какъ мы увидимъ ниже, нѣкоторыя мѣры, отчасти основанныя на этомъ началѣ.

Самый проэктъ г. Ржевскаго состоитъ въ слѣдующемъ:

По введеніи срочно-обязаннаго положенія, крестьянамъ и помѣщикамъ предоставляется заключать между собою добровольныя условія о цѣнѣ и количествѣ покупаемой земли. Совершеніе подобныхъ сдѣлокъ ни для той, ни для другой стороны не обязательно. Условіе излагается на бумагѣ, по возможности въ краткихъ и понятныхъ крестьянамъ выраженіяхъ, и разсматривается уѣзднымъ и губернскимъ предводителями дворянства, начальникомъ губерніи, предсѣдателемъ палаты государственныхъ имуществъ и наконецъ приказомъ общественнаго призрѣнія. Получивъ условія и планы къ 1-му сентября, приказъ, не позже 1-го декабря, объявляетъ, согласенъ ли онъ сдѣлать ссуду или нѣтъ, и по какимъ причинамъ; затѣмъ, разсчитавъ ссуду съ 1-го января наступающаго года, выдаетъ помѣщику слѣдующее ему вознагражденіе пыкупными листами въ 500 р. сер. каждый, а сумму, меньшую 500 р., деньгами; если имѣніе заложено въ кредитномъ учрежденіи, то приказъ уплачиваетъ долгъ и удерживаетъ соотвѣтствующую часть выкупныхъ листовъ. Срокъ займа—33-лѣтній; крестьяне платятъ 4% интереса, $1\frac{1}{2}$% на погашеніе капитала и $\frac{1}{2}$% въ пользу приказа, на усиленіе его состава. При самомъ заключеніи условія, крестьяне обязаны представить въ обезпеченіе сумму, равняющуюся годовому платежу, а затѣмъ вносятъ проценты помѣсячно,

за каждый мѣсяцъ впередъ; по окончаніи же заемнаго срока взнесенная предварительно сумма зачитается въ уплату послѣдней части капитала. Наблюденіе за платежемъ крестьянами процентовъ возлагается ближайшимъ образомъ на самый приказъ общественнаго призрѣнія, который, между тѣмъ, независимо отъ поступающихъ къ нему платежей, ежегодно послѣ 1-го января выдаетъ по 4% предъявителямъ закладныхъ листовъ, и сверхъ того, изъ полученныхъ имъ процентовъ погашенія уплачиваетъ по извѣстному числу этихъ листовъ капиталъ, руководствуясь старшинствомъ нумеровъ, а для предварительнаго извѣщенія владѣльцевъ публикуетъ въ вѣдомостяхъ обѣихъ столицъ списокъ нумерамъ, назначеннымъ къ уплатѣ; такой же списокъ выставляется и во всѣхъ присутственныхъ мѣстахъ губерніи. Проценты на билеты, заложенные владѣльцами въ приказѣ (какъ выше сказано за $^4/_5$ капитальной суммы), зачисляются въ пользу приказа, а когда эти листы поступятъ на очередь къ уплатѣ, то приказъ доплачиваетъ на нихъ владѣльцамъ остальные сто рублей.

Слѣдующіе отъ крестьянъ взносы распредѣляются помѣсячно и зачисляются приказомъ по каждому селенію отдѣльно, сначала въ уплату процентовъ до составленія полной годовой суммы ихъ, а потомъ въ погашеніе капитала; въ самыхъ же селеніяхъ назначаются изъ крестьянъ, по выбору общества и съ утвержденія окружнаго начальника, особые сборщики, которымъ чрезъ окружное правленіе выдаются ежегодно контромарки для раздачи лицамъ, внесшимъ причитающіяся съ нихъ части платежа; о неплательщикахъ окружной начальникъ обязываетъ сельскій сходъ сдѣлать приговоръ, для побужденія ихъ къ платежу зависящими отъ него мѣрами. Приказъ ежемѣсячно сообщаетъ палатѣ о всѣхъ недоимкахъ по сбору, и если къ 1-му января наступающаго года на какомъ либо селеніи останется за истекшій годъ недоимка, то онъ пополняетъ ее изъ суммы обезпеченія, а когда она истощится, то увѣдомляетъ объ этомъ палату, для принятія болѣе строгихъ мѣръ взысканія. Палата предписываетъ волостному начальству отдать наиболѣе неисправныхъ плательщиковъ въ заработки къ частнымъ лицамъ, которыя пожелаютъ ихъ взять, съ уплатою всей условленной за работу суммы впередъ. Срокъ отдачи въ заработки не долженъ быть болѣе одного года, а за побѣгъ отъ хозяина до окончанія срока работникъ наказывается по военнымъ законамъ, о чемъ ему объявляется при самой отдачѣ. Въ случаѣ недостаточности этой мѣры къ пополненію недоимки, палатѣ предоставляется отдать часть угодій селенія въ наемъ постороннимъ лицамъ на болѣе или менѣе продолжительные сроки, а если количество недоимокъ накопится до общей суммы сдѣланной первоначально ссуды, то приказъ имѣетъ право назначить половину всей земли въ продажу съ публичнаго торга, которая признается дѣйствительною и утверждается только тогда, когда предложенная сумма будетъ равняться двумъ третямъ всей ссуды; остальная же часть обезпечивается остальною половиною земли, и платежи за нее назначаются прежнимъ порядкомъ. Если наконецъ за продажею половины земли селеніе окажется слишкомъ малоземельно, то палата государственныхъ имуществъ дѣлаетъ распоряженіе о выселеніи въ дальнія губерніи тѣхъ изъ крестьянъ, которые были наиболѣе виновны въ накопленіи недоимокъ.

На первый изъ предлагаемыхъ авторомъ настоящей статьи вопросовъ—желаютъ ли помѣщики продать, а крестьяне купить землю, г. Ржевскій отвѣчаетъ

за обѣ участвующія стороны: „да, если только цѣна будетъ безобидная“. Мы полагаемъ, что согласіе, кромѣ справедливаго назначенія цѣны, можетъ зависѣть и отъ другаго обстоятельства, по вліянію котораго или помѣщикъ можетъ быть вынужденъ взять за извѣстное количество земли гораздо менѣе дѣйствительной стоимости его, или крестьяне могутъ согласиться дать гораздо болѣе. Это обстоятельство есть будущая организація срочно-обязаннаго положенія. Смотря по тому, въ пользу которой стороны на самомъ дѣлѣ сложится эта организація, та или другая сторона будетъ имѣть явное преимущество въ переговорахъ объ окончательной сдѣлкѣ. Далѣе авторъ говоритъ, что за основаніе разсчета, какъ постоянная величина, должна быть принята сумма, которую крестьяне могутъ безъ затрудненія ежегодно платить, въ видѣ уплаты процентовъ и капитала,—и хотя онъ не договариваетъ, но какъ мысль безъ этого добавленія не полна, то мы полагаемъ, что означенная сумма, въ мысли г. Ржевскаго, должна быть признаваема нормою справедливаго вознагражденія за количество земли, вполнѣ обезпечивающее благосостояніе крестьянъ. По нашему мнѣнію, эта норма слишкомъ неопредѣленна, понятіе о затрудненіи совершенно относительное (въ нѣкоторыхъ, богатыхъ промышленностью, мѣстностяхъ, крестьяне могутъ, безъ слишкомъ большаго стѣсненія, платить ежегодно, какъ и платятъ нынѣ, суммы, далеко превосходящія цѣнность отведенныхъ имъ угодій) и по невозможности во всѣхъ тѣхъ краяхъ, которыхъ населеніе живетъ не исключительно земледѣліемъ, опредѣлить, какое именно количество земли составитъ достаточное обезпеченіе. Проще было бы принять за основаніе доходъ, дѣйствительно получающійся отъ отдачи внаймы разнаго рода земель и по разсчету процентовъ, какъ говоритъ нѣсколько выше самъ г. Ржевскій, вычислить продажную цѣну,

Относительно денежныхъ средствъ, необходимыхъ для выкупа, г. Ржевскій полагаетъ, что сумма ихъ должна значительно уменьшиться отъ того, что выкупъ будетъ не понудительный, а основанный на добровольныхъ сдѣлкахъ, и слѣдовательно дастъ время возврату и обороту капиталовъ. Намъ кажется, что подобный оборотъ могъ бы произойти въ такомъ только случаѣ, если бы назначеніе ссудъ раздѣлено было на нѣсколько десятковъ лѣтъ; но такое предположеніе едва ли возможно допустить, а надобно полагать, напротивъ, что если только сопряженныя съ выкупомъ повинности не будутъ слишкомъ стѣснительны, и въ особенности, если онѣ, какъ вѣроятно и будетъ, не превысятъ установленныхъ по срочно-обязанному положенію, то въ теченіе какихъ нибудь трехъ или четырехъ лѣтъ во всѣхъ имѣніяхъ крестьяне, обязанные и безъ того выкупить усадьбы и пробыть 12 лѣтъ въ срочно-обязанномъ состояніи, изъявятъ желаніе выкупить землю, кромѣ развѣ нѣкоторыхъ исключительно промышленныхъ селеній, которыхъ жители и теперь не занимаются земледѣліемъ, да и тѣ, если бы отказались отъ выкупа земли, то сдѣлали бы весьма вредную для будущности ихъ самихъ и ихъ потомства ошибку. Къ изъявленію этого желанія побудитъ крестьянъ даже и самое, сопряженное съ полученіемъ ссуды, освобожденіе отъ личной зависимости. Конечно могутъ быть, и дѣйствительно есть, въ селеніяхъ отдѣльныя личности, которымъ, по особенной способности ихъ къ ремесламъ или торговлѣ, вообще къ промысламъ городскимъ, выгодно какъ можно скорѣе и проще разорвать связь, прикрѣпляющую ихъ къ землѣ; но чтобы цѣлому селенію могло быть полезно отказаться отъ выкупа земель, могущаго положить прочное основаніе благосостоя-

нію его на нѣсколько поколѣній, — мы никакъ допустить не можемъ. Весьма трудно также предположить, чтобы крестьяне, отказавшись отъ выкупа той земли, которая имъ была отведена въ пользованіе, безъ пособія кредита, пріобрѣли землю въ другомъ, болѣе выгодномъ для нихъ мѣстѣ; такъ что вопросъ заключается единственно въ томъ: выкупить имъ эти земли, или остаться вовсе безъ поземельной собственности? Между тѣмъ даже въ тѣхъ краяхъ, гдѣ теперь земля имѣетъ весьма малую цѣнность и гдѣ хлѣбопашество почти исключительно производится женщинами и дѣтьми, пріобрѣтеніе земли весьма важно для крестьянъ, такъ какъ оно доставитъ имъ возможность, отправляясь на заработки въ столицу, самымъ дешевымъ образомъ обезпечивать свои семейства, которыхъ содержаніе въ городѣ стоило бы несравненно дороже, а со временемъ, при увеличеніи населенія, земля должна пріобрѣсти еще большую цѣнность; разумѣется, однакоже, что въ этихъ краяхъ выкупная цѣна ея будетъ несравненно ниже, чѣмъ въ губерніяхъ земледѣльческихъ.

На сколько, по нашему мнѣнію, крестьянамъ выгоденъ въ настоящее время выкупъ отводимыхъ имъ полевыхъ земель, — конечно за умѣренную цѣну, — настолько же выгодно было бы помѣщикамъ оставить ихъ за собою, совершенно независимо отъ той цѣны, которая можетъ быть за нихъ получена. Удержаніе земель въ рукахъ помѣщиковъ, въ особенности въ густо населенныхъ губерніяхъ, и если бы на это рѣшились нѣсколько самыхъ значительныхъ владѣльцевъ, совершенно измѣнило бы то отношеніе, которое должно образоваться между сословіями помѣщиковъ и крестьянъ, и поставило бы послѣднихъ въ столько же почти стѣснительную зависимость отъ произвола первыхъ, какая существовала при крѣпостномъ состояніи. Поэтому, хотя конечно отъ выкупа земель стало бы уклоняться только меньшинство помѣщиковъ, но во всякомъ случаѣ, чтобы произволъ одного лица, движимаго своекорыстными разсчетами, не могъ лишить нѣсколько семей, а можетъ быть и нѣсколько тысячъ человѣкъ, тѣхъ прочихъ основъ благосостоянія, которыя доставляются всему сословію, намъ казалось бы справедливымъ сдѣлать уступку полевыхъ земель въ какомъ нибудь опредѣленномъ размѣрѣ, составляющемъ minimum надѣла, и за опредѣляемую посредниками изъ обѣихъ сословій цѣну обязательною для помѣщика.

Для удержанія предполагаемыхъ г. Ржевскимъ выкупныхъ листовъ въ надлежащей цѣнности, онъ между прочимъ считаетъ возможнымъ допустить залогъ ихъ въ приказахъ общественнаго призрѣнія, съ выдачею чистыхъ денегъ, въ $^4/_5$ нарицательной ихъ цѣны, но едва ли средства приказовъ окажутся достаточными какъ для этого оборота, такъ и для уплаты другимъ кредитнымъ установленіямъ за всѣ заложенныя въ нихъ имѣнія. Впрочемъ и безъ этого права, если только взиманіе процентовъ на выкупной капиталъ будетъ хорошо организовано и платежи будутъ поступать безнедоимочно, нѣтъ причины предполагать, чтобы выкупные листы, принимаемые въ залогъ правительствомъ, не сохранили своей цѣны и въ сдѣлкахъ между частными лицами, подобно облигаціямъ разныхъ земскихъ банковъ въ Германіи, въ числѣ которыхъ многія выпущены были для той же цѣли, т. е. для выкупа крестьянскихъ повинностей.

Главную черту въ предполагаемой г. Ржевскимъ организаціи взысканія съ крестьянъ выкупныхъ платежей составляетъ непосредственное участіе въ дѣлахъ сельской общины мѣстнаго управленія государственныхъ имуществъ. Намъ кажется,

что при образованіи общины болѣе всего надобно стараться о томъ, чтобы поставить ее по возможности въ самостоятельное положеніе и оградить ее не только отъ произвола помѣщика, у котораго для нея выкупаются земли, но и отъ всякаго излишняго вмѣшательства мѣстной администраціи. Что такого рода self-government у насъ возможенъ, доказывается примѣрами многихъ оброчныхъ имѣній, въ которыхъ владѣльцы и управители не бываютъ по нѣскольку лѣтъ, а между тѣмъ крестьяне, подъ управленіемъ выбираемыхъ ими самими старостъ, которые только для формы утверждаются помѣщикомъ, безпредоимочно уплачиваютъ какъ подати, такъ и лежащій на нихъ оброкъ, иногда довольно тяжелый, и сверхъ того не рѣдко достигаютъ значительной степени благосостоянія. Особенно счастливымъ обстоятельствомъ для подобныхъ имѣній бываетъ то, если владѣлецъ занимаетъ болѣе или менѣе значительное мѣсто въ службѣ или носитъ особенное громкое имя, такъ какъ въ этомъ случаѣ имя его ограждаетъ крестьянъ отъ притѣсненія мѣстныхъ властей, которымъ иногда бывало довольно одного какого нибудь повода,—совершеннаго въ деревнѣ преступленія или даже найденнаго на землѣ ея мертваго тѣла,—чтобы обременить всю деревню. Если при крѣпостномъ состояніи крестьяне, предоставленные самимъ себѣ, умѣли такъ хорошо вести свои дѣла тамъ, гдѣ имъ никто не мѣшалъ, то тѣмъ болѣе можно ожидать счастливаго результата отъ самоуправленія ихъ, когда, сдѣлавшись членами самостоятельной общины, они почувствуютъ свое достоинство и поймутъ, что лица, ими избранныя въ представители, назначаются не къ тому, чтобы быть безотвѣтными орудіями въ рукахъ непосредственно надъ ними стоящей власти и въ случаѣ нужды отвѣчать за міръ спиною или карманомъ, а къ тому, чтобы дѣйствительно управлять мірскими дѣлами для общей пользы. Это убѣжденіе заставитъ крестьянъ совершенно иначе смотрѣть на право выбора должностныхъ лицъ, чѣмъ до сихъ поръ смотрѣли тѣ изъ нихъ, которымъ это право было предоставлено. Старшинами, старостами, вообще подъ какимъ бы то ни было названіемъ представителями общины—будутъ самые умные и дѣятельные люди ея, и если бы даже міръ когда нибудь ошибся въ выборѣ, то необходимость отдавать отчетъ мірской сходкѣ, и въ важнѣйшихъ случаяхъ дѣйствовать съ ея утвержденія, пресѣчетъ въ самомъ началѣ могущія произойти злоупотребленія. Слишкомъ близки всѣмъ этимъ людямъ интересы, которые будутъ поручены выборнымъ, чтобы можно было предположить равнодушіе общины къ дурному управленію ими. Такое равнодушіе является только тогда, когда или дѣла, поручаемыя избраннымъ лицамъ, не до всѣхъ избирателей равно касаются, или когда избиратели увѣрены, что кого ни назначь, никто не будетъ въ состояніи принести истинную пользу; а это убѣжденіе вселяется въ нихъ только тогда, когда надъ выборными лицами слишкомъ близко стоитъ другая, чуждая общинѣ власть. Конечно, для самоуправленія, покрайней мѣрѣ при томъ положеніи, въ которое будутъ поставлены наши сельскія общины, необходимо существованіе въ томъ или другомъ видѣ круговой поруки; но мы старались доказать, что это начало въ дѣйствительности не имѣетъ тѣхъ дурныхъ сторонъ, которыя въ немъ находятъ нѣкоторые теоретики. Болѣе того, мы даже убѣждены, что при хорошей организаціи мірскаго управленія,—а первою чертою такой организаціи мы признаемъ самостоятельность его внутри самой общины,—и при умѣренномъ размѣрѣ платежей за выкупъ земли, вовсе не представится надобности въ тѣхъ крайнихъ мѣрахъ, какія предполагаетъ г. Ржевскій относительно селеній, на которыхъ

накопятся значительныя недоимки, и что міръ самъ съумѣетъ справиться съ недоимщиками. Необходимо только, *чтобъ ему не мѣшали.*

„БИБЛІОТЕКА ДЛЯ ЧТЕНІЯ“ 1858, ДЕКАБРЬ.

Въ декабрьской книжкѣ „Библіотеки для Чтенія“ оконченъ начавшійся еще въ іюнѣ рядъ статей г. Тернера, подъ заглавіемъ „Очерки современныхъ сельскохозяйственныхъ вопросовъ“. Въ этихъ очеркахъ, раздѣленныхъ на 13 отдѣловъ, авторъ сначала обозрѣваетъ и обсуживаетъ по каждому изъ частныхъ вопросовъ, на которые распадается общій вопросъ объ устройствѣ быта помѣщичьихъ крестьянъ, мнѣніе другихъ писателей, а потомъ излагаетъ свои мысли о спорномъ предметѣ. Мы не будемъ слѣдовать за г. Тернеромъ въ этомъ обозрѣніи, заключающемъ въ себѣ довольно полный сводъ всего, что было писано въ послѣднее время о крестьянскомъ вопросѣ, а ограничимся извлеченіемъ изъ всего ряда очерковъ главныхъ его мнѣній.

Необходимою предварительною мѣрою къ освобожденію крестьянъ отъ крѣпостной зависимости г. Тернеръ признаетъ введеніе срочно-обязаннаго состоянія, которое, по его мнѣнію, должно имѣть весьма важное нравственное значеніе: оно пріучитъ обѣ учавствующія въ немъ стороны къ почитанію взаимныхъ правъ и исполненію своихъ обязанностей, увеличитъ приверженность крестьянина къ отводимой ему землѣ и сдѣлаетъ его достойнымъ предстоящаго ему новаго положенія. Независимо отъ того, срочно-обязанное состояніе предотвратитъ—какъ необходимость въ единовременномъ выкупѣ, такъ и недостатокъ рабочихъ рукъ, могущій произойти отъ внезапнаго прекращенія барщины.

Необходимую принадлѣжность этого положенія составляетъ выкупъ усадебъ и отводъ крестьянамъ полевыхъ земель въ пользованіе; для достиженія же при томъ и другомъ должной правильности, нужны справедливыя оцѣнки—какъ съ одной стороны усадебъ и полевыхъ земель, такъ съ другой стороны и самой работы. Относительно оцѣнки усадебъ, г. Тернеръ полагаетъ, что строенія должны быть включаемы въ нее только въ такомъ случаѣ, если они возведены съ помощью денежной ссуды отъ помѣщика, если на купленный имъ за свои деньги лѣсъ—тогда къ оцѣнкѣ усадебной земли можетъ быть прибавлено отъ 30 до 90%; самую же землю авторъ считаетъ нужнымъ цѣнить значительно выше полевой, уже и потому, что она на дѣлѣ въ настоящее время стоитъ гораздо дороже. Въ тѣхъ краяхъ, гдѣ усадьбы имѣютъ промысловое значеніе, по мнѣнію г. Тернера, для правильной оцѣнки слѣдуетъ отдѣлить отъ получаемаго нынѣ помѣщиками оброка часть, приходящуюся на полевыя земли,—она будетъ большею частію весьма незначительна,—а остальное капитализировать, или даже, для сокращенія разсчетовъ, капитализировать вмѣстѣ весь оброкъ, и обязать крестьянъ, примѣрно въ теченіе 30 лѣтъ, платежемъ сверхъ оброка или процентовъ интереса одного процента погашенія, выплатить составившійся капиталъ. (Хорошо улучшеніе быта: заставить крестьянина, платящаго нынѣ 25 руб. въ годъ, платить въ продолженіе тридцати лѣтъ—цѣлаго поколѣнія—по 29 рублей!). Для оцѣнки полевыхъ земель авторъ считаетъ лучшимъ способомъ исчислять три главные элемента, а именно: 1) продажную цѣну десятины или наемную плату при непринужденномъ договорѣ; 2) могущій получаться съ десятины доходъ натурою, и 3) средній об-

рокъ или среднюю норму барщинной повинности; средній результатъ, выведенный изъ всѣхъ трехъ исчисленій, будетъ ближе всѣхъ къ дѣйствительной цѣнѣ земли. Что касается до оцѣнки барщиннаго труда, то г. Тернеръ для исчисленія ея предлагаетъ употребить слѣдующій способъ: взять цифру платимаго въ извѣстной мѣстности средняго оброка и раздѣлить ее на число барщинныхъ дней,—отъ этого получится оцѣнка самая низкая; потомъ—цифру средней наемной платы въ той же мѣстности и умножить ее на дробь, выражающую отношеніе работы барщинника къ наемной работѣ (такъ напр. если 5 барщинниковъ въ день сдѣлаютъ столько же, сколько 3 наемныхъ работника, а поденная плата каждому батраку 40 коп., то на каждаго изъ первыхъ приходится въ день $40\times{}^{3}/_{5}=24$); наконецъ сложить это произведеніе съ прежде полученною цифрою и суммы раздѣлить на 2,—послѣдняя цифра и будетъ приблизительно вѣрная цѣна барщиннаго дня.

Независимо отъ этихъ исчисленій, г. Тернеръ признаетъ заслуживающимъ уваженія и предлагаемый многими писателями способъ оцѣнки земель и причитающагося за нихъ вознагражденія по сравненію съ цѣнностью четверти ржи (одно изъ подобныхъ предположеній мы разсмотрѣли въ библіографіи, помѣщенной въ февральской книжкѣ „Современника“)—и сверхъ того, совѣтуетъ комитетамъ обратить особенное вниманіе на произведенный министерствомъ государственныхъ имуществъ, при переложеніи податей съ душъ на землю, такъ называемый народный кадастръ. Этотъ способъ, составляющій нѣчто среднее между ученою кадастраціею и эмпирическими средствами оцѣнки, при весьма значительной стоимости—по 8 коп. сер. съ десятины—далъ возможность министерству оцѣнить весьма скоро и довольно вѣрно всѣ земли государственныхъ имуществъ въ 13 губерніяхъ.

Обращаясь къ конечной цѣли настоящаго преобразованія, г. Тернеръ говоритъ, что при совершеніи его необходимо преимущественно имѣть въ виду:

1) Не развивая бродяжничества—облегчить переселеніе;

2) Развить классъ крестьянъ-собственниковъ.

Для достиженія первой цѣли авторъ считаетъ совершенно достаточнымъ средствомъ выкупъ усадебныхъ осѣдлостей, который, привязавъ въ извѣстной степени крестьянъ къ землѣ, заставитъ ихъ рѣшаться на переселеніе только при очевидной и весьма вѣрной выгодѣ, а притомъ еще дастъ имъ возможность, чрезъ продажу усадебъ, пріобрѣтать денежныя средства на подъемъ. Что же касается до второй цѣли, то г. Тернеръ, признавая, какъ мы видѣли выше, весьма полезнымъ, чтобы въ мѣстностяхъ исключительно промышленныхъ, гдѣ полевыя земли имѣютъ весьма малую цѣнность, выкупъ ихъ начался одновременно съ выкупомъ усадебъ, для другихъ краевъ считаетъ достаточнымъ въ настоящее время ограничиться послѣднимъ, съ тѣмъ, чтобы потомъ, когда экономическое состояніе крестьянъ улучшится, выкупъ полевыхъ земель былъ ими произведенъ или на собственныя средства, или съ помощью мѣстныхъ банковъ. Относительно существующаго нынѣ почти повсемѣстно общиннаго владѣнія землями, мнѣнія г. Тернера, какъ онъ ихъ кратко выразилъ въ въ 13-мъ отдѣлѣ своихъ очерковъ, слѣдующія:

1) Общинное владѣніе (отъ котораго впрочемъ совершенно независимо общинное устройство) не имѣетъ въ себѣ элементовъ постепеннаго развитія, и потому постепенно должно перейти въ частную собственность.

2) Этотъ переходъ долженъ совершиться естественнымъ путемъ постепеннаго

преобразованія, а потому нельзя и думать о насильственномъ превращеніи общиннаго владѣнія въ личную собственность.

3) Также вредно было бы сдерживать общинное владѣніе насильственными законодательными мѣрами тамъ, гдѣ оно по мѣстнымъ обстоятельствамъ уже стало выраждаться въ личную собственность.

4) Въ большей части мѣстъ переходъ этотъ начнется нескоро и будетъ совершаться цѣлымъ рядомъ переходовъ; но въ нѣкоторыхъ селеніяхъ уже теперь показываются симптомы перехода къ личной собственности.

5) Сдерживать эти переходы значило бы сдерживать естественное развитіе Россіи, потому что производительность земли при общинномъ владѣніи не можетъ быть такъ сильна, какъ при личной собственности; между тѣмъ богатство жителей страны прямо пропорціонально ея производительности, распредѣленіе же богатствъ играетъ только вторую роль, слѣдующую за производствомъ.

Согласно съ этими убѣжденіями г. Тернеръ предлагаетъ, для примѣненія ихъ на практикѣ, принять слѣдующія правила:

1) Поля должны быть выкупаемы тамъ, гдѣ существуетъ общинное владѣніе, сообща всѣмъ міромъ.

2) По совершеніи выкупа, общинники могутъ переходить постепенно, по собственному желанію, къ системѣ личной собственности на землю;—такой постепенный переходъ можетъ совершиться и до окончательной уплаты долга, если помѣщикъ или кредитное учрежденіе изъявятъ на то согласіе, замѣнивъ круговую поруку поземельною гипотекою.

3) Усадьбы, съ принадлежащею къ нимъ землею, должны выкупаться въ личную собственность крестьянъ, по состоянію ихъ въ настоящее время большею частію въ личномъ потомственномъ владѣніи крестьянскихъ семей.

4) Въ случаѣ, если выкупъ усадебъ происходитъ при посредствѣ кредитнаго учрежденія, при встрѣтившемся неплатежѣ со стороны собственника, круговая порука опять возлагается на міръ; но затѣмъ міру отдается половина огородовъ, конопляниковъ и вообще всей усадьбы должника на пользованіе, пока доходы съ нея не окупятъ его долга, причемъ эта половина можетъ оставаться въ пользованіи міра или того крестьянина, который внесъ деньги за несостоятельнаго должника, и послѣ окончательнаго выкупа земли отъ помѣщика, до уплаты частнаго долга міру за внесенныя имъ помѣщику или банку выкупныя за нее деньги (на уплату этого долга идетъ только половина усадьбы, чтобы никогда не оставить крестьянина безъ крова и безъ всякихъ средствъ къ существованію).

5) По окончательномъ выкупѣ усадебъ, собственники имѣютъ право продать ихъ даже постороннему лицу, но только съ согласія міра (впрочемъ произвольные отказы должны быть ограничены) и при согласіи со стороны покупателя подчиниться всѣмъ условіямъ общиннаго устройства и жизни, связаннымъ съ этими клочками земли.

За исходную точку своихъ предположеній объ устройствѣ быта помѣщичьихъ крестьянъ г. Тернеръ взялъ введеніе срочно-обязаннаго состоянія, о неудобствахъ котораго мы уже неоднократно высказывали свое мнѣніе и потому не считаемъ нужнымъ его здѣсь повторять. Относительно оцѣнки усадебныхъ земель мы полагаемъ, что включать въ нее стоимость строенія, на томъ основаніи, что помѣщикъ на свои деньги купилъ лѣсъ, изъ котораго они построены, было бы то же самое, что взыскивать съ крестьянъ при освобожденіи ихъ отъ крѣпостной зависимости

всѣ деньги, употребленные на прокормленіе ихъ въ неурожайные годы, или отъ дворовыхъ людей требовать возвращенія суммъ, истраченныхъ на содержаніе ихъ во все время ихъ службы. Помѣщикъ въ той же мѣрѣ былъ обязанъ помогать крестьянамъ въ обстройкѣ усадебъ, какъ и кормить ихъ во время голода, или содержать дворовыхъ людей. Равнымъ образомъ не имѣетъ онъ никакого права на особое вознагражденіе за пріобрѣтенную усадебными землями, безъ всякаго труда и пожертвованія съ его стороны, высшую цѣнность противъ полевыхъ. Что же касается до опредѣленія цѣнности усадебъ въ промышленныхъ краяхъ посредствомъ капитализаціи получаемаго нынѣ оброка, то о невѣрности этого мѣрила не стоитъ и говорить. Не упоминая уже о томъ, что въ этихъ именно краяхъ и взимаются тѣ чудовищные оброки, которые мы иначе не можемъ характеризовать, какъ назвавши ихъ *налогомъ на способности*, и слѣдовательно составились бы по многимъ имѣніямъ громадныя оцѣнки: — но чѣмъ виноватъ помѣщикъ, который при крѣпостномъ состояніи, не желая стѣснить своихъ крестьянъ, довольствовался умѣреннымъ оброкомъ, а теперь долженъ быть наказанъ за свою умѣренность полученіемъ меньшаго вознагражденія? Чѣмъ виноваты съ другой стороны крестьяне, платившіе до сихъ поръ оброкъ въ преувеличенномъ размѣрѣ и осужденные именно за это заплатить несоразмѣрный выкупъ, — развѣ только потому, что за освобожденіе отъ большаго зла и заплатить можно дороже?

Объ русской сельской общинѣ авторъ говоритъ, что она не имѣетъ въ себѣ элементовъ постепеннаго развитія, а потому должна перейти въ личную собственность, и будто бы даже въ нѣкоторыхъ мѣстахъ это преобразованіе началось. По нашему мнѣнію, это заключеніе весьма преждевременно: если до сихъ поръ община не выказала на самомъ дѣлѣ таящихся въ ней началъ высокаго развитія, то это нисколько не доказываетъ, что по снятіи тяготящихъ ее оковъ, она не пойдетъ къ этому развитію быстрыми шагами. При томъ не очень блистательны вообще и результаты стоящаго рядомъ съ общиной помѣщичьяго хозяйства, которое однако же имѣетъ основою совершенно отдѣльную, личную собственность. Если намъ укажутъ на нѣсколько отдѣльныхъ примѣровъ помѣщичьихъ хозяйствъ, доведенныхъ до высокой степени процвѣтанія, то мы съ своей стороны готовы назвать не мало деревень, въ которыхъ, при общинномъ владѣніи землею, хозяйство крестьянъ находится въ такомъ положеніи, какого только можно желать при настоящихъ экономическихъ условіяхъ земледѣлія. Скажемъ болѣе, — почти вездѣ, гдѣ бремя крѣпостнаго состоянія замѣтно облегчалось, крестьяне, если они только не были совершенно убиты духомъ отъ предшествовавшаго угнетенія, въ скоромъ времени приводили свое хозяйство въ порядокъ и достигали весьма удовлетворительныхъ результатовъ: общинное владѣніе землею повидимому имъ не мѣшало. Почему же невозможно было бы дальнѣйшее развитіе общины въ этомъ направленіи? Если теперь, при мало-мальски благопріятныхъ условіяхъ, хозяйство крестьянъ-общинниковъ не уступаетъ помѣщичьему, то почему съ развитіемъ вообще экономическихъ понятій въ нашемъ народѣ не могли бы привиться къ его хозяйству и дальнѣйшія улучшенія, въ особенности если бы крестьяне увидѣли вокругъ себя примѣры удачнаго примѣненія этихъ улучшеній? Общинное владѣніе совсѣмъ не требуетъ такихъ частыхъ передѣловъ земли, какъ хотятъ доказать противники его; во всякомъ случаѣ они не могутъ быть довольно часты, чтобы служить препятствіемъ къ тому, чтобы крестьянинъ хорошо унавоживалъ и тщательно обработывалъ свою

полосу, а тѣмъ болѣе когда, вслѣдствіе возвышенія цѣнъ на землю, обработка ея вообще будетъ несравненно лучше настоящей. Недостатокъ кредита также не составитъ препятствія къ улучшенію хозяйства, потому что, при надлежащемъ развитіи его, круговая порука цѣлаго общества достаточныхъ землевладѣльцевъ будетъ достаточнымъ обезпеченіемъ для довольно значительной ссуды, которая притомъ, по мірскому приговору, можетъ быть обезпечена даже ипотекой на какой-нибудь отдѣльный участокъ земли. Вообще мы полагаемъ, что зло, къ которому пришли западные народы, вслѣдствіе чрезмѣрнаго развитія личной собственности и неизбѣжно слѣдующаго за нею пролетаріата, такъ велико, что для избѣжанія его,—если бы мы и не имѣли столькихъ причинъ, какъ имѣемъ теперь, вѣрить въ будущность нашей сельской общины,—все же слѣдовало бы сдѣлать попытку, и не прежде отчаяться въ успѣхѣ, какъ тогда, когда несостоятельность этого порядка была бы доказана несомнѣннымъ опытомъ.

Что же касается до начавшагося уже, по мнѣнію г. Тернера, перехода отъ общиннаго владѣнія къ личной собственности, котораго признаки авторъ находитъ въ образованіи въ малоземельныхъ селеніяхъ болѣе или менѣе значительнаго числа затяглыхъ, то мы полагаемъ, что этому факту совсѣмъ не слѣдуетъ придавать такого значенія. Затяглые, хотя и не владѣютъ непосредственно землею, но все-таки принадлежатъ къ общинѣ, и по самой принадлежности своей къ семействамъ, которыхъ другіе члены владѣютъ землею, не могутъ считаться пролетаріями, точно такъ, какъ не долженъ быть отнесенъ къ этому разряду неотдѣленный сынъ достаточнаго землевладѣльца. Притомъ, независимо отъ возможности для каждаго затяглаго, при будущемъ передѣлѣ, получить во владѣніе особый участокъ земли,—если, съ распространеніемъ лучшихъ понятій о хозяйствѣ, окажется возможнымъ на томъ же количествѣ земли, посредствомъ увеличенія суммы труда прокормить большее число людей, то затяглые могутъ вступать въ непосредственный составъ общины, какъ полноправные ея члены, а не какъ бездомные батраки. Однѣ уже эти черты различія, по нашему мнѣнію, достаточны, чтобы рѣзко отдѣлить положеніе нашихъ затяглыхъ отъ безотраднаго и безъисходнаго положенія западныхъ пролетаріевъ, а слѣдовательно и образовавшуюся въ селеніяхъ, къ которымъ затяглые приписаны, организацію поземельнаго владѣнія—отъ полной личной собственности, обусловливающей существованіе пролетаріата.

„ЖУРНАЛЪ МИНИСТЕРСТВА ВНУТРЕННИХЪ ДѢЛЪ“. 1858 Г. ДЕКАБРЬ.

Въ декабрьской книжкѣ журнала министерства внутреннихъ дѣлъ помѣщена весьма любопытная статья, составленная чиновниками министерства гг. Колошинымъ, фонъ-Шульцемъ 1-мъ, барономъ Штакельбергомъ, фонъ-Шульцемъ 2-мъ и фонъ Брадке „Объ устройствѣ уѣзднаго управленія и полиціи и о кругѣ дѣйствій мирныхъ судей во Франціи, Англіи и Пруссіи“. Эта статья, вообще весьма добросовѣстно и по лучшимъ источникамъ составленная, между прочимъ заключаетъ въ себѣ нѣкоторыя свѣдѣнія объ организаціи общинъ въ означенныхъ трехъ государствахъ и объ отношеніяхъ ихъ къ должностнымъ лицамъ, завѣдывающимъ мѣстнымъ управленіемъ. Считаемъ неизлишнимъ привести ихъ въ краткомъ извлеченіи.

Во Франціи пространство общинъ опредѣлено въ 1789 году, на основаніи прежняго раздѣленія на приходы и муниципалитеты. Число жителей въ общинахъ

весьма неравномѣрно: въ нѣкоторыхъ менѣе 500, а въ другихъ болѣе 10,000 жителей. Каждая община, въ томъ числѣ и города, за исключеніемъ Парижа и Ліона, управляется мэромъ, назначаемымъ въ главныхъ городахъ и значительныхъ общинахъ императоромъ, а въ прочихъ—префектомъ департамента. Завѣдыванію мэра предоставлена часть исполнительная, а гдѣ нѣтъ особаго полицейскаго коммиссара,—и полицейская. Кромѣ того, учрежденъ въ каждой общинѣ муниципальный совѣтъ изъ членовъ, избранныхъ жителями ея на 5 лѣтъ, числомъ отъ 10-ти до 36-ти. Этотъ совѣтъ, въ которомъ мэръ по званію своему занимаетъ предсѣдательское мѣсто, разрѣшаетъ всѣ вопросы, касающіеся до управленія общественными имуществами, составляетъ общинный бюджетъ и повѣряетъ отчеты мэра о ввѣренныхъ его завѣдыванію суммахъ. Попечителемъ всѣхъ общинъ въ департаментѣ считается префектъ, на разсмотрѣніе котораго восходятъ всѣ дѣла ихъ, даже тѣ, по которымъ муниципальный совѣтъ имѣетъ право давать окончательныя разрѣшенія; въ случаѣ возникновенія жалобъ, которыя префектъ признаетъ справедливыми, онъ имѣетъ право эти разрѣшенія своею властью отмѣнять. Вторую административную инстанцію составляетъ подпрефектъ, съ окружнымъ совѣтомъ изъ 9 членовъ по выбору, къ которому онъ стоитъ, за исключеніемъ права предсѣдательства, почти въ тѣхъ же отношеніяхъ, какъ мэръ къ муниципальному совѣту. Третья инстанція—префектъ, съ совѣтомъ префектуры, состоящимъ изъ совѣтниковъ отъ короны, и главнымъ департаментскимъ совѣтомъ, котораго члены избираются всѣмъ департаментомъ по одному отъ каждаго кантона (кантонъ состоитъ изъ нѣсколькихъ общинъ, около 10-ти). Судебная власть въ низшей инстанціи поручается мирному судьѣ, назначаемому правительствомъ изъ числа трехъ кандидатовъ, которыхъ представляетъ президентъ мѣстнаго гражданскаго суда. На каждый кантонъ назначается одинъ мирный судья.

Въ Англіи должности мѣстнаго управленія раздѣляются на исполнительныя и судебно-полицейскія. Къ первому разряду принадлежатъ должности: 1) шерифа, который назначается королемъ изъ числа трехъ кандидатовъ, представляемыхъ собраніемъ высшихъ государственныхъ сановниковъ, и считается первымъ лицомъ въ графствѣ, а на этомъ основаніи предсѣдательствуетъ въ народномъ собраніи его; 2) коронэра, избираемаго народнымъ собраніемъ графства и имѣющаго главнымъ атрибутомъ власть слѣдственную, и наконецъ 3) констэблей, которые раздѣляются на сотскихъ и десятскихъ и избираются общинами; впрочемъ сотскіе констэбли (high constables) нерѣдко назначаются собраніями мирныхъ судей; обязанность констэблей заключается въ ближайшемъ надзорѣ за полицейскимъ порядкомъ и въ сборѣ податей. Составляющіе второй разрядъ должностей, мирные судьи назначаются особою королевскою грамотою: каждый земледѣлецъ, имѣющій не менѣе 100 фунтовъ стерлинговъ (625 р. сер.) дохода съ собственной или состоящей въ пользованіи его земли, имѣетъ право изъявить желаніе быть мирнымъ судьею. Комплектъ судей не ограниченъ и потому отказа не бываетъ иначе, какъ по какимъ либо особенно важнымъ причинамъ. Кругъ дѣйствія мирнаго судьи двоякій: когда онъ дѣйствуетъ одинъ, то сущность его обязанностей, по объясненію нѣмецкаго юриста Финке, составляетъ общая полиція, вспомоществуемая судебною властью настолько, сколько того требуетъ полное и успѣшное выполненіе полицейскихъ обязанностей: впрочемъ эта власть простирается до права заключать праздныхъ и безпорядочныхъ людей (idle and disorderly persons) въ тюрьму на одинъ мѣсяцъ,

а негодяевъ и бродягъ (rogues and vagabonds) до слѣдующаго главнаго засѣданія. Конечно въ статутахъ съ точностью опредѣлено, кого именно слѣдуетъ разумѣть подъ этими названіями. Въ главныхъ засѣданіяхъ, имѣющихъ, кромѣ весьма обширной судебной власти, также и административный характеръ, собраніе всѣхъ мирныхъ судей графства разсматриваетъ отчеты разныхъ полицейскихъ чиновниковъ, опредѣляетъ сумму общаго налога на удовлетвореніе потребностей графства и распредѣляетъ его между общинами пропорціонально доходу, получаемому ими съ земли. Община, которая почтетъ распредѣленіе неправильнымъ, представляетъ объ этомъ главному засѣданію, или приноситъ жалобу одному изъ государственныхъ судей, при чемъ она должна представить сто фунтовъ стерлинговъ въ залогъ уплаты судебныхъ издержекъ, на случай, если жалоба будетъ признана неправильною. Главныя засѣданія также завѣдываютъ расходованіемъ общаго сбора и имѣютъ надзоръ за всѣми содержимыми на счетъ его общественными заведеніями. Сборы на нужды прихода, въ числѣ которыхъ находится подать на содержаніе бѣдныхъ, и всѣ распоряженія, относящіяся къ управленію приходскимъ общественнымъ имуществомъ, опредѣляются собраніемъ всѣхъ прихожанъ, которое избираетъ для завѣдыванія имуществомъ особыхъ старостъ. Вообще выборы производятся не по сословіямъ, а по общинамъ, и всякій землевладѣлецъ, лордъ ли онъ, купецъ или крестьянинъ,—одинаково участвуетъ въ народномъ собраніи. Способъ, употребляемый для самаго акта выборовъ, есть такъ называемый poll, открытое наименованіе избираемаго лица или написаніе его имени.

Пруссія въ административномъ отношеніи раздѣляется на провинціи, которыя подраздѣляются на округи и уѣзды. Части уѣздовъ составляютъ общины. Главное лицо въ уѣздномъ управленіи ландратъ, избираемый изъ числа владѣльцевъ дворянскихъ имѣній собраніемъ представителей уѣзда, которое состоитъ изъ всѣхъ помѣщиковъ, нѣсколькихъ городскихъ и трехъ сельскихъ депутатовъ. Завѣдываніе полицейскимъ управленіемъ города или селенія принадлежитъ самимъ обществамъ, которыя избираютъ изъ своей среды бургомистровъ, членовъ магистрата, шульцовъ и шеппеновъ; въ важнѣйшихъ городахъ, крѣпостяхъ и въ общинахъ, имѣющихъ болѣе 10,000 жителей, мѣстная полиція можетъ быть поручена, по распоряженію министра внутреннихъ дѣлъ, чиновнику государственной службы, которому и назначается жалованье отъ правительства, всѣмъ же прочимъ лицамъ оно производится изъ собственныхъ средствъ общины. Власти, завѣдывающія мѣстною полиціею, по совѣщанію съ представителями общины, имѣютъ право обнародовывать полицейскія распоряженія и за неисполненіе ихъ налагать штрафы до трехъ талеровъ, а съ разрѣшенія окружнаго правленія и до 10 талеровъ. Всякое распоряженіе мѣстной полиціи можетъ быть отмѣнено окружнымъ правленіемъ, которое при этомъ обязано только въ предписаніи своемъ объяснить причины, побудившія его къ отмѣнѣ. Жалобы на полицію могутъ быть приносимы тому присутственному мѣсту, которому она непосредственно подчинена; а въ нѣкоторыхъ случаяхъ, къ которымъ относится между прочимъ нарушеніе правъ собственности, дѣйствія полиціи могутъ быть предметомъ гражданскаго иска. Слѣдствія о совершенныхъ въ общинѣ преступленіяхъ и проступкахъ начинаются мѣстною полиціею и затѣмъ передаются особымъ чиновникамъ, называемымъ повѣренными государства (Staatsanwalt), которыхъ обязанность преслѣдовать виновныхъ предъ уѣзднымъ судомъ (Landgericht); для предварительнаго же разсмотрѣнія дѣлъ,

равно какъ и для разрѣшенія маловажныхъ споровъ, назначаются въ Рейнской провинціи мирные судьи отъ короны, а въ восточныхъ провинціяхъ чиновники отъ выбора, съ нѣсколько меньшимъ кругомъ дѣйствія, называемые посредниками (Schiedsmänner).

Разсмотрѣвъ эти три различныя организаціи мѣстнаго управленія, мы находимъ въ каждой изъ нихъ свои особенные недостатки. Во Франціи, гдѣ даже предсѣдатель общины, мэръ, назначается отъ короны и всякое постановленіе общиннаго совѣта должно быть разсмотрѣно и утверждено префектомъ, община совершенно задавлена административною централизаціей. Въ Англіи, при превосходно развитомъ самоуправленіи въ каждой волости, присвоено слишкомъ сильное преобладаніе классу значительныхъ землевладѣльцевъ, и если бы не либеральный духъ, которымъ проникнуты всѣ учрежденія государства, то это преобладаніе перешло бы въ совершенное самовластіе. То же самое замѣчаемъ и въ сферѣ политической: нѣсколько десятковъ лѣтъ вліяніе землевладѣльцевъ съ успѣхомъ противилось отмѣнѣ законовъ о пошлинѣ на иностранный хлѣбъ, неоднократно подвергавшихъ бѣдное населеніе государства гнету страшной дороговизны на всѣ съѣстные припасы. Въ Пруссіи мы находимъ смѣшеніе обоихъ элементовъ: съ одной стороны ландраты, представители уѣздной власти, избираются собраніемъ всѣхъ владѣльцевъ дворянскихъ имѣній, въ которомъ участвуютъ только три депутата сельскихъ общинъ, съ другой стороны не только общины, но и ландраты совершенно подчинены окружнымъ правленіямъ, состоящимъ изъ коронныхъ чиновниковъ, и даже для завѣдыванія мѣстною полиціею въ значительныя общины назначаются чины отъ короны.—Должно желать, чтобы мы, позже всѣхъ народовъ Европы ставшіе на стезю общественнаго развитія, основаннаго на полноправности всѣхъ гражданъ, избѣжали въ равной мѣрѣ всѣхъ означенныхъ недостатковъ и показали примѣръ административной организаціи, вполнѣ обезпечивающей эту полноправность.

„СЕЛЬСКОЕ БЛАГОУСТРОЙСТВО“ № 10-й.

Рекрутская повинность, подати, обезпеченіе народнаго продовольствія и распространеніе грамотности въ крестьянствѣ. Г. Голубцова.

Статья эта касается вопросовъ, которые имѣютъ несомнѣнную важность въ дѣлѣ устройства быта помѣщичьихъ крестьянъ и теперь особенно выдвигаются впередъ, когда главныя основанія этого дѣла (надѣлъ крестьянъ землею за выкупъ или въ постоянное пользованіе, впредь до выкупа, за опредѣленныя повинности) уже, можно сказать, почти рѣшены общественнымъ мнѣніемъ. Вопросы о преобразованіи рекрутской повинности и порядка взиманія податей г. Голубцовымъ только слегка затронуты; точнѣе онъ разбираетъ недостатки нынѣшней системы обезпеченія народнаго продовольствія, которые заключаются, по мнѣнію г. Голубцова, въ томъ, что въ сельскіе запасные магазины хлѣбъ засыпается по числу только душъ ревизскихъ, не считая женщинъ, и что ежегодные взносы хлѣба въ магазинъ прекращаются по достиженіи въ магазинѣ извѣстной пропорціи хлѣба, а именно по одной четверти ржи и по получетверти яроваго на каждую душу. Г. Голубцовъ думаетъ, что правильнаго обезпеченія народнаго продовольствія

можно бы достигнуть установленіемъ постояннаго, ежегоднаго взноса хлѣба въ магазины съ каждой души, или устройствомъ мірской запашки. Съ этимъ трудно вполнѣ согласиться. Если пропорція хлѣба, указанная въ настоящее время, мала (г. Голубцовъ доказываетъ, что ея можетъ быть достаточно, въ случаѣ голода, на прокормленіе крестьянъ лишь въ теченіе трехъ мѣсяцевъ), то можно доказывать необходимость увеличить ее; но изъ этого еще не слѣдуетъ, что нужно отмѣнить всякое указаніе нормальнаго количества хлѣба, какое должно накопиться въ магазинахъ для достиженія предположенной цѣли, а сбирать хлѣбъ постоянно, сколько бы его ни накопилось и хотя бы количество его и превышало уже дѣйствительную надобность. Намъ случилось, года два тому назадъ, лично убѣдиться въ невыгодныхъ послѣдствіяхъ такого порядка. Въ одной губерніи, по какому-то административному недоразумѣнію, сборъ хлѣба въ магазины продолжается ежегодно, хотя въ магазины давно уже засыпано указанное его количество. Что же выходитъ? Крестьяне, не видя конца сбору, не понимая, къ чему ведетъ такое накопленіе хлѣба, когда имъ въ ссуду выдаютъ все-таки не болѣе четверти наличнаго хлѣба, а остальной лежитъ такъ, смотрятъ на взносъ хлѣба, какъ на новую повинность, и стараются подъ всѣми возможными предлогами и всѣми законными и незаконными путями избѣжать исполненія ея. Мѣрные магазины, построенные соотвѣтственно законной пропорціи хлѣба, не могутъ вмѣщать лишняго засыпа, который ссыпается въ амбарахъ, гдѣ повѣрить количество его невозможно; а какъ по магазиннымъ книгамъ весь хлѣбъ, засыпанный какъ въ магазинѣ, такъ и въ амбарахъ, записывается вмѣстѣ, то повѣрить по книгамъ наличное количество хлѣба тоже невозможно. Въ магазинѣ хлѣба мало: вамъ скажутъ, что сверхъ того въ амбарахъ столько-то (а правда это или нѣтъ—неизвѣстно) и что магазинный хлѣбъ розданъ въ ссуду крестьянамъ... Вообще всякое требованіе, основанное на здравыхъ соображеніяхъ и на справедливости, должно быть опредѣленно и ясно; неопредѣленное требованіе всегда представится произвольнымъ.

По нашему мнѣнію, одно изъ главныхъ неудобствъ нынѣшней системы запасныхъ магазиновъ заключается въ затрудненіяхъ и формальностяхъ, съ которыми сопряжено, для крестьянъ, полученіе въ ссуду хлѣба. Тамъ, гдѣ законъ строго соблюдается, гдѣ въ дѣйствительности, а не на бумагѣ только, магазины наполнены указнымъ количествомъ хлѣба (то есть далеко не вездѣ), тамъ, какъ мы лично имѣли случай убѣдиться, крестьяне считаютъ запасный магазинъ неприкосновеннымъ казеннымъ имуществомъ. Ссуды получать изъ него такъ трудно, что независимо отъ такъ называемаго крестьянами *казеннаго* магазина крестьяне сами устраиваютъ свой *общественный* магазинъ, куда засыпаютъ хлѣбъ добровольно, но за то и получаютъ оттуда ссуды безъ всякаго правительственнаго контроля. Это мы видѣли въ нѣсколькихъ оброчныхъ помѣщичьихъ имѣніяхъ, гдѣ крестьяне были ввѣрены собственному своему управленію и дѣлали это безъ всякаго побужденія со стороны помѣщика. Стало быть, крестьяне легко могутъ понять пользу *общественныхъ* запасныхъ магазиновъ, а не любятъ собственно *казенныхъ*.

На это могутъ сказать, что предоставленіе распоряженія хлѣбными запасами крестьянскимъ обществамъ, безъ правительственнаго надзора, не можетъ обезпечить народнаго продовольствія на случай общаго голода, что крестьяне будутъ заботиться объ удовлетвореніи ежегодныхъ своихъ нуждъ, будутъ брать хлѣбъ

весною и засыпать осенью, но не заботятся о составленіи большаго запаса на случай совершеннаго неурожая. Это можетъ быть и справедливо; но тогда лучше всего отдѣлить обезпеченіе народнаго продовольствія въ крайнихъ случаяхъ (что должно составлять предметъ заботливости правительства) отъ обезпеченія ежегодныхъ нуждъ крестьянъ, что можетъ быть вполнѣ предоставлено обществамъ, съ указаніемъ имъ только нѣкоторыхъ правилъ, для устройства сельскихъ магазиновъ, но безъ обремененія крестьянъ, при выдачѣ ссудъ, обязанностью испрашивать разрѣшенія у начальства... На случай же голода могутъ быть устроены правительствомъ, въ извѣстныхъ пунктахъ, особые запасные магазины, которые должны находиться подъ постояннымъ надзоромъ начальства и откуда ссуды должны допускаться лишь во время голода. Съ улучшеніемъ путей сообщенія, общественное продовольствіе можетъ быть значительно обезпечено запасными капиталами, съ помощью которыхъ, при мѣстныхъ неурожаяхъ, можно будетъ выписывать хлѣбъ изъ другихъ губерній.

Г. Голубцовъ вполнѣ сознаетъ необходимость распространенія между крестьянами грамотности. Съ этою цѣлью онъ предлагаетъ вмѣнить въ обязанность каждому сельскому обществу дѣлать ежегодно денежный сборъ, опредѣленный заранѣе мірскимъ приговоромъ и достаточный на устройство сельской школы. На это, по мнѣнію г. Голубцова, потребуется незначительная сумма. Изба, нужная для сельской школы, легко найдется: бумаги и чернилъ потребуется не много; учителя за 25 руб. въ годъ можно найти въ сельскомъ священникѣ или его причтѣ. Многія жены, сестры и дочери помѣщиковъ, какъ полагаетъ г. Голубцовъ, съ готовностью примутъ современемъ на себя обязанности сельскихъ учительницъ. Курсъ обученія будетъ начинаться осенью, послѣ уборки полей, и кончаться великимъ постомъ, потому что весною и лѣтомъ даже дѣти нужны и полезны въ крестьянскомъ хозяйствѣ.

Отвѣты по устройству быта помѣщиковъ и крестьянъ. Г. Шепелева.

Характеръ и направленіе статьи этой будутъ достаточно ясны, если мы приведемъ изъ нея буквально нѣкоторыя мѣста. Буквально мы считаемъ нужнымъ привести ихъ для того, чтобы насъ не заподозрили (какъ то сдѣлалъ разъ г. Протасьевъ по поводу разбора его статьи) въ преувеличеніи несправедливыхъ въ отношеніи къ крестьянамъ предположеній автора-помѣщика; да и въ самомъ дѣлѣ, выраженіе подобныхъ идей въ настоящее время довольно неправдоподобно: le vrai quelquefois n'est pas vraisemblable.

„Теперь наши крестьяне поселены, по большей части, подлѣ помѣщичьихъ усадебъ, что было весьма удобно при крѣпостномъ правѣ; но, поосвобожденіи крестьянъ, близость эта только послужитъ поводомъ къ частымъ непріятнымъ столкновеніямъ и тяжбамъ. Помѣщику должно быть предоставлено право указать крестьянамъ мѣста для ихъ новаго поселенія: а никакъ нельзя при этомъ основываться на обоюдномъ соглашеніи помѣщика и крестьянъ. Конечно, крестьяне пожелаютъ остаться на теперешнихъ своихъ мѣстахъ, ибо помѣщики, для поселенія крестьянъ, своихъ крѣпостныхъ, а не свободныхъ, избирали лучшія мѣста въ своихъ дачахъ; но помѣщики не могутъ согласиться уступить эти мѣста свободнымъ крестьянамъ и перейти съ своими, часто многоцѣнными, усадьбами въ мѣста, не столь удобныя. Можно положить за правило, чтобы помѣщикъ назначилъ для новаго поселенія крестьянъ два или три мѣста, изъ которыхъ крестьянамъ предоставить право выбора“.

„Перенесеніе крестьянскихъ усадебъ вообще должно совершиться на счетъ самихъ крестьянъ, коимъ помѣщики даруютъ свободу".

„Собственно осѣдлость крестьянскую въ нашихъ мѣстахъ составляютъ не болѣе 200 кв. саж. на душу; но кромѣ того крестьянину нужно имѣть выгонъ и полезно имѣть хотя небольшую полевую запашку. Для всего этого, въ нашихъ мѣстностяхъ, достаточно одной десятины на ревизскую душу, больше чего помѣщики удѣлить и не могутъ. Такое количество земли обезпечитъ крестьянское продовольствіе и выполненіе обязанностей предъ правительствомъ".

„Половина крестьянъ можетъ уходить для заработковъ въ дальнія мѣстности, а другая половина будетъ наниматься въ батраки у ближайшихъ помѣщиковъ. Такимъ способомъ они пріобрѣтутъ для своихъ домовъ до 1,400 р. въ годъ. 40 тягловыхъ работницъ, въ нашихъ мѣстностяхъ, нанимаясь жать и вязать хлѣбъ, какъ это и теперь дѣлается, выработаютъ болѣе 100 четвертей ржи; ихъ поля и огороды легко обработаются затяглыми".

Короче сказать,—г. Шепелевъ предлагаетъ сдѣлать изъ крестьянъ-земледѣльцевъ не землевладѣльцевъ, а батраковъ. Хорошее улучшеніе быта! И какая польза крестьянамъ въ ихъ усадьбахъ и огородахъ, если цѣлая половина ихъ, для снискиванія себѣ пропитанія, должна, по отзыву самого автора, уходить ежегодно въ дальнія мѣста? Ужъ тогда лучше бы не навязывать имъ и усадебъ; тогда эта половина крестьянъ совсѣмъ переселилась бы въ тѣ дальнія мѣста и пріобрѣла бы тамъ осѣдлость на болѣе выгодныхъ условіяхъ. Понятно еще, что можно говорить о надѣленіи однѣми усадьбами батраковъ тамъ, гдѣ они теперь есть (напр. въ тѣхъ уѣздахъ Витебской губерніи, гдѣ землею пользуются не всѣ крестьяне, а только хозяева, или фермеры, обработывающіе свои 20-десятинные участки съ помощью батраковъ); но рѣшиться предлагать образованіе батрачества тамъ, гдѣ его не было, отнятіе у крестьянъ той земли, которою они пользовались и которую они орошали своимъ потомъ не одно столѣтіе, и присоединеніе земли этой къ господскимъ полямъ, для образованія какихъ-то огромныхъ плантацій—это ужъ что-то слишкомъ странно! А что, если помѣщику вздумается запустить часть этихъ плантацій подъ лѣсъ: куда дѣнутся тогда крестьяне съ своимъ трудомъ и съ своими дорого выкупленными усадьбами? При фермерномъ хозяйствѣ, батраку перейти отъ одного фермера къ сосѣднему не далеко, да и фермеръ, обязанный платить ренту, не можетъ сократить своего хозяйства. А помѣщику, имѣющему 20,000 десятинъ земли, не трудно отдѣлить изъ нихъ подъ лѣсъ хоть 300 и оставить безъ работы соотвѣтственное число крестьянъ, которымъ придется или бросить усадьбы, или ходить далеко на заработки, разлучаясь безпрестанно съ семьею. А г. Шепелевъ остается своимъ предположеніемъ совершенно доволенъ и говоритъ еще, что помѣщики приносятъ великую жертву, освобождая личность крестьянъ. Хороша жертва! Всякому извѣстно, что свободный и голодный ирландецъ работаетъ лучше и стоитъ дешевле, чѣмъ негръ, работающій изъ подъ палки.

Странно было намъ увидѣть подобную статью въ „Сельскомъ Благоустройствѣ". Впрочемъ издатель помѣстилъ ее съ оговоркою, что онъ вполнѣ не согласенъ съ авторомъ.

Соображенія по улучшенію быта крестьянъ. Г. Еремѣева.

Въ небольшой статьѣ этой авторъ весьма основательно доказываетъ, что въ Кіевской губерніи уменьшеніе существующаго надѣла крестьянъ землею не только

будетъ разорительно для крестьянъ, но и для всѣхъ другихъ сословій. Далѣе г. Еремѣевъ представляетъ оцѣнку рабочихъ дней и дѣлаетъ нѣкоторыя, къ сожалѣнію невполнѣ развитыя, предположенія о превращеніи натуральныхъ повинностей въ денежныя.

О поземельномъ кредитѣ въ царствѣ Польскомъ. Главы II и III.

Первая глава статьи этой, излагающая сущность и значеніе гипотечныхъ постановленій, дѣйствующихъ въ царствѣ Польскомъ, была помѣщена въ 9 № „Сельскаго Благоустройства“ и разобрана нами въ ноябрьской книжкѣ „Современника“ прошлаго года. Во второй и третьей главахъ изложены довольно подробно правила о производствѣ обезпеченій по гипотечной системѣ и о порядкѣ, по которому удовлетворяютъ права, обезпеченныя гипотекою.

„СЕЛЬСКОЕ БЛАГОУСТРОЙСТВО“ № 11.

Предположеніе объ устройствѣ быта крестьянъ. Н. П.

Въ примѣчаніи къ этой статьѣ издатель „Сельскаго Благоустройства“ объясняетъ, что подъ буквали Н. П. скрывается имя опытнаго хозяина, извѣстнаго своими многосторонними свѣдѣніями.

Разсказавши, въ началѣ статьи, неудавшуюся ему попытку перевести крестьянъ своихъ съ поденной барщины на круговое обязательство всего міра обработать въ его пользу извѣстное пространство земли, г. опытный хозяинъ Н. П. излагаетъ слѣдующія предположенія.

За выкупъ усадебъ онъ полагаетъ назначить съ тягла по 105 р. сер.; потому для выкупа усадебъ въ теченіе переходнаго двѣнадцатилѣтняго срока, крестьянамъ пришлось бы уплачивать ежегодно по 7 руб. 75 коп. съ тягла; а какъ такая уплата была бы для нихъ слишкомъ обременительна, то авторъ предлагаетъ предоставить усадьбы крестьянамъ въ постоянное пользованіе, пока они будутъ оставаться въ составѣ общества, съ уплатою за то по 2 руб. въ годъ; сверхъ того взимать съ каждаго двора по 2 руб. страховой преміи; деньги эти вносить въ уѣздное казначейство, которое, обращаясь такимъ образомъ въ страховое отъ огня общество, обязано было бы выдавать по 100 руб. на каждый сгорѣвшій дворъ. Крестьянъ надѣлить землею въ пользованіе въ количествѣ двухъ десятинъ на ревизскую душу въ многоземельныхъ имѣніяхъ, $1^1/_2$ десят. въ среднеземельныхъ и 1 десят. въ малоземельныхъ. Этотъ нормальный надѣлъ назначить въ тѣхъ видахъ, чтобы крестьяне имѣли право пріобрѣсти его въ полную собственность, когда правительство сочтетъ возможнымъ совершить выкупъ земли; на переходное же время оставить въ пользованіи крестьянъ всю ту землю, какою они владѣли до настоящаго времени. Землю раздѣлить по числу наличныхъ тяголъ, съ оставленіемъ нѣсколькихъ запасныхъ тягольныхъ участковъ для прибылыхъ душъ.

Всѣ казенныя, денежныя и натуральныя повинности распредѣлить не по душамъ, а по поземельнымъ участкамъ, кромѣ рекрутской повинности, которая должна лежать на крестьянахъ и дворовыхъ людяхъ и исполняться по очередному порядку, по каждому селенію особо. Для уравненія между семействами тягости

рекрутскаго набора, которая вся ложится на тѣ семьи, гдѣ есть рослые и здоровые мужики, и не касается тѣхъ, гдѣ члены семейства имѣютъ какіе-либо тѣлесные недостатки, авторъ предлагаетъ: при объявленіи набора взимать со всѣхъ тяголъ денежный сборъ на сумму, которая составила бы по 300 руб. сер. на каждаго слѣдующаго съ общества рекрута. Изъ этой суммы производить всѣ расходы при сдачѣ рекрутъ; затѣмъ четвертую часть суммы вручать отданнымъ въ военную службу, а остальное ихъ семействамъ.

При надѣлѣ земли по 7 десятинъ на тягло, требовать съ крестьянъ барщину по три дня въ недѣлю, т. е. по 140 дней въ году, или оброкъ въ 30 руб. сер.; при меньшемъ же надѣлѣ соотвѣтственно уменьшать повинности. Работы отправлять по урочному положенію и обезпечить исправное выполненіе повинностей круговою порукою міра. Дворовымъ выдавать, во время обязательной службы ихъ, сверхъ пищи и одежды, жалованье по состоянію и быту ихъ; срокъ обязательной службы дворовыхъ ограничить 60-ти-лѣтнимъ возрастомъ; но новорожденныхъ послѣ IX ревизіи считать уже свободными; если же помѣщикъ приметъ на себя попеченіе о нихъ въ малолѣтствѣ, то они должны прослужить ему отъ 5 до 6 лѣтъ по обоюдному согласію.

Мірское полицейское управленіе составить изъ старосты съ помощникомъ. Распредѣленіе повинностей и разрѣшеніе разныхъ хозяйственныхъ вопросовъ, касающихся общества, производить на мірскихъ сходкахъ. Для разбора жалобъ и проступковъ крестьянъ учредить мірской судъ изъ старосты и двухъ выборныхъ. Полицейскую власть, начальство надъ обществомъ и право утвержденія мірскихъ приговоровъ предоставить помѣщику.

Вполнѣ признавая, что статья эта изобличаетъ въ авторѣ опытнаго хозяина и помѣщика, мы не можемъ не замѣтить, что онъ весьма справедливо и основательно назвалъ свою статью предположеніями *объ устройствѣ* быта крестьянъ, а не вздумалъ, какъ нѣкоторые другіе помѣщики, называть статьи подобнаго содержанія предположеніями объ *улучшеніи* быта крестьянъ. Гдѣ же тутъ въ самомъ дѣлѣ улучшеніе? Прежде крестьяне пользовались усадьбами даромъ; г. Н. П. предлагаетъ имъ платить за пользованіе усадьбами по 2 р. въ годъ. Прежде крестьяне работали по три дня въ недѣлю безъ уроковъ и круговой поруки; по предложеніямъ г. Н. П. они должны впредь работать тѣ же три дня, но по урокамъ и съ круговою порукою, что будетъ стоить добрыхъ четырехъ дней. Дворовые остаются на обязательной службѣ до 60 лѣтъ, а освобождаются отъ нея только родившіеся послѣ 9-й ревизіи. Г. Н. П. забываетъ, что по истеченіи 12-лѣтняго срока всѣ дворовые и недостигшіе 60-лѣтняго возраста освободятся, по волѣ правительства, отъ обязательной службы; немедленное же освобожденіе рожденныхъ послѣ IX ревизіи составляло бы только освобожденіе помѣщиковъ отъ обязанности призрѣвать малолѣтнихъ, потому что къ концу переходнаго срока едва ли кто изъ дворовыхъ, рожденныхъ послѣ IX ревизіи, т. е. послѣ 1851 года, успѣетъ достигнуть совершеннолѣтія.

О крестьянскомъ поземельномъ надѣлѣ. Г. Троцины.

Болѣе, нежели самая статья эта, заслуживаетъ вниманіе напечатанное, въ выноскѣ къ ней, письмо, при которомъ статья доставлена къ издателю „Сельскаго Благоустройства“.

Приводимъ небольшую выписку изъ этого письма, гдѣ весьма мѣтко очерчены тѣ побужденія, подъ вліяніемъ которыхъ составляются помѣщиками предположенія о возможно меньшемъ надѣлѣ крестьянъ землею:

„Въ прежнее время, надѣляя крестьянина средствами къ жизни, въ видѣ ли земли или чего иного, мы не принимали строго въ разсчетъ ни труда крестьянина, ни его услугъ: собственныя наши соображенія были мѣриломъ въ этихъ случаяхъ; назначалось такому-то столько, такому-то столько; большею частью было общее убѣжденіе, что крестьянину нужно очень мало, и если, вслѣдствіе недостаточнаго обезпеченія, крестьянинъ вынужденъ бывалъ обращаться къ помѣщику съ просьбой о пособіи, то мы смотрѣли на оказываемую ему помощь, не какъ на свою обязанность въ отношеніи къ нему, а какъ на актъ великодушія. Обязанностей своихъ къ крестьянину помѣщикъ не признавалъ почти никакихъ, развѣ какихъ-то общихъ, въ которыхъ не отказывается и всякому постороннему человѣку. Отъ этой-то старой привычки смотрѣть на крестьянина, какъ на обязываемаго нами, а не какъ на имѣющаго права, мы и теперь не можемъ вполнѣ освободиться. При рѣшеніи многихъ вопросовъ объ улучшеніи быта крестьянъ, мы все еще отчасти дѣйствуемъ подъ вліяніемъ прежнихъ взглядовъ и убѣжденій. Напримѣръ, при опредѣленіи количества земли, которымъ крестьяне должны быть надѣлены, мы прежде всего разсчитываемъ, довольно ли ея останется у насъ. Съ этимъ бы еще можно согласиться: естественно, что собственный интересъ ближе всего; но бѣда въ томъ, что насъ трудно удовольствовать: намъ все кажется, что сколько ни удѣляй себѣ, для крестьянъ останется слишкомъ много: не легко успокоить насъ въ этомъ опасеніи: правда, до сего времени мы предоставляли крестьянамъ гораздо болѣе земли, чѣмъ сколько теперь мы хотимъ имъ дать, но тогда крестьяне были наши, говоримъ мы, а теперь не то. Основываясь на какомъ-то внутреннемъ чувствѣ, котораго я не умѣю назвать, большинство склоняется въ пользу самаго ограниченнаго надѣла. Такому соглашенію много помогаетъ недостатокъ сознанія,—каковы тѣ нужды крестьянина, которыя должны быть обезпечены землею. Многіе даже хорошо расположенные къ вопросу люди опасаются, что крестьяне при достаточномъ количествѣ земли, удовлетворясь ею, не будутъ имѣть побужденія къ заработкамъ, отчего мы лишимся рабочихъ; такъ, всѣ соглашаются въ томъ, что обязательной работы будетъ недостаточно. Посреди такого-то довольно распространеннаго расположенія къ надѣлу, по моему мнѣнію, недостаточному, я написалъ прилагаемую статью“.

Въ началѣ своей статьи, г. Троцина доказываетъ, что улучшенія быта крестьянъ должно стараться достигнуть: во 1-хъ, надѣленіемъ крестьянъ землею въ количествѣ, достаточно ихъ обезпечивающемъ; во 2-хъ, установленіемъ правильной соразмѣрности между трудомъ крестьянъ и предоставляемымъ имъ за него вознагражденіемъ, и въ 3-хъ, предоставленіемъ имъ болѣе свободнаго времени для собственныхъ работъ.

Послѣ всего этого можно было ожидать отъ автора безобидныхъ для крестьянъ предположеній о размѣрѣ поземельнаго надѣла. Между тѣмъ,—выводя подробными вычисленіями, что $1^3/_4$ десятины на душу едва ли будетъ достаточно для полнаго прокормленія крестьянина и обезпеченія его обязанностей передъ правительствомъ, и что такой размѣръ надѣла можетъ быть принятъ лишь за minimum,—авторъ приходитъ къ заключенію, что надѣлъ въ 2 десят. на душу можетъ быть принятъ за норму и будетъ совершенно достаточенъ. Но неужели такая слабая прибавка къ наименьшему, *едва ли достаточному*, надѣлу можетъ привести къ общей, вездѣ достаточной нормѣ надѣла? Для опредѣленія размѣра надѣла мало общихъ теоретическихъ вычисленій, надо принять въ разсчетъ и существующій надѣлъ. Если оставить при прежнетъ надѣлѣ крестьянъ, у которыхъ было по 5 десятинъ на тягло, то они конечно будутъ въ относительно

лучшемъ положеніи, нежели тѣ, у которыхъ прежде было 10 десятинъ и у которыхъ отняли бы половину. Большій размѣръ надѣла рѣдко происходитъ безъ основанія, по одному произволу помѣщика. Въ многоземельныхъ имѣніяхъ земля вообще хуже; притомъ, такъ какъ ее слишкомъ много, то на всю не хватаетъ навоза. Скоро ли многоземельные крестьяне, у которыхъ бы отняли часть ихъ земли, успѣли бы довести свои поля до той степени плодородія, до какой по необходимости доведены поля у малоземельныхъ крестьянъ; а покуда — чѣмъ стали бы питаться лишенные части своихъ угодій крестьяне? Уменьшать существующій надѣлъ можно только въ крайнихъ случаяхъ, т. е. тогда, когда въ пользованіи крестьянъ числилось болѣе земли, нежели они дѣйствительно могли обработать. Это правило принято было правительствомъ при составленіи инвентарныхъ правилъ; напримѣръ, въ инвентарныхъ правилахъ, введенныхъ въ Витебской губерніи (въ пунктѣ 5 отдѣла I) сказано, что если крестьяне имѣли, при введеніи правилъ, земли менѣе $4^3/_4$ десят. на тягло, то имъ долженъ быть дополненъ надѣлъ до этого количества (вотъ справедливое значеніе наименьшаго надѣла, который, по выводамъ г. Троцины, можно опредѣлить для Полтавской губерніи въ 2 десят. на душу); если же крестьяне имѣли отъ $4^3/_4$ до 9 десятинъ на тягло, то надѣлъ остается прежній; излишнее же количество земли, противъ 9 десятинъ на тягло, помѣщикъ можетъ или отдѣлить себѣ, или оставить въ пользованіи крестьянъ по добровольному съ ними условію.

Если бы примѣнить подобныя правила къ Полтавской губерніи и принять за наименьшій надѣлъ по 2 десят. на душу, то высшимъ нормальнымъ надѣломъ слѣдовало бы назначить по крайней мѣрѣ $4^1/_2$ десят. на душу, т. е. норму, принятую въ извѣстныхъ случаяхъ существующими законами..

О цѣнности крестьянскихъ усадебъ, г. Раковича

Въ этой небольшой статьѣ авторъ доказываетъ, что крестьянскія усадьбы de facto и по обычаю всегда почитались собственностью крестьянина, что онѣ помѣщику прежде никакого дохода не приносили и въ цѣну не ставились, а что если „уже непремѣнно надобно положить цѣну пріобрѣтенію этой мнимой собственности“,—то нельзя цѣнить десятину усадебной земли дороже, чѣмъ вдвое противъ полевой.

Упраздненіе крестьянскаго права и устройство отношеній между помѣщиками и крестьянами въ Пруссіи. Ю. Ѳ. Самарина. Статья IV.

Первыя три статьи замѣчательнаго сочиненія г. Самарина о крѣпостномъ правѣ и поземельныхъ отношеніяхъ въ Пруссіи помѣщены были въ 1, 2 и 4 №№ „Сельскаго Благоустройства“ за 1858 годъ. Мы довольно пространно говорили уже, въ прошлогодней іюльской книжкѣ „Современника“, объ этихъ статьяхъ, гдѣ такъ живо и вѣрно представлены были мѣры, принятыя Штейномъ къ установленію между помѣщиками и крестьянами правильныхъ и справедливыхъ отношеній.

Въ настоящей, не менѣе занимательной и поучительной статьѣ, г. Самаринъ говоритъ о мѣрахъ, принятыхъ въ Пруссіи, по крестьянскому дѣлу, въ позднѣйшее время.

Любопытно прослѣдить, какъ законодательство о поземельныхъ отношеніяхъ помѣщиковъ и крестьянъ въ Пруссіи, безпрестанно дополняемое и измѣняемое послѣ 1814 года, подъ вліяніемъ измѣнившагося политическаго направленія и болѣе успѣшной оппозиціи дворянъ, постепенно усложнялось и запутывалось, и вмѣсто того, чтобы привести, посредствомъ правильнаго выкупа крестьянскихъ повинностей, къ удовлетворительному для обѣихъ сторонъ разрѣшенію вопроса, къ устраненію, для общей пользы, всѣхъ обвѣтшалыхъ остатковъ феодальныхъ преимуществъ, стѣснявшихъ и раздражавшихъ крестьянъ, не принося помѣщикамъ соотвѣтственной выгоды,—послужило однимъ изъ главныхъ поводовъ къ смутамъ 1848 года. Вслѣдствіе этихъ смутъ, 20-го апрѣля 1848 г. обнародованъ манифестъ къ поселянамъ, которымъ правительство принимало на себя обязательство, въ самомъ непродолжительномъ времени, пересмотрѣть законы объ отношеніяхъ крестьянъ къ помѣщикамъ, съ цѣлью ускорить и удешевить упраздненіе повинностей. Опасность была такъ очевидна, что тѣ самые помѣщики, которые прежде всѣхъ успѣшнѣе противодѣйствовали мѣрамъ правительства, теперь сами просили порѣшить вопросъ о повинностяхъ и удовлетворить крестьянъ.

Въ государственной конституціи, обнародованной въ 1850 году, объявлено крестьянамъ право неограниченнаго распоряженія недвижимою собственностью и выкупа повинностей, безвозмездное управленіе вотчинной юрисдикціи и полицейской расправы, а также и сохраненныхъ нѣкоторыми владѣльцами вотчинныхъ правъ, основанныхъ на феодальной подчиненности имъ сельскихъ обывателей. 2-го марта 1850 года утверждено, замѣнявшее собою всѣ прежнія постановленія, новое положеніе: вмѣстѣ съ тѣмъ указана финансовая операція, для окончательнаго освобожденія крестьянъ отъ личной зависимости и предоставленія имъ полной поземельной собственности, посредствомъ выкупа поземельныхъ повинностей, лежавшихъ на владѣемыхъ ими участкахъ. Съ этою цѣлью учреждены въ каждой провинціи, за исключеніемъ лѣваго берега Рейна, *рентные банки*.

„СЕЛЬСКОЕ БЛАГОУСТРОЙСТВО“ № 12.

Мысли о крестьянскомъ дѣлѣ, г. Ладыженскаго.

Въ статьѣ этой авторъ излагаетъ весьма дѣльныя мысли и соображенія о томъ, что для обезпеченія благосостоянія крестьянъ необходимо:

1) По возможности сократить переходное время, для скорѣйшаго освобожденія труда и личности крестьянина отъ зависимости помѣщика и дозволенія крестьянамъ свободно выбирать мѣста и занятія для своего труда, не стѣсняя ихъ, при переходахъ, излишними формальностями.

2) Соразмѣрить повинности крестьянъ съ предоставленными имъ въ пользованіе угодьями; при чемъ уравнять барщинныя работы съ оброкомъ, а не оброкъ съ работами, потому что трехъ-дневная барщина и сгоны, произвольно прежде налагаемые, не могутъ служить мѣриломъ для оброка, иначе настоящій оброкъ долженъ вдвое увеличиться, а это не покажется улучшеніемъ для крестьянъ.

3) Надѣлить крестьянамъ всей земли не менѣе $4^1/_2$ десятинъ на душу, предоставивъ имъ, по собственному усмотрѣнію, принять эту землю въ общинное пользованіе или раздѣлить ее по участкамъ въ личное пользованіе отдѣльныхъ семействъ.

4) Обезпечить крестьянъ противъ притѣсненія и несправедливостей властей, назначенныхъ для ихъ управленія.

5) Принять мѣры для распространенія между крестьянами грамотности.

Баронъ Шульцъ фонъ Амерадент и докторъ Меркель, г. Самарина.

Начало этой статьи, гдѣ описана замѣчательная и заслуживающая полнаго уваженія дѣятельность барона Шульца по вопросу объ освобожденіи крестьянъ въ Лифляндіи, помѣщено въ 5 № „Сельскаго Благоустройства". Мы уже говорили о статьѣ этой въ библіографіи, помѣщенной въ 10 № „Современника" за прошлый годъ. Во второй части своей статьи, г. Самаринъ говорилъ о докторѣ Меркелѣ, который своими сочиненіями много содѣйствовалъ развитію въ Лифляндіи мысли объ уничтоженіи крѣпостнаго права. Будучи сыномъ сельскаго пастора, Меркель съ дѣтства насмотрѣлся на возмутительные примѣры злоупотребленій помѣщичьей власти. Накипѣвшее въ немъ справедливое негодованіе отразилось въ его сочиненіяхъ. Сперва онъ выражалъ свое сочувствіе крестьянамъ стихотвореніями. Но вскорѣ онъ почувствовалъ необходимость серьёзно заняться вопросомъ объ освобожденіи крестьянъ; изучивъ на мѣстѣ бытъ несчастныхъ латышей, онъ отправился въ Германію и тамъ напечаталъ замѣчательное сочиненіе, въ которомъ ярко выставилъ вредное вліяніе и жалкія послѣдствія крѣпостной зависимости, и въ то же время разобралъ постановленіе лифляндскаго ландтага 1765 года, указавшаго только полумѣры, которыя не въ состояніи были обезпечить благосостояніе крестьянъ. Сочиненіе это произвело глубокое впечатлѣніе въ Германіи, подѣйствовало на многихъ находившихся тамъ молодыхъ лифляндцевъ и подготовило будущихъ дѣятелей для предстоящей реформы. Въ самой же Лифляндіи оно, разумѣется, было принято дворянствомъ очень неблагосклонно. Но сѣмена здравыхъ идей были все-таки посѣяны и принесли, со временемъ, свой плодъ. Этимъ и послѣдующими сочиненіями докторъ Меркель возбудилъ въ литературѣ живое участіе къ вопросу объ уничтоженіи крѣпостнаго права; въ этомъ отношеніи докторъ Меркель своими литературными трудами не менѣе содѣйствовалъ освобожденію крестьянъ, чѣмъ баронъ Шульцъ, который дѣйствовалъ своими рѣчами на дворянскихъ ландтагахъ и собственнымъ примѣромъ.

УСТРОЙСТВО БЫТА ПОМѢЩИЧЬИХЪ КРЕСТЬЯНЪ.

№ XI.

МАТЕРІАЛЫ ДЛЯ РѢШЕНІЯ КРЕСТЬЯНСКАГО ВОПРОСА.

Очеркъ исторіи крестьянскаго вопроса въ прошедшемъ году.—Національное чувство, явившееся основаніемъ для рѣшенія этого дѣла.—Пересмотръ главныхъ вопросовъ по крестьянскому дѣлу.

Почти всегда въ исторіи бывало, что дѣло при своемъ осуществленіи обнаруживало такія стороны, которыхъ не замѣчалось въ немъ прежде, когда только начинали браться за его осуществленіе. Иногда возникаютъ затрудненія, которыхъ не предусматривали; иногда открывается, что вопросъ въ дѣйствительности гораздо шире, нежели какъ представлялся въ теоріи; иногда оказывается, что люди, которыхъ онъ касается, думаютъ о своихъ правахъ и потребностяхъ не совсѣмъ такъ, какъ предполагалось теоріею. Результатомъ, во всякомъ случаѣ, бываетъ то, что дѣло исполняется не совершенно по тому плану, по какому предполагалось исполнить его.

Когда у насъ думали, какъ приступить къ освобожденію крестьянъ, большинству разсуждавшихъ представлялось, что главная сторона дѣла состоитъ именно въ освобожденіи личности. Правда, многіе и тогда уже предвидѣли, что очень большую важность имѣетъ также вопросъ о землѣ. Но почти никто не предугадывалъ, какой рѣшительный оборотъ всему дѣлу дастъ на практикѣ связь личности съ землею.

До послѣдней минуты предполагалось, что помѣщики наши въ своей массѣ представляютъ сословіе, мало развитое, мало способное къ обсужденію государственныхъ вопросовъ. Когда созывались губернскіе комитеты, почти всѣ мы, и въ томъ числѣ сами помѣщики, полагали, что совѣщанія комитетовъ будутъ имѣть ребяческій характеръ.

Появились Высочайшіе рескрипты. Давно уже носился въ массахъ глухой говоръ о приближеніи такого рѣшенія. Тревожное ожиданіе было возбуждено до чрезвычайной степени. Наконецъ, дѣло началось. Оно заняло націю въ такой степени, что все остальное перестало обращать на себя вниманіе. Какъ же держатъ себя мужики, волненія между которыми опасались? Они держатъ себя такъ спокойно, какъ никогда еще не держали. Вотъ уже два года ждутъ они такъ терпѣливо, такъ благоразумно, что дай Богъ самымъ образованнымъ людямъ съ

самыми мягкими нравами выказать столько разсудительности и терпѣливости. Число безпокойствъ и преступленій, возникающихъ изъ крѣпостнаго права, въ послѣдніе два года было несравненно меньше, нежели въ предшествовавшіе годы.

Собрались губернскіе комитеты, въ которыхъ всѣ ожидали увидѣть неспособность, невѣжество, безтолковость. Но безтолковости нигдѣ нѣтъ и слѣда; совѣщанія ведутся правильно, основательно. Въ провинціальныхъ захолустьяхъ нашлось множество людей чрезвычайно образованныхъ, привыкшихъ думать, хорошо приготовленныхъ къ обсужденію задачъ, имъ предложенныхъ. Въ каждомъ комитетѣ явилось нѣсколько человѣкъ чрезвычайно замѣчательныхъ по уму и таланту.

Благодаря губернскимъ комитетамъ, крестьянское дѣло получило направленіе гораздо лучшее, нежели какого можно было ожидать прежде, чѣмъ обнаружилось ихъ вліяніе.

Вопросъ о личности былъ отдѣленъ отъ вопроса о землѣ. Землю должна была замѣнить усадьба. Даже и это опредѣленіе возбудило сильный ропотъ, такъ что подвергалось ослабленію. Начались софистическія истолкованія, по которымъ было открыто, что усадьба — только строеніе безъ земли, къ нему принадлежащей. Ободренные этимъ успѣхомъ, софисты пошли далѣе и начали перетолковывать правила о выкупѣ усадебъ даже въ этомъ урѣзанномъ видѣ. Было открыто, что подъ выкупомъ понимается не необходимость выкупа, а только разрѣшеніе согласиться на него. Для этого согласія были придуманы условія, при которыхъ согласіе оказывалось невозможнымъ въ большей части случаевъ. Отдѣленная отъ земли личность отдѣлилась даже и отъ усадьбы. Все это говорилось подъ предлогомъ выгоды помѣщиковъ.

Когда нашлись граждане, забывшіе о личномъ спокойствіи для охраненія государственнаго спокойствія, когда они сказали, что дѣло получаетъ неправильное истолкованіе, они подвергались преслѣдованію, будто противники намѣреній правительства. Просвѣщенными людьми овладѣло уныніе.

Но вотъ собрались комитеты. Они составились изъ людей, жившихъ по деревнямъ, знавшихъ русскій народъ не по наслышкѣ, знавшихъ національныя чувства. Они нашли, что отдѣлить личность отъ земли—дѣло невозможное; они показали своимъ свидѣтельствомъ, что производить такое раздѣленіе подъ предлогомъ сохраненія выгоды помѣщиковъ значитъ жестоко обманываться. Они поняли и доказали, что подобная попытка была бы гибельна для помѣщиковъ. Они, выборные отъ сословія помѣщиковъ, объявили, что помѣщики не хотятъ отдѣленія личности отъ земли и не могутъ хотѣть этого, потому что, иначе, вредя народу, они сами подвергались бы опасности.

Такимъ образомъ, вліяніе губернскихъ комитетовъ на ходъ крестьянскаго вопроса оказалось очень полезнымъ. Но, отдавъ имъ должную справедливость, нельзя намъ скрывать отъ себя и того, что комитеты не сдѣлали и не могли сдѣлать всего, что нужно для успѣшнаго рѣшенія этой задачи. Одною изъ причинъ такой недостаточности надобно считать обстоятельства, при которыхъ были созваны комитеты. Вопросъ тогда представлялся еще очень смутно и, по своимъ программамъ, губернскіе комитеты не могли разсматривать нѣкоторыхъ важнѣйшихъ сторонъ его въ той широтѣ, какая должна принадлежать имъ. Еще важнѣе

было вліяніе самаго состава комитетовъ: они были представителями исключительно только одной стороны, интересовъ которыхъ касается крестьянскій вопросъ. Было бы напрасно доказывать, что для удовлетворительнаго рѣшенія надобно ближе узнать мысли и интересы другой стороны, именно самихъ поселянъ. Польза, принесенная дѣлу приглашеніемъ помѣщиковъ къ участію въ веденіи вопроса, должна служить доказательствомъ того, что было бы очень полезно выслушать и мнѣнія поселянъ, которыхъ предполагается освободить отъ крѣпостной зависимости. Въ статьяхъ, рядъ которыхъ мы теперь начинаемъ, мы хотимъ самымъ умѣреннымъ и спокойнымъ образомъ обозначить, какое рѣшеніе вопроса могло бы, хотя до нѣкоторой степени, соотвѣтствовать идеямъ, съ незапамятныхъ временъ существующимъ въ поселянахъ.

Отлагая до слѣдующаго раза вопросы объ административномъ устройствѣ и о государственныхъ повинностяхъ, мы теперь будемъ говорить только о той части экономической стороны дѣла, которая касается отношеній освобождаемыхъ крестьянъ къ частнымъ владѣльцамъ. Въ этой части дѣла важнѣйшими задачами должны считаться слѣдующія:

1) Неразрывная связь усадьбы съ землею и съ личностью, слава Богу, уже рѣшена. Но очень многіе говорятъ, что, при раздѣленіи крестьянской земли отъ господской, нынѣшнее положеніе крестьянскихъ усадебъ въ большей части случаевъ окажется неудобнымъ для помѣщиковъ. Что-жь тутъ дѣлать? Очень многіе говорятъ: надобно перенести крестьянскія усадьбы на новыя мѣста.

2) Неотъемлемая принадлежность земли къ личности, слава Богу, рѣшена. Но каковъ долженъ быть надѣлъ, это еще не рѣшено.

3) Что помѣщики должны получить вознагражденіе, этого никто изъ образованныхъ людей не отвергаетъ. Но на какомъ основаніи долженъ производиться разсчетъ вознагражденія?

4) Долженъ ли выкупъ земли быть совершенъ немедленно и быть объявленъ обязательнымъ или можетъ быть отложенъ до будущаго времени и предоставленъ добровольному соглашенію?

5) Какимъ способомъ можетъ быть производима уплата вознагражденія— исключительно деньгами или также и обязательнымъ трудомъ?

1) Можно ли поставить принудительнымъ правиломъ перенесеніе усадебъ.

Извѣстна чрезвычайная привязанность крестьянъ къ мѣстамъ своихъ жилищъ. Сами помѣщики знаютъ, что принуждать крестьянъ къ переселенію значило бы итти противъ ихъ чувствъ. По закону, принужденное переселеніе составляетъ одинъ изъ видовъ наказанія за уголовныя преступленія: возможно ли подвергать такой судьбѣ милліоны людей по произволу? Переселеніе само по себѣ, хотя бы и добровольное, соединено съ разрушеніемъ всего хозяйственнаго обзаведенія переселяющихся. Нѣтъ такихъ пособій, которыя были бы достаточны для покрытія убытковъ переселенія, когда оно должно совершаться огромными массами. Ни у помѣщиковъ, ни у правительства не достанетъ средствъ на вознагражденіе крестьянъ за потерю времени и имущества при переселеніи. Притомъ, для многихъ эгоистовъ принужденное переселеніе послужило бы поводомъ къ пріобрѣтенію при-

тѣснительныхъ выгодъ. Переселяющимся крестьянамъ были бы отведены поселенія въ мѣстахъ неудобныхъ, на участкахъ самыхъ дурныхъ; вмѣсто удобренной земли, занимаемой усадьбами, крестьяне получили бы песокъ, солончакъ, болота. Мы уже слышали предположенія о постройкѣ деревень на такихъ мѣстахъ, гдѣ даже нѣтъ текучей воды. Два переселенія равняются пожару, по народной поговоркѣ. Принужденное переселеніе было бы раззореніемъ для крестьянъ, было бы нарушеніемъ гражданскаго права, возмутило бы самыя завѣтныя привязанности человѣка: привязанность къ родовому жилищу и къ мѣсту, гдѣ схоронены отцы.

Каковы были бы слѣдствія такого факта? Раззореніе крестьянъ отняло бы у нихъ возможность исправно выплачивать выкупъ. Нанеся громадные убытки крестьянамъ, истративъ огромныя суммы на вспоможенія имъ (впрочемъ, далеко недостаточныя для покрытія ихъ убытковъ), помѣщики сами отняли бы у себя возможность получить вознагражденіе. Пробудивъ противъ себя вражду въ окружающей ихъ массѣ, помѣщики надолго подорвали бы возможность мирныхъ отношеній своихъ къ поселянамъ. Надобно ли говорить о степени пріятности и безопасности, и даже выгодности житейскихъ дѣлъ человѣка, который одинъ остался бы среди сотенъ и тысячъ недовольныхъ имъ людей?

Принужденное перенесеніе усадебъ было бы очень плохимъ разсчетомъ со стороны помѣщиковъ.

Говорятъ о неудобствахъ черезполосности, о неудобствахъ имѣть свой домъ среди чужихъ участковъ. Но если терпѣли черезполосицу въ теченіе сотенъ лѣтъ, можно потерпѣть ее два-три года, пока она, сама собою, вслѣдствіе частныхъ добровольныхъ соглашеній, уничтожится тамъ, гдѣ будетъ представлять дѣйствительное неудобство.

Говорятъ: „до сихъ поръ можно было терпѣть черезполосицу потому, что помѣщикъ имѣлъ власть надъ крестьянами и ихъ недоброжелательство обуздывалось страхомъ; а когда власть прекратится и недоброжелательство останется, неудобства черезполосицы будутъ невыносимы“. Но отъ образа дѣйствій самихъ помѣщиковъ будетъ зависѣть, останется ли недоброжелательство къ нимъ у поселянъ, или оно увеличится, или, напротивъ, исчезнетъ, замѣнившись признательностью и преданностью. Привязанность людей бѣдныхъ и угнетенныхъ пріобрѣтается легко. Будьте только справедливы къ нимъ, хотя даже не совсѣмъ справедливы, а лишь нѣсколько справедливы, и они станутъ обожать васъ. Не дѣлайте имъ напрасныхъ убытковъ и обремененій безъ всякой выгоды для самихъ васъ, и ихъ любовь станетъ ограждать васъ отъ всякихъ непріятностей: вы будете не только спокойны, но и сильны, какъ никогда еще не были. Обуздывать страхомъ — неудачное средство. И не думайте, чтобы опасности, среди которыхъ жили помѣщики, зависѣли только отъ безпорядковъ нашего административнаго и полицейскаго устройства; когда масса не расположена къ извѣстному человѣку, никакая полиція не оградитъ его отъ множества непріятностей. Примѣромъ того пусть послужитъ Ирландія. На Британскихъ островахъ полиція и судъ лучше, нежели гдѣ нибудь; но безопасны ли ирландскіе землевладѣльцы?

И не только безопасность, но и денежныя выгоды основаны на доброжелательствѣ массы. Превосходныя ирландскія земли не даютъ и третьей части дохода, не стоятъ и третьей части тѣхъ денегъ, какъ англійскія земли далеко худшаго качества. Главная причина тутъ опять нерасположеніе массы населенія къ земле-

владѣльцамъ. Пусть не ищетъ расположенія поселянъ, пусть пробуждаетъ въ нихъ вражду къ себѣ тотъ, кто ничего не понимаетъ въ сельскомъ хозяйствѣ. Разсудительный сельскій хозяинъ знаетъ, что любовь поселянъ—лучшее ручательство за успѣхи его хозяйства.

Но какъ же избѣжать невыгодъ черезполосицы, если не переносить усадебъ поселянамъ? О, Боже мой! пусть только освобожденіе произойдетъ на основаніяхъ льготныхъ для поселянъ, и вы увидите, что они будутъ вѣрнѣйшими хранителями вашихъ интересовъ, и сосѣдство ихъ усадебъ, котораго вы такъ боитесь, послужитъ для васъ источникомъ чрезвычайныхъ удобствъ и выгодъ. Отъ сохраненія усадебъ на нынѣшнихъ мѣстахъ почти нигдѣ не произойдетъ никакихъ неудобствъ, если отношенія будутъ хороши; а если отношенія будутъ дурны, ваше хозяйство все-таки будетъ терпѣть множество невыгодъ, хотя бы на двадцать верстъ отъ вашего дома не было ни одного крестьянскаго жилища. Неудобство черезполосицы окажется только въ очень немногихъ селеніяхъ, гдѣ нынѣшняя прирѣзка земли къ крестьянскимъ усадьбамъ произведена была помѣщиками безъ знанія мѣстныхъ удобствъ. Эти немногія исключенія не стоятъ того, чтобы ставить изъ-за нихъ общее правило для государства. Да и для нихъ не будетъ нужно никакихъ принудительныхъ мѣръ: если нынѣшнее расположеніе усадебъ представитъ гдѣ-нибудь дѣйствительныя неудобства, черезъ годъ, черезъ два эти неудобства отстранятся сами собой, посредствомъ добровольныхъ сдѣлокъ, до которыхъ никому не будетъ дѣла, кромѣ жителей самаго села.

Если крестьянское дѣло покончится хорошо, всѣ толки о неудобствахъ нынѣшняго расположенія усадебъ окажутся пустыми, вздорными опасеніями и сосѣдство деревни съ господскимъ домомъ будетъ выгодно помѣщику. Но было бы великимъ бѣдствіемъ, если бы крестьянское дѣло не кончилось хорошо, то есть если бы оно кончилось поселеніемъ неудовольствія въ поселянахъ. А неудовольствіе въ поселянахъ было бы непремѣннымъ слѣдствіемъ раззорительныхъ условій освобожденія. Принужденное перенесеніе крестьянскихъ усадебъ было бы страшнымъ источникомъ раззоренія. Разсчетливый человѣкъ долженъ отвергнуть всякую мысль о принужденіи въ этомъ случаѣ: опасенія, приводящія къ этой мысли, пусты; но ея исполненіе вело бы къ послѣдствіямъ очень дурнымъ. Изъ нихъ мы указали только одно: разстройство крестьянскихъ хозяйствъ отняло бы у крестьянъ возможность исправно выплачивать выкупъ. Нѣтъ нужды подробно говорить о другихъ, еще гораздо худшихъ.

2) *Опредѣленіе надѣла землею.*

Мы слышимъ много разныхъ предложеній о томъ, сколько дать земли крестьянамъ. Многіе говорятъ, что каждой мѣстности надобно дать на душу, или на тягло, извѣстную пропорцію земли, которая почти всѣми такими проектами опредѣляется въ объемѣ гораздо меньшемъ нынѣшняго надѣла. Полагаютъ, напримѣръ, дать, считая вмѣстѣ съ усадьбою, всего 1 или $1^1/_2$ десятины на душу, или 3—4 десятины на тягло. Зачѣмъ же такое уменьшеніе размѣра до величины, явно недостаточной къ пропитанію крестьянъ? У нѣкоторыхъ есть желаніе присвоить себѣ часть крестьянской земли. Но число такихъ своекорыстныхъ людей, надобно сказать къ чести помѣщиковъ, очень невелико. Обыкновенно предпола-

гаютъ уменьшить крестьянскій надѣлъ для того, чтобы у крестьянина была необходимость наниматься для обработки господскихъ полей. „Нашъ крестьянинъ лѣнивъ и безпеченъ. Если вы ему дадите столько земли, чтобы она кормила его и давала уплату податей, онъ, обработавъ ее, все остальное время пролежитъ на боку и ни за какія деньги не пойдетъ на работу. Мы не найдемъ работниковъ для своихъ полей, которыя запустѣютъ. Потому-то и нельзя оставить крестьянамъ столько земли, сколько теперь есть у нихъ".

Не обманываютъ ли насъ глаза и уши? Дѣйствительно ли мы читали и слышали подобныя мысли? О комъ это говорится, что онъ лѣнивъ? О какомъ нибудь итальянцѣ или арабѣ? Нѣтъ, о русскомъ мужикѣ. Почемужъ бы не говорить также, что у русскаго мужика бѣлыя руки съ изящно обточенными ногтями, что онъ любитъ играть въ преферансъ, что онъ обыкновенно обѣдаетъ на фарфоровомъ сервизѣ? Почему бы также не говорить, что онъ исповѣдуетъ магометанскую вѣру или читаетъ книги на англійскомъ языкѣ? Вѣдь это было бы менѣе нелѣпо, нежели говорить о его лѣности. Нѣтъ въ Европѣ народа болѣе усерднаго къ работѣ, потому что нѣтъ народа, который жилъ бы въ климатѣ болѣе суровомъ, требующемъ больше труда для огражденія существованія. Развѣ только въ сѣверныхъ частяхъ Швеціи зимы такъ суровы, какъ у насъ, даже далеко на югъ отъ Москвы. Если бы русскій мужикъ работалъ не усерднѣе француза или нѣмца, вся Россія замерзла бы, умерла бы съ голода. Кому изъ европейскихъ поселянъ нужно денегъ больше, нежели русскому мужику? Кому изъ европейскихъ поселянъ нуженъ тулупъ? Наша суровая природа не потворствуетъ лѣни.

Наши учрежденія таковы, что вольному мужику нужно работать безъ отдыха круглый годъ, чтобы хоть какъ нибудь свести концы съ концами. У кого на рукахъ болѣе многочисленная семья? У какого народа изъ каждыхъ двухъ братьевъ одинъ кормитъ двѣ семьи, потому что другой взятъ рекрутчиной? Грѣхъ намъ и стыдно говорить о недостаткѣ охоты къ работѣ у русскаго мужика. Мы, просвѣщенные люди, точно, руководимся пословицей: „дѣло не волкъ—въ лѣсъ не убѣжитъ"; мы, точно, просиживаемъ изо дня въ день, чуть не съ обѣда, чуть не до утра, за картами. Правда, гдѣ же и понять такимъ людямъ, какъ мы, русскаго мужика? Мы напрасно сказали, что грѣхъ и стыдно намъ считать его лѣнивымъ: въ нелѣпой сказкѣ объ его лѣни выразилось только то, что мы понимаемъ качества другихъ классовъ сообразно нашей собственной натурѣ. Другаго объясненія нѣтъ нашей клеветѣ.

Но если наши привычки лѣнивы и испорчены, то должна же оставаться въ насъ, по крайней мѣрѣ, хоть капля здраваго смысла. И должны же мы, хоть по себѣ судя, знать, что отъ денегъ никто не отказывается. Что за нелѣпость воображать, будто не будетъ работниковъ сколько угодно на всякое честное дѣло, за которое предлагаютъ деньги? Гоголевская Коробочка, вѣроятно, предположила бы, что если ея Фетинья отойдетъ на волю, то не найдется для нея наемной прислужницы. Какъ бы умны и образованы ни казались люди, опасающіеся, что мужикъ не пойдетъ работать, если ему земли дать сколько слѣдуетъ, эти люди не лучше Коробочки.

Нынѣшній надѣлъ крестьянъ таковъ, что они кончаютъ обработку своихъ полей не больше, какъ въ три дня, а часто и меньше, потому что во многихъ помѣстьяхъ не оставляютъ имъ и трехъ законныхъ дней. Что же они станутъ

дѣлать въ остальные три дня? Неужели, въ самомъ дѣлѣ, лежать на печи? Полноте! вѣдь вы не дѣти и говорите не съ дѣтьми.

Уменьшать нынѣшній крестьянскій надѣлъ для того, чтобы не остаться помѣщику безъ работниковъ, нѣтъ никакой надобности. Ни въ одномъ изъ тѣхъ селеній, гдѣ нынѣ есть господская запашка, не останется она безъ работниковъ, хотя бы не только оставить нынѣшній надѣлъ, но и увеличить его. „Былъ бы хлѣбъ, зубы будутъ“. Была бы надобность въ работникахъ, найдется ихъ вдоволь, найдется ихъ гораздо больше, нежели нужно. Кромѣ надобности въ работникахъ, другихъ причинъ для уменьшенія крестьянскаго надѣла никто не отваживался и выставлять. Уменьшать нынѣшній надѣлъ крестьянъ нѣтъ нужды; посмотримъ, есть ли возможность уменьшить его.

Если я не смотрю на послѣдствія, я могу сдѣлать все, что̀ захочу. Я могу взять ножъ и зарѣзать кого мнѣ угодно; я могу взять дубину и прибить кого мнѣ угодно. Но что̀ хорошаго будетъ изъ этого для меня? Мнѣ самому прійдется очень плохо. Потому, когда говорятъ, что мнѣ нельзя дѣлать того или другаго, это значитъ только, что если я хочу сберечь свою шкуру, то я не сдѣлаю того или другаго.

Почему комитеты признали невозможнымъ освобожденіе безъ земли? Потому что національное чувство было бы возмущено такимъ освобожденіемъ, потому что оно непреклонно хочетъ сохраненія земли за крестьяниномъ. Какую же землю хочетъ сохранить оно за крестьяниномъ? Ту, которой онъ теперь владѣетъ,—ту самую землю, въ томъ самомъ объемѣ, тѣ самые участки. Національное чувство не принимаетъ тутъ никакихъ тонкостей и подраздѣленій, никакихъ обрѣзываній и переносовъ. Одно изъ двухъ: если можно итти противъ него, такъ нечего было говорить, что освобожденіе безъ земли невозможно. А если раздражать національное чувство нельзя, то нельзя и уменьшать нынѣшняго надѣла, нельзя и переносить крестьянскихъ участковъ принудительнымъ образомъ съ одного мѣста на другое: эти уменьшенія и перемѣны были бы точно такъ же противны національному чувству, какъ и освобожденіе безъ земли. Не стоитъ дѣлать дѣла на половину; не стоитъ пожимать человѣку руку правой рукой и въ то же время давать ему толчки лѣвой: вѣдь все равно, вы раздражите его, такъ ужъ лучше или бейте его обѣими руками безъ всякихъ дипломатичностей, или сохраните съ нимъ доброе согласіе. Если освобождать крестьянъ съ землею, то сохраняйте нынѣшній надѣлъ; иначе, не достигнете своей цѣли, не удовлетворите національному чувству.

„Но, при сохраненіи нынѣшняго надѣла, могутъ встрѣчаться неудобства отъ черезполосицы“. Подобное возраженіе мы уже видѣли при вопросѣ о перенесеніи усадебъ. Но тутъ черезполосица, сколько нибудь неудобная, встрѣчается еще гораздо рѣже, нежели въ расположеніи усадебъ. Будемъ же смотрѣть на это дѣло сообразно дѣлу объ усадьбахъ. Если освобожденіе крестьянъ совершится способомъ сколько нибудь удовлетворительнымъ для національнаго чувства, признательность поселянъ къ помѣщикамъ будетъ безгранична. Тотъ не знаетъ человѣческаго сердца, кто не увѣренъ, что поселяне станутъ охранять тогда помѣщика и его имущество какъ вѣрнѣйшія дѣти. Тогда, если гдѣ и останется черезполосица, она будетъ скорѣе выгодна, нежели убыточна помѣщику. Крестьянскій участокъ, входящій клиномъ въ господское поле, будетъ только привлекать поселянина къ болѣе сподручной обработкѣ этого поля за сходнѣйшую цѣну. А если гдѣ будетъ дѣйстви-

тельное неудобство, оно будетъ одинаково для обѣихъ сторонъ; крестьяне сами безъ всякаго принужденія убѣдятся въ немъ такъ же легко, какъ и помѣщикъ. Русскій мужикъ человѣкъ не глупый и не безразсчетный. Онъ самъ предложитъ вамъ обмѣнъ участка, когда потребуетъ обмѣна его удобство. А дѣло тутъ такого рода, что неудобство для помѣщика бываетъ только въ тѣхъ случаяхъ, когда есть неудобство и для мужика. Итакъ, эти случаи вовсе не нуждаются въ принудительныхъ правилахъ: всѣ они очень легко отстранятся добровольнымъ соглашеніемъ послѣ освобожденія. Надобно заботиться только о томъ, чтобы освобожденіе сдѣлалось безъ проволочекъ и удовлетворило національному чувству.

Если смотрѣть на дѣло съ этой стороны, которая одна практична, то надобно не пожалѣть части лѣса, потребной для снабженія крестьянъ всѣмъ нужнымъ. Вѣдь до сихъ поръ, если былъ у помѣщика лѣсъ, крестьяне пользовались имъ, и лишить ихъ этой выгоды значило бы въ сущности обрѣзать настоящій размѣръ ихъ пользованія угодьями. На самомъ дѣлѣ потери помѣщику не будетъ тутъ никакой: вѣдь до сихъ поръ не въ его пользу, а въ пользу крестьянъ росла и стояла та часть лѣса, которая шла на удовлетвореніе крестьянскихъ нуждъ. Сказать, что я не буду пользоваться тѣмъ, чѣмъ до сихъ поръ пользовались другіе, а не я.—тутъ нѣтъ никакого уменьшенія моему прежнему пользованью.

Какъ надобно рѣшить дѣло о той части лѣса, которою пользовались крестьяне, такъ надобно рѣшить его и о другихъ угодьяхъ, которыми они пользовались, во всѣхъ тѣхъ имѣніяхъ, гдѣ кромѣ пахатной земли, луговъ и лѣса, есть другія угодья. Въ серьёзныхъ дѣлахъ не слѣдуетъ играть словами; не слѣдуетъ толковать ихъ въ иномъ смыслѣ, кромѣ дѣйствительнаго. Что такое въ сущности разумѣлось до сихъ поръ подъ надѣломъ крестьянъ? Разумѣлась вся та сумма угодій, которыми они пользовались. Смыслъ дѣла лежитъ въ размѣрѣ пользованія, а не въ томъ, какъ называются извѣстныя угодья—государственными, господскими или крестьянскими. Пользовался угодьемъ тотъ, кто имъ пользовался. Такъ и должно остаться относительно лѣсовъ, рыбныхъ ловлей и т. п.; иначе, сумма пользованія уменьшилась бы, то есть уменьшился бы надѣлъ.

Если вести освобожденіе крестьянъ съ цѣлью удовлетворить національное чувство, надобно вести его такъ, чтобы національное чувство дѣйствительно было удовлетворено. Въ большей части помѣстьевъ крестьяне не жалуются на нынѣшній надѣлъ, и потому-то надобно принимать его общею нормою. Но былъ бы нарушенъ смыслъ дѣла, то есть удовлетвореніе національному чувству, если бы надѣлъ не былъ приведенъ къ соотвѣтствію съ нимъ въ тѣхъ помѣстьяхъ, гдѣ нынѣшній надѣлъ служилъ причиною справедливыхъ жалобъ по своей недостаточности. Впрочемъ, повторяемъ, что это частный случай, и нетрудно рѣшить его въ справедливомъ смыслѣ, если все дѣло вообще будетъ ведено съ желаніемъ достичь справедливости.

Въ частномъ случаѣ, о которомъ мы упомянули, особеннаго вниманія заслуживаютъ луга. Надѣлъ ими крестьянъ чаще бывалъ неудовлетворителенъ, нежели надѣлъ другими угодьями. И тутъ справедливость со стороны помѣщиковъ должна обратиться въ ихъ собственную пользу. Благосостояніе поселянъ—необходимое условіе для того, чтобы цѣны хлѣба установились выгодныя для помѣщиковъ. Достаточное снабженіе лугами—самая важная вещь для лучшаго устройства крестьянскихъ хозяйствъ. Уступая десятину луга крестьянину, помѣщикъ избавляетъ

его отъ необходимости спускать на полтину цѣну четверти хлѣба; а съ цѣною крестьянскаго хлѣба понижается или повышается и цѣна господскаго. Выгода отъ лишней полтины за четверть далеко перевыситъ для помѣщика цѣну льготы, которую онъ оказалъ поселянину въ надѣлѣ землею.

Въ самомъ дѣлѣ, если смотрѣть на размѣръ крестьянскаго надѣла со стороны выгодъ помѣщика, выводъ окажется точно такой же, какъ и тогда, какъ если смотрѣть на это дѣло со стороны требованій національнаго чувства. Если только помѣщики захотятъ сообразить истины, доказанныя политической экономіей, они сами не захотятъ уменьшать крестьянскаго надѣла. Дѣло рѣшенное, что въ Россіи невозможно уничтожить крестьянскія земледѣльческія хозяйства, невозможно сдѣлать такъ, чтобы простолюдины не были сами производителями хлѣба на своихъ участкахъ, а были только наемными батраками, какъ въ Англіи. А если уже крестьянинъ необходимо остается производителемъ хлѣба, то выгода другихъ производителей, т. е. помѣщиковъ, требуетъ, чтобы ему не было необходимости сбивать цѣну на хлѣбъ вообще. А если крестьянинъ будетъ въ нуждѣ, онъ станетъ продавать свой хлѣбъ въ убытокъ себѣ, стало быть подрывать цѣну и на помѣщичій хлѣбъ. Только обезпечивъ крестьянина, помѣщики обезпечатъ и свое хозяйство. Разсчитывать иначе было бы очень недальновиднымъ разсчетомъ.

3. Основанія и размѣръ вознагражденія.

Крѣпостное право такъ противно здравому экономическому разсчету, что приводитъ къ цифрамъ, рѣшительно не согласнымъ одна съ другою. Возьмемъ одинъ примѣръ. Намъ говорятъ, что въ губерніяхъ, гдѣ средняя пропорція земли у помѣщиковъ 11 десятинъ на душу, земля продается по 40 руб. за десятину. Попробуйте же спросить, за сколько можно купить помѣстье въ этихъ сторонахъ. Вамъ отвѣчаютъ: по 250, много по 300 руб. за душу. Скажите же, что это за нелѣпость? При 100 душахъ находится 1,100 десятинъ земли, каждая десятина стоитъ 40 руб., стало быть, вся земля стоитъ 44,000 руб.: за сколько же можно купить это помѣстье? Его можно купить за 25,000 руб., и дороже 30,000 никто не дастъ. Какъ объяснить такую несообразность? А вотъ какъ. Вся ли дача находится въ пользованіи у помѣщика? Нѣтъ, далеко не вся: десятинъ 400, или даже 500 отданы въ пользованіе крестьянамъ, и съ этихъ десятинъ помѣщикъ не получаетъ ни одного зерна хлѣба. Если онъ захочетъ отнять у крестьянъ ту или другую десятину, она будетъ имѣть цѣну для него; но пока она у крестьянъ, онъ не владѣетъ ею, не получаетъ съ нея дохода. Стало быть, при продажѣ цѣлаго помѣстья, сколько десятинъ идутъ въ цѣну? Идутъ въ цѣну только тѣ десятины, которыя остаются въ пользованіи помѣщика, а крестьянскій надѣлъ въ цѣну помѣстья вовсе и нейдетъ: эта часть земли, отданная крестьянамъ, какъ будто лежитъ подъ секвестромъ, она безполезна для самого помѣщика. Разумѣется, мы говоримъ о тѣхъ помѣстьяхъ, которыя на барщинѣ: вся ихъ цѣнность ограничивается цѣною земли, остающейся въ пользованіи помѣщика, да степенью пользы, какую онъ получаетъ отъ обязательнаго труда. Теперь, слава Богу, помѣщики поняли, что обязательный трудъ приносилъ имъ не пользу, а чистый убытокъ: если, напримѣръ, при немъ оборотнаго капитала на десятину господскаго поля нужно было имѣть 3 руб., за то и дохода съ десятины получалъ помѣщикъ только

12 руб., т. е. чистой выгоды оставалось ему только 9 р.; а если бы земля обрабатывалась вольнымъ трудомъ, тогда, съ прибавкою 4 р. расхода на наемъ работниковъ, обработка десятины обходилась бы въ 7 р., за то десятина давала бы дохода, по крайней мѣрѣ, 20 р., т. е. чистой выгоды оставалось бы 13 р. Такимъ образомъ, обязательный трудъ, производя сбереженіе въ 4 руб. на расходѣ, производитъ 8 р. уменьшенія въ доходѣ, т. е. въ концѣ концовъ даетъ чистаго убытка помѣщику 4 р. Этотъ убытокъ производится небрежностью обработки, безрасчетностью въ употребленіи труда и во всемъ хозяйствѣ и, наконецъ, низкостью цѣны земледѣльческихъ продуктовъ,—все это необходимыя принадлежности обязательнаго труда. Слава Богу, помѣщики поняли это, и, кромѣ немногихъ, слишкомъ недальновидныхъ людей, всѣ находятъ прямую выгоду себѣ въ отмѣнѣ крѣпостнаго права на личность безъ всякаго вознагражденія. Въ этомъ случаѣ, какъ и во всѣхъ другихъ, выгоднѣйшая разсчетливость совпадаетъ со справедливостью и благородствомъ. Итакъ, право на личность въ барщинныхъ имѣніяхъ, по согласію самихъ помѣщиковъ, рѣшено отмѣнить безъ всякаго вознагражденія. Въ чемъ же остается вся цѣнность имѣній? Она остается въ той части земли, которая до сихъ поръ находилась въ пользованіи помѣщика. Увеличивается или уменьшается эта цѣнность черезъ отмѣну другаго элемента, которымъ уменьшался чистый доходъ? Конечно, увеличивается: теперь помѣщикъ будетъ получать съ каждой десятины своихъ полей на цѣлую треть или даже на половину больше того, что получалъ прежде. Ясно, что и продажная цѣнность этой земли увеличится соразмѣрно тому. Возвратимся къ прежнему примѣру. Цѣнность помѣстья, имѣвшаго 1,100 дес., была 25,000 руб., а каждая дес. стоила 40 руб. Это значитъ, что у помѣщика было въ пользованіи 625 дес. и только онѣ однѣ составляли цѣну; а остальныя 475 дес., отданныя во владѣніе крестьянамъ, ничего не прибавляли къ цѣнности другой половины *). Но цѣна части, остававшейся у помѣщиковъ и составлявшей всю стоимость помѣстья, была сообразна доходу, получавшемуся при обработкѣ крѣпостнымъ трудомъ. Положимъ, что главный доходъ состоялъ въ земледѣліи и что господской запашки въ трехъ поляхъ было 220 дес. (около двухъ дес. въ полѣ на тягло). Съ этихъ 220 дес., по 9 руб. чистаго дохода отъ дес., получалось 1,980 руб. Это значитъ, что продажная цѣна помѣстья (25,000 руб.) опредѣлялась капитализаціею дохода въ 8 проц. Съ отмѣною обязательнаго труда десятина запашки будетъ давать 13 руб. Это значитъ, что отъ земледѣлія въ прежнемъ размѣрѣ получится дохода 2,860 руб.: при капитализаціи въ 8 проц. это составило бы цѣнность помѣстья въ 35,650 руб. Такимъ образомъ, хотя число десятинъ въ помѣстьѣ номинально уменьшилось черезъ освобожденіе крестьянъ, но часть помѣстья, оставшаяся у помѣщика, получаетъ гораздо большую цѣнность, нежели по какой можно было продать все помѣстье до освобожденія крестьянъ.

Если брать предметъ только съ этой стороны, то очевидно, что въ земледѣльческихъ имѣніяхъ, состоящихъ на барщинѣ, помѣщики прямо выигрывали бы, отказываясь безъ всякаго вознагражденія и отъ крѣпостнаго труда и отъ всей части помѣстья, употреблявшейся исключительно на пропитаніе этого обязательнаго

*) Точно также и усадьбы въ барщинныхъ имѣніяхъ не даютъ помѣщику ни гроша дохода, слѣдовательно ни на одинъ рубль не входятъ въ цѣнность помѣстья. Уже по одному этому не слѣдуетъ класть за нихъ выкупа, не говоря о томъ, что онѣ построены вообще самими крестьянами.

труда, т. е. освобождая крестьянъ съ нынѣшнимъ надѣломъ безъ всякаго вознагражденія; слѣдовательно, они, по справедливости, могли бы требовать съ крестьянъ вознагражденія только тогда, когда бы при освобожденіи надѣлъ увеличивался противъ размѣра, въ которомъ нынѣ крестьяне пользовались пахотною землею, лѣсомъ и другими угодьями. За эти прибавки, составляющія вычетъ изъ продажной цѣны помѣстья, конечно, слѣдовало бы брать настоящую продажную цѣну. Дай Богъ, чтобы такихъ прибавокъ было больше. Но мы говоримъ не о нихъ— онѣ все-таки будутъ только исключеніемъ изъ общаго правила —мы говоримъ о выкупѣ при освобожденіи съ настоящимъ надѣломъ, который не входитъ въ продажную цѣну: съ его отпаденіемъ цѣнность имѣнья не уменьшается, а развѣ увеличивается. Погрязнувъ въ крѣпостномъ правѣ, мы всосали такъ много фальшивыхъ понятій; мало и плохо учившись, мы остались такъ чужды самымъ простымъ экономическимъ истинамъ, что взглядъ, здѣсь изложенный, можетъ показаться новъ или сомнителенъ для нѣкоторыхъ. „Какъ же можно, чтобы помѣстье, имѣвшее 1,100 дес., не потеряло ни копѣйки изъ своей продажной цѣны, когда межа его уменьшается на столько, что остается въ немъ всего только 625 дес.?" А вотъ какъ это бываетъ. Если бы, напримѣръ, остальныя 475 дес. были заняты трясиннымъ болотомъ, то цѣнность помѣстья не уменьшилась бы, а, напротивъ, увеличилась, если бы вся эта трясина провалилась сквозь землю: тогда она, по крайней мѣрѣ, не заражала бы своими тлетворными міазмами моей земли, въ ней не пропалъ бы мой скотъ. Крѣпостное право—это гнусная, тлетворная трясина, которая не только совершенно отняла изъ цѣнности имѣнья всю землю, отданную подъ прокормленіе крѣпостнаго населенія, но и значительно понизила цѣнность остальной земли, которая взята въ личное пользованіе помѣщикомъ.

Или вотъ еще что: умные люди говорятъ, что владѣніе Ломбардскимъ королевствомъ не усиливало, а ослабляло Австрію. А вѣдь въ Ломбардскомъ королевствѣ нѣсколько милліоновъ десятинъ превосходнѣйшей земли и нѣсколько милліоновъ жителей: между тѣмъ все-таки не подлежитъ сомнѣнію, что Австрія, отказавшись отъ Ломбардіи, стала богаче и сильнѣе. Ясно-ли, что не всякое расширеніе межи выгодно, не всякое уменьшеніе пространства, называющагося моимъ, будетъ убыточно для меня? Какая мнѣ польза называться господиномъ того участка, съ котораго не получаю ни зерна?

Если смотрѣть только на эту сторону дѣла, нѣтъ надобности для помѣщика земледѣльческаго имѣнія ни въ какомъ выкупѣ за нынѣшній крестьянскій надѣлъ.

Но есть другая сторона въ этомъ дѣлѣ. Мы говорили, что чистый доходъ помѣщику отъ земледѣлія увеличится съ отмѣною крѣпостнаго труда; но долженъ увеличиться и размѣръ оборотнаго капитала, нужнаго на обработку каждой десятины. При крѣпостномъ трудѣ, для этого довольно было капитала въ 3 р., заключавшагося главнымъ образомъ въ цѣнности посѣва; теперь понадобится еще 4 р. на плату рабочимъ. Если спросить у любого экономиста: кто обязанъ доставить оборотный капиталъ на улучшеніе предпріятія, когда это предпріятіе приноситъ выгоду исключительно мнѣ и находится въ полномъ моемъ хозяйствѣ?— отвѣтъ не подлежитъ сомнѣнію: достать оборотный капиталъ — личное дѣло хозяина: никто другой не обязанъ доставлять ему капитала, отъ котораго выгоду получитъ онъ одинъ. Нѣтъ сомнѣнія въ томъ, что помѣщикъ легко можетъ полу-

чить взаймы незначительныя деньги, какія понадобятся на наемную работу, если не имѣетъ ихъ въ наличности. Такимъ образомъ, заботу о полученіи 880 рублей, которые потребуются для обработки наймомъ 220 десятинъ въ помѣстьѣ, служащемъ для насъ примѣромъ, слѣдуетъ оставить на самомъ помѣщикѣ; смѣшно было бы сказать, что владѣльцу 625 десятинъ, имѣющихъ цѣну по 40 рублей, трудно достать взаймы какіе нибудь 900 рублей. Но мнѣніе очень многихъ добросовѣстныхъ помѣщиковъ расходится съ кореннымъ понятіемъ науки: они думаютъ, что именно выкупъ долженъ доставить имъ деньги на обзаведеніе новымъ хозяйствомъ. Въ этомъ случаѣ пожалуй, можно сдѣлать уступку предубѣжденію, потому что, какъ ни ясно свидѣтельствуетъ противъ него наука, ея доводы не перешли еще въ непреодолимое національное чувство и оно не возмутится отступленіемъ отъ точной справедливости, если государство согласится, что выкупъ долженъ доставить деньги, нужныя помѣщикамъ на введеніе наемной платы за обработку господскихъ полей. Можно полагать, что надобность эта простирается отъ 5 до 6 рублей на каждую десятину яроваго и озимаго полей господской запашки, то есть отъ 3 р. 50 коп. до 4 р. на каждую десятину въ трехъ поляхъ.

Есть еще другое обстоятельство, гораздо болѣе значительное въ денежномъ отношеніи. Помѣстья, болѣе чѣмъ на половину, обременены долгами, между которыми важнѣйшую часть составляетъ долгъ въ кредитныя учрежденія. Есть мнѣніе, что въ вознагражденіе за уступку крестьянамъ нынѣшняго надѣла помѣщики должны быть вознаграждены перенесеніемъ части опекунскаго долга на освобождаемыхъ крестьянъ. Многіе разсчетливые помѣщики полагаютъ сами, что этого вознагражденія будетъ очень достаточно и никакого другого не нужно требовать помѣщикамъ. Но наука опять говоритъ, что долгъ по справедливости остается на томъ лицѣ, которое воспользовалось для своей выгоды или своего удовольствія деньгами, полученными въ долгъ. Если мы разсмотримъ употребленіе ссудъ, полученныхъ помѣщиками изъ кредитныхъ учрежденій, мы найдемъ, что большая часть, двѣ трети или больше изъ этихъ денегъ пошли на удовлетвореніе личнаго расхода самихъ помѣщиковъ, желавшихъ вести образъ жизни, для котораго недоставало ихъ дохода; затѣмъ значительная часть была употреблена на покупку новыхъ помѣстій или на основаніе промышленныхъ заведеній, то есть опять-таки въ личную выгоду помѣщиковъ. Исключивъ эти двѣ статьи изъ суммы долга, мы увидимъ, что едва ли одна пятнадцатая, или, много, много одна двѣнадцатая часть его была обращена на пособіе крестьянамъ. По точному требованію науки, только эта часть долга, которою воспользовались крестьяне, должна быть перенесена на нихъ.

Но, говорятъ, если почти весь долгъ останется на той части помѣстья, которая собственно принадлежитъ помѣщику, а не крестьянамъ, эта господская половина не будетъ служить для кредитныхъ учрежденій достаточнымъ обезпеченіемъ по долговому взысканію. Такое мнѣніе неосновательно въ отношеніи къ землевладѣльческимъ помѣстьямъ, состоящимъ на барщинѣ. Мы видѣли, что вся ихъ цѣнность зависѣла исключительно отъ одной той части земли, которая оставалась въ пользованіи помѣщика, а земля, бывшая въ крестьянскомъ надѣлѣ, нимало не увеличивала собою цѣнности помѣстья; слѣдовательно, если бы даже цѣна земли не поднялась по освобожденіи крестьянъ, часть помѣстья, остающаяся за владѣльцемъ, при сохраненіи нынѣшняго надѣла, представляла бы залогъ столь же достаточный, какъ

прежде все помѣстье. Слѣдовательно, для обезпеченія уплаты кредитнымъ учрежденіямъ вовсе нѣтъ нужды переносить долгъ на крестьянъ.

Представляется еще другое основаніе для такого переноса. Говорятъ, что при заведеніи новаго хозяйства, съ наемною работою, доходы помѣщиковъ на годъ или на два могутъ подвергнуться затрудненіямъ отъ переходнаго состоянія и что поэтому было бы тяжело для помѣщиковъ взносить уплату въ кредитныя учрежденія въ это время хлопотливыхъ передѣлокъ по хозяйству. Безпристрастный человѣкъ едва ли признаетъ много основательности въ этомъ соображеніи. Въ большей части земледѣльческихъ губерній доходы помѣщика не только на два года, но и на одинъ день не подвергнутся никакому разстройству или замедленію отъ передѣлки хозяйства; напротивъ, съ перваго же года дадутъ противъ прежняго излишекъ, если освобожденіе совершится хорошо. Впрочемъ, если бы и принять это соображеніе въ полной его силѣ, оно вело бы вовсе не къ тому заключенію, какое дѣлаютъ изъ него произвольнымъ образомъ. Въ чемъ сущность соображенія? На два года доходы помѣщиковъ подвергаются нѣкоторому замедленію отъ передѣлки хозяйства; въ эти годы будетъ затруднительно дѣлать взносъ по долгамъ въ кредитныя учрежденія. Теперь спрашивается: какая-же льгота была бы совершенно достаточною для устраненія этой трудности во всемъ ея предполагаемомъ размѣрѣ? О чемъ говоритъ само возраженіе? О трудности уплаты за два года. Итакъ, если дастся помѣщикамъ два года полной льготы въ уплатѣ, вся трудность уже устранена, вся жалоба уже удовлетворена въ полномъ своемъ размѣрѣ. Какъ дать эту двухлѣтнюю льготу, зависитъ уже отъ состоянія кредитныхъ учрежденій. Если они могутъ выдержать отсрочку платежей на два года, не о чемъ и говорить. Если же не могутъ, то, пожалуй, можно наложить за эти два года взносъ кредитнымъ учрежденіямъ на крестьянъ, хотя мы не видимъ, почему бы именно крестьяне должны были удовлетворять надобность кредитныхъ учрежденій по уплатѣ такого займа, которымъ воспользовались не они. Наложить на нихъ эту тяжесть мы соглашаемся только потому, что она, по незначительности своего размѣра, вѣроятно, не возбудила бы споровъ.

Сведемъ же теперь весь итогъ выкупа по тому помѣстью, которое служитъ для насъ примѣромъ. Замѣтимъ при этомъ, что средняя величина опекунскаго долга составляетъ около 60 руб. на душу.

Пособія помѣщику на заведеніе хлѣбопашества съ наемной платой по 4 рубля на десятину господскихъ пахатныхъ полей, всего 220 десятинъ	880 руб.
Одна двѣнадцатая часть займа помѣщика изъ кредитныхъ учрежденій, употребленная въ пользу крестьянъ, т. е. изъ 60 рублей съ души 5 рублей, а съ 100 душъ	500 —
Въ пособіе помѣщику два годичные взноса въ кредитныя учрежденія, по 6% съ остальныхъ 55 руб. долга, съ души по 3 рубля 30 к., за два года 6 р. 60 коп., а со 100 душъ	660 —
Итого.	2,040 руб.

Вотъ весь итогъ выкупа, какой, по нашему счету, приходилось бы взять отчасти казнѣ (660 рублей) съ крестьянъ вмѣсто помѣщика, отчасти помѣщику

(1,380 рублей) съ крестьянъ деревни, имѣющей 100 душъ и состоящей на барщинѣ.

До сихъ поръ мы говорили объ имѣніяхъ, состоящихъ на барщинѣ. Теперь посмотримъ на оброчныя имѣнія. Въ нихъ доходъ получается помѣщикомъ не отъ собственнаго земледѣльческаго хозяйства, а отъ прямой уплаты денегъ крестьянами: слѣдовательно, и продажная цѣнность помѣстья возникаетъ изъ капитализаціи денежныхъ уплатъ, производимыхъ крестьянами, а не изъ земледѣльческаго дохода. Иначе сказать, основаніемъ для опредѣленія выкупа долженъ служить оброкъ. Итакъ, мы должны разсмотрѣть юридическую сущность оброка. По закону, оброкъ есть плата, взимаемая помѣщикомъ съ крестьянъ за увольненіе ихъ отъ обязательнаго воздѣлыванія господскихъ полей, по три дня въ недѣлю: иначе сказать, сущность оброчнаго положенія состоитъ въ томъ, что помѣщикъ передаетъ крестьянамъ ту часть земли, какая могла бы остаться въ собственномъ пользованіи, за надѣломъ крестьянъ землею по нормѣ барщинныхъ помѣстій, и беретъ съ нихъ сумму чистаго дохода, приносимаго этою собственно-господскою частью земли. Спрашивается теперь: чѣмъ должна опредѣляться величина законнаго оброка? Величиною земледѣльческой прибыли съ такого числа десятинъ, какое могли бы крестьяне обработать на господскихъ поляхъ. Какова же величина этого дохода? Крестьяне при барщинѣ должны бы работать на себя такіе же три дня, какъ и на барина; слѣдовательно, величина дохода съ господскихъ полей никакъ не могла бы превышать половины того, что они получаютъ отъ земледѣльческихъ работъ, пользуясь всею землею и всѣми днями. Итакъ, если при освобожденіи вся земля, находящаяся въ дачѣ оброчнаго помѣстья, остается, по нынѣшнему, за крестьянами, то выкупъ этого помѣстья долженъ опредѣляться по слѣдующей нормѣ:

Во-первыхъ, надобно опредѣлить, сколько земли могло бы оставаться для господской запашки, за достаточнымъ надѣломъ земли крестьянамъ. Для этого надобно изъ всего пространства полей вычесть пространство, которое можетъ быть обработано въ 3 дня, составляющіе собственность крестьянъ. Остатокъ покажетъ, какой размѣръ могла бы имѣть въ томъ селѣ господская запашка. Положимъ, напримѣръ, что тягло обрабатываетъ во всѣ 6 дней по 4 десятины въ полѣ, то есть, что въ 3 дня, составляющіе собственность крестьянина, тягло могло бы обработать 2 десятины: ясно, что остальныя двѣ десятины могли бы составлять господскую запашку. Мы взяли такой примѣръ, когда земли у деревни вдоволь и крестьяне обрабатываютъ ея столько, на сколько у нихъ силъ хватитъ. Въ такомъ случаѣ господская запашка могла бы имѣть размѣръ запашки, производимой въ 3 дня, т. е. могла бы составлять ровно половину всего количества земли, обрабатываемой въ 6 дней. Если же земли недостаточно, то, за вычетомъ пространства, которое должны обрабатывать крестьяне на себя въ три дня, остатокъ будетъ, конечно, менѣе половины. Напримѣръ, если вся запашка цѣлыхъ 6 дней составляетъ только $3^1/_2$ десятины на тягло, то, за вычетомъ 2 десятинъ, приходящихся на 3 крестьянскіе дня, остается только $1^1/_2$ десятины.

Опредѣливъ такимъ образомъ пространство возможной господской запашки, надобно опредѣлить чистый доходъ съ нея. Для этого надобно изъ валоваго дохода вычесть всѣ расходы на обработку, т. е. цѣнность посѣва, цѣнность удобренія, ремонтъ земледѣльческихъ орудій и наемную плату работникамъ. За этими вычетами изъ валоваго дохода останется, какъ мы сказали, чистый доходъ, какой

могло бы доставлять, по закону, это имѣніе своему помѣщику. Капитализируя эту законную величину по проценту, принимаемому въ данной мѣстности за процентъ средняго дохода съ помѣстій, мы получимъ законную цѣнность оброчнаго имѣнія.

Для ясности произведемъ такое дѣйствіе надъ селомъ, которое принималось у насъ состоящимъ на барщинѣ. Положимъ теперь, что оно состоитъ на оброкѣ, и сдѣлаемъ оцѣнку выкупа.

При оброчномъ положеніи, вся земля отдана крестьянамъ и всѣ шесть дней они работаютъ на себя. Въ три дня они успѣвали обработать въ трехъ поляхъ 220 десятинъ, слѣдовательно въ шесть дней обработаютъ 440 десятинъ. Чистый доходъ съ каждой десятины при нынѣшнемъ положеніи 9 рублей; итого крестьяне получаютъ отъ земледѣлія чистаго дохода 3,960 рублей. Господская запашка тутъ имѣетъ такой же размѣръ, какъ крестьянская, то есть изъ всего дохода половина составляетъ оброкъ. Итакъ, законная величина оброка 1,980 руб. Капитализируя эту цѣнность по 8 проц., мы получаемъ 24,750 руб., какъ законную величину выкупа; а капитализируя по $7^1/_2$ проц., получаемъ 26,400 р. Продажная цѣнность всего помѣстья была около 25,000 руб. Итакъ, цифра вознагражденія, принятая нами, какъ нельзя точнѣе соотвѣтствуетъ продажной цѣнности имѣнія. Такъ и слѣдуетъ быть, когда все имѣніе остается въ рукахъ у крестьянъ. Изъ этого соотвѣтствія мы видимъ, что способъ для опредѣленія законной величины оброка принятъ нами совершенно правильный.

Но мы предположили состоящимъ на оброкѣ имѣніе съ 11 десятинами хлѣбородной земли на душу. Такихъ оброчныхъ имѣній едва ли найдется въ цѣлой Россіи десятка полтора. Извѣстно, что, за исключеніями, чрезвычайно немногочисленными, имѣніе переводится съ барщины на оброкъ только тогда, когда земли слишкомъ мало или когда она неудобна для хлѣбопашества. Подъ тотъ или другой изъ этихъ случаевъ подходятъ 99 изъ 100 оброчныхъ имѣній. Въ нихъ цифры законнаго выкупа совершено не таковы, какъ въ приведенномъ нами исключительномъ случаѣ оброчнаго имѣнія съ достаточнымъ количествомъ хлѣбородной земли. Если, напримѣръ, земля хлѣбородна, но количество ея мало, напримѣръ, всего 5 десятинъ на душу, какой выводъ получится тогда? За вычетомъ усадебъ, луговъ и такъ далѣе, остается пахатныхъ полей всего только 250 десятинъ или даже меньше. Изъ этой земли для надѣла крестьянамъ, считая менѣе $1^1/_2$ десятины въ полѣ на тягло—надѣлъ не совсѣмъ удовлетворительный,—и, считая въ 100 душахъ 40 тяголъ, понадобилось бы 180 десятинъ. Значитъ, для господскихъ полей оставалось бы едва ли 70 десятинъ. Съ нихъ, по 9 руб., чистаго дохода было 630 руб. Капитализируя эту цѣнность по 8 проц., мы получили бы всю величину выкупа только въ 7,875 руб. Спросимъ теперь: много ли найдется оброчныхъ имѣній, которыя имѣли бы $2^1/_2$ десятины запашки хлѣбородной земли на душу, то есть болѣе 6 десятинъ на тягло? А если запашка меньше, то и мѣста для господскихъ полей останется меньше, а слѣдовательно меньше останется земли, съ которой бы могъ считаться законный оброкъ.

Это хорошій случай, когда есть хоть сколько нибудь хлѣбородной земли: тутъ для законнаго оброка можетъ оказаться нуль, но крайней мѣрѣ не получится отрицательныхъ цифръ. Напротивъ, если земля въ помѣстьи такова, что обработка ея не даетъ чистаго дохода, или даже доходомъ не окупаются издержки производства, то получаются отрицательныя цифры. Напримѣръ, если цѣнность

производства 15 руб. на десятину, а весь валовой доходъ 13 руб., то съ каждой десятины получается 2 руб. убытка, и если бы помѣщикъ нашего примѣрнаго села въ 100 душъ вздумалъ на такой землѣ получать доходъ отъ земледѣлія, то есть держать крестьянъ на барщинѣ, то съ его полей не осталось бы ему ни зерна хлѣба на продажу, за прокормленіемъ крестьянъ, и, сверхъ того, онъ долженъ былъ бы давать изъ своего кармана еще 880 руб. на прокормленіе крестьянъ, потому что со всѣхъ 440 десятинъ господскихъ и крестьянскихъ полей получалось бы валоваго дохода только 5.740 руб. (по 13 руб.); а на прокормленіе крестьянъ было бы нужно 6.600 руб. (эта сумма, разложенная на десятины, даетъ 15 руб. на десятину издержекъ производства). Какова цѣнность имѣнія, законный оброкъ съ котораго равняется ежегодному убытку въ 880 руб.? Считая по 8 проц., мы увидимъ, что этотъ ежегодный убытокъ равняется одновременной уплатѣ 11.000 руб. Иначе сказать, помѣщику было бы выгодно не только задаромъ отказаться отъ такого помѣстья, но и заплатить изъ своего кармана довольно значительную сумму, лишь бы отвязаться отъ него.

Не каждый изъ насъ привыкъ переводить математическія уравненія на языкъ житейскаго разговора; но кто привыкъ, тотъ знаетъ, какой смыслъ имѣютъ отрицательныя цифры, оказывающіяся для выкупа большей части оброчныхъ имѣній. Что такое означаетъ отрицательный выкупъ, то есть платежъ отъ помѣщика крестьянамъ? Мы скажемъ, что онъ означаетъ, и замѣтимъ, что смыслъ нашихъ словъ очень важенъ, потому что они очень серьезны:

Крѣпостное право состоитъ въ присвоеніи владѣльцу земли власти принуждать поселенныхъ на этой землѣ крестьянъ къ земледѣльческой работѣ въ личную его пользу. Замѣтимъ слова: „къ земледѣльческой работѣ“. Да, только къ ней, ни къ какой другой. Даже по судебной и полицейской практикѣ изъ крѣпостнаго права вытекаетъ только земледѣльческая работа, — никакая другая. Доказать это легко. Предположимъ, что портной или сапожникъ изъ крѣпостныхъ людей, жившій въ городѣ и платившій оброкъ, является въ деревню и говоритъ помѣщику: „Я не хочу заниматься своимъ ремесломъ и платить оброкъ“. Можетъ ли помѣщикъ сказать, что этотъ крестьянинъ не исполнитъ своихъ крѣпостныхъ обязанностей, если будетъ исправно ходить на барщину? Спросите исправника, становаго, уѣзднаго судью: всѣ скажутъ, что если крестьянинъ готовъ идти на барщину, онъ исполняетъ свою обязанность, и помѣщикъ не можетъ жаловаться на него за то, что онъ только земледѣлецъ, а не ремесленникъ. Слѣдовательно, если оброкъ получается съ какого нибудь другаго занятія, кромѣ земледѣлія, онъ является только произвольною замѣною земледѣльческой барщины, которая одна установлена закономъ какъ принадлежность крѣпостнаго права. Что же теперь? Если есть помѣстья, въ которыхъ, или по малоземелью, или по безплодію почвы, веденіе земледѣльческаго хозяйства на основаніи крѣпостнаго права или не можетъ давать порядочнаго дохода помѣщику, или даже не можетъ прокармливать крестьянъ и, слѣдовательно, обращается въ убытокъ помѣщику,—если есть такія помѣстья, что изъ того слѣдуетъ? Слѣдуетъ то, что законное крѣпостное право, то есть обработка земли обязательнымъ трудомъ, не примѣняется къ такимъ помѣстьямъ: они не имѣютъ экономической возможности существовать при немъ: они выходятъ за границы, которыми законъ опредѣляетъ крѣпостное право. Какъ бы ни думалъ кто изъ насъ о крѣпостномъ правѣ, но въ этихъ помѣстьяхъ происхо-

дитъ нѣчто противное даже крѣпостному праву. А кромѣ крѣпостнаго права нашъ законъ не признаетъ другихъ основаній для права на личность. Итакъ, если есть въ какихъ нибудь оброчныхъ помѣстьяхъ такой оброкъ, который выше дохода, доставляемаго въ тѣхъ помѣстьяхъ земледѣліемъ, этотъ оброкъ есть нарушеніе крѣпостнаго права, и весь излишекъ оброка надъ земледѣльческимъ доходомъ не имѣетъ юридическаго основанія и существуетъ только какъ злоупотребленіе. Только земледѣльческій трудъ подлежитъ крѣпостному праву, въ законномъ смыслѣ слова; только на цѣнности, доставляемыя земледѣльческимъ трудомъ, простирается крѣпостное право. За этимъ предѣломъ денежные сборы лишены юридическаго основанія.

Изъ этого мы видимъ, какъ незначительны должны оказаться законныя цифры выкупа въ оброчныхъ имѣніяхъ. Въ тѣхъ губерніяхъ, гдѣ земледѣльческимъ трудомъ едва могли бы кормиться сами поселяне, крѣпостное право въ законномъ размѣрѣ своемъ не давало бы почти никакого дохода, слѣдовательно и цѣнность помѣстій, при законномъ пользованіи ими, представлялась бы ничтожнѣйшею цифрой.

Мы ошиблись, во многихъ оброчныхъ помѣстьяхъ цифры были бы значительны, очень значительны, но имѣли бы отрицательный знакъ, что мы уже видѣли.

Впрочемъ, мы до сихъ поръ еще не объяснили именно того, что взялись объяснить—не объяснили смысла отрицательныхъ величинъ въ переводѣ ихъ съ ариѳметическаго языка на разговорный. Вотъ каковъ этотъ смыслъ. Человѣкъ, принимающій дѣло убыточное въ своей законной формѣ, или неразсчетливъ (и за неразсчетливость свою долженъ нести убытки), или намѣренъ вести дѣло какимъ нибудь другимъ путемъ, мимо законнаго (слѣдовательно, долженъ подвергнуться отвѣтственности по закону).

Дѣло въ томъ, что, дѣйствительно, оброкъ почти всегда есть превышеніе крѣпостнаго права; онъ есть пользованіе правомъ надъ личностью при такихъ обстоятельствахъ, которыя противорѣчатъ основному характеру крѣпостнаго права.

Какія юридическія послѣдствія возникаютъ изъ такого отношенія, мы не хотимъ разбирать здѣсь; но читатель вообще замѣтитъ, что дѣло идетъ о цѣнностяхъ, которыхъ не знаетъ и не признаетъ законъ. Если мы не ошибаемся, пользованіе цѣнностями, не имѣющими законнаго существованія, не можетъ ожидать для себя благопріятныхъ результатовъ, въ случаѣ разсмотрѣнія по закону.

Повторимъ кратко результаты этого изслѣдованія.

Въ имѣньяхъ, состоящихъ на барщинѣ, цѣнность помѣстья опредѣлялась исключительно тою частью помѣстья, которая оставалась въ личномъ пользованіи помѣщика. Земля, бывшая въ крестьянскомъ надѣлѣ, нимало не увеличивала продажной цѣнности имѣній: слѣдовательно, съ отдѣленіемъ крестьянской части отъ помѣстья, цѣнность помѣстья не уменьшается.

Отъ вознагражденія за право на личность помѣщики сами отказались и поступили справедливо, потому что въ барщинныхъ имѣніяхъ это право было для нихъ источникомъ не выгодъ, а убытковъ.

Въ оброчныхъ помѣстьяхъ почти весь оброкъ или даже и весь оброкъ вытекалъ изъ нарушенія законныхъ основаній крѣпостнаго права.

Зачѣмъ мы дѣлали этотъ выводъ? Неужели затѣмъ, чтобы отказывать помѣщикамъ въ вознагражденіи? Вовсе нѣтъ. Мы хотѣли только показать, что юридическихъ основаній для вознагражденія нѣтъ и что если идетъ о немъ рѣчь, то должна идти на основаніи государственной пользы и житейской справедливости.

Государственная польза требуетъ, чтобы ни одно сословіе не терпѣло напрасныхъ убытковъ.

Справедливость требуетъ, чтобы выкупъ не превышалъ мѣры дѣйствительной надобности въ немъ для помѣщиковъ.

На этомъ основаніи размѣръ выкупа можетъ быть опредѣленъ такой, что національное чувство останется довольно.

Если въ барщинныхъ имѣніяхъ, имѣющихъ довольно земли, размѣръ выкупа опредѣлится такой, чтобы, за вычетомъ долговъ въ кредитныя учрежденія, приходилось помѣщику получить сумму, достаточную для устройства земледѣльческаго хозяйства съ наемною платою, помѣщики не останутся въ убыткѣ; напротивъ, они очень много выиграютъ, потому что освободятся отъ долговъ, которыми угнетены, сохранятъ всю часть помѣстья, отъ которой зависѣла его цѣнность, и устроятъ хозяйства болѣе выгоднымъ образомъ.

Они будутъ получать доходовъ больше прежняго. Они избавятся отъ обременительныхъ уплатъ въ кредитныя учрежденія. Поэтому продажная цѣнность ихъ помѣстій значительно увеличится, хотя число десятинъ будетъ считаться менѣе, нежели было.

Въ такихъ помѣстьяхъ каждый рубль выкупа есть чистый выигрышъ для помѣщика.

Средній долгъ въ кредитныя учрежденія составляетъ отъ 55 до 60 рублей на душу.

На устройство хозяйства съ наемными работниками нужно наличныхъ денегъ не болѣе 4 рублей на десятину господской запашки, то есть, считая, среднимъ числомъ, 33 тягла въ 100 душахъ и $1^3/_4$ десятины въ полѣ господской запашки на тягло, всего около 175 десятинъ господской запашки на 100 душъ, нужно не болѣе 700 рублей для передѣлки земледѣльческаго хозяйства въ помѣстьѣ, имѣвшемъ 100 душъ.

Такимъ образомъ, выкупъ отъ 62 до 67 руб. былъ бы совершенно достаточенъ для того, чтобы помѣщики заложенныхъ имѣній не потерпѣли никакого разстройства въ своемъ хозяйствѣ; а чистымъ выигрышемъ было бы для нихъ освобожденіе отъ долга въ кредитныя учрежденія, или, въ имѣньяхъ чистыхъ отъ этого долга, полученіе суммы, равной среднему размѣру долга заложенныхъ помѣстій.

Въ оброчныхъ помѣстьяхъ справедливость требовала бы принять основаніемъ оцѣнки для вознагражденія такую величину оброка, которая считается въ тѣхъ мѣстахъ необременительною для крестьянъ. Во многихъ губерніяхъ эта цифра не выше 15 рублей, въ нѣкоторыхъ еще ниже; въ немногихъ она доходитъ до 25 рублей. Среднюю величину для цѣлой имперіи можно положить около 20 рублей.

Считая 33 тягла на 100 душъ и капитализируя по $7^1/_2\%$, это составитъ около 89 рублей за душу.

Само собой разумѣется, что если эти 89 рублей употребить на дѣланіе обѣдовъ, баловъ, покупку каретъ и браслетъ, этихъ денегъ окажется мало для жизни. Точно также не для всѣхъ достаточенъ будетъ доходъ, если положить деньги въ кредитныя учрежденія, лечь на диванъ и курить трубку съ длиннымъ чубукомъ, получая по 5% на свой капиталъ. Но въ нашъ вѣкъ никакого капитала не будетъ достаточно для человѣка, желающаго жить сложа руки. А кто захочетъ пустить свой капиталъ въ оборотъ, тотъ легко получитъ съ него 8% и больше. Значитъ, изъ помѣщиковъ, владѣвшихъ оброчными, не останется въ убыткѣ никто, если самъ не захочетъ оставаться въ убыткѣ.

Мы не выставляемъ своихъ цифръ за непремѣнныя и окончательныя; мы просимъ только подумать, что, при этихъ или близкихъ къ нимъ цифрахъ выкупа, помѣщики оброчныхъ имѣній не останутся въ убыткѣ, а помѣщики тѣхъ имѣній, гдѣ существовала господская запашка, будутъ имѣть уже очень значительную выгоду.

Разумѣется, мы говоримъ о тѣхъ помѣщикахъ, которые не злоупотребляли своею властью, не разоряли крестьянъ противозаконнымъ увеличеніемъ барщины или такими оброками, отъ которыхъ возмущались сосѣдніе честные помѣщики. Мы говоримъ о помѣщикахъ честныхъ, совѣстливыхъ, которые честнымъ и разсудительнымъ способомъ дѣйствія въ губернскихъ комитетахъ уже оказали и себѣ, и крестьянамъ, и государству великую услугу, доказавъ, что освобожденіе крестьянъ безъ земли невозможно.

Просимъ ихъ подумать о величинѣ выкупа такъ же разсудительно, какъ подумали они объ освобожденіи съ землею или безъ земли. Просимъ ихъ подумать о томъ, есть ли для нихъ надобность въ такихъ страшныхъ выкупахъ, какіе опредѣляются нѣкоторыми софистами, разсчитывающими на остзейскій манеръ? Есть ли честному помѣщику земледѣльческаго имѣнія надобность, оставляя у себя всю ту землю, которая составляла цѣну помѣстья, требовать съ крестьянъ выкупа, который чуть ли не превышаетъ всей цѣны помѣстья? Просимъ ихъ подумать о томъ, останутся ли они въ убыткѣ, освободившись отъ долговъ въ кредитныя учрежденія и получивъ, сверхъ того, деньги, какія нужны для заведенія хлѣбопашества съ вольнонаемнымъ трудомъ? Просимъ ихъ также подумать о томъ, что, при той величинѣ выкупа, которую сами они, по совѣсти, вѣроятно, признаютъ за безубыточную для себя, при этой величинѣ выкупа отъ 70 до 90 рублей за душу, очень легко произвесть выкупъ на такихъ основаніяхъ, которыми національное чувство останется довольно. Просимъ ихъ также подумать о томъ, признается ли національнымъ чувствомъ хотя какой нибудь выкупъ? Русскій народъ состоитъ не изъ экономистовъ, онъ не читалъ Адама Смита. Но пусть честные люди прислушаются къ голосу народа, и они узнаютъ, что нація думаетъ о выкупѣ. Хотите ли знать, что думаетъ нація? Нація споритъ о томъ, что должно быть съ господскими полями и лугами: останутся ли они за помѣщикомъ, или также отойдутъ къ крестьянамъ? И, замѣтьте, о выкупѣ не бываетъ въ этихъ спорахъ и помина. Просимъ прислушаться къ голосу націи и провѣрить, правду ли мы говоримъ. При такомъ расположеніи національнаго чувства, что остается дѣлать людямъ, которые желали бы, чтобы помѣщики получили выкупъ не на бумагѣ только, а

на самомъ дѣлѣ? Остается думать о томъ, такова ли удовлетворительная для помѣщиковъ величина выкупа, чтобы этотъ выкупъ былъ заплаченъ незамѣтно для крестьянъ, иначе сказать, такую ли величину имѣетъ этотъ выкупъ, чтобы онъ могъ быть уплаченъ податью въ 3 рубля, то есть тѣми рублями, которые составляютъ разницу между нынѣшнею казенною податью крѣпостныхъ крестьянъ и тою, которою они по освобожденіи были бы обложены наравнѣ съ государственными крестьянами. Намъ кажется, что выкупъ такой величины безубыточенъ для помѣщиковъ оброчныхъ имѣній и составляетъ огромный выигрышъ для помѣщиковъ имѣній съ господскою запашкою. Просимъ подумать о такой величинѣ выкупа, потому что только она можетъ быть примирена съ національнымъ чувствомъ. Мы говоримъ о національномъ чувствѣ: почему не сказать и о наукѣ? Почему не замѣтить, что она съ своей стороны говоритъ то же самое, что говоритъ національное чувство, хотя оно и не знаетъ о ней. Нашъ взглядъ на юридическую величину выкупа не согласенъ съ предубѣжденіями, которыя всосаны многими изъ насъ отъ крѣпостнаго права, или, лучше сказать, отъ его злоупотребленій (потому что законное крѣпостное право, то право, которое можетъ требовать себѣ вознагражденія по Своду Законовъ, приводитъ къ такимъ же соображеніямъ, какія изложены у насъ); но спросите у любого экономиста, французскаго, нѣмецкаго, англійскаго, какого угодно: каждый скажетъ о размѣрѣ юридическаго вознагражденія то же самое, что должны были сказать мы для ослабленія фальшивыхъ и непрактичныхъ претензій, предъявляемыхъ нѣкоторыми. Сводъ законовъ, національное чувство, политическая экономія,—все приводитъ къ тому, что *требовать* выкупа едва ли выгодно и даже едва ли можно; но можно *получить* выкупъ въ такомъ размѣрѣ, который допускается состояніемъ государственныхъ финансовъ и національнымъ чувствомъ. Этотъ размѣръ мы старались опредѣлить. При выкупѣ отъ 70 до 90 рублей съ души, національное чувство не будетъ возмущено; государство не потерпитъ разстройства; одна треть помѣщиковъ (помѣщики оброчныхъ имѣній) останутся не въ убыткѣ; двѣ другія трети помѣщиковъ (помѣщики имѣній съ господскою запашкою) будутъ имѣть огромный выигрышъ.

А если требовать выкупа въ 150 рублей, народъ изнеможетъ подъ такою тяжестью, и что тогда будетъ? Чего ждетъ теперь крестьянинъ? Онъ ждетъ воли. Чего ждетъ онъ отъ воли? Облегченія своей судьбѣ. Какое же почувствуетъ онъ облегченіе и пойметъ ли онъ волю, если его заставятъ платить оброкъ не меньше, или даже больше нынѣшняго, или заставятъ, по прежнему, ходить на барщину? Какъ пойметъ онъ такое освобожденіе? Онъ не пойметъ его, онъ почтетъ себя обманутымъ,—и что тогда будетъ?

4) *Долженъ ли выкупъ земли быть произведенъ немедленно обязательнымъ образомъ?*

Человѣкъ, привыкшій разсуждать о житейскихъ дѣлахъ практическимъ образомъ, никакъ не можетъ самъ собою дойти до того, чтобы даже вообразить возможность этого вопроса. Его уму представляются только два способа освобожденія: или крестьяне освобождаются безъ земли, и въ такомъ случаѣ нѣтъ надобности въ самомъ терминѣ „выкупъ“—если крестьяне, освобождаемые безъ земли,

впослѣдствіи пріобрѣтутъ ее, это будетъ обыкновенною покупкою въ томъ самомъ смыслѣ, какъ нынѣ какой-нибудь мѣщанинъ или купецъ покупаетъ домъ или садъ у другаго; если же крестьяне освобождаются съ землею, этимъ самымъ уже говорится, что выкупъ соединенъ съ актомъ освобожденія, и какъ освобожденіе производится общею, обязательною мѣрою, то и переходъ земли долженъ быть одновременъ съ самымъ освобожденіемъ и имѣть характеръ обязательности. Таково понятіе людей практическихъ. Только идеализмъ, чуждый реальнаго взгляда на житейскія дѣла и лишенный возможности практическаго осуществленія, можетъ обольщать среднимъ рѣшеніемъ, которое, говоря, что крестьяне освобождаются съ землею, прибавляетъ: „но выкупъ ея предоставляется добровольному соглашенію и можетъ быть отсроченъ". Дѣйствительно, эта прибавка въ сущности значитъ, что крестьяне освобождаются безъ земли.

Добровольное соглашеніе только тогда можетъ быть добровольнымъ, когда обѣ стороны находятся въ полной независимости одна отъ другой. Положеніе крестьянъ, хотя бы и освобожденныхъ, не таково относительно помѣщика. Во-первыхъ, крестьянъ въ уѣздѣ десятки тысячъ, а помѣщиковъ—только десятки или сотни; притомъ, даже и эти немногочисленные продавцы привыкли уже сообразоваться въ своихъ дѣйствіяхъ съ двумя или тремя богатѣйшими изъ своихъ сотоварищей: каждому извѣстно, что въ цѣломъ уѣздѣ, а иногда и въ нѣсколькихъ уѣздахъ, общество дворянъ слѣдуетъ обыкновенно руководству одной, двухъ, много трехъ фамилій. Крестьянамъ, по ихъ многочисленности и разрозненности, нѣтъ возможности дѣйствовать такимъ же способомъ. Слѣдовательно, при такъ называемыхъ добровольныхъ сдѣлкахъ по выкупу земли, одна сторона пользовалась бы преимуществомъ монополіи, то есть вмѣсто свободной сдѣлки было бы совершенное диктованіе условій выкупа одною стороною. Само собою разумѣется, что условія диктовались бы самыя невыгодныя для желающихъ купить, и земля осталась бы въ рукахъ помѣщиковъ.

Говорятъ, что можно постановить какія нибудь правила, которыми предотвращалось бы произвольное диктованіе выкупной цѣны, напримѣръ: опредѣлить высшую норму выкупа, взносъ котораго передавалъ бы землю крестьянамъ и безъ согласія помѣщика. Но постановить высшую норму значитъ опредѣлить цѣну очень высокую, по которой могли бы безъ убытка быть выкуплены лишь немногіе участки земли, самые дорогіе въ данной мѣстности. Дѣйствительная цѣна всѣхъ остальныхъ участковъ была бы по необходимости гораздо ниже этой нормы, и они остались бы не выкуплены. Притомъ, какъ бы точны ни были правила, которыми опредѣлялись бы условія взноса денегъ по нормальной цѣнѣ, все-таки невозможно будетъ въ этихъ правилахъ предусмотрѣть всѣхъ мелочей и подробностей практическаго ихъ примѣненія, и всегда могутъ быть найдены предлоги и отговорки для уклоненія отъ нихъ, если осуществленіе выкупа будетъ поставлено частнымъ дѣломъ между отдѣльнымъ помѣщикомъ и крестьянами каждаго села. Напримѣръ, если деньги должны будутъ взноситься прямо въ руки помѣщика, онъ просто можетъ отказываться брать ихъ, когда несогласенъ на выкупъ, и, вмѣсто выкупа, возникнетъ просто тяжебное дѣло о томъ, дѣйствительно ли помѣщику предлагался такой выкупъ, отъ котораго не долженъ былъ онъ отказываться; само собою разумѣется, что эта тяжба можетъ длиться до безконечности, по обыкновенному порядку нашихъ процессовъ. Если положено будетъ взносить выкупъ въ руки извѣстнаго чинов-

ника, онъ можетъ также отказываться принять его: кому не извѣстно, что въ нѣкоторыхъ уѣздныхъ казначействахъ иногда не соглашаются принимать у поселянъ денегъ, приносимыхъ ими даже въ уплату государственныхъ податей, за своевременнымъ взиманіемъ которыхъ такъ бдительно слѣдитъ правительство? Гораздо легче отказаться чиновнику отъ пріема денегъ, предназначенныхъ для передачи частному лицу, когда само это лицо проситъ его не принимать денегъ. Посредствомъ подобныхъ проволочекъ, выкупъ можетъ быть оттягиваемъ очень долго, въ случаѣ несогласія на него помѣщика, а выигрышъ времени рѣшитъ весь ходъ дѣла. Имѣя время, можно и обрѣзать крестьянскіе участки, и перенести ихъ съ одного мѣста дачи на другое. Что тогда будутъ дѣлать крестьяне? Жаловаться, начинать процессы? Но сколько лѣтъ будутъ тянуться и сколькихъ денегъ стоить крестьянамъ процессы, и какъ будутъ рѣшаться, если когда нибудь подойдутъ къ рѣшенію?

Кто знаетъ состояніе нашей администраціи и нашего судопроизводства, тотъ очень хорошо понимаетъ, что у насъ рѣшительно непрактичны такія идеальныя гипотезы, какъ предположеніе добровольныхъ соглашеній о выкупѣ земли между помѣщиками и освобождаемыми ихъ крестьянами. Такія гипотезы требуютъ отъ судопроизводства и администраціи такого совершенства, какого мы еще не находимъ вокругъ себя. Опредѣлять, что выкупъ земли предоставляется добровольнымъ сдѣлкамъ, значило бы у насъ опредѣлять, что крестьяне въ результатѣ увидятъ себя освобожденными безъ земли.

Само собою разумѣется, что предположеніе предоставить выкупъ земли добровольнымъ сдѣлкамъ могло возникнуть только вслѣдствіе сомнѣній о возможности безотлагательно произвести его обязательнымъ образомъ. Но если величина выкупа будетъ принята справедливая, то произвести его обязательнымъ образомъ будетъ очень легко. Мы подробно доказывали это въ статьѣ „Труденъ ли выкупъ земли“, гдѣ предлагали къ осуществленію его множество разныхъ способовъ, изъ которыхъ каждый былъ бы легокъ. Государство можетъ принять или не принять на себя производство этой операціи; она можетъ быть произведена съ помощью или безъ помощи внѣшняго займа и кредитныхъ билетовъ,—словомъ сказать, каковы бы ни были положеніе государственныхъ финансовъ и финансовые планы правительства, все-таки легко найти способъ обязательнаго выкупа, соотвѣтствующій характеру этихъ условій, легкій и быстрый.

5) *Можно-ли поставить обязательный трудъ принудительнымъ способомъ уплаты выкупа?*

На этотъ вопросъ отвѣтъ легко найти въ самомъ имени того дѣла, часть котораго составляетъ вопросъ о выкупѣ. Крестьяне освобождаются отъ крѣпостной зависимости: въ чемъ же состояла крѣпостная зависимость? Основною и единственною законною чертою ея былъ обязательный трудъ. Итакъ, сохранить обязательный трудъ значило бы въ сущности сохранить крѣпостное право. Народъ не могъ бы понять этого иначе и былъ бы правъ. Нѣтъ надобности говорить, какія послѣдствія были бы произведены, если бы народъ остался при убѣжденіи, что крѣпостное право уцѣлѣло.

При несообразности своей съ ожиданіями народа, сохраненіе обязательнаго труда было бы противно и требованіямъ науки. Экономическая сторона, конечно, самая важная въ крѣпостномъ вопросѣ. Въ чемъ же состоитъ сущность крѣпостнаго права по объясненію политической экономіи? Точно такъ же, какъ и по мнѣнію народа, въ обязательномъ трудѣ. Если политическая экономія признаетъ крѣпостное право гибельнымъ для націи, убыточнымъ для самихъ владѣльцевъ, она поставляетъ источникомъ всѣхъ его такихъ дѣйствій обязательный трудъ. Пока онъ не прекратится, политическая экономія не будетъ признавать прекратившимся и крѣпостнаго права.

СУЕВѢРІЕ И ПРАВИЛА ЛОГИКИ.

Позволительна ли по правиламъ логики гипотеза о вредномъ вліяніи общиннаго владѣнія на земледѣліе.—Что такое называется азіатствомъ и въ чемъ заключаются дѣйствительныя препятствія успѣхамъ нашего земледѣлія.

Намъ, людямъ просвѣщеннымъ, чрезвычайно смѣшны кажутся деревенскіе простяки, вѣрящіе въ знахарство и заговоры. Пропадетъ у бабы холстъ, который разостлала она бѣлить за огородомъ,—баба отправляется къ знахарю, главѣ всѣхъ окрестныхъ мошенниковъ, и знахарь объявляетъ ей, что холстъ найдется въ такомъ-то овинѣ или хлѣвѣ. Долго бьетъ мужика неотвязна-лихорадка: призываютъ знахарку,—она поитъ его виномъ, къ которому примѣшанъ мышьякъ, сопровождая лѣченіе причитываніемъ разныхъ заговоровъ, и лихорадка проходитъ, если больной не умретъ отъ мышьяка. И баба, нашедшая свой холстъ, и мужикъ, выздоровѣвшій отъ лихорадки, остаются въ твердомъ убѣжденіи, что дѣйствіе произведено причитываніями и таинственными жестами, съ которыми знахарь гадалъ о потерянной вещи и знахарка давала лѣкарство. Какое нелѣпое, тупоумное суевѣріе! Но если, вмѣсто того, чтобы смѣяться надъ нимъ, мы захотимъ разобрать, отчего произошло дикое заблужденіе, мы найдемъ, что сущность его состоитъ въ предположеніи, будто-бы результатъ произведенъ фактомъ, только случайно совпадающимъ съ другими фактами, обратить вниманіе на которые не хотятъ суевѣрные простяки, и которые сами по себѣ уже очень достаточны для объясненія дѣла. Знахарь имѣетъ сношенія съ ворами—это извѣстно всѣмъ въ селѣ; не было ли бы довольно этого, чтобы понять, какъ можетъ онъ указать мѣсто украденной вещи, подѣлившись оброкомъ отъ простодушной крестьянки съ своими агентами—ворами? Мышьякъ лѣкарство слишкомъ вредное, но радикальное лѣкарство отъ лихорадки: не было ли бы довольно этого, чтобы объяснить излѣченіе мужика? Но деревенскіе невѣжды, пренебрегая причинами положительными, непремѣнно хотятъ строить гипотезы о мнимомъ вліяніи такихъ фактовъ, которые ровно ничѣмъ не участвовали въ совершеніи дѣла.

Если мы не захотимъ забывать найденной нами существенной черты суевѣрія, то безъ всякаго затрудненія мы найдемъ слово, которымъ надобно характеризовать мнѣніе отсталыхъ экономистовъ о томъ, будто бы плохое состояніе нашего земледѣлія имѣетъ какую нибудь связь съ общиннымъ владѣніемъ. Это мнѣніе, точно такъ же какъ вѣра въ силу таинственныхъ жестовъ знахарства, основывается исключительно на томъ, что отсталые экономисты непремѣнно хотятъ придумать гипотезу для объясненія факта, слишкомъ достаточно объясняемаго дѣйствіемъ причинъ очевидныхъ и несомнѣнныхъ. Въ одной статьѣ

мы говорили о возраженіяхъ противъ общиннаго владѣнія, проистекающихъ отъ незнакомства съ философіею, въ другой—о возраженіяхъ, проистекающихъ изъ незнакомства съ характеромъ дѣльнаго законодательства, изъ неумѣнія отличить его отъ безтолковой регламентаціи; теперь мы будемъ говорить о предразсудкѣ, возникающемъ изъ незнакомства съ основными правилами логики.

Когда мы хотимъ изслѣдовать, можетъ ли какое-нибудь обстоятельство считаться причиною извѣстнаго факта, логика предписываетъ намъ, во-первыхъ, разсмотрѣть, нужна ли гипотеза о какой бы то ни было лишней причинѣ, или тотъ фактъ, происхожденіе котораго мы хотимъ узнать, совершенно достаточно объясняется дѣйствіемъ причинъ уже извѣстныхъ. Если окажется, этихъ несомнѣнныхъ причинъ уже совершенно достаточно, и что нѣтъ надобности придумывать новую причину, логика велитъ намъ испытать, нѣтъ ли положительныхъ указаній, что фактъ, происхожденіе котораго мы объясняемъ, возникаетъ исключительно отъ этихъ причинъ, совершенно независимо отъ обстоятельства, которому наше суевѣріе приписывало вліяніе на него. Для этого логика велитъ внимательнѣе обозрѣть природу и исторію, чтобы видѣть, не повторяется ли этотъ фактъ въ полной своей силѣ и тамъ, гдѣ не существуетъ обстоятельства, которое суевѣрнымъ образомъ ставится въ связь съ нимъ. Для человѣка разсудительнаго бываетъ обыкновенно довольно первой половины изслѣдованія: но тотъ, кто ослѣпленъ суевѣріемъ, принужденъ бываетъ сознаться въ своемъ заблужденіи только по приложеніи къ спорному вопросу и втораго способа,—способа отрицательной повѣрки. Положимъ, напримѣръ, что я вздумалъ бы утверждать, будто поднятіе ртути въ барометрической трубкѣ зависитъ отъ свойствъ стеклянной массы, составляющей стѣнки этой трубки. Какъ узнать, основательно ли мое мнѣніе? Каждому извѣстно, что ртуть поднимается въ трубкѣ давленіемъ атмосферы, и логика велитъ прежде всего изслѣдовать, достаточно ли вліянія одной этой причины для поднятія ртути на ту высоту, какой она достигаетъ въ барометрѣ. Если окажется, что достаточно одного давленія атмосферы для произведенія этого факта, разсудительные люди уже увидятъ неосновательность моего мнѣнія о связи этого явленія съ качествами стекла; но я въ упорствѣ своего ослѣпленія все еще могу твердить: „такъ, ртуть поднимается давленіемъ атмосферы; но почему знать, не поднимается ли она отчасти также и какимъ нибудь свойствомъ стекла?“ Чтобы отнять у меня возможность такого пустословія, надобно сдѣлать барометръ изъ желѣза, кости или какого нибудь другаго матеріала: когда въ роговой или глиняной трубкѣ ртуть будетъ подниматься точно такъ же, какъ въ стеклянной, нелѣпость моей гипотезы обнаружится такимъ осязательнымъ способомъ, что, не отказавшись отъ нея, я представляюсь уже просто или человѣкомъ недобросовѣстнымъ, или тупоумнымъ суевѣромъ. Упрямство отсталыхъ экономистовъ таково, что необходимо довести изслѣдованіе о предполагаемой связи между низкимъ состояніемъ земледѣлія и общиннымъ владѣніемъ до этого послѣдняго результата. Для нихъ мало будетъ простаго указанія на то, что предположеніе объ этой связи гипотеза совершенно лишняя, потому что и безъ нея фактъ слишкомъ достаточно объясняется такими причинами, вліяніе которыхъ на состояніе земледѣлія несомнѣнно.

Развитіе сельскаго хозяйства въ Россіи слабо. Но могло ли оно достичь высокой степени, какова бы ни была у насъ система владѣнія землею? Существовало ли у насъ до сихъ поръ хотя одно изъ тѣхъ обстоятельствъ, отъ которыхъ за-

виситъ усиленное развитіе земледѣлія? Не очевидно ли, напротивъ, что всѣ данныя, которыми обусловливается положеніе сельскаго хозяйства, находились у насъ до сихъ поръ на ступени, чрезвычайно неблагопріятной его успѣхамъ? Пересмотримъ поочередно главнѣйшія изъ этихъ данныхъ, чтобы видѣть, какого развитія могло достигать у насъ сельское хозяйство при какомъ бы то ни было способѣ владѣнія землею.

Статистика говоритъ, что степень успѣховъ сельскаго хозяйства вездѣ соотвѣтствуетъ густотѣ населенія. Лучше всего въ Европѣ земля обработывается въ Англіи, въ Рейнской Германіи и въ Ломбардіи: эти страны имѣютъ отъ 5 до 6,000 населенія на квадратную милю. Во Франціи, гдѣ населеніе простирается до 4,000 человѣкъ на квадратную милю, земля обработывается далеко не съ такой заботливостью. Въ восточныхъ частяхъ Австрійской имперіи, гдѣ населеніе еще рѣже, обработка земли еще хуже. Въ собственной Венгріи, гдѣ на квадратную милю считается 2,500 населенія, сельское хозяйство до сихъ поръ остается подъ господствомъ методовъ обработки совершенно первобытныхъ. Еще меньше усовершенствованій имѣетъ сельское хозяйство въ Трансильваніи, гдѣ приходится на квадратную милю по 2,000 человѣкъ. Венгрія и Трансильванія до такой степени отстали въ методахъ сельскаго хозяйства отъ прочихъ земель Западной Европы, что статистика, говоря о земледѣліи въ Западной Европѣ, никакъ не думаетъ и вспоминать о восточныхъ областяхъ Австріи, какъ о странахъ сколько нибудь похожихъ въ этомъ отношеніи на земли болѣе населенныя, которыя служатъ исключительнымъ мѣстомъ усовершенствованій въ земледѣліи. У насъ нѣтъ ни одной губерніи, которая густотою своего населенія равнялась бы хотя Венгріи, и, за исключеніемъ одной Московской, нѣтъ ни одной губерніи, которая превосходила бы въ этомъ отношеніи Трансильванію. Если мы возьмемъ даже только однѣ такъ называемыя земледѣльческія наши губерніи, то есть западную часть центральной Россіи, Малороссію и землю черноземной полосы, все-таки, въ общей сложности, мы не получимъ болѣе 1,200 человѣкъ на квадратную милю въ этомъ пространствѣ, гдѣ главнымъ образомъ сосредоточено наше земледѣліе *). Скажите же, какихъ усовершенствованныхъ методовъ, при какомъ бы то ни было способѣ населенія, можно ожидать въ сельскомъ хозяйствѣ такой страны, которая имѣетъ населенія въ два раза меньше, чѣмъ Венгрія и Трансильванія, гдѣ, по многоземелію, нѣтъ надобности въ усовершенствованныхъ методахъ? Если Франція, имѣющая около 4,000 жителей на квадратную милю, до сихъ поръ держится трехпольнаго хозяйства, если она до сихъ поръ остается почти совершенно чужда усовершенствованнымъ способамъ производства, то не безумно ли приписывать мистическому вліянію общиннаго владѣнія то обстоятельство, что мы, подобно французамъ, держимся трехпольной системы и подобно французамъ плохо удобряемъ свою землю? Кто, сравнивши, густоту населенности въ Европейской Россіи и въ Западной Европѣ, будетъ нуждаться еще въ гипотезѣ о вредномъ вліяніи общиннаго владѣнія, тотъ, по нашему мнѣнію, долженъ, въ случаѣ болѣзни, ле-

*) Мы отбрасываемъ губерніи Архангельскую, Олонецкую, Вологодскую, Астраханскую и другія, въ которыхъ населеніе несравненно меньше. Читатель знаетъ что если считать эти громадныя пустыни, то средняя густота населенія въ Европейской Россіи едва достигаетъ 650 человѣкъ на квадратную милю. Но мы беремъ только ту половину Европейской Россіи, въ которой населеніе по нашей русской нормѣ считается уже довольно густымъ и которая преимущественно имѣется въ виду, когда рѣчь идетъ о земледѣліи.

читься не у докторовъ, а у знахарей: дѣйствіе медицинскихъ средствъ ему должно казаться тоже недостаточнымъ, и онъ долженъ искать помощи себѣ въ какомъ нибудь заговорѣ колдуна.

Зависимость усовершенствованныхъ способовъ обработки земли отъ густоты населенія яснѣе всего выказываютъ Соединенные Штаты. Они въ высокой степени обладаютъ всѣми другими условіями, вызывающими усовершенствованное сельское хозяйство: и громаднымъ развитіемъ городовъ, и превосходными путями сообщенія, и страшнымъ богатствомъ капиталовъ,—всѣми этими условіями, которыхъ лишена Россія; они отличаются отъ Англіи только тѣмъ, что густота населенія въ нихъ невелика, и отъ разницы въ этомъ одномъ обстоятельствѣ происходитъ то, что сѣвероамериканецъ пренебрегаетъ усовершенствованными методами сельскаго хозяйства. Спросите его, почему онъ не употребляетъ на улучшеніе акра земли въ какомъ нибудь Огайо по 100 долларовъ, между тѣмъ какъ англичанинъ тратитъ на улучшеніе своей земли гораздо больше,— онъ или захохочетъ, считая васъ помѣшаннымъ, или разсердится, думая, что вы принимаете его за дурачка, надъ которымъ можно потѣшаться. Но если вы объясните ему, что вы спрашиваете серьезно, и докажете, что вы человѣкъ не глупый, а только черезчуръ начитавшійся отсталыхъ экономистовъ, то онъ растолкуетъ вамъ, въ чемъ дѣло. Онъ скажетъ: если я буду обработывать свою землю по англійской усовершенствованной методѣ, я не обработаю и третьей части того количества, какое находится у меня теперь подъ посѣвомъ. Земля у насъ такъ дешева, что тратить много денегъ на ея улучшеніе еще невыгодно.

Отсталые экономисты вообще такъ сообразительны, что, пожалуй, тотчасъ же придумаютъ новую гипотезу, все во вредъ тому же непостижимому для нихъ общинному владѣнію. Надобно поскорѣе сдѣлать оговорку, чтобы предупредить ихъ остроумную догадку. Хорошо, скажутъ они, затрачивать много денегъ на улучшеніе земли у насъ нельзя потому, что земля слишкомъ дешева и населеніе не имѣетъ такой густоты, какъ въ Англіи. Но причиною малой населенности и дешевизны нашихъ земель не должно ли считаться общинное владѣніе? Мы не сами выдумали это остроумное соображеніе, послѣ котораго остается только предположить, что нерасчищенность фарватера нашихъ рѣкъ происходитъ также отъ общиннаго владѣнія. Отсталые экономисты дѣйствительно говорили, что развитіе населенія у насъ задерживается общиннымъ владѣніемъ; но это показываетъ только, что они не читали даже извлеченія изъ русской исторіи Карамзина, которое приложено къ нѣмецкой грамматикѣ г. Таше, для упражненія въ переводахъ. Иначе они знали бы, что до половины XVII вѣка вся Европейская Россія была театромъ такихъ событій, при которыхъ можно дивиться развѣ тому, что уцѣлѣли въ ней хотя тѣ малочисленные жители, которыхъ имѣла она при Петрѣ. Татарскіе набѣги, нашествіе поляковъ, многочисленныя шайки разбойниковъ, походившія своею громадностью на цѣлыя арміи,—все это постоянно дотла раззоряло русскія области. Онѣ опустошались также страшною неурядицею управленія. Мы знаемъ, что вольные люди записывались за помѣщиковъ, лишь бы найти себѣ какую нибудь защиту, потому что законъ былъ совершенно безсиленъ оградить ихъ,—это фактъ, говорящій о такомъ положеніи вещей, соотвѣтствіе которому въ исторіи Западной Европы представляютъ лишь тѣ мрачныя времена среднихъ вѣковъ, когда аллодіальные владѣльцы принимали на себя феодальную зависимость. Удивительно ли,

что, при такомъ положеніи дѣлъ, народонаселеніе оставалось чрезвычайно малочисленнымъ? Только съ XVIII вѣка внѣшніе раззорители были обузданы и внутренняя администрація стала нѣсколько улучшаться; съ тѣхъ поръ, въ теченіе 160 лѣтъ, она постоянно улучшалась, но, по нынѣшнему ея состоянію, можно судить о томъ, какова была она лѣтъ 70 тому назадъ. Если теперь производятся вещи, тысячной доли которыхъ не могъ описать Щедринъ, то разсказы нашихъ отцовъ и дѣдовъ свидѣтельствуютъ, что въ ихъ времена господствовалъ произволъ, невѣроятный даже для насъ. Не будетъ ли явнымъ безразсудствомъ отыскивать какихъ-нибудь другихъ причинъ къ объясненію того факта, что Россія заселена еще очень слабо? Мы удивляемся не тому, что теперь наше населеніе еще слишкомъ мало; напротивъ, скорѣе требовало бы объясненія то обстоятельство, какимъ образомъ могло оно увеличиться хотя до настоящей цифры при извѣстной намъ судьбѣ русскаго народа въ этотъ періодъ. Сравнивая цифру населенія собственно русскихъ областей въ наше время съ населеніемъ ихъ за полтораста лѣтъ, мы должны приписать натурѣ русскаго человѣка чрезвычайную переносливость—черта, которая обнаруживается также всею нашею исторіею и всѣми особенностями нашего быта.

Мы сказали только объ одной причинѣ неразвитости нашего сельскаго хозяйства, и эта одна причина—малая населенность даже самыхъ населенныхъ нашихъ земель—уже могла бы служить очень удовлетворительнымъ объясненіемъ тому, что наше земледѣліе еще не вышло изъ-подъ господства первобытныхъ методовъ обработки: но сколько есть еще другихъ несомнѣнныхъ причинъ, дѣйствующихъ въ томъ же направленіи. Замѣчено, напримѣръ, что развитіе сельскаго хозяйства идетъ въ уровень съ развитіемъ городовъ. Дѣло очень понятное: методы производства улучшаются тогда, когда нужно усиленное производство; усиленіе производства возможно только тогда, когда есть сбытъ для продуктовъ. Въ большой странѣ города собственнаго государства должны служить важнѣйшимъ мѣстомъ сбыта сельскихъ продуктовъ. Потому, чѣмъ значительнѣе пропорція городскаго населенія въ общемъ числѣ жителей страны, тѣмъ высшаго развитія достигаетъ въ ней земледѣліе. Противники общиннаго владѣнія восхищаются англійскимъ сельскимъ хозяйствомъ; но вѣдь въ Англіи болѣе двухъ третей населенія живетъ въ городахъ. Одинъ Лондонъ, съ принадлежащими къ нему мѣстечками, представляетъ массу покупщиковъ хлѣба едва-ли не бо́льшую, чѣмъ всѣ города Русской имперіи отъ Петербурга до Якутска*).

Въ Англіи болѣе двухъ третей населенія сосредоточено въ городахъ. Въ Пруссіи городскіе жители все еще составляютъ около третьей части всего населенія; даже въ Австріи въ городахъ живетъ восьмая часть населенія. У насъ оно составляетъ едва двѣнадцатую часть. Итакъ, не сравнивая Россіи съ Англіей, ни даже съ Франціей и Пруссіей, довольно будетъ замѣтить, что по пропорціи между городскимъ и сельскимъ населеніемъ русское земледѣліе находится въ положеніи, въ полтора раза неблагопріятнѣйшемъ, чѣмъ земледѣліе Австріи, самой отсталой западной державы по методамъ сельскаго хозяйства.

---

*) Въ Лондонѣ съ окрестными мѣстечками считается до 3 милліоновъ жителей, а во всѣхъ городахъ Русской имперіи до 5 съ половиною милліоновъ. Но почти во всѣхъ нашихъ уѣздныхъ и даже во многихъ губернскихъ городахъ большинство населенія занимается хлѣбопашествомъ. Эти люди горожане только по имени, а въ самомъ дѣлѣ они такіе же поселяне, какъ и деревенскіе мужики, несмотря на свой титулъ мѣщанъ. Нѣтъ надобности говорить, что въ Лондонѣ, напротивъ того, каждый житель не производитъ, а только потребляетъ хлѣбъ.

Отсталые экономисты могутъ въ чемъ угодно обвинять общинное владѣніе. Можетъ быть, оно причиною того, что климатъ нашъ суровъ, что часты у насъ засухи; но едва ли даже они дойдутъ до мысли приписывать ему неразвитость нашихъ городовъ. А, между тѣмъ, странно сказать, какъ ни малы наши города, они почти не увеличиваются, какъ будто бы нѣтъ у насъ и потребности въ нихъ. Одесса, Харьковъ, еще два, три города—и конченъ списокъ всѣхъ центровъ, развивающихся замѣтнымъ образомъ. Даже столицы наши увеличиваются далеко не такъ быстро, какъ большіе города Западной Европы. Въ Москвѣ, напримѣръ, съ незапамятныхъ временъ, чуть ли еще не при Иванѣ III Васильевичѣ, а навѣрно при Елисаветѣ Петровнѣ, считали 300,000 жителей. По прошлогоднему календарю считалось въ ней 354,927 жителей. Надобно будетъ справиться въ календарѣ за нынѣшній годъ, не вознаградился ли въ послѣдніе десять мѣсяцевъ застой цѣлаго столѣтія. Шутки въ сторону. Какихъ успѣховъ можно ожидать при какомъ бы то ни было способѣ землевладѣнія отъ сельскаго хозяйства такой страны, гдѣ послѣ двухъ столичныхъ губерній и Херсонской губерніи съ ея полуиностранною Одессою первое мѣсто, по пропорціи между городскимъ и сельскимъ населеніемъ, занимаютъ провинціи, недавно завоеванные отъ Турціи, какъ будто бы самыя передовыя въ экономическомъ развитіи *).

Наши города оставались до сихъ поръ какими-то пародіями на города. Но если они представляли для сбыта сельскихъ произведеній рынокъ столь ничтожный, что не могли поднять земледѣлія, за то есть у насъ другой источникъ сбыта—заграничная торговля. Мы кричимъ очень много объ отправляемомъ нами за границу хлѣбѣ. Но въ цѣлыя десять лѣтъ, съ 1844 до 1853 включительно, мы вывезли изъ всѣхъ нашихъ гаваней, всѣхъ сортовъ хлѣба вмѣстѣ, всего 57 милліоновъ четвертей, по 5,700,000 четвертей въ годъ, то есть, считая по полуторы четверти на продовольствіе одного потребителя, весь нашъ заграничный отпускъ равнялся присутствію четырехъ милліоновъ потребителей. Изъ этого слѣдуетъ, что если мы соединимъ размѣръ внутренняго рынка (городскіе потребители) съ продажею на заграничные рынки, мы получимъ, что все поощреніе нашего земледѣлія къ усиленному производству равнялось потребности 8 милліоновъ потребителей **). Итакъ, оба рынка, внѣшній и внутренній, едва могутъ производить у насъ на земледѣліе столько возбуждающаго вліянія, сколько производится въ Австріи однимъ внутреннимъ рынкомъ.

---

*) Для курьеза—именно для курьеза, потому что цифры эти восхитительны,—выписываемъ верхнюю часть таблицы городскаго населенія изъ Тенгоборскаго.

На 1,000 человѣкъ населенія считается городскихъ жителей:

Губерніи:

1. С.-Петербургская	517
2. Московская	258
3. Херсонская (Одесса)	237
4. Таврическая (турецкая цивилизація)	172
5. Бессарабія (турецкая цивилизація)	163
6. Астраханская (калмыцкая цивилизація)	140
7. Курляндія (нѣмцы)	121
8. Харьковская (слава Богу, вотъ и мы наконецъ)	114

**) Мы полагаемъ, изъ 5 съ половиною милліоновъ городскаго населенія, до 4,000,000 человѣкъ покупающихъ хлѣбъ,—цифра слишкомъ высокая,—и къ нимъ прибавляемъ 4,000,000 потребителей, которыхъ мы продовольствуемъ за границей.

Отсталые экономисты могутъ приписать все это общинному владѣнію; но дѣло извѣстное, что слабое развитіе нашихъ городовъ имѣетъ своею причиною неразвитость нашей промышленности и торговли, а отпускъ хлѣба за границу стѣсняется отсутствіемъ сносныхъ путей сообщенія. Надобно ли говорить, что обѣ причины, кромѣ косвеннаго вреда, приносимаго ими земледѣлію черезъ ограниченіе заграничнаго сбыта и городскаго потребленія, страшно вредятъ сельскому хозяйству и прямымъ образомъ? Надобно ли говорить, что, какова бы ни было число жителей въ городахъ, земледѣліе не можетъ дѣлать успѣховъ въ странѣ, гдѣ слаба промышленность и торговля? Надобно ли говорить, что всякое производство, а въ особенности земледѣльческое производство нуждается для своего развитія въ удобныхъ путяхъ сообщенія? Кому неизвѣстно, что Псковская губернія можетъ умереть съ голоду прежде, чѣмъ получитъ хотя четверть хлѣба изъ Малороссіи, которая въ то же время будетъ страдать отъ невозможности сбыть куда бы то ни было свой хлѣбъ? Или надобно говорить о томъ, что наша торговля находится въ самомъ неудовлетворительномъ положеніи, а пути сообщенія до послѣдняго времени находились еще въ худшемъ?

Есть еще одно важное коммерческое обстоятельство, спеціальнымъ образомъ тяготѣющее надъ нашимъ земледѣліемъ. Изъ всѣхъ отраслей производства, въ сельскомъ хозяйствѣ всего ощутительнѣе важность оборотнаго капитала. Фабрика или заводъ обыкновенно или создается или покупается тѣмъ самымъ человѣкомъ, который бываетъ хозяиномъ производства. При покупкѣ или устройствѣ своего заведенія, онъ обыкновенно разсчитываетъ, чтобы нужное количество капитала оставалось у него для оборота. Не то въ сельскомъ хозяйствѣ. Земля чаще всего достается по наслѣдству, и владѣлецъ, не получивъ вмѣстѣ съ нею оборотнаго капитала, обыкновенно и не понимаетъ нужды въ немъ. Земля у него есть, работа даромъ и справляется крѣпостными людьми: о чемъ же еще думать владѣльцу? Если у него есть деньги, онъ пускаетъ ихъ въ другія предпріятія, или, чаще всего, проживаетъ, а земледѣльческое производство совершается у него рѣшительно безъ всякихъ затратъ оборотнаго капитала. Между тѣмъ, извѣстно, что успѣхи земледѣлія находятся въ прямой зависимости отъ величины затратъ на оборотный капиталъ. Какихъ успѣховъ можно ожидать тамъ, гдѣ нѣтъ понятія о надобности въ оборотномъ капиталѣ?

Это положеніе приводитъ насъ къ одному изъ основныхъ источниковъ нашей отсталости во всѣхъ отношеніяхъ — къ крѣпостному праву. Кореннымъ образомъ крѣпостное право принадлежитъ сферѣ сельскаго хозяйства, и само собою разумѣется, что если оно обезсиливало всю нашу жизнь, то съ особенною силою должны были отражаться его результаты на земледѣліи, которое полнѣе всего подчинялось его силѣ. Неумѣстно было бы здѣсь распространяться объ этомъ предметѣ, — о немъ довольно наговорено въ послѣднее время безчисленными писателями, которые вдругъ обнаружили благороднѣйшее негодованіе противъ бѣдствія, имѣвшаго привиллегію столь долго не вызывать никакихъ порицаній. Мы сами грѣшили этими внезапными вспышками благородства.

Въ тѣ дни, когда намъ было ново
Значенье правды и добра,

и теперь не можемъ не краснѣя вспоминать о тогдашнихъ нашихъ подвигахъ.

Итакъ, довольно будетъ сказать, что цѣна хлѣба зависѣла отъ той части его, которая производилась крѣпостнымъ трудомъ, то есть не имѣла ровно никакой цѣны въ глазахъ владѣльца, и что крѣпостное право, передѣлавши въ своемъ духѣ всѣ наши обычаи, конечно, не могло содѣйствовать ни развитію духа предпріимчивости, ни поддержанію трудолюбія въ нашемъ племени. Если бы не было никакихъ другихъ неблагопріятныхъ обстоятельствъ, одного крѣпостнаго права было бы достаточно, чтобы объяснить жалкое положеніе нашего земледѣлія.

Крѣпостное право было однимъ изъ учрежденій, ослаблявшихъ народную энергію. Но не одному ему надобно приписывать страшный упадокъ ея. Крѣпостное право было только однимъ изъ множества элементовъ, имѣющихъ такое же вліяніе на силу націи. Мы не хотимъ теперь перечислять всѣхъ этихъ вредныхъ учрежденій: для нашей цѣли довольно будетъ обратить вниманіе только на результатъ ихъ. Русскій народъ жилъ, или, лучше сказать, прозябалъ или дремалъ въ тяжелой летаргіи, немногимъ отличающейся отъ расположенія духа, владычествующаго надъ азіатцами. Энергія труда подавлена въ насъ вмѣстѣ со всякою другою энергіею. Историческіе обстоятельства развили въ насъ добродѣтели чисто пассивныя, какъ, напримѣръ, долготерпѣніе, переносливость къ лишеніямъ и всякимъ невзгодамъ. Въ сантиментальномъ отношеніи эти качества могутъ быть очень хороши, и нѣтъ сомнѣнія, что они очень удобны для людей, пользующихся ими къ своей выгодѣ; но для развитія экономической дѣятельности пассивныя добродѣтели никуда не годятся.

Мы сказали, что не хотимъ перечислять причинъ, подавляющихъ энергію труда въ русскомъ народѣ. Это перечисленіе было бы слишкомъ огорчительно для нашего съ вами патріотизма, читатель (мы надѣемся, что вы такой же яростный патріотъ, какъ и мы; что вы, подобно намъ, восхищаетесь нашимъ общественнымъ устройствомъ во всѣхъ его подробностяхъ, начиная съ петербургскихъ и кончая сельскою администраціею). Но мы должны обратить вниманіе на одну сторону народной жизни, которая, сама обусловливаясь благосостояніемъ и свободою народа, служитъ кореннымъ источникомъ всѣхъ успѣховъ его экономической дѣятельности. Каждое человѣческое дѣло успѣшно идетъ только тогда, когда руководится умомъ и знаніемъ: а умъ развивается образованіемъ, и знанія даются тоже образованіемъ; потому только просвѣщенный народъ можетъ работать успѣшно. Въ какомъ же положеніи наше образованіе? Въ цѣлой Западной Европѣ, имѣющей около 200 милліоновъ жителей, не найдется столько безграмотныхъ людей, какъ въ одной нашей родинѣ; въ какой-нибудь Бельгіи, или хотя бы даже Баваріи, при всей отсталости Баваріи отъ другихъ земель Западной Европы, на 5 милліоновъ населенія считается столько же учащихся въ школахъ, сколько въ цѣлой Россіи, и число всѣхъ грамотныхъ людей въ Россіи таково, что едва ли бы достало его на одну провинцію въ Прусскомъ королевствѣ *). О томъ, насколько распространено у насъ высшее образованіе, нечего и говорить: объ этомъ слишкомъ краснорѣчиво свидѣтельствуютъ

*) По самымъ щедрымъ разсчетамъ предполагается, что изъ 65 или 70 милліоновъ жителей Русской имперіи, людей, умѣющихъ читать, набирается до 5 милліоновъ. Но эта цифра, по всей вѣроятности, слишкомъ высока. Большинство грамотныхъ людей сосредоточено въ городахъ; въ селахъ едва ли наберется половина того, сколько находится въ городахъ. Но и въ городахъ гораздо больше половины жителей еще не знаютъ грамотѣ. Судя поэтому, едва ли мы ошибемся, положивъ число грамотныхъ людей въ Россіи не превышающимъ 4 милліоновъ.

цифры изданій Гоголя, Пушкина, Тургенева и число экземпляровъ, въ какомъ издаются наши газеты и журналы *).

Какъ изъ неуспѣшности русскаго человѣка въ матеріальной работѣ провинціальные люди вывели, что онъ отъ природы расположенъ къ лѣнности, такъ изъ слабаго развитія нашей образованности они заключаютъ, что русское племя мало имѣетъ охоты къ просвѣщенію. Обѣ эти клеветы одинаково тупоумны и нелѣпы. Стремленіе въ народѣ чрезвычайно сильно; но обстоятельства слишкомъ не благопріятствуютъ его осуществленію.

Мы перечислили много причинъ, имѣющихъ гибельное вліяніе на наше земледѣліе: отсутствіе умственнаго развитія въ народѣ, упадокъ его энергіи, крѣпостное состояніе, недостатокъ оборотнаго капитала, неразвитость торговли и промышленности, плохое состояніе путей сообщенія, слабое развитіе городовъ, незначительная степень населенности,—все это такія причины, изъ которыхъ каждая сама по себѣ и безъ содѣйствія другихъ бываетъ въ состояніи задержать сельское хозяйство на низкой степени развитія. Изъ европейскихъ народовъ нѣтъ ни одного, у котораго хотя одинъ изъ этихъ фактовъ, враждебныхъ успѣхамъ земледѣлія, имѣлъ бы такой обширный размѣръ, какъ у насъ, и нѣтъ въ Европѣ ни одного народа, у котораго бы соединялись всѣ эти факты, соединенные у насъ. Что-жъ удивительнаго, если земледѣліе у насъ находится въ худшемъ положеніи, чѣмъ у западныхъ народовъ? Когда есть такъ много и столь сильныхъ несомнѣнныхъ причинъ, производящихъ данное положеніе, позволяютъ ли правила логики придумывать еще гипотетическія и мистическія причины? При видѣ фактовъ, нами перечисленныхъ, говорить, что наше земледѣліе задерживается общиннымъ владѣніемъ, значитъ подражать той дамѣ, которая зимою поѣхала на балъ, накинувъ на голыя плечи только легкую мантилью, а потомъ, выдержавъ горячку, приписывала свою болѣзнь тому обстоятельству, что забыла взять съ собою вѣйеръ. Мы не знаемъ, имѣетъ ли вѣйеръ свойство предохранять отъ простуды; но можно думать, что еслибъ онъ и былъ у ней въ рукахъ, онъ не замѣнилъ бы для нея шубы и теплыхъ ботинокъ. Можно полагать, что, каковъ бы ни былъ способъ землевладѣнія въ странѣ, гдѣ населеніе мало, города не развиты, путей сообщенія нѣтъ, торговли и промышленности почти нѣтъ, оборотнаго капитала въ земледѣліи нѣтъ, гдѣ не развита въ народѣ энергія и нѣтъ простора умственной дѣятельности,—можно думать, что, каковъ бы ни былъ способъ владѣнія землею въ такой странѣ, земледѣліе не могло бы достичь въ ней никакихъ успѣховъ.

Говорить о вредномъ вліяніи общиннаго владѣнія на земледѣліе въ Россіи значитъ приписывать цвѣту волосъ или величинѣ усовъ неподвижность человѣка, у котораго поражены параличемъ руки и ноги. Насъ такъ восхищаетъ гипотеза о вредномъ вліяніи общиннаго владѣнія, что мы предложимъ рядъ вопросовъ. ко-

*) Всѣ наши ежедневныя газеты, вмѣстѣ взятыя, расходятся въ числѣ 30 или много 35 тысячъ экземпляровъ: всѣ большіе журналы, вмѣстѣ взятые, далеко не достигаютъ этой цифры. Предположимъ для каждаго экземпляра даже по 10 человѣкъ читателей, мы увидимъ, что все наше образованное общество едва ли простирается до полумилліона человѣкъ. Во Франціи, гдѣ чтеніе распространено меньше, нежели въ Германіи и Англіи, однѣ только парижскія ежедневныя газеты печатаются въ числѣ болѣе 200.000 экземпляровъ (провинціальныхъ газетъ мы не считаемъ). Итакъ, во Франціи приходится одинъ экземпляръ газеты на 180 человѣкъ, а въ Россіи одинъ экземпляръ на 2.200 человѣкъ Но всего прелестнѣе цифры изданій нашихъ классическихъ писателей. Кто изъ людей сколько-нибудь образованныхъ не читалъ Гоголя? Число всѣхъ экземпляровъ всѣхъ изданій Гоголя не простирается и до 10 тысячъ.

торые всѣ могутъ быть разрѣшены посредствомъ вреднаго вліянія общиннаго владѣнія съ такимъ же успѣхомъ, какъ и вопросъ о слабомъ развитіи нашего земледѣлія.

Почему наши города такъ плохо развивались до сихъ поръ? Общинное владѣніе мѣшало ихъ развитію, препятствуя купцамъ развивать свои дѣла покупкою земель у поселянъ. Почему неизмѣримые лѣса нашихъ сѣверныхъ губерній гніютъ на корню, между тѣмъ какъ средняя и южная Россія нуждается въ лѣсѣ? Общинное землевладѣніе останавливаетъ потокъ колонизаціи, который безъ него устремился бы въ благодатную Олонецкую губернію и пустилъ бы въ торговлю ея лѣса. Почему ярославскіе мужики имѣютъ рыжія бороды? Причиною тому должно считаться общинное владѣніе, пріятствующее ярославцамъ походить на французовъ, имѣющихъ бороды темнаго цвѣта. Почему русскіе экономисты отсталой школы не въ состояніи понимать самыхъ простыхъ и ясныхъ фактовъ? Причиною тому должно считаться общинное владѣніе, задерживающее успѣхи русскихъ людей какъ въ отношеніи матеріальномъ, такъ и въ отношеніи умственномъ.

Задерживая умственное развитіе русскихъ экономистовъ отсталой школы, общинное землевладѣніе препятствуетъ имъ удовлетворяться предъидущими доказательствами, совершенно достаточными для обыкновеннаго здраваго смысла. Потому мы считаемъ недостаточнымъ для нихъ предшествующее положительное указаніе на факты, которые свидѣтельствуютъ, что нѣтъ надобности въ гипотезѣ о вредномъ вліяніи общиннаго владѣнія для объясненія неразвитости нашего земледѣлія: надобно прибѣгнуть также къ отрицательному методу повѣрки гипотезъ, чтобы показать еще очевиднѣйшимъ образомъ неумѣстность ихъ предположенія.

На земномъ шарѣ находится очень много странъ, въ которыхъ состояніе земледѣлія не лучше, или немногимъ лучше, или даже гораздо хуже, чѣмъ въ Россіи, но которыя имѣютъ способъ землевладѣнія, могущій по мнѣнію отсталыхъ экономистовъ, поднять наше сельское хозяйство, будто бы убиваемое общиннымъ землевладѣніемъ. Мы сдѣлаемъ обзоръ этихъ странъ, чтобы видѣть, въ состояніи ли господство частной поземельной собственности помочь у насъ тому дѣлу, плохое положеніе котораго занимаетъ насъ. Въ Испаніи положеніе сельскаго хозяйства едва ли лучше, чѣмъ у насъ; многія изъ условій, не благопріятствующихъ нашему земледѣлію, существуютъ и тамъ, хотя далеко не въ такой степени. Населеніе въ полтора раза гуще нашихъ земледѣльческихъ губерній, пропорція городскаго населенія гораздо значительнѣе. Средиземное море и Атлантическій океанъ представляютъ удобный путь сбыта для продуктовъ и цѣлой половины страны; но все-таки сходство съ нашимъ положеніемъ довольно велико: населеніе, хотя и больше нашего, все-таки не довольно густо, развитіе городовъ все-таки неудовлетворительно, пути сообщенія плохи, оборотныхъ капиталовъ въ земледѣліи нѣтъ, торговля и промышленность очень слабы и общественныя учрежденія подавили прежнее просвѣщеніе и прежнюю энергію испанскаго племени. Сходства по этимъ основнымъ условіямъ достаточно для того, чтобы земледѣліе производилось чрезвычайно небрежно, хотя испанцы не имѣютъ и понятія объ общинномъ владѣніи. Дайте имъ общинное владѣніе или уничтожьте его у насъ, положеніе сельскаго хозяйства ни у насъ, ни у нихъ не измѣнится, если перечисленныя нами условія останутся въ прежнемъ видѣ. Точно таково же положеніе вещей въ Неаполѣ и въ Папской области, хотя и они не знаютъ общиннаго владѣнія.

Но если мы хотимъ видѣть въ Европѣ страну, гдѣ обстановка земледѣльческаго производства представляетъ наибольшее сходство съ нашей, мы должны взглянуть на Турцію. Не надобно и говорить, что и въ ней успѣхи земледѣлія задерживаются общиннымъ владѣніемъ.

Слово Турція пробуждаетъ въ насъ новую мысль, которая, къ сожалѣнію, до сихъ поръ не приходила намъ въ голову: иначе, были бы излишни всѣ наши прежнія разсужденія. Европейская Турція до сихъ поръ остается въ сущности азіатскимъ государствомъ, хотя и лежитъ въ Европѣ, неправда ли? Итакъ найденъ нами ключъ къ объясненію всего, о чемъ толковали мы съ подробностями, которыя теперь оказываются ненужны. Азіатская обстановка жизни, азіатское устройство общества, азіатскій порядокъ дѣлъ,—этими словами сказано все, и нечего прибавлять къ нимъ. Можетъ ли земледѣліе получить европейскій характеръ при азіатскомъ порядкѣ дѣлъ? Въ самомъ дѣлѣ, Азія *) представляетъ обширнѣйшій прототипъ того земледѣльческаго положенія, о которомъ мы говоримъ, со всѣми причинами, производящими его, т. е. мѣшающими ему замѣниться чѣмъ нибудь лучшимъ; а, между тѣмъ, Азія точно также не знаетъ общиннаго владѣнія землею, какъ и Западная Европа. Анатолія, Сирія, Месопотамія, Персія, Кабулъ, Бухара, Хива, Коканъ,—всѣ эти страны точно также имѣютъ личную поземельную собственность, какъ и Англія, Бельгія, Рейнская Германія. Изъ этого, кажется, можно заключить, что личная поземельная собственность вовсе не служитъ ручательствомъ за высокое развитіе земледѣлія, что порядокъ землевладѣнія, будучи необыкновенно важенъ по своему вліянію на распредѣленіе имущества между разными сословіями, не имѣетъ ровно никакого вліянія на развитіе технической стороны сельскаго хозяйства. Въ чьи руки идетъ сборъ хлѣба, доставляемый десятиною земли,—вотъ это рѣшается способомъ землевладѣнія. Но какъ обработывается эта десятина и какъ великъ сборъ хлѣба ею даваемый, это зависитъ отъ совершенно другихъ условій, важнѣйшія изъ которыхъ мы перечислили. Теперь мы знаемъ также, какъ надобно называть совокупность тѣхъ условій, при которыхъ обработка земли бываетъ плоха и сборъ хлѣба малъ: совокупность этихъ условій, враждебныхъ развитію сельскаго хозяйства, называется просто — азіатствомъ.

Мы чувствуемъ, что наши слова объ азіатствѣ рѣшительно неудовлетворительны. Но что же дѣлать! нашъ языкъ не выработался настолько, чтобы можно было удовлетворительно выражать имъ серьёзныя понятія. Недаромъ всѣ ученые жалуются на бѣдность нашей терминологіи. Если бы мы писали по-французски или по-нѣмецки, мы вѣроятно, писали бы лучше. Но, не удостоившись отъ судьбы получить такое счастіе, мы должны писать на языкѣ, который, по какому-то за-

*) Подъ „Азіею“ мы разумѣемъ здѣсь не всю ту часть свѣта, которая извѣстна подъ этимъ именемъ въ географіи, а только тѣ земли въ этой части свѣта, которыя издавна знакомы нашему народу и по которымъ составилъ онъ себѣ понятіе объ азіатствѣ. Это —страны, лежащія на западъ отъ Китая и на сѣверъ отъ Индіи, собственно только мусульманская часть Азіи. Столь ученое примѣчаніе мы сочли необходимымъ сдѣлать, имѣя въ виду обыкновенную сообразительность отсталыхъ экономистовъ, иначе они тотчасъ возразили бы: „не явное ли невѣжество говорить о томъ, что земля въ Азіи воздѣлывается дурно, когда извѣстно, что въ Китаѣ она обработывается самымъ тщательнымъ образомъ?“ Сдѣлавъ такое возраженіе, они остались бы очень довольны собою. Къ сожалѣнію, наша статья имѣетъ въ виду не Китай, гдѣ, по крайней мѣрѣ, прочность обычая служитъ нѣкоторымъ вознагражденіемъ за слабость закона, а только страны, имѣющія порядокъ дѣлъ подобный турецкому, персидскому, хивинскому и коканскому.

гадачному случаю, устроенъ такъ, что никакъ не съумѣешь излагать на немъ своихъ мыслей связно и ясно. Нашъ языкъ, орудіе слишкомъ непокорное мысли и истинѣ, безпрестанно увлекаетъ писателя въ такія уклоненія отъ его идеи, которыя могутъ быть непріятны не только читателю, но и самому автору, но которыя долженъ извинять великодушный читатель. Удержаться на прямой дорогѣ развитія идеи нѣтъ возможности, когда пишешь по-русски, и писателю остается только, когда онъ замѣтитъ, что уклонился отъ своей идеи слишкомъ далеко, дѣлать крутые повороты, чтобы взяться опять за дѣло, ускользнувшее изъ-подъ его пера по сбивчивости нашего языка. Мы такъ и сдѣлаемъ. Забывая нашъ неудовлетворительный эпизодъ объ азіатствѣ, мы беремся опять за логику и смотримъ, что велитъ она дѣлать при разсужденіи о неосновательныхъ гипотезахъ, каково разбираемое нами предположеніе отсталыхъ экономистовъ о вредномъ вліяніи, будто бы оказываемомъ на земледѣліе нашею системою общиннаго владѣнія.

Логика говоритъ, что не довольно опровергнуть ошибочное мнѣніе, а надобно также показать, какимъ образомъ могло оно произойти, потому что иначе ошибка оставалась бы дѣломъ произвольнымъ, не имѣющимъ достаточныхъ причинъ, то есть загадочнымъ. Чтобы исполнить это послѣднее требованіе логики, намъ нужно только разсмотрѣть посылку, изъ которой отсталые экономисты выводятъ свое ошибочное мнѣніе. „Наше земледѣліе, говорятъ они, задерживается въ своемъ развитіи тѣмъ, что поземельная собственность не имѣетъ у насъ достаточной безопасности“. Мысль совершенно справедливая, и ошибка заключается только въ томъ, что причиною небезопасности поземельной собственности принимается отсталыми экономистами общинное владѣніе. Въ статьѣ „Законодательство и регламентація“ мы подробно доказывали, что общинное владѣніе землею изъ всѣхъ формъ поземельной собственности форма самая прочная, безопасная, самая свободная отъ всякихъ придирокъ и юридическихъ столкновеній. Но мы оканчивали нашу статью согласіемъ въ томъ, что общинное владѣніе, при всемъ своемъ юридическомъ превосходствѣ, далеко не оказываетъ у насъ всѣхъ полезныхъ дѣйствій, какихъ слѣдуетъ ожидать отъ его существеннаго характера. Мы обѣщались въ нынѣшней статьѣ разобрать причины такого несоотвѣтствія между сущностью принципа и его результатами. Къ тому же самому дѣлу приводитъ насъ и надобность показать причину, вовлекающую отсталыхъ экономистовъ въ ихъ фальшивую гипотезу.

Отыскать причину ихъ ошибки очень легко. Они сравниваютъ поземельное владѣніе у насъ и въ Западной Европѣ; они замѣчаютъ, что въ Западной Европѣ поземельная собственность безопасна, у насъ не имѣетъ безопасности; они видятъ съ тѣмъ вмѣстѣ, что на Западѣ существуетъ одна форма поземельнаго владѣнія, у насъ — другая. И вотъ они дѣлаютъ изъ этихъ фактовъ слѣдующее заключеніе: „въ Западной Европѣ поземельная собственность безопасна, а форму ея тамъ составляетъ присвоеніе собственности частному лицу; итакъ присвоеніе поземельной собственности частному лицу даетъ ей безопасность. У насъ напротивъ того, поземельная собственность лишена безопасности и съ тѣмъ вмѣстѣ имѣетъ форму общиннаго владѣнія. Итакъ, форма общиннаго владѣнія служитъ причиною небезопасности поземельной собственности“.

Эта форма умозаключенія очень обыкновенная у людей, не привыкшихъ къ логическимъ пріемамъ: видя два факта извѣстнаго рода соединенными въ одномъ мѣстѣ и два факта другаго рода соединенными въ другомъ мѣстѣ, неопытное въ

логикѣ умы тотчасъ же заключаютъ, безъ дальнѣйшаго изслѣдованія, что въ каждой парѣ фактовъ существуетъ между двумя явленіями причинная связь. Если бы этотъ родъ умозаключеній былъ пригоденъ для ученыхъ изысканій, наука уже давно постигла бы всѣ тайны природы и общественной исторіи. Но, къ сожалѣнію, логика заклеймила такой легкій способъ отысканія истины знаменитою фразою cum hoc, ergo propter hoc и объявила, что подобныя умозаключенія рѣшительно никуда не годятся. Еслибы отсталые экономисты были знакомы съ логикою, они знали бы, что всѣ нелѣпости суевѣрія были основаны на этой самой формѣ умозаключенія, и знали бы, какое множество примѣровъ приводится этому въ логикѣ.

Напримѣръ, на чемъ были основаны ауспиціи древнихъ римлянъ? Однажды передъ битвою они слышали ворону, каркающую съ правой стороны, и проиграли битву; въ другой разъ слышали ворону, каркающую съ лѣвой стороны, и выиграли битву. Дѣло ясное: cum hoc, ergo propter hoc — совпадаетъ, слѣдовательно имѣетъ причинную связь. Итакъ, карканье вороны съ правой стороны приноситъ войску гибель, карканье съ лѣвой—даетъ ему побѣду.

Всѣ суевѣрія основаны на этой формѣ умозаключенія. Доказывать его нелѣпость было бы скучно; довольно будетъ сказать, что суевѣрную привычку дѣлать заключенія по формѣ, нами указанной, логика велитъ замѣнять строгимъ изслѣдованіемъ положительныхъ причинъ, прибавляя, что очень часто могутъ совпадать между собою факты, тенденціи которыхъ противоположны, и что въ такомъ случаѣ результаты слабѣйшаго факта подавляются противоположными ему результатами сильнѣйшаго факта.

Положительно извѣстно, напримѣръ, что просвѣщеніе облагораживаетъ человѣка, а благородство противоположно, напримѣръ, хоть взяточничеству. Между тѣмъ, сколько мы видимъ у насъ взяточниковъ, кончившихъ курсъ въ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ. По способу умозаключенія, котораго держатся отсталые экономисты, выводъ изъ этого совпаденія фактовъ таковъ: человѣкъ, кончившій курсъ въ одномъ изъ высшихъ заведеній, беретъ взятки—итакъ, ученье дѣлаетъ человѣка взяточникомъ. Логика велитъ судить объ этомъ иначе. Она говоритъ: если даже люди образованные становятся взяточниками, несмотря на противорѣчіе между образованностью и взяточничествомъ, то надобно полагать, что въ обстановкѣ, среди которой живутъ эти люди, есть обстоятельства, столь могущественно влекущія къ взяточничеству, что противоположное направленіе, внушаемое образованностью, можетъ изнемогать подъ силою этихъ обстоятельствъ.

Другой примѣръ. Свѣтское воспитаніе, хорошо оно или дурно въ другихъ отношеніяхъ, но имѣетъ ту несомнѣнную хорошую тенденцію, что дѣлаетъ человѣка деликатнымъ въ обращеніи, отучаетъ его отъ низкихъ, грязныхъ манеръ. Но сколько у насъ есть людей, получившихъ свѣтское воспитаніе, которые чрезвычайно грубы въ обращеніи съ своими подчиненными, которые невѣжливо обращаются съ мелкими чиновниками, если бываютъ въ гражданской службѣ, которые ругаютъ солдатъ, если бываютъ офицерами. По умозаключенію отсталыхъ экономистовъ, опять выходилъ бы такой силлогизмъ: люди, получившіе свѣтское воспитаніе, унижаются до пошлыхъ грубостей—итакъ, свѣтское воспитаніе отнимаетъ у человѣка вѣжливость. Логика опять говоритъ напротивъ: если даже люди, получившіе свѣтское воспитаніе, бываютъ невѣжливы, грубы, пошлы въ обращеніи

съ другими, то надобно думать, что въ обстановкѣ, среди которой живутъ эти люди, есть обстоятельства, столь сильно располагающія къ нахальному попиранію всякой слабой личности, что даже вѣжливость, даваемая свѣтскимъ воспитаніемъ, подавляется этими обстоятельствами.

Въ подобныхъ случаяхъ логика велитъ, вмѣсто того, чтобы останавливаться на тупоумномъ предположеніи „совпадаетъ, слѣдовательно имѣетъ причинную связь", пристальнѣе всматриваться въ обстоятельства, среди которыхъ происходитъ явленіе, чтобы отъискать истинныя причины его. Такъ поступимъ и мы. Отъискать истинныя причины небезопасности нашей поземельной собственности очень нетрудно. Можно даже сказать, что онѣ извѣстны каждому, кромѣ остальныхъ экономистовъ.

Собственность принадлежитъ къ числу общественныхъ учрежденій. Чѣмъ же ограждается безопасность общественныхъ учрежденій?—Законами.—Прекрасно. Какими способами проявляется въ обществѣ дѣйствіе законовъ? Опять каждому извѣстно, что, для приведенія законовъ въ дѣйствіе, общество имѣетъ два органа: администрацію и судебную власть. Итакъ, если мы разсуждаемъ о безопасности какого-нибудь общественнаго учрежденія въ извѣстномъ обществѣ, то не долженъ ли намъ прежде всего приходить въ голову вопросъ о томъ, какое состояніе администраціи и судебной власти въ этомъ обществѣ?

Мы не имѣемъ намѣренія подробно отвѣчать здѣсь на такой вопросъ. Сколько бы ни наговорили мы о качествахъ нашей администраціи и судебной власти, мы не сказали бы ничего такого, что не было бы не хуже насъ извѣстно каждому изъ нашихъ читателей. Доказывать истину было бы тутъ не для кого и спорить не съ кѣмъ. Мы полагаемъ, что даже отсталые экономисты, такъ мало понимающіе нашу жизнь, понимаютъ, каково положеніе администраціи и судебной власти у насъ.

Мы нашли коренную причину не только явленія, объясненіемъ котораго спеціально занимаемся въ этой статьѣ, но и всѣхъ тѣхъ фактовъ, которые представлялись намъ ближайшими причинами его. Не только слабость успѣховъ нашего земледѣлія, но и медленность въ развитіи нашего населенія вообще, нашего городскаго населенія въ частности, неудовлетворительное состояніе нашихъ путей сообщенія, торговли, промышленности, недостатокъ оборотнаго капитала въ земледѣліи,—все это, и не только это, но также и крѣпостное право, и упадокъ народной энергіи, и умственная наша неразвитость,—всѣ эти факты, подобно всѣмъ другимъ плохимъ фактамъ нашего быта, коренную, сильнѣйшую причину свою имѣютъ въ состояніи нашей администраціи и судебной власти.

Даже другая сильнѣйшая причина нашей бѣдности—крѣпостное право произошло нѣкогда отъ дурнаго управленія и поддерживалось имъ. О происхожденіи крѣпостнаго права мы замѣтимъ только, что это учрежденіе развилось отъ безсилія нашей старинной администраціи охранить прежнія свободныя отношенія поселянъ, жившихъ въ извѣстной дачѣ, къ владѣльцу дачи, и удержать постепенное расширеніе произвольной власти, захватываемой владѣльцемъ надъ населявшими его землю людьми; замѣтимъ еще, что возможность учредить крѣпостное состояніе происходила только оттого, что вольные люди, слишкомъ плохо защищаемые управленіемъ, терпѣли слишкомъ много притѣсненій, такъ что переставали дорожить своею свободою и не видѣли слишкомъ большой потери для себя отъ записки въ

принадлежность сильному человѣку. Излагать подробнѣе этотъ предметъ, относящійся къ старинѣ, было бы неумѣстно въ статьѣ, говорящей о нынѣшнемъ положеніи дѣлъ. Мы хотѣли сказать, что если крѣпостное право держалось до сихъ поръ, но оно было обязано такою продолжительностью своего существованія только дурному управленію. Дѣйствительно, каковы бы ни были законы, опредѣлявшіе права помѣщиковъ надъ крѣпостными людьми, но еслибъ даже эти законы соблюдались, то, во-первыхъ, всѣ помѣщики давно бы перестали находить выгоду въ крѣпостномъ правѣ, во-вторыхъ, почти во всѣхъ помѣстьяхъ крѣпостное право было бы прекращено частными судебными рѣшеніями по процессамъ о злоупотребленіи власти.

Метода леченія знахарей и знахарокъ представляетъ драгоцѣнную параллель съ тою системою, по которой отсталые экономисты думаютъ поправить непріятное для нихъ явленіе экономическаго быта,—напримѣръ, помочь жалкому положенію нашего земледѣлія. Появился какой-нибудь вередъ на ногѣ: знахарь, не задумываясь, прикладываетъ къ нему какую-нибудь лепешку и ожидаетъ, что болѣзнь уступитъ этому мѣстному медикаменту. О томъ, отчего произошелъ вередъ, онъ не думаетъ. Онъ не думаетъ видѣть въ немъ только симптомъ общаго худосочія, только ничтожное обнаруженіе болѣзни, нѣдрящейся въ цѣломъ организмѣ, проистекающей отъ испорченности основнаго процесса организма, отъ испорченности крови, отъ разстройства питанія. Наука, напротивъ, говоритъ, что какое-нибудь, повидимому, мѣстное пораженіе очень часто не можетъ быть исцѣлено никакими припарками и прижиганіями собственно больнаго мѣста, что для исцѣленія болѣзни, обнаруживающейся этимъ мѣстнымъ симптомомъ, больной долженъ измѣнить весь образъ жизни, чтобы исправился разстроившійся основной процессъ организма.

Потому-то и отвратительно намъ слышать разсужденія отсталыхъ экономистовъ о томъ, какъ дурное состояніе нашего земледѣлія можетъ быть исправлено приложеніемъ мѣстной припарки — уничтоженіемъ общиннаго землевладѣнія и введеніемъ на его мѣсто частной поземельной собственности. Не потому отвратительно слышать намъ эти тупоумныя, суевѣрныя разсужденія, что мы приверженцы общиннаго землевладѣнія: нѣтъ, все равно, мы негодовали бы на нихъ и тогда, когда бы думали, что частная поземельная собственность лучше общиннаго владѣнія. Каково бы ни было полезное или вредное вліяніе извѣстной системы землевладѣнія на успѣхи сельскаго хозяйства, все-таки это вліяніе совершенно ничтожно по сравненію съ непзмѣримымъ могуществомъ тѣхъ условій нашей общественной жизни, въ которыхъ нашли мы истинныя причины жалкаго положенія нашего земледѣлія. Больной чувствуетъ лихорадочный ознобъ оттого, что гнилой климатъ и изнурительный образъ жизни развиваютъ въ немъ чахотку; а вы, милостивые государи, совѣтуете ему лечиться порошкомъ изъ раковыхъ жерновокъ. Я не знаю, дѣйствительно ли помогаютъ раковыя жерновки отъ лихорадки. Медицина говоритъ, будто бы это средство совершенно вздорное Но все равно. Пусть оно будетъ и превосходнымъ средствомъ отъ лихорадки, оно все-таки никуда не годится въ нашемъ случаѣ. Болѣзнь не та, какъ вы думаете, милостивые государи. Она произошла не отъ легкой простуды, которую вы хотите лечить вашими милыми раковыми жерновками, и какія лекарства ни употребляйте противъ ознобa, который одинъ замѣтенъ вамъ изъ всѣхъ симптомовъ страшной болѣзни, вы не уничтожите нетолько общей болѣзни организма, но даже и этого частнаго ея проявленія.

Вы только губите больнаго, заставляя его терять время на пустяки, когда каждый день увеличиваетъ опасность его положенія. Всмотритесь получше въ состояніе организма, и вы найдете, что лихорадочный ознобъ производится причинами, противъ которыхъ необходимо употребить средства, совершенно различныя отъ рекомендуемыхъ вами суевѣрныхъ пустяковъ. Вся обстановка жизни больнаго должна измѣниться для того, чтобы прекратилось гніеніе основнаго органа его тѣла. А когда его легкія будутъ здоровы, самъ собою, безъ всякихъ раковыхъ жерновокъ, исчезнетъ и мнимый лихорадочный ознобъ. Позаботьтесь о томъ, чтобы мы получили хорошую администрацію и справедливый судъ, тогда вы увидите, что не нужно будетъ нашему земледѣлію прибѣгать къ вашимъ раковымъ жерновкамъ—къ раздѣленію общинныхъ земель на потомственные участки—тогда вы увидите, что общинное владѣніе не будетъ мѣшать успѣхамъ сельскаго хозяйства, потому что тогда будетъ исчезать наша бѣдность и явятся тѣ условія, которыхъ теперь нѣтъ и безъ которыхъ ни при какой системѣ землевладѣнія сельское хозяйство не можетъ придти въ удовлетворительное состояніе.

ВОПРОСЪ О СВОБОДѢ ЖУРНАЛИСТИКИ ВО ФРАНЦІИ.

Часто говорятъ, что мы мало знакомы съ бытомъ и учрежденіями Западной Европы. Но, что̀ еще хуже, надобно прибавить, что и тѣ немногія понятія, какія мы имѣемъ объ этихъ предметахъ, чаще всего бываютъ фальшивы. Обыкновенно мы и хвалимъ учрежденія Западной Европы неудачно, и осуждаемъ ихъ несправедливо. Объ ошибочности похвалъ случалось намъ говорить очень часто, а теперь мы хотимъ обратить вниманіе на неосновательность порицаній. Примѣры ея встрѣчаются на каждомъ шагу. Начнемъ мы, напримѣръ, порицать французскую централизацію, и, чуть дѣло дойдетъ до задора, готовы мы бываемъ на основаніи одного этого факта объявить, что французы ни къ чему порядочному непригодны. Но, какова бы ни была чрезмѣрность французской централизаціи, все-таки она ничего не значитъ по сравненію съ тѣмъ, какъ живемъ мы сами. У французовъ, напримѣръ, нѣтъ и понятія о томъ, что если въ какомъ нибудь Кальвадосскомъ департаментѣ подрались двѣ государственныя крестьянки (употребляемъ этотъ терминъ, какъ болѣе привычный намъ для обозначенія того, что обѣ эти женщины были свободнаго состоянія, а не крѣпостныя), то дѣло объ ихъ дракѣ, не стоющее выѣденнаго яйца, можетъ дойти до высшихъ инстанцій парижскаго правительства и раза три возвращаться къ мѣстному начальству для дополненія справками, чтобы каждый разъ являться опять въ Парижъ въ новомъ и толстѣйшемъ видѣ. Французы также не имѣютъ понятія о томъ, что если какой нибудь дижонскій мѣщанинъ или разночинецъ вздумаетъ перемѣнить двѣ доски въ кровлѣ своего домика, протекающей отъ дождя, то предварительно должно ему испросить на это разрѣшеніе отъ дижонской строительной коммиссіи, и дѣло пойдетъ на разсмотрѣніе самого префекта. Мало ли о чемъ не имѣютъ понятія французы! Если не ошибаемся, они не имѣютъ понятія даже о строительныхъ коммиссіяхъ, и мы употребили этотъ терминъ только для удобопонятности.

Изъ всѣхъ странъ Западной Европы особенно много самыхъ горькихъ изобличеній перепадаетъ отъ насъ на долю Австріи и Франціи. Мы справедливо и очень сильно соблазняемся необыкновенной стѣсненностью австрійской жизни, и деспотизмъ, подъ которымъ изнемогаютъ благодатныя страны дунайскаго царства, возбуждаетъ въ насъ сильнѣйшее негодованіе; мы даже краснѣемъ отъ мысли, что столь унизительныя для человѣка учрежденія безславятъ собою ту часть свѣта, въ которой живутъ такіе просвѣщенные народы. Впрочемъ, для Австріи все-таки

еще извинительно терпѣть такую участь, какой она подвержена: по нашему мнѣнію, это государство никогда не знало болѣе легкихъ временъ. Но вотъ, посмотрите на французовъ. У нихъ, не говоря ужъ о временахъ слишкомъ дальнихъ, на нашей памяти былъ Людовикъ-Филиппъ съ палатою пэровъ и съ палатою депутатовъ; о самомъ Людовикѣ-Филиппѣ слышали мы въ тѣ времена очень мало (только потомъ догадались мы, что втихомолку распоряжался онъ во Франціи всѣмъ, какъ хотѣлъ); палата пэровъ тоже вела жизнь не шумную; но за то палата депутатовъ! вотъ въ ней какіе были ораторы и какимъ вольнымъ языкомъ обо всемъ разсуждали! Всходитъ, бывало, на кафедру Гизо и говоритъ: „Могущество Франціи основано на ея свободѣ, и правительство ничего не дѣлаетъ иначе, какъ по свободному согласію свободныхъ представителей страны“. Каково! вѣдь первый министръ, а въ двухъ фразахъ три раза произнесъ слово свобода. Палата восхищается, и мы тоже. Только что сходитъ онъ съ кафедры, карабкается на нее маленькій Тьеръ и даетъ окрикъ на Гизо своимъ пискливымъ голосомъ: „Что ты тамъ толкуешь о свободѣ? Ты вотъ бери примѣръ съ меня: вотъ я такъ ужъ можно сказать другъ свободы; а ты мало ее любишь!“ Вся палата апплодируетъ, и вся Европа восхищается горячностью любви Тьера къ свободѣ. Но Гизо не далъ въ несправедливую обиду: онъ уже опять на кафедрѣ и говоритъ: „Тьеръ утверждаетъ, что я мало люблю свободу. Нѣтъ, я очень ее люблю; я долженъ сказать, что жить безъ нея не могу“. Палата апплодируетъ больше прежняго, и Европа дивится великости любви Гизо къ свободѣ. Вотъ какія были времена, а теперь что?

Мы вспомнили все это по случаю недавнихъ статей во французскихъ газетахъ, жалующихся на свое нынѣшнее угнетеніе, вспоминающихъ о блаженныхъ временахъ своей свободы и требующихъ ея возстановленія. Читая эти статьи, мы подумали, что счастливы были бы, напримѣръ, австрійскіе журналисты, если бы подвергались точно такому же угнетенію, какъ французскіе.

Читателю извѣстно, что, вмѣстѣ со многими другими конституціонными правами общественнаго мнѣнія, послѣ 2 декабря 1851 года была уничтожена во Франціи также и существовавшая въ ней свобода журналистики. Шума по этому поводу было очень много, и ниже мы увидимъ, кто собственно былъ виноватъ въ этой потерѣ: дѣйствительно ли вина падаетъ главнымъ образомъ на тогдашняго президента республики, нынѣшняго императора Наполеона III, или, скорѣе, на людей, хвалящихся тою любовью къ свободѣ, которую будто бы выказывали, когда были правителями государства при Людовикѣ-Филиппѣ; а теперь прежде всего, чтобы понять жалобы и требованія, надобно взглянуть на законы, которымъ подчинено печатное выраженіе мнѣній во Франціи.

У насъ многіе полагаютъ, что во Франціи теперь, въ самомъ дѣлѣ, нѣтъ свободы печатнаго слова. Какъ сказать объ этомъ? Оно, если хотите, ея дѣйствительно нѣтъ во Франціи по сравненію съ свободою печатнаго слова въ Англіи, въ Швейцаріи, въ Бельгіи, въ Соединенныхъ Штатахъ. Но если сравнить Францію даже съ Пруссіей, то окажется, что во Франціи печатное слово едва ли не свободнѣе. Во-первыхъ, всѣ стѣсненія, какія только есть во Франціи, относятся единственно къ газетамъ, да и то не ко всѣмъ, а лишь исключительно къ политическимъ. Для книгъ рѣшительно никакихъ стѣсненій не существуетъ. Мы видывали людей, разумѣется, русскихъ, которые до того высоко образованы и, можно

сказать, умны, что для всѣхъ своихъ знакомыхъ кажутся оракулами, и которые, между тѣмъ, очень пріятно удивлены были появленіемъ книги Токвиля о французской революціи, книги, которая, подъ предлогомъ исторіи, содержитъ памфлетъ противъ нынѣшней правительственной системы во Франціи. Если бы они лучше знали нынѣшніе французскіе законы о книгопечатаніи или, по крайней мѣрѣ, помнили бы, какія книги безпрепятственно издавались въ Парижѣ постоянно съ самаго учрежденія самодержавной власти Наполеона, они сами посмѣялись бы своему восхищенію по случаю напечатанія въ Парижѣ книги Токвиля. Правительство Наполеона III, какъ ни сурово смотритъ оно на политическую литературу, никогда не считало удобнымъ присвоивать себѣ власть просматривать книги до ихъ напечатанія. Въ формѣ книги французскіе писатели всегда могли издавать все, что хотѣли, да и не могли встрѣчать въ этомъ затрудненія, потому что, какъ мы сказали, правительство никогда не брало на себя права останавливать печатаніе какой бы то ни было книги. Дѣйствительно, Прудонъ издавалъ свои новыя сочиненія въ Парижѣ такъ же безпрепятственно, какъ издавалъ бы ихъ въ Брюсселѣ или Лондонѣ, хотя основная мысль его постоянно одна и та же—мысль, что всякое правительство, въ какой бы то формѣ ни было, противно общественному благу, и хотя эта мысль, по его обычаю, выражается у него всегда самымъ рѣзкимъ, эфектнымъ, часто циническимъ образомъ, съ постоянными обращеніями къ Наполеону III въ томъ духѣ, что способъ его дѣйствій подрываетъ во французской націи всякое довѣріе къ правительству. Постоянно также печатались въ Парижѣ новые томы „Исторіи французской революціи" Луи Блана, хотя Луи Бланъ изгнанникъ, осужденный на вѣчное заключеніе въ крѣпости, и хотя вся его исторія написана въ доказательство того, что единственная правительственная форма, пригодная для Франціи, есть республиканская, а всѣ другія правительства могутъ держаться во Франціи только насиліемъ, обманомъ, развращеніемъ народа и инквизиціонными средствами. Эти книги печатались въ Парижѣ, и подобныя имъ продолжаютъ печататься такъ же свободно, какъ будто какія-нибудь учебники ариѳметики или алгебры. Мы упомянули только о двухъ писателяхъ, которые особенно извѣстны своимъ крайнимъ республиканскимъ образомъ мыслей и непримиримымъ ожесточеніемъ противъ Наполеона III и которые могли бы казаться опаснѣе всѣхъ другихъ по своему вліянію на публику. Но просмотрите списки книгъ, издаваемыхъ въ Парижѣ: вы увидите между ними десятки и сотни республиканскихъ сочиненій. Точно также вы увидите и множество сочиненій, написанныхъ въ пользу Бурбоновъ или въ пользу Орлеанскаго дома. Правительство Наполеона III никогда не рѣшалось и не могло стѣснять той части литературы, которая имѣетъ форму книгъ.

Всѣ жалобы на стѣсненіе свободы печатнаго слова во Франціи относятся исключительно къ политическимъ газетамъ и къ той части журналовъ, которые посвящены политикѣ. Но и тутъ напрасно было бы думать, что правительство Наполеона III присвоило себѣ какія-нибудь прямыя средства помѣшать напечатанію какой бы то ни было статьи, въ какомъ бы то ни было духѣ. Оно узнаетъ о содержаніи нумера газеты только уже по его напечатаніи. Итакъ, кто отваживается на рискъ, можетъ и въ газетѣ напечатать, что ему угодно. Въ чемъ же состоитъ стѣсненіе? Статьи, содержаніе которыхъ было бы по французскимъ законамъ преступно, подвергались бы судебному преслѣдованію, которое и начинается

и производится людьми, независимыми по своему положенію отъ администраціи. Но не это называется во Франціи стѣсненіемъ: напротивъ, газеты только того и требуютъ, чтобы ихъ преслѣдовали судебнымъ порядкомъ, опредѣливъ какія угодно строгія правила о томъ, что должно считаться преступнымъ въ печати. Стѣснены газеты совершенно другимъ средствомъ, которое предоставило себѣ правительство знаменитымъ декретомъ 17 февраля 1852 года. Этотъ законъ даетъ министру внутреннихъ дѣлъ власть дѣлать газетамъ замѣчанія или выговоры (avertissements), и прибавляетъ, что изданіе газеты, получившей два выговора, можетъ быть пріостановлено на два мѣсяца министромъ; по прошествіи этого срока, газета продолжаетъ выходить, но если еще разъ подвергнетъ себя замѣчанію, то можетъ быть запрещена. Нѣтъ надобности говорить, что замѣчанія дѣлаются публично, печатаются въ получающей ихъ газетѣ и во всѣхъ другихъ газетахъ.

Не можетъ подлежать ни малѣйшему сомнѣнію то, что подобный способъ наносить матеріальный вредъ газетамъ чрезъ временную остановку или запрещеніе ихъ рѣшеніемъ одной административной власти, безъ правильнаго суда съ свободною и полною защитою, долженъ очень значительно стѣснять свободу политическихъ преній въ газетахъ, и мы нимало не думаемъ находить удовлетворительнымъ положеніе, въ которое поставлены французскія газеты введеніемъ системы замѣчаній. Но все-таки было бы ошибочно мѣрить какимъ-нибудь австрійскимъ или неаполитанскимъ масштабомъ просторъ критики, остающейся у французскихъ газетъ и при этой системѣ. Обратимъ вниманіе хотя на то обстоятельство, что замѣчанія дѣлаются публично, съ указаніемъ мѣстъ, вызвавшихъ замѣчаніе. Всякое замѣчаніе, перепечатываясь во всѣхъ газетахъ, становится предметомъ разсужденій цѣлой публики, возбуждаетъ сильные толки; поэтому было бы неосновательно сказать, что административная власть можетъ дѣйствовать тутъ безотчетно: напротивъ, она должна дѣйствовать очень осмотрительно, чтобы не навлечь на себя насмѣшекъ или раздраженія публики неосновательностью или мелочностью повода къ данному ею замѣчанію; мало того: она не можетъ быть щедра на раздачу замѣчаній, потому что иначе шумъ, возбужденный однимъ замѣчаніемъ, превратился бы въ сильный ропотъ, оживляясь новыми столкновеніями: необходимо бываетъ ждать, пока затихнутъ толки по одному поводу, чтобы сдѣлать новое замѣчаніе,—и, дѣйствительно, самые суровые къ политическимъ преніямъ министры, каковъ былъ Эспинасъ, прибѣгали къ замѣчаніямъ очень рѣдко.

Но еще важнѣйшимъ обезпеченіемъ для очень широкаго простора газетной критики служитъ самая цѣль, для которой введены замѣчанія. У насъ многіе, мѣряя, какъ мы выразились, французскія отношенія на масштабъ вовсе не французскій, воображаютъ, будто-бы правительство Наполеона III стѣсняетъ газеты для того, чтобы избавить свои распоряженія отъ печатной критики. Вовсе нѣтъ: какъ-бы ни судилъ кто о принципахъ этого правительства, но нельзя отказать ему въ сообразительности и просвѣщенности. Потому оно, при всемъ своемъ полновластіи, никогда не забывало, что предоставленіе его дѣйствій свободному разбору публики приноситъ пользу ему самому. Оно знаетъ, что самый сильный источникъ могущества есть популярность, а популярность предполагаетъ живое участіе общества въ государственныхъ дѣлахъ, а безъ свободы судить о нихъ угасаетъ всякая охота интересоваться ими. Итакъ, предоставлять свои дѣйствія кри-

тикѣ оно считаетъ необходимымъ для собственнаго могущества. Этого мало: оно, какъ правительство просвѣщенное, понимаетъ, что ошибки приносятъ больше всего вреда тому, кто ихъ дѣлаетъ, и что исправленіемъ своихъ ошибокъ можетъ оно возстановлять свои выгоды, потерпѣвшія отъ ошибокъ; потому оно никогда не теряло,—не скажемъ просто: готовности... нѣтъ, надобно сказать сильнѣе: никогда не теряло искренняго желанія слышать какъ можно больше разсужденій о своихъ дѣйствіяхъ, видѣть всѣ свои ошибки обнаруживаемыми. Это въ немъ нельзя назвать терпимостью: это—внушеніе собственнаго его интереса. Итакъ, вовсе не желаніе прикрыть свои дѣйствія отъ критики заставляетъ правительство Наполеона III держаться нѣкоторыхъ стѣснительныхъ мѣръ относительно газетъ: оно никогда не имѣло этого недальновиднаго желанія. Причина стѣснительныхъ мѣръ совершенно иная, не существующая нигдѣ, исключая одной Франціи: кромѣ царствующей бонапартовской династіи, Франція имѣетъ двѣ династіи претендентовъ: бурбонскую и орлеанскую. Мы знаемъ, что всѣ другія европейскія державы избавлены отъ этого страннаго и жалкаго положенія. Въ добавокъ, Франція, также только одна изъ всѣхъ европейскихъ монархій, имѣетъ сильную партію республиканцевъ. Наши слова, что ни одинъ престолъ въ Европѣ не имѣетъ такого отношенія къ идеѣ республики, какъ французскій престолъ, нуждаются въ объясненіи. У насъ привыкли думать, что республиканцы существуютъ не въ одной Франціи, а также напримѣръ и въ Германіи, въ Австріи, въ Италіи. Да, дѣйствительно, есть въ этихъ странахъ люди, горячо говорящіе въ пользу республиканской формы; но съ ними такое практичное и сообразительное правительство, какъ правительство Наполеона III, поладило бы легко, потому что существенную идею всѣхъ этихъ республиканцевъ составляютъ стремленія, весьма и весьма совмѣстныя съ монархическою формою, и за идею рѐспублики берутся они только изъ-за того, что находятъ невозможнымъ ожидать осуществленія этихъ стремленій отъ своихъ государей. Напримѣръ, въ Германіи жизненный вопросъ—національное единство, и если бы, напримѣръ, нѣмецкіе республиканцы увидѣли, что прусское правительство энергически стремится къ исполненію общаго желанія, они стали бы самыми горячими приверженцами этого монархическаго правительства. Еслибъ королемъ прусскимъ былъ теперь Фридрихъ Великій, не существовало бы ни одного республиканца въ Германіи: онъ съумѣлъ бы воспользоваться стремленіемъ, которое теперь только съ отчаянія приходитъ къ республиканству, но при такомъ правителѣ, какъ Фридрихъ II, привело бы только къ расширенію владѣній прусскаго короля на всю Германію. Маццини вообще причисляется къ самымъ непреклоннымъ республиканцамъ, какіе только существуютъ въ Европѣ: онъ оракулъ многочисленныхъ республиканцевъ Италіи. Что же сдѣлалъ онъ теперь, когда явилась надежда, что король сардинскій станетъ предводителемъ итальянской націи въ осуществленіи ея независимости и единства? Онъ объявилъ, что всѣми силами своими будетъ поддерживать сардинскаго короля, и разослалъ къ итальянскимъ республиканцамъ циркуляръ, предписывающій имъ дѣлать то же самое. Это показываетъ, что для него и для нихъ республиканская форма также служитъ только средствомъ къ учрежденію національной независимости и единства при нерасположеніи монархическихъ правительствъ Италіи серьёзно стремиться къ этому, и, какъ только одно изъ этихъ правительствъ выказало такое стремленіе, они обнаружили полную готовность отбросить мысль о республикѣ и быть самыми жаркими привержен-

цами монархическаго правительства. Таковы республиканцы и во всей остальной Западной Европѣ, кромѣ Франціи: у нихъ сущность желаній состоитъ не въ учрежденіи республиканской формы, а въ осуществленіи національныхъ потребностей, которыя сами по себѣ не только совмѣстны съ монархическою формою, но которыя даже придали бы небывалое съ той поры могущество монархическому правительству, взявшемуся за ихъ исполненіе. Эти люди хотятъ республиканской формы только изъ отчаянія, только потому, что монархическія правительства не хотятъ взяться за исполненіе національныхъ потребностей. Если бы, сказали мы, Франція имѣла только такихъ республиканцевъ, правительство Наполеона III умѣло бы поладить съ ними, сдѣлать ихъ самыми ревностными своими приверженцами, потому что оно готово удовлетворять всѣмъ національнымъ стремленіямъ, совмѣстнымъ съ монархическою формою. Но, говорили мы, изъ всѣхъ европейскихъ монархій въ одной Франціи есть республиканцы иного рода, — люди, которые хотятъ прежде всего не какихъ-нибудь частныхъ преобразованій, а именно учрежденія республиканской формы; въ одной Франціи есть люди, которые дѣйствительно и въ сущности республиканцы. Вотъ поэтому-то правительство Наполеона III принуждено бороться противъ нихъ, они и оно непримиримы по принципу.

Итакъ, мы находимъ во Франціи три партіи: бурбонскую, орлеанскую и республиканскую, которыя непріязнены не какимъ нибудь дѣйствіямъ Наполеона III, а самому существованію его правительства, которыя хотятъ исключительно низверженія имперіи. Только необходимость мѣшать этому ихъ стремленію заставляетъ правительство Наполеона III имѣть контроль надъ политическими газетами. Тѣ газеты, которыя не хотятъ именно низверженія нынѣшней династіи, имѣютъ полную свободу; администрація стѣсняетъ только тѣ газеты, которыя служатъ представительницами партій, непримиримо стремящихся къ низверженію династіи. Но и тутъ мы ошиблись бы, если бы стали судить о размѣрѣ стѣсненія по не-французскимъ понятіямъ. Правительство есть фактъ, а не теорія; его дѣятельность состоитъ въ практическихъ распоряженіяхъ, а не въ метафизическихъ размышленіяхъ. Правительство Наполеона III очень хорошо понимаетъ это и потому въ самомъ контролѣ своемъ надъ газетами обращаетъ вниманіе только на практику, а не на теорію. Всѣмъ извѣстно, и ему лучше всѣхъ, что такая-то газета защащаетъ дѣло Бурбоновъ, другая—дѣло орлеанской династіи, третья—дѣло республики. Каждая изъ нихъ открыто называетъ себя принадлежащею къ той партіи, которой держится: Siècle, напримѣръ, нимало не скрываетъ своихъ республиканскихъ убѣжденій. Правительству до этого дѣла нѣтъ: оно не считаетъ нужнымъ заниматься теоретическими предпочтеніями и отвлеченными разсужденіями; оно не хочетъ только того, чтобы прямымъ образомъ приглашали публику отвергать его власть. Такимъ образомъ, положеніе журналистики во Франціи имѣетъ слѣдующія главныя черты.

Газеты, подобно книгамъ, издаются безъ всякой зависимости отъ правительства: онѣ могутъ печатать все, что хотятъ. Но книги подлежатъ только судебному преслѣдованію въ случаѣ своей преступности, въ отношеніи ихъ существуетъ полная свобода слова; газеты, напротивъ, подлежатъ еще административному стѣсненію посредствомъ замѣчаній и слѣдующихъ за замѣчаніями временныхъ остановокъ и запрещеній изданія. Но система замѣчаній имѣетъ своею цѣлью не стѣснять га-

зеты въ разборѣ правительственныхъ дѣйствій, а только ограждать существованіе царствующей династіи отъ прямаго возбужденія публики къ ея низверженію. Итакъ, системѣ замѣчаній подлежатъ только спеціально политическія газеты: тѣ изъ нихъ, которыя признаютъ царствующую династію, никогда не могутъ бояться замѣчаній, что бы ни говорили о правительственныхъ дѣйствіяхъ, какъ бы сильно ни указывали на ихъ ошибочность. Въ этихъ границахъ пользуются свободою критики и тѣ газеты, которыя не признаютъ нынѣшней династіи: онѣ могутъ сколько имъ угодно разбирать дѣйствія правительства и подвергаются опасности получить замѣчаніе лишь тогда, когда, не довольствуясь теоретическимъ защищеніемъ своихъ принциповъ, враждебныхъ нынѣшнему правительству, хотятъ возбуждать публику къ низверженію нынѣшней династіи. Да и въ такихъ случаяхъ замѣчанія даются очень рѣдко, только въ крайности, когда полемика противъ династіи заходитъ уже слишкомъ далеко. Однакожъ, мы постоянно слышимъ жалобы французскихъ газетъ на стѣснительность такого положенія, а въ послѣднее время эти жалобы усиливались до того, что недѣли двѣ или три составляли главный предметъ газетной полемики. Правда, французы могутъ находить, что у нихъ теперь журналистика стѣснена гораздо больше, нежели какъ привыкли они при Луи-Филиппѣ; но даже изъ тѣхъ наполненныхъ жалобами статей, которыя мы приведемъ, читатель увидитъ, какъ великъ просторъ критики, остающейся у французскихъ газетъ.

Надобно разсказать, какимъ образомъ началась усиленная полемика французскихъ газетъ противъ стѣснительнаго положенія, въ которое поставлены онѣ системою замѣчаній. Въ одномъ изъ нашихъ политическихъ обозрѣній было замѣчено, что неудовольствіе, возбужденное во Франціи условіями виллафранкскаго мира, заставило правительство сдѣлать разныя уступки общественному мнѣнію, для смягченія порицаній за одно дѣло вызовомъ похвалъ за другія распоряженія. Самою важною изъ этихъ уступокъ было обнародованіе амнистіи. Она простиралась не только на людей, но и на изданія. Кромѣ того, что дано было позволеніе возвратиться во Францію всѣмъ политическимъ изгнанникамъ, объявлено было, что уничтожается дѣйствіе всѣхъ замѣчаній и судебныхъ штрафовъ, которые лежали на газетахъ. Это облегченіе вмѣстѣ съ общимъ понятіемъ о необходимости уступокъ произвело слухи, что правительство готовитъ измѣненіе законовъ о тисненіи для освобожденія журналистики отъ прежнихъ стѣсненій. Около того времени, когда усилились слухи объ отмѣненіи декрета 17 февраля 1852 г., происходило открытіе департаментскихъ совѣтовъ. Президентами департаментскихъ совѣтовъ назначаются почетнѣйшія лица государства, которыя пользуются этимъ случаемъ для произнесенія политическихъ рѣчей, излагающихъ положеніе государства и намѣренія правительства. Графъ Морни, предсѣдатель одного изъ совѣтовъ, произнесъ рѣчь, въ которой нашлись два мѣста, подтверждавшія слухъ объ освобожденіи журналистики. Графъ Морни доказывалъ, что англичане напрасно подозрѣваютъ французское правительство въ непріязненныхъ планахъ противъ Англіи, основываясь на враждебномъ тонѣ газетъ, служащихъ полуоффиціальными органами французскаго правительства. О томъ, что газеты, нападающія на Англію, состоятъ въ дружескихъ отношеніяхъ къ правительству, графъ Морни, конечно, не захотѣлъ говорить; но за то доказывалъ, что французскія газеты могутъ писать что имъ угодно, потому что цензуры во Франціи нѣтъ, и заключалъ, что правительство не должно быть подвергаемо отвѣтственности за мнѣнія журналистовъ, которые пользуются полною свободою. Зная положеніе фран-

цузской журналистики, читатель видитъ, что графъ Морни утрпровалъ ея независимость. Но само собою выводилось изъ его словъ, что правительство находитъ выгоду быть освобожденнымъ отъ отвѣтственности за мнѣнія газетъ и, стало быть, не безусловно отвергаетъ мысль возвратить имъ часть отнятой независимости. Кромѣ того, графъ Морни употребилъ въ своей рѣчи общую фразу, которую истолковали въ смыслѣ расширенія свободы вообще: онъ сказалъ, что амнистія служитъ вступленіемъ въ новую эпоху.

Утвержденные этою рѣчью въ довѣріи къ слухамъ объ отмѣненіи стѣснительной системы замѣчаній, всѣ больше или меньше либеральныя французскія газеты занялись этимъ вопросомъ и начали помѣщать статьи, доказывавшія вредъ, приносимый стѣснительною системою. Начиная съ 10 сентября новаго стиля, явился цѣлый потокъ статей подобнаго содержанія. Изъ нихъ мы выбираемъ ту, которая была помѣщена въ Journal des Débats 14 сентября и носила подпись Камюса, секретаря редакціи, въ знакъ того, что всѣ редакторы выражаютъ въ ней свое общее мнѣніе. Она интересна не столько сама по себѣ, сколько потому, что послужила предлогомъ для болѣе мужественнаго развитія той же основной идеи въ Presse. Вотъ статья Journal des Débats:

„Говорятъ, и даже позволяютъ говорить, что въ намѣренія императора входитъ въ скоромъ времени освободить журналистику отъ стѣсненій, вынужденныхъ обстоятельствами, къ счастію, временными. Нѣкоторые скромно радуются этому, другіе до чрезвычайности тревожатся. Что касается насъ, мы, конечно, были бы рады принять снова обычаи свободы журналистики, если эта свобода должна быть намъ возвращена, и мы поспѣшимъ успокоить насчетъ насъ тѣхъ, которые боятся, что возстановленіе свободы журналистики поведетъ ко всевозможнымъ безпорядкамъ. Мы не злоупотребимъ правомъ, которое будетъ намъ возвращено. Мы не злоупотребляли имъ, когда оно было безспорнымъ правомъ, торжественно признаннымъ всѣми государственными властями, подчиненнымъ только контролю законовъ и надзору судебной власти. Точно также мы не злоупотребимъ имъ, когда оно будетъ намъ возвращено, потому что мы не забудемъ, что можемъ опять потерять его; что общія учрежденія страны созданы не въ видахъ защиты свободы печати; что общественное мнѣніе довольно равнодушно въ этомъ дѣлѣ; что администрація, привыкшая къ комфорту общаго молчанія, не будетъ съ удовольствіемъ смотрѣть на тѣ противорѣчія, какія можетъ встрѣтить; что защитника мы будемъ имѣть только въ одномъ императорѣ, который, не побоявшись амнистіи и давъ ее наперекоръ многимъ, конечно, не побоится свободы печати. Но этотъ всемогущій защитникъ не можетъ быть всегда внимателенъ, всегда хорошо ознакомленъ съ дѣломъ. Итакъ, мы знаемъ, что если намъ будутъ возстановлены права, то мы будемъ вновь подвержены и опасностямъ. Однакожъ, мы не колеблемся. Опасность рѣчи мы предпочитаемъ болѣзни молчанія.

„Болѣзнь молчанія... мы расположены думать, что если есть побужденіе, могущее склонить императора къ возстановленію свободы печати, это побужденіе должно состоять въ томъ, что онъ видитъ и понимаетъ, какъ распространилась въ нашей странѣ эта болѣзнь. Для главы великаго государства должно быть самымъ тяжелымъ чувствомъ видѣть, что общество, имъ управляемое, впадаетъ въ летаргію, находитъ себя, такъ сказать, окруженнымъ пустотою, находитъ себя одного дѣйствующимъ, себя одного мыслящимъ, себя одного говорящимъ въ толпѣ, отвыкшей отъ заботы думать и дѣйствовать. Я не то хочу сказать, чтобы французское общество дошло до такого состоянія, — далеко нѣтъ: нашъ общественный организмъ во многихъ отношеніяхъ полонъ жизни и силы. Что можетъ быть сильнѣе, могущественнѣе и энергичнѣе нашего военнаго общества? что можетъ имѣть болѣе здороваго демократизма? Еслибъ во Франціи, по дѣйствію какой нибудь пневматической машины, жизнь постепенно удалилась почти изъ всѣхъ частей общественнаго организма, эта жизнь, вся вполнѣ, сохранилась бы въ арміи.

Армія такъ популярна у насъ потому, что мы чувствуемъ это. Мы восхищаемся тѣмъ, что живетъ, что чувствуетъ, что обнаруживаетъ во внѣ живую силу Франціи.

„Я не стану также обвинять въ летаргіи наше промышленное и торговое общество: оно дѣятельно, трудолюбиво, предпріимчиво, и хотя рѣзкіе переходы отъ мира къ войнѣ нарушаютъ иногда равновѣсіе, но жизненность французской промышленности изумительна. Чего же вамъ нужно еще, если ваши солдаты храбры и ваши работники дѣятельны и развиты?— скажутъ намъ приверженцы безусловнаго спокойствія. Эти честные квіетисты забываютъ, что не мы возвратимъ свободу печати. Императоръ, верховный наблюдатель, дѣлая медицинскій осмотръ общественнаго организма, находитъ, что есть у насъ такая часть нравственной и политической жизни, которая страдаетъ; находитъ, что эта болѣзнь, принимающая форму паралича, принуждаетъ его возвратить дѣятельность великому ослабѣвающему тѣлу, держать его въ постоянномъ моціонѣ, не давать ему дремать. Скажемъ болѣе: бываютъ минуты, когда это великое дѣло не слѣдуетъ удовлетворительно тому направленію, какое получаетъ, утомляетъ своимъ безсиліемъ руку, имъ движущую.

„Мы знаемъ, какъ затруднительно приводить на это примѣры; но мы приведемъ ихъ, дѣлая опытъ обѣщанной намъ свободы съ готовностью остановиться, если опытъ окажется неудачнымъ.

„Въ январѣ 1859 императоръ рѣшился на войну. Франція не была къ ней приготовлена. Не было публичныхъ и свободныхъ споровъ, которые показали бы Франціи, что есть итальянскій вопросъ, что этотъ вопросъ достигъ кризиса, что нужна развязка, или посредствомъ европейскаго конгресса, или посредствомъ итальянской войны. Императоръ могъ чувствовать тогда, какъ слаба поддержка общественнаго мнѣнія; онъ могъ жаловаться на его апатію. Только революціонный духъ, думавшій найти себѣ просторъ въ Италіи, попытался нѣсколько гальванизировать общественное мнѣніе. Тогда къ апатіи общественнаго мнѣнія присоединился страхъ, и война стала еще менѣе популярна въ значительной части французскаго общества.

„Мы слышали тогда, какъ нынѣшніе консерваторы доходили въ своемъ гнѣвѣ до сожалѣнія, что уничтожилось парламентское правленіе, какъ они говорили, что двадцать бурныхъ преній произвели бы менѣе потрясенія и пробудили бы менѣе безпокойствъ, чѣмъ одно слово, произнесенное въ Тюильри 1 января 1859. Разрушительность этому слову придавало то, что оно раздалось среди общаго молчанія. Еслибъ оно было началомъ или продолженіемъ совѣщанія, оно все-таки сохранило бы свою важность, оно все-таки было бы рѣшеніемъ, какъ и должно быть, но оно не было бы неожиданнымъ и потрясающимъ ударомъ.

„Мы можемъ сказать о мирѣ то же самое, что сказали о войнѣ: онъ также былъ неожиданностью. Онъ явился среди множества воинственныхъ и довольно декламаторскихъ статей, а что еще важнѣе—эти статьи не встрѣтили сопротивленія, опроверженія и повѣрки ни отъ какого спора въ пользу шансовъ, благопріятныхъ для мира: потому виллафранкскій трактатъ былъ истинно театральнымъ эффектомъ, — эффектомъ, къ которому не былъ приготовленъ даже никто изъ дѣйствующихъ лицъ. Что касается до насъ, никогда мы не видѣли театральнаго эффекта болѣе удачнаго и умѣстнаго. Правда и то, что мы смотрѣли на него преимущественно съ французской точки зрѣнія. Мы имѣли на это право. Мы видѣли, что въ два мѣсяца войны Франція пріобрѣла перевѣсъ, который признавался и упрочивался миромъ и который отъ продолженія войны подвергался бы риску, не вознаграждаемому надеждою на какія-нибудь новыя выгоды для Франціи. Итакъ, мы очень горячо одобряли миръ и защищали бы его гораздо жарче и тверже, если бы было свободное преніе или въ газетахъ, или на трибунѣ. Но недовольные миромъ не были тогда въ состояніи свободно выразить своего неудовольствія, какъ не могли за полгода передъ тѣмъ выражать своего неудовольствія недовольные войною; потому намъ казалось, что молчаніе, будучи необходимостью для порицающихъ, составляетъ обязанность приличія для одобряющихъ. Притомъ, мы думали, что въ рѣчахъ президентовъ великихъ государственныхъ учрежденій миръ будетъ не только одобренъ, но и объясненъ. Объясненіе исчезло подъ одобреніемъ. Уже самъ императоръ, восполняя общее молчаніе, объяснилъ виллафранкскій миръ съ величайшею

прямотою и величайшею твердостью, сказавъ то, что хотѣли бы высказать недовольные миромъ, давъ на эти возраженія отвѣтъ, очень справедливый, по нашему мнѣнію, одинъ принявъ на себя роль всѣхъ въ столь важномъ преніи, высказавшись за всѣхъ, даже за тѣхъ, которые думаютъ неодинаково съ нимъ.

„Не въ первый разъ императоръ показывалъ эту смѣлую инціативу. Мы помнимъ, что, когда родился наслѣдный принцъ, онъ самъ съ большимъ тактомъ высказалъ то, что всѣ думаютъ, и никто не говорилъ объ этомъ четвертомъ наслѣдникѣ престола, родившемся въ Тюильри, объ этомъ наслѣдникѣ престола, о которомъ неизвѣстно, тамъ ли онъ умретъ, гдѣ родился.

„Эти порывы къ свободѣ мысли дѣлаютъ честь государю; ему прилично не обольщаться словами, съ которыми являются къ нему, и искать за стѣнами дворца общественную, народную мысль, чтобы отвѣчать ей, просвѣщать ее, умѣрять ее и направлять ее. Но этотъ даръ говорить одному недостаточенъ для государя во Франціи. Его мысль должна встрѣчать отголоски, которые не были бы льстивыми; а для этого нужно, чтобы она могла встрѣчать и противорѣчія. Эти условія необходимы для того, чтобы составлялось общественное мнѣніе и чтобы страна принимала участіе въ событіяхъ своей исторіи. Безъ того страна впадаетъ въ дремоту и разслабленіе Благодаря превосходной военной организаціи, она можетъ быть способна на великое и удачное усиліе: но самъ государь чувствуетъ, что это усиліе не могло бы быть продолжительнымъ, а въ особенности, что оно нуждается въ поддержкѣ успѣхомъ, что ему трудно было бы перенести испытаніе неудачи. Государи думаютъ справедливо, когда полагаютъ, что всеобщая апатія—дурной пьедесталъ для нихъ: ихъ величіе основывается на величіи и силѣ ихъ опоръ; а хороши только тѣ опоры, которыя не подгибаются, а выпрямляются отъ ударовъ.

„Мы привели два примѣра невыгоды молчанія и для войны, и для мира. Мы показали, какъ самъ императоръ могъ почувствовать эти невыгоды, и какъ онъ помогъ имъ. Мы приведемъ третій примѣръ. Онъ будетъ взятъ изъ сферы менѣе высокой: онъ показываетъ, какъ болѣзнь молчанія тревожитъ также нѣкоторыхъ просвѣщенныхъ сановниковъ и администраторовъ имперіи.

„Теперь собраны департаментскіе совѣты, и одинъ изъ бывшихъ депутатовъ, графъ д'Оссонвиль, написалъ для нихъ письмо, которое они прочтутъ съ пользой для себя. Г. д'Оссонвиль убѣждаетъ департаментскіе совѣты высказывать ихъ политическія мнѣнія. Намъ не удивительно слышать такой совѣтъ отъ г. д'Оссонвиля, принадлежащаго такой школѣ и такой эпохѣ, которая любила пренія. Но рѣчи, произнесенныя гг. де-Морни и де-ла-Героньеромъ при открытіи пюй-де-домскаго и верхне-вьенскаго департаментскихъ совѣтовъ, показываютъ намъ, какъ просвѣщенные сановники и администраторы имперіи, подобно императору, желаютъ, чтобы обычай преній нѣсколько возвратился въ умы. Эти обѣ рѣчи чисто политическаго содержанія, которое натурально вызывало къ пренію. Если онѣ не вызвали его, это потому, что нынѣ въ выборныхъ корпораціяхъ трудно встрѣчать людей, способныхъ противорѣчить. Мы даже убѣждены, что префектамъ нужны будутъ нѣкоторыя усилія въ смыслѣ противномъ ихъ прежнимъ усиліямъ, чтобы имѣть въ департаментскихъ совѣтахъ людей, которые противорѣчили бы.

„Если бы мы имѣли честь быть членомъ пюй-де-домскаго или верхне-вьенскаго департаментскихъ совѣтовъ, мы отвѣчали бы на одобрительный вызовъ къ пренію, сдѣланный гг. де-Морни и де-ла-Героньеромъ. Дѣйствительно, много можно сказать объ этихъ рѣчахъ, напримѣръ о высказанномъ г. де-Морни мнѣніи, что наша журналистика въ настоящее время не подлежитъ никакимъ мѣрамъ предупрежденія, какъ будто бы не должно было назвать самою строгою системою предупредительныхъ мѣръ такую систему, которая принуждаетъ писателя избѣгать возможности не понравиться администраціи подъ страхомъ замѣчаній, временной остановки и даже совершеннаго прекращенія газеты, въ которую онъ пишетъ. Но мы не имѣемъ притязанія вести пренія вмѣсто членовъ департаментскихъ совѣтовъ. Мы хотимъ только показать, что люди, наиболѣе посвященные въ мысли императора, дѣлаютъ похвальныя усилія для оживленія духа преній и для противодѣйствія болѣзни молчанія. Возстановленіе свободы печати есть одно изъ лекарствъ,

которыя можно испытать противъ этой болѣзни. Мы ожидаемъ этого опыта и обѣщаемъ наше смиренное содѣйствіе тому, чтобы онъ былъ успѣшенъ.

„Мы не хотимъ кончить этой статьи, не сдѣлавъ замѣчанія, которое, быть можетъ, сдѣлали бы многіе изъ нашихъ читателей и которое лучше сдѣлать намъ самимъ. Въ нынѣшнихъ размышленіяхъ мы часто говорили объ императорѣ—это противно нашимъ прежнимъ привычкамъ. Въ прежнія времена мы всегда говорили только о министрахъ, потому что министры въ прежнія времена были отвѣтственны; теперь они отвѣтственны только передъ императоромъ, то есть отвѣтственность лежитъ теперь на одномъ императорѣ. Итакъ, преніе должно относиться къ нему. Намъ эта новая метода не представляется непріятной; она—мы твердо убѣждены — не уменьшаетъ нашей свободы, — быть можетъ, даже увеличиваетъ ее, а естественная почтительность, ею возлагаемая на пренія, есть такая обязанность, которую мы принимаемъ съ полною охотою и искренностью“.

Въ сущности статья довольно ѣдка, но, по обыкновенію Journal des Débats, написана съ дипломатической тактикой, сущность которой состоитъ въ льстивомъ противоположеніи либеральныхъ тенденцій императора съ реакціонными мнѣніями его совѣтниковъ. Еслибъ не они, не эти обскуранты, окружающіе императора Наполеона, Франція, по словамъ Journal des Débats, давно пользовалась бы гораздо большею степенью свободы, чѣмъ теперь, потому что только реакціонныя мнѣнія окружающихъ людей мѣшаютъ императору вполнѣ предаться своей любви къ либеральнымъ учрежденіямъ. Journal des Débats очень хорошо знаетъ, что взводитъ на императора ложь, утверждая, будто бы онъ такъ подчиняется мнѣнію своихъ совѣтниковъ и будто бы не его желанія управляютъ Франціею. Но Journal des Débats и вмѣстѣ съ нимъ многіе другіе либералы полагаютъ, что подобное искаженіе фактовъ можетъ быть полезно: они воображаютъ, будто могутъ обмануть Наполеона III своими похвалами его либерализму, какъ будто бы онъ не знаетъ своего образа мыслей и не находитъ, что желанія Journal des Débats несовмѣстны съ его политическою системою. Дальнѣйшій ходъ дѣла послужитъ новымъ подтвержденіемъ той очевидной истинѣ, что ребяческіе обманы совершенно безполезны: какъ ни сладко говоритъ Journal des Débats о либерализмѣ Наполеона III, онъ все-таки не успѣлъ обольстить императора.

Кромѣ этой тонкой, но совершенно ребяческой тактики—заставить человѣка сдѣлать то, чего онъ не хочетъ, приписывая ему образъ мыслей, котораго онъ не имѣетъ,—кромѣ этой уловки мелкаго либерализма, мы должны обратить вниманіе и на проглядывающее въ статьѣ самохвальство прежними временами, когда партія Journal des Débats управляла государствомъ. Послушать этого самохвальства—а его наслушались и ему повѣрили очень многіе—такъ подумаешь, что при Луи-Филиппѣ Франція, въ самомъ дѣлѣ, пользовалась конституціоннымъ правленіемъ. Кто вѣритъ этому, тотъ никакъ не понимаетъ возможности перехода отъ Луи-Филиппа къ Наполеону III, и такому человѣку остается только толковать о глубокомъ паденіи Франціи, что̀ и дѣлаютъ чрезвычайно многіе. На самомъ дѣлѣ перемѣна въ дѣйствительномъ порядкѣ дѣлъ вовсе не такъ огромна. При Луи-Филиппѣ конституція оставалась одною формою, а въ сущности господствовало „личное управленіе“. Формою безъ сущности могутъ дорожить только техники-спеціалисты, а толпа не придаетъ ей особенной важности, и потому-то послѣ Луи-Филиппа возможенъ былъ Наполеонъ III: для этого стоило только отбросить форму. Что̀ и говорить, личное управленіе дѣйствуетъ теперь сильнѣе,

нежели въ орлеанскій періодъ; но разница въ степени фактической зависимости дѣйствій правительства отъ общественнаго мнѣнія тогда и теперь далеко не такъ огромна, какъ думаютъ поверхностные люди, ослѣпляющіеся формою. Мы здѣсь укажемъ только на одну отрасль конституціонной жизни, составляющую прямой предметъ этой статьи—на свободу политическихъ газетъ. Напрасно хвалятся бывшіе правители орлеанскаго періода и Journal des Débats, ихъ органъ, будто бы они покровительствовали полной свободѣ политической журналистики. На бумагѣ свобода существовала тогда, но и теперь на бумагѣ она существуетъ: а на самомъ дѣлѣ орлеанское правительство придумало всѣ, возможныя тогда, средства для ея стѣсненія. Основаніе новыхъ газетъ было очень затруднено требованіемъ огромнаго денежнаго залога въ обезпеченіе уплаты штрафовъ, которымъ могла подвергнуться газета: враждебныя правительству газеты систематически убивались наложеніемъ множества огромныхъ штрафовъ. Такая свобода политическихъ преній, какая пріобрѣтена англійскими газетами, не принадлежала французской журналистикѣ и при Луи-Филиппѣ. Важнѣйшій изъ сентябрьскихъ законовъ, знаменитыхъ въ лѣтописяхъ реакціи и изданныхъ съ одобренія нынѣшнихъ защитниковъ свободы, былъ направленъ противъ свободы газетъ. Кромѣ законовъ и штрафовъ, правительство постоянно старалось убить оппозиціонныя газеты полицейскими мѣрами. Такимъ образомъ, Наполеонъ III собственно не внесъ новаго принципа въ отношенія французскаго правительства къ политическимъ газетамъ: и при Луи-Филиппѣ, какъ при немъ, правительство дѣлало все, что могло, для стѣсненія свободы враждебной ему журналистики. Вся разница въ томъ, что реакція послѣ 1848 года получила гораздо больше силы, нежели сколько имѣла послѣ 1830: только потому и стѣсненіе журналистики стало значительнѣе. Чтобы держать себя подобнымъ образомъ, у правительствъ орлеанскаго періода недоставало не охоты, а только силы. Они не дали французскому обществу привыкнуть къ полной свободѣ журналистики; а если уже существовало правило стѣснять, по возможности, газеты, то натурально, что, при усиленіи реакціи, легко было ей больше прежняго стѣснить ихъ. Теперь Journal des Débats жалуется; но его собственная партія виновна въ томъ, что французы остались способны жить безъ полной свободы печатнаго слова. Нѣсколько больше стѣсненія, нѣсколько меньше стѣсненія—это уже просто зависитъ отъ обстоятельствъ, когда не было допущено укорениться въ умахъ понятію о совершенной несовмѣстности стѣсненія съ принципомъ участія общества въ правительственныхъ дѣлахъ. Не Наполеонъ III, а люди, выставляющіе нынѣ себя либералами, должны считаться истинными виновниками того положенія, въ которое нынѣ поставлены французскія газеты. Даже и теперь, когда они открыто составляютъ непримиримую оппозицію, стало быть должны доводить до крайнихъ предѣловъ всю ту либеральность понятій, къ которой способны, даже и теперь они не умѣютъ говорить о свободѣ печатнаго слова языкомъ, соотвѣтствующимъ защищаемому ими требованію. Этотъ недостатокъ былъ хорошо раскрытъ въ статьѣ Presse (15 сентября), которая воспользовалась статьею „Journal des Débats", чтобы развить требованіе въ болѣе мужественной формѣ:

„Г. де-Морни (говорила Presse), въ своей рѣчи при открытіи пюй-де-домскаго департаментскаго совѣта, объявилъ, что амнистія составляетъ „вступленіе къ новой системѣ, въ которую мы теперь входимъ". Но такъ какъ онъ не почелъ нужнымъ объяс-

питься точнѣе, то явился вопросъ, въ чемъ же состоитъ эта система, предназначенная довершить „дѣло успокоенія и примиренія“. Journal des Débats, повидимому справлявшійся объ этомъ, извѣщаетъ насъ, что правительство, пораженное вредомъ, какой наноситъ общественному духу „болѣзнь молчанія“, хочетъ попытаться излѣчить эту болѣзнь, возвращеніемъ свободы печати. Онъ ожидаетъ, по его словамъ, этого опыта, обѣщаетъ свое „смиренное содѣйствіе тому, чтобы онъ былъ успѣшенъ“, и обязывается не злоупотреблять правомъ, которое будетъ ему возвращено.

„Это обѣщаніе мы считаемъ излишнимъ, чтобы не употребить болѣе сильнаго слова, и, быть можетъ, читатель найдетъ, что говорить о свободѣ подобнымъ образомъ значитъ говорить о ней очень дурно. Journal des Débats имѣетъ свои причины быть скромнымъ: онъ не забываетъ, что „общія учрежденія страны созданы не въ видахъ защиты „свободы печати; что общественное мнѣніе довольно равнодушно къ этому дѣлу; что „администрація, привыкшая къ комфорту всеобщаго молчанія, не будетъ съ удовольствіемъ смотрѣть на тѣ противорѣчія, какія можетъ встрѣтить; что защитника мы будемъ имѣть только въ одномъ императорѣ“. Все это столь же странно, какъ и невѣрно.

„Во-первыхъ, очень странно утверждать, что глава государства единственный либеральный человѣкъ въ цѣломъ правительствѣ и что теперь исключительно къ нему одному должно „относиться преніе“. Journal des Débats признается, что это противно его прежнимъ привычкамъ; но, прибавляетъ онъ, „теперь одинъ императоръ отвѣтственное лицо“. Объ этомъ было бы можно сказать много, очень много; но все равно: согласимся, что, будучи одинъ отвѣтственнымъ лицомъ, какъ единственный властитель, онъ захочетъ отдать всѣ свои дѣйствія на разборъ газетамъ. Прочнѣе ли оградится чрезъ это свобода? Journal des Débats признается, что этотъ всемогущій защитникъ „не можетъ быть всегда внимателенъ, всегда хорошо ознакомленъ съ дѣломъ“. Итакъ, единственнымъ результатомъ было бы, что смѣлыя слова, внушаемыя этимъ покровительствомъ, правда, всемогущимъ, но невѣрнымъ, невнимательнымъ или нехорошо ознакомленнымъ или ознакомленнымъ съ дѣломъ въ превратномъ видѣ, отдали бы газеты на произволъ администраціи, которая будетъ къ нимъ тогда еще строже и не проститъ имъ того, что онѣ нарушили „комфортъ всеобщаго молчанія“. Мы не понимаемъ, чѣмъ утѣшительна такая перспектива для Journal des Débats

„Благорасположеніе, поддержавшее журналистику нынѣ, можетъ покинуть ее завтра,— и въ чемъ тогда найдетъ она безопасность себѣ? А что такое свобода безъ безопасности, составляющей сознаніе свободы? Кромѣ законовъ, которые гарантировали бы намъ свободу пользоваться нашими правами, ни въ чемъ другомъ нельзя найти никакой безопасности. Впрочемъ, намъ надобно только указать нынѣшнему Journal des Débats на вчерашній Journal des Débats, указать г. Камюсу, секретарю редакціи, на г. Прево-Парадоля, который опредѣлительно и справедливо говоритъ: „Свобода печати не можетъ „опираться на терпимость администраціи. Она существуетъ только подъ условіемъ, чтобы „она была ясно опредѣлена репрессивными законами, которые обозначали бы точно ука„занныя преступленія и наказанія за нихъ и не оставляли бы никакого мѣста произ„волу. Всякое другое положеніе для журналистики непрочно, и просторъ, которымъ она „по временамъ можетъ пользоваться при отсутствіи этихъ существенныхъ гарантій, ни„какъ не заслуживаетъ названія свободы“.

„Вотъ истинные принципы, вотъ языкъ истины, опыта, здраваго смысла и благородства! Свобода печати остается пустымъ словомъ, пока не составляетъ части свободной конституціи. Мы не будемъ распространяться объ этомъ предметѣ, который заслуживаетъ отдѣльнаго изслѣдованія.

„Но мы не хотимъ также оставить безъ протестаціи того, что Journal des Débats говоритъ о мнимомъ равнодушіи общественнаго мнѣнія къ свободѣ печати. Этого равнодушія, слава Богу, нѣтъ. Волнуемое или экзальтируемое съ 1848 года революціями и быстрыми перемѣнами власти, общественное мнѣніе могло имѣть временные пароксизмы утомленія и неудовольствія; но никогда оно не бывало равнодушно къ общественнымъ дѣламъ. Мысль націи никогда не отвращалась отъ принциповъ нравственности и здравой политики и, слѣдовательно, свободы.

„Доказательства этой утѣшительной истины особенно теперь поражаютъ всѣ вни-

магельные умы. Не подлежитъ спору то, что всѣ политическія, экономическія или философскія истины, произносимыя людьми, заслуживающими уваженіе, падаютъ на почву, готовую принять и оплодотворить ихъ. Народная мысль открыта всякому полезному наставленію: она стремится къ талантамъ, способнымъ управлять ею, и въ этомъ стремленіи очищается и укрѣпляется. Изучая это стремленіе и руководя имъ, газеты должны стараться воспитать общественный духъ, составляющій силу, величіе и достоинство свободныхъ народовъ.

„Утверждать, подобно Journal des Débats, что Франція равнодушна къ свободѣ, значитъ говорить, что у ней недостаетъ существеннаго элемента, великаго двигателя національной жизни; значитъ оправдывать тѣхъ, которые, утверждая, что свободою печати интересуются только журналисты, устраиваютъ стѣснительными мѣрами „комфортъ всеобщаго молчанія“. Прискорбно видѣть, что уважаемые писатели, друзья всякой свободы, доставляютъ такимъ образомъ предлогъ для претензій и дурныхъ наклонностей произвольной власти.

„Если правительство расположено, какъ утверждаютъ г. де-Морни и Journal des Débats, возвратить свободу газетамъ, причинами его рѣшенія должно служить, во-первыхъ, то, что общественное мнѣніе не равнодушно къ этой свободѣ: во-вторыхъ, то, что власть для собственной твердости должна быть постоянно оживляема національнымъ голосомъ, который передается ей газетами. Безъ этого голоса все повергается въ молчаніе, и когда онъ заглушенъ, государственныя власти становятся отдѣленными отъ націи, безжизненными, безсильными, безславными. Шестьдесятъ лѣтъ бурь, поочередно ломавшихъ всѣ наши старыя и новыя учрежденія, достаточно показываютъ, что безъ свободы общественное зданіе опирается на основахъ слишкомъ непрочныхъ.

„Англичане приписываютъ свободѣ печати всѣ хорошіе результаты своей конституціи. Они считаютъ ее столь же полезною для власти, какъ и для оппозиціи. Она умѣряетъ, направляетъ и исправляетъ ходъ ихъ правительства, и они скорѣе повѣрятъ тому, что островъ ихъ погибнетъ, чѣмъ возможности лишиться этой свободы. Мы еще не дошли до такого убѣжденія, далеко не дошли,—но дойдемъ“.

Полемика подобнаго рода продолжалась нѣсколько дней съ большимъ одушевленіемъ. Наконецъ правительство увидѣло надобность положить конецъ ошибочнымъ надеждамъ, которыя иначе, укоренившись въ умахъ, поставили бы его въ затруднительное положеніе. 18 сентября „Монитёръ“ напечаталъ слѣдующее извѣщеніе:

„Многіе газеты объявляли о скоромъ обнародованіи декрета, измѣняющаго законодательство 1852 года о политической журналистикѣ.

„Это извѣстіе совершенно неосновательно.

„Политическая журналистика во Франціи имѣетъ свободу подвергать разбору всѣ дѣйствія правительства и объяснять ихъ общественному мнѣнію. Нѣкоторыя газеты сдѣлавшись, незамѣтно для самихъ себя, органами враждебныхъ партій, требуютъ большей свободы, которая имѣла бы цѣлью только облегчить имъ нападенія на конституцію и основные законы общественнаго порядка. Императорское правительство не отступитъ отъ системы, которая, оставляя достаточный просторъ духу критики, пренія и разбора, предотвращаетъ гибельныя послѣдствія лжи, клеветы и ошибки“.

Это извѣщеніе произвело неблагопріятное впечатлѣніе на публику, и газеты подвергли его строгому разбору. Для примѣра мы приведемъ статью, которую въ тотъ же самый день напечатала Presse.

„Монитёръ произнесъ рѣшеніе. Новаго декрета о журналистикѣ не будетъ: въ законодательствѣ 1852 года не будетъ сдѣлано никакихъ перемѣнъ. Газеты имѣютъ достаточно свободы для того, чтобы подвергать критикѣ дѣйствія правительства и объяснять ихъ общественному мнѣнію; тѣ, которыя требуютъ большей свободы, служатъ, сами того не зная, органами враждебныхъ партій, хотящихъ низвергнуть конституцію и основные законы общественнаго порядка. Вотъ что „Монитёръ“ объявляетъ газетамъ.

Мы не хотимъ спрашивать, не придаетъ ли слишкомъ много важности и журналистикѣ и враждебнымъ партіямъ предположеніе, что журналистика можетъ вооружить враждебныя партіи силою, способною стремиться къ такимъ результатамъ.

„Если бы мы говорили отъ имени правительства, мы не захотѣли бы посредствомъ такихъ словъ представлять его существованіе зависящимъ отъ нѣсколькихъ перьевъ. Но говорить отъ имени правительства не наша обязанность, и „Монитёръ“ лучшій судья того, что онъ говоритъ и хочетъ говорить. Но такъ какъ за нами признаютъ свободу обсуждать дѣйствія правительства и такъ какъ нынѣшнее объявленіе „Монитёра“ неоспоримо есть правительственное дѣйствіе, то мы замѣтимъ, что никто не просилъ правительство открывать просторъ „для лжи, для клеветы и ошибки“. Ложь и клевета составляютъ проступки, подлежащіе суду трибуналовъ, и даже ошибка, сдѣланная непреднамѣренно, есть проступокъ, не ускользнувшій отъ вниманія законодателя. Мы, кажется, прочли рѣшительно все написанное объ этомъ предметѣ въ недолгій періодъ надежды, прекращаемый нынѣ объявленіемъ „Монитёра“; но изъ тѣхъ желаній, которыя мы находимъ въ газетахъ, не было ни одного несовмѣстнаго съ конституціею и основными законами общественнаго порядка.

„Была ли бы опасность для конституціи, была ли бы опасность для общественнаго порядка, если бы газетамъ возвращена была общая свобода, принадлежащая труду и промышленности, черезъ уничтоженіе предварительнаго разрѣшенія, если бы чрезъ уничтоженіе замѣчаній онѣ возвращены были въ обыкновенное вѣдомство юридической подсудности? Мы не думаемъ этого и, пользуясь свободою, оставшеюся намъ по „Монитёру“, говоримъ, что не думаемъ этого. Нетрудно было бы доказать наше мнѣніе, но безполезно ратовать аргументами противъ факта, а фактъ здѣсь то, что „Монитёръ“ не раздѣляетъ нашего мнѣнія. Этимъ рѣшается вопросъ. Положеніе дѣлъ остается прежнее, и газеты должны ладить съ нимъ, какъ знаютъ. Стѣсненіе падаетъ на нихъ, но отвѣтственность и — не побоимся сказать — важнѣйшая часть вреда упадетъ на другихъ“.

Правительству показалось нужнымъ нѣсколько смягчить впечатлѣніе, произведенное безусловнымъ характеромъ объявленія „Монитёра“ о томъ, что правила, которыми стѣснены газеты, не подлежатъ никакимъ измѣненіямъ. На другой день явился въ „Монитёрѣ“ циркуляръ министра внутреннихъ дѣлъ къ префектамъ, дополнявшій объявленіе „Монитёра“ разъясненіями, которыя могли бы нѣсколько уменьшить неудовольствіе. Циркуляръ начинался тѣмъ, что изъ амнистіи, освободившей газеты отъ наказаній, полученныхъ ими по закону 17 февраля 1852, напрасно выводили заключеніе, будто бы самый этотъ законъ отмѣняется, — напротивъ, амнистія была только милостью, а прежній законъ сохраняетъ свою силу.

„Декретъ 17 февраля 1852 г. (продолжалъ циркуляръ) не былъ, какъ утверждали, къ сожалѣнію, слишкомъ многіе, мѣрою временною, порожденною общественнымъ кризисомъ и непригодною для обыкновенныхъ временъ. Безъ сомнѣнія, какъ всѣ политическіе законы, онъ можетъ подлежать улучшеніямъ, польза которыхъ была бы доказана опытомъ; но принципы, на которыхъ основанъ этотъ законъ, тѣсно связаны съ возстановленіемъ правительственной силы во Франціи и съ учрежденіемъ единства власти на основаніи всеобщаго вотированія.

„Императорское правительство не опасается добросовѣстнаго разбора своихъ дѣйствій: оно такъ сильно, что не боится никакихъ нападеній (и т. д., въ этомъ родѣ). Но если неоспоримая его сила даетъ ему возможность безвредно переносить даже злоупотребленія свободы, то соображенія, не зависящія отъ боязни и основанныя исключительно на общественномъ благѣ, налагаютъ на него обязанность не отказываться отъ законныхъ средствъ защиты, составляющихъ гарантію, а не стѣсненіе для общества при правительствѣ, которое служитъ полнѣйшимъ выраженіемъ національной воли.

„Право излагать и обнародовать свои мнѣнія, принадлежащее каждому французу, есть пріобрѣтеніе 1789 года и не можетъ быть отнимаемо отъ націи, столь просвѣщенной, какъ французская. Но это право не должно быть смѣшиваемо съ свободою періодическихъ изданій.

„Газеты суть организованныя въ государствѣ коллективныя силы и при всѣхъ правительствахъ подлежали особеннымъ правиламъ *). Итакъ, государство имѣетъ права и обязанности предосторожности и надзора, исключительно относящіяся къ газетамъ, и когда оно оставляетъ за собою власть прямо наказывать ихъ проступки административнымъ путемъ, оно не стѣсняетъ свободы мысли, оно только пользуется способомъ охраненія общественныхъ интересовъ. Пользованіе этимъ способомъ охраненія, безспорно ему принадлежащимъ, должно совершаться въ духѣ великой справедливости, умѣренности и твердости.

„Прибавлю, что умѣренность особенно необходима въ административномъ судѣ относительно газетъ. Я самымъ сильнѣйшимъ образомъ обращаю ваше вниманіе на это. Правительство имѣетъ рѣшимость и обязанность не давать принципу своей власти ослабѣвать; но именно поэтому самому оно должно вводить въ свободу пренія только тѣ ограниченія, которыя предписываются уваженіемъ къ конституціи, къ законности императорской династіи, интересами порядка, общественной нравственности и религіи.

„Такимъ образомъ, правительство, далекое отъ мысли требовать раболѣпнаго одобренія своихъ дѣйствій, всегда будетъ допускать серьёзное противорѣчіе. Оно не будетъ смѣшивать права контроля съ систематическою оппозиціею и разсчитаннымъ злоумышленіемъ. Правительство самымъ сильнымъ образомъ желаетъ того, чтобы его власть была просвѣщаема преніемъ; но оно никогда не потерпитъ, чтобы общество было тревожимо преступными возбужденіями или враждебными страстями.

„Содѣйствуя мнѣ, г. префектъ, вы будете равно удаляться и отъ слабости, допускающей злоупотребленія свободы, и отъ излишества, стѣсняющаго свободу“.

Циркуляръ, какъ видимъ, очень щедръ на увѣренія, которыми могла бы смягчаться существенная мысль его о томъ, что административная опека надъ газетами должна продолжаться. Онъ содержитъ очень много либеральныхъ фразъ и даже даетъ косвенное обѣщаніе, что правила, которымъ нынѣ подлежитъ журналистика, будутъ раньше или позже измѣнены. Около того же времени, правительство вздумало прибѣгнуть къ новому способу останавливать газетную оппозицію, и первый примѣръ этого новаго средства опеки показало на двухъ газетахъ, которыя нарочно были выбраны изъ числа незначительныхъ. Вмѣсто „замѣчаній“ (avertissements), которыя посылались для напечатанія въ виновную газету, подвергавшуюся опасности временной остановки изданія послѣ двухъ такихъ замѣчаній, были только напечатаны въ „Монитёрѣ“ „сообщенныя объясненія“ (communiqués), выражающія порицаніе, но не имѣющія никакихъ юридическихъ послѣдствій. Это было косвеннымъ указаніемъ, что если правительство и не хочетъ формальнымъ образомъ отмѣнить систему замѣчаній, то вообще на практикѣ расположено слѣдовать болѣе умѣренной системѣ относительно журналистики. Газеты, поддерживающія нынѣшнее правительство, конечно, распространились въ похвалахъ умѣренности его и „либеральнымъ тенденціямъ“ циркуляра министра внутреннихъ дѣлъ. Но другія газеты не измѣнили своего мнѣнія. Полемика противъ декрета 17 февраля 1852 года естественно стала ослабѣвать, когда журналистика увидѣла изъ объясненія „Монитёра“ 18 сентября, что критика этого декрета не достигнетъ успѣха, не поведетъ къ его отмѣнѣ. Но все-таки, постепенно ослабѣвая, полемика эта продолжалась еще довольно долго. Нѣкоторыя изъ статей, особенно въ „Presse“, отличались прежнею рѣзкостью. Въ примѣръ приводимъ статью изъ „Presse“ 23 сентября:

*) Вотъ мы видимъ, что само нынѣшнее правительство приводитъ оправданіемъ для нынѣшняго положенія политической журналистики тѣ отношенія, въ которыхъ старались держать ее прежнія французскія правительства.

„Два „сообщенныя замѣчанія“, напечатанныя нынѣ „Монитёромъ“ (говоритъ Presse), вновь обращаютъ наше вниманіе на циркуляръ, посланный къ префектамъ г. министромъ внутреннихъ дѣлъ. Нѣкоторыя газеты, не замѣчая существеннаго его характера, подвергаютъ разбору разныя его подробности. Такъ, Patrie, нынѣ во второй разъ радующаяся „либеральнымъ тенденціямъ“ этого циркуляра, жалѣетъ, что оставили въ прежней силѣ правила относительно замѣчаній, даваемыхъ газетамъ, и къ довершенію своего довольства требуетъ, чтобы эти административныя замѣчанія были сравнены съ судебными приговорами, то есть, чтобы они теряли свою силу черезъ два года, чтобы замѣчаніе не было нескончаемымъ наказаніемъ. Сохраняя питаемое нами достодолжное уваженіе къ Patrie, мы осмѣлимся сказать, что она занимается мухами, не замѣчая слона. Министръ внутреннихъ дѣлъ понялъ смыслъ вопроса гораздо лучше, и надобно возстановить вопросъ въ томъ видѣ, въ какомъ онъ представилъ его съ откровенностью, за которую мы ему безконечно благодарны.

„Нѣкоторыя рѣчи, произнесенныя при открытіи департаментскихъ совѣтовъ, подали надежду на перемѣну въ нынѣшнихъ законахъ о журналистикѣ, и г. де-Морни формально сказалъ: „Амнистія служитъ вступленіемъ къ системѣ, въ которую мы входимъ“. Объявленіе г. министра внутреннихъ дѣлъ прекращаетъ эти химерическія предположенія. „Амнистія была просто свидѣтельствомъ доброжелательства къ французской журналистикѣ“; но она нимало не измѣнила декрета 17 февраля 1852. Этотъ декретъ не есть временная мѣра: „какъ утверждали, къ сожалѣнію, многіе“, это по выраженію, которое повторяетъ нынѣ „Монитёръ“, печатая фразу курсивомъ,—это *органическій законъ*, принципы котораго „тѣсно связаны съ характеромъ императорской власти“.

„Вотъ вещи, которыя намъ важно было знать. Мы были убѣждены въ нихъ: но другіе, въ особенности Constitutionnel, имѣли по этому вопросу сомнѣнія, которыя быстро разсѣяны словами министра. Хотя и обманутые въ своихъ ожиданіяхъ, они поспѣшили объявить, что они совершенно свободны, и доказали это, принявъ чрезвычайную отвагу безусловно хвалить объявленіе „Монитёра“ и циркуляръ министра.

„Эта гибкая логика, которая умѣетъ проповѣдывать всякую господствующую систему и вѣчно держаться принциповъ, которые угодно выражать правительству, не составляетъ рѣдкости, и если мы теперь обратили на нее вниманіе, такъ это потому, что она безполезна. „Правительство, говоритъ циркуляръ, будучи далеко отъ мысли требовать раболѣпнаго одобренія своихъ дѣйствій, всегда будетъ терпѣть серьезныя противорѣчія. Оно само желаетъ получать отъ преній полезныя указанія для своей власти“. Если дѣло только за нами, оно при всякомъ случаѣ будетъ получать эти указанія, и, чтобы начать нынѣ же, мы перечитываемъ циркуляръ г. министра внутреннихъ дѣлъ, и такъ какъ г. министръ въ двухъ нынѣшнихъ сообщенныхъ объясненіяхъ снова говоритъ намъ, что мы имѣемъ „право подвергать критикѣ правительственныя дѣйствія“ и что мы можемъ пользоваться этимъ правомъ „безъ всякой опасности“—такъ какъ онъ говоритъ это, то мы ему скажемъ, что его циркуляръ не вездѣ достаточно ясенъ.

„Правительство обѣщаетъ „не стѣснять обсужденія ничѣмъ, кромѣ ограниченій, „налагаемыхъ уваженіемъ къ конституціи, законностью императорской династіи, интересами порядка, общественной нравственности и религіи“. Это выраженія очень неопредѣленныя и вовсе неуспокоительныя. Не могутъ ли сказать, напримѣръ, что мы нападаемъ на конституцію, если, поддавшись фантазіи разсмотрѣть ее, мы замѣтили бы въ ней недостатки и предложили бы нѣкоторыя измѣненія? Могли ли бы мы, не нарушая уваженія „къ законности императорской династіи“, разсуждать общимъ образомъ о политическихъ принципахъ? Наши отвлеченныя размышленія, могущія приводить къ примѣненіямъ, не были ли бы сочтены за нападенія? Если бы намъ случилось похвалить у другаго народа политическую систему, различную отъ той, подъ которой мы живемъ, не были ли бы мы обвинены въ косвенномъ возбужденіи презрѣнія къ конституціи? Историческіе вопросы, такъ или иначе, почти всегда касаются прошедшихъ и нынѣшнихъ учрежденій, и потому не могутъ ли намъ быть воспрещены историческія воспоминанія, которыя покажутся опасными по сближенію? Не надобно ли будетъ оставлять во тьмѣ прошедшее изъ страха, чтобы оно не бросило свѣта на настоящее? Можемъ ли мы безнаказанно вспоминать о бѣдствіяхъ нашихъ отцовъ и о тѣхъ, которыя пере-

несли мы сами? Вотъ наши недоумѣнія. Мы просимъ г. министра внутреннихъ дѣлъ разрѣшить ихъ.

„Неопредѣленность становится ужасна, когда циркуляръ говоритъ объ общественной нравственности и религіи. Оскорбленіе благопристойности—вещь понятная: но что такое оскорбленіе общественной нравственности и религіи, — этого нельзя понять, или это можно понимать тысячью разныхъ способовъ, что одно и то же. Говорить, что какая-нибудь религія ложна, конечно, значитъ нападать на нее самымъ сильнымъ образомъ; а, между тѣмъ, въ странахъ, имѣющихъ свободу исповѣданій, каждому принадлежитъ право доказывать, что его религія одна только истинная и что, слѣдовательно, всѣ остальныя ложны. Что касается до общественной нравственности, то г. министръ внутреннихъ дѣлъ, конечно, намѣренъ понимать подъ нею только принципы, общіе всѣмъ религіямъ, и въ такомъ случаѣ мы просимъ его замѣтить, что онъ обращаетъ столы своего министерства въ мѣста метафизическихъ состязаній.

„Циркуляръ утверждаетъ, что „газеты суть коллективныя силы, организованныя въ государствѣ“, и что онѣ „должны подлежать особеннымъ правиламъ“. Вотъ, по нашему мнѣнію, заблужденіе, хроническое заблужденіе, внушавшее столько ошибочныхъ мѣръ французскимъ правительствамъ. Газеты только средство обнаруживать врожденную способность; это — машины, и, подобно всѣмъ другимъ машинамъ, должны быть свободны въ своемъ правильномъ дѣйствованіи и подлежать суду только тогда, когда ими совершается преступленіе. По этому опредѣленію, которое мы считаемъ и справедливымъ, и благотворнымъ, нѣтъ надобности создавать для газетъ особенные проступки и преступленія—онѣ должны подлежать общимъ законамъ: въ этомъ и состоитъ единственное ихъ требованіе, которое столь рѣдко было исполняемо. Законъ, общій для всѣхъ, говоритъ, что человѣкъ, злоупотребившій орудіемъ для совершенія преступленія, долженъ быть наказанъ; но справедливость требуетъ, чтобы наказывался только тотъ, кто дѣйствовалъ съ полнымъ сознаніемъ преступности своего дѣла, т. е. совершилъ преступленіе предусмотрѣнное, опредѣленное закономъ, внесенное въ законъ. Мы очень твердо знаемъ теперь, что декретъ 17 февраля 1852 г. есть законъ и, притомъ, органическій законъ; но опредѣлены ли въ немъ ясно всѣ проступки, за которые газеты могутъ подвергаться замѣчаніямъ, временной остановкѣ изданія и запрещенію? Безспорно, неопредѣлены,—и вотъ почему мы считаемъ снисходительность правительства единственнымъ обезпеченіемъ, какое въ сущности имѣемъ.

„Важность, придаваемая правительствомъ стѣснительнымъ мѣрамъ — великое самообольщеніе. Правительство думаетъ находить въ стѣсненіи источникъ силы,—оно обманывается. Единственный источникъ силы для правительства—признательность, внушаемая его благодѣяніями, уваженіе, внушаемое его справедливостью. Уклоняться отъ испытанія посредствомъ безусловно свободной критики, когда имѣешь сознаніе быть властью благотворною и необходимою, значитъ унижать и ослаблять себя.

„Сдѣлаемъ еще только одно замѣчаніе. Правительство обѣщаетъ обнаруживать въ наказаніяхъ „духъ великой справедливости, умѣренности и твердости“. Мы хотимъ вѣрить, что его намѣреніе таково: но отъ этого мы не подвигаемся ни на одинъ шагъ впередъ, пока мы не имѣемъ яснаго опредѣленія различныхъ проступковъ, которые можемъ мы совершать. Стѣсненіе остается въ умѣ писателя, если даже не находится въ намѣреніяхъ правительства. Иго тогда тяжеле, тѣмъ хотятъ налагающіе его. Чувство безопасности не внушается по произволу, и пока журналы не будутъ имѣть другихъ гарантій, кромѣ снисходительности правительства, къ нимъ можно примѣнять фразу великаго оратора: „Посмотрите, каковы они стали, благодаря снисходительности.

„Къ счастію, жизненность ихъ очень велика. Всѣ французскія правительства ихъ преслѣдовали, нѣкоторыя пытались убить ихъ, и извѣстно, каковъ былъ результатъ этой безсильной попытки, напримѣръ, для реставраціи. Съ 1789 года не разъ шпага владычествовала надъ перомъ, своимъ вѣчнымъ соперникомъ: но перо, презирая бури, всегда могло сказать шпагѣ, какъ тростникъ говорилъ дубу: „я гнусь, но не сломлюсь“. Если мы не безусловно свободны, то мы независимы, и этого довольно, — по крайней мѣрѣ, для читателя; а что касается до журналистовъ, то имъ напомнимъ для ихъ

ооодренія слова, которыми 63 года назадъ Портали заключилъ свою прекрасную рѣчь о свободѣ печати":

„Пусть не унываютъ просвѣщенные и благородные писатели. Мы имъ скажемъ: „идите впередъ, вы, могущіе разлить потоки свѣта на всѣ важные вопросы, обсуждаемые „въ совѣтахъ націи; идите впередъ вы, имѣющіе мужество провозглашать истину и „бороться съ несправедливостями и злоупотребленіями власти; идите впередъ вы, по „своей проницательности и патріотизму заслуживающіе быть участниками въ дѣлѣ зако- „нодательства, хотя бы ваше положеніе и не позволяло вамъ быть членами законодательной „власти,—вы, достойные подготовлять наши труды и раздѣлять славу за нихъ, — вы, „ежедневно посѣвающіе въ обществѣ благія мысли просвѣщенія и планы, достойные „отечества и лучшихъ вѣковъ. Вы занимаете самую независимую изъ общественныхъ „должностей".

Интересъ, съ какимъ общество слѣдило за преніями о законахъ, которымъ теперь подчинена французская журналистика, конечно, уменьшался съ каждымъ днемъ, когда открылось, что эти пренія не поведутъ ни къ какому непосредственному практическому результату, и, такимъ образомъ, правительство увидѣло наконецъ возможность выступить энергичнѣе прежняго для прекращенія полемики, ему непріятной. Въ „Монитёрѣ" 27 сентября явилось слѣдующее объявленіе:

„Подъ предлогомъ доказать, что журналистика не свободна, многія газеты производили на декретъ 17 февраля 1852 года нападенія, выходящія изъ крайнихъ предѣловъ права разбора.

„Уваженіе къ закону нераздѣльно съ пользованіемъ законною свободою.

„Противъ писателей, забывающихъ это уваженіе, правительство могло бы воспользоваться властью, ему принадлежащею. Оно не хочетъ дѣлать этого послѣ недавней, добровольно принятой имъ мѣры, освободившей періодическія изданія отъ замѣчаній, которымъ они подверглись.

„Правительство, оставаясь вѣрно своимъ принципамъ умѣренности, не можетъ также не исполнять лежащей на немъ обязанности охранять уваженіе къ закону.

„Итакъ, оно добросовѣстно предупреждаетъ газеты, что оно рѣшилось не допускать болѣе полемическихъ излишествъ, которыя должны считаться интригою партій".

Но и это объявленіе не произвело всего дѣйствія, какого ожидало отъ него правительство. Тѣ изъ газетъ, которыя особенно сильно полемизировали противъ декрета 17 февраля, помѣстили на другой день статьи, говорившія, что онѣ не хотятъ принимать такого истолкованія ихъ прежнихъ статей и должны еще разъ повторить, что остаются при своемъ мнѣніи. Siècle, напримѣръ, объявилъ, что объявленіе „Монитёра" не относятся къ нему, потому что онъ никогда не допускалъ „излишествъ" въ своей полемикѣ, и потому онъ считаетъ себя сохраняющимъ право продолжать свои требованія объ измѣненіи законовъ, опредѣляющихъ положеніе журналистики. Presse объявила, что объясненіе „Монитёра" не измѣняетъ положенія дѣлъ, потому что все-таки должны сохранять силу прежнія увѣренія правительства о томъ, что журналистика имѣетъ право подвергать контролю правительственные акты.

Полемика продолжалась еще нѣсколько времени, и даже осторожный „Journal des Débats" отважился вновь помѣстить двѣ или три статьи, по прежнему доказывавшія неудобство нынѣшнихъ законовъ о журналистикѣ. Но, давно потерявъ свой практическій интересъ, полемика постепенно и незамѣтно наконецъ прекратилась.

ПРИНИМАЕТСЯ ПОДПИСКА НА ПОЛНОЕ СОБРАНІЕ СОЧИНЕНІЙ

Н. Г. ЧЕРНЫШЕВСКАГО

въ 10 томахъ большаго формата съ 4 портретами

(около 400 печ. лист.).

Изданіе М. Н. Чернышевскаго.

Содержаніе: т. I.—Критика и библіографія. (Отеч. Зап. 1853—1858; Атеней 1858; Соврем. 1853—1855).—Портретъ автора 1853 г.

„ II.—Критика и библіографія.—Очерки Гоголевскаго періода русск. литературы. — Замѣтки о журналахъ 1856 г. (Соврем. 1856).

„ III.—Критика и библіографія.—Замѣтки о журналахъ 1857 г.—Статьи по крестьянскому вопросу.—Лессингъ (Соврем. 1857 г.).

„ IV.—Статьи по крестьянскому вопросу. — Статьи экономическія (Соврем. 1858—1859).

„ V.—Отдѣлъ „Политика“ изъ Современника 1859 г.

„ VI.—Критика и библіографія. — Статьи экономическія. — Отдѣлъ „Политика“ (Соврем. 1860).

„ VII.—Милль, политическая экономія, переводъ и примѣчанія (Соврем. 1860—1861).—Портретъ 1859 г.

„ VIII—Критика и библіографія. — Статьи экономическія. — Отдѣлъ „Политика“ (Соврем. 1861).

„ IX.—Статьи экономическія. — Отдѣлъ „Политика“. — Романъ „Что дѣлать?“ (Соврем. 1862—1863). Портретъ 1864 г.

„ X.—Отдѣльныя статьи.—Статьи послѣдняго времени.—(Эстет. отношенія искусства къ дѣйствительности. — Прологъ пролога.—Записка о дѣлѣ старообрядцевъ.—Повѣсть „Вечера у княгини Старобѣльской“.—Замѣтки о Некрасовѣ и др.).—Портретъ 1888 г.

ПОДПИСКА — принимается въ книжныхъ магазинахъ Н. П. Карбасникова (СПБ.—Литейный пр., 46; Москва — Моховая ул., д. Баженова; Варшава — Новый Свѣтъ, 69; Вильна — Большая ул., д. Гордона), а также и въ другихъ книжныхъ магазинахъ.

ЦѢНА — по подпискѣ до выхода въ свѣтъ послѣдней книги: 15 руб. безъ пересылки и 20 руб. съ пересылкою; по выходѣ въ свѣтъ послѣдней книги цѣна будетъ повышена. Книжные магазины и всѣ, имѣющіе надобность по дѣламъ изданія, обращаются въ складъ изданія въ книжномъ магазинѣ Н. П. Карбасникова (СПБ., Литейный пр., 46).

РАЗСРОЧКА — подписной платы допускается на слѣдующихъ условіяхъ:

1) для городскихъ подписчиковъ: при подпискѣ уплачивается 2 руб. и при полученіи первой книжки—3 р.; при полученіи слѣдующихъ 5 книжекъ—по 2 р. за каждую, а всего 15 р. Остальныя 4 книжки выдаются безплатно.

2) для иногородныхъ: при подпискѣ—2 р. и при полученіи первой книжки—3 р.; за послѣдующія 7 книжекъ уплачивается по 2 р. и за девятую — 1 р., а всего 20 р.—Десятая книжка выдается безплатно.

ПРИМѢЧАНІЕ ИЗДАТЕЛЯ.—Для удобства изданія книги будутъ выходить въ свѣтъ не по порядку нумераціи томовъ. Первую книжку (т. VII, Милль) предполагается выпустить 1 ноября 1905 г. и затѣмъ каждое первое число будетъ выходить по книжкѣ. Все изданіе будетъ закончено осенью 1906 г.

(Вышли томы VII, VI, VIII, III и IV).

PG
3321
C6
1906
t.8

Chernyshevskiĭ, Nikolaĭ
Gavrilovich
Polnoe sobranie sochineniĭ

PLEASE DO NOT REMOVE
CARDS OR SLIPS FROM THIS POCKET

UNIVERSITY OF TORONTO LIBRARY